

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

ТОМЪ XXXV

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XXXV

1889

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1889

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. I—V. Графа Е. А. Салтиса.	7
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панасовой). Гл. I и II.	30
III. Международныя сношенія Россіи съ германскими государствами. В. А. Вильбасова.	67
IV. Отрывки изъ воспоминаній (I. Подвигъ священника Пятибокова.— II. Неудачный штурмъ Арабъ-Табіи.— III. Пожаръ Апраксина толкучаго рынка.— IV. Казнь Гудзевича). А. С. Харламова.	86
V. Черемисская Офелія. (Бытовой очеркъ). К. П. Горбунова.	106
VI. Родители Гоголя. Гл. I и II. В. И. Шенрока.	119
VII. Памяти графа М. М. Сперанскаго. Н. П. Дружинина.	141
VIII. Высшая полиція при императорѣ Александрѣ I. А. П. Мальшинскаго.	165
IX. Попытка герцога Савойскаго вѣнчаться королемъ Болгаріи, Сербіи, Герцеговины, Босніи и Македоніи. Н. Н. Фирсова.	180
X. Современная Персія. (Очеркъ). Гл. I—III. А. Н. Молчанова.	186
Иллюстраціи: Аудіенцъ-зала въ Тегеранскомъ дворцѣ.—Лѣтній дворецъ шаха въ Эзелі.—Горный видъ въ южной Персіи.—Портретъ персидскаго наследнаго принца.—Горная тропа въ Персіи.—Персидскій мостъ.—Правительственный театр въ Тегеранѣ.	
XI. Критика и библиографія: Ростовчинскія афиши 1812 года. Библиографическое изданіе въ 300 экземплярахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1889. С. Тр—ева. —Революціонный анабаптизмъ. А. Михайлова. Спб. 1889. А. И. Ф. —Врачи у древнихъ римлянъ. Эпиграфическіе очерки Алексѣя Стрѣльцова, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. 1-е и 2-е изд. Москва. 1888. И. Цѣтсва. —Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Е. Шмурло. Спб. 1888. П. П. —Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и провѣщенію. М. И. Сухомлинова. Томъ первый. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1889. С. Тр—ва. — Викторъ Пругавинъ. Русская земельная община въ трудахъ ея чѣстныхъ изслѣдователей. Москва. 1888. Н. С. Н. —Les publications de la société impériale historique russe de Saint-Petersbourg, par V. de Bilbassow. Paris. 1888. В. З. —«Фаустъ» Гете. Обѣ части, въ переводѣ А. Фета, съ гравюрами и эстампами Энгельберта Зейбертца. Изданіе А. Θ. Маркса. Спб., 1888. Н. Н. — Сергій Атава (С. Н. Терпигоревъ). Потревоженные тѣни. Спб. 1888. П. П. —Холмскій народный календарь на 1889 годъ. Изданіе Холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства. Годъ пятый. Кіевъ. 1888. М. Г—цнаго. —Историческая записка о Ставропольской гимназіи. Составилъ преподаватель М. Красновъ. Ставрополь-Кавказскій. 1888. Б. Г. —Каталогъ христіанскихъ древностей, собранныхъ московскимъ купцомъ Н. М. Постниковымъ. Съ 45 рисунками-фотогравюрами. Москва. 1888. П. —Опытъ обработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Разсужденіе представленное для полученія степени доктора медицины лекаремъ Николаемъ Эккомъ. Спб. 1888. Г.	215
XII. Заграничныя историческія новости	235
XIII. Изъ прошлаго. Къ біографіи А. Н. Радичева. Сообщено М. И. Сухомлиновымъ. —Нелѣпые толки. Сообщено А. А. Танковымъ.	244
XIV. Смѣсь: Прологодніе юбилей: С. В. Максимова, К. С. Веселовскаго, И. Д. Делянова, Э. И. Тилло. —Археологическое Общество.—Памятникъ крещенія Руси.—Откуда взялось имя Ермакъ. —Поясъ Пугачева. —Слѣды «побратимства» въ русскихъ народныхъ обычаяхъ.—Отчетъ литературно-драматическаго Общества (нынѣ русское литературное Общество) за 1887—1888 годъ.—Историческій очеркъ пятидесятилѣтній дѣятельности музыкальнаго журнала «Нувелистъ».—Некрологи: А. Л. Куна, А. М. Герсена, К. К. Эрдель, М. А. Азаревичъ (Волотовской), И. А. Шестакова, В. А. Купреанова, А. Г. Жюини.	248
XV. Замѣтки и поправки: По поводу «Сторій о Господѣ и землѣ». Н. Горбунова. —Результаты конкурса на составленіе исторіи Архангельска на премію М. К. Сидорова. Н. Ер. —0 портретахъ М. С. Щепкина. Н. И. Барсова.	261
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Маріи Ивановны Гоголь. 2) Портретъ шаха персидскаго Нассръ-Эддина. 3) Мазаниелло. Историческій романъ Адольфа Глазера. Гл. I и II (съ тремя рисунками въ текстѣ и однимъ рисункомъ на отдѣльномъ листѣ) 4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина.	

МАРЬЯ ИВАНОВНА ГОГОЛЬ.

Съ портрета, сдѣланнаго въ 1852 году.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СВЪ., 28 ДЕКАБРЯ 1888 Г.

О ПОДПИСКѢ
НА
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“
въ 1889 году.
(ДЕСЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1889 году на тѣхъ же основаніяхъ и по той же программѣ, какъ и въ предшествовавшіе девять лѣтъ (1880—1888).

Подписная цѣна за двѣнадцать книженъ въ годъ (со всѣми приложениями) десять рублей, съ пересылкой и доставкой на домъ.

Въ 1889 году, въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ будутъ напечатаны, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи: историческій романъ графа Е. А. Саліаса, историческія повѣсти Д. Л. Мордовцева, П. Н. Полевого и Ѳ. Ѳ. Тютчева; записки и воспоминанія: Н. Я. Аванасьева, С. Б. Броневскаго, А. Я. Головачевой (Панаевой), В. Р. Зотова, Р. М. Зотова, Г. В. Карцева, Н. В. Кукольнина, А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, А. В. Скалонъ, А. В. Старчевскаго, И. Р. Тимченко-Рубана, А. С. Харламова и др.; историческія статьи и очерки: А. В. Арсеньева, П. В. Безобразова, В. А. Бильбасова, А. К. Бороздина, А. Г. Брикнера, Е. М. Гаршина, Б. Б. Глинскаго, К. П. Горбунова, М. И. Городецкаго, Н. А. Добротворскаго, Н. П. Дружинина, И. И. Дубасова, А. В. Елишева, Н. Е. Ермилова, Г. В. Есипова, Д. И. Илозайскаго, П. П. Каратыгина, А. И. Кирпичникова, А. И. Корсакова, Д. А. Корсакова, А. П. Мальшинскаго, А. П. Милюкова, А. Н. Молчанова, А. И. Незеленова, Н. Н. Оглоблина, Е. Н. Опочинина, Н. И. Петрова, П. Н. Полевого, В. А. Потто, Е. В. Пѣтухова, М. С. Робуша, Д. Д. Рябинина, А. Н. Сиротинина, С. Т. Славутинскаго, Н. В. Соронина, М. И. Сухомлинова, А. А. Танкова, С. С. Татищева, С. Н. Терпигорева, С. П. Тимошеева, А. А. Титова, А. С. Трачевскаго, С. С. Трубачева, Ѳ. М. Уманца, Н. Н. Фирсова, В. В. Чуйко, В. И. Шенрона, Д. Д. Языкова, Д. И. Эварницкаго и др.

Многія изъ статей названныхъ авторовъ будутъ иллюстрированы портретами и рисунками.

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ 1889 года будетъ печататься, въ переводѣ съ нѣмецкаго, иллюстрированный историко-бытовой романъ изъ эпохи XVII столѣтія, Адольфа Глазера, подъ заглавіемъ „Мазаниелло“.

Главная контора „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, № 38. Отдѣленія конторы въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ, при находящихя въ этихъ городахъ отдѣленійхъ книжнаго магазина „Новаго Времени“.

О ПОДПИСКѢ

на сооруженіе памятника

В. Н. КАРАЗИНУ.

Въ 1872 г., по случаю столѣтней годовщины дня рожденія Василя Назарьевича Каразина, столь много потрудившагося для русскаго просвѣщенія, Совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, который обязанъ своимъ основаніемъ Каразину, обратился къ правительству съ ходатайствомъ объ открытіи повсемѣстной подписки на сооруженіе въ Харьковѣ памятника этому общественному дѣятелю. По докладу министра внутреннихъ дѣлъ, 11-го апрѣля 1875 г., государь императоръ высочайше разрѣшилъ означенную подписку. До настоящаго времени пожертвованій на памятникъ Каразину поступило всего лишь 6,500 рублей (въ томъ числѣ 5,000 рублей отъ Харьковскаго земства). Такую скудость частныхъ пожертвованій Совѣтъ Харьковскаго университета объясняетъ не отсутствіемъ сочувствія въ обществѣ къ предпріятому дѣлу, а почти совершенной неизвѣстностью о существованіи высочайше разрѣшенной подписки. Съ цѣлью распространенія въ обществѣ свѣдѣній о подпискѣ и, вообще, для приведенія дѣла о сооруженіи памятника къ скорѣйшему и наилучшему окончанію, Совѣтъ, между прочимъ, препроводилъ въ редакцію «Историческаго Вѣстника» подписной листъ, съ просьбой оказать возможное содѣйствіе въ сборѣ пожертвованій.

Означенный подписной листъ находится въ конторѣ «Новаго Времени» (уголъ Невскаго пр. и Михайловской ул., № 38), куда лица, желающія почтить память В. Н. Каразина, и могутъ направлять свои пожертвованія, лично или письменно. Собранная сумма, по мѣрѣ ея накопленія, будетъ препровождаться въ Совѣтъ Харьковскаго университета, а имена жертвователей будутъ своевременно опубликованы.

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЬ.¹⁾

Историческій романъ.

I.

БЫЛИ ПОСЛѢДНІЯ числа октября. По большой дорогѣ, не вдалекѣ отъ рѣки Волхова, двигался тихо дорожный экипажъ. Зима еще не наступила, саннаго пути еще не было, но вся окрестность, освѣщенная полумѣсяцемъ, бѣлѣлась сплошь покрытая тонкимъ слоемъ снѣга и только дорога черной полосой расчеркнула по полямъ пустынную бѣлую равнину. Карета, запряженная четверкой «вольныхъ» лошадей, могла бы двигаться гораздо скорѣй, такъ какъ дорога была отличная, но ямщикъ постоянно сдерживалъ и оглядывался. Ему было строго приказано не уѣзжать далеко отъ ѣхавшихъ сзади двухъ бричекъ.

Въ каретѣ сидѣлъ Шумскій и рядомъ съ нимъ Авдотья Лукьяновна. Они ѣхали изъ Петербурга въ Грузино и теперь были отъ него верстахъ въ трехъ. Шумскій сильно похудѣлъ, поблѣднѣлъ, но, кромѣ того, въ лицѣ его совершилась какая-то странная перемена, которая бросалась въ глаза. Взглядъ всегда упорный и пронизательный, вспыхивавшій зачастую яркимъ огнемъ, теперь былъ совершенно иной. Взоръ какъ-то потухъ, уже не горѣлъ попреж-

¹⁾ Романъ «Аракчеевскій подкидышъ» составляетъ продолженіе романа «Аракчеевскій сынокъ», напечатаннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прошлаго года.

нему, но сталь еще болѣе жесткій. Въ немъ не было прежней открытой смѣлости и беззаботной дерзости, а было лишь что-то сдержанно злое. На все лицо легла какая-то тѣнь озлобленія. Онъ даже держался иначе, сидѣлъ и двигался нѣсколько сторбившись, нѣсколько поникнувъ головой.

По всей фигурѣ Шумскаго можно было догадаться, что надъ нимъ разразился такой ударъ, отъ котораго большинство людей не оправляются, который можно пережить физически, но трудно пережить нравственно. Его мать измѣнилась тоже.

Рядъ бессонныхъ ночей, душевныя муки и раскаяніе въ опрометчивомъ шагѣ, погубившемъ ея «божество»—все пережитое женщиной за это время отъ всѣхъ ея бесѣдъ съ сыномъ, наконецъ, принятое имъ роковое рѣшеніе,—все это подѣйствовало на нее такъ сильно, что природа хотя и крѣпкая все-таки сдалась. Авдотья постарѣла сразу лѣтъ на десять. Еще недавно въ головѣ ея лишь кое-гдѣ блестѣлъ сѣдой волосъ, теперь же виски совершенно побѣлѣли, а на лбу легли двѣ глубокия морщины.

Всю дорогу мать и сынъ ни о чемъ не говорили. Еще въ Петербургѣ Авдотья Лукьяновна много разъ принималась умолять Шумскаго не губить себя, не предпринимать никакого рокового шага, не терять своего положенія, но онъ только печально улыбался и отворачивался. Женщина видѣла, что никакія силы въ мірѣ не заставятъ его измѣнить злобно-принятаго рѣшенія, по отношенію къ мнимымъ родителямъ.

Теперь, уже приближаясь къ Грузину, они молчали и за послѣднюю станцію въ каретѣ не было произнесено ни единого слова. Наконецъ, не вдалекѣ показались кой-гдѣ огоньки, а путь преградила вдругъ рѣка, темнѣвшая среди ровныхъ, отлогихъ береговъ, частью покрытыхъ мелколѣсьемъ.

— Вотъ и пріѣхали, — тихо проговорилъ Шумскій какъ бы самъ себѣ и слегка взволнованнымъ голосомъ.—Можетъ въ послѣдній разъ.

Авдотья вздохнула и ничего не отвѣтила, но черезъ нѣсколько минутъ укладкой достала платокъ и стала сморкаться.

— Ты опять плакать, — выговорилъ Шумскій.—Удивительный народъ, бабы, т. е. женщины. Какъ это вы можете ревѣть безъ конца все изъ-за одного и того же предмета. Ну, поплакала, обмочила слезами какой предметъ со всѣхъ сторонъ. Ну, и довольно. А какъ же безъ конца-то?..

Очевидно молодой человѣкъ хотѣлъ пошутить, но голосъ его былъ грустный и хриплый.

— Михаилъ Андреевичъ, голубчикъ, Мишенька, — заговорила Авдотья.—Еще время одуматься. Не губи себя! Повидайся и уѣзжай опять въ Питеръ. Вѣдь не уйдетъ. Всегда можешь съ ними перетолковать. А ну какъ потомъ самъ расскаешься.

— Матушка, — угрюмо и сурово отозвался Шумскій, — вѣдь я отъ тебя эти самыя слова нѣсколько сотъ разъ слышалъ, а можеть и тысячу. Что же ты все повторяешь одно и то же. Сто разъ ты всякими святыми угодниками мнѣ божилась даже не зачинать снова этого разговора. И никуда твоя божба не привела. Лучше погляди, за нами ли брички.

Авдотья вытерла глаза и, опустивъ каретное стекло, высунулась въ окно.

— Нѣтъ никого, — отвѣтила она, снова садясь, — должно отстали.

— Такъ вели этому олуху обождать, — отозвался Шумскій.

Авдотья снова высунулась и велѣла ямщику остановить лошадей.

Когда экипажъ сталъ, мужикъ слѣзъ съ козелъ, обошелъ свой четверикъ и, поправивъ кое-что въ сбруѣ, снова лѣниво полѣзъ на мѣсто.

Шумскій сидѣлъ недвижно и задумчиво смотрѣлъ въ окно на подумѣящъ.

Авдотья искоса поглядывала на него, хотѣла заговорить, но боялась.

Черезъ нѣсколько мгновений двѣ брички, запряженныя тройками, приблизились къ ожидавшей ихъ каретѣ. Въ передней сидѣли рядомъ двѣ фигуры, въ которыхъ было что-то странное на видъ. Всюду, гдѣ проѣхали они днемъ, народъ невольно заглядывался на нихъ, замѣчая что-то особенное.

При взглядѣ даже поверхностномъ на эти лица видно было, что эти путники находятся въ исключительномъ нравственномъ состояніи.

Это были: Пашута и ея братъ, Копчикъ.

Шумскій, давно собиравшійся послать въ Грузино виновныхъ, разсудилъ, наконецъ, привести ихъ самъ, но теперь, приближаясь къ вотчинѣ графа, молодой человекъ еще не рѣшилъ мысленно ихъ судьбу и самъ не зналъ, что онъ скажетъ о нихъ Аракчееву. Просто ли привезъ онъ обратно его двухъ крѣпостныхъ людей, или же онъ скажетъ все, иначе говоря, обречетъ ихъ на всякія пытки.

Во второй бричкѣ ѣхалъ Шванскій, а съ нимъ рослый солдатъ, взятый въ Петербургъ про всякій случай. Одинъ Шумскій зналъ, зачѣмъ онъ приказалъ Шванскому застисъ такимъ адъютантомъ. Онъ опасался, что дорогой Пашута и Копчикъ сбѣгутъ, предпочитая сбѣгаться бѣглыми, нежели возвращаться въ кабалу графа и его любимицы.

Когда спутники подѣхали, всѣ три экипажа двинулись далѣе и, проѣхавъ около четверти версты, остановились на берегу, гдѣ былъ перевозъ. Паромъ при ихъ появленіи отчалилъ къ нимъ съ противоположной стороны, гдѣ высились и бѣлѣлись зданія и соборъ пресловутой Аракчеевской «мызы».

II.

Шумскій не сразу рѣшился ѣхать въ Грузино.

За послѣднее время въ его домѣ, въ Петербургѣ, было мертво тихо. Около недѣли въ его квартирѣ жизнь, казалось, ни чѣмъ не проявлялась и какъ бы замерла. Не смотря на то, что въ квартирѣ было до десяти душъ обитателей, тишина никѣмъ и ничѣмъ не нарушалась по цѣлымъ днямъ.

Вечеру всѣ окна на улицу были темны и только въ угловой комнатѣ-спальнѣ виднѣлся свѣтъ. Шумскій никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ. Онъ сказывался больнымъ, но былъ въ состояннн, конечно, во сто кратъ худшемъ, чѣмъ самая трудная болѣзнь. Его разсудокъ долго никакъ не могъ свыкнуться съ тѣмъ, что громовымъ ударомъ разразилось надъ нимъ.

Мысль, что его кормилица и нянька, хотя страстно-любящая его со дня рожденія, но глупая и нелѣпая баба, къ тому же крѣпостная холопка, вдругъ оказалась его родной матерью, эта мысль страшнымъ гнетомъ давила разумъ и сердце, но не укладывалась ни въ мысли, ни въ чувства. Сознаніе возмущалось фактомъ.

Шумскій надломленный, разбитый, не только нравственно пораженный, но совершенно уничтоженный, въ первые дни не приходилъ въ озлобленіе, у него не было вспышекъ ненависти и злобы,—была одна беспомощность. Онъ былъ какъ бы смертельно раненъ, и къ тому же убѣжденъ, что не найдетъ въ себѣ средствъ бороться, что не сможетъ силой воли справиться съ этой смертельной раной и выздоровѣть.

По сту разъ въ день повторялъ онъ мысленно, или шопотомъ:

— Холопъ крѣпостной! Хамъ!.. Да. Вотъ такое же хамово отродье, какъ Копчикъ и другіе. Что толку, что артиллерійскій офицеръ и флигель-адъютантъ... Дворянинъ, но изъ холоповъ!

Иногда, закрывъ лицо руками, онъ, какъ ребенокъ, тоскливо-капризнымъ голосомъ, приговаривалъ:

— Да не хочу я этого, не хочу...

Послѣ того рокового мгновенья, когда Авдотья, почти бросившись ему въ ноги, объявила ему, что она ему мать,—Шумскій двое сутокъ не видалъ ее, ибо не могъ заставить себя повидаться.

Сотни всякихъ самыхъ нелѣпыхъ намѣреній, мыслей и затѣй проходили чрезъ его разгоряченную голову. Онъ собирался и застрѣлиться, и топить, и ничего, ровно ничего не сдѣлать. Послѣднее казалось ему, однако, самымъ мудренымъ. Какъ взбѣшенные человѣкъ и звѣрь, равно не могутъ удержаться спокойно на мѣстѣ, такъ и Шумскій теперь, пораженный въ сердце, оскорбленный и потрясенный, не могъ примириться съ мыслью, которую подсказывало ему себялюбіе.

«Все бросить!»

Нѣтъ. Надо было дѣйствовать, и злостно, жестоко. Душа требовала мести. Кому?—Всѣмъ! И виновникамъ его несчастія и позора, и тѣмъ кто неповиненъ въ его горѣ, но виновенъ, въ томъ, что самъ счастливъ и никогда не былъ и не будетъ въ такомъ унижительномъ положеніи.

И Шумскій рѣшился ѣхать въ Грузино—мстить.

На третій день послѣ признанія Авдотьи онъ, наконецъ, вызвалъ ее къ себѣ, встрѣтилъ ее у порога спальни и обнялъ... Но обнялъ молча, быстро, не ловко...

Женщина горько зарыдала. Онъ потянулъ ее за руку и, тяжело переводя дыханье, усадилъ на диванъ и сѣлъ противъ нея, смущенно глядя ей въ лицо, будто стыдясь самъ своего взгляда.

— Расскажи мнѣ все теперь,—шепнулъ онъ, наконецъ.—Всю эту адскую напасть, всю эту дьявольщину.

Авдотья поняла значеніе словъ этихъ по своему. Она стала рассказывать, какъ она довѣрила свою тайну Пашутѣ, думая этимъ заставить дѣвушку, спасенную ею отъ смерти—дѣйствовать изъ благодарности въ пользу ея родного сына и безпрекословно ему повиноваться.

Шумскій прервалъ мать тотчасъ и объяснилъ, что онъ хочетъ иное знать, какъ попалъ въ сыновья графу Аракчееву.

Авдотья Лукьяновна потушилась виновато, снова заплакала и, наплакавшись, начала рассказъ.

Будучи еще дѣвченкой она была въ услуженіи у одного управителя—графскаго, но вскорѣ ее выдали въ наказанье за неказистаго парня-бобыля.

Она зажила съ мужемъ въ деревушкѣ верстахъ въ десяти отъ Грузина, мирно и согласно, но бѣдствовала, такъ какъ земли имъ не дали и они нищенствовали. Дѣтей у нея было только двѣ дѣвочки, но обѣ не долго прожили. Прошло лѣтъ семь, и она вдругъ овдовѣла, но, схоронивъ мужа, осталась послѣ него беременной. Тогда къ ней явилась одна женщина, нежданно-негаданно. Это была старуха, нынѣ умершая, по имени Домна.

Познакомясь, Домна стала бывать часто, возила подарки и ласково подолгу бесѣдовала съ ней, «жалилась» надъ ея вдовьимъ сиротствомъ и нищетой.

Наконецъ, однажды, эта Домна Кондратьевна предложила ей устроить ея жизнь такъ, что всякій позавидуетъ. вмѣсто худой избы и жизни въ проголодь—она будетъ жить въ довольствѣ, счастіи, даже богатствѣ... А будущій ребенокъ ея, если только онъ будетъ мальчикъ а не дѣвочка—будетъ ходить въ шелку и въ бархатѣ, будетъ барченкомъ, а потомъ и знатнымъ бариномъ не ниже графа Аракчеева... Но все это можетъ устроиться съ условіемъ отказать отъ ребенка, и передать его въ чужія невѣдомыя руки.

Авдотья Лукьяновна наотрѣзъ отказалась.

Черезъ недѣлю Домна Кондратьевна явилась опять въ деревушку и предложила другія условія. Ребенка не отнимуть у нея совсѣмъ, а только «на словахъ», такъ какъ господа ее самую возьмутъ въ домъ въ качествѣ кормилицы къ младенцу, а потомъ оставятъ и нянькой при немъ навсегда.

Авдотья Лукьяновна робѣла этой затѣи и готова была снова отказаться, но Домна Кондратьевна объявила ей, что въ случаѣ отказа на это предложеніе ее сживутъ со свѣта и по малой мѣрѣ «подведутъ подъ законъ» и посадятъ въ острогъ, а потомъ сошлютъ въ Сибирь. А при этомъ, при семь, ея ребенокъ, конечно, помретъ...

На замѣчаніе Авдотьи, что кто же посмѣетъ ее, крѣпостную графа Аракчеева, пальцемъ тронуть, Домна объявила, что она именно и является изъ Грузина отъ лица самой графской любимицы Настасьи Федоровны, которая именно и сживетъ Авдотью въ случаѣ ея несогласія на этотъ уговоръ.

Узнавъ, съ кѣмъ она будетъ дѣло имѣть, куда возьмутъ ея ребенка и чѣмъ онъ станетъ, Авдотья, разумѣется, испугалась на-смерть. Но послѣ долгихъ колебаній, женщина должна была согласиться, такъ какъ другого исхода не было.

Домна Кондратьевна объяснила тогда подробно хитрую и преступную затѣю барской барыни графа.

Настасья Федоровна, видя, что не можетъ имѣть отъ графа ребенка, рѣшила притвориться и сказаться беременной, разумѣется загодя, по расчету времени... Графъ повѣритъ, конечно, повѣритъ ей на слово и ближе дѣло разбирать не станетъ.

Уговоръ сдѣланъ у Настасьи Федоровны съ тремя крестьянками околodka, помимо Авдотьи. Всѣ онѣ, конечно, находятся по расчету въ одинаковомъ положеніи. У кого изъ нихъ у первой родится мальчикъ, ту и возьмутъ въ Грузино съ ребенкомъ. Если изъ нихъ какая проболтается теперь, то ее тотчасъ же запорятъ на-смерть или сошлютъ въ Сибирь.

Авдотья, узнавъ все и согласившись страха ради, все-таки такъ маялась отъ всей этой затѣи, такъ дрожала и болѣла сердцемъ за свое будущее дѣтище, что собиралась даже бѣжать... Ее остановилъ сонъ.

Привидѣлся ей покойникъ Иванъ Васильевичъ, т. е. мужъ, который сказалъ ей, что у нея родится дѣвочка и все сойдетъ благополучно.

Однако, сонъ не сбился. Напрасно Авдотья надѣялась, что у нея будетъ дочь, напрасно ждала тоже, что которая-либо изъ другихъ крестьянокъ разрѣшится отъ бремени мальчикомъ прежде нея.

Прошло восемь мѣсяцевъ со дня знакомства и уговора обѣихъ женщинъ, и однажды ночью Домна Кондратьевна пріѣхала за Ав-

дотьей и увезла ее въ Грузино, какъ бы ворованную поклажу. Ее помѣстили въ одной избѣ, но запретили казаться людямъ на глаза.

Недѣли за двѣ до этого, другая женщина, солдатка, родила прижитую на сторонѣ дѣвочку въ этой же избѣ, но какъ говорили исчезла вмѣстѣ съ ребенкомъ безъ слѣда... Черезъ недѣлю послѣ приѣзда Авдотьи, жившая по сосѣдству съ ней баба, тоже привозная изъ деревни, родила тоже мальчика, но онъ умеръ на другой же день, а мать какъ сквозь землю провалилась.

Судьба хотѣла, Господь судилъ, что бы именно дѣтище Авдотьи явилось дѣйствующимъ лицомъ въ преступной затѣѣ Аракчеевской барыньки.

Авдотья въ свой чередъ разрѣшилась отъ бремени не только не дѣвочкой, но даже здоровеннымъ и красивымъ мальчугомъ, кровь съ молокомъ.

И чрезъ три дня, тайкомъ, послѣ полуночи, она вмѣстѣ со спрятаннымъ въ корзину ребенкомъ очутилась во флигелѣ дома грузиновскихъ палатъ и дико озиралась на все и на всѣхъ со страху.

Настасья Федоровна приняла ее ласково, тотчасъ легла въ постель и начала стонать и кричать.

Подъ окнами сновала дворня, но при ней самой находились лишь три женщины: любимица Агаѳониха, Домна, и привезенная въ качествѣ кормилицы Авдотья...

На зарѣ узнали въ усадьбѣ и на селѣ, что Настасья Федоровна разрѣшилась отъ бремени сыномъ.

И тотчасъ же гонецъ поскакалъ въ Петербургъ извѣстить графа объ радостномъ событіи. Судьба даровала ему давно желаннаго наслѣдника.

На всякого мудреца довольно простоты.

III.

Послѣ этого разсказа или исповѣди, Шумскій снова два дня не видалъ Авдотьи, снова сидѣлъ безвыходно въ своей спальнѣ, не впуская никого къ себѣ.

За это время отношенія его къ матери какъ бы перерождались, озлобленіе стихало, наступило примиреніе съ ней, ни въ чемъ не повинной и любящей его.

Когда Авдотья кончила свой разсказъ, Шумскій не сразу отпустилъ ее. Онъ глубоко задумался и долго сидѣлъ молча предъ ней, а затѣмъ едва слышно выговорилъ: «Уйди». Когда женщина была у дверей и переступала порогъ горницы, что-то вдругъ шевельнулось на сердцѣ молодого человѣка. Онъ вдругъ протянулъ обѣ руки, хотѣлъ остановить эту женщину, будто хотѣлъ горячо обнять родную мать, но черезъ мгновеніе махнулъ рукой и выговорилъ громче:

«Ступай!» Теперь же онъ совѣстился, что сдержалъ тогда въ себѣ добрый порывъ сердца.

Однако, черезъ два дня, выйдя въ корридоръ и увидя въ прихожей нѣсколько фигуръ за самоваромъ мирно и тихо пьющихъ чай, а въ томъ числѣ Копчика, швею Марюшу и ее, эту крестьянку, няньку, и родную мать, Шумскій сталъ недвижно и долго глядѣль на нее черезъ весь темный корридоръ. И вдругъ сердце заныло и что-то шевельнулось въ немъ, что-то поднялось; краска ли бросилась въ лицо, или слезы просились на глаза. Онъ стоялъ нѣсколько мгновений, но уже не глядя туда, а опустивъ голову и, затѣмъ, прійдя въ себя, вернулся обратно въ спальню.

— Это невозможно,—выговорилъ онъ вслухъ.—Такъ нельзя! Надо что-нибудь сдѣлать? Вѣдь не могу же я... Вѣдь это невозможно...—и затѣмъ онъ прибавилъ нѣсколько разъ уже съ легкимъ раздраженьемъ:

— Невозможно, невозможно.

Невозможнымъ казалось ему то, что подсказало сердце. А оно подсказывало: сейчасъ же отдѣлить въ квартирѣ комнату, устроить и помѣстить тамъ не няньку, а мать, и, одѣвъ ее самою иначе, обращаться съ ней тоже иначе.

Но мысль, что мамка Авдотья станетъ жить у него барыней и матерью, все еще казалась ему затѣей, фальшивой, смѣшной, неестественной.

Если чувства нѣтъ, или то, что оно подсказываетъ, разумъ не оправдываетъ, то, конечно, и честный, сердечный поступокъ покажется одной комедіей. Какое платье на Авдотью теперь ни надѣнь, все-таки она останется крестьянкой и дурой мамкой.

На другой же день, однако, порядки въ домѣ измѣнились.

Бѣглая дѣвка графа Аракчеева—Пашута, была приведена полиціей къ Шумскому и Иванъ Андреевичъ Шванскій поневолѣ явился къ барину съ докладомъ, хотя тотъ и не позволялъ никому показываться на глаза.

— Прахъ ее возьми. Теперь она ни на чорта не нужна!—сказалъ Шумскій. Все-таки запри ее гдѣ-нибудь.

И тотчасъ же Шумскій обратился къ Шванскому съ вопросомъ:

— Не вилай, отвѣчай прямо, Иванъ Андреевичъ,—выговорилъ онъ сурово.—Ты все знаешь?

— Все-съ,—отозвался Шванскій, потушляясь.

— Знаешь, кто такая персона стала теперь Авдотья Лукьяновна?—грустно, но ѣдко улыкнулся Шумскій.

Шванскій началъ было говорить, но запнулся.

— Сказывай,—рѣзко произнесъ Шумскій,—нечего юлить, небось она съ тобой не скривничала.

— Точно такъ-съ,—заговорилъ Шванскій,—я очень убивался.

Авдотья Лукьяновна у меня вечеромъ сидѣла. Онѣ знаютъ, какъ я къ вамъ всѣмъ сердцемъ отношусь, и онѣ мнѣ повѣдали...

Голосъ Лепорелло слегка дрогнулъ. Шумскій поднялъ на него глаза и увидѣлъ, что на лицѣ Ивана Андреевича слезы. Это больно кольнуло его. Это сочувствіе или соболѣзнованіе было оскорбительно. Возбуждать въ комъ-либо къ себѣ жалость?—Шумскій не могъ себѣ и представить подобной мысли. А возбуждать къ себѣ жалость въ такой мрази, какъ Шванскій, это уже какое-то паде-ніе, кровное оскорбленіе, полный позоръ.

— Ну, не вой, какъ баба,—грубо выговорилъ Шумскій.—Что я, померь что ли? Мнѣ нужно дать ей горницу. Кромѣ твоей нѣтъ, стало быть, ты переѣзжай. Вѣстимо на время. Найми тутъ побли-зости комнату, а въ твоей надо ей помѣститься.

— Слушаю-съ, тутъ на дворѣ двѣ горницы отдаются.

— Ну, и переходи. А коли двѣ горницы отдаются, то сдѣлай милость и Васку съ собой бери, чтобы онъ мнѣ не служилъ. Изъ другихъ людей, чтобы никто не смѣлъ ко мнѣ входить. Надо найти, какого вольнаго, чтобы нанять мнѣ въ лакеи. Этихъ рожъ я видѣть не хочу. Нѣтъ ли бабы какой, горничной? Поищи. Стой,—вдругъ воскликнулъ Шумскій.—Пускай твоя Марѣуша служить мнѣ.

— Какъ же-съ, Михаилъ Андреевичъ,—возразилъ смущенно Шванскій.—Дѣло не подходящее. Все-таки швея.

— Пустое, я ее не заставлю черную работу дѣлать. Пускай только чай, да обѣдъ подасть мнѣ, чтобы мнѣ никого изъ этихъ идиоловъ не видѣть, а убирать спальню найми простую бабу.

— Дѣло-то, Михаилъ Андреевичъ, не совсѣмъ для Марѣуши...— началъ было снова Шванскій, но Шумскій отозвался тихо: «не разсуждай!»

Слово было сказано такимъ голосомъ, что противорѣчить было совершенно излишне и опасно.

— Пошли ее сейчасъ сюда,—произнесъ Шумскій послѣ паузы.

— Авдотью Лукьяновну?—спросилъ Шванскій.

Шумскій встрепенулся, какъ бы испугавшись, и тотчасъ слегка разсердился.

— Болванъ! Авдотью Лукьяновну устрой въ своѣй горницѣ и скажи, ну, отъ себя что ли, чтобы она ко мнѣ не ходила. Пошли сюда Марѣушу.

Шванскій сталъ было переминаясь съ ноги на ногу, на одномъ мѣстѣ, но потомъ двинулся къ двери, взялся за ручку. Здѣсь онъ снова обернулся къ Шумскому и трусливо выговорилъ:

— Марѣушу послать?

Шумскій поднялъ на своего наперстника глаза и пристально присмотрѣлся къ нему.

Вѣроятно Лепорелло ясно прочелъ что-нибудь въ этомъ взглядѣ, ибо мгновенно юркнулъ въ дверь, а черезъ минуту на томъ же по-

рогѣ стояла, смущаясь, Марѳуша. Однако, за эту минуту мысли Шумскаго унеслись такъ далеко, что, когда явилась молодая дѣвушка, то Шумскій слегка вздрогнулъ, присмотрѣлся пристальнѣе, потомъ отвелъ глаза въ сторону, вздохнулъ и понурился. Нѣчто вторично случилось съ нимъ. Пылкое чувство всколыхнулось отъ необъяснимаго сходства пригожей швейки съ нею, съ красавицей.

— Марѳуша, — выговорилъ Шумскій, — ты перейдешь сюда на жительство и будешь служить мнѣ, дѣлать то, что Копчикъ, кромѣ всего труднаго, грязнаго. На это дѣло наймутъ бабу.

— Угожу ли я? — едва слышно прошептала Марѳуша. — Боюсь, не съумѣю.

— Вздоръ. А за то, что это не твое дѣло, за то, что тебя изъ швей въ горничныя произведутъ, я тебѣ дамъ приданое, коли ты все-таки за этого чучелу Шваньскаго замужъ собираешься. Прослужишь у меня мѣсяцъ, два, я тебѣ 500 рублей дамъ.

Марѳуша оживилась и зарумянилась.

— Я не обману, коли разъ общаюсь.

— Какъ можно-съ! — громко воскликнула Марѳуша.

— Что, какъ можно-съ? — Не хочешь? — Что жъ ты дура со-всѣмъ.

— Нѣтъ-съ, я не про то. — Я говорю, какъ можно, чтобы вы обманули.

— Такъ согласна?

— Какъ же, помилуйте, Михаилъ Андреевичъ. Вѣдь это со-всѣмъ несообразна была бы. Я вѣдь не дура. Съ виду я такая, а я очень многое понимать могу.

— Такъ не хочешь стало?! — уже сердито вскрикнулъ Шумскій.

— Напротивъ, счастье мнѣ большое. — Очень рада служить вашей милости. Только явите Божескую милость, общайтесь одно только: не обижать меня опять тѣмъ же самымъ.

Шумскій не понялъ и переспросилъ. Марѳуша добродушно и наивно объяснила, что она всей душой рада служить барину и надѣется услужить не хуже Копчика, но просить только не опайвать ее опять дурманомъ. Шумскій грустно улыбнулся, вспомнивъ объ своей дикой шуткѣ. Сколько съ тѣхъ поръ воды утекло!

— Не бойся, Марѳуша, — ласковѣе произнесъ онъ. — Служи, не лѣнись, разыщи какую простую бабу себѣ въ помощницы и все будетъ хорошо. И ничѣмъ я тебя не обижу. Черезъ мѣсяцъ, два, когда все... — Шумскій остановился. Онъ хотѣлъ сказать: «все устроится» и мысленно разсмѣялся. «Что же устроится? подумалъ онъ. Все наоборотъ разстроится все пойдетъ къ чорту!»

— Черезъ мѣсяцъ или два, — снова заговорилъ онъ, — если со-берешься непременно выходить замужъ за этого мухомора Ивана Андреевича, то скажешь. Я тебѣ подарю приданое. Но не за твою

службу, не за то, что ты горничную изобразишь нѣсколько недѣль, а за то, чего ты и сама не знаешь...

Шумскій поднялся, приблизился къ Мареушѣ, взявъ ее за обѣ руки и потянулъ къ себѣ. Дѣвушка смутилась.

— За то, что ты, — взволнованнымъ голосомъ произнесъ онъ, — такъ уродилась, что похожа лицомъ на другую, на одну барышню. — Нѣтъ!.. Похожа на божество, которое живетъ на землѣ. Вотъ за то, что между вами обѣими есть какое-то диковинное сходство, я для тебя все сдѣлаю, и теперь, и послѣ. Между тобой и ею пропасть, да и лицо твое совсѣмъ не такое, какъ ея. Но издали, въ сумеркахъ... Ну да что говорить! Это не твое дѣло!.. Такъ вотъ поди скажи вновь Ивану Андреевичу про горницу для Авдотьи Лукьяновны. Потомъ скажи, угнать всю мою араву вонъ изъ дома, чтобы мнѣ не видѣть никого изъ нихъ. А ты берись сейчасъ и управляй всѣмъ въ домѣ.

— Слушаю-съ, — кротко и ласково отозвалась Мареуша, глядя въ глаза Шумскому.

Молодой человѣкъ увидѣлъ въ синихъ, красивыхъ глазахъ швеи, которые въ полумракѣ такъ напоминали иной взоръ, неподдѣльное оживленіе, даже радость.

Мареуша была настолько обрадована предложеніемъ, что лицо ея просіяло, стало такимъ, какимъ Шумскій ни разу еще не видалъ его. Онъ удивился и, продолжая стоять предъ ней, держа руками за обѣ руки, молча, долго смотрѣлъ Мареушѣ въ лицо. Кончилось тѣмъ, что дѣвушка потупилась, затрепетала и опустила голову.

Шумскій тоже понурился, вздохнулъ, тихо выпустилъ ее изъ рукъ и задумался.

— Я вамъ не нужна-съ? — вымолвила Мареуша, взявшись за ручку двери.

— Покуда... нѣтъ... — отозвался Шумскій, слегка улыбнувшись и страннымъ голосомъ, въ которомъ была и кротость, и ласка, и печаль. — А потомъ, Мареуша, послѣ... не знаю.

Дѣвушка почувяла что-то въ его голосѣ, но темныхъ словъ не поняла.

Она вышла, а онъ долго стоялъ, не двигаясь и не подымая тоскливо-опущенной головы.

IV.

Въ тотъ вечеръ, когда Шумскій, примиренный съ матерью, но овлбленный на весь міръ Божій, переѣзжалъ на паромѣ Волховъ и причаливалъ къ берегу Грүзинской мызы — ея владѣлецъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ за срочной и спѣшной работой. Но она была видно по сердцу. Графъ былъ въ духѣ... На столѣ предъ нимъ лежала огромная и толстая книга вся разграфированная, съ клѣ-

точками и заглавьями въ нихъ. Надпись, вытѣсенная на переплетѣ золотыми буквами, гласила:

«Винный журналъ. 1-е октября 1810 годъ».

На первомъ листѣ была надпись: «кто, когда и за что наказанъ».

Эта «винная» или штрафная книга 14 лѣтъ аккуратно велась самимъ графомъ и была мудренѣе всякой бухгалтеріи, ибо требовала особой внимательности и точности въ своевременной записи и особой памяти для безошибочнаго дѣйствія по ней.

На столѣ же поодаль лежали въ двухъ кучкахъ маленькія карманныя именныя книжки, нѣсколько замасленные, это были «винныя книжки» дворовыхъ Грузина, которыя каждый «рабъ» постоянно имѣлъ при себѣ. Въ случаѣ провинности, и крупной, и ничтожной, графъ требовалъ книжку и тотчасъ вписывалъ въ нее число, мѣсяцъ и вину собственника, но при этомъ главная помѣта заключалась въ словахъ: «въ зачетъ» или «не въ зачетъ».

Три малыя вины «не въ зачетъ» все-таки считались за одну большую, которая и помѣчалась: «вина трѣшная». За каждую большую вину было особое наказанье. За первую сѣкли виновнаго конюхи простыми розгами на конюшнѣ. За вторую виновный наказывался розгами, которыя мокли въ разсолѣ и имѣлись наготовѣ въ бочкахъ на «дѣловомъ» дворѣ и въ грузинской домашней канцеляріи. Виновнаго третьей виной, хотя бы и «трѣшной», т. е. состоящей изъ трехъ сравнительно пустыхъ и мелкихъ винъ, наказывали батогами при торжественной обстановкѣ въ библиотекѣ близъ кабинета при зрителяхъ, при барабанномъ боѣ. Сѣкли два драбанта солдата, по имени Содомскій и Левлевъ, отличавшіеся ростомъ и силой. Это была ихъ должность...

Послѣ третьяго наказанія—счетъ винъ начинался и записывался съизнова.

Каждый мѣсяцъ, въ послѣднихъ числахъ, графъ отбиралъ винныя книжки у провинившихся переглядывалъ ихъ и собственноручно переписывалъ вины въ большую книгу, съ разнаго рода отмѣтками для памяти. Случалось, что просмотрѣвъ «винный журналъ» и карманную книжку какого-либо «раба» графъ писалъ приказъ въ канцелярію о сдачѣ его въ солдаты или ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Иногда же, разъ десять въ году, не болѣе, виновный сажался въ «эдекуль»—мѣстную грузинскую тюрьму на недѣлю, на мѣсяцъ. Этой эдекули, совершенно темной, глубокой и сырой ямы съ каменными стѣнами, рабы графа боялись и трусили больше солдатства и Сибири. Въ эдекулѣ не умирали, но наживали смертельныя болѣзни, отъ которыхъ изнывали послѣ, такъ какъ заключенному выдавалось въ сутки лишь полфунта хлѣба и кружка воды. А отрѣшеніе отъ людей, отсутствіе свѣта и воздуха, вѣчная ночь и сырой смрадъ, производили то, что заключенный дичалъ и выйдя пугалъ внѣшнимъ своимъ видомъ обитателей Грузина.

Графъ сидѣлъ за работой съ самаго обѣда, такъ какъ провинившихся оказывалось много, а надо было сообразить и взвѣсить множество обстоятельствъ для того, чтобы одному смягчить, а кому и усугубить наказаніе. Помимо библіотеки приходилось графу теперь вспомнить даже и объ эдекулѣ.

Поглощенный своимъ дѣломъ, графъ былъ вдругъ непріятно отвлеченъ стукомъ экипажей на дворѣ и удивился. На его часахъ было десять часовъ, а всѣ пріѣзжавшіе къ нему въ гости устраивались такъ, чтобы прибыть въ приличное время и его не тревожить позднѣе сумерекъ.

Аракчеевъ недоумѣвалъ и досадовалъ, когда предъ дверями кабинета тихо и осторожно, тѣнью, появился его камердинеръ и доложилъ, наклоняясь почтительно:

— Молодой баринъ пожаловали-съ...

Аракчеевъ повернулъ голову къ лакею, но не двинулся съ мѣста и молчалъ, будто обдумывая это неожиданное появленіе. Затѣмъ онъ выговорилъ сухо и не глядя:

— Доложи, пусть идутъ къ Настасѣѣ Ѳедоровнѣ. Я приду...

Лакей попятился, скрылся задомъ напередъ въ дверь и осторожно притворилъ ее за собой, а графъ снова углубился въ свою работу.

Онъ бралъ книжки по очереди изъ одной кучки и клалъ въ другую, записывая имя, число и мѣсяцъ вины, самую вину, въ чемъ она заключалась, и таинственную ему лишь понятную пометку, а затѣмъ и приговоръ въ одномъ словѣ:

«Розги. Разсолъ. Батожье. Лобъ. Сослать».

Однажды, перо его начало уже было выводить въ графѣ приговоръ слово: «эдекулъ», но онъ смягчился, перемаралъ и написалъ: «лобъ», т. е. сдачу въ солдаты.

Между тѣмъ камердинеръ вышелъ на встрѣчу къ Шумскому и, встрѣтивъ его въ первой же горницѣ, передалъ ему приказаніе:

— Пожалуйте къ Настасѣѣ Ѳедоровнѣ, а графъ сейчасъ придетъ.

Шумскій остановился, постоялъ и, ни слова не говоря, повернулся на каблучкахъ и двинулся въ противоположную сторону къ корридору, гдѣ были комнаты, въ которыхъ онъ всегда останавливался. Это было его собственное отдѣленіе, гдѣ провелъ онъ свое дѣтство и юность.

Пріѣздъ молодого барина, а съ нимъ еще трехъ грузинскихъ обитателей, оживилъ домъ сразу. Давно уже грузинцы не видѣли этихъ прежнихъ сожителей, но всѣ вновь прибывшіе и Авдотья, и Пашута, и Васька, одинаково поразили всю дворню своими лицами. Всѣ сразу догадались и поняли, что случилось что-то чрезвычайное, и пріѣздъ молодого барина, и возвращеніе ихъ вмѣстѣ съ нимъ, не пройдетъ даромъ. Авдотью Лукьяновну многіе почти

не узнавали, настолько постарѣла она. Пашута и Васька смотрѣли дико, то уныло, то озлобленно. Если мамка такъ измѣнилась, то удивительнаго въ этомъ не было ничего. Она объяснила, что хворала и была при смерти, и всѣ повѣрили, хотя ранѣе объ этомъ и слуху не было въ Грузинѣ. Но что случилось съ Пашутой и ея братомъ оставалось загадкой.

Когда дѣвушка и лакей прошли въ людскую, дворня окружила ихъ съ объятіями и разспросами, но скоро тревога и отчаяніе, написанныя на ихъ лицахъ, сообщились всѣмъ. Никто ничего не добился и не узналъ отъ прибывшихъ, но всѣ пришли къ убѣжденію, что тамъ, въ Питерѣ, разразилась какая-то гроза и здѣсь въ Грузинѣ скоро, можетъ быть завтра же, отзовутся громовые раскаты. Дворовые мальчишки и дѣвчонки «на побѣгушкахъ» и тѣ замѣтили, что Пашута и Васька смотрятъ какъ больные, какъ пришибленные, или осужденные.

Въ то же время Авдотья Лукьяновна, смущаясь и робѣя, отправилась на половину Настасьи Ѳедоровны Минкиной.

Въ большой угловой горницѣ, отдѣланной довольно просто, сидѣла за столомъ, накрытымъ скатертью, и пила чай барская барынька, или «Аракчевская графиня», какъ иногда ее называли въ шутку Петербургскіе сановники.

При вечернемъ освѣщеніи, женщина эта, которой было уже за сорокъ лѣтъ, казалась еще довольно моложавой. Курчавая голова безъ единаго сѣдого волоса, черная, вороного крыла, высокій слегка выпуклый лобъ и красивыя дугообразныя брови, надъ блестящими южно-черными глазами, наконецъ, смуглый, но чистый и ровный цвѣтъ лица—дѣлали изъ нея женщину все еще пригожую, съ ясно-видимыми остатками недавней красоты. Единственно, что портило общее впечатлѣніе, была извѣстная полнота, атрибутъ женщины ея положенія, образа жизни и лѣтъ. Когда-то, двадцать семь лѣтъ тому назадъ, она явилась въ Грузино юной и стройной женщиной, казавшейся дѣвочкой-подросткомъ, такъ какъ не смотря на замужество ей было лишь шестнадцать лѣтъ. Постепенно изъ веселой, подвижной, страстной и хитрой юницы, благодаря образу жизни, она переродилась въ полную, лѣнивую, дородную барыню. Вдобавокъ, въ смугломъ лицѣ этой женщины было нѣчто, чего, конечно, не замѣчали графъ и грузинцы, но могъ бы легко замѣтить всякій посторонній, нѣсколько проницательный наблюдатель.

Въ чертахъ чистаго лица безъ единой морщинки лежала печать какой-то усталости, или изнуренія. Это выраженіе является послѣ трудной болѣзни, или послѣ многихъ бессонныхъ ночей, или отъ усиленныхъ занятій. А между тѣмъ, у Настасьи Ѳедоровны ни того, ни другого не бывало. Она не была никогда больна, спала много и цѣлый день ровно ничего не дѣлала.

Выраженіе это явилось послѣдствіемъ ея привычки, ея порока.

Впрочемъ этотъ порокъ былъ хорошо всѣмъ извѣстенъ не только въ Грузинѣ, но и многимъ высокопоставленнымъ лицамъ Петербурга. Увѣряли, что будто бы одинъ графъ Аракчеевъ не знаетъ этого, но ошибались. Графъ отлично зналъ, что его обожаемая сожительница каждый вечеръ, а иногда и съ сумерокъ, предается своей страсти къ крѣпкимъ напиткамъ.

Въ этотъ вечеръ, сидя у себя и собираясь пить чай, Настасья Ѳедоровна точно также услышала стукъ экипажей на дворѣ и тоже недоумѣвала о томъ, кто можетъ въ эту пору осмѣлиться прибыть въ гости въ Грузино.

Когда горничная доложила ей о прибытіи молодого барина вмѣстѣ съ Авдотьей Лукьяновной съ Пашутой и съ Васькой, Минкина широко раскрыла глаза.

— Вотъ какъ,—произнесла она и въ голосѣ ея прозвучала насмѣшка.—Воистинну какъ снѣгъ на голову.—Зови сюда Авдотью,—прибавила она.

Черезъ нѣсколько минутъ Авдотья Лукьяновна вошла въ горницу и, переступивъ порогъ, остановилась у двери и низко поклонилась экономкѣ.

— Здравствуй Авдотья, давно не видались,—сухо произнесла та.—Иди сюда, садись.

Авдотья двинулась молча и сѣла на стулъ. Настасья Ѳедоровна оглядѣла ее съ ногъ до головы и стала разспрашивать про стличные новости. Женщина, конечно, постаралась удовлетворить любопытство экономки, какъ могла. Но едва только началась ихъ бесѣда, какъ лакей отворилъ дверь настежь и самъ скрылся. Черезъ мгновеніе на порогѣ показался самъ графъ и, сумрачно оглядѣвъ всю горницу изподлѣя, удивился и выговорилъ:

— А, Михайлъ?

— Онъ не приходилъ. Онъ стало въ своихъ горницахъ. А я думала, что онъ у васъ,—отозвалась Минкина, вставая.

— Я велѣлъ ему идти къ тебѣ.

— Не былъ-съ...

Графъ постоялъ мгновеніе, сдвинулъ брови и, повернувшись по-солдатски, на мѣстѣ, вышелъ снова.

Та же рука какого-то лакея снова протянулась и затворила дверь.

— Ну, вотъ, на починѣ, онъ ему и задастъ сейчасъ,—выговорила Настасья Ѳедоровна.—Видно, матушка, нашъ Михайлъ Андреевичъ все тотъ же. Горбатаго исправить могила. Я чаю здоровья еще въ Питерѣ потерялъ много, а упрямства своего не потерялъ. Слышалъ приказаніе ему идти сюда, а все-таки, на смѣхъ, въ свои горницы прошелъ. Стало быть все тотъ же козелъ.

— Уморился съ дороги,—замѣтила Авдотья.

— Мало что... Уморился? Графъ приказываетъ, такъ всякъ, хоть помирай, а исполняй. Ну, садись, рассказывай! Дать тебѣ что ли чаю?

— Позвольте,—выговорила Авдотья.

Женщины снова сѣли на свои мѣста, и на разные вопросы Настасьи Ѳедоровны объ Шумскомъ, Авдотья отвѣчала уклончиво и нерѣшительно. Казалось, что она робѣетъ этихъ вопросовъ и всячески обдумываетъ свои отвѣты, какъ бы боясь сказать что-либо лишнее. Черезъ нѣсколько минутъ Настасья Ѳедоровна, положивъ локти на столъ, оперлась и, пристально поглядѣвъ въ лицо мамки, выговорила:

— Авдотья. А вѣдь у тебя что-то на умѣ? Тутъ что-то не спраста. Ты виляешь на словахъ, а въ головѣ у тебя что-то есть, что ты укрываешь.

Авдотья опустила глаза и молчала.

— Что же? Долго ты будешь баловаться?—произнесла Минкина вдругъ, оживясь и вся вспыхнувъ. — Когда же ты скажешь, что у тебя въ башкѣ сидитъ. Что ты изъ себя дуру-то корчишь?

— Увольте, Настасья Ѳедоровна,—глухо выговорила Авдотья.— Завтра Михаилъ Андреевичъ самъ все вамъ расскажетъ.

— Такъ пошла вонъ, дура!—вскрикнула вдругъ Минкина, и когда Авдотья вышла, она, оставшись одна, начала браниться вслухъ.

Въ это же самое время на порогѣ горницы Шумскаго, точно также въ растворенную заранѣе лакеемъ дверь, появился графъ. Шумскій сидѣлъ въ креслѣ въ углу, прислонясь къ спинкѣ и закинувъ голову. Онъ сидѣлъ закрывъ глаза, чувствуя нѣкоторую усталость отъ дороги.

Графъ остановился близь дверей, заложивъ правую руку за борть сюртука и грозно поводя глазами по комнатѣ.

— Спишь, что ли?—выговорилъ онъ.

Шумскій открылъ глаза, присмотрѣлся и поднялся съ кресла, но медленно и какъ-то гордо. Графъ не двинулся, ожидая, что сынъ подойдетъ и, по обыкновенію, поцѣлуетъ у него руку, но Шумскій сдѣлалъ два шага, поклонился и выговорилъ тихо:

— Здравствуйте.

Наступила пауза. Аракчеевъ недоумѣвающимъ взглядомъ смотрѣлъ на молодого человѣка.

— Что же къ матери не пошелъ поздороваться?—Тебѣ передали мое приказаніе!—выговорилъ онъ, наконецъ.

— Я очень усталъ съ пути,—отозвался Шумскій.

— Какой сахарный. Коли могъ проѣхать столько верстъ, такъ могъ бы пройти нѣсколько горницъ, чтобы съ матерью повидаться, не видавши ее сто лѣтъ.

— Конечно, я могъ дойти до горницы Настасьи Ѳедоровны, отозвался Шумскій глухо,—но не счелъ этого нужнымъ.

— Что?—произнесъ Аракчеевъ едва слышно.

Онъ былъ пораженъ рѣзкимъ отвѣтомъ, а главное тѣмъ именемъ, которое давалъ Шумскій Минкиной.

— Настасья Федоровна?.. А я, стало быть, буду тебѣ теперь вашимъ сіятельствомъ. Что ты очумѣлъ? Вѣдь тебѣ кутежъ видно голову просверлилъ. Въ умѣ ты?

— Слава Богу въ полномъ разсудкѣ,—отозвался Шумскій.

Наступило молчаніе, оба стояли другъ противъ друга. Наконецъ, Шумскій выговорилъ холодно:

— Позвольте, я завтра все разъясню вамъ.

— Разъяснишь? Что?

— Все,—отозвался Шумскій.

— Да что все-то?

— Завтра узнаете.

— Да что ты загадки загадываешь! Что ты балуешься?! Стоишь истуканомъ и брешешь.

Шумскій тяжело вздохнулъ и вымолвилъ:

— Завтра, утромъ ли, ввечеру ли, когда прикажете, я все объясню вамъ, а теперь я слишкомъ усталъ. Да и самое дѣло слишкомъ важно. Надо собраться съ мыслями.

Слова эти были сказаны съ такимъ отгѣнкомъ, который удивилъ Аракчеева. Онъ поглядѣлъ еще разъ пристально на молодого человѣка, насмѣшливо пожалъ плечами и, круто повернувшись, вышелъ также какъ и изъ горницы Минкиной.

Черезъ часъ времени, всеобщее оживленіе, вызванное въ домѣ прїѣздомъ молодого барина, понемногу стихло, отчасти благодаря позднему часу и привычкѣ грузинцевъ ложиться рано спать, отчасти и потому, что лица всѣхъ прїѣзжихъ навели уныніе на всѣхъ дворовыхъ.

Грузинская дворня разошлась спать въ тревожномъ состояніи: «Быть чему-то! Стряслось что-то!» А всякая бѣда въ Грузинѣ захватывала не одного, не двухъ человѣкъ, но непременно всѣхъ, и правыхъ, и виноватыхъ.

V.

Часовъ въ двѣнадцать, хоромы, дворъ и окружающія надворныя строенія, все безмолвно стояло подъ покровомъ темной ночи. Полная тьма и полная тишь прерывалась только каждыя полчаса завываніемъ чугунной доски среди двора отъ мѣрныхъ ударовъ по ней сторожа. Грузинскую сторожевую доску всѣ въ околodкѣ знали и всѣ равно дивились ей. Станный въ ней былъ звукъ. Не просто гудѣла она по ночамъ какъ всякая другая, а жалобно ныла, и завывала, будто плакался загробный голосъ какой. Сказывали и во дворѣ, и на селѣ, что когда сторожъ бьетъ въ доску, то не она звучитъ, а подають голоса среди ночи тѣ многіе и многіе несчастные, загубленные суровымъ графомъ и его любовницей-людоѣдкой Настасьей Федоровной.

Около полуночи какая-то фигура съ черной бородкой, въ длинномъ кафтанѣ, картузѣ и съ синеватыми очками на носу, шла изъ хоромъ съ фонаремъ въ рукахъ по небольшой крутой лѣстницѣ, по которой мало и рѣдко кто въ домѣ ходилъ. Сойдя внизъ на крылечко чрезъ маленькую дверку, фигура потушила фонарь, поставила его на полъ и, озираясь среди тьмы, сошла съ крылечка на дворъ. Пройдя отъ дома до зданія именовавшагося «Дѣловымъ дворомъ», человѣкъ этотъ присмотрѣлся издали и прислушался.

Сидѣвшіе у воротъ два ночныхъ сторожа тихо бесѣдовали. Незнакомецъ осторожно подкрался за уголь зданія и сталъ прислушиваться. Одинъ изъ двухъ сторожей угрюмо, со вздохами, поучалъ другого.

— Что же? Все такъ-то на свѣтѣ. Народъ темнота и не понимаетъ. Вотъ лошадь, не што, не работаетъ, хотя бы даже корова и ту, стало быть, доятъ. Вотъ собакамъ жить розно: иная собака дворная сторожить, другая на охоту ходить, птицу убитую подаетъ, а другая у барыньки какой на колѣночкахъ почиваетъ. Всю жизнь она проживетъ якобы сама барышня какая. А наше дѣло, чѣмъ плохо. Что ночью не спишь? За то днемъ выспишься. За то ночнымъ дѣломъ мы и отъ графа яко бы подальше. Знай, въ свое время, отхватывай въ доску, онъ доволенъ и тебѣ не худо. А кто по близости къ нему обрѣтается, гляди, все подъ розгами воетъ. А я вотъ ни одна не пороть!

Собесѣдникъ отвѣтилъ нѣсколькими словами, которыхъ разслышать было нельзя.

— Нѣтъ, братецъ мой, отозвался первый, шалишь. Это ты вновѣ, такъ разсуждаешь, а я тебя обучу. Этого ты и думать, не могъ, онъ завсегда знаетъ. Этакъ было ужасъ, Петрушка Косой пропущалъ разы, стучалъ въ доску какъ попадется, то черезъ часъ, а то отдряхнетъ да зазвонитъ черезъ два часа въ третій. Такъ его чрезъ недѣлю до безчувствія отодрали и махнули. И куда онъ дѣвался никому не вѣдомъ. Кто говорить померъ отъ розогъ, а кто говорить въ Сибирь пошелъ. Нѣтъ, ты этого не могъ думать. Спитъ онъ или не спитъ, кто его знаетъ, а онъ завсегда звону счетъ ведетъ. Избави тебя Богъ не стучать кажинные полчаса.

Собесѣдникъ опять вставилъ нѣсколько словъ и получилъ отвѣтъ.

— Это вѣрно. У насъ пролазовъ-предателей тьма.—Вѣстимо ему докладаетъ кто и про сторожей, а самъ онъ спитъ. А намъ-то что же, что надъ нами ухо и глазъ есть. А ты парень стучи какъ полагается и не бойся. Хоть и лихъ онъ, а все же зря, тоись, совѣмъ зря не обидитъ. Бываетъ, что и зря накажетъ обмахнувшись, но тогда оно въ зачетъ идетъ. Меня три года тому назадъ страсть какъ выпороли, но я зваго дранья не считаю, потому обшибкой вышло и за то мнѣ въ зачетъ пойдетъ. Если теперь провинюсь, то на смазку выйдетъ. Загодя стало быть заплатилъ за свою впрядь-

будущую вину. Но все жъ таки я по этому покудова и сказываю, что я якобы пороть еще не былъ.

Фигура, прислушивавшаяся за заборомъ, вернулась назадъ, черезъ дворъ двинулась въ садъ и, приблизясь къ маленькой калиткѣ, достала ключъ изъ кармана, отворила ее и вышла наружу, на село. Незнакомецъ поправилъ очки, нахлобучилъ картузъ еще больше на лобъ и двинулся быстро, постукивая тоненькой тростью, которая изрѣдка, понавъ на камень, издавала звенящій звукъ, такъ какъ была желѣзная и вѣсомъ тяжелая.

Пройдя улицу, гдѣ была полная пустота, незнакомецъ повернулъ въ проулокъ и пошелъ задами домовъ. Всюду, гдѣ онъ проходилъ, онъ пристально вглядывался въ окружающее, изрѣдка останавливался, прислушивался, иногда пробовалъ заперты ли ворота, или двери домовъ и надворныхъ строеній и шелъ далѣе. Тамъ, гдѣ въ окошкахъ свѣтились огоньки лампадъ, онъ приостанавливался, и заглядывалъ въ окна.

Пройдя довольно далеко задами и уже какъ бы собираясь повернуть въ другой проулокъ, чтобы выйти на главную улицу, онъ вдругъ увидѣлъ пріотворенную калитку. Онъ подошелъ, ощупалъ и нашелъ два кольца и висячій замокъ съ ключемъ, висѣвшимъ лишь на одномъ кольцѣ. Онъ осторожно отворилъ калитку и вошелъ въ дворикъ.

Пройдя немного вправо, потомъ влѣво, и оглядѣвшись, онъ увидѣлъ, прислоненныя къ сарайчику, лопату и метлу. Онъ усиленно покачалъ головой, какъ если бы увидѣлъ нѣчто чрезвычайное, исключительное. Онъ взялъ метлу и лопату, осторожно вышелъ съ ними на улицу, при чемъ снялъ замокъ съ калитки и положилъ его въ карманъ. Онъ двинулся далѣе, но уже прямо въ поле. Пройдя сажень сто, онъ сталъ искать глазами, прошелъ вправо, потомъ вернулся и опять двинулся.

Наконецъ, среди темноты, завидя чтò-то черное, онъ прямо направился къ этому мѣсту. Здѣсь была куча мусору близъ выгребной ямы.

Бросивши лопату и метлу на землю, онъ быстро своей желѣзной палкой зашвырялъ и то и другое соромъ, затѣмъ присмотрѣлся и, видя, что хорошо зарылъ оба предмета всякими отбросами, шибче и какъ-то веселѣе пошелъ обратно. Войдя снова въ слободу и, пройдя нѣсколько шаговъ по главной улицѣ, онъ увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ. Внутри громко говорили, шумѣли, спорили и бранились. Онъ сталъ прислушиваться, но, кромѣ отдѣльныхъ словъ, не могъ разобрать ничего. Часто повторялись слова: «графъ» и «пойду» и имя «Антошка».

Постоявъ немного, незнакомецъ осторожно двинулся далѣе по направленію къ барскому дому.

Въ довольно большомъ зданіи среди слободы четыре окна были

освѣщены и надъ входомъ была вывѣска. Тутъ помѣщалась грузинская аптека.

Незнакомецъ вошелъ на крыльцо, осторожно пріотворилъ дверь въ аптеку и глянулъ внутрь. За прилавкомъ стоялъ молодой, лѣтъ двадцати, аптекарскій помощникъ, а на лавкѣ дремалъ старикъ-крестьянинъ и сидѣла, сторбившись, женщина, повязанная платкомъ.

Тщательно осмотрѣвшись, человекъ этотъ вошелъ въ аптеку и вѣжливо, почти подобострастно, выговорилъ:

— Господинъ аптекаръ, позвольте мнѣ малость горчицы для горчичника.

Аптекарскій помощникъ, приготовлявшій какое-то лекарство, отозвался тихимъ, лѣнивымъ, отчасти соннымъ голосомъ:

— Присядьте.

Незнакомецъ сѣлъ на скамейкѣ поодаль отъ сидѣвшихъ на ней и спиной къ свѣту. Молодой малый продолжалъ свое дѣло тихо, не спѣша. Очевидно, что сонъ сильно клонилъ его, такъ какъ онъ зѣвалъ не переставая, при чемъ отчаянно завывалъ, изрѣдка приговаривая:

— Ахъ, пропади ты! О-охъ, идолы!

По движеніямъ молодого малого, по опущеннымъ глазамъ, поникнутой на бокъ головѣ, по всему лицу, было видно, что онъ не только находится въ полусонномъ состояніи, но отчасти изнуренъ бессонницей. Прошло минуты двѣ полной тишины, которую только нарушалъ аптекаръ, то зѣвая, то постукивая чашечками, или гремя пузырьками. Но онъ не глядѣлъ никуда и не спускалъ глазъ съ тѣхъ предметовъ, которые были у него въ рукахъ.

Чернобородый въ очкахъ внимательно пытливо и упорно разглядывалъ малаго и, быть можетъ, этотъ долгій и пристальный взглядъ магнетически заставилъ, наконецъ, аптекарскаго помощника поднять на незнакомца глаза.

— Снимите картузъ!—промычалъ онъ апатично и снова опуская тотчасъ же глаза на работу.

— Вы это мнѣ-съ?—отозвался незнакомецъ.

— А то кому же?—Я что ли въ картузѣ?

— А почему же мнѣ снимать его?

— Первое, потому, что здѣсь, вонъ видите, святая икона въ углу, а второе, потому, что здѣсь—графская аптека. Сюда нельзя влѣзть какъ въ кабакъ.

Незнакомецъ не двигался и очевидно затруднялся исполнить данный совѣтъ. Прошла минута, молодой малый продолжалъ стряпать, затѣмъ снова поднималъ глаза и пріостановился работать.

— Вы что же, господинъ, на русскомъ нарѣчїи не понимаете? Вамъ сказано: снимите картузъ. А не желаете, я васъ попрошу вонъ и никакой горчицы вамъ не дамъ.

Незнакомецъ нехотя снялъ картузъ и покосился на всѣхъ.

— На вотъ, — прибавилъ аптекаръ, подавая крестьянкѣ пузырекъ съ лекарствомъ.

— Какъ же съ имъ быть-то, родненькій?—спросила баба.—Въ нутро его. Пить. Аль мазаться.

Аптекаръ терпѣливо растолковывалъ женщинѣ, какъ принимать лекарство. Баба оказалась совсѣмъ несообразительная. Раза три принимался онъ объяснять и, наконецъ, растолковалъ.

— Спасибо, родненькій,—поклонилась женщина.—А то, вѣдь, лекарство возьмешь, а какъ съ нимъ быть не знаешь. Вонъ у меня въ прошломъ годѣ тетка Арина чуть не померла. Далъ ей тутотка мазь, а она ею облопалась.

— Отъ того все это, что вы дуры,—произнесъ аптекаръ добродушно.

— Мы-то дуры, да больно сердить Густавъ Ивановичъ. Сунеть въ рыло посудинку и гонить вонъ, а пояснить не хочетъ. Не время вишь. Спасибо тебѣ! Стало быть черезъ кажинные шесть часовъ.

— Да ты брось, баушка, часы-то,—уже нетерпѣливо произнесъ молодой малый.—Какіе у васъ часы. Нешто вы это можете знать. Ты дай ей поутру, дай среди дня, да дай вечеромъ.

— Можно тоже и ночью?

— Дай. А коли спать будетъ, не буди.

— Ну, прощай. Спасибо, родной!

Крестьянка вышла вонъ.

— Это вы что же, господинъ аптекаръ, выясняете имъ,—заговорилъ незнакомецъ,—нешто доктора нѣтъ у васъ въ Грузинѣ.

— Есть,—лѣниво отозвался аптекаръ.—Да народъ-то глупъ. Имъ надо въ башку-то, всякое, разъ двадцать вдолбить.

— А скажите, пожалуйста; какъ мнѣ доктора розыскать. — Я здѣсь проѣздомъ, остановился на ночь, да вотъ прихворнулъ, а утромъ надо ѣхать дальше.

Молодой малый толково, но снова не спуская глазъ съ пузырька, въ который наливалъ какую-то микстуру, объяснилъ гдѣ помѣщается грузинскій госпиталь и живетъ докторъ.

— Хорошій онъ человѣкъ?—спросилъ незнакомецъ.

— Кто его знаетъ! Кто хвалить, а кто ругаетъ. Я не знаю. Я здѣсь только двѣ недѣли какъ получилъ должность аптекарскаго помощника, никого и ничего не знаю. Да, должно быть, не придется и узнавать ничего. Отходить надо.

— Что жъ такъ?

Молодой человѣкъ съ большимъ оживленіемъ, или вѣрнѣе съ ожесточеніемъ началъ рассказывать, какъ аптекаръ играетъ въ карты до трехъ часовъ утра, спитъ потомъ чуть не до полудня, оставляя его одного орудовать. Днемъ, дастъ выспаться ему три-четыре часа и опять посылаетъ будить, такъ какъ отправляется обѣдать, или чай пить, или въ гости, чтобы опять за карты засѣсть.

— Совсѣмъ смотался. Это не жизнь! Я отъ дѣла своего не отказываюсь, да вѣдь и собакѣ отдыхъ есть!—раздражительно закончилъ аптекаръ, снова зѣвая во весь ротъ.

— А вы бы графу доложили, здѣшнему помѣщику,—замѣтилъ собесѣдникъ.

— Какъ я къ нему полѣзу,—пробурчалъ малый.—Это выходитъ, стало быть, идти съ доносомъ. И какъ же графу насъ разобрать. Аптекарь на службѣ который годъ уже здѣсь, а я безъ году недѣлю. Кому же графъ повѣрить долженъ?

— Правда ваша. Да и къ тому же, графъ вашъ, какъ сказываютъ, поѣдомъ народъ-то ѣсть. Людоѣдъ!

— Сказываютъ такъ,—отозвался аптекаръ, а я полагаю, что все то вранье. Строгъ-то онъ, строгъ, порядокъ любить, за всякую соринку на улицѣ драть велить. И хорошо дѣлаетъ.

— Какъ же это, хорошо?—удивился незнакомецъ.—Жестокость это—за пустое взыскивать и по пустякамъ наказывать...

— Таковъ порядокъ на свѣтѣ. Народъ—свинья! Ты заставляй его дѣлать, чтó слѣдуетъ, учи и наказывай, онъ же тебѣ потомъ въ ножки поклонится за ученье.

— Да, а все-таки графъ-то людоѣдъ.—настойчиво повторилъ незнакомецъ.

— Вы, сказываете, проѣзжай?—спросилъ аптекаръ.—И въ Грузинѣ никогда не бывали?

— Нѣтъ-съ не бывалъ. Въ первый разъ.

— Почему же вы такъ утвердительно говорите, что графъ нашъ людоѣдъ.

— Это всему міру извѣстно, по всей Россіи. Всѣ такъ сказываютъ.

— А вы мнѣ скажите какихъ онъ людей съѣлъ?—Кого то-исъ безвинно погубилъ?!

— Я знать не могу.

— Какъ же вы говорите о томъ, чего не знаете. Надо говорить о такихъ предметахъ, которые знаешь. Да и что же это такое? Приѣхали вы въ Грузино, пришли въ эту аптеку, которую устроилъ самъ графъ для пользы обывателей и тутъ же его поносите, а я долженъ слушать. Вѣдь васъ надо взять за пиворотъ и вытолкать вонъ безъ всякаго лекарства.

Окончивъ эту отвѣдь, молодой малый швырнулъ на прилавокъ перевязанную тесьмой коробочку и выговорилъ:

— Получайте вашу горчицу!

Незнакомецъ всталъ, подошелъ къ прилавку и полѣзъ въ карманъ за деньгами.

— Сколько полагается?—спросилъ онъ ухмыляясь.

— Четыре копѣйки.

Незнакомецъ положилъ на прилавокъ пять копѣекъ, взялъ коробочку и быстро направился къ дверямъ.

— Чего же вы бѣжите? А сдачу?

— Ну, что тамъ, одна копѣйка-то; Богъ съ ней,—проговорилъ незнакомецъ.—Себѣ возьмите. И онъ направился къ выходу.

Видя, что незнакомецъ собирается уйти, аптекарь бросился къ двери, сталъ у порога и выговорилъ всплывъ:

— Слушайте, берите сейчасъ свои деньги. А безъ этого не выпущу. Вишь, приткій какой.—Всѣхъ тутъ облаялъ, наболталъ всякаго вздора, да еще подаетъ мнѣ словно нищему копѣйку. Знаете ли, что слѣдуетъ за это сдѣлать съ вами?

Незнакомецъ торопливо вернулся, взявъ копѣйку съ прилавка и двинулся изъ аптеки. Аптекарь отступилъ отъ двери и, пропуская его мимо себя на улицу, пробурчалъ чуть слышно:

— Эхъ, какъ бы я тебѣ наклалъ въ шею!

Незнакомецъ быстро зашагалъ по улицѣ, обошелъ издали барскія хоромы, завернулъ къ оградѣ сада и опять той же калиткой, тихо и осторожно прошелъ во внутренній дворъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже на крыльцѣ и зажигалъ фонарь. Поднявшись по лѣстницѣ во второй этажъ дома, онъ тихо прошелъ весь корридоръ и, завидя въ дверь полуосвѣщенную горницу, потушилъ фонарь. Затѣмъ, пройдя еще двѣ горницы, онъ вошелъ въ кабинетъ вельможи и временщика. Здѣсь онъ сбросилъ на столъ бороду, картузь, синіе очки, и сѣлъ въ кресло, самодовольно улыбаясь.

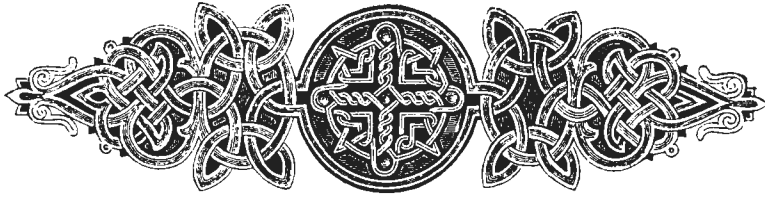
Это былъ самъ Аракчеевъ.

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

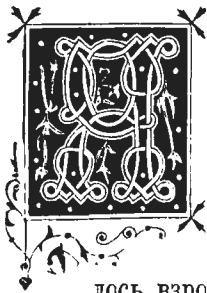

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ).

I.

Мои дѣтскія впечатлѣнія. — Наводненіе 24 ноября 1824 года. — Графъ Милорадовичъ. — Декабристъ Якубовичъ. — Князь А. А. Шаховской. — Актриса Е. С. Семенова. — В. А. Каратыгинъ. — Мой отецъ. — Маркеръ Тюря и его судьба. — Актёръ Метцлавскій. — Балетмейстеръ Дидло и его прощальный бенефисъ. — Братья Неваховичи. — Актриса Истомина. — Похищеніе изъ театральной школы воспитанницы Кохъ. — А. С. Пушкинъ. — Актёръ А. М. Максимовъ. — Пѣвецъ Петровъ. — Воспитанница Новицкая. — Ея замужество съ Дюромъ. — Холера 1832 года.

РОДИЛАСЬ и выросла въ театральноймъ мірѣ. Мой отецъ и мать (Брянскіе) были артисты императорскаго театра въ Петербургѣ.

Я очень отчетливо помню свое самое раннее дѣтство. Въ моей дѣтской памяти запечатлѣлось множество лицъ, которыхъ я видѣла, разговоры, которые я слышала. Я слишкомъ рано стала наблюдать все, что вокругъ меня дѣлалось и говорилось взрослыми.

Мы жили въ казенномъ домѣ, въ которомъ давались квартиры семейнымъ артистамъ и театральнымъ чиновникамъ. Контора театра помѣщалась въ томъ же домѣ и занимала квартиру въ четыре комнаты. Чиновниковъ тогда было очень не много и я знала ихъ всѣхъ въ лицо: Зотова, — романиста, Марсея, Ситникова и еще нѣсколькихъ человекъ, которыхъ фамиліи забыла. При театрѣ былъ докторъ Марокети, маленькій господинъ, съ большими черными

глазами, у котораго почему-то постоянно качалась голова, какъ у алебастровыхъ зайчиковъ.

При вступленіи Геденова въ должность директора театровъ, театральные чиновники быстро стали размножаться, такъ что очень скоро изъ нихъ образовался цѣлый департаментъ. Кирѣевъ, Рачеръ, Ѳедоровъ,—водевелисть, часто бывали у насъ; всѣ они были бѣдняками и еще не играли той важной роли при театрѣ, какъ впослѣдствіи. Потомъ уже Кирѣевъ и Ѳедоровъ сдѣлались богачами, даже писецъ Крупицкій, котораго я видѣла по вечерамъ въ дѣтствѣ дежурнымъ въ конторѣ, ходившимъ босикомъ, чтобы не носить свои сапоги, и тотъ нажилъ себѣ дома, дачу.

Казенный домъ, гдѣ мы жили, былъ большой; онъ выходилъ на Офицерскую улицу, на Екатерининскій каналъ у Пѣшеходнаго мостика со львами, близъ Большаго театра, и въ маленькій переулочекъ (не помню его названія), выходившій на Офицерскую улицу.

Сначала мы жили въ квартирѣ, окна которой выходили на Екатерининскій каналъ; потомъ отецъ занималъ въ этомъ же домѣ болѣе обширную квартиру, и уже наши окна выходили въ маленькій переулокъ и на Офицерскую улицу.

Въ день наводненія въ Петербургѣ въ 1824 году, я смотрѣла на затопленныя улицы изъ оконъ квартиры, выходившихъ на Екатерининскій каналъ. Хотя мнѣ было не много лѣтъ, но этотъ день произвелъ на меня такое впечатлѣніе, что глубоко врѣзался въ моей памяти. Подъ водой скрылись улицы, рѣшетки отъ набережной, и образовалась большая рѣка, посреди которой быстро неслись доски, бочки, перины, кадки и разныя другія вещи. Вотъ пронеслась собачья будка на двухъ доскахъ, съ собакой на цѣпи, которая, поднявъ голову, выла съ лаемъ. Черезъ нѣсколько времени несло плоть, на немъ стояла корова и громко мычала. Все это быстро несло по теченію, такъ что я не успѣвала хорошенько всматриваться. Но плывшая бѣлая лошадь остановилась у самаго моего окна и пыталась выскочить на улицу; однако рѣшетка ей мѣшала, и она скоро выбилась изъ силъ и ее понесло по теченію. Эту лошадь мнѣ чрезвычайно было жаль и я не пожелала болѣе смотрѣть въ окно. Услыхавъ разговоры тетокъ, что отецъ ѣдетъ на лодкѣ спасать утопающихъ, я побѣжала глядѣть на него въ окно во дворъ. Дворъ нашъ тоже былъ залитъ водой, полѣнницы дровъ были размыты и дрова плавали по водѣ. Отецъ стоялъ въ лодкѣ и отпихивался багромъ, направляя лодку къ воротамъ. Я посмотрѣла на бабушку, которая тяжело вздохнула и перекрестилась, когда лодка скрылась въ воротахъ. По ея морщинистымъ щекамъ текли слезы. Бабушка пошла въ кухню, и я послѣдовала за ней; тамъ сидѣли нѣсколько женщинъ съ дѣтьми; это были жены статистовъ, квартиры которыхъ въ нижнемъ этажѣ затопило водой. Бабушка распоряжалась, чтобъ имъ дали поѣсть, а я вы-

шла въ сѣни, слышавъ мычаніе коровы. На ступенькахъ лѣстницы сидѣли статисты съ узлами, съ самоварами и образами. На верхней площадкѣ навалены были сундуки, столы, кровати, тюфяки и подушки, а на нижней стояла корова и корзины, обмотанныя тряпьемъ, и въ нихъ бились и кудахтали куры; двѣ дворовыя маленькія собачки, дрожа, прижались къ стѣнѣ.

Не знаю, кого мнѣ было болѣе жаль: людей или собакъ? должно быть собакъ, потому что я стала ихъ звать къ себѣ; но меня увидала наша прислуга, зачѣмъ-то вышедшая въ сѣни, и выпроводила въ комнаты.

Это утро показалось мнѣ бесконечно длиннымъ и тоскливымъ. День былъ пасмурный, вѣтеръ завывалъ и раздавалась пушечная пальба. Когда стало смеркаться, я замѣтила тревогу на лицахъ старшихъ,—они поминутно смотрѣли въ окна, а бабушка сердито ворчала: «сумасшедшій, у самага куча дѣтей!»

Я поняла, что бабушка сердится на отца и удивлялась—почему она боится за него. Я была увѣрена, что онъ не утонетъ, потому что видѣла разъ, когда мы лѣтомъ жили на дачѣ, какъ онъ въ охотничьемъ платьѣ переплывалъ большое пространство воды съ одного берега на другой, дѣйствуя одной рукой, а въ другой держа вверхъ ружье и пороховницу. Наохотясь, онъ тѣмъ же порядкомъ возвращался назадъ. Мать и бабушка бранили его за это, а мы дѣти были въ восторгѣ отъ такой выходки отца. Однако, тревога старшихъ подѣйствовала и на меня и я ужасно обрадовалась, когда отецъ вернулся домой, весь мокрый и иззябшій.

Не знаю отъ кого отецъ получилъ бумагу, гдѣ ему была выражена благодарность за спасеніе утопающихъ въ день наводненія.

У насъ постоянно бывали гости, преимущественно статскіе, а потому на военныхъ гостей я всегда обращала особенное вниманіе, когда они пріѣзжали къ намъ. Съ графа Милорадовича я не спускала глазъ; меня удивляла его необыкновенно выпуклая грудь съ орденами; его небольшіе усы были черные, а коротенькіе волосы на головѣ совершенно другого цвѣта. Когда онъ смѣялся, то кисточки на его эполетахъ дрожали. Онъ игралъ съ отцомъ всегда на билліардѣ. Потомъ уже я узнала, что онъ былъ большой театраль.

Другой военный гость, декабристъ Якубовичъ, бывалъ у насъ чаще. Должно быть, онъ любилъ дѣтей, потому что постоянно подзывалъ къ себѣ кого-нибудь изъ насъ. Для дѣтей его фигура была страшна. Якубовичъ былъ высокаго роста, смуглый, съ большими черными усами; но главное, что насъ страшило, — это черная повязка на лбу, прикрывавшая полученную имъ рану пулей. Я была изъ смѣлыхъ дѣтей, не боялась его, и часто подолгу сидѣла у него на колѣняхъ; онъ давалъ мнѣ играть своими часами и чугуннымъ кольцомъ, которое снималъ съ пальца.

— Гдѣ моя храбрая дѣвочка?—спрашивалъ Якубовичъ, если не видѣлъ меня въ комнатѣ.

Якубовичъ постоянно спорилъ со всѣми и очень горячился, когда говорилъ. Часто, сильно разгорячась, онъ сдвигалъ свою черную повязку со лба на волосы, которые у него были черные, густые и стояли дыбомъ, и я всякій разъ разсматривала круглое углубленіе на его лбѣ и даже разъ ткнула пальцемъ въ это углубленіе, чтобы удостовѣриться, есть ли тамъ пуля. Онъ очень смѣялся и защитилъ меня, когда тетки накинулись на меня и хотѣли наказать за мою дерзость.

Меня никто не ласкалъ, а потому я была очень чувствительна къ ласкамъ.

День возмущенія 14 декабря я также хорошо помню. На лицахъ у всѣхъ взрослыхъ былъ испугъ. Мать и бабушка уговаривали отца не ходить на Сенатскую площадь, но онъ ушелъ. Когда у насъ задрожали стекла отъ пальбы, то всѣ пришли въ ужасъ. Нашъ лакей, побѣжавшій смотрѣть бунтъ, вернулся блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, и рассказывалъ, что не могъ попасть на площадь, потому что она окружена войсками, при чемъ ему говорили, что тамъ убито много народу. Я тоже расплакалась при видѣ слезъ бабушки и матери. Въ этотъ день никто изъ старшихъ въ семьѣ не садился за обѣдъ. Всѣ повеселѣли, когда отецъ вернулся домой. Я слушала его рассказъ, какъ убили графа Милорадовича на площади, какъ стѣны домовъ, гдѣ стояли бунтовщики, окрасились кровью. Мнѣ сдѣлалось страшно послѣ этихъ рассказовъ. Не могу опредѣленно сказать чрезъ сколько времени, но что-то скоро, отца и актера Борецкаго взяли къ допросу; отца продержали съ утра до поздней ночи. Всѣ наши домашніе были еще въ большей тревогѣ, чѣмъ въ день бунта. Я не могла заснуть, видя какъ бабушка то молилась на колѣняхъ передъ образомъ, у котораго зажгла лампаду, то горько плакала, уткнувъ лицо въ подушки, то бросалась къ окну, заслышавъ стукъ дрожекъ на улицѣ. Отецъ вернулся домой, а Борецкій лишь черезъ мѣсяцъ, а можетъ быть и болѣе, возвратился въ свое семейство. Отца допрашивали о его знакомствѣ съ Якубовичемъ. У Борецкаго младшій братъ былъ офицеромъ въ Московскомъ полку и въ день бунта ночевалъ у него.

Я очень любила присутствовать при считкѣ ролей, или при домашнихъ репетиціяхъ, которыя у насъ бывали. Дѣтямъ запрещено было въ это время входить въ кабинетъ отца, гдѣ собирались актеры и актрисы, но я заранѣе пряталась въ укромный уголокъ, между турецкимъ диваномъ и бюро, и оттуда наблюдала за всѣми.

Отецъ не могъ меня видѣть, потому что сидѣлъ всегда посреди большого турецкаго дивана, за круглымъ столомъ, съ развернутою большей тетрадью, я же находилась вдали отъ него и была закрыта отъ сидящихъ на диванѣ актерами и актрисами; у всѣхъ

въ рукахъ были роли, а когда приходила очередь читать свою роль, то тотъ выступалъ на средину комнаты, иногда по двое и по трое.

Князь Шаховской былъ мой крестный отецъ, но это не мѣшало мнѣ передразнивать его въ дѣтской, какъ онъ распекалъ актеровъ и актрисъ, когда они читали свои монологи. Дѣтямъ всегда кажутся въ преувеличенномъ видѣ ростъ и полнота въ людяхъ, и животь князя Шаховского представлялся мнѣ огромнымъ. Не могу сказать, былъ ли онъ въ это время директоромъ театра; но онъ всегда присутствовалъ на описанныхъ выше собраніяхъ у насъ. Лицо у него было широкое, щеки и подбородокъ висѣли на бѣлой косынкѣ, обмотанной на короткой и широкой шеѣ. Волосы на его головѣ были неопредѣленнаго цвѣта, очень жидкіе, но длинныя. Когда онъ сердился, что плохо читаютъ стихи, то ерошилъ себѣ волосы и длинныя жидкія пряди путались и придавали чрезвычайно смѣшной видъ его лицу. Онъ слегка шепелявилъ.

— Ты, миленькій, подлець,—подскакивалъ онъ къ актеру Калинину,—по трактирамъ шляешься, а роль не учишь!

Калининъ каждый день обѣдалъ у насъ. Онъ запивалъ и имѣлъ недостатокъ переверять слова въ своей роли. Какъ актеръ, онъ былъ изъ плохихъ и большею частью ему давались маленькія роли.

Молодыхъ актрисъ князь Шаховской часто доводилъ до слезъ, заставляя ихъ по нѣскольку разъ начинать свой монологъ, и все кричалъ:

— Читай своимъ голосомъ! пицишь! Ты, миленькая, дурица, уха у тебя нѣтъ, гдѣ у тебя размѣръ стиха! Въ прачки тебѣ надо было идти, а не на сцену.

Доставалось и В. А. Каратыгину отъ князя Шаховского. Каратыгинъ тогда былъ молодъ; мнѣ онъ казался великаномъ. Выраженіе лица у него было хмурое, но хмурость еще болѣе усиливалась; когда князь Шаховской распекалъ его:

— Зарычалъ, завылъ!—ероша волосы, говорилъ князь Шаховской. — Стой, у тебя, миленькій, дуракъ, каша во рту, ни одного стиха не разберешь! на ярманкахъ въ балаганѣ тебѣ играть! повтори!

Каратыгинъ видимо сердился, но повиновался и повторялъ монологъ.

Сосницкому, молодому тогда еще актеру, тоже не мало доставалось отъ Шаховского.

— Опять зазюзюкалъ, миленькій,—кричалъ князь.—Вѣдь ты съ придворной дамой говоришь, а не съ горничной, что губы сердечкомъ складываешь. Раскрывай ротъ!

Только когда читала свою роль Екатерина Семеновна Семенова, Шаховской не останавливалъ ее, а въ длинномъ монологѣ, какъ бы слушая музыку, покачивалъ въ тактъ головой.

Екатерина Семеновна считалась въ то время первой трагиче-

ской актрисой. Она была тогда уже пожилая женщина, небольшого роста; лицо у ней было продолговатое, строгое. Я находила въ ней большое сходство съ женскимъ бюстомъ, который стоялъ у отца на шкафу въ кабинетѣ: такой же прямой носъ, такія же губы. Мнѣ не нравилось въ Екатеринѣ Семеновѣ, что у нея была маленькая жиденькая косичка на головѣ, зашпиленная одной шпилькой.

Я помню ея бѣлую турецкую съ букетами шаль; тетки восхищались этой шалью и говорили, что она очень дорогая и ее можно продѣть въ кольцо. Екатерина Семеновна всегда была въ этой шали. Она не надѣвала никакихъ драгоценностей, но изъ рассказовъ тетокъ я слышала, что у нея много брилліантовъ и что она очень богата. Я видѣла у нея только маленькую золотую табакерку, съ камнями на крышкѣ; она постоянно вертѣла ее въ рукахъ и часто изъ нея нюхала табакъ. Тогда нюханье табаку дамами также было распространено, какъ теперь куренье папиросъ. Я замѣтила, что всѣ относились къ Семеновой съ особеннымъ почтеніемъ, да и она держала себя важно со всѣми. Пріѣзжала она къ намъ въ своей каретѣ съ ливрейнымъ лакеемъ. Кажется, она уже была тогда мужемъ за княземъ Гагаринимъ.

Ея сестра, красавица Нимфодора Семеновна, тоже выѣзжала всегда въ своей каретѣ и съ ливрейнымъ лакеемъ. У остальныхъ актрисъ ни у кого не было ливрейныхъ лакеевъ.

Нимфодора Семеновна не бывала у насъ; она была тоже актрисой, но, какъ говорили, не имѣла таланта. Не могу сказать была ли она тогда на сценѣ, когда я ее видѣла. Она всегда пріѣзжала на Пасху къ заутрени въ церковь театральнаго училища. Я не сводила съ нея глазъ, такая она была красавица. Высокая, стройная, съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, съ синими большими глазами, и какъ смоль черными волосами, въ которыхъ блестѣла брилліантовая гребенка.

Отецъ купилъ у Грибоѣдова нѣсколько актовъ его комедіи «Горе отъ ума» для своего бенефиса. Всѣ, въ томъ числѣ и мать, находили, что отецъ сдѣлалъ большую ошибку, заплативъ дорого автору; предрекали, что полнаго сбора не будетъ, потому что афиша не заманчива. Но ихъ предсказаніе не исполнилось. За день до бенефиса билеты уже всѣ были разобраны въ кассѣ и много ливрейныхъ лакеевъ являлось къ намъ на домъ за билетами, но отецъ никогда не бралъ изъ кассы билетовъ, чтобы продавать на дому, а также не развозилъ самъ ни кресель, ни ложъ, въ свой бенефисъ богатымъ театрамъ и важнымъ особамъ, что дѣлали всѣ артисты, не исключая В. А. Каратыгина. Былъ комическій актеръ Величинъ, такъ тотъ вползалъ на четверенькахъ къ богатымъ купцамъ-театрамъ, положивъ билетъ себѣ на лысую голову.

В. А. Каратыгинъ прежде часто бывалъ у насъ; изрѣдка пріѣзжала съ нимъ въ гости къ намъ и его жена. Но потомъ оба пре-

кратили свои посѣщенія. Моя мать и Каратыгина были на одномъ амплуа. Драма «Тридцать лѣтъ изъ жизни игрока» дѣлала большой сборъ и ее часто давали на сценѣ. Въ этой драмѣ онѣ чередовались. Соперничество поселило между ними вражду, которую раздували закулисные сплетники. Онѣ даже перестали кланяться другъ съ другомъ. Не знаю, какъ Каратыгина, но мать постоянно бранила мужа и жену Каратыгиныхъ и жаловалась, что Каратыгинъ, играя съ ней, нарочно пропускалъ реплики, чтобъ сбивать ее, становился не на ту сторону, куда слѣдовало и т. п. Разъ мать вернулась изъ спектакля въ слезахъ: по наущенію Каратыгиныхъ, ей подставили надломленную скамейку, сидя на которой ей нужно было читать большой монологъ. Очень можетъ быть, что Каратыгины не были причастны къ этому дѣлу, а былъ просто недосмотръ бутафора.

Отецъ и В. А. Каратыгинъ являлись въ театрѣ изумительнымъ примѣромъ: въ продолженіе 30-ти лѣтъ, они одѣвались въ одной уборной, хотя каждый изъ нихъ имѣлъ право требовать себѣ отдѣльную уборную. Никогда между ними не было никакихъ ссоръ, не смотря даже на то, что ихъ жены были во враждѣ между собой.

Я не слыхала, чтобъ отецъ, пріѣхавъ съ репетиціи или изъ спектакля, передавалъ закулисныя новости, а ихъ всегда бываетъ много. Онъ былъ равнодушенъ, если Каратыгина вызывали лишній разъ сравнительно съ нимъ. Отецъ ни съ кѣмъ изъ артистовъ не ссорился, да и особенной дружбы не водилъ. Онъ ни къ кому никогда не ходилъ въ гости, а у него всѣ бывали. Часто отецъ, пріѣхавъ послѣ спектакля, находилъ у себя множество гостей, играющихъ въ карты на нѣсколькихъ столахъ. Мать не могла обойтись вечеромъ безъ картъ. Отецъ, поужинавъ, отправлялся спать. Онъ былъ лѣнивъ по натурѣ и любилъ спокойствіе. Онъ даже до непростительности отдалялъ отъ себя всѣ заботы о дѣтяхъ; мать самовластно распоряжалась всѣмъ. Рассказывали, что отецъ въ молодости былъ очень горячъ и въ гнѣвѣ ничего не помнилъ. Вслѣдствіе этого, мать не позволяла ему вмѣшиваться въ воспитаніе дѣтей.

Мнѣ кажется, что отецъ потому относился такъ равнодушно къ закулиснымъ интригамъ, что у него слишкомъ много было другихъ интересовъ. Онъ былъ страстный охотникъ и считался лучшимъ стрѣлкомъ въ Петербургѣ. Тогда окрестныя острова были пустыни и водилось на нихъ очень много дичи. Лѣтомъ онъ ѣздилъ на эти острова охотиться; у него была своя лодка и на все лѣто нанимался гребецъ. Зимой отецъ ѣздилъ на медвѣжью охоту и на лосей и всегда возвращался съ добычей. Онъ самъ дрессировалъ своихъ собакъ. Одна собака была у него огромная, и онъ очень ею дорожилъ, но она такъ была зла, что постоянно сидѣла на цѣпи въ кабинетѣ и если срывалась съ цѣпи, то всѣ домашніе запирались отъ нея и ждали возвращенія отца изъ театра, чтобы посадить ее

опять на цѣпь. Отець самъ выводилъ Алмазку прогуляться по двору, при чемъ заранѣе всѣхъ извѣщали, что Алмазку сейчасъ выпустятъ, тогда люди прятались, а остальные собаки, поджавъ хвостъ, ложились на спину въ ужасѣ, ожидая смерти. Много хлопотъ и денегъ стоила отцу эта злая собака. Алмазка такъ была зла, что рычала на отца, когда онъ ее билъ, и держалась постоянно въ ошейникѣ съ внутренними гвоздями. Насъ дѣтей она не допускала къ себѣ, да и мы сами не смѣли приближаться къ ней. Но она полюбила поваренка лѣтъ 13-ти, котораго къ себѣ взялъ въ обученіе нашъ поваръ. Этотъ мальчикъ дѣлалъ съ ней, что хотѣлъ, катался на ней верхомъ, изо рта бралъ у нея кость, и она только лизала его руку.

Однажды, Алмазка бросился на мать и чуть не укусилъ ее; тогда только отецъ разстался съ своей злой собакой. Къ намъ ѣздилъ охотникъ изъ-за города, который занимался дрессировкой охотничьихъ собакъ и былъ зажиточный человѣкъ; онъ выпросилъ у отца Алмазку; отецъ его предупреджалъ, чтобъ онъ былъ остороженъ съ ней. Охотникъ обидчиво отвѣчалъ:

— Помилуйте, Яковъ Григорьевичъ, двадцать лѣтъ дрессирую собакъ и не справлюсь съ вашимъ Алмазкой! Я его выпокою такъ, что онъ у меня будетъ шелковый.

Черезъ мѣсяцъ этотъ охотникъ явился къ отцу съ перевязанной рукой.

— Что, братъ, вѣрно Алмазка поцѣловалъ у тебя руку?—спросилъ отецъ.

— За то же ему и досталось отъ меня, отучится кусаться!—отвѣчалъ охотникъ.

— Алмазка злопамятная собака, никогда не снимай съ него ошейника съ гвоздями, когда будешь бить его,—опять предостерегалъ отецъ охотника.

Охотникъ, вѣроятно, не послушался совѣта отца и Алмазка на охотѣ такъ изгрызъ его, что онъ долго хворалъ и умеръ.

Отець любилъ пѣвчихъ птицъ, у него было много дорогихъ жаворонковъ и соловьевъ. Онъ самъ насвистывалъ имъ мотивы, закрывая клѣтку зеленымъ коленкоромъ.

Въ карты отецъ не любилъ играть, а былъ искусный биллиардный игрокъ. Въ Петербургѣ былъ извѣстный биллиардный игрокъ маркеръ Тюря; съ нимъ отецъ иногда устраивалъ у себя партію и многіе любители биллиарда пріѣзжали смотрѣть на ихъ биллиардный поединокъ, держали большое пари кто за отца, кто за Тюрю. Очковъ впередъ они не давали другъ другу, а кидали жребій кому начинать. Случалось, что кто первый начиналъ, тотъ и выигрывалъ партію.

Тюря былъ невзрачной наружности человѣкъ, маленькаго роста, съ каштановыми волосами, остриженными въ кружокъ, съ жиденькой бородкой, одѣвался бѣдно, ходилъ въ поношенномъ длиннопо-

ломъ сюртукѣ, съ намотаннымъ на шеѣ бумажнымъ платкомъ и въ высокихъ сапогахъ съ кисточками.

Этого Тюрю я потомъ видѣла остриженного, завитого, разфранченнаго, въ свѣтломъ синемъ фракѣ, съ брилліантовымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ. Онъ выигралъ нѣсколько сотъ тысячъ злотъ въ польскую лотерею; но очень скоро прокутилъ ихъ, потому что его окружили пріатели, которые втянули его въ азартную игру въ карты, подбивали жить бариномъ, задавать пиры. Тюря обижался, что отецъ не пріѣзжалъ къ нему на его пиры.

— Хоть бы разъ посмотрѣли, Яковъ Григорьевичъ, какъ я теперь живу-сь,—сказалъ Тюря, пріѣхавъ разъ въ коляскѣ приглашать отца на обѣдъ къ себѣ.

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать къ тебѣ, я и такъ вижу, что ты дуракъ-дуракомъ сдѣлался,—отвѣчалъ отецъ.

Наконецъ, пріатели обыграли и обобрали его.

Долгое время послѣ этого Тюря не былъ у насъ, но вдругъ явился къ отцу и сталъ просить его сыграть съ нимъ партію на большія деньги, тогда какъ прежде партія всегда шла на пустяки.

— Вы думаете, Яковъ Григорьевичъ, что у меня денегъ нѣтъ? Да у меня теперь втрое больше стало, я вѣдь опять выигралъ въ польскую лотерею, надняхъ долженъ получить свой выигрышъ.

Отецъ смекнулъ, что въ головѣ у Тюри что-то не ладно.

— Когда получишь деньги, тогда и сыграемъ,—отвѣтилъ онъ,— а теперь мнѣ некогда.

— Я вамъ дамъ росписку, если проиграю, и сейчасъ же уплачу, какъ получу деньги. Я честный человѣкъ, Яковъ Григорьевичъ.

— Вѣрю, приходи въ другой разъ.

Но Тюря не уходилъ и говорилъ:

— Я теперь проученъ. Всѣ деньги вамъ отдамъ на храненіе, вы выдавайте мнѣ проценты, а если я потребую у васъ изъ капитала, гоните меня въ шею.

Отецъ насилу выжилъ отъ себя Тюрю; онъ все твердилъ о милліонѣ злотыхъ, которые выигралъ. Скоро пришло извѣстіе, что Тюря уже сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ.

Артистъ Куликовъ написалъ на Тюрю водевилъ въ трехъ актахъ подъ названіемъ «Ворона въ павлиныхъ перьяхъ».

Однажды, къ отцу явился пріѣзжій молодой, бѣлокурый купчикъ, очень красивый, почти такого же большого роста, какъ В. А. Каратыгинъ, но лучше сложенный. Этотъ молодой купчикъ изъ провинціи бѣжалъ отъ богатыхъ родителей, питая непреодолимую страсть къ сценѣ. Онъ зналъ, что богобоязненный отецъ лишитъ его наслѣдства, если онъ сдѣлается актеромъ, но не могъ побороть своей страсти къ сценѣ. Купчикъ зналъ наизусть много монологовъ изъ ролей В. А. Каратыгина. Отецъ никому не отказывалъ въ помощи поступить на сцену, если только это не была

совершенная бездарность. Купчикъ обладалъ громкимъ голосомъ и чуть ли не думалъ, что въ этомъ только и заключается вся сила сценической игры. Отецъ, проходя съ нимъ роль, которую купчикъ разучивалъ для своего дебюта, останавливалъ его, чтобы онъ не оралъ.

Мать была очень довольна, что готовится соперникъ на сценѣ у В. А. Каратыгина. Она принимала большое участіе въ дебютѣ купчика, который, кажется, выбралъ себѣ фамилію Мстиславскаго, или Ростиславскаго, что-то въ этомъ родѣ. Дебютъ Мстиславскаго удался, ему много аплодировала публика и два раза его вызвала. Театралы-купчики поддержали дебютанта. Мать торжествовала, потому что ей передавали, что Каратыгины отъ злости захворали.

На другой день явился къ намъ дебютантъ съ необыкновенно гордымъ видомъ и передавалъ отцу, что его игру нашли лучше В. А. Каратыгина.

— Далеко кулику до Петрова дня,—отвѣчалъ отецъ.—Сначала поработай надъ собой, какъ работалъ Каратыгинъ, да и то, братъ, не съ твоими мозгами быть хорошимъ актеромъ.

Мстиславскій очень обидѣлся на отца. Дебютанта приняли на театръ, благодаря хлопотамъ моей матери. Не знаю, какъ теперь, но прежде богатые купцы-театралы считали своею обязанностію спаивать молодыхъ актеровъ. Мстиславскій кутилъ съ ними постоянно, воображивъ, что учиться ему уже не нужно. Игралъ онъ очень рѣдко; говорили, что В. А. Каратыгинъ сильно интриговалъ противъ него, что, при всей своей скупости, онъ сдѣлалъ обѣдъ чиновникамъ, чтобы не давали тѣхъ трагедій, въ которыхъ игралъ Мстиславскій.

О скупости Каратыгина постоянно ходили анекдоты за кулисами. Рассказывали, что Каратыгинъ изъ экономіи никогда не надѣвалъ перчатокъ въ роли Чацкаго, а только держалъ ихъ въ рукахъ, и одна пара служила ему 10 лѣтъ.

Не могу сказать сколько времени Мстиславскій находился на сценѣ, но что-то не долго. Онъ совершенно спился. Разъ, вечеромъ, мы сидѣли за чаемъ съ тетками, отецъ и мать были въ театрѣ, вдругъ въ комнату вошелъ Мстиславскій; у него было такое страшное лицо, что тетки перепугались.

— Я пришелъ взять ружье у Якова Григорьевича, — сказалъ онъ, ни съ кѣмъ не поздоровавшись. — Вы, вѣроятно, ужъ знаете, что меня хотѣли отравить. Я трое сутокъ ничего въ ротъ не бралъ, такъ въ рукомошникъ подсыпали яду... Теперь убить меня хотятъ. всюду за мной ходятъ убійцы. Сейчасъ явятся сюда, но я нарочно сюда пришелъ, чтобы взять ружье у Якова Григорьевича и какъ только они появятся...

Мстиславскій прицѣлился, будто держитъ ружье, гаркнулъ: «Шифъ пафъ!» и разразился дикимъ смѣхомъ.

— Каратыгинъ останется съ носомъ, пропадутъ его денежки, которыя онъ далъ убійцамъ.

Тетки и мы сидѣли въ страхѣ. Когда Мстиславскій пошелъ въ кабинетъ, мы поспѣшили послать лакея въ театръ за отцомъ. Мстиславскому, вѣроятно, не удалось снять ружье со стѣны, онъ вернулся въ зало и расхаживалъ по комнатѣ, читая монологи.

По счастью, былъ антрактъ и отецъ пріѣхалъ въ костюмѣ. Онъ взялъ сумасшедшаго съ собой и сдалъ его въ полицейскую часть, которая находилась противъ нашего дома въ маленькомъ переулочкѣ.

Мстиславскій вскорѣ послѣ этого умеръ.

Балетмейстера Дидло мать принимала съ особеннымъ почетомъ: для него готовился всегда какой-то французскій супъ къ обѣду и покупалось дорогое бѣлое вино. Дидло, не смотря на долгое пребываніе въ Петербургѣ, говорилъ плохо порусски. Онъ былъ уже старикъ, худой, но необыкновенно подвижной. Носъ у него былъ предлинный. Я всегда отыскивала сходство въ людяхъ съ звѣрями или птицами, и Дидло, мнѣ казалось, походилъ на дупеля. У Дидло были свѣтлые, но сердитые глаза, онъ постоянно кусалъ свои тонкія губы и его всегда нервно передергивало. Я его терпѣть не могла, зная, что онъ билъ воспитанницъ и воспитанниковъ въ театральномъ училищѣ. Когда они ѣхали на репетицію балета или шли на его урокъ, то крестились и молили Бога, чтобы не испробовать палки Дидло на своей спинѣ и на носкахъ.

Въ театральной школѣ воспитывались младшія сестры моей матери; мы часто ходили туда съ тетками навѣщать ихъ. Я видѣла, какъ дѣвочки возвращались изъ класса танцевъ въ слезахъ и показывали синяки на своихъ ногахъ и рукахъ.

Въ это время Дидло уже не позволяли ставить свои балеты съ полетами маленькихъ воспитанницъ и воспитанниковъ, потому что случались несчастія во время спектакля. Разъ канаты лопнули и бѣдные дѣти съ значительной высоты упали, страшно ушиблись, а нѣкоторые сломали себѣ кто ногу, кто руку.

Дидло ужасно былъ смѣшонъ, когда стоялъ за кулисами и слѣдилъ за танцовщицами и танцорами на сценѣ. Онъ перегибался, улыбался, семенялъ ногами и вдругъ начиналъ злобно топтать тактъ ногой. А когда танцовали маленькія дѣти, то онъ грозилъ имъ кулаками, и бѣда имъ была, если они путались, составляя группы. Онъ набрасывался на нихъ за кулисами, какъ коршунъ: кого схватить за волосы и теребить, кого за ухо, а если кто увертывался отъ него, то давалъ ногой пинки, такъ что дѣвочка или мальчикъ отлетали далеко. И солисткамъ доставалось по окончаніи танца. При шумѣ рукоплесканій, счастливая танцовщица убѣгала за кулисы, а тутъ Дидло хваталъ ее за плечи, трясъ изъ всей силы, осыпалъ бранью и, давъ ей тумака въ спину, выталкивалъ опять на сцену, если ее вызывали.

Часто Дидло гонялся за кулисами за танцовщицей, которая изъ предосторожности убѣгала со сцены въ противоположную сторону, гдѣ онъ стоялъ, и пряталась отъ него. Взбѣшеннаго Дидло отливали водой.

Когда пронесся слухъ, что Дидло выходитъ въ отставку по не-пріятностямъ съ Гедеоновымъ, то школьные его ученики, ученицы и кордебалетъ съ нетерпѣніемъ ждали того счастливаго часа, когда простятся съ нимъ и съ его неразлучной палкой. Какъ хорошій балетмейстеръ и учитель Дидло пользовался извѣстностью; онъ привыкъ къ почету и не позволялъ никому вмѣшиваться въ свою часть, а Гедеоновъ съ своей стороны хотѣлъ доказать, что онъ полный властелинъ въ театрѣ и что никакія заслуги, никакой талантъ, для него не существуютъ.

Моя мать сильно хлопотала, какъ бы поторжественнѣе устроить овацію Дидло въ его прощальный бенефисъ. Я знала заранѣе всю программу овацій, которыя будутъ сдѣланы Дидло; сколько вѣнковъ будетъ поднесено ему, какой будетъ прочитанъ адресъ отъ почитателей его таланта и заслугъ, что всѣ неучаствующіе въ балетѣ танцоры и танцорки, даже тѣ, кто уже былъ на пенсіи, выведутъ его на сцену при первомъ вызовѣ и т. п.

Я съ сестрами, тетками и матерью, сидѣла въ ложѣ въ день бенефиса Дидло. Не помню, который изъ его балетовъ шелъ. Послѣ перваго акта стали вызывать Дидло; онъ вышелъ и за нимъ двинулась толпа танцоровъ и танцорокъ, весь кордебалетъ и всѣ участвующіе воспитанники и воспитанницы школы. При громѣ рукоплесканій, Дидло подали изъ оркестра два большіе вѣнка и одинъ маленькій. Одна изъ солистокъ возложила его на голову Дидло. Послѣ прочтенія адреса, однимъ изъ молодыхъ актеровъ, всѣ на сценѣ стали прощаться со старикомъ. Цѣловали Дидло, обнимали, а дѣти-ученики цѣловали у него руки. Это для меня было неожиданнымъ зрѣлищемъ. Аплодисментамъ и вызовамъ не было конца.

Моя мать пошла на сцену въ антрактъ и я послѣдовала за ней; но тамъ происходила другая сцена: Гедеоновъ кричалъ, что онъ всѣхъ оштрафуетъ за то, какъ смѣли безъ его позволенія выйти на сцену. Мать крупно побранилась съ Гедеоновымъ, и онъ ей сказалъ, что еслибъ у нея не было дѣтей, то онъ ее арестовалъ бы; но она ему отвѣчала со смѣхомъ: «Попробуйте, Александръ Михайловичъ, это сдѣлать!»

Волненіе за кулисами было страшное, когда Гедеоновъ отдалъ приказаніе, чтобъ никто не смѣлъ выходить на сцену, когда будутъ вызывать Дидло; но его не послушались: танцоры и танцорки на пенсіи выводили Дидло; да они и были старику необходимы. потому что онъ такъ ослабѣлъ отъ волненія, что его надо было поддерживать.

Въ моемъ дѣтствѣ артистамъ не подносили ни букетовъ, ни

вѣнковъ, ни подарковъ. На другой день бенефиса отъ государя присылался подарокъ на домъ: первымъ артистамъ — брилліантовый перстень, артисткамъ — серьги или фермуаръ.

Моду подносить букеты и подарки ввели иностранныя танцовщицы, появившіяся на петербургской сценѣ. Хотя обыкновенно говорятъ, что публика поднесла артисткѣ подарокъ или букеты, но она тутъ ни при чемъ. Инициатива всегда идетъ отъ одного лица: друга артиста, его родственниковъ, или отъ обожателя артистки. Если послѣдній не богатъ, то имъ собирается подписка на подарокъ за цѣлый мѣсяць до бенефиса артистки. За кулисами отлично знаютъ отъ какого лица полученъ подарокъ и цвѣты въ день бенефиса артиста или артистки. Всѣмъ заранѣе было извѣстно, что одинъ артистъ получить въ свой бенефисъ два вѣнка и два букета отъ своихъ родственниковъ и что въ его уборной широкія ленты снимутся и аккуратно сложатся, чтобы ихъ за полцѣны отвести въ лавку Гостиннаго двора, гдѣ онѣ были куплены; все же экономія для родственниковъ. Одинъ артистъ самъ себѣ покупалъ вѣнки и раздавалъ своимъ друзьямъ, чтобы они ему ихъ подносили въ бенефисъ.

Публика очень любитъ присутствовать при поднесеніяхъ цвѣтовъ и подарковъ артистамъ и щедро бываетъ на аплодисменты. Я никогда не видала такого обилія цвѣтовъ, какимъ была заброшена танцовщица Смирнова. Она была одного выпуска съ Андриановой, которой театральные балетоманы постоянно страшно шикали. Это было ихъ мщеніе Гедеонову, который особенно былъ расположенъ къ Андриановой. На Гедеонова была зла молодежь первыхъ рядовъ кресель за то, что онъ принялъ строгія мѣры къ недопущенію ихъ стоять у театральнаго подъѣзда, когда послѣ спектакля воспитанницы сѣли въ кареты и переговаривались съ ними. Гедеоновъ далъ приказаніе своимъ чиновникамъ сопровождать кареты воспитанницъ до школы, чтобы онѣ не могли изъ оконъ говорить съ своими обожателями, ѣхавшими рядомъ. Чиновниковъ обожатели оттискивали отъ оконъ каретъ, а одного чиновника, болѣе ревностнаго, вывалили въ грязь изъ дрожекъ. Послѣ этого, одно время, кареты воспитанницъ сопровождали конные жандармы.

У Смирновой была сильная партія. Неваховичъ — каррикатуристъ — содержалъ ее, а потомъ женился на ней. Этотъ Неваховичъ чуть ли не первый началъ издавать еженедѣльные листы каррикатуръ, подъ заглавіемъ «Ералашъ». Неваховичей было два брата и они имѣли большой капиталъ, но очень скоро его прожили. Старшій братъ былъ женатъ на русской пѣвицѣ, я забыла ея фамилію; когда онъ былъ женихомъ, то рвалъ сто рублевая ассигнаціи ей на тапильотки. Проживъ всѣ деньги, старшій Неваховичъ сдѣлался театральнымъ чиновникомъ. Онъ былъ гораздо

старше своего брата каррикатуриста и до его совершеннолѣтія успѣлъ прожить большую часть и его денегъ.

Чуть не въ каждомъ номерѣ «Ералаша» въ каррикатурахъ фигурировалъ Гедеоновъ, театральные чиновники, въ томъ числѣ братъ Неваховича, и Андріанова. Неваховичъ былъ остроумень и иногда подбиралъ очень удачныя подписи подъ каррикатурами. Всѣ молодые балетоманы примкнули къ Неваховичу. Разъ, шелъ балетъ, гдѣ Андріанова танцевала первую, а Смирнова незначительную роль. Молодежь изъ партіи Неваховича узнала, пріѣхавъ въ спектакль, что театральные чиновники приготовили Андріановой букетъ. Сейчасъ же запаслись букетомъ и для Смирновой; чиновники, провѣдавъ это, купили еще другой. Тогда партія Неваховича, соблюдя всѣ предосторожности, чтобы не провѣдали чиновники, запаслась двумя платяными корзинами цвѣтовъ, заняла двѣ литерныя ложи вверху, а всѣхъ знакомыхъ, кто сидѣлъ въ боковыхъ ложахъ, просила бросать букеты Смирновой. Партія Смирновой торжествовала, шуму въ партерѣ было много.

Какъ танцовщица, Андріанова была лучше Смирновой, потому что танцевала съ одушевленіемъ и наружность имѣла красивѣе, Смирнова же была безжизненная и очень некрасива. Благодаря враждебнымъ отношеніямъ партій, обѣ онѣ сдѣлались выдающимися танцовщицами; безъ этого ихъ сценическое поприще было бы очень скромное.

Заговоривъ о балетѣ, кстати упомяну и о танцовщицѣ Истоминой, ученицѣ старика Дидло, о которой Пушкинъ упоминаетъ съ восторгомъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ».

Я видѣла Истомуину уже тяжеловѣсной, растолстѣвшей, пожилой женщиной. Желая казаться моложавой, она была всегда набѣлена и нарумянена. Волосы у нея были черныя, какъ смоль; говорили, что она ихъ красить. Глаза у Истоминой были большіе, черныя и блестящіе. У насъ она прежде не бывала, но теперь пріѣхала просить отца приготовить къ дебюту воспитанника Годунова, рослаго, широкоплечаго, съ туповатымъ выраженіемъ лица юношу. Она покровительствовала ему.

Постомъ, въ театральной школѣ, передъ выпускомъ, устраивались спектакли для выпускныхъ воспитанниковъ, въ присутствіи Гедеонова, чиновниковъ и родственниковъ играющихъ воспитанниковъ и воспитанницъ. Давались по акту трагедій, оперъ и водевили. Истомина выхлопотала, чтобы Годунову дали роль въ трагедіи для того, чтобы при выпускѣ онъ могъ получить побольше жалованья.

Отецъ прямо сказалъ Истоминой, что Годуновъ самый бездарный юноша. Истомина не повѣрила и обратилась къ В. А. Каратыгину. Не знаю, правда ли, будто Каратыгинъ получилъ отъ Истоминой значительный подарокъ за свои занятія съ Годуновымъ. Отецъ никогда не бралъ денегъ ни съ кого, кто обращался къ нему

съ просьбой приготовить къ сценѣ; всё это знали и никто не смѣлъ дѣлать ему подарковъ.

Годунова выпустили изъ школы съ окладомъ жалованья наравнѣ съ талантливыми воспитанниками: Истомина не жалѣла денегъ на подарки чиновникамъ.

Вскорѣ послѣ этого, Истомина вышла замужъ за Годунова и онъ быстро растолстѣлъ; его лицо лоснилось отъ жиру. Когда онъ сидѣлъ въ ложѣ съ своей супругой, то самодовольно на всѣхъ поглядывалъ, потому что сіялъ брилліантами: шарфъ у него былъ заколотъ брилліантовой булавкой, на рубашкѣ и даже на жилетѣ пуговицы были брилліантовыя. Онъ не надѣвалъ перчатку на ту руку, на пальцѣ которой было надѣто кольцо съ большимъ брилліантомъ. Но недолго Истомина наслаждалась своимъ позднимъ супружескимъ счастьемъ; ея здоровьякъ-мужъ схватилъ тифъ и умеръ. Неутѣшная вдовица воздвигла дорогой памятникъ во цвѣтѣ лѣтъ умершему супругу и даже собиралась поступить въ монахини.

Случилось похищеніе выпускной воспитанницы Кохъ изъ театральной школы. Смятеніе было ужасное; она исчезла во время ужина, отказавшись отъ него подъ предлогомъ головной боли и осталась одна въ дортуарѣ. Директоръ, инспекторъ школы, всѣ театральные чиновники, старушка-директриса, всѣ классныя дамы, пришли въ ужасъ, потому что всѣмъ было извѣстно, что Кохъ обратила на себя вниманіе очень важной особы.

Однако, всѣ благополучно выпутались изъ этой исторіи; осталась виновной только безгласная старушка-директриса, да сторожъ у воротъ: ихъ отставили отъ службы. Похититель долго укрывалъ Кохъ въ своихъ имѣніяхъ, не смотря на строжайшее приказаніе государя Николая Павловича розыскать и его, и похищенную. Наконецъ, похитителя нашли—это былъ князь В.; его посадили въ крѣпость; какое наказаніе постигло Кохъ—не знаю.

П. С. Федоровъ, водевилистъ, до похищенія Кохъ былъ незначительнымъ чиновникомъ при театрѣ; онъ сочинилъ юмористическіе куплеты, положилъ ихъ на музыку и пѣлъ у насъ. Послѣ каждаго куплета повторялось: «Охъ, убѣжала Кохъ». Онъ такъ ловко подстроилъ, что начальство не подозрѣвало, что онъ сочинитель этихъ куплетовъ, а приписывало ихъ одному театралу. Въ этихъ куплетахъ упоминалось все театральное начальство.

Театральная школа находилась черезъ домъ отъ насъ, на Екатерининскомъ каналѣ. Влюбленные въ воспитанницъ, каждый день прохаживались безсчетное число разъ по набережной канала, мимо оконъ школы. Воспитанницы помѣщались въ третьемъ этажѣ, а воспитанники во второмъ. До похищенія Кохъ не было такихъ строгостей въ школѣ, какъ потомъ. Воспитанницы постоянно смотрѣли въ окна и вели счетъ сколько разъ пройдетъ обожатель, и мѣра влюбленности считалась числомъ прогулокъ мимо оконъ.

Пушкинъ тоже былъ влюбленъ въ одну изъ воспитанницъ танцорокъ и также прохаживался одну весну мимо оконъ школы и всегда проходилъ по маленькому переулку, куда выходила часть нашей квартиры, и тоже поглядывалъ на наши окна, гдѣ всегда сидѣли тетки за шитьемъ. Онѣ были молоденькія, недурны собой. Я подмѣтила, что тетки всегда волновались, завидя Пушкина и краснѣли, когда онъ смотрѣлъ на нихъ. Я старалась заранѣе встать къ окну, чтобы посмотреть на Пушкина. Тогда была мода носить испанскіе плащи, и Пушкинъ ходилъ въ такомъ плащѣ, закинувъ одну полу на плечо.

Не могу опредѣлительно сказать, сколько времени прошло послѣ того, какъ прогуливался Пушкинъ мимо нашихъ оконъ; но, однажды, въ театрѣ, я сидѣла въ ложѣ съ сестрами и братьями и съ одной изъ тетокъ. Почти къ послѣдному акту въ сосѣднюю ложу, гдѣ сидѣли двѣ дамы и старичекъ, вошелъ курчавый, блѣдный и худощавый мужчина. Я сейчасъ же замѣтила, что у него на одномъ пальцѣ надѣто что-то въ родѣ золотого наперстка. Это меня заинтересовало. Мнѣ казалось, что его лицо мнѣ знакомо. Курчавый господинъ зѣвалъ, потягивался и не смотрѣлъ на сцену, а глядѣлъ больше на ложи, отвѣчалъ нехотя, когда съ нимъ заговаривали дамы пофранцузки. Вдругъ я припомнила, гдѣ я его видѣла и, дернувъ тетку за рукавъ, шепнула ей: «сади насъ сидитъ Пушкинъ». Я потому его сразу не узнала, что никогда не видѣла его безъ шляпы. Но Пушкинъ скоро ушелъ изъ ложи. Болѣе мнѣ не удалось его видѣть. Уже взрослой я узнала значеніе золотого наперстка на его пальцѣ. Онъ отростилъ себѣ большой ноготь и чтобъ послѣдній не сломался, надѣвалъ золотой футляръ.

Актеръ А. М. Максимовъ былъ въ послѣднемъ классѣ театральной школы и ходилъ къ отцу учиться дикціи. Отецъ его отучалъ растягивать слова и говорить въ носъ. Онъ скоро приобрѣлъ расположеніе публики, играя въ водевиляхъ.

Я помню, что когда ставили «Ревизора» на сцену, всѣ участвующіе артисты какъ-то потерялись; они чувствовали, что типы, выведенные Гоголемъ въ піесѣ, новы для нихъ и что эту піесу нельзя такъ играть, какъ они привыкли разыгрывать на сценѣ свои роли въ передѣланныхъ на русскіе нравы французскихъ водевиляхъ.

Послѣ смерти Дюра, Максиму дали роль Хлестакова; онъ явился къ отцу, чтобы тотъ его прослушалъ.

Когда Максимовъ прочелъ свою роль, отецъ сказалъ ему:

— Въ глупомъ водевилѣ кривлянье не хорошо, а въ такой комедіи актера надо высѣчь. Ты запомни это.

Максимовъ въ молодости былъ бы недурень собой, еслибъ его лица не портилъ большой ротъ и скверные зубы. Говорили, что у него чахотка, когда онъ еще былъ въ школѣ; но ошиблись. Максимовъ смолоду очень кутилъ съ богатыми своими пріятелями-теа-

тралами, но прожилъ долго. Женился онъ на танцовщицѣ Аполинской или Полинской, какъ только ее выпустили изъ школы и получилъ за ней приданое, выданное ей отъ дирекціи театра, 40 тысячъ. Впрочемъ, не могу навѣрно опредѣлить цифру. Эти выдачи приданого достались только двумъ танцовщицамъ: той, на которой женился В. В. Самойловъ, и женѣ Максимова. Такое счастье, впрочемъ, обуславливалось особыми причинами... Прочіе артисты, женившіеся на воспитанницахъ театральной школы, не получали даже пособія на свои свадьбы.

Двѣ танцовщицы, награжденные приданымъ, не были выдающимися артистками, но пользовались большими привилегіями при театрѣ и получали хорошій окладъ жалованья, хотя послѣ замужества онѣ рѣдко появлялись на сценѣ, а потомъ и совсѣмъ не танцевали, а жалованье все-таки получали.

Пѣвца Петрова я помню, какъ только онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ; онъ ходилъ къ намъ въ это время каждый день обѣдать, пилъ чай и ужиналъ. Онъ учился дикціи у отца. Петровъ много работалъ, чтобы уничтожить малороссійскій акцентъ въ своемъ выговорѣ. Онъ учился пѣть у Кавоса, который преподавалъ пѣніе въ театральной школѣ. Говорили, что Петровъ былъ пѣвчимъ у какого-то архіерея въ Малороссіи.

Наружность Петрова была коренастая, плечи очень широкія, большая голова съ густыми, черными волосами. Онъ былъ очень смуглый и походилъ на цыгана. Говорилъ онъ очень скоро, за что не разъ доставалась ему головомойка отъ отца, когда Петровъ читалъ стихи или прозу.

— Зарубилъ! слушая тебя, можно подумать, что капусту рубятъ въ комнатѣ. Мягче выворачивай слова и медленнѣе придерживай свой языкъ, а то онъ у тебя вертится во рту точно спущенный волчекъ.

Кто помнитъ пѣвца Петрова, знаетъ хорошо, что въ его пѣніи было явственно слышно каждое слово. Всѣ, кого училъ отецъ дикціи, имѣли ясный выговоръ. Онъ слѣдовалъ методѣ князя Шаховского, который выходилъ изъ себя, если актеръ, или актриса, не явственно выговаривали слова. При урокахъ дикціи отецъ всегда добивался поставить правильно голоса, какими обладали его ученики; иногда доводилъ ихъ до слезъ; начнетъ читать ученица, онъ ее останавливаетъ:

— Пицишь, сначала... низко взяла.

— Яковъ Григорьевичъ!—жалобно говорила ученица,—да я не могу-съ иначе читать.

— Врешь, когда говоришь, такъ голосъ у тебя другой.

Отецъ сердился, когда въ монологѣ перевирали слова.

— Смѣй только перевираять слова и поправляться! Никуда не будешь годеишь, войдетъ въ привычку, пропадешь! Такое бражнешь

на сценѣ, что жизни не будешь радъ. Выучи такъ монологъ, чтобы ни на одномъ словѣ не заикнуться, а гдѣ запинаешься, такъ сто разъ прочитай одно и то же.

Бывали такіе несчастные актеры и актрисы, что постоянно перевирали слова, даже цѣлыя фразы, и въ самыхъ трагическихъ мѣстахъ своей роли, какъ на примѣръ: «я теперь покоенъ, ключи заперты и двери въ карманѣ», или, какъ въ «Горе отъ ума» лакей докладываетъ: «карета въ барынѣ и гнѣваться изволить». Дюръ въ какой-то драмѣ, изображая королеву, долженствующую подписать смертный приговоръ, произнесла: «подайте мнѣ чиро и пило», вмѣсто чернилъ и перо.

Комика Дюра я помню съ самаго ранняго дѣтства. Онъ былъ высокаго роста, очень худой, слегка рябоватый, съ свѣтлыми бѣлокурыми волосами, съ такими же бровями. Въ юныхъ годахъ его считали не долговѣчнымъ, находя, что у него чахотка. Ему было уже лѣтъ 35, а можетъ быть болѣе, когда онъ влюбился въ воспитанницу театральнаго школы, танцовщицу Новицкую, красавицу соуой. Какъ танцовщица, она не особенно была хороша, да и ея высокій ростъ не шель къ этому искусству. Красоту ея портилъ безкровный цвѣтъ лица. Тогда еще не обращали вниманіе на малокровіе; страдающихъ этою болѣзнію не лечили, а приписывали блѣдность признакамъ чахотки. Въ Петербургѣ была порядочная нѣмецкая оперная труппа, въ которой особенно выдѣлялся теноръ Голандъ. На нѣмецкой сценѣ поставлена была опера «Фенелла» и воспитанницѣ Новицкой дали роль Фенеллы. Она такъ была красива въ роли нѣмой и такъ хорошо играла, что у нея явилось множество поклонниковъ въ первыхъ рядахъ кресель, изъ блестящихъ молодыхъ людей.

Государь часто въ антрактахъ приходилъ на сцену разговаривать съ артистами и всякій разъ обращалъ вниманіе на воспитанницу Новицкую. Когда государь бывалъ на сценѣ,—за кулисами водворялась полнѣйшая тишина; по сценѣ никто не ходилъ, вездѣ стояли чиновники, наблюдая, чтобы кто-нибудь по нечаянности не выскочилъ на сцену. Министръ двора и Гедеоновъ стояли въ почтительномъ разстояніи, наготовѣ, если государь пожелаетъ сдѣлать какой-нибудь вопросъ. Наконецъ, государю надоѣла эта грубовая тишина за кулисами и на сценѣ, и онъ отдалъ приказаніе, чтобы никогда не стѣснялись его присутствіемъ и всѣ дѣлали бы свое дѣло. Надо было видѣть, какъ суетились чиновники, чтобы на примѣръ плотники, таща кулису, не задѣли государя, какъ всѣ артистки расхаживали по сценѣ въ надеждѣ, что ихъ осчастливитъ государь своимъ вниманіемъ. Чтобы не задерживать публику, государь приказалъ Гедеонову докладывать ему, когда все готово для поднятія занавѣса и немедленно уходилъ въ свою ложу.

Красавицу Новицкую выдали замужемъ за Дюра. Это произвело

страшный переполохъ. Всѣ танцовщицы считали Новицкую необыкновенной душой, потому что ей представлялась блестящая карьера жить въ роскоши и обезпечить себя капиталомъ.

Воспитанницы театральнoй школы были тогда пропитаны традиціями своихъ предшественницъ и заботились постоянно заготовить себѣ, еще находясь въ школѣ, богатаго поклонника, чтобы при выходѣ изъ школы прямо сѣсть въ свою карету и ѣхать на заготовленную квартиру съ приданнымъ бѣлья и богатаго туалета.

Поклонники Новицкой были озлоблены на нее, что она вышла замужъ за актера. Когда ей пришлось въ первый разъ выходить на сцену, послѣ замужества, она очень боялась, потому что за кулисами распространились слухи, что ей будутъ шикать. Дюръ старался ободрять жену передъ выходомъ на сцену, но самъ былъ въ страшномъ волненіи. Присутствіе государя въ театрѣ, вѣроятно, помѣшало демонстраціи озлобленныхъ ея поклонниковъ. Они ограничились тѣмъ, что не аплодировали ей, тогда какъ прежде до неистовства хлопали въ ладоши при ея появленіи и въ продолженіе всего спектакля.

Дюру было не мало тревогъ и заботъ съ красавицей молоденькой женой. Дома онъ долженъ былъ умолять ее на колѣняхъ, чтобы она, какъ встанетъ, сѣбла бы бифштексъ и выпила бы стаканъ портеру, по предписанію доктора. Онъ боялся, чтобы у жены не развилась чахотка. За кулисами онъ долженъ былъ слѣдить, чтобы ей не попало въ руки письмо съ объясненіемъ въ любви и блестящими предложеніями отъ богачей. Онъ самъ возилъ ее на репетиціи и когда она лѣнилась дѣлать упражненія, то уговаривалъ ее, какъ ребенка, кормилъ леденцами, заранѣе запасенными въ карманѣ. Онъ былъ мученикъ, когда не могъ сопровождать свою молоденькую жену въ театръ, потому что самъ былъ занятъ въ другомъ театрѣ. За заботы о здоровьѣ жены Дюръ былъ вознагражденъ: малокровіе ея пропало и на щекахъ появился нѣжный румянецъ, что еще болѣе придавало красоты ея лицу. По мѣрѣ того, какъ жена полнѣла, мужъ чахъ и умеръ въ чахоткѣ.

Дюръ осталась молодой вдовой съ малолѣтней дочерью. Она лѣнилась упражняться въ танцахъ и стала играть въ балетахъ только роли матерей и должна была гримировать свое красивое лицо морщинами. Она перешла на драматическое амплуа и пользовалась покровительствомъ Гедеонова. Какъ актриса, она была не особенно выдающаяся, но выигрывала много мимикой своего красиваго лица. Къ тридцати годамъ Дюръ необычайно растолстѣла, но лицо оставалось красивымъ, а дослуживъ до пенсіи и оставя сцену, она сдѣлась толстой уже до безобразія. Дюръ скопила себѣ капиталецъ и вышла замужъ за чиновника, съ которымъ соединилась раньше гражданскимъ бракомъ. Но этотъ чиновникъ былъ картежникъ и проигралъ ея капиталъ, дачу, даже заложилъ всѣ ея брид-

ліанты, да еще растратилъ казенныя деньги. Это такъ подѣйствовало на Дюръ, что она слегла въ постель, долго прохворала и умерла.

Извѣстно, что въ первую холеру, въ 1832 году, среди народа распространились нелѣпые слухи, будто его отравляютъ поляки и всѣ доктора подкуплены ими, чтобы въ больницахъ морить людей. Я видѣла съ балкона, какъ на Офицерской улицѣ въ мелочной лавкѣ поймали отравителя, и расправлялись съ нимъ на улицѣ. Какъ только лавочникъ, выскочивъ на улицу, закричалъ «отравитель!», мигомъ образовалась толпа и несчастнаго выволокли на улицу. Отецъ побѣждалъ спасать его. Лавочники и многіе другіе знали хорошо отца, и онъ едва уговорилъ толпу отвести лучше отравителя въ полицію и пошелъ самъ съ толпой въ часть, которая находилась въ маленькомъ переулочкѣ противъ нашего дома. Фигура у несчастнаго «отравителя» была самая жалкая, платье на немъ изорвано, лицо въ крови, волосы вклокочены, его подталкивали въ спину и въ бока; самъ онъ уже не могъ идти.

Это былъ бѣдный чиновникъ; навлекъ на него подозрѣніе кисель, которымъ онъ думалъ угостить своихъ дѣтей. Идя со службы, онъ купилъ фунтъ картофельной муки и положилъ свертокъ въ карманъ шинели; вспомнивъ, что забылъ купить сахару, онъ зашелъ въ мелочную лавку, купилъ полфунта сахару, сунулъ его въ карманъ, бумага съ картофельной мукой разорвалась и запачкала его руку. Лавочники, увидавъ это, и заорали «отравитель».

Описанный случай былъ прелюдіей народнаго волненія на Сѣнной площади, которое произошло черезъ нѣсколько дней. Часовъ въ 6 вечера, вдругъ по улицѣ сталъ бѣжать народъ, крича «на Сѣнную». Какъ теперь, вижу рослаго мужика съ растегнутымъ воротомъ рубашки, засученными рукавами, поднявшаго свои кулачища и кричавшаго на всю улицу: «Ребята, всѣхъ докторовъ изобьемъ». «На Сѣнную, на Сѣнную!» раздавались крики бѣжавшихъ. Очевидцы рассказывали, что докторовъ стаскивали съ дрожекъ и избивали до смерти. Только необычайное присутствіе духа и самоотверженіе императора Николая Павловича прекратили бунтъ въ самомъ началѣ.

Улицы и безъ того были пустыньны въ холеру, но послѣ катастрофы на Сѣнной сдѣлалось еще пустыньнѣе; всѣ боялись выходить, чтобы ихъ не приняли за докторовъ и не учинили бы расправу.

У насъ по всѣмъ комнатамъ стояли плошки съ дегтемъ и по нѣсколько разъ въ день курили можжевельникомъ. Въ нашей семьѣ никто не захворалъ холерой. Каждый день наша прислуга сообщала намъ, ходившіе въ народѣ, слухи, одинъ нелѣпѣе другого: то будто вышелъ приказъ, чтобы въ каждомъ домѣ заготовить нѣсколько гробовъ, и какъ только кто захворалъ холерой, то сейчасъ же да-

вать знать полиціи, которая должна положить больного въ гробъ, заколотить крышку и прямо везти на кладбище, потому что холера тотчасъ же прекратится отъ этой мѣры. А то выдавали за достовѣрное, что каждое утро и вечеръ во всѣ квартиры будетъ являться докторъ, чтобы осматривать всѣхъ живущихъ и если кто и здоровъ, но доктору покажется больнымъ, то его сейчасъ же посадятъ въ закрытую фуру и увезутъ въ больницу подъ конвоемъ.

Нелѣпнѣйшихъ предосторожностей отъ холеры было множество. Находились такіе субъекты, которые намазывали себѣ все тѣло жиромъ кошки; у всѣхъ стояли настойки изъ краснаго перцу. Пили деготь. Одинъ господинъ каждый день пилъ по рюмкѣ бычьей крови.

II.

Семейство Самойловыхъ. — Столкновение В. В. Самойловой съ Геденовымъ. — А. Е. Мартыновъ. — Случай, выдвинувшій его на сценѣ. — Его разсказъ о непріятностяхъ, перенесенныхъ во время артистической карьеры. — Письмо Островскаго о смерти Мартынова. — Исторія одного управляющаго театральною конторой. — Порядокъ въ тогдашней театральной школѣ. — Мое появленіе въ живыхъ картинахъ. — Балетмейстеръ Титусъ. — Танцовщица Таліони. — Геденовъ и воспитанница Андрианова. — Французская актриса Мина. — Профессоръ пѣнія Кавось. — Пѣвицы Воробьева и Степанова.

Еще дѣвочкой я слышала В. В. Самойлова, когда онъ пѣлъ въ оперѣ «Волшебный стрѣлокъ» вмѣстѣ съ своимъ отцомъ. Первоначально, молодой Самойловъ поступилъ на сцену пѣвцомъ. Все семейство Самойловыхъ я знала, начиная съ ихъ отца, матери, взрослыхъ ихъ дочерей, сыновей и кончая маленькой дѣвочкой, которая была однихъ лѣтъ со мной, или не много помоложе меня. Старшія дочери старика Самойлова ходили въ гости въ теткамъ, а съ младшими я видѣлась въ клубномъ нѣмецкомъ саду, который на лѣтній сезонъ помѣщался на Мойкѣ, близъ Поцѣлуева моста, въ домѣ раззорившагося Альбрехта, выстроившаго для себя домъ съ разными барскими затѣями: съ манежемъ, съ оранжереями и большимъ садомъ. Экономные распорядители нѣмецкаго клуба за плату на все лѣто пускали дѣтей гулять только до 7 часовъ вечера, потому что потомъ собирались члены, играли въ кегли и въ карты.

Старшій сынъ старика Самойлова былъ уже чиновникомъ и членомъ клуба; онъ любилъ разговаривать со мной, кормилъ сладкими пирожками и защищалъ меня и братьевъ передъ распорядителями клуба, которымъ садовникъ приносилъ жалобы на насъ, что мы лазимъ по крышѣ бесѣдки, по заборамъ, таскаемъ яблоки съ деревьевъ. Его двѣ младшія сестры также приходили въ садъ гулять. На-

дежда Васильевна была уже подростокъ, очень бойкая, и постоянно говорила, какъ она поступитъ на сцену и какія будетъ играть роли. Вѣра Васильевна была очень молчаливая дѣвочка, не любила бѣгать и все сидѣла на одномъ мѣстѣ.

Въ садъ ходила гулять и дочь актрисы Асеньковой. Она была лѣтъ 14, казалась взрослой, но любила еще побѣгать и мы съ ней до упаду бѣгали въ перегонку. Асенькова была очень хорошенькая и я гордилась, что большая дѣвочка и такая хорошенькая не пренебрегаетъ мной.

Двухъ Самойловыхъ и Асенькову мнѣ пришлось видѣть впоследствіи на сценѣ. Надежда Васильевна Самойлова и Асенькова были на одномъ амплуа. Обѣ были хорошія водевильныя актрисы. Гуляя дѣвочками въ саду и разговаривая между собой, онѣ тогда, конечно, и не думали, что наступитъ время, когда между ними возникнетъ непримиримая вражда. Самая младшая сестра, Вѣра Васильевна Самойлова, поступила на сцену на драматическія роли, была красива собой, высокаго роста, съ изящными манерами, и какъ актриса была талантливѣе своихъ сестеръ. Самая старшая сестра, Марья Васильевна Самойлова, пробыла не долго на сценѣ и вышла замужъ. Изъ семейства старика Самойлова на сценѣ были три дочери и одинъ сынъ. Надо замѣтить, что старики Самойловы очень заботились о воспитаніи своихъ дѣтей. Дѣвочекъ отдавали въ хорошіе пансіоны, а мальчиковъ въ разныя заведенія. В. В. Самойловъ случайно попалъ на сцену; онъ былъ горный офицеръ. За кулисами ходили слухи, что онъ имѣлъ какую-то непріятную исторію на одномъ общественномъ собраніи въ провинціальномъ городѣ, гдѣ служилъ, и вслѣдствіе этого снялъ мундиръ, пріѣхалъ къ отцу и поступилъ на сцену.

Вѣра Васильевна Самойлова покинула сцену скоро, не смотря на то, что ея игру публика очень цѣнила, даже государь Николай Павловичъ одно время каждый разъ бывалъ въ театрѣ, когда она играла, и часто въ антрактахъ выходилъ на сцену и разговаривалъ съ ней. Но Гедеоновъ не влюбилъ Вѣру Васильевну. Она держала себя съ нимъ гордо. Закулисные сплетни раздували непріязнь и разные чиновники, разумѣется, доносили Гедеонову о каждомъ словѣ, сказанномъ о немъ В. В. Самойловой.

Контрактъ ея съ дирекціей кончался и надо было возобновлять его, но Гедеонову этого не хотѣлось и онъ, что называется, допекать ее не мытьемъ, такъ катаньемъ. Самойлова потребовала новый лифъ къ бархатному платью для одной роли. Это такой пустякъ, о которомъ никогда не докладываютъ директору, а тутъ услужливые чиновники доложили ему. Гедеоновъ велѣлъ ей отвѣтить, что «и старый хорошъ для нея». На репетиціи В. В. Самойлова объявила, что не выйдетъ на сцену въ старомъ лифѣ. Сшить лифъ можно было въ нѣсколько часовъ, тѣмъ болѣе, что бархатное

платье Самойлова должна была надѣть въ послѣднемъ актѣ. Гедеонову нужно было, чтобы государь присутствовалъ въ театрѣ, когда Вѣра Васильевна исполнитъ свое слово и не выйдетъ на сцену. Онъ назначилъ танцовать въ дивертисментѣ тѣхъ воспитанницъ, которыхъ государь любилъ видѣть. Государь, точно, пріѣхалъ въ театръ, но къ послѣднему акту драмы. Въ то время за кулисами уже происходила исторія. Вѣра Васильевна сидѣла въ уборной и не надѣвала стараго лифа. Антрактъ затянулся. Государь послалъ узнать почему не поднимаютъ занавѣсъ. Гедеоновъ явился въ ложу государя и доложилъ, что Самойлова не хочетъ одѣваться, потому что ей не сдѣлали новаго бархатнаго платья, что она предъявляетъ такія невѣроятныя требованія по своему гардеробу, которыя влекутъ страшные расходы.

— Скажи, что я приказываю ей выйти на сцену, — отвѣтилъ государь.

Гедеоновъ, торжествуя, передалъ волю государя Самойловой. Конечно, она поспѣшила выйти на сцену. Если бы она знала, что государь пріѣхалъ въ театръ, то разумѣется не стала бы входить въ препирательства съ Гедеоновымъ ¹⁾.

¹⁾ Примѣчаніе редакціи. Изъ вполне достовѣрныхъ источниковъ случай этотъ намъ переданъ нѣсколько иначе; именно: были въ разгарѣ представленія переводной драмы «Графиня Клара д'Обервиль», — Самойлова 2-я играла, конечно, главную роль. Въ началѣ одной недѣли сезона, по обыкновенію, ей подають репертуаръ, въ коемъ значится, что въ концѣ недѣли должна быть исполнена драма въ Михайловскомъ театрѣ (въ то время иногда русскіе спектакли давались и въ Михайловскомъ театрѣ). Самойлова, зная, что казенное платье, надеваемое ею въ этой пьесѣ, порядочно потрепано, и что это особенно можетъ броситься въ глаза на сценѣ маленькаго Михайловскаго театра, потребовала себѣ новаго платья, заявивъ категорически, что въ старомъ она пьесы играть не будетъ. Дирекція обѣщала сшить платье, но, хотя въ продолженіе цѣлой недѣли артистка объ этомъ напоминала, портниха для примѣрки не являлась. Когда подошелъ день спектакля и требованіе артистки все-таки не было исполнено, она отказалась играть; пьесу пришлось снять съ афиши и возвратитъ публикѣ деньги за билеты, которые всѣ были раскуплены. Случай этотъ дошелъ до свѣдѣнія государя Николая Павловича, при чемъ, конечно, былъ переданъ какъ капризъ артистки, лишившей дирекцію полнаго сбора. Государь спросилъ: «Что же ей за это будетъ?» — Директоръ отвѣчалъ, что намѣренъ назначить ей штрафъ въ количествѣ полнаго сбора театра (т. е. слишкомъ тысячи руб.). Хотя Самойлова была первая артистка и получала высшій окладъ, но оклады того времени далеко не были тѣмъ, что они теперь; жалованье никогда не превышало тысячи четырехста съ чѣмъ-то рублей (4,000 р. асс.) и главный доходъ артистовъ былъ равовыя деньги и бенефисъ. Такимъ образомъ, Самойлова едва ли въ общей суммѣ получала болѣе семи тысячъ рублей годового содержанія; такъ что тысячный штрафъ для нея долженъ былъ быть очень чувствителенъ. Оттого государь заинтересовался узнать, какъ артистка приняла эту кару и когда ему доложили, что она вполне равнодушно сказала: «берите штрафъ!» — онъ остался очень доволенъ такимъ безкорыстіемъ художника и велѣлъ штрафъ простить. Но потомъ, встрѣчая Самойлову на сценѣ, неоднократно шуточно грозилъ ей, приговаривая: «ухъ какая!» Во всякомъ случаѣ этотъ инцидентъ никакъ не былъ причиной, почему артистка оставила сцену. Она закончила свою артистическую карьеру только оттого, что вышла замужъ за гвардейскаго офицера Мичурина.

Послѣ этого спектакля, она сама не захотѣла возобновить условія съ дирекціей и, покинувъ сцену, вышла замужъ.

Смерть отца Самойловыхъ была очень трагическая. Въ 1839 г. онъ поѣхалъ съ пріятелями на лодкѣ подъ парусами на петергофскій праздникъ. Желѣзныхъ дорогъ тогда не было, не знаю ходили ли тогда частные пароходы изъ Петербурга въ Петергофъ? Всѣ, желающіе посмотрѣть иллюминацію въ Петергофѣ, отправлялись въ экипажахъ или на лодкахъ. Въ шесть часовъ вечера неожиданно разыгралась страшная буря; много лодокъ погибло на взморьѣ и въ томъ числѣ лодка съ старикомъ Самойловымъ.

Отъ Александровскаго театра къ Чернышеву мосту строился рядъ домовъ, въ которыхъ должна была помѣститься вся административная часть театра, театральная школа и квартиры артистамъ. Первоначальный фасадъ домовъ предполагался по плану Пале-рояля въ Парижѣ. Съ двухъ сторонъ шли арки, а въ глубинѣ ихъ должны были находиться помѣщенія для кофейныхъ и для магазиновъ. Государь измѣнилъ планъ, находя близкое сосѣдство магазиновъ и кофейныхъ со школой невозможнымъ. Арки задѣлали и превратили ихъ въ жилыя комнаты, въ которыхъ устроили гардеробную и разныя другія помѣщенія; надъ арками помѣстили воспитанниковъ, а въ верхнемъ этажѣ — воспитанницъ. Во дворѣ выстроены были большіе флигеля для квартиръ артистовъ. Но въ это время театральные чиновники такъ размножились, что заняли лучшія квартиры, а для артистовъ остались маленькія квартиры, да и то, чтобы получить артисту или артисткѣ квартиру, надо было имѣть покровительство какого-нибудь чиновника. Отецъ переѣхалъ на частную квартиру.

Власть свою чиновники распространили на все; въ театральной школѣ не оказывалось вакансій для дѣтей бѣдныхъ артистовъ, потому, что чиновники ихъ замѣщали дѣтьми своихъ знакомыхъ и тѣхъ артистовъ, которые дѣлали имъ подарки. Чтобы дать мѣсто въ школѣ своимъ протеже, чиновники придумали, передъ пріемомъ дѣтей, выключать за бездарность уже взрослыхъ воспитанниковъ и воспитанницъ, пробывшихъ въ школѣ нѣсколько лѣтъ. Эти исключенія были нововведеніемъ. По прежнимъ театральнымъ правиламъ, воспитанники при выпускѣ, если оказывались бездарными, назначались въ статисты или поступали въ хоры. Но и въ хорахъ было набрано съ воли множество народу. Были такія хористки, которыя ни слова не знали порусски, не понимали нотъ и не имѣли никакого голоса, а на сценѣ только разѣвали ротъ.

Такъ какъ къ намъ часто ходили играть въ карты чиновники, имѣвшіе власть, то я слышала отъ нихъ, какія жертвы ими намѣчены для исключенія. Въ числѣ этихъ жертвъ попался и воспитанникъ Мартыновъ, которому оставалось еще годъ до выпуска. Мнѣ его было очень жаль; я знала, что за него некому было заступиться.

Программа наукъ въ школѣ была хорошая, но ученѣе было плохое, такъ что исключенный воспитанникъ не могъ себѣ найти заработка. Другихъ театровъ, кромѣ императорскихъ, тогда не допускалось.

Мнѣ потому было жаль Мартынова, что онъ очень меня смѣшилъ, когда я стояла за кулисами во время спектакля, а онъ, находясь въ той же кулисѣ, съ своими товарищами, передразнивалъ всѣхъ артистовъ, которые въ это время говорили на сценѣ: Толченова, Каратыгина, моего отца и др. Иногда Мартыновъ вдругъ придавалъ своему лицу такое комическое выраженіе, что его товарищи бѣжали изъ-за кулисы, будучи не въ силахъ удерживаться отъ смѣха. Мартыновъ былъ худенькій, небольшого роста, съ свѣтло-бѣлокурыми волосами и слегка вздернутымъ носикомъ.

Наступила масляница—страда артистовъ; спектакли шли утромъ и вечеромъ. Водевиль въ двухъ актахъ: «Филатка и Мирошка» дѣлалъ большіе сборы; по масляничному недѣльному репертуару его назначили давать подъ конецъ спектакля утромъ и вечеромъ. Сюжетъ его былъ изъ народнаго быта; дурачекъ Филатка идетъ въ солдаты за своего брата; сначала онъ очень труситъ, но потомъ храбрится. Роль Филатки всегда игралъ Воротниковъ, публика его очень любила и была снисходительна къ нему, когда онъ зачастую, въ послѣднее время, выходилъ на сцену едва держась на ногахъ.

На первыхъ дняхъ масляницы государь Николай Павловичъ привезъ на утренній спектакль своихъ дѣтей. Государь сидѣлъ въ боковой царской ложѣ и я стояла за кулисами противъ царской ложи. Только-что начали послѣдній актъ пьесы, послѣ которой долженъ былъ пойти «Филатка и Мирошка», вдругъ сдѣлалась суета за кулисами, всѣ передавали чтѣ-то другъ другу, чиновники бѣжали съ потеряннымъ видомъ. Оказалось, что Воротниковъ не явился еще въ театръ. Послѣ розысковъ по трактирамъ, его привезли въ театръ, но въ безчувственномъ состояніи. Окачивали его холодной водой, но онъ не отрезвлялся. Надо было доложить директору. Я какъ разъ стояла у кулисы, гдѣ изъ ложи директора устроенъ выходъ на сцену. Геденовъ прибѣжалъ въ попыхахъ и жалобно произнесъ:

— Зарѣзали, злодѣи! не могли позаботиться заранѣе, всѣ ли въ сборѣ къ послѣдней пьесѣ. Я васъ всѣхъ! Господи, что мнѣ дѣлать?!

Все это Геденовъ говорилъ въ полголоса, потому что на сценѣ шла пьеса.

— Я знаю роль Филатки, позвольте я сыграю, — неожиданно для всѣхъ сказалъ Мартыновъ, подойдя къ директору, который сначала шопотомъ выругалъ его «дуракъ», но потомъ, какъ бы вспомнивъ съ ужасомъ, что «Филатка и Мирошка» не можетъ идти, приказалъ Мартынову отправиться за собой въ фойе, чтобы по-

смотря — можетъ ли онъ хотя кое-какъ сыграть Филатку. Изъ фойе директоръ вышелъ веселый и сказалъ подчиненнымъ, которые за нимъ слѣдовали:

— Можетъ сыграть! Вотъ счастье! — чтобы было безъ него? — Одѣвайте его скорѣй.

Когда занавѣсъ опустилась, то Мартыновъ уже былъ на сценѣ, въ пестрядиной рубахѣ, въ лаптяхъ и въ бѣлобрысомъ трепаномъ парикѣ. Всѣ съ изумленіемъ глядѣли на смѣльчака. Анонсъ сдѣлалъ при поднятїи занавѣси. Мнѣ было страшно за Мартынова, но я успокоилась, когда онъ началъ играть. Онъ былъ такъ естественно комиченъ, изображая дураковатаго парня, что царскія дѣти заливались смѣхомъ. Государь тоже улыбался. За кулисами была тишина, всѣ напряженно слѣдили за импровизованнымъ дебютантомъ. Когда окончилась пьеса, то изъ царской ложи раздались дѣтскіе голоса «Мартынова, Мартынова!» публика также кричала: «Мартынова!»

Успѣхъ дебютанта былъ полнѣйшій и Мартыновъ всю масляницу игралъ Филатку, потому что Воротниковъ слегъ въ постель, вѣроятно простудившись отъ усерднаго окачиванія холодной водой, когда его старались отрезвить. Болѣзнь Воротникова спасла Мартынова отъ исключенія изъ театральной школы. Но чиновники все-таки считали себя компетентными судьями и назначили Мартынову при выпускѣ самое грошевое жалованье, какъ бездарному артисту, и не давали ему хорошихъ ролей, выпуская его на сцену только на выходныхъ роляхъ. Но послѣ смерти Воротникова не было комика и поневолѣ пришлось замѣнить его Мартыновымъ. Съ нимъ поступали безбожно, заставляя его играть безъ отдыха заразъ въ трехъ водевиляхъ, а иногда онъ скакалъ изъ Александринскаго театра въ Большой, чтобы сыграть въ четвертомъ. Жалованья ему не прибавляли; онъ получалъ вчетверо менѣе, чѣмъ какая-нибудь бездарная актриса.

Мартыновъ очень скоро сдѣлался любимцемъ публики; она всегда встрѣчала его аплодисментами, что вызывало зависть къ нему за кулисами. Я видѣла разъ, какъ государь громко смѣялся, смотря какой-то водевиль, гдѣ игралъ Мартыновъ; это очень рѣдко случалось съ государемъ.

Мартыновъ долго бѣдствовалъ, особенно когда сдѣлался семейнымъ человѣкомъ. Онъ не способенъ былъ, какъ другіе актеры, заискивать расположеніе богатыхъ театровъ-купцовъ, которые давали денежныя вспомошествованія актерамъ. Нѣкоторые артисты даже умѣли выпрашивать у нихъ себѣ деньги на покупку дома. Имѣющіе власть чиновники покровительствовали тѣмъ артистамъ, которые въ ихъ именины и въ новый годъ подносили имъ цѣнные подарки. Въ эти дни на квартиру такого чиновника, съ черной и парадной лѣстницы, являлось множество поздравителей съ прино-

шеніями. Мартынову изъ своего маленькаго жалованья трудно было дѣлать подарки тѣмъ, отъ кого зависѣла прибавка жалованья. Только подъ конецъ его 25-ти-лѣтней службы уравниали его жалованье съ товарищами, да и то дали ему менѣе разовыхъ, хотя онъ, играя въ одинъ вечеръ въ трехъ пьесахъ, получалъ менѣе, чѣмъ другой артистъ получалъ разовыя за одну имъ сыгранную роль въ водевилѣ. Эти разовыя придуманы были директоромъ для того, чтобы не увеличивать жалованье, которое назначалось артисту не свыше 4-хъ тысячъ ассигнаціями въ годъ и это жалованье шло потомъ въ пенсію за 25 лѣтъ службы на театрѣ. Гедеоновъ накинулъ еще два года до полученія пенсіи и эти два года назывались «благодарностью». Бенефиса Мартынову тоже долго не давали, тогда какъ многіе товарищи уже получили его.

Здоровье Мартынова очень разстроилось въ послѣдніе годы, да и какъ было не разстроиться ему, когда онъ проводилъ цѣлые дни въ театрѣ: утромъ на репетиціи, а вечеромъ въ спектаклѣ. Лѣтомъ игралъ въ Петергофскомъ или Каменноостровскомъ театрахъ.

Комедіи Островскаго дали возможность Мартынову показать на сколько онъ былъ талантливый артистъ, потому что, играя въ пустыхъ водевиляхъ, онъ не могъ вполне высказать своего таланта.

Я была на первомъ представленіи «Грозы» Островскаго. Мартыновъ такъ сыгралъ свою роль, что духъ замиралъ отъ каждаго его слова въ послѣдней сценѣ, когда онъ бросился къ трупу своей жены, вытащенной изъ воды. Всѣ зрители были потрясены его игрой. Въ «Грозѣ» Мартыновъ показалъ, что обладаетъ также замѣчательнымъ трагическимъ талантомъ. Въ концѣ мая мѣсяца 1860 года, Мартыновъ взялъ отпускъ на лѣто, чтобы ѣхать лечиться на югъ, потому что у него стала быстро развиваться чахотка. Островскій отправлялся вмѣстѣ съ нимъ. Мартыновъ пріѣхалъ проститься къ Панаеву и долго просидѣлъ у насъ. Онъ возлагалъ большія надежды на поправленіе своего здоровья отъ отдыха и южнаго климата, но его худоба, кашель и зловѣщій румянецъ на щекахъ пугали меня.

— Мнѣ необходимъ отдыхъ!—говорилъ онъ.—Вы не можете себѣ представить до чего я усталъ; мнѣ теперь очень трудно выучить роль, тогда какъ прежде, бывало, прочитаешь раза два свою роль—и готово! Притушилъ совершенно свою память въ продолженіе двухъ десятковъ лѣтъ заучиваньемъ массы глупѣйшихъ ролей. Я дошелъ въ послѣднее время до того, что начну играть на сценѣ, и вдругъ чувствую, что у меня въ головѣ перепутались роли, я начинаю импровизировать и только благодаря хорошему суфлеру, который подавалъ реплики, я не сбивалъ другихъ и дѣло сходило съ рукъ.

Надо замѣтить, что чиновники знали отлично, почему Мартыновъ сбивался на сценѣ въ своей роли, но распускали слухъ, что онъ постоянно въ пьяномъ видѣ выходилъ на сцену.

— Изъ-за меня ни разу не было перемѣнъ спектакля,—разсказывалъ Мартыновъ,—а зачастую прѣдешь вечеромъ въ театръ, оказывается перемѣна спектакля по болѣзни кого-нибудь и тебя заставляютъ играть въ піесѣ, которая давно не была на репертуарѣ. Почему-то я постоянно былъ не въ милости у начальства. Всѣ оскорбленія, какія я перенесъ отъ него, можетъ вынести только человѣкъ, испытавшій ихъ со школьной скамейки. Разъ мнѣ нездоровилось, я послалъ сказать, что не могу играть вечеромъ, такъ мнѣ преподнесли такого рода приказаніе: чтобы я отрезвился и былъ бы въ театрѣ вечеромъ, а иначе у меня сдѣлаютъ вычетъ изъ жалованья за два мѣсяца. Нечего дѣлать—игралъ, нельзя же заставитьъ голодать свое семейство два мѣсяца! Или вотъ продѣлалъ Геденовъ со мной такого рода штуку. Прѣѣхали мы въ Петергофъ играть, подали обѣдъ всѣмъ артистамъ во дворцѣ. Выходитъ директоръ и отдаетъ приказаніе придворнымъ лакеямъ, чтобы мнѣ не давали вина за обѣдомъ, а дали бы только за ужиномъ.

При этихъ словахъ яркій румянецъ вспыхнулъ на щекахъ у Мартынова, онъ закашлялся и опять продолжалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вы хотя были дѣвочкой, но, вѣроятно, помните, что чиновники прежде не имѣли такой власти надъ артистами? Осталось преданіе при театрѣ, какъ вашъ отецъ, въ своей молодости, хотѣлъ проучить директора Тюфякина, который вздумалъ разговаривать съ нимъ на «ты». Тюфякинъ спрятался въ ложѣ, когда вашъ отецъ побѣждалъ за нимъ. Какъ только вашъ отецъ заявилъ, что онъ оставляетъ сцену, то нѣсколько артистовъ тоже объявили, что не желаютъ оставаться при такомъ директорѣ. Тюфякинъ при всѣхъ артистахъ извинился передъ вашимъ отцомъ и сдѣлался вѣжливъ. А теперь! артисты только и думаютъ о томъ, какъ бы подслужиться чиновникамъ, и если видятъ, что они кого-нибудь не взлюбили, такъ въ угоду имъ наплетутъ всякую всячину на своего товарища. Если такіе порядки будутъ продолжаться при театрѣ, то русская сцена придетъ въ упадокъ. Даровитые артисты долго на ней не прослужатъ—сбѣгутъ! Я теперь жить не могу безъ сцены, а прежде бывали минуты, что приходила въ голову мысль: уйти со сцены не могу, обязанъ быть на ней 25 лѣтъ, не наложить ли ужъ руки на себя?.. Если бы былъ одинокъ, право порѣшилъ бы съ собой! Не трудъ разстроилъ мое здоровье, а попираніе моего человѣческаго достоинства. Вѣдь эти теперешніе чиновники при театрѣ просто—нашествіе татаръ.

Мартыновъ сильно былъ взволнованъ. Подъ конецъ, онъ печально улыбнулся и произнесъ:

— Что это со мной сдѣлалось? Столько лѣтъ виду не показывалъ никому, какъ я страдаю, а тутъ все выболталъ!

Желая какъ-нибудь развлечь Мартынова, я напомнила ему о

его первомъ дебютѣ въ «Филаткѣ и Мирошкѣ». Онъ, улыбаясь, произнесъ:

— Это была единственная благодарность, полученная мною въ долготѣнную мою службу отъ директора.

28-го августа того же года, получено было моимъ мужемъ изъ Москвы отъ Островскаго слѣдующее письмо:

«Горе, любезнѣйшій Иванъ Ивановичъ, большое горе! нашего Мартынова не стало. Онъ умеръ въ Харьковѣ ¹⁾ на моихъ рукахъ. Безъ страданія, угасая день за днемъ, онъ скончался, какъ ребенокъ, не сознавая даже своего положенія. Я только вчера пріѣхалъ въ Москву разбитый, усталый. Я вамъ напишу подробно въ видѣ письма о его болѣзни ²⁾ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ его жизни, дайте мнѣ только немного опомниться. Съ Мартыновымъ я потерялъ все на петербургской сценѣ. Теперь не знаю, когда буду въ Петербургѣ, мнѣ какъ-то не хочется туда ѣхать. Писку я выправилъ и посылаю вамъ, сдѣлайте милость, прикажите лучше просмотрѣть корректуру. Въ Крыму я кой-что приготовилъ, а теперь засяду за работу. «Сонъ на Волгѣ» постараюсь окончить поскорѣе. До свиданія.

«Преданный вамъ А. Островскій».

Еще до полученія письма отъ Островскаго, печальная вѣсть о смерти Мартынова уже разнеслась по Петербургу.

Въ день прибытія тѣла Мартынова по Московской желѣзной дорогѣ, собралась на площади у дебаркадера такая толпа народа, что, какъ говорится, негдѣ было упасть яблоку. На протяженіе всего Невскаго проспекта такая же сплошная масса ждала похоронной процессіи. Движеніе экипажей было приостановлено, сама публика позаботилась не пропускать экипажей съ боковыхъ улицъ, чтобы не давили народъ. Полиція застигнута была врасплохъ, да она и не была нужна, потому что порядокъ вездѣ былъ удивительный, съ такимъ тактомъ и приличіемъ держала себя публика.

Замѣчательно, что никакихъ приготовленій для встрѣчи тѣла Мартынова не было, только появилось въ двухъ или трехъ газетахъ извѣщеніе, что тогда-то гробъ съ тѣломъ Мартынова прибудетъ на Московскій вокзалъ и послѣдуетъ на кладбище. Не было выбрано распорядителей. Не было подписокъ на вѣнки, не устраивалось никакихъ депутацій, не раздавалось билетовъ для входа въ кладбищенскую церковь. А торжественнѣе этихъ похоронъ трудно что-нибудь себѣ вообразить. Въ церкви было очень мало русскихъ артистовъ, но за то очень много изъ французской и нѣмецкой труппъ, а театральные чиновники и начальство совсѣмъ не удостоили явиться на похороны Мартынова.

¹⁾ Мартыновъ возвращался изъ Крыма въ С.-Петербургъ.

²⁾ Чтобъ напечатать въ «Современникѣ».

Много было толковъ о не бывалыхъ похоронахъ Мартынова. Нѣкоторые даже какъ бы обидѣлись, что публика оказала ему такой почетъ. Я слышала, какъ одно значительное лицо негодовало: «скажите пожалуйста», говорило оно, «гробъ актера везуть и нѣтъ проѣзда по Невскому?.. Такого безпорядка не должна была допустить полиція! если видить, что не можетъ сладить съ толпой, требуй казаковъ, чтобы нагайками разогнали дураковъ!».

Русская сцена чуть было не лишилась въ то же время еще талантливейшей актрисы Линской. Компетентные судьи-чиновники также нашли ее бездарной, но мой отецъ защитилъ ее. Конечно, будь Линская смазливая личикомъ, то у нея нашелся бы покровитель изъ чиновниковъ; но она была некрасива: маленькаго роста, дурно сложена, при чемъ въ ея фигурѣ особенно поражали коротенькія руки. Комическій талантъ Линской былъ большой, она постоянно играла съ Мартыновымъ. Въ «Грозѣ» Островскаго, Линская показала, что можетъ играть хорошо не однѣ комическія роли.

Я привела только два примѣра того, какъ чуть было не лишилась русская сцена двухъ такихъ замѣчательныхъ талантовъ, какъ Мартыновъ и Линская. Но кто знаетъ, можетъ быть, еще были такіе же таланты, забракованные тогдашними цѣнителями сценическаго искусства, которые доказали свою специальность въ совершенно другой отрасли искусства,—наживать себѣ капиталъ при театрѣ.

Я уже упоминала о писцѣ Крутицкомъ, который, въ моемъ дѣтствѣ, ходилъ босой, но, продолжая свою службу при театрѣ, нажилъ себѣ два домика и дачу; его жена ходила въ соболяхъ и бархатѣ; онъ задавалъ пиры съ разливнымъ моремъ шампанскаго. Всѣ почти тогдашніе чиновники при театрѣ изъ предосторожности покупали дома и имѣнія на имя своихъ женъ и клали въ банкъ свои капиталы. Для управляющаго конторой К... эта предосторожность имѣла очень печальный конецъ. К... высмотрѣлъ себѣ одну очень красивую воспитанницу, нѣмку, попавшую въ школу по покровительству чиновниковъ. При выпускѣ, этой бездарной, но красивой воспитанницѣ было назначено хорошее жалованье и дана казенная квартира. Онъ думалъ, что такой награды за ея расположеніе къ нему довольно за глаза, но ея мать нѣмка, не принадлежавшая къ театру, была опытная и ловкая женщина; она, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сожительства своей дочери съ управляющимъ конторой, потребовала, чтобы онъ женился на ней, иначе грозила подать жалобу, что онъ еще въ школѣ совратилъ ея дочь. Нечего дѣлать, чиновникъ увидѣлъ, что нашла коса на камень и женился; однако, онъ былъ очень доволенъ своимъ супружествомъ и всѣмъ проповѣдывалъ, что для счастья семейной жизни главное нужно выбрать себѣ жену глупенькую. Точно, его жена не отличалась умомъ. Прожилъ К... нѣсколько лѣтъ съ женой въ мирѣ и согласіи, не смотря

на неравенство лѣтъ. Онъ женился лѣтъ 40, а ей было всего 17. Какъ ни изошрился управляющій конторой театра представлять отчеты расходовъ, однако назначена была строгая ревизія его долготнѣшему управленію и съ нимъ сдѣлался параличъ. Человѣколюбивая ревизія оставила въ покоѣ несчастнаго, а жена отвезла его въ имѣніе, купленное на ея имя, оставила больного мужа одного, назначивъ ему самое скромное содержаніе, а сама поселилась въ Петербургѣ, чтобы наслаждаться жизнью.

Мнѣ пришлось изучить до тонкости жизнь воспитанницъ театральной школы. Хотя я ее и такъ хорошо знала съ самаго ранняго дѣтства, слыша и видя, что тамъ дѣлается, но тутъ я болѣе года должна была каждый день цѣлое утро находиться въ школѣ. Поневолѣ изучила духъ школы и всѣ порядки въ ней.

По милости Дидло меня стали готовить въ танцовщицы, что привело меня въ отчаяніе. Я почему-то питала отвращеніе къ одному названію «танцовщица». Я очень охотно стала бы готовиться въ пѣвицы, въ драматическія актрисы, но только не въ танцовщицы. Явно я не смѣла протестовать, разъ мать захотѣла сдѣлать меня танцовщицей; но рѣшила, что не буду солисткой. Въ сущности по моимъ годамъ (мнѣ было уже 12 лѣтъ) поздно было начинать готовиться въ танцовщицы; но Дидло, видя какъ я передразниваю танцовщицъ, находилъ, что для меня легко будетъ достичь премудрости танцовальнаго классическаго искусства.

Меня и младшаго брата посылали каждое утро учиться къ танцору Шелехову, ученику старика Дидло. Шелеховъ, женатый человѣкъ, былъ очень занятъ, танцуя на сценѣ и давая частные уроки танцевъ. Видно было, что ему не до насъ и онъ зачастую только заглядывалъ въ залу, гдѣ мы упражнялись. Заслышавъ его шаги, мы отбѣгали отъ окна, въ которое смотрѣли, хватались за стулья и шаркали ногами по полу. Учитель успокоивался, воображая, что мы работаемъ. Понятно, что успѣховъ я никакихъ не сдѣлала въ продолженіе двухъ лѣтъ.

Декораторъ Роллеръ почему-то особенно взлюбилъ меня; когда я была еще маленькой дѣвочкой, онъ очень интересовался моими успѣхами въ танцахъ; онъ-то и былъ причиной, что я стала учиться въ школѣ по приказанію министра двора князя Волконскаго. Балетмейстеру Титусу велѣно было меня готовить для сцены. Прежде въ театральной школѣ не было входящихъ ученицъ и только для меня и брата сдѣлано было исключеніе. Роллеру непременно захотѣлось поставить меня въ живыя картины. Для поправленія сборовъ, въ посту стали давать концерты съ живыми картинами. Эта новость привлекала много публики въ театръ. Директоръ приказалъ всѣмъ артистамъ участвовать въ живыхъ картинахъ, а если кто не явится, то распорядился высчитывать мѣсячное жалованье.

Когда отцу прислали бумагу изъ конторы съ этимъ приказа-

ніемъ, то онъ отказался расписаться, что читаль ея, не смотря на увѣренія чиновника, что его не будутъ тревожить.

— Не подпишу, — твердилъ отецъ. — Сегодня вы выдумаете показывать меня въ живыхъ картинахъ, а завтра пришлете бумагу, чтобы я надѣлъ трико и танцовалъ въ балетѣ. Такъ и скажите Александру Михайловичу (Гедеонову), что такихъ глупыхъ бумагъ не буду подписывать.

В. А. Каратыгинъ послѣдовалъ примѣру отца. Только они двое и были освобождены отъ живыхъ картинъ. Директоръ сначала кипятился за ослушаніе его воли, но скоро успокоился.

Всѣ артисты роптали, особенно бѣдныя хористки, которыя лишены были отдыха въ посту.

Роллеръ выпросилъ позволеніе у матери поставить меня въ живыя картины и очень былъ доволенъ, получивъ отъ нея разрѣшеніе. Я должна была изображать дѣвочку-цыганку съ цвѣткомъ въ рукѣ, на который я смотрѣла, улыбаясь. Роллеръ самъ придумалъ мнѣ костюмъ и прическу. Когда я стояла въ своей рамѣ передъ поднятіемъ занавѣси, Роллеръ въ сопровожденіи министра двора подошелъ ко мнѣ.

Я знала князя Волконскаго въ лицо, когда еще мнѣ было лѣтъ семь. Я его видѣла на нашей лѣстницѣ; онъ пріѣзжалъ къ актрисѣ Азаревичъ, жившей противъ насъ. Я всегда знала, когда долженъ пріѣхать князь Волконскій, потому что дворникъ тщательно мелъ дворъ, а лѣстницы посыпалъ пескомъ. Какъ только вѣзжала карета во дворъ, я выбѣгала въ сѣни, чтобы посмотреть на важнаго гостя Азаревичъ. Онъ всегда пріѣзжалъ часовъ въ 10 утра.

Подойдя ко мнѣ, князь Волконскій спросилъ сколько мнѣ лѣтъ, у кого я учусь танцовать и закончилъ словами: «скорѣй поступайте на сцену, васъ будетъ учить Титусъ». Нѣмецкое добродушное лицо Роллера сіяло радостью, а я едва удерживала слезы отъ досады на Роллера, и когда онъ вернулся, чтобы усадить меня, то я накинулась на него, зачѣмъ онъ приводилъ министра смотреть на меня и объявила ему, что никогда не буду солисткой, хотя бы меня учили пять Титусовъ. Роллеръ упрасивалъ меня успокоиться, потому что сейчасъ будетъ очередь моей картины.

Я ощутила странное чувство, когда раздались апплодисменты. Публика два раза требовала повторенія моей картины. Роллеръ былъ ужасно доволенъ.

На третій же день меня съ братомъ отправили въ театральную школу. Многія воспитанницы знали меня, но все-таки обступили и стали спрашивать, какимъ образомъ я попала въ школу? Узнавъ, что я тоже буду ходить въ классы на уроки, онѣ заявили мнѣ, чтобы я подчинилась ихъ установленнымъ правиламъ: «никогда не отвѣчать уроковъ учителямъ». Но когда я замѣтила, что учителя могутъ пожаловаться на меня, то онѣ увѣрили, что они не посмѣютъ!

Я была поражена, какъ взрослые воспитанницы обходятся съ учителями. Если учитель ихъ спрашивалъ урокъ, то онѣ всѣ только восклицали: «Да страсти дѣвицы!» и отворачивались съ презрѣніемъ отъ него. Если же онѣ настаивалъ, то ему всѣ разомъ восклицали: «Да дѣвицы—несчастныя!..» и потомъ прибавляли: «мы вашихъ уроковъ не учили и не будемъ учить!» Учитель пожималъ плечами, развлекалъ ученицъ постороннимъ разговоромъ, чтобы только онѣ не разбѣжались изъ класса.

Ко мнѣ, какъ къ новенькой, учителя попробовали было обратиться съ вопросами, но воспитанницы хоромъ заявили, что я также не готовила уроковъ.

Въ младшихъ классахъ, по примѣру старшихъ, также не учили уроковъ, отговариваясь тѣмъ, что не было времени. Впрочемъ, иногда точно имъ не было времени учиться; утромъ ихъ возили на репетицію балета, а вечеромъ въ спектакль, откуда онѣ возвращались въ часъ ночи. Взрослыя воспитанницы-танцовщицы совсѣмъ не ходили въ классы.

Я приводила Титуса въ совершенное отчаяніе, потому что изображала изъ себя самую неуклюжую фигуру, когда онѣ заставляли меня упражняться передъ собой. Я притворялась, что у меня дрожатъ ноги. Титусъ былъ уже пожилой, довольно полный господинъ, съ большими блѣдно-голубоватыми сонными глазами, но эти глаза гнѣвно блестѣли, смотря на меня, и онѣ восклицалъ пофранцузски: «Что я могу сдѣлать съ этимъ бревномъ?» Въ самомъ дѣлѣ, положеніе Титуса было очень непріятное: ему было приказано отъ вышшаго начальства какъ можно скорѣе выпустить меня на сцену, а я представлялась никуда не годной для танцевъ.

Пріѣхала въ Петербургъ знаменитая балерина Таліони съ своимъ отцомъ, маленькимъ старичкомъ, и являлась съ нимъ въ школу упражняться. Директоръ и другіе чиновники очень ухаживали за обоими иностранцами; имъ подавался въ школѣ отличный завтракъ.

Таліони днемъ была очень некрасива, худенькая-прехуденькая, съ маленькимъ желтымъ лицомъ въ мелкихъ морщинкахъ. Я краснѣла за воспитанницъ, которыя послѣ танцевъ окружали Таліони и, придавая своему голосу умиленное выраженіе, говорили ей: «какая ты рожа! какая ты сморщенная!»

Таліони, воображая, что онѣ говорятъ ей комплименты, кивала имъ съ улыбкой головой и отвѣчала:

— Merci, mes enfans.

Таліони сдѣлала мнѣ большую непріятность. Разъ Титусъ не пришелъ въ классъ и никто не упражнялся безъ него. Воспитанницы стали спрашивать меня представить имъ Таліони, которую я очень удачно передразнивала. Всѣ воспитанницы знали, что я нарочно корчу изъ себя неуклюжую фигуру передъ Титусомъ и очень были довольны, что я его злою въ классѣ. Для ихъ потѣхи, я стала

ходить по залѣ на носкахъ, дѣлала антраша и какъ Таліони стояла долго на одной ногѣ, а другую держала высоко и вдругъ, вставъ на носокъ, дѣлала пируэтъ; потомъ оправляла платье, какъ Таліони послѣ танца, и раскланивалась съ мнимой публикой.

— Сапристи!—вдругъ раздался въ дверяхъ голосъ Титуса, котораго никто не замѣтилъ и который, какъ оказалось, видѣлъ мое представленіе. Я, конечно, страшно перепугалась. Титусъ грозно подошелъ ко мнѣ и то пофранцузски, то на ломаномъ русскомъ языкѣ, сталъ меня бранить.

— Ноги у нея дрожать, горбится, носки какъ тряпки, когда въ классѣ. А оказывается, что у нея стальной носокъ. Хорошо же, я пожалуюсь на васъ.

И точно Титусъ пожаловался моей матери и мнѣ страшно досталось за мою продѣлку. Меня въ наказаніе заставили упражняться еще по вечерамъ дома. Но я хитрила и вмѣсто упражненія читала книги, которыя были въ спальнѣ матери. Я прочитала Марлинскаго, Р. Зотова, а чтобы показать видъ будто упражнялась въ танцахъ до поту лица, смачивала передніе волосы водой и растирала руками докрасна себѣ щеки.

Я стала допекаеть Титуса другимъ способомъ. Притворялась, что у меня нѣтъ уха и никакъ не попадала въ тактъ, когда онъ заставлялъ меня дѣлать какое-нибудь па подь скрипку.

Братъ кончалъ свои уроки въ отдѣленіи воспитанниковъ позже часомъ, и я ждала его, сидя въ дортуарѣ. Это былъ часъ обѣда воспитанницъ и дортуаръ былъ пустой, оставались только я и Андрианова; въ это время всегда являлся къ ней директоръ; ихъ тихаго разговора я не могла слышать, потому что сидѣла совершенно въ другомъ концѣ огромнаго дортуара, да и садилась на скамейку между кроватями, такъ что меня не было видно. Андрианова иногда кричала на Гедеонова, выгоняла его вонъ и даже разъ пустила въ него танцевальнымъ башмакомъ. Меня удивляла смѣлость Андриановой, но въ то же время мнѣ было пріятно видѣть, какъ гроза всѣхъ артистовъ смиренно повиновался ея приказанію.

Андрианова обѣдала отдѣльно отъ другихъ воспитанницъ: Гедеоновъ присылалъ къ ней обѣдъ отъ себя съ дорогимъ виномъ. Черезъ нѣсколько времени и Смирновой стали давать такой же обѣдъ, чтобы прекратить толки при театрѣ о привилегіи Андриановой.

Окна въ дортуарѣ были громадныя, всѣ мѣры были приняты, чтобы воспитанницы не могли смотрѣть въ нихъ на своихъ обожателей, катавшихъ по цѣлымъ часамъ мимо школы. Окна были очень высоки отъ полу, а подоконники такъ узки, что едва можно было поставить ноги; три стекла были закрашены бѣлой масляной краской, только самое верхнее стекло оставалось чистымъ. Воспитанницы ухитрились все-таки взбираться на окна, и выскоблили въ краскѣ два кружка для глазъ и смотрѣли на проѣзжающихъ.

Только и были слышны восклицанія: «Да дѣвицы, счастливая, мой сегодня на воронихъ!» «Да дѣвицы, несчастная! мой въ одиночку сегодня». «Дѣвицы, ай страсти, опять штафирка ѣдетъ: уродъ!»

Пока воспитанницы смотрѣли въ окна, въ дверяхъ дежурила одна изъ товарокъ, обожатель которой въ этотъ день не катался. Она тотчасъ извѣщала, если въ корридорѣ появлялся инспекторъ. Всѣ соскакивали съ оконъ, восклицая «дѣвицы, да страсти!» или «да дѣвицы, чортъ противный!»

Гедеоновъ всячески оберегалъ Андрианову. Онъ приказалъ инспектору школы находиться въ дортуарѣ въ тѣ часы, когда происходили катанія офицеровъ мимо школы. Но инспекторъ часто манкировалъ своей обязанностью, потому что любезничалъ самъ съ одной воспитанницей въ классной комнатѣ.

Гедеоновымъ былъ отданъ приказъ, чтобы у родственниковъ, приходившихъ по праздникамъ навѣщать воспитанницъ, осматривали корзины и свертки, въ которыхъ они всегда приносили пироги и другія лакомства, потому что обожатели, пользуясь случаемъ, пересылали своимъ предметамъ записочки и разныя вещи. Не смотря на это, контрабанда была развита въ сильной степени.

Я знала всѣ знаки, которыми переговаривались воспитанницы-танцовщицы со сцены съ своими поклонниками, сидѣвшими въ первыхъ рядахъ кресель. Если проведетъ пальцемъ по губамъ, означаетъ, что желаетъ конфектъ или фруктовъ; возьмется за ухо, желаетъ серги; за руку—браслета. Если же возьмется обѣими руками за голову, какъ бы поправляя прическу, то значить была головомойка за разговоры съ обожателемъ на сценѣ. Множество было и другихъ знаковъ, но я ихъ уже забыла.

Андрианова могла бы дѣлать много неприятностей своимъ товаркамъ, зная всѣ уловки, какимъ образомъ онѣ получали отъ своихъ обожателей лакомства и подарки, но она никогда не выдавала ихъ.

За кулисами всѣмъ было извѣстно, что Андрианова пользуется особеннымъ расположеніемъ Гедеонова, а потому всѣ были очень любезны съ ней, особенно театральные чиновники.

Выйдя изъ школы, Андрианова не воспользовалась своимъ могуществомъ и никого не притѣсняла.

Не то было, когда впоследствии французская актриса Мила заняла мѣсто Андриановой. Тогда всѣ театральные чиновники должны были раскошелиться на дорогіе подарки для нея на новый годъ. Мила сдѣлалась полновластнымъ лицомъ, въ театрѣ, ангажементы французской, нѣмецкой труппы зависѣли отъ нея, назначеніе бенефисовъ также. Если нужно было кому-нибудь изъ артистовъ ея покровительство, то всѣ знали, что съ пустыми руками нечего и идти къ ней.

Мила поступила сначала на французскую сцену на скромное жалованье и играла маленькія роли въ водевильчикахъ. Она была

очень красивая и талантливая актриса. Какъ только она получила власть, то выписала свою сестру, некрасивую и бездарную актрису; но которой назначено было хорошее жалованье и бенефисъ.

Прежде французскій репертуаръ состоялъ исключительно изъ серьезныхъ комедій и драмъ, а теперь онѣ замѣнились трех-актными водевилями для Мила, которая выжила со сцены Аланъ, мужа и жену, за то, что они не хотѣли искать ея покровительства.

Разъ, Милѣ захотѣлось имѣть маленькую болоночку. Всѣ чиновники сбились съ ногъ, ища гдѣ бы купить такую собачку. Управляющій конторой нарочно послалъ за границу своего подчиненнаго, чтобы тамъ купить крошечную болоночку, и за это поднесеніе ему было оказано особенное покровительство. Мила жила роскошно; на счетъ конторы ей выписывали изъ Парижа мебель, наряды, бѣлье. Она требовала изъ конторы куски бархату и другихъ матерій. Мила скопила себѣ хорошее состояніе, у нея было много брилліантовъ и она выручила хорошія деньги, распродавъ дорогую обстановку своей квартиры, при отъѣздѣ изъ Петербурга. Какъ только Гедеоновъ вышелъ въ отставку, она стала третировать его, какъ лакея.

Профессора пѣнія Кавоса въ школѣ я знала съ ранняго дѣтства. До него, кажется, считали невозможнымъ ставить серьезные оперы съ русскими пѣвцами; всѣ были такого убѣжденія, что у русскихъ не можетъ быть большихъ голосовъ и нѣтъ вовсе музыкальныхъ способностей. Въ Петербургѣ тогда была единственная школа пѣнія въ театральномъ училищѣ; отсюда выходили пѣвцы и пѣвицы для маленькихъ оперъ. Но ларчикъ просто открывался: не было хорошаго профессора пѣнія, и Кавосъ это блистательно доказалъ. Въ одномъ выпускѣ онъ далъ двухъ пѣвицъ съ большими голосами: Степанову и Воробьеву; у послѣдней былъ такой замѣчательный контръ-альтъ, что если бы она была иностранка, то сдѣлалась бы европейской знаменитостью и нажила бы себѣ богатство.

Кавосъ началъ ставить большія оперы съ русскими пѣвцами. Публика охотно слушала ихъ. Но, къ несчастью, Воробьева не долго пѣла на сценѣ, она потеряла голосъ по слѣдующему обстоятельству: на репетиціи Воробьева почувствовала неловкость въ горлѣ и заявила, что не можетъ пѣть вечеромъ въ Семирамидѣ. Но Гедеоновъ раскричался на нее:

— Ты воображаешь, что я для тебя стану дѣлать перемѣну спектакля? Изволь пѣть.

Гедеоновъ всѣмъ артистамъ говорилъ «ты», исключая моего отца, вѣроятно зная его исторію съ Тюфякинымъ.

Воробьева расплакалась и пѣла въ полголоса на репетиціи. Приѣхавъ вечеромъ въ театръ, она чувствовала себя хуже и просила хоть сдѣлать анонсъ, чтобы публика была снисходительна къ ней.

Гедеоновъ снова раскричался и погрозился, что на недѣлю засадитъ ее въ бутафорскую и сдѣлаетъ вычетъ изъ жалованья. Артистокъ никогда не сажали въ бутафорскую; но для Гедеонова закона не существовало.

— Я проучу всѣхъ, кто у меня вздумаетъ капризничать! Смотри, не важничай у меня, я тебя вышколою!—грозя пальцемъ у лица Воробьевой, говорилъ Гедеоновъ передъ поднятіемъ занавѣси.

Воробьева выдержала всю оперу и пѣла такъ, что публика пришла въ восторгъ и аплодировала ей безъ конца.

Гедеоновъ въ антрактѣ продолжалъ допекать Воробьеву:

— Что, не могла пѣть? Я тебя, голубушка, отучу ломаться передъ мной!

На другое утро Воробьева не могла взять ни одной ноты и голосъ у нея пропалъ навсегда.

Воробьева была тогда уже замужемъ за пѣвцомъ Петровымъ.

Отецъ мой проходилъ со Степановой роль, когда она первый годъ по выпускѣ, должна была играть графиню въ опереткѣ «Водовозъ». Кажется, что такъ называлась эта маленькая опера. Сюжетъ ея состоялъ въ томъ, что фея покровительница одного графа исправляетъ его капризную жену, превращая ее на нѣсколько часовъ въ жену водовоза, который бьетъ ее плеткой за неповиновеніе. Степанова никакъ не могла естественно вскрикнуть, когда водовозъ долженъ ее ударить. Отецъ бился съ ней долго. Тогда онъ приготовилъ заранѣе арапникъ и когда дѣло дошло до момента, что графинѣ надо вскрикнуть, отецъ неожиданно ударилъ Степанову арапникомъ. Степанова на этотъ разъ очень натурально вскрикнула. Она расплакалась, а отецъ, улыбаясь, ей сказалъ:

— Заживетъ, за то ты теперь знаешь, какъ надо на сценѣ вскрикивать отъ боли...

А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

МЕЖДУНАРОДНЫЯ СНОШЕНІЯ РОССІИ СЪ ГЕРМАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ ¹⁾.

ИЩЕ ВЪ САМОМЪ началѣ XVIII столѣтія, при Петрѣ I, въ международныхъ сношеніяхъ Россіи чувствовалась потребность въ особомъ исторіографѣ при коллегіи иностранныхъ дѣлъ; въ концѣ прошлаго вѣка, Екатерина II находила уже необходимымъ сдѣлать такими «исторіографами» всѣхъ служащихъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ—указами этой коллегіи императрица приказала приступить къ собранію и обнародованію «древнихъ и новыхъ трактатовъ между Россіею и другими державами и иныхъ публичныхъ актовъ» ²⁾. Прошло, однако, сто лѣтъ прежде чѣмъ желаніе Петра I и Екатерины II могло быть приведено въ исполненіе.

Въ 1874 году появился первый томъ, предпринятаго проф. Мартенсомъ, по порученію министерства иностранныхъ дѣлъ, изданія «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Планъ изданія чрезвычайно обширенъ—онъ обнимаетъ всѣ международные акты, заключенные Россіею со всѣми «существующими нынѣ государствами», при чемъ документы издаются не въ общемъ хронологическомъ порядкѣ, а по государствамъ. Уже и эта задача, сама по себѣ, требовала большаго труда и много знаній: въ результатѣ ея получился бы, однако,

¹⁾ Проф. Ф. Мартенсъ, «Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами». Томы I—VIII. Спб., 1874—1888.

²⁾ Указы отъ 28 января 1779 и 14 января 1783 г. «Полн. Собр. Зак.», № 15633.

болѣе или менѣе полный, но довольно сухой сводъ международныхъ актовъ, внутренній смыслъ которыхъ не всегда и не всякому могъ быть ясенъ. Въ виду этого проф. Мартенсъ сопровождаетъ каждый международный актъ особымъ историческимъ введеніемъ, въ которомъ объясняются какъ фактическія обстоятельства, при которыхъ актъ былъ заключенъ, такъ и дипломатическіе переговоры, предшествовавшіе подписанію его договаривавшимися сторонами. Эти «введенія» составлены по документамъ богатаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и представляютъ драгоцѣнный историческій матеріалъ въ видѣ выписокъ, нерѣдко дословныхъ, иногда приводимыхъ цѣликомъ, не только изъ министерскихъ депешъ и реляцій, или именныхъ указовъ и рескриптовъ, но и изъ личной переписки коронованныхъ особъ, по временамъ довольно интимной.

«Собраніе трактатовъ и конвенцій», составленное проф. Мартенсомъ—не только важное пріобрѣтеніе для науки, но и неложное свидѣтельство нашей политической зрѣлости, и вотъ почему:

Въ каждомъ международномъ актѣ заключена частица положительнаго права между государствами или, точнѣе, между народами. Въ прошломъ еще вѣкъ знали почти исключительно только «союзные» договоры; въ наше время, международное общеніе приняло обширные размѣры и касается жизненныхъ интересовъ самаго разнообразнаго характера — торговли, сухопутной и морской, почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній, выдачи преступниковъ, наслѣдства иностранцевъ, значенія консуловъ и другихъ международно-гражданскихъ отношеній. Всѣ эти международныя отношенія выработывались постепенно, цѣлымъ рядомъ договоровъ, конвенцій, декларацій, въ которыхъ отпечатлѣвалась вся исторія нашей международной жизни, съ тѣми правами и обязанностями, которыя, по утвержденіи международнаго акта верховною властью, получаютъ для насъ обязательную силу закона. До послѣдняго времени мы не знали тѣхъ законовъ, которые обязательны для насъ; мы даже не имѣли возможности узнать ихъ — не рыться же въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» или въ «Полномъ Собраніи Законовъ» — и потому потребность, вызвавшая изданіе «Собранія трактатовъ и конвенцій», указываетъ на шагъ впередъ въ нашемъ политическомъ развитіи.

И въ этомъ случаѣ, какъ во многихъ другихъ, Европа фактически опередила насъ. Она давно уже знакома съ сводами своего международнаго положительнаго права. Не говоря уже о старыхъ сводахъ Лейбница, Вонка, Дюмона-Руссе, сборникъ договоровъ, издающійся уже почти сто лѣтъ, начатый въ 1791 г. Мартенсомъ и продолжаемый по нынѣ Гопфомъ и другими, представляетъ обширное изданіе въ 60 томовъ. Это только общіе сборники, весьма важные, но и весьма неудобные для практическаго пользованія — въ нихъ всякій находитъ много для себя лишняго. Вотъ почему, въ

настоящее время, во всѣхъ европейскихъ странахъ имѣются спеціальныя сборники тѣхъ трактатовъ, которые касаются той или другой страны. Такой спеціальныи сборникъ имѣется даже въ Турціи; его не было до послѣдняго времени только въ Россіи.

Но не даромъ же сказано — «послѣдніи да будутъ первыми»: русское «Собраніе трактатовъ и конвенцій» значительно превосходить всѣ западныя сборники подобнаго рода. Оно, прежде всего, гораздо полнѣе ихъ. Въ вышедшихъ до настоящаго времени восьми ¹⁾ томахъ «Собранія» помѣщены 376 международныхъ актовъ, заключенныхъ Россіею со всѣми германскими государствами, и изъ нихъ 187, т. е. почти половина, или вовсе не были еще изданы, или были изданы неполнѣ, преимущественно безъ дополнительныхъ (articles additionels), по большей части секретныхъ статей (articles separés et secrets). Сверхъ того, въ иностранныхъ сборникахъ подобнаго рода вовсе не помѣщается исторія дипломатическихъ переговоровъ, приведшихъ къ извѣстному акту, что въ русскомъ «Собраніи» значительно облегчаетъ уразумѣть внутреннее значеніе заключеннаго договора и представляетъ нерѣдко въ совершенно новомъ свѣтѣ дѣятели того времени и мотивы, ими руководившіе. Такъ какъ тѣ тысячи, десятки тысячъ, документовъ, по которымъ составлялись «историческія введенія», заимствованы изъ архива нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, то, конечно, въ нихъ русская политика всегда представляется въ болѣе или менѣе привлекательномъ свѣтѣ и это, быть можетъ, заставитъ и Вѣну, и Берлинъ, открыть свои архивы, чтобъ защитить свою «германскую» политику.

Какова же эта русская политика? Каковъ характеръ нашихъ международныхъ сношеній съ германскими государствами?

Россія ознакомилась съ Германіей черезъ Польшу; только послѣ паденія Польши русская пограничная линія на Западѣ сошлась съ германскою. Первые дипломатическія сношенія Россіи съ Германіей начались изъ-за Польши. Почти одновременно были заключены Россіею первые союзные договоры съ Австріею и Пруссіею: въ 1490 г. съ римскимъ королемъ Максимилианомъ противъ польскаго короля Казимира и въ 1517 г. съ бранденбургскимъ маркграфомъ и гроссмейстеромъ нѣмецкаго ордена Альбертомъ противъ польскаго короля Сигизмунда. Максимилианъ обязался оказать свою помощь великому князю, когда онъ «учнетъ доставати своего отечества великаго княжества Кіевскаго, что за собою держитъ Казимиръ король польскій и его дѣти нашего Государства Русскихъ земель»; тоже и Альбертъ: «а коли мы, Великій Государь Василей, Божіею милостию, Царь и Государь всея Русіи и Великій Князь, сами вся-

¹⁾ Собственно девяти, такъ какъ 4-й томъ раздѣленъ на два.

демь на конь, и пойдёмъ на своего недруга, на Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго или князей и воеводъ нашихъ съ нашею силою на его землю пошлёмъ, и Олбрехту Нѣмецкаго чину высокому Магистру вѣдать пошлёмъ, и ему съ своими пріятели и со всею своею силою на нашего недруга, на Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго земли, которыя за собою держить, также пояти и дѣлати тебѣ то наше дѣло съ тѣмъ нашимъ недругомъ, съ королемъ польскимъ, съ нашими князьями и воеводами за одинъ (unanimiter) въ томъ дѣлѣ». Договоры были, конечно, взаимные. Нельзя рѣшительно сказать для кого Польша была страшнѣе въ то время: для Россіи ли, или для Австріи и Пруссіи. Эта общая опасность и соединила три двора, съ тою, однако, разницею, что въ это же время Австрія и Пруссія вели между собою счеты, между тѣмъ какъ Россія стояла въ равныхъ отношеніяхъ къ той и другой, настолько, что когда умеръ Максимилианъ I, великій князь Василій Ивановичъ предложилъ въ германскіе императоры маркграфа бранденбургскаго!

Польскій вопросъ, въ той или другой формѣ, то какъ угроза, то какъ соблазнъ, служить въ теченіе трехъ вѣковъ однимъ изъ основныхъ мотивовъ международныхъ сношеній Россіи съ западными сосѣдями Польши. Этотъ мотивъ сталкивается съ другими, иногда отодвигается ими на задній планъ, переплетается то съ турецкими посягательствами, то со шведскими притязаніями, но всегда его можно услѣдить, всегда онъ играетъ роль, болѣе или менѣе видную. Въ 1573 году, императоръ Максимилианъ II предложилъ царю Ивану Грозному раздѣлить Польшу: польское королевство присоединить къ Австріи, княжество литовское — къ Россіи. «А прирадѣль цысарь, — сказано въ статейномъ спискѣ, — чтобъ то государство подѣлити, и корону бѣ польскую къ цысарю, а литовское великое княжество къ Московскому государству, и стояти бѣ имъ содново противъ турецкаго и противъ всѣхъ татарскихъ государей». Спустя 200 лѣтъ, въ 1772 г., мысль Максимилиана II начала приводиться въ исполненіе и скоро Польша, какъ самостоятельное государство, окончательно исчезла, при чемъ въ раздѣлѣ ея участвовали тѣ же три союзницы — Россія, Пруссія и Австрія.

Кромѣ Польши, какъ важнаго фактора въ международныхъ сношеніяхъ Россіи съ двумя главнѣйшими германскими государствами вмѣстѣ, съ Австріею и Пруссіею, турецкія дѣла на Югѣ приводили Россію въ такую же тѣсную связь съ Австріею, какъ шведскія на Сѣверѣ — съ Пруссіею.

Турція была равно враждебна какъ Австріи, такъ и Россіи, чѣмъ и объясняется возможность и даже необходимость союза ихъ противъ Порты Оттоманской. Но враждебность эта носила въ обоихъ случаяхъ своеобразный характеръ: въ то время какъ Австріи приходилось отбиваться отъ завоевательныхъ притязаній турокъ, Россія была поставлена въ необходимость грудью наступать на подвластныя

Портъ татарскія племена, занявшія побережья южныхъ морей -- Азовскаго, Чернаго, отчасти Каспійскаго. Въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, шагъ за шагомъ двигалась Россія къ Югу, то отбиваясь отъ насѣдавшаго врага, то наступая на него, пока, наконецъ, рядомъ долгодѣтнихъ войнъ съ Турціею, ей удалось, пріобрѣтеніемъ Крыма, придвинуться къ морю, какъ естественной границѣ, особенно важной для промышленной и торговой жизни народа. Этотъ результатъ былъ бы, конечно, достигнуть во всякомъ случаѣ, рано или поздно; но, не подлежитъ сомнѣнію, что успѣшному его достиженію содѣйствовали въ значительной степени международныя связи съ Австріею. Труды русскихъ посланниковъ въ Вѣнѣ -- Нефимонова, Ланчинскаго и ихъ преемниковъ -- не пропали даромъ. Рядъ договоровъ и конвенцій, заключенныхъ съ Австріею, сводится къ слѣдующему весьма важному для обоихъ контрагентовъ условію: «ежели Оттоманская Порты или съ Россійскою имперіею, или же съ Римскою постановленный трактатъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ нарушить и по какому-либо поводу отъ помянутой Оттоманской Порты нападеніе учинится, то въ обоихъ случаяхъ не атакованная изъ обѣихъ высочайшихъ договаривающихся сторонъ, хочеть и имѣеть Оттоманской Портѣ не токмо тотчасъ войну объявить, но и прямо собою въ земли ея, Порты, со всею возможною силою нападеніе учинить».

Швеція стояла поперекъ дороги и Пруссіи, сившейся овладѣть Помераніею, и Россіи, нуждавшейся въ Прибалтійскомъ краѣ. Ни царь Алексѣй Михайловичъ, ни бранденбургскій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ не могли смотрѣть равнодушно на стремленіе шведскаго короля Карла-Густава захватить все балтійское побережье и обратить Балтійское море въ «шведское озеро». Первый союзный русско-прусскій договоръ противъ Швеціи былъ подписанъ въ 1656 году, въ лагерѣ подъ Ригою, въ самый разгаръ русско-шведской войны. Замѣчательно, однако, что обѣ стороны, какъ Пруссія, такъ и Россія, старались при заключеніи договоровъ вовсе не упоминать о Швеціи. Въ договорѣ 10-го іюня 1697 г. слово «Швеція» не встрѣчается; но въ тотъ же день, Петръ I и Фридрихъ III, въ присутствіи пословъ и министровъ, на яхтѣ курфюрста, словесно обѣщали «другъ другу предъ лицомъ Божиимъ, что ту статью, о которой министры ихъ на письмѣ въ договорѣ не положили, дабы не сочинить онымъ подозрѣнія, а именно, чтобы въ удобной и потребной случай другъ другу противъ всѣхъ непріятелей, а особливо противъ шведа вспомогать всѣми своими силами во всякой возможности, содержать истинно и пребывать до скончанія въ непремѣнной при томъ союзъ дружбѣ». Этотъ «словесный договоръ» былъ утвержденъ взаимнымъ рукопожатіемъ и лобызаніемъ. Скрытая подъ формою словеснаго договора боязнь Швеціи исчезла очень скоро, года три спустя, когда началась Сѣверная война, продолжавшаяся съ перемѣн-

нымъ счастьемъ болѣе 20 лѣтъ и окончившаяся присоединеніемъ къ Россіи Прибалтійскаго края.

Польша, Турція, Швеція—вотъ три главные мотива, завязавшіе международныя сношенія Россіи съ Австріею и Пруссіею. Эти мотивы дѣйствовали одновременно, обладали далеко не равною силою, подвергались довольно частымъ измѣненіямъ, усложнялись побочными обстоятельствами, переплетались съ интересами иного порядка, но, въ концѣ концовъ, укрѣпили международныя сношенія Россіи съ германскими государствами на столько, что уже въ 1779 году обѣ германскія державы просили посредничества русской императрицы въ рѣшеніи чисто германскаго вопроса о баварскомъ наслѣдствѣ.

Путь, по которому Россія дошла до такого политическаго значенія въ Германіи, былъ дологъ, весьма сложенъ и довольно тернистъ. Въ немъ не трудно, однако, подмѣтить нѣкоторыя общія черты, характеризующія международную политику Россіи относительно ея германскихъ сосѣдокъ.

На первомъ планѣ должна быть поставлена почти безусловная, отличавшаяся иногда даже рыцарскимъ характеромъ, вѣрность Россіи заключеннымъ союзамъ, точное исполненіе принятыхъ на себя обязательствъ. По завѣту перваго царя московскаго Ивана Васильевича, выраженному въ первомъ договорѣ съ Австріею, русская дипломатія навсегда поставила для себя правиломъ исполнять международные договоры «въ правду и безъ хитрости». Кто и когда ни управлялъ иностранными дѣлами Россіи, въ коллегіи ли, въ министерствѣ ли, всегда строго слѣдовалъ этому завѣту. «Всему свѣту извѣстная правда есть—исповѣдывался канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ передъ императрицей Елисаветой Петровной въ 1745 г.— что ни одна держава безъ союзовъ себя содержать не можетъ, и яко основаніе благополучія человѣческаго общества въ доброй вѣрѣ, дружбѣ и взаимномъ вспоможеніи состоитъ, тако благополучіе и соблюденіе великихъ государей и великихъ державъ, равномѣрнымъ же образомъ, отъ доброй вѣры и взаимнаго вспоможенія зависитъ. Коль набожнѣе который государь свои союзы, обязательства и данное слово содержитъ, толь болѣе онъ повѣренности, высокопочитанія и власти себѣ прибрѣтаетъ, своихъ союзниковъ себѣ присвоаетъ и ихъ взаимную дружбу получаетъ. Исторія толкихъ вѣковъ о всѣхъ земляхъ, имперіяхъ и королевствахъ сіе доказуетъ»¹⁾.

Сто лѣтъ спустя, когда союзная Россіи Пруссія начала въ 1848 г. несправедливую войну противъ Даніи, императоръ Николай I писалъ королю Вильгельму Фридриху IV: «Россія всегда будетъ вѣрною союзницею своею стараго друга, доброй, старой и лояльной

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, II. 77.

Пруссіи, какъ вы ее называете, когда такая Пруссія воскреснетъ. Если когда-нибудь подъ старое прусское знамя опять станутъ старые пруссаки, но не нѣмцы подъ знаменемъ баррикадъ, русскій орелъ будетъ возлѣ него, потому что Россія умѣетъ забывать оскорбленія, она не нарушаетъ своихъ трактатовъ и не отрывается отъ своихъ традицій. Одному Богу извѣстно — суждено ли намъ испытать еще это счастье». Здѣсь слышится грустная нота даже по поводу невѣрности союзника своимъ обязательствамъ. За все время международныхъ сношеній Россіи съ главнѣйшими германскими государствами, въ теченіе болѣе 200 лѣтъ, не встрѣчается ни одного примѣра, гдѣ Россія нарушила бы заключенный ею договоръ.

Подобной вѣрности договорамъ мы не встрѣчаемъ ни въ Австріи, ни въ Пруссіи. И австрійскіе императоры, и прусскіе короли, всегда ставили матеріальныя выгоды и экономическіе интересы выше всякихъ договоровъ, въ которыхъ Фридрихъ II видѣлъ только «un assemblage de mots sans âme». Приведемъ одинъ только примѣръ, но вполне характеризующій обѣ стороны:

Въ 1697 г. курфюрстъ бранденбургскій Фридрихъ III «словеснымъ договоромъ» съ Петромъ I обязался «противъ шведа вспомогать всѣми своими силами во всякой возможности»; въ 1699 году Петръ I заключилъ союзъ съ польскимъ королемъ Августомъ II противъ Швеціи же. Спустя годъ, въ 1700 г. началась Сѣверная война, война Россіи и Польши противъ шведскаго короля Карла XII. Война была начата Августомъ II вопреки договора, по которому было условлено не начинать войны со Швеціею ранѣе окончанія войны Россіи съ Турціею, и что же? 8-го августа Петръ I получилъ извѣстіе о заключеніи мира съ Турціею, а 9-го приказалъ двинуть русскія войска къ шведскимъ границамъ. Какое же положеніе приняла Пруссія къ обѣимъ воюющимъ сторонамъ? Вспомогалъ ли прусскій король «всѣми своими силами» русскому императору, своему союзнику? Ничуть. Петръ I шлетъ въ Берлинъ посла за посломъ — кн. Трубецкого, Андрея Измайлова, Паткуля, Ивана Измайлова — ни одинъ изъ нихъ ничего не добился. Пруссійскій король до того опасался компрометировать себя предъ королемъ шведскимъ, что согласился принять кн. Трубецкого только тайкомъ; украдкою же русскій посланникъ долженъ былъ выѣхать изъ Берлина. Мало того: желая оставаться вполне нейтральнымъ, прусскій король запретилъ войскамъ воюющихъ державъ вступать въ свои владѣнія и приказалъ, въ случаѣ вторженія, силою прогонять ихъ за границу, въ томъ числѣ и войска своего союзника! Пруссійскій король оставался нейтральнымъ до 1709 г., когда окончательное пораженіе Швеціи было уже почти совершившимся фактомъ. До этого времени прусскій король скорѣе склонялся на сторону шведскаго короля Карла XII и отклонялъ всѣ настоятельныя просьбы Петра I объявить войну побѣдителю при Нарвѣ. Никакія ссылки Петра на

древнюю дружбу и на союзные договоры не въ состояніи были заставить короля придти на помощь своему «другу». Почему? Потому что отъ шведскаго короля онъ ожидалъ большихъ выгодъ, чѣмъ отъ русскаго императора. Карль XII обѣщаль прусскому королю освободить его отъ всякихъ личныхъ отношеній къ Польшѣ, присоединить къ Пруссіи польскій городъ Эльбингъ и подарить прусскому королю польскую область, раздѣлявшую Пруссію отъ Бранденбургіи. Что же обѣщала Россія? Петръ I могъ оградить Пруссію и всю Германію отъ шведскаго вліянія, но раздавать промессы на земли своего союзника, польскаго короля, онъ не могъ. Было только одно средство заставить прусскаго короля соединиться съ Россіею—побѣдить шведовъ: въ случаѣ военнаго успѣха русскихъ, Пруссія, чтобъ не быть обойденною при дѣлежѣ добычи, конечно, перейдетъ на сторону Россіи и будетъ дѣйствовать противъ Швеціи. Такъ и случилось: вслѣдъ за Полтавскою побѣдой, въ 1709 же году, Пруссія заключила союзный договоръ съ Россіею.

Фридрихъ II не обращаль никакого вниманія на договоры, въ грошъ не ставиль свою подпись и нарушалъ трактаты всякій разъ, когда это было ему выгодно. Онъ дошелъ до того, что французскій посланникъ въ Берлинѣ, Валори, прямо, въ лицо укориль его въ обманѣ. — *Mais ce n'est pas tromper cela,* — отвѣчалъ король, — *c'est se tirer d'affaire.* Фридрихъ II лгалъ, обманываль, измѣняль, ставиль въ политикѣ выше всего силу и издѣвался надъ правомъ. *Erst nehmen und dann unterhandeln* — вотъ его политическій девизъ, выражающійся въ наши дни въ пресловутомъ *beati possidentes*. Русскіе современники иначе и не называли Фридриха II, какъ «захватчивый» король, «конкерантный». Въ этомъ отношеніи въ политической дѣятельности Фридриха II легко указать черты, которыя подкупили въ его пользу многихъ нѣмецкихъ историковъ и, прежде всего, Дройзена и Трейчке. Конечно, въ политическомъ отношеніи Пруссія поступала очень ловко, ставя свои матеріальныя выгоды выше договорныхъ обязательствъ, выше всѣхъ понятій о чести. Въ политикѣ, чаще даже чѣмъ въ жизни, рыцарство доводитъ до донкихотства. Не подлежить, однако, сомнѣнію, что самая выгодность отказаться отъ заключеннаго договора свидѣтельствуетъ, что при заключеніи его не были приняты во вниманіе тѣ именно условія, отъ которыхъ зависѣла прочность договора.

Второю общою чертою, характеризующею наши международныя сношенія съ главнѣйшими германскими государствами, является доброжелательность какъ къ Австріи, такъ и къ Пруссіи. Конечно, не одновременно. Постоянный, продолжавшійся вѣка и не окончившійся еще антагонизмъ между Австріей и Пруссіей ставиль каждое иностранное правительство въ необходимость выбора: или съ Австріей, или съ Пруссіей. Россіи предстояло впервые рѣшить эту дилемму въ половинѣ прошлаго вѣка и она была рѣшена въ пользу Австріи. Не

смотря на состоявшееся въ маѣ 1739 г. соглашеніе между Россіею и Австріею относительно общихъ военныхъ дѣйствій противъ Турціи. Австрія, вслѣдъ за пораженіемъ при Гродскѣ, 1-го же сентября заключила сепаратный миръ съ Портою, чѣмъ подорвала всѣ успѣхи русскихъ войскъ, уже взявшихъ Хотинъ, и заставила Россію согласиться на примиреніе съ Турціею. Тѣмъ не менѣе, Россія вскорѣ же, въ 1746 г., оплатила Австріи добромъ за зло: когда противъ Австріи поднялись Пруссія, Франція и Испанія, когда вопросъ шель о самомъ существованіи Австріи, Россія заключила съ нею союзъ, который привелъ къ Семилѣтней войнѣ, спасшей Австрію. Сто лѣтъ спустя, въ 1848 году, венгерскій походъ русскихъ войскъ доказалъ еще разъ какими чувствами относительно Австріи руководится русская политика.

Говоритъ ли о «неблагодарности» Австріи? Говоритъ ли о русскомъ доброжелательствѣ относительно Пруссіи? Было время и еще очень недавнее, когда, до самаго 1870 года, германскіе либералы видѣли въ русской доброжелательной поддержкѣ прусскаго правительства главный мотивъ отсталости Пруссіи, и, конечно, негодовали на Россію. «Кто можетъ забыть о тяжкомъ игѣ, въ которомъ Россія держала Австрію и Пруссію съ 1717 по 1848 годъ», спрашивалъ въ 1854 г. Бунзень, прусскій посланникъ въ Лондонѣ, не зная или забывая, что это «иго» было результатомъ просьбы германскихъ же правительствъ.

Третья общая черта и, прибавимъ, самая важная—стремленіе поддерживать миръ съ германскими государствами. Политика мира относительно нашихъ западныхъ сосѣдей проходитъ чрезъ все прошлое столѣтіе и особенно ярко выражается въ нынѣшнемъ. Ее легко услѣдить въ дипломатическихъ сношеніяхъ русскаго правительства и трудно не замѣтить во взглядахъ русскаго общества, насколько они выражаются въ періодической печати, въ литературныхъ произведеніяхъ, даже въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Съ самаго начала международныхъ сношеній съ Германіей и до настоящаго времени, Россія никогда не вела самостоятельной войны ни противъ Австріи, ни противъ Пруссіи. Участіе же Россіи въ Семилѣтней войнѣ объясняется исключительно взаимною враждою между Австріею и Пруссіею. Справедливость требуетъ признать, что въ этомъ случаѣ какъ Австрія, такъ и Пруссія платили намъ до послѣдняго времени тою же монетою: ни та, ни другая, никогда не вели самостоятельныхъ войнъ противъ Россіи.

Въ половинѣ XVII столѣтія, сынъ портного изъ Аперслебена Адамъ Олеарій, по повелѣнію голштинскаго герцога Фридриха III, два раза посѣтилъ Россію—сперва въ посольствѣ къ царю Алексѣю Михайловичу, потомъ проѣздомъ къ персидскому шаху. По возвра-

щеніи въ Германію, онъ издалъ описаніе своего путешествія, въ которомъ передалъ о Россіи все, что самъ видѣлъ и что слышалъ отъ другихъ. Шестую главу седьмой книги своего описанія Олеарій начинаетъ слѣдующими словами: «по духу, нравамъ и жизни русскихъ, ихъ по справедливости должно причислить къ варварамъ».

Олеарій былъ правъ, какъ были правы римляне, называвшіе варваромъ всякаго иностранца, чуждаго ихъ культурѣ. Европейецъ, вскормленный цѣлымъ рядомъ такихъ культурныхъ движеній, какъ реформація, открытіе Новаго Свѣта, возрожденіе наукъ, не могъ, конечно, иначе отнестись къ русскимъ, оставшимся чуждыми западно-европейской цивилизаціи. Этихъ «варваровъ», однако, тянуло уже въ Европу. Они появлялись въ ней сперва одиночками, потомъ небольшими группами, въ качествѣ то ремесленныхъ учениковъ, то торговыхъ людей, то просто бѣглецовъ. Еще не истекло то столѣтіе, въ которое Олеарій посѣтилъ Россію, какъ по Европѣ проѣхало уже знаменитое посольство съ бомбардиромъ Преображенскаго полка Петромъ Михайловичемъ во главѣ.

Правильныя, постоянныя международныя сношенія Россіи съ Западною Европою, собственно съ германскими государствами, начались подъ громъ пушекъ, которыми Петръ I пробивалъ «окно въ Европу». Въ это окно Россія увидѣла, прежде всего, междуособную рознь двухъ германскихъ народовъ, вражду на жизнь и смерть между Австріей и Пруссіей. Ознакомившись съ положеніемъ европейскихъ дѣлъ, Петръ Великій установилъ въ международныхъ своихъ сношеніяхъ такую «славную систему, которая нашему отечеству толико блага принесла, что весь свѣтъ отъ того въ удивленіе приведенъ, ибо мы вездѣ въ почтеніи были и повѣренность чужестранныхъ имѣли». Въ чемъ же состояла эта система? «Сіе все въ томъ состоитъ, чтобы своихъ союзниковъ не покидать, для соблюденія себѣ взаимно такихъ пріятелей, на которыхъ бы положиться можно было; а оныя суть морскія державы (Англія и Голландія), король Польскій, яко курфирстъ Саксонскій, и королева Венгерская, по положенію ихъ земель, которыя натуральный съ сею имперією интересъ имѣютъ»¹⁾. И такъ, Россія высказалась за Австрію, слѣдовательно, противъ Пруссіи. Эта система продолжалась во всю первую половину XVIII столѣтія и неизбѣжно привела Россію къ участию въ Семилѣтней войнѣ. Во всю вторую половину прошлаго вѣка дѣйствовала совершенно иная система относительно обоихъ германскихъ государствъ: Екатерина II не только сама сѣумѣла жить въ мирѣ съ обоими врагами, съ Австріей и Пруссіей, но умѣряла ихъ взаимную неприязнь и мирила ихъ насколько могла. Съ замѣчательною осторожностію и съ большимъ политическимъ тактомъ пользо-

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, II, 20, 28.

валась Екатерина враждою своихъ сосѣдокъ, чтобъ предписывать имъ обѣимъ свою волю и заставить ихъ идти по пути, ея избранному. Ее вліяніе на самыя германскія дѣла было неотразимо и надолго оставило по себѣ глубокой слѣдъ. Екатерина II дала Даніи ту знаменитую гарантію на владѣніе Шлезвигъ-Гольштейномъ, о которую разбились всѣ стремленія нѣмецкихъ патріотовъ 1848 года: она подала Австріи первыя надежды на обладаніе Венеціей, съ покоренія которой вражда между Австріею и Италіею становится непримиримою; она же употребляла всѣ средства, чтобы сдѣлать Баварію австрійскою провинціею.

Для яснаго представленія международныхъ сношеній Россіи въ XVIII вѣкѣ, для правильной оцѣнки дѣятельности въ этомъ отношеніи какъ Петра I, такъ и Екатерины II, необходимо помнить, что та Россія, которую принялъ первый императоръ, и та, которую оставила по себѣ послѣдняя императрица—двѣ величины совершенно разныя. Географическое положеніе Россіи въ концѣ XVII столѣтія имѣло жалкій видъ: по Ладожскому озеру и по Невѣ плавали шведскія галеры; западная граница тянулась по восточнымъ окраинамъ Балтійскихъ провинцій, которыя принадлежали Швеціи; Псковская и Смоленская губерніи граничили съ владѣніями Польши; далѣе пограничная линія направлялась по Деснѣ къ Югу, близъ Кіева, по Днѣпру, и отъ Переволочны шла къ Сѣверу «украинская линія» до Донца, а къ Югу была уже турецкая граница, за которой кочевали ногайскіе татары. На Востокѣ рядъ засѣкъ и сторожевыхъ постовъ не защищали отъ набѣговъ киргизъ и рѣдкому каравану удавалось пройти въ Уфимское укрѣпленіе безъ стычки съ башкирами. Открытый выходъ къ морю былъ только на Сѣверѣ, у Архангелогородскаго порта, свободнаго отъ льда не болѣе трехъ мѣсяцевъ въ году. Въ концѣ XVIII столѣтія географическій видъ Европейской Россіи былъ, въ главныхъ чертахъ, тотъ же, что и въ настоящее время: доступы къ Балтійскому и Черному морямъ открыты, нѣтъ и помину ни о шведахъ, ни о татарахъ-данникахъ Порты; нѣтъ вовсе ни литовскаго княжества, ни польскаго королевства и западная граница примыкаетъ къ Пруссіи и Австріи.

Трудами Петра и Екатерины измѣнился, до неузнаваемости, и внутренній бытъ. Ихъ труды, однако, и по характеру, и по задачамъ, отличаются другъ отъ друга, хотя они преслѣдовали одну цѣль.

Тонкая и обширная наблюдательность Екатерины II, вмѣстѣ съ ея крѣпкой и дѣятельной волей, выражавшейся въ рѣшительной энергіи и въ самоувѣренномъ мужествѣ, рисуютъ предъ нами практическаго дѣятеля, значительно возвышающагося надъ окружающею средой и способнаго поработить робкихъ, привязать смѣлыхъ, увлечь всѣхъ. Въ этомъ отношеніи Екатерина II напоминаетъ Петра I:

разница только во времени и мѣстѣ дѣйствія—актеры, по способности, схожи, но сцена иная. Съ тѣхъ поръ какъ славный Ордынъ-Нащокинъ совѣтовалъ подражать Западной Европѣ, а патріархъ Никонъ «испроказилъ» древнее благочестіе новшествами, прошло цѣлое столѣтіе, полное коренныхъ преобразованій и повернувшее русскую жизнь съ Востока на Западъ. При появленіи Петра, къ «новому» только стремились; при появленіи Екатерины—съ нимъ уже сжились, къ нему привыкли. Разложеніе общественныхъ нравовъ, столь естественно проявившееся въ переходную эпоху Петра и такъ ярко обрисованное въ проповѣдяхъ Стефана Яворскаго, въ твореніяхъ Теофана Прокоповича, въ трудахъ Дмитрія Ростовскаго, если и не улеглось еще, не исчезло въ эпоху Екатерины, то значительно видоизмѣнилось, приняло другую окраску, ту, которая отмѣчена въ трудахъ князя Щербатова, въ запискахъ князя Шаховскаго, въ письмахъ Болотова. Этотъ переворотъ произошелъ не вдругъ, совершался медленно, для современниковъ былъ во многомъ почти незамѣтенъ, но сравните петровскихъ проповѣдниковъ съ екатерининскими мемуаристами, и происшедшая перемѣна бросится въ глаза. Этою происшедшею уже перемѣною обуславливалась и разница въ задачахъ и въ самой формѣ дѣятельности, проявленной Петромъ и Екатериною. Петръ, явившійся въ началѣ преобразовательнаго движенія, долженъ былъ браться за все, торопиться, не имѣя времени не только обдумать общій планъ, но даже согласовать подробности. Онъ учреждаетъ сенатъ и забываетъ дать ему наказъ; назначаетъ сенаторовъ «вмѣсто его императорскаго величества персоны» и вводитъ въ ихъ число лицъ совершенно безграмотныхъ. Какимъ-то случайнымъ характеромъ отмѣчены важнѣйшія его реформы: по слову философа Лейбница уничтожены приказы и созданы коллегіи; по письму митрополита Стефана патріаршество замѣнено синодомъ. Законодательная дѣятельность Петра еще рѣзче указываетъ характеръ его преобразовательной дѣятельности: здѣсь вовсе не видно никакой системы, все случайно—издаются не общія юридическія положенія, для всѣхъ обязательныя, а административныя распоряженія по даннымъ частнымъ случаямъ. Дѣла было такъ много и дѣло было такое разнообразное, что нѣкогда было думать о системѣ, о строѣ, о планѣ. Екатерина, явившаяся если не при окончаніи этого преобразовательнаго теченія, то, во всякомъ случаѣ, когда жизнь уже значительно улеглась въ новыхъ формахъ. когда новый кафтанъ уже нѣсколько обносился, къ нему уже попривыкли, могла оглядѣться, одуматься прежде, чѣмъ начать дѣйствовать. Во всей ея преобразовательной дѣятельности видна выработанная система, обдуманый планъ, заранѣе намѣченная задача. Она не бросается изъ стороны въ сторону, не торопится, и если созидаетъ новыя учрежденія, то для всей имперіи. если издаетъ законы. то обязательные для всего населенія.

И во внѣшней политикѣ, какъ во внутренней, Екатерина II являлась реформаторомъ. Она не дѣлала выбора между Австріей и Пруссіей, какъ поступали до нея, а ладила и съ Австріей, и съ Пруссіей. Въ политическихъ вопросахъ она проявляла прозорливость, удивлявшую присяжныхъ дипломатовъ. Еще въ Херсонѣ, при личномъ свиданіи съ императоромъ Іосифомъ II, она обращала его вниманіе на положеніе дѣлъ въ Нидерландахъ. Едва услышавъ о террорѣ во Франціи, императрица говоритъ, и не разъ, что Франція, какъ нѣкогда Галлія, дождется своего Цезаря ¹⁾: «Гдѣ же Цезарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь; онъ явится».

Цезарь не замедлилъ явиться. Екатерина II была еще жива, когда, въ 1795 году, по улицамъ Парижа шатался отставной артиллерійскій лейтенантъ, готовый вступить въ турецкую или русскую службу, лишь бы обезпечить себѣ кусокъ хлѣба. Вскорѣ вся Германія почувствовала на себѣ корсиканскую руку этого офицера, ставшаго Наполеономъ I. Два раза императоръ Александръ I защищалъ, съ оружіемъ въ рукахъ, германскія земли отъ французскихъ притязаній, и оба раза неуспѣшно: русско-прусскій союзъ окончился пораженіемъ подъ Іеной и порабощеніемъ всей Пруссіи; русско-австрійскій привелъ къ Аустерлицу и къ потерѣ Австрію нѣкоторыхъ изъ ея провинцій. Не смотря на всѣ свои усилія, Александру I не удалось примирить Австрію и Пруссію даже въ виду общей грозившей имъ опасности. Онѣ предпочитали, казалось, иго Наполеона взаимной дружбѣ. Въ откровенномъ разговорѣ съ графомъ Разумовскимъ, русскимъ посломъ въ Вѣнѣ, графъ Стадлонъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ ему, между прочимъ: «Послушайте, хотите я вамъ скажу, что здѣсь думаютъ—думаютъ, что вы ведете войну для Пруссіи».

Этотъ разговоръ происходилъ въ февралѣ 1807 года; въ апрѣлѣ была заключена русско-прусская союзная конвенція, а въ іюлѣ—близъ Тильзита, на рѣкѣ Нѣмайѣ, на небольшомъ паромѣ, обнялись оба императора и Александръ I дружественно пожалъ руку Наполеону I. Французскій императоръ увѣрялъ при этомъ русскаго, что политическія отношенія Франціи къ Россіи, вытекающія изъ отношеній торговыхъ и географическихъ, заставляютъ обѣ державы быть не только въ союзѣ, но въ дружбѣ; Наполеонъ говорилъ Александру, что, даже въ случаѣ войны, ни Франція, ни Россія не могутъ нигдѣ встрѣтиться, чтобъ сразиться; Наполеонъ предлагалъ Александру подѣлить между собою всю Европу, образовавъ два государства—западное, съ Египтомъ и Сирією, для Франціи, и восточное, съ Константинополемъ и Балканами, для Россіи ²⁾. Тутъ

¹⁾ Сборникъ русск. истор. общ., XXIII, 503, 506, 555; Margard, Zimmermann's Verhältnisse mit der Kaiserin Catharina II, 394; Смирдинъ, Собр. соч. Екатерины II, III, 480.

²⁾ Corresp. de Napoleon I, XV, № 12843, 12849, 12876; XVI, № 13358, XXXII, p. 260.

же, въ Тильзитѣ, Наполеонъ рѣшилъ свой походъ въ Россію, убѣдившись, что русскаго императора такія перспективы нисколько не соблазняютъ.

Въ «Собраніи трактатовъ и конвенцій» издано, какъ мы упоминали, много новыхъ актовъ; въ «историческихъ введеніяхъ» общено много новыхъ извѣстій, заимствованныхъ профессоромъ Мартенсомъ изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Для примѣра, приведемъ нѣкоторыя подробности, проливающія новый свѣтъ на русско-австрійскія отношенія передъ Отечественной войной 1812 года.

Предстоявшая война Наполеона I противъ Россіи ни для кого не составляла тайны, и менѣе всего обманывалась на этотъ счетъ русская дипломатія. Уже въ 1810 году, графу Шувалову, русскому послу въ Вѣнѣ, было поручено войти въ соглашеніе съ вѣнскимъ дворомъ для заключенія союза Россіи съ Австріею. Графъ Меттернихъ увѣрялъ графа Шувалова о расположенности Франца I къ Россіи, но отвергалъ самую возможность союза до тѣхъ поръ, пока Россія не откажется отъ намѣренія присоединить къ своимъ владѣніямъ занятія ея войсками Молдавію, Валахію и Бессарабію. Послѣ цѣлаго ряда конференцій, когда графъ Шуваловъ требовалъ отъ графа Меттерниха категорическаго отвѣта, австрійскій министръ сказалъ:—«Но кончайте же въ Турціи—вотъ что существенно».—Можете вы мнѣ обѣщать, спросилъ графъ Шуваловъ, что если турецкія дѣла окончатся къ общему удовольствію, то соглашеніе между нами состоится?—«Въ этомъ я могу васъ увѣрить», отвѣтилъ графъ Меттернихъ, «но когда это случится, мы, быть можетъ, будемъ разнаго мнѣнія на счетъ слова соглашаться».—По крайней мѣрѣ, возразилъ графъ Шуваловъ, хотъ бы знать чего собственно вы желаете!—Графъ Меттернихъ смутился, но скоро же оправился и сказалъ опять то же, чѣмъ началъ:—«Кончайте въ Турціи и тогда мы поговоримъ иначе».—Вслѣдъ за этимъ графъ Шуваловъ покинулъ Вѣну; его постъ занялъ графъ Штакельбергъ. Новому послу было поручено хлопотать о союзной помощи Австріи или, по крайней мѣрѣ, о ея нейтралитетѣ во время предстоявшей войны Россіи съ Франціею. Вѣнское правительство увѣряло въ своей дружбѣ, признавало войну между Франціею и Россіею немислимою, но не давало отвѣта на вопросы. Въ февралѣ 1811 года императоръ Александръ прислалъ Францу I особое письмо, въ которомъ даже не просилъ о союзной помощи, а желалъ только знать рѣшеніе вѣнскаго двора въ случаѣ войны, при чемъ Александръ предлагалъ Францу всѣ свои завоеванія въ Турціи—Молдавію, Валахію и даже Сербію. Графъ Штакельбергъ не могъ добиться отвѣта, пока, наконецъ, въ апрѣлѣ 1812 года графъ Меттернихъ не сообщилъ русскому послу, что 14-го марта подписана союзная конвенція между Австріею и Франціею. Это извѣстіе произвело въ Петербургѣ удру-

чающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что баронъ Лебцельтернъ, австрійскій уполномоченный въ Петербургѣ, категорически увѣрялъ въ мартѣ же, что «до сихъ поръ нѣтъ никакого соглашенія, никакого формальнаго союза между Австріею и Франціею», что вѣнскій дворъ желаетъ остаться нейтральнымъ.

Сообщая графу Штакельбергу мартовскую конвенцію, графъ Меттернихъ удивилъ русскаго посла заявленіемъ, что только крайняя необходимость могла заставить вѣнскій дворъ заключить союзъ съ Франціею, при чемъ увѣрялъ, что австрійскія союзныя войска будутъ дѣйствовать только со стороны Буковины и что Австрія никогда не выставитъ болѣе 30,000 человѣкъ.—«Но какую гарантію, спросилъ графъ Штакельбергъ, вы дадите намъ въ томъ, что эти обѣщанія дѣйствительно будутъ исполнены?»—Австрійскій министръ отвѣчалъ:—Эти гарантіи заключаются въ собственныхъ интересахъ австрійской монархіи, если не въ добросовѣстности государя, именемъ котораго я теперь говорю.—И вскорѣ было заключено тайное соглашеніе между Россіей и Австріей, закрѣпленное честнымъ словомъ обоихъ императоровъ.

Лѣтомъ 1812 года Наполеонъ перешелъ границы Россіи, веди за собою необозримое войско—тутъ нѣмцы и поляки, голландцы и швейцарцы, испанцы, итальянцы. Никогда еще Европа не видѣла такой громадной арміи, съ такою правильною организаціею: 420,000 дѣйствующей арміи, 80,000 для гарнизоновъ въ Германіи, 80,000 для защиты береговъ Франціи и Италиі, и все это во время испанской войны, въ которой участвовало до 200,000. Положеніе ближайшихъ къ Россіи германскихъ государствъ было жалкое. Австрія и Пруссія выставили цѣлые корпуса противъ Россіи: прусскій 20-тысячный корпусъ Йорка, бывший подъ командой Макдональда, стоялъ близъ Риги и составлялъ лѣвое крыло; австрійскій 40-тысячный корпусъ Шварценберга стоялъ въ Польшѣ и составлялъ правое крыло.

Послѣ переправы французской арміи черезъ Нѣманъ, въ Европѣ распространилась глубокая тишина. Въ первое время слышно еще было иногда о походѣ французовъ 'внутри Россіи; потомъ все замолкло; даже императорскіе бюллетени не появлялись по цѣлымъ недѣлямъ, мѣсяцамъ. Въ началѣ сентября пробѣжала по Европѣ вѣсть о пожарѣ Москвы—въ Берлинѣ и Вѣнѣ ее поняли въ томъ смыслѣ, что французы разрушили побѣжденную столицу Россіи. Затѣмъ, два мѣсяца—ни слуха, ни вѣсти. 2-го декабря Наполеонъ появился въ Дрезденѣ, одинъ, безъ полководцевъ, безъ войска, и спѣшилъ въ Парижъ; 7-го декабря Мюратъ достигъ русско-прусской границы съ военнымъ обозомъ въ 20,000 человѣкъ, на которыхъ обрушились всевозможныя земныя бѣдствія: оборванные, въ лохмотьяхъ, окоченѣвшіе отъ стужи, голодные плелись они впередъ, растянувшись на милы, безъ всякаго порядка, по дорогѣ убѣлен-

ной снѣгомъ, покрытой трупами, ранеными. Совершился небывалый Божій судъ надъ страшною армadoю, шедшею въ Россію съ намѣреніемъ сдѣлать русскаго царя капраломъ французской арміи!

Австрія и Пруссія растерялись отъ неожиданнаго финала драмы. Прусскій король не понималъ, съ какой собственно стороны грозитъ опасность; Меттернихъ полагалъ, что теперь именно выгодно помочь Франціи и тѣмъ заслужить благодарность Наполеона. Австрія и Пруссія клялись въ преданности Франціи, но было уже поздно: 30-го декабря 1812 года Йоркъ собственною властью подписалъ въ Таурогенѣ конвенцію, въ которой объявилъ свой корпусъ нейтральнымъ; Меттернихъ пришелъ въ ужасъ отъ «своевольнаго» поступка Йорка, но вскорѣ узналъ, что и Шварценбергъ сдѣлалъ то же самое 18-го января 1813 года. Этими двумя нотами началась война за освобожденіе Германіи.

За громкими военными побѣдами, одержанными народнымъ воодушевленіемъ, наступило полное политическое пораженіе, олицетворенное тупою реакціею. За Лейпцигской bataille des géants, за взятіемъ Парижа, послѣдовали, одно вслѣдъ за другимъ, такіа печальныя явленія, какъ Священный Союзъ, конгрессы въ Троппау, Лайбахѣ, Веронѣ, съ ихъ нелѣпою système de stabilité; наконецъ, явилось и «второе изданіе» Священнаго Союза въ Мюнхенгретцѣ и Теплицѣ 1835 года, когда Россія получила преобладающее значеніе на дѣла Германіи, а Пруссія и Австрія стали ея трабантами.

Нѣмецкій ученый Шлоссеръ, заканчивая свой трудъ о XVIII столѣтіи, бросаетъ взглядъ на время вѣнскаго конгресса и находитъ, что «то было время обмана и лжи, время наглой дерзости повелителей и бюрократическаго бездѣльничанья чиновниковъ, время конгрессовъ и протоколовъ, политическихъ преслѣдованій и заговоровъ, время надеждъ и разочарованій». Громовый, но справедливый приговоръ. Извѣстны постановленія вѣнскаго конгресса; извѣстно лицо, составлявшее душу конгресса, средоточіе послѣдовавшей реакціи, бывшее руководителемъ двухъ русскихъ императоровъ въ ихъ противодѣйствіи новымъ идеямъ.

Меттернихъ былъ ловкій, образованный, умный человекъ. Онъ былъ виртуозъ въ мелочахъ дипломатическаго искусства, увлекательный и неистощимый въ политическихъ комбинаціяхъ, всегда любезный и уступчивый, насколько то позволяли преслѣдуемыя имъ политическія цѣли. Но ему недоставало того высшаго проявленія политической прозорливости и государственнаго ума, который находитъ великую, историческую точку зрѣнія для общаго хода событій, который открываетъ необыкновенныя средства при необыкновенныхъ положеніяхъ, который изъ-за дипломатическихъ мелочей видитъ государственное значеніе вопросовъ. Въ молодыхъ годахъ онъ заслужилъ похвалу, какъ cavalier galant; въ преклонныхъ лѣтахъ—титутъ Нестора европейской дипломатіи: но онъ ни-

когда не былъ истиннымъ государственнымъ человѣкомъ, т. е. творцемъ и руководителемъ національныхъ интересовъ; онъ былъ, по мѣткому выраженію русскаго посла «полицейской крысой». Онъ потратилъ свою жизнь на защиту принциповъ уже отжившихъ, и умеръ, всѣми оставленный и міромъ позабытый, представляя собою прообразъ судьбы того принципа реставраціи, которому онъ служилъ, и той реакціи, служить которой онъ заставлялъ другихъ. Одинъ ораторъ во франкфуртскомъ сеймѣ былъ правъ, когда, въ 1848 г., сказалъ въ своей рѣчи: «весь позоръ послѣднихъ десятилѣтій выражается въ одномъ словѣ—Меттернихъ».

Новыя идеи, которыхъ не понималъ Меттернихъ, заключались въ политической свободѣ и національномъ единеніи. Уже въ XVIII столѣтіи, государственный строй Австріи и Пруссіи, основанный на исключительномъ руководствѣ сверху и слѣпомъ повиновеніи снизу, оказался никуда негоднымъ. Послѣ большой французской революціи во всѣхъ германскихъ государствахъ, не только сосѣднихъ съ Россіею, проявилось патріотическое сознаніе, что государство есть нѣчто иное, чѣмъ учрежденіе для сбора налоговъ и вербовки солдатъ, что благосостояніе отдѣльнаго лица разрушается съ уничтоженіемъ національной чести. Это сознаніе впервые проявилось и выразило свою силу въ войнѣ за освобожденіе Германіи, когда къ тяжести меча присоединилась сила общественнаго мнѣнія и къ управленію государства примкнуло воодушевленіе свободнаго народа. Эти новыя идеи, приведшія уже къ блистательнымъ результатамъ, погибнуть ли отъ противодѣйствія Меттерниха?

Когда появляется новая идея, полная истины, она овладѣваетъ умами и рано или поздно, но побѣда] всегда на ея сторонѣ. Ея первые поборники страдаютъ и нерѣдко жертвуютъ жизнію; но мало-по-малу страсти утихаютъ, интересы измѣняются и идея побѣждаетъ даже своихъ враговъ. Во время этой-то революціи въ умахъ настаетъ моментъ, когда наступательная сила новой истины уравнивается съ оборонительною силою старой лжи, готовая на-завтра торжествовать свою побѣду. Въ политической исторіи государствъ это моментъ, дающій названіе «великихъ» тѣмъ, которые счумѣли имъ воспользоваться. Ни Меттернихъ, ни его ученики и послѣдователи, не стяжали, конечно, наименованія «великихъ», но и не могли остановить осуществленіе новыхъ идей, которыя, мало-по-малу, дѣлали и продолжаютъ дѣлать свои завоеванія. Самымъ краснорѣчивымъ и безспорнымъ фактомъ торжества новыхъ идей служатъ такія историческія явленія, какъ освобожденіе Греціи, объединеніе Италіи, образованіе Германской имперіи.

Мы не коснемся подробностей международныхъ сношеній Россіи съ Австріею и Пруссіею отъ вѣнскаго конгресса до парижскаго мира. Они отмѣчены тѣми печальными явленіями, о которыхъ мы упоминали, которыя не дѣлаютъ чести ни одной изъ трехъ дер-

жавъ и которыя дали германскимъ патріотамъ право видѣть въ Россіи злѣйшаго врага германскаго народа, хотя, конечно, такими врагами являлись, прежде всего, сами же правительства Австріи и Пруссіи. Въ «Собраніи трактатовъ и конвенцій» проф. Мартенсомъ приведены тысячи документовъ¹⁾, подтверждающихъ тотъ фактъ, что не Россія была врагомъ Германіи, а Австрія и Пруссія. Во второй половинѣ XIX столѣтія, когда подготовлялось рѣшеніе вопроса объ объединеніи Германіи, международныя сношенія Россіи съ Австріею и Пруссіею отличались тѣмъ дипломатическимъ тактомъ, который свидѣтельствовалъ, что Россія вполне сознавала силу и значеніе новыхъ идей. Образование германской имперіи, сильной своимъ единствомъ, не встрѣтило въ Россіи ни сопротивления, ни сожалѣнія, вопреки проповѣди близорукихъ патріотовъ, усматривавшихъ въ усиленіи Германіи неминуемое ослабленіе Россіи, какъ будто сила государства заключается не въ немъ самомъ, а за предѣлами его территоріи.

Послѣ 1848 г., когда негодность франкфуртскаго сейма стала уже очевидною, всѣ сознавали, что во главѣ единой Германіи должна быть поставлена сильная германская держава. Такихъ было двѣ—Австрія и Пруссія; онѣ долго и много спорили за первенство, и эти споры составляли несчастіе Германіи. Невозможно было и сомнѣваться на чьей сторонѣ окажется перевѣсъ: въ то время какъ Австрія культивировала іезуитизмъ въ религіи и макіавелизмъ въ политикѣ, Пруссія преклонялась предъ Лютеромъ, Кантомъ, Лессингомъ, Гете, Гейне; въ Австріи — гнетъ славянъ и итальянцевъ, въ Пруссіи — свободный ростъ народныхъ силъ, ожиданіе новаго Штейна для крещенія огнемъ и мечомъ новой народившейся силы. Новый Штейнъ явился. Обладая обширнымъ государственнымъ умомъ, способнымъ обнять самую сложную политическую комбинацію, и рѣшительною волею, не останавливающеюся ни предъ какими затрудненіями, Бисмаркъ рѣшился привести въ исполненіе грандіозный планъ объединенія Германіи подъ главенствомъ Пруссіи. Въ то время какъ шелъ академическій споръ о путяхъ къ единству—*durch Einheit zur Freiheit* или *durch Freiheit zur Einheit* — практической Бисмаркъ говорилъ въ своей рѣчи 1862 г.: «Германіи нужна не свободная Пруссія, а Пруссія сильная въ военномъ отношеніи. Пруссія должна увеличить свое войско, чтобъ воспользоваться первымъ же случаемъ, который представится. Наши крѣпости слишкомъ слабы для державы, желающей играть первенствующую роль. Знайте, и этого никто не долженъ забывать: великіе вопросы разрѣшаются не парламентскими преніями и голосованіемъ, но мечомъ и кровью».

По весьма понятнымъ причинамъ, проф. Мартенсъ доводитъ

¹⁾ Особенно любопытна въ этомъ отношеніи 1-я часть 4-го тома и восьмой томъ.

свои изысканія въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ только до половины нынѣшняго столѣтія и потому внутренняя, интимная сторона международныхъ сношеній Россіи съ Австріею и Пруссіею остается еще сокрытою. Но судя по внѣшней сторонѣ, выразившейся въ государственныхъ актахъ, обмѣненныхъ между тремя державами, не подлежитъ сомнѣнію, что и въ наше время русская политика относительно германскихъ сосѣдей отличается тѣми же тремя особенностями—вѣрностью договорамъ, доброжелательностью къ Германіи и стремленіемъ поддерживать миръ.

Проф. В. Бильбасовъ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ моей долгой жизни мнѣ довелось многое видѣть и слышать. Съ раннихъ лѣтъ я началъ записывать, какъ мнѣ жилось, о чемъ мечталось, что совершалось въ той средѣ, гдѣ я вращался. Наблюдательность моя ничего не пропускала. Въ результатѣ получилась масса многообразнаго матеріала, можетъ быть и пригоднаго въ смыслѣ воспоминаній о пережитомъ, видѣнномъ и пережитомъ; а можетъ быть, по большей части, и никуда негоднаго при настоящихъ условіяхъ жизни.

По предложенію редакціи «Историческаго Вѣстника» я рѣшился напечатать кое-что изъ моихъ записокъ. На первый разъ сообщаю четыре отрывка: о подвигѣ священника Пятибокова, о неудачномъ штурмѣ Арабъ-Табіи, о казни Гудзевича и о пожарѣ Апраксина двора. О бывшемъ торговомъ Апраксиномъ дворѣ и о пожарѣ его нынѣшнее поколѣніе не можетъ составить себѣ никакого представленія. Апраксинъ толкучій рынокъ, или дворъ, былъ въ то время огромною и невозможною массою торговыхъ лачужекъ, ларей, выставокъ и лавченокъ — деревянныхъ, полотняныхъ, рогуженыхъ, сбитыхъ между собою безъ всякаго плана и порядка, скученныхъ и нагроможденныхъ одна на другую и переполненныхъ самымъ разнообразнымъ хламомъ... невообразимая куча горячаго матеріала.

Пожаръ возникъ въ самой срединѣ этого невѣроятнаго городка и сразу принялъ такіе ужасающіе размѣры, о которыхъ трудно что-либо сказать: все будетъ слабо, что бы я ни привелъ!.. Я ви-

дѣлъ самъ лично это колоссальное народное бѣдствіе, видѣлъ какъ дымилося пальто на государѣ, наблюдалъ его омраченное лицо, слышалъ, какъ ревѣла многотысячная толпа возбужденной черни, покорной и ласковой къ государю даже среди всего этого ужаса, неподдающагося никакому описанію. Приводимый мною разсказъ о пожарѣ Апраксина рынка записанъ мною со словъ, бывшаго тогда дежурнымъ при государѣ, флигель-адъютанта, нынѣ генераль-лейтенанта, И. М. Голынскаго.

I.

Подвигъ священника Пятибокова.

Въ 1854 году, была объявлена война Турціи и наши войска двинулись къ Дунаю. По приказанію императора Николая Павловича отъ каждаго гвардейскаго полка были посланы въ дѣйствующую армію по два офицера. Въ числѣ прочихъ, жребій палъ и на меня. Я явился въ армію 10-го марта 1854 года, испытавъ на пути массу всякихъ затрудненій... Наши войска готовились переходить Дунай одновременно въ трехъ пунктахъ: въ Браиловѣ, Галацѣ и Измаилѣ, но день переправы не былъ назначенъ потому, что, все время, стояла крайне бурная погода и войскамъ надо было отдохнуть послѣ неоднократныхъ перемѣщеній изъ Галаца въ Браиловъ и обратно — по топи, безъ дорогъ — усиленными переходами.

Я былъ назначенъ въ отрядъ генераль-лейтенанта Ушакова, расположенный въ Измаилѣ, куда и явился, не зная, гдѣ преклонить голову и къ кому пристроиться. Штабъ отряда, къ которому меня причислили, занималъ въ городѣ отдѣльный большой домъ. Со мною были вѣжливы, но меня чуждались. Какое кому было до меня дѣло? Я былъ гвардеецъ, невѣдомо зачѣмъ пріѣхавшій, всѣмъ чужой!..

Человѣкъ мой, Ѳедоръ, нашелъ гдѣ-то по близости уголокъ и то, благодаря добродушію старика священника Могилевскаго полка отца Василія Пятибокова, — иначе я не знаю, гдѣ бы приютился.

— Что ты все снуешь взадъ да впередъ, молодець! — обратился къ Ѳедору отецъ Василій, сидѣвшій у воротъ, на улицѣ. — Али потерялъ что?

— Не потерялъ, батюшка, а вотъ не знаю, какъ барина устроить! — отвѣчалъ Ѳедоръ, подходя подъ благословеніе. — Только вчера прибыли сюда и чего только не перенесли по пути... страсть одна! А вотъ тутъ оказывается, что и голову негдѣ приклонить.

— Да кто твой баринъ? — спросилъ священникъ.

Ѳедоръ назвалъ меня.

— Такъ и чудесно!—вали ко мнѣ,—потѣсимся, устроимся какъ-нибудь. Подавай багажъ, а я прикажу причетнику самоваръ ставить!—говорилъ священникъ.

Федоръ стремглавъ бросился меня отыскивать и едва розыскалъ гдѣ-то на скамеечкѣ подъ навѣсомъ, озябшаго и измученнаго.

Это было вечеромъ 10-го марта. Вѣтеръ завывалъ и изрѣдка шла изморозь. Дунай былъ хорошо видѣнъ—черный, мутный, сердитый. Часть берега находилась подъ водою. Съ мѣстностью я уже успѣлъ немного ознакомиться. Для переправы отряда отъ Измаила избрано было мѣсто въ полтораверстахъ выше мыса Чатала, гдѣ Дунай суживается до 120 сажень и лѣвый, нашъ, берегъ покрытъ густо разросшимся камышемъ, способнымъ укрыть войска отъ выстрѣловъ непріятели; правый же берегъ, турецкій, былъ совершенно открытъ и Тульча, расположенная на горѣ, была отчетливо видна.

Узнавъ отъ Федора, что, наконецъ, удалось найти хоть какой-нибудь пріютъ, я поспѣшилъ, по его указаніямъ, къ помѣщенію отца Василія.

— Не знаю, какъ васъ благодарить!—говорилъ я, завидя священника, вышедшаго ко мнѣ на-встрѣчу на улицу. — Безъ васъ пропадать приходилось.

— Ничего, ничего, помилуйте! Авось Богъ сохранитъ. Имѣю честь рекомендоваться: священникъ Могилевскаго полка Василій Пятибиковъ,—отвѣчалъ священникъ, благославляя меня и кланяясь.

Я также себя назвалъ, но когда прибавилъ, что прикомандированъ къ штабу генерала Ушакова безъ указанія, что дѣлать и гдѣ находится, то отецъ Василій только развелъ руками.

— Вотъ видите! — да и то вѣдь куда имъ теперъ! Небось, голы-то у всѣхъ не на мѣстѣ, и не до васъ имъ, конечно; но никто какъ Богъ. Милости прошу! У меня и чай готовъ.

Мы напились чаю, а между тѣмъ Федоръ успѣлъ меня устроить въ уголкѣ, въ той же комнаткѣ, гдѣ помѣщался и отецъ Василій. Въ свою очередь, я угостилъ отца Василія вѣзмъ тѣмъ, что у меня имѣлось, а у меня имѣлось не мало кое-чего, и Федоръ былъ мастеръ своего дѣла. Мы изрядно поужинали и улеглись въ ожиданіи грядущихъ событій.

Часовъ въ 5 утра, 11-го марта, насъ разбудилъ грохотъ нашихъ орудій и мы начали готовиться. Вскорѣ священника позвали къ командиру Могилевскаго полка. Уходя, онъ просилъ понаблести за его причетникомъ, человѣкомъ не достаточно благонадежнымъ. Затѣмъ и я одѣлся и вышелъ, приказавъ Федору оставаться на мѣстѣ, покуда я его не вызову.

Было уже совершенно свѣтло и я пошелъ прямо на огонь нашихъ батарей, расположенныхъ на Чатальскомъ мысу, саженьяхъ въ 600 ниже раздѣленія Дуная на Килійскій и Сулинскій рукава.

Артиллерія была скрыта за деревьями и кустарниками, шту-

черные отъ всѣхъ полковъ поставлены между орудіями, а пѣхота расположилась въ камышахъ, позади артиллеріи.

Когда я подошелъ къ батареямъ, дѣло достаточно выяснилось: огонь турецкихъ батарей до того ослабъ, что генераль Ушаковъ счелъ возможнымъ направить десантныя суда къ мѣсту переправы. Почтенный генераль сидѣлъ на барабанѣ съ биноклемъ въ рукахъ и зорко всматривался вдаль. Я подошелъ и поклонился.

— А, и вы здѣсь? милости просимъ! оставайтесь при мнѣ на случай надобности! А надобность не замедлитъ!—сказалъ генераль.

Я сталъ правѣе его, въ кустахъ, и началъ наблюдать за движеніемъ перевозочныхъ лодокъ и плотовъ. Сперва онѣ поднимались противъ теченія бичевою до Чатальскаго мыса, но далѣе, чтобъ обогнуть мысъ, должны были, по причинѣ отмели, идти на веслахъ. Когда опредѣлилось мѣсто нашей переправы, непріятель сталъ порывисто собирать войска на высотахъ Тульчи и въ камышахъ около Сомова-гирла и поставилъ на скатѣ горы свои батареи. Какъ только передовыя наши лодки показались изъ-за мыса, турецкія батареи обратили весь свой огонь на десантныя суда, не обращая вниманія на учащенные выстрѣлы нашихъ береговыхъ батарей. Не понимаю какимъ чудомъ—всѣ безъ изъятія суда, на которыя назначено было сажать войска, подошли къ мѣсту переправы безъ всякихъ важныхъ поврежденій.

Переправа началась. Первыми отплыли по одному батальону Могилевскаго и Полоцкаго полковъ, а за ними и остальные батальоны этихъ полковъ и нѣсколько орудій. Мнѣ было хорошо видно, какъ полоцкіе разсыпались подъ выстрѣлами возвышенной непріятельской батареи, какъ опрокинули турокъ за Сомово-гирло и захватили мостъ, не давъ туркамъ времени разрушить его. Батальоны Могилевскаго полка, въ ротныхъ колоннахъ, бѣжали на турецкія укрѣпленія. Я жадно всматривался въ эту дивную боевую картину: казалось, что вотъ-вотъ, еще минута, и наши возьмутъ эту крѣпкую позицію. Но вдругъ вдали что-то полыхнуло... залпъ, другой... Съ мѣста, гдѣ я стоялъ, мнѣ показалось, что я слышу своеобразный свистъ картечи. Это и была она: въ то время, когда могилевцы взяли ближайшій турецкій редутъ и бросились дальше на штурмъ другой батареи, турки встрѣтили ихъ, въ ста шагахъ, картечью и сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ изъ обширнаго сомкнутаго укрѣпленія, казавшагося намъ съ нашего берега совершенно открытою батареею. При первомъ залпѣ ранены были почти всѣ бывшіе впереди старшіе офицеры, начиная съ командира полка, и могилевцы, потерявъ своихъ начальниковъ, — остановились. Намъ видно было, какъ оставшіеся въ живыхъ офицеры старались воодушевить солдатъ: моментъ увлеченія прошелъ и тогда съ солдатомъ трудно бываетъ что-нибудь сдѣлать, въ особенности, когда онъ не слышитъ знакомаго ему голоса своихъ командировъ. От-

дѣльныя кучки бросались и влѣзали на валъ, но ихъ кололи и они гибли бесполезно.

— Капитанъ Харламовъ!—обратился ко мнѣ генер. Ушаковъ.— Немедленно переѣзжайте на ту сторону, здѣсь близко стоитъ мой яликъ. Отзовите этихъ дураковъ, дайте имъ очнуться. Я сейчасъ ихъ поддержу.

Генераль еще не окончилъ послѣдній фразы, какъ я уже бѣжалъ къ берегу.

— Живонату сторону!—крикнулъ я двумъ казакамъ-гребцамъ.— По цѣлковому на брата.

Яликъ полетѣлъ. Бросивъ казакамъ два рубля и приказавъ имъ вернуться на тотъ берегъ, я побѣжалъ къ могилевцамъ прямою дорогой.

— Куда вы, Александръ Семеновичъ?—вдругъ прокричалъ съ боку у меня чей-то голосъ.

Я оглянулся: это былъ отецъ Василій, въ эпитрахили и съ крестомъ въ рукахъ.

— Генераль послалъ отозвать могилевцовъ!—отвѣтилъ я на бѣгу.

— Да вы не туда бѣжите, держите полѣвъ!—кричалъ въ дюнку мнѣ отецъ Василій.

Я прибѣжалъ на мѣсто. Издали, все это было красиво... но тутъ... переполохъ, убитые, раненые... все это кричить, командуешь... собирается въ кучки и бросается впередъ, потомъ залегаетъ и опять бросается... никто никого не слушаетъ. Въ какомъ-то рву я набѣжалъ на кучку солдатъ и, всмотрѣвшись, увидѣлъ, что это знаменное прикрытие 2-го Могилевскаго батальона—и знамя.

— Горниста!—закричалъ я.—Горнистовъ сюда! сколько есть!

Ко мнѣ побѣжали два горниста.

— Труби сборъ!—Я адъютантъ генерала Ушакова!

Горнисты заиграли сборъ; вскорѣ къ нимъ присоединилось и еще нѣсколько горнистовъ и барабанщиковъ. Сборъ заиграли и забили отчетисто, громко. Между тѣмъ, я выхватилъ у знаменщика знамя и высоко поднялъ его надъ головою, не обращая ни малѣйшаго вниманія на щелкавшія кругомъ пули: до нихъ ли мнѣ было!

Прошло не много времени и ко мнѣ стали подходить сперва отдѣльныя солдаты, потомъ кучки, а потомъ и толпы. Я ихъ устраивалъ побатальонно, кое-кто изъ офицеровъ этого полка помогать мнѣ. Мало-по-малу, все устроилось и явилась возможность сдѣлать повѣрку. Полкъ потерялъ полкового командира и двухъ батальонныхъ изъ четырехъ, но сохранилъ почти всѣхъ ротныхъ командировъ, иныхъ раненыхъ, но не оставившихъ своихъ солдатъ.

Я сдалъ команду старшему изъ двухъ батальонныхъ командировъ и посоветовалъ ему положить полкъ во рвахъ и кустахъ и ожидать поддержки, которая не замедлитъ. Она, дѣйствительно, и не замедлила.

Первымъ прибѣжалъ на мѣсто отецъ Василиій.

— Гдѣ мои ребятушки? гдѣ они, родные мои? — спрашивалъ онъ, не обращаясь ни къ кому лично.

— Отецъ Василиій!—остановилъ я его.—Сюда! вотъ ваши дѣтки лежатъ. Идите туда.

Между тѣмъ, успѣвшій переправиться Смоленскій полкъ бѣгомъ подходилъ къ мѣсту. Любо было смотрѣть на этихъ бравыхъ молодцовъ, какъ они, пробѣгая мимо, кричали могилевцамъ: вставай! чего разлеглись! бѣги вмѣстѣ!

Смоленцы пробѣжали, а могилевцы все еще лежали въ рытвинѣ, не рѣшаясь встать при видѣ раненыхъ смоленцевъ, которыхъ уже выбивала изъ фронта турецкая картечь. Офицеры поднимали людей, но не дружно, и поднявшіеся снова ложились.

— Голубчики!—вдругъ закричалъ какимъ-то потеряннымъ голосомъ отецъ Василиій.—Голубчики! за мной, родные! за святымъ крестомъ!—и этотъ достойный пастырь выскочилъ изъ оврага и высоко поднялъ надъ головой св. крестъ.

Словно молнія прошла по полку! Въ одинъ мигъ все разомъ поднялось и грянуло «ура!» порывистое, стихійное, то «ура!» которое безъ содроганія сердечнаго нельзя слышать на полѣ сраженія... Могилевцы стремительно бросились впередъ толпою... и одновременно съ смоленцами ворвались въ редуть. Я не утерпѣлъ... и побѣжалъ съ ними. Одну минуту я думалъ, что отецъ Василиій убитъ, потому что онъ упалъ, но—нѣтъ! вотъ онъ поднялся и опять побѣжалъ. Крестъ высоко блестѣлъ надъ нимъ въ поднятой рукѣ. Наваль я его почти внесъ: старику не подъ силу было взойти по очень крутой покатости. Впослѣдствіи оказалось, что эпитрахиль была у него пробита картечью и отъ св. креста оторвана часть. Мы овладѣли редутомъ; гарнизонъ былъ почти поголовно переколотъ.

Геройскій штурмъ турецкихъ батарей и истребленіе ихъ защитниковъ—навели на непріятеля такой панической страхъ, что турки оставили позицію у Тульчи, бросили всѣ устроенные ими ретраншаменты у Исаджи и противъ Сатуновской плотины и бѣжали къ Бабадагу.

Отецъ Василиій былъ представленъ къ наперстному кресту на Георгіевской лентѣ; но этотъ простой и безпритязательный человѣкъ, доказавшій на дѣлѣ свое самоотверженіе и правильное пониманіе своего пастырскаго призванія,—не полагалъ, въ смиреніи своемъ, чтобъ когда-нибудь его удостоили такой высокой награды.

Возвратясь въ Петербургъ въ концѣ августа, я счелъ долгомъ справиться и прослѣдить за дѣломъ о пожалованіи креста отцу Василию.

Дѣло не клеилось; оберъ-священникъ не пропускалъ представленія. Помогъ мнѣ гофмаршалъ двора его высочества государя наслѣдника Василиій Дмитріевичъ Олсуфьевъ. Этотъ достойный и много-

уважаемый человекъ радушно выслупалъ меня и сердечно обѣщаль свое всеильное содѣйствіе. Отъ него я и получилъ патентъ и наперстный крестъ для отсылки о. Василию. Могилевскимъ полкомъ командовалъ тогда полковникъ фонъ-Бринкенъ, отличившійся при несчастномъ штурмѣ Арабъ-Табіи: къ нему я и отправилъ наперстный крестъ для возложенія на о. Василия.

II.

Неудачный штурмъ Арабъ-Табіи.

Прошло около 35 лѣтъ, какъ кровавая ночь на 17-е мая 1854 года канула въ вѣчность и память о ней изгладилась давно, какъ проходить все на свѣтѣ. Нѣтъ и Сельвана, убитаго на глазахъ моихъ, нѣтъ и Веселитскаго, нѣтъ и Орлова... Все прошло и забылось бы, еслибъ не возникалъ, время отъ времени, голосъ какого-нибудь безвѣстнаго очевидца, безпристрастно напоминающаго потомству о совершившихся дѣянїяхъ.

Переправа черезъ Дунай, одновременно на трехъ пунктахъ, была искусно соображена и превосходно исполнена. Оставалось ею воспользоваться и въ десять переходовъ дойти до Силистріи, укрѣпленія которой, по показанїямъ лазутчиковъ и плѣнныхъ, тогда еще не были окончены, а возведеніе отдѣльнаго укрѣпленія, Арабъ-Табіи, считавшагося впоследствии ключемъ всей силистрійской обороны, едва начато и самый гарнизонъ Силистріи, по слухамъ, не превышалъ 12-ти тысячъ человекъ. Но... князь Горчаковъ, и безъ того уже опасавшійся отвѣтственности передъ княземъ Паскевичемъ, который долженъ былъ вскорѣ принять отъ него начальство надъ Дунайской арміей, сдѣлался еще болѣе нерѣшителенъ и задерживалъ дальнѣйшее наступленіе нашихъ войскъ.

Наконецъ, прибылъ фельдмаршалъ, князь Варшавскій, но и его прибытіе не повело къ рѣшительнымъ дѣйствїямъ. Преклонныя лѣта князя, предстоящая борьба Россїи съ западными державами двусмысленное поведеніе Австріи и... другія причины сдѣлали то, что было потеряно болѣе мѣсяца драгоцѣннаго времени и, именно, этому обстоятельству слѣдуетъ приписать неудачу нашихъ послѣдующихъ дѣйствїй за Дунаемъ.

Только въ началѣ мая къ Силистріи стянулось много нашихъ войскъ.

Не буду говорить объ осадѣ этой крѣпости и о томъ, о чемъ судить не берусь, а расскажу лишь одинъ эпизодъ, котораго я былъ очевидцемъ.

Судьба столкнула меня съ однимъ чрезвычайно симпатичнымъ генераломъ, къ которому я и пристроился. Это былъ Сельванъ, че-

ловѣкъ красивой и видной наружности, честный, умный, образованный, пылкій, всѣми очень любимый.

16-го мая, въ 11 вечера, турки неожиданно высыпали на гласисъ форта Арабъ-Табію и открыли сильнѣйшій ружейный огонь по нашимъ работамъ; но въ нихъ пустили нѣсколько ракетъ и—они поспѣшно скрылись въ укрѣпленіе.

Черезъ часъ послѣ отраженія турокъ, Сельванъ рѣшился штурмовать Арабъ-Табію. Къ этому, между прочимъ, побудило его, какъ онъ лично говорилъ мнѣ,—скопленіе непріятельскихъ массъ противъ ближайшаго къ Дунаю фланга нашихъ работъ, вслѣдствіе чего онъ полагалъ, что Арабскій фортъ занятъ весьма слабо; по моему же мнѣнію,—мнѣнію очевидца и человѣка близкаго къ Сельвану,—это было одно только увлеченіе Сельвана и состоявшихъ въ его распоряженіи офицеровъ главной квартиры, столько же храбрыхъ, сколько и неопытныхъ въ военномъ дѣлѣ.

Когда все было готово къ штурму, Сельванъ подошелъ къ Алексопольскому полку и, обратясь къ командиру его, сказалъ:

— Вотъ вамъ георгіевскій крестъ! Возьмите Арабъ-Табію. Съ Богомъ! ведите!..

Темнота ночи и тишина движенія дали возможность алексопольцамъ подойти къ форту совершенно скрытно. Когда раздался нашъ барабанный бой, турки открыли торопливый и безпорядочный ружейный и картечный огонь, но, конечно, не остановили нашихъ. Алексопольцы, съ крикомъ «ура!» бросились впередъ и, не имѣя при себѣ ни лѣстницъ, ни фашинь, живо спустились въ ровъ укрѣпленія,—откуда съ неимоверными усиліями, въ темнотѣ и подъ губительнымъ огнемъ, поддерживая другъ друга, оцупью стали взбираться на крутой валъ. Первымъ взшелъ подполковникъ фонъ-Бринкенъ, за нимъ устремились солдаты. Въ продолженіе не болѣе четверти часа весь валъ и амбразуры съ орудіями были въ нашихъ рукахъ. Алексопольцы, поддержанные полтавцами и однимъ батальономъ Замосцкаго полка, ворвались въ укрѣпленіе и завязали тамъ упорный рукопашный бой...

Сельванъ стоялъ у рва и порывался въ самый фортъ, гдѣ слышалось и ура! и другіе дикіе крики, рѣдкіе выстрѣлы, и шумъ борьбы. Съ нимъ рядомъ стояли генералъ Веселитскій, я и два казака... больше никого. Мимо насъ пробѣжалъ въ укрѣпленіе флигель-адъютантъ князь Орловъ, ведя двѣ роты Полтавскаго полка.

— Желая успѣха!—крикнулъ вслѣдъ ему Сельванъ пофранцузски.

— Благодарю! лишь бы... дальнѣйшихъ словъ не было слышно.

Прошло не много времени,—минуть пять, какъ при свѣтѣ пожара въ Арабъ-Табію мы увидѣли, что солдаты спускаютъ съ вала подъ руки и потомъ поднимаютъ изъ рва этого самаго Орлова, съ лицомъ, залитымъ кровью... Сельванъ нагнулся къ нему, чтобъ ра-

спросить и... вдругъ я вижу, что онъ опускается на одно колѣно, потомъ падаетъ навзничь... Я его тотчасъ поднимаю и стараюсь разсмотрѣть—куда онъ раненъ... но темнота не позволяетъ мнѣ что-либо видѣть; однако, я догадываюсь, что генераль тяжело раненъ потому, что тѣло его очень огрузло и я вынужденъ былъ опустить его на землю. Подошли казаки и присмотрѣлись.

— Надо относить, ваше высокоблагородіе, убиты, какъ есть—наповаль,—сказали они.

Веселитскій нагнулся и потрогалъ тѣло. Видно было, что онъ дѣйствовалъ какъ-то безсознательно; потомъ вдругъ, совершенно неожиданно Веселитскій закричалъ:

— Назадъ! назадъ! отступленіе!

Я изумился и не вѣрилъ ушамъ моимъ. Какъ? Отступить, когда Арабъ-Табія была взята, когда мы такъ дорого уже за нее заплатили? Да развѣ это возможно? И это приказаніе отдаетъ генераль, несомнѣнно храбрый и опытный! Что это такое?

— Ради Бога! что вы дѣлаете?—обратился я къ Велелитскому, забывая всякую дисциплину.

— Назадъ! назадъ!—неистово кричалъ генераль, заглушая своимъ голосомъ всякій другой шумъ.—Горнисты! играть!..

Не легко было нашимъ солдатамъ спускаться въ ровъ и вылѣзть изъ него на нашу сторону, на верхъ почти полтора-саженной крутой стѣны контръ-эскарпа подъ выстрѣлами турокъ. Ободренные нашимъ неожиданнымъ отступленіемъ, за минуту передъ тѣмъ прижатые, что называется къ стѣнѣ,—эти самые турки теперь яростно кололи и били переходившія чрезъ ровъ наши войска и нанесли имъ огромныя потери.

Я былъ увлеченъ массою отступающихъ. Кругомъ меня валились люди, большинство ругалось, офицеровъ не было видно. Насъ провожали картечью и учащеннымъ ружейнымъ огнемъ. Темнота, казалось, еще болѣе усилилась, когда мы вступили въ наши траншеи и залегли тамъ. Полки перемѣшались, неурядица происходила невообразимая и... еслибъ турки выскочили и бросились на эту толпу одурѣлыхъ и потерявшихся солдатъ,—то едва ли кто-нибудь изъ нихъ остался бы живъ. Я даже не полагаю, чтобы кто-либо былъ способенъ оказать сопротивленіе; приходи и бери руками, или гони, какъ стадо овецъ. Какое ужасное слово произнесъ Веселитскій въ тотъ именно моментъ, когда люди зарвались и уже довершали побѣду. Оно было равносильно смертному приговору всѣмъ этимъ молодцамъ, такъ дружно ворвавшимся въ грозную Арабъ-Табію. При томъ, это было ночью, когда человѣкъ особенно способенъ предаваться паникѣ; днемъ, можетъ быть, мы отступили бы хладнокровнѣе и безъ такихъ громаднхъ потерь.

На другой день, въ 10 часовъ утра, на Арабъ взвился бѣлый флагъ и заключено было перемиріе на два часа для уборки убитыхъ

и раненыхъ. Тѣла нашихъ солдатъ были перенесены съ гласиса— и изъ рва въ занимаемый нами ближайшій оврагъ и тамъ погребены, а тѣло Сельвана, съ трудомъ отысканное, похоронено въ Каларашѣ на церковномъ кладбищѣ.

Для изслѣдованія причинъ столь гибельнаго происшествія назначенъ былъ, если не ошибаюсь, генераль Гротентельмъ. Но кого же было винить! Если нѣкоторые изъ командовавшихъ частями увлеклись необдуманномъ порывомъ, то генераль Сельванъ обязанъ былъ, не обращая вниманія на толки храбрыхъ, но неопытныхъ молодыхъ людей, дѣйствовать по внушенію собственной опытности; а Сельвана не было уже на свѣтѣ.

28-го мая, подъ личнымъ начальствомъ фельдмаршала было принято общее наступленіе главныхъ силъ осаднаго корпуса къ Силистріи, съ цѣлью обозрѣть отдѣльныя непріятельскія укрѣпленія и расположеніе турецкихъ войскъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ намѣреніемъ показать войскамъ нашимъ, какимъ образомъ слѣдуетъ маневрировать и устроиваться въ виду непріятели.

Фельдмаршалъ остановилъ войска, не доходя до какого-то селенія,—за выотою, и самъ вѣхалъ на вершину ея, со всею своею свитою и конвоемъ. Я былъ въ его свитѣ. Съ горы были ясно видны: фортъ Абдуль-Меджидъ съ развѣвающимся на немъ большимъ флагомъ, почти вся южная сторона главнаго вала и впереди довольно большой лагерь турецкой кавалеріи, которая тотчасъ начала обходить нашъ лѣвый флангъ.

Видя огромную свиту и конвой, расположившіеся на горѣ, турки обратили сюда огонь съ Абдуль-Меджида. Въ то время, когда фельдмаршалъ остановился для опроса жителей, вышедшихъ къ нему изъ близъ лежащаго селенія, одно изъ непріятельскихъ ядеръ упало у самыхъ ногъ его лошади, которая, сдѣлавъ прыжокъ, завертѣлась на мѣстѣ. Ближайшіе изъ лицъ свиты думали, что князь раненъ; однако, въ первую минуту у него не оказалось ни раны, ни малѣйшей боли отъ контузіи и онъ, подѣхавъ къ огородамъ селенія, даже слѣзъ съ лошади и продолжалъ обозрѣніе въ зрительную трубу. Затѣмъ, когда подали на травѣ походный завтракъ, онъ былъ веселъ, не чувствовалъ никакой боли и только лишь уступая просьбамъ окружающихъ его лицъ, согласился сѣсть въ коляску и отправиться для отдыха въ Каларашъ, тѣмъ болѣе, что рекогносцировка кончилась и войска получили приказаніе возвратиться въ свои лагери. Состояніе здоровья фельдмаршала не возбуждало никакихъ опасеній, но на слѣдующій день онъ слегъ въ постель отъ контузіи и старинной молдавской лихорадки и вскорѣ потомъ отправился въ Яссы, передавъ начальство надъ войсками князю Горчакову. Опытный умъ фельдмаршала угадывалъ, что въ Турціи намъ нечего уже дѣлать и что . . . надо было уходить. но отвѣтственность за это онъ не желалъ взять на себя. . . . .

13-го іюня мы отступили отъ Силистріи. Князь Горчаковъ оставался на правомъ берегу, пока не переправился послѣдній батальонъ. Въ сумерки были представлены ему трое плѣнныхъ, захваченныхъ въ небольшой арріергардной перестрѣлкѣ. По ихъ показаніямъ—Силистрія сильно пострадала отъ осады; провіантъ, по причинѣ уничтоженія мельницъ, большею частью, отпускался въ зернѣ, отъ чего число больныхъ быстро увеличивалось, и крѣпость черезъ нѣсколько дней была бы вынуждена сдаться.

Около половины іюля мы очистили княжества. Въ то же время изъ главной квартиры мнѣ было сообщено, что командировка моя кончилась и я долженъ возвратиться въ свой полкъ, въ Петербургъ. Я откланялся, кому слѣдовало, и уѣхалъ къ величайшему восторгу моего Федора, который земли подъ собою не слышалъ отъ радости, что возвращается въ Петербургъ цѣль и невредимъ—вмѣстѣ со мною!

III.

Пожаръ Апраксина толкучаго рынка.

(Рассказъ флигель-адъютанта Голынского).

30-го мая 1862 г. я былъ дежурнымъ во дворцѣ въ Царскомъ Селѣ. Было уже 3 часа пополудни, день былъ жаркій, погода стояла дивная. Я углубился въ работу по составленію экстракта изъ поступившихъ наканунѣ прошеній... вдругъ, совершенно неожиданно меня позвали къ государю. Пристегнувъ саблю, я бросился на зовъ. Государь торопливо одѣвался.

— Петербургъ горитъ, и я туда ѣду. Ты ѣдешь со мною,—сказалъ мнѣ государь взволнованнымъ голосомъ.—А гдѣ твоя каска?..

Я доложилъ, что кеги моя внизу и что каски для дежурствъ отмѣнены.

— Да—я забылъ! Такъ будь готовъ!

Я забѣжалъ къ себѣ за кеги и пальто и чрезъ минуту былъ на подѣздѣ въ ожиданіи государя; но ждать его не пришлось, онъ уже спускался подъ руку съ императрицею. Я приложилъ руку къ козырьку.

— Я бы желала ѣхать съ тобою!—чуть слышно проговорила императрица пофранцузски.—Умоляю тебя. Я боюсь!

— Нѣтъ! я не могу этого допустить!—отвѣчалъ государь.—Впрочемъ, будь совершенно покойна, я долго тамъ не останусь. Садись въ мою коляску!—добавилъ государь, обращаясь ко мнѣ порусски...—Я поѣду съ императрицею. Поторопи тамъ экстренный поѣздъ.

Когда я прибылъ на вокзалъ, то поѣздъ еще не былъ поданъ и мнѣ, дѣйствительно, пришлось кое-кого поторопить, но къ пріѣзду государя поѣздъ подали.

Я стоялъ на дебаркадерѣ.

— Садись со мною!—сказаль мнѣ государь.

Я вскочилъ въ вагонъ, такъ какъ поѣздъ уже тронулся.

Государь сидѣлъ у своего письменнаго стола и нервно перебираль бумаги, вынутыя имъ изъ портфеля.

Помѣстясь на другомъ концѣ вагона, въ уголокъ, я незамѣтно наблюдалъ за государемъ. Очевидно, ему хотѣлось заняться работою, чтобъ забыть о той страшной дѣйствительности, на которую мы ѣхали, но, повидимому, ему это не удавалось. Поминутно онъ двигался и смотрѣлъ въ окно, но не произносилъ ни слова; а между тѣмъ, мы приближались къ Петербургу и въ открытыя окна наносило къ намъ запахъ гари.

— Полюбуйся... чтò это такое?!—вдругъ проговорилъ государь, обращаясь ко мнѣ.

Государь стоялъ у окна, лицо его было взволновано, на губахъ замѣтно было нервное подергиванье, но онъ вполне владѣлъ собою.

Я уже давно смотрѣлъ въ ту сторону, куда мнѣ указываль государь.

Картина была невообразимая. Никакое перо не въ состояннн ея описать. Казалось, что горѣлъ весь Петербургъ. Надъ огромнымъ пространствомъ пожараща стоялъ густой дымъ, какъ туча, а ниже этой тучи былъ огонь, грозный, сплошной огонь, высоко вздымавшій свои языки надъ всѣмъ Петербургомъ. Дѣйствительно казалось, что горить весь Петербургъ.

Я ничего не отвѣчалъ... да и чтò я могъ отвѣчать этому дивному человѣку, душа котораго была очевидно переполнена скорбью. Я ясно читаль на его лицѣ не одну только скорбь, но и величiе, и смиренiе, и думы о томъ, какъ онъ придетъ на помощь къ этимъ бѣднымъ погорѣльцамъ и, можетъ быть, утресть не одну слезу.

— Да будетъ его святая воля?—проговорилъ задумчиво государь, не отрываясь отъ окна.

Много сказано было въ этихъ немногихъ словахъ.

На дебаркадерѣ, въ Петербургѣ, государя встрѣтили князь Суворовъ и оберъ-полицеймейстеръ Анненковъ.

Занятый уборкою портфеля, я не слыхаль, чтò говорилъ Суворовъ, но мнѣ показалось, что лицо государя сдѣбалось еще грустнѣе.

Я поѣхаль за государемъ въ своей дежурной коляскѣ по Загородному проспекту до Чернышева моста. Здѣсь государь вышелъ изъ экипажа.

По ту сторону моста, налѣво отъ Чернышева переулка, все горѣло. Изъ оконъ зданiя министерства внутреннихъ дѣлъ выходили огненные языки. Дальше налѣво, на сколько можно было видѣть съ Чернышева моста, было сплошное море огня по обѣ стороны Фонтанки: по ту сторону, какъ одинъ колоссальный костеръ,

горѣлъ Апраксинъ толкучій рынокъ;—по нашу сторону пылали огромные склады строительнаго матеріала и дровъ по набережной Фонтанки и огонь переходилъ уже на Лештуковъ и Троицкій переулки, гдѣ загорѣлось все, что могло загораться. Смердь, жара, были невообразимые: нечѣмъ было дышать. Огромныя головни вились по воздуху и перебрасывались на большія разстоянія, даже туда, гдѣ и не чаяли загорѣться. Вихрь, свистъ огня, народный вопль,—было чтò-то такое, трудно вообразимое: я говорю о томъ періодѣ этого историческаго пожара, когда еще не успѣли подать паровую пожарную трубу съ завода Уайненса. Когда эту трубу привезли изъ-за города и поставили у Чернышева моста, спустивъ забирный рукавъ въ Фонтанку, дѣло приняло иной оборотъ: тогда удалось отстоять Пажскій корпусъ, и министерство народнаго просвѣщенія, и большой Гостинный дворъ, и всѣ другіе, начавшіеся въ Московской части, пожары. На одинъ мигъ—на углу Чернышева переулка и большой Садовой—я увидалъ дѣйствіе этого могучаго парового насоса. Протянутый черезъ весь Чернышевъ переулокъ до угла большой Садовой, рукавъ давалъ по 10 ведеръ воды въ секунду на высоту 15—20 сажень и выше. Понятно, что тамъ, гдѣ полили—все было разметано и все залито.

Но въ то время, когда государь вышелъ изъ экипажа у Чернышева моста, пожаръ свирѣпствовалъ во всемъ своемъ грозномъ величій. Казалось, что не было силы въ мірѣ, способной остановить его дальнѣйшее распространіе.

Пожарныхъ не было видно. Обезсиленные и утомленные предъидущими пожарами, по нѣскольку въ сутки,—растерянные, разбросанные на громадномъ пожарницѣ, они, оказалось, отсутствовали. Тонкія струйки воды и мѣдныя каски кое-гдѣ показывались изъ-за дыма и огня, но это только на одну минуту. Огонь—одинъ огонь вездѣ преобладалъ,

Хаосъ стоялъ невообразимый. Вынесенные и выброшенные товары и вещи горѣли на мостовой, толпа выла, суета превосходила всякое описаніе. Ужасъ царилъ, гибель была повсюду.

Пораженный до глубины души, разбитый, растерянный, я не могъ никакъ опознаться и сообразить чтò такое совершается передъ моими глазами. Какая сила души и воли нужна была, чтобъ не растеряться въ подобный моментъ и сохранить хотя тѣнь способности мыслить и соображать.

— Ты найдешь мою лошадь у Публичной Библіотеки!—послышался мнѣ спокойный голосъ государя, обращенный ко мнѣ.—Я пройду по Чернышеву до угла Садовой и буду ожидать.—Прикажи подать ее туда.

Я перебѣжалъ Чернышевъ мостъ, разъ пять перескочилъ черезъ какіе-то костры горѣвшихъ вещей, вынесенныхъ на площадь, гдѣ теперь скверъ и—понесся, не побѣжалъ, по Театральной улицѣ къ

Александровскому театру, радуясь, что хоть на время выйду изъ этого ада, гдѣ невозможно было дышать.

У Публичной Библиотеки не было царской лошади, но я не успѣлъ еще хорошенько осмотрѣться, какъ замѣтилъ на Невскомъ скакавшаго на ней рейткнехта. Я его подзвалъ и направилъ. Туда же побѣжалъ и самъ я, не отдавая себѣ отчета, что я дѣлаю и помня только одно, что я долженъ быть тамъ, гдѣ былъ государь.

На углу Чернышева и Большой Садовой стоялъ государь въ ожиданіи лошади. Огромная толпа народа окружала его и ревѣла «ура!»

Государь былъ видимо растроганъ и утиралъ лицо. Народъ тѣснился къ нему, дотрогиваясь до него, ловилъ его руки, цѣловалъ пальто.

На лошадь онъ не сѣлъ; но его посадилъ народъ, ласкаясь къ нему, цѣлуя стремя, лошадь, ноги государя, крича «ура! ура! ура!..» Я самъ все это видѣлъ и никогда не забуду.

Государь тихо поѣхалъ по Чернышеву переулку къ Екатерининскому каналу, гдѣ еще не горѣло. Не помню теперь, кто былъ за государемъ,—кажется флигель-адъютантъ Вельяминовъ,—но кто-то бѣжалъ, также какъ и я. Народъ кричалъ «ура!» и валилъ за государемъ.

Мы повернули по набережной Екатерининскаго канала мимо Государственнаго Банка до Мучного переулка и выѣхали въ Мучной, но дальше ѣхать было нельзя. По Садовой бушевалъ огонь, Апраксинъ переулочекъ весь горѣлъ. Изъ окружавшей государя толпы слышалось: — «не ѣзди туда, батюшка нашъ, туда и ходу нѣтъ!»

Государь остановился и что-то хотѣлъ говорить, но толпа ревѣла «ура!» и говорить было невозможно.

Государь поѣхалъ дальше по набережной и, сколько мнѣ помнится, чрезъ Сѣнную площадь прослѣдовалъ до Обуховскаго моста, гдѣ огня было мало и было сравнительно тихо.

Обозрѣвъ налѣво представлявшееся пожарище, государь шагомъ поѣхалъ по Обуховскому проспекту до Загороднаго и по Загородному до Троицкаго переулка. Вездѣ горѣло, но такого ужаса, какъ тамъ — здѣсь уже не было. Я слѣдовалъ за государемъ пѣшкомъ, не отставая. На углу Троицкаго и Невскаго, кто-то изъ полицейскихъ, посланныхъ отыскать государя, донесъ ему, что на пожаръ вызвана паровая пожарная труба Уайненса и что съ пожаромъ надѣются справиться; по крайней мѣрѣ, надѣются остановить дальнѣйшее распространеніе огня.

Государь приказалъ полицейскому отыскать его экипажъ, который вскорѣ и подали.

— Садись! — сказалъ мнѣ государь.

Я сѣлъ. Чувства мои я передать не умѣю, ихъ надо испытать такъ, какъ я испыталъ. Я и усталъ, и былъ приниженъ всѣмъ

мною видѣннымъ,— я, человѣкъ не отвѣтственный, не потерпѣвшій. Что же долженъ былъ чувствовать этотъ державный хозяинъ земли Русской?.. Онъ, отвѣтственный за всѣ народныя бѣдствія и умѣвшій сочувствовать чужому горю какъ никто, лишь бы это горе до него дошло? Я близко къ нему стоялъ и не знаю другого сердца, лучше его. Это былъ не государь, но человѣкъ въ самомъ высокомъ значеніи этого слова. Что онъ долженъ былъ чувствовать при видѣ такого колоссальнаго разоренія, такого множества своихъ подданныхъ, которымъ и помочь вполне онъ былъ не въ силахъ?.. Что эта благая и милосердная душа должна была ощущать при видѣ толпы, ласкающей къ нему, благодарящей по своему за его царственное сочувствіе? Много разнообразныхъ чувствъ, я полагаю, тѣснилось въ его державной груди въ то время, когда мы ѣхали къ вокзалу Царскосельской дороги и народъ бѣжалъ за коляской и кричалъ «ура!» Какъ бы хотѣлось ему, какъ отцу своего народа, утерѣть всякую слезу, утолить всякое горе, вознаградить всякій убытокъ. Я это понялъ изъ того, что первое слово его, обращенное ко мнѣ, было:

— Я приказалъ Суворову устроить бѣдныхъ, погорѣвшихъ на Семеновскомъ плацу, и не смотрѣть на издержки.

Понятно было, что прежде всего его тяготило. Очевидно, что въ поту, пыли и копоти, въ обожженномъ пальто, онъ не думалъ о собственномъ утомленіи: онъ думалъ о томъ, какъ бы скорѣе организовать правительственную помощь потерпѣвшимъ, какъ бы поддержать ихъ нравственно за невозможностію вознаградить ихъ за всѣ испытанные убытки.

Мы сѣли въ вагонъ,— я, удрученный непонятнымъ мнѣ до той поры чувствомъ ничтожества моего передъ стихійной силой, ниспосылаемой свыше;— онъ, весь взволнованный, весь въ слезахъ, которыми онъ, наконецъ, могъ дать волю.

О, какъ онъ былъ великъ въ эту минуту въ глазахъ моихъ,— я этого сказать не умѣю. Я сидѣлъ въ уголкѣ и думалъ о томъ, чѣмъ бы я могъ заявить ему мою безпредѣльную преданность и любовь. Я ждалъ, не скажетъ ли государь что-нибудь, и готовился съ благоговѣніемъ запечатлѣть въ сердцѣ моемъ каждое его слово; но онъ молчалъ, задумчиво склонясь на руку.

— А какой это добрый и преданный народъ!—вдругъ сказалъ государь, обращаясь ко мнѣ.

Я вскочилъ и бросился къ государю. Мнѣ показалось, что это онъ обо мнѣ сказалъ потому, что и я былъ преданъ ему безконечно, какъ и тотъ народъ, который ласкался къ нему и не пускалъ въ огонь.

— Да, государь! но и возможно ли не боготворить ваше величество?— проговорилъ я, не сознавая хорошенько — умѣстенъ ли будетъ мой порывъ: это душа моя говорила, а душа лукавить не можетъ.

— Возможно, другъ мой! и это ты видишь. Развѣ это былъ обыкновенный пожаръ: это былъ злодѣйскій поджогъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь.

Я наклонилъ голову въ знакъ того, что и для меня это было совершенно неоспоримо.

Всю остальную дорогу государь молчалъ, погруженный въ свои думы.

IV.

Казнь Гудзевича.

Въ ноябрѣ 1862 г. часовня Спаса Нерукотвореннаго при домикѣ императора Петра I была ограблена и оба сторожа этой часовни, Марковъ и Калтыгановъ, звѣрски убиты топоромъ. Надо было предполагать, что убійца засталъ Калтыганова дремавшимъ на стулѣ и подошелъ къ нему сзади, потому что у Калтыганова голова была почти отрублена. Ударъ былъ нанесенъ въ шею,— только одинъ ударъ—и голова повисла впередъ, держась только на горлѣ, котораго злодей не перерубилъ. Другой сторожъ былъ убитъ въ лицо. Несчастный получилъ глубокую рану въ лобъ лезвиемъ и другую—обухомъ въ темя. На его лицо страшно было смотрѣть.

Въ это время я занималъ видное положеніе по службѣ и высшему правительству угодно было на меня возложить изслѣдованіе этого ужаснаго преступленія, взволновавшаго весь Петербургъ.

Не стану входить въ подробности розыска, чрезвычайно труднаго, такъ какъ убійца не оставилъ въ часовнѣ ни малѣйшаго слѣда своего присутствія. Я былъ въ часовнѣ на другой день убійства и до сихъ поръ безъ ужаса не могу вспомнить той картины, которая мнѣ представилась. Калтыгановъ сидѣлъ на стулѣ налѣво отъ входа въ образную и его полуотрубленная голова свѣшивалась на грудь. Марковъ лежалъ ничкомъ на полу въ дверяхъ образной и священнической комнатъ. Весь полъ былъ залитъ кровью, на которой видны были слѣды босой ноги. Аналой и большой подсвѣчникъ передъ нимъ были обрызганы кровью и мозгомъ Маркова. Когда подняли Маркова, то оба глаза его глядѣли и мнѣ казалось, что въ нихъ было какое-то выраженіе: что-то такое они говорили—какъ будто просили о чемъ-то! Я приказалъ позвать фотографа и тутъ же съ этого ужаснаго лица... была снята фотографія. Мнѣ пришло въ голову удостовѣриться, не сохранилъ ли глазъ убитаго изображеніе убійцы; но сколько я не вглядывался черезъ лупу въ эти мертвые зрачки, я ничего не могъ разсмотрѣть опредѣлительнаго. Иногда казалось, что я что-то вижу, какъ будто изображеніе какого-то лица... но это было такъ смутно и такъ гадательно, что я отказался отъ моего намѣренія.

Черезъ нѣкоторое время явился ко мнѣ полицейскій офицеръ, капитанъ Голчинъ, и доложилъ, что онъ арестовалъ рядового л.-гв. Гренадерскаго полка Гудзевича, на котораго падаетъ сильное подозрѣнiе, во-первыхъ, потому, что въ день убiйства онъ ушелъ безъ дозволенiя со двора и вернулся въ 11 часовъ ночи, а во-вторыхъ, потому, что при обыскѣ у него нашли окровавленные портянки и до ста рублей денегъ, перепачканныхъ кровью. Вскорѣ потомъ Голчинъ отыскалъ на огородѣ, по Вульфовой улицѣ, окровавленный топоръ, брошенный туда черезъ заборъ съ улицы; топоръ этотъ пропалъ въ день убiйства изъ кухни той роты, въ которой служилъ Гудзевичъ, и съ тѣхъ поръ не былъ отысканъ.

Улики были и—немаловажныя, но Гудзевичъ упорно и грубо отнѣживался.

Я помню одинъ допросъ, когда слѣдователь внезапно вынулъ изъ-подъ сукна топоръ и показалъ его Гудзевичу. Въ это время съ топора капнула оттаявшая въ теплой комнатѣ капля крови... Гудзевичъ поблѣднѣлъ и задрожалъ, но на усиленные вопросы слѣдователя твердо и опредѣленно отвѣчалъ, что ничего не знаетъ и ни въ чемъ не виноватъ. Замѣчу, что это все было въ 1862 году, задолго до судебной реформы; въ то время нельзя было осудить преступника, если онъ не сознавался.

Помню и еще случай, когда я приказалъ доставить Гудзевича въ часовню и просилъ священника Палисадова поговорить съ нимъ отъ лица Божiя на самомъ мѣстѣ преступленiя.

Гудзевичъ вошелъ въ часовню, какъ дикiй звѣрь, озираясь по сторонамъ, но на всѣ прекраснѣйшiя слова священника отвѣчалъ до того грубо, что я прекратилъ эту недостойную сцену.

— На тебѣ кровь, Гудзевичъ! вотъ на лбу у тебя!—внезапно сказалъ ему о. Палисадовъ.

Рука Гудзевича безсознательно рванулась оцунать лобъ, но тотчасъ же и опустилась.

— Это у васъ вотъ на бородѣ кровь, а у меня ничего нѣтъ!— дико и рѣзко отвѣчалъ этотъ злодѣй.

У часовни собрался народъ и окружилъ вдову Маркова, которая пришла сюда помолиться и привела съ собою двухъ ребятшекъ, сиротъ Маркова. Женщина эта кричала, плакала и показывала сиротъ народу, чѣмъ крайне его возбудила.

Когда я вышелъ и увидѣлъ эту сцену, я понялъ, что мнѣ трудно будетъ посадить Гудзевича въ карету при томъ маленькомъ конвоѣ, который имѣлся налицо. Толпа находилась въ раздраженiи и могла растерзать убiйцу.

— Прошу меня выслушать!—обратился я громко къ толпѣ.—Я ничего еще не могу сказать, виновенъ, или нѣтъ Гудзевичъ, и прошу васъ этотъ вопросъ не предрѣшать. Очистить мѣсто! Карету!

Карету подали, а я пошелъ въ часовню и, взявъ Гудзевича подъ руку, вывелъ его и посадилъ въ экипажъ. Съ нимъ сѣли два жандарма, другіе два верхами стали у дверецъ. Народъ заволновался и глухо заговорилъ, но я махнулъ кучеру и карета съ мѣста взяла шибко. Опасность миновала.

Допросы продолжались, но къ сознанию не приводили, хотя все болѣе и болѣе обставляли злодѣя такими уликами, которыхъ нельзя было отрицать.

Гудзевичъ содержался въ крѣпости, въ отдѣльной комнатѣ. Направо отъ входа былъ каминъ, а за каминомъ по правой же стѣнѣ, ближе къ окну, кровать. Я приказалъ поставить на каминъ фотографію съ головы Маркова, наклеенную на картонъ, такъ, чтобы эта ужасная картина разрубленнаго человѣческаго лица, облитаго кровью, была постоянно на глазахъ у Гудзевича.

Сознаюсь, что эта мѣра была похожа отчасти на пытку; но если Гудзевичъ не виноватъ, такъ какое ему дѣло до фотографическаго снимка съ лица, ему неизвѣстнаго? Если же онъ убійца, то этотъ пріемъ могъ довести его до сознанія и... довелъ,—я не ошибся въ моихъ предположеніяхъ. Въ немъ заговорили—если не совѣсть, то ужасъ.

Черезъ недѣлю мнѣ дали знать, что Гудзевичъ желаетъ меня видѣть. Я пригласилъ съ собою слѣдователя, крѣпостного плац-маіора, о. Палисадова и двухъ депутатовъ.

Когда мы вошли въ комнату, гдѣ содержался Гудзевичъ, онъ сидѣлъ на кровати, опутивъ голову.

— Ваше превосходительство! прикажите убрать отсюда картину эту,—робко сказалъ онъ, вставая передъ нами.

— Отчего, Гудзевичъ?! развѣ она тебя беспокоитъ?!—отвѣчалъ я.

— Да какъ не беспокоитъ: все тутъ стоитъ! Не могу я туда глядѣть!

— Такъ ты бы ее снялъ и положилъ... ну! хоть подъ кровать!—возразилъ я.

— Не могу! пробовалъ!.. не могу я до этой самой картины дотронуться... подходилъ не разъ... да какъ подойду, такъ Марковъ выпучить на меня глаза и глядитъ, какъ живой, и лицо-то у него дѣлается, какъ у живого, и кровь я не разъ у него видѣлъ. А ночью все говоритъ: сознайся, Гудзевичъ! а то не будетъ тебѣ помилованія на томъ свѣтѣ.

При этихъ словахъ Гудзевичъ грузно упалъ на колѣни и поклонился намъ въ ноги.

— Мое дѣло, я убилъ сторожей. Простите меня, люди добрые!—проговорилъ онъ.

— Люди не простятъ, Гудзевичъ!—вмѣшался священникъ,—но Богъ безъ сомнѣнія проститъ, если ты искренно раскаешься.

Гудзевичъ стоялъ на колѣняхъ и судорожно рыдалъ. Реакція

совершилась. Онъ далъ точное показаніе, которое тутъ же было записано и скрѣплено.

По рѣшенію суда, Гудзевичъ былъ разстрѣлянъ въ маѣ 1863 г. на Смоленскомъ полѣ и я присутствовалъ на его казни.

Когда я подъѣхалъ къ мѣсту, назначенному для разстрѣліянія, массы народа окружали огромное карре изъ войскъ, примыкавшее однимъ своимъ фасомъ къ учебному валику Финляндскаго полка. У этого-то валика и былъ поставленъ толстый четырехъугольный столбъ, а за нимъ вырыта могила. Я подошелъ къ столбу и сталъ тамъ.

Гудзевича подвезли въ каретѣ, къ одному изъ угловъ, и ввели въ карре. Тамъ уже ожидала его особая команда изъ 10-ти человекъ солдатъ той роты, гдѣ онъ служилъ, назначенная для исполненія казни. Священникъ, ѣхавшій въ каретѣ вмѣстѣ съ осужденнымъ, подалъ ему святой крестъ и простился. Гудзевича вывели на середину карре. Раздалась команда: люди взяли «на плечо» и «на караулъ». Началось чтеніе приговора военнаго суда. Гудзевичъ съ открытой головой, одѣтый въ солдатскую шинель лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, стоялъ передъ читавшимъ бодро, не опуская головы: мнѣ онъ былъ хорошо видѣнъ. Когда окончилось чтеніе и подошли два палача, Гудзевичъ низко поклонился на все стороны и... потомъ протянулъ руки. Въ одинъ мигъ палачи сорвали съ него шинель и надѣли ему черезъ голову особую глухую рубашку, спускающуюся до колѣнъ; рубашка эта — скорѣе мѣшокъ — имѣла длинныя рукава, которыми и прикрутили руки осужденнаго за спиною. Между тѣмъ, взводъ зарядилъ ружья. Снова раздалась команда «на плечо!» «къ ногѣ!» Забили барабаны, — одни только барабаны, — и при томъ забили какъ-то странно и печально: этотъ бой и употребляется только при совершеніи казни. Два рослые палача, безъ шапокъ, въ красныхъ рубахахъ порусски, и черныхъ плисовыхъ штанахъ — взяли Гудзевича подъ руки и повели къ столбу. Экзекуціонный взводъ пошелъ позади кучкой. Я никогда не забуду фигуру осужденнаго, съ надѣтымъ на него мѣшкомъ, на цѣлую голову выше палачей... шедшую твердо, даже какъ будто порывавшуюся впередъ... и этихъ двухъ чернобородыхъ мужиковъ въ красныхъ рубахахъ... Ужасно! Гудзевича подвели къ столбу и привязали... У меня сердце замирало, захватывало дыханіе... Хотѣлось, чтобъ «это» поскорѣе кончилось, нервы уже не выдерживали. И вотъ я вижу, что одинъ изъ палачей, съ улыбкой, начинаетъ охорашивать Гудзевича и уравнивать на немъ складки савана. Кровь бросилась мнѣ въ голову, но прежде чѣмъ я рванулся впередъ, генералъ Анненковъ, с.-петербургскій оберъ-полиціеимейстеръ отвѣсилъ этому негодяю такой полновѣсный ударъ кулакомъ прямо въ лицо, что палачъ повалился съ ногъ...

— Прочь! или я тебя заporю до смерти!—проговорилъ Анненковъ внѣ себя.—Прочь, bestiя!

Палачъ мигомъ поднялся и исчезъ.

Анненковъ обратился къ взводу и слегка кивнулъ головой.

Ружья поднялись... Анненковъ вынулъ бѣлый платокъ и махнулъ. Раздался залпъ десяти ружей.

Когда разнесло дымъ, я увидѣлъ, что у Гудзевича на груди, плотно обтянутой бѣлымъ мѣшкомъ, въ семи мѣстахъ проступала кровь. Подбѣжалъ докторъ и оцупалъ у него пульсъ.

— Живъ!—тихо проговорилъ докторъ.

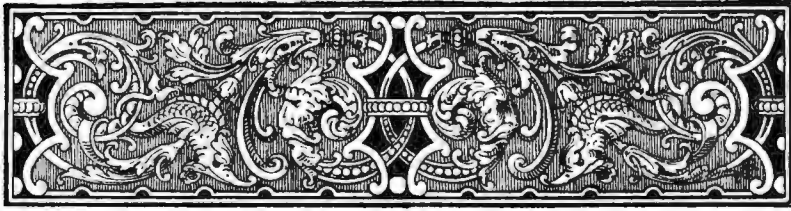
Ружья вновь зарядили... снова кивнулъ Анненковъ и снова махнулъ платкомъ. Новый залпъ.

И вотъ въ дыму я вижу, что громадная фигура преступника тихо, тихо склоняется впередъ и какъ будто бы кланяется... Пули второго залпа перерѣзали веревки, которыми Гудзевичъ былъ привязанъ къ столбу подъ плечи; но веревки, которыя шли къ поясу, остались цѣлы. Гудзевичъ наклонился по поясъ и такъ и остался. Докторъ опять подошелъ и на этотъ разъ удостовѣрилъ, что осужденный убитъ.

Палачи отвязали тѣло и, положивъ его въ ящикъ, опустили въ приготовленную тутъ же могилу, которую немедленно и зарыли. Къ могилѣ всталъ ружейный часовой, а ночью казненнаго вырыли и отвезли на Голодай.

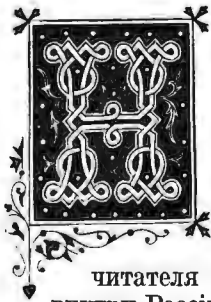
А. Харламовъ.

ЧЕРЕМИССКАЯ ОФЕЛІЯ.

(Бытовой очеркъ).

А ПАРѢ вольныхъ обывательскихъ пробирался я проселкомъ, за Волгой, въ предгорьяхъ Урала, по черемисскимъ деревнямъ и желалъ одного только,— какъ можно скорѣе выбраться на почтовый трактъ, наивно вѣруя, что вмѣстѣ съ проселкомъ кончатся и мои дорожныя бѣдствія. Надо ли говорить, что я жестоко въ этомъ ошибся... Но не въ томъ дѣло. Я не имѣю намѣренія разжалобить слабонервнаго читателя описаніемъ всѣхъ ужасовъ почтовой дороги. У насъ, внутри Россіи, эта почтовая дорога сдѣлалась какимъ-то анахронизмомъ, но тамъ, на окраинахъ, она еще жива и долго будетъ жить со всѣми ея ужасами и своеобразной захватывающей поэзіей, которая долго, долго спустя, заставляетъ вспоминать объ этой дорогѣ съ какимъ-то чувствомъ радости и тихой,—безотчетной грусти... Вотъ мелкнулъ чей-то образъ, за нимъ другой,—и цѣлая картина встаетъ передо мной, картина убогой черемисской деревни... Мысль лихорадочно работаетъ, и передъ ней открываются почернѣвшія отъ времени стѣны убогихъ избъ, а сердцемъ чувствуешь и жизнь ихъ обитателей, и горькое неизбывное горе, и тихую радость, что, словно крадучись, освѣщаетъ эту нерадостную жизнь... Минутами живешь ихъ жизнью... но громыхнулъ мостъ на выѣздѣ изъ деревни, и все пропало... Потянулись поля, лѣсъ сплошной стѣной обступилъ дорогу... Мысль работаетъ уже въ другомъ направленіи.

Солнце только-что перевалило за полдень. Жара страшная. На небѣ ни облачка. Радъ-радешенекъ, когда поля окончатся, и выѣдешь на лѣсную дорожку. Ямщикъ-черемисъ лѣнливо покачивается на облучкѣ, поминутно выкликая свое протяжное, заунывное уй-эй.

Мы въѣзжаемъ на бугоръ. Внизу чуть замѣтно вьется рѣченка, и только два омута,—одинъ возлѣ самой дороги, а другой немного въ сторонѣ,—какъ вороненая сталь блестятъ своей темной глубиной. За рѣчкой разсыпалась черемисская деревушка. Ямщикъ говоритъ, что зовутъ ее разное, «а мы Саркиной зовемъ». Саркина, такъ Саркина,—не все ли равно... Промелькнетъ и она, какъ десятки такихъ же убогихъ деревень. По склону идетъ не высокая изгородь и тянется далеко, далеко вокругъ всей деревни. Кто-то отворяетъ ворота, вѣроятно еще издали слышавъ нашъ колокольчикъ. Мы подѣхали ближе, и я увидѣлъ передъ собой стройную черемисскую дѣвушку въ обычномъ лѣтнемъ нарядѣ, въ бѣлой расшитой шерстями рубашкѣ, перехваченной по талии широкимъ поясомъ, въ маленькихъ лаптяхъ и бѣлыхъ портянкахъ до колѣнъ, и въ странномъ вѣнкѣ исключительно изъ однѣхъ только ромашекъ на головѣ; въ русую косу ея также былъ вплетенъ одинъ уже увядшій цвѣтокъ ромашки. Она была положительно хороша собой, а почеремисски такъ и совсѣмъ красавица. Правильный овалъ ея лица, дѣтски добродушные голубые глаза, въ которыхъ свѣтилось что-то доброе, ласковое, и въ то же время какой-то испугъ или недовѣріе, ея улыбка чисто дѣтская и исходившая съ ея мягко очерченныхъ губъ,—все это дѣлало ее очень привлекательной. Но что за странный головной уборъ исключительно изъ однѣхъ ромашекъ? Впрочемъ, онъ очень шель къ этой черемисской красавицѣ. Я смотрѣлъ на нее, перегнувшись изъ тарантаса. Ямщикъ сдерживалъ лошадей на спускѣ. Она что-то говорила... Я велѣлъ остановиться.

— Что такое она спрашиваетъ?

— Денегъ просить Карачайка!—отвѣчалъ ямщикъ и потомъ прибавилъ:—сирота она... умъ нѣтъ!

Я досталъ нѣсколько мелочи и подозвалъ къ себѣ Карачайку.

Тихо, словно крадучись, подходила она, все время глядя на меня въ упоръ. Она продолжала о чемъ-то спрашивать, но я только и могъ разобрать имя Азамата, да и то лишь потому, что передъ тѣмъ у меня былъ ямщикъ черемисъ, котораго тоже звали Азаматомъ. Я ссыпалъ ей на руку деньги. Радостью вспыхнуло ея лицо, и она стала разглядывать монеты, перебирая ихъ пальцемъ лѣвой руки. Лошади не выдержали на спускѣ, рванули... Карачайка побѣжала за тарантасомъ, кричала что-то... Мнѣ опять послышалось имя Азамата... Но тарантасъ съ шумомъ и громомъ влетѣлъ на мостъ, и дѣвушка исчезла за пригоркомъ. Лошади вышли на откосъ; я обернулся и видѣлъ, какъ Карачайка стояла на краю дороги и задумчиво смотрѣла на промелькнувшій тарантасъ, красиво выдѣляясь на темной зелени спускающагося подъ гору луга.

На силу я могъ добиться отъ ямщика, о чемъ насъ спрашивала Карачайка. Оказалось, что она спрашивала, не видѣли ли мы ея Азамата. Въ переводѣ же ямщика-черемиса это выходило, что она денегъ просить. Потомъ онъ рассказалъ мнѣ, однако, что «у Карачайки умъ нѣтъ», т. е. что она сумасшедшая, и что вотъ уже другой годъ ее и зиму и лѣто можно видѣть у деревенской

изгороди: она поджидаетъ здѣсь проѣзжихъ и у каждаго спрашиваетъ, не видѣли ли ея погибшаго жениха. Мнѣ больше не удалось видѣть Карачайки: она пропала въ то же лѣто. Но за то потомъ, когда мнѣ пришлось проѣзжать Саркиной и пробить тамъ нѣсколько часовъ, мнѣ рассказали всю грустную исторію этой черемисской Офелии.

I.

Не высокими свѣтлыми горницами, не просторными кладовыми и всякимъ богатствомъ красна была изба стараго Ивака... Красна она была красотой его дочери Карачайки. Не даромъ старикъ такъ дорожилъ своей красавицей-дочкой; не даромъ увивались около нея черемисскіе молодцы. Красота Карачайки прогремѣла, какъ увѣряли саркинцы, на весь міръ черемисскій, а это ужъ по меньшей мѣрѣ надо считать верстъ на тридцать въ округѣ. И правда, всѣмъ взяла Карачайка, — и ростомъ, и дородствомъ, и красотой дѣвичьей, и косою своей русою, и умомъ, да сноровкой... А ужъ такой работницы, такой рукодѣльницы и не сыскать другой. Кому жъ охота выпустить изъ дома такую дѣвку? И не корили сосѣди стараго Ивака, что близко не подпускалъ онъ жениховъ къ своей Карачайкѣ и держалъ дочку такъ, что и сѣмому вороватому удальцу не схитрить — увезти красавицу изъ дома родительскаго. Да кто жъ зналъ, что выйдетъ тутъ дѣло недоброе!..

Какъ ни строгъ былъ старій Ивакъ, какъ ни берегъ онъ своей дочки, да удалой Азаматъ нашель-таки лазейку: полюбила его Карачайка... А какъ открылось ему сердце дѣвичье, такъ и замки желѣзные стали непрочны, и сердитые псы не такъ сторожки. Души не чаялъ Азаматъ въ своей Карачайкѣ, но ему ли бѣдняку надѣяться переломить упрямство Ивака, ему ли уплатить олонъ¹⁾, который хотѣлъ взять Ивакъ за свою дочку, и если бы не любовь самой Карачайки, онъ и подумать бы не посмѣлъ взять за себя первую черемисскую красавицу. И хотъ ни одинъ черемисъ въ Саркиной не отдавалъ своей дочери добровольно, ни одинъ удалецъ не добывалъ себѣ жену иначе, какъ воровскимъ манеромъ (ужъ таковъ стародавній обычай), но тамъ воровство не трудно и выкупить. Нагрянетъ отецъ дѣвушки въ домъ женихова отца, — а молодые ужъ въ клѣти заперты, ему и не покажутъ, — пошумить, пошумить, поторгуется, да и сойдутся рубляхъ на тридцати; начнется попойка, тѣмъ и дѣло кончится. А тутъ дѣло другое: не любилъ шутить старій Ивакъ и не отдалъ бы такъ дешево своей Карачайки...

Но спать старикъ, надѣясь на свои замки, и не чувствуетъ, что дѣлается у него на огородѣ.

Темная лѣтняя ночь спустилась надъ деревней, окутавъ своей вытканной золотомъ пеленей поля, лѣсъ и дальнія горы. Все тихо, развѣ тявкнетъ гдѣ спросонья собака, да фыркнетъ лошадь, съ ве-

¹⁾ То же, что калымъ, — плата за невѣсту.

чера взятая изъ табуна заботливымъ хозяиномъ,— и снова ни звука. Но вотъ гдѣ-то близко пронесся рѣзкій крикъ ночной птицы, и вслѣдъ затѣмъ послышался отрывистый бой перепела. Прошло нѣсколько минутъ, и тотъ же крикъ, и тотъ же бой повторился снова. И снова все тихо... Вотъ открылось окно въ домѣ Ивака, что выходитъ къ огороду, но и это не потревожило ночного безмолвія. Мелькнула какая-то тѣнь, спускаясь на заваленку, уродливо пробѣжала по стѣнѣ хлѣва и юркнула подъ прясло, отдѣляющее дворъ отъ огорода... Скоро у разросшагося куста калины, въ дальнемъ углу огорода, послышался сдержанный шопотъ...

— Ну что, принесъ ли, мой милый? — послышался голосъ Карачайки.

— Принесъ, мое солнышко! — отвѣчалъ ей мужской голосъ.

— Только мнѣ страшно, Азаматъ!

— Будь, что будетъ! Не бойся, Карачайка!

Въ рукѣ Азамата блеснуло чтò-то металлическое. Это были два серебряныхъ кольца, — одно побольше, другое поменьше. Азаматъ и Карачайка собирались совершить свой шергасъ-васталтасъ ¹⁾. Карачайка взяла одно изъ колецъ и задумчиво слѣдила за его металлическимъ отблескомъ. Тайный страхъ, предчувствіе чего-то недобраго, тѣснило ей грудь. Сердце то застучитъ, застучитъ, то упадетъ и замретъ и занеетъ такъ тоскливо... Ея тревога сообщилась и Азамату. Онъ сидѣлъ хмурый. Оба молчали, отдавшись своимъ невеселымъ думамъ. Первый заговорилъ Азаматъ.

— Не бойся, мое солнышко, заря моя ясная! — прошептала онъ, заглядывая въ лицо Карачайки.

— Страшно мнѣ, Азаматъ! Сердце сулитъ недоброе! — такъ же тихо проговорила она.

— Откуда жъ страхъ твой, Карачайка! — продолжалъ Азаматъ. — Уворуемъ мы тебя какъ слѣдуетъ, по закону, и спрячетъ насъ отецъ съ матерью, все какъ быть должно. Ну, прискачутъ твои, отецъ кричать станетъ, олонъ большой потребуетъ... Да вѣдь съ нимъ и поторговаться можно. Приплють тебя спросить, вѣдь не захочешь ты идти отъ меня, мое солнышко? Вѣдь не захочешь? Да?..

— Не за тѣмъ иду, чтобы уходить отъ тебя! — проговорила Карачайка, немного успокоившись.

— Дѣло говоришь, дѣло... Ну, Ивакъ-то олонъ и спустить ²⁾, выплатимъ... Что же горевать?

Долго нашептывалъ Азаматъ своей невѣстѣ о будущемъ, какъ заживутъ они, какъ работать вмѣстѣ станутъ... Повеселѣла Карачайка, повеселѣлъ и Азаматъ. Вспомнили они, что сошлись править свой шергасъ-васталтасъ, обмѣнялись кольцами, и легче стало на душѣ у Карачайки.

¹⁾ Обрученіе, при которомъ женихъ и невѣста мѣняются кольцами.

²⁾ Если украденная невѣста упрямится и не хочетъ остаться въ домѣ названнаго жениха, то отецъ ея настаиваетъ на высокой платѣ. Если же посланный приноситъ отъ невѣсты отвѣтъ: кемъ гератчимъ, тотъ ланкаешимъ (т. е. кого полюбила, къ тому иду), то отецъ становится сговорчивѣе и соглашается на меньшую плату.

— Кемъ гератчимъ, тотъ ланкаешимъ (кого полюбила, къ тому иду!) — сказала она, давая объѣтъ своему жениху.

— И отцу такъ скажешь?

— И отцу скажу!

Они начали обсуждать всѣ подробности ночного похищенія, которое было назначено на другой день. Карачайка должна была выйти сюда же въ огородъ, когда начнетъ темнѣть. Здѣсь ее будетъ ожидать Азамать, а его отецъ и два пріятели, Ербалды и Зегнулъ, такіе же удалыцы, какъ и онъ самъ, стануть ожидать съ лошадьми неподалеку на опушкѣ лѣса. Для похищенія назначенъ вечеръ, а не поздняя ночь, хотя послѣднее было бы менѣе рискованнымъ. Но этого требовалъ черемисскій "этикетъ": еслибы похищеніе было совершено ночью, то было бы очевидно, что невѣста вышла своею волей, заранѣе условившись съ женихомъ. Обыкновенно невѣста всячески обороняется, не зная, кто ее увозить, или, если и зная, то не желая быть женой похитителя, вообще она отбивается, насколько силъ хватаетъ. То же самое должна предѣлать и та, которая сама заранѣе сговорится съ женихомъ: это дѣлается единственно для того только, чтобы соблюсти этикетъ. Даже своимъ роднымъ женихъ не скажетъ, что воруетъ невѣсту съ ея согласія, чтобы не класть позора на свою будущую жену. Это знаетъ только онъ одинъ; въ глазахъ же всѣхъ остальныхъ воровство должно быть во всей формѣ.

Все было сговорено, все слажено... Затихли голоса у развѣстаго куста калины... Снова тѣнь мелькнула у окна. Заснулъ дворъ стараго Ивака. Азамать былъ уже далеко, напрямикъ черезъ лугъ шагая къ своей деревнѣ.

II.

Слѣдующій день тянулся для Карачайки невыносимо медленно; мысли какъ-то путались въ головѣ. То думалось ей объ Азаматѣ, о томъ, что все это устроится хорошо, какъ у всѣхъ бываетъ; то ей казалось, что отецъ силой вернетъ ее отъ Азамата, и передъ всей деревней откроется, что не женихъ уворовалъ ее, а она сама пошла къ жениху. Краска стыда заливала ея лицо; какъ пылаемъ горитъ щека, а на глаза навертываются слезы. Позоръ отцу, и матери, и братьямъ... Ей представляется, что все это уже случилось, что всѣ узнали про ея сговоръ съ Азаматомъ и всѣ отвернулись отъ нея. Давно ли была она красой дѣвичьихъ бесѣдъ и посидѣлокъ, давно ли каждый парень старался, чтобы его лычко ¹⁾ встрѣтилось съ Карачайкинымъ, — а теперь она отверженная, отъ нея сторонятся и ея подруги и прежніе поклонники... И опускаются привычныя къ работѣ руки, не спорится дѣло, узнать нельзя Карачайки. Замѣтила старуха-мать, что съ дочкой что-то неладно, и не разъ спрашивала, не случилось ли съ ней чего, не болѣзнь ли какая напала.

¹⁾ Игра въ лычко любимая у черемисской молодежи. Одинъ держитъ пучекъ лыкъ, а каждый изъ играющихъ беретъ за кончикъ какого-нибудь лычка. Та пара, у которой окажется одно лычко, цѣлуются.

— Ничего, абай! ¹⁾ — отвѣчала Карачайка, дѣлая надъ собою всевозможныя усилія, чтобы забыться въ работѣ и отогнать отъ себя черныя мысли.

Между тѣмъ, Азаматъ дѣлалъ послѣднія приготовленія. Дома уже все было улажено. Родные давно знали, что Азаматъ задумалъ жениться, и радовались, что скоро въ домѣ одной работницей будетъ больше. Отцу его, Милиббайю, понравился выборъ, сдѣланный сыномъ, только онъ совѣтовалъ ему беречь бока, а то Ивакъ шутить не любить, да самому готовить хорошій олонъ: вѣдь Ивака на тридцать рублей не уломаешь.

— Уломаемъ! — сказалъ сынъ.

— Какъ знаешь, дѣло твое!.. А когда красть-то ѣхать?

— Скажу тогда... Надо выглядѣть!..

Тѣмъ на этотъ разъ и кончился разговоръ отца съ сыномъ. Когда же Азаматъ, послѣ своего свиданія съ Карачайкой, объявилъ отцу, что сегодня красть надо, то старикъ справился только, кого онъ беретъ еще, и узнавъ, что сынъ выбралъ Зегнула и Ербалды, похвалилъ выборъ, сказавъ:

— Ребята надежныя! Вчетверомъ справимся!..

Затѣмъ онъ отправился къ сосѣду просить у него пустой амбаръ, куда бы можно было спрятать жениха и невѣсту. Въ этомъ, конечно, затрудненія не встрѣтилось; въ такой просьбѣ отказывать не принято, да и не расчетъ: сосѣдъ, у котораго прячутся молодые, будетъ однимъ изъ первыхъ участниковъ попойки, которая начинается сейчасъ же, какъ только родители сойдутся на счетъ платы за невѣсту. А кто же себѣ врагъ, чтобы отказываться отъ случая попить на чужой счетъ.

Старый Милиббай всѣмъ распорядился: велѣлъ бабамъ прибрать избу, добылъ вина, назначилъ кому ѣхать къ родителямъ невѣсты съ извѣстіемъ, гдѣ находится пропажа, еслибы они не спохватились во время и не прилетѣли сами по горячимъ слѣдамъ, — словомъ сдѣлалъ все, что требовалось со стороны заботливаго родителя. Ему оставалось только помочь сыну выкрасть невѣсту и благополучно закончить торгъ съ своимъ будущимъ сватомъ, послѣ чего ему улыбалась хорошая выпивка, по крайней мѣрѣ, дня на три, а недѣли черезъ двѣ такая же выпивка у родителей молодой. Обдѣлавъ все, что касалось предстоящей свадьбы сына и еще разъ мысленно похваливъ его за выборъ, Милиббай пошелъ налаживать борону, готовясь къ озимому сѣву.

Солнце только-что спустилось къ закату, багровымъ заревомъ озолотивъ западный край неба, когда Азаматъ, его отецъ и двое пріятелей, съѣхались на опушкѣ лѣса, темной стѣной охватившаго деревню Саркину. Надъ деревней стоялъ тотъ обычный шумъ, который всегда предшествуетъ полному затишью и отдыху послѣ трудового лѣтняго дня: ревъ и топотъ вернувшася съ поля стада, хлопанье воротъ и калитокъ, дребезжаніе запоздавшей телѣги, лай собакъ и гортанный говоръ народа, — все это какъ бы висѣло надъ

¹⁾ Мать.

деревней, замирая въ сотнѣ разнообразныхъ звуковъ, слабѣющихъ съ минуты на минуту по мѣрѣ наступленія темноты... Все тише и тише становится этотъ деревенскій шумъ, и волна звуковъ какъ бы отлетаетъ отъ жилищъ человѣка туда, въ далекое потемнѣвшее поле, гдѣ завели свои страстные пѣсни перепела и коростели... Ярче вспыхнули звѣзды, поборовъ, наконецъ, розоватый отблескъ потухающей вечерней зари; матовымъ серебромъ перекрылись облака на востокъ, и медленно, медленно выплылъ на небо двурогій серпъ луны, какъ будто чуялъ онъ, что ночь не будетъ спокойна, и что люди не покончили еще всѣхъ своихъ дѣлъ...

Вдругъ рѣзкій крикъ разнесся въ чуткомъ ночномъ воздухѣ и гулкимъ эхо отразился отъ зеленой стѣны ближняго лѣса... Крикъ повторился снова, но уже глуше: кричали за деревней около лѣсной опушки. Покой надвигающейся ночи былъ нарушенъ: замелькали въ избахъ огни, послышались тревожные голоса... Двое верховыхъ проскакали къ лѣсу; за ними поспѣвалъ третій... То гнался старый Ивакъ съ сыновьями, хватившійся своей красавицы-дочери. Топотъ лошадей раздавался уже далеко, когда еще двое верховыхъ промчались вслѣдъ за первыми. Оставшіеся высыпали на улицу; составилось нѣсколько группъ. Многолюднѣе всего было около избы стараго Ивака; здѣсь шли оживленные толки о томъ, кто бы могъ выкрасть Карачайку. Перебрали своихъ односельчанъ,—все оказались налицо. Значить, кто-нибудь чужой... И взрывъ негодованія противъ Ивака какъ-то сразу заступилъ мѣсто сочувствія къ нему.

— Проглядѣть такую дѣвку!.. Выпустить ее въ чужую деревню!.. Чтожь, своихъ ребятъ нѣтъ что ли?..

Черемисы вольновались: они потеряли работницу изъ своей деревни. Бабы злились на то, что никакъ не могли догадаться, какой сорви-голова могъ выкрасть лучшую въ деревнѣ дѣвку; прежде, бывало, сразу угадывали, а тутъ и подумать не знали на кого. Онъ поэтому не стѣснялся ругать Ивака и жену его, которая сидѣла на заваленкѣ и чутко прислушивалась, не раздастся ли топотъ лошадей съ той стороны, куда ускакалъ мужъ съ сыновьями.

Между тѣмъ, широкимъ лугомъ по направленію къ деревнѣ Чарыкиной шла бѣшеная скачка. При слабомъ свѣтѣ луны можно было разглядѣть двѣ группы всадниковъ. Сначала скакали четверо, изъ которыхъ первый держалъ впереди себя какую-то пошу: это былъ Азаматъ съ своими товарищами, увозившій перекинутую черезъ сѣдло Карачайку. Въ полуверстѣ отъ нихъ была видна другая группа. Ихъ было трое. И эти всадники не жалѣли лошадей. Бѣглецы слышали за собою погоню; ихъ настигали уже. Карачайка едва сознавала, что съ нею дѣлается, и какъ-то безучастно относилась къ будущему. Азаматъ работалъ плетью направо и налево. Онъ былъ мраченъ. Карачайка крикнула слишкомъ рано; но онъ молчалъ и вымещалъ свою злобу на бокахъ скакуна. Еще минута и обѣ группы всадниковъ должны были поравняться. Азаматъ выравнивалъ свою лошадь съ лошадью Ербалды и тихо шепнулъ ему:

— Здержи съ Зегнуломъ...

Тотъ понялъ его съ полуслова и нагнулся къ своему товарищу... Они стали отставать и потомъ сразу осадили лошадей. Погоня налетѣла на нихъ и всадники смѣшались. Но маневръ удался не вполне: Ивакъ обогнулъ стороной и скакалъ по пятамъ Азамата. Милиббай попытался было отрѣзать Ивака, но и эта попытка не удалась: ихъ лошади уже сшиблись. Скакунъ Азамата не выдержалъ удара и упалъ на всѣ четыре ноги. Враги боролись уже на землѣ... Милиббай воспользовался минутой и подхватилъ Карачайку на свое сѣдло. Она не понимала хорошенько, что вокругъ нея происходитъ; смотрѣла на борьбу между ея женихомъ и отцомъ, и не знала, кому пожелать побѣды... Въ эту минуту раздавался слабый стонъ... Она узнала голосъ отца; она видѣла, какъ тяжело рухнулъ онъ на землю, вырвалась отъ Милиббая и съ крикомъ: атай! атай! ¹⁾ бросилась къ отцу... Подоспѣли сыновья Ивака, задержанные товарищами Азамата. Вдали слышался топотъ другихъ лошадей. Похитителямъ ничего не оставалось дѣлать, какъ только скрыться. Ужасъ охватилъ Азамата при мысли, что онъ убилъ отца Карачайки. У него мелькнуло было отчаянное рѣшеніе схватить Карачайку и бѣжать, бѣжать, куда бы то ни было, но мысль объ убійствѣ остановила этотъ порывъ... Да и было уже поздно. Онъ вскочилъ на лошадь и бросился въ сторону сосѣдняго лѣса. Остальные разсыпались въ разныя стороны.

Ивакъ дышалъ еще, когда сыновья бережно подняли его съ земли и усадили на одну изъ лошадей, на ту же лошадь сѣлъ сынъ и, поддерживая отца, первый двинулся въ обратный путь; за нимъ тронулись и остальные, въ томъ числѣ и Карачайка, которую усадили на лошадь отца. На нее нашель какой-то столбнякъ: она никакъ не могла дать себѣ отчета въ томъ, что произошло въ эти нѣсколько минутъ. Ей помнится, что она упала съ лошади; потомъ исчезъ куда-то Азаматъ... слышится какой-то стонъ, голоса братьевъ... Гдѣ же отецъ? Гдѣ Азаматъ? Всѣ молча двигаются впередъ. Только одинъ изъ поздно подоспѣвшихъ сосѣдей спрашиваетъ о чемъ-то:

— Милиббайка съ сыномъ изъ Чарыкиной!—слѣдуетъ короткій и сдержанный отвѣтъ.

И опять все тихо, только мѣрный шагъ лошадей гулко раздается по широкому лугу. Невдалекѣ замелькали уже оговьки въ избахъ Саркиной.

Почти вся деревня собралась у избы стараго Ивака; никто и не думалъ расходиться, не узнавъ, удастся ли Иваку вернуть свою красавицу-дочку. Всѣ были мрачно настроены. Саркинскіе молодцы злились на то, что такъ опростоволосились и лучшую дѣвку въ деревнѣ дали увести какому-то чужому сорванцу; по этому поводу имъ приходилось выслушивать очень обидныя замѣчанія со стороны собравшейся толпы. Пожилые черемисы имѣли свои причины негодовать: тѣ, у которыхъ были холостые сыновья, жалѣли, что не спроворили Карачайку для своего дома; кто же не могъ рассчитывать на Карачайку съ этой стороны, все-таки, былъ въ убыткѣ, потому что упустилъ лучшую часть попойки,

¹⁾ Отецъ.

которой должна сопровождаться свадьба въ деревнѣ жениха; только черезъ двѣ недѣли попойка, да и то сравнительно въ меньшемъ размѣрѣ, переносится въ деревню невесты. Бабы продолжали главнымъ образомъ негодовать на то, что сколько ни перебирали парней-жениховъ сосѣднихъ деревень, никакъ не могли догадаться, кто своровалъ Карачайку. Это ихъ бѣсило, и онѣ вымещали свою злобу, то на женѣ Ивака, то на парняхъ, которые, по ихъ словамъ, были хуже бабъ. Словомъ, всѣ были недовольны; досталось и Иваку, и женѣ его, и Карачайкѣ, и неизвѣстному сорванцу, и молодымъ парнямъ, и старымъ старикамъ, и дѣвкамъ, что стали должно быть, податливы, и бабамъ, что стали недогадливыг... Пошелъ дымъ коромысломъ: каждый считалъ себя въ правѣ бранить остальныхъ. Трудно сказать, чѣмъ бы кончились эти попреки и перекоры, если бы въ это время на краю деревни не послышался лай собакъ и топотъ лошадей. Не было сомнѣнiя, что возвращается погоня. Всѣ притихли въ ожиданiи, съ чѣмъ-то вернулся Ивакъ. Болѣе нетерпѣливые поспѣшили на встрѣчу.

Но встрѣча возвратившихся съ погони была не радостная: когда Ивака сняли съ лошади, онъ еле дышалъ; на лѣвомъ вискѣ изъ раны сочилась кровь... Видно, Азаматъ въ пылу борьбы не соразмѣрилъ силы удара, или при паденiи старикъ ударился обо что-нибудь твердое,—никто не могъ сказать навѣрное. Прiѣхавшіе едва успѣвали отвѣчать на всѣ разпросы; отъ Карачайки ничего не могли добиться, что и какъ... Сосѣди мало-по-малу стали расходиться, толкуя обо всемъ происшедшемъ, сожалѣя Ивака и грозясь отомстить Азамату.

Между тѣмъ, старика внесли въ избу, положили на лавку, обмыли кровь на лицѣ; жена затопила печку, а старшій сынъ принялъ всѣ мѣры для излеченiя больного. Онъ сталъ передъ огнемъ, бросилъ въ него немного муки, соли и меда и далъ торжественный обѣтъ принести жертву злему Кереметю¹⁾. Затѣмъ онъ вложилъ въ руку больного отца нѣсколько серебряныхъ монетъ, и обращаясь къ тому же Кереметю, проговорилъ:

— На тебѣ! Жди, пожалуйста²⁾.

Этимъ закончились всѣ заботы о больномъ, дальнѣйшее было предоставлено на волю божества. Старикъ дышалъ все слабѣе и слабѣе. Наконецъ, онъ совсѣмъ затихъ, и Ивака не стало...

III.

Несчастливая Карачайка ходила какъ потерянная. Страстная любовь къ Азамату, еще сильнѣе вспыхнувшая отъ неудавшагося сближенiя съ любимымъ человѣкомъ, смерть отца отъ руки того же Азамата, въ чемъ она винитъ исключительно только себя, горе семьи, какъ бы съ укоромъ смотрѣвшей на нее, проклятiя убійцѣ,

¹⁾ Богъ зла и единственная причина всѣхъ болѣзней.

²⁾ Обыкновенно, въ случаѣ болѣзни приносятъ въ жертву Кереметю, то животное, котораго онъ требуетъ; узнаетъ же волю божества картъ или жрець; часть жертвеннаго мяса привозятъ домой и даютъ больному; въ этомъ вся черемисская медицина. Въ экстренныхъ же случаяхъ ограничиваются вышеприведеннымъ обѣтомъ.

которыя она слышала вокругъ себя,—все это страшно подѣйствовало на молодую, отзывчивую душу дѣвушки. Ей казалось, что всѣ уже знаютъ объ ея добровольномъ побѣгѣ съ Азаматомъ. Знаетъ это и отецъ, похолодѣвшій трупъ котораго лежитъ теперь на лавкѣ, одѣтый въ лучшій праздничный нарядъ покойнаго. Нѣмой укоръ застылъ въ его лицѣ... Съ воплемъ выбѣжала Карачайка изъ избы и цѣлую ночь не показывалась въ той горницѣ, гдѣ лежалъ покойникъ.

Едва только черкнула заря на востокѣ, какъ въ избѣ Ивака началось движеніе: шли послѣднія приготовленія къ похоронамъ. Покойникъ лежалъ на лавкѣ, прикрытый холстомъ; тутъ же разложены вещи, необходимыя черемису въ загробнѣй жизни: трубка, пара лаптей, новая рубашка и штаны; въ поясъ зашито немного денегъ въ подарокъ матери-землѣ. Женщины занялись уже стряпней, готова поминальный пиръ. Въ избѣ, кажется, яблоку негдѣ упасть,—такъ много натолкалось народа; тѣ, которые не могли помѣститься въ избѣ, толкались на улицѣ, гдѣ стояла уже лошадь, запряженная въ старыя, чуть живыя дровни ¹⁾. Въ толпѣ только и разговора было, что о происшествіи минувшей ночи. Кое-кто устѣблъ уже побывать въ Чарыкиной; разсказывали, что Азаматъ вернулся домой, оставилъ лошадь, перекинулъ за плечи ружье и ушелъ, никому не сказавши ни слова, куда идетъ и надолго ли. Всѣ бранили Азамата и призывали всякія несчастія на его голову; бабы перешептывались на счетъ Карачайки и довольно прозрачно намекали на условленный побѣгъ... Но вотъ изъ избы повалилъ народъ, и всѣ разговоры прекратились. На лубкѣ, покрытомъ войлокомъ, вынесли покойника; голова его лежала на подушкѣ и была попрежнему закрыта холстомъ. Тѣло положили на дровни, и вся процессія двинулась на кладбище. Всѣ шли въ строгомъ молчаніи и неоглядываясь назадъ, чтобы не навлечь несчастія.

Среди засѣянныхъ хлѣбныхъ полей рѣзко выдѣляется небольшая рошица. Эта и есть кладбище. Здѣсь около свѣже-вырытой могилы процессія остановилась. Могила была окончательно готова; въ ней установлено четыре доски, образующія нѣчто въ родѣ ящика; на одной изъ боковыхъ досокъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по расчету должны прійтись глаза покойника, прорублено маленькое окошечко: черезъ это окошечко онъ будетъ видѣть, что дѣлается на землѣ. Тѣло спустили въ могилу на лубкѣ вмѣстѣ съ войлокомъ и подушкой; вмѣстѣ съ нимъ положили заранѣе отобранныя вещи и палку, чтобы было чѣмъ обороняться на томъ свѣтѣ отъ собакъ. Въ могилѣ зажгли три восковыхъ свѣчи, и началась молитва за умершаго. Молитву говорилъ картъ (жрецъ), а ближайшіе родственники, тѣсной кучкой стоявшіе вокругъ могилы, повторяли за нимъ священныя слова. Свою молитву картъ закончилъ страшнымъ проклятіемъ убійцѣ покойнаго, призывая имена злого Керемета и адскаго судьи Кіяматъ-Тюре. Затѣмъ сняли холстъ съ лица покойника, чтобы дать ему возможность въ послѣдній разъ взглянуть на солнце, и стали зарывать могилу.

¹⁾ Покойниковъ во всякое время года отвозятъ на кладбище на дровняхъ; назадъ дровни не берутъ, а оставляютъ около могилы.

Черезъ часъ всѣ провожавшіе уже пировали въ избѣ Ивака, правя поминки. На этихъ поминкахъ не видно слезъ, не слышно плача. Напротивъ того, гремитъ доморощенная музыка, всѣ пьютъ, ѣдятъ, пляшутъ и веселятся. Таковъ ужъ обычай...

Только Карачайки не видно на поминальной пирушкѣ. Она исчезла прямо съ кладбища. Страшное проклятіе карта поразило ее какъ громомъ... Вѣдь и она также должна была проклясть убійцу своего отца, она сообщница убійцы!.. Но что съ ней? словно пламенемъ охватила ее безумная любовь къ Азамату... Никогда не былъ онъ такъ дорогъ ей, никогда не любила она его такъ страстно, какъ въ эту минуту. Крикъ отчаянія вырвался изъ ея груди: жгучая мысль, что между нею и дорогимъ ей человѣкомъ стала тѣнь убитаго отца, помutilа ея разумъ... Внѣ себя обѣжала она съ кладбища въ священную арему¹⁾, на угрюмый, таинственный кереметь²⁾. Она все забыла... Забыла даже, что нога ея не должна касаться священной почвы керемети, забыла страшную силу ведашей (лѣшихъ), которые сторожатъ это священное мѣсто... Все забыла Карачайка въ своемъ изступленіи... Но вотъ и кереметь... Сплошной стѣной обступили лѣсные великаны глухую поляну и какъ бы сторожатъ это святилище отъ нескромнаго взгляда невѣрныхъ; не шумитъ ихъ зеленая листва: все тихо... Значитъ добръ и ласковъ великій Юмо³⁾. Но страшнѣе бываетъ кереметь, когда разгнѣвается всеильный Юмо; стономъ стонетъ священная арема, плачутъ ведаши, и горе тому человѣку, котораго гнѣвъ Юмо застанетъ въ лѣсу...

Священный ужасъ охватилъ Карачайку при одномъ взглядѣ на это таинственное святилище боговъ. У входа на кереметь она безсильно упала на колѣна. Ея рыданія нарушили угрюмое безмолвіе лѣса... Страстная любовь къ Азамату и ненависть къ убійцѣ отца, мольба и проклятіе слились въ одно чувство, въ одинъ какой-то нечеловѣчскій порывъ. Въ ея дуплѣ шла страшная борьба двухъ началъ—любви и ненависти, слитыхъ въ одномъ образѣ. Несчастная не могла дать себѣ отчета, о чемъ была ея молитва; она только рыдала, упавъ на колѣна и давъ волю своему безысходному горю... Туманный безформенный образъ, такъ неотступно стоявшій предъ нею, исчезъ какъ-то самъ собою, и его мѣсто заступили два новыхъ, рѣзкихъ, безпощадныхъ... Одинъ изъ нихъ давно знакомъ ей.—то дорогой образъ любимаго человѣка; другой страшный, невиданный ею—ненавистный образъ убійцы ея отца... Страшное проклятіе вырвалось изъ ея груди: во имя дорогого ей Азамата она прокляла Азамата убійцу. Всѣ ужасы ада призывала она на голову убійцы... Изступленный взоръ ея былъ устремленъ на востокъ; уста шептали таинственные слова заклятій... Вдругъ она вскочила и въ какомъ-то бѣшенномъ изступленіи начала кружиться, выкрикая послѣднее грозное проклятіе:

— Злой Кереметь! Услышь мою молитву! Убей убійцу, злой Кереметь!...

Съ безумными криками несчастная скрылась въ густой чащѣ лѣса.

¹⁾ Священная роща.

²⁾ Имя бога зла перенесено и на то мѣсто, гдѣ приносятся жертвы богамъ. Женщины на кереметь не допускаются.

³⁾ Добрый духъ.

IV.

Прошло три дня послѣ смерти стараго Ивака. Обѣ Азаматѣ не было ни слуха, ни духа: онѣ какъ въ воду кануль.

По глухой мѣстной тропѣ шли два черемиса деревни Саркиной, съ трудомъ пробираясь черезъ густой пихтарникъ и ельникъ, широко раскинувшій свои вѣтви-лапы. Они уже осмотрѣли свои бортевыя деревья; все было въ исправности; пчелы работали на славу; нашли нѣсколько новыхъ деревьевъ, на которыя наложили свои шамги¹⁾, и теперь возвращались домой, меланхолически посасывая свои трубки-носогрѣйки и лишь изрѣдка обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями по поводу какихъ-нибудь особенностей глухой тропы, новыхъ затесовъ и т. п. Спросить одинъ что-нибудь, или такъ кинуть какое-нибудь замѣчаніе, и замолчить. Другой долго, долго идетъ молча, какъ будто и не слышалъ вопроса, и отзовется только минутъ черезъ пять, не раньше. Нельзя себѣ представить ничего монотоннѣе, ничего скучнѣе разговора двухъ черемисъ. Выспаться можно подъ такой разговоръ. Пока черемисъ соберется отвѣтить односложное да или нѣтъ, французъ навѣрное успѣетъ разсказать и при томъ со всѣми подробностями цѣлое кругосвѣтное путешествіе. Ужъ таковъ народецъ!

Не удивительно по этому, что бесѣда двухъ пріятелей-пчеловодовъ далеко не могла называться оживленной. Они можетъ быть такъ молча и добрались бы до дома, если бы ихъ вниманія не остановилъ на себѣ странный, необычный видъ тропы. Только-что прошли они вывороченную съ корнемъ громадную лѣсину, преграждавшую имъ путь, какъ ихъ зоркій глазъ замѣтилъ на тропѣ признаки недавней борьбы: коверъ прошлогодней хвои былъ взбурженъ, сломано нѣсколько вѣтокъ, клочекъ одежды висѣлъ на остромъ сучкѣ... Черемисы остановились и переглянулись между собой.

— Худо было!—сказалъ одинъ, и сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ по тропѣ, наткнулся на винтовку, валявшуюся у корня большой ели. Находку подняли и осмотрѣли. Оказалось, что винтовка была не разряжена, и пистонъ цѣлъ. Попробовали было догадаться, чья бы могла быть эта винтовка, но такъ и не рѣшили. Свернули съ тропы и стали осматривать, не найдется ли еще чего. Сбросили свѣжую елку, приткнутую къ огромному костру валежника... и съ ужасомъ отскочили отъ страшной находки: изъ-подъ валежника на нихъ глядѣло мертвое, исковерканое лицо, вѣроятно, несчастнаго хозяина винтовки...

Черемисы бросились бѣжать, забывъ и найденную ими винтовку, какъ будто цѣлый легионъ ведшей гнался за ними по пятамъ. Они успокоились только тогда, когда выбрались на опушку въ виду своей деревни.

- Видѣлъ?
- Видѣлъ.
- Азаматъ?
- Онъ!

¹⁾ Шамгой называется печать или значекъ, который выжигается на бортовомъ деревѣ для отличія его отъ деревъ другихъ хозяевъ.

Они бѣгомъ пустились черезъ дугъ.

Скоро уже вся деревня знала о судьбѣ Азамата. Не было сомнѣнія, что никто другой, какъ только медвѣдь уходилъ смѣлаго охотника. Лихой человѣкъ хоть винтовкой бы воспользовался, да и не сталъ бы валежника на трупъ набрасывать. А это чисто медвѣжья повадка. Видно напалъ на него лѣсной хозяинъ невзначай, и ружья не успѣлъ разрядить молодецъ. А можетъ быть, не помня себя отъ горя послѣ невольнаго убійства Ивака и потери любимой дѣвушки, Азаматъ схватился съ медвѣдемъ въ рукопашную, да такъ и погибъ въ неравной борьбѣ... Кто знаетъ? Только угрюмыя ели были свидѣтельницами этой роковой борьбы, а онѣ попрежнему угрюмо молчатъ и не шелхнутъ своей непривѣтливой хвоей.

Печальная вѣсть о судьбѣ Азамата дошла и до его несчастной невѣсты. Какой-то ужасъ охватилъ Карачайку при этомъ извѣстїи. Ея проклятїе сбылось... Ея молитва была услышана... Но вѣдь она проклинала ненавистнаго убійцу отца и молилась за Азамата!... Сердцемъ она какъ-то раздѣляла ихъ, но разумокъ смѣшивалъ ихъ въ одинъ образъ и дорогой и ненавистный въ одно и то же время. Погибъ Азаматъ, и исчезъ ненавистный образъ, его заслонилъ собою попрежнему дорогой образъ любимаго человѣка... И этотъ человѣкъ, бывший для нея всего дороже, погибъ теперь, погибъ жертвой ея же страшнаго проклятїя!... Ея молодая душа не выдержала этой внутренней бури... Ея разумокъ мутился...

И Карачайка опять бѣжала на тотъ таинственный кереметь, гдѣ еще такъ недавно она проклинала убійцу своего отца. Теперь она проклинала себя, проклинала все на свѣтѣ. Безсильно упала она на землю святилища; губы шептали безумныя слова:

— Злой, злой Кереметь! Ты убилъ Азамата!

Несчастная припала на роскошный коверъ цвѣтовъ и осталась безъ движенія: съ ней былъ глубокий обморокъ...

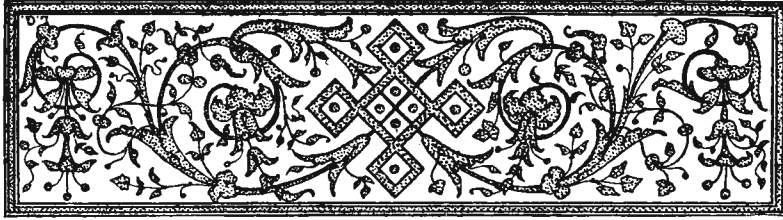
Прошло нѣсколько минутъ. Все тихо на керемети, — ни звука, ни движенія... Медленно, медленно приподнялась Карачайка... Она оглядывается, какъ будто ищетъ чего-то. Взоръ потухъ и безумно блуждаетъ вокругъ... Вотъ онъ упалъ на цвѣтокъ ромашки... Несчастная беретъ его и обрывая лепестки пускаетъ ихъ на вѣтеръ...

— Лети, лети... далеко, далеко!.. Скажи мнѣ, гдѣ мой Азаматъ!..—шепчетъ она.

Карачайка сошла съ ума.

И съ тѣхъ поръ всякій, кому приходилось проѣзжать околицу деревни Саркиной, видѣлъ Карачайку. Вся разубранная цвѣтами ромашки отворяла она ворота изгороди и спрашивала, каждаго проѣзжаго, — не видѣли ли ея Азамата. Ни осенній дождь, ни зимняя вьюга, не останавливаютъ ее: она только плачетъ надъ своимъ увядшимъ и осыпавшимся вѣнкомъ... Черезъ годъ она пропала. Никто не видѣлъ, какъ упала она въ глубокой омутъ. Тѣла ея не нашли, и все, что осталось отъ Карачайки, — это ея вѣнокъ изъ цвѣтовъ ромашки, который долго держался надъ сонной поверхностью омута...

К. Горбуновъ.

РОДИТЕЛИ ГОГОЛЯ.

ОДНИМЪ изъ важнѣйшихъ вопросовъ при разработкѣ матеріаловъ для біографіи какой-либо исторической личности справедливо считается разъясненіе тѣхъ разнообразныхъ вліяній, которымъ она подверглась съ самаго появленія своего на свѣтъ. Все это представляется не только самою важною, но и самою трудною стороною при изученіи, нуждающеюся въ особенно тщательномъ и серьезномъ къ ней отношеніи и въ строгомъ выборѣ матеріала, такъ какъ преждевременные выводы и обобщенія могутъ иногда не только не принести пользы, но и причинить существенный вредъ. Вотъ та точка зрѣнія, руководствуясь которою, мы рѣшаемся, на основаніи новыхъ, еще не бывшихъ въ печати источниковъ, подвергнуть пересмотру и дополнить разрозненные свѣдѣнія о родителяхъ Гоголя, отмѣчая при случаѣ тѣ черты ихъ характеровъ, которыя могъ унаследовать ихъ гениальный сынъ. Само собою разумѣется, что въ предлагаемомъ очеркѣ нельзя ожидать не только полнаго освѣщенія всѣхъ сторонъ ихъ жизни, но и желательной равномерности въ отношеніи подробностей изложенія, такъ какъ на характеръ и размѣрахъ его неизбежно отражается отрывочность и случайность матеріала, бывшаго въ нашихъ рукахъ.

I.

Скудные свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать объ отцѣ Го- голя, сводятся, главнымъ образомъ, къ тому, что это былъ чело- вѣкъ выросшій и проведеншій всю жизнь въ скромной деревенской обстановкѣ, преданный всей душой семьѣ и роднымъ и не чуждый того мечтательнаго романтизма, который въ старину нерѣдко на- ходилъ себѣ пріютъ въ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества. Природа щедро одарила его, какъ бы предназначивъ для широкаго поприща и серьезной уметвенной дѣятельности, но судьба и обстоя- тельства жизни не допустили замѣтно выдѣлиться изъ толпы обы- кновенныхъ малороссійскихъ помѣщиковъ. Ему, повидимому, не приходило и на мысль мечтать о литературной извѣстности; ни личный характеръ, чрезвычайно скромный и удовлетворяющійся немногимъ, ни весь складъ жизни не представляли данныхъ для честолюбія этого рода. Совершенно случайное обстоятельство вы- звало творчество Василя Аѳанасьевича, но даже и при этихъ условіяхъ историки украинской литературы отводятъ ему почет- ное мѣсто въ своихъ трудахъ, и смѣло можно утверждать, что мимо, такъ сказать, рекомендаціи со стороны знаменитаго сына, однѣми комедіями-шутками его имя было бы спасено отъ забвенія.

Василій Аѳанасьевичъ Гоголь родился въ 1780 г. въ своемъ наслѣдственномъ хуторѣ Купчинскомъ, близъ рѣки Голтвы, въ сотнѣ Шишацкой. Впослѣдствіи этотъ хуторъ былъ по его имени названъ Васильевкой, а по прибавочной фамиліи—Яновщиной. Мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, касающихся ран- няго его дѣтства; извѣстно только, что онъ былъ сынъ войскового писаря и воспитаніе получилъ въ Полтавской духовной семинаріи, какъ въ единственномъ тогда заведеніи родного города. «Мужъ мой»,—говоритъ объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ жена его, Марья Ивановна, — «учился въ Полтавѣ, гдѣ еще не было, кромѣ семинаріи, ничего». При такомъ отзывѣ Марьи Ивановны, мнѣніе которой могло быть отголоскомъ мнѣнія мужа, можно думать, что развитіемъ своихъ способностей Василю Аѳанасьевичу былъ обязанъ почти только личной любознательности и живому, наблюдатель- ному уму. Въ этомъ отношеніи судьба его чрезвычайно походитъ на судьбу его знаменитаго сына. Послѣдній, впрочемъ, благодаря исключительному положенію школы, въ которой воспитывался, встрѣтилъ въ ней довольно развитое товарищество, тогда какъ Ва- силій Аѳанасьевичъ, конечно, не могъ особенно похвалиться и въ этомъ отношеніи... Къ счастью, онъ имѣлъ умнаго, хорошо образо- ваннаго отца. Аѳанасій Демьяновичъ, хотя и не принадлежалъ уже къ духовному званію, подобно двумъ ближайшимъ своимъ пред- камъ, изъ которыхъ одинъ былъ даже служителемъ алтаря, но

также, какъ названные предки, прошелъ черезъ семинарію и завершилъ свое образованіе въ Кіевской духовной академіи. Сохранились воспоминанія, указывающія на то, что Аѳанасій Гоголь получилъ въ академіи настолько основательное для своего времени образованіе, что считался знатокомъ языковъ, особенно латинскаго и нѣмецкаго, которые преподавалъ дѣтямъ своихъ деревенскихъ сосѣдей. О самой женитьбѣ его рассказываютъ анекдотъ, что онъ похитилъ изъ родительскаго дома любимую свою ученицу, Татьяну Семеновну Лизогубъ, дочь бунчуковаго товарища Семена Лизогуба, по матери изъ фамиліи Танскихъ. Онъ предварительно объяснился ей въ любви, скрывъ записку въ скорлупѣ грецкаго орѣха, и, удостоившись во взаимности, обвѣнчался съ нею безъ вѣдома родителей. Отмѣчаемъ этотъ фактъ, какъ единственный извѣстный случай изъ жизни дѣда нашего безсмертнаго писателя, изображенный послѣднимъ въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ¹⁾». Для насъ особенно важно, что родъ Гоголей-Яновскихъ отличался интеллигентностью и любовью къ умственнымъ занятіямъ. Впрочемъ, Василій Аѳанасьевичъ Гоголь, какъ сынъ помѣщика, уже гораздо меньше заботился о своемъ образованіи. Не предназначая себя по окончаніи курса въ семинаріи къ духовному званію, онъ не пошелъ по примѣру отца и дѣда въ академію²⁾ и считалъ свое образованіе законченнымъ. Старинная рутина помѣщичьяго благодушія и скудный выборъ дорогъ при опредѣленіи карьеры побуждали въ тѣ времена большинство молодыхъ людей, не задумываясь о призваніи, идти по слѣдамъ отцовъ; почти всѣ они посвящали себя сельскому хозяйству и спокойно оставались на всю жизнь въ имѣніяхъ. На девятнадцатомъ году жизни молодой Гоголь поступилъ было въ военную службу корнетомъ, но вскорѣ былъ переименованъ гражданскимъ чиномъ и перешелъ на службу въ малороссійскій почтамтъ³⁾. По выходѣ въ отставку до самой женитьбы онъ долженъ былъ помогать родителямъ въ ихъ хозяйственныхъ заботахъ и большую часть времени употреблялъ на исполненіе разныхъ мелкихъ порученій. Часто приходилось ему ѣздить въ сосѣднія деревни, особенно Сорочинцы, а когда родители уѣзжали изъ Яновщины, на обязанности молодого человѣка лежало занимать гостей.

¹⁾ Изъ этого не слѣдуетъ однако заключать, что Аѳанасій Демьяновичъ и жена его послужили прототипами для Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, большее сходство съ которыми представляли также старички Зарудные и многіе другіе.

²⁾ Ниже мы встрѣтимъ противорѣчащее этому показаніе; но трудно теперь установить истину. Мы основываемся въ данномъ случаѣ на запискахъ М. И. Гоголя.

³⁾ Свѣдѣніе это заимствуемъ изъ статьи Лазаревскаго: «Очерки малороссійскихъ фамилій» («Русск. Архивъ», 1875 г., 4, 452). Непонятно, какимъ образомъ служба Гоголя отнесена къ 1788 г. (ему было тогда всего 8 лѣтъ); не слѣдуетъ ли читать 1798 годъ.

Вообще, онъ игралъ въ домѣ второстепенную роль паныча, которую совершенно удовлетворялся. Самымъ знаменательнымъ событіемъ въ жизни Василя Аванасьевича была, конечно, его женитьба на Марьѣ Ивановнѣ Косяровской. Здѣсь особенно выказала себя его романтическая натура. Уцѣлѣвшая небольшая переписка съ невѣстой, а потомъ женой, знакомить непосредственно съ его личностью и отчасти со степенью его литературнаго образованія. Чтеніе распространенныхъ тогда сентиментальныхъ романовъ должно было оставить замѣтные слѣды въ его душѣ, если въ минуты страстныхъ изліяній у него вырываются выраженія, отзывающіяся складомъ литературныхъ произведеній его времени. Такія выраженія, какъ «наша дружба основана на священныхъ правилахъ честности», или «я долженъ прикрывать видомъ веселости сильную печаль, происходящую отъ страшныхъ воображеній», даже выборомъ словъ напоминаютъ стиль карамзинскихъ повѣстей и писемъ... Съ будущей своей женой Василій Аванасьевичъ былъ знакомъ еще въ дѣтствѣ; какъ сосѣди, они часто видали другъ друга; но когда красивая дочь помѣщика Косяровскаго, получившая впоследствии отъ тетки своей Трошинской за нѣжный цвѣтъ лица прозваніе бѣлянки, стала подростать, — она произвела сильное впечатлѣніе на своего романтика-сосѣда. Въ сердцѣ Василя Аванасьевича вспыхнула страсть, увѣнчавшаяся счастливымъ брачнымъ союзомъ, не омраченнымъ ничѣмъ въ продолженіе почти двадцатилѣтней супружеской жизни и оставившимъ въ пережившей мужа подругѣ жизни самыя свѣтлыя и теплыя воспоминанія. Марья Ивановна втайнѣ отвѣчала на пылкое увлеченіе жениха, но при всемъ томъ не рѣшалась даже читать его письма, которыя она почтительно передавала нераспечатанными отцу или теткѣ. Приводимъ здѣсь вполнѣ эти записки В. А. Гоголя къ невѣстѣ, писанныя на обрывкахъ простой синей бумаги.

1. «Единственный другъ! И такъ я, полагаясь на ваши увѣренія, осмѣливаюсь назвать васъ другомъ, а болѣе чувствую удовольствіе, что вы, свято почитая добродѣтель, чувствуете цѣну таковой дружбы, основанной единственно на священныхъ правилахъ честности. Теперь мнѣ одно утѣшеніе въ скукѣ—только къ вамъ писать, а видѣться съ вами нескоро буду. Мои родители ѣдутъ къ вамъ, а я остаюсь дома съ гостями, а потомъ всюду съ унылымъ сердцемъ по дѣламъ изъ дому. Одно мнѣ осталось облегченіе—видѣть хоть въ одной строкѣ дѣйствіе души вашей. Не лишите меня сего счастья увѣдомить о вашемъ здоровьѣ: оно составляетъ мою жизнь и благополучіе. Прощайте, вашъ вѣчно вѣрный другъ Василій».

2. «Къ великой моей горести я не могу съ вами ничего поговорить, долженъ холодно обходиться и прикрывать видомъ веселости сильную любовь и печаль, происходящую отъ страшныхъ вооб-

раженій! Ахъ, можетъ, вы меня не любите! можетъ, вы перемѣнили ужъ свое намѣреніе, но я ничего не знаю, и отчаяніе ежеминутно терзаетъ мое сердце. Я сегодня долженъ ѣхать, не говоря съ вами! О, какъ несносна для меня сія разлука, тѣмъ болѣе, что я не увѣренъ въ вашей любви. Увѣрьте меня хоть однимъ словомъ, пожалѣйте несчастнаго! Прощайте, вашъ вѣчно усердный Василій».

3. «Вы мнѣ не отвѣчали на мою записку! вы меня не жалѣете! Ахъ, когда бы вы знали, какая горѣсть снѣдаетъ меня! Я не могу уже скрыть своей печали. О, несчастнѣйшій, что я сдѣлалъ! Я васъ огорчилъ! Вы меня не простили! Какъ я могу отсюда ¹⁾ удалиться, покуда вы меня не простите. Пожалѣйте! простите! Удостойте меня одной строчки—и я благополученъ. Болѣе не могу писать: перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ».

4. «Единственный другъ! Нѣкоторая надобность заставляетъ меня пробыть здѣсь ²⁾ до обѣда. Но я сказалъ вчера тетускѣ, что рано поѣду и что у васъ не буду. Ахъ, какъ бы я желалъ еще васъ увидѣть! Но совѣстно перемѣнять уже то, что сказалъ. Однакъ тетуска хотѣла писать матускѣ. Можетъ, вы будете писать; я посылаю нарочнаго человѣка. О, когда бы мнѣ приказали придти за письмомъ! Прощайте, я не могу выразить, что со мною дѣлается. О Боже, какъ я отсюда выѣду! Прошу васъ, пожалѣйте несчастнаго! Не забудьте вашего вѣчно вѣрнаго друга Василія».

5. «Милая Машенька! Многія препятствія лишили меня счастья сей день быть у васъ! Слабость моего здоровья наводитъ страшное воображеніе, и лютое отчаяніе терзаетъ мое сердце. Прощайте, наилучшій въ свѣтѣ другъ! Прошу васъ быть здоровой и не беспокоиться обо мнѣ. Увѣряю васъ, что никто въ свѣтѣ не можетъ столь сильно любить, сколько любить васъ и почитаетъ вашъ вѣчно вѣрнѣйшій другъ несчастный Василій. Я завтра ѣду въ Сорочинцы и всячески буду поспѣшать, чтобы скорѣе увидѣться съ вами».

Приписка. сбоку:

«Прошу васъ, не показывайте сего несчастнаго выраженія страсти родителямъ вашимъ. И самъ не знаю, какъ пишу».

Но что за личность была невѣста, эта вдохновительница нашего пламеннаго романтика? Съ нею и съ отношеніями ея къ жениху мы знакомимся изъ отрывочныхъ воспоминаній, набросанныхъ ею въ старости, по просьбѣ извѣстнаго біографа ея сына, П. А. Кулиша.

«Дѣтства своего», — рассказываетъ она въ этихъ запискахъ, — «я почти не помню. Отецъ мой былъ женатъ на Марьѣ Ильинишнѣ

¹⁾ Изъ Яресковъ.

²⁾ Въ селѣ Ярескахъ, гдѣ жила тетка Марья Ивановны; писано съ квартиры.

Шостакъ, служилъ въ военной службѣ, простудился и потерялъ одинъ глазъ, что заставило его выйти въ отставку. Потомъ отецъ мой служилъ въ Орлѣ и оставилъ меня полуторамбсячной у тетки Анны Матвѣевны Трощинской (сестры отца моего, Ивана Матвѣевича Косяровскаго; у него былъ еще братъ Петръ Матвѣевичъ)¹⁾. У нея былъ сынъ, который служилъ въ Петербургѣ; онъ очень любилъ меня. Тетка сама учила меня, какъ могла. Когда отецъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ за мной, я мало знала родителей и мнѣ очень не хотѣлось оставлять тетку; я много плакала. Дома въ хуторѣ (въ семи верстахъ отъ Васильевки) я увидѣла сестру и брата; но очень грустила за теткой (малороссіанизмъ вмѣсто — по теткѣ), которая опять взяла меня и я у нея оставалась до двѣнадцати лѣтъ. Потомъ отецъ получилъ мѣсто почтмейстера въ Харьковѣ и взялъ меня отъ тетки, гдѣ я начала учиться съ братомъ, но скоро доктора совѣтовали отцу оставить службу, если не хочетъ потерять совершенно зрѣнія, и мы опять пріѣхали въ свой хуторъ. Въ это время сосѣдъ мой по деревнѣ, будущій мужъ мой, пріѣхалъ къ отцу посоветоваться о службѣ въ Харьковѣ. Отецъ мой, указывая на насъ, дѣтей, въ разговорѣ сказалъ: «вотъ моя забота». Онъ же (Василій Аванасевичъ) подумалъ, глядя на меня: «отъ одной-то я скоро избавлю васъ». Такъ онъ послѣ мнѣ рассказывалъ. Тогда мнѣ было всего тринадцать лѣтъ. Я чувствовала къ нему что-то особенное, но оставалась спокойной и думала только о теткѣ, моей второй матери, которой я много рассказывала о своей жизни въ Харьковѣ. Женихъ мой часто навѣщалъ насъ (у тетки, въ мѣстечкѣ Ярескахъ). Онъ иногда спрашивалъ меня, могу ли я терпѣть его и не скучаю ли съ нимъ. Я отвѣчала, что мнѣ съ нимъ пріятно, и дѣйствительно, онъ былъ всегда очень любезенъ и внимателенъ ко мнѣ съ самаго дѣтства. Когда я бывало гуляла съ дѣвушками къ рѣкѣ Пелу, то слышала пріятную музыку изъ-за кустовъ другого берега. Не трудно было догадаться, что это былъ онъ. Когда я приближалась, то музыка въ разныхъ направленіяхъ сопутствовала мнѣ до самаго дома, скрываясь въ садахъ. Когда я рассказывала объ этомъ тетускѣ, она, улыбаясь, говорила: «вотъ кстати ты вышла гулять! Онъ такъ любитъ природу и, пользуясь хорошей погодой, наслаждается музыкой. Но ты больше не ходи гулять такъ далеко отъ дому». Одинъ разъ, не найдя меня дома, онъ пошелъ въ садъ. Увидя его, я задрожала, какъ въ лихорадкѣ, и вернулась домой. Когда мы остались одни, онъ спросилъ меня, люблю ли я его; я отвѣчала, что люблю, какъ всѣхъ людей. Удивляюсь, какъ я могла такъ скрывать свои чувства на четырнадцатомъ году. Когда я ушла, онъ сказалъ теткѣ, что очень желалъ бы жениться на мнѣ.

¹⁾ Отецъ Петра и Павла Петровичей Косяровскихъ, съ которыми переписывался Гоголь въ юности. (См. соч. Гоголя, изданіе Кулиша, V т.).

но сомнѣвается, могу ли я любить его. Она отвѣчала, что я люблю его, что я доброе дитя и могу быть хорошей женой, что она увѣрена, что я люблю его, потому что скучаю, когда долго его не вижу, а что я такъ отвѣчала потому, что боюсь мужчинъ, наслышавшись отъ нея, какіе они бываютъ лукавые. Когда онъ уѣхалъ, тетка позвала меня и передала мнѣ его предложеніе. Я сказала, что боюсь, что подруги будутъ смѣяться надо мной; но она меня урезонила, и насъ сговорили. Родители взяли меня къ себѣ, чтобы приготовить кое-что, и я ужъ не такъ скучала, потому что женихъ мой часто пріѣзжалъ, а когда не могъ пріѣхать, то писалъ письма, которыя я, не распечатывая, отдавала отцу. Читая ихъ, онъ, улыбаясь, говорилъ: «видно, что начитался романовъ!» Письма были наполнены нѣжными выраженіями и отецъ диктовалъ мнѣ отвѣты. Письма жениха я всегда носила съ собой. Свадьба наша назначалась черезъ годъ. Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, насъ перевѣнчали въ мѣстечкѣ Ярескахъ; потомъ мужъ мой уѣхалъ, а я осталась у тетки, оттого что еще была слишкомъ молода; потомъ гостила у родителей, гдѣ часто съ нимъ видалась. Но въ началѣ ноября онъ сталъ просить родителей отдать ему меня, говоря, что не можетъ болѣе жить безъ меня. Такъ вмѣсто году я пробыла у нихъ одинъ мѣсяць. Они благословили меня и отпустили. Онъ меня привезъ въ деревню Васильевку, гдѣ встрѣтили насъ отецъ и мать. Они приняли меня какъ родную дочь. Свекровь наряжала меня по своему вкусу и надѣвала на меня свои старинныя вещи. Любовь ко мнѣ мужа была неописанная; я была вполне счастлива. Онъ былъ старѣе меня на тринадцать лѣтъ. Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома».

Такъ просто ведетъ Марья Ивановна задушевную повѣсть о свѣтлыхъ дняхъ своей жизни, не вдаваясь въ лишнія подробности и не теряя нити воспоминаній. Свободно и легко изливается на бумагу эта исповѣдь сердца и естественность придаетъ прелесть разсказу. Подобныя отношенія счастливой супружеской четы еще не особенная рѣдкость, но не всегда они выдерживаютъ продолжительный искусь и не всякая женщина способна такъ занимательно и толково изобразить ихъ. Сравнивая это плавное изложеніе съ пріемами рѣчи Марьи Ивановны въ обыденныхъ письмахъ, невольно дивишься и чистому языку (за исключеніемъ немногихъ провинціализмовъ) и нѣкоторому мастерству разсказа для женщины такого скромнаго образованія. Сила искренняго чувства и правдивость открытой души помогли ей справиться съ непривычкой къ правильному выраженію мыслей, а глубокая привязанность къ покойному мужу, тогда уже полвѣка лежавшему въ могилѣ, не допустила ее до рисовки и аффектаціи, неизбѣжныхъ тамъ, гдѣ кроется фальшь.

Замѣчательно, что самый бракъ съ ея «единственнымъ другомъ»

представлялся Марья Ивановна освященнымъ свыше. Въ другомъ мѣстѣ она передаетъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ:

«Четырнадцати лѣтъ меня выдали за моего добраго мужа, въ семи верстахъ живущаго отъ моихъ родителей. Ему указала меня Царица Небесная, во снѣ являясь ему. Онъ меня тогда увидалъ, не имѣющую году, и узналъ, когда нечаянно увидалъ меня въ томъ же самомъ возрастѣ, и слѣдилъ за мной во все возрасты моего дѣтства». («Записки о жизни Гоголя», т. 1, стр. 17). Такимъ образомъ чувство любви къ мужу имѣло у нея и нѣкоторую мистическую окраску.

Бракосочетаніе совершилось въ 1808 году. Молодые зажили счастливой семейной жизнью и въ ветхомъ деревенскомъ домикѣ Яновщины царствовали миръ и согласіе. Характеры обоихъ супруговъ въ высшей степени благопріятствовали полному ладу между ними. Василій Аванасьевичъ въ домашней сферѣ отличался замѣчательной мягкостью и добротой, такъ что никто въ домѣ не чувствовалъ суровой власти господина. Легко представить себѣ, какъ любили его свои, когда и посторонніе находили въ его обществѣ отраду и отдыхъ. Таковъ же онъ былъ въ обхожденіи съ прислугой и крѣпостными; все случайныя ихъ неловкости и проступки онъ обращалъ въ шутку, будучи не охотникомъ до строгихъ взысканій. Не станемъ распространяться о гостепримствѣ Василя Аванасьевича, такъ какъ оно достаточно извѣстно; замѣтимъ только, что, можетъ быть, слишкомъ выдвигаютъ обыкновенно неотразимообаятельное дѣйствіе, которое его личность производила на окружающихъ. Вѣрное въ своемъ основаніи, такое представленіе грѣшитъ поэтическимъ преувеличеніемъ. Проще и вѣрнѣе характеризуетъ его по воспоминаніямъ извѣстный товарищъ и лучший другъ Н. В. Гоголя, А. С. Данилевскій, слѣдующими словами:—«онъ былъ человѣкъ въ высшей степени интересный, неподобный рассказчикъ». Эта-то способность его и была, конечно, причиной, что Трошинскій сталъ побуждать его впоследствии сочинять пьесы для сцены.

Несомнѣнно, что, въ свою очередь, и Василій Аванасьевичъ нашелъ въ окружающей средѣ много добраго и привлекательнаго и это все болѣе и болѣе должно было привязывать его къ домашнему очагу и направлять по той дорогѣ, которую указали ему обстоятельства.

Деревню онъ оставлялъ крайне неохотно для рѣдкихъ поѣздокъ въ Полтаву и Миргородъ, но оставался тамъ недолго и всегда спѣшилъ къ семьѣ. Однажды только рѣшился было онъ оставить Яновщину для службы въ губернскомъ городѣ, но и тогда единственной побудительной причиной было желаніе служить при вліятельномъ родственникѣ. Это было въ 1806 году, когда Д. П. Трошинскій, выйдя въ отставку, переселился изъ Петербурга въ свое помѣстье Кибицы (Миргородскаго повѣта) и былъ избранъ пол-

тавскимъ дворянствомъ въ губернскіе маршалы, или предводители. Гоголь занялъ при немъ мѣсто секретаря, но скоро соскучился и вышелъ въ отставку. Не будь Трощинскаго, Василию Аѳанасьевичу не пришло бы и въ голову переѣзжать въ городъ и надѣвать чиновничій мундиръ. Не смотря на ограниченность средствъ, въ службѣ онъ не нуждался, и, чуждый по природѣ мелкаго честолюбія, никогда серьезно ея не искалъ. Въ другой разъ подумывалъ Василій Аѳанасьевичъ уже со всѣмъ семействомъ двинуться въ Полтаву и ради воспитанія дѣтей просить должности. Это было въ то время, когда онъ отдавалъ своихъ сыновей въ гимназію. Но здѣсь главную роль играла, конечно, родительская нѣжность; по крайней мѣрѣ, онъ легко отказался отъ своей мысли, когда по смерти одного изъ сыновей ему удалось устроить другого въ Нѣжинѣ, а такъ какъ вскорѣ, благодаря ходатайству всесильнаго Трощинскаго передъ графомъ Куселевымъ-Безбородко, послѣдній принялъ на себя бесплатное обученіе Никоши, то больше для переѣзда въ городъ не представлялось уже ни малѣйшаго повода.

Большое разнообразіе было внесено въ мирную жизнь Гоголей-Яновскихъ переѣздомъ Трощинскаго въ Малороссію. До того времени Василій Аѳанасьевичъ не встрѣчалъ въ окружающей обстановкѣ ровно ничего, что бы могло ему указать на возможность иной жизни, болѣе соответствующей его природнымъ задаткамъ. Его эстетическая натура проявляла себя и въ крупныхъ, и въ мелкихъ вещахъ, но никому не приходило въ голову серьезно взглянуть на ея указанія, а самъ Василій Аѳанасьевичъ, повидимому, былъ всего менѣе склоненъ прислушиваться къ влеченію своей природы. Онъ какъ бы не чувствовалъ того могучаго голоса, который съ ранняго дѣтства призывалъ къ великой будущности прославившаго его сына, что вполне объясняется совершеннымъ отсутствіемъ въ окружающей средѣ какого-либо намёка на серьезный умственный трудъ. Замѣчательно, на примѣръ, что онъ любилъ при всякомъ удобномъ случаѣ писать стихи; но, упражняясь въ поэзіи, онъ единственно забавлялся способностью, шутя, безъ усилий, сочинять вирши. Мы, конечно, не имѣемъ ни малѣйшаго основанія дѣлать заключенія о качествахъ этихъ поэтическихъ упражненій; но отзывъ Марьи Ивановны заставляетъ думать, что мужъ ея вообще легко относился къ своимъ литературнымъ опытамъ, не придавая имъ никакого значенія. «Мужъ мой»,—разсказываетъ Марья Ивановна,—«иногда писалъ стихи, но ничего серьезнаго. Къ знакомымъ онъ писалъ иногда письма въ стихахъ, болѣе комическаго характера. Онъ имѣлъ природный умъ, любилъ природу и поэзію». Уже эти слова женщины, далекой отъ литературы, сумѣвшей, однако, замѣтить эстетическія наклонности мужа, не лишены интереса. Но есть большое основаніе предполагать, что при болѣе благоприятныхъ условіяхъ Василій Аѳанасьевичъ могъ бы заявить себя

чѣмъ-нибудь болѣе крупнымъ сравнительно съ двумя комедіями, случайно имъ сочиненными и случайно, благодаря громкой извѣстности сына, обратившими на себя вниманіе общества и критики. Прежде всего, живя безвыѣздно въ деревнѣ, онъ, конечно, долго не имѣлъ возможности удовлетворять своей любви къ чтенію. «Книгами мы пользовались изъ бібліотеки Трощинскаго», замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ Марья Ивановна. Но такой путь для обогащенія ума открылся для Василя Аванасьевича уже почти въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, когда строй жизни его давно опредѣлился, и когда по воспитанію, образовавшимся привычкамъ и складу характера, онъ окончательно сдѣлался мирнымъ сельскимъ жителемъ. Исполняя желаніе Трощинскаго, Василій Аванасьевичъ удовлетворялъ, конечно, и внутренней потребности творить, но смотрѣлъ на дѣло по обыкновенію легко, низводя свой трудъ на степень простой забавы. Одинъ суровый критикъ драматическихъ пьесъ Гоголя-отца видитъ въ нихъ даже преступленіе противъ народа, полагая, что въ нихъ бары насмѣхались надъ языкомъ, нравами и обычаями того народа, который кормилъ ихъ. Непонятно, откуда авторъ приведенныхъ строкъ почерпнулъ свѣдѣнія о насмѣшливомъ и презрительномъ отношеніи къ народу такого любителя родной Малороссіи и ея преданій, какимъ былъ Д. П. Трощинскій. Но любопытно, что и этотъ критикъ признаетъ, что «въ комедіи Гоголя нѣтъ ни фарса, ни вычурныхъ фразъ, ни лишннихъ лицъ и рѣчей; у него все «у себя дома», все на мѣстѣ». Согласно другому отзыву, гораздо болѣе авторитетному, В. А. Гоголь, «будучи живымъ членомъ своего общества, захватилъ въ свое творчество украинской престонародной жизни столько, сколько тогдашнее общество требовало для его возсозданія. Шутка и пѣсня для пріятнаго провѣденія времени,—вотъ все, чего могъ искать писатель тогдашній въ оставленномъ (?) дворянами родномъ быту и Гоголь-отецъ очень искусно и умно почерпнулъ изъ него эти элементы для своей комедіи».

Но и въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ этихъ полупуштливыхъ литературныхъ опытовъ, сближеніе съ Трощинскимъ было полезно Василю Аванасьевичу, не говоря уже о томъ, что маленькій его Никоша много выигралъ для своего эстетическаго развитія, имѣя случай видѣть интеллигентную среду, окружавшую Трощинскаго. Справедливо и мѣтко называетъ Кулишъ, въ одной изъ своихъ статей, Кибинцы (имѣніе Трощинскаго) «Аѳинами временъ Гоголева отца». Неумолимое время не пощадило никакихъ слѣдовъ былого великолѣбія Кибинцевъ; не уцѣлѣли ни богатая избранная бібліотека, ни рѣдкія, дорогія картины, ни прекрасная мебель или коллекціи оружія, монетъ, медалей и даже табакерокъ, ни даже такія вещи, какъ бюро королевы Маріи Антуанеты и принадлежавшіе ей великолѣпные фарфоровые часы и подсвѣчники. Все

продано, все исчезло! Но кто зналъ Кибинцы въ дни ихъ величія и славы, тѣ не могутъ и теперь безъ увлеченія вспомнить объ этомъ сказочномъ міркѣ. Все здѣсь говорило, что хозяинъ былъ человѣкъ просвѣщенный, съ тонкимъ вкусомъ и большой разносторонней любознательностью. Много было приманокъ, привлекавшихъ сюда всѣхъ, кто имѣлъ возможность проникнуть въ кибинцскіе чертоги. Здѣсь былъ вѣчный пиръ въ праздникъ и въ будни. Кто бы и когда ни подѣзжалъ къ господскому дому въ Кибинцахъ, уже издалека начиналъ различать звуки домашняго деревенскаго оркестра, казавшіеся сначала какимъ-то неопредѣленнымъ гуломъ и становившіеся по мѣрѣ приближенія все явственнѣе и громогласнѣе, и, наконецъ, передъ путникомъ выросталъ величавый домъ Трощинскаго съ примыкавшими къ нему безчисленными флигелями и службами. Домъ этотъ походилъ больше на обширный клубъ или гостинницу, чѣмъ на обыкновенный домашній очагъ. Все было поставлено въ немъ на широкую ногу, всего было въ изобиліи и вездѣ блистали изящество и красота. Гостей въ Кибинцахъ круглый годъ бывало такъ много, что исчезновеніе однихъ и появленіе другихъ было почти незамѣтно въ этомъ волнующемся морѣ. Большинство изъ нихъ пользовались особыми помѣщеніями и всевозможнымъ комфортомъ: каждому присылался въ его комнату чай, кофе или десертъ, и лишь къ обѣду всѣ должны были въ строго-опредѣленный часъ собираться по звонку. До какихъ широкихъ размѣровъ доходило хлѣбосольство Трощинскаго, показываетъ слѣдующій примѣръ. По словамъ А. С. Данилевскаго, однажды былъ преоригинальный случай съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ Б***. Онъ попалъ въ Кибинцы случайно передъ именинами Трощинскаго и въ видѣ сюрприза устроилъ фейерверкъ. За услугу его обласкали, и ему такъ понравилось у Трощинскихъ, что онъ такъ и остался у нихъ проживать года на три. Впрочемъ при всемъ гостепримствѣ Трощинскій былъ нѣсколько натянутъ и не особенно привѣтливъ въ обращеніи. А С. Данилевскій передаетъ, что много разъ случалось ему бывать въ Кибинцахъ и Яре-скахъ вмѣстѣ съ Н. В. Гоголемъ и гостить подолгу, но Трощинскій едва ли промолвилъ съ ними даже слово. Съ гостями онъ вообще бесѣдовалъ мало и любилъ при нихъ раскладывать гранъ-пасьянсъ. Передъ обѣдомъ гости, располагаясь въ разныхъ концахъ столовой, обыкновенно напряженно ожидали хозяина. Наконецъ, появлялся Дмитрій Прокофьевичъ, всегда въ полномъ парадѣ, во всѣхъ орденахъ и лентахъ, задумчивый, суровый, съ выраженіемъ скуки или утомленія на умномъ старческомъ лицѣ. Увоенная во время придворной жизни величавость, первенствующая роль хозяина и оказываемые наперерывъ со всѣхъ сторонъ знаки подобострастія давали ему видъ козырнаго короля среди этой массы людей.

При всемъ томъ это былъ человѣкъ очень добрый, готовый помогать и оказывать покровительство, кому было возможно...

У этого-то «царька», какъ называли въ сосѣдствѣ Трощинскаго, Василій Аванасьевичъ состоялъ на правахъ родственника, хотя они далеко не были на равной, дружеской ногѣ, какъ обыкновенно думаютъ. Не смотря на то, что просвѣщенный сановникъ умѣлъ цѣнить способности Гоголя, особенно драматическія, и знаніе горячо любимой Малороссіи, онъ, все-таки, не дѣлалъ для него исключенія въ характерѣ своихъ отношеній къ окружающимъ и всегда держалъ его на извѣстномъ разстояніи. Впрочемъ, Василій Аванасьевичъ, имѣя несомнѣнныя преимущества передъ толпой случайныхъ посѣтителей Кибинцевъ, и самъ не становился съ Трощинскимъ на одну доску, чего не допускала значительная разница между ними и въ возрастѣ, и въ положеніи. Относясь къ Трощинскому, какъ къ покровителю, онъ раздѣлялъ съ другими чувство благоговѣнія передъ нимъ, что, конечно, исключало всякую возможность панибратства. Но во время прїѣздовъ своихъ въ Кибинцы Василій Аванасьевичъ могъ свободно располагаться въ предоставленномъ въ его полное распоряженіе флигелѣ и помѣстить въ немъ всю семью, хотя, какъ человѣкъ деликатный, онъ лишь въ крайности думалъ было однажды воспользоваться этимъ правомъ ¹⁾.

¹⁾ Однажды онъ писалъ женѣ: «Мнѣ очень жаль, что ты не соглашаешься выѣхать изъ дому съ дѣтьми. Анна Матвѣевна Трощинская и старика помѣстили бы васъ, да и въ Кибинцахъ можно бы быть тебѣ безъ всякихъ затрудненій: я весь флигель одинъ занимаю. О, какъ бы мы были счастливы вмѣстѣ!» На это послѣдовалъ, однако, категорическій отказъ со стороны Марьи Ивановны, которая и сама въ каждомъ письмѣ высказывала желаніе поскорѣ увидѣть себя подъ одной кровлей съ любимымъ мужемъ. В. А.—чу казалось болѣе удобнымъ предпочесть для своихъ скромное помѣщеніе у женщины тетки; также думала и Марья Ивановна: «Какія у тебя, мой другъ, мрачныя мысли. Ты воображаешь себѣ, что у насъ въ деревнѣ повальная болѣзнь, и чтобы мнѣ выѣхать съ такимъ семействомъ къ нашимъ старикамъ или къ тетенькѣ. Ну какъ можно и въ обихъ этихъ домахъ помѣстить насъ! и гдѣ? развѣ въ Кибинцахъ? Но и тамъ невыгодно со всѣми дѣтьми: вѣдь это не шутка подняться со всей семьей, и надобно, по крайней мѣрѣ, рублей сто, чтобы обмундировать прилично въ такомъ домѣ кормилицу, а когда Богъ дастъ (новорожденного), то и другую, а дома мнѣ ихъ одѣяніе ничего не будетъ стоить. И такъ все говорятъ и думаютъ, что мы богаты, а будто отъ скупости не хотимъ ничего имѣть, а не знаютъ нашей иногда крайней нужды. Но когда бы, Боже сохрани, въ самомъ дѣлѣ какая опасность, тогда бы нечего разсуждать о выгодѣ, но у насъ, благодаря милосерднаго Бога, ни одной души больной, кромѣ Агафьи ¹⁾ не выздоровѣла» и проч. Также стѣнялся и Н. В. Гоголь иногда заѣзжать по дорогѣ изъ Нѣжина въ Кибинцы. «Прошу васъ, дражайшая маменька, распорядиться такъ, чтобы намъ не заѣзжать въ Кибинцы, ибо платья у меня совсѣмъ нѣтъ, кромѣ того, которое на мнѣ». Но съ другой стороны онъ могъ свободно пользоваться книгами изъ библіотеки Трощинскаго: «Сдѣлайте милость, пришлите намъ на дорогу, для разогнанія скуки долго оставаться на постоялыхъ дворахъ, нѣсколько книгъ изъ Кибинцевъ» (Соч. Гог., изд. Кул., т. V, стр. 13 и 24).

¹⁾ Агафья или Гапа—имя Н. В. Гоголя.

Кромѣ того, къ его услугамъ былъ экипажъ, люди для посылокъ, наконецъ, онъ могъ во всякое время пользоваться совѣтами домашнихъ врачей Трощинскаго. Случалось, что и самъ Дмитрій Прокофьевичъ прїѣзжалъ къ нему, а потомъ ко вдовѣ его, со всѣмъ штатомъ, съ челядью и шутами. Въ дѣлахъ практической важности Трощинскій всегда оказывалъ содѣйствіе любимому родственнику и его семьѣ. Поѣздки къ Трощинскому вносили большое разнообразіе въ жизнь васьилевскихъ помѣщиковъ, давая имъ возможность много видѣть и узнавать.

Въ запискахъ Марьи Ивановны, мы находимъ всего нѣсколько строкъ о посѣщеніяхъ ею и мужемъ Кибинцевъ: «Я никуда не выѣзжала, находя все счастье дома. Потомъ мы проживали у Дмитрія Прокофьевича Трощинскаго, который поселился въ Малороссіи, рѣдко насъ отпускалъ домой. Тамъ я видѣла все, чего не искала въ въ свѣтѣ: и балы, и театры, и отличное общество; бывали даже прїѣзжіе изъ обѣихъ столицъ. Но я всегда была рада ѣхать къ себѣ въ деревню».

II.

Не воспитавъ и не обработавъ свой талантъ, Василій Аванасьевичъ не сдѣлался также хорошимъ помѣщикомъ, къ чему, впрочемъ, не имѣлъ никакого призванія. По крайней мѣрѣ, онъ не пріобрѣлъ въ этой области выдающейся опытности и познаній, какъ того можно было ожидать отъ человѣка его дарованій, прожившаго весь вѣкъ въ деревнѣ. ¹⁾ И какъ деревенскій житель, Василій Аванасьевичъ отличался преимущественно эстетическими наклонностями, которыя обнаруживались въ любви къ саду и полямъ, въ упоеніи мелодичнымъ пѣніемъ соловьевъ и въ тонкомъ вкусѣ, проявляемомъ въ выборѣ и покупкѣ вещей для дома, наконецъ, въ планахъ, составляемыхъ относительно дома, усадьбы. Въ саду онъ любилъ устраивать изящныя гrotto, красивыя бесѣдки. Въ немъ онъ проводилъ цѣлыя дни, не замѣчая времени за работами, или, любуясь посаженными имъ подростаящими деревьями, изъ которыхъ многія донынѣ сохранились въ обширномъ саду Васильевки ²⁾.

Каждая дорожка, каждая аллея носила у него особыя названія, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ характеризуютъ его сентиментальныя вкусы, какъ, напр., «долина спокойствія», находившаяся въ

¹⁾ «Онъ былъ человѣкъ хорошей, нравственный, правдивый, но особенно практическимъ не былъ». Такъ характеризуетъ Василія Аванасьевича по воспоминаніямъ матери, дочь его, Анна Васильевна Гоголь.

²⁾ Любопытно, что, будучи человѣкомъ мягкимъ и уступчивымъ по натурѣ онъ настоятельно требовалъ, чтобы никто не смѣлъ стукомъ разгонять соловьевъ и не позволялъ поэтому мыть бѣлье на прудѣ, находящемся въ Васильевкѣ посреди сада.

сосѣднемъ съ Васильевкой лѣску Яворовщинѣ (отъ слова яворъ), излюбленномъ мѣстѣ прогулокъ какъ Василія Аванасьевича, такъ и Николая Васильевича ¹⁾. Къ сожалѣнію, протекшее полустолѣтіе наложило свою желѣзную руку на многое и въ этой усадьбѣ (въ томъ числѣ и на «долину спокойствія», да и самый лѣсокъ вырубленъ на продажу лѣтъ пятнадцать тому назадъ ²⁾).

Возвращаясь къ разсказу Марьи Ивановны, не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что ея записка почти исключительно посвящена разсказу о мужѣ, такъ что этимъ отмѣнены на второй планъ даже воспоминанія объ обожаемомъ сынѣ, о которомъ она говоритъ только вскользь. Какъ видно, дорогая ей память о счастливыхъ годахъ замужества заслоняла для нея всю послѣдующую жизнь. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ она съ особенной любовью и обстоятельностью передаетъ только о другомъ важнѣйшемъ событіи своей жизни—построеніи храма въ Васильевкѣ.

«Церкви еще у насъ не было и люди оттого терпѣли много неудобствъ, особенно въ дурную погоду и при переѣздахъ черезъ рѣку Голтву. Я начала просить мужа строить церковь. Онъ удивился и сказалъ: «Помилуй! какъ мы будемъ строить церковь, когда у меня нѣтъ и 500 руб.» Я отвѣчала, что Богъ поможетъ. Въ это время пріѣхала маменька ³⁾ и начала также уговаривать. И видно, что на это было Божье соизволеніе, потому что все начало устраниваться какъ бы само собою: на другой день пріѣхалъ архитекторъ италіанецъ, жившій у Дм. П. Трошинскаго. Онъ охотно сдѣлалъ планъ маленькой церкви для своей деревни (двѣсти душъ) и кстатіи явился каменщикъ, искавшій работы. Когда ему показали планъ и спросили, что онъ возьметъ за то, чтобы надѣлать кирпичъ съ нашими рабочими, онъ потребовалъ пять тысячъ и при-

¹⁾ Не можемъ не упомянуть, что Н. В. Гоголь унаслѣдовалъ отъ отца эту страсть, при чемъ даже въ предпочтеніи однихъ деревьевъ другимъ вкусы сына поразительно совпадали съ вкусами отца (любимыми деревьями обоеихъ были дубы и клены). Въ памяти писателя дорогой образъ отца живо возрастаетъ именно въ связи съ представленіемъ о садѣ и весеннихъ работахъ въ немъ. «Весна приближается—время самое веселое, когда весело можемъ провести его. Это-то время обширный кругъ моего дѣйствія. Живо помню, какъ бывало, съ лопатой въ рукѣ, глубокомысленно раздумываю надъ изломанной дорожкой... Признаюсь, какъ бы я желалъ когда-нибудь быть дома въ это время. Я и теперь такой же, какъ прежде, жаркій охотникъ въ саду. Но мнѣ не удастся, я думаю, долго побывать въ это время. Не смотря на все, я никогда не оставлю сего изящнаго занятія, хотя бы вовсе не любилъ его. Оно было любимымъ упражненіемъ папеньки моего друга, благодѣтеля, утѣшителя».

²⁾ Многое и теперь напоминаетъ, по крайней мѣрѣ, въ Васильевкѣ, ея забвенныхъ хозяевъ. Въ серединѣ сада тянется длинная тѣнистая аллея, представляющая эффектную перспективу съ обоеихъ концовъ; неподалеку отъ нея проходить дорожка, по обѣимъ сторонамъ которой почти всѣ деревья посажены рукою Николая Васильевича, а нѣкоторыя и Василія Аванасьевича.

³⁾ Марья Алексѣевна Шостаковъ.

ступилъ къ работѣ. Онъ бралъ деньги по частямъ, но требовалъ прибавки, сожалѣя, что дешево запросилъ. Мы ему прибавили еще тысячу рублей. И такъ, съ Божіей помощью церковь была окончена вчернѣ въ теченіе двухъ лѣтъ ¹⁾. Потомъ мы поѣхали въ Ромны на Ильинскую ярмарку и перемѣнили старинное серебро на церковныя вещи. И черезъ три года послѣ постройки началось служеніе».

Впослѣдствіи, по смерти мужа, Марья Ивановна много заботилась объ изготовленіи плащаницы для церкви и въ продолженіе почти цѣлаго года въ каждомъ письмѣ къ одному изъ родственниковъ, жившему въ Одессѣ и слѣдившему за исполненіемъ работы, освѣдомлялась о ходѣ дѣла ²⁾.

Постройка церкви въ хуторѣ имѣла, несомнѣнно, чрезвычайно важное значеніе не только для обитателей Васильевки, но отчасти и для ближайшихъ сосѣдей, такъ какъ въ то время еще мало было храмовъ въ окрестныхъ деревняхъ, а дороги были невыносимо плохи и грязны, такъ что предпринимать далекія странствованія по оврагамъ и балкамъ было крайне затруднительно и неудобно. Марья Ивановна имѣла полное основаніе гордиться сооруженіемъ храма, для котораго не жалѣла ни тратъ, ни хлопотъ, совершая это дѣло съ глубокимъ сознаніемъ важности принятой на себя священной обязанности. При своей общительности, не смотря на обычную скромность, она любила вспомнить и поразсказать, какъ строилась церковь и какъ, какъ бы по благословенію свыше, неожиданно и легко устранялись всѣ препятствія. и дѣло устраивалось само собой ³⁾...

Но построеніе храма было лишь важнѣйшимъ, а не единственнымъ благодѣяніемъ, оказаннымъ цѣлой округѣ васильевскими помѣщиками. Весьма полезно оказалась учрежденная въ деревнѣ ярмарка, собирающаяся донинѣ по четыре раза въ годъ въ сроки чрезвычайно удачно выбранные и установленные Василиемъ Аванасьевичемъ ⁴⁾.

Всегдашняя готовность дѣлать добро и неизмѣнная привѣтливость и радушіе были одинаково свойственны обоимъ супругамъ и служили для нихъ залогомъ прочнаго нравственнаго союза.

¹⁾ Говорятъ, что объѣтъ построить церковь въ Васильевкѣ былъ данъ Марьей Ивановной передъ рожденіемъ Н. В. Гоголя послѣ двухъ неудачныхъ родовъ.

²⁾ Нѣкоторыя подробности объ этомъ сообщены въ моей брошюрѣ «Ученическіе годы Гоголя», стр. 32.

³⁾ Любопытно, что Н. В. Гоголю случалось иногда въ письмахъ къ матери выставлять для ея успокоенія необыкновенную удачу въ своихъ предпріятіяхъ, которыя могли быть почему-нибудь ею не одобрены. Такъ передъ первой своей заграничной поѣздкой онъ писалъ: «Я рѣшился, но къ чему, какъ приступить? Выѣздъ за границу такъ труденъ, хлопотъ такъ много! Но лишь только я принялся, все, къ удивленію моему, пошло какъ нельзя лучше; я даже легко получилъ пропускъ. Одна остановка была, наконецъ, за деньгами. Здѣсь я было совсѣмъ отчаялся; но вдругъ получаю слѣдующія въ Опекунскій Совѣтъ».

⁴⁾ Эти сроки не измѣнились до сихъ поръ.—въ продолженіе болѣе 60-ти лѣтъ.

Позволимъ себѣ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе и привести интересный разсказъ А. С. Данилевскаго о его первомъ знакомствѣ съ Н. В. Гоголемъ и его родителями, записанный нами дословно.

«Я съ Гоголемъ познакомился въ дѣтствѣ. Мнѣ было семь лѣтъ. Наши родители вмѣстѣ воспитывались въ Кіевской духовной академіи. Однажды пріѣхали мы съ отцомъ къ нему въ деревню. Мы жили отъ нихъ верстахъ въ тридцати, въ Семеренькахъ. Мы были около Рождества. Тутъ я увидѣлъ въ первый разъ маленькаго Нишкошу, будущаго моего друга. Онъ былъ нездоровъ и лежалъ въ постели. Мы играли съ его младшимъ братомъ Иваномъ. Впослѣдствіи, въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, онъ припоминалъ о началѣ знакомства: «помнишь, какъ ты въ первый разъ ѣлъ у насъ клюкву». Мы пробыли нѣсколько дней. Я возвратился съ отцомъ домой и въ этотъ довольно значительный промежутокъ времени мы не видались. Я лишился отца; моя мать вышла за Василя Ивановича Черныша (его имѣніе, Толстое, находилось верстахъ въ шести отъ Васильевки). Въ 1818 г. я поступилъ въ Полтавскую гимназію и здѣсь встрѣтился съ Гоголемъ. Послѣ непродолжительнаго разговора мы вспомнили другъ друга. Вмѣстѣ съ нимъ мы пробыли года два. Онъ жилъ у учителя Спасскаго съ братомъ. Въ 1822 г. я поступилъ въ Нѣжинъ и съ тѣхъ поръ мы были неразлучны и всегда вмѣстѣ ѣздили домой съ Петромъ Александровичемъ Барановымъ (сыномъ вогчима). Барановъ былъ нашимъ менторомъ; онъ былъ въ первомъ выпускѣ, — постарше насъ обоихъ. Разскажу одинъ забавный случай. Одинъ разъ (въ первый годъ) мы должны были вмѣстѣ съ Гоголемъ ѣхать домой; тутъ былъ и Барановъ. Прислали за нами лошадей; съ нами навязался ѣхать одинъ изъ нашихъ гувернеровъ, Зельднеръ. Коляску прислали четверомѣстную, но къ намъ еще напросился Щербакъ, который былъ знакомъ съ семействомъ Гоголя. (Онъ жилъ около Пирятина; это были довольно богатые люди). Зельднеръ тогда имѣлъ еще для насъ авторитетъ; его присутствіе было для насъ стѣснительно. Онъ ѣхалъ и ко мнѣ, и къ Гоголю, но намъ обоимъ не хотѣлось его брать. Когда условились ѣхать, то онъ пошелъ съ нами на черный дворъ, гдѣ была коляска; онъ намъ хотѣлъ доказать, что можно ѣхать впятеромъ. Онъ былъ очень забавенъ; ноги циркулемъ; мы надъ нимъ подсмѣивались. Наконецъ, все было готово къ отъѣзду. Наканунѣ отъѣзда, жена Зельднера, Марья Николаевна, приготовила пирожки, и мы должны были на другой день, чѣмъ свѣтъ выѣхать. Мы составили заговоръ уѣхать раньше. На другой день утромъ человекъ Гоголя, Федоръ, пріѣхавшій за нами, разбудилъ насъ въ музеѣ (такъ назывались отдѣленія, ихъ было три: старшій, средній и младшій). Зельднеръ, проснувшись, не хотѣлъ ни за что вѣрить, что мы уѣхали. «А. мерзкая мальчишка!», — повторялъ онъ и вездѣ насъ искалъ.

Дорога была продолжительная; мы ѣхали на своихъ и на третій день прибыли. Дорогой дурачились, и Гоголь выкидывалъ колѣна. Щербакъ былъ грузный мужчина съ большимъ подбородкомъ. Когда онъ заснетъ, Гоголь бывало намажетъ ему лицо халвой и мухи его облѣпять; когда кучеръ запрягалъ лошадей, мы наводили стекла на ихъ крупы. Дорога была веселая. Когда проѣзжали Ярески, мы подбирались къ Толстому. (Дмитрій Прокофьевичъ жилъ въ Кибинцахъ, но на лѣто переѣзжалъ въ Ярески). Это была родина Марьи Ивановны Гоголь. Здѣсь съ нами повстрѣчались Василій Аванасьевичъ и Василій Ивановичъ. Кажется, это была случайная, а не намѣренная встрѣча. Василій Аванасьевичъ былъ красивѣе сына. Помню какъ теперь, шляпа была у него лощенная, матросская (человѣкъ онъ былъ въ высшей степени интересный, неподобный рассказчикъ). Я зналъ также Татьяну Семеновну, мать Василя Аванасьевича. Въ саду былъ маленькій домикъ; тамъ жила она въ старости. Отецъ Василя Аванасьевича былъ домашнимъ учителемъ у Лизогуба и женился на его дочери; имѣнье принадлежало Татьянѣ Семеновнѣ. Татьяна Семеновна была сморщенная, какъ губка, вѣчно ходила съ палочкой; молчаливая была, добрая, прекрасная старушка; Николай Васильевичъ любилъ ее. Онъ былъ очень почителенъ съ отцомъ, съ матерью; съ послѣдней въ послѣдствіи онъ бывалъ и рѣзокъ, но всегда говорилъ о ней съ любовью и съ большимъ уваженіемъ. Когда мы съ нимъ были вмѣстѣ въ Парижѣ, онъ, возвращаясь съ А. И. Тургеневымъ, разстроенный, сказалъ мнѣ: «Ты знаешь, какъ я люблю мою мать! Если бы я потерялъ мать, и тогда я не былъ бы такъ подавленъ и удрученъ, какъ теперь: Пушкинъ умеръ!»

«Въ школѣ Гоголь ничѣмъ не обращалъ на себя вниманія; онъ былъ худенькій, золотушный мальчикъ; лицо было какое-то прозрачное; вѣчно у него была течь изъ уха¹⁾... Впрочемъ подъ конецъ онъ сталъ выдаваться: онъ былъ нашимъ редакторомъ. Сначала онъ писалъ стихи и думалъ, что поэзія его призваніе. Мы втроемъ съ нимъ и Прокоповичемъ выписывали журналы, альманахи. Онъ заботился о высылкѣ денегъ. Мы втроемъ отправлялись за ними и читали. «Онѣгинъ» выходилъ по главамъ; мы имъ восхищались съ благоговѣніемъ. Нашъ проф. Никольскій Пушкина не признавалъ и даже Державинъ былъ для него новый человѣкъ. Гоголь его отлично копировалъ. Гоголь воспроизводилъ такія черты, которыхъ никто изъ насъ раньше не замѣчалъ, но которыя были чрезвычайно характерны. Онъ былъ превосходный актеръ; если бы его приняли на сцену, онъ былъ бы, вѣроятно, Щепкинымъ. Эту

¹⁾ Не смотря на это онъ любилъ музыку и хотѣлъ непремѣнно учиться, но не имѣлъ слуха; учитель Севрюгинъ называлъ его глухаремъ и подносилъ скрипку къ самому его уху.

способность и юморъ онъ унаслѣдовалъ отъ отца, который представлялъ истый типъ малороссійскаго казака; у него было серьезное лицо, но правильныя черты. Носъ у Гоголя былъ отцовскій, но глаза, брови и весь обликъ — матери. Какъ и отецъ, Гоголь почти не имѣлъ растительности на лицѣ. Помню, какъ онъ былъ удрученъ, когда получилъ извѣстіе о смерти отца... Потомъ онъ смотрѣлъ на себя, какъ на главу семейства. Тутъ произошелъ переломъ онъ изъ ребенка превратился въ юношу.»

Возвращаюсь къ прерванному мною разсказу. Хотя годы супружества Маріи Ивановны были золотымъ временемъ ея жизни, но и она перенесла не мало невзгодъ. Вотъ какъ она разсказываетъ объ этомъ въ своихъ запискахъ: «Жизнь моя была самая спокойная; характеръ у меня и у мужа былъ веселый. Мы окружены были добрыми сосѣдями. Но иногда на меня находили мрачныя мысли. Я предчувствовала несчастія; вѣрила снамъ. Сначала меня беспокоила болѣзнь мужа. До женитьбы у него два года была лихорадка, отъ которой его вылечилъ извѣстный въ то время докторъ Трофимовскій ¹⁾. Потомъ онъ былъ здоровъ, но мнителенъ. У насъ было двѣнадцать дѣтей, изъ которыхъ болѣе половины мы потеряли. Тяжело было это переносить, но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной. Изъ шести сыновей остался одинъ, который замѣнилъ намъ всѣхъ. Но и его взялъ у меня Богъ — да будетъ Его святая воля! Потомъ смерть любимой моей дочери разстроила его здоровье. Потомъ мы лишились всѣхъ среднихъ дѣтей. Старшій сынъ и тогда отличался отъ обыкновенныхъ дѣтей. Дочь Марія была на три года моложе его и потомъ остались только меньшія три дочери».

Утраты и огорченія неизбѣжны въ самой счастливой жизни. Марья Ивановна это хорошо понимала и пока не сѣтовала на судьбу. Покорность Провидѣнію, о которой она часто говорила, дѣйствительно была не фразой; но справедливость требуетъ сказать, что тихое и кроткое настроеніе у нея наступало уже тогда, когда горе успѣвало нѣсколько улечься. Въ первыя же минуты испытанія она была даже склонна впадать въ отчаяніе, что повторялось впоследствии нерѣдко, такъ какъ по природной добротѣ она горячо принимала къ сердцу не только собственныя несчастія, но и горе близкихъ людей. Но пока, при жизни мужа, она еще не предавалась тому безпредѣльному отчаянію, которое овладѣвало ею потомъ. «Тяжело было это переносить», — говоритъ Марія Ивановна, — «но я, щадя мужа, подавляла горе и старалась быть спокойной».

Нить счастливой супружеской жизни порвалась быстро и неожиданно. Хотя болѣзнь Василя Аванасьевича тянулася нѣсколько

¹⁾ Послѣ онъ страдалъ грыжей и геморроемъ. Фамилія доктора въ запискахъ ошибочно читается Трохимовскій.

лѣтъ, но онъ не обращалъ на нее вниманія и ограничивался совѣтами кибинскаго врача во время случайныхъ посѣщеній Троцинскаго, не считая нужнымъ предпринимать систематическое леченіе. Неудобства сообщеній и привязанность къ семьѣ были слишкомъ естественными причинами, объясняющими такую безпечность. Когда внезапно обнаружилось замѣтное ухудшеніе въ состояніи его здоровья, онъ собрался на нѣсколько дней отправиться въ Кибинцы, вѣроятно, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ Марья Ивановна: «Мужъ мой болѣлъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, и когда пошла кровь горломъ, онъ поѣхалъ въ Кибинцы, чтобы посовѣтоваться съ докторомъ. Я была тогда на послѣднемъ мѣсяцѣ беременности и не могла ѣхать съ нимъ. Ему очень не хотѣлось уѣзжать и, прощаясь, онъ сказалъ, что можетъ быть, безъ меня придется умереть, но потомъ самъ испугался и прибавилъ: «можетъ, долго тамъ пробуду, но постараюсь скорѣе вернуться». Я получала отъ него часто письма; онъ все беспокоился обо мнѣ. Я не знала, что жизнь его была въ опасности и далека была отъ мысли потерять его».

Въ дорогѣ, приступы болѣзни Василя Аванасьевича обозначились яснѣе и заставили подумать о леченіи серьезнѣе. Стѣсненія въ груди и геморроидальныя страданія тревожили больного днемъ и ночью, и лишали его сна. Во второмъ письмѣ онъ уже называетъ себя несчастнымъ страдальцемъ и жалуется на боли, но все еще не подозрѣваетъ всей опасности или не хочетъ въ ней сознаться: «мнѣ хорошо, но грудью страдаю ужасно и спать едва могу». Отправляясь въ Кибинцы, онъ предполагалъ пробыть тамъ недѣли двѣ; но тотчасъ же оказались разныя неудобства, заставившія перемѣнить планъ. Пришлось рѣшиться на временное устройство на квартирѣ въ Лубнахъ, уѣздномъ городѣ, верстахъ въ 20-ти за Кибинцами. Главная причина такой перемѣны заключалась въ непокойной, стѣснительной обстановкѣ при обычномъ кибинскомъ многлюдствѣ; что могло быть выиграно для здоровья отъ постоянного надзора доктора, то парализировалось съ другой стороны неустрашимыми мелочными причинами, крайне тягостными для больного. Марья Ивановна, узнавъ, что мужъ рѣшился пользоваться совѣтами уѣзднаго доктора въ Лубнахъ, сильно беспокоилась, чтобы онъ не поѣхалъ на нѣсколько дней въ Кибинцы по случаю приближавшагося праздника св. Пасхи. «Ты пишешь, что до праздника будешь въ Лубнахъ, а праздникъ гдѣ же ты будешь принимать (встрѣчать)? Когда бы не дома, я бы желала, чтобы въ Лубнахъ, чтобы не прерывать леченія для того, чтобы ѣхать въ Кибинцы, а тамъ будутъ бостоны. Ольга Дмитриевна ¹⁾ пишетъ, что будутъ Родзянки

¹⁾ Троцинская; жена Андрея Андреевича Троцинскаго, см. о ней въ «Русской Старинѣ», 1882, 6, 643, примѣч. и 673 и слѣд., также въ «Указателѣ къ письмамъ Гоголя», стр. 57.

на праздники и ты себя можешь опять разстроить». Этотъ отвѣтъ былъ вызванъ извѣщеніемъ о подробностяхъ новаго рѣшенія. «Выѣхавъ изъ дому, принужденъ я былъ ночевать въ Ярескахъ, а оттуда въ понедѣльникъ пріѣхалъ въ Кибинцы, хотя съ большою нуждою, но благополучно. Здѣсь всѣ здоровы и веселы. Я сейчасъ послалъ о. Емельяна къ Голованеву (доктору въ Лубнахъ) договорить тамъ для себя квартиру, для чего и нужно мнѣ для тамошняго прожитія прислать изъ дому разныхъ припасовъ, а если бы возможно, и повара. О семъ приложу особую записку по возвращеніи о. Емельяна изъ Лубенъ». Далѣе слѣдуютъ распоряженія по хозяйству, чтобы приказчикъ берегъ плотину въ случаѣ наводненія, чтобы была поймана рыба для продажи, если будетъ тепло и позволить время. Практическія заботы выступаютъ на первый планъ вслѣдствіе недостатка денегъ для леченія и въ виду приближающагося праздника и предстоящей ярмарки. Приходилось позаботиться наскоро о сборѣ подушныхъ, о продажѣ скота за самую дешевую цѣну, чтобы выручить деньги на помѣщеніе и прожитокъ въ Лубнахъ. Рѣчь идетъ почти исключительно о продажѣ кое-какого имущества и предотвращеніи возможныхъ убытковъ. Опасенія супруговъ были направлены особенно на разныя случайныя проволочки и задержки со стороны врачей. Недѣли черезъ двѣ послѣ отъѣзда мужа, Марья Ивановна писала ему: «Малютки наши, слава Богу, всѣ здоровы и всякій день тебя вспоминаютъ, даже Таня,—такъ что заставляютъ меня думать, что ты скоро пріѣдешь», и тотчасъ за этими строками слѣдуютъ сообщенія о дѣлахъ хозяйства: «и еще одну пару быковъ продали и проч.». Во время отсутствія Василій Аванасьевичъ продолжалъ распоряжаться всѣми дѣлами по имѣнію и Марья Ивановна лишь неуклонно слѣдовала его инструкціямъ и, аккуратно увѣдомляя объ исполненіи ихъ, немедленно передавала всѣ распоряженія приказчику; въ случаяхъ же непредвидѣнныхъ тотчасъ писала мужу и спрашивала его мнѣнія и совѣта.

Съ трогательною заботливостью въ каждомъ письмѣ Василій Аванасьевичъ, тосковавшій по женѣ, даетъ ей наставленія относительно ея здоровья.

«Я травку, присланную тобою, пью, но ничего не помогаетъ»,—отвѣчаетъ мужу Марья Ивановна. Между тѣмъ, его собственные дни были сочтены и вскорѣ Марья Ивановна вмѣсто обычнаго письма получила извѣстіе о его смерти.

«Послѣ родовъ»,—пишетъ она, «на второй недѣлѣ, я только начала ходить по комнатѣ и ожидала мужа, чтобы крестить дитя, какъ вмѣсто мужа пріѣхала жена доктора, акушерка, чтобы по просьбѣ мужа вести меня къ нему. Я очень встревожилась и подумала, что, вѣрно, ему очень худо, если онъ меня вызываетъ еще больную. Мы только выѣхали со двора, какъ увидѣли верхового,

который подалъ письмо докторшѣ; она, прочтя письмо, вспыхнула и сказала: «вернемся; Василій Аванасьевичъ самъ прїдетъ!» Не буду описывать своего отчаянія. Когда привезли его тѣло къ церкви, раздался ударъ колокола. О, Боже! какой это былъ звукъ! Я безъ слезъ не могу вспомнить! Только на пятый день могли его хоронить, такъ какъ многое не было готово. Меня не пускали къ нему, пока не внесли въ церковь, а то онъ все былъ въ экипажѣ¹⁾. Мнѣ послѣ говорили, что я, увидя его, начала громко говорить къ нему и отвѣчать за него. Я просила и для меня оставить мѣсто въ склепѣ. Тетка не оставляла меня до шести недѣль и дѣтой мнѣ не показывала. Старшіе двое учились—сынъ въ Нѣжинѣ, а дочь у м-ше Арндтъ, матери извѣстнаго придворнаго медика²⁾. Тетка уговорила меня беречь себя для дѣтей и показала мнѣ ихъ въ траурѣ. Когда я вышла въ первый разъ въ садъ, мнѣ такъ странно казалось, что все на томъ же мѣстѣ, ничто не измѣнилось: мнѣ казалось, что все должно было погибнуть. Я молила Бога оставить мнѣ остальныхъ дѣтей и единственнаго сына, котораго любила больше всей жизни. При мужѣ я почти ничѣмъ не занималась, теперь все обрушилось на меня! Можетъ, эти заботы и спасли меня. Время начало уносить мое горе, имѣя отраду въ моемъ сынѣ. Мнѣ было 59 лѣтъ, когда я получила извѣстіе о потерѣ моего дорогого сына».

Здѣсь обрываются записки М. И. Гоголь. Отсылая интересующихся къ нашей брошюрѣ «Ученическіе годы Гоголя», гдѣ подробно охарактеризована жизнь М. И. по смерти мужа, остановимся здѣсь лишь на описаніи ея обычнаго времяпровожденія и затѣмъ перейдемъ къ характеристикѣ отношеній ея къ сыну.

Вставъ довольно поздно, она проводила каждое утро по нѣскольку часовъ за письменнымъ столомъ, читала, писала письма иногда гуляла. Часто раскладывала грань-пасьянсъ или что-нибудь работала, никуда не спѣша, по своей привычкѣ къ спокойной и не особенно дѣятельной жизни. Въ послѣдніе годы, когда въ ней стала все больше обнаруживаться странная склонность къ мечтательности, она готова была проводить цѣлые дни, давая полную волю своимъ мыслямъ. Послѣ завтрака она собиралась обыкновенно въ гости, или куда-нибудь по хозяйству. Запрягались дрожки или сани, и она выѣзжала. Впрочемъ, эти выѣзды имѣли значеніе прогулокъ, а не серьезной ревизіи. Крѣпостные люди нисколько не боялись добродушной своей госпожи. Случались иногда воровства, отравы—и тогда, конечно. Марья Ивановна приходилось волноваться и изыскивать мѣры для пресѣченія зла.

¹⁾ В. А. Гоголь умеръ далеко не стырымъ; ему было всего 44 года. Отмѣчаемъ это въ виду не разъ встрѣченнаго нами въ литературѣ ошибочнаго выраженія: «старикъ Гоголь». (См. напр. Петрова «Очерки украинской литературы XIX столѣтія», стр. 78).

²⁾ Она была начальницей полтавскаго женскаго института при его основаніи, потомъ жила въ деревнѣ съ дочерью Н. Ф. Старицкой.

Марья Ивановна была очень подвижна (когда не предавалась мечтамъ) и сохранила бодрость и свѣжестъ до самой смерти. Ей ничего не стоило собраться къ сосѣдямъ или въ городъ; рѣшеніе являлось вдругъ и тотчасъ же осуществлялось безъ откладыванія и отсрочекъ. Но эта подвижность представляла особенно рѣзкую противоположность съ однообразіемъ ея позы, когда она не сходя съ мѣста, цѣлые часы думала не извѣстно о чемъ. Въ такія минуты самое выраженіе лица ея измѣнялось: изъ добраго и привѣтливаго, оно становилось какимъ-то безжизненнымъ; видно было, что мысли ея блуждаютъ далеко...

Съ мужемъ она очень сходилась во мнительности: по самому ничтожному поводу ей представлялись нерѣдко большіе страхи и безпокойства. Отъ этой же причины, она отличалась крайней подозрительностью, и если что ей западало въ голову, то разубѣдить ее не было никакой возможности¹⁾.

Другое сходство въ ихъ характерахъ было въ томъ, что оба они любили всякія изящныя вещи и имѣли хорошій вкусъ. Но не практичность ея въ дѣлахъ житейскихъ была необычайная и безъ всякаго сравненія превосходила непрактичность мужа. Послѣдній не родился хозяиномъ, скопидомомъ, но не отличался и дѣтской наивностью въ жизни, тогда какъ Марья Ивановна въ этомъ отношеніи была настоящее дитя. Ничего не стоило какому-нибудь торгашу-разносчику убѣдить ее набрать, часто въ долгъ, какихъ угодно бездѣлушекъ, особенно сколько-нибудь красивыхъ, и дочери должны были зорко смотрѣть, чтобы она не поддавалась обману со стороны какого-нибудь проходимца. Случалось, что Марья Ивановна въ отсутствіи дочерей покупала такъ много всякихъ мелочей, что дочери должны были, если еще не было поздно, посылать въ догонку за продавцомъ и возвращать ему накупленное...

В. Шенрокъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Мнительность въ самомъ широкомъ смыслѣ и особенно въ отношенія здоровья перешла отъ отца и матери также и къ сыну. Замѣчательно, что передъ смертью какъ Гоголю-отцу, такъ и сыну, слышались какіе-то голоса, которые они считали предвѣстіемъ близкаго конца. На Н. В. Гоголя подѣйствовали потрясающимъ образомъ, напримѣръ, сказанныя ему въ видѣ привѣтствія, случайно встрѣтившимся на самый Новый годъ (въ 1852 г.), италіанцемъ слова: «une année éternelle!» и смерть уважаемой имъ жены Хомякова. Въ одномъ письмѣ къ Языкову Н. В. Гоголь сравниваетъ себя относительно здоровья съ отцомъ: «Ходъ мой болѣзни естественный: она есть истощеніе силъ. Въѣтъ мой не могъ [ни въ какомъ случаѣ быть долгимъ. Отецъ мой былъ также сложенія слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ, а не нападеніемъ какой-нибудь болѣзни» и проч. (Жур., VI—191). Но особенно склонность преувеличивать несчастья слѣдуетъ считать семейной чертой. Достаточно было Марьѣ Ивановнѣ написать о болѣзни одной крестьянки, чтобы ея мужу представилась эпидемія съ ея ужасами.

ПАМЯТИ ГРАФА М. М. СПЕРАНСКАГО.

I.

Законодательныя и кодификаціонныя работы Сперанскаго.

ЕВРАЛЯ 11-го, 1889 года, исполнится 50 лѣтъ со дня смерти М. М. Сперанскаго. Заслуги его слишкомъ извѣстны и велики, для того, чтобы Россія упустила случай ознаменовать этотъ день способомъ, достойнымъ памяти этого замѣчательнаго человека, — ученаго, администратора, законодателя, творца вѣншихъ источниковъ русскаго права. Память Сперанскаго не можетъ умереть. Къ нему скорѣй могутъ быть отнесены слова поэта, пятидесятилѣтіе со дня смерти котораго достойно воспоминалось недавно, — слова, обращенныя къ самому себѣ: о «нерукотворномъ памятникѣ», къ которому «не заростетъ народная тропка». Законодательныя и кодификаціонныя работы Сперанскаго поистинѣ составляютъ для него такой памятникъ. Не говоря о множествѣ отдѣльныхъ и важнѣйшихъ законахъ, явившихся изъ его проектовъ и неизмѣнно существующихъ, и понынѣ дѣйствующихъ составленныя Сперанскимъ: учрежденіе государственнаго совѣта, общее учрежденіе министерствъ и общій наказъ министерствамъ. Въ важнѣйшихъ учрежденіяхъ этихъ живетъ еще съ особою твердостью выраженная и органически развитая, хотя и не новая въ исторіи русскаго права, общая съ императоромъ Александромъ I мысль Сперанскаго — о необходимости основывать управленіе на твердыхъ и непремѣняемыхъ законахъ. Составленіе же Полнаго Собранія Законовъ и Сводовъ существующихъ законовъ, выполненное при живомъ участіи императора

Николая,— лучше всего содѣйствовало дѣйствительному упроченію законности въ управленіи. Едва ли возможна бѣльшая заслуга передъ отечествомъ. Больше столѣтія стремились передъ тѣмъ къ выполненію этой задачи. Существовало десять комиссій собиранія и составленія законовъ. Но только Сперанскій со своими помощниками вполнѣ разрѣшилъ задачу собиранія и систематизаціи законовъ, положивъ прочное основаніе къ ихъ усовершенствованію. Это— труднѣйшая задача. Кодификація права занимаетъ и теперь почти каждое европейское государство. Въ Англии еще въ XVII столѣтіи Бэконъ задумалъ привести въ систему мѣстное право. Онъ составилъ для этого и драгоцѣнныя правила. 150 лѣтъ спустя, Сперанскій и воспользовался ими при составленіи Свода Законовъ. Между тѣмъ, въ самой Англии задача эта и до сихъ поръ почти не получила движенія, не смотря на нѣкоторые иностранные образцы и въ томъ числѣ нашъ Сводъ, переведенный въ 1868 году. (Пахманъ, «Исторія кодификаціи гражданскаго права», т. I, стр. 144). Все значеніе этого громаднaго дѣла даже съ особенною силою выступаетъ въ наше время. Въ сущности мы стоимъ опять передъ частью тѣхъ же задачъ, занимавшихъ Сперанскаго, прерванныхъ его смертію, незаконченныхъ и вновь съ особою необходимостью въ разрѣшеніи возникшихъ.

Послѣ третьяго изданія Общаго Свода Законовъ, прошло 30 лѣтъ (въ 1876 году выпущены были только весьма немногіе тома и части). Страна крайне нуждается въ новомъ изданіи всего Свода. Столь твердо выраженная въ основныхъ законахъ и упомянутыхъ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ законность управленія требуетъ этого настоятельно. Точное исполненіе и руководство законами крайне затрудняется множествомъ продолженій, имѣющихся къ Своду 1857 и 1876 гг. Большая часть статей его измѣнена, дополнена, замѣнена, отмѣнена. Разбираться въ теперешнихъ источникахъ законовъ становится опять доступнымъ только для спеціалистовъ. Обыватель блуждаетъ въ совершенной темнотѣ. Чиновникъ оказывается немного болѣе его просвѣщеннымъ по этой части... Выпустить новое изданіе Свода Законовъ при готовыхъ Собраніяхъ, неизмѣнно продолжающихся послѣ Сперанскаго— неизмѣримо легче, чѣмъ было собирать законы и одновременно составлять Сводъ. Однако, и новое изданіе, при неизмѣнности самой системы, выработанной Сперанскимъ, представляетъ такія трудности, что потребность въ немъ до сихъ поръ не можетъ быть удовлетворена. За 1883, 1886 и 1887 гг., все ограничилось пока немногими частями и отдѣльными уставами и учрежденіями. Сводъ Военныхъ Постановленій также требуетъ новыхъ полныхъ изданій. Мѣстные законы одинаково нуждаются въ дальнѣйшемъ собираніи и систематизаціи. Это повело бы къ ихъ изученію и затѣмъ только можно было бы говорить о ихъ отмѣнѣ. Остзейское право, наприимѣръ, си-

стематизировано не все; имѣющіеся же тома нуждаются въ новомъ изданіи. Мѣстное право другихъ частей имперіи не представляетъ и этого. Далѣе, Сперанскій смотрѣлъ на собраніе законовъ и своды только какъ на начало и середину дѣла. За этимъ должно было слѣдовать составленіе уложеній. Чѣмъ совершеннѣе своды,—справедливо разсуждалъ онъ,—тѣмъ совершеннѣе уложенія, кодексы. («Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» Калачова, 1859 года, книга вторая: «Объяснительная записка содержанія и расположенія Свода Законовъ», стр. 7). Въ началѣ работъ по составленію уголовного уложенія 1845 года, онъ и принялъ участіе, съ тѣмъ, чтобы, конечно, перейти къ одинажды уже занимавшему его составленію гражданскаго уложенія, опираясь теперь на болѣе совершенный сводъ. Но, вотъ, съ изданіемъ уже безъ него уложенія о наказаніяхъ 1845 года, или собственно свода усовершенствованнаго (какъ скромно и вѣрно назвали его составители: «Краткое обзорѣніе хода работъ и предположеній по составленію новаго кодекса законовъ о наказаніяхъ», стр. 59), мы стоимъ передъ неразрѣшенной еще задачей составленія гражданскаго и вновь уголовного уложеній.

Но если имя Сперанскаго вспоминается само собою при каждомъ обращеніи къ этимъ неразрывно связаннымъ съ нимъ важнѣйшимъ и, такъ сказать, вѣчнымъ задачамъ государства, если память его и такъ неизмѣнно живетъ въ его дѣлахъ, то и нарочитое воспоминаніе о немъ при такихъ условіяхъ особенно назидательно и поистинѣ заслуженно.

Оттого лучшимъ ознаменованіемъ памяти Сперанскаго было бы ускореніе новаго—одновременно во всѣхъ томахъ—изданія общаго Свода Законовъ. Къ той же цѣли послужило бы изданіе вновь первыхъ двухъ Полныхъ Собраній Законовъ. При той изумительной быстротѣ (съ 1826 по 1830 гг.), съ которою собирались и печатались 45 томовъ и приложенія Перваго Полнаго Собранія и слѣдующіе съ 1826 года тома втораго, и при тогдашнемъ состояніи источниковъ, въ Первомъ Полномъ Собраніи оказались пропуски. Теперь оно могло бы быть дополнено. Кромѣ того, потребность въ новомъ хотя бы и безъ измѣненій изданіи Перваго Полнаго Собранія и первыхъ томовъ втораго положительно настоятельна. Въ этомъ начинаетъ нуждаться, по неудовлетворительности Свода, не только наука, но и практика. Этихъ изданій въ продажѣ уже не существуетъ вовсе. Даже и государственная типографія располагаетъ немногими экземплярами Перваго Полнаго Собранія и первыхъ томовъ втораго — отпускаемыми только по особому высочайшему разрѣшенію (такъ намъ передавали въ государственной типографіи, хотя въ каталогѣ изданій послѣдней требуется для этого разрѣшенія г. главноуправляющаго кодификаціоннымъ отдѣломъ). Въ частной продажѣ Собранія встрѣчаются очень рѣдко и стоятъ очень дорого.

Съ другой стороны, исчезли и прежнія (1832 и 1842 гг.) изданія Свода Ихъ также не имѣется и въ государственной типографіи. Нечего и говорить о прежнихъ продолженіяхъ. Весьма трудно достать все продолженія и къ Своду Законовъ изд. 1857 г. Имѣются въ продажѣ только продолженіе 1876 г. и послѣдующія. Между тѣмъ, все эти изданія хоть сколько-нибудь восполнили бы недостатокъ въ Полныхъ Собраніяхъ Законовъ. Но они пошли чуть не все на бумажныя фабрики... (Одинъ букинистъ передавалъ намъ, что продалъ 500 пудовъ этихъ изданій въ томъ числѣ Сводъ Военныхъ Постановленій 1869 года—именно на фабрики, для бумажной массы, вмѣсто тряпья)... Это достойно большого сожалѣнія, потому что самое пользованіе Полнымъ Собраніемъ Законовъ облегчается при обладаніи прежними изданіями Свода и продолженіями, съ ихъ хронологическими и алфавитными указателями. При томъ же законодательство обнимаемыхъ ими эпохъ излагается здѣсь въ системѣ, и даетъ лучшую характеристику извѣстнымъ періодамъ русской жизни. Они необходимы и для практиковъ и для изслѣдователей права, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе придется жалѣть объ ихъ исчезновеніи.

II.

Неизданные труды Сперанскаго.

Смерть М. М. Сперанскаго прервала выполненіе одной весьма важной работы для русской юридической науки и законодательства—именно *Общей Исторіи Россійскаго Законодательства*.

Основною этого труда должны были послужить такъ называемыя историческіе своды, въ которыхъ заключалась исторія измѣненій по предмету каждой части подготовлявшагося общаго свода законовъ. Исторія эта восходила къ самому Уложенію царя Алексея Михайловича 1649 г. въ тѣхъ случаяхъ, если позднѣе не было издано отдѣльнаго устава; или же она отправлялась отъ подобнаго устава, показывая дальнѣйшія измѣненія въ немъ. «Сіи историческіе своды, — говоритъ Сперанскій, — составили особую весьма обширную работу, послужившую твердымъ основаніемъ всехъ работъ послѣдующихъ» (*Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ*, стр. 162). Біографъ Сперанскаго, баронъ Корфъ, въ свою очередь замѣчаетъ, что эти своды были готовы уже лѣтомъ 1827 г., то есть спустя всего полтора года отъ начала работъ. Они заключали въ себѣ нѣсколько тысячъ листовъ. «Это монументальная работа!» — выразился императоръ Николай, осыпая наградами составителей («*Жизнь графа Сперинскаго*», т. II, стр. 315).

Предположеніе ввести въ исторію законодательства историческіе своды—«по надлежащемъ ихъ усовершеніи и пересмотрѣ»,—

было выражено Сперанскимъ въ упомянутомъ «Обозрѣніи». Но такое предположеніе несомнѣнно существовало и ранѣе. Трудъ этотъ никакъ не долженъ былъ оставаться необнародованнымъ. Онъ откладывался печатаніемъ, потому что имѣлось въ виду изданіе ихъ вмѣстѣ съ исторіею законодательства. Въ предисловіи къ Первому Полному Собранію Законовъ, написанномъ Сперанскимъ, было прямо сказано, что эта исторія составляетъ во Второмъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ «Обозрѣніи» также было выражено, что составленіе Истории Россійскаго Законодательства возложено на Второе Отдѣленіе. Слѣдовательно, послѣднее выполняло высочайшую волю.

И судя по предисловію и «Обозрѣнію», работа эта обѣщала громаднѣйшій интересъ, независимо отъ историческихъ сводовъ, какъ составной ея части. О ней упоминается здѣсь не одинъ разъ. Въ Общей Исторіи Россійскаго Законодательства должно было найти себѣ мѣсто подробное изложеніе порядка составленія уложенія 1649 года и послѣдующихъ законодательныхъ и кодификаціонныхъ работъ, описаніе наружнаго вида уложенія; здѣсь же имѣлось въ виду помѣстить раздѣленіе законовъ и изслѣдованіе началъ долга, правды и справедливости, и т. д. При всемъ же томъ, судя по историческимъ статьямъ Сперанскаго, напечатаннымъ Калачовымъ въ его «Архивѣ» и несомнѣнно составляющимъ отрывки изъ подготовлявшейся исторіи русскаго права—изысканія должны были, по новымъ предположеніямъ, восходить къ глубокой древности.

При той быстротѣ, съ которою работало Второе Отдѣленіе, исторія законодательства, составлявшаяся 12 лѣтъ при самомъ Сперанскомъ, должна была весьма далеко подвинуться впередъ. Тогда подобный трудъ былъ положительно необходимъ. Но и въ настоящее время онъ также не утратилъ своего значенія, хотя позднѣе, какъ извѣстно, послѣдовалъ рядъ историческихъ изысканій въ области нашего законодательства. Но изысканія эти не обняли все же цѣлаго законодательства и касаются разныхъ частей его неравномѣрно. Полной цѣльной исторіи законодательства—нѣтъ. Частному лицу и составить ее не подъ силу. Такъ—при болѣе широкихъ, но не осуществившихся предположеніяхъ, и общій Сводъ Законовъ остается даже безъ тѣхъ историческихъ введеній, которыми сопровождалась всѣ три тома мѣстныхъ узаконеній губерній Остзейскихъ и которыя, конечно, весьма способствуютъ усвоенію законодательства названной окраины.

Изданіе въ настоящее время всего того матеріала, который былъ подготовленъ при Сперанскомъ, и продолженіе той же работы въ отношеніи послѣдующаго законодательства, составило бы—и дорогое приобрѣтеніе для науки, и лучшее чествованіе памяти Сперанскаго. Упомянутое «Обозрѣніе», предисловіе и введенія къ сводамъ Остзейскихъ узаконеній служатъ какъ бы отрывками предпринятой

обширной работы. И то научное и практическое значеніе, которое приобрѣли отрывки, предрѣшаетъ значеніе цѣлаго. До сихъ поръ, при каждомъ изложеніи исторіи законодательства и кодификаціи, изслѣдователи обращаются къ этимъ отрывкамъ, обильно черпая изъ нихъ. Насколько же драгоценнѣе былъ бы цѣльный трудъ?

Весьма существенно было бы такъ же изданіе работъ исключительно самого Сперанскаго. Онъ былъ чрезвычайно плодovitъ, но не отличался охотою печататься. Нѣкоторыя изъ его сочиненій изданы Публичною Библиотекою и Калачовымъ въ его «Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи». Но многія и до сихъ поръ остаются не напечатанными,—кромѣ того, что напечатанное однажды могло бы быть перепечатано. Такимъ образомъ, чрезвычайный интересъ представило бы обнародованіе его обширныхъ и многочисленныхъ проектовъ и объяснительныхъ записокъ, кромѣ вошедшихъ въ «Архивъ Государственнаго Совѣта» редакціи Калачова.

III.

Сперанскій и Сибирь.

Сибирь должна съ особенною благодарностью вспомнить о М. М. Сперанскомъ, по случаю имѣющаго исполниться пятидесятилѣтія со дня его смерти. Назначеніе его въ 1819 году сибирскимъ генераль-губернаторомъ имѣло громадное значеніе для края. Оно и вызвано было особенными обстоятельствами. О тамошнихъ дѣлахъ ходили баснословные рассказы. Прежній генераль-губернаторъ Пестель безвыѣздно прожилъ въ Петербургѣ 11 лѣтъ. Между тѣмъ мѣстные начальники, снискавшіе его расположеніе, распоряжались тамъ съ полною свободою и безнаказанностью. Жалобы поступали въ Петербургъ во множествѣ. Годъ отъ году усиливалась необходимость въ чрезвычайныхъ способахъ водворенія порядка здѣсь, пока, наконецъ, не былъ избранъ для этой цѣли человекъ ей вполне соотвѣтствовавшій. На Сперанскаго было возложено: исправить, что возможно собственною властью, обличивъ лица, предающіяся злоупотребленіямъ, и предавъ кого слѣдуетъ суду—на чертатъ на мѣстѣ будущее устройство и управленіе краемъ.

Въ маѣ 1819 г. Сперанскій былъ уже въ Сибири и началъ свое знаменитое обозрѣніе. Едва можно представить себѣ громадность труда, выполненнаго имъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Сибирь дѣйствительно стонала отъ злоупотребленій... Нѣкій исправникъ Лоскутовъ ѣздилъ не иначе какъ съ казаками и нѣсколькими возами розогъ позади. За малѣйшую неисправность онъ нещадно поролъ обывателей. Опасаясь же жалобъ новому генераль-губернатору, онъ отобралъ бумагу, перья и чернила въ цѣлой волости. Жалоба все же

была подана, исправникъ арестованъ. Просители не скоро могли повѣрить въ свое освобожденіе... «Батюшка,—говорили они Сперанскому, — вѣдь, это Лоскутовъ, что ты это баешь; чтобъ тебѣ чего худого за насъ не было; вѣрно, ты не знаешь Лоскутова». (Передъ тѣмъ же и случилось, что одинъ чиновникъ проѣхалъ по городу на своихъ подчиненныхъ, запряженныхъ въ экипажъ, за то, что они возимѣли намѣреніе принести на него жалобу)...

Не смотря на всю свою снисходительность и необходимость во многихъ случаяхъ ограничиваться распоряженіями собственною властью, Сперанскій повезъ съ собою въ Петербургъ 73 дѣла, требовавшія высшаго разсмотрѣнія, съ привлеченіемъ по нимъ 680 человекъ обвиняемыхъ и съ предьявленіемъ взысканій въ пользу казны почти на три милліона рублей (Корфъ, «Жизнь графа Сперанскаго»).

При все томъ, Сперанскій составилъ цѣлый рядъ проектовъ будущаго устройства и управленія краемъ. Онъ энергически возсталъ противъ единоличной власти, ввѣрявшейся дотолѣ генералъ-губернатору. «Власть личная удобно перерождается въ злоупотребленіе и всегда имѣетъ видъ самовластия — писалъ онъ («Обозрѣніе главныхъ основаній мѣстнаго управленія Сибири», Спб., 1841 г.—изд. по высоч. повелѣнію). Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худымъ намѣреніемъ. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру, и желая идти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія; сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣйшимъ, наконецъ, касаются и существа дѣла, и такимъ образомъ, поступая всегда по добрымъ побужденіямъ, испровергають порядокъ, и дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно». Главное управленіе Сибири, раздѣлявшейся на Восточную и Западную, предполагалось, вслѣдствіе этого, въ видѣ совѣта подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора. Далѣе предлагалось устройство сибирскихъ инородцевъ, сообразное различнымъ ступенямъ ихъ бытового состоянія, по которому они дѣлились Сперанскимъ на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ. Среди инородцевъ дѣйствовали ихъ обычаи. Но неизвѣстность обычаевъ и отсюда возможность ихъ обходить—приводили ко множеству злоупотребленій. Въ интересахъ порядка и права, Сперанскимъ предлагалось официальное собраніе обычаевъ, составившихъ впослѣдствіи Сводъ степныхъ законовъ кочевыхъ сибирскихъ инородцевъ. Въ тѣхъ же видахъ, Сперанскій составилъ положеніе о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключаемымъ между сибирскими обывателями разныхъ сословій. Затѣмъ слѣдовало нѣсколько проектовъ—о ссыльныхъ, объ этапныхъ, о городскихъ казакахъ, о земскихъ повинностяхъ и т. д. Опытъ, знанія.

громадный организаторскій талантъ, чрезвычайная воспріимчивость и неутомимое трудолюбіе позволили Сперанскому и быстро понять важнѣйшіе вопросы сибирской жизни и отвѣтить на нихъ. Особый комитетъ, образованный по возвращеніи Сперанскаго въ Петербургъ, разсмотрѣвъ все проекты Сперанскаго, нашелъ ихъ въ полной мѣрѣ соответствующими нуждамъ Сибири. 22 іюля 1822 года, они были удостоены высочайшаго утвержденія, и Сибирь начала новую жизнь.

Яркую картину дѣятельности Сперанскаго относительно Сибири представляютъ еще не вполне собранные и разработанные матеріалы, заключающіеся въ двухъ томахъ историческихъ свѣдѣній о ней Вагина, изданныхъ въ 1872 году.

IV.

Навѣянные обвиненія.

Какъ человѣкъ, возвысившійся съ изумительною быстротою, благодаря своимъ исключительнымъ способностямъ, какъ человѣкъ всеобъемлющей дѣятельности, широкаго почина и рѣшительный,—Сперанскій имѣлъ множество враговъ и недоброжелателей. А высоко стоя надъ другими въ умственномъ отношеніи, онъ страдалъ отъ полного подчасъ непониманія своихъ стремленій. Враги сыпали на него всевозможныя обвиненія, ни съ чѣмъ не справляясь. Масса же, не дающая себѣ труда размышлять—подхватывала выводы, ни изъ чего не вытекавшіе, давала имъ распространеніе и нѣкоторымъ образомъ упрочивала. «Зависть и клевета,—справедливо выразился самъ Сперанскій,—лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными» («Дружеская переписка Сперанскаго съ Масальскимъ», стр. 35, письмо къ императору Александру изъ Перми—«пермское письмо», какъ называетъ его баронъ Корфъ). Благодаря зависти и клеветѣ удаленный даже въ ссылку, и послѣ того вновь возвысившись, Сперанскій терпѣлъ по той же причинѣ тысячи неприятностей. Его незлобивость, неспособность мстить, не обезоруживали людей, а только дѣлали ихъ еще смѣлѣе...

Къ числу такихъ обвиненій, точное и документальное разсмотрѣніе которыхъ показываетъ всю ихъ несостоятельность, голословность и подчасъ злонамѣренность,—принадлежитъ обвиненіе его въ уничтоженіи коллегіальнаго начала въ управленіи и въ насажденіи бюрократическихъ и единоличныхъ властей.

Прежде всего, Сперанскій ничего не создавалъ самъ, равно какъ и не разрушалъ. Онъ только составлялъ и предлагалъ государю тѣ или иные проекты, черпая иногда самый матеріалъ для нихъ изъ бесѣдъ съ государемъ, формулируя въ такихъ случаяхъ мысли по-

слѣднѣго или давая имъ дальнѣйшее развитіе. «Въ концѣ 1808 г., послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ,—напоминаетъ онъ самъ въ «Пермскомъ письмѣ», объясняя происхоженіе плановъ государственныхъ преобразованій — Ваше Величество начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ дошедшія, и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлыя вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій къ сему относящихся. Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ. можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества, надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго государственнаго образованія». При этомъ, и въ защитѣ самостоятельныхъ проектовъ Сперанскій опирался только на строгую логику и обстоятельства дѣла, и вмѣсто краткихъ докладныхъ записокъ писалъ цѣлыя обширныя сочиненія.

Затѣмъ, съ чего начаты были государственный преобразованія, что было прежде всего осуществлено изъ упомянутаго плана? Съ государственнаго совѣта, то есть съ учрежденія, которое должно было коллегіально обсуждать всѣ законопроекты. Пользуясь громаднымъ личнымъ значеніемъ, свои собственные планы ставилъ Сперанскій въ зависимость отъ этого новаго совѣщательнаго учрежденія. Онъ не желалъ ничего проводить единолично передъ государемъ.

Составленное Сперанскимъ новое образованіе министерствъ и прошло именно чрезъ государственный совѣтъ, прежде нежели получило высочайшее утвержденіе (25-го іюня 1811 г.) и вошло въ силу и дѣйствіе. Указываемое же обвиненіе и имѣетъ въ виду, именно, министерства.

Что бы ни заключалось въ учрежденіи министерствъ по проекту Сперанскаго (принятому безъ всякихъ измѣненій, какъ замѣчаетъ баронъ Корфъ, ч. 1, стр. 125)—очевидно, что онъ не могъ бы быть обвиняемъ одинъ. Тѣмъ менѣе понятны обвиненія, когда этотъ законодательный актъ не даетъ повода ни къ какимъ и въ чемъ-либо обвиненіямъ. Коллегіальное начало— правда—не стояло въ немъ на той высотѣ, на которую было поставлено Петромъ Великимъ. Но если кто виноватъ въ упадкѣ его, то это...—исторія... Оно ослаблялось постепенно, начиная со второй половины XVIII столѣтія. Паденіе этого начала продолжалось и вплоть до появленія Сперанскаго.

Какъ же самъ онъ смотрѣлъ на коллегіальный способъ разрѣшенія дѣлъ? Приведенная выше выдержка изъ его сибирскихъ проектовъ касательно единоличной власти генераль-губернатора—какъ нельзя болѣе ярко и рѣзко показываетъ отношеніе Сперанскаго къ коллегіальному началу, и къ началу противоположному,—бюрократическому, какъ и единоличному. Мнѣніе это относится, впрочемъ,

къ позднѣйшему времени. Но какъ разъ и самое учрежденіе министерствъ 25-го іюня 1811 года заключаетъ въ себѣ не меньшее, но болѣе правильное и твердое примѣненіе коллегіальнаго начала, нежели учрежденіе министерствъ 8-го сентября 1802 года. Въ созданіи же послѣдняго учрежденія, по словамъ профессора Градовскаго, Сперанскій «тогда еще (въ 1802 году) не государственный челоувѣкъ, не принималъ участія» («Начала русскаго государственнаго права», т. II, стр. 362). Согласно этому учрежденію въ первоначальномъ его видѣ (Первое Полное Собраніе Законовъ, № 20406), дѣла рѣшались въ коллегіяхъ, но послѣднія представляли министру «еженедѣльные меморіи», въ важнѣйшихъ же случаяхъ дѣлали «представленія». Министръ давалъ на послѣднія «рѣшительный отвѣтъ». Не убѣдившись его отвѣтомъ, коллегіи могли представить свои соображенія. Но когда — постановлялось здѣсь — «не взирая на вторичное представленіе, министръ настоять будетъ, чтобъ исполнено было по его замѣчаніямъ, тогда записывается мнѣніе присутствующихъ и чинится исполненіе» — соотвѣтственно мнѣнію министра. Послѣ — въ 1827 года — въ замѣткѣ своей «О государственныхъ установленіяхъ» («Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи» Калачова, 1859 г., стр. 43, кн. третья). Сперанскій говоритъ, вѣроятно, именно по этому предмету: «причины, по коимъ прежнія коллегіи были введены въ составъ министерствъ и отмѣнены коллегіальные обряды были весьма уважительны; но если симъ преобразованиемъ, съ одной стороны усилены скорость и единство управленія, то съ другой ничѣмъ не преграждена самопроизвольность дѣйствій и не удостовѣрена зрѣлость соображеній». Здѣсь же (стр. 49) онъ высказался и вообще, что въ мѣстахъ управленія должны быть двѣ формы: «совѣщательная (коллегіальная) для дѣлъ важнѣйшихъ и приказная (исполнительная) для дѣлъ текущихъ». (Никто, вѣроятно, и не станетъ утверждать, что безусловно и вездѣ должна быть примѣняема одна коллегіальная форма). Такое соединеніе и представляло учрежденіе министерствъ 25-го іюня 1811 года, гдѣ въ совѣтахъ министровъ и въ общихъ присутствіяхъ отдѣлений примѣнялся коллегіальный порядокъ производства дѣлъ, а въ департаментахъ — исполнительный. При этомъ точно и подробно были означены дѣла, подлежащіе обсужденію совѣта, или перенесенію въ правительствующій сенатъ. Къ участію въ засѣданіяхъ совѣта могли быть призываемы и лица постороннія. А вмѣсто приведеннаго выше рѣзкаго постановленія учрежденія министерствъ 8-го сентября 1802 года, § 130 учрежденія министерствъ 25-го іюня 1811 года (нынѣ ст. 112, т. I, ч. 2, учр. мин., изданіе 1857 года) указывалъ толькс: «отъ министра зависитъ принять мнѣніе его совѣта; но во всѣхъ случаяхъ, когда дѣло представляется отъ него на высшее усмотрѣніе, мнѣніе совѣта излагается

кратко въ докладѣ или запискѣ, а потомъ уже постановляется заключеніе министра». Въ то же время цѣлымъ рядомъ твердыхъ и ясныхъ постановленій обезпечена была «зрѣлость соображеній» и преграждена «самопроизвольность дѣйствій», съ установленіемъ строгой ихъ законности и законмѣрности повиненія со стороны подчиненныхъ. Статьи 46—52, 189—215, т. I, ч. 2, учр. мин. изд. 1857 г.—заключаютъ въ себѣ замѣчательныя неизблемыя положенія. На началѣ совѣщательномъ же было основано новое—по проекту Сперанскаго—образованіе комиссіи составленія законовъ 7-го марта 1809 г. (Первое Полн. Собр. Зак., № 23525).

Вообще, смѣло можно сказать, что Сперанскій—въ его принятыхъ и становившихся закономъ проектахъ—вернулся и возстановлялъ боѣе полустолѣтія падавшее коллегіальное начало въ управленіи. На этомъ началѣ были построены всѣ его планы государственныя преобразованія. Доказывая же необходимость учрежденія государственнаго совѣта, онъ или возвысился самостоятельно до воззрѣній горячаго и глубоко-сознательнаго сторонника коллегіальнаго начала и искуснѣйшаго его выразителя—Петра Великаго—или прямо заимствовалъ мысли послѣдняго. Утверждая, 25-го января 1821 г., Регламентъ духовной коллегіи и доказывая при этомъ преимущества коллежскаго управленія, Петръ высказалъ, между прочимъ: «А яко извѣстіе въ познаніи, тако и сила во опредѣленіи дѣла большая здѣ есть, понеже вящше ко увѣренію и повнзовенію преклоняетъ приговоръ соборный, нежели единоличный указъ. Монарховъ власть есть самодержавная, которымъ повинуются самъ Богъ за совѣсть повелѣваетъ,—обаче совѣтниковъ своихъ имѣють, не токмо ради лучшаго истины и взысканія, но дабы не клеветали непокоривые человекцы, что се или оно силою паче и по прихотямъ своимъ, нежели судомъ и истинною заповѣдуетъ монархъ» («Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія», т. I, стр. 4).

Въ свою очередь, въ одной изъ своихъ докладныхъ записокъ Александру I, указывая безотлагательность учрежденія государственнаго совѣта, Сперанскій сказалъ: «Положеніе нашихъ финансовъ требуетъ непремѣнно новыхъ и весьма нарочитыхъ налоговъ, безъ чего никакъ и ни къ чему приступить невозможно. Налоги тягостны бываютъ особенно потому, что кажутся произвольными. Нельзя каждому съ очевидностію и подробностію доказать ихъ необходимость. Слѣдовательно, очевидность сію должно замѣнить убѣжденіемъ въ томъ, что не дѣйствіемъ произвола, но точно необходимою, признанною и представленною отъ совѣта, налагаются налоги. Такимъ образомъ, власть державная сохранить въ себѣ всю цѣлость народной любви, нужной ей для счастія самого народа; она охранить себя отъ всѣхъ напрасныхъ нареканій, заградить уста злонамѣренности и злословію и самые налоги не бу-

дуть казаться столь тягостными съ той минуты, какъ призваны будутъ необходимыми» («Жизнь графа Сперанскаго», бар. Корфа, ч. I, стр. 113). Не очевидно ли полное сходство основной мысли этихъ разсужденій съ приведенными выше соображеніями Петра Великаго?

Вся глубокая жизненность составленнаго Сперанскимъ «учрежденія министерствъ» 1811 г. выразилась въ томъ, что не только послѣ его паденія и во время ссылки, но и до сихъ поръ остаются почти неизмѣнными—«Общее образованіе министерствъ» (т. I, ч. 2, и зд. 1857 г., статьи 1—187) и «Общій наказъ министерствамъ» (статьи 188—383).

Но самая тяжесть указываемаго неправильнаго обвиненія Сперанскаго основывается на обнаружившейся вскорѣ же неудовлетворительности министерскаго управленія. Виноватъ ли, однако, здѣсь Сперанскій? Ни мало. Произошло то, что онъ самъ предсказывалъ, противъ чего предостерегалъ, къ устраненію чего предлагалъ своевременныя мѣры.

Прежде всего министерства, какъ и государственный совѣтъ, составляли осуществленіе только одной части составленнаго Сперанскимъ плана всеобщаго государственнаго образованія, весь «разумъ» котораго состоялъ въ томъ, «чтобъ посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ, и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствию сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы» («Дружеская переписка съ Масальскимъ», стр. 34). И вотъ, «ищутъ конца тамъ, гдѣ полагается еще только начало, судятъ объ огромномъ зданіи по одному краюгольному камню» — писалъ Сперанскій въ своемъ первомъ отчетѣ по государственному совѣту («Жизнь гр. Сперанскаго», бар. Корфа, ч. I, стр. 120). Отдѣльно дѣйствовавшія части и не могли оказаться тѣмъ, чѣмъ онѣ были въ общемъ составѣ. По отношенію же къ министерствамъ существовалъ цѣлый рядъ частныхъ неблагопріятныхъ вліяній. Не говоря о мѣнѣ важныхъ, — во-первыхъ, какъ указывалъ Сперанскій по отношенію ко времени, слѣдовавшему за образованіемъ министерствъ — «Комитетъ, бывшій дотолѣ только совѣщаніемъ министровъ, и по новому образованію назначенный вовсе къ уничтоженію, въ сіе время содѣлался мѣстомъ присутственнымъ, гдѣ дѣла всякаго рода, и малыя и большія, и судебныя и правительственныя, рѣшались по голосамъ и голоса сіи издавались во всеобщее извѣстіе. Между тѣмъ ни составъ сего мѣста, ни порядокъ, ни власть его, ни предѣлы, ни отношенія его къ другимъ установленіямъ — не опредѣлены никакимъ гласнымъ учрежденіемъ» («Архивъ» Калачова, 1859 г., кн. 3, стр. 45 — «О государственныхъ установленіяхъ»). Во-вторыхъ, послѣ общаго образованія и наказа министерствамъ, необходимо нужно было составить отдѣльные наказы для каждаго

министерства съ утвержденіемъ ихъ въ законодательномъ порядкѣ. «Возложено было на самихъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привести въ единство,— говорилъ Сперанскій въ «пермскомъ письмѣ»). Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства,— и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе ста тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою и, словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рупителемъ всего добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?» (Прослывъ такимъ человѣкомъ, Сперанскій чрезвычайно искусно былъ удаленъ въ ссылку. Наказы составлены не были. Вернувшись же, онъ отдался болѣе кодификаціоннымъ работамъ). Затѣмъ — втретихъ — какъ здѣсь же справедливо говорилъ онъ: «Образованіе сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ министерствъ. Не могутъ два сіи установленія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ». Далѣе, напомнивъ о составленномъ имъ, принятомъ государственнымъ совѣтомъ и утвержденномъ, но не приведенномъ въ дѣйствіе, новомъ соответствующемъ учрежденію сената, Сперанскій замѣтилъ, быть можетъ слишкомъ преувеличивая вещи въ горечи своей ссылки: «безъ устройства сената, сообразнаго устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и вамъ заботы, нежели пользы и достоинства».

Ничего этого не было сдѣлано. Наоборотъ, послѣ Сперанскаго произошло множество новыхъ перемѣнъ и дополненій въ министерскомъ управленіи въ сторону усиленія единоличныхъ и бюрократическихъ властей и расширенія административнаго усмотрѣнія. Также не составлено наказовъ для отдѣльныхъ министерствъ и не создано лучшаго положенія сенату. Все это и подало профессору Градовскому основательный поводъ замѣтить въ свою очередь: «Для того, чтобы начало законности осуществилось не только на бумагѣ, но и на практикѣ, необходимо, чтобы во главѣ подзаконнаго подчиненнаго управленія было поставлено дѣйствительно верховное правильно устроенное установленіе, облеченное всѣми средствами надзора. Несмотря на всѣ колебанія нашего законодательства, учрежденіе сената остается твердою точкою опоры для дальнѣйшихъ усовершенствованій. Полтора вѣка колебаній не могли подорвать основной мысли великаго Петра».

(«Начала русскаго государственнаго права», т. II. стр. 262. изд. 1881 г.).

Къ числу такихъ же голословныхъ обвиненій, тяготѣвшихъ на Сперанскомъ, принадлежитъ обвиненіе его въ попыткѣ перенести на нашу русскую почву французскій гражданскій кодексъ.

Касаясь этого пункта обвиненій въ письмѣ своемъ къ государю изъ Перми—Сперанскій говоритъ, что одни умаляли заслуги его первыхъ кодификаціонныхъ работъ вообще, и въ частности работъ по составленію уложенія. Никогда—замѣчаетъ онъ при этомъ—и «не хвалился я сими работами, и охотно, и въ свѣтѣ, и предъ вашимъ величествомъ, раздѣлялъ честь ихъ съ комиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня наконецъ быть любочестивымъ. Пусть сличать безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ комиссіи, то есть, отъ г. Розенкампа, и если найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался: и я уступлю имъ честь всего произведенія».

«Другіе — продолжаетъ онъ — искали доказать, что уложеніе, мною составленное, есть переводъ съ французскаго, или близкое подражаніе: ложь или незнаніе, кои изобличить тоже нетрудно, ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, то есть, въ римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ, ни во французскихъ университетахъ».

Сперанскій же не только зналъ эти источники, но относился къ нимъ, быть можетъ, даже слишкомъ строго. Статья его о законахъ вообще, опубликованная Калачовымъ въ книгѣ первой «Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній» за 1859 г.—относится ко времени составленія гражданскаго уложенія, какъ прямо указываютъ на это нѣкоторыя выраженія. Тогдашніе же взгляды его на римское право были таковы: говоря о господствующемъ раздѣленіи законовъ, онъ находитъ въ основѣ его — систему Юстиніанову, и замѣчаетъ вообще: «Сія система какъ въ первоначальномъ ея видѣ такъ и въ послѣдующихъ ея исправленіяхъ, во-первыхъ, есть произвольна, и во-вторыхъ, не можетъ быть приложена къ Россійскому законодательству». Затѣмъ онъ поясняетъ — а) о произвольности системы Юстиніана:

«Въ преклонномъ и близкомъ уже къ паденію вѣкѣ Римской имперіи, ни въ умѣ, ни въ силѣ государственнаго управленія нельзя было, по естественному вещей порядку, ожидать здравыхъ и точныхъ о законахъ понятій. Римскіе законы, памятникъ долготѣняго гражданскаго образованія и великой законодательной мудрости, въ изложеніи Юстиніаномъ представляютъ развалину великолѣпнаго зданія, въ коей рукою слабыхъ и малосвѣдущихъ художниковъ (законника Трибоніана и шестнадцати его сотрудниковъ) наудачу слѣплены разнородные драгоцѣнные остатки. Не найдя въ преданіяхъ общаго чертежа,

они выдумали свой; когда же по сему тѣсному чертежу приступили къ построению, тогда на опытѣ оказалось, что многіе матеріалы остались безъ размѣщенія. Сему неудобству желали пособить двумя способами и допустили двѣ новыя погрѣшности: 1) непрестанныя отъ чертежа отступленія, вставки въ немъ и поправки, разнообразныя и часто противорѣчащія опредѣленія однихъ и тѣхъ же понятій; 2) когда же и сіе средство было недостаточно, тогда прикрѣпляли уже оставшіяся части одну къ другой безъ всякаго чертежа, безъ всякой почти связи или съ связію. составленною изъ греческихъ полу-ученыхъ того вѣка тонкостей».

Дальше Сперанскій доказываетъ это въ подробностяхъ.

б) Что же касается до Россійскаго законодательства, то оно

«дѣйствовало и возрастало собственными своими природными силами, и можетъ быть одно во всей Европѣ ничего почти непосредственно, и весьма мало посредствомъ нѣмецкихъ законовъ, почерпало въ общемъ источникѣ законовъ въ Римскомъ правѣ. Отсюда происходитъ не только въ существѣ законовъ, но и въ системѣ ихъ, и еще болѣе въ языкѣ судебномъ и дѣловомъ, столь рѣзкое различіе между законодательствомъ европейскимъ и русскійскимъ, что соединить ихъ нѣтъ почти никакой возможности, не перемѣнивъ обычаевъ, навыковъ, образа мыслей всѣхъ судей и дѣлопроизводителей. Есть многія сходства въ законахъ и особенно въ дѣлопроизводствѣ; но сія сходства возникли не отъ подражанія, но отъ общаго правила, что одинакія обстоятельства производятъ у разныхъ народовъ одинакія послѣдствія. Проявляются даже и нѣкоторыя въ словахъ подражанія, но это суть болѣе покушенія и попытки, нежели обдуманнѣйшій и рѣшительнѣйшій планъ законодателя. Изъ сего слѣдуетъ, что если бы система изложеній юстиціановыхъ и дѣйствительно была основательна, то и тогда можно было бы только пожалѣть, что она съ нашими обычаями несовмѣстна; но къ счастью и жалѣть не о чемъ. Одно неудобство: молодые наши законники, вмѣсто одной, должны учиться двумъ разнымъ системамъ: Россійской и Римской; ибо никто ни въ какомъ государствѣ не долженъ имѣть притязанія быть истиннымъ законовѣдцемъ, не зная законовъ римскихъ, такъ какъ никто не можетъ быть свѣдущъ въ исторіи своей страны, безъ знанія исторіи общей; но и сіе неудобство современемъ прекратится. Не выше силъ человѣческихъ слить обѣ системы въ одну, т. е. приспособить изложеніе римскихъ законовъ къ системѣ русскійскаго уложенія, и тогда обученіе ихъ будетъ столь же просто и удобно, сколько нынѣ оно трудно и рѣдко бываетъ основательно».

Что же такое собственно французское гражданское уложеніе? Изложивъ вкратцѣ его содержаніе, профессоръ Пахманъ, на страницѣ 59 т. I своей «Исторіи кодификаціи гражданскаго права», вышедшей въ 1876 году, говоритъ: «Изъ этого очерка видна и вся внѣшняя сторона его системы. Всѣ постановленія кодекса распадаютъ по содержанію на двѣ группы: на право лицъ, о которомъ идетъ рѣчь въ первой книгѣ, и право по имуществамъ, въ книгахъ второй и третьей. Эти двѣ группы, очевидно, соотвѣтствуютъ римскимъ *personae* и *res*; что же касается *actiones*, то объ этомъ предметѣ говорится въ *code de procédure civile*, такъ что составители кодекса заимствовали римскую систему, въ чемъ, конечно, никто не будетъ упрекать ихъ, такъ какъ не только для кодексовъ,

но и въ наукѣ не установилось еще и понынѣ вполне опредѣленной системы. Такимъ образомъ, римское право имѣло значительное вліяніе не только на существо постановленій французскаго гражданскаго кодекса, но и на систему его».

Спрашивается теперь, могъ-ли Сперанскій, уже только при такихъ условіяхъ и при вышеприведенныхъ его воззрѣніяхъ, при его умѣ, полнѣйшей самостоятельности, воспріимчивости и тактѣ — оказаться слѣпымъ подражателемъ или заимствователемъ французскаго или—что одно и то же—римскаго законодательства? Очевидно, нѣтъ! Слѣдовательно, и приведенное выше категорическое заявленіе его въ этомъ смыслѣ — не голословно, но опирается на самыя твердыя основанія.

Чѣмъ же собственно онъ долженъ былъ тутъ руководствоваться? Первое Полное Собраніе Законовъ заключаетъ въ себѣ четыре, замѣчательные документа, показывающіе, какъ понималъ Сперанскій настоящій предметъ, какъ онъ дѣйствовалъ здѣсь и какъ мало относятся къ нему указываемыя обвиненія, какъ противорѣчатъ они дѣйствительности. 5-го іюня 1801 г. (№ 19904) былъ данъ именной указъ сенату объ управленіи комиссіею составленія законовъ графомъ Завадовскимъ. Статьею же 7 этого указа прямо предоставлялось: «Если... встрѣтятся случаи, на кои въ законахъ нашихъ нѣтъ яснаго постановленія или постановленіе сіе найдено будетъ противнымъ принятымъ уже и въ другихъ частяхъ утвержденныхъ законамъ—можно заимствовать примѣрныя узаконенія отъ другихъ народовъ или намъ смежныхъ или болѣе извѣстныхъ въ просвѣщеніи и славящихся лучшими своими законоположеніями. Желательно-бы было, чтобы комиссія и вообще снабжена была сими узаконеніями, дабы, имѣя ихъ въ виду—и соображенія не только нужныя къ поправленію законовъ занимать, но и въ твердости собственныхъ тѣмъ положительнѣе могла она удостовѣряться». 25-го августа 1801 г. (№ 19989), новый указъ, вмѣняя въ обязанность комиссіи заняться прежде всего уставомъ судопроизводства, предоставлялъ также весьма широко: «исправить, дополнить и приспособить форму о судѣ къ настоящему времени, къ законамъ и уставамъ въ послѣднее время изданнымъ, къ скорѣйшему дѣлу теченію и къ лучшему дѣйствию правосудія».

Такова была свобода, предоставлявшаяся комиссіи. Но 28-го февраля 1804 г. (№ 21187), указъ о преобразованіи комиссіи вмѣстѣ съ высочайше утвержденнымъ тогда и одновременно обнародованнымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ министра юстиціи (въ вѣдѣніе котораго была передана комиссія 21-го октября 1803 г.)—ставятъ дѣло уже иначе. Въ указѣ выражается прежде всего мысль о необходимости разослать по всѣмъ губерніямъ вопросныя пункты касательно «производства разнаго рода процессовъ съ начала до окончанія суда... дабы чрезъ то открывъ недостатки и погрѣшности

вышшняго судопроизводства. изыскать способы къ исправленію оныхъ и введенію твердыхъ и единообразныхъ правилъ и формъ судебныхъ». Комиссіи указывается новый отечественный источникъ, предлагается приспособленіе къ дѣйствительнымъ потребностямъ и чисто русскому опыту. О позаимствованіяхъ и займахъ ничего уже не говорится. Докладъ министра выражаетъ еще болѣе яркое направленіе. «Нельзя—говорится здѣсь—распространять предѣловъ дѣйствія комиссіи такъ, чтобы предоставить ей сочиненіе законовъ новыхъ или введеніе чуждыхъ образу правленія и мѣстному положенію несоотвѣтственныхъ. Въ такомъ случаѣ комиссія принесла бы болѣе вреда, нежели пользы государству. Историческіе опыты подтверждаютъ справедливость сего мнѣнія. Юстиніаново законодательство почиталось самымъ совершеннымъ въ древности, однако жъ введеніе онаго въ другія націи произвело великую запутанность, несообразности и затрудненія въ ихъ собственномъ законовѣдѣніи. Что касается Россіи, то благодаря Всевышняго, она никогда не была управляема чуждыми законами; даже въ самыя смутныя времена она сохранила свои преданія, уставы и законы». Нетрудно усмотрѣть весьма большое сходство этого положенія съ приведенными выше воззрѣніями Сперанскаго на законы, юстиніаново и отечественное законодательство. Не были ли указъ и докладъ сочинены Сперанскимъ, которому еще до того поручалось уже составленіе почти всѣхъ государственныхъ актовъ? Это можно сказать почти положительно. Сперанскій служилъ тогда въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но министромъ юстиціи былъ прежній, весьма цѣнившій его, начальникъ, бывшій генераль-прокуроръ при Павлѣ I — князь Лопухинъ. Онъ могъ вполнѣ находиться и тутъ въ сношеніяхъ съ послѣднимъ. Дѣломъ же составленія законовъ Сперанскій въ то время весьма интересовался, почему послѣ и былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи собственно для комиссіи и кодификаціонныхъ работъ. Подобное происхожденіе доклада подтверждается и его внутренними и внѣшними свойствами, — общими началами его проникающими, систематичностью, стройностью изложенія и весьма характернымъ для Сперанскаго употребленіемъ словъ «удостоверить», «сообразить», «уважить».

Замѣчательный докладъ этотъ предлагалъ предварительное изслѣдованіе и опредѣленіе основаній права. Затѣмъ комиссія должна была заняться составленіемъ общихъ государственныхъ законовъ. «Для сего обязана она изъ существующихъ въ Россіи указовъ и постановленій извлекать законы, утвержденные уже печатію народнаго благоденствія, приличествующіе благосостоянію обширнѣйшія въ свѣтѣ имперіи, всѣмъ выгодамъ мѣстнаго положенія, духу націи и главному характеру народовъ, ее составляющихъ. Древнія узаконенія Россіи и принадлежащихъ къ ней областей,

Уложение, Высочайшіе указы, Наказъ императрицы Екатерины Великой и постановленія собственно вашимъ императорскимъ величествомъ изданныя — представляютъ богатый источникъ, откуда можно заимствовать вещество и силу для сложенія всѣхъ частей государственнаго состава. Надлежитъ только привести оныя въ систематическій порядокъ, взять въ уваженіе время, въ которое были они изданы, отношенія ихъ къ тогдашнимъ и настоящимъ правамъ и — сообразить съ принятыми основаніями права». Дальше указывался порядокъ работъ и составъ свода. Дѣло ставилось вообще на твердое основаніе и съ строго выраженнымъ отношеніемъ къ отечественному законодательству. Участіе же во всемъ этомъ Сперанскаго находитъ новое подтвержденіе въ новомъ образованіи комиссіи составленія законовъ отъ 7-го марта 1809 года. (Первое Полное Собраніе Законовъ, № 23525). Актъ этотъ уже положительно принадлежитъ Сперанскому, тогда товарищу министра юстиціи и члену комиссіи, получавшему по новому образованію особое положеніе въ ней, въ качествѣ члена и притомъ управляющаго письмоводствомъ.

Учрежденію придается сложный коллегіальный характеръ. Образуются три коллегіи: совѣтъ, правленіе и сословіе юрисконсультовъ. И при этомъ постановляется: «Изложеніе законовъ должно быть со всею точностію соображаемо со сводами законовъ російскихъ; въ тѣхъ же статьяхъ, гдѣ они могутъ быть неполны и неясны или же между собою противорѣчащи, они должны быть дополняемы, соображаясь съ общимъ ихъ разумомъ. По сей двоякой цѣли соображенія, изложеніе законовъ въ каждой статьѣ должно быть сопровождается или: 1) ссылкой на законъ существующій или 2) краткимъ, но яснымъ истолкованіемъ, изъ какого именно источника вводимое дополненіе заимствовано и на какихъ причинахъ оно основано». При этомъ именно на управляющаго письмоводствомъ возлагалось наблюденіе, «чтобы проектъ сопровождаемъ былъ въ каждой статьѣ—или ссылкой на законъ существующій или изъясненіемъ причинъ перемѣны или дополненія». Въ случаяхъ какихъ-либо затрудненій, начальники отдѣленій представляли ихъ на разрѣшеніе правленія, которое могло, въ свою очередь, внести дѣло въ совѣтъ. За разногласіемъ же въ совѣтѣ, вопросъ поступалъ на высочайшее усмотрѣніе.

Такія границы ставилъ себѣ сознательно Сперанскій, предлагая проектъ подобнаго преобразованія комиссіи составленія законовъ и принимая особенно близкое участіе въ ея занятіяхъ. Нужно ли же болѣе яркое свидѣтельство о томъ, какъ смотрѣлъ онъ на это дѣло, какъ далекъ былъ отъ какихъ-либо чужеземныхъ заимствованій и какъ близокъ къ чисто-русскимъ началамъ и потребностямъ? Какъ видно, составлялся скорѣй Сводъ Законовъ, нежели Уложение, подъ которымъ разумѣется болѣе совершенный

сборникъ. Избрана была, значить, труднѣйшая, а не легчайшая часть, собраніе и систематизація, а не сочиненіе законовъ. И нужно принять во вниманіе крайнюю недостаточность предшествующихъ работъ по собранію законовъ, для того, чтобы понять, какъ дѣйствительно трудно было работать въ такихъ границахъ: къ 1810 г., какъ показало составленное Сперанскимъ послѣ Первое Полное Собраніе Законовъ—скопилось разныхъ узаконеній до 24,000; собраніе же ихъ и черезъ 20 лѣтъ почти потребовало громаднаго труда. Составителей уложенія можно было бы упрекнуть, однако, въ томъ, что они слишкомъ спѣшили съ столь важнымъ дѣломъ. Но вѣдь требовалось удовлетворить дѣйствительно настоятельной необходимости въ руководствѣ. И было-ли бы лучше, еслибъ Сперанскій не спѣшилъ еще болѣе послѣ, при составленіи Общаго Свода Законовъ и Полнаго Собранія,—и если бъ мы не имѣли до сихъ поръ ни того, ни другаго? Въ 1810 году, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, въ присутствіи самого государя, разсматривались уже двѣ первыя части уложенія—о лицахъ и объ имуществахъ, и обѣ части были приняты съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Разсмотрѣніе же третьей части—о договорахъ—начато было въ 1812 г., когда Сперанскій находился въ ссылкѣ; оно было затѣмъ прервано и возобновлено въ 1814 году. Третья часть эта, очевидно, въ цѣломъ и не принадлежала Сперанскому.

Указомъ 28-го августа 1814 г. (№ 25659) повелѣно было разсмотрѣть вмѣстѣ съ третьею частью и двѣ первыя вновь «для взаимнаго соображенія оныхъ и повѣрки повтореній или пропусковъ». И вотъ, здѣсь уже на все уложеніе,—то есть, и на третью часть и на первыя двѣ, исправленныя и дополненныя и отпечатанныя вмѣстѣ съ третьею,—было сдѣлано нападеніе министромъ юстиціи Трощинскимъ, весьма характерное для критиковъ Сперанскаго. Трощинскій—человѣкъ, какъ извѣстно, необразованный и не владѣвшій, между прочимъ, французскимъ языкомъ—заявилъ о «полученномъ» имъ сличеніи проекта гражданскаго уложенія съ кодексомъ Наполеона. «Сличеніе сіе, безъ всякаго пристрастія сдѣланное—увѣрялъ онъ, не указывая автора—удосто-вѣряетъ меня, да и всякаго удостовѣрить можетъ, что разсматриваемый нами проектъ гражданскаго уложенія собственно есть испорченный переводъ Наполеонова кодекса»... Затѣмъ онъ напомнилъ о происхожденіи этого кодекса изъ ужасовъ и звѣрствъ французской революціи... При такихъ условіяхъ, съ такой стороны, нападеніе это, направленное противъ Сперанскаго, но очевидно, касавшееся всего состава государственнаго совѣта и (присутствовавшаго при обсужденіи первыхъ двухъ частей въ 1810 г.) самого государя—было чистѣйшимъ оскорбительнымъ курьезомъ... Однако, на него былъ все же данъ обстоятельный отвѣтъ княземъ Лопухинымъ. Последній, сославшись на бумаги и дѣла, доказалъ при этомъ,

что комиссіею всѣ правила, «данныя ей въ высочайше подтвержденномъ докладѣ 1804 г. какъ и положеніи 1809 г. при занятіяхъ ея въ полной мѣрѣ были соблюдены». Въ свою очередь, графъ Салтыковъ замѣтилъ объ этомъ нападеніи какъ о «ни на чемъ не основанной укоризнѣ» («Архивъ госуд. совѣта», т. IV, журналы по дѣламъ департамента законовъ, ред. Калачова, 1875 г., стр. 145, 147 и 160).

Эта же путаница понятій и крайняя недостаточность юридическихъ знаній того времени лучше всего отразились на знаменитомъ исторіографѣ Карамзинѣ. Въ запискѣ своей—«О старой и новой Россіи» (приводимой барономъ Корфомъ), направленной противъ Сперанскаго, обвиняетъ онъ послѣдняго именно въ этомъ подражаніи и позаимствованіи, и при этомъ обнаруживаетъ свое незнакомство съ предметомъ, и поверхностность, до впаденія въ курьезы... «Кстати ль, напримѣръ,—говоритъ онъ,—начинать русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ не бывало и нѣтъ въ Россіи? У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній; у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы и пр. Всѣ они имѣютъ особенныя права: общаго нѣтъ, кромѣ названія русскихъ»... (!) Что разумѣлъ тутъ Карамзинъ, такъ и осталось неизвѣстнымъ, — права же гражданскія и до того времени были и до сихъ поръ не прекратили своего существованія въ Россіи. Дальше онъ укоряетъ составителей уложенія даже въ дурномъ переводѣ. «Напримѣръ, въ подлинномъ сказано о чловѣкѣ, лишенномъ правъ гражданскихъ: *il ne peut procéder en justice ni en défendant, ni en demandant*; а въ переводѣ, «что онъ не можетъ быть въ судѣ ни истцомъ, ни отвѣтчикомъ»... «Слѣдственно, — восклицаетъ Карамзинъ, указывая на это какъ на явную, по его мнѣнію, бессмыслицу, — прибьетъ васъ, ограбитъ, и за то не отвѣтствуетъ!..» Онъ не различалъ тутъ, что рѣчь шла о гражданской, а не уголовной отвѣтственности; объ отвѣтчикѣ въ гражданскомъ судѣ, а не объ обвиняемомъ въ судѣ уголовномъ... Затѣмъ, вся эта «критика» излагалась на трехъ страницахъ. Да подробному разбору Карамзинъ и не придавалъ особаго значенія. «Оставляя все другое,—говоритъ онъ,—спросимъ: время ли теперь предлагать россиянамъ законы французскіе, хотя бы оныя могли быть удобно примѣнены къ нашему гражданскому состоянію? Мы всѣ, любящіе Россію, государя, ея славу, благоденствіе, всѣ такъ ненавидимъ сей народъ, обгаренный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ, — и въ это время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содраганіе, мы положимъ его кодексъ на святой алтарь отечества!..»

Тутъ-то и кроется третья причина, о которой не упоминаетъ Сперанскій собственно по отношенію къ уложенію, но которая печально отразилась на немъ и въ этомъ отношеніи. Не по одному

незнанію и лжи обвиняли его въ заимствованіяхъ, но и въ силу того особаго состоянія, въ которомъ находилось тогда русское общество, въ силу особыхъ отношеній къ французамъ и вслѣдствіе крайней подозрительности и нетерпимости ко всему французскому. Сперанскій не могъ не пользоваться при составленіи уложенія какъ научнымъ руководствомъ,—французскимъ кодексомъ, такъ же какъ римскимъ правомъ. Какимъ образомъ могъ онъ отказаться отъ этого? Не назвали ли бы его въ противномъ случаѣ невѣждой тѣ же обвинители? Нигдѣ кодификація и не обходится и не можетъ обходиться безъ руководства опытомъ другихъ странъ, въ прежнее время, какъ и новѣйшее, когда и наука права, и собраніе законовъ, сдѣлали громадныя успѣхи. О достоинствахъ же французскаго кодекса и по отношенію къ послѣднему времени, по мнѣнію профессора Пахмана, «едва ли—(даже)—нужно особенно много распространяться: оно признано уже тѣмъ вліяніемъ, которое кодексъ имѣлъ и въ настоящее еще время имѣетъ при составленіи кодексовъ, и разработкѣ законодательныхъ вопросовъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ» (стр. 59). Своеобразность развитія нашего законодательства только неизмѣримо менѣе, чѣмъ во всякой другой странѣ, позволяетъ мириться съ заимствованіями, допускаетъ это лишь съ крайнею осторожностью,—какъ это съ особенною силою заявилъ именно Сперанскій, почему и приведенныя слова его объ отношеніяхъ къ французскому кодексу и римскому праву должно понимать въ смыслѣ весьма условномъ и ограниченномъ.—Но въ то время, главнѣйшимъ образомъ, въ силу упомянутаго состоянія, одно слово, одинъ искусно рассчитанный намекъ на заимствованіе у французовъ, одинъ легкомысленный выводъ, одно клеветническое замѣчаніе—должны были производить цѣлую бурю, совершенно ослѣплять людей и лишать ихъ тѣмъ способности здраво и спокойно обсудить предметъ, провѣрить мысль, критически отнестись къ первому впечатлѣнію... Лишенные всякихъ основаній замѣчанія должны были пріобрѣтать тутъ всѣ свойства достовѣрности и упрочиваться... Для громаднаго же большинства такая провѣрка и не была возможна, по неимѣнію матеріаловъ.

Такою-то почвою, такимъ-то духомъ времени и воспользовались враги Сперанскаго, для того, чтобы погубить его, искалѣчить и отнять на нѣсколько лѣтъ отъ русскаго государственнаго дѣла, взведя на него самую гнусную клевету...

Третій пунктъ обвиненія, сколько я могъ выразумѣть, — говоритъ онъ о главномъ въ своемъ письмѣ изъ Перми,—состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ.

«Если доносители подъ именемъ правительства разумѣютъ тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, то-есть, разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время съ горестію многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ

«истор. вѣстн.», январь, 1889 г., т. XLV.

людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, мнѣніе Вашего Величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

«Если разумѣютъ подѣ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Горестъ видѣтъ все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыи самою ѣдкою желчью, и при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣтъ совершенную противоположность имъ на дѣлѣ, горестъ, снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣтъ при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, не взирая на всѣ Ваши желанія, горестъ сія часто и особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, всемілостивѣйшій Государь! измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзасмъ самыми жестокими укорижами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И впрочемъ, сія самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ смѣю только оскорбилась, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?»

«Но чтобъ я могъ подѣ именемъ правительства разумѣть особу Вашего Величества — душа моя возмущается при размысленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года, чрезъ двѣнадцать лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, и неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душою за всѣми Вашими намѣреніями, и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ, и никогда не хотѣлъ обольщать вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія: въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя Ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою лживостію, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтить и уважалъ въ теченіе толь многихъ лѣтъ?—Для чего? Какую цѣль могла имѣтъ сія лживость? Возбудить неудовольствія? Но въ комъ? И на какой же конецъ? Въ дѣлахъ двадцатилѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двугодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?»

«Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце: непріатели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что елибъ бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріатели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоявшую войну и на всѣ козни ей предшествовавшія. Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время, поднесенныя. Онѣ всѣ находятся въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобъ зараже освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ графа Нессельроде

на краткое время съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая впоследствии содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ. И впрочемъ, если бы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишитъ ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ то же время всемірно содѣйствовать его устроению; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы, быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ, желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать немигнуемо сей самой ненависти. Пусть согласятъ все сіе мои доносители; мнѣ и писать и мыслить о семъ уже омерзительно.

«Между тѣмъ, однако же, сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія¹⁾, составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, единственное пятно моего въ народѣ обвиненія.

«Вамъ единственно, всемплосивѣйшій Государь! Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ Вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастье быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною!»

Императоръ Александръ и откликнулся на этотъ зовъ страдающаго независимаго и безупречнаго человѣка, и оправдалъ Сперанскаго, и назвалъ клевету ея настоящимъ именемъ:

«Болѣе трехъ лѣтъ, — писалъ онъ Сперанскому собственно-ручно при назначеніи его Сибирскимъ губернаторомъ, — протекло съ того времени, какъ, призвавъ васъ къ новому служенію, ввѣрилъ я вамъ управленіе Пензенскою губерніею. Открывъ, такимъ образомъ, дарованіямъ вашимъ новый путь содѣлаться полезнымъ отечеству, не переставалъ я помышлять о способѣ, могущемъ изгладить изъ общихъ понятій прискорбныя происшествія, послѣдовавшія съ вами въ 1812 году и столь тягостныя моему сердцу, привыкшему въ васъ видѣть одного изъ приближенныхъ себѣ. Сей способъ, по моему мнѣнію, былъ единственный, то есть, служеніемъ вашимъ дать вамъ возможность доказать явно, сколь враги ваши несправедливо оклеветали васъ. Иначе призывъ вашъ въ Петербургъ походилъ бы единственно на послѣдствіе дворскихъ измѣненій и не загладилъ бы въ умахъ оставшіяся непріятныя впечатлѣнія. Управленіе ваше Пензенскою губерніею и общее довѣріе, кое вы въ оной приобрѣли, будетъ полезнымъ началомъ предполагаемаго мною способа. Но желаніе мое стремится къ тому, дабы открыть служенію вашему обширнѣйшее поприще и заслугами ва-

¹⁾ А паче въ Пермь. Замѣчаніе Сперанскаго.

шими дать мнѣ явную причину приблизить васъ къ себѣ» («Жизнь гр. Сперанскаго», стр. 174, ч. 2).

Изъ скромности и чувства естественной деликатности, Сперанскій не давалъ никакой огласки этому и другимъ письмамъ Александра. Но въ 1828 году, ему былъ пожалованъ знакъ безпорочной службы не за 30 лѣтъ, а за 25. Орденскій канцлеръ, князь Куракинъ, не согласился зачесть ему въ безпорочную службу пять лѣтъ ссылки. Тогда Сперанскій принесъ на него жалобу императору Николаю, приложивъ къ ней письма Александра. Жалоба была уважена и самъ императоръ измѣнилъ къ нему свое отношеніе. Между прочимъ, получивъ извѣстіе о кончинѣ Сперанскаго въ 1839 г., Николай Павловичъ выразился: «Михайла Михайловича не всѣ понимали и не всѣ умѣли довольно цѣнить: сперва я и самъ въ этомъ болѣе всѣхъ, можетъ статься, противъ него грѣшилъ. Мнѣ столько было наговорено о его превратныхъ идеяхъ, о его замыслахъ; клевета осмѣлилась коснуться его даже и по случаю исторіи 14 декабря! Но потомъ время и опытъ уничтожили во мнѣ дѣйствіе всѣхъ этихъ наговоровъ. Я нашелъ въ немъ самаго вѣрнаго и ревностнаго слугу, съ огромными свѣдѣніями, съ огромною опытностью, съ неустававшею никогда дѣятельностью. Теперь всѣ знаютъ, чѣмъ я, чѣмъ Россія ему обязаны, и клеветники давно замолчали...» («Жизнь гр. Сперанскаго», ч. 2, стр. 30).

Не слѣдуетъ ли тѣмъ болѣе желать, чтобы по крайней мѣрѣ по смерти было воздано должное Сперанскому, такъ много, такъ всеобъемлюще много, сдѣлавшему и—такъ грубо, мучительно страдавшему?..

Н. Дружининъ.

ВЫСШАЯ ПОЛИЦІЯ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ I.

ВКЛЮЧЕННЫЙ въ Ахенѣ четырьмя державами союзъ противъ революціи, при слабомъ еще тогда развитіи гласности и намѣренномъ ея стѣненіи въ видахъ противодѣйствія вольнодумству и оппозиціи, побуждалъ и до нѣкоторой степени даже обязывалъ союзныя правительства къ тайному наблюденію за настроеніемъ умовъ въ ихъ государствахъ. Многое изъ того, что теперь узнается властями, безъ всякаго съ ихъ стороны усилія, изъ оглашеній и отзывовъ печати, могло доходить въ то время до свѣдѣнія правительства лишь чрезъ посредство особыхъ должностныхъ лицъ, въ формѣ докладовъ высшей полиціи, которая вѣдала общественное мнѣніе. Она разузнавала, напримѣръ, о дѣятельности дозволенныхъ обществъ, прислушивалась къ разговорамъ въ клубахъ и разныхъ собраніяхъ, не имѣвшихъ вовсе политическаго характера, проникала въ область духовно-нравственной жизни, испытывала мнѣнія о распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ правительственныхъ лицъ, о тѣхъ или другихъ учрежденіяхъ, ихъ вредѣ или пользѣ, о надеждахъ и пожеланіяхъ различныхъ общественныхъ группъ, докладывала даже о впечатлѣніи, производимомъ новыми книгами, и занималась критикою этихъ книгъ. Не имѣя возможности прямымъ путемъ, гласно содѣйствовать правительству въ его добрыхъ намѣреніяхъ, само общество прибѣгло къ приемамъ высшей полиціи. Известно, напримѣръ, что тайное общество «Зеленой книги», изъ котораго впоследствии вышли декабристы, образовалось съ цѣлью создать карающее общественное мнѣніе, которое обнаруживало бы низкія, порочныя и несправедливыя дѣйствія какъ служащихъ, такъ и неслужащихъ лицъ всѣхъ сословій. Члены «Зеленой книги» обязаны были всюду

узнавать происходившія несправедливости и безнравственные поступки и, убѣдившись въ истинѣ добытыхъ свѣдѣній, дѣятельно распространять ихъ между своими знакомыми, чтобы о нихъ заговорили всюду и они дошли такимъ образомъ до правительства, которое могло бы принять мѣры къ наказанію виновныхъ и устраненію зла. (Воспом. Т. П. Пассекъ, т. II). Въ лицѣ высшей полиціи правительство, еще задолго до учрежденія III-го Отдѣленія, стремилось создать наблюдательный органъ, которому придавало значеніе всевидящаго ока ¹⁾. Желая знать—не злоупотребляютъ ли агенты власти данными имъ полномочіями, и въ то же время опасаясь вольнодумства, за которое не рѣдко принималось откровенное выраженіе мнѣнія о дѣятельности должностныхъ лицъ и ихъ качествахъ, пытаясь проникнуть въ настроеніе умовъ, изъ котораго оно само дѣлало себѣ тайну, не допуская самой умѣренной свободы печати изъ опасенія ея разнузданности, или «безузданности», какъ тогда выражались въ канцеляріяхъ, правительство пользовалось донесеніями высшей полиціи какъ волшебнымъ зеркальцемъ, въ которое заглядывало, когда ему приходила охота или нужда узнавать о томъ, что творится на бѣломъ свѣтѣ, въ подвѣдомой ему странѣ. Это зеркальце часто кривило образы, отражало дѣйствительность то въ розовомъ, то въ мрачномъ свѣтѣ, не договаривало или переговаривало, по оплошности или по интригамъ мастеровъ, но правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи иного средства узнавать правду и получать отвѣты на многіе изъ задаваемыхъ имъ вопросовъ. Вотъ почему доклады высшей полиціи далеко не лишены историческаго значенія для эпохи послѣдняго семилѣтія царствованія императора Александра I. Они извѣстнымъ образомъ настраивали государя, производили на него нравственное давленіе, во многихъ случаяхъ могли побуждать его дѣйствовать даже противъ собственной воли, издавать распоряженія, которымъ онъ не сочувствовалъ въ принципѣ, и подписывать указы, недобряемые его собственнымъ разумомъ. Рѣшающее вліяніе могли имѣть эти доклады на личное расположеніе и довѣріе государя къ людямъ, имъ же поставленнымъ у кормила правленія, тѣмъ болѣе, что высшая полиція, какъ мы сейчасъ увидимъ, рѣдко стѣснялась въ своихъ аттестаціяхъ. Неотразимою силою, вслѣдствіе невозможности провѣрки представляемыхъ данныхъ личными впечатлѣніями, должны были обладать отчеты ея объ общественномъ настроеніи за время отсутствія государя изъ Россіи, а тогдашнія политическія дѣла требовали частыхъ и довольно продолжительныхъ отлучекъ его за границу.

¹⁾ Положеніемъ объ учрежденіи министерствъ на министерство полиціи возложено «надзоръ» за управленіемъ; III-е Отдѣленіе только унаслѣдовало эту функцію отъ высшей полиціи императора Александра I.

Передъ нами архивный документъ, озаглавленный: «Извлеченіе изъ донесеній высшей полиціи отъ августа 1818 по 1-е мая 1819 г.», т. е. за послѣдніе мѣсяцы существованія отдѣльнаго министерства полиціи. На верху надпись: «секретно», сдѣланная потому, вѣроятно, что этотъ документъ сообщенъ канцеляріей его величества начальнику главнаго штаба, генераль-адъютанту князю Волконскому. Значительная часть времени, къ которому относится отчетъ высшей полиціи, проведена государемъ и всѣмъ императорскимъ домомъ за границею. Въ это время происходилъ Ахенскій конгрессъ, производились маневры оккупационныхъ союзныхъ войскъ, передъ выступленіемъ ихъ изъ Франціи, смотръ корпусу Воронцова, расположенному въ окрестностяхъ Мобежа, посѣщенія родственныхъ иностранныхъ дворовъ и т. д. Непосредственныя впечатлѣнія русской жизни для двора не существовали, а потому доклады, подобные настоящему, не могли не имѣть нѣкотораго рѣшающаго значенія въ глазахъ государя и его приближенныхъ.

О путешествіи ихъ императорскихъ величествъ въ донесеніяхъ высшей полиціи сказано:

«Нельзя умолчать, что публика съ нѣкоторымъ прискорбіемъ взирала на единовременный отъѣздъ ихъ императорскихъ величествъ; ибо наслажденіе августѣйшаго здѣсь присутствія, по возвращеніи изъ Москвы, было весьма кратковременно. — Странномысли, кои встрѣчаются во всѣхъ человѣческихъ обществахъ, распространяли разные слухи на счетъ сего происшествія; но благоговѣйное участіе всѣхъ вѣрноподанныхъ и общія молитвы сопровождали постоянно ихъ величества. Всѣ публичныя извѣстія о семъ путешествіи принимались съ жадностію».

Эти «публичныя извѣстія» ограничивались въ то время краткими, въ формѣ телеграммъ, перепечатками въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» изъ иностранныхъ газетъ о переѣздахъ высочайшихъ особъ, ожидаемыхъ встрѣчахъ и посѣщеніяхъ ими разныхъ учреждений, о произведенныхъ смотрахъ и маневрахъ.

Объ Ахенскомъ конгрессѣ и такъ называемомъ заговорѣ противъ государя императора, докладъ сообщаетъ:

«Послѣ всеподданнѣйшаго донесенія его величеству, касательно различныхъ толковъ и сужденій, произведенныхъ извѣстіемъ о помянутомъ якобы заговорѣ, остается только присовокупить, что сіе впечатлѣніе исчезало вмѣстѣ съ вѣроятностію, по мѣрѣ иностранныхъ увѣдомленій. — Есть однако же особы, кои непремѣнно хотятъ видѣть въ семъ происшествіи великую тайну и кои подозреваютъ Австрійское министерство въ нѣкоторомъ нѣжномъ пристрастіи къ Наполеону .

Такое подозрѣніе, какъ извѣстно, было вполне основательно. Австрійское министерство (Меттерниха) хотя и не питало «нѣжнаго пристрастія» къ самому Наполеону, но было расположено предпо-

честь вторичному возстановленію Бурбоновъ признаніе императоромъ его малолѣтняго сына подъ регентствомъ Маріи Луизы.

Далѣ докладъ говоритъ:

«Окончательныя положенія конгресса многимъ казались не удовлетворительными, не соответствующими ожиданіямъ. Политическіе пустословы, привыкшіе къ оборотамъ необычайнымъ, жаждущіе событій разительныхъ, не могутъ понять мысли о постоянномъ мирѣ, а потому сомнѣвались, чтобы деклараціи министровъ пяти державъ могли предоградить отъ новыхъ потрясеній».

Относительно впечатлѣнія, производимаго на русское общество событіями иностранной жизни, докладъ упоминаетъ только о «смерти (т. е. объ убійствѣ) Котцебу», о чемъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» было помѣщено нѣсколько извѣстій, перепечатанныхъ изъ нѣмецкихъ газетъ.

«При полученіи здѣсь сего извѣстія, всѣ умы наполнились справедливымъ ожесточеніемъ какъ противу убійцы, такъ и противу того духа бунтѣрія, который овладѣлъ нѣкоторою частію германскаго юношества, подстрѣкаемаго, кажется, въ сей запальчивости весьма малымъ числомъ извѣстныхъ бумагомарателей и профессоровъ. Сія гнусныя наставники, арлекинствами средняго вѣка и тевтоническимъ яacobинизмомъ привлекаютъ развращенное воображеніе безуданностію вѣка зараженныхъ студентовъ, коихъ число послѣдними политическими событіями нарочито увеличилось, и превращаютъ ихъ въ германскіе санкюлоты. А потому люди опытные, знающіе Германію, утверждаютъ, что болѣе должно обращать вниманіе на таковыхъ учителей, нежели на самое юношество, которое всегда направлялось и направляться будетъ духомъ своихъ наставниковъ».

По дѣламъ внутренняго управленія докладъ отводитъ наиболѣе мѣста характеристикамъ министровъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ, съ присоединеніемъ общественнаго мнѣнія о ихъ личностяхъ и дѣятельности.

1. О министрѣ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (кн. А. Н. Голицынѣ). «Различныя его распоряженія не заслуживали общаго одобренія. Строгость, оказанная въ дѣлѣ графини Разумовской, служила поводомъ ко многимъ крикамъ; между тѣмъ, какъ снисхожденіе къ приверженцамъ различныхъ сектъ и къ особамъ прилѣпляющимся къ католицизму, сильно было осуждаемо православными».

«Миссіонеры, отправленные въ польскія губерніи для превращенія евреевъ, мало успѣваютъ, а между тѣмъ сами евреи ропчутъ на самоправно наложенную на ихъ народъ подать съ смертельныхъ рубахъ, вымышленную собранными въ Вильнѣ депутатами ихъ. Укорененіе и вліяніе Библейскаго Общества, распространяющаго благотворительныя плоды свои, служба утѣшеніемъ свѣтской публикѣ, порождаетъ сомнѣнія въ умахъ духовенства».

«Правила пріємлемыя въ руководство народнаго просвѣщенія, по сужденіямъ занимающихся науками и словесностію, кажутся преступающими свои предѣлы. Благословляя отеческія попеченія его величества о благѣ подданныхъ, предписывающія научать ихъ священнымъ словамъ Евангелія во всей непорочности, основывая каждое познаніе на истинахъ религіи, — публикѣ кажется, что министерство народнаго просвѣщенія не постигаетъ сего благого намѣренія, распространяя оное въ строгомъ смыслѣ христіанства на науки отвлеченныя, кои очищая понятія и обогащая умъ, не имѣютъ вліянія на вѣру. Такимъ образомъ предназначается образъ ученія противный образованности вѣка».

Черезъ нѣсколько страницъ ниже разъясняется:

«Въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго 1818 года помѣщена была въ періодическомъ изданіи, «Вѣстникъ Европы», статья (министерская) подъ заглавіемъ: «Наставленіе для руководства ученаго комитета, учрежденнаго при главномъ училищѣ-правленіи».

«Сія статья служила поводомъ къ многоразличнымъ не выгоднымъ заключеніямъ и сатирическимъ примѣчаніямъ противу распоряженій министерства народнаго просвѣщенія.

«Странное раздѣленіе и противородное сцѣпленіе самихъ познаній между собою; несбыточное смѣшеніе умственнаго съ чувственнымъ, истины съ догадкою, неопредѣлительнаго съ опредѣлительнымъ, зыблемость системы и не возможность, наконецъ, исполненія. Въ семь заключались главныя укоризны.

«Приведемъ два токмо примѣра, кои, между тысячами другими, подавали пищу злоязычію.

«Ученый комитетъ (цитируется въ докладѣ) долженъ допускать въ преподаваніи законодательства тѣ токмо книги, кои неотдѣляютъ нравственности отъ вѣры, кои не противурѣчаютъ практическому христіанству». Законъ (замѣчаетъ докладчикъ отъ себя) судитъ дѣло, а не совѣсть; осуждаетъ наравнѣ идолопоклонника и христіанина. Законы существовали до введенія христіанства и большая часть древнихъ тѣхъ законовъ и нынѣ въ общемъ уваженіи и употребленіи.

«Ученый комитетъ (цитируется далѣе), разсматривая употребительныя книги по части «Естественной исторіи», отстраняетъ отъ системы преподаванія всѣ суетныя догадки о происхожденіи и превращеніяхъ шара земнаго».

Высшая полиція рѣшительно возстаетъ противъ такого обскурантизма и замѣчаетъ отъ себя:

«Всѣ умствованія человѣческія, вообще, ни что иное, какъ догадки. — Неужели для того сжечь творенія Бюффона, Невтона и пр.? — Неужели уничтожить глобусы и не смѣть болѣе полагать, что земля вращается кругъ солнца, потому, что сіе противно нѣкоторымъ мѣстамъ Библіи?»

2. О министрѣ финансовъ (гр. Гурьевѣ). «Мнѣніе общее единогласно противъ министра финансовъ. — Ропотъ на произвольныя во многихъ случаяхъ дѣйствія его весьма распространился. Говорятъ, что законъ имѣ только наблюдается въ пользу казны, а толкуется всегда въ ущербъ частнаго человѣка. Злоупотребленіе по таможеннымъ переносится теперь также на часть винной продажи. Открывается и устраивается новое поприще лихоимству и новый классъ чиновниковъ посвящается развращенію. — Вотъ сужденіе довольно общее на счетъ сей операціи, коей мало предрекаютъ успѣху».

Упомянутая операція — казенная продажа вина, введенная въ 1818 году взаменъ откуповъ, по настоянію гр. Гурьева отмѣненыхъ манифестомъ 1817 года. Говоръ въ обществѣ, сообщаемый къ высочайшему свѣдѣнію высшею полиціей, не ошибся насчетъ ея послѣдствій: по удостовѣренію Канкринна, «хотя при казенномъ управленіи доходъ казны и усилился (съ 52 до 67 милліоновъ), но казенное управленіе показало то важное неудобство, что все злоупотребленія по этой части обращались непосредственно въ упрекъ правительству, и сословіе чиновниковъ развращалось». На послѣднее зло еще раньше указывалъ членъ государственнаго совѣта кн. Куракинъ (Чт. 1861, II, 1432), а по свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ оказалось, что питейные чиновники черезъ подставныхъ лицъ брали себѣ лучшіе питейные дома, раздачу кабаковъ обратили въ торговлю и, наконецъ, стали заводить особые подвалы для корчемнаго вина и торговали имъ, а сами преслѣдовали корчемство (Ив. Прыжовъ, Истор. каб., стр. 271—273).

3. О министрѣ внутреннихъ дѣлъ (Козодавлевѣ). «Сколь часто, во время наблюденія запретительной системы, министръ внутреннихъ дѣлъ занималъ публику своею фабрикоманією, столь рѣдко нынѣ разсуждаютъ о его подвигахъ. Докторъ Сальватори, пухъ тибетскихъ козъ, фабрика кашемировъ — вотъ единственные предметы, о коихъ говорили въ нѣкоторыхъ обществахъ».

Безусловно запретительный тарифъ на иностранныя издѣлія ¹⁾, установленный въ 1810 г. и лишь нѣсколько ослабленный тарифомъ 1816 года еще дѣйствовалъ въ періодъ времени, обнимаемый разсматриваемымъ докладомъ высшей полиціи, такъ какъ раззорительный для нашей промышленности тарифъ 1819 года, выработанный на основаніи заключенныхъ въ предъидущемъ году торговыхъ договоровъ съ дружественными державами, вступилъ въ силу лишь съ января 1820 года; но, несомнѣнно, что одно его суще-

¹⁾ Все безъ исключенія иностранныя издѣлія, въ случаѣ привоза ихъ въ русскіе порты, подлежали истребленію: къ привозу въ Россію дозволены были одни сырые матеріалы, служащіе для ремеселъ и фабрикъ. П. С. З. Т. XXXI. № 24464.

створеніе остановило развитіе отечественныхъ фабричныхъ и заводскихъ производствъ. «Фабрикоманія» министра внутреннихъ дѣлъ, надъ которою подсмѣивается высшая полиція, въ свое время принесла великую пользу государственному и народному хозяйству: съ 1812 по 1815 года число нашихъ фабрикъ и заводовъ увеличилось сразу съ 2,322 до 4,485 (Нисселовичъ, Истор. 3 дѣ. законод., ч. 2-я, стр. 158), и это оживленіе промышленности подняло цѣнность ассигнацій на 12 коп. на рубль (Н. Бржескій, стр. 97). Разумѣется, вызывало улыбку и даже подало поводъ къ каламбуру пристрастіе Козодавлева къ пуху тибетскихъ козь, но это пристрастіе не было столь губительно, какъ увлеченіе гр. Гурьева тогда входившими въ моду теоріями физиократовъ и основнымъ принципомъ ихъ ученія: *laissez faire, laissez passer*.

4. О министрѣ юстиціи. «Съ начала вступленія его много было пустого шума; кричали, превозносили, осуждали; но мало по малу умолкали. Нѣсколько уже разъ его смѣняли и замѣщали то братомъ его, то дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Ланскимъ. Усиленіе штатовъ въ сенатѣ напомнило публикѣ министра юстиціи и обратило на него одобрительное вниманіе».

5. О С.-Петербургскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ. «Никто, конечно, не занималъ столько публику, какъ графъ Милорадовичъ.

«Бывъ столько же извѣстенъ со стороны прямоты и искренности, сколько со стороны хвастовства и расточительности, опредѣленіе его къ настоящему мѣсту служило поводомъ ко многоразличнымъ разговорамъ. Не сомнѣваясь ни мало въ его ревности и любви къ справедливости, опасались однако же его опрометчивости. Публикѣ казалось часто, что графъ ронялъ свое достоинство, занимаясь самъ собою болѣе нежели своимъ званіемъ. Но мало по малу тяжелая скучность канцелярскаго производства охлаждала пылкость военного жара¹⁾. Желательно только, чтобы люди, коихъ совѣтамъ онъ покоряется, были люди благонамѣренные».

Такое пожеланіе высказывается въ виду серьезныхъ недостатковъ, замѣченныхъ въ людяхъ, окружавшихъ Милорадовича. Подъ слѣдующею рубрикою: «О чиновникахъ при немъ служащихъ и о дѣйствіяхъ его канцеляріи» — изложено:

«Общее мнѣніе благопріятствовало сначала, какъ правителю его канцеляріи Геттуну, такъ и полковнику Глинкѣ. Но противное совершенно вниманіе обращали на себя: Фуксъ, Фогель, Наумовъ, Крыжевъ и прочіе подобнаго покроя люди, кои явно и скрытно употребляются».

¹⁾ Служивъ постоянно въ дѣйствующихъ войскахъ, графъ Милорадовичъ, какъ извѣстно, передъ назначеніемъ на должность генералъ-губернатора командовалъ гвардейскимъ корпусомъ.

О полковникѣ Ѳедорѣ Николаевичѣ Глинкѣ мы знаемъ, что онъ былъ адъютантомъ генераль-губернатора Милорадовича, участвовалъ въ упомянутомъ выше обществѣ «Зеленой книги», а когда это общество приняло политическое направленіе и выпедшій изъ состава его членовъ гр. Ѳ. П. Толстой учредилъ 18-го сентября 1815 г. «работавшую по древней англійской системѣ на русскомъ языкѣ» ложу «Избраннаго Михаила», ставъ ея «управляющимъ мастеромъ», то сюда же вступилъ, въ званіи 1-го надзирателя, и Ѳ. Н. Глинка¹⁾. «Намѣтнымъ мастеромъ» этой ложи былъ тогда Николай Ивановичъ Гречъ. Свѣдѣнія эти мы заимствуемъ изъ официальнаго масонскаго изданія: «Tableau général de la grande loge Astrée à L'O. de St. Petersburg et des 23 loges de sa dépendance pour l'an maçonnique 58¹⁸/₁₉», т. е. 1815 по Рожд. Хр., а потому эти свѣдѣнія точнѣе сообщенныхъ Т. П. Пассекъ въ ея «Воспоминаніяхъ» (т. II, стр. 423). Братья ложи «Избраннаго Михаила» основали общество распространенія ланкастерскихъ школъ въ Россіи и съ высочайшаго разрѣшенія избрали предѣвателемъ общества гр. Ѳ. П. Толстого, а въ помощники ему Греча и Глинку. Министръ кн. Голицынъ заподозрилъ участіе въ этомъ обществѣ «западныхъ либераловъ», о чемъ и доложилъ государю. Такое подозрѣніе оскорбило Толстого: онъ отказался отъ предѣвателства и на его мѣсто назначенъ былъ на другой же день флигель-адъютантъ кн. Андрей Борисовичъ Голицынъ, такой же мистикъ, какъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія (тамъ же, стр. 425—427).

Всподданнѣйшій докладъ высшей полиціи не объясняетъ чѣмъ были худы Фуксъ, Наумовъ и Крыжевъ, но о Фогелѣ въ немъ говорится слѣдующее:

«Секретная полиція столицы большею частію поручена была Фогелю, которому даже подчинены лонь-лакеи и который разстроилъ до основанія сіе учрежденіе. Извѣстность Фогеля, его развратность, превращаютъ сію полицію въ коварное ябедничество, въ притязательное отягощеніе публики, особенно иностранцевъ, и наносятъ вредъ полицейскимъ распоряженіямъ всего правительства, кои, при настоящемъ времени, лишь благодетельствованіемъ своимъ могутъ приносить существенную пользу. Подобнаго же рода полиція помрачаетъ славу начальствующаго (боевого генерала Милорадовича), тѣмъ болѣе, ежели презрительныя ея орудія ограждаются личною его защитою».

Общественное неудовольствіе управленіемъ графа Милорадовича шло далѣе жалобъ на ябедничество и придиричивость Фогеля съ братіей — презираемыхъ развратныхъ людей, «притязательно отя-

¹⁾ Онъ былъ уже тогда извѣстенъ читающей публикѣ, какъ авторъ «Писемъ русскаго офицера» и другихъ литературныхъ произведеній.

гощавших публику» т. е., надо думать, занимавшихся шантатжемъ.

«Впослѣдствіи времени, говорится далѣе, публика начала роптать на дѣйствія Геттуна и всей канцеляріи. Военный генераль-губернаторъ, до коего сіи слухи (вѣроятно, слухи о взяточничествѣ или вымогательствѣ взятокъ) доходили, производилъ нѣкоторыя по сему предмету изслѣдованія: способы убѣдиться въ основательности или несправедливости ихъ находятся въ его рукахъ».

6. О графѣ Кочубей, сопровождавшемъ государя за границу, пользовавшемся расположеніемъ Аракчеева, авторитетомъ въ глазахъ женскаго персонала императорской фамиліи и тогда уже начавшемъ быстро возвышаться, высшая полиція постаралась собрать—*motu proprio*, по указанію свыше или по дружбѣ съ заинтересованными государственными сановниками — довольно любопытные отзывы:

«Графъ Кочубей въ особенности обращалъ на себя вниманіе публики. Его опредѣляли то къ одному, то къ другому мѣсту. Сначала говорили, что министерства внутреннихъ дѣлъ и полиціи соединятся подъ его управленіемъ; потомъ вѣряли ему особыя высочайшія порученія, а наконецъ, жаловали даже въ государственныя канцлеры.

«Есть ли многіе считаютъ графа Кочубея отличнѣйшимъ изъ государственныхъ мужей, и способнѣйшимъ къ исправленію значительнѣйшихъ обязанностей правительства, то другіе однако же открываютъ въ немъ слабости уважительныя, какъ-то: непостоянство въ правилахъ, страсть къ новостямъ, непрерывную перемѣнчивость въ системахъ. «Нѣтъ великой націи, коея кафтанъ онъ бы не носилъ, исключая русскаго», отзывался о немъ весьма знатный государственный человѣкъ».

Если вѣдомство высшей полиціи, вообще не стѣснявшееся въ сообщеніи отзывовъ о министрахъ и придававшее этимъ отзывамъ ясно опредѣленный характеръ, находило нужнымъ сказать надвое о звѣздѣ восходящей и, сообщая неблагопріятное о ней мнѣніе публики, прикрыться острымъ словцомъ «весьма знатнаго государственнаго человѣка», то о звѣздѣ, уже взшедшей и своимъ блескомъ на горизонтѣ власти помрачившей всѣ остальные современныя свѣтила, тоже вѣдомство не рѣшилось произнести слова порицанія и рѣшительно стало на сторону ея поклонниковъ.

«Многіе въ публикѣ, говоритъ высшая полиція, находятъ въ учрежденіи военныхъ поселеній пользу общую и выгоду для хлѣбопашцевъ, улучшение духа въ войскѣ, сбереженіе выгодъ казенныхъ и частныхъ, распространеніе, наконецъ, промышленности и образованности; но между тѣмъ другіе съ симъ мнѣніемъ не соглашаются и почитаютъ сіе учрежденіе опаснымъ въ послѣдствіяхъ. Что касается лично до графа Аракчеева, то число непріятелей и

завистниковъ его не уменьшилось; но здравая часть публики отдаетъ справедливость его заслугамъ, твердости и безпредѣльной преданности государю императору».

Позднѣе, правительство совѣмъ лишило и себя, и публику, возможности имѣть правильное сужденіе о пользѣ или вредѣ военныхъ поселеній. Въ 1825-мъ году гр. Аракчеевъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія высочайшую волю, «дабы единожды навсегда было принято за правило не помѣщать въ журналахъ ничего, касающагося до военныхъ поселеній, кромѣ тѣхъ статей, которыя будутъ сообщены именно отъ гр. Аракчеева» (Ист. свѣд. о ценз. въ Россіи, стр. 29—30).

Всего свободнѣе чувствовала себя высшая полиція по отношенію къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія. Князь А. Н. Голицынъ именно въ 1818 г. лишился поддержки вліятельнаго при дворѣ друга, г-жи Крюднеръ, высланной изъ Петербурга по настоянію австрійскаго посла за агитацію въ пользу независимости Греціи. Онъ долженъ былъ отказаться отъ цензуранія «Сіонскаго Вѣстника»,—цензуранія принятаго имъ на себя, вопреки закону, единственно «въ угодность кичливому и коварному издателю», какъ выражается Стурдза⁴⁾, поручить это дѣло врагу мистиковъ архимандриту Иннокентію и такимъ образомъ собственными руками задушить свое излюбленное дѣтище—изданіе Лабзина. На мистиковъ уже готовилось рѣшительное нападеніе со стороны вліятельныхъ при дворѣ лицъ, къ числу которыхъ принадлежалъ, на примѣръ, статсъ-секретарь Петръ Андреевичъ Кикинъ, а впослѣдствіи примкнулъ и самъ Аракчеевъ. Этимъ до нѣкоторой степени объясняется рѣшимость высшей полиціи обличить Голицына въ извращенія передъ государемъ истины, какъ это видно изъ статьи подъ рубрикою: «О сектѣ Татариновой и Франкъ въ Михайловскомъ дворцѣ».

«О сей сектѣ, говорится въ докладѣ, всеподданнѣйше донесено было его величеству въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1817 года, и чрезъ князя Голицына полученъ отвѣтъ съ изъявленіемъ высочайшаго отзыва, оставить оную безъ вниманія, какъ не заключающую въ себѣ важности.

«Между тѣмъ сіе скопище изувѣрія распространяется и болѣе уже сорока челоуѣкъ считаетъ поклонниковъ. Дѣвица Пиперъ, живущая въ домѣ г-жи Загряжской, играетъ роль Пиюи, а придворный музыкантъ Ѳедоровъ и коллежскій ассесоръ Пилецкій проповѣдничаютъ въ смыслѣ сего мнимаго вдохновенія».

Было бы, кажется, несправедливо предполагать, что, имѣя зубъ противъ князя Голицына, высшая полиція подтасовывала общественное о немъ мнѣніе. Почти такой же отзывъ, какой приводится

⁴⁾ Въ извѣстномъ сочиненіи «О судьбѣ православной церкви».

о немъ въ разсматриваемомъ докладѣ, мы встрѣчаемъ и въ «Воспоминаніяхъ» г-жи Пассекъ, приводящей слова графа Толстого: «Князь А. Н. Голицынъ по общему мнѣнію былъ человѣкъ умный и благонамѣренный, но не приготовленный съ пользою занимать то мѣсто, на которое былъ поставленъ; сверхъ всего еще отуманенъ наплывшею въ Петербургъ съ Запада мистикою. Испугавшись либеральныхъ идей, явившихся во Франціи, Швейцаріи и Италіи, онъ во всемъ видѣлъ опасность» и т. д.

Мы уже знаемъ, что вѣдомство полиціи гораздо свѣтлѣе тогдашняго министерства народнаго просвѣщенія понимало задачи научнаго преподаванія. Нельзя также не поставить этому вѣдомству въ положительную заслугу его нескрываемаго сочувствія мысли «объ уничтоженіи рабства и о вольности крестьянъ». Подъ эту рубрикою высшая полиція докладывала государю:

«О семь предметѣ много толковали и толкуютъ. До отъѣзда еще ихъ величества говорили, что освобожденіе крестьянъ объявлено будетъ въ исходѣ августа мѣсяца, и что ихъ величества для того только отъѣзжаютъ, чтобы не находиться здѣсь при обнародованіи сей важной новости. Кажется, что помѣщики внутреннихъ губерній нѣсколько были встревожены сими слухами, ибо въ письмахъ перлюстрированныхъ (?) выражали свое опасеніе. Страхъ сей миновалъ и начали взирать на сію мѣру, какъ на отложенную до неизвѣстнаго времени. Хотя иные полагаютъ, что не все еще созрѣло къ исполненію, но однако же вообще увѣрены, что рано или поздно будетъ исполнено. Естли средній классъ вообще благославляетъ государя, не останавливающагося въ благихъ своихъ намѣреніяхъ ни силою предразсужденій, ни застарѣлыми преимуществами, не соглашающимися съ образованностію вѣка: то не всѣ прочіе классы, одинакого съ онымъ мнѣніемъ». Здѣсь подъ именемъ «средняго класса», вѣроятно, слѣдуетъ понимать людей средней руки изъ одной и той же общественной группы дворянъ и чиновниковъ.

«Освобожденіе крестьянъ въ Ост-Зейскихъ губерніяхъ¹⁾, мало дѣлаетъ впечатлѣнія въ русской публикѣ; немногіе постигаютъ положеніе того края, а еще менѣе умѣютъ судить о семъ предметѣ.

«Чиновники лифляндской комиссіи, здѣсь существовавшей, теряющіе пенсію, ими получаемую, изъясляютъ нѣкоторое сомнѣніе и блуждаютъ въ ложныхъ, самопроизвольныхъ заключеніяхъ.

«Приготовленія, чинимыя по сему предмету въ Динабургскомъ уѣздѣ, болѣе произвели толковъ, особливо между помѣщиками Бѣлорусскихъ губерній».

Успокоительнымъ тономъ, не допускающимъ и мысли о намѣ-

¹⁾ Это освобожденіе состоялось въ началѣ 1819 года, но вполне закончилось только въ 1856 году.

реніи вызвать крутыя репрессивныя мѣры, и правдивостью отзывается докладъ высшей полиціи о происходившихъ въ отчетный періодъ времени крестьянскихъ волненіяхъ, довольно часто появлявшихся послѣ 1812 года и нерѣдко раздуваемыхъ казеннымъ и удѣльнымъ вѣдомствами¹⁾. «Частныя злоупотребленія, мѣстные нѣкоторыя порывы неповиновенія крестьянъ, происходившіе болѣе отъ заблужденій, отъ недоразумѣній и часто ложныхъ или произвольныхъ примѣненій законовъ, показывались въ иныхъ губерніяхъ; но прекращались съ успѣхомъ и не растроивали ни мало общаго порядка».

Въ 1818—1819 годахъ, какъ свидѣтельствуется тотъ же докладъ, касаясь «слуховъ о войнѣ», русское общество было уже морально утомлено войнами и походами: «Клубные населенцы вымышляли множество вздорныхъ на сей предметъ слуховъ; но благоразумная часть публики ихъ отвергала. Одни молодые офицеры желали исполненія симъ предрѣченіямъ, дабы имѣть случай удовлетворить свое славолубіе. Нынѣ сіи слухи совершенно умолкли; напротивъ говорятъ, что быдто-бы его величество изволило отозваться, что войны не бывать лѣтъ черезъ десять и болѣе».

Россія нуждалась во внѣшнемъ спокойствіи для устройства своихъ внутреннихъ дѣлъ, и при томъ не столько хозяйственныхъ, какъ административныхъ. Общество искренно радовалось назначенію на высшія должности въ провинціи людей честныхъ и способныхъ. По поводу «назначеній маркиза Паулуччи и тайнаго совѣтника Сперанскаго» министръ полиціи говорить:

«Взоры были обращены на маркиза Паулуччи; ожидали, что съ распространеніемъ его власти воспослѣдуетъ также наименованіе прочихъ областныхъ начальниковъ. Эстляндія ожидаетъ отъ его управленія много для себя выгодъ».

«Назначеніе тайнаго совѣтника Сперанскаго сибирскимъ генералъ-губернаторомъ произвело общее удовольствіе, тѣмъ болѣе, что тотъ край утопалъ въ злоупотребленіяхъ, какъ увѣряютъ».

Тогда общественное мнѣніе видимо было не прочь отъ областного устройства. Подъ рубрикою «О перемѣнахъ во внутреннемъ управленіи» изложено:

«Въ теченіе сентября мѣсяца болѣе всего занимались въ различныхъ обществахъ предсказаніями и догадками касательно предполагаемыхъ будто бы перемѣнъ. Увѣряли, что его величество, при отбытіи своемъ, оставилъ въ рукахъ графа Аракчеева нѣкоторое число указовъ, кои вскорѣ должны были быть обнародованы. Говорили о преобразованіи Сената, объ учрежденіи областныхъ начальниковъ, о распространеніи крута дѣйствій собственной его ве-

¹⁾ См. напр. Липецкое дѣло въ соч. кн. Щербатова: «Генералъ-фельдмаршалъ кн. Паскевичъ». С.-Петербургъ 1888.

личества канцеляріи, о введеніи вообще большаго единства въ управленіи. Но слухи сіи не были постоянны; общее вниманіе обращалось на возвращеніе ихъ величествъ.

«По прибытіи государя императора, всѣ сіи догадки воскресли и усиливались нарочито до новаго года. Назначеніе областей и генераль-губернаторовъ считали несомнѣннымъ. Предрекали съ увѣренностію: уничтоженіе министерства полиціи, коего большая часть переходила въ завѣдываніе собственной его величества канцеляріи, а другія сливались съ министерствами внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; ограниченіе дѣйствій комитета министровъ; учрежденіе особаго верховнаго совѣта изъ трехъ или четырехъ лицъ токмо состоящаго; назначеніе новыхъ статсъ-секретарей по отдѣленіямъ собственной его величества канцеляріи, на каковыя вакансіи каждый имѣлъ своего рекрута; раздѣленіе Сената на двѣ части: на правительствующую и-на судную. Всѣ сіи мечты, кои большая часть публики, въ особенности должностные, считали истинами непреложными, мало-по-малу исчезали и оставили одни лишь призраки за собою».

Заслуживаетъ вниманія, что тогда уже ощущалась потребность въ спеціально «судномъ» Сенатѣ.

Въ наше время страннымъ кажется желаніе приурочить къ министерству народнаго просвѣщенія нѣкоторую долю работы министерства полиціи, но тогда, если такое желаніе и оказывалось «мечтательнымъ», то все же было удобоисполнимо: коль скоро на министерствѣ народнаго просвѣщенія лежали цензорскія обязанности, то естественно было допустить, что оно могло бы составлять всеподданнѣйшіе доклады о достоинствѣ цензируемыхъ печатныхъ изданій и о впечатлѣніи, производимомъ ими на общество. Такой именно отчетъ помѣщенъ въ нашемъ архивномъ документѣ о вновь выпедшей книгѣ статскаго совѣтника Стурдзы.

«Лишь только публичные листки начали упоминать о сочиненіи его на счетъ положенія Германіи, какъ каждый любопытствовалъ оное прочесть. Сужденія нашей публики не благопріятствовали автору. Всѣ, вообще, даже самыя противники свободолюбивыхъ понятій, находили въ семь сочиненіи сборъ тучныхъ рѣчей, картину весьма одностороннюю, однѣ тѣни безъ свѣта. Есть ли умы безпристрастные и благоразсудительные находили уважительнымъ самый предметъ сего сочиненія, то не могли однако же не убѣдиться, что сущность онаго не была постигнута авторомъ, писавшимъ о вещи, которую совершенно не понималъ. Далѣе казалось не соответственнымъ дѣли, дѣйствовать орудіемъ злоязычія противу заведеній вѣками установленныхъ.

«Неблаговидный образъ поведенія Стурдзы, при личномъ вызовѣ іенскихъ студентовъ, казался всѣмъ только позорнымъ, что обратило на него общее презрѣніе и даже ненависть, порожденную тѣмъ,

что священнѣйшее и любезнѣйшее имя государя императора было имъ замѣшано».

Довольно значительное мѣсто отведено въ докладѣ высшей полиціи отчету о состояніи масонства, заслуги котораго въ дѣлѣ образованія нашей общественной самодѣятельности еще недостаточно оцѣнены.

«Объ директоріальныя ложи, докладываетъ высшая полиція, заключили между собой братскій конкордатъ, и тѣмъ прекратили всѣ существовавшіе дотолѣ споры. По донесеніямъ обоихъ великихъ мастеровъ, графовъ: Мусина-Пушкина и Вельгорскаго, тридцать двѣ ложи состоятъ нынѣ подъ ихъ управленіемъ, то есть: 24 подъ ложею Астреи,—слѣдовательно 10 новыхъ по истеченіи года,—и 8 подъ провинціальною ложею. Изъ сихъ 32 ложъ 14 открыты въ С.-Петербургѣ; митавская и симбирская закрыты по распоряженіямъ мѣстныхъ начальствъ; томская и каменецъ-подольская въ началѣ дѣйствія; остальные же 14 производятъ работы внутри имперіи. Сверхъ сего, существуютъ еще двѣ ложи скрытныя: одна въ Москвѣ, подъ управленіемъ сенатора Кутузова, а другая въ Петербургѣ, подъ управленіемъ уѣхавшаго недавно дѣйствительнаго статскаго совѣтника Лабзина. Обѣ не находятся ни въ какихъ отношеніяхъ къ министерству полиціи, равно какъ и нѣсколько еще ложъ въ литовскихъ губерніяхъ, кои состоятъ въ зависимости Варшавскаго Востока. О подчиненіи сихъ литовскихъ ложъ здѣшнимъ директоріальнымъ ложамамъ чинимы были сими послѣдними разныя сношенія съ варшавскою великою ложею; но согласія на то не воспослѣдовало.

«Масонство въ Россіи, не состоя подъ явнымъ вліяніемъ правительства, не можетъ имѣть выгоднаго въ публикѣ мнѣнія и всегда составляется будетъ изъ людей большею частію низшихъ¹⁾ классовъ.

«Должно, однако же, признаться, что здѣшніе масоны, въ семь ихъ качествѣ, не подавали ни малѣйшаго повода къ невыгоднымъ на свой счетъ замѣчаніямъ. Частные ихъ споры относились единственно до порочности общественныхъ учрежденій ихъ и не имѣли никакого вліянія на благоустройство и спокойствіе общія.

«До сего времени всѣ здѣшнія ложи болѣе могутъ быть уподобляемы клубамъ, нежели нравственнымъ какимъ собраніямъ. Онѣ всѣ слѣдуютъ разнымъ системамъ, а потому и не могутъ имѣть единства, что, при настоящемъ отношеніи ихъ къ правительству, кажется положеніемъ приличнѣйшимъ. Между тѣмъ, въ послѣднее время происходили нѣкоторыя движенія, кои заслуживаютъ быть упомянуты. Графъ Мусинъ-Пушкинъ нѣкоторыми нотами домогался

¹⁾ Выраженіе «низшіе», какъ я выше употребленное—«средніе» классы, разумеется, означаетъ только людей незначнаго происхожденія и нечиновныхъ, а не купцовъ и мѣщанъ, составлявшихъ незначительное меньшинство въ русскихъ масонскихъ ложахъ.»

открытаго покровительства министерства полиціи и опредѣлительныхъ отвѣтовъ на существованіе или уничтоженіе общества. Министерство отвѣтствовало уклонительно и словесно. Сіе побудило графа Пушкина, направляемаго другими членами, обратиться къ кн. Голицыну, съ просьбою принять здѣшнее масонство въ свою зависимость. Записка, по сему предмету составленная, свидѣтельствуесть о лицемѣрїи представителей и наполнена мистическими нелѣпостями, никогда въ обществѣ семъ не существовавшими, но заимствованными изъ поученій другихъ сектъ, во время іезуитскаго вліянія, изъ масонства порожденныхъ.

«Не получая отвѣта отъ князя Голицына, графъ Пушкинъ и многіе другіе изъ уважительнѣйшихъ членовъ намѣрены оставить общество».

Въ концѣ доклада сдѣлана приписка:

«Относительно масонства слѣдуетъ присовокупить слѣдующее:

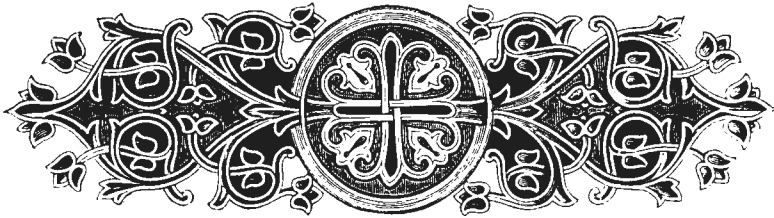
«Великая ложа Астрея получила извѣстіе изъ Полтавы, гдѣ устраивалась новая ложа подъ управленіемъ правителя канцеляріи князя Репнина, надворнаго совѣтника Новикова, что сія ложа закрыта по повелѣнію высшаго правительства. Масоны увѣряють, что повелѣніе сіе сообщено малороссійскому военному губернатору княземъ Волконскимъ (начальникомъ главнаго штаба); а потому всѣ здѣшніе братія, принимая сіе изъявленіемъ высочайшей воли, оставляють общество. Князь Лобановъ сдѣлалъ начало письменно, неутаивая причины его къ сему побудившія.

«Графъ Пушкинъ завт্রেшній день» (т. е. 1-го или 2-го мая 1819 г.) «слѣдуетъ его примѣру со многими другими. Лучшіе члены оставяють общество; останутся только, съ одной стороны сволочь, которая превратитъ ложи въ сборища разврата, а съ другой стороны, закоренѣлые мечтатели, кои окружають себя мнимою таинственностію и будутъ искать свѣта во тьмѣ».

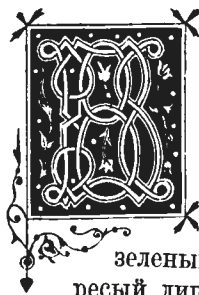
Политическое движеніе среди масонства осталось незамѣченнымъ вышею полиціей.

А. Мальшинскій.

ПОПЫТКА ГЕРЦОГА САВОЙСКАГО ВЪНЧАТЬСЯ КОРОЛЕМЪ БОЛГАРИИ, СЕРБИИ, ГЕРЦЕГОВИНЫ, БОСНИИ И МАКЕДОНИИ.

ВЪ ТУРИНѢ, въ историческомъ музеѣ Савойскаго дома (нынѣ царствующаго въ Италіи) хранится письмо Іоанна патріарха сербскаго и болгарскаго къ герцогу савойскому Карлу Эмануилу I, царствовавшему отъ 1580 по 1630 годъ. Документъ этотъ писанъ на болгарскомъ языкѣ красными чернилами, подпись же патріарха начертана крупными зелеными буквами. Исторія его представляетъ не безынтересный дипломатическій эпизодъ начала XVII столѣтія; эпизодъ, въ свое время надѣлавшій шума въ южной Европѣ, но не имѣвшій однако практическихъ послѣдствій. Герцогъ Карлъ Эмануилъ I замышлялъ, въ союзѣ съ папой, Испаніей и генуэзской республикой, освободить грековъ и славянъ отъ турецкаго ига, но замысла своего не привелъ въ исполненіе.

Приведемъ сначала текстъ вышеупомянутаго документа, а потомъ расскажем исторію его происхожденія.

Текстъ гласитъ слѣдующее:

«Я, Іоаннъ, Божією милостію архіепископъ Сербскій, Болгарскій и западныхъ прибрежныхъ странъ, Патріархъ,

«Все покорнѣйше пишу сіе Емануилу герцогу савойскому и молю Пресвятую Твою и Преславнаго Господа нашего даровать ему здравіе, благоденствіе и величіе и проч и проч. Симъ извѣщаю ваше высочество, что посланцы ваши, господинъ командоръ дела Манта, и кавалеръ Филибертъ Прована прибыли въ Рагузу; а изъ Рагузы сюда прибылъ капитанъ І. Ренексичъ, и предъявилъ мнѣ

письма: вашего высочества, и вышепоименованных кавалеров; и мы безъ замедленія отослали его къ вашему высочеству, дабы отъ имени нашего онъ вступилъ съ вами въ переговоры, изъяснилъ нашу добрую готовность, и условился насчетъ того, о чемъ ведутся сіи переговоры. Съ другой стороны содержаніе писемъ вашего высочества доставило намъ чрезвычайное и безпредѣльное удовольствіе и радость, и послужило общимъ утѣшеніемъ мнѣ, всему духовенству и главарямъ сихъ странъ; и по сему вознесли мы особыя мольбы Господу Богу, да споспѣшествуетъ онъ благочестивому начинанію вашего высочества о явленіи намъ вашихъ милостей въ великой нашей нуждѣ; и воисполненіе изъявленной вами волѣ созвалъ я безъ промедленія въ общую скупщину главарей всѣхъ близъ лежащихъ областей пяти царствъ, кои состоятъ подъ нашею духовною властію; и тогда имѣли мы изрядно продолжительное совѣщаніе насчетъ вышеупомянутыхъ переговоровъ, когда должноствовало намъ поставить рѣшеніе касательно столь благаго и богоугоднаго намѣренія вашего свѣтлѣйшаго высочества, заявилъ я вышеказанной скупщинѣ желаніе вашего свѣтлѣйшаго высочества прійти и освободить насъ изъ-подъ ига тираническаго; и ваше высочество да будетъ твердо увѣрено, что исполненіе сего священнаго и славнаго дѣянія будетъ самымъ любезнымъ и угоднымъ дѣломъ Великому, Предвѣчному Господу, ибо я со всѣми подчиненными главарями, прелатами, воеводами и иными именитыми людьми и вождами областей ближнихъ и отдаленныхъ, входящихъ въ составъ вышепрописанныхъ странъ, всѣ мы, воодушевленные горячимъ желаніемъ, ожидаемъ встрѣтить ваше высочество въ нашей родинѣ, какъ господина и законнаго государя, со всѣми вашими свѣтлѣйшими преемниками; встрѣтимъ мы васъ радостнымъ привѣтомъ и всенароднымъ ликованіемъ и завѣряю я ваше высочество вѣрою моею и моимъ смиреніемъ, что когда вы прибудете въ страну моего духовнаго владычества, мы созовемъ изо всѣхъ вышеупомянутыхъ пяти царствъ главарей духовныхъ и свѣтскихъ, дабы короновать ваше свѣтлѣйшее высочество по чину и уставу коронованія древнихъ царей нашихъ, по установленію нашихъ угодниковъ и благочестивой памяти предшественниковъ вашихъ, всего пуце по уставу, завѣщанному намъ нашимъ святымъ патріархомъ и св. Симеономъ царемъ, и отцемъ его, и священной памяти сыномъ его св. Стефаномъ царемъ, коего нынѣ, въ дни наши, открылась святость и чудотворность, подобно другимъ его сродникамъ и всѣмъ потомкамъ великаго Константина императора Римскаго; кои всѣ были, послѣдовательно, нашими предками съ подобающею торжественностію и обрядами коронованы, избираемы и признаваемы за законныхъ царей и государей сихъ царствъ; и изъ сихъ многихъ, по ихъ житію святому и чудесамъ, мы чтимъ угодниками Божиими.

«Нынѣ, дабы засвидѣтельствовать вашему высочеству нашу добрую волю и великое желаніе наше, избрали мы нашихъ пословъ: его преподобіе отца Демьяна Любibrатича, и совокупно съ нимъ нашего любезнаго сына во Христѣ капитана Іоанна Данича, дабы они представили вашему свѣтлѣйшему высочеству сіи наши грамоты, и обо всемъ прочимъ дали вашему высочеству полное разъясненіе. Симъ нашимъ посламъ предоставили мы наше полное и совершенное полномочіе на счетъ всего, что будетъ необходимо установить и направить при вышеупомянутыхъ переговорахъ. И то что ими со стороны нашей будетъ опредѣлено и установлено вкупѣ съ вашимъ высочествомъ, признаемъ мы за благо и вѣрно исполнимъ. По сему всепокорнѣйше прошу ваше высочество допустить ихъ до себя и выслушать, какъ вашему царственному сану достойно, и вникнуть въ то, что они отъ имени нашего изложатъ и въ скорости ихъ наставить и къ намъ отослать съ вѣстями соотвѣтствующими желаніямъ нашимъ. Съ твердою рѣшимостью умоляемъ ваше высочество отнестись къ симъ переговорамъ съ теплой душой, и рѣшимостію, и въ скорости съ возможною поспѣшностію привести рѣшеніе въ исполненіе, дабы не упустить настоящаго случая, который Господь Богъ намъ посылаетъ; мы же всѣ будемъ молиться о счастливомъ исходѣ святаго и богоугоднаго предпріятія вашего высочества, коего начинаній, ради нашего многожеланнаго искупленія, съ нетерпѣніемъ ожидаемъ. Помощь же и споспѣшествованіе, кои отъ меня и другихъ духовныхъ лицъ понадобятся, мы всепокорнѣйше вашему высочеству предлагаемъ.

«А что ваше высочество мнѣ пишетъ о нѣкоемъ Александрѣ Кассигаро, то онъ мнѣ незнакомъ, и даже не знаю, кто онъ такой.

«Еще, умоляю ваше высочество даровать льготы до вѣры, обрядовъ и власти патріаршей касающіяся, и скрѣпить ихъ подписью вашей царственной руки, а также подписями свѣтлѣйшихъ принцевъ, сыновей вашихъ; какъ все сіе будетъ вашему высочеству изложено устами выше прописанными послами нашими, коимъ ваше высочество да дастъ полную и несомнѣнную вѣру. Да хранить и возвеличить Господь Богъ нашъ свѣтлѣйшую особу вашего высочества, совокупно со свѣтлѣйшими принцами, дѣтьми вашими, я же молю Господа о дарованіи имъ славы и могущества.

«Писано въ Герцеговинѣ, въ Моравскомъ монастырѣ, 13-го декабря 1608 года, отъ сотворенія же міра въ 7126.

«Смирннѣйшій Іоаннъ патріархъ.

«Архідиаконъ Ананія, патріаршій секретарь.

Герцогъ Карлъ Эмануилъ I савойскій былъ человѣкъ съ весьма пылкимъ воображеніемъ, весьма предпріимчивый, и весьма непрактичный; владѣнія его представляли скромное политическое цѣ-

люе, которое могущественная Испанія непрочь была проглотить, тѣмъ болѣе, что и въ то время уже, какъ и въ половинѣ нашего столѣтія, итальянцы, мечтавшіе о независимости родины, втайнѣ возлагали надежду на савойскихъ государей, а савойскіе государи, и въ особенности славолубивый Эмануиль I, измышляли различныя проекты расширенія своей монархіи и усиленія своей власти. Савойскій домъ въ то время претендовалъ на кипрскую корону, ибо въ 1485 году послѣдняя кипрская королева Шарлота передала савойской династіи, въ лицѣ Карла I, свои фиктивные права на островъ, находившійся *de facto* въ рукахъ турокъ. Выходцы Греціи, появившіеся въ Туринѣ, проникавшіе къ герцогскому двору, неоднократно пытались побудить савойскихъ государей что-либо предпринять для освобожденія острова отъ магометанскаго ига. Предшественники Эмануила I находили такое предпріятіе неосуществимымъ, но для этого пылкаго государя все казалось возможнымъ. Онъ сталъ черезъ грековъ собирать надлежащія свѣдѣнія; его увѣрили, что турокъ изгнать изъ Европы не трудно; что кипріотское населеніе готово къ возстанію; что, освободивъ Кипръ, легче освободить и всю Грецію. Въ 1601 году Эмануиль посылалъ, въ качествѣ своего уполномоченнаго, нѣкоего грека Ачида, для подговленія возстанія на Кипрѣ и для переговоровъ на мѣстѣ съ патріархами кипріотскимъ и іерусалимскимъ. Патріархи обѣщали содѣйствовать савойскому герцогу, и онъ желалъ воспользоваться этимъ содѣйствіемъ, но для экспедиціи необходимы былъ флотъ, а весь флотъ Эмануила состоялъ изъ трехъ галеръ. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ венеціанской республикѣ, суля ей земли на Балканскомъ полуостровѣ, но изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло.

За то въ 1607 году, проектъ Эмануила вновь появился на дипломатической аренѣ, въ измѣненномъ и болѣе грандіозномъ видѣ. Виды на Кипръ были отодвинуты на задній планъ; суть проекта составляло изгнаніе турокъ изъ Балканскаго полуострова, освобожденіе Сербіи и Болгаріи, и воцареніе въ нихъ савойскаго герцога съ титуломъ короля. Проектъ этотъ былъ внушенъ Эмануилу папой Павломъ V. Поддержка папы являлась великимъ подспорьемъ. Павелъ помогалъ герцогу вести переговоры съ Венеціей, Флоренціей и Испаніей о заключеніи союзовъ. Испанскому королю было обѣщано расширеніе его владѣній, между прочимъ—цѣлый Египетъ; онъ же согласился оказать матеріальное содѣйствіе Эмануилу, втайнѣ рассчитывая, что удаленіе этого хотя и не могущественнаго, но предприимчиваго и безпокойнаго, сосѣда изъ Италіи и водвореніе его на Балканскомъ полуостровѣ устранить политическія усложненія въ подвластныхъ Испаніи областяхъ Апенинскаго полуострова. Желаніе же самаго Эмануила надѣтъ на себя болгарскую корону было такъ сильно, что онъ дозволилъ своему послу, отправленному

въ Мадридъ, намекнуть о готовности считать себя въ Болгаріи вассаломъ испанскаго короля. Предполагалось, что его царство будетъ состоять изъ Болгаріи, Босніи, Герцеговины и Македоніи. Агенты папы и герцога не безуспѣшно подготавливали возстаніе въ этихъ областяхъ, и сносились съ мѣстнымъ христіанскимъ духовенствомъ. Кипріоты, чрезъ посредство архіепископовъ и ихъ пословъ, сносились съ туринскимъ правительствомъ. Въ историческомъ музеѣ Савойскаго дома сохранились весьма интересные документы и письма, относящіеся до всѣхъ этихъ приготовленій. Сохранился также списокъ войска и судовъ, предназначенныхъ для экспедиціи. Оказывается, что

Населеніе освобождаемыхъ балканскихъ странъ обѣщало выставить вооруженныхъ людей	50,000
Папа Римскій обѣщаль выслать и содержать на свой счетъ	12,000
Король испанскій, тоже	12,000
Герцогъ савойскій, тоже	6,000
Итого	80,000

Десантный флотъ долженъ былъ состояться изъ:

20 галеръ испанскаго короля (изъ Неаполя и Сициліи).

- 5 » папы Римскаго.
- 5 » Генуэзской республики.
- 5 » Мальтійскихъ.
- 5 » Савойскихъ.

30 пушекъ, порохъ и снаряды, долженъ былъ доставить Эмануилъ; оружіе же огнестрѣльное для 40,000 инсургентовъ испанскій король. Лепта будущаго болгарскаго короля была весьма скромная сравнительно съ тѣмъ, что вносили въ предпріятіе его союзники; но всѣмъ имъ были обѣщаны расширенія ихъ владѣній. Для папы же было особенно важно распространеніе католическаго вліянія на Балканскій полуостровъ.

Осенью 1608 года, было отправлено Эмануиломъ къ патріарху болгарскому Іоанну посольство, во главѣ котораго стояли довѣренныя герцогу лица, Филибертъ ди-Прована, синьоръ Лейни, и албанецъ капитанъ Иванъ Ренексичъ (поитальянски Giovanni Renesi). Плодомъ этого посольства было приведенное въ началѣ нашей замѣтки письмо патріарха, а также письмо воеводы Гардана, завѣрявшаго герцога, какъ и патріархъ, въ готовности всѣхъ воеводъ и народа стать подъ знамена Карла Эмануила I, какъ только онъ появится среди нихъ.

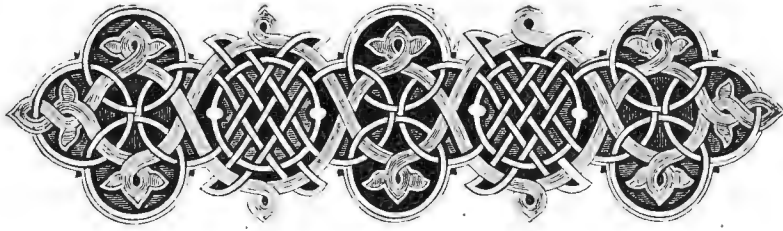
Эти письма и личныя соображенія пословъ, доставившихъ ихъ въ Туринъ, повидимому окончательно утвердили намѣренія Эмануила, и готовность его союзниковъ. Въ февралѣ 1609 года все

было установлено дипломатически. Союзы заключены, обязательства союзниковъ доставлены въ Туринъ; войска, на вышеисчисленныхъ судахъ, должны были отплыть изъ неаполитанскаго порта, главное командованіе сухопутными и морскими силами возлагалось на Карла Эмануила; десантъ долженъ былъ высадится въ Албаніи, занять Македонію, вытѣснить турокъ изъ Сербіи, Герцеговины, Босніи и Болгаріи. Кипръ долженъ былъ возстать. И духовенство и воеводы ждали только сигнала.

Но сигнала не послѣдовало, ибо ни одинъ изъ союзниковъ Эмануила, да и онъ самъ, не могъ въ требуемый моментъ располагать обѣщаннымъ числомъ судовъ и воиновъ. Усложненіе сосѣдскихъ отношеній связывало имъ руки. Карлъ Эмануилъ долженъ былъ разстаться съ мечтой о болгарской коронѣ, и утѣшиться переговорами съ Франціей о присоединеніи къ его владѣніямъ герцогства Миланскаго.

Н. Фирсовъ.

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСІЯ.

Очеркъ ¹⁾.

I.

ПЕРСЫ называютъ свое отечество «Иранъ». Слово же «Персія» взято съ санскритскаго «Paṛasa», что означаетъ страну лежащую по ту сторону горъ, т. е. за Гималаями. Пространство Персіи около 636 т. квадратныхъ верстъ, а жителей немного болѣе семи миллионѣвъ. Повелитель страны шахъ Насръ-Эдинъ происходитъ изъ Каджарской династіи, воцарившейся въ концѣ прошлаго столѣтія. Онъ вошелъ на престолъ въ 1848 году какъ четвертый монархъ въ этой линіи, заставъ свои владѣнія въ самомъ плачевномъ состояніи—финансы были истощены, а внутри возстаніе шло

¹⁾ Очеркъ составленъ по англійскимъ источникамъ. Вотъ полный списокъ новѣйшей англійской литературы о Персіи: 1) Persia by g. Fowler; 2) Persia and Afhanistan by Ridgway; 3) Persia and Turquey by Stuart; 4) Travels in Persia by Southgate; 5) British interest in Persia by Brydes; 6) Court Ceople of Persia by Kitto; 7) Residence in Persia by I. Perkins; 8) Sketches of Persia by I. Malcolm; 9) Travels in Persia H. Allen; 10) Persia by M. Ibraheem; 11) Persia—Letters by C. Stewart; 12) Present State of Persia I. Ferrier; 13) Two years Travel in Persia W. Shepherd; 14) Persia During the Tamine W. Buttler; 15) Though Persia A. Arnold; 16) Persia's Shah—State Visit to her Majesty-Pickering; 17) In the Land of the Lion and Sun by C. Wills; 18) Persia as it is by C. Wills; 19) Persia by Foldsmid; 20) Persia as an Ally by A. Yate (National R. January 1886). 21) Persian Portraits by Arbuthnot; 22) Persia, the Land of the Jmanis by J. Bassett; 23) Persia and the Persians, by Benjamin 1887.

за возстаніемъ. Насръ-Эддинъ, водворивъ миръ и порядокъ, упрочилъ свои международныя отношенія какъ къ Англіи, такъ и къ Россіи и Турціи. Это человекъ не только съ государственнымъ умомъ, но и съ литературнымъ, а также художественнымъ талантомъ. Исторія отведетъ ему почетное мѣсто, ибо онъ много сдѣлалъ добра своему отечеству, кончина же его грозитъ Персіи великими бѣдствіями и новыми безпорядками.

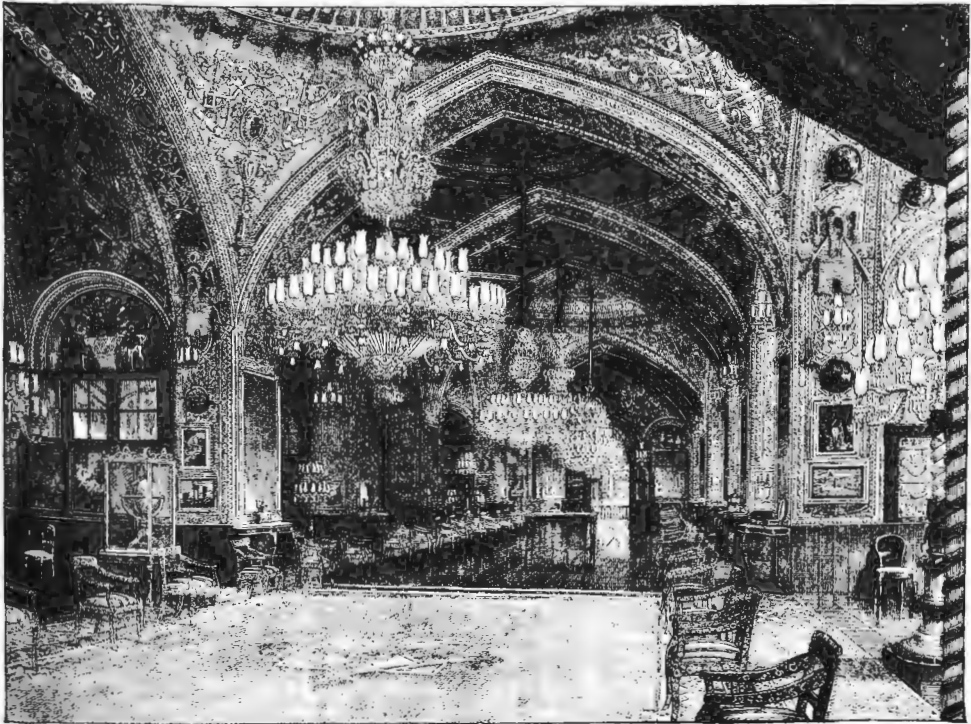
Насръ-Эддинъ издалъ два обширныхъ сочиненія. Одно посвящено описанію его путешествій по Европѣ въ 1873 году; другое, считается знатоками превосходнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ трудомъ; оно состоитъ изъ двухъ обширныхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ дѣльный рассказъ о настоящемъ положеніи и объ исторіи всѣхъ персидскихъ провинцій. Сочиненіе украшено множествомъ иллюстрацій собственноручныхъ рисунковъ шаха въ видѣ снимковъ съ натуры. Чтобъ вполнѣ понять значеніе такого труда, слѣдуетъ помнить, что у монарха съ неограниченной властью, слишкомъ много дѣлъ, чтобъ можно было легко отдаваться литературнымъ занятіямъ, а также и безкнижность страны. Въ Персіи нѣтъ до сихъ поръ туземныхъ типографій. Всѣ книги переписываются каллиграфами-артистами и затѣмъ оттискиваются на камнѣ и литографируются. Шахъ принимаетъ дѣятельное участіе и въ периодической прессѣ. Онъ ведетъ аккуратнѣйшимъ образомъ дневникъ наиболѣе интереснымъ событіямъ въ странѣ и ежемѣсячно даетъ замѣтки въ мѣстную хронику двухъ персидскихъ журналовъ, изъ которыхъ одинъ издается даже съ иллюстраціями. Есть еще въ Тегеранѣ третій официальный журналъ, основанный въ 1885 г., публикуемый на французскомъ языкѣ. Всѣ три журнала издаются на казенныя деньги и свободная повременная печать въ Персіи еще не народилась. Любовь къ искусству проявляется у шаха порой и въ игривой формѣ. Вотъ, на примѣръ, что рассказываетъ г. Бенжаменъ какъ очевидецъ: «Я былъ въ гостяхъ у министра иностранныхъ дѣлъ, когда ему принесли письмо отъ шаха. Всѣ встали; министръ съ благоговѣніемъ приложилъ письмо ко лбу, груди и губамъ, затѣмъ прочелъ и, показывая намъ на конвертѣ рисунокъ, изображающій перо и чернилицу, сказалъ: — «это, означаетъ, что его величество сегодня въ хорошемъ расположеніи духа». Во дворцѣ, впрочемъ, не одинъ шахъ занимается литературой. Его семидесятилѣтній дядя, славящійся необыкновенной красотой, принцъ Фирма, написалъ всемірную географію и составилъ англоперсидскій словарь.

Дворцы Насръ-Эдина, до сихъ поръ съ достоинствомъ свидѣтельствуютъ о великомъ прошломъ Персіи. Ихъ множество и они всегда открыты для посѣтителей иностранцевъ, которымъ охотно показываютъ и драгоцѣнности повелителя. Главный дворецъ, конечно, въ столицѣ Тегеранѣ. Онъ сохраняетъ старинное названіе «Арки» и въ немъ соединены—роскошь резиденціи монарха, музей замѣ-

чательныхъ вещей, помѣщенія для министерствъ, школа и даже звѣринецъ. Рассказываютъ, что ни одни изъ императорскихъ салоновъ Европы не производятъ такого поражающаго впечатлѣнія какъ зало «Павлиноваго трона» въ дворцѣ шаха. Главный эффектъ ея въ массѣ зеркалъ, золота, драгоценныхъ камней, колонъ и прекрасныхъ портретовъ покойныхъ властелиновъ страны. Какое обиліе драгоценностей хранится у шаха можно судить по слѣдующей затѣѣ его. Персидскій поэтъ и каллиграфъ Мирза-Гелемъ-Реза изготовилъ для шаха въ золотой массивной рамѣ глобусъ 20 вершковъ въ діаметрѣ; океаны, моря и рѣки на этомъ глобусѣ изображены мозаикой изъ крупнѣйшей бирюзы, каждая держава различными драгоценными камнями—рубинами, изумрудами, сапфирами, опалами и т. д.; а Персія обозначена мозаикой изъ брилліантовъ чистѣйшей воды. Въ праздничные дни и для пріема дипломатическаго корпуса шахъ надѣваетъ феску и мундиръ, обшитые почти сплошь дорогими камнями, также какъ рукоятка и ножны его сабли. Тегеранскій дворецъ освѣщается электричествомъ и имѣетъ электрическіе звонки. Эта цивилизація, однако, не помѣшала его величеству, при слѣдованіи на русскомъ пароходѣ въ Астрахань, лечь спать подъ столъ, а сапоги поставить на кровать. Востокъ еще не любитъ кроватей и предпочитаетъ имъ просторъ пола. Въ саду дворца масса звѣрей, до такой степени выхоленныхъ и прирученныхъ, что нерѣдко шахъ лобуетъ, приказывая выпустить ихъ изъ клѣтокъ, и, забавляясь, какъ мирно и любовно прогуливаются рядомъ львы, тигры, пантеры, козы и дикіе бараны, не пугаясь и не обижая другъ друга.

Персія какъ страна Востока,—страна непонятной для европейца смѣси жестокости, деспотизма и добродушія. Настоящій шахъ много способствовалъ упрощенію нравовъ, о недавнихъ же его предкахъ исторія рассказываетъ массу звѣрскихъ поступковъ. У всѣхъ еще на памяти трагическая участь одного изъ лучшихъ персидскихъ поэтовъ и государственныхъ людей Каймакана, по прозванію Великаго. Онъ пользовался въ царствованіе Магомета шаха огромной популярностью. Магометъ завидовалъ его громкой литературной и общественной славѣ и въ одну изъ мрачныхъ минутъ приступа зависти послалъ къ Каймакану убійцъ. Они пришли и заявили поэту, что по приказу монарха ему даруется лишь пять минутъ жизни. Каймаканъ тотчасъ схватилъ перо и написалъ четырехстишіе, обратившееся нынѣ въ любимую пословицу персовъ: «Такова жизнь! Она то осыпаетъ насъ почестями, то повергаетъ въ терновникъ. Судьба, подобно фокуснику, рада продѣлать съ нами тысячу такихъ надувательствъ!» Черезъ пять минутъ поэта положили между матрасами и задушили. Отличается жестокостями и старшій сынъ шаха какъ увидимъ далѣе, но на совѣсти Насръ-Эдина нѣтъ такихъ безумныхъ кровавыхъ фактовъ, хотя онъ вла-

стителъ суровый и гдѣ нужно показать свою правительственную силу не церемонится. Когда, напримѣръ, жители города Джемджана, прельщенные проповѣдью мусульманскаго фанатика-соціалиста Баби пропагандировавшаго въ началѣ настоящаго столѣтїя общее братство и равенство имущества, возстали въ 1881 году, то шахъ круто расправился съ опасной крамолой. Онъ собралъ войско осадилъ и взявъ приступомъ городъ Джемджанъ, проповѣдниковъ казнилъ, а жителей перебилъ всѣхъ отъ мало до велика.

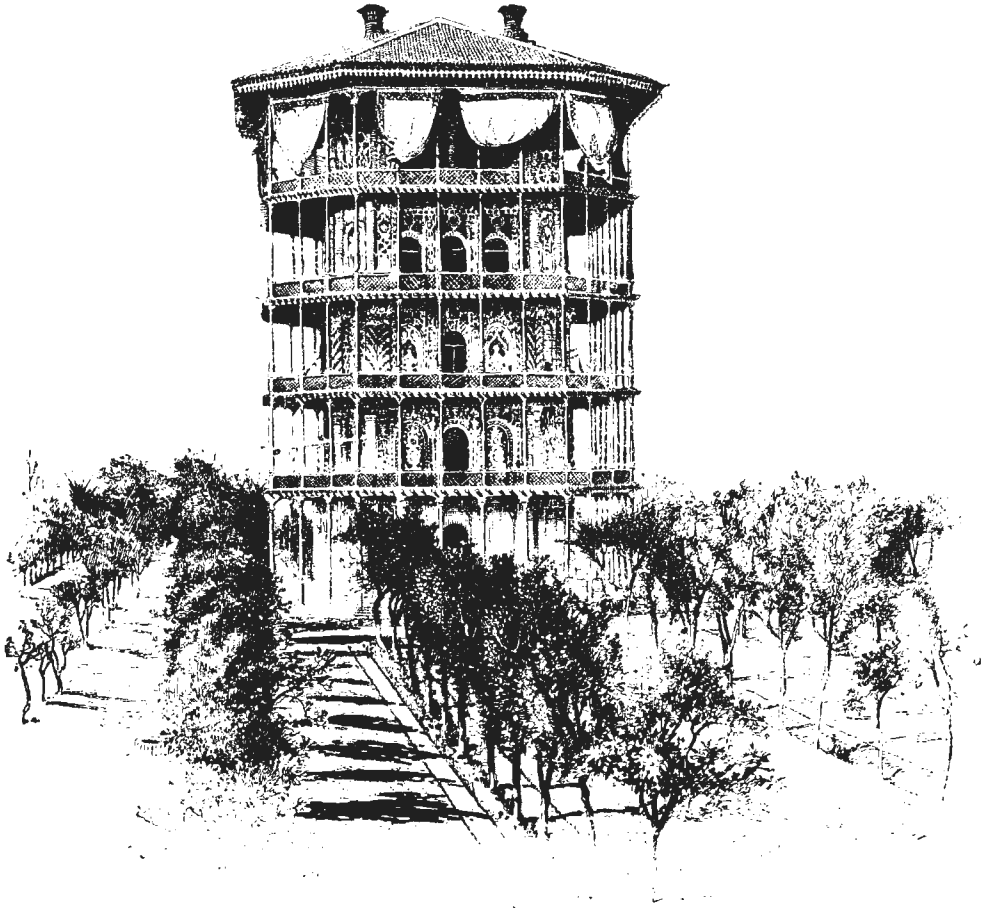
Аудиенцъ-зала въ Тегеранскомъ дворцѣ.

Нѣтъ у шаха и того безцеремоннаго отношенїя къ приближеннымъ, какое практиковалось его предками. Пржеііе повелители Персїи, большіе любители женщинъ и многолудныхъ гаремовъ, какъ всѣ восточные властители, часто пользовались своей неограниченной волей и прихотью въ ущербъ достоинству и чести придворныхъ. Желая избавиться отъ надѣвшеіі супруги, они дарили старе своего гарема въ видѣ награды передворцамъ. Составилось даже техническое названіе для такого подарка: «старый дворцовый верблюдъ». Затѣмъ въ Персїи есть обычай посѣщенїа шахомъ своихъ поданныхъ. Дѣлается это такъ: повелитель посылаетъ избран-

ному сказать, что въ такой-то день и часъ монархъ осчастливитъ его и будетъ кушать у него обѣдъ или ужинъ. Избранный тотчасъ принимается сорить деньги, украшая домъ и садъ, а наканунѣ монаршаго визита къ нему переѣзжаютъ дворцовая кухня съ посудой и присяжные контролеры, обязанные попробовать въ доказательство безвредности каждое блюдо при подачѣ его на столъ. Шаха принимаютъ въ селамникѣ, т. е. на мужской половинѣ дома. Повелитель тутъ какъ во дворцѣ кушаетъ одинъ, а хозяинъ лишь прислуживаетъ ему. Послѣ обѣда или ужина шаха приглашаютъ въ гаремъ, гдѣ для монарха нѣтъ закрытыхъ лицъ; жены молодыя и старыя всѣхъ гаремовъ должны явиться передъ нимъ во всей своей натуральной красотѣ. Насръ-Эдинъ и тутъ не обижаетъ подданныхъ, но предки его пользовались такими удобными случаями: они принимались расхваливать понравившихся имъ женщинъ, а этикетъ обязываетъ подданнаго послать шаху любимѣйшую жену, если она произвела пріятное впечатлѣніе на повелителя. Къ чести женщинъ слѣдуетъ сказать, что этотъ обычай доставлялъ мужчинамъ власть, почетъ и богатство. Жены, преподнесенныя шаху при его визитѣ подданному, нерѣдко пользовались своимъ новымъ положеніемъ, чтобъ доставить покинутому мужу сильную протекцію. Наконецъ, сдѣлалъ шахъ многое и для государственной жизни народа. Онъ не ломалъ исторіи своей страны и не старался нарядить ея въ европейское платье, хотя Европа ему не чужда—онъ хорошо говоритъ пофранцузски и постоянно читаетъ французскія газеты и книги. Какъ человѣкъ талантливый, шахъ понимаетъ, что каждый народъ долженъ жить своей собственной жизнью. При томъ, у него есть соперникъ во власти и влияніи на толпу въ лицѣ духовенства. Известно, что мусульманская религія дѣлится на двѣ главныя секты—сунитовъ и шиитовъ. Къ первымъ принадлежатъ турки, афганцы, арабы и большая часть моголовъ Индіи. По ихъ вѣрованію калифатъ переданъ самимъ пророкомъ Абу-Аби-Бекъ-Осману; персы же исповѣдуютъ религію шиитовъ, т. е. вѣрують, что калифатъ переданъ зятю Магомета Али и его двумъ сыновьямъ Гассану и Гуссейну, а отъ нихъ двѣнадцати святымъ имамамъ, которые всѣ убиты за исключеніемъ одного, имѣющаго прийти на землю подъ именемъ Махди и соединить воедино всѣхъ вѣрующихъ въ пророка. Покойный египетскій махди поэтому заставилъ сильно волноваться умы въ Персіи и Индіи. Народъ Персіи очень религіозенъ, что поддерживается присутствіемъ въ странѣ старинныхъ монастырей съ гробницами популярнаго святого Реза въ Мешедѣ, св. Гуссейна и т. д., ежегодно собирающихъ сотню тысячъ богомольцевъ и имѣющихъ даже по официальной отчетности сотни тысячъ рублей дохода. Шиитская секта считается наиболѣе фанатичной изъ мусульманскихъ вѣрованій. Турки-шииты, населяющіе сѣверо-западную провинцію Персіи, Азербайджанъ, гораздо нетерпимѣ своихъ

соплеменниковъ-сунитовъ въ Оттоманской имперіи. Американскій посоль Бенжамень разсказываетъ, что еще въ 1885 году онъ по совѣту губернатора Тавриза долженъ былъ выслать изъ этой провинціи миссіонеровъ и закрыть ихъ школы, такъ какъ народъ грозилъ всеобщимъ избіеніемъ христіанъ... Пока Махди не соблаговолить сойти на землю и открыться правовѣрному народу, его мѣ-

Лѣтній дворецъ шаха въ Эвзелі.

сто хранить возлѣ трона шіитскій папа Местофи-Мамолекъ—главный священникъ. Съ духовной точки зрѣнія власть Мамолека выше и священнѣе шаха и отказать ему въ повиновеніи величайшій грѣхъ. За этимъ первосвященникомъ стоитъ цѣлый сонмъ разнаго духовенства отъ муллъ до дервишей, живо заинтересованныхъ, конечно, въ сохраненіи государственнаго status quo, ибо на Востокѣ нѣтъ границъ между религіей и государствомъ, между ко-

раномъ и кодексомъ. Вступать въ борьбу съ духовенствомъ не рѣшился бы и Петръ Великій, еслибъ онъ былъ монархомъ Персіи. Между тѣмъ, недалновидные политики Европы, привыкшіе все и всѣхъ мѣрять на свой эгоистическій аршинъ, приписываютъ самостоятельность жизни Персіи влиянію Россіи, которая удерживаетъ будто бы добраго сосѣда отъ прогресса ради страха, что прогрессъ приведетъ сосѣда къ дружбѣ съ Англійей. Такую клевету читатель навѣрно найдетъ во всякой англійской книжкѣ и статьѣ посвященной Персіи. На дѣлѣ, какъ видите, совсѣмъ другіе причины мѣшаютъ превращенію Персіи въ Египетъ. Шахъ не Измаилъ папа и его величайшей заслугой нужно считать, что онъ совсѣмъ не прельщается европейской удочкой, столь быстро и вѣрно обращающеюся въ смертоносную петлю на шеѣ восточныхъ повелителей: шахъ не дѣлаетъ займовъ и у Персіи нѣтъ ни гроша государственныхъ долговъ. Правда, во время путешествія по Европѣ его успѣли было склонить къ опасному пути и уговорили дать нѣкому антрепренеру Рейтеру монополію чуть не на управленіе государствомъ и думали, что петля на Персію уже накинута, но ошиблись. Шахъ до сихъ поръ не хочетъ и вспоминать о подписанной имъ концессіи съ европейскими и американскими проходами. За то мѣстные законы приведены по повелѣнію шаха въ порядокъ туземнымъ знатокомъ дѣла Шейкомъ-Ибинъ-Али-Айя. Съ ихъ оригинальнымъ содержаніемъ мы познакомимся въ главѣ о законахъ и судахъ Персіи. Затѣмъ, уничтожена въ Персіи ея старая язва разбойничество. Шахъ по обычаю круто расправился съ ней. Пойманныхъ разбойниковъ живьемъ сажали въ каменные ямы и живьемъ заливали ихъ на перекресткахъ дорогъ алебастромъ, выставляя на видъ для устрашенія голову или ноги казненнаго. За то иностранцы единогласно утверждаютъ, что теперь путешествіе по Персіи совершенно безопасно и даже среди полудикихъ племенъ, управляемыхъ своими ханами, состоящими лишь вассальной зависимости отъ шаха, иностранецъ, получая свой конвой, никогда не подвергается нападенію. Сами англичане признали эту заслугу шаха. Въ 1884—1885 годахъ во время работы по разграниченію новыхъ владѣній Россіи отъ Афганистана ежемесячно изъ Индіи въ Хоросанъ провозили черезъ всю Персію по восьмидесяти тысячъ долларовъ въ золотѣ и серебрѣ. Не смотря на слабость конвоя, всѣ эти денежные караваны совершили свой путь вполне благополучно. Наконецъ, иностранные политики не даромъ хвалятъ и умѣне шаха держать сыновей въ повиновеніи, не смотря на столь сильныя влиянія на нихъ со стороны Англии.

Главнымъ недостаткомъ Насръ-Эдина считаютъ сребролюбіе. По персидскому обычаю, подарки играютъ великую роль въ жизни. Въ Персіи не только всѣ другъ друга дарятъ, но чѣмъ властнѣе лицо, тѣмъ больше оно живетъ подарками, ибо подобающая цѣнность по-

ШАХЪ ПЕРСИДСКІЙ НАСРЪ-ЭДИНЪ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СЫЕ., 21 ДЕКЯБРЯ 1888 Г.

слѣднаго опредѣляется не состоятельностью дарителя, а рангомъ одаряемаго. Генеральъ посылаетъ капитану блюдо съ фруктами, а капитанъ долженъ въ отвѣтъ прислать генералу брилліантъ, иначе выйдетъ оскорбленіе. На Востокѣ обычаи сильнѣе законовъ. Однажды въ гостяхъ шіитскому папѣ Местофи-Мамолекъ по ошибкѣ поднесли трубку позже чѣмъ другому посѣтителю; бѣдный Местофа тутъ же далъ клятву никогда больше не курить, чтобъ избѣжать повторенія подобнаго affronta и вотъ уже сорокъ лѣтъ держитъ клятву. Немудрено, что и шахъ, какъ персъ, тоже любитъ подарки и чѣмъ богаче они, тѣмъ пріятнѣе ему, какъ болѣе соответствующіе монаршему сану. Затѣмъ онъ продаетъ должности. По стародавнему обычаю на крупныя мѣста шахъ съ совѣтниками избираетъ двухъ-трехъ наиболѣе достойныхъ кандидатовъ, вызываетъ ихъ и предлагаетъ имъ пріобрѣсти мѣсто по соревнованію, говоря проще — съ аукціона, кто больше дастъ за вакантную должность. Но и тутъ есть у шаха свое національное оправданіе. Въ Персіи источники государственныхъ доходовъ развиты очень плохо. Въ Европѣ нельзя шагу ступить, чтобъ не заплатить какой-нибудь прямой или косвенный налогъ. Въ странѣ же «Льва и Солнца» опредѣленныхъ налоговъ мало, но главнымъ администраторамъ предоставляется брать по усмотрѣнію для себя и для казны, т. е. по преимуществу съ богатыхъ лицъ. Выстроилъ, напримѣръ, въ городѣ Болокъ, еврей-капиталистъ, домъ изъ рукъ вонъ роскошный. Пріѣхалъ губернаторъ, полюбовался и говоритъ еврею: «вотъ что, другъ любезный, ты будешь платить въ десять разъ больше прежняго; теперя я вижу и понимаю какъ ты богатъ!» При такой финансовой патріархальной системѣ, казна должна чѣмъ-нибудь гарантировать себя, вотъ она и гарантируетъ выше описанными аукціонами. Молва утверждаетъ, что шахъ очень богатъ и что въ стѣнахъ дворца имъ спрятана сотня милліоновъ золотомъ и несмѣтное количество драгоценностей.

О внутренней жизни двора путешественники рассказываютъ не мало интересныхъ и забавныхъ фактовъ. Главный праздникъ для персовъ—новый годъ. Онъ имѣетъ у нихъ не простое лѣтосчислительное значеніе; тамъ астрологи наблюдаютъ моментъ наступленія новаго года, муллы освящаютъ торжество богослуженіемъ, а народъ празднуетъ закланіемъ жертвы невидимому Богу. Во дворцѣ совершается слѣдующая церемонія. За нѣсколько минутъ до наступленія новаго года, будь это днемъ или ночью, собираются въ тронную залу всѣ придворные въ парадныхъ мундирахъ и орденахъ. Принцъ крови и духовенство, единственные лица имѣющія право въ присутствіи шаха сидѣть, конечно, повосточному на корточкахъ, занимаютъ первое мѣсто. Выходитъ шахъ и медленной поступью идетъ рядами своихъ подданныхъ къ трону, гдѣ разосланъ для него жемчужный коверъ. Сзади шаха слѣдуетъ принцъ цар-

скаго рода, а за нимъ слуги на подносахъ несутъ новую серебряную и золотую монету. Передъ трономъ ставятъ несмѣтное количество блюдъ со всѣми плодами водъ и земли Персіи. Шахъ кадитъ ладономъ и когда астрологъ объявляетъ новый годъ наступившимъ, онъ беретъ коранъ, украшенный драгоценными камнями, и приложивъ его къ груди, лбу и губамъ, обращается ко всему собранію съ словами: «Момбарекъ—баушедь! Да будетъ этотъ годъ счастливымъ для васъ!» Тотчасъ мулла прочитываетъ надлежащую молитву и придворные по чиновной очереди подходятъ къ монарху и поздравляютъ его. шахъ же каждому изъ нихъ даетъ горсть или двѣ новыхъ золотыхъ монетъ. Затѣмъ слѣдуетъ обычное представленіе дипломатическаго корпуса. Послѣ же полудня въ новый годъ шахъ устраиваетъ публичныя скачки.

Встаетъ Насръ-Эдинъ съ разсвѣтомъ, принимаетъ доклады министровъ и въ 12 часовъ выходитъ къ завтраку, на который подается до пятидесяти блюдъ. При дешевиизнѣ жизненныхъ продуктовъ въ Персіи, такая роскошь не особенно раззорительна. Выбирая болѣе вкусныя и желанныя блюда, повелитель кушаетъ и пьетъ молоко или шербетъ. Придворные и принцы не имѣютъ права ѣды во время присутствія монарха, не смѣютъ также говорить, если монархъ не спрашиваетъ; обращеніе же его къ кому-либо считается великою честью. Закусивъ, шахъ удаляется и остатки кушаній становятся завтракомъ для всѣхъ присутствующихъ. Въ девять часовъ вечера Насръ-Эдинъ обѣдаетъ. Будучи артистомъ по природѣ, онъ страстно любитъ музыку, содержитъ хорошій оркестръ и весьма не дурно играетъ на любимомъ инструментѣ въ Персіи — флейтѣ. Оркестръ также часто играетъ во дворцѣ и всегда во время обѣда, на который ежедневно приглашаются высшіе чины двора, среди которыхъ почетное мѣсто занимаетъ «смотритель павлиновъ», должность возложенная на англійскаго резидента Ронольда Томсона, уже 40 лѣтъ проживающаго въ странѣ и имѣющаго большое вліяніе на шаха. Не послѣднее мѣсто среди царедворцевъ занимаетъ и лейб-цирульникъ, какъ особа, заносщая остріе лезвія на монаршее чело, и кровопускатель. За обѣденнымъ столомъ онъ сидитъ рядомъ съ министрами.

Шахъ, какъ и всѣ суверены, любитъ жаловаться на стѣсненія этикета и мечтать о свободѣ. Дворецъ и церемоніи не рѣдко кажутся ему тюрьмой и каторжной жизнью. Но, конечно, дѣло ограничивается одной платонической печалью, ибо для дворцовой челяди строгій этикетъ часто служитъ прекрасной занавѣсью, скрывающей отъ повелителя недостатокъ ума, чести и воли его совѣтниковъ. Американскій посланникъ приводитъ одинъ изъ обращеній бесѣды шаха съ приближенными такого содержанія:

— Скажите, — спрашиваетъ шахъ у придворныхъ, — почему Амуръ-Ширвану дали прозваніе «Справедливаго?»

— Потому что онъ былъ справедливъ,—отвѣчаютъ остроумные обесѣдники.

— А развѣ Насръ-Эдинъ не справедливъ? — обижается шахъ.

Придворные потупились и молчатъ.

— О, вы невозрожденные сыны саженныхъ отцовъ!—сердится а нихъ шахъ,—если бъ самъ Ануръ-Ширванъ былъ окруженъ та-
ой испорченной и обезславленной сволочью какъ вы, то и онъ не
аслужилъ бы прозванія «Справедливаго!»

Повелитель Персіи имѣетъ полное право такъ думать о своихъ
риближенныхъ. Доказательство тому одинъ случай на охотѣ. Шахъ

Горный видъ въ южной Персіи.

льшой любитель спорта, отличный и храбрый стрѣлокъ. За нѣ-
олько дней до отправленія на охоту, въ столицѣ стрѣляютъ изъ
ушекъ, а евнухи развѣзжаютъ съ нагайками по предположенному
ути, громко предупреждая жителей, чтобъ никто не смѣлъ встрѣ-
таться съ его величествомъ. Предосторожности эти необходимы, ибо
а длинную охоту шахъ забираетъ съ собой добрую частичку га-
ма. Ёдетъ онъ всегда на конѣ, у котораго хвостъ выкрашенъ въ
расную краску. Никто другой не смѣетъ ѣздить на такой изуро-
ванной лошади. Во время прогулокъ по городу и за городомъ, шахъ
ѣбается очень просто—въ черной парѣ и черной фескѣ безъ ка-

кихъ-либо знаковъ отличія. Лучшая мѣстность для охоты въ Персіи—ея сѣверная прикаспійская часть. Тамъ обиліе воды и морскихъ тумановъ производитъ прекрасную тропическую растительность, которая кишитъ звѣрями, начиная съ тигровъ и пантеръ. Для жителей, въ особенности для иностранцевъ, эта часть страны очень вредна, такъ какъ лихорадки въ ней отличаются необыкновенною силой. Тутъ путешественнику грозитъ еще «песочная муха», отъ укуса которой тѣло начинаетъ гноиться и развивается столь нестерпимая боль, что укушенный долго не въ состояніи ни сидѣть, ни ходить. Эта муха обыкновенно летаетъ низко и кусаетъ въ ноги. На югѣ Персіи климатъ сухой и горячій, почти невыносимый для европейцевъ. Тамъ въ лѣтнюю пору даже караваны перестаютъ ходить. Центральная Персія славится, напротивъ, какъ самая здоровая провинція. Докторъ Уильсъ съ восхищеніемъ описываетъ сосѣдній намъ Востокъ, гдѣ «невинная рыбка еще не знаетъ измѣны удочки, а звѣрь свободно гуляетъ по лѣсамъ и чащамъ». Въ одну изъ такихъ охотъ, шахъ въ густомъ тростникѣ наткнулся лицомъ къ лицу съ тигромъ. Монархъ встрѣтилъ звѣря мѣткимъ ударомъ и повалилъ его къ своимъ ногамъ, но, оглянувшись, увидѣлъ, что трусливые царедворцы далеко утесли отъ опасности и возлѣ него только одинъ Эминъ-Дулэ... Когда тигръ издохъ, то царедворцы, конечно, воротились.

— Не стыдно ли,—укорилъ ихъ добродушный шахъ-артистъ,—вы убѣжали, оставивъ вашего повелителя въ опасности. Только Эминъ-Дулэ не покинулъ меня въ эту грозную минуту!

Но Эминъ человекъ не дюжиннаго ума. Онъ сообразилъ, что выказанная храбрость доставитъ ему лишь злобу зависти среди сослуживцевъ, ибо дурные люди несравненно строже осуждаютъ рыцарство, чѣмъ хорошіе—преступленія. Чтобъ избавиться отъ бѣды, хитрый Эминъ-Дулэ упалъ на колѣни и сказалъ:

— О, повелитель! Прости меня! Я не убѣжалъ лишь потому, что у меня отнялись отъ страха ноги...

Во время охоты шахъ любитъ простоту и заставляетъ министровъ собственноручно готовить обѣдъ. Въ Тегеранѣ часто продаются фотографическія карточки, изображающія министровъ—занимающимися чисткою картофеля, бобовъ, моркови и т. п.

Послѣ обѣда шахъ отправляется въ гаремъ. Тамъ его законныя жены и одалиски. Лучшая изъ послѣднихъ, пока она прельщаетъ повелителя, носить громкое названіе «Восторгъ государства». Главная жена шаха—его кузина Шуку-есъ-Султанэ, правнучка Футей-Али-Шаха, знаменитаго тѣмъ, что онъ оставилъ сто десять душъ дѣтей. Это мамаша наслѣдника престола. Вторая жена въ загонѣ за ея очень дурной характеръ. Третья супруга, красивая и веселая Анизидовлетъ, любимица шаха. Происхожденіе ея невеликое: однажды послѣ охоты шахъ увидѣлъ деревенскую дѣвушку, при-

шедшую къ фонтану за водой, прельстился ея личикомъ, взялъ съ собой и превратилъ въ султаншу. Аниси-Довлетъ была немножко въ Россіи. Отправляясь въ путешествіе по Европѣ, шахъ задумалъ взять съ собой для утѣшенія и прекрасную супругу, но въ Астрахани русскіе офицеры черезчуръ интересовались узнать, что скрывается подъ густой вуалью красавицы, и шахъ призналъ болѣе удобнымъ отослать супругу назадъ подъ замокъ дворцоваго гарема. Онъ, конечно, поступилъ вполне благоразумно, ибо иначе онъ не увидаль бы Шнейдера¹⁾.

Мужскіе глаза строго удаляются вообще отъ персидскихъ гаремовъ, а въ особенности, конечно, отъ гарема монарха. Даже во время прогулокъ дворцовыхъ особъ прекраснаго пола по улицамъ города всѣ мужчины должны безъ оглядки бѣжать прочь съ дороги. Американскій посоль не зналъ еще этого этикета и верхомъ въ сопровожденіи слуги ѣхалъ однажды по Тегерану совершенно съ спокойной совѣстью на встрѣчу дамамъ шаха. Но евнухи соблюли цѣломудріе гарема: они бросились на посла, затолкнули его въ переулокъ, а слугу избили. Вышла, разумѣется, важная исторія и началось объясненіе державъ; въ концѣ концовъ персидская дипломатія выиграла процессъ, заявивъ, что посоль самъ виноватъ, ибо онъ ѣхалъ лишь съ однимъ слугою, что для важной персоны вполне неприлично; имѣй онъ сотню слугъ при себѣ, евнухи догадались бы о его чинѣ и не рѣшились бы нанести оскорбленіе Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Полковникъ Терштейгенъ—австріецъ, состоящій на персидской службѣ, также попалъ было впросакъ. Онъ зазѣвался и не замѣтилъ, какъ экипажи дворцовыхъ дамъ догнали его. Бѣжать было поздно, но догадливый нѣмецъ не растерялся: онъ сталъ къ улицѣ задомъ и началъ отвѣшивать почтительные поклоны. Дамы со смѣхомъ рассказали объ этомъ событіи шаху, а шахъ очень благодарилъ нѣмца за скромность и догадливость.

Гаремная жизнь, конечно, одинакова во дворцѣ и въ частныхъ домахъ. Каждая изъ женъ шаха имѣетъ особый павильонъ, своихъ слугъ, экипажи и царедворцевъ. Кромѣ сыновей, у повелителя есть и дочери. Онъ выдаетъ ихъ за своихъ любимцевъ, которые по обычаю уже не имѣютъ права жениться вторично. Есть у него и родственники, также живущіе съ помпой, держа по нѣскольку сотенъ слугъ и дворцы.

---

¹⁾ Однажды шахъ, рассказываютъ французы, проживая въ Версальскомъ дворцѣ, просилъ прислать къ нему Шнейдеръ. Уговорили президента палаты депутатовъ г. Шнейдера исполнить просьбу. Однако шахъ, увидѣвъ старика-президента, очень рассердился, ибо ожидалъ присылки ему г-жи Шнейдеръ, известной опереточной пѣвицы того времени.

II.

У шаха только три сына. Старшій Эминъ-Довлетъ по прозванію «Зиль-Султанъ», 33 лѣтъ, красавецъ, вылитый отецъ не только по сходству въ лицѣ и фигурѣ, но даже по голосу и манерамъ. До послѣдней поры это былъ любимецъ и баловень монарха. Живетъ онъ въ Испагани и управляетъ всѣми южными провинціями Персіи. У него масса дворцовъ, много подчиненныхъ, слугъ и войска. Воля его — главный законъ для жителей, законъ тяжелый какъ тяжела рука самого принца. Про его жестокость ходитъ масса разказовъ, которые для насъ могутъ казаться сказками, но на Востокѣ они вещь обыденная и достовѣрная. У всѣхъ на памяти, напр., его расправа съ «Иль-Канъ», предводителемъ вассальнаго племени Бахтіаровъ. Ханъ былъ мудръ, собиралъ деньги, покупалъ оружіе и пользовался популярностью у своего народа, а въ преду-прежденіе несчастія, ежедневно събѣдалъ измельченный рубинъ. Но явилось подозрѣніе — не хочетъ ли онъ сбросить персидское иго. Зиль-Султанъ приглашаетъ «Канъ» къ себѣ въ гости, встрѣчаетъ поцарски и послѣ угощенія даетъ приказъ умертвить его. Сами персы не могутъ простить принцу этотъ поступокъ, въ которомъ былъ нарушенъ священнѣйшій изъ обычаевъ Востока — гостепрѣимство. Извѣстно также и оригинальное правосудіе принца. Его девизъ управлять страхомъ и для такой цѣли онъ каждое утро начинаетъ слѣдующей сценой: изъ тюрьмы приводятъ къ нему ежедневно двухъ преступниковъ; имамъ объясняетъ публично ихъ вину; принцъ тотчасъ приказываетъ убить «одну собаку», а другого отпустить на волю. Хорошъ тоже случай съ купцомъ изъ Испагани. Принцъ наложилъ на него огромныя подати; купецъ не снесъ обиды — поѣхалъ жаловаться къ шаху, обдѣлалъ дѣло ловко и съ радостью спѣшилъ домой, везя формальный приказъ монарха, повелѣвающій уменьшить налогъ. Призываетъ его принцъ:

— Ты ѣздилъ на меня жаловаться, на твоего князя? Молодецъ! я и не думалъ, что ты такой герой. У тебя должно быть сердце храброе, дайте мнѣ полюбоваться на него... И затѣмъ, обратившись къ слугамъ, крикнулъ:

— Возьмите этого героя, выньте изъ него сердце и покажите мнѣ.

Ужасный приговоръ былъ тотчасъ исполненъ и сердце несчастнаго принесено принцу на золотомъ блюдѣ...

Такимъ же дурнымъ человѣкомъ оказывается Зиль-Султанъ по отношенію къ своимъ братьямъ. Однажды, онъ обдѣдалъ у третьяго брата въ Тегеранѣ; подали ему на серебрѣ — «Я не привыкъ ѣсть на такой гадости!» воскликнулъ онъ и приказалъ принести свои золотыя тарелки и блюда. Послѣ смерти бывшаго министра ино-

странныхъ дѣлъ «Мирза-Сейедъ-Хана» принцу захотѣлось познаться съ бумагами министерства. Онъ далъ знать о томъ сыну покойнаго, а послѣдній, вмѣсто личнаго доклада, прислалъ сказать, что все готово для приѣма его высочества, и Зиль-Султанъ воспыпалъ такимъ гнѣвомъ за это невѣжество, что потребовалъ казни несчастнаго. Лишь воля шаха и заступничество иностранныхъ дипломатовъ спасли голову на плечахъ неосторожнаго чиновника. Господинъ Ризъ поредаетъ свой разговоръ съ Зиль-Султанъ въ прошломъ году, слѣдующимъ образомъ:

— Служили вы въ арміи? — спрашиваетъ принцъ путешественника.

— Нѣтъ.

— Жалѣю. Зачѣмъ вы странствуете здѣсь?

— Чтобъ выучиться поперидски и познакомиться съ страной, — отвѣчалъ Ризъ.

— Къ чему вамъ знать такъ много? У насъ никто ничего не знаетъ и право лучше. Я вотъ также знаю мало, но могу управлять цѣлою провинціей... Что слышали, будетъ у васъ война съ русскими?

— Не слыхалъ.

— А если будетъ, кто выйдетъ побѣдителемъ?

— Дай Богъ побѣду Англіи, — восклицаетъ англичанинъ.

— Можетъ случится, — меланхолически заключилъ бесѣду принцъ.

Проживая на югѣ Персіи, старшій принцъ естественно находится подъ вліяніемъ англичанъ; есть основаніе вѣрить, что онъ получаетъ даже постоянное жалованье отъ индо-британскаго правительства. За то англичане восхваляютъ его во всѣхъ газетахъ и журнальныхъ статьяхъ, хотя сами же въ серьезныхъ книгахъ рассказываютъ вышеприведенные звѣрскіе поступки его. Зиль-Султанъ, — говорятъ они, — человекъ способный, храбрый, «an able and intelligent ruler» — прекрасный управитель. Цѣль этихъ похвалъ и закупки принца не скрывается, да и не можетъ быть секретомъ по очевидной ясности ея. Англія живетъ паникой будущаго нашествія Россіи на Индію, эту истинную кормилицу англичанъ, и Великобританія готовитъ себѣ союзниковъ для защиты отъ ужаснаго будущаго. Персія по своему географическому положенію обязана играть важную роль въ приближающейся борьбѣ. Въ ея рукахъ нашъ закаспійскій желѣзнодорожный путь, она въ силу непреодолимыхъ обстоятельствъ должна быть главнымъ поставщикомъ съѣстныхъ припасовъ во время движенія русской арміи по сѣверной части Афганистана; наконецъ, персы бравый народъ, хорошо дерущійся и цѣнящій военную дисциплину. При русско-англійской борьбѣ въ Средней Азіи не только персидская помощь, но и дружественный нейтралитетъ Персіи можетъ значительно облегчить или

затруднить положеніе обѣихъ воюющихъ сторонъ. Шахъ Насръ-Эдинъ уже въ почтенныхъ годахъ, при томъ жизнь повелителей на Востокѣ при безответственности и безгласности народа всегда виситъ на волоскѣ, находясь во власти подкупной придворной челяди. Англичане знаютъ это и готовятся выставить задобреннаго ими принца наслѣдникомъ престола или, въ крайнемъ случаѣ, орудіемъ для внутреннихъ беспорядковъ въ Персіи, чтобъ ослабить страну и не дать ей возможность служить добрымъ другомъ сѣверному сосѣду.

Юридическаго права на престолонаслѣдіе у Зиль-Султанэ нѣтъ, какъ нѣтъ у него на то и международнаго права. По основнымъ законамъ Персіи, пріемникомъ шаха долженъ быть старшій сынъ, рожденный отъ матери царской крови; между тѣмъ, Зиль-Султанэ хотя и старшій сынъ, но мать его—Аниза-Довлетъ—крестьянка-прачка. По международному же соглашенію, утвержденному и Англійей, наслѣдникомъ престола признанъ второй сынъ султана, еще очень молодой человѣкъ, рожденный первой женой шаха—принцессой крови. Этотъ юноша и носилъ титулъ «Вали-Ада», даваемого лишь наслѣдникамъ престола. Онъ по примѣру старшаго брата тоже губернаторствуетъ, но въ сѣверо-западной провинціи Азербаджана, сосѣдней съ русскими владѣніями. Англичане не любятъ его, называютъ «русской куклой», обвиняютъ въ излишней покорности мулламъ, но за то не разсказываютъ о немъ такихъ звѣрскихъ исторій, какъ о Зиль-Султанэ. Британскіе политики соглашаются, что у Вали-Ада есть всѣ права на престолъ и что половина Персіи будетъ за него, большая часть духовенства также, но,—говорятъ они,—этотъ принцъ любитъ Россію, на престолѣ шаха онъ будетъ несчастіемъ для Индіи и потому надо помѣшать его успѣху...

Третій сынъ шаха, Наибъ-Султанэ; онъ живетъ въ Тегеранѣ и носитъ титулъ Амиръ-и-Рабира въ качествѣ главнокомандующаго всей персидской арміи. Это человѣкъ тонкій и благоразумный; ни одна изъ иностранныхъ державъ не называетъ его «своимъ», а для туземной арміи онъ сдѣлалъ все, что можно требовать отъ персидскаго государственнаго дѣятеля. Онъ пригласилъ инструкторовъ изъ всѣхъ военныхъ странъ Европы, поручивъ каждому особую отрасль арміи. Такъ русскіе офицеры обучаютъ персидскую кавалерію. Честь имъ и слава: даже англичане, столь не любящіе насъ, столь привыкшіе вѣрить лишь въ русскіе недостатки, единогласно и печатно заявляютъ, что персидская кавалерія подъ русской командой прекрасное войско и лучшая часть персидской арміи. О военныхъ силахъ Персіи спорятъ всѣ авторитеты по изученію страны. У насъ ихъ высчиталъ г. Лессаръ, у англичанъ г. Айетъ, въ недавно изданной имъ книгѣ «England and Russia face to face in Asia», гдѣ онъ оспариваетъ выводы г. Лессара.

Но мы не пишемъ статьи для военныхъ спеціалистовъ и для насъ, полагаю, будетъ достаточнымъ знать цифры приблизительныя, которыя мы находимъ въ книгѣ г. Бенжамена. Этотъ американецъ увѣряетъ, что на бумагѣ въ Персіи числится по мирному положенію 50 тыс. солдатъ, но въ дѣйствительности и налицо ихъ не болѣе 30 тыс.; въ случаѣ же войны легко можно набрать въ ряды регулярныхъ войскъ до 200 тыс. и, кромѣ того, почти безграничное число иррегулярныхъ полковъ, такъ какъ всѣ васальные номады состоятъ изъ воинственныхъ горныхъ и всегда готовыхъ къ бою народовъ. Общій отзывъ о персидскихъ солдатахъ самый восторженный: они храбры, стойки, послушны и довольствуются малымъ. Мистеръ Айетъ прямо заявляетъ, что персидское войско подъ командой англійскихъ офицеровъ, въ случаѣ похода Россіи на Индію, было бы драгоценнымъ сокровищемъ не только на полѣ битвы, но и въ качествѣ добраго примѣра для поддержки сомнительнаго дружелюбія афганскаго эмира къ Великобританіи.

Персидскій наслѣдственный принцъ.

Что касается до политики шаха, то слѣдуетъ отдать полную справедливость его умѣнью не падать среди двухъ огней и не позволять ни одному изъ нихъ зажечь пожаръ. Россія имѣетъ всѣ основанія считать шаха дружественнымъ монархомъ; въ его поли-

тикѣ послѣднихъ лѣтъ не было задоринки, доказывающей что-либо противоположное такой увѣренности. Съ другой стороны, Англія убѣждена, что Насръ-Эдинъ въ глубинѣ души питаетъ пламенное сочувствіе къ Великобританіи, но лишь боится выдать секретныя симпатіи, чтобы не вызвать бурю съ сѣвера. Эту увѣренность слѣдуетъ принять скорѣе за плодъ воображенія, настроеннаго знакомствомъ и кумовствомъ съ Зиль-Султанэ. Принцъ до послѣдней поры былъ любимѣйшимъ сыномъ шаха и, вѣроятно, старался вліять на отца въ смыслѣ англійскихъ симпатій или, по крайней мѣрѣ, хвастался такимъ вліяніемъ, возвышая тѣмъ въ глазахъ англичанъ собственную цѣну. Но въ прошломъ 1886 году британцы и тутъ потерпѣли большое пораженіе. Зиль-Султанэ добивался должности персидскаго премьера, англичане сильно помогали ему, отлично понимая, что подобная должность значительно приближала бы ихъ купленника къ желанному трону. Мѣсто было вакантное и по обычаю продавалось съ аукціона. Зиль-Султанэ предложилъ отцу баснословную цѣну и шахъ готовъ былъ утвердить его, но Амиръ-Рабиръ, третій сынъ шаха, главнокомандующій арміей, бросился къ ногамъ отца и заявилъ, что отдача такого поста Зиль-Султанэ грозитъ всей будущности Персіи, даже самой безопасности монарха. Надо полагать, что у Амира были данныя для покрѣпленія такого подозрѣнія, ибо шахъ не только не назначилъ Зиль-Султанэ премьеромъ, но и услалъ его въ Испагань, не дозволяя вновь безъ разрѣшенія являться въ столицу. Между тѣмъ, Яхія-Ханъ, явный сторонникъ Россіи, былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Помимо указанныхъ вопросовъ политики, въ Персіи есть и другіе весьма важные какъ для Россіи, такъ и Англіи, даже для всей Европы: Персія страна слабой мануфактурной производительности. Ковры, бирюза, да шелковая ткань—вотъ и весь перечень ея промышленной дѣятельности, хотя сырыми матеріалами она богата. Въ наше время такая держава непременно должна быть яблокомъ раздора, ибо торговать съ ней выгодно. До 1885 года Европа имѣла торный и прекрасный путь въ Персію по морямъ до Батума, оттуда рельсами въ Каспійское море или на Елизаветполь, забрасывая по дорогѣ и по всему Кавказу массу контрабанды. Россія, наконецъ, дождалась и закрыла эти двери для западно-европейской мануфактуры. Европа попробовала путь черезъ Турцію, но тутъ встрѣтились два непреодолимыхъ препятствія. Первое, въ лицѣ природы. Черезъ Трапезундъ, гдѣ Порто не беретъ ничего съ транзита нельзя пробраться—лѣтомъ горы, бездорожье и отсутствіе воды, а зимой—абсолютно непроходимые снѣга. Черезъ Багдадъ или Керманшакъ Турція не пускаетъ транзитъ, требуя уплаты пошлинъ и нельзя измѣнить такія условія, ибо таможенными налогами Турціи гарантирована значительная часть ея государственныхъ ввѣш-

нихъ займовъ. Такимъ образомъ, Россія, уничтоживъ закавказскій транзитъ, открыла персидскіе рынки для русской промышленности.

У Европы теперь одно средство побѣдить — устроить въ городѣ Махамерахъ, стоящемъ на Шать-Эль-Арабъ, одномъ изъ рукавовъ дельты Евфрата, портъ для приѣма иностранныхъ судовъ съ европейскимъ товаромъ изъ Персидскаго залива, а отъ Махамераха провести если не желѣзную, то сносную дорогу къ сердцу Персіи. Тогда явилась бы возможность осуществить извѣстный проектъ англичанъ о прямомъ пути изъ Лондона на Бассару, который почти на двѣ тысячи верстъ короче дороги черезъ Суэцъ. Теперь же этотъ путь невысмыслимъ — Персидскій заливъ мелокъ, а между дельтой Евфрата и столицей опять нѣтъ ни воды, ни годныхъ для значительнаго каравана тропинокъ. Европа, разумѣется, сильно настаиваетъ, чтобъ шахъ открылъ скатертью дорогу для европейскихъ товаровъ, но трудъ ея дипломатіи пропадаетъ даромъ. У Персіи, во-первыхъ, нѣтъ капиталовъ, чтобъ строить порты и шоссе, а во-вторыхъ, европейскіе миссіонеры столь надѣли персамъ, что муллы энергично противятся широкому раскрытію дверей страны христіанскимъ народамъ, которымъ Евангеліе не мѣшаетъ любить жестокіе барыши. Отказъ шаха и тутъ безсильная дипломатія приписываетъ дурному вліянію Россіи. Въ 1885 г. въ американской газетѣ «New-York-Herald» стали часто появляться статьи, указывающія на возможность эксплуатировать Россію и Персію одновременно, построивъ заводы и фабрики для обработки туземнаго сырья, въ особенности хлопка, въ сѣверныхъ провинціяхъ Персіи. Приглашались для дѣла американскіе капиталисты и указывалось, какъ на главную выгоду предпріятія, на спеціальнй торговый договоръ Россіи съ Персіей. Зная ее за страну, не имѣющую собственной мануфактуры, Россія при помощи своихъ фри-тредеровъ дипломатія заключила съ Персіей трактатъ о взаимныхъ очень низкихъ таможенныхъ пошлинахъ. Еслибъ Европа и Америка успѣли выстроить въ Персіи фабрики или просто проложить удобный и дешевый путь между Персидскимъ заливомъ и Каспійскимъ моремъ, то наша протекціонная политика получила бы жестокой ударъ: Европа и Америка ввозили бы къ намъ свою дешевую дрянъ черезъ Персію, оплачивая товары самой легонькой пошлиной. Для защиты отъ такой опасной ахилесовой пяты, недавно назначенному русскому посланнику при дворѣ шаха, князю Долгорукову, поручено вступить съ Персіей въ соглашеніе о новомъ коммерческомъ договорѣ¹⁾.

1885 годъ былъ чрезвычайно тяжелымъ для шаха; ежеминутно

¹⁾ Статья эта написана еще въ то время, когда автору не было извѣстно разрѣшеніе шаха англичанамъ свободнаго плаванія по рѣкѣ Каруну.

угрожая русско-англійской войной, дипломатія и въ Тегеранѣ по свидѣтельству американскаго посла, порессорилась лично: русскіе и англичане перестали видѣться и кланяться другъ съ другомъ. Когда великаны собираются драться, то карлику, стоящему между ними, приходится жутко. Тотчасъ какъ кончилось это несносное время для шаха, онъ обратился за утѣшеніемъ къ политическому папѣ Европы. Слухъ, конечно, дошелъ давно и въ Тегеранъ, что турецкій султанъ спитъ спокойнѣе съ той поры, какъ принялъ покровительство Бисмарка; захотѣлъ шахъ и для себя этого лекарства. Двоюродный братъ его, принцъ Ихтишемъ-Мирза, отправился съ специальной миссіей въ Берлинъ, а оттуда къ супругѣ Берлина— въ Вѣну; маршалъ же Мирза-Риза назначенъ постояннымъ представителемъ Персіи при дворѣ императора Вильгельма, и Германія, доселѣ неимѣвшая посла въ Персіи, нынѣ учреждаетъ постоянное представительство въ Тегеранѣ, оказавъ блестящій и лестный пріемъ шахскому кузину. Русская печать, при нашемъ слабомъ политическомъ развитіи, проглядѣла это событіе, но въ западной прессѣ оно было встрѣчено торжественнымъ звономъ.—«Германія отнынѣ облегла кругомъ Россіи,—радовались нѣмецкіе и британскіе листки,—она на западной границѣ сѣвернаго колосса, она въ Австріи, въ Турціи, Китаѣ и Персіи!» И листки совершенно правы... Германія уже начала свое обычное дѣло—она вооружаетъ новаго друга. Прежде у шаха была одна старая маленькая яхточка, теперь онъ за 350 тыс. рублей получилъ отъ нѣмцевъ два хорошихъ парохода—«Персеполисъ» и «Суза», плавающие въ Персидскомъ заливѣ. Есть, конечно, на этихъ судахъ и пушки, но по общему отзыву персы плохіе моряки—пароходы содержатся небрежно и еле ходятъ отъ насѣвшихъ на нихъ раковинъ.

Таково въ краткихъ словахъ настоящее международное положеніе Персіи. Даже изъ приведеннаго сжатаго обзора ясно, что странѣ этой въ недалекомъ будущемъ придется играть видную роль въ нашей отечественной исторіи. Это соображеніе и побудило автора слегка познакомить русскаго читателя съ маленькимъ южнымъ соѣдомъ, имя котораго, безъ сомнѣнія, скоро будетъ часто повторяться нами въ связи съ русскими интересами огромной важности.

III.

Мы уже сказали, что персы исповѣдуютъ шиитскую секту мусульманской вѣры. Какъ народъ восточный, какъ мусульмане, для которыхъ коранъ святой и свѣтскій законъ, персы, конечно, религіозны, фанатичны, и нѣтъ въ нихъ обычной у христіанъ вѣротерпимости. Духовенство Персіи не только духовные пастыри, но судьбы и законодатели, т. е. власть обладающая обоими орудіями

вліяння на толпу. А потому неудивительно, что народъ темный и непросвѣщенный доводитъ часто свою религіозность до экстаза. Такъ, въ 1884 г., въ дни праздниковъ св. Гуссейна и Гассана даже въ Тегеранѣ по улицамъ расхаживала процессія изъ шестидесяти душъ, голыхъ или въ разорванныхъ одеждахъ, неся въ лѣвой рукѣ по щиту и ударяя въ тактъ подъ заунывное пѣніе «Айя, Гуссейнъ! Айя, Гассанъ!» острыми копьями въ грудь; кровь лилась изъ нихъ ручьемъ и огромная толпа народа благоговѣнно шествовала за процессіей. На другой день многіе изъ фанатиковъ умерли отъ истеченія крови. Другой случай передаетъ миссіонеръ Джемсъ Бассетъ. Въ Мешхедѣ есть величайшая святыня персовъ—храмъ, въ которомъ похоронено тѣло праведника Резы. Народъ столь почитаетъ это мѣсто, что стремится туда ежегодно сотнями тысячъ на богомолье и богатые персы шлютъ въ Мешхедъ для похоронъ своихъ умершихъ родственниковъ. Преступникъ, успѣвшій скрытись за ограду храма, неприкосновененъ для власти. Понятно, что въ городѣ и торговля идетъ бойко, а гдѣ торгъ хорошъ, тамъ еврей плодovitъ. Набралось ихъ полъ-Мешхеда. Персы долго обижались на присутствіе въ сосѣдствѣ столь почтенной святыни поганыхъ иновѣрцевъ и, наконецъ, въ праздникъ «Магоранъ», не выдержали, бросились на жидовъ, перекололи тридцать пять душъ, остальнымъ даровали жизнь лишь подъ условіемъ немедленнаго принятія ислама. Испуганные евреи тотчасъ превратились въ добрыхъ магометанъ всѣ поголовно старые и малые. Персы тщательнo слѣдятъ за ихъ религіозностью и, такимъ образомъ, созданъ еврейскій мусульманскій кагалъ. Сама свѣтская власть крайне ревниво слѣдитъ за правовѣріемъ въ странѣ. Миссіонеры могутъ проповѣдывать христіанство лишь среди иновѣрцевъ, т. е. евреевъ и армянъ; собственно говоря, лишь послѣдніе и составляютъ матеріалъ для протестантской и католической проповѣди. Дозволяется миссіонерамъ имѣть свои церкви. Года три тому назадъ миссіонеры возрадовались—самъ любимѣйшій сынъ шаха Зиль-Султанъ пожаловалъ на обѣдню въ англійскій храмъ, думали—насталъ новая эра. Соблазнились княжескимъ примѣромъ и два простыхъ смертныхъ изъ персовъ—тоже зашли въ христіанскую церковь. Узналъ объ этомъ либеральный принцъ, призвалъ къ себѣ любопытныхъ подданныхъ и приказалъ отрубить имъ головы. Настоятель англійской церкви мистеръ Брюсъ поскакалъ къ принцу, поднялъ всю дипломатію на ноги, но головы уже скатились съ плечъ преступниковъ, а принцъ далъ такой отвѣтъ: «Я могу ходить, куда мнѣ угодно; въ храмъ же у васъ я былъ именно для того, чтобы собственными глазами убѣдиться не посѣщаютъ ли христіанское богослуженіе магометане; казенные шли къ вамъ, очевидно, съ желаніемъ перемѣнить свою отцовскую религію, а за это нашъ законъ караетъ смертью!» Есть у персовъ и празднества, наглядно

приучающіе народъ къ религіозности. У нихъ, какъ и турокъ, совершается ежегодно «Рамазанъ» строгій постъ съ воспрещеніемъ пить воду отъ восхода до заката солнца; начинается и кончается постъ по свидѣтельству двухъ уважаемыхъ лицъ, что они видѣли народившуюся луну. Въ этотъ мѣсяцъ вся Персія превращаетъ ночь въ день, а день въ ночь, чтобъ избѣжать жажды въ жаркіе дни; духовенство распродаетъ огромнѣйшее количество картинъ и описаній дѣлъ пророка, а пѣвцы-нищіе ходятъ изъ дома въ домъ, распѣвая священныя баллады и мотивы. Въ дни торжества «Тазіе» повсемѣстно устраиваются народные театры, въ которыхъ спеціальныя актеры изображаютъ въ лицахъ жизнь святыхъ. Для такихъ представлений правительство устроило во многихъ городахъ огромныя каменные открытыя помѣщенія, напоминающія коллизей и похожіе на испанское «торо». Путешественники рассказываютъ, что эти оригинальные театры въ высшей степени своеобразное зрѣлище — актеры и публика увлекаются до экстаза. На представленіяхъ присутствуютъ и женщины съ открытыми лицами, но мужчины строго блюдутъ заповѣдь и не поднимаютъ глазъ своихъ на прекрасный полъ; преступаетъ законъ обыкновенно лишь губернаторъ, ложа котораго придѣлывается всегда сбоку партера. Послѣ театра возбужденный народъ по обычаю отправляется въ тюрьмы и выпускаетъ на волю всѣхъ заключенныхъ. Власть не мѣшаетъ этому милосердному увлеченію, но принимаетъ мѣры, чтобъ на другой день вновь изловить освобожденныхъ и водворить ихъ опять по надлежащимъ тюрьмамъ. Въ новый годъ — «Могаремъ» — другая церемонія. Въ каждомъ городѣ приводятъ на главную площадь разукрашеннаго верблюда; заставляютъ встать его на кодѣни, читаютъ молитву и затѣмъ почетнѣйшее лицо убиваетъ животное однимъ ударомъ копыя, рѣжетъ его мясо на куски и раздаетъ народу. Въ Тегеранѣ такое жертвоприношеніе совершается возлѣ «Негиристанскаго Дворца» и убиваетъ верблюда, обыкновенно, одинъ изъ родственниковъ шаха. Есть въ Персіи и дервиши, но не вертящіеся какъ въ Турціи. Въ праздникъ Гассана они одѣваются въ бѣлыя одежды и при богослуженіи бьютъ себя по лбу шпагой или по обнаженной спинѣ цѣпями, пока вся одежда не покроется брызгами крови. Народъ такъ религіозенъ, что слова «Богъ» и «Пророкъ» упоминаются на каждомъ шагу: при постройкѣ домовъ персіяне-каменьщики кричатъ другъ другу: «Подай мнѣ кирпичъ во имя Бога!» поетъ стоящій на верху; «на тебѣ кирпичъ во имя Бога!» отвѣчаетъ стоящій внизу, подбрасывая кирпичъ и т. п. Даже отечество свое набожные персы называютъ «Мемлакатъ» Ясма-Асхераинъ, т. е. страна «Двѣнадцати Имамовъ». Всѣ путешественники единогласно жалуются, что одно изъ главныхъ затрудненій съ персидской прислугой состоитъ въ ея взаимныхъ

спорахъ о религіи. Понятно, что набожность въ сотовариществѣ съ темнотой должна порождать въ народѣ множество сектъ. Наиболѣе интересная изъ современныхъ сектъ носить нѣсколько странное для русскаго уха названіе — «бабистовъ» по имени основателя ея фанатика Баби. Мы уже упоминали о ней. Баби былъ ничтожный горожанинъ, но обладалъ двумя дарами — красной рѣчью и фантазіей. Вѣруя свято въ пророка и Бога, онъ находилъ лишь совре-

Горная тропа въ Персіи.

менную жизнь идущей въ разрѣзъ съ намѣреніями небесъ, т. е. пошелъ по той дорогѣ, по которой теперь уже много путниковъ и среди христіанскаго клира. Бѣдность и богатство казалось ему грѣхомъ; неравенство — преступленіемъ и недостатокъ счастья — гнѣвнымъ наказаніемъ Господа. Народъ естественно съ восторгомъ слушалъ эти рѣчи — увы, столь родныя всякому земному горю; прельстилось проповѣдью и духовенство. Но въ Персіи трудно вести широкую пропаганду — горныя тропы единственный и плохой распостранитель секты, и потому она ограничилась вначалѣ лишь

мѣсторожденіемъ новаго пророка — городомъ Дженжаномъ. Я уже разсказалъ, какъ круто обошелся Насръ-Эдинъ съ этимъ религіознымъ движеніемъ. Но думы кровью не заливаются; она лишь удобряетъ почву для ихъ роста. Такъ случилось и съ «бабизмомъ». До жестокой расправы послѣдователей секты были тысячи, теперь же иностранцы насчитываютъ ихъ около полумилліона. Да и шахъ поплатился за жестокія казни: бабисты сдѣлали заговоръ убить его и серьезно ранили шаха въ ногу.

Набожный мусульманинъ естественно смотритъ на иновѣрца какъ на низшее существо. Этотъ взглядъ даже узаконенъ кораномъ. Въ особо почитаемыя храмы Персіи иновѣрцы совершенно не допускаются. Путешественники, побывавшіе, напр., на могилѣ Резы должны были надѣвать туземный костюмъ и входили въ храмъ обманомъ, рискуя жизнью въ случаѣ открытія его. Достается, разумѣется, отъ фанатизма наиболѣе туземнымъ иновѣрцамъ-евреямъ и армянамъ персидскаго подданства. Армяне состоятъ подъ дипломатическимъ покровительствомъ Россіи, но у евреевъ еще нѣтъ спеціальныхъ защитниковъ. Случается, впрочемъ, что и съ армянами не церемонятся. Однажды ханъ племени «Лари», пріѣхавъ въ армянскую деревню и не получивъ ожидаемыхъ подарковъ, арестовалъ священника и нѣсколькихъ почетныхъ жителей, засадилъ каждого изъ нихъ въ мѣшокъ съ собакой и билъ послѣднюю до тѣхъ поръ, пока она не загрызала до смерти сидящаго съ ней въ мѣшкѣ армянина. Подобные случаи, конечно, очень рѣдки и ханъ за свою оригинальную фантазію поплатился горячо: губернаторъ по приказу шаха изжарилъ его въ печкѣ... Въ городахъ армяне обыкновенно имѣютъ свои особые кварталы. Вообще, это народъ политичный и, не смотря на фанатизмъ мусульманъ, армяне не рѣдко достигаютъ высокихъ степеней въ персидской іерархіи, а когда приходится плохо—укрываются подъ крылышко Россіи или пользуются милостями отъ европейскихъ миссіонеровъ. Протекторатъ Россіи надъ персидскими и турецкими армянами вполнѣ законенъ, ибо мы владѣемъ Эчміадзиномъ т. е. религіознымъ центромъ грегорианскаго вѣроисповѣданія. Но отсюда же истекаетъ наша обязанность отказываться отъ покровительства армянамъ, измѣнившимъ своему національному вѣрованію и принявшимъ протестанство или католичество. Это диктуетъ и политика — грегориане волею судьбы наши друзья, а католики и протестанты той же высшей волей друзья враждебнаго намъ Запада. Къ сожалѣнію, миссіонерская дѣятельность Европы и Америки ведется въ Персіи весьма энергично и есть основаніе опасаться, что и въ этомъ случаѣ наша дипломатія спохватится, когда будетъ уже поздно. Въ Тегеранѣ армяне имѣютъ двѣ церкви, школу, въ которой обучается 25 мальчиковъ, и особый караванъ-сарай, т. е. зданіе, совмѣщающее въ себѣ и гостинницу, и гостинный дворъ. Армянская молодежь Пер-

си часто бросает свое отечество, уѣзжаетъ въ британскую Индію и остается тамъ навсегда. Есть армянскія селенія, наприм., Юфа, изъ которыхъ все молодое поколѣніе уже эмигрировало въ Индію.

Евреи, разумѣется, торгуютъ. Главныя спеціальности у нихъ три: продажа рисовой водки, ростовщичество и поддѣлка древнихъ вещей. Еврейское населеніе городка Хамадана, напр., какъ утверждаютъ туристы, существуетъ именно такими поддѣлками, распространяемыми по всему міру черезъ Багдадъ, Испагань и Константинополь. Для этого дѣла въ Персіи богатая почва. Во многихъ мѣстахъ ея находятъ до сихъ поръ клады — остатки великой старины. Особенно славятся въ этомъ отношеніи Хамаданъ и Рея — городъ временъ Дарія—гдѣ простые крестьяне при распашкѣ нивъ послѣ осеннихъ и весеннихъ дождей находятъ древнія золотыя, серебряныя и мѣдныя монеты. Въ Реэ есть также огромная могила Хемиль-Султанэ, въ которой, по преданію, зарыты колоссальныя бо-

Персидскій мостъ.

гатства. Случается, что и въ стѣнахъ старинныхъ домовъ отыскаютъ вмазанные туда слитки золота. Наконецъ, въ странѣ масса кургановъ, разрытіемъ которыхъ занимаются лишь евреи. Правительство зорко слѣдитъ за появленіемъ кладовъ, но, конечно, не изъ археологическаго интереса. Вотъ, напр., какой былъ случай въ Баннатѣ, за достовѣрность котораго ручается докторъ Уильсъ. Жилъ тамъ ученый мужъ и искалъ злато; разрывая старую стѣну, онъ дѣйствительно нашелъ нѣсколько сосудовъ съ монетами. Тотчасъ услалъ рабочихъ, а находку зарылъ снова и поглубже. Но слухъ о кладѣ донесся до правительственныхъ ушей; явилась власть и въ свою очередь стала искать, отняла кладъ, а ученый мужъ долженъ былъ продать свое имущество за безцѣнокъ и бѣжать подъ защиту Англій. Другой случай еще горше былъ въ Дженджанѣ. Тамъ нѣкій Вари—крестьянинъ, сталъ продавать золотыя слитки. Обыскали его, сломали весь домъ—ничего не нашли, затѣмъ арестовали его, повезли въ столицу, допрашивали со всякимъ пристрастіемъ, колотили по ногамъ — не говоритъ, откуда досталъ слитки. Наконецъ, доняли несчастнаго Вари, онъ объявилъ, что нашелъ въ горахъ золотую руду. Тотчасъ заключеннаго произвели въ камергерскій чинъ, одѣли въ мундиръ и съ большой охраной повезли къ горѣ,

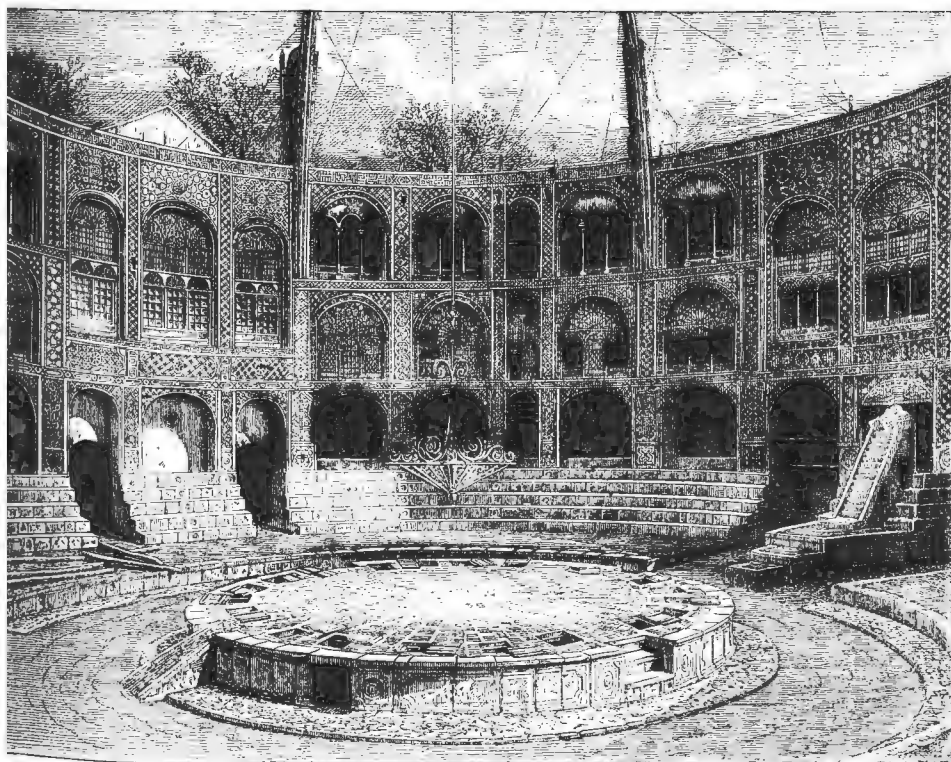
гдѣ онъ будто бы нашелъ богатый источникъ. Руды, однако, не оказалось, тогда упряма разжаловали и держать его подъ замкомъ до сихъ дней.

Персы ненавидятъ евреевъ, подозрѣвая ихъ, какъ говорить сэръ Уильсъ, въ похищеніи дѣтей для общеизвѣстныхъ кровавыхъ жертвъ изувѣрства. Евреевъ бьютъ и грабятъ при каждомъ удобномъ случаѣ; они не имѣютъ права выходить изъ своихъ кварталовъ безъ особаго дозволенія власти; на улицахъ Тегерана въ ихъ дѣтей персидскіе мальчишки бросаютъ камнями и грязью; всѣ туземныя школы закрыты для нихъ, а власти требуютъ отъ евреевъ по обычаю униженія и нерѣдко, по произволу, вещи самыя радикальныя. Такъ, напр., при встрѣчѣ новаго губернатора евреи должны убить быка, а раввинъ ихъ обязанъ съ окровавленной головой животнаго бѣжать за коляской сатрапа, громко воя о милости и пощадѣ. Правитель Бушира, Фацьль-Али-Ханъ, не влюбивъ евреевъ, издалъ приказъ, воспрещающій имъ носить тюрбаны и требующій, чтобъ они подъ страхомъ взысканія въ четыреста рублей замѣнили тридигионный головной уборъ красными турецкими фесками. Не смотря на такое, повидимому, угнетенное положеніе, евреи въ Персіи плодятся съ ихъ обычной быстротой, богатѣютъ и составляютъ, конечно, одну семью съ международнымъ еврействомъ. Въ голодные годы, когда персы умирали отъ истощенія десятками тысячъ, персидскіе евреи блаженствовали, ибо всемірное еврейство присылало имъ отовсюду щедрую помощь.

Мусульманскій фанатизмъ, хотя и сдерживается въ своихъ проявленіяхъ по отношенію къ иностранцамъ, но порой и тутъ бьетъ волной черезъ плотину. Описывая современную Персію, я не имѣю права припоминать горестное событіе смерти нашего великаго писателя Грибоѣдова и привожу лишь новѣйшіе случаи. Съ американскимъ посломъ въ восьмидесятыхъ годахъ было два непріятныхъ происшествія. Живя зимой въ Тегеранѣ посольства находятся подъ защитой сильной власти шаха, но лѣтомъ дипломатическія миссіи обыкновенно удаляются въ окрестныя деревни на дачу и тамъ они подвержены, конечно, большому риску. Для устраненія опасности англійское и русское представительство—первое въ Гульшекѣ, второе въ Царгендахъ, выхлопотали себѣ право на мѣстную администрацію. Другія же посольства не пользуются такой привилегіей. Американскій посланникъ проживалъ въ Джеферабадѣ, противъ дворца супруги шаха, матери Зиль-Султанэ, пріѣхавшей туда съ сотнями слугъ. Послѣдніе тотчасъ затѣяли ссору съ прислугой посланника и совершили такое нападеніе, что всѣ лакеи американца оказались черезъ часъ безъ зубовъ и съ переломанными руками. Другой разъ, переводчикъ посольства, повздоривъ съ мѣстнымъ жителемъ, лишилъ его цѣлости двухъ реберъ. Семейство побитаго бросилось по деревнѣ съ воплемъ, рассказывая про бѣду.

Вся деревня встала на ноги, вооружилась и пошла штурмовать посольскій домъ, заявляя, что снесетъ его до основанія, если виновный драгоманъ не будетъ выданъ. Г. Бенжаменъ уже роздалъ прислугѣ ружья и заряды для защиты, но къ счастью на мѣсто дѣйствія явился министръ иностранныхъ дѣлъ: онъ сумѣлъ успокоить разъяренную толпу общаніемъ, что буянь-переводчикъ будетъ жестоко наказанъ посломъ. Болѣе серьезныя послѣдствія фанатизма персовъ разыгрались недавно надъ англичаниномъ Нель-

Правительственный театр въ Тегеранѣ.

сономъ. Онъ жилъ въ Тегеранѣ своимъ домомъ и съ семьей. Однажды пришелъ къ нему мусульманинъ-нищій и настойчиво просилъ милостыни; британецъ разсердился и приказалъ бѣдняка вытолкать вонъ на улицу. На бѣду старикъ-нищій, слетѣвъ съ лѣстницы у самаго подъѣзда, отдалъ Богу душу. Поднялся ропотъ, собралась грозная толпа и къ вечеру Нельсонъ и его жена были забыты фанатиками до смерти, а домъ ихъ разнесенъ до послѣдняго камушка.

Такъ какъ мусульманская религія составляетъ и гражданскій кодексъ жизни, то и законы страны, какъ суды ея, носятъ рели-

гіозный оттѣнокъ. Дѣла по гражданскому праву вѣдаются исключительно муллами и мустахедами, а процессы разбираются на основаніи законовъ, извѣстныхъ подъ именемъ «Шара». Выраженіе «гражданское право», впрочемъ, слишкомъ узко для Востока, не знавшаго римской юридической казуистики. Въ рукахъ мультсудей весь человѣкъ со всѣми его дѣянiями и помыслами дома и публично. Чтобъ получить приблизительное понятіе объ этой широтѣ восточной юрисдикціи, необходимо познакомиться хоть съ частичкой текста изданнаго шахомъ кодекса подъ редакціей ужасно длинноименнаго туземнаго юриста Шейхъ-Недчинъ-Эдъ-Эдинъ-Аббуль-Гассемъ-Джяферъ-Ибнъ-Али-Ягуа. Кодексъ этотъ дѣлится на четыре части. Первая резюмируетъ религиозныя права и обязанности; вторая посвящена договорамъ; третья—личнымъ дѣламъ; четвертая—о наказанiяхъ. Вотъ подсерочныя выписки изъ этого оригинальнаго свода законовъ:

«Запрещается мужчинѣ совершать молитву, если рядомъ или сбоку стоитъ женщина своя или чужая. Но, если между ними есть предметъ, мѣшающій видѣть другъ друга или не менѣе 12 фѣтовъ растоянiя, или женщина стоитъ сзади, такъ что, простираясь на полу, они не могутъ коснуться одинъ другого, то молиться можно. Нельзя молиться предъ огнемъ или передъ рисункомъ, изображающимъ живой предметъ; также въ стойлахъ лошадей, коровъ, муловъ или ословъ, но въ овчарнѣ молиться можно... Нѣмой долженъ шевелить языкомъ, творя молитву... Обращаясь къ Богу, надо держать лобъ подъ прямымъ угломъ по отношенію къ ногамъ и отклоненіе отъ такой позы дозволяется не болѣе какъ на толщину кирпича... Въ узкихъ сапогахъ молиться грѣшно... Въ женскомъ обществѣ читать молитву можетъ лишь женщина или гермофродитъ и т. д.». Всѣхъ подобныхъ правилъ относительно молитвы въ кодексѣ пятьсотъ сорокъ девять, а правилъ относящихся къ постамъ и пилигримству тысяча двѣнадцать...

Вотъ нѣкоторыя цитаты изъ законовъ о бракѣ и разводѣ:

«Нѣтъ для мусульманина большой награды на землѣ, какъ счастье обладать женой мусульманской, которая ему нравится, слушается и остается ему вѣрной въ дни его отсутствiя!.. Кто хочетъ вступить въ бракъ, обязанъ предложить невѣстѣ четыре вопроса—о законности рожденiя, о дѣвственности, плодовитости и цѣломудрiи. Запрещается выбирать жену лишь прельщаясь красотой или богатствомъ... Нельзя совершать бракъ: когда луна находится въ созвѣздіи Скорпиона или стоитъ ниже горизонта; въ послѣдніе три дня каждаго мѣсяца; въ сумерки или въ первую ночь новаго мѣсяца; во время бури или землетрясенiя... Мужчина можетъ жениться столько разъ, сколько ему угодно, но онъ обязанъ отдавать себя всѣмъ женамъ одинаково, а, отправляясь въ дальній путь, брать съ собой жену по жребію. Каждая жена можетъ уступить свою

очередь мужу или другимъ женамъ. Если всѣ жены откажутся отъ своихъ правъ въ пользу одной, то мужъ обязанъ жить съ этой одной... Разводъ долженъ быть произнесенъ громко въ присутствіи двухъ свидѣтелей, ибо на бумагѣ удостовѣрять такой важный актъ дозволяется лишь нѣмымъ или мужьямъ, имѣющимъ менѣе десяти лѣтъ отъ роду. Если жена одна, мужъ, заявляя о разводѣ, не имѣетъ право называть ее по имени... Разведенная жена не можетъ снова возвратиться къ мужу, если во время развода она совершила грѣхъ не менѣе какъ съ двумя мужчинами» и т. п.

Практическая жизнь узаконяется въ Персіи въ иныхъ случаяхъ такъ умно, что законы о ней могли бы послужить образцомъ и для Европы. Напримѣръ:

«Если продаваемую вещь можно понюхать или попробовать на языкѣ, то покупатель имѣетъ право нюхать и пробовать. Если же вещь продается на вѣру и купецъ не можетъ удостовѣриться, не портя вещи, въ ея достоинствѣ, то продавщикъ отвѣчаетъ за доброкачественность товара» и пр.

«Покупая раба, приказываетъ кодексъ, переименуй ему имя, подари ему милостыню и дай ему поѣсть сладкой пищи».

Дѣла уголовного свойства вѣдаетъ государство и подсудность ихъ опредѣляется законами «Урфъ». Но это не значить, что, въ юрисдикціи «Шара» у муллы нѣтъ власти надъ жизнью и смертью человѣка. Ужасный примѣръ такой власти мы находимъ въ драконовской жестокости къ женщинѣ, обвиненной въ прелюбодѣянніи. Самъ мужъ съ разрѣшенія семейнаго совѣта имѣетъ право отравить виновную жену смѣсью изъ опія и арсеника. Но если супружеское сердце переполнено обидой, то дѣло переносится на судъ священниковъ. Они уговариваютъ мужа смиростивиться, разбираютъ доказательства вины несчастной и, если обвиненіе доказано, а мужъ упорно требуетъ казни, то процессъ кончается произнесеніемъ двухъ ужасныхъ словъ—«Али-Бундеръ»,—такъ зовется близъ Сираха пропасть, естественно образовавшаяся въ горѣ, узкая какъ колодець, темная и безконечной глубины. Жертву правосудія сажаютъ на осла задомъ на передъ; впереди идетъ музыка, сзади палачъ въ красномъ одѣянніи и толпа, бросающая въ несчастную грязь и камни, осыпая ее насмѣшками и ругательствами. Ввезя на гору, виновную жену снимаютъ съ осла, завязываютъ ей руки и сажаютъ на край пропасти. Читается молитва и затѣмъ палачъ съ возгласомъ «убирайся!» толкаетъ жертву въ глубь естественнаго колодца. Г. Уильсъ говоритъ, что въ послѣдніе двадцать лѣтъ было совершенно шесть такихъ варварскихъ казней.

Не менѣе суровы, конечно, и свѣтскія наказанія. Самое мягкое изъ нихъ «бастонада», которая поперсидски называется довольно пріятно—«кушать палки». Бьютъ по пятамъ, и безъ видимаго разстройства въ здоровьѣ персы иногда получаютъ до шести тысячч

ударовъ. Иностранцы доктора очень изумляются этой стойкости персовъ и объясняютъ ее тѣмъ, что туземцы любятъ ходить босикомъ, подготавливая такимъ образомъ свои пятки къ воспріятію не-вкуснаго кушанья. Въ Персіи не было остроумныхъ монаховъ римской церкви и потому пытки производятся такъ сказать домашними средствами: между пальцами жгутъ спички, на ноги ставятъ тяжелые утюги, или надъ головой держутъ раскаленное блюдо, или, наконецъ, кладутъ руки на оконную раму и прихлопываютъ. Въ видѣ наказанія случается нерѣдко рубить руку или ногу, вѣшаютъ, стрѣляютъ, закапываютъ живымъ въ алебастръ, какъ я рассказывалъ выше, но старая варка въ водѣ болѣе не практикуется. Послѣдній разъ это наказаніе исполнено было 15 лѣтъ тому назадъ по очень оригинальному случаю: хлѣбъ вздорожалъ и вотъ умный губернаторъ, созвавъ хлѣбопекарей, потребовалъ, чтобъ они сбавили цѣну, а для подкрѣпленія приказа выбралъ булочника солиднѣе и приказалъ немедленно сварить его. Опускеніе прямо въ горячую воду считалось наказаніемъ степенью ниже постепеннаго нагрѣванія въ холодной водѣ. Результатъ вышелъ, однако, совершенно противоположный губернаторскому намѣренію — хлѣбъ совсѣмъ исчезъ изъ города, ибо пекари со страху разбѣжались... Въ 1879 году одиннадцать воровъ въ Сирахѣ были закопаны живыми, а мулла, изблеченный въ разбойничествѣ, сожженъ въ публичномъ саду. Среди вассальныхъ полуномадовъ до сихъ подъ практикуется кровавая месть, но уже смягченная правомъ откупа отъ нея свадьбой или подаркомъ. Тюрмы въ Персіи носятъ общее названіе «Занджиръ-Хана», что значитъ «Домъ Цѣпей». На видъ онѣ напоминаютъ наши провинціальныя остроги. Смотритель получаетъ 15 рублей жаловья и живетъ насчетъ арестантовъ, почему заключеніе для богатыхъ составляетъ лишь форму. Суды никогда не приговариваютъ болѣе чѣмъ на годъ ареста и такъ какъ въ тюрьмахъ нѣтъ работъ, то бѣдные преступники сидятъ охотно и почти никогда не совершаютъ побѣговъ.

А. Молчановъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

Ростопчинскія афиши 1812 года. Библиографическое издание въ 300 экземплярахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1889.

НАМЕНИТЫЯ Ростопчинскія афиши 1812 года, составляющія важный литературно-общественный и историческій памятникъ, появляются теперь въ первый разъ въ отдѣльномъ и роскошномъ изданіи, въ которомъ г. Саитовымъ собрано все, что только можно было собрать въ отечественныхъ книгохранилищахъ и въ библиотекахъ записныхъ библиографовъ. Всѣхъ афишъ въ изданіи помѣщено 18. Конечно, эта цифра указываетъ только на относительную полноту собранія, ибо съ точностью опредѣлить количество выпущенныхъ Ростопчинымъ афишъ невозможно: онѣ легко подвергались уничтоженію по самому свойству летучихъ листовъ. Современники и участники событій двѣнадцатаго года говорятъ, что графъ рѣдкій день, будучи московскимъ главнокомандующимъ, не издавалъ афишекъ, сообщая въ нихъ о нашихъ военныхъ дѣйствіяхъ и ободряя народъ на предстоящую борьбу съ французами; эти афишки были разсылаемы главнокомандующимъ по всѣмъ селеніямъ и деревнямъ также и во время пребыванія французовъ въ Москвѣ. Поэтому, несомнѣнно, что для потомства изъ нихъ сохранилась только незначительная часть. Теперь Ростопчинскія афиши представляютъ величайшую библиографическую рѣдкость: ни одно отечественное книгохранилище не владѣетъ полнымъ собраніемъ ихъ; даже Императорская Публичная Библиотека имѣетъ только 12 афишъ, изъ которыхъ четыре дублетныхъ по содержанию.

Между тѣмъ, повторяемъ, ихъ выдающееся значеніе внѣ всякаго сомнѣнія. Поэтому, приходится очень пожалѣть о томъ, что до насъ не дошло этихъ афишекъ больше. Гр. Ф. В. Ростопчинъ во время своего гепераль-гу-

бернаторства въ древней столицѣ проявилъ чрезвычайную энергію въ изысканіи способовъ къ народной самозащитѣ. Онъ собралъ въ короткое время миллионныя пожертвованія, десятки тысячъ ополченія, запаса продовольствіемъ и одеждою для ратниковъ. Кромѣ того, Ростопчинъ почувствовалъ необходимость дѣйствовать на духъ народа, возбудить его и приготовить ко всѣмъ жертвамъ для спасенія отечества. Среди разгара политическихъ событій, знаменитыя афиши должны были производить на массу самое живое впечатлѣніе, затрагивая самыя дорогіе интересы и приводя къ результатамъ чисто практическимъ. Такимъ образомъ, Ростопчинскія афиши являются замѣчательнымъ литературно-общественнымъ, историческимъ памятникомъ. Онѣ являются первымъ образцомъ открытаго общенія власти съ народомъ въ годину бѣдствія, первымъ примѣромъ печатнаго обращенія власти къ массѣ, на которую падала вся тяжесть войны, которую поэтому слѣдовало ободрять и воодушевлять, дабы пріобрѣсти надежную опору въ рѣшительный моментъ борьбы за національную честь и независимость.

Афиши, помѣщенные въ вышедшемъ библиографическомъ изданіи, относятся къ періоду времени отъ 1-го іюля до 20-го октября 1812 года. Большая часть афишъ (изъ 18-ти—десять—3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 и 14) носятъ характеръ нынѣшнихъ телеграммъ о ходѣ военныхъ дѣйствій, о результатахъ сраженій, о численности нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Все же остальныхъ являютъ собой образчики того довѣрчиваго обращенія власти къ народу, того патріотическаго одушевленія, той простодушной надежды на заступничество «Божіей Матери и московскихъ чудотворцевъ» за «матушку Москву» въ виду грознаго наступленія Наполеона, той беззаветной любви къ Царю и русскому народу, которая могла явиться только въ годину чрезвычайнаго напряженія національныхъ силъ, въ годину тяжелаго испытанія и которая продиктовала графу Ростопчину слѣдующую, напримѣръ, проникновенную молитву. Такъ, въ афишѣ отъ 9-го августа (стр. 28) онъ пишетъ: «Господи, Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земнаго царя нашего! Продли благодать Твою на православленную Россію, продли мужество христілюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша». Столь же замѣчательна по силѣ возвышеннаго лиризма афиша XVII-я, содержащая въ себѣ обращеніе къ крестьянамъ Московской губерніи не увлекаться заманчивымъ приглашеніемъ французовъ вернуться въ Москву, а напротивъ, истребить «достающую» силу непріятельскую, мстя французамъ за то, что онѣ предали Москву мечу и пламени, ограбили храмы Божіи, осквернили алтари «непотребствами, сосуды пьянствомъ, посмѣшищемъ», надѣвали священныя ризы, сорвали оклады и вѣнцы со святыхъ иконъ, поставили въ церквахъ лошадей, разграбили дома, имущество, наругались надъ женами, дочерьми и малолѣтними дѣтьми, осквернили кладбища, тронувъ тѣла предковъ—покойниковъ. Выдается среди остальныхъ и афиша XV-я, въ которой Ростопчинъ, надѣясь еще на спасеніе Москвы, обращается къ москвичамъ съ воззваніемъ «положить животъ, защищая отечество, не впустить злодѣя въ Москву»; пылкій главнокомандующій обѣщается быть вездѣ съ москвичами, вмѣстѣ истребить врага, заключая свое воззваніе слѣдующими знаменательными словами:

«Слава въ вышнихъ, кто не отстанеть! Вѣдная память, кто мертвый ляжетъ! Горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!»
С. Тр—евъ.

Революціонный анабаптизмъ. А. Михайлова. Спб. 1889.

Анабаптисты или перекрещенцы, отрицавшіе крещеніе безсознательныхъ младенцевъ и требовавшіе перекрещенія взрослыхъ, сами себя называли баптистами или «крещеными христіанами». Историческая монографія, посвященная г. А. Михайловымъ смутному времени анабаптизма, весьма интересна, такъ какъ «все, что проповѣдывали и разработывали религиозные пропагандисты и социальныя новаторы въ позднѣйшія времена, было уже высказано или хотя намѣчено въ первой половинѣ XVI столѣтія Мюнцеромъ и его послѣдователями. Въ области социальныхъ вопросовъ тутъ вы найдете все, начиная съ вопли разумныхъ требованій справедливости, которыя такъ или иначе старались удовлетворить или даже удовлетворили въ послѣдующіе вѣка, и кончая самыми чудовищными проявленіями коммунистическаго деспотизма, выразившагося въ страшной, близкой иногда къ безумію, дѣятельности Іоанна Лейденскаго. Въ сферѣ религиозныхъ возрѣній вы встрѣтите здѣсь то же самое: анабаптисты прошли всѣ ступени отрицаній и сомнѣній, создали въ короткое время цѣлую массу сектъ и толковъ, коснулись и вопросовъ простыхъ церковныхъ обрядностей, и вопросовъ той сущности религіи, которой въ нашъ вѣкъ посвящаются цѣлые трактаты Штраусами и Ренанами. Въ какія-нибудь пятнадцать лѣтъ анабаптизмъ передумалъ, высказалъ и пережилъ то, что потомъ передумывалось, высказывалось и переживалось въ остальной Европѣ въ теченіе вѣковъ». Понятно, почему современное изслѣдованіе объ анабаптистахъ представляется для насъ въ особенности полезнымъ, такъ какъ русская интеллигенція чрезвычайно склонна увлекаться всевозможными религиозными и социальными броженіями. Историческій очеркъ объ этомъ жгучемъ моментѣ реформаціоннаго періода въ Европѣ г. А. Михайловъ начинаетъ упоминаемъ о цѣломъ рядѣ революціонныхъ, предварительныхъ событій, проявившихся въ существованіи вальденцевъ, тайнаго общества «Вашмака», «Бѣднаго Конрада», наконецъ, бурнаго и могучаго антикатолическаго движенія лютеранъ и крестьянскихъ войнъ, одновременно съ которыми въ горахъ Саксоніи, въ городѣ Цвиккау, появляются цвиккаускіе пророки во главѣ съ Николаемъ Шторхомъ, стремящіеся водворить на землѣ христіанское ученіе и христіанскую церковь апостольскихъ временъ. Въ 1521 году цвиккаускіе пророки были изгнаны властями изъ маленькаго городка Цвиккау въ широкій міръ и ихъ мирная проповѣдь о Новомъ Завѣтѣ и внутреннемъ откровеніи скоро нашла слушателя, который отъ словъ перешелъ къ дѣлу отъ проповѣди—къ осуществленію ея революціонными мѣрами. Это былъ Тома Мюнцеръ съ своими единомышленниками. Виттенбергскія событія и крестьянскія войны были началомъ и концомъ дѣятельности перекрещенцевъ саксонскаго происхожденія. Независимо движенія, бывшаго въ Саксоніи, въ Швейцаріи появились тѣ же самыя идеи о близкомъ обновленіи человеческого рода ученіемъ Христа, о воплощеніи этого ученія на землѣ путемъ любви, мира и кротости, и пассивнаго отрицанія существующихъ феодально-католическихъ учреждений и обязанностей. Однако, эти мирныя

анабаптисты, требовавшіе также крещенія взрослыхъ, были скоро признаны государственными преступниками. Съ ними и ихъ многочисленными приверженцами изъ народа было поступлено въ духѣ приказа герцога Вильгельма Баварскаго: «Кто отречется отъ вѣры—обезглавить, кто не отречется—сжечь». Затѣмъ, говоритъ г. А. Михайловъ: «гоненія могли привести къ двумъ исходамъ: или перекрещенцы должны были озлобиться, перейти отъ пассивной роли къ активной и снова поднять мечъ. Случилось послѣднее, но случилось въ такой дикой и страшной формѣ, что эта вспышка могла на долго оттолкнуть отъ перекрещенцевъ всѣ партіи и испугать даже ихъ самихъ. Это была вспышка безумнаго кроваваго террора, за которою должна была послѣдовать неизбежная полная реакція и удаленіе перекрещенцевъ со сцены общественной жизни». Воинствующему анабаптизму предшествовали слухи о близкомъ пришествіи царства Божія, необходимости покаянія и избіенія нераскаивающихся грѣшниковъ и всякихъ беззаконниковъ. Въ этомъ духѣ совершенъ былъ переворотъ въ 1530 г. въ Страсбургѣ мельхиоритами (Гофманъ Мельхиоръ) и самый городъ названъ «Новымъ Иерусалимомъ». Затѣмъ, въ 1533 г. Янъ Матисепъ изъ Нидерландовъ высылаетъ 12 апостоловъ въ разныя стороны на проповѣдь, а въ гор. Мюнстерѣ агитируетъ Беригардъ Ротманъ. Въ 1534 г. въ январѣ въ Мюнстерѣ является изъ Голландіи Іоаннъ Бокельзонъ, онъ же Іоаннъ Лейденскій—пророкъ и затѣмъ король города Мюнстера въ духѣ ветхозавѣтнаго царя Давида и Соломона, временами напоминая Іоанпа Грознаго и Генриха VIII, временами пламеннаго энтузіаста и убѣжденнаго коммуниста, согласно ученію котораго дяконы разѣзжали по городу съ повозкой и спрашивали: «Кто имѣетъ болѣе, отдай лишнее; кто имѣетъ менѣе, заяви, что ему надо». Такъ шли дѣла въ гор. Мюнстерѣ, этомъ единственномъ убѣжищѣ анабаптистовъ, пока князья-епископы и ландграфы съ ландскнехтами не уничтожили этотъ «Новый Израиль» или «Новый Иерусалимъ», какъ называли перекрещенцы свою столицу Мюнстеръ. Въ книгѣ г. Михайлова, кромѣ прекраснаго историческаго очерка мирныхъ и воинствующихъ анабаптистовъ, указаны весьма опредѣленно и причины ихъ неудачъ, поражений и безслѣднаго ихъ существованія, если не считать жалкую, чисто религіозную секту менонитовъ, никогда не игравшую соціальной и политической роли, но считающую себя въ числѣ послѣдователей анабаптизма.

А. И. Ф.

Врачи у древнихъ римлянъ. Эпиграфическіе очерки Алексѣя Стрѣльцова, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. 1-е и 2-е изд. Москва. 1888.

Въ теченіе пяти вѣковъ римляне не знали научной медицины и не имѣли образованныхъ врачей, пользуясь въ болѣзняхъ исключительно домашними средствами и прибѣгая къ разнымъ болѣе или менѣе бессмысленнымъ заговорамъ и заклинаніямъ. Какова была эта домашняя медицина, мы можемъ судить по рецептамъ Катона Старшаго.

Покореніе Тарента въ 482 г. (272 до Р. Хр.), поведшее за собою ближайшее и непосредственное знакомство римлянъ съ Великой Греціей, должно было отразиться и на ихъ врачебномъ искусствѣ. Между военно-плѣнными греками явились въ Римъ и знакомые съ медициной, явились врачи. Въ ка-

чествѣ рабовъ и отпущенниковъ они должны были лечить и своихъ господъ и чужихъ, послѣднихъ, конечно, за извѣстную плату. Ихъ знанія и трудъ скоро оказались выгодными для владѣльцевъ—обстоятельство, легко объясняющее, почему римляне охотно отдавали позднее своихъ рабовъ въ обученіе врачамъ, почему послѣдніе сами обучали своихъ рабовъ медицинѣ и почему рабу, знакомому съ этой наукой и счастливо лечившему больныхъ, такъ трудно было получить свободу отъ своего господина. Отпуская такого раба, послѣдній лишался значительнаго дохода.

Успѣхи врачей-рабовъ и отпущенниковъ стали вызывать въ Римъ и свободныхъ иностранцевъ, которые приходили сюда изъ Греціи, Египта, Палестины. Первымъ грекомъ свободнаго состоянія, явившимся для медицинской практики въ Римъ, считается Архагать изъ Пелопонеса. Прибытіе его относится къ 535-му году города (219 до Р. Хр.). Встрѣченный радушно властями и получившій даровое помѣщеніе (*taberna*), онъ неумѣренностью въ операціяхъ и прижиганіяхъ, однако, возбудилъ потомъ противъ себя сильное негодованіе: его прозвали палачемъ (*caenifex*) и стали избѣгать его искусства. Тѣмъ временемъ не дремали сторонники стариннаго склада жизни; стараясь уронить пришлыхъ врачей въ общественномъ мнѣніи. Известны филиппики Катона противъ этихъ грековъ, явившихся будто бы съ цѣлью извести своей наукой римскій народъ. Обвиненія, сыпавшіяся изъ устъ такого государственнаго мужа, конечно, не могли не дѣйствовать на массу, на толпу.

Но время брало свое; съ распространеніемъ образованія въ римскомъ народѣ, измѣнились и взгляды на медицину и врачей. Они завоевываютъ себѣ уваженіе и лучшимъ изъ нихъ практика начинаетъ приносить большіе доходы. Уже Цицеронъ, разграничивая рабскія и свободныя профессіи и выдѣляя ученыхъ занятія въ особую группу, ставитъ во главѣ ея медицину (*Cic. De-Off. I, 42*); уже въ его время врачи достигали весьма почетнаго положенія: одинъ изъ его друзей, Асклепіадъ изъ Вионніи, своимъ ораторскимъ талантомъ и леченіемъ составляетъ большое состояніе и дѣлается основателемъ цѣлой медицинской школы.

Вмѣстѣ съ поворотомъ въ общественномъ мнѣніи, положеніе врачей и иностранцевъ измѣняется къ лучшему и римскимъ законодательствомъ. Въ 708 г. (46 до Р. Хр.) Юлій Цезарь издалъ эдиктъ, дарующій право гражданства всѣмъ врачамъ—иностранцамъ и учителямъ благородныхъ наукъ (*artium liberalium doctores*). Результатомъ этого было то, что все бѣльшее и бѣльшее число врачей стало переселяться въ Римъ изъ Греціи, изъ Египта, и, вообще, съ Востока; вмѣстѣ съ тѣмъ въ самихъ римлянахъ началъ зарождаться нѣкоторый интересъ къ врачебному искусству и время отъ времени у писателей встрѣчаются имена врачей римскаго происхожденія, которые лечатъ императоровъ, пишутъ медицинскія сочиненія, изобрѣтаютъ новые медикаменты. Квинтиліанъ даже предлагаетъ какъ тему для контроверза вопросъ, который самъ по себѣ уже доказываетъ возвышеніе врачей въ общественномъ мнѣніи.

Положеніе врачей составляетъ предметъ особыхъ попеченій многихъ римскихъ императоровъ. Августъ въ 10 году по Р. Хр. даровалъ всѣмъ врачамъ свободу отъ налоговъ за то, что врачъ его Антоній Муза вылечилъ его вождь отъ упорной болѣзни. Самого Музу Августъ почтилъ правомъ носить золотыя кольца и наградилъ богатыми подарками; кромѣ того, его статуя была поставлена рядомъ съ такою же Эскулана. Изъ послѣдующихъ императоровъ,

прилагавших особыя попеченія о врачахъ, слѣдуетъ указать на Веспасіан и Адріана, изъ которыхъ послѣдній распространилъ свободу отъ всѣхъ *impensae civilis*, отъ имущественныхъ и личныхъ налоговъ и повинностей, также и на вдовъ и дѣтей этого сословія, Антонина Пія и Александра Севера.

Гдѣ и какъ преподавалась медицина у римлянъ? Первоначально преподаваніе этой науки было дѣломъ исключительно частнымъ. Врачъ, пользовавшійся извѣстностью, собиралъ около себя большее или меньшее число учениковъ и преподавалъ имъ основанія своей науки у себя на дому. Для опытовъ водилъ ихъ къ своимъ больнымъ; здѣсь у постели паціента онъ училъ ихъ распознавать и лечить болѣзни. Само собою понятны неудобства, соединенныя съ такою практикою для больныхъ. Въ одной эпиграммѣ Марціала указывается врачъ, явившійся къ больному въ сопровожденіи 100 учениковъ, и каждая изъ 100 рукъ шупала или коснулась больного (*Mart. V, 9*). Сами врачи стали потомъ устраивать собранія, гдѣ толковали о научныхъ вопросахъ, направляли науку на новые и болѣе плодотворные пути, обмѣнивались другъ съ другомъ знаніями, пріобрѣтенными изъ книгъ и путешествій, и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, распространяли эти знанія въ массѣ, между своими учениками, дѣлая такимъ образомъ и въ Римѣ то же самое, что давнымъ давно практиковалось въ разныхъ греческихъ школахъ, къ ученикамъ которыхъ принадлежало большинство римскихъ врачей. Любопытные и весьма характерные примѣры медицинскихъ диспутовъ и распръ различныхъ медицинскихъ школъ сохранены намъ Цельсомъ, Плиніемъ Старшимъ, Галеномъ. Есть основаніе думать, что на Эсквилинѣ существовало особое аданіе, называвшееся *Schola medicorum*, хотя и трудно сказать, какая роль его была въ дѣлѣ преподаванія медицины.

Врачи римскаго государства распались на множество школъ и сектъ: школы назывались по своему главному ученію и главнымъ методамъ, существовавшимъ у нихъ на практикѣ: догматики, методисты, электики, пневматики и др. секты, по именамъ ихъ основателей, какъ Эразнетратейцы и т. д.

Дѣлясь на школы и секты, римскіе врачи дѣлились еще по спеціальностямъ. Послѣднія были крайне узки и дробны: одинъ лечилъ чахотку, другой лихорадку, третій какую-нибудь одну часть тѣла. Мы не говоримъ уже о рѣзко обособленныхъ спеціальностяхъ глазныхъ болѣзней и хирургіи, ветеринаріи, которая опять распалась на свои мелкія подраздѣленія.

Медицинская практика для лучшихъ и счастливыхъ врачей была очень выгодна; и заработки ихъ были нерѣдко громадны. Такъ, Манилій Корнутъ, легатъ Аквитаніи и бывший преторъ заплатилъ за леченіе лишаа 200,000 сестерцій (около 10,000 руб. сер.); за ту же сумму взялся вылечить одного больного Хармидъ, содержатель водолечебнаго заведенія въ Марсели. Знаменитые братья Стертиніи оставили послѣ себя огромное наслѣдство, хотя они почти разорились, украсая свой родной городъ Неаполь. По свидѣтельству Плинія, врачи императоровъ получали ежегодно 250,000 сестерцій. Хирурга Алкона императоръ Клавдій присудилъ къ штрафу въ 10,000,000 сестерцій, но тотъ съ избыткомъ воротилъ эти деньги во время своего изгнанія въ Галлію. (*Plin. N. H. XXVI, 4; XXIX, 22; XXIX, 7, 8; XXIX, 22*). Къ знаменитымъ врачамъ обращались за совѣтомъ изъ провинцій письменно; до насъ дошло одно сочиненіе Галена, заключающее въ себѣ его медицинскіе совѣты больному, котораго онъ не видалъ и о которомъ онъ снесся лишь письмомъ съ его домовымъ врачомъ. Но рядомъ съ блестящимъ положеніемъ кори-

феевъ медицины, пользовавшихся уваженіемъ и дружбою лучшихъ людей своего времени, почестями, богатствомъ, въ императорскую эпоху мы встрѣчаемъ и массу врачей-пролетаріевъ. Послѣдній фактъ объясняется безграничной конкуренціей, переполненіемъ этого сословія неспособными лицами и низведеніемъ искусства на степень простого ремесла. Многіе, объявлявшіе себя врачами, не умѣли читать какъ слѣдуетъ; Галенъ жалуется, что лекарями себя объявляютъ сапожники, плотники, маляры, мѣдники, оставляя свое прежнее ремесло. Оттого было много нищихъ врачей, паціентами которыхъ были также нищіе; дѣло доходило до того, что врачи безъ практики мѣняли медицину на всякія другія профессіи.

Много было въ этомъ сословіи и лицъ низкой нравственности; врачей обвиняютъ въ отравленіяхъ, въ разрушеніи брачныхъ союзовъ, не говоря уже о шарлатанствѣ, о корыстолюбіи и вымогательствѣ, о привычкѣ вызывать у больныхъ кризисъ, чтобы выманивать побольше гонорара. Потому не одна сатира мечетъ въ нихъ свои стрѣлы, но громкія жалобы раздавались и изъ ихъ собственной среды.

Мы далеко не передали всего содержанія общаго очерка, занимающаго начало книги г. Стрѣльцова, но и сказаннаго достаточно, чтобы видѣть, какъ много интереснаго она заключаетъ въ себѣ. Въ дальнѣйшихъ главахъ сочиненія авторъ слѣдуетъ за положеніемъ врачей въ войскахъ, при императорскомъ дворѣ, на службѣ провинціальныхъ городовъ и столицы, на частной службѣ.

Во второй главѣ онъ подробно перебираетъ всѣ военныя категоріи, гдѣ только существованіе врачей несомнѣнно, указывая ихъ въ госпиталяхъ, при когортахъ *vigilum*, при когортахъ преторіанскихъ, городскихъ и *equitum singularium*, въ легионахъ, во флотѣ и пр. Такъ какъ литературныя данныя объ этомъ или крайне скудны, или совершенно безмолвны, то г. Стрѣльцовъ привлекъ сюда матеріалъ латинскихъ и греческихъ надписей. Постѣднее свойство дѣлаетъ его книгу особенно цѣнной. Авторъ долженъ былъ положить не мало труда, чтобы экцерпировать нужные тексты не только изъ огромныхъ волюмовъ *Corpus inscriptionum Latinarum* и *Corpus inscriptionum Graecarum*, но и изъ такихъ специальныхъ и многотомныхъ изданій, какъ *Bullettin della Commissione archeologica comundi Roma*, прослѣженнаго имъ до послѣднихъ мѣсяцевъ текущаго года. Къ положительнымъ достоинствамъ книги нужно отнести и то, что надписи приводятся имъ большею частію *inextenso*, строка въ строку, съ соблюденіемъ орфографіи и всѣхъ техническихъ законовъ. Безошибочное чтеніе этихъ текстовъ, имѣющихъ такъ много элемента условнаго, только имъ принадлежащаго, свидѣтельствуетъ объ основательномъ изученіи авторомъ латинской эпиграфики, дисциплины у насъ еще совершенно новой и считающей доселѣ весьма немногихъ адептовъ. По характеру обработки, по методу, книга г. Стрѣльцова становится въ разрядъ эпиграфическихъ трудовъ профессоровъ Помяловскаго, Соколова, Латышева, Кулаковскаго. За возможно подробное приведеніе эпиграфическихъ текстовъ стоимъ мы потому, что, не говоря о разныхъ бюллетеняхъ и специальныхъ изданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ и академій, не всегда и нелегко доступныхъ для русскаго филолога, даже главные сборники латинскихъ и греческихъ надписей существуютъ во всей Россіи едва ли болѣе, чѣмъ въ 10 экземплярахъ. Кто самъ занимался этимъ дѣломъ, тотъ знаетъ по опыту, какого труда стоитъ ориентироваться въ этой, зарождающейся у насъ, фило-

логической дисциплинѣ, и такой читатель оцѣнитъ по достоинству эпиграфическую часть книги нашего молодого ученаго.

Сказанное о методѣ обработки второй главы въ одинаковой степени относится и ко всѣмъ остальнымъ. Въ третьей главѣ авторъ подробно останавливается на вопросѣ о римскихъ архіатрахъ, указывая значеніе этого спеціального термина при императорскомъ дворѣ и въ примѣненіи къ городскимъ врачамъ провинцій и столицы.

Въ четвертой и послѣдней главѣ обозрѣваются врачи, состоявшіе на частной службѣ: въ цркѣ, у гладіаторовъ, врачи императорскихъ придворныхъ и рабовъ, врачи рабовъ частныхъ лицъ и рабочихъ коллегій. Книга заканчивается алфавитнымъ указателемъ сокращеній и условныхъ знаковъ, встречающихся въ латинскихъ надписяхъ, приведенныхъ въ текстѣ.

Богатство эпиграфическихъ данныхъ, основательное знакомство автора съ англійской, итальянской, французской и нѣмецкой литературой по избранному вопросу, живое, а по мѣстамъ бойкое и изящное изложеніе, указывающее въ начинающемъ ученомъ хорошаго стилиста, и полнота обозрѣнія темы служатъ несомнѣнными достоинствами этой монографіи. Второе изданіе на нѣсколько страницъ болѣе перваго, въ него внесено не мало видоизмѣненій въ деталяхъ, подававшихъ поводъ къ спору съ авторомъ въ первомъ изданіи. Послѣднимъ мы не хотимъ, впрочемъ, сказать, чтобы не было мѣста для контроверзъ и въ повомъ. Трудъ г. Стрѣльцова мозаическій по преимуществу и потому въ дробныхъ частностяхъ ошибки столь легки и возможны.

И. Цвѣтаевъ.

Митрополитъ Евгений, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Е. Шмурло. Спб. 1888.

Объемистый и почтенный трудъ молодого ученаго представляетъ собою весьма почтенную попытку обрисовать личность одного изъ тѣхъ русскихъ научныхъ дѣятелей, которые составляютъ гордость и честь русской исторической науки. Имя митрополита Евгенія, высоко-талантливаго и высоко-ученаго труженика, скромнаго и по характеру, и по самому положенію общественному, увы! не пользуется у насъ обширною извѣстностью внѣ опредѣленнаго круга людей, спеціально занимающихся наукою и постоянно пользующихся его трудами. Скромный ученый даже и сошелъ съ житейской арены такъ тихо, что ни одинъ изъ современныхъ журналовъ и не замѣтилъ его копчины (въ 1837 г.), и не посвятилъ его некрологу сколько-нибудь подходящей замѣтки. «Сѣверная Пчела» даже не отвела своей замѣткѣ особаго мѣста, а тиснула ее гдѣ-то въ отдѣлѣ «Внутреннихъ извѣстій». А между тѣмъ, митрополитъ Евгений представляется намъ личностью не только замѣчательной, не только выдающейся какъ по своимъ заслугамъ ученымъ, такъ и по своимъ качествамъ нравственнымъ,—онъ является и типическимъ представителемъ того александровскаго времени, которое было подготовлено блестящимъ вѣкомъ Екатерины. Онъ служитъ для насъ прекраснымъ проявленіемъ вліянія, оказаннаго просвѣщеніемъ на всѣ слои русскаго народа—прекраснымъ образцомъ тѣхъ дѣятелей, которые находили себѣ просвѣщенныхъ покровителей въ лицѣ такихъ меценатовъ, какъ графъ Н. П. Румянцевъ. Вотъ почему намъ кажется, что г. Шмурло совершенно правильно рѣшился основать свое изслѣдованіе не только на

подробномъ и кропотливомъ изысканіи мелочныхъ данныхъ біографіи покойнаго архипастыря, не на одномъ мелочномъ изученіи его рукописей, а на широкомъ основаніи, которое предоставляло ему изученіе той эпохи, когда жилъ и дѣйствовалъ митрополитъ Евгеній. Представить личность Евгенія Болховитинова въ связи съ его вѣкомъ—вотъ задача, которую избралъ г. Шмурло для своего труда и къ исполненію которой онъ приступилъ съ величайшей добросовѣстностью и съ прекрасною подготовкою талантливаго ученаго. Мы говоримъ «приступилъ», потому что нынѣ-вышедшій томъ представляетъ собою только начало обширнаго труда г. Шмурло. Въ этомъ первомъ томѣ авторъ касается исключительно «раннихъ лѣтъ» дѣятельности митрополита Евгенія и заканчиваетъ тѣмъ моментомъ, когда онъ былъ назначенъ на новгородскую кафедру. Этотъ періодъ жизни почтеннаго іерарха и ученаго до сихъ поръ былъ чрезвычайно мало разслѣдованъ и разработанъ и г. Шмурло, первому изъ нашихъ ученыхъ дѣятелей, удалось разъяснить этотъ періодъ рядомъ научныхъ изслѣдованій и соображеній, въ связи съ подробнымъ изученіемъ современной Евгенію литературы и науки. Совершенно вѣрно намѣтилъ молодой ученый тотъ путь, по которому онъ пойдетъ въ своемъ сочиненіи, и вполне цѣлесообразно посвятилъ много труда и времени на изученіе «той поры, когда, въ тиши безвѣстности, создавался будущій сподвижникъ науки». Книга г. Шмурло, благодаря его взглядамъ, его выполненію задачи, благодаря желанію изслѣдователя дать правильный и точный отвѣтъ на вопросы, возбуждаемые направленіемъ и дѣятельностью митрополита Евгенія,—обратилась въ весьма цѣнный матеріалъ для изученія исторіи нашего просвѣщенія конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, и живыми красками изобразила намъ ту почву, на которой могли вырастать дѣятели, подобные Евгенію. Читая книгу г. Шмурло, мы знакомимся подробно и съ положеніемъ современной школы, и съ бытомъ духовныхъ училищъ конца прошлаго вѣка, и съ духовнымъ краснорѣчіемъ—въ связи съ теоретическими взглядами на литературу, и съ практическимъ примѣненіемъ къ жизни, и съ тѣмъ значеніемъ, которое болѣе и болѣе начинала приобрѣтать въ Россіи литература и въ особенности поэзія—и съ цѣлымъ рядомъ личностей, окружавшихъ Евгенія въ ранній періодъ его молодости. Чрезвычайно живо переданы его стремленія къ просвѣщенію и страстная настойчивость въ приобрѣтеніи свѣдѣній по такой обширной программѣ, которая обнимала чуть ли не всю область человѣческаго знанія—и затѣмъ переходъ къ спеціальному изученію русской исторической науки во всѣхъ ея примѣненіяхъ и частностяхъ. То, что дано г. Шмурло въ его первомъ вступительномъ томѣ къ монографіи о митрополитѣ Евгеніи и его времени, заставляетъ насъ ожидать появленія остальныхъ томовъ съ большимъ нетерпѣніемъ. Желаемъ молодому ученому полнаго успѣха въ его трудѣ и такой энергіи, которая дала бы ему возможность не остановиться на первомъ томѣ его прекраснаго изслѣдованія.

П. П.

Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію.
М. И. Сухомлинова. Томъ первый. Спб. Изданіе А. С. Суворина.
 1889.

Всѣ занимающіеся и интересующіеся исторіей русской литературы и просвѣщенія, вѣроятно, съ искреннимъ удовольствіемъ привѣтствовали появленіе отдѣльнымъ изданіемъ изслѣдованій и статей академика М. И. Сухомлинова.

Многочисленные работы уважаемого ученаго, разбросанныя по различнымъ періодическимъ изданіямъ, часто совершенно неизвѣстнымъ публикѣ, теперь сдѣлались, наконецъ, доступными для всѣхъ интеллигентныхъ читателей. При чтеніи статей и монографій почтеннаго ученаго всякій замѣтитъ, что отличительными чертами ихъ, выдѣляющими его изъ среды другихъ изслѣдователей по русской литературѣ, являются — тщательное изученіе источниковъ, критическое отношеніе къ нимъ, соединенное съ умѣньемъ выбирать изъ нихъ существенно важное и интересное, удачная группировка и обработка полученнаго такимъ путемъ матеріала, освѣщаемаго всегда умѣлыми выводами, общими характеристиками какъ всей эпохи, такъ и выдающихся дѣятелей того или другого времени, наконецъ, возможная сжатость и, такъ сказать дѣловитость изложенія.

Всѣ монографіи г. Сухомлинова посвящены главнымъ образомъ прошлому и началу нынѣшняго столѣтій. Литература прошлаго столѣтія въ появляющемся отдѣльномъ изданіи будетъ представлена въ двухъ монографіяхъ, изъ которыхъ одна посвящена Новикову, какъ автору словаря о русскихъ писателяхъ, а другая Радищеву, какъ автору путешествія изъ Петербурга въ Москву. Нынѣшнее столѣтіе особенно привлекало вниманіе ученаго изслѣдователя. Такъ, по исторіи русской образованности, въ судьбахъ которой особенное значеніе имѣютъ университеты, мы имѣемъ двѣ монографіи: одна изъ нихъ посвящена обзорѣню судьбы русскихъ университетовъ въ царствованіе Александра I, а другая заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ цензуры въ Россіи, имѣя въ виду преимущественно эту же эпоху; третья, наконецъ, разсматриваетъ дѣятельность Лагарпа, воспитателя императора Александра I. Другія монографіи, посвященныя первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, заключаютъ интересныя данныя о жизни и литературной дѣятельности Пушкина, Гоголя, кн. Вяземскаго, Н. А. Полеваго и другихъ писателей.

Въ первый вышедшій теперь томъ вошли: 1) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I и 2) Монографія «А. Н. Радищевъ». Къ первой статьѣ присоединены въ высшей степени интересныя, обширныя приложенія о дѣлѣ профессоръ Арсеньева; Галича, Германа, Раупаха и другихъ, обвиненныхъ по доносу исправлявшаго должность попечителя С.-Петербургскаго округа, Рунича, въ томъ, что они преподаютъ философскія и историческія науки въ духѣ, противномъ христіанству, вкореняя въ умахъ студентовъ идеи, разрушительныя для общественнаго порядка и благосостоянія. Этотъ судъ вообще представляется замѣчательнымъ явленіемъ не только въ исторіи Петербургскаго университета, но и въ нашей тогдашней общественной жизни. Являясь любопытнымъ матеріаломъ для характеристики времени, приложенные документы служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ университетской науки. Этимъ приложеніямъ предшествуютъ шесть главъ, въ которыхъ авторъ весьма обстоятельно знакомитъ читателя съ положеніемъ образованія въ царствованіе Александра I. Изложеніе начинается съ момента учрежденія главнаго управленія училищъ до учрежденія университета въ Петербургѣ. Послѣднія три главы (7, 8 и 9) посвящены историческому очерку цензуры съ момента ея учрежденія въ 1783 году, когда она находилась еще въ вѣдѣннн управы благочинія, до составленія новаго цензурнаго устава подъ непосредственнымъ наблюденіемъ главы министерства, Шишкова, — устава, утвержденаго уже преемникомъ Александра I, 10 іюня 1826 года.

Монографія о замѣчательномъ публицистѣ конца прошлаго вѣка—А. Н. Радищевѣ, объ одномъ изъ первыхъ сторонниковъ освобожденія крестьянъ, столь жестоко потерпѣвшемъ за свое свободомысліе не по времени, — обработана съ обычною для г. Сухомлинова тщательностью. Автора можно упрекнуть; пожалуй, за излишнее обремененіе текста документами, которые съ большимъ удобствомъ могли бы быть отнесены въ отдѣлъ приложений. Нельзя также не замѣтить, что самое «Путешествіе» является недостаточно разобраннѣмъ: авторъ, повидимому, болѣе интересуется дѣломъ, возникшимъ по поводу книги Радищева, нежели самой книгой. Но, тѣмъ не менѣе, монографія г. Сухомлинова представляетъ до сихъ поръ единственный полный и добросовѣстный сводъ свѣдѣній объ авторѣ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву» и мастерски очерчиваетъ, благодаря обилію собранныхъ матеріаловъ, личность Радищева. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ появленія слѣдующаго тома «Исслѣдованій и статей» почтеннаго академика.

С. Тр- въ.

Викторъ Пругавинъ. Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей. Москва. 1888.

Послѣ крестьянской реформы 1861 года и, вообще, послѣ новыхъ поземельныхъ началъ, введенныхъ крестьянскими положеніями въ жизнь народа, общинно-земельныя условія жизни русскаго крестьянства должны были сильно измѣниться. Русская сельская община, изъ-за которой изломано было столько копій въ литературѣ еще шестидесятихъ годовъ, объявлена въ нѣкоторыхъ публицистическихъ сферахъ разлагающеюся, а новѣйшій законъ о выкупныхъ платежахъ за земли казенныхъ крестьянъ, въ замѣнъ традиціонной оброчной подати, повидимому подтверждаетъ это мнѣніе. Но, съ другой стороны, сельская община составляетъ такое народно-историческое наше учрежденіе, основныя ея начала такъ тѣсно проникаютъ во всѣ сферы жизни русскаго крестьянства, что вполне понятно и нѣкоторое сомнѣніе въ возможности, по крайней мѣрѣ, быстро и повсемѣстнаго проникновенія въ русскую крестьянскую среду индивидуалистическихъ началъ. Историческій моментъ, переживаемый нынѣ русской сельской общиной, можно назвать критическимъ и несомнѣнно представляющимъ высокій интересъ для изслѣдователя. Неудивительно, что задача эта обратила на себя вниманіе г. В. Пругавина, извѣстнаго своими трудами по народной жизни (по кустарнымъ промысламъ).

Авторъ ставитъ свою задачу широко. «Опредѣлить степень прочности существующихъ у русскаго крестьянства общинныхъ формъ землевладѣнія, выяснить отношенія къ нимъ крестьянства, прослѣдить исторію развитія у него земельныхъ отношеній въ пореформенное время»—вотъ какъ формулируетъ г. Пругавинъ цѣль своего труда. Онъ изслѣдуетъ общинное землевладѣніе не съ технической стороны (за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстъ книги), а какъ главнѣйшее отраженіе народнаго строя жизни, бытовыхъ отношеній,—старается опредѣлить, какія тенденціи проявляются въ послѣднихъ, подмѣтитъ «типъ развитія русскаго народа», оповываясь на тѣхъ мѣстностяхъ (поволжскихъ и Екатеринбургской губерніи), какія автору пришлось самому наблюдать. Между прочимъ, у него указано на пробѣль во всѣхъ прежнихъ программахъ изслѣдованія сельской общины,—

пробѣлъ, состоящій въ пропускѣ отношеній общиннаго духа къ расколу. По этой крайне-любопытной сторонѣ народной жизни еще ничего почти не сдѣлано, да и, вообще, наша сельская община, не смотря на многочисленныя уже изслѣдованія (гг. Капустина, Тригорова, Лалоша, Соколовскаго и другихъ), оставляетъ еще не мало желать для своего обстоятельнаго изученія.

Между прочимъ, указываетъ авторъ, недостаточно изслѣдовано такъ называемое четвертное землевладѣнiе (въ бывшихъ пограничныхъ областяхъ, нынѣ Курской, Харьковской, Воронежской губернiяхъ), а въ немъ-то именно и совершается нынѣ чрезвычайно знаменательный процессъ, служащій отвѣтомъ на приведенныя предвѣщанiя о разложенiи общины. Процессъ этотъ состоитъ въ томъ, что среди бывшихъ четвертныхъ владѣльцевъ—какъ извѣстно, подворныхъ—совершается нынѣ переходъ къ общинному землевладѣнiю. При поселенiяхъ на новыхъ мѣстахъ, гдѣ крестьянъ не связываютъ уже никакія преданiя и повседневная рутина прошлаго житiя, общинныя порядки также въ большинствѣ случаевъ вводятся.

Тѣмъ не менѣе, и неблагопрiятныя для прочности сельской общины мнѣнiя въ извѣстныхъ мѣстностяхъ далеко не лишены основанiя. По изысканiямъ автора, это именно тѣ мѣстности (преимущественно черноземныя), гдѣ «доходность земли выше суммы лежащихъ на ней платежей и повинностей», гдѣ земля становится лакомымъ кусочкомъ для крестьянъ, изъ которыхъ каждому желательно имѣть ея возможно больше, вслѣдствiе чего является сопротивленiе передѣламъ, этому коренному, по мнѣнiю автора, признаку общины. (Замѣтимъ, впрочемъ, что земельныя общины, какъ показываетъ практика, могутъ существовать и безъ передѣловъ). Въ мѣстностяхъ же съ малопродуктивною землею (Московской, Тверской, Ярославской губернiяхъ), обремененною платежами, община прочна и имѣетъ будущее. Въ виду этого именно факта, приходится признать, что возможность существованiя земельной общины обусловливается не столько ея внутренними, такъ сказать, патрiархальными мотивами, сколько простою выгодностью, примѣнительно къ свойству земли и условiямъ хозяйства въ данной мѣстности. Но если такъ, то, значитъ, наша старинная сельская община въ иныхъ мѣстностяхъ мало-по-малу перерождается въ учрежденiе, отнюдь уже не стихiйное, а—въ извѣстной степени—искусственное. Съ этой точки зрѣнiя, быть можетъ, не совсѣмъ неправы тѣ, которые видятъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ преемника старой общинѣ въ крестьянскихъ поземельныхъ товариществахъ, давно уже практикующихся при покупкѣ новыхъ земель и въ нынѣшнемъ году получившихъ санкцію закона. Данныя объ этихъ товариществахъ также можно найти въ книгѣ г. Пругавина.

Интереснѣйшую часть сочиненiя составляетъ характеристика перемѣвъ, происшедшихъ въ крестьянскомъ быту, подъ влiянiемъ пореформенныхъ вѣяній, и отношенiя къ этимъ измѣненiямъ самого крестьянства, которое, по выраженiю автора, объявило имъ войну. «Исторiя сельской общины за послѣднюю четверть вѣка есть исторiя борьбы упорной, ожесточенной, нерѣдко кровавой борьбы массы крестьянства, стоящей за общину и передѣлы, съ отдѣльными лицами своей среды, проникнутыми индивидуалистическими стремленiями и сильными поддержкой въ неблагопрiятныхъ для общины условiяхъ пореформенной Россiи».

Борьба эта, можно сказать, неравна, такъ какъ «все условiя жизни весь складъ нашего пореформеннаго хозяйства развивались на началахъ,

совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя служатъ господствующею и отличительною чертой традицій и учреждений русскаго народа. Здѣсь имѣетъ значеніе не одно только сокращеніе размѣровъ крестьянскихъ земель, ведущее за собою и ухудшеніе условий сельскаго хозяйства,—не только увеличеніе крестьянскихъ платежей и повинностей, но и, вообще, возрастаніе расходовъ крестьянской семьи. поднятіе уровня потребностей крестьянства, далеко уже отошедшихъ отъ прежнихъ временъ; мѣстами потребностъ эти примыкаютъ прямо уже къ вкусамъ низшаго класса горожанъ. Повседневная жизнь и ея обычаи—могучій факторъ къ подрыву союзнаго, братскаго духа. Не смотря на это, по замѣчанію автора, «масса крестьянства настойчиво отстаиваетъ свои общинныя преданія». Такимъ образомъ, настоящій моментъ для русской сельской общины должно признать переходнымъ.

Не останавливаясь на такого рода выводахъ и проектахъ автора, какъ «націонализція» земли, т. е. объявленіе самого государства собственникомъ крестьянскихъ земель и т. д. (ибо эта сторона книги имѣетъ преобладающій практической характеръ), не можемъ не указать на весьма полезное, вообще, для изучающихъ русскую сельскую общину, значеніе книги г. Пругавина. Съ одной стороны, она представляетъ изложеніе главныхъ мнѣній и изслѣдованій русскихъ ученыхъ по данному предмету,—съ другой, какъ сказано, собственныя наблюденія автора на мѣстахъ (такова глава о формахъ землевладѣнія у крестьянъ Славяносербскаго уѣзда). Наиболѣе гадательными должно признать именно упомянутые нами заключительныя практическіе выводы автора, какъ слишкомъ расходящіеся со вновь введенными въ жизнь порядками и слѣдовательно не имѣющіе никакихъ надеждъ на осуществленіе.

Въ общемъ, для характеристики современнаго момента, повторимъ признаніе самого автора, что на почвѣ усиливающагося въ крестьянской средѣ эконоическаго неравенства растутъ тамъ земельныя нестроенія и даже междоусобная война. Авторъ думаетъ, что государство должно придти на помощь массѣ населенія... Но что государство можетъ сдѣлать рѣшительнаго противъ индивидуалистскаго духа, тамъ, гдѣ онъ начинаетъ уже составлять историческое знаменіе времени даже и въ нашей крестьянской средѣ?

Н. С. К.

Les publications de la société impériale historique russe de Saint-Petersbourg, par B. de Bilbassow. Paris. 1888.

Съ тѣхъ поръ какъ французы обратились къ изученію Россіи, они успѣли ознакомиться съ лучшими произведеніями нашей литературы, въ переводахъ если не вполнѣ вѣрныхъ и удовлетворительныхъ, то во всякомъ случаѣ дающихъ понятіе о богатствѣ и значеніи русскаго творчества. Русская наука обратила на себя меньше вниманія, хотя лица, писавшія объ нашемъ государственномъ и общественномъ устройствѣ, какъ Леруа Болье, Луи Леже, Альфредъ Рамбо, Мельхіоръ Вогюзъ и др. пользовались трудами нашихъ ученыхъ для представленія своимъ соотечественникамъ вѣрной картины настоящаго положенія Россіи. Ея прошедшее оставалось при этомъ на второмъ планѣ и, въ особенности, очень скудно, въ произведеніяхъ названныхъ выше знатоковъ нашего отечества — свѣдѣнія о дѣятельности нашихъ ученыхъ обществъ. Объ нихъ и русская публицистика рѣдко даетъ обстоятельныя отчеты, а сами общества мало заботятся о распространеніи

своих трудовъ. Поэтому, профессоръ Вильбасовъ оказалъ положительную услугу, ознакомивъ французовъ, а въ то же время доставивъ возможность и своимъ соотечественникамъ ознакомиться съ дѣятельностью Русскаго историческаго общества. Въ недавно возникшемъ журналѣ «Revue d'histoire diplomatique» явился подробный обзоръ трудовъ этого Общества, вышедшій теперь отдѣльною брошюрою. Авторъ обзора, по поводу достижения Обществомъ своего гражданскаго совершеннolѣтія послѣ двадцати одного года, отдаетъ полную справедливость искренней преданности Общества своему дѣлу, горячему рвенію къ труду, патриотической любви къ своему прошлому. Затѣмъ дается полное понятіе обо всѣхъ 65-ти томахъ «Сборника», вышедшихъ съ 1867 года. Преимущественно онъ посвященъ изученію XVIII вѣка. Только четыре тома изъ 65-ти посвящены XIX вѣку и шесть—XV, XVI и XVII. Объ этихъ трехъ вѣкахъ сохранилось очень мало историческихъ памятниковъ, о XIX—очень много, но онъ еще слишкомъ близокъ нашему поколѣнію, чтобы объ немъ говорить безпристрастно. Зато XVIII вѣкъ возстаетъ въ «Сборникѣ» со всеми его особенностями и подробностями царствования Петра I, «этого азіатскаго деспота, водворившаго въ своей имперіи европейскія реформы, хорошенькой маріенбургской служанки, не граціозной Курляндской герцогини, поручившей управленіе имперіею своему конюху, принцессы Брауншвейгской, заплатившей вѣчнымъ заточеніемъ за ошибку избранія ея правительницею; настоящей русской царицы Елисаветы, веселой и беззаботной, скучавшей надъ дѣлами и подозрительно относившейся къ своей племянницѣ-нѣмкѣ», сдѣлавшейся впоследствии императрицею Екатериною». Только о Павлѣ I ничего не упоминается въ томахъ «Сборника». Кромѣ царственныхъ особъ, въ немъ проходятъ любопытныя фигуры сподвижниковъ Петра, екатерининскихъ «орловъ», конюховъ Анны Ивановны, пѣвчихъ Елисаветы, лифляндскихъ крестьянокъ, преобразовавшихся въ графинь Ефимовскихъ, истопниковъ и кучеровъ, превращенныхъ въ знатныхъ особъ, ливрейнаго лакея, сдѣлавшагося графомъ, швейцарца Лефорта, француза Лестока, жида Шафировъ, неаполитанца Рибаса, армянина Лазарева, поляка Понятовскаго и нѣмцевъ, нѣмцевъ безъ конца». Профессоръ забылъ еще татаръ и черемисовъ, перечисляя и русскихъ людей, залитыхъ золотомъ, осыпанныхъ брилліантами, въ пудренныхъ парикахъ и кружевныхъ манжетахъ, не жѣшавшихъ имъ, однако, создавать флоты, строить города, развивать промышленность. Люди эти имѣли вліяніе не только на внутреннюю жизнь имперіи, но и на международныя сношенія. Г. Вильбасовъ приводитъ примѣры такихъ сношеній съ Франціею по документамъ «Сборника», доходящимъ до 1727 года и замѣчаетъ, что если обозрѣваніе этой дипломатической переписки, занявшей шесть томовъ «Сборника», продолжалось восемь лѣтъ, то ея окончанія дождутся развѣ наши внуки.

Обязанное по уставу собирать и «разрабатывать» памятники отечественной исторіи, Русское историческое общество издало только два тома такихъ разработанныхъ документовъ («Жизнь канцлера Безбородки», Т. XXVI и XXIX). Всѣ остальные томы представляютъ сырой матеріалъ. Общество перестало также переводить на русскій языкъ иностранныя документы и издало на французскомъ языкѣ не только бумаги герцога Ришелье (томъ LIV), но и нисѣма Екатерины II къ Гримму (томъ XXIII), а послѣднія могли бы, кажется, интересовать всякаго русскаго человѣка. Зато Общество начало переводить для чего-то на французскій языкъ и русскіе документы, какъ

въ томѣ XLIV и LXV. Документы публикуются вообще весьма тщательно и г. Бильбасовъ приводитъ всего двѣ опечатки въ письмѣ Дидро къ Екатеринѣ (т. XXIII) и императрицы къ своему сыну (т. IX). Гораздо больше ошибокъ встрѣчается въ «Указателѣ личныхъ именъ», прилагаемомъ къ каждому тому «Сборника» и гдѣ при именахъ помѣщаются и объясненія. Такъ, къ письму Гримма 1783 года, въ которомъ говорится, что Бибииковъ ангажировалъ въ Петербургъ лѣвицу Тоди, прибавлено: «Бибииковъ Александръ Ильичъ, камергеръ, директоръ придворныхъ театровъ». Но Александръ Бибииковъ не былъ никогда ни камергеромъ, ни директоромъ, и умеръ въ 1774 году. Гриммъ говоритъ о его братѣ Василии. Въ 1776 году Екатерина II пишетъ: «Надѣюсь, что лихорадка князя Куракина не будетъ имѣть послѣдствій». Въ объясненіи говорится: «Куракинъ Борисъ Александровичъ» — тогда какъ онъ умеръ 12 лѣтъ до того времени, а императрица упоминаетъ о его сынѣ, Александрѣ, воспитывавшемся съ наслѣдникомъ. Въ концѣ своего обзора г. Бильбасовъ настаиваетъ на необходимости для «Сборника» подробнаго оглавленія всѣхъ вошедшихъ въ него матеріаловъ. Уже и теперь трудно разобратъ въ массѣ статей, помѣщенныхъ въ 65-ти томахъ, съ которыми незнакомы даже члены Общества. Такъ, одинъ изъ нихъ въ 1885 году напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» неизданное письмо Вольтера къ Екатеринѣ, помѣщенное 13 лѣтъ раньше того въ X томѣ «Сборника». Другой, и одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ, издавшій въ 1884 году монографію о Пугачевѣ, сомнѣвается въ томъ, что, вопреки постановленію суда, Пугачеву, по секретному приказанію императрицы, палачъ отрубилъ сначала голову, а потомъ руки и ноги, а не наоборотъ, какъ бы слѣдовало во исполненіе сентенціи суда. Между тѣмъ, объ этомъ обстоятельствѣ Екатерина говоритъ сама въ письмѣ, помѣщенномъ въ XXVII томѣ «Сборника». Если бы съ нимъ было знакомо «Общество любителей древней письменности», оно не издало бы, какъ вновь открытое, сочиненіе Екатерины II «Жизнь преподобнаго Сергія Радонежскаго» и не восхваляло бы въ предисловіи религіозность императрицы. Сочиненіе это, извѣстное уже двадцать лѣтъ, написано вовсе не ею, а что касается до ея религіозности, то г. Бильбасовъ даже напрасно приводитъ по этому поводу цитаты изъ писемъ Екатерины, помѣщенныхъ въ XXIII томѣ «Сборника». Мнѣнія императрицы по этому предмету давно всѣмъ извѣстны. Въ заключеніе г. Бильбасовъ составилъ для французовъ краткое оглавленіе содержанія всѣхъ 65-ти томовъ «Сборника». Но мы увѣрены, что французы сами прибавили къ фамиліи нашего профессора частичку де, красующуюся для чего-то на заглавномъ листѣ его брошюры.

В. З.

„Фаустъ“ Гете. Обѣ части, въ переводѣ А. Фета, съ гравюрами и эстампами Энгельберта Зейбертца. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб., 1888.

Извѣстный издатель «Нивы», А. Ф. Марксъ, выдалъ въ свѣтъ роскошное, богато-иллюстрированное изданіе «Фауста». Все въ этомъ изданіи прекрасно: и толстая бѣлая бумага, и круглый, четкій шрифтъ, и тѣ виньетки и орнаменты, которые служатъ тексту типографскими украшеніями. Сверхъ массы этихъ виньетокъ и орнаментовъ, роскошное изданіе «Фа-

уста» украшено пѣлымъ рядомъ большихъ гравюръ на мѣди, исполненныхъ по рисункамъ Зейбертца. Рисунки чрезвычайно оригинальны и по характеру, и по стилю своему, и по замыслу. Главный сюжетъ каждой гравюры занимаетъ середину ея и обставленъ кругомъ, въ видѣ рамочки, болѣе мелкими сюжетами, представляющими отдѣльные моменты главнаго сюжета — его поясненія и дополненія, его художественный комментарий, если можно такъ выразиться. Всѣ эти мелкіе, отдѣльные сюжеты помѣщены въ особыхъ медальонахъ, окруженныхъ рамкою изъ орнаментовъ и растений. Какъ эти миниатюры, такъ и главные сюжеты каждой гравюры выдержаны въ стилѣ рукописныхъ рисунковъ, украшающихъ средневѣковые пергаменные сборники и молитвенники. Этотъ характеръ какъ нельзя болѣе подходитъ къ рисункамъ, иллюстрирующимъ средневѣковую легенду о докторѣ Фаустѣ, которая, въ передачѣ гениальнаго Гете, приобрѣла всемірное, общечеловѣческое значеніе. Въ томъ же характерѣ и стилѣ выполненъ и чрезвычайно изящный кожаный переплетъ къ «Фаусту»; по заявленію самаго издателя, талантливый рѣзчикъ-художникъ трудился болѣе полугода надъ выполненіемъ штамба для тисненія этого переплета. Самый выборъ перевода для этого роскошнаго изданія мы считаемъ весьма удачнымъ: г. Фету удалось передать Фауста ближе къ подлиннику и художественнѣе, чѣмъ всѣмъ остальнымъ переводчикамъ. N. N.

Сергѣй Атава (С. Н. Терпигоревъ). Потревоженные тѣни. Спб. 1888.

Эта небольшая книжка, заключающая въ себѣ только три разсказа («Первая охота», «Двѣ жизни» и «Гуда»), чрезвычайно обманчива по наружности. Тотъ, кому неизвѣстно имя автора и его псевдонимъ, возьметъ, можетъ быть, книжку для развлечения отъ скуки, захватитъ ее отъ «нечего дѣлать» въ дорогу, вздумаетъ, пожалуй, даже «почитать» ее на сонъ грядущій — и страшно разочаруется... Уже съ первыхъ страницъ читатель пойметъ, что эту книжку нельзя читать для забавы и для препровожденія времени, и не дай Богъ приниматься за нее, укладываясь на сонъ грядущій! Читатель убѣдится въ томъ, что эта маленькая книжка способна на время лишить его и сна, и покоя, — а между тѣмъ оторваться отъ нея вѣтъ силъ. Простой, спокойный разсказъ автора увлекаетъ васъ невольно все далѣе и далѣе, ведетъ черезъ длинную галерею лицъ, окружаетъ мелкими подробностями, вводитъ незамѣтно въ кругъ обыденныхъ событій прошлаго, и вдругъ, неожиданно-негаданно, приводитъ къ такому потрясающему, къ такому страшному, къ такому поразительному факту среди всей этой обыденщины «добраго стараго времени», что вы останавливаетесь въ недоумѣніи и ужасѣ... А лукавый авторъ словно смѣется надъ вами: онъ также спокойно и ровно, съ такою же эпическою простотою и добродушіемъ, рассказываетъ вамъ и объ ужасномъ, какъ онъ на предыдущей страницѣ рассказываетъ о смѣшномъ и ничтожномъ... Ни дать, ни взять, какъ няня рассказывала вамъ въ дѣтствѣ страшныя сказки! Ни одного восклицанія, ни одного повышенія голоса — а морозъ по кожѣ подираетъ. И вотъ, прочитавши первый разсказъ, вы, еще не успѣвъ оправиться отъ его впечатлѣнія, хватаетесь за второй, за третій — и незамѣтно оканчиваете всю книжку; и долго, долго не можете отдохнуть, успокоиться отъ дѣдовскихъ тѣней, которыя прошли мимо васъ не туманными образами, а

живыми, яркими, полными жизни. И долго, долго вы не можете отдѣлаться отъ этихъ живыхъ образовъ и все только говорите себѣ: «слава Богу, что миновало это доброе старое время! Пусть унесло оно съ собою невозвратно многое прекрасное, неповторимое теперь: за то, вмѣстѣ съ этимъ прошлымъ исчезло изъ нашей русской дѣйствительности то страшное чудище рабства, которое подавляло лучшія стороны русскаго человѣка и направляло ихъ на зло и горе!» Общее впечатлѣніе книжки талантливаго автора—въ сущности очень тяжелое — приводитъ однакоже къ странному результату: къ довольству настоящимъ, каково бы оно ни было... Пусть оно кажется для многихъ временемъ переходнымъ, временемъ тяжелымъ по множеству новыхъ и стѣснительныхъ условій; оно все же дорого тѣмъ, что у всѣхъ одинаково развязаны руки для дѣла, всѣмъ равно открыты пути для достиженія добрыхъ цѣлей. Если этотъ именно выводъ былъ самимъ авторомъ положенъ въ основу его маленькой, но весьма поучительной и полезной книжки, то мы можемъ только просить его о томъ, чтобы онъ почаще «тревожилъ тѣни» минувшаго и почаще развѣтывалъ передъ нами широкую картину прошлаго, чтобы примирить насъ съ настоящимъ, чтобы заставить насъ поменьше браниться и желчичать и терпѣливѣе нести бремя жизни.

П. П.

Холмскій народный календарь на 1889 годъ. Изданіе Холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства. Годъ пятый. Кіевъ. 1888.

Холмскій календарь на 1889 годъ составленъ съ такою же тщательностью и съ такимъ же интересомъ, какъ и за предшествовавшіе четыре года. Изъ числа помѣщенныхъ въ немъ статей обращаютъ на себя вниманіе «Промышленіе Божіе о св. вѣрѣ православной въ Холмской Руси», священника А. Л—скаго и «Бесѣда священника съ прихожаниномъ по поводу такъ называемыхъ краковскихъ браковъ», протоіерея Н. Страшкевича. Въ первой изъ этихъ статей описано нѣсколько случаевъ кощунственнаго отношенія къ православной церкви и ея обрядамъ со стороны бывшихъ униатовъ, смущаемыхъ неразумными ревнителями латинства; въ послѣдней диалогически передавъ случай миссіонерскаго обращенія упорствующаго униата къ церкви путемъ разъясненія незаконности и непрочности краковскихъ браковъ и необходимости вѣнчанія въ церкви. Мы можемъ только пожалѣть, что такихъ статей въ календарѣ только двѣ. Онѣ весьма характерны и на нашъ взглядъ драгоцѣнны. Въ нихъ представляется религиозное настроеніе русскаго народа, такъ еще недавно возвращеннаго къ вѣрѣ своихъ предковъ, и хоть крупницами — этнографическій матеріалъ. О пользѣ такихъ рассказовъ излишне даже говорить: они поучительны и для народа, для котораго и издается календарь, и для самихъ пастырей церкви. При дѣятельномъ, совершенно миссіонерскомъ служеніи большинства священниковъ Холмицны и Подляшья, почти у каждаго изъ нихъ найдется не мало характерныхъ случаевъ религиозной жизни ихъ пасомыхъ и, конечно, такіе случаи обогатили бы мѣстный народный календарь. По крайней мѣрѣ статьи этого рода болѣе отвѣчаютъ программѣ и цѣлямъ изданія, нежели рассказы общаго содержанія, которымъ однако отводится въ календарѣ больше мѣста сравнительно съ первыми.

Календарь иллюстрированъ, кромѣ ежегодно прилагаемаго къ нему изображенія Холмской чудотворной иконы Божіей Матери, еще слѣдующими рисунками: портретомъ государыни императрицы, изображеніями преподобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца и св. Тихона, епископа воронежскаго и задонскаго (къ сравнительно обширнымъ статьямъ объ нихъ) и, наконецъ, портретомъ Иннокентія, митрополита московскаго (къ статьѣ о миссіонерскихъ его подвигахъ). Рисунки исполнены довольно отчетливо.

Календарь заканчивается различными совѣтами и указаніями экономического и медицинскаго свойства, пословицами, употребляемыми русскимъ народомъ, и, наконецъ, извлеченіемъ изъ устава Холмскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства, которому и принадлежитъ честь изданія такихъ полезныхъ сборниковъ, какъ «Холмскій народный календарь».

М. Г—цкій.

Историческая записка о Ставропольской гимназіи. Составилъ преподаватель М. Красновъ. Ставрополь-Кавказскій. 1888.

Книга г. Краснова представляетъ хорошо обработанный историческій очеркъ не только одной Ставропольской гимназіи, но и всего дѣла просвѣщенія сѣвернаго Кавказа. Авторъ ведетъ свое повѣствованіе съ конца прошлаго столѣтія и знакомитъ читателей съ мѣрами, принятыми императрицею Екатериною II для просвѣщенія дикихъ горцевъ, затѣмъ переходитъ къ XIX вѣку, когда съ увеличеніемъ русской колонизаціи сѣвернаго Кавказа потребность въ грамотныхъ служилыхъ людяхъ, имѣющихъ постоянное мѣстопробываніе на этой окраинѣ, становилась все настоятельнѣе. Первою заботою Ставропольскаго общества въ этомъ отношеніи, согласно Высочайшей волѣ, отъ 17-го марта 1803 года, было учрежденіе «партикулярнаго» приходскаго училища, которое и возникло здѣсь въ 1804 г. Черезъ 6 лѣтъ по общественной подпискѣ въ томъ же городѣ основывается уѣздное училище, подчиненное Казанскому учебному округу. Правительство, озабоченное, чтобы первые шаги въ дѣлѣ просвѣщенія некультурной окраины были обставлены какъ можно тщательнѣе, обращаетъ вниманіе на возможно болѣе обеспеченное матеріальное положеніе учителей и, кромѣ того, устанавливаетъ для привлеченія педагоговъ на службу въ этотъ учебный округъ болѣе короткіе сроки для выслуги чина, нежели внутри государства. Вслѣдствіе этихъ попеченій правительства, на мѣста преподавателей уѣзднаго училища явились люди, отличавшіеся высокою нравственностью и глубокою любовью къ дѣлу просвѣщенія юношества. Благодаря такой постановкѣ вопроса, въ мѣстномъ населеніи стало проявляться уваженіе къ образованнымъ людямъ и любовь къ наукѣ, вызывавшіе со стороны представителей кавказскаго общества постоянныя заявленія о необходимости расширенія программы преподаванія и объ открытіи въ гор. Ставрополѣ гимназіи, при чемъ интересно отмѣтить тотъ фактъ, что сама администрація постоянно старалась привлечь вниманіе мѣстнаго общества къ дѣлу основанія и упорядоченія училищъ, спрашивая отъ времени до времени мнѣнія общества о нуждахъ просвѣщенія юношества и привлекая туземцевъ къ пожертвованіямъ на пользу школъ. 18-го октября 1837 г. совершилось открытіе Ставропольской гимназіи въ присутствіи императора Николая Павловича, лично осматрѣннаго зданіе гимназіи. Поздравивъ дѣтей съ открытіемъ учебнаго

заведенія, государь сказалъ имъ: «Желаю, чтобы плоды занятій вы употребили съ пользою и сдѣлались достойными чиновниками». Съ тѣхъ поръ дѣло просвѣщенія въ сѣверномъ Кавказѣ было поставлено прочно и ставропольская гимназія уже болѣе 50 лѣтъ является центромъ, откуда по всѣмъ направленіямъ страны расходятся молодые люди, стремящіеся, согласно Высочайшей волѣ, «употребить съ пользою плоды своихъ занятій». Обзоръ 50-лѣтняго существованія гимназіи составленъ г. Красновымъ чрезвычайно подробно и рисуетъ жизнь этого учрежденія со всѣхъ сторонъ, при чемъ изложеніе вездѣ достаточно гладко и не страдаетъ сухостью перечисленія одного лишь статистическаго матеріала, а иллюстрируется вездѣ характеристиками дѣятелей по просвѣщенію и эпизодами изъ жизни Ставропольской гимназіи. Вообще почтенный трудъ г. Краснова составляетъ явленіе очень отрадное и можетъ послужить будущему историку Кавказа источникомъ многихъ интересныхъ свѣдѣній, прекрасно обработанныхъ и почерпнутыхъ изъ первоисточниковъ.

Б. Г.

Каталогъ христіанскихъ древностей, собранныхъ московскимъ купцомъ Н. М. Постниковымъ. Съ 45 рисунками-фотогравюрами. Москва. 1888.

Это любопытное и замѣчательное изданіе, отпечатанное въ весьма ограниченномъ количествѣ экземпляровъ (нумерованныхъ), къ сожалѣнію, не поступало въ продажу, и потому не можетъ попасть въ руки собирателей и любителей русской старины, которымъ издатель посвятилъ свою книгу. А между тѣмъ, мы убѣждены, что эти «собиратели и любители», если только знаютъ о существованіи «Каталога» г. Постникова, должны были бы съ величайшею жадностью расхватать все небольшое изданіе «Каталога», вполнѣ дѣлающаго честь вкусу и знаніямъ издателя въ области нашего отечественнаго иконописанія. Мы нисколько не преувеличимъ достоинствъ «Каталога», если назовемъ его образцовымъ и образцово-составленнымъ, на подобіе тѣхъ catalogues raisonnés, которыми такъ славятся французскіе составители каталоговъ. Каждый предметъ, занесенный подъ № въ каталогъ, не только названъ, но и описанъ; около каждаго названія обозначенъ размѣръ иконъ и вѣсъ (при вещахъ металлическихъ). Чрезвычайно важно то, что всѣ иконы подведены подъ тѣ различныя школы или, лучше сказать, подъ тѣ различныя мѣстности, въ которыхъ у насъ процвѣтало иконописаніе. Такъ, напр., иконы «Новгородскаго письма» отдѣлены отъ «Устюжскихъ», «Каргопольскихъ», «Поморскихъ», «Архангельскихъ», «Сибирскихъ»; иконы «Московского письма» показаны отдѣльно отъ «Троице-Сергіевскихъ», «Строгановскихъ», «Ушаковскихъ». Особый отдѣлъ составляютъ иконы, писанныя въ Палехѣ, Мстерѣ, Павловѣ и Холуѣ, гдѣ иконопись составляетъ кустарный промыселъ. Въ особомъ отдѣлѣ показаны иконы «неизвѣстнаго письма» и «московскія монастырскія иконы XIX вѣка».

Собраніе г. Постникова—громадное: въ немъ до 3,000 №№. Кромѣ иконъ въ немъ видимъ и кресты, и анагиги, и мѣдныя литыя иконы, и вѣнцы, и оклады, и цѣпи. Въ особомъ отдѣлѣ показаны «поддѣлка мѣдныхъ литыхъ иконъ и старинныя вещи, неизмѣющія отношенія къ главному собранію, и собранныя случайно» (напр., печати, серьги, кольца, запонки, пуговицы и пр.). Фотогравюры, прекрасно исполненныя гг. Шереромъ и Набольцомъ, вполнѣ

знакомятъ насъ съ наиболѣе характерными предметами коллекціи г. Постникова, и, съ этой стороны, служатъ весьма полезнымъ указаніемъ для любителей и собирателей нашей иконописной старины.

П.

Опытъ обработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Разсужденіе представленное для полученія степени доктора медицины лекаремъ Николаемъ Эккомъ. Спб. 1888.

Авторъ настоящаго разсужденія извѣстенъ въ медицинской литературѣ, какъ человѣкъ много потрудившійся по вопросамъ объ улучшеніи санитарныхъ условій и уменьшеніи смертности въ Россіи. Правительство давно обратило вниманіе на молодого ученаго и уже два раза командировало его въ качествѣ делегата отъ Россіи на международные съѣзды (въ Александрію и Римъ) для обсужденія вопросовъ о борьбѣ съ эпидеміями. Практическими послѣдствіями его поѣздокъ явились нѣсколько чрезвычайно дѣльныхъ сочиненій, посвященныхъ описанію результатовъ командировокъ. Сознывая, что у насъ въ Россіи относительно смертности населенія не все обстоитъ благополучно, г. Эккъ задался цѣлью въ настоящемъ своемъ трудѣ по мѣрѣ возможности содѣйствовать распространенію въ умахъ образованной части общества здравыхъ понятій о явленіи именуемомъ смертностью и о громадномъ практическомъ значеніи послѣдней въ экономической и нравственной жизни населенія. Наблюдая рядъ цифровыхъ данныхъ почтенный ученый пришелъ къ печальному выводу, что смертность въ Россіи все еще увеличивается, тогда какъ во многихъ государствахъ она, въ то же время, уменьшается.

Объясняется это, по мнѣнію автора, тѣмъ, что, накопляя за переживаемое нами столѣтіе массу условій, дѣйствующихъ убійственно на населеніе, страна вмѣстѣ съ тѣмъ не принимаетъ достаточнаго количества мѣръ къ огражденію здоровья того же населенія.

Настоящій трудъ, помимо чисто спеціальныхъ достоинствъ, какъ медицинской и статистической работы, представленной на соисканіе степени доктора медицины, долженъ вызвать сочувствіе общества по своей симпатичной гуманной идеѣ—желанію «открыть глаза тѣмъ, кто прочтетъ эту статью, на существо смертности, что она составляетъ сторону жизни въ государствѣ, которую нельзя далѣе игнорировать, на которую слѣдуетъ обратить усиленное вниманіе, такъ какъ эта отрасль государственнаго хозяйства запущена у насъ въ Россіи». Можно пожелать, чтобы авторъ не останавливался на полупути, а продолжалъ громко свою проповѣдь, при чемъ ему слѣдуетъ обратить вниманіе на болѣе тщательное изложеніе своихъ мыслей, такъ какъ врядъ ли при тяжеловѣсномъ языкѣ и не всегда удобопонятныхъ оборотахъ рѣчи возможно успѣшно популяризовать въ обществѣ хотя бы и самыя симпатичныя ученія.

Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Дерптскій профессор и европеизация Россіи.—Замѣтки Боденштедта о русскомъ устройствѣ. — Нѣмецко-протестантскія битвы въ остзейскихъ провинціяхъ. — Австрія и славянскій вопросъ.—Книга Рамбо о французахъ и русскихъ.—Путешествіе въ Мервѣ.—Мемуары герцога Саксенъ-Кобургскаго.—Эллинизмъ послѣ Александра Македонскаго. — Новая книга Смайльса.—Литература временъ Елисаветы.—Воспоминанія Лайярда.—Венеціанскій живописецъ у Магомета II.

ВЪ ЧИСЛУ серьезныхъ писателей, знакомящихъ Европу съ Россіею и ея исторіею, принадлежитъ профессоръ дерптскаго университета А. Г. Брюкнеръ. Въ концѣ прошлаго года онъ издалъ новый обширный трудъ о нашемъ отечествѣ «Европеизация Россіи. Страна и народъ». (A. Brückner. Die Europäisierung Russland's. Land und Volk.). Огромный томъ въ 598 страницъ дополняетъ его прежніе этюды по исторіи русской культуры, о Петрѣ I, Екатеринѣ II и, въ особенности его «Картины изъ прошлаго Россіи» (Bilder aus Russland's Vergangenheit), вышедшіе въ Лейпцигѣ въ 1887 г. Заглавіе новаго труда его объясняетъ уже его содержаніе: г. Брюкнеръ старается объяснить, какимъ образомъ Россія изъ варварской сдѣлалась цивилизованою, изъ азиатской — европейскою державою. Обыкновенно полагаютъ, что эта трансформация произошла при Петрѣ I, но она началась двумя столѣтіями раньше и, конечно, совершилась бы безъ него, хотя и гораздо медленнѣе. Авторъ слѣдитъ не только за развитіемъ культуры, но и за территоріальнымъ расширеніемъ Россіи. Европа начала проникать въ эту страну съ тѣхъ поръ какъ ея границы приблизились къ европейскимъ. Особенно интересна для нѣмцевъ глава объ исторической географіи. Въ 1505 г. поверхность Россіи занимала 40,000 квадратныхъ миль; теперь она доходитъ до 400,000. Въ XIV вѣкѣ западная граница московскаго государства была въ 150-ти верстахъ отъ столицы, теперь она отстоитъ на 1.500 верстъ.

Отдѣльная глава въ книгѣ г. Брюкнера посвящена средствамъ распространенія идей и прогресса, т. е. путямъ сообщеній и почтъ; въ другой главѣ говорится о томъ, какъ создавались и заселялись города. Важную роль приписываетъ авторъ инородцамъ, наполнившимъ высшіе русскіе классы общества татарами, черемисами, мордвою и другими племенами. Но племена эти не вносили цивилизующаго начала и оно должно было придти съ Запада. Въ XVI и XVII вѣкѣ польскіе нравы и обычаи, воздѣйствовавшіе уже на Малороссію, приобрѣли сильное вліяніе и между великорусами. Въ XVI вѣкѣ нѣмцы прибалтійскихъ провинцій, привозимые плѣнниками въ Москву, сдѣлались учителями своихъ побѣдителей. «Минихи, Остерманы, Бироны, хотя и возбудили ненависть къ нѣмецкому имени, но дали Россіи уроки, которыми она воспользовалась». При Екатеринѣ II преобладало французское вліяніе. Но русскіе цивилизовались не только у себя дома, но и во время поѣздокъ за границу. Г. Брюкнеръ рассказываетъ исторію этихъ сношеній съ западною Европою, начиная съ первыхъ посольствъ въ Италію при Алексѣѣ Михайловичѣ, гдѣ московскіе бояре являлись порядочными дикарями, до путешествій съ литературной цѣлью Дашковыхъ и Карамзиныхъ. Любопытный во многихъ отношеніяхъ трудъ автора оканчивается главою, посвященною перемѣнамъ въ костюмахъ, общественной жизни женщинъ и воспитанію дѣтей. Вообще книга профессора составлена добросовѣстно, умно, проникнута симпатіями къ русскимъ, хотя въ ней и проглядываетъ убѣжденіе въ превосходствѣ германской расы надъ славянскою.

— Извѣстный знатокъ литературы Фридрихъ Боденштедтъ написалъ «Замѣтки о церковныхъ, государственныхъ и правовыхъ постановленіяхъ въ Россіи» (*Bemerkungen über Kirchentum, Staats- und Rechtswesen in Russland*). Замѣтки эти явились по поводу празднованія въ Кіевѣ девятисотлѣтней годовщины крещенія Руси. Авторъ удивляется этому событію и говоритъ, что ни одна христіанская держава не могла бы праздновать подобнаго дня, такъ какъ вездѣ христіанство вводилось постепенно, съ большими усиліями и стоило многихъ жертвъ. А Россія можетъ праздновать не только годъ, но даже день своего крещенія, когда ея князь Владиміръ «принудилъ всѣхъ своихъ подданныхъ кому жизнь мила (*denen Ihr Leben lieb war*) послѣдовать своему примѣру». Гдѣ вычиталъ авторъ всѣ эти подробности о принужденіи и о «слѣпой покорности» (*blinden Unterwürfigkeit*) народа? Самое событіе крещенія онъ рассказываетъ, впрочемъ, согласно съ лѣтописью, хотя и тутъ, для краснаго словца, авторъ прибавляетъ, что новую вѣру никто не проповѣдывалъ народу, которому было приказано принять ее, и потому онъ и теперь знаетъ о христіанствѣ столько же, какъ 900-лѣтъ тому назадъ. Положеніе русскаго народа Боденштедтъ считаетъ не во многомъ измѣнившимся, даже и послѣ уничтоженія крѣпостничества и доказываетъ это сочиненіями Тургенева, Л. Толстого, Достоевскаго, Маркевича. «Если бы мы знали русскую исторію какъ греческую или римскую, говоритъ онъ, она бы подтвердила намъ это». Вообще на освобожденіе крестьянъ авторъ смотритъ пессимистомъ, утверждаетъ, что оно, раззоривъ помѣщиковъ, не обогатило и крестьянъ, подпавшихъ подъ власть сельскихъ кулаковъ и ростовщиковъ. Слишкомъ много значенія придаетъ онъ также нигилизму, о которомъ теперь и не слышно въ Россіи, и вслѣдъ затѣмъ переходитъ къ изложенію содержанія «Ревизора», хотя эта комедія не составляетъ новости въ Германіи и была не только переведена, но и представлена на берлинской

и вѣнской сценѣ, о чемъ упоминаеть и самъ авторъ, удивляясь, почему она не имѣла успѣха у нѣмцевъ, а русскіе смотрять ее уже полсголтѣтя. При этомъ Боденштедтъ разсказываетъ едва ли правдоподобный анекдотъ: Николай I, призвавъ Гоголя въ ложу, сказалъ ему:—«Я никогда не смѣялся такъ, какъ сегодня вечеромъ».—А я имѣлъ въ виду, что моя комедія произведетъ другое впечатлѣніе, — отвѣчалъ писатель. «Пока надъ этою страшною, драматизированною сатирою будутъ только смѣяться,—прибавляетъ Боденштедтъ, — нечего и думать ни о какихъ улучшеніяхъ». «Ревизоръ» ведеть, конечно, къ разсужденіямъ о взяточничествѣ чиновниковъ. Причину его авторъ видитъ въ ничтожныхъ окладахъ ихъ жалованья, какъ будто взятки берутъ только одни бѣдняки! Ненависть русскихъ къ нѣмцамъ происходитъ отъ того, что нѣмцы, особенно балтійскіе, слишкомъ честны и неподкупны, и правительство напрасно преслѣдуетъ ихъ, лишая ихъ законныхъ правъ, «основанныхъ на договорахъ, торжественно утвержденныхъ монархами». Далѣе слѣдуютъ еще болѣе странныя разглагольствованія о Вѣрѣ Засуличъ, объ А. Ѳ. Кони, о борьбѣ Петра I съ духовенствомъ—доказывающія, что и знатокъ нашей литературы имѣетъ о Россіи весьма сбивчивыя, а часто и совершенно превратныя, понятія. И въ то же время онъ сознается, что русскій народъ обладаетъ такимъ твердоустановившимся могуществомъ, о которое разобьются всѣ усилія другихъ народовъ. «На свѣтѣ нѣтъ другого народа, который былъ бы всякую минуту готовъ умереть за свою вѣру, какъ русскій народъ. А вѣрить онъ въ Бога на небѣ и въ своего царя на землѣ». Такъ для чего же и выставлять въ мрачномъ цвѣтѣ положеніе этого народа?

— Нѣмецкіе памфлетисты не оставляютъ въ покоѣ наши балтійскія провинціи и продолжаютъ въ разныхъ брошюрахъ вопить о томъ, какимъ страшнымъ преслѣдованіямъ подвергаются эти «нѣмецкія земли». Подобныя сочиненія выходятъ, конечно, анонимно, какъ появившіяся въ Лейпцигѣ «Нѣмецко-протестантскія битвы въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи» (Deutsch-protestantische Kämpfe in den baltischen Provinzen Russland's). Нѣмецкая критика всѣхъ лагерей и партій считаетъ священнымъ долгомъ захлебываться отъ восторга при чтеніи этихъ произведеній, исполненныхъ возмутительною клеветою противъ всего русскаго. Болѣе всего критика изумляется, какъ цѣпко и крѣпко (zäh und widerstandskräftig) держится германство (das Deutschtum) въ этихъ провинціяхъ, не смотря на всѣ правительственныя гоненія. Но имперскіе нѣмцы (Reichsdeutschen), «видящіе съ соболѣзнованіемъ, сколько нѣмецкой силы гибнетъ подъ чуждымъ гнетомъ», могутъ успокоиться до извѣстной степени, почерпнувъ въ исторіи балтійскихъ провинцій увѣренность, что нѣмецкій духъ не такъ легко искоренить, какъ это многимъ кажется. Опытъ доказываетъ, что нѣмецкій элементъ гораздо тверже держится и отстаиваетъ свою индивидуальность среди славянства, какъ на примѣръ, въ Америкѣ среди родственной ему англо-саксонской расы. Лейпцигская брошюра доказываетъ историческими примѣрами, чѣмъ «въ тяжелой борьбѣ съ могучими властями, стремящимися похоронить умственную и нравственную жизнь страны, новыя силы возникаютъ изъ твердаго сопротивленія преслѣдованіямъ». Не достаетъ только, чтобы этихъ героев стойкости и цѣпкости провозгласили мучениками въ битвѣ за идею германскаго единенія. И все это говорится и печатается представителями дружественной націи, которой ея престарѣлый императоръ завѣщалъ не ссориться съ Россією.

— Въ то время, когда въ австрійскомъ рейхсратѣ вождь партіи младочеховъ Грегръ говорилъ горькія истины правительству, подчиняющемуся Берлину и преслѣдующему славянскія пародности, въ Вѣнѣ вышла на чешскомъ языкѣ брошюра «Австрія и славянскій вопросъ». Главныя мысли ея слѣдующія: какъ въ половинѣ XIX столѣтія преобладающее вліяніе въ Европѣ перешло отъ романскихъ племенъ къ германскимъ, такъ въ XX столѣтіи оно перейдетъ къ славянскимъ. Собственно славянскій вопросъ сводится къ вопросу о Дунаѣ и Константинополѣ. Дунай долженъ быть славянской рѣкой (стало быть и Вѣна, стоящая на этой рѣкѣ—славянскимъ городомъ?), Константинополь—вольнымъ славянскимъ городомъ. Что будутъ дѣлать чеши, хорваты, сербы въ этомъ городѣ—не объясняется. Россія должна держаться такъ, чтобы ее не могли заподозрить въ желаніи завладѣть славянскими землями (стало быть и Константинополемъ?). Генераль Фадѣевъ говорилъ, что у Россіи нѣтъ никакихъ разумныхъ причинъ стремиться къ дальнѣйшимъ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ. (При чемъ тутъ генераль Фадѣевъ послѣ смерти котораго пріобрѣтены Ахаль-Теке, Мервъ и проч., вѣроятно безъ разумныхъ причинъ?). «Славяне не желаютъ быть подвластными Россіи, но для осуществленія славянской идеи необходимо полное единеніе между славянами». Въ чемъ же должно состоять это единеніе и не должна ли для него Россія подчиниться славянамъ? Все это очень темно и гадательно. «Своихъ итальянскихъ владѣній Австрія лишилась потому, что въ Италіи было одно независимое государство, притянувшее къ себѣ всѣ остальные. Славянскій Пьемонтъ на югѣ Австріи окажетъ то же вліяніе на австрійскихъ славянъ». Что же онъ до сихъ поръ-то не оказывалъ на нихъ никакого вліянія? Австрія держится совершенно ошибочной политики и играетъ въ руку Бисмарку, стараясь окрасить Балканскій полуостровъ въ ту же нѣмецко-мадьярскую краску, въ какую она окрасила самую Австрію. Это совершенно справедливо, но какъ же послѣ того брошюра говоритъ, что Европа не будетъ противиться независимости славянскихъ народовъ, какъ не противилась освобожденію Италіи и объединенію Германіи. Но Италія освободилась потому, что сначала Франція, а потомъ Пруссія побили Австрію, а Германія объединилась, побивши Францію. Стало быть, славянамъ нечего и думать о независимости, не побивши сначала Австрію, да, пожалуй, и Германію, уже черезчуръ зазнавшуюся въ роли воспитательницы Европы. А на чью помощь могутъ разсчитывать славяне въ борьбѣ съ гнетущимъ ихъ нѣмецкимъ элементомъ? «Нынѣшняя политика Австріи угрожаетъ ея собственному существованію». Это вѣрно, но сама собою Австрія не развалится, хотя брошюра и припоминаетъ, въ утѣшеніе себѣ слова Палацкаго: «жили мы до Австріи, будемъ жить и послѣ нея». Но какъ жить? въ этомъ и весь вопросъ.

— Нынѣшній редакторъ «Revue politique et littéraire», Альфредъ Рамбо, выпустилъ въ свѣтъ четвертое изданіе своей книги «Французы и русскіе. Москва и Севастополь» («Français et Russes. Moscou et Sévastopol», 1812—1854), вышедшей первымъ изданіемъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Въ этой книгѣ авторъ болѣе всего настаиваетъ на необходимости ближе изучить Россію и интересы, связывающіе съ нею Францію. Въ самыя критическія минуты столкновенія двухъ народовъ, какъ въ 1812 и въ 1854 гг., эти интересы не переставали существовать и самыя трагическія эпизоды борьбы не могли уничтожить инстинктивной симпатіи между обѣими націями. Случай-

ности европейской политики могли сдѣлать ихъ антагонистами, но между ними никогда не было ни племенной вражды, ни вѣковой ненависти. Это даетъ надежду автору, что дружеское согласіе ихъ обезпечить дѣло международнаго умиротворенія и прогресса въ Европѣ. Эта идея если не формальнаго союза, то сердечнаго соглашенія между Россіей и Франціей,— идея, которую Рамбо постоянно проповѣдывалъ, могла казаться парадоксальною во время появленія перваго изданія книги, когда былъ въ силѣ союзъ трехъ имперій и одна изъ нихъ не заключала еще тайно «лиги мира» съ другою, чтобы во всемъ противодѣйствовать третьей. Но теперь, когда сдѣлался извѣстенъ договоръ 1879 года, заключенный германскимъ канцлеромъ съ Австріей и Италіей противъ Россіи, которую Бисмаркъ продолжалъ увѣрять въ своей преданности, идея франко-русскаго соглашенія не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго и олицетворяется сама собою силою вещей, какъ противодѣйствіе прусскимъ замысламъ и интересамъ.

— Въ «Путешествіи въ Мервь» («Voyage à Merv par E. Boulangier») авторъ говоритъ преимущественно о Закаспійской желѣзной дорогѣ, окончанія которой онъ былъ свидѣтелемъ. Его удивляетъ особенно быстрота, правильность и эконіомія, съ какою ведено это грандіозное предпріятіе. А какихъ трудовъ стоило устройство дороги русскими солдатами, съ помощью туземныхъ кочевниковъ, въ движущихся пескахъ безводной, почти необитаемой пустыни!.. Линія, проведенная теперь до древней столицы Тамерлана, соединится со временемъ съ сибирскою дорогою, которую поведутъ къ Тихому океану, а съ другой стороны съ желѣзными путями Индіи. Въ этой гигантской работѣ авторъ видитъ живучесть славянской расы, легко довершающей покореніе азіатскихъ племенъ, водворяя между ними блага мира, промышленности и торговли. Буланжье сообщаетъ много любопытныхъ подробностей, относящихся къ этой дорогѣ. Остальная часть книги занята его странствованіями въ Геокъ-Теле, Мервь, на берегахъ Каспія, по Кавказу и въ Баку, гдѣ авторъ особенно подробно описываетъ неисчерпаемыя богатства нефтяныхъ копей.

— Мы говорили въ прошломъ году о первомъ томѣ «Мемуаровъ герцога Эрнста Кобургскаго». Какъ ни сдержанно отзывался братъ покойнаго мужа королевы Викторіи о событіяхъ своего времени, ихъ откровенное разоблаченіе не понравилось многимъ коноводамъ европейской политики, и они высказали свое неудовольствіе черезъ дядю царственнаго автора, бельгійскаго короля Леопольда II, его королевскому высочеству Эрнсту II, герцогу саксенъ-кобургъ-готскому. Заправители европейской политики находили, что ихъ товарищу по профессіи не слѣдуетъ дѣлать нескромные отзывы о томъ, что считается государственной тайной, которая также священна, какъ и тайна коммерческая, и обнаруженіе этихъ тайнъ можетъ вредить кредиту какъ частныхъ, такъ и правящихъ лицъ. Поэтому литературный міръ былъ увѣренъ, что мемуары герцога ограничатся однимъ первымъ томомъ, хотя, съ другой стороны, такія лица, какъ старый генералъ Радовицъ, упрашивали герцога писать исторію послѣднихъ лѣтъ, «когда было сдѣлано такъ много дурнаго, что необходимо обличить это ради всякой справедливости, чтобы націи не были введены въ заблужденіе». Герцогъ такъ близко стоялъ къ великимъ историческимъ событіямъ, совершаемымъ часто очень мелкими людьми, что могъ хорошо знать все, скрываемое отъ другихъ. «Вы единственный человѣкъ, прибавлялъ Радовицъ, который можетъ

говорить правду, не подвергаясь за это опасности—быть посаженнымъ въ тюрьму». И генералъ былъ правъ, такъ какъ для частнаго человѣка обнаруженіе даже нѣкоторыхъ историческихъ документовъ соединено съ большимъ рискомъ, что доказывается свѣжимъ примѣромъ профессора Гефкена, пользующагося даровою квартирою въ Мавитской тюрьмѣ за напечатаніе дневника императора Фридриха III. Не менѣе любопытны, хотя и не такіе обширные документы, сообщаетъ герцогъ саксенъ-кобургскій и ввторомъ томѣ своихъ мемуаровъ, который все-таки появился вопреки всѣмъ ожиданіямъ. Онъ обнимаетъ собою событія отъ 1851 по 1859 годъ. Начало этого періода до Крымской войны было самою блестящею эпохою русскаго могущества и значенія въ Европѣ. Принцъ Альбертъ писалъ тогда къ своему брату: «Императоръ Николай въ настоящее время полный хозяинъ Европы: Австрія—его слѣпое орудіе, Пруссія—одурачена, Франція—ничтожество, Англія, управляемая безнравственнымъ министромъ (лордомъ Абердиномъ) больше чѣмъ ничего». Иностранная дипломатія, съ помощью нашей, нашла возможнымъ испортить это положеніе. Болѣе всѣхъ старалась противодѣйствовать Англія «этому невыносимому давленію съвера на всю Европу», какъ выразился тотъ же принцъ Альбертъ. Австрія была занята своими нововведеніями, новою администраціею, новою конституціей, что не мѣшало, какъ писалъ герцогъ, ежедневно печатать въ правительственной газетѣ приговоры о наказаніяхъ палками или розгами, чтобы, увлекаясь нововведеніями, вѣрнопоподанные не забывали и добрыя австрійскія старыя времена. Пруссія не оставалось ничего болѣе, какъ, выражаясь словами принца Вильгельма—будущаго императора, «плясать подъ дудку Россіи, потому что оркестръ состоитъ изъ милліона штыковъ». Но король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ IV, не смотря на родственныя связи съ Россіей, какъ истый нѣмецъ, тяготѣлъ къ другому нѣмцу, императору Францу-Иосифу, говорившему герцогу Эрнсту, что онъ былъ бы радъ, если бы у него дома были все такіе же хорошіе австрійцы, какъ прусскій король. Но во Франціи вскорѣ же явился новый противникъ Россіи, самъ называвшій себя выскочкой (parvenu) и котораго Николай I не хотѣлъ называть братомъ—и этого никогда не могъ простить ему Луи Наполеонъ, самолюбивый и мстительный, какъ всѣ выскочки. Принцъ Альбертъ питалъ къ нему также антипатію, но поступалъ дипломатичнѣе, осыпая его любезностями. Изъ европейскихъ властителей герцогъ Эрнстъ первый сдѣлалъ визитъ французскому императору, явившись въ Парижъ черезъ Берлинъ представителемъ Германіи, Пруссіи, Австріи и даже отчасти Англіи. Луи Наполеонъ былъ очень польщенъ этимъ визитомъ и окружилъ маленькаго нѣмецкаго герцога особенными почестями. Эрнстъ II, бывшій въ Тюльери при Луи Филиппѣ, нашелъ тамъ много воспоминаній о недавнемъ прошломъ: ту же мебель, тѣ же картины на стѣнахъ дворца, тѣхъ же лакеевъ, даже на столовой посудѣ и на салфеткахъ сохранился шифръ короля. Луи Наполеонъ былъ очень откровененъ съ герцогомъ, высказалъ ему свои планы о передѣлкѣ карты Европы, о необходимости возстановленія Польши, освобожденія Ломбардіи, образованія большого скандинавскаго государства, о распаденіи германскаго союза. Онъ говорилъ также о необходимости войны съ Россіей и для этой цѣли считалъ полезнымъ дружбу Пруссіи, которую за это хотѣлъ округлить, присоединивъ къ ней Ганноверъ и Саксонію. Но существованіе объединенной Германіи онъ признавалъ немислимымъ съ французской точки зрѣнія

и говорилъ, что никогда не допуститъ до этого. Признавался онъ также, что ведетъ тайную переписку съ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV черезъ посредство одного нѣмецкаго офицера, живущаго въ Парижѣ. Въ разговорѣ съ герцогомъ Луи Наполеонъ не разъ переходилъ съ французскаго языка на нѣмецкій и цитировалъ Шиллера. По возвращеніи въ Берлинъ, герцогъ, отдавая отчетъ о своемъ визитѣ въ Тюльери, встрѣтилъ въ королѣ сильное сопротивленіе планамъ Луи Наполеона—принять участіе въ войнѣ съ Россіей. Но братъ короля и его наслѣдникъ, Вильгельмъ, настойчиво требовалъ, чтобы высокоотрѣію сѣвернаго колосса былъ положенъ предѣлъ. Фридрихъ-Вильгельмъ, какъ всякій деспотъ, не выносилъ, чтобы ему противорѣчили и ссорился поэтому съ братомъ, утверждавшимъ, что ихъ отецъ завѣщалъ ему высказывать свое мнѣніе по всѣмъ политическимъ вопросамъ. Въ вѣнѣ герцогъ нашелъ, что императоръ еще настойчивѣе требуетъ дать отпоръ русскому преобладанію, но дворъ Франца-Иосифа не раздѣлялъ этого мнѣнія. Шварценберги, Лихтенштейны, вся военная партія, стояли за феодальныя и самодержавныя права, а потому и за Россію. Русскій посоль, не церемонясь, называлъ перваго министра—графа Буоля—*une cruche*, а Баха—*une saupaille*. Видя нерѣшительность Пруссіи и Австріи, Луи Наполеонъ обратился къ Англіи; послѣ свиданія въ Булони англо-французскій союзъ противъ Россіи былъ заключенъ. Герцогъ Эрнстъ принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ дипломатическихъ переговорахъ, которые повели къ Крымской войнѣ, и его мемуары передаютъ подробно всѣ эпизоды, предшествовавшіе началу кампаніи, о которой, впрочемъ, сообщается мало новаго.

— Магаффи, популярныя сочиненія котораго о греческой жизни изданы А. С. Суворинымъ, дополнилъ свои этюды древней жизни новою книгою: «Греческая жизнь и мысль отъ временъ Александра до римскаго завоеванія» (*Greek life and thought from the age of Alexander to the roman conquest*, by J. P. Mahaffy). Этимъ трудомъ завершаются его прежнія сочиненія объ «Общественной жизни въ Греціи», «Исторія греческой литературы» и «Имперія Александра». Въ этихъ книгахъ изложена вся эпоха эллинизма, игравшаго такую значительную роль въ исторіи прогресса. Страны, гдѣ развивалась эллинская мысль, были разъединены и часто даже въ войнѣ между собою. Найти связь между различными государствами и поколѣніями было не легко. Только эллинскій патриотизмъ, соединяя города Эллады въ ихъ противодѣйствіи персамъ, и поддерживалъ діадоховъ въ ихъ стремленіи сплотить въ одно цѣлое обломки имперіи Александра. Этотъ же патриотизмъ помогъ сѣверной Греціи отразить нашествіе кельтовъ, страшныхъ не менѣе, чѣмъ орды Ксеркса. Авторъ опровергаетъ въ своемъ новомъ трудѣ ошибочныя взгляды многихъ историковъ, писавшихъ объ этомъ времени: Грота изъ нелюбови къ монархическому принципу несправедливо относившагося къ попыткамъ единовластія; Фримана—видѣвшаго вездѣ феодальное устройство; Дройзена, слишкомъ строго осудившаго Аѣины въ эпоху Дмитрія Фалерейскаго. Магаффи доказываетъ, что даже во время упадка эллинизма частная жизнь и нравы греческихъ городовъ были также чисты, какъ въ лучшіе дни Эллады. Особенно упорна была борьба эллинизма въ Египтѣ, гдѣ Птоломей Филадельфъ, поклоняясь греческимъ идеямъ, совершенно пренебрегъ египетскими богами и обычаями, а Эвергетъ I уважалъ національную религію и строилъ египетскіе храмы. Авторъ вступаетъ даже за александрійскій педантизмъ, видя въ немъ противодѣйствіе вторженію

иноземныхъ варварскихъ идей. Въ Римѣ эллинизмъ оставилъ также замѣтные слѣды и вообще римляне относились къ грекамъ гораздо лучше, чѣмъ греки къ нимъ. Въ книгѣ Магаффи много новыхъ выводовъ и они представляютъ въ новомъ свѣтѣ многіе историческіе факты.

— Самуэль Смайльсъ, сочиненія котораго также пользуются между русскими читателями почетною извѣстностью, издалъ новую книгу: «Жизнь и трудъ или характеристика людей промышленности, культуры и гения» («Life and labour, or characteristics of men of industry, culture and genius», by Samuel Smiles). Это—дополненіе къ «Самопомощи» и «Характеру» автора доказываетъ старую истину, что никакой трудъ не можетъ быть неблагороденъ, если только онъ честенъ. Но сколько еще людей на свѣтѣ, которымъ надо доказывать и такія азбучныя истины! Смайльсъ доказываетъ это примѣрами изъ жизни извѣстныхъ лицъ всѣхъ профессій. Менѣе симпатично относится онъ только къ купеческому званію, въ которомъ больше возможности жить чужимъ трудомъ и обманомъ. Къ аристократіи труда онъ причисляетъ прежде всего мозговую работу мыслителей и писателей. Плодовитость нѣкоторыхъ изъ нихъ изумительна. Такъ, Лопе де Вега въ 50 лѣтъ написалъ до 20-ти милліоновъ стиховъ въ 21-мъ томѣ оставшихся послѣ него печатныхъ произведеній. Въ то же время Монтескье писалъ въ теченіе 25-ти лѣтъ одинъ томъ своего «Духа Законовъ». У Смайльса много подобныхъ любопытныхъ выводовъ. Самую производительную эпоху въ жизни онъ считаетъ молодые годы. Паскаль, умершій 39-ти лѣтъ, создалъ въ двадцатыхъ годахъ свои лучшія произведенія. Меланхтонъ на 21-мъ году былъ профессоромъ греческаго языка въ Виттенбергскомъ университетѣ, Питтъ въ 24 года былъ первымъ министромъ, Ньютонъ 25-ти лѣтъ открылъ законы тяготѣнія. Болѣе всего было въ молодые годы хорошихъ полководцевъ. Съ другой стороны, Гольдсмитъ, Свифтъ, Бюфонъ, Пристлей, Гумбольдтъ лучшія свои произведенія написали въ старости. Мильтонъ написалъ свою поэму 57-ми лѣтъ. Работать Смайльсъ совѣтуетъ лучше въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Книгу его слѣдовало бы перевести порусски, какъ и прежнія его сочиненія, явившіяся въ нѣсколькихъ переводахъ.

— Сентсбери, котораго «Краткая исторія литературы» также имѣется въ русскомъ переводѣ, издалъ «Исторію литературы времени Елисаветы» («A history of Elisabethan literature», by George Saintsbury). Книга даетъ больше, чѣмъ общаетъ ея заглавіе, обнимая собою цѣлое столѣтіе отъ 1560 до 1660 года, то есть эпоху не только Елисаветы, но и Іакова. Это несомнѣнно одинъ изъ любопытнѣйшихъ періодовъ культурной исторіи Англіи, въ которомъ не легко разобраться при множествѣ литературныхъ произведеній того времени. Кромѣ грандіозныхъ фигуръ Шекспира, Мильтона, Бэкона, Спенсера, авторъ даетъ прекрасныя характеристики и оцѣнки писателей второстепенныхъ, но имѣющихъ тѣмъ не менѣе значеніе не въ одной англійской, но и во всеобщей литературѣ, какъ Стидъ, Стоу, Сельденъ, Воганъ, Карью и др. Болѣе всего авторъ обращаетъ вниманіе на достоинство произведеній, а не на имя автора и относится пренебрежительно даже къ Шекспиру, говоря, что для него «нѣтъ ни малѣйшаго интереса, не составляетъ никакой важности, кому посвящены сонеты Шекспира, кто были—дама, воспѣваемая въ сонетахъ, и соперникъ поэта». За это равнодушіе хотя и къ слабымъ произведеніямъ великаго драматурга, на Сентсбери обрушивается англійская критика съ «Атенеумомъ» въ главѣ. Для насъ

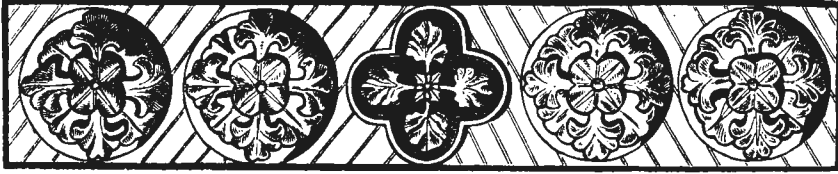

подобныя подробности также не важны. но мы не можем похвалить пренебреженіе автора къ датамъ, доходящее до того, что онъ не заботится о хронологіи шекспировскихъ пьесъ, не упоминаетъ, когда явились драмы Марлоу, переводъ Библии и т. п. Все это уже не маловажныя упущенія.

— Извѣстный ассиріологъ и руссофобъ Лайярдъ издалъ два тома своихъ «Старинныхъ приключеній въ Персіи, Сузіанѣ и Вавилоніи, со включеніемъ пребыванія между бактіарами и другими дикими племенами, до открытія Ниневіи» («Early adventures in Persia, Suziana and Babylonia, including a residence among the Bakhtyari and other wild tribes before the discovery of Nineveh», by sir Henry Layard). Эти воспоминанія должны предшествовать его знаменитому сочиненію «Ниневія и ея остатки», появившемуся сорокъ лѣтъ тому назадъ, и хотя относятся къ отдаленному времени, но не лишены интереса по многимъ подробностямъ, оставшимся неизвѣстными. Занятый другими работами, Лайярдъ долго не обнарудовалъ замѣтокъ, предшествовавшихъ его великому открытію, и многія изъ нихъ потеряли достоинство новизны, но не научное значеніе. Здѣсь же сообщено много автобіографическихъ подробностей о первомъ путешествіи автора въ годы его молодости черезъ Далмацію, Черногорію, Болгарію, Константинополь въ Малую Азію, Сирію и Палестину. Этому путешествію посвященъ первый томъ книги, второй описываетъ центральную Персію, Испагань, турецкую Аравію. Прогулка по всѣмъ этимъ странамъ и въ наше время не представляетъ особенныхъ удобствъ, а тогда была и вовсе не безопасна. Лайярда выводило изъ затруднительныхъ обстоятельствъ только его знаніе турецкаго языка, но и тутъ онъ рисковалъ нѣсколько разъ не достигнуть Ниневіи, гдѣ потомъ началъ свои раскопки, изъ которыхъ вышло вавилонское царство съ его оригинальною культурою.

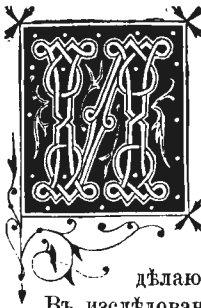
— Любопытную брошюру издалъ Тюанъ о «Джентиле Беллини и Магометѣ II» («Gentile Bellini et sultan Mahommed II». Notes sur le séjour du peintre vénitien à Constantinople, par L. Thuasne). Въ 1579 году Магометъ II, заключивъ миръ съ христіанскою Европой, обратился къ Венеціи съ просьбой прислать ему хорошаго живописца. Республика отправила Беллини въ Константинополь, гдѣ живописецъ провелъ 15 мѣсяцевъ, прекрасно принятый султаномъ, снялъ съ него портретъ и набросалъ вѣсколько типовъ завоевателей Византіи. Снимки съ этихъ рѣдкихъ рисунковъ приложены къ брошюрѣ, въ которой, кромѣ того, говорится объ историческихъ событіяхъ той эпохи, объ отношеніяхъ турокъ къ западной Европѣ и перепискѣ Магомета II съ папою Піемъ II. Авторъ представляетъ также вѣрную оцѣнку работъ и таланта Беллини, разбираетъ критически достоинство портрета завоевателя, сравнительно съ другими изображеніями Магомета и проч. Разсказъ о сношеніяхъ съ Европой завоевателя Византіи вообще полонъ интересныхъ подробностей.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи А. Н. Радищева.

ВЪ ЧИСЛА матеріаловъ, относящихся къ жизни и литературной дѣятельности А. Н. Радищева, особенное значеніе имѣютъ собственныя свидѣтельства Радищева, а также и свѣдѣнія, сообщаемыя тѣми изъ его современниковъ, которые имѣли полную возможность узнать и оцѣнить его и какъ писателя, и какъ человѣка. Собираніе подобныхъ матеріаловъ, разсѣянныхъ въ различныхъ архивахъ, сопряжено съ большими трудностями; нѣкоторыя черты дѣлаются извѣстными только благодаря счастливой случайности.

Въ изслѣдованіи нашемъ о Радищевѣ мы привели тѣ данныя, которыя показываютъ, какое участіе въ судьбѣ нашего писателя принималъ графъ П. В. Завадовскій, первый по времени министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Уже по окончаніи нашего труда и, можно сказать, только надняхъ мы получили нѣсколько рукописей, составляющихъ всего двѣ-три страницы, но имѣющихъ значеніе какъ для біографіи Радищева, такъ и для знакомства со взглядами на книгу Радищева современнаго ему русскаго общества. Ходатайствуя о помилованіи Радищева, графъ Завадовскій главную вину видитъ въ томъ, что злополучное «Путешествіе» явилось не во время—«не ко времени». Завадовскій былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ государственныхъ людей эпохи Екатерины II, и слова его, какъ человѣка, близко знавшаго образъ мыслей государыни, служатъ весьма вѣскимъ подтвержденіемъ той мысли, что существенная причина преслѣдованія Радищева кроется въ появленіи книги его во времена паники, вызванной событіями французской революціи. По мнѣнію другихъ современниковъ Радищева, вся вина его заключалась собственно не въ содержаніи книги, а въ неосторожныхъ выраженіяхъ, встрѣчающихся на ея страницахъ.

Черезъ нѣсколько дней по кончинѣ императрицы Екатерины II участіе Радищева была смягчена: онъ возвращенъ изъ ссылки, и ему дозволено «жить въ своихъ деревняхъ». Считаая императора Павла I своимъ благодѣтелемъ, Радищевъ обращался къ нему съ просьбами по тому или другому

поводу. Въ концѣ 1797 года Радищевъ просилъ дозволить ему ѣздить къ своимъ престарѣлымъ родителямъ; въ исходѣ 1800 года онъ просилъ о рѣшеніи ему пріѣхать въ Петербургъ для свиданія съ дѣтьми.

Приводимъ собственноручное, до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатанное, письмо Радищева къ императору Павлу I:

«Всемиловѣйшій Государь!

«Дерзновеніе мое велико просить у Вашего Императорскаго Величества дозволенія пріѣхать въ Петербургъ; но велико Твое и милосердіе ко всѣмъ Твоимъ подданнымъ. Милости Твои и щедроты столь общи и велики, благодѣянія Твои столь велики, обильны и многи, что всякому даютъ смѣлость прибѣгнуть къ Тебѣ, какъ къ истинному отцу Твоихъ подданныхъ, какъ къ источнику милованія, счастья и блаженства. Къ Тебѣ, о милосердый государь, воззову, какъ нѣкогда воззвалъ Давидъ къ Богу: «Господи, услыши молитву мою, внуши моленію души моя». Не вѣдаю, великій государь, могу ли быть достоинъ помилованія, но когда нисхожу въ сердце мое и не обрѣтаю въ немъ ничего злобнаго, коварнаго или ухищреннаго, находя только десятилѣтнее и ежечасное раскаяніе о моемъ преступленіи, тогда совѣсть, внутренній и всегдашній судія человѣковъ, даетъ смѣлость воззвать къ Тебѣ, источнику милосердія, съ моею просьбою, къ Тебѣ, великому государю, къ Тебѣ, помилователю моему, ибо десятилѣтнее о мнѣ рѣшеніе, въ Илимскѣ меня заключавшее, милосердіе Твое уже сократило, а срокъ десятилѣтній рѣшенія уже кончился. Причина, побуждающая меня просить Вашего Императорскаго Величества о дозволеніи мнѣ пріѣхать въ Петербургъ, хотя маловажна кажется, но для чувствительнаго сердца довольна, а предъ престоломъ Твоимъ благимъ, въ очахъ толико милосердаго государя, можетъ имѣть оправданіе, причина — желаніе видѣть дѣтей моихъ, находящихся въ Петербургѣ въ службѣ Вашего Императорскаго Величества: одинъ въ полку лейбгренадерскомъ, другой въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ гардемариномъ. Сего, семь лѣтъ почти товарищемъ бывшаго моего изгнанія, позволь, милосердый государь, да прижму къ моей изнемогающей груди, ибо слышу благія его начинанія. Не дерзнулъ бы, великій государь, прибѣгнуть съ моею просьбою, если бы не имѣлъ въ виду, что рѣшеніе обо мнѣ было на десять ¹⁾ лѣтъ; что раскаяніе мое есть всечасно, а паче всего что милосердіе Твое есть неизреченно. Услыши, о государь, мое моленіе, и да причтуса въ число нынѣ помилованныхъ Тобою.

«Всемиловѣйшій Государь

«Вашего Императорскаго Величества

«нижайшій вѣрноподданный

«Александръ Радищевъ.

«Декабря 21 дня, 1800 года.

«Въ селцѣ Нѣмцовѣ Калужской губерніи Боровской округи.

Вскорѣ по возшествіи на престолъ императора Александра I, Завадовскій представилъ государю слѣдующую (также въ первый разъ появляющуюся въ печати) собственноручную записку о Радищевѣ:

«Въ Комиссіи сочиненія законовъ недовольно людей со способностями на сію по себѣ пространную часть: коллегскій же совѣтникъ Александръ

¹⁾ Въ словѣ десять и производныхъ Радищевъ послѣдовательно употребляетъ ѣ: дѣсять, дѣсятилѣтній, дѣсятилѣтнее.

Радищевъ могъ бы въ сей работѣ быть полезенъ по своимъ дарованіямъ и склонности къ письменному труду. Потому беру смѣлость просить объ опредѣленіи его въ Комиссію членомъ. Отнюдь не умысль, какъ извѣстно многимъ, а неосмотрительность и нѣкое легкомысліе подвергнули его бѣдамъ за сочиненіе, выпущенное не ко времени. Но за то онъ понесъ только тяжкое наказаніе, что, избавленный монаршимъ помилованіемъ, потщится усердно службою оправдать милость».

Въ дальнѣйшемъ ходатайствѣ о возвращеніи Радищеву принадлежавшихъ ему правъ говорится: «Коллегскій совѣтникъ Александръ Радищевъ пожалованъ въ сей чинъ въ 1783 году, а въ 1784 удостоенъ возложеніемъ на него ордена святаго равноапостольнаго князя Владиміра 4-й степени. Потомъ въ 1790 году изданіемъ книги, сочиненной имъ въ неосмотрительныхъ выраженіяхъ, навлекъ на себя праведный гнѣвъ блаженной памяти государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, былъ лишенъ всѣхъ достоинствъ и посланъ на десять лѣтъ на житье въ Илимскъ. По вступленіи на престолъ покойнаго императора, оный Радищевъ изъ Илимска возвращенъ и велѣно жить ему въ его деревняхъ, а по возшествіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго государя императора всемилостивѣйше прощенъ съ прочими, и высочайше повелѣно возвратитъ прежнее его достояніе.

«Послѣ того, высочайшимъ Его Императорскаго Величества указомъ оный коллегскій совѣтникъ Радищевъ опредѣленъ членомъ въ Комиссію о сочиненіи законовъ съ жалованьемъ по тысячѣ по пятьсотъ рублей на годъ. Всѣ прочіе члены сей Комиссии получаютъ жалованья по двѣ тысячи рублей. Въ сравненіи съ ними можно бѣ кажется и ему, Радищеву, таковое же опредѣлить. А притомъ какъ по самому содержанію всемилостивѣйшаго указа, коимъ возвращенъ Радищевъ въ прежнее его достояніе, съ возвращеніемъ чина его, который онъ прежде имѣлъ, кажется, слѣдовало бѣ возвратитъ и тотъ орденъ, который на него прежде возложенъ былъ; но объ ономъ ничего не опредѣлено, то не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству пожаловать особое о томъ, куда слѣдуетъ, повелѣніе».

Орденъ св. Владиміра, учрежденный Екатериною II, имѣлъ особенное значеніе въ глазахъ ея современниковъ, и возвращеніе Радищеву этого ордена было окончательнымъ доказательствомъ того, что кара, постигшая Радищева, навсегда предана забвенію государемъ, считавшимъ себя истиннымъ преемникомъ Екатерины II.

Сообщено М. И. Сухомлиновымъ.

Нелѣпыя толки.

Въ 1809 году, министръ внутреннихъ дѣлъ князь Куракинъ разослалъ всѣмъ начальникамъ губерній циркуляръ, въ которомъ коснулся весьма интереснаго общественнаго явленія того времени: «разглашенія въ публикѣ праздными людьми разныхъ нелѣпныхъ толковъ». Толки эти обратили вниманіе правительства и поэтому было признано нужнымъ «сдѣлать предостереженіе о пустословіи новыхъ рассказчиковъ»; для этой цѣли министръ внутреннихъ дѣлъ отправилъ къ губернаторамъ по извѣстному (довольно значительному числу) экземпляровъ статьи «О пустословіи» съ просьбой распространить эту статью между провинціальной публикой приличнымъ образомъ. Статья эта заключаетъ въ себѣ слѣдующія интересныя свѣдѣнія:

«Въ предостереженіе легковѣрности, признается нужнымъ объявить, что съ нѣкотораго времени прилежнымъ надзоромъ открыты и обнаружены адѣсь затѣи прайдныхъ людей, старающихся для собственныхъ видовъ озаботить ложными слухами вниманіе публики. Отъ нихъ въ разныя времена происходили разные нелѣпныя толки, кои, покружась нѣкоторое время въ обществѣ, сами собой и исчезли. Симъ изобрѣтателямъ былей и небылицъ всѣ происшествія служатъ предлогомъ къ страннымъ предвѣщаніямъ. Въ Петербургѣ разсуждаютъ: Возстанетъ ли война въ предѣлахъ отъ Россіи удаленныхъ? Они тутъ видятъ уже раздробленіе нашихъ провинцій, бунты, возмущенія, и если имъ повѣрить, то, кажется, война уже въ Петербургѣ. Одержана ли войсками нашими побѣда? По разсказамъ сихъ добрыхъ патріотовъ тутъ убитъ въ сраженіи Каменскій, а тамъ Багратионъ. Появится ли непріятельскій флотъ въ Балтійскомъ морѣ? Кронштадтъ пылаетъ, по слову ихъ, а Ревель обращенъ уже въ пепель. Но внѣшнихъ происшествій для нихъ не довольно; дѣятельность политическаго ихъ злословія объемлетъ всѣ предметы и обращается ко внутреннимъ. Тутъ открывается пространное поле востостей. Сегодня выходитъ запрещеніе носить всѣмъ вообще фраки, завтра выйдетъ другое учрежденіе, еще болѣе стѣснительное, а первое сентября сего года (1809), непременно послѣдуетъ указъ, ниспровергающій всѣ отношенія помѣщиковъ къ поселянамъ. Такой-то министръ или вельможа сильно тому противорѣчилъ и за то впалъ въ немилость, а такой-то, напротивъ, сему содѣйствовалъ, и потому онъ въ силѣ.

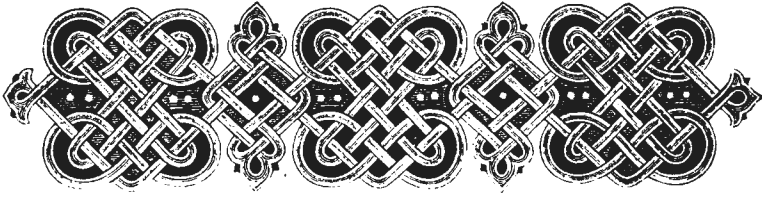
«Если бы люди благонамѣренные,—говоритъ разосланная въ провинцію изъ Петербурга статья,—знали истинные источники сихъ нелѣпныхъ толковъ, они стыдились бы быть орудіемъ злонамѣренности и игрищемъ страстей для нихъ чуждыхъ.

«Впрочемъ, правительству уже извѣстны и изобрѣтатели сихъ разсказовъ и побужденія, коими они движутся. Происшествія не одинъ разъ посрамляли ихъ пристрастіе, но время откроетъ еще болѣе, и тогда безъ пощады преданы будутъ имена ихъ всеобщему посмѣянію».

Въ Курскую губернію было прислано 200 экземпляровъ сейчасъ сообщенной нами статьи. Губернаторъ немедленно раздѣлилъ 200 экз. на 45, по числу уѣздныхъ исправниковъ, дворянскихъ предводителей и городничихъ и велѣлъ упомянутымъ лицамъ послать пакеты съ оттисками присланной статьи, сообщивъ каждому изъ нихъ, чтобы статья эта была распространена между обывателями приличнымъ образомъ, въ видѣ любопытной новости.

Какъ официальные лица распространяли статью о нелѣпныхъ слухахъ неизвѣстно. Губернатору предводители, исправники и городничіе отвѣтствовали: «Предписаніе вашего превосходительства исполнено». Одинъ изъ городничихъ придумалъ въ базарный день на городской площади прочитать присланную ему статью и о семъ безхитростно донесъ губернатору... Этотъ фактъ напоминаетъ собою другой, не менѣе своеобразный. Въ 1861 году, въ разгаръ эмансипаціи, министерство внутреннихъ дѣлъ просило администрацію содѣйствовать подпискѣ на журналъ имъ основанный «Сельское благоустройство». И нѣкоторые изъ городничихъ Курской губерніи на базарѣ объявили крестьянамъ о подпискѣ на новый журналъ... Впрочемъ, отчасти, они были правы, ибо редакція журнала высказала желаніе видѣть въ числѣ своихъ подписчиковъ поболѣе мужичковъ.

Сообщено А. А. Танковымъ.

С М Ъ С Ъ.

РОШЛОГОДНІЕ ЮБИЛЕИ. 1888-й годъ закончился нѣсколькими юбилеями писателей, ученыхъ, государственныхъ людей. За юбилеемъ министра иностранныхъ дѣлъ (см. декабрьскую книжку «Историч. Вѣстника») слѣдовалъ 35-ти-лѣтній юбилей даровитаго писателя Сергѣя Васильевича Максимова. Значеніе этого этнографа-беллетриста высказано въ адресѣ, поднесенномъ ему на товарищескомъ обѣдѣ, почитателями его таланта: «Съ юныхъ лѣтъ возлюбили вы родину и ея природу, родного русскаго чело-вѣка и его языкъ; со школьной скамьи отдали вы всю свою жизнь на изученіе, изслѣдованіе и описаніе ихъ отъ сѣверныхъ непроходимыхъ тундръ до необозримыхъ южныхъ степей, до знойныхъ границъ Кавказа и Ирана; отъ Байкала до Восточнаго океана проѣхали и прошли вы вдоль и поперекъ весь родной край нашъ, заглянули во всякій уголокъ, гдѣ русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ, гдѣ поселился и свилъ себѣ гнѣздо русскій чело-вѣкъ. Какъ въ зеркалѣ отразился въ вашихъ книгахъ, вашихъ разсказахъ и описаніяхъ русскій народъ съ его міросозерцаніями, вѣрованіями, обычаями, бытомъ и языкомъ; но еще лучше, еще свѣтлѣе зеркало, въ которомъ отражается русскій языкъ—это любящая, всепрощающая, всепримирающая, незлобивая, безкорыстная и чистая ваша душа. Мы чествуемъ и приносимъ свой поклонъ, сочувствіе и уваженіе къ вамъ не только, какъ къ русскому писателю, но и какъ прекрасному истинно-русскому чело-вѣку. Здравствуйте на многіе, многіе годы и радуйтесь сознаніемъ, что вы поняты, оцѣнены и любимы».

На это привѣтствіе и множество другихъ, юбиляръ высказалъ о самомъ себѣ между прочимъ слѣдующее: «Я, въ самомъ дѣлѣ, странствовалъ долго, забирался далеко, видѣлъ многое и написалъ много. Писалось въ торопяхъ: либо подгоняло обиліе собраннаго живого и свѣжаго матеріала, либо надо было поспѣвать къ заказнымъ срокамъ—стало быть, представлялось многое въ сыромъ видѣ. Нужда указала на литературный заработокъ; она-то по словицѣ заставила до Сызрани пѣшкомъ сходить калачей поѣсть, она-то поставила лицомъ къ лицу съ той нуждой, которая оказалась уже настоящей злодѣйкой. Здѣсь я задержался на всѣ эти 35 лѣтъ, которыя мнѣ поставлены

на видъ и для учета. Сюда въ деревню я унесъ свою любознательность, изучая безпомощную нищету, ласкавшую и любившую меня съ малыхъ лѣтъ. Любовь помогла мнѣ разобраться: отдѣлать наружное отъ внутренняго. Деревня лычкомъ подпоясана, мочалами окутаны ноги, молчаливая, безответная, сосредоточенная въ себѣ, скрытная, подслѣповато видить, какъ будто, слабо мыслить, мало думать. Оказалось на дѣлѣ и воочію, что подъ лохмотьями бьется горячее сердце и что разбросанный хламъ есть ничто иное, какъ вчерашніе слѣды неустанной борьбы на жизнь и смерть съ суровой природой, что эта борьба руководится изобрѣтательнымъ практическимъ умомъ, направляется богатырскими силами, могучимъ народнымъ гениемъ. Въ поискахъ за этими видимыми слѣдами и въ подборѣ доказательствъ я съ наслажденіемъ увлекся на все эти изжитые литературные годы. Если за все это я теперь удостоился такой высокой чести, то благодарю нужду-учительницу. Если мнѣ привелось и въ малѣ быть вѣрнымъ, то дай Богъ, чтобы другіе и новыя во многомъ были поставлены счастливѣе, выше и дальше и, въ свою очередь, вошли бы въ такую же радость, какую я испытываю теперь. Если по пословицѣ, «пиво не диво и медъ не хвала, а всему голова, что любовь дорога», то вотъ, именно, за эту-то любовь благодарю и тѣхъ, кто благодушно вспомнилъ о моихъ малыхъ и слабыхъ трудахъ и тѣхъ, съ кѣмъ старыя и новыя дружескія отношенія скрѣплены узами взаимныхъ симпатій. Благодарю за доброе слово и ласку, принимая ихъ себѣ въ свѣжее поощреніе на поддержку въ предстоящихъ новыхъ работахъ. «Ласковое слово лучше мягкаго пирога», а за него, за угощеніе по русскому обычаю—мой особый низкій поклонъ».

Юбиляру было прочтено множество адресовъ, рѣчей, стихотвореній и поднесено нѣсколько подарковъ.

— Второй юбилей непрѣмьнаго секретаря Академіи Наукъ Константина Степановича Веселовскаго прошелъ при болѣе официальной обстановкѣ. Онъ родился 20-го мая 1819 года и дѣтство провелъ въ имѣніи своего отца въ Екатеринбургской губерніи, затѣмъ поступилъ въ Царскосельскій лицей, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1838 г. съ чиномъ IX класса и съ первюю золотою медалью. Товарищъ по выпуску Н. К. Гирса, однимъ годомъ старше по выпуску А. В. Головинина, барона А. П. Николаи и М. X. Рейтерна, К. С. Веселовскій, подобно вышеназваннымъ сверстникамъ и товарищамъ по лицей, набралъ своей дѣятельностью административное поприще и служилъ попеременно въ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ. Вскорѣ, однако, къ государственной службѣ онъ присоединилъ и занятія литературой, изученіе и разработку преимущественно экономическихъ вопросовъ, чему не мало способствовало близкое знакомство его съ такими выдающимися дѣятелями, какъ графъ Д. Н. Блудовъ, Вл. и Н. Ал. Милютинны, князь Вл. Ѳ. Одоевскій, Надеждинъ, А. П. Заблоцкій-Десятовскій и др. Многочисленныя изслѣдованія, помѣщенные г. Веселовскимъ въ «Журналахъ» министерства внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, «Отечественныхъ Запискахъ», въ изданіяхъ Русскаго Географическаго Общества и посвященныя изученію вопросовъ финансовыхъ, политико-экономическихъ, статистическихъ и сельско-хозяйственныхъ, обогатили ученую литературу и указали новые пути въ отечествовѣдѣніи. Разработанная юбиляромъ статистика недвижимыхъ имуществъ въ Петербургѣ обратила на себя общее вниманіе. въ особенности тою частью, гдѣ авторъ трактуетъ о принятіи необходимыхъ мѣръ къ улучшенію жилищъ рабочихъ, какъ въ видахъ санитарныхъ, такъ и для облегченія полицейскаго надзора за этимъ классомъ столичнаго населенія. Многочисленные труды молодого ученаго не замедлили привлечь къ себѣ вниманіе академіи. Предложенный академикомъ Кеппенотъ, Арсеньевымъ, Купферомъ, Устряловымъ и Броссе въ адъюнкты по части политическихъ наукъ, К. С. Веселовскій былъ избранъ въ дѣйствительные члены Ака-

деміи Наукъ въ 1852 г. Къ этой же эпохѣ относятся и главные литературныя труды юбиляра. Такъ, по его почину и главнымъ образомъ его же трудами была издана (въ 1855—1856 гг.) первая подробная почвенная карта Россіи, долгое время служившая образцомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ работъ въ этомъ направленіи. Въ томъ же 1856 году былъ приведенъ къ концу и изданъ г. Веселовскимъ первый въ Россіи хозяйственно-статистическій атласъ Россіи, при чемъ въ атласъ была включена первая климатическая карта Россіи. Наконецъ, выпущенное въ 1857 г. г. Веселовскимъ капитальное и объемистое изслѣдованіе «О климатѣ Россіи» дало драгоценныя данныя для разъясненія воздѣйствій, оказываемыхъ климатическими особенностями на сельское хозяйство въ Россіи. Въ академической средѣ К. С. счумѣлъ въ короткое время приобрести такой вѣсъ и значеніе, что уже въ 1857 г. былъ избранъ непремѣннымъ секретаремъ академіи, а вслѣдъ затѣмъ, въ 1859 г., утвержденъ и въ званіи ординарнаго академика. Смѣнивъ зоолога Миддендорфа, К. С. Веселовскій, въ ряду своихъ предшественниковъ: историка Мюллера, профессора Штеллина, математиковъ Фуссовъ, отца и сына, является въ качествѣ непремѣннаго секретаря, первымъ русскимъ ученымъ со времени учрежденія академіи, удостоившимся быть, по этому званію, представителемъ «первенствующаго ученаго сословія Россійской имперіи». Если принять во вниманіе, что, по уставу Академіи Наукъ, на непремѣнномъ секретарѣ лежитъ завѣдываніе учеными дѣлами академіи, веденіе отъ ея имени переписки съ учеными учрежденіями, составленіе отчетовъ объ ученыхъ занятіяхъ академиковъ и снаряжаемыхъ отъ академіи экспедиціяхъ, предсѣдательствованіе въ отдѣльныхъ комиссіяхъ, протоколы ученыхъ засѣданій, изготовленіе отчетовъ о всѣхъ вообще преніяхъ за разнообразнѣйшія изслѣдованія по всѣмъ отраслямъ знанія, — если принять все это въ соображеніе, то легко можно себя представить, какое бремя текущихъ дѣлъ лежитъ на непремѣнномъ секретарѣ академіи и какими нужно обладать разносторонними способностями и образованіемъ, чтобы съ достоинствомъ нести это бремя... Этр, впрочемъ, и не всегда удавалось г. Веселовскому — и въ борьбѣ академическихъ партій онъ всегда стоялъ на сторонѣ академическаго большинства, иногда безцеремонно относившагося и къ интересамъ науки и къ заслугамъ русскихъ университетскихъ ученыхъ... Независимо отъ разнородныхъ занятій собственно по академіи, К. С. Веселовскій принималъ участіе и въ разработкѣ общегосударственныхъ вопросовъ. Привлеченный въ 1857—1858 гг. къ участію въ комитетѣ, учрежденномъ при морскомъ министерствѣ для составленія положенія о пенсіонной эмеритальной кассѣ, онъ разработалъ тѣ многообразныя статистическія данныя, которыя легли въ основаніе математическихъ расчетовъ о размѣрѣ эмеритальныхъ пенсій. Равнымъ образомъ онъ участвовалъ и въ трудахъ учрежденной въ 1869 году комиссіи по вопросу о пересмотрѣ Пенсіоннаго Устава и, наконецъ, въ 1862 году, при пересмотрѣ постановленій по дѣламъ книгопечатанія, г. Веселовскимъ, въ качествѣ члена особой комиссіи, былъ разработанъ проектъ законоположеній о поврежденныхъ изданіяхъ, вошедшій впоследствии во II главу утвержденныхъ 6-го апрѣля 1865 года временныхъ правилъ о цензурѣ и печати.

— Третій юбилей министра народнаго просвѣщенія происходилъ при совершенно необычайной обстановкѣ. И. Д. Деляновъ уклонился отъ всякихъ торжествъ по поводу его полувѣковой государственной дѣятельности и въ день своего юбилея уѣхалъ даже изъ Петербурга въ свою деревню. Не смотря на это въ домѣ министерства былъ молебень, присылались поздравленія и пр. И. Д. Деляновъ родился въ Москвѣ, въ 1818 году, и тамъ же получилъ университетское образованіе. Въ 1838 году, по окончаніи курса въ университетѣ, по юридическому факультету, онъ поступилъ на службу во второе отдѣленіе Его Величества канцеляріи. Въ этомъ учрежденіи его дѣятельность сосредоточилась на работахъ по составленію свода законовъ и уложе-

ніа о наказаніяхъ. Въ 1849 году Иванъ Давидовичъ получилъ званіе камергера. Въ 1854 назначенъ управляющимъ дѣлами секретнаго комитета о расколнникахъ. Въ 1858 состоялось производство И. Д. Делянова въ тайные совѣтники, и онъ былъ назначенъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Въ слѣдующемъ году былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи Наукъ. Въ 1860 году состоялось назначеніе И. Д. Делянова членомъ главнаго цензурнаго управленія, а въ слѣдующемъ, директоромъ департамента министерства народнаго просвѣщенія. Въ томъ же году, послѣ непродолжительнаго пребыванія въ отставкѣ, И. Д. Деляновъ былъ назначенъ директоромъ Публичной Библіотеки и въ 1862 вновь занялъ должность попечителя петербургскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ директоромъ Публичной Библіотеки. Въ 1865 г., И. Д. Деляновъ, за отсутствіемъ министра народнаго просвѣщенія управляя министерствомъ, былъ назначенъ сенаторомъ. Въ слѣдующемъ году послѣдовало назначеніе И. Д. Делянова товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и онъ избранъ почетнымъ членомъ Петербургскаго университета. Будучи товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и директоромъ Публичной Библіотеки, И. Д. Деляновъ въ то же время (въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ), по званію сенатора, присутствовалъ въ общемъ собраніи первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената. Въ 1873 году И. Д. Деляновъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и съ этихъ поръ до 1882 г. продолжалъ состоять директоромъ Публичной Библіотеки и исправляющимъ должность главноуправляющаго Собственною канцеляріею по учрежденіямъ императрицы Маріи и председателя Опекунскаго Совѣта. Въ 1874 г. онъ былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта. 16-го марта 1882 г., состоялось назначеніе И. Д. Делянова на нынѣ занимаемый имъ постъ министра народнаго просвѣщенія. Значеніе дѣятельности Ивана Давидовича для Петербургскаго университета ясно очерчено словами одного изъ протоколовъ засѣданій университетскаго совѣта, еще въ семидесятыхъ годахъ, въ которомъ сказано: «Дѣятельность Ивана Давидовича въ должности сперва попечителя петербургскаго учебнаго округа, а потомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, была такъ продолжительна и такъ благотворна для учебно-воспитательнаго дѣла, что останется навсегда памятною». Въ день юбилея И. Д. Деляновъ возведенъ въ графское достоинство российской имперіи.

— 4-го декабря, праздновался юбилей 50-лѣтней государственной службы одного изъ старѣйшихъ и выдающихся генераловъ инженернаго корпуса, председателя морского строительнаго комитета, Эдуарда Ивановича Тилло, высочайше награжденнаго въ этотъ день чиномъ инженеръ-генерала. Многосторонняя дѣятельность юбиляра очерчена въ адресѣ, поданномъ ему офицерами корпуса инженеровъ морской строительной части, въ которомъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: «Мы счастливы и гордимся, что двѣнадцать лѣтъ изъ полувѣковой плодотворной дѣятельности вашей принадлежатъ намъ, инженерамъ морской строительной части. Ставъ во главѣ нашего корпуса, вы всецѣло посвятили ему ваши обширныя познанія, вашу любовь къ наукѣ, вашу практическую опытность, прибрѣтенную продолжительною государственною службою и общественною дѣятельностью. Вашими неуслышными трудами корпусъ нашъ поставленъ на высоту той задачи, которая возложена была на него въ послѣдніе годы при расширеніи портовыхъ учреждений на Балтійскомъ морѣ, въ Восточномъ океанѣ и, особенно, при устройствѣ новаго Севастопольскаго порта. Щедрія монаршія милости, оказанныя вамъ и многимъ изъ среды нашей, ясно свидѣтельствуютъ, что корпусъ инженеровъ морской строительной части подъ вашимъ руководствомъ съ успѣхомъ трудился для исполненія предначертаній августѣйшаго начальника флота и морского вѣдомства. Въ дѣлѣ внутренней организаціи корпуса вамъ принадлежитъ великая заслуга: вашими заботами корпусъ получалъ

исключительную военную организацію, сплотился въ одну дружную техническую семью, органически связанную, съ одной стороны—съ инженерною академіею, съ другой—съ корпусомъ военныхъ инженеровъ. Перечисленные за услуги навсегда соединять имя ваше съ исторіею нашего корпуса; пройдутъ годы, новыя времена выдвинуть новыя задачи, учрежденія морского вѣдомства могутъ измѣниться сообразно съ новыми условіями, но исторія не забудетъ полезныхъ трудовъ вашихъ, а всѣ мы сохранимъ навсегда глубокое уваженіе къ своему достойному начальнику и гордое сознание, что трудились подъ его руководствомъ». Вмѣстѣ съ адресомъ отъ офицеровъ корпуса былъ поднесенъ роскошный подарокъ — серебряная электрическая лампа въ видѣ маяка, воздвигнутаго на скалѣ. Кромѣ того, генералу Тилло были поднесены адреса и принесены корпоративныя поздравленія отъ инженеровъ-строителей Севастопольскаго порта, отъ Николаевской инженерной академіи, отъ военныхъ инженеровъ Петербургскаго военного округа, отъ Императорскаго Техническаго Общества, отъ совѣта Главнаго Общества російскихъ желѣзныхъ дорогъ, отъ правленія страховаго общества «Саламандра», отъ совѣта старшинъ евангелической реформатской церкви и т. д. Юбилей закончился обѣдомъ, на которомъ присутствовали почти всѣ генералы и офицеры инженернаго корпуса, находившіеся въ Петербургѣ и многіе моряки.

Археологическое Общество. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Археологическаго Общества, подъ предѣдательствомъ управляющаго отдѣленіемъ барона В. Р. Розена, Н. Я. Марръ сдѣлалъ сообщеніе «о грузинской версіи повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ». Референту удалось представить фактическое подтвержденіе гипотезы барона В. Р. Розена о происхожденіи греческой версіи, душеполезной исторіи Варлаама и Иосафа, пользовавшейся широкой популярностью во всемъ христіанскомъ мірѣ,—отъ грузинской книги о Баловарѣ: въ числѣ рукописей, пожертвованныхъ недавно въ бібліотеку общества распространенія грамотности среди грузинъ (въ Тифлисѣ), оказался и рукописный экземпляръ этой повѣсти. Этотъ памятникъ, дошедшій до насъ подъ названіемъ «Мудрость Баловара», въ позднѣйшемъ спискѣ сохранилъ слѣды древняго происхожденія, что по языку можетъ быть отнесенъ къ IX столѣтію и не могъ быть написанъ позже XI вѣка. Сличая эту версію повѣсти съ извѣстными греческой и мусульманско-арабской версіями этого разсказа объ индійскомъ царевичѣ, докладчикъ утверждаетъ, что грузинская версія является вполне самостоятельною и, опираясь на свидѣтельство одной греческой рукописи самой повѣсти (XI вѣка) и на житіе св. Евѳимія Грузина (XI вѣка), высказываетъ предположеніе, что греческая душеполезная исторія Варлаама и Иосафа передѣлана изъ грузинской книги «Мудрость Баловара», а авторъ этой передѣлки ни кто иной, какъ тотъ же св. Евѳимій Грузинъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ референтомъ въ Грузіи, въ рукахъ частныхъ лицъ сохранились и болѣе древнія рукописи повѣсти о Баловарѣ, такъ что уясненіе этого интереснаго историко-литературнаго вопроса поставить его на прочную почву. Въ томъ же засѣданіи вниманію отдѣленія представленъ только-что вышедшій изъ печати трудъ В. С. Голенищева «Опытъ графически расположеннаго ассирійскаго словаря», являющійся первымъ на русскомъ языкѣ серьезнымъ вкладомъ по изученію ассирійскихъ древностей. Равнымъ образомъ отдѣленіемъ было заслушано предложеніе И. П. Минаева объ изданіи русскихъ путешественниковъ по Азіи, начиная съ древнѣйшихъ временъ до начала настоящаго столѣтія. Предложеніе И. П. Минаева было встрѣчено общимъ сочувствіемъ, и изъ среды нашихъ ориенталистовъ образована коммиссія для предварительныхъ работъ по бібліографическому обзору относящихся къ данному вопросу матеріаловъ.

Памятникъ крещенія Руси. Населеніе Новочеркаскъ для увѣковѣченія дня празднованія 900-лѣтія крещенія Руси намѣрено поставить памятникъ на Николаевской площади, передъ Крещенскою улицею въ Новочеркасскѣ. Па-

мятникъ будетъ сооруженъ на пожертвованіи всѣхъ жителей города. Въ настоящее время профессоромъ архитектуры г. Каминскимъ уже изготовленъ проектъ памятника, представленный на утвержденіе правительства. Въ основаніи памятника четырехугольная возвышенная площадка изъ дикаго известнаго камня, съ ступеньками на всѣхъ углахъ. Площадку окружаютъ восемь тумбъ, съ двуглавымъ орломъ на каждой и четыре рѣшетки по сторонамъ, состоящія изъ щитовъ, украшенныхъ орнаментами; на щитахъ этихъ надписи мѣстностей и годовъ военныхъ отличій Войска Донскаго. Самый памятникъ состоитъ изъ четырехъ соединенныхъ арокъ, накрытыхъ общимъ куполомъ, имѣющимъ видъ древне-русскаго великокняжескаго шлема съ осьмиконечнымъ крестомъ на верху. Внутри памятника, въ задней аркѣ, громадный мраморный крестъ съ иконою Спасителя на верху и изображеніемъ крещенія Руси на подножіи его. На остальныхъ аркахъ и колоннахъ—лики святыхъ: княгини Ольги, апостола Андрея Первозваннаго и первоучителей Кирилла и Меодія. На боковыхъ сторонахъ колоннъ и обратной сторонѣ памятника начертаны имена августѣйшихъ особъ, посѣщавшихъ Новочеркасскъ и рельефныя изображенія войсковыхъ регалій, знаковъ атаманской власти, герба Войска Донскаго и т. д. Надъ передней аркой, обращенной къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно собирается войсковою кругъ, находится надпись: «Въ память крещенія народа единой нераздѣльной Руси», а вокругъ купола: «Отъ запада и сѣвера, востока и моря—чада Твоя».

Откуда взялось имя Ермакъ. Преосвященный Мелетій, епископъ селенгинскій, викарій иркутской епархіи, возстановляетъ подлинное христіанское имя покорителя Сибири «Ермака Тимофеевича». Извѣстно, что имени «Ермакъ» нѣтъ ни въ однихъ святцахъ, между тѣмъ, нѣкоторые историки Сибири произвольно окрестили Ермака Тимофеевича именемъ Василія Повольскаго (по р. Волгѣ) безъ достаточныхъ на то доказательствъ. Преосвященный Мелетій, на основаніи древнихъ памятниковъ, отыскавшихъ имя въ архивѣ нерчинско-успенской монастырской церкви, признаетъ, что настоящее имя «атамана» Ермака было—Ермолай, что значитъ «вѣстникъ народа» и память котораго бываетъ «разъ въ году — 26-го іюля». Открытые преосвященнымъ Мелетіемъ изъ архивной пыли памятники писаны стариннымъ полууставомъ, съ вычурными заставками и кинварью. Послѣ царей, царицъ и великихъ князей въ поманникѣ, по словамъ преосвященнаго, сдѣлана слѣдующая записка: «помяни Господи души пострадавшихъ Твоего ради имени святаго и кровь свою пролившихъ по благочестію: побѣдша въ Сибири безбожнаго царя Кучюма», и вслѣдъ за этимъ записано имя «Ермолая». Ясно,—говорить епископъ Мелетій,—что вульгарное слово «Ермакъ» образовалось отъ имени «Ермолая»...

Поясъ Пугачева. По сообщенію саратовскихъ газетъ, одинъ изъ мѣстныхъ обывателей, г. Т.; принесъ въ даръ Радищевскому музею, находящійся у него шелковый, персидскій работы, кушакъ, имѣющій историческое значеніе. Кушакъ этотъ былъ подаренъ Е. Пугачевымъ, во время его нашествія на городъ Саратовъ, сыну священника села Ровнаго, за то, что мальчикъ встрѣтилъ приходъ Пугачева въ Ровное колокольнымъ звономъ. Отца же этого мальчика Пугачевъ повѣсилъ, такъ какъ священникъ не желалъ въ Пугачевѣ признать царя.

Слѣды «побратимства» въ русскихъ народныхъ обычаяхъ. Какъ извѣстно, у южныхъ славянскихъ племенъ: сербовъ, болгаръ, черногорцевъ и др. существуетъ обычай такъ называемаго «побратимства».

Обычай этотъ состоитъ въ томъ, что двое какихъ-нибудь лицъ (двое мужчинъ, иногда двѣ женщины, тогда обычай называется «посестриствомъ») вступаютъ между собою въ союзъ, при чемъ кладутъ обѣтъ, во имя Бога и св. Іоанна, на всю жизнь быть вѣрными другъ другу. Вступившіе въ такой союзъ называются по Богу братьями, избранными братьями, по-

братимами. Приготовленіемъ къ побратимству, говоритъ проф. Ранке въ своей «Исторіи Сербіи»,—служить слѣдующее: «Утромъ во второй понедѣльникъ по Пасхѣ обкладываютъ могилы свѣжимъ дерномъ; послѣ обѣда собираются молодые люди и завиваютъ вѣнки; затѣмъ каждыя два юноши и каждыя двѣ дѣвушки вступаютъ между собою въ союзъ и въ знакъ того просовываютъ головы черезъ вѣнки, цѣлуются и обмѣниваются вѣнками». Таково приготовленіе къ побратимству или посестринству въ Сербіи.

У насъ, среди народа, какъ извѣстно, часто можно услышать слова: побратимъ, посестра. Это наводитъ на мысль, что и у насъ—русскихъ—существовалъ прежде обычай побратимства въ такомъ же полномъ видѣ, какъ существуетъ онъ и теперь у южныхъ славянъ. Остатокъ этого обычая,—пишетъ г. Егоровъ,—я имѣлъ случай наблюдать нѣсколько разъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи, на Троицынъ день, когда «завиваютъ вѣнки». Въ этотъ день (въ иныхъ мѣстахъ на Духовъ) обыкновенно послѣ обѣда дѣвушки и парни съ пѣснями идутъ куда-нибудь за деревню, къ лѣсу или роцѣ; вообще къ мѣсту, гдѣ есть лиственные деревья. Пришедши на мѣсто, находятъ два небольшія (въ человѣческой ростъ) деревца, близко растущія другъ отъ друга, наклоняютъ ихъ вершины и связываютъ ихъ верхушками, образуя такимъ образомъ какъ бы воротца. На эти воротца сверху, тамъ, гдѣ сходятся верхушки, вѣшаютъ сплетенный изъ березы вѣнокъ и затѣмъ происходятъ обрядъ такъ называемаго кумовства. Онъ состоитъ въ томъ, что два парня или двѣ дѣвушки подходятъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ къ вѣнку и поютъ:

«Мы, кума, съ тобой покумимся,
 «Мы покумимся, поголубимся.
 «Мы кумимся, не бранимся,
 «Мы мѣнялися, цѣловалися».

Затѣмъ цѣлуются черезъ вѣнокъ и обмѣниваются какими-нибудь вещами: крестомъ, бусами, платками, кольцами и т. д. Черезъ недѣлю покумившіеся собираются вновь на это же мѣсто и раскумливаются совершенно подобнымъ же образомъ: цѣлуются, поютъ ту же пѣсню и размѣниваются вещами.

Вотъ этотъ-то обычай «кумовства» и есть остатокъ «побратимства», существующаго еще до сихъ поръ у южныхъ славянъ.

Отчетъ литературно-драматическаго Общества (нынѣ Русское литературное Общество) за 1887—88 годъ. Къ 1-му сентября 1887 г. въ Обществѣ состояло 9 почетныхъ и 49 дѣйствительныхъ членовъ. Въ отчетномъ году избраны въ почетные 4 лица: Я. К. Гротъ, гр. Л. Н. Толстой, С. А. Юрьевъ и А. А. Шеншинъ. Въ составѣ дѣйствительныхъ членовъ произошли слѣдующія измѣненія: выбыли Б. Ф. Грязновъ, Ф. Ф. Заремба, В. А. Гриценко, П. О. Морозовъ, В. К. фон-Мекъ и А. А. Михайловъ; скончались В. М. Гаршинъ и К. Н. Лебедевъ. На открывшіяся такимъ образомъ 7 и имѣвшуюся къ началу года одну вакансію были избраны въ дѣйствительные члены: В. П. Ключниковъ, П. А. Козловъ, А. Ф. Кони, Л. Н. Майковъ, П. А. Висковатовъ, М. И. Семеvскій, П. Н. Батюшковъ, П. А. Кусковъ.

Въ члены-сотрудники были избраны 25 лицъ: В. И. Бибииковъ, В. П. Буренинъ, П. В. Быковъ, кн. М. Н. Волконскій, П. Г. Ганзель, Е. М. Гаршинъ, кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), А. Ф. Головинъ, гр. П. А. Голенцевъ-Кутузовъ, В. П. Далматовъ, Н. Г. Есиповъ, М. Е. Здѣховскій (Уринъ), Н. Н. Карзинъ, А. А. Катенинъ, В. Н. Куницкій, А. К. Лядовъ, В. С. Лихачовъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Н. М. Саковнинъ, С. С. Татищевъ, В. А. Тихоновъ, С. И. Уманецъ, кн. Н. П. Урусовъ, І. І. Ясинскій, П. М. Хрущовъ. Изъ числа членовъ-сотрудниковъ въ теченіе отчетнаго года скончались А. Ю. Гагемейстеръ и Н. Г. Есиповъ.

На 1-е октября 1888 г. въ Обществѣ состоитъ 13 почетныхъ, 48 дѣйствительныхъ и 25 членовъ-сотрудниковъ. Составъ комитета въ теченіе 1887—88 г. былъ слѣдующій: предсѣдатель Общества П. Н. Исаковъ, товарищъ предсѣдателя гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ; члены А. А. Катенинъ, А. И. Незеленовъ, А. К. Ротъ, кн. А. И. Урусовъ и директоръ школы Д. Д. Коровяковъ; кандидатами къ членамъ: В. Н. Юзевовичъ и С. А. Андреевскій. Секретаремъ Общества состоялъ А. А. Катенинъ, казначеемъ А. К. Ротъ, завѣдующимъ хозяйствомъ Д. Д. Коровяковъ. Въ теченіе отчетнаго года комитетъ имѣлъ 27 засѣданій. Значительная часть засѣданій была посвящена подготовкѣ юбилейнаго празднованія 50-лѣтней литературной дѣятельности А. Н. Майкова, а затѣмъ, въ концѣ года, разработкѣ предположеній о сокращеніи расходовъ Общества, закрытіи драматической школы и, вообще, измѣненія внѣшней стороны дѣятельности Общества, а также новому пересмотру устава. При послѣдовавшемъ въ началѣ 1886 года преобразованіи Общества любителей сценическаго искусства—въ Литературно-Драматическое, сфера дѣятельности Общества была расширена введеніемъ въ нее литературнаго элемента, когда же этотъ послѣдній сталъ настолько преобладающимъ въ занятіяхъ Общества, что практическія задачи, соединенныя съ драматической школой, оказались съ нимъ несомвѣстными—явилась настоятельная необходимость окончательно раздѣлить эти области, взаимно препятствовавшія правильному своему развитію. Названіе Русскаго литературнаго—представлялось болѣе полно обнимающимъ тѣ отдѣльныя задачи, а именно изученіе литературы во всѣхъ ея формахъ и видахъ, разработку теоретическихъ и практическихъ вопросовъ литературы, распространеніе литературныхъ познаній, которыя могли бы войти въ программу дѣятельности Общества. Въ уставъ внесено право печатанія протоколовъ, періодическихъ извѣстій, литературныхъ сборниковъ. Уменьшено на половину число членовъ-сотрудниковъ съ цѣлью обезпечить за собраніями и за занятіями Общества возможно болѣе серьезное и научное значеніе, которое сдѣлалось бы трудно достижимымъ при непосредственномъ участіи въ этихъ собраніяхъ и занятіяхъ слишкомъ большаго числа лицъ, весьма возможнаго при прежнемъ числѣ 200 членовъ-сотрудниковъ. Предложеніе въ дѣйствительные члены предоставлено инициативѣ самого Общества, по отношенію же къ лицамъ, желающимъ поступить въ члены-сотрудники, рекомендація одного дѣйствительнаго члена отмѣнена какъ формальность, представляющая несомнѣнныя неудобства. При новомъ порядкѣ, лица, желающія вступить въ число членовъ-сотрудниковъ, будутъ являться на выборы на свой собственный страхъ и отношенія къ нимъ каждаго изъ баллотирующихъ уже не будутъ стѣснено именами сочленовъ, рекомендующихъ рядомъ съ именами кандидатовъ, отчего самая баллотировка выиграетъ въ правильности. Увеличенъ ежегодный взносъ дѣйствительныхъ членовъ и пониженъ взносъ членовъ-сотрудниковъ до 10 руб. Срокъ служенія должностныхъ лицъ увеличенъ до 4-хъ лѣтъ, при чемъ одной части совѣта—предсѣдателю Общества, его товарищу и секретарю присвоенъ характеръ постояннаго состава, другой членамъ совѣта—характеръ переменнаго. Такимъ образомъ, съ одной стороны сохранилась преемственность системы управленія и предупреждалось неудобство одновременной перемѣны всего совѣта; съ другой же—давалась возможность ежегоднаго частичнаго его обновленія.

Общихъ собраній въ отчетномъ году было 9. Всѣхъ бесѣдъ, происходившихъ по повѣдѣльникамъ, было 19. На означенныхъ бесѣдахъ были прочтаны членами Общества неизданныя ихъ произведенія: поэма Я. П. Полонскимъ; часть поэмы «Яроміръ и Преслава» гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ; рассказъ «Романъ Вышневолоцкаго» І. І. Ясинскимъ; персидская сказка кн. Д. Н. Цертелевымъ; стихотворенія А. Н. Майковымъ, Я. П. Полонскимъ, Д. С. Мережковскимъ, кн. Э. Э. Ухтомскимъ; переводъ изъ

«Фауста» Гёте кн. Д. Н. Цертелевымъ; изъ «Ромео и Джульета» П. И. Вейнбергомъ; изъ комедіи «Амфитріонъ» Мольера А. Я. Ашебергомъ. Были сдѣланы сообщенія: «Взглядъ на поэтическое творчество» Я. П. Полонскимъ; «Объ импрессионизмѣ въ литературѣ», Зола и его романъ «La Terge» П. П. Гнѣдичемъ; «О народности въ литературѣ» А. И. Незеленымъ; «О поэзіи Баратынскаго» С. А. Андреевскимъ; О Лермонтовѣ и его романѣ «Герой нашего времени» А. И. Незеленымъ; О вновь найденномъ вариантѣ «Демона» П. А. Висковатовымъ; «О братьяхъ Карамазовыхъ» С. А. Андреевскимъ; «О поэзіи Фета» гр. А. А. Голенищевымъ-Кутузовымъ; «О произведеніяхъ Фофанова» П. И. Вейнбергомъ и Г. И. Ясинскимъ; «О произведеніяхъ Муравлина» кн. А. И. Урусовымъ; «Очерки изъ исторіи русской драмы первой половины XVIII столѣтія» П. О. Морозовымъ; «О новѣйшихъ исполнителяхъ роли Гамлета» П. П. Гнѣдичемъ; О постановкѣ драмы «Дмитрій Самозванецъ» на сценѣ Дрезденскаго театра П. И. Исаковымъ; «Изъ московскихъ воспоминаній» И. Ѳ. Горбуновымъ; сверхъ того были прочитаны: неизданныя стихотворенія Фета и статья Е. Маркова о Зола Ѳ. Н. Бергомъ.

Къ 1-му октября 1888 года бібліотека состояла изъ 450 томовъ и брошюръ, при чемъ ею получались журналы: «Русская Мысль», «Русская Старина» и «Сѣверъ», безвозмездно доставляемые ихъ редакціями.

Драматическая школа Общества съ 1-го іюня 1888 года закрыта. Закрытіе это явилось неизбежнымъ послѣдствіемъ какъ настоятельной необходимости измѣнить условія матеріальной обстановки Общества съ цѣлью сократить его расходы, такъ и окончательно опредѣлившагося спеціально-литературнаго характера его дѣятельности. Въ силу соглашенія, состоявшагося съ учредителями Петербургскаго драматическаго общества, закрытіе школы получило собственно форму передачи этого заведенія съ его уставомъ, всѣми пособіями и обстановкой изъ вѣдѣнія одного Общества въ другое.

Историческій очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности музыкальнаго журнала «Нувеллисть». Подъ этимъ названіемъ вышелъ небольшой очеркъ, составленный извѣстнымъ знаткомъ музыки и писателемъ М. М. Ивановымъ. Извлекаемъ главнѣйшіе факты изъ этой любопытной брошюры:

Съ 1889 года музыкальный журналъ «Нувеллисть», издаваемый фирмою М. Бернардъ вступилъ въ пятидесятиый годъ своего существованія. Пятьдесятъ лѣтъ жизни насчитываютъ не много журналовъ и газетъ, даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ печать развилась уже давно. Въ Россіи же, за исключеніемъ двухъ академическихъ органовъ—«Спб. Вѣд.», принадлежащихъ Академіи Наукъ и считающихся 160 лѣтъ существованія (основаны въ 1728 г.) и «Моск. Вѣд.», существующихъ уже 132 года (основаны въ 1756 г.)—старѣйшими журналами являются только «Сынъ Отечества», въ 1887 году праздновавшій свой 75-лѣтній юбилей, и «Нувеллисть». Кромѣ названныхъ изданій въ Россіи не было ни одного періодическаго изданія, которое могло бы предъявлять права на подобный долгій, непрерывавшійся срокъ жизни. Что касается музыкальныхъ журналовъ, то среди нихъ органовъ, достигшихъ пятидесяти-лѣтняго возраста, насчитывается вообще очень немного въ Европѣ. Изъ французскихъ музыкальныхъ органовъ только «Gazette musicale», издававшаяся прежде парижскою фирмою Брандюса, и теперь уже прекратившаяся, дошла до 50 лѣтъ, да «Ménestrel» считается 53 года; изъ нѣмецкихъ мы можемъ назвать только одинъ «Allgemeine Musikalische Zeitung», издававшійся фирмою Брейткопфа и Гертеля съ 1798 г. до 1848 г.; изъ итальянскихъ журналовъ нѣтъ ни одного, прожившаго полвѣка. Отсутствіе долголѣтнихъ органовъ музыкальной печати указываетъ на трудность, съ которою приходится бороться всякому музыкальному журналу даже въ Европѣ, гдѣ безъ всякаго сомнѣнія сознание необходимости существованія спеціальныхъ органовъ распространено гораздо болѣе въ обществѣ, чѣмъ у насъ. Обращаясь же къ «Нувеллисту», замѣтимъ еще, что права его на нивеллисту»

маніе усиливаются потому, что въ теченіе всѣхъ пятидесяти лѣтъ своей жизни «Нувеллиста» находился въ рукахъ одной и той же фирмы, тогда какъ для печатнаго органа самымъ обычнымъ явленіемъ оказывается смѣна его издателей и, стало быть, выходящее отсюда измѣненіе какъ въ направленіи, такъ и во взглядахъ журнала.

Мысль поставить музыкальный журналъ въ Россіи на серьезную почву принадлежитъ Матвѣю Ивановичу Бернарду, піанисту и композитору, основателю фирмы Бернардъ. Правда, въ Россіи музыкальные журналы уже были и ранѣе «Нувеллиста», даже еще въ прошломъ столѣтіи, напримѣръ. «Музыкальное увеселеніе» (1774 г.), «С.-Петербургскій музыкальный магазинъ» (1794—1795), «Магазинъ музыкальныхъ увеселеній» (1795), «Журналъ с.-петербургскаго итальянскаго театра» (1795), но всѣ они были только отдѣльными попытками, безъ системы, начинавшимися случайно, не преслѣдовавшими никакихъ опредѣленныхъ цѣлей и съ трудомъ выживавшими годъ, другой, рѣдко нѣсколько лѣтъ. Издавать музыкальный журналъ въ Россіи въ тѣ времена и даже гораздо позже—когда былъ начатъ «Нувеллистъ»—было дѣломъ труднымъ, потому что въ нашемъ обществѣ просто не замѣчалось особенной потребности въ искусствѣ вообще, не только что въ музыкальномъ журналѣ. Приходилось прививать въ обществѣ такую потребность и это составляло задачу своего рода. Въ столицахъ—въ Петербургѣ и Москвѣ—положеніе музыкальнаго дѣла было не блестящимъ, но еще хуже оно стояло въ провинціи; не забудемъ, что самыя консерваторіи существуютъ у насъ весьма недавно и всѣ результаты, все движеніе, произведенное ими, замѣтны только въ послѣдніе двадцать лѣтъ.

При такихъ условіяхъ нужна была не малая рѣшимость вести музыкальный журналъ. Но энергія М. И. Бернарда была велика и поборола всѣ препятствія. Уже въ 1846 году редакція нашла возможнымъ увеличить число пьесъ до десяти и, съ тѣхъ поръ, это число удержалось, составляя въ годъ отъ 450 до 500 и иногда дохода до 600 нотныхъ страницъ. Въ 1846 же году къ «Нувеллисту» добавленъ былъ литературный отдѣлъ—сперва называвшійся «Литературными прибавленіями», а съ 1878 года получившій названіе «Музыкально-театральной газеты». «Прибавленія» выходили ежемѣсячно. Въ журналѣ были помѣщены также портреты Гайдна, Моцарта, Бетховена, Генделя, Мейербергера, Мендельсона, Доницетти, Глинки, Листа, Вагнера, Гензельта, Даргомыжскаго, Сѣрова, Рубинштейна, Шопена, Филъда, Варламова, Р. Шумана и массы другихъ лицъ.

По характеру дѣятельности, по направленію «Нувеллиста», вообще говоря, слѣдуетъ считать музыкально-беллетристическимъ журналомъ. Однажды только онъ получилъ другое направленіе—классическое съ педагогическимъ отбѣнкомъ,—именно въ тотъ періодъ, когда въ главѣ его редакціи стоялъ знаменитый піанистъ А. Л. Гензельтъ (отъ 1872—1875). Но въ большую часть своего существованія «Нувеллистъ» обращался исключительно не къ музыкантамъ по профессіи, а къ массѣ публики, любящей музыку. За сотрудничествомъ издатель «Нувеллиста» обратился къ лучшимъ тогдашнимъ піанистамъ-композиторамъ иностраннымъ и русскимъ—къ Тальбергу, Листу, Дзлеру, Кулаку, Прюдану, Гензельту, Глинкѣ, Дамке, Фракману, К. Майеру и другимъ авторамъ. не малое число оригинальныхъ пьесъ которыхъ появилось впервые на страницахъ «Нувеллиста». Русскимъ композиторамъ былъ открытъ самый широкій доступъ въ редакцію и въ журналѣ нашли радужный пріемъ Алябьевъ, Глинка, Даргомыжскій, Львовъ, К. Майеръ. Сѣровъ, А. Рубинштейнъ, П. Чайковскій, Монюшко, Гензельтъ, Мусоргскій, Давыдовъ, Венявскій, Э. Направникъ, Н. Соловьевъ, М. Ивановъ и др.

Въ настоящее время редакторомъ музыкальнаго отдѣла «Нувеллиста» состоитъ извѣстный піанистъ-композиторъ А. И. Бернардъ, вступившій въ завѣдываніе редакцію въ 1875 году и бывшій редакторомъ журнала также

уже тогда, когда въ главѣ его еще находился А. Гевзельтъ. Литературныя прибавленія «Нувеллиста» заключали въ себѣ разнообразный матеріалъ о выдающихся явленіяхъ музыкальной жизни. Въ журналѣ помѣщались статьи Улыбышева, Дамке, Сенковскаго (барона Брамбеуса), Раля, Очкина, Крешева, Н. Кукольника, Манна, Раппопорта, А. Контекаго и др. лицъ, пользовавшихся извѣстностью и критическимъ авторитетомъ. Только объ операхъ сообщалось мало при строгости тогдашней театральной цензуры, всегда готовой наложить свое veto на все, что хотя немного уклонялось отъ предписывавшихся правилъ. Но съ 1878 года содержаніе этого отдѣла становится несравненно болѣе разнообразнымъ. Число сотрудниковъ значительно увеличивается и между ними являются имена М. Иванова, А. Бѣжецкаго, М. Федорова, А. Комарова, А. Толченова, М. Пыляева, П. Макарова, В. Баскина и др. «Литературныя прибавленія» существовали съ 1846 г. до 1874 г. включительно. Затѣмъ не выходили въ теченіе 1875, 1876 и 1877 годовъ, когда редакція увидѣла необходимость снова возобновить этотъ отдѣлъ. Когда рѣзко обозначались различныя направленія въ нашемъ музыкальномъ мірѣ и борьба ихъ приняла ожесточенные размѣры, продолжающіеся до нашихъ дней, «Нувеллистъ» всегда оставался чуждъ подобной борьбы и на страницахъ его находили всегда свободное мѣсто сочиненія, напримѣръ, Мусоргскаго, какъ и сочиненія П. Чайковскаго, или Н. Соловьева, или Э. Направника—вообще лицъ прямо противоположнаго лагеря. Точно также «Нувеллистъ» первый въ Россіи обратилъ вниманіе на Вагнера и на его сочиненія и помѣщалъ ихъ у себя, когда они не пользовались правами гражданства въ самой Германіи. Помѣщеніе сочиненій Р. Вагнера нисколько не мѣшало появленію въ «Нувеллистѣ» пьесъ І. Брамса, І. Раффа, К. Рейнеке, Бруха, Гольдмарка и другихъ современныхъ композиторовъ, школа и направленіе которыхъ составляютъ прямую противоположность школѣ байрейтскаго композитора. Точно также и критическія сужденія «Нувеллиста» всегда были чужды всякой личной вражды и партійности: «Нувеллистъ» разсматривалъ представлявшіеся ему явленія вполнѣ объективно, при помощи историческо-эстетическаго метода критики, единственно плодотворнаго и научнаго въ области художественной критики.

Стараясь поддержать вкусы и любовь къ музыкѣ въ разныхъ слояхъ русскаго общества, «Нувеллистъ» не отказывалъ въ помѣщеніи у себя произведеній даровитыхъ русскихъ диллетантовъ. Такъ, на его страницахъ являлись пьесы гр. Вильгорскаго, кн. Воронцовой, Н. фон-Дернза, Донаурова, кн. Кочубей («Скажите ей», знаменитый романсъ, бывшій такъ долго популярнымъ, былъ изданъ впервые «Нувеллистомъ»), гр. Кумелева-Безбородко, О. Стуковенко, Шашиной, П. Федорова (романсъ «Прости меня, прелестное созданье» тоже появился впервые въ «Нувеллистѣ»), Яковлева (между прочимъ и романсъ «Когда душа пресилась ты», заслужившій впоследствии честь быть положеннымъ на два голоса М. И. Глинкою) и т. д. «Нувеллистъ» приобрѣлъ, наконецъ, болѣе 3,000 подписчиковъ,—цифра почтенная для любого музыкальнаго журнала, въ какой бы онъ странѣ ни издавался. Эта цифра указываетъ ясно, что журналъ этотъ въ значительной степени удовлетворяетъ потребностямъ нашего общества.

† Послѣ тяжелой болѣзни, помощникъ попечителя виленскаго учебнаго округа, Александръ Львовичъ Кунъ. Крѣпкое здоровье его было подточено порокомъ сердца, сильно сократившимъ его жизнь. Дѣятельность покойнаго была чрезвычайно разнообразна. Воспитаніе онъ получилъ въ Петербургскомъ университетѣ, на факультетѣ восточныхъ языковъ, курсъ котораго окончилъ въ 1865 г. съ награжденіемъ почетнымъ отзывомъ за представленное имъ сочиненіе «Обозрѣніе Алькорана въ религіозномъ и юридическо-политическомъ отношеніяхъ». Въ этомъ же году онъ поступилъ на службу въ контрольный департаментъ морскихъ отчетовъ, а въ 1866 г. переименованъ столо-

начальникомъ въ канцелярію петербургскаго генераль-губернатора. Въ 1868 г. назначенъ въ распоряженіе туркестанскаго генераль-губернатора для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій и членомъ комиссіи для составленія положеній объ устройствѣ учебной части въ туркестанскомъ краѣ. Въ 1873 г. онъ былъ въ хивинскомъ походѣ. Въ 1874 г. назначенъ старшимъ чиновникомъ особыхъ порученій по учебной части и командированъ делегатомъ на международный конгрессъ ориенталистовъ въ Лондонѣ. Въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ въ трудахъ организаціоннаго комитета изъ русскихъ ориенталистовъ для устройства международного конгресса ориенталистовъ въ Петербургѣ въ 1876 году. Въ томъ же году назначенъ главнымъ инспекторомъ училищъ Туркестанскаго края. Въ 1882 г. занялъ постъ помощника попечителя виленскаго учебнаго округа, гдѣ приобрѣлъ симпатіи сослуживцевъ и подчиненныхъ. Институтъ живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ избралъ его въ 1874 г. своимъ членомъ-корреспондентомъ.

† Въ Гурауфѣ, на южномъ берегу Крыма, московскій литераторъ-юмористъ **Александръ Максимовичъ Герсень**. Являясь подобно большинству юмористовъ, подъ маской множества псевдонимовъ, Герсень былъ хорошо знакомъ публикѣ своимъ талантливымъ и бойкимъ перомъ. Онъ написалъ массу юмористическихъ очерковъ, сенокъ, пародій и пр., — разбѣнявши на эту мелочь свое недоожинное дарованіе. Часто мечталъ онъ о болѣе серьезныхъ работахъ, но мечты оставались мечтами: забота о хлѣбѣ насущномъ для себя и для семьи не позволяла покойному бросить ежедневную работу и погоню за «злобою дня». Скончался Герсень отъ чахотки, на 38-мъ году. Трудовая и иногда неправильная жизнь помогла развитію болѣзни. Покойный былъ хорошимъ, сердечнымъ человекомъ.

† Скоропостижно отъ разрыва сердца директоръ гимназіи и коммерческаго училища Видемана, **Карлъ Карловичъ Эрдель**. Онъ родился въ Петербургѣ, въ 1844 г., первоначальное образованіе получилъ въ Германіи, потомъ слушалъ лекціи филологіи въ Дерптскомъ университетѣ, въ Берлинѣ, въ Іенѣ и по представленіи диссертациі «о воспитательномъ значеніи драмъ» и защитѣ ея получилъ ученую степень доктора филологіи Тюбингенскаго университета. Съ 1871 г. онъ посвятилъ себя вполне педагогической дѣятельности, былъ преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Маринскомъ и Патриотическомъ институтахъ, а съ 1875 г. сдѣлался владѣтелемъ и директоромъ гимназіи и коммерческаго училища, учрежденныхъ Видеманомъ въ 1859 г. Эрдель былъ однимъ изъ самыхъ гуманныхъ людей, какихъ у насъ немного. Онъ умѣлъ приобрѣсти любовь и уваженіе преподавателей и учениковъ, а своему учебному заведенію доставилъ извѣстность. При гимназіи онъ учредилъ общество для пособія нуждающимся ученикамъ. По почину Эрделя собирався кружокъ преподавателей и бывшихъ учениковъ его заведенія, читались рефераты по различнымъ отраслямъ наукъ, сообщались свѣдѣнія о новыхъ изобрѣтеніяхъ, иногда рефераты сопровождались опытами, напримеръ, по физикѣ. Масса дѣтей окружала гробъ покойнаго.

† Бывшая артистка Императорскихъ театровъ **Марія Аполлоновна Азаревичъ**, по мужу Волотовская. Она была въ свое время украшеніемъ русской сцены и самъ авторъ «Горя отъ ума» поручилъ ей роль Лизы. Покойную такъ и звали «первая Лиза». Одною изъ главныхъ ролей умершей была также «Ифигенія». Выслуживъ пенсію, она сошла со сцены въ цвѣтѣ таланта и, доживъ до 85 лѣтъ, скончалась окруженная друзьями, почитателями и поклонниками ея ума, таланта и красоты.

† Въ Севастополѣ, послѣ тяжелой болѣзни, управляющій морскимъ министерствомъ генераль-адъютантъ, адмиралъ **Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ**. Оцѣнка восьми-лѣтняго управленія покойнымъ морскимъ министерствомъ пока преждевременна, но нѣкоторые результаты его на виду у всѣхъ. И. А. Шестаковъ вступилъ въ управленіе морскимъ вѣдомствомъ послѣ покойнаго

Краббе. Въ это время общая цифра судовъ русскаго флота была 764 (броненосныхъ — 33, неброненосныхъ: паровыхъ—350 и парусныхъ—34, портовыхъ судовъ разныхъ наименованій—347), теперь же это число достигло 1,110 (броненосныхъ—37, полуброненосныхъ—12, неброненосныхъ: паровыхъ—291 и парусныхъ—36, портовыхъ же судовъ—734), не считая миноносекъ и начатыхъ постройкою броненосцевъ. Кромѣ этого грандіознаго увеличенія русскаго флота, въ управленіе И. А. Шестакова былъ изданъ въ 1885 г. таеъ называемый «законъ о морскомъ цензѣ», и, наконецъ, свершилось событіе громадной государственной важности — возрожденіе черноморскаго флота (6-го мая 1886 года). И. А. Шестаковъ родился въ 1820 году. На службу поступилъ изъ морскаго кадетскаго корпуса шестнадцати-лѣтнимъ юношею. Въ офицеры произведенъ въ 1837 году. Послѣдующіе чины онъ получалъ: въ 1843 г.—лейтенанта, въ 1850 г.—капитанъ-лейтенанта, въ 1854 г.—капитана 2-го ранга, черезъ два года—1-го ранга, въ контръ-адмиралы произведенъ въ 1861 году, а въ 1880 — въ вице-адмиралы. Чинъ адмирала получилъ И. А. Шестаковымъ въ 1887 году, во время празднованія 50-лѣтняго юбилея его службъ.

† Редакторъ журнала «Морской Сборникъ», капитанъ 2-го ранга **Василій Андреевичъ Купреяновъ**. Воспитанникъ морскаго училища, произведенный въ мичмана въ 1866 г., Купреяновъ посвятилъ себя исключительно всестороннему изученію гидрографіи, лоціи и девиации. Въ 1868 г. онъ былъ принятъ по состязательному экзамену въ Николаевскую морскую академію въ гидрографическій ея отдѣлъ, курсъ которой окончилъ въ 1870 г. по первому разряду. Въ заграничномъ плаваніи Купреяновъ не былъ, не смотря на много разъ представлявшіеся къ тому случаи, а ограничивался только однимъ внутреннимъ. Рядъ его статей по морскому дѣлу, помѣщенныхъ въ 70-хъ годахъ въ «Морскомъ Сборникѣ», обратилъ на него вниманіе управлявшаго морскимъ министерствомъ генераль-адъютанта Лесовскаго, привлекшаго его къ участію въ редактированіи «Морскаго Сборника»; въ 1881 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ редактора «Морскаго Сборника», въ 1886 г. утверждень въ званіи его редактора. Купреяновъ честно относился къ молодымъ офицерамъ и поощрялъ ихъ стремленіе работать въ «Морскомъ Сборникѣ». Самый «Сборникъ» со времени редактированія его Купреяновымъ сталъ живымъ органомъ, интереснымъ даже и не для моряковъ. Скончался Купреяновъ 42 лѣтъ отъ роду, человекомъ, полнымъ силъ, энергіи и любви къ дѣлу.

† Старшій совѣтникъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, статсъ-секретарь, баронъ **Александръ Генриховичъ Жомини**. Онъ началъ свою службу въ 1835 году при графѣ Нессельроде, по департаменту внутреннихъ сношеній, но вскорѣ сдѣланъ чиновникомъ по внѣшнимъ сношеніямъ. Способный и даровитый, онъ обратилъ на себя вниманіе. Съ 1843 года Александръ Генриховичъ перешелъ въ азиатскій департаментъ, а въ 1856 г. назначенъ старшимъ совѣтникомъ министерства. Постъ этотъ онъ занималъ до самой смерти. Не было ни одной политической бумаги, ни одной дипломатической ноты, ни одной конвенціи, которая предварительно не разсматривалась бы барономъ Жомини. Замѣчательный стилистъ, онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова редакторомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, оставаясь въ теченіе 33 послѣднихъ лѣтъ ближайшимъ сотрудникомъ князя Горчакова, и нынѣшняго министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣ окончанія Крымской кампаніи, Жомини ѣздилъ въ Берлинъ, а въ 1861 г.—въ Парижъ съ особыми порученіями. Несомнѣнно, что обѣ эти поѣздки имѣли значительное вліяніе на ходъ нашей внѣшней политики. Въ 1867 г. баронъ Жомини сопровождалъ покойнаго государя въ Парижъ на выставку и тамъ получилъ большой крестъ Почетнаго Легіона. Произведенный въ 1875 г. въ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, покойный въ теченіе 7 мѣсяцевъ управлялъ, вмѣсто государственнаго канцлера, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ эпоху

послѣдней кампаніи Жомини жилъ въ Бухарестѣ, при князѣ Горчаковѣ. Въ 1879 и въ 1880 г. Жомини исправлялъ должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ. 5-го декабря 1885 года исполнилось 50 лѣтъ служенія покойнаго на дипломатическомъ поприщѣ. Высочайшій рескриптъ, данный на его имя въ этотъ день, перечисляетъ всѣ заслуги Александра Генриховича и говоритъ о блестящихъ дарованіяхъ покойнаго, о ближайшемъ его сотрудничествѣ князю Горчакову и Н. К. Гирсу и о полезныхъ трудахъ юбиляра. Послѣ покойнаго осталось много интересныхъ записокъ. Жомини былъ несомнѣнно однимъ изъ болѣе свѣдущихъ людей въ исторіи нашей внѣшней политики за послѣднія 50 лѣтъ, и записки, оставшіяся послѣ него, явятся драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи двухъ послѣднихъ царствованій. Часть своихъ мемуаровъ покойный обнаружилъ въ цѣломъ рядѣ статей въ «Вѣстникѣ Европы». Въ 1887 году статьи эти были предметомъ обсуждения во всей повременной печати какъ въ Россіи, такъ и за границею. Онъ умеръ 74 лѣтъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу „Сторіи о Господѣ и землѣ“.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» Г. П. Данилевскій рассказываетъ крайне своеобразную «Сторію о Господѣ и землѣ», записанную имъ въ Малороссіи и еще въ 1851 г., рекомендованную ему Гоголемъ, который хотя и очень интересовался этой легендой, но зналъ только кое-какіе обрывки изъ нея. — «Такъ», говорилъ онъ, — «какіе-то осколки, труха, безъ связи, начала и конца... Что-то тутъ, помню, продѣлывалъ сатана, былъ уличенъ и только»... Но узнать эту легенду оказалось не такъ-то легко: кого ни разспрашивалъ авторъ въ своихъ разъѣздахъ по Новороссіи и Малороссіи, всѣ отзывались невѣдѣніемъ, и только долго спустя и то совершенно случайно удалось записать «сторію».

Прочитавъ эту легенду на страницахъ «Историческаго Вѣстника», я былъ пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ ея съ той легендой, которую нынѣшнимъ лѣтомъ мнѣ удалось слышать у заволжскихъ (луговыхъ) черемисовъ. Правда, характеръ легенды нѣсколько иной, но разница здѣсь далеко не такъ значительна, какъ можно было бы ожидать при сравненіи легенды христіанской и языческой; что же касается основной мысли и самыхъ обстоятельствъ дѣйствія, то они почти тождественны въ обѣихъ легендахъ. Вотъ въ какой формѣ занесена эта легенда подъ 21-мъ іюня моего дорожнаго дневника со словъ крещенаго черемиса Василія:

«Духъ родилъ Юмо и Кереметь *) и не было межъ ними ни старшаго ни младшаго: оба сильны были. Но Кереметь возмутился и захотѣлъ владствовать одинъ. Тогда у Кереметя силы убавилось, а у Юмо прибавилось: Юмо сдѣлался сильнѣе и Кереметь сталъ слушаться его, а злобу свою заталъ въ себѣ. Что ни сдѣлаетъ добрый Юмо, злой Кереметь непременно испортитъ, если только сможетъ. Задумалъ Юмо творить землю. Ему нужно было для этого одну только горсть земли. Видитъ онъ, что Кереметь плаваетъ по водѣ селезнемъ. И говоритъ ему добрый Юмо: — «Нырни на дно

*) Главнѣйшія божества черемисской мифологіи.

и достань мнѣ земли». Нырнул Кереметь на дно и досталъ Юмо земли, да не всю ему отдалъ, а часть затаилъ у себя во рту. Дунулъ Юмо на землю и велѣлъ ей покрыть собою воду. Видя это и Кереметь сталъ выплевывать землю, которую затаилъ отъ Юмо, и куда плевалъ Кереметь, тамъ являлись горы и болота. И пошелъ раздоръ съ тѣхъ поръ межъ ними: добро отъ Юмо, зло отъ Керемета».

Тождество этихъ двухъ легендъ—малороссійской и черемисской, христіанской и языческой,—очевидно. Разница только въ томъ, что въ христіанской легендѣ дѣйствующими лицами являются Богъ и подчиненный ему ангелъ, у черемисовъ—почти равносильные Юмо и Кереметь; и затѣмъ, по малороссійскому варианту и Богъ, и ангелъ, создавали одинаковую землю, только божье созданіе покрылось богатой растительностью, а земля, созданная сатаной, осталась безплодной; черемисская же космогонія утверждаетъ, что Юмо создавалъ только поля, луга и рощи, а Кереметь—горы и болота.

При сопоставленіи этихъ двухъ легендъ является интересный вопросъ: которая изъ нихъ можетъ быть названа основной, другими словами,—кто у кого заимствовалъ,—черемисы изъ Украйны или украинцы у черемисовъ? Если принять во вниманіе съ одной стороны, что легенда, приводимая Г. П. Данилевскимъ, очевидно, очень мало распространена въ Малороссіи, такъ какъ почтенному автору пришлось много выспрашивать, прежде чѣмъ онъ наткнулся на нее, хотя и зналъ о ея существованіи, а съ другой стороны широкое распространеніе той же легенды въ приводимомъ мною вариантѣ среди заволжскихъ черемисовъ, то надо думать, что ея первоисточникъ не въ степяхъ Украйны, а у черемисовъ. Я говорю первоисточникъ по отношенію къ этимъ только двумъ народностямъ. Истинный же ея первоисточникъ, по всей вѣроятности, лежитъ въ глубокой древности, откуда и заимствована эта легенда какъ украинцами, такъ и черемисами.

К. Горбуновъ.

II.

Результаты конкурса на составленіе исторіи Архангельска, на премию М. К. Сидорова.

Въ началѣ 1885 года, по случаю исполнившагося 8-го сентября 1884 года трехсотлѣтія существованія города Архангельска, мѣстнымъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ былъ объявленъ конкурсъ на составленіе исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи, при чемъ преміей за лучшее сочиненіе было назначено 1,200 руб., изъ которыхъ 1,000 руб. была пожертвована извѣстнымъ М. К. Сидоровымъ и 200 руб. ассигнованы статистическимъ комитетомъ. Къ назначенному сроку представленія сочиненій—къ 10-му марта 1888 года—въ архангельскій статистическій комитетъ поступила только одна рукопись, подъ девизомъ «Лента». Для разсмотрѣнія ея была избрана комитетомъ особая коммисія, въ составъ которой вошли: товарищъ предѣдателя статистическаго комитета Г. И. Минейко, члены комитета Э. А. Десъ-Фонтейнесъ и А. П. Ерюхинъ и секретарь И. Ф. Знаменскій. 7-го октября состоялось общее собраніе статистическаго комитета, въ которомъ былъ прочитанъ отзывъ г. Минейко о разобранномъ имъ сочиненіи и опредѣленіе коммисіи, оцѣнивавшей представленный подъ девизомъ «Лента» историческій трудъ.

Въ отзывѣ своемъ г. Минейко призналъ «Очеркъ исторіи города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи» трудомъ, достойнымъ вниманія не только какъ сводъ того, что было когда-либо писано о промышленности Сѣвернаго края и торговомъ значеніи архангельскаго порта, но и потому еще, что авторъ, кромѣ того, посвятилъ не мало времени и усилій непосредственнымъ изысканіямъ въ столичныхъ архивахъ разныхъ прежнихъ приказовъ, коллегій и министерствъ, на что указываютъ ссылки его на дѣла этихъ архивовъ и выписки изъ нихъ. Но этимъ и ограничиваются достоинства разбираемаго труда. Далѣе въ своемъ разборѣ г. Минейко указалъ на то, что даже главная цѣль очерка—объяснить торговое значеніе Архангельска, авторомъ не достигнута вовсе. Очеркъ нисколько не пополняетъ даже тѣхъ свѣдѣній о прошедшемъ Архангельска, которыя уже давно извѣстны; многочисленные же ссылки на различные акты и архивные документы не вносятъ ничего новаго, а служатъ лишь къ подтвержденію явленій знакомыхъ, лишь только иллюстрируя ихъ. Къ числу важнѣйшихъ недостатковъ сочиненія слѣдуетъ отнести недостаточность исторической критики со стороны автора къ собранному имъ историческому матеріалу. Она отсутствуетъ или невѣрна не только тамъ, гдѣ автору приходилось опредѣлять смыслъ и значеніе извѣстныхъ историческихъ данныхъ или показаній, но даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ легко могъ бы слѣдовать по стезѣ, уже протоптанной научными авторитетами. Такъ, напримѣръ, приводя время отъ времени статистическія данныя, съ XVIII столѣтія, о привозѣ и отвозѣ товаровъ по архангельскому порту, авторъ не касается вообще всей русской внѣшней торговли того времени, почему невозможно уяснить себѣ по его произведенію той роли, которую игралъ Архангельскъ, и того значенія, которое онъ имѣлъ въ торговлѣ всего государства, въ то или другое рассматриваемое время. Съ московскимъ владычествомъ на сѣверѣ авторъ связываетъ почему-то распространеніе монашества въ архангельскомъ краѣ, представляя это явленіе какъ-будто вызваннымъ и обязаннымъ своимъ развитіемъ именно московскому господству. Между тѣмъ, факты противорѣчатъ такому положенію. Николо-Корельскій монастырь основанъ въ 1410 году, Соловецкій въ 1426 г., т. е. въ то время, которое принадлежало еще новгородскому періоду владычества на сѣверѣ. Въ своемъ очеркѣ авторъ постоянно смѣшиваетъ торговые интересы края съ національностью торгующихъ. Положеніе торговли оцѣнивается имъ не по мѣрѣ развитія ея оборотовъ, открытія новыхъ торговыхъ путей, новыхъ рынковъ, новыхъ статей обмѣна, а по мѣрѣ участія въ этой торговлѣ русскаго кучества. Авторъ постоянно сѣтуетъ на преобладаніе въ Архангельскѣ иностранныхъ фирмъ, какъ будто это явленіе не было общимъ для всей Россіи, со времени Петра I. какъ будто Архангельскъ былъ какимъ-то исключеніемъ. Даже повторяя жалобы современниковъ конца XVIII столѣтія на сильно вздорожавшія цѣны привозныхъ товаровъ, авторъ готовъ видѣть въ этомъ, если не происки иноземцевъ, то уже, конечно, ихъ жадность и корыстолюбіе, забывая при этомъ и не намекая даже на тотъ громадный кризисъ, который тогда разразился въ государствѣ вслѣдствіе чеканки мѣдныхъ рублей, понизившій въ 15 разъ стоимость нашей монеты и вызвавшій даже кровавый бунтъ въ столицѣ. Въ очеркѣ, представленномъ подъ девизомъ «Дешта», встрѣчаются часто и противорѣчія. Такъ, говоря о древнѣйшемъ періодѣ жизни Сѣвернаго края, авторъ дѣлаетъ поспѣшное и неосновательное заключеніе, что «сѣверъ во время новгородскаго надъ нимъ

владычества былъ въ весьма незавидномъ положеніи, новгородское вліяніе на покоренный народъ было обременительно... такъ что только съ паденіемъ Новгорода началось въ Двинскомъ краѣ болѣе прочное устройство какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ». А нѣсколько далѣе онъ же говоритъ: «Владычество Москвы наложило еще болѣе тяжелую руку на бывшее Заволочье. Земля отъ частныхъ владѣтелей отошла къ великому князю и сдѣлалась землею государственною, на которой всѣ жители были обложены извѣстною податью». Не упоминая дальнѣйшихъ замѣчаній г. Минейко, приведемъ опредѣленіе комиссіи, разсматривавшей представленное на соисканіе преміи сочиненіе. «Комиссія, основываясь на отзывахъ г. Г. Минейко, а равно и на замѣчаніяхъ, относительно разныхъ недосмотровъ, упущеній и ошибокъ, указанныхъ гг. Десь-Фонтейнесъ и Ерюхинымъ, пришла къ заключенію, что это сочиненіе «Лепта» не можетъ быть признано удовлетворяющимъ требованіямъ конкурсной программы. Оно представляетъ лишь одинъ матеріалъ или рядъ очерковъ, не связанныхъ въ одно цѣлое, собраніе фактовъ, не освѣщенныхъ одной идеей, перечень свѣдѣній и мнѣній, часто противорѣчащихъ другъ другу и не подвергнутыхъ надлежащей критикѣ и оцѣнкѣ». Общее собраніе статистическаго комитета, соглашаясь вполне съ этимъ отзывомъ комиссіи, признало сочиненіе не удовлетворяющимъ требованіямъ конкурса и только, въ виду потраченнаго авторомъ значительнаго труда на изысканія его въ разныхъ архивахъ и въ виду отсутствія другихъ конкурентовъ, нашло возможнымъ выдать автору изъ сверхштатной суммы комитета три облигаціи восточнаго займа (300 руб.). Въ непродолжительномъ времени, вслѣдствіе несостоявшагося конкурса, будетъ объявленъ новый, при чемъ срокъ для представленія сочиненія «Исторія города Архангельска въ торгово-промышленномъ отношеніи» будетъ назначенъ, согласно требованіямъ прежней программы, на 1-е января 1895 года. Программу этого конкурса сообщимъ своевременно.

Н. Ер.

III.

О портретахъ М. С. Щепкина.

Въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 231) описаны четыре портрета М. С. Щепкина. Мнѣ извѣстенъ еще пятый, приложенный къ издававшемуся пять-шесть лѣтъ тому назадъ въ С.-Петербургѣ г. Грининымъ журналу «Искусство». Портретъ этотъ фотографированный, во весь ростъ, въ сидячемъ положеніи, составляетъ копію съ фотографическаго же портрета знаменитаго актера, снятаго въ самую цвѣтущую пору его артистической дѣятельности.

Проф. Н. И. Барсовъ.

IV.

Въ той же книжкѣ журнала, въ статьѣ Д. Д. Языкова «Писатели, умершіе въ 1885 г.», въ статьѣ объ епископѣ Виталіи Гречулевичѣ, этому іерарху приписываются между прочимъ, сочиненія его отца, протоіерея Василія Яковлевича Гречулевича: проповѣди на малороссійскомъ языкѣ, изд. 1849 и 1857 г., катехизич. бесѣды на символъ и молитву Господню, 1856 г. Сынъ былъ лишь издателемъ этихъ бесѣдъ отца, и ему самому они не могли быть приписываемы потому уже, что преосв. Виталій въ бытность свою священникомъ, постоянно пребывалъ на службѣ въ Петербургѣ, такъ что помалороссійски говорить ему было не къ кому.

Н. Барсовъ.

МАЗАНІЕЛЛО

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЙ РОМАНЪ ИЗЪ ЭПОХИ XVII СТОЛѢТІЯ

АДОЛЬФА ГЛАЗЕРА

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

*(Masaniello. Kulturgeschichtliche Erzählung aus der Mitt des siebzehnten
Jahrhunderts, von Adolf Glaser)*

СЪ 30 ГРАВЮРАМИ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1889

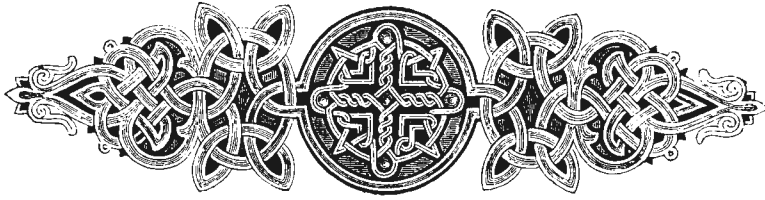

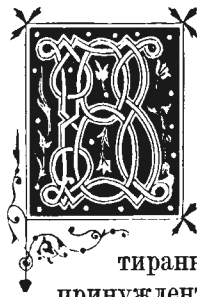

Мазаніелло на праздникъ Мадонны del Carmine.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ВЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ судьбахъ народовъ случаются перевороты, которые привлекали и всегда будутъ привлекать вниманіе мыслящихъ людей. Эти перевороты являются результатомъ борьбы негодующаго чувства собственнаго достоинства съ чужеземнымъ владычествомъ, — результатомъ отчаяннаго сопротивленія притѣсненіямъ насильно-навязанной тиранніи. Когда народъ доходитъ до того, что бываетъ принужденъ какой бы то ни было цѣной купить свободу, свергнувъ съ себя ненавистное иго, тогда въ немъ пробуждаются тѣ благородныя чувства самоотверженія и тотъ величественный героизмъ, которые Шиллеръ такъ трогательно изобразилъ въ своемъ «Вильгельмѣ Теллѣ»:

«Нѣтъ, долженъ быть насилію предѣлъ!
«Коль угнетенный права не находить,
«Коль для него несносно стало бремя,
«Тогда онъ смѣло къ Небу обратись:
«Тамъ всѣ свои права отыщеть онъ,
«Тамъ всѣ они, какъ вѣчныя свѣтила,
«Ненарушимы, тверды, неизмѣны!»¹⁾

Общее вниманіе охотно останавливается на именахъ участниковъ подобныхъ возстаній, на тѣхъ избранныхъ личностяхъ, которыя, можетъ быть, только случайно стали во главѣ народнаго движенія и, выдвинутыя впередъ волной общаго возмущенія, въ рѣшительный моментъ произвели государственный переворотъ. По-

¹⁾ Переводъ Ф.-Б. Миллера, помѣщенный въ Гербелевскомъ изданіи сочиненій Шиллера.

воды къ возстанію могли носить личный характеръ; но если самое возстаніе разыгрывается на почвѣ общечеловѣческой, мы относимся къ нему со страстно-возбужденнымъ вниманіемъ. Какъ случилось при Теллѣ, желавшемъ защитить драгоцѣнныя для него права жены и дѣтей, такъ случилось и при героѣ предлагаемаго романа, при простомъ, безвѣстномъ рыбацкѣ Мазаниелло. Добродушнѣйшій смертный, выведенный изъ себя и взбудораженный оскорбленіемъ, нанесеннымъ его молодой женѣ, Мазаниелло въ дальнѣйшемъ ходѣ событій, при геройскомъ воодушевленіи своихъ товарищей, поднимаетъ въ Неаполѣ ужасную бурю революціи. Такимъ образомъ, судьба поручила ему роль, для которой онъ вовсе не былъ подготовленъ и которая поэтому задавила его своей тяжестью.

Тѣмъ не менѣе стоило не только изобразить это въ высшей степени благородное событіе, но и доискаться нитей, связующихъ неаполитанское возстаніе противъ чужеземнаго владычества испанцевъ съ духовнымъ движеніемъ въ другихъ сосѣднихъ государствахъ. Прежде же всего особенно стоило изобразить начавшуюся открытую борьбу научнаго знанія съ авторитетомъ папской власти. Поэтому, при ближайшемъ разсмотрѣніи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ романа окажется Галилей, на цѣлую голову переросшій всѣхъ окружающихъ. Участіе, принимаемое искусствомъ въ неаполитанскихъ событіяхъ, обрисовано въ лицѣ веселаго удалыца Сальватора Розы, друга Мазаниелло.

Роскошная итальянская природа, особенно же вѣчно-прославляемая красоты окрестностей Неаполя, образуетъ какъ бы раму, окаймляющую живыя происшествія и показывающую ихъ въ яркомъ и сильномъ освѣщеніи.

А. Глазеръ.

Берлинъ, сентябрь 1887 г.

Бесѣда наединѣ Сальватора Розы
съ рыбакомъ Геннаро.

I.

На Пареннопейскомъ берегу.

ДВА забрезжилъ свѣтъ сквозь легкія ночныя облака, и съ спокойнымъ величіемъ восходившее солнце позлащало необозримый воздушный океанъ. Это было въ одно весеннее утро 1633 года. Какъ нѣжная мать покрываетъ поцѣлуями любимое дитя, такъ солнце какъ бы лобзало самыми яркими лучами окрестности Неаполя; здѣсь природа создала такое дивное сочетаніе пейзажной красоты, которое только изрѣдка удается созерцать восхищенному взору. Истинно волшебная страна снимала ночное покрывало на встрѣчу утреннимъ лучамъ. Глубокая и прозрачная лазурь небесъ опрокинулась гигантской чашей надъ упоительной панорамой; мягкій, ароматный вѣтерокъ, роскошная растительность, покрывавшая горы и ютившаяся между величественными дворцами, построенными амеитеатромъ и господствовавшими надъ гордыми замками, — все это сочеталось въ дивную гармонию. Изъ всѣхъ большихъ городовъ Неаполь, вѣроятно, самый красивый по мѣстоположенію; это мнѣніе высказалось въ часто повторяемыхъ словахъ, что можно спокойно

умереть, увидѣвши Неаполь: здѣсь всякій получаетъ истинное понятіе о красотѣ и величіи природы.

Упоительна была свѣжесть утренняго вѣтерка, и все живущее, казалось, дышало съ наслажденіемъ. Юноша лѣтъ двадцати, высокій и стройный, съ тонкими чертами лица, съ высокимъ лбомъ и огненнымъ взоромъ тихо шелъ вдоль по берегу Хіаи, подкрѣпляя себя утренней свѣжестью. Насладившись роскошной картиной восходящаго солнца, удивлявшаго прихотливыми свѣтовыми эффектами, онъ присѣлъ на маленькій песчаный бугорокъ и началъ пристально смотрѣть на игру морскихъ волнъ, погруженный въ глубокія думы. Немного поодаль отъ этого юноши молодой рыбакъ приводилъ въ порядокъ снасти своей лодки и раскидывалъ по берегу сѣти, чтобы восходящее солнце высунуло ихъ. Рыбакъ пѣлъ какую-то пѣсню, по словамъ и мелодіи совершенно гармонизировавшую съ той природой, которая у неаполитанцевъ ежедневно передъ глазами: съ этимъ небомъ, какъ будто полнымъ любви и блаженства, съ этой страной, исполненной поэзіи, не поддающейся анализу и научному толкованію, но такъ сильно дѣйствующей на душу, чуткую къ чарамъ природы, все существо которой есть одна безсмертная пѣсня,—тихая и меланхоличная, словно сладкое воспоминаніе, словно эхо, чутко спящее въ кустахъ и за горами и едва внятно-теряющееся въ тихомъ шопотѣ, пока крикъ страсти и боли не нарушитъ его спокойствія и пока оно не отвѣтитъ рѣзкимъ диссонансомъ.

Вдругъ юноша вскочилъ, подошелъ къ рыбаку и сказалъ:

— Любезный другъ, пожалуйста, перестаньте пѣть!

Рыбакъ посмотрѣлъ на него съ видомъ величайшаго удивленія. Удержавшись отъ гнѣвной вспышки, онъ хладнокровно спросилъ:

— Почему же, если я могу говорить, я не могу пѣть?

— Потому, что ваша пѣнь хватаетъ меня за сердце.

— Какъ это должно понимать?—возразилъ рыбакъ. — Неужто моя беззаботная пѣснь можетъ хватать васъ за сердце? Это для меня совершенная новость!

— Вы, вѣроятно, намѣревались пропѣть свою пѣсню у постели умирающаго?

— Нѣтъ, за упокой души моей матери. Но къ вамъ это сравненіе не подходитъ: ваше лицо совсѣмъ не похоже на лицо умирающаго больного.

— Но все-таки, добрый другъ,—возразилъ юноша и чело его омрачилось горькой думой, — и я, и вы, и всѣ мы, живущіе въ своемъ родномъ Неаполѣ, страдаемъ. — Не личная моя судьба дѣлаетъ меня недовольнымъ, хотя я и могу на нее достаточно пожаловаться? Ваша веселая пѣснь въ виду горячо-любимаго родного города растерзала мнѣ сердце; порой и я, конечно, смѣюсь, но это бываетъ только отъ зависти и бѣшенства. Не смотрите на меня такъ удивленно, не удивляйтесь, что я говорю такія мрачныя

слова. Мое сердце страдает и его смертельная рана съ каждымъ днемъ будетъ все ухудшаться, пока Неаполь не страхнетъ ига чужеземныхъ притѣснителей.

Рыбакъ, слушавшій до сихъ поръ юношу съ сострадательнымъ вниманіемъ, при послѣднихъ словахъ не могъ удержаться отъ чувства восхищенія пылкимъ соотечественникомъ, его взоръ засвѣтился ласковымъ участіемъ, и съ этой минуты молодыхъ людей сблизило то общее чувство ненависти къ испанскому господству, которое кипѣло въ груди большей части населенія Неаполя безъ различія сословія.

Исторія неаполитанскаго королевства является цѣпью разнообразныхъ превратностей судьбы, какія только могутъ постигать націю. Эта страна, въ которой природа въ изобиліи расточила свои дары и сокровища красоты, была издавна лакомымъ кускомъ для смѣлыхъ завоевателей; можно сказать безъ преувеличенія, что заманчивое королевство безпрестанно переходило изъ рукъ въ руки. Хотя князья другихъ итальянскихъ королевствъ всегда охотно заводили междоусобія съ цѣлью такъ или иначе захватить въ свои руки владычество надъ Неаполемъ, но зачастую заманчивой землей овладѣвали смѣлые завоеватели изъ очень отдаленныхъ земель. Господами и повелителями Неаполя дѣлались то сарацины, переправившіеся въ Италію съ сѣвернаго берега Африки, то норманны изъ далекой Франціи. Испанскіе повелители думали основать свое господство не на одномъ правѣ сильнаго, правѣ завоевателя,—они находили, что Аррагонскій домъ владѣетъ неаполитанскимъ престоломъ на правахъ наслѣдства. Но неаполитанскому народу они казались чужеземными монархами, хитрыми узурпаторами власти. Какъ часто случается въ жизни каждаго человѣка, что близкому онъ позволяетъ многое изъ того, чего чужому никогда бы не позволилъ, такъ бываетъ и съ цѣлымъ народомъ, когда онъ принужденъ повиноваться скипетру чужеземнаго повелителя: каждое принужденіе удваивается и чувство униженія давитъ съ невыносимой тяжестью, ибо всѣ выгоды, получаемыя правительствомъ, идутъ въ пользу потомковъ чужеземнаго рода. Недовольство только увеличиваетъ недостатки, скрытый гнѣвъ ищетъ исхода, несмѣло проявляясь въ народномъ ропотѣ; потомъ и кровью народъ долженъ выработывать деньги на мотовство и распутства чужеземныхъ притѣснителей.

Все населеніе Неаполя глухо волновалось. Причины этого, конечно, лежали въ человѣческой природѣ. Дѣло въ томъ, что король Филиппъ IV испанскій, царствовавшій въ далекой землѣ, человѣкъ хилый, упрямый и мало заботившійся о покоренныхъ провинціяхъ, не имѣлъ никакого понятія о страданіяхъ и нуждахъ неаполитанскаго населенія. Въ Неаполь въ качествѣ вице-короля жилъ герцогъ Аркостъ, бывшій самъ по себѣ мягкимъ правителемъ; но, не

владѣя достаточной силой воли, онъ не могъ противождать окружающимъ его высшимъ чиновникамъ, которые были назначены изъ Мадрида. Дѣло постепенно дошло до того, что система взысканія податей была изощрена до тончайшаго искусства, и добродушный неаполитанскій народъ, всегда довольный, если могъ безъ большихъ хлопотъ удовлетворять своимъ обыденнымъ нуждамъ, не заботившись объ управленіи, наконецъ, былъ пробужденъ отъ своей летаргіи и исполнился злобы.

Рыбакъ, во время разговора съ молодымъ человѣкомъ, раскинулъ сѣти на песокъ, уже разогрѣтомъ солнцемъ. Теперь онъ могъ нѣсколько времени отдохнуть. Юноша опять присѣлъ на маленькій буторокъ, а рыбакъ довѣрчиво расположился по сосѣдству съ нимъ, подперевъ рукой голову,—и у нихъ завязался разговоръ о тысячахъ случаевъ насилія, которыя ежедневно совершали испанцы. Наконецъ, дѣло коснулось и житія-бытія самихъ собесѣдниковъ. Рыбаку нечего было много рассказывать, между тѣмъ какъ юношѣ было что поразсказать. Еще ребенкомъ онъ переселился въ Неаполь изъ родительскаго дома, находившагося въ Салерно; предназначенный сначала къ изученію права, онъ еще мальчикомъ, изъ страстной любви къ живописи, покинулъ монастырскую школу и отыскалъ въ Неаполѣ своего дядю, съ цѣлью усовершенствованія въ искусствѣ. Затѣмъ, молодые люди узнали имена другъ друга: рыбакъ прозывался Геннаро Аннезе, юношу же звали Сальваторъ Роза.

— Расскажите же мнѣ еще что-нибудь изъ вашей жизни,—просилъ Геннаро,—вы теперь видите, какъ мало или даже совѣтъ не отличаюсь я отъ своихъ пріятелей и товарищей; такая же однообразная жизнь ожидаетъ меня и въ будущемъ. Такова вообще жизнь у тысячъ рыбаковъ и корабельщиковъ въ счастливомъ Неаполѣ теперь и такова же она будетъ до скончанія вѣка. Рѣдко случается, если кто-нибудь изъ насъ, въ силу какой-нибудь совершенно особенной способности, выдвинется изъ среды другихъ; я не хочу говорить какимъ образомъ, ибо и у насъ есть привилегированные головы, избранные счастливыцы. Самъ я могу сказать, не хвастаясь, что пользуюсь авторитетомъ среди моихъ сотоварищей; это незаслуженное уваженіе пробудило во мнѣ чертовскую самоувѣренность: мнѣ стало приходиться въ голову, что я могу сыграть въ жизни какую-то особенную роль.

— И какова же эта роль по вашему мнѣнію?—спросилъ живописецъ съ легкимъ отѣнкомъ ироніи,—думаете ли вы сдѣлаться художникомъ, полководцемъ, или, можетъ быть, мудрецомъ, или, наконецъ, виднымъ сановникомъ?

Рыбакъ улыбался.

— Въ такія подробности я никогда не вдавался,—отвѣчалъ онъ,—но когда мои товарищи прославляли мою хитрость, когда я еще мальчикомъ ими же былъ выбираемъ третьейимъ судьей, я

порой воображалъ, что настанетъ же время, когда и я смогу сыграть роль въ важномъ дѣлѣ. Но это пустыя бредни,— мнѣ недостаетъ еще многого, чтобы совершить что-нибудь. Главнымъ же образомъ мнѣ недостаетъ для этого голоса.

— Голоса? — спросилъ удивленный живописецъ.— Вѣдь вы еще недавно такъ великолѣпно пѣли; если бы мое сердце не было такъ полно печали и ненависти, я бы, вѣроятно, не прервалъ васъ, охотно внимая веселымъ звукамъ.

— Вы очень благосклонны,— ласково возразилъ молодой рыбакъ,— но это вовсе не то, о чемъ я думаю. Я самъ знаю, что мой голосъ не можетъ не нравиться; не обращая вниманія на пѣсни, которыя я пою и которыя инымъ людямъ доставляютъ удовольствіе, мой голосъ приноситъ мнѣ также истинную выгоду: вѣрьте или нѣтъ, очень часто приходятъ на голосъ, которымъ мы выкрикиваемъ наши товары. Видите ли, это случается такимъ образомъ. Поутру торговцы идутъ и бѣгутъ съ тысячею сортовъ разныхъ предметовъ по улицамъ города и выкрикиваютъ свои товары. Одинъ выхваляетъ хорошій вкусъ своей рыбы, другой нѣжность и сочность своихъ фруктовъ, третій красоту и свѣжесть своихъ овощей и такъ далѣе, какъ это обыкновенно бываетъ. Вы не повѣрите, какой приманкой является тембръ голоса; мы, продавцы, знаемъ это по опыту; я твердо убѣжденъ, что въ массѣ народа только тогда можно что-нибудь предпринять и выполнить, когда въ состояніи воодушевить звукомъ голоса. На это-то и не хватаетъ моего органа. Его хватаетъ только на то, чтобы заманивать добродушныхъ хозяекъ и ихъ служанокъ, когда же дѣло идетъ о томъ, чтобы увлечь толпу народа, тогда я пасую.

— Я вѣрю вамъ,— возразилъ живописецъ,— я знаю, что существуютъ силы природы въ насъ и внѣ насъ, таинственное вліяніе которыхъ всегда казалось и кажется неразъяснимой загадкой. Если вы захотите спросить меня, въ чемъ лежитъ причина того удивительнаго очарованія, которое обольщаетъ каждаго созерцающаго эту небесную ниву, окружающую насъ здѣсь, я бы отвѣтилъ: пусть это будетъ волшебство или чудо, но слово не можетъ выразить всей полноты впечатлѣнія. Всякая попытка въ этомъ отношеніи будетъ безуміемъ: слова не въ состояніи проанализировать того, что такъ могущественно дѣйствуетъ на душу, что заставляетъ сіять глаза восторгомъ и нѣмѣть уста. Это похоже на созданіе искусства, въ упительномъ впечатлѣніи котораго никогда нельзя отдать себѣ отчета. Нѣчто подобное мы часто испытываемъ въ жизни, встрѣчая людей, которые своимъ взглядомъ, голосомъ, либо симпатичностью своего характера, производятъ на насъ неотразимое очарованіе. Если вы голосъ причисляете къ подобнымъ удивительнымъ вещамъ, то все сказанное непремѣнно должны имѣть въ виду.

— Конечно, — согласился Геннаро, — это случается только съ нами, темными людьми, которые ничему не учились и которые не могутъ ни кистью, ни перомъ передать своихъ мыслей. Оставимъ же разговоры объ этихъ вопросахъ; послушаемъ теперь что-нибудь отъ васъ о вашей жизни. Я буду молчать и слушать васъ внимательно.

— Я не хочу отказываться, — такъ началъ живописецъ, — хотя я увѣренъ, что мой рассказъ будетъ гораздо несложнѣе и обыкновеннѣе, чѣмъ вы, можетъ быть, ожидаете. Мой отецъ, Фито Антонио, былъ земледѣльцемъ и владѣлъ обширными угодьями; онъ хорошо управлялъ ими, что, конечно, стоило ему не малыхъ хлопотъ и трудовъ. Въ родѣ моей матери не только рисованіе и живопись, но и божественная музыка были наслѣдственными талантами. Но ни живопись, ни музыка, никогда не пользовались особеннымъ расположеніемъ отца; онъ никогда не соглашался, чтобы я посвятилъ себя живописи, увѣряя, что искусствомъ я могъ бы заработать, можетъ быть, сносный завтракъ, а вѣрнѣе, только несчастный обѣдъ. Эта идея такъ прочно укоренилась въ немъ, что онъ преждевременно началъ посылать меня въ здѣшнюю монастырскую школу, чтобы благочестивые братья подготовили меня къ изученію права. Но я чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ искусству и такъ какъ мой дядя, братъ моей матери, владѣлъ въ совершенствѣ техникой живописи, то я старался ближе сойтись съ нимъ, проводя вблизи его каждый свободный часъ и, не опуская своихъ школьныхъ занятій, непрерывно упражнялся въ рисованіи. Мало-по-малу во мнѣ развилось желаніе быстро фиксировать, при помощи моего искусства, особенно характерныя явленія, выразительныя лица и фигуры, проходившія у меня передъ глазами. Дѣло доходило подчасъ до того, что я, одолѣваемый своею страстью, бралъ кусокъ угля и наскоро набрасывалъ портреты или одного изъ благочестивыхъ братьевъ, или одного изъ своихъ сотоварищей, или, наконецъ, портреты постороннихъ посѣтителей школы на стѣнахъ корридоровъ и другихъ комнатъ. Такія продѣлки влекли подчасъ за собою недовольство и суматоху, благочестивые братья ставили очистку стѣнъ отъ моей мази, какъ они называли мои эскизы, на счетъ моего отца, пока, наконецъ, послѣдній, выведенный изъ терпѣнья, не взялъ меня изъ монастырской школы, продолжая дома готовить полатыни. Я былъ безмѣрно счастливъ, что избавился отъ монастырской неволи и могъ безпрепятственно, сколько душѣ угодно, заниматься съ моимъ дядей Греко, наслаждаясь своей любимой работой. Однажды я не могъ воздержаться, чтобы не предложить ему вопроса: — Милый дядя, скажи мнѣ, отчего мой отецъ не хочетъ позволить мнѣ учиться живописи? — Это можно объяснить въ двухъ словахъ, милый племянникъ, — возразилъ онъ, — твой отецъ не хочетъ потому, что ты можешь умереть съ голоду. Живопись — искусство ненадежное. Одному она даетъ слишкомъ много, дру-

тому же совѣмъ ничего. Возьмемъ, на примѣръ, меня,—мой дядя не хотѣлъ сознаться, что онъ былъ совѣмъ ничтожнымъ живописцемъ,—я ли не работаю съ утра до ночи, какъ лошадь,—и все-таки вѣчно живу впроголодь, ибо совѣмъ не находится покупателей на мои картины, такъ что я хотѣлъ было даже продать ихъ старьевщикамъ на рынкѣ.—Это очень печально,—замѣтилъ я,—но могу ли я идти дальше первоначальныхъ уроковъ рисованія?—Ты долженъ продолжать свои занятія латынью,—сказалъ онъ.—Это очень трудно привести въ исполненіе,—возразилъ я,—ибо у моего отца уже теперь истощаются средства.—Бѣдняка нужно пожалѣть,—подумалъ дядя,—такое многочисленное семейство и такіе маленькіе доходы; какъ же онъ смѣетъ настаивать на своемъ?—Поэтому, милый дядя, будь такъ добръ, давай мнѣ уроки рисованія. У меня сильное желаніе учиться живописи и я никогда не отстану отъ этого.—Дядя, наконецъ, согласился, и я отъ радости бросился ему на шею. Съ этого времени началось веселое ученіе и работа; я чувствовалъ себя счастливымъ, когда замѣтилъ, что быстро перегналъ своего бездарнаго учителя.

Я искренно сошелся съ однимъ молодымъ человѣкомъ, по имени Маркомъ Матурціемъ; съ нимъ я дѣлалъ иногда прогулки, чтобы внимательно изучить берегъ нашего чуднаго залива и именно то мѣсто, которое вдохновило римскаго поэта Вергилія на возвышенныя и безсмертныя пѣсни. Наклонность передавать карандашомъ свои впечатлѣнія никогда не покидала меня; по временамъ я не могъ удержаться, чтобы не набросать на какой-нибудь стѣнѣ эскиза ландшафта. Въ одинъ прекрасный день мы пришли въ францисканскій монастырь св. Терезы; видъ многочисленныхъ фресокъ такъ сильно подѣйствовалъ на мое художественное чувство, что я вынулъ кусокъ угля, который имѣлъ обыкновеніе носить всегда при себѣ, и началъ набрасывать какой-то рисунокъ на стѣнѣ монастырскаго флигеля. Мой другъ далеко отошелъ въ сторону, я же настолько погрузился въ свою работу, что совѣмъ не замѣтилъ, какъ монастырскій пастухъ въ нѣкоторомъ отдаленіи наблюдалъ за мной.—Гей! Мальчик!—закричалъ онъ гнусавымъ голосомъ,—что ты тамъ дѣлаешь? Погоди, негодяй, я тебя проучу, какъ мазать стѣны! Попадетъ тебѣ за твои продѣлки!—И взявъ трость, онъ подбѣжалъ ко мнѣ съ крикомъ:—Ага! ты прикидываешься глухимъ! Кто не хочетъ слышать, тотъ долженъ чувствовать! Съ этими словами онъ ударилъ меня повыше плечъ. Хотя я слышалъ его слова, но былъ такъ углубленъ въ свою работу, что вздрогнулъ въ испугъ и взглянулъ въ лицо разсвирѣпѣвшаго пастуха. Мѣсто было открытое, и я убѣжалъ отъ палки идиота. Обернувшись, я увидѣлъ, какъ онъ потащилъ ведро съ водой и началъ смывать губкой мой рисунокъ. Въ то время мнѣ не было еще семнадцати лѣтъ. Съ этихъ поръ судьба начала жестоко преслѣдовать меня и моихъ родныхъ. Я уже

пытался писать масляными красками; эти первые опыты обратили на себя вниманіе одного талантливаго живописца, ибо моя мать имѣла много знакомыхъ художниковъ; если среди моихъ родственниковъ не находилось никого, кто бы создалъ нѣчто выдающееся, то, все-таки, родственники доставляли мнѣ художественныя знакомства, принесшія позднѣе нѣкоторую пользу и моимъ сестрамъ. Сначала мнѣ давалъ уроки Франческо Франказано. Мой отецъ никогда бы не потерпѣлъ, чтобы я всецѣло посвятилъ себя искусству; но къ этому времени онъ неожиданно умеръ, и если его смерть всѣхъ насъ сильно опечалила, повергнувъ въ крайнюю нужду, то мнѣ лично она принесла давно желанную свободу слѣдовать своему природному призванію. Наша нищета въ то время была столь велика, что я ни разу не имѣлъ средствъ, чтобы купить холста для своихъ картинъ. Братъ моей матери взялъ ее вмѣстѣ съ одной изъ моихъ сестеръ къ себѣ, другая сестра вышла замужъ за живописца Франказано, а третья по ходатайству одного вліятельнаго лица была помѣщена въ монастырь; для моихъ же обонихъ младшихъ братьевъ не могли подыскать никакого мѣста: они должны были цѣлый годъ блуждать по Неаполю, кормясь грошевымъ подавнѣемъ и прибѣгая неоднократно къ общественной помощи. Все эти обстоятельства — несчастная доля моихъ родныхъ и мое собственное несчаствіе — въ первый разъ наполнили мою душу такой ненавистью къ превратностямъ этого міра, мое сердце такъ глубоко и сильно испытывало это горе, что имъ прониклось все мое существо и до сихъ поръ оно еще тяготитъ мой мозгъ.

Здѣсь живописецъ мгновенно умолкъ и мрачно взглянулъ куда-то вдаль.

— Развѣ вы никогда не пробовали разузнавать что-нибудь о вашихъ братьяхъ?—спросилъ участливо рыбакъ.

— Я розыскивалъ ихъ, — возразилъ живописецъ, — и старался помочь имъ. Самый младшій, котораго я розыскалъ съ огромными усиліями, находится теперь, благодаря моему посредничеству, при одной торговлѣ въ Ливорно; напасть же на слѣдъ другого брата мнѣ не удалось, не смотря на все старанія.

— Развѣ вы такъ долго его не видали, что не помните даже его примѣтъ? — спросилъ Геннаро.

— Примѣтъ? — переспросилъ Сальваторъ вдумчиво; — можетъ быть, я узналъ бы его по одной маленькой пѣсенкѣ, которую часто пѣвала наша мать и которую завѣщала намъ, какъ единственное наслѣдіе. Какъ это она поется? Да, вотъ!—и онъ началъ мурлыкать мелодію на слова:

- «Я бѣденъ былъ, но не ропталъ
- «И рукъ не запятналъ я кровью;
- «Я о богатствѣ не мечталъ;
- «Я счастливъ былъ друзей любовью.

— Вы такъ трогательно поете,—сказалъ Геннаро,—что я, кажется, никогда не забуду этой простой мелодии.

Сальваторъ повторилъ пѣсенку еще разъ и опять погрузился въ мрачныя думы, пока рыбакъ замѣчаніемъ, что онъ долженъ проститься, не вывелъ его изъ задумчивости.

Между тѣмъ, солнце поднималось все выше и выше, чувствительно разливая мягкую теплоту. Геннаро розыскалъ свои сѣти и найдя, что онѣ были сухи, поспѣшно свернулъ ихъ. Въ слѣдующую ночь была его очередь выѣзжать на рыбную ловлю; сегодня же онъ долженъ былъ уловъ прошлой ночи идти продавать на рынкѣ и на улицахъ: таково было обыкновеніе среди рыбаковъ. Поочередно часть рыбаковъ ѣздила ночью на тони, между тѣмъ какъ другіе подкрѣплялись сномъ, рано утромъ приводили въ порядокъ сѣти, сортировали ночной уловъ и разносили по улицамъ, при чемъ каждый дѣлалъ все возможное для приманки покупателей выхваливаніемъ своего товара.

— За ваше довѣріе я не могу иначе поблагодарить васъ,—сказалъ Геннаро,—какъ только тѣмъ, что буду всегда помнить бесѣду съ вами. Если я не могу ожидать, что моя физиономія удержится у васъ въ памяти, то вы можете быть увѣрены, что я никогда не забуду чертъ вашего лица. Если вы случайно зайдете на базарную площадъ или на сосѣднія съ нею улицы и вамъ неожиданно слышится дружеское привѣтствіе, вы можете быть увѣрены, что это я васъ окликнулъ.

Сальваторъ дружественно протянулъ руку великодушному юношѣ и сказалъ:

— И я твердо увѣренъ, что мы снова увидимся.

Затѣмъ Геннаро заботливо сложилъ свои сѣти, положилъ ихъ на парусъ въ лодку, самъ сѣлъ въ нее и, взявъ весла, началъ грести по направленію къ плотинѣ. Добѣхавши до замка del' Ovo, онъ мгновенно поднялся въ лодкѣ и помахалъ шапкой по направленію къ тому мѣсту, гдѣ стояла серьезно-задумчивая фигура молодого живописца. Сальваторъ провожалъ его глазами и дѣлалъ рукою знаки, пока лодка не завернула за укрѣпленную косу и не исчезла изъ вида.

Послѣ этого молодой живописецъ опять погрузился въ одну изъ тѣхъ тяжелыхъ думъ, которыя такъ часто овладѣвали имъ; въ такомъ настроеніи его художническая душа была такъ своенравна, что забывала обо всемъ и совершенно уходила въ свой внутренній міръ, оставаясь совершенно холодной къ чарамъ природы. Такъ случилось и теперь: растянувшись на песокѣ, съ открытыми глазами онъ погрузился въ свое раздумье. Онъ все лежалъ и думалъ, думалъ и лежалъ, пока неожиданныя звуки, донесшіеся съ берега, вдругъ испуганно не пробудили его, возвративъ къ дѣйствительности.

Его удивленному взору представилось зрѣлище, встрѣчавшееся вообще нерѣдко, но здѣсь, вслѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ, пріобрѣтавшее необыкновенный характеръ. Съ возвышенности, гдѣ расположилось множество барскихъ домовъ съ обширными садами, спускалась къ берегу погребальная процессія, и теперь только Сальваторъ замѣтилъ, что во время его мечтательнаго раздумья, не по далеку отъ него, къ берегу пристала большая лодка, предназначенная, по своему устройству и убранству, служить для перевозки покойниковъ на какой-нибудь изъ близъ лежащихъ береговъ. Молодой человѣкъ теперь внимательно наблюдалъ все происходившее, подробности котораго дѣйствительно могли приковать взоры.

Хотя монахи, частію несшіе гробъ, частію шедшіе съ пѣніемъ молитвъ впереди гроба и за гробомъ, являли собой ту отталкивающую холодность, которая пріобрѣтается частымъ присутствіемъ при исполненіи погребальныхъ обрядовъ; но за то особенное вниманіе должна была привлечь группа людей въ глубокомъ траурѣ, шедшая за гробомъ. По тогдашнему обычаю гробъ несли открытымъ. Хотя трупъ былъ совершенно укутанъ и закрытъ пальмовыми вѣтвями, все-таки можно было разглядѣть благородныя черты словно тонко-выточеннаго женскаго личика и блѣдныя руки, сложенныя на груди, словно свѣтившіяся и ярко выдѣлявшіяся отъ бѣлаго матоваго одѣянія и отъ блестящихъ зеленыхъ листьевъ. Вокругъ темныхъ волосъ, которые распущенными прядями обрамляли головку, лежалъ вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ. Это могла быть женщина лѣтъ тридцати, которую провожали къ мѣсту послѣдняго упокоенія. Не нужно было долго догадываться, чтобы узнать между провожавшими родственниками мужа покойной и рядомъ съ нимъ взрослой дочери, между тѣмъ какъ другіе могли быть или братьями, или другими родственниками. Нѣкоторые вели за руку маленькихъ дѣтей, которыя могли быть двоюродными сестрами, или двоюродными братьями молодой дѣвушки.

Часто говорятъ, что ненависть прощраетъ взглядъ и это также подтверждается относительно характеристическихъ чертъ различныхъ націй. Маленькія странности и особенности, которыя пристають къ каждому народу, нигдѣ такъ не бросаются въ глаза, какъ въ чужой непріяненной странѣ; къ нимъ относятся здѣсь съ тѣмъ меньшей снисходительностью, чѣмъ больше онѣ расходятся съ туземными обычаями. Для легкомысленныхъ и распущенныхъ испанцевъ, было тѣмъ менѣе симпатично, что оно казалось имъ невыносимымъ въ силу обоюдныхъ несогласій. Въ одеждѣ испанцевъ было едва замѣтное отличіе, но тѣмъ не менѣе оно сильно выдавало для итальянца испанскій національный характеръ. Какъ монахи, участвовавшіе въ похоронной процессіи, очевидно, при-

надлежали одному монастырю, исключительно предназначенному для испанцевъ, такъ и большая часть родственниковъ, слѣдовавшихъ за гробомъ, по осанкѣ и платью обнаруживала свое происхождение отъ ненавистной націи.

При подобныхъ отношеніяхъ обоюдныя чувства обнаруживаются въ безмолвномъ, но краснорѣчивомъ взорѣ; слово же увеличиваетъ отвращеніе до такой степени, что рука противника невольно хватается за шпагу. Точно также случилось и здѣсь. Враждебное расположение духа, овладѣвшее неаполитанскимъ живописцемъ, ясно сказывалось въ его осанкѣ и взорѣ, и гордая фигура, величественно стоящая на холмѣ, не могла быть незамѣченной среди траурной процессіи. Сальваторъ бросалъ взоры, полные ненависти и сосредоточенной злобы. Испанцы то же знали, какъ они были непріятны въ Неаполѣ, знали, что ихъ появленіе повсюду вызываетъ тайныя проклятія и скрытыя клятвы смертельной мести. Нѣтъ ничего удивительнаго, что они испытывали поминутное смущеніе и ненависть, удвоенную безпрестанно разжигаемой злобой.

Похоронная процессія приближалась къ лодкѣ, готовой для принятія тѣла. Несомнѣнно, тѣло должно было быть перевезено или въ какой-нибудь монастырь на противоположномъ берегу или на сосѣдній островъ. Наконецъ, процессія подошла къ самому берегу, и гробъ былъ поставленъ на землю. До сихъ поръ Сальваторъ не могъ ясно разглядѣть лица молодой дѣвушки, потому что она буквально висѣла на рукѣ своего отца, шла неувѣренной поступью, съ поникшей головой, закрывъ лицо почти совершенно черною вуалью. Но теперь, когда покойница была медленно и осторожно положена въ лодку, дочь откинула траурную вуаль и устремила свои очи на дорогой бездыханный ликъ, который уже скоро долженъ будетъ навсегда сокрыться въ землѣ. И въ то время какъ монахи запѣли новую молитву, и гробъ торжественно былъ опущенъ въ лодку на катафалкѣ, горе до такой степени охватило юное, нѣжное существо, что громкія рыданія стѣснили ея слабую грудь, и она безъ чувствъ, какъ снахъ, повалилась на руки своего отца.

Теперь во-очію подтверждалось непостоянство, возникавшее въ груди даже лучшаго человѣка, какъ только онъ подпадалъ вліянію возбуждающей красоты и нѣжнаго, сердечнаго чувства. Сальваторъ, еще такъ недавно исполненный ягучимъ чувствомъ ненависти, живущей во всѣхъ неаполитанцахъ противъ испанскихъ пролазъ, вдругъ забылъ это враждебное чувство, гляди съ сердечнымъ участіемъ и нѣжнымъ восхищеніемъ на прекрасное молодое существо, придавленное такъ безжалостно тяжелымъ безысходнымъ горемъ. Если только изрѣдка и при совершенно особенныхъ обстоятельствахъ можетъ случаться, что первый взглядъ воспламеняетъ могучую страсть, то все-таки нельзя сомнѣваться, что это иногда бываетъ и что въ такомъ случаѣ этотъ первый взглядъ является

рѣшающимъ на всю жизнь. Вторая особенность любви тоже проявилась здѣсь. Любовь всемогуща, она не смущается людскими предрасудками,—она зажгла въ сердцѣ живописца неудержимую страсть, которая подавила всякую ненависть къ чуждой націи, лишивъ юношу возможности хладнокровно разсуждать, охвативъ все его существо нѣмымъ восторгомъ. Не на покойницу, очевидно принадлежавшую къ знатному испанскому дому, смотрѣлъ онъ, нѣтъ,—его очарованныя очи восхищенно слѣдили за плѣнительной молодой дѣвушкой. Здѣсь опять сказалась его художественная натура, забывавшая въ минуты возбужденія все на свѣтѣ и отдававшаяся лишь одному чувству. Да, онъ забылъ въ это мгновеніе все окружающее,—забылъ до того, что отдавшись во власть впечатлѣнія, приблизился къ траурной группѣ, словно желая оказать помощь прелестной дѣвушкѣ.

Но едва онъ сдѣлалъ къ ней одинъ шагъ, какъ движеніе среди родственниковъ покойной, угрожающе смотрѣвшихъ на живописца, разбѣяло его очарованіе и напомнило ему о дѣйствительности.

Особенно выдѣлялись гнѣвно-огненные взгляды одного очень молодого человѣка, почти мальчика, который держался близко къ молодой дѣвушкѣ и по платью былъ также испанцемъ. Этотъ юноша мгновенно обнажилъ сверкающій мечъ. Если сердце Сальватора еще недавно было переполнено нѣжными чувствами къ прелестной незнакомкѣ, то теперь опять выросли въ немъ противоположныя ощущенія, и странныя мысли толпились въ его головѣ. Сальватору казалось, что дѣвушка находилась подъ враждебнымъ вліяніемъ, не сознавая ясно,—не чисто ли субъективное самообольщеніе такое предположеніе; онъ отдался ему и началъ воображать въ своемъ возбужденіи, что онъ призванъ для роли защитника и рыцаря. Все-таки на столько еще самообладанія у него было, чтобы замѣтить, какъ безразсудно и опасно идти дальше, безъ всякаго основанія начинать ссору съ юношей и потомъ, можетъ быть, горько раскаяваться въ необдуманномъ поступкѣ въ такой торжественный моментъ. Только нѣсколько мгновеній длилось это молчаливое обоюдное оглядываніе противника, послѣ чего Сальваторъ опять удалился на старое мѣсто своихъ наблюденій.

Между тѣмъ, молодая дѣвушка пришла понемногу въ себя. Она не замѣчала всѣхъ мелочей происходившаго, потому что всѣ ея помыслы и чувства сосредоточивались на мертвой матери, лежавшей въ гробу. Монахи размѣстились въ лодкѣ, приводя въ порядокъ цвѣты и вѣнки. Затѣмъ они опять вышли на берегъ, образовать полукругіе. Въ то время, какъ родственники занимали въ лодкѣ мѣста, монахи пѣли тихую, гармоничную молитву. Сальваторъ внимательно смотрѣлъ на все происходившее.

Чудной синевой блистало глубокое, прозрачное небо надъ почти зеркальною поверхностью моря. Медленно начали отчаливать гребцы

въ черныхъ шапкахъ и черныхъ шарфахъ. Рядомъ съ отцомъ, обвивъ его руками, сидѣла плачущая дѣвушка, склонивъ голову на его плечо. Позади ихъ помѣстились оба старыхъ товарища отца, держа на рукахъ по мальчику. Напротивъ сидѣлъ юноша, тоже почти мальчикъ, и, не сводя глазъ, смотрѣлъ на полное слезъ личико молодой дѣвушки. Порой онъ поднималъ глаза, и тогда они встрѣчались съ глазами живописца, отвѣчая чувствомъ глубокаго отвращенія на его злобный взглядъ.

Чѣмъ болѣе удалялась отъ берега лодка по направленію къ Сорренто, тѣмъ безпокойнѣе становился Сальваторъ, почувствовавъ,

Сальваторъ Роза смотритъ на похороны супруги Мендоца.

наконецъ, при видѣ всей картины, исчезающей изъ его глазъ, невыносимую муку сомнѣнія въ томъ, что встрѣтитъ ли онъ опять любимую дѣвушку или только узнаетъ, кто были эти люди, столкнувшіеся съ нимъ совершенно случайно и при такой исключительной обстановкѣ.

Нужно было какъ-нибудь помочь бѣдѣ; нашъ же живописецъ не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые отказываются отъ своихъ желаній, если исполненіе ихъ зависитъ отъ нихъ самихъ. Хотя кошелекъ Сальватора былъ почти пустъ и онъ не могъ и думать о наймѣ особой лодки, но ежедневно рано утромъ въ Сорренто отправлялись мужчины и женщины, привозя отсюда фрукты и

цвѣты. Для этой цѣли предназначалась большая ладья, въ которой можно было дешево переправиться туда. Только небольшое разстояніе отдѣляло живописца отъ того мѣста, гдѣ лодочники держали лодки, готовые къ отплытію. Живо выпрыгнулъ живописецъ въ первую стоящую и попросилъ лодочника, нельзя же посидѣть за едва видимымъ судномъ по направленію къ Сорренто. Лодка съ покойницей интересовала всѣхъ сидѣвшихъ въ лодкѣ, и такъ какъ при этомъ находились монахи, то пошли всякіе назидательные разговоры и догадки о личности умершей. Траурная лодка ѣхала медленно и усердные гребцы скоро догнали ее, такъ что приходилось уговаривать держаться около нея поблизости, дабы не потерять ее изъ виду и насколько возможно разузнать, кто такіе ѣхали въ ней. Тысячи различныхъ мыслей толпились въ головѣ живописца въ продолженіе этой поѣздки.

Постепенно смолкалъ шумъ отъ постояннаго прибоя волнъ въ пристань. Береговья строенія все болѣе ступевались, за то все болѣе выступали живописныя отлогости и горы. Напротивъ высился Везувій, опять начавшій выбрасывать за послѣднее время песокъ въ густомъ дымѣ и освѣщавшійся по ночамъ на вершинѣ краснымъ заревомъ. Живописецъ такъ былъ охваченъ внутренней тревогой, что не замѣчалъ красоту природы. По временамъ онъ окидывалъ взоромъ великолѣпную панораму, но все-таки вниманіе его было приковано къ траурной лодкѣ, медленно разсѣкавшей волны. Онъ отчетливо разглядѣлъ въ ней отдѣльныя фигуры и озаренный солнечными лучами мертвый ликъ, выдѣлявшійся между вѣнками и цвѣтами.

Сколько разъ бродилъ живописецъ по славнымъ берегамъ Сорренто, наслаждаясь удивительной красотой мѣстности и выбирая сюжеты для своихъ картинъ. Высоко выступали изъ моря эти скалистые берега, а вверху далеко разстилалась плодородная страна перерѣзанная ущельями, покрытая фруктовыми садами, населенная трудолюбивыми жителями. Море смягчаетъ климатъ, такъ уравнивая его, что лѣтній зной никогда не бываетъ невыносимъ, а зима не пугаетъ своими ужасами. Соррентскіе фрукты, винныя ягоды, апельсины и гранаты, давно прославились своимъ высокимъ достоинствомъ; душистыхъ цвѣтовъ, ежегодно вырастающихъ въ Соррентскихъ садахъ, хватаетъ для украшенія и развлеченія тысячъ людей.

Обѣ лодки наконецъ приблизились къ благословенному берегу. Между крутосыбившимися скалами и моремъ тянулась лишь узкая береговая полоса; здѣсь снова расположились монахи, встрѣчавшіе процессію похороннымъ пѣніемъ. Сальваторъ просилъ своего рулевого расположиться въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ траурной лодки, и вышелъ на землю въ то же самое время, когда ожидавшіе монахи подняли гробъ на плечи, чтобы внести его по скалистой до-

рогѣ въ Сорренто. Всѣ сидѣвшіе въ лодкѣ, въ которой ѣхалъ Сальваторъ, встали и молча помолились за покойницу. Толпа вышла изъ лодки, сомкнулась, и живописецъ могъ незамѣченнымъ смѣшаться въ этой толпѣ.

Медленно достигла процессія высоколежащей равнины, гдѣ раскинулся городъ. Тамъ дожидались траурной процессіи еще другіе провожатые, мужчины, женщины и дѣти, и присоединились къ ней. Здѣсь-то Сальваторъ замѣтилъ, что вновь подошедшіе съ прежними родственниками были очень холодны и шли какъ бы для проформы. Исключеніемъ былъ одинъ прекрасный юноша, приблизившійся съ большимъ участіемъ къ отцу и дочери и горячо утѣшавшій ихъ. Опытный глазъ Сальватора замѣтилъ, что соррентскіе провожатые были итальянцы, и его легковоспламеняющаяся фантазія быстро создала картину семейныхъ отношеній. Было ясно, что умершая принадлежала къ какой-нибудь итальянской фамиліи, что она отдала свое сердце испанскому дворянину и противъ воли своихъ родныхъ связала съ нимъ свою судьбу. Дальше онъ представилъ себѣ, что итальянка вслѣдствіе внутренняго разлада тяжело страдала, можетъ быть, жертвой этого и умерла. Безъ сомнѣнія дочь ея была наперсницей всѣхъ ея страданій, и навѣрно сердце ея было больше расположено къ отчизнѣ матери, чѣмъ къ родинѣ отца. Было ли удивительно, если нѣжныя чувства живописца къ прекрасной дѣвушкѣ въ траурѣ при такихъ предположеніяхъ еще больше разгорѣлись и если вмѣстѣ съ тѣмъ выросло чувство ненависти ко всѣмъ провожатымъ мужчинамъ, особенно же къ молодому человѣку, котораго Сальваторъ считалъ ея братомъ? Или онъ только одинъ изъ дальнихъ родственниковъ? Эта мысль еще сильнѣе возбуждала его ненависть.

Вовсякомъ случаѣ покойница должна была происходить изъ очень знатнаго дома, что подтверждали не только ея родственники, но и вся торжественность совершавшагося погребенія. Наконецъ, дошли до монастыря св. Аферы, которому принадлежала прекрасная и богато украшенная церковь. При воротахъ этой церкви монастырскія монахини вмѣстѣ съ настоятельницей встрѣтили голову процессіи и проводили ее съ пѣніемъ до главнаго алтаря, предъ которымъ былъ поставленъ гробъ. Тогда раздались звуки строгаго реквиема; гробъ былъ закрытъ, чтобы быть готовымъ для преданія землѣ. Когда крышка гроба навсегда сокрыла любимыя черты матери, слезы неутѣшной дочери еще обильнѣе, чѣмъ прежде, брызнули изъ ея прекрасныхъ глазъ.

Тѣсный семейный кружокъ испанцевъ покинулъ церковь, и только молодой итальянецъ, не сводившій глазъ съ дочери умершей, казалось, забылъ, что національное отличіе принуждало его къ разлукѣ. Онъ стоялъ и ждалъ, пока испанцы поѣдутъ назадъ. Въ

столовой монастыря они немного отдохнули, чтобы немедленно возвратиться въ Неаполь.

Этимъ временемъ воспользовался Сальваторъ, чтобы выяснитъ личность умершей и ея семейныя отношенія.

Всѣ его догадки оправдались. Дѣвичье имя умершей было Корнелія Кортези. Она познакомилась съ графомъ Діего-ди-Мендоца на одномъ балу. Часто случалось, что дочери изъ знатныхъ итальянскихъ домовъ влюблялись въ испанскихъ грандовъ, при чемъ отцы не давали согласія на такіе браки, а монастыри создавали непреодолимыя преграды для подобныхъ сердечныхъ влеченій, не шедшихъ рука въ руку съ политикой. Съ Корнеліей случилось нѣчто иное. Родителей ея не было въ живыхъ, и прежде чѣмъ братья могли помѣшательству браку своей сестры, Мендоца заручился посредничествомъ вице-короля, герцога Аркоса, такъ что Корнелія могла прибѣгнуть къ покровительству одной вліятельной испанской фамиліи. Свадьба была отпразднована съ большимъ великолѣпіемъ, ибо съ испанской стороны покровительствовали браку; родственники же и друзья дома Кортези не только не показывались на свадьбѣ, но даже цѣлый годъ носили фамильный трауръ, какъ будто Корнелія для нихъ умерла. Теперь ее дѣйствительно умершую поставили по ея собственному желанію въ монастырской церкви св. Афры, гдѣ находились могилы всей фамиліи Кортези. Единственное дитя ихъ счастливаго супружества была дочь, носившая имя своей матери. Сынъ умеръ раньше.

Сальваторъ, дотолѣ бывшій спокойнымъ и слушавшій внимательно, вдругъ былъ смущенъ однимъ вопросомъ, живо занимавшимъ его. Если Корнелія была единственнымъ ребенкомъ, то кто же такой молодой человѣкъ, участвующій въ проводахъ, на видъ бывшій старше дѣвушки? Живописецъ справлялся, но никто не зналъ этого юноши. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ принадлежать къ фамиліи мужа покойной, ибо одѣвался по-испански; какъ же онъ очутился здѣсь, принимая участіе въ похоронахъ. Сальваторъ чувствовалъ, какъ судорожно сжималось его сердце отъ мысли, что испанскіе родственники заранѣе позаботятся обручить прелестную Корнелію съ человѣкомъ изъ ихъ круга.

Сальваторъ все ждалъ, пока родственники покойной отплывутъ въ Неаполь. Тайно наблюдалъ онъ за этимъ отъѣздомъ, и когда его взоръ нечаянно остановился на Корнеліи, онъ забылъ все остальное. Его взоры опять встрѣтились со взорами молодого человѣка, и между ними снова сверкнула молнія ненависти. Живописецъ все-таки имѣлъ, на столько спокойной разсудительности, чтобы подавить свои чувства. Когда лодка скрылась изъ глазъ, онъ опять помѣстился въ старую ладью, доставившую его изъ Неаполя, и дожидался ея отплытія. Онъ очутился въ томъ же самомъ обществѣ, помѣстившись между огромными корзинами, съ верхомъ наполнен-

ными всякаго рода свѣжими овощами, земляникой, вишнями и множествомъ прелестнѣйшихъ цвѣтовъ. Монахъ также притащилъ въ ладью полную корзину драгоценныхъ произведеній соррентскихъ садовъ.

Разговоръ очень естественно вертѣлся около похоронъ графини Мендоца. Всякій могъ разсказать что-нибудь относительно ея любви и ея печальной судьбы. Лучше всего разсказывалъ монахъ, пона-торѣвннй въ разглагольствованiяхъ при собиранiи милостыни.

— Помогн, Святая Мадонна, чтобъ несчастье не повторилось въ этой семьѣ,— сказалъ онъ подозрительно, — молодой синьоръ Людовико Кортези, кажется, влюбленъ въ двоюродную сестру-испанку. По крайней мѣрѣ, онъ остался при Мендоца въ то время, какъ всѣ родственники Кортези простились съ испанцами при могилѣ. А все-таки онъ долженъ былъ присягнуть «Лигѣ мертвыхъ».

Эти слова возбудили большой интересъ, и опять завязался долгій разговоръ о таинственной лигѣ, каждый членъ которой ужасной присягой обязывался быть смертельнымъ врагомъ всѣхъ испанцевъ, долженъ былъ ненавидѣть ихъ и вредить имъ, какъ только возможно, не завязывая съ нимъ никакихъ дружескихъ или вообще близкихъ, интимныхъ отношенiй. Многiе дворяне и художники наряду съ простолюдинами принадлежали къ этому тайному обществу и были обязаны надзирать другъ за другомъ. Кто измѣнялъ своей присягѣ, того общество смертельно наказывало. Сальваторъ слушалъ молча. Онъ узналъ теперь имя противника, зналъ съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, намѣреваясь достигъ цѣли, столь сильно занимавшей всѣ его помыслы и страстно волновавшей его сердце.

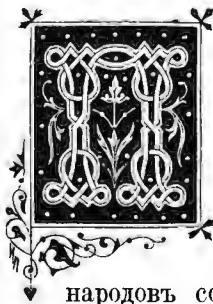

Уличная проповѣдь монаха-доминиканца во Флоренціи.

II.

Непримиримые контрасты.

РОШЛО сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ живопись въ лицѣ Рафаэля Санціо нашла своего величайшаго представителя, превзошедшаго всѣхъ живописцевъ совершенствомъ техники и тонкостью вкуса, изяществомъ стиля и идеальностью своихъ сюжетовъ. Но тѣмъ не менѣе онъ являетъ собой только кульминаціонную точку развитія цѣлаго періода, въ которомъ величайшіе живописцы всѣхъ временъ и народовъ соединились для удивительной и единственной въ своемъ родѣ дѣятельности. Рядомъ съ несравненной граціей Рафаэля стоитъ колоссальная по своей цвѣтущей мощи фигура Микель-Анджело; съ ними рядомъ стоятъ Леонардо-да-Винчи, поражающій глубиной содержанія и неисчерпаемымъ богатствомъ формъ,—Корреджіо, плѣняющій пріятностью и роскошью красокъ, и еще мно-

гіе другіе, самоотверженно присягнувшіе въ вѣрности генію искусства, желая добиться своими созданіями первенства въ своемъ столѣтіи. Между тѣмъ, въ Неаполѣ первенствовала новая школа испанскихъ натуралистовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Джузеппе Рибера, прозванный *il spagnoletto*, но его художественное вліяніе считалось вреднымъ, какъ заблужденіе вкуса. Послѣ того какъ завершилась дѣятельность великихъ мастеровъ живописи XV столѣтія, можно было оцѣнить все ихъ великое значеніе; теперь Рафаэль и Микель-Анджело блестятъ какъ двѣ лучезарныя звѣзды на итальянскомъ небосклонѣ искусства. Когда были найдены въ Римѣ ихъ главныя произведенія, ихъ фрески въ Ватиканѣ, изумляющія высокимъ полетомъ творческой силы, тогда притягательная сила вѣчнаго города выросла для молодыхъ талантовъ до такой степени, что ни одинъ живописецъ не рисковалъ появиться въ свѣтъ, не побывавъ въ Римѣ. Хотя и внѣ Рима были многія замѣчательныя творенія обоихъ мастеровъ (именно Флоренція была богата скульптурными работами многосторонняго генія Микель-Анджело, такъ же какъ Миланъ произведеніями Леонардо-да-Винчи, а Венеція произведеніями Тиціана и его школы), но по изобилію и разнообразію сокровищъ искусства Римъ возвышался до небесъ надъ всѣми другими городами. Гигантскій соборъ св. Петра, Сикстинская капелла въ Ватиканѣ хранили творенія недосягаемаго значенія. Достаточно назвать статую Моисея—это мастерское твореніе Микель-Анджело—отъ неоконченной могилы Юлія II въ церкви св. Петра, чтобы понять высокую цѣнность римскихъ сокровищъ искусства.

Къ запрестольнымъ картинамъ, написаннымъ Рафаэлемъ для церкви внѣ Рима, принадлежитъ св. Цецилія, которую онъ создалъ по порученію кардинала Лоренцо Пуччи для церкви св. Іоанна на горѣ, возлѣ Болоньи. Прелестная картина изображаетъ римскую мученицу, уже въ то время причисленную къ святымъ заступницамъ музыки, окруженную четырьмя святыми. Цвѣтущая юностью, исполненная непорочной небесной мечтательности, прелестная святая только-что кончила играть въ присутствіи друзей. Казалось, съ небесъ лилась отзвучная мелодія. Шесть ангеловъ, сидя на облакахъ, подхватывали мелодію и какъ цѣною передавали далѣе. Подъ впечатлѣніемъ ангельскихъ звуковъ святые на землѣ безмолвствовали. Цецилія машинально держитъ руки на органѣ, жадно прислушиваясь къ цѣнѣ и обративъ голову и глаза къ небу. Апостоль Павель, на лѣво отъ нея стоитъ, опершись подбородкомъ на правую руку, которая въ свою очередь покончена на лѣвой рукѣ, крѣпко сжимающей рукоятку меча. Голова его склонилась, чело обвѣяно глубокой думой. Цецилія и Павель кажутся далекими отъ дѣйствительнаго міра, при чемъ одна вся проникнута неземнымъ чувствомъ, а другой застылъ въ глубокой думѣ. Какъ прелестный контрастъ, по правую руку отъ Це-

циліи стоить св. Магдалина. Ея большіе темные глаза выражаютъ жизнерадостную ясность и душевную безмятежность. Двѣ дальнія фигуры, Евангелиста Іоанна и Блаженнаго Августина, стоятъ въ созерцательныхъ позахъ. Каждая фигура въ отдѣльности и всѣ вмѣстѣ являли удивительную гармонію настроенія и выраженія, соединенную съ совершенствомъ колорита. Никакая другая картина великаго мастера не производитъ столь мечтательнаго впечатлѣнія, какъ св. Цецилія, и идея, что истинное искусство есть небесное откровеніе; неотступно преслѣдуетъ зрителя. Эта картина является той драгоцѣнностью, которая одна содѣйствуетъ величайшему украшенію всего города.

Въ Болоньѣ жила обѣднѣвшая отрасль нѣкогда богатой фамиліи Спинелли, теперешній глава которой хотя и занималъ выдающуюся государственную должность, но былъ уже давно въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи. Камилло Спинелли, молодой человекъ, былъ очень красивъ; еще въ годы ученія, проведенные въ Римѣ, его знатное происхожденіе дало ему доступъ въ лучшіе дома; въ одномъ изъ нихъ онъ познакомился и снискалъ любовь дѣвушки изъ дома Барберини. Если этотъ родъ въ то время еще не занималъ виднаго положенія, которое ему впоследствии создали особыя обстоятельства (одинъ изъ Барберини занималъ кардинальское кресло), то, все-таки, было исключительнымъ явленіемъ то обстоятельство, что Елена Барберини отдала свою руку молодому Спинелли. Положеніе фамиліи Барберини за послѣднее время измѣнилось радикально и совершенно неожиданно. Одинъ изъ Барберини, какъ многіе изъ его предковъ, избралъ духовную карьеру и своей талантичностью и силою ума достигъ кардинальскаго сана. Это было самое цвѣтущее время римской іерархіи. Громадныя деньги текли въ Римъ со всего христіанскаго міра въ папское казначейство. Кардиналы получали колоссальныя доходы со своихъ епископій и аббатствъ, и, такимъ образомъ, кардиналъ Барберини въ скоромъ времени могъ окружить себя всевозможной роскошью. Громадные доходы церковныхъ князей обыкновенно расточались на сумазбродныя фантазіи, которыми, вообще, отличается эпоха Возрожденія. Превосходятъ всякую оцѣнку тогдашнія затраты на украшеніе домовъ, на драгоцѣнныя матеріи, на дорогія рѣзные работы, красивые сосуды, картины и статуи. Часто заботы объ искусствѣ и наукѣ были только средствомъ ввести въ обманъ общество, но не всегда сильныя міра сего въ глубинѣ своихъ дворцовъ предавались мотовству и отдавались гнусной алчности. Этого, по крайней мѣрѣ, не случилось съ кардиналомъ Барберини, который не только любилъ, заботился и упражнялся въ изящныхъ искусствахъ, но и занимался со страстнымъ усердіемъ модными въ то время естественными науками. Допскиваться физическихъ законовъ, производить астрономическія наблюденія, изучать открытіе другихъ

изслѣдователей — все это было его любимѣйшими занятіями послѣ должностныхъ обязанностей кардинала.

Было извѣстно, что кардиналъ Барберини имѣлъ не безосновательныя надежды на скорое избраніе въ папы. Григорій XV, изъ дома Людовиковъ, занималъ въ то время кресло св. Петра; такъ какъ онъ самъ былъ въ высшей степени артистической натурой, то всякія духовныя стремленія находили подъ его властью сильное покровительство. Теперь не было рѣдкостью, что сыновья знатныхъ фамилій заводили интимную дружбу съ молодыми художниками, при чемъ многіе изъ нихъ сами занимались живописью и гордились тѣмъ, что нѣкоторымъ образомъ содѣйствуютъ ея развитію.

Камилло Спинелли и его супруга замѣтили въ своемъ старшемъ сынѣ Бернардо особенную склонность къ живописи. Будучи еще мальчикомъ онъ рисовалъ съ такимъ недюженнымъ талантомъ, что его родители должны были отнестись къ этому съ серьезнымъ вниманіемъ. Позднѣе онъ изучалъ великихъ мастеровъ живописи, насколько это было возможно въ церквахъ и галереяхъ его родного города Болоньи. Между отечественными живописцами раньше всѣхъ пріобрѣлъ громкую славу Франческо Франція; но какъ бы ни были трогательны его картины по своей глубокой религіозности и по своему возвышенному паѳосу, Рафаэлевская Цецилія все-таки совершенно затмила его творенія. Любящая искусство душа Бернардо Спинелли, нашла въ Рафаэлевскомъ созданіи высочайшее откровеніе того генія, который для него былъ священнымъ идеаломъ. Сначала подростающимъ мальчикомъ, а затѣмъ и юношей, онъ до того былъ увлеченъ этимъ образцовымъ произведеніемъ, что друзья въ шутку называли его рыцаремъ св. Цециліи, — и онъ принималъ это съ великодушной и даже довольной улыбкой.

Елена Спинелли никогда вообще не помышляла о выгодномъ поправленіи своихъ семейныхъ обстоятельствъ; но теперь когда ея сынъ всей душой жаждалъ отдаться всецѣло изученію искусства и когда ея супругъ не особенно охотно давалъ на это свое согласіе, она обратилась къ своему дядѣ, всемогущему кардиналу, съ намѣреніемъ склонить его въ пользу Бернардо. Она отправила въ Римъ нѣсколько образчиковъ таланта и прилежанія своего сына. Рисунки и эскизы, которые кардиналъ довѣрилъ разсмотрѣть профессорамъ академіи, произвели очень выгодное впечатлѣніе. Не много времени спустя, въ Болонью пришло приглашеніе отправиться Бернардо въ Римъ къ своему дядѣ, чтобы подъ его покровительствомъ заниматься изученіемъ живописи. Можно себѣ представить какой радостный крикъ вырвался изъ груди юноши! Онъ до сихъ поръ еще колебался въ выборѣ своей дороги и за эту нерѣшительность былъ сурово бранимъ отцомъ, заботливо относившимся къ своей семьѣ. Только любовь матери позволяла ему оставаться до двадцати лѣтъ въ этомъ выжидательномъ положеніи. Онъ

былъ совершенно чуждъ честолюбія и только съ наивной увѣренностью клялся всей душой, всѣми силами отдаться изученію живописи.

Было рѣшено, что Бернардо нѣсколько недѣль проведетъ во Флоренціи, а затѣмъ, изучивши сокровища искусства въ этомъ блестящемъ городѣ, отправится въ Римъ. Счастливымъ и полный розовыхъ надеждъ, онъ прибылъ во Флоренцію. Никогда мръ не казался ему столь прекраснымъ, никогда не любилъ онъ болѣе своей родины, никогда грудь его не дышала такой бодрой надеждой на будущее.

Удивительно ли, что его юношеское сердце сдѣлалось воспримчивѣе къ дѣвчечьей красотѣ? Онъ никогда не отказывался отъ участія съ товарищами въ танцахъ и увеселеніяхъ, и уже раньше его глазъ былъ опытенъ въ оцѣнкѣ красоты. Но онъ такъ долго жилъ въ родительскомъ домѣ подъ надзоромъ нѣжной, великодушной матери, что ни одна нечистая мысль, ни одно преступное желаніе не загрязнили его воображенія. Между матерью и сыномъ существовала рѣдкая откровенность. Бернардо привыкъ думать, чтобы мать принимала живѣйшее участіе во всемъ, что только его касалось: она интересовалась его дѣтскими играми, его фантазіями и наклонностями, принимала участіе въ его юношескихъ мечтаніяхъ и стремленіяхъ. Безъ лицемерной набожности она строго соблюдала религіозныя обряды, приучивъ такимъ образомъ своего сына къ серьезному пониманію жизни. Иногда она противодѣйствовала суровой строгости отца, дѣлая это съ такой нѣжной мягкостью и такъ трогательно примиряя обоихъ, что поистинѣ казалась добрымъ гениемъ дома. Бернардо любилъ ее, какъ воплощеніе ангельской доброты: только изрѣдка испытывая гнѣвный взглядъ ея прекрасныхъ глазъ, онъ при воспоминаніи о немъ всегда останавливался предъ искушеніемъ. Однажды, осматривая внутренности церкви св. Ероики, онъ встрѣтилъ при выходѣ молодую дѣвушку благороднаго происхожденія, только-что входившую въ храмъ. По своему одѣянію она принадлежала къ высшему обществу, по граціозности же фигуры и миловидности чертъ лица она въ его глазахъ превосходила все, что онъ раньше видѣлъ по части дѣвственной красоты. Золотисто-блѣкучіе волосы волнисто обрамляли ея плѣнительную головку, наполовину прикрытую вуалью, которыя дамы аристократки обыкновенно носили при посѣщеніи церкви. При этой встрѣчѣ онъ не видѣлъ ея глазъ, такъ какъ она шла мимо его, потупивъ взоры, не обращая вниманія; но когда онъ на слѣдующій день въ тотъ же часъ и на томъ же самомъ мѣстѣ опять нашелъ ее, — взоры ихъ встрѣтились. Хотя она сейчасъ же опустила долу свои темносинія очи, Бернардо успѣлъ почувствовать какъ бы прикосновеніе электрической искры, и съ тѣхъ поръ онъ не могъ забыть этого чарующаго впечатлѣнія. Это было впе-

чатлѣніе не только ея кроткихъ, большихъ и выразительныхъ глазъ, но и впечатлѣніе отъ того неподдѣльнаго выраженія цѣломудренной строгости, которая отпечатлѣлась въ ея чертахъ. Этого было достаточно, чтобы Бернардо ежедневно бывалъ въ церкви св. Ероики, гдѣ онъ наслаждался созерцаніемъ красивой дѣвушки. Восхищеніе сокровищами искусства во Флоренціи его занимало только отчасти, онъ страстно желалъ самъ создать свое собственное произведеніе и съ этой цѣлью поставилъ въ своей комнатѣ холстъ, набрасалъ на немъ эскизы картины, не зная еще, что изъ нея выйдетъ. Никогда онъ не отважился бы, хотя бы только въ помыслахъ, соперничать съ Рафаэлемъ, но ему вспоминались черты прелестной дѣвушки, которую онъ встрѣчалъ теперь ежедневно и которая казалась ему столь же примѣчательной, какъ картина св. Цециліи въ Болоньѣ, и онъ рѣшился написать христіанскую покровительницу музыки въ совсѣмъ иномъ видѣ.

Работа подвигалась впередъ съ необыкновенной быстротой и успѣхомъ, съ такимъ же успѣхомъ, какъ и его знакомство съ прелестной дѣвушкой, которая, не зная того, служила ему моделью для его картины. Это знакомство, робкое по началу, пошло дальше, благодаря смѣлому поклону, на который отвѣтили съ краской въ лицѣ. Скоро при выходѣ изъ церкви завязался разговоръ, и молодому человѣку казалось просто чудомъ небесъ, когда онъ узналъ, что предметъ его обожанія носить имя Цециліи! Это была дочь математика Галилея, слава котораго гремѣла по всей Италіи и имя котораго, какъ гордости науки, Бернардо слышалъ отъ своего отца. Разумѣется, онъ зналъ о молвѣ, считавшей Галилея колдуномъ и еретикомъ, зналъ, что ее распускаетъ народъ и духовенство, почему нѣкоторые испытываютъ нѣчто въ родѣ содраганія при его имени, боясь его какъ нечистаго духа. Бернардо отнынѣ сталъ больше обращать вниманія на то, что говорилось объ этомъ ученомъ мужѣ. Нѣкоторые ставили его очень высоко, другіе избѣгали его, и особенно его изслѣдованія о силахъ природы строгіе ревнители благочестія считали за возстаніе противъ Создателя и церкви, которая можетъ быть только единственной посредницей между Богомъ и людьми.

Все это узналъ Бернардо и былъ, конечно, убѣжденъ, что только клевета и зависть могли сомнѣваться въ заслугахъ Галилея. Онъ постигъ важность научнаго образованія для художника. Такъ какъ великіе образцы въ его искусствѣ, Леонардо-да-Винчи и Микель-Анджело, работали въ этомъ направленіи, то и рѣшилъ заняться изученіемъ физики. Въ скоромъ времени онъ сдѣбался горячимъ послѣдователемъ Галилея и страстно желалъ познакомиться съ нимъ, заниматься лично у него. Онъ слишкомъ долго затянулъ свое пребываніе во Флоренціи, и письма матери напомнили ему, что онъ не долженъ ни уклоняться отъ первоначально твердо установлен-

наго плана своихъ занятій, ни продолжать своей любви къ дочери такого важнаго ученаго, какъ Галилей, не имѣя на то права по своему положенію. Онъ еще ничего не сдѣлалъ, чтобы ему давало прочную увѣренность въ будущемъ, ничего не сдѣлалъ по доброй волѣ, если бы дѣло зашло о соединеніи судьбы любимаго существа съ его судьбой. Наконецъ, онъ быстро рѣшился. Картина Св. Цециліи была окончена и возбудила удивленіе друзей. Бернардо послалъ ее въ монастырь Св. Духа, чтобы она была повѣшена въ тамошней церкви. Послѣ этого онъ рѣшительно назначилъ день своего отъѣзда, и какъ это ему не было тяжело, онъ все-таки остался при своемъ рѣшеніи, все приготовивъ къ часу отъѣзда.

Въ глубинѣ его души была, конечно, причина, которая препятствовала ему признать свои чувства къ возлюбленной, и которая почти также, какъ напоминаніе матери, влекла разстаться съ Флоренціей. Для него самого было загадкой, какъ могло его сердце совмѣщать такія противорѣчія, но не смотря на пламенную любовь къ дочери Галилея и на внутренній голосъ, подсказывавшій ему, что Цецилія раздѣляетъ его чувства, онъ замѣчалъ, что какая-то таинственная рука отталкиваетъ отъ него дѣвушку, препятствуетъ ему объясниться съ ней; хотя она никогда ему не говорила, онъ былъ увѣренъ, что между ними непреодолимая преграда, какая-то нѣмая, неотвратимая сила, заставляющая всѣ его радостныя надежды откликаться въ сердцѣ Цециліи глухимъ страданіемъ и молчаливой покорностью.

Могъ ли онъ не подслушать одного разговора, происходившаго въ прихожей Галилея рано утромъ, въ день его отъѣзда между Цециліею и другомъ ея отца: вѣдь Бернардо рассчитывалъ хотя такимъ путемъ найти ключъ для разъясненія загадки. Цецилія была одѣта такъ, какъ это было принято при посѣщеніи церкви, — бѣлая вуаль покрывала ея бѣлокурые волосы и въ рукахъ она держала молитвенникъ. Она вышла изъ кабинета своего отца, чтобы направиться въ церковь Св. Ероики, вдругъ осторожный стукъ снаружи въ дверь прихожей остановилъ ее. Она отворила дверь, какъ будто чего-то испугавшись, и позволила войти другу своего отца, достопочтенному ученому Донато Кассини. Шопотомъ она сказала:

— Это вы, Кассини? Неужели вы хотите такъ рано беспокоить отца?

Ея примѣръ такъ подѣйствовалъ, что и Кассини, понизивъ голосъ, отвѣчалъ:

— Никто не пожелаетъ ему болѣе пріятнаго сна, чѣмъ я, но меня заставляють...

Цецилія перебила его, взволнованно возразивъ:

— Едва улеглись его волненія и думы, заставляющія превращать ночи въ день, едва онъ сомкнулъ свои утомленные вѣжды,

какъ приходитъ его лучшей другъ, чтобы разбудить его для новыхъ заботъ. Тщетны мои мольбы, чтобъ онъ берегъ свою старость: онъ жертвуетъ собой для науки, его духъ разрушаетъ тѣло и скоро смерть похититъ у меня отца.

Съ участливо-серьезнымъ взоромъ Кассини отвѣтилъ:

— Можете ли вы упросить его, Цецилія, когда вашъ отецъ слѣдуетъ за тѣмъ гениемъ, который ведетъ его особенной дорогой, высоко надо всѣмъ человѣчествомъ?

— Я жалуюсь, конечно, не ради себя, — возразила Цецилія, — но скажите сами: какова же его награда? Положимъ, его послѣдователи и друзья удивляются величію его духа, но міръ, для котораго онъ работаетъ и творитъ, благодаренъ ли онъ ему хоть сколько-нибудь? Какъ моя любовь и заботливый уходъ могутъ украсить его старость, если я не должна оберегать его отъ науки, которой онъ жертвуетъ собой?!

Кассини протянулъ ей руку и трогательно сказалъ:

— Я понимаю вашу печаль и соглашаюсь съ вами, но что же дѣлать?

— Если бы вы знали, — сказала Цецилія и слезы показались у нея на глазахъ, — что происходитъ со мной, то вы пожалѣли бы меня.

Испуганный Кассини быстро взглянулъ ей въ лицо и сказалъ:

— Ради всѣхъ святыхъ, что вы хотите этимъ сказать.

Но Цецилія уклонилась отъ прямого отвѣта.

— Нѣтъ, — сказала она, — я не рѣшаюсь облечь въ слово ужасную мысль, которая мучитъ меня. И развѣ могутъ помочь слова и желанія тамъ, гдѣ сама молитва тщетно надѣется быть услышанной, гдѣ закрывается небо и всякая надежда исчезаетъ.

Теперь Кассини догадался, что угнетало сердце бѣдной дѣвушки.

— Не скрывайте отъ меня вашего горя, — сказалъ онъ, — я догадываюсь, что клеветаютъ на отца въ присутствіи его дитяти, чтобы тяжелѣе обвинить благороднаго человѣка. Послушайтесь моего совѣта, не обращайтесь вниманія на всѣ наущенія и посмотрите, придутъ ли они сами къ вамъ? Вѣрьте мнѣ, что вашъ отецъ ни въ чемъ не виноватъ.

— О, замолчите, — просила Цецилія, снова заливаясь слезами; послѣ нѣкоторой паузы она снова продолжала: — Когда я недавно, до встрѣчи съ вами, тихо вошла въ его комнату, я нашла его сидящимъ на стулѣ передъ рабочимъ столомъ, окруженнаго книгами, картами и пергаментами, и крѣпко уснувшимъ. Сѣдые волосы обрамляли его благородное лицо и хотя чело его было обвѣяно заботливой думой, онъ безмятежно спалъ. Я невольно, поднимая руки, сказала въ сердцахъ: если это лицо обманщика, то кисть художника никогда не изображала намъ святости, то на каждомъ главномъ алтарѣ, гдѣ стоитъ набожно-настраивающее насъ Распятіе Спасителя, возсѣдаетъ тщеславный обманъ.

— Я съ вами совершенно согласенъ, — одобрительно замѣтилъ Кассини.

Цецилія же продолжала:

— Послушайте же далѣе. Вѣдь грѣхъ всегда щеголяетъ въ маскѣ добродѣтели, вѣдь ложь рѣдко появляется нагой; послѣ этого какже можно этотъ благородный образъ считать лживымъ, развѣ онъ можетъ поддаться мрачной силѣ, навѣки отшатнувшись отъ Бога, навѣки оставшись потеряннѣмъ?

Страстное возбужденіе, съ которымъ она проговорила эти слова, обнаружили Кассини ея настроеніе духа.

— Отгоните прочь такія заботы! — сказала онъ ей убѣдительно, — отгоните то, что нарушило вашъ душевный покой, что возмутило сердце набожнаго дитяти противъ своего отца и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противъ величій Божіихъ.

Но отраву, которую хитрые монахи во время исповѣди влили въ сердце невинной, въ покорной вѣрѣ воспитанной дѣвушки, было не такъ легко удалить, не такъ легко было разсѣять мучившія ее сомнѣнія и находившія какъ будто облегченіе въ словахъ.

— Кто могъ рѣшить, въ чемъ здѣсь заключается преступленіе? И если онъ виновенъ, лучше ли для меня и для него, что я это знаю? Кто на свѣтѣ стоитъ къ нему ближе меня, его дитяти? Никто его не можетъ спасти, если я не могла этого сдѣлать. Это мое послѣднее рѣшеніе. Я хочу отречься отъ міра и всѣхъ земныхъ наслажденій, чтобы каяться на колѣняхъ и молиться Небесамъ, пока молитва моя не будетъ услышана и не призоветъ милость на его голову.

Въ увлеченіи разговоромъ ея голосъ зазвучалъ громче прежняго, и такъ какъ дремота Галилея была не особенно крѣпика, онъ проснулся и всталъ со своего кресла. Этотъ шумъ услышала Цецилія и поспѣшно удалась съ словами: «Онъ проснулся, онъ не долженъ видѣть меня въ такомъ настроеніи! Прощайте!»

Кассини пришелъ предостеречь Галилея, ибо онъ видѣлъ, что для этого уже настала пора. Галилей долженъ былъ слышать голосъ Цециліи, ибо онъ испытующе и удивленно озирается, выйдя въ переднюю и найди только своего друга. Радужно, по обыкновенію, онъ привѣтствовалъ его, сказавъ:

— Мнѣ показалось, что я какъ будто слышалъ голосъ Цециліи? Или это мнѣ только послышалось съ просонкомъ.

— Совсе нѣтъ, — замѣтилъ Кассини, — это былъ не сонъ: ваша дочь Цецилія только-что вышла отсюда, отправившись къ обѣднѣ.

— Набожное дитя! — сказалъ Галилей. — Ея первую мыслью ежедневно бываетъ молитва за ея отца.

— Значить, это правда, что забота о вашемъ благополучіи бросаетъ мрачную тѣнь на ея лучезарную юность. Она со страхомъ рассказывала мнѣ, что вы не пользуетесь покоемъ, работаете всѣ ночи напролетъ, разстраивая свое здоровье.

— Доброе дитя боится, не зная, что дѣятельный духъ мало нуждается въ покоѣ. Наша жизнь коротка, поэтому нужно беречь это благородное сокровище.

— Есть ли, наконецъ, выгода, — замѣтилъ Кассини, — такъ истощать свои силы, не беречь ихъ для будущаго, не стараясь продлить свою жизнь?

— Нѣтъ, мой другъ, — возразилъ Галилей, — что можетъ случиться сегодня, то, значить, должно случиться, настоящее принадежить мнѣ, на будущее же я могу только надѣяться, а не твердо рассчитывать.

— Что же это съ вами? — сказалъ подозрительно Кассини, — вы, кажется, всегда шли только къ одной цѣли?

— Да, это вѣрно, — отвѣтилъ Галилей, смотря вопросительно на друга.

— Но порой бываетъ выгодно, — замѣтилъ Кассини, — оглядѣться по сторонамъ.

Галилей не любилъ скрывать своихъ мыслей. Онъ сказалъ серьезно:

— Если я вѣрно понимаю васъ, вы что-то скрываете. Вы знаете, я люблю прямую дорогу. Вы, можетъ быть, читали мой новый трудъ?

— Я хотѣлъ предостеречь васъ, — возразилъ Кассини. — Вы дѣйствительно безъ оглядки въ полномъ увлеченіи идете на встрѣчу своей гибели. Я часто говорилъ и повторяю еще разъ: вы не видите, какой вы подвергаетесь опасности; послѣ будетъ уже поздно. Новое твореніе ваше, которое теперь у меня, такъ опасно, что можетъ стоить вамъ не только свободы, но и самой жизни, если только ваши противники захотятъ съ помощью этого погубить васъ.

— Вы преувеличиваете, — возразилъ Галилей, — вы думаете, что я послѣдую вашимъ совѣтамъ, и совѣтамъ другихъ друзей, между тѣмъ, я уже принялъ всѣ предосторожности. Отъ вашего вниманія ускользнуло, что я свое мнѣніе предоставляю опровергнуть и разсчитываю поэтому на снисхожденіе церковнаго авторитета.

— Положимъ, вы это сдѣлали, — возразилъ съ особеннымъ удареніемъ Кассини, — но всякій читатель замѣтитъ, что только изъ принужденія и горькой необходимости.

— По вашему мнѣнію рабъ долженъ носить свои цѣпи съ радостью? Это значить желать слишкомъ многого. Могутъ сковать слово, но не мысль; если же изъ моихъ словъ явствуетъ, что они сказаны по принужденію и мои мысли служили только маской, — прекрасно, тогда моя цѣль достигнута, — возразилъ Галилей.

— Что я могу на это возразить? — сказалъ Кассини. — Вашъ мужественный духъ совсѣмъ не думаетъ объ опасности, вы ищите только средствъ высказать свои лучшія мысли публично, не смотря на всѣ предостереженія. Я знаю вамъ тяжело выслушивать мои

совѣты, но я не устану повторять: послушайте благоразумнаго чловѣка и скройте ваше новое твореніе.

Послѣднія слова пробудили въ Галилеѣ то упорство, съ которымъ онъ противился всѣмъ пренятствіямъ, чувствуя себя правымъ и будучи увѣренъ въ истинѣ своихъ мнѣній.

— Какъ, — сказалъ онъ, — твореніе сколькихъ дней, столькихъ ночей, — твореніе, въ которое я вложилъ лучшую часть своихъ неотступныхъ думъ, заключающее все, что я такъ долго тайлъ и чего доискивался съ ранней юности, — все это я долженъ скрыть отъ людей? Мои противники могли принудить меня къ притворной уступчивости, — по ихъ мнѣнію, имъ удалось задушить истину въ зародышѣ, ибо я долженъ подчиняться закону, притворно признавая противниковъ справедливыми, — но мой духъ не можетъ умереть, истина перейдетъ бессмертной въ грядущія поколѣнія. Чего же мнѣ бояться? Инквизиціонная цензура просматривала мое сочиненіе, одобривъ его для печати и публичнаго распространенія. Отъ вашего робкаго взгляда ускользаетъ истинный смыслъ: вопросъ, вертится ли земля, или она, какъ хотятъ мои противники, стоитъ неподвижно, — перейдетъ на разрѣшеніе грядущихъ поколѣній и что темное суетвѣріе считало вредной ересью, то сдѣлается свѣтлой истиной.

Съ подозрительнымъ покачиваніемъ головы внималъ Кассини этимъ вдохновеннымъ словамъ.

— Подумали ли вы, — спросилъ онъ теперь, — что приговоръ, произнесенный цензорами инквизиціи, можетъ еще болѣе раздражить вашихъ заклятыхъ враговъ? Одинъ изъ ихъ среды, принадлежащій къ коллегіи кардиналовъ, навѣрно отыщетъ иной смыслъ въ вашемъ трудѣ.

— Я знаю на кого вы думаете. Это кардиналъ Беллярминъ. Но если онъ и захочетъ, то не сможетъ повредить мнѣ: папа Григорій отклонитъ его и онъ не будетъ имѣть вліянія.

— Григорій боленъ, онъ уже восьмидесятилѣтній старецъ, а Беллярминъ имѣетъ много друзей.

— И я имѣю въ Римѣ вліятельныхъ покровителей, такъ что могу быть спокоенъ за судьбу своего новаго произведенія. Я посвящу его кардиналу Барберини, который другъ науки и ко мнѣ особенно благоволитъ. Я имѣлъ уже доказательство его расположенія ко мнѣ, и если поставлю свое новое твореніе подъ его защиту, могу бодро глядѣть въ будущее.

Упомянутое имя Барберини ясно пробудило въ Кассини мысль, которая иначе ему, можетъ быть, не пришла бы въ голову. Такъ какъ его считали близкимъ другомъ Галилея, то передавали съ разныхъ сторонъ вѣсти о Бернардо Спинелли.

— Знаете ли, — спросилъ Кассини, — что племянникъ Барберини, Бернардо Спинелли, съ недавняго времени живетъ здѣсь, во Флоренціи?

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ <НОВАГО ВРЕМЕНИ>

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Азаревичъ, Д.** Система римскаго права. Университетскій курсъ. Т. II. Ч. 1-я. Варшава. 1888 г. Ц. 2 р.
- Амичись-де, Эд.** Дневникъ школьника (Суоге). Книга для дѣтей. Редакція перевода и предисловіе В. Крестовскаго (псевдонимъ). Съ рисунками. Ц. въ папкѣ 2 р.
- А. Р.** О выгодахъ сельско-хозяйственныхъ предприятий на Черноморскомъ прибрежьи Кавказа. Спб. 1889. Ц. 40 к.
- Андреевъ, Н.** Основной курсъ аналитической геометріи. Ч. II. Геометрія въ пространствѣ. Харьковъ. 1888 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Андреевъ, П.** Русскій товарный словарь. Пособіе къ товаровѣдѣнію. Спб. 1889. Ц. 3 р. 50 к.
- Андерсенъ.** Полное собраніе сказокъ. Переводъ Марка Вовчка. Съ рисунками. Т. II. Изд. 4-е. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Апраксинъ, А. Д.** Дѣло чести. Повѣсть изъ великосвѣтскаго быта. Изд. 2-е. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Апраксинъ, А. Д.** Празднне люди. Романъ. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Бабиновъ, А.** Паровозъ. Изъ юношескихъ воспоминаній. Съ рисунками. Спб. 1888 г. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.
- Баталинъ, Ѡ. А.** Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяина на 1889 г. Спб. Ц. 2 р.
- Балашевъ, В. и В. Марневичъ.** Судебный календарь на 1889 г. Спб. Ц. 1 р.
- Баранцевичъ, К. С.** Новне рассказы. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Баронъ.** Система римскаго гражданскаго права. Вып. I. Кн. 1-я. Кіевъ. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. Вып. II. Кн. 2-я и 3-я. Ц. 1 р.
- Бернгеймъ.** О гипнотическомъ внушеніи и примѣненіи его къ леченію болящей. Съ рисунками. Одесса. 1888 г. Ц. 2 р.
- Бисмаркъ.** Изъ рѣчей до учрежденія Сѣверо-Германскаго союза (1847—1867). Спб. 1889. Ц. 25 к.
- Борисовъ, Н. А.** Калевала. Финскія народныя былины для юношества. Съ 7-ю гравюрами. Спб. 1889. Ц. 50 к., въ папкѣ 60 к.
- Богдановъ, А.** Медицинаская зоологія. II. Эмбриональные листы и закладка нервныхъ органовъ. Часть I-я. М. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Брандесъ, Г.** Эрнестъ Ренавъ. Характеристика (Изъ книги „Moderne Geister“). Спб. 1889. Ц. 30 к.
- Булгановъ, Ѡ. И.** Альбомъ русской живописи. Картины В. Д. Орловскаго. Спб. Ц. 2 р.
- Булганова, З. Н. и В. А. Данилова.** Новые иллюстрированныя рассказы для дѣтей средняго и старшаго возраста. Съ рисунками. Спб. 1889. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.
- Бунге, Н. А.,** проф. Химическая технологія. Ч. II. Съ атласомъ. Кіевъ. 1888 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Бѣжецкій, А. Н.** Дѣтская любовь. Повѣсть. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Бѣлонуровъ, С. А.** Матеріалы для русской исторіи. М. 1888 г. Ц. 3 р.
- Бѣлонуровъ, С. А.** Указатель къ чтеніямъ въ Имп. Обществѣ исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ за 1882—1887 гг. М. 1888 г. Ц. 50 к.
- Бѣлонуровъ, С. Адамъ** Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII в. М. 1888 г. Ц. 50 к.
- Бѣшенцевъ, А.** Ссылная. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Изд. 2-е. М. 1888. Ц. 75 к.
- Венда, Н. и В. Віорогурскій.** Косметики, ихъ химическій составъ, примѣненіе и вредъ для здоровья. Одесса. 1888 г. Ц. 75 к.
- Венгеровъ, С. А.** Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 14. Спб. 1888 г. Ц. 35 к.

- Владиміровъ, А. и Л. Сперанди.** Стихотворенія. Одесса. 1888 г. Ц. 1 р.
- Владимірскій-Будановъ, М.** Христоматія по исторіи римскаго права. Вып. I. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Виллемсъ, П.** Римское государственное право. Переводъ съ французскаго подъ редакціей П. Н. Бодянскаго. Вып. I. Кіевъ. 1889 г. Ц. 2 р.
- ? О женщинахъ.** Мысли старья и новья. Изд. 8-е. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Вороненонъ.** Разсказъ въ стихахъ и рисункахъ. В. Буша. Спб. Ц. въ перепл. 1 р. 25 к.
- Вундтъ, В.** Этика. Изслѣдованіе фактовъ и законовъ нравственной жизни (Die Ethik). Отд. II и III (окончаніе). Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Габбе, В.** Приключенія капитана Гатраса. Народное изданіе, составл. по Ж. Верву. Спб. 1888 г. Ц. 20 к.
- Гаймъ, Р.** Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Т. II. М. 1888 г. Ц. 5 р.
- Глубоковскій, М. Н.** Гигіена голоса. М. 1889 г. Ц. 1 р.
- Генкель, Г.** Дѣти. Спб. 1888 г. Ц. 30 к.
- Гете.** Фаустъ (обѣ части). Въ переводѣ А. Фета. Со множествомъ эстамповъ на мѣди и гравюръ на деревѣ по рисункамъ Энгельберга Зейбертца. Спб. Ц. въ шагренев. перепл. 40 р.
- Гориневскій, В. В.,** врачъ. О воспитательномъ и образовательномъ значеніи гигиены и о способахъ наилучшей ея популяризаціи. Спб. 1888 г. Ц. 50 к.
- Добржинскій, К. А.** Карманный календарь на 1889 г. Спб. Ц. 1 р. 20 к.
- Достоевскій, Ф. М.** Полное собраніе сочиненій. Изд. 3-е. Ц. по подпискѣ за 12 т. 10 р. Вышелъ т. XII.
- Дубровинъ, Н.** Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Т. VI. Спб. 1888 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Е...дъ, Ф. Р.** Алфавитный списокъ греческихъ глаголовъ. Харьковъ. 1888 г. Ц. 20 к.
- Епиптетъ.** Основанія стоицизма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ. Спб. 1888 г. Ц. 25 к.
- Житковъ, С.** Правила составленія смѣтъ производства работъ и технической отчетности по вѣдомству путей сообщенія. Спб. 1888 г. Ц. 1 р.
- Житковъ.** Устройство отхожихъ мѣстъ въ казармахъ. Съ чертежами. Спб. 1888 г. Ц. 2 р.
- Жунъ, В.** Мать и дитя. Гигіена въ общедоступномъ изложеніи. 3-е вновь просмотрѣнное и дополненное изданіе. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Згурскій, Н. В.** Уроки геометріи. Програмназическій курсъ. Кутаисъ. 1888 г. Ц. 50 к.
- Зола, Э.** Грезы (Le Rêve). Романъ. Съ 47 иллюстр. Жанье, съ портрет. и автограф. автора. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Зыбинъ, Н.** Руководство къ кораблевожденію. Ч. I. Навигація. Изд. 3-е. Спб. 1889. Ц. 4 р. 50 к.
- „Искорна“.** Книжка для дѣтей. Спб. Ц. 1 р.
- * Историческая портретная галлея. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, съ краткими ихъ біографіями. Фотогипи съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXV. Спб. Ц. 2 р.
- Наманинъ, И.** Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебургскому праву. Кіевъ. 1888 г. Ц. 75 к.
- Наратыгинъ, П.** Дѣла давно минувшихъ дней. Историческій романъ. Изд. 2-е. Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Нартевъ, Н.** „Паденіе Польши въ исторической литературѣ“. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Клима-разина и три шалуна.** Разсказъ въ стихахъ дяди Коли. Спб. 1888 г. Ц. въ накѣ 2 р.
- „Красный цвѣтъ“.** Литературный сборникъ въ память В. М. Гаршина. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Кругловъ, А. В.** Котофей Котофеевичъ. Повѣсть въ 2-хъ частяхъ, съ рисунками. М. Ц. 1 р. 25 к.
- Ландцертъ, В. П.** Спутникъ по Россіи. Зимнее движеніе 1888—1889 гг. Спб. Ц. 60 к.
- Лашнаровъ, П.** Право церковное въ его основахъ, видахъ и источникахъ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р. 75 к.
- Лейкинъ, Н. А.** Въ ожиданіи наслѣдства или страница изъ жизни Кости Бережкова. Романъ. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Лейкинъ, Н. А.** Кумъ-пожарный. Шуточныя сценки въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1888 г. Ц. 25 к.
- Левитскій, С.** Православіе и народность. Критическіе очерки по вопросамъ философско-богословскимъ и нравственно-педагогическимъ. М. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Лисьи увертки.** Изъ-за яблочковъ. Два разсказа по Бушу. Перев. съ нѣмецк. Дядя Коля. Спб. Ц. 50 к.
- Лихачевъ, Н. П.** Разрядные дѣякія XVI вѣ-

ка. Опыт историческаго изслѣдованія. Поступило въ продажу 300 экз. по 5 р. и для библиографовъ 50 экз. по 7 р. и 15 экз. по 10 р.

* **Львова, А.** Марина Мнишекъ. Историческая поэма въ 5 частяхъ. (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 15 к., въ пакѣ 23 к.

Мантегацца, П. Искусство быть счастливымъ. Одесса. 1889. Ц. 50 к.

Мартенсъ, Ф. Современное международное право цивилизованныхъ народовъ. Т. II. Изд. 2-е, дополн. и исправл. Спб. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.

Межовъ, В. И. Русская историческая библиографія за 1865—1876 гг. включительно. Т. VII. А—М. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

М. Мирянинъ. Мысли и разсужденія по поводу брошюры Льва Толстого „Ma religion“. Сѣдлецъ. 1888 г. Ц. 60 к.

Мордовцевъ, Д. Л. Тѣни минувшаго. Спб. 1889. Ц. 1 р.

Моснальскій, Н. Исторія учебно-хозяйственныхъ заведеній мин. госуд. имущ. съ основанія ихъ до 1888 г. Спб. 1888 г. Ц. 1 р.

Назарьева, К. В. Въ тискахъ. (Романъ). — Опасные люди. Двѣ правды. (Повѣсть). Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.

Направникъ, Э. Ф. Биографическій очеркъ. Изданіе муз. журн. „Баянъ“. Спб. 1888 г. Ц. 25 к.

Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по Центральной Азій. Отдѣлъ зоологическій. Т. I. Млекопитающія. Обработка Е. Бихнера. Вып. I. Спб. 1888 г. Ц. 5 р.

Немировичъ-Данченко, В. Незамѣтные герои. Спб. 1889. Ц. 1 р.

Auvinet, V. Leçons de russe. 2-me livraison. St.-Petersb. 1888. Prix. 50 cop.

Острогорскій, М. Юридическій календарь на 1889 г. Спб. Ц. 1 р.

Памяти В. М. Гаршина. Художественно-литературный сборникъ. Съ портретами и рисунками. Спб. 1888. Ц. 3 р.

Панаевъ, И. Литературныя воспоминанія. Съ приложеніемъ писемъ. Изд. 3-е. Спб. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.

Панаевъ, И. Очерки изъ петербургской жизни Новаго поэта. Ч. I. Изд. 2-е. Спб. 1889. Ц. 1 р. 75 к.

Панаевъ, И. И. Стихотворенія и пародіи Новаго поэта. Съ портретомъ. Изд. 2-е. Спб. 1889. Ц. 1 р.

Православные монастыри и архіерейскіе дома въ Россіи, нынѣ существующіе. М. 1889. Ц. 50 к.

Пиллеръ, О. Еще объ „Игогахъ женскаго образованія въ Россіи“. Одесса. Ц. 15 к.

Подмосковная старина. Изданіе А. Мартынова. Рисунки М. Мартынова. М. Ц. 15 р.

* **Полежаевъ, А. И.** Стихотворенія. Съ биографическимъ очеркомъ, портретомъ и снимками съ рукописей. Подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

* **Пыляевъ, М. И.** Старый Петербургъ. Разказы изъ былой жизни столицы. Съ 122 гравюрами. Изд. 2-е. Спб. 1889. Ц. 3 р.

Рабиновичъ, А. и В. Берманъ. Тезисы кассационной практики по вопросамъ желѣзнодорожнаго права за 1866—87 гг. Спб. 1889. Ц. 75 к.

Радченко, З. Гомельскія народныя пѣсни (бѣлорусскія и малорусскія). Спб. 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Реклю, Элизе. Земля и люди. Всеобщая географія. Т. X. Сѣверная Африка, бассейны Нила. Спб. 1889. Ц. 8 р.

Ренненкампфъ, Н. К. Юридическая энциклопедія. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р. 25 к.

Сазоновъ, Г. И. Неотчуждаемость крестьянскихъ земель въ связи съ государственно-экономической программой. Спб. 1889. Ц. 2 р.

Sallis, Job. Dr. Гипнотическія внушенія, ихъ сущность, клиническое и судебно-медицинское значеніе. Θεοοσία. 1888. Ц. 60 к.

Свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е ноября 1888 г. Спб. Ц. 50 к.

Селивановъ, В. В. Годъ русскаго земледѣльца. Зарайскій уѣздъ, Рязанскій губ. Рязань. 1888 г. Ц. 1 р.

Симоновъ, Л., д-ръ. Руководство къ обойному мастерству и оклейкѣ обоями. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.

Симоновъ, Л., д-ръ. Способы домашняго освѣщенія. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.

Словинскій, А. Дѣтское чтеніе и игры. Ихъ связь и значеніе. Педагогич. эгюдъ. Тифлисъ. 1888 г. Ц. 40 к.

Сональскій, П. Русская народная музыка. Изслѣдованіе. Харьковъ. 1888 г. Ц. 3 р.

Совинскій, В. К. Указатель русскаго литературнаго математикѣ, чистымъ и прикладнымъ естественнымъ наукамъ за 1886 годъ. Кіевъ. 1888 года. Ц. 2 р.

* **Суворинъ, А.** Русскій Календарь на

- 1889 годъ. Спб. Ц. 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ перешлетѣ 1 р. 60 к.
- Тенишевъ, В.** Дѣятельность животныхъ. Изслѣдованіе. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Театраль.** Театральные типы. Воспоминанія режиссера. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Топелиусъ, З.** Сказки. Изданіе 2-е, дополненное 15-ю рисунками. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
- Трачевскій А., проф.** Учебникъ исторіи. Новая исторія. Ч. I. 1500—1750 гг. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- Туншъ, П.** Путешествіе сквозь земной шаръ къ нашимъ антиподамъ. Геологическій очеркъ. М. 1889. Ц. 30 к.
- Тутновскій, П.** Минералогія. Физіографія минераловъ въ синоптическихъ таблицахъ. Кіевъ. 1888 г. Вып. I. Ц. 1 р. Вып. II. Ц. 1 р. 25 к.
- Умовъ, Н.** Памяти Кларка Максвелла. Одесса. 1888 г. Ц. 60 к.
- Успенскій, Глѣбъ.** Сочиненія въ двухъ томахъ, съ погретомъ автора и вступительной статьей Н. К. Михайловскаго. Изд. 2-е, значит. дополн. Спб. 1889. Ц. за 2 т. 3 р.
- Уставъ строительный** (Св. Зак. Т. XII, ч. 1, изд. 1857 г.). Измѣнен. и дополн. узаконеніями, обнародов. по 1-е ноября 1888 г. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Уэллесь, А. Р.** Защита новѣйшаго спиритуализма. Харьковъ. 1889. Ц. 75 к.
- Хандриновъ, М.** Курсъ сферической астрономіи. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Кіевъ. 1889. Ц. 3 р. 75.
- Хвольсонъ, О. Д.** О поляризаціонномъ фотометрѣ Г. И. Вильда для техническихъ цѣлей. Спб. 1888 г. Ц. 20 к.
- Чирихинъ, И.** Солидарность въ обязательствахъ. Казань. 1888 г. Ц. 80 к.
- Шапиръ, Ольга.** Повѣсти и рассказы. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Шпицбургъ, Э. А.** Справочный указатель для чиновъ акцизнаго надзора. М. 1888 г. Ц. 2 р.
- Щетининъ, П. П.** Къ вопросу объ искорененіи нищенства. Спб. 1888 г. Ц. 10 к.
- Юргенсенъ, Т., д-ръ.** Руководство частной патологии и терапіи. Вып. 5-й (последній): М. 1888 г. Ц. 1 р.
- Ящуржинскій, Хр.** Очеркъ археологическихъ развѣдокъ и изслѣдованій въ области Херсонеса Таврическаго. Симферополь. 1888 г. Ц. 20 к.

* Изданія А. С. Суворина.

1839 г.

Г.

1889 г.

50-И ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОДЪ

МУЗЫКАЛЬНАГО ЖУРНАЛА

„НУВЕЛЛИСТЪ“

Въ наступающемъ 1889 году „Нувеллистъ“ кончаетъ первое, полувѣковое свое существованіе. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выразить нашу глубокую благодарность: музыкальнымъ дѣятелямъ, какъ отечественнымъ, такъ и иностраннымъ, помогавшимъ намъ вести наше изданіе, и публикѣ, сочувствіе и поддержка которой давала намъ возможность служить высокой задачѣ, поставивъ назадъ ставшей девизомъ „Нувеллиста“.

Оглядываясь на тяжелое прошлое, пережитое нашимъ журналомъ, мы не безъ гордости высказать можемъ, что силы и энергія, потраченныя редакціею на неустанное, полувѣковое веденіе своей нелегкой работы, нашли себѣ достойную оцѣнку въ средѣ русскаго общества и въ средѣ русской семьи по преимуществу. Предоставленные самимъ себѣ и никогда не пользуясь, ни прямо, ни косвенно, посторонними субсидіями, мы черпали — и духовныя, и матеріальныя средства для веденія журнала только въ общественномъ сочувствіи нашему дѣлу. Это дорогое намъ сочувствіе нынѣ и возлагаетъ на насъ обязательство продолжать наше изданіе и, по мѣрѣ возможности, его совершенствовать.

Желая достойнымъ образомъ ознаменовать окончаніе перваго полувѣка существованія „Нувеллиста“, редакція рѣшила дать въ этомъ юбилейномъ году цѣлый рядъ пьесъ выдающихся композиторовъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, написанныхъ исключительно для юбилейнаго года „Нувеллиста“.

Въ юбилейномъ году будутъ помѣщены сочиненія, между прочимъ, слѣдующихъ музыкальныхъ авторовъ: Рубинштейна, Чайковскаго, А. Н. Сѣрова («Ноктюрнъ» принесенный въ даръ редакціи «Нувеллиста» для юбилейнаго года, сестрою композитора), Направника, Иванова, Соловьева, Дюбюка, Главача, Бориса Шель, Зике, Макарова, Капри, Тивольскаго, Мадашкина, Липина (посмертное сочиненіе), Гуно, Сень-Санса, Массенэ, Годара, Рейнеке, Шарвенка, Мошковскаго, Штрауса и мн. др.

„МУЗЫКАЛЬНО-ТЕАТРАЛЬНАЯ ГАЗЕТА“

будетъ выходить въ продолженіе музыкальнаго сезона — въ январѣ, февралѣ, мартѣ, апрѣлѣ, сентябрѣ, октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ.

► ПРЕМІЯ ◄

ЮБИЛЕЙНАГО ГОДА.

Эта премія будетъ состоять изъ большого художественнаго альбома, въ которомъ будутъ помѣщены автографы знаменитыхъ музыкантовъ, наброски извѣстныхъ художниковъ и портреты выдающихся музыкальн. дѣятелей.

Въ портфель редакціи находятся между прочимъ письма, манускрипты, записки и пр. нижеслѣдующихъ дѣятелей: *Русскихъ*: Алябьева, Балаккрева, Бахметева, Буламова, Варламова, Глянки, Гурилева, Гензельга, Даргомыжскаго, Дюбюка, Давыдова, Дрейшока, Монюшко, Мусоргскаго, Контскаго, Направника, Рубинштейна, Сѣрова, Чайковскаго, Улыбышева и др. *Иностранныхъ*: Беріо, Блументаля, Ш. Велле, Вьетана, Горія, Гуммеля, Делера, Гордиджіани, С. Геллера, К. Майера, Мендельсона-Бартольди, Куллака, Листа, Кл. Шуманъ, Роберта Шумана, Серве, Пансерона, Фетиса, Фильда, Эрнста и др.

Несмотря на большія затраты на изданіе альбома, въ юбилейный годъ редакція не увеличиваетъ цѣны.

Подписная цѣна 5 р., съ дост. и перес. 6 р.

Подписка принимается: Въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „Нувеллиста“ при музыкальной торговлѣ М. Бернарда, Невскій пр., № 64, уголъ Караванной ул., противъ Анничкина дворца. Въ Москвѣ, въ муз. магазинѣ П. И. Юргенсона.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

въ 1889 году

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе:

Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѡ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, П. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. Е., И. Ф. Василевскій (Буква), П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачетъ (Г*), проф. В. П. Даневскій, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависѣцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Кругловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѡ. И. Леонтовичъ, П. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Палеръ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѡ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Северинъ, Л. Н. Трефолевъ, проф. А. С. Трачевскій, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко, А. К. Шеллеръ (Михайловъ) и др.

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода:	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р. — к.
Съ доставкою въ Спб.	13 >	Съ доставкою въ Спб.	7 > 50 >
Съ перес. въ др. мѣста Имперіи	14 >	Съ пер. въ др. мѣста Россіи	8 > — >
Съ перес. за границу	16 >	Съ перес. за границу	9 > — >

Годовые подписчики „НАБЛЮДАТЕЛЯ“, желающіе получить второе изданіе монографій редактора: „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія“, высылаютъ 17 руб. 50 коп. (копѣйки—марками).

Уступка книгопродавцамъ — 50 к. съ годового экземпляра.

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ:	къ 1 мая:	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою	6 >	4 >	3 >
Съ пересылкою	6 >	5 >	3 >
Съ перес. за границу	8 >	5 >	3 >

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уг. Стремян. и Владимірск. ул., д. 1—6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

на сооруженіе въ Москвѣ памятника

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхнымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю. Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями. Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Додурову на установленіи порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю. Это ходатайство было благоблочно принято въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемогуществѣннѣе соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю. Къ первому декабрю 1888 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 30.432 руб. 24³/₄ коп. Пожертвованія принимаются въ конторѣ журнала «Историческій Вѣстникъ», Невскій, 38, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени». Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться расписки въ полученіи денегъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся. соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербурѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей». См. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я, стр. 103-я (такового одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. Журова

Цѣна 25 коп.

Адресующіеся за которою либо книгою прямо къ автору: въ г. Шую, Федору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

НОВЫЯ КНИГИ СЕРГѢЯ АЛЕКС. БЪЛОКУРОВА.

1) **Матеріалы для Русской исторіи.** (Содержаніе: бібліотека и архивъ Коловецкаго монастыря послѣ осады. — Дѣла свят. патрiарха Никона, паче же рещи чудеса врачбная. — *Varia.* — Дѣла о лицахъ говорившихъ нечистойиыя слова. — Посольство Елчина и свящ. Захарьева въ Дадаискую землю въ 1639—40 годахъ. — Московскій печатный дворъ въ 1649 году. — Подметныя письма Годосова, Посошкова и др.). Ц. 3 р.

2) **Адамъ Олеарій о греколатинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII вѣтѣ.** Рефератъ читанный въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда. Ц. 50 коп.

3) **Указатель къ чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1882—1887 годы.** Ц. 50 коп.

Получать можно въ книжныхъ магазинахъ Глазунова и Суворина и у С. А. Бѣлокурова (Садовники, д. церкви Георгія).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

ФЕВРАЛЬ, 1889

СОДЕРЖАНІЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышь. (Историческій романъ). Гл. VI—X. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса .	265
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. III—V. (Продолженіе).	291
III. Ивацъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію. Гл. I. Д. И. Иловайскаго .	334
IV. За кулисами стараго театра. I. Арестованный пѣвецъ. II. Неудачныя чудеса. III. Поѣздка режиссера Лебедева за артистами. IV. Эмма Корнеттъ). Е. Н. Опочинина .	348
V. Родители Гоголя. Гл. III. (Окончаніе). В. И. Шенрока .	380
VI. Типы смутнаго времени. I. Божій воинъ. П. Н. Полевого .	395
VII. Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ. В. Б. Глинскаго .	413
VIII. Учено-литературные труды В. Я. Стоюнина. (Библиографическій обзоръ). Д. Д. Языкова .	445
IX. Воспоминаніе о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. К. А. Вороздина .	451
X. Современная Персія. Гл. IV—V. (Окончаніе). А. Н. Молчанова . Иллюстраціи: Кондитерская на базарѣ.—Персидскій кузнецъ.—Персидскіе типы.—Водоносъ.—Дача близъ Тегерана.—Образчики персидской пластики.—Персидскій циркулярникъ.	461
XI. Критика и библиографія: Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Т. II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. Н. —Учебникъ исторіи проф. А. Травескаго. Новая исторія, ч. I. (1500—1750). Спб. 1889. М. Ф—ва .—Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. О. Н. Роговой. Съ девятью хромолитографіями и съ другими рисунками по акварелямъ академика М. О. Микѣшина. Спб. 1888. Е. П. —Церковная сторожа болгарскаго вопроса. Рѣчь И. Е. Троицкаго. Спб., 1888. С.—Н. И. Гродековъ . Хивинскій походъ 1873 года. Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1888. В. П. —М. П. Розенгеймъ. Стихотворенія. Изданіе четвертое, дополненное (первое посмертное). Съ портретами и библиографическимъ очеркомъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889. С. Тр—ева .—Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга пятая. Москва. 1888. Н. Др. —Скоморохи на Руси. Изслѣдованіе А. С. Фаминина. Спб. 1889. П. П.	480
XII. Заграничныя историческія новости.	500
XIII. Смѣсь: Торжественное засѣданіе Академіи Наукъ.—Чествованіе памяти князя Павла Петровича Вяземскаго въ Обществѣ любителей древней письменности.—Археологическія находки въ Москвѣ.—Столѣтіе Очакова.—Древности Западнаго края.—Раскопки въ Ромнахъ.—Отчетъ о состояніи Карамзинской библіотеки за 1887—1888 библиотечный годъ.—Юбилей Юліана Ивановича Симашко.—Некрологи: графа М. Т. Лорисъ-Меликова, М. Г. Вильде.	509
XIV. Сергій Андреевичъ Юрьевъ. (Некрологъ). Д. Д. Языкова .	518
XV. Замѣтки и поправки: Къ воспоминаніямъ г. Харламова, Генераль-лейтенанта И. И. Тяжелникова .	520
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Владиміра Яковлевича Стоюнина . 2) Мазанилло. Историческій романъ Адольфа Глазера . (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. III и IV (съ четырьмя рисунками въ текстѣ). 3) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина .	

ВЛАДИМІРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ СТОЮНИНЪ.

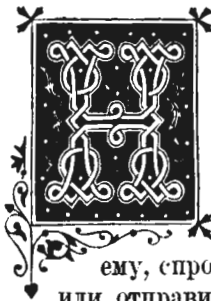

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЪ. ¹⁾

Историческій романъ.

VI.

А ДРУГОЕ утро, около десяти часовъ, проснувшійся Шумскій позвонилъ челоувѣка и потребовалъ трубку. Не смотря на все пережитое и пережитое за послѣднее время, Шумскій все-таки не потерялъ своей привычки начинать курить прямо съ просонокъ, еще въ постели. Челоувѣкъ изъ грузинской дворни, прислуживавшій ему, спросилъ: намѣревается ли баринъ кушать чай у себя, или отправится къ Настасьѣ Федоровнѣ?

— Это что за опросъ такой?—выговорилъ Шумскій.—Когда же это я по утрамъ у Настасьи Федоровны чай пилъ?

Лакей нѣсколько опѣшилъ и выговорилъ виновато:

— Онѣ васъ, слышалъ я, поджидаютъ къ чаю утрешнему.

— Ну, и пускай поджидаетъ.—Прикажи подавать сюда, а самъ приходи меня одѣвать. Да только пожалуйста поскорѣй—все сообрази, да попривыкни смекать.—Не люблю я обучать.

— Нешто прикажете мнѣ за вами ходить, а не Василью?!—удивился лакей.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 7.

— Нѣтъ, я Васьки не хочу.—Онъ будетъ тутъ другимъ дѣломъ занять, что графъ прикажетъ.—Мнѣ его не нужно. Мнѣ изъ васъ кого-нибудь надо порасторопнѣй.

— Слушаюсь,—отвѣтилъ лакей, недоумѣвая.

Шумскій одѣлся, сѣлъ пить чай, выкурилъ пять или шесть трубокъ, совершенно задымивъ комнату, недвижно сидѣлъ въ креслѣ, глубоко задумавшись. Не смотря на нѣсколько осунувшееся лицо, усталый, тускло-мерцающій взглядъ, онъ чувствовалъ себя гораздо лучше, нежели вчера.

«Если такъ пойдетъ, думалось ему, такъ я недѣлки черезъ двѣ совсѣмъ молодцомъ. Совсѣмъ тѣлесно и душевно справлюсь. Да на что оно мнѣ теперь безъ Евы... Какъ это такъ глупо на свѣтѣ бываетъ, что не умираетъ человѣкъ, когда нужно.—Какого мнѣ чорта теперь дѣлать на свѣтѣ. Какъ не рассуждай, а слѣдуетъ всячески постараться помочь Фонъ-Энзе меня убить!—И себя онъ одолжить, да и меня тоже». И, глубоко вздохнувъ, Шумскій заговорилъ шопотомъ:

— Да, рухнуло! И какъ рухнуло. Я думаю, что, если бы башня Вавилонская сразу развалилась, то не было бы отъ нея такого грома и треску, какой я чувствовалъ въ себѣ, въ душѣ, въ головѣ, когда она призналась и мнѣ все сказала. Если бы вѣрить, что это наказаніе Божіе, какъ иной дуракъ, такъ мнѣ бы легче было. Дѣлалъ всякія гадости, ну, и наказанъ, тутъ есть здравомысліе. Но если добра и зла на свѣтѣ собственно нѣтъ и, стало быть, я зла дѣлать не могъ, то почему же все это? За что?! Гдѣ справедливость: заварили кашу дуболомъ и пьяная баба, а я расхлебывай!.. Ну, вотъ теперь и надо по мѣрѣ силъ постараться, чтобы и они подсѣли вмѣстѣ со мной хлебать. И заставлю я васъ, Ироды!—вдругъ выговорилъ Шумскій громко.—Да заставлю васъ хлебать вмѣстѣ со мной. И можетъ быть, вы еще пуще меня нахлебаетесь, треснете отъ моего угощенія. Прогони онъ тебя изъ Грузина, и я буду удовлетворенъ.

Шумскій порывисто поднялся съ мѣста, прошелъ по горницѣ нѣсколько разъ, и кликнулъ снова лакея. Снявъ халатъ, онъ надѣлъ сюртукъ безъ эпюлетъ и пошелъ было изъ горницы, но на порогѣ онъ остановился и обратился къ лакею:

— Ты! Сбѣгай къ Настасѣѣ Федоровнѣ, скажи, что я къ ней иду.

Лакей побѣжалъ, а Шумскій медленнымъ шагомъ послѣдовалъ за нимъ. Все время, что онъ шелъ по корридору, на его сумрачномъ лицѣ отражалась странная улыбка. Всякій посторонній, взглянувъ къ ней, назвалъ бы ее дьявольской усмѣшкой, столько горечи, злобы и ненависти было въ ней. Недалеко отъ горницъ Настасьи Федоровны лакей встрѣтилъ Шумскаго и заявилъ, что барыня проситъ пожаловать. Шумскій прошелъ еще нѣсколько дверей и вступилъ въ маленькую горницу. съ мебелью краснаго де-

рева и со множествомъ цвѣтовъ и зелени въ горшкахъ и трельяжахъ. Это была гостиная фаворитки.

Настасья Федоровна стояла среди комнаты и, когда Шумскій вошелъ, она двинулась на встрѣчу къ нему, собираясь обнять его и поцѣловаться.

— Здравствуй, Миша,—произнесла она однозвучно, безъ всякаго выраженія, какъ бы машинально.

Но въ тотъ мигъ, когда Настасья Федоровна подняла руки на молодого человѣка, онъ тоже протянулъ руку и выговорилъ тихо и спокойно:

— Это не нужно.

Настасья Федоровна гнѣвно закинула голову, слегка глянула на него и глаза ея блеснули ярче. Но она тотчасъ же отвернулась и отошла, затѣмъ сѣла и вымолвила нѣсколько насмѣшливо:

— Милости просимъ, садитесь, господинъ фригеръ-тютентъ.

— Пора бы выучить названіе,—грубо выговорилъ Шумскій, садясь на стулъ.

Наступило молчаніе. Шумскій оглядѣлся, перешелъ на кресло болѣе спокойное и прислонился къ спинкѣ, какъ человѣкъ усталый.

Настасья Федоровна не спускала глазъ съ него и покуда длилась пауза разглядывала внимательно и упорно съ головы до пятъ.

— Да здорово измѣнился! Точно будто побывалъ на волоскѣ отъ смерти,—произнесла она, наконецъ.—Неужто же это все отъ столичной веселой компаніи.

— Да,—отозвался Шумскій злобно,—на дурацкомъ волоскѣ и сердцемъ, и разумомъ висѣлъ. Кабы умень былъ этотъ волосокъ такъ оборвался бы. И мнѣ бы лучше было да и вамъ тоже, коли бы я съума спятилъ или застрѣлился...

— Чтѣ ты это? Какъ же это лучше-то было бы. Твоя воля, если тебѣ угодно бѣситься съ жиру, привередничать и не радоваться своей жизни. А мнѣ-то почему лучше было бы? Ты меня не радуешь ничѣмъ, но все же мнѣ не мѣшаешь на свѣтѣ жить.

— По сю пору не мѣшалъ, Настасья Федоровна, а теперь, должно быть, помѣшаю! — страннымъ голосомъ, спокойнымъ, но рѣзко твердымъ, проговорилъ Шумскій, съ ненавистью оглядывая женщину.

Настасья Федоровна широко раскрыла глаза. Главное, удивившее ее, было то, что Шумскій не называлъ ее «матушкой», какъ всегда, а по имени и отчеству.

— Ну-съ,—началъ Шумскій, тяжело вздохнувъ и какъ бы собираясь съ силами.—Давайте разговаривать. Разговоръ будетъ у насъ очень короткій, потому что съ глупыми бабами долго болтать нечего, да и дѣло, которое я до васъ имѣю, уже очень простое дѣло. Позвольте узнать отъ васъ довольно важное и любопытное для меня обстоятельство. Чей я сынъ?

Настасья Федоровна сразу какъ бы оцѣпенѣла, потомъ измѣнилась въ лицѣ и хотѣла отвѣчать, но губы ея задрожали.

— Это что жъ такое? — пробормотала она. — Это ты опять тотъ же вздоръ затѣялъ, что когда въ Пажескомъ былъ?

— Нѣтъ не опять то же. Когда я еще пажемъ былъ, я спрашивалъ у васъ, почему графъ именуется Алексѣемъ, а я именуюсь по батюшкѣ Андреевичемъ. Я понялъ тогда, что я незаконнорожденный сынъ графа Аракчеева, утѣшился вскорѣ и даже объ этомъ и думать забылъ. Я остался въ полномъ убѣжденіи, что я все-таки родной сынъ графа и вашъ. Теперь я желаю, чтобы вы мнѣ снова прямо отвѣчали на мой вопросъ: чей я сынъ?

— Графскій.

— Ложь. Нахальная и преступная выдумка!—вскричалъ Шумскій.

— Что ты путасяшь? Даже сообразить ничего нельзя,—смущенно заговорила Минкина.—Я не пойму. Хорошо, тогда мальчишкой былъ, а теперь большой человекъ. Вранья наслушался и пріѣхалъ со мной о враньѣ губы полоскать.

— Я васъ убѣдительно прошу Настасья Федоровна, — спокойно заговорилъ Шумскій,—не ломаться, не юлить, говорить прямо, толково, и говорить правду. За этимъ я теперь и пріѣхалъ въ Грузино. Вы меня, кажется, хорошо и давно знаете. Неужели вы думаете, что я удовольствуюсь вашимъ кривляньемъ и увертками и уйду, ничего не добившись. Объясните мнѣ толково, зачѣмъ я, будучи еще младенцемъ, очутился въ этомъ проклятомъ домѣ, въ этомъ проклятомъ Грузинѣ, гдѣ нѣтъ ни одного счастливаго человека отъ новорожденного до столѣтняго старика.

Настасья Федоровна уже давно достала платокъ изъ кармана, вытерла губы и носъ, какъ будто хотѣла заплакать, но подобнаго съ ней никогда не случалось. Она умѣла плакать только въ минуты гнѣва и со злости.

— Вы не желаете отвѣчать и говорить со мной? — произнесъ Шумскій.—Такъ я самъ вамъ все расскажу.

— Я не знаю, что говорить. Ты спрашиваешь пустяки. Я тебѣ говорю, что сынъ ты графа и мой, всему свѣту это извѣстно. Что же я буду еще объяснять?!

— Никому ничего не извѣстно,—отозвался Шумскій.—Навѣрное никто ничего не знаетъ. Но весь Петербургъ, уже не говоря о Грузинѣ, всегда поговаривалъ, что я не сынъ графа Аракчеева, что я только вашъ сынъ, а кто мой отецъ—неизвѣстно. Но и это оказалось вздоромъ. Ну, вотъ я теперь и говорю вамъ: я не сынъ графа, но и не вашъ!

— Что ты! что ты!—неестественно фальшивымъ голосомъ воскликнула Настасья Федоровна, но лицо ея все болѣе блѣднѣло, рука, державшая платокъ около губъ, дрожала.

— Объяснять вамъ кто я такой и какъ я попалъ въ этотъ домъ, я не стану, такъ какъ вы лучше меня это знаете, я только пріѣхалъ сказать вамъ, что я это знаю. Вы не хотите признаться, этого и не нужно! У меня есть свидѣтели. Вамъ нуженъ былъ ребенокъ, потому что графъ желалъ якобы наследника своего Грузина. Вы обманули его, обманули всѣхъ, насмѣялись надъ законами и людьми. Для вашихъ подлыхъ расчетовъ, вы отняли меня у родной матери. Теперь я желаю, чтобы графъ зналъ правду, чтобы онъ зналъ, что я не вамъ, ни ему не сынъ, а совсѣмъ чужой человѣкъ. Да я съ дѣтства чувствовалъ это!—вдругъ воскликнулъ Шумскій съ горечью.—Я всегда чувствовалъ это. Я всегда ненавидѣлъ его и всегда презиралъ васъ. Вотъ сегодня я и объясню все это графу Аракчееву.

— Миша! Миша!—отчаянно проговорила Настасья Федоровна и не могла продолжать.

Голосъ ея прерывался. Она закрыла лицо платкомъ и замолчала.

— Миша,—заговорила она снова,—ну, если не для меня. Если я тебѣ ничто. Себя-то за что же ты губишь! Вѣдь ты все теряешь. У тебя все есть. И все это Грузино! Все твое будетъ. Ты все хочешь потерять! Изъ-за чего? Нешто можно такими дѣлами шутить. За что ты хочешь трехъ лицъ губить!

— Я не хочу его обманывать, я не хочу быть вашимъ сообщникомъ. Покуда я ничего не зналъ, я могъ разыгрывать вашу комедію. Но, повторяю: я всегда ненавидѣлъ и васъ, и его. Считая себя сыномъ только незаконнорожденнымъ, я пользовался и положеніемъ, и деньгами. Теперь я не хочу.

Настасья Федоровна схватила себя руками за голову, внѣ себя отъ ярости и воскликнула:

— Ахъ головорѣзъ! Разбойникъ! Вотъ проклятое дѣтище послалъ мнѣ Богъ. Я думала на его счастье, а онъ...

— Ахъ, такъ ты мое счастье устраивала тогда?!—вдругъ выговорилъ Шумскій, внѣ себя отъ злобы и гнѣва.—Это ты мое счастье устраивала, пьяная баба, когда силкомъ отняла меня у бѣдной вдовы и выдала за своего ребенка. Нѣтъ, ты, распутная баба, свои дѣла обдѣлывала. Тебѣ было нужно Аракчеева къ лапамъ прибрать, наследникомъ его подарить. Ну, да что съ тобой толковать. Я только пришелъ тебѣ сказать...—и Шумскій поднялся съ мѣста.—Я пришелъ сказать, что я все знаю и все сегодня же объясню графу.

— Онъ тебя за клеветничанье на мать и выгонитъ вонъ!—воскликнула Настасья Федоровна.—Какъ ценка за ворота вышвырнетъ.

— Нѣтъ, тебя онъ вышвырнетъ, а я самъ уйду.—Слѣдовало бы мнѣ только, прежде чѣмъ изъ этого дома уходить, одно дѣло сдѣлать... Слѣдъ бы тебя, подлую бабу, задуть, или прирѣзать. Да марать руки о такого пса, какъ ты, охоты нѣтъ.

Настасья Федоровна оцѣпенѣла совсѣмъ отъ гнѣва, не двигалась и не могла произнести ни слова. Шумскій стоялъ предъ ней, тяжело переводя дыханіе и какъ бы готовый броситься на женщину.

— Ахъ, ты мерзавецъ! — чрезъ силу вымолвила она, наконецъ, всхлипывая отъ злобы. — Да тебя запороть... Въ Сибирь тебя и Авдотью надо... Если вы графу пикнуть посмѣете, то и тебя, и ее запорять...

— Молчи, пьяная распутница! — глухо проговорилъ Шумскій, наступая и сжимая кулаки. — Молчи! Не тебѣ грозиться мнѣ. Я тебя какъ клопа раздавлю сегодня однимъ моимъ словомъ. А если ты пальцемъ тронешь мою мать, то я тебя прирѣжу — вотъ тебѣ Богъ! Спасибо скажи, что жива еще отъ меня... Да авось Господь пошлетъ тебѣ за все твое окаянство, еще ухлопаютъ здѣсь когда-нибудь... Самъ бы я топоръ на тебя наострилъ, пропояца и развратница... Знаю я, каналья, чѣмъ ты графу мила, чѣмъ ты берешь его, чѣмъ милѣе ему всѣхъ красавицъ земныхъ... Всѣ грузинцы это знаютъ и тебя ниже скотовъ, псовъ и свиней ставятъ. Гадина ты для всѣхъ! Гадина!.. Отродье борова съ вѣдьмой!

Шумскій повернулся и, задыхаясь отъ гнѣва, быстро вышелъ изъ горницы.

— Давай мнѣ судьба на выборъ, — прошептала онъ взволнованно шагая, — кого застрѣлить? — Фонъ-Энзе или эту гадину? И я его упушу? Онъ предо мной не виновенъ. Онъ тоже любить!.. А эта гадина?!.. Охъ, три раза убилъ бы, оживилъ и опять убилъ.

VII.

Вернувшись къ себѣ и успокоившись, Шумскій послалъ за Авдотьей. Когда женщина пришла, онъ внимательно присмотрѣлся къ ея лицу. Увидя то же, прежнее спокойно-грустное выраженіе, какое было у нея за послѣднее время, Шумскій выговорилъ:

— Настасья тебя стало быть не вызывала для расправы, ты ее сегодня не видѣла и не объяснялась.

— Нѣтъ, вчера она меня пытала, да я сказала, что ты самъ все пояснишь, а теперь шумить у себя на половинѣ.

— Рычить и грызется какъ песь, — усмѣхнулся Шумскій. — Да, теперь изъ-за моего разговора съ ней многіе розогъ отвѣдаютъ. Надо же, треклятой бабѣ, на комъ-нибудь сорвать свою злобу. Ну, а ты, матушка, собирайся. Поди, одѣнься, мы съ тобой отправимся по дѣлу.

— Куда? — удивилась Авдотья.

— Одѣнься, на дворѣ свѣжо, и выходи, а я тебя обожду на крыльцѣ.

Авдотья, недоумѣвая, вышла. Черезъ нѣсколько минутъ, встрѣтившись на крыльцѣ, и женщина, и молодой человѣкъ, двинулись

пѣшкомъ черезъ дворъ на улицу. Послѣ паузы Шумскій выговорилъ:

— Веди меня на то мѣсто, гдѣ ты жила, когда я родился. Избы, говоришь, и слѣда нѣтъ?

— Нѣтъ. Съ той поры вѣдь тутъ все перемѣнилось. Видишь какіе дома повыстроены. Тогда простыя избы мужицкія стояли.

— Все равно, мѣсто покажешь мнѣ, гдѣ я постылый свѣтъ Божій увидѣлъ.

— Какъ бы насъ, Миша, изъ дому не запримѣтилъ кто.

Шумскій усмѣхнулся.

— Пускай глядятъ кому любопытно.

Пройдя немного по гладкой, чисто-выметенной улицѣ, гдѣ не было ни соринки, но гдѣ, тѣмъ не менѣе, отъ людей до окошекъ и воротъ, все глядѣло холодно и угрюмо, Авдотья остановилась и указала на одинъ изъ дворовъ.

— Вотъ на этомъ мѣстѣ,—заговорила она, оживляясь,—стояла та изба, куда меня ночью привезли и заперли какъ повинную въ злодѣйствѣ какомъ. Тутъ ты и родился. Здѣсь вотъ дворишка былъ, закуты, колодезь...

— Стало, совсѣмъ и слѣда нѣтъ прежняго,—спросилъ Шумскій, оглядывая большой домъ съ крыльцемъ по срединѣ на каменномъ фундаментѣ, каковы были всѣ дома Грузина.

— Вѣстимое дѣло ничего, только мѣсто, а то и бревнунка никакого стараго не осталось. А ужъ что, Миша, крестьянскаго поту и крови пролито въ этомъ графскомъ строительствѣ.

Постоявъ нѣсколько мгновений, молча и понурившись, Шумскій снова двинулся въ сопровожденіи Авдотьи и затѣмъ вымолвилъ:

— Туда ли мы идемъ-то?—Гдѣ кладбище?

— Оно вонъ тамъ,—показала рукой Авдотья.—Да ты что?

— Пойдемъ на кладбище.

— Зачѣмъ?

— Понятное дѣло зачѣмъ. Ты сказываешь, что могила отца цѣлехонька, что ты ее соблюдала.

Авдотья всплеснула руками и выговорила испуганно:

— Что ты, Господь съ тобой, что ты затѣялъ? Нешто можно. Помилуй Богъ узнаютъ! Что тогда будетъ? Какъ-нибудь послѣ, а теперь какъ можно.

— Полно, матушка,—холодно и мѣрно выговорилъ Шумскій.—Сколько разъ мнѣ тебѣ повторять, что некого мнѣ бояться, что я всякой бодливой коровы больше побоюсь, чѣмъ этого изувѣра грузинскаго. Да и не посмѣетъ онъ меня тронуть. Онъ на бабу и на раба отваженъ.

— А мнѣ-то что будетъ?—всплакнула Авдотья.

— И тебѣ ничего не будетъ. Глупая ты, ну, чудная что ли,—быстро поправился Шумскій.—Развѣ я позволю ему, или Настасьѣ,

тебя тронуть хотя пальцемъ. Я имъ обоимъ головы оторву, коли они за тебя примутся. Сто разъ я тебѣ это сказывалъ и все зря! Какъ объ стѣну горохъ! Ты, знай, свое повторяешь. Какъ я положилъ, такъ и буду поступать, а было рѣшено мною съ этимъ дуболомомъ, и съ этой пьяной канальей, объясниться, и на могилѣ отцовой побывать, а затѣмъ вмѣстѣ съ тобой же обратно въ Питеръ.—Ну, пойдѣмъ.

Авдотья покорно, вздыхая, двинулась и повела сына въ противоположную сторону. Черезъ минутъ десять молчаливаго пути, они приблизились къ кладбищенской церкви. Войдя въ ограду, они пошли тропинкой мимо десятковъ могилъ съ простыми деревянными крестами, раскрашенными разными красками. Здѣсь въ мѣстѣ упокоенія вѣчнаго рабовъ Божіихъ и Аракчеевскихъ была тоже система, распорядокъ, аккуратность. Всякій крестъ былъ видимымъ знакомъ общественнаго положенія похороненнаго, смотря по его колеру. У болѣе зажиточныхъ покойниковъ на могилахъ стояли гладкіе кресты темно-красные и голубые, у другихъ поглубѣ желтоватые и сѣроватые и, наконецъ, у бѣдняковъ плохіе кресты были выкрашены черной краской, или просто смѣсью сажи съ масломъ.

Въ дальнемъ краю кладбища, Авдотья остановилась предъ одной уже сильно-сравнявшейся съ землей могилой. Надъ ней былъ простой, ветхій крестъ прежде черный, теперь порыжѣлый отъ времени и слегка покосившійся на бокъ.

— Вотъ,—выговорила Авдотья.

Шумскій остановился и стоялъ истуканомъ, глядя на порыжѣлую траву бугорка.

— Это, матушка, не значить могилу соблюдать,—произнесъ онъ, наконецъ.—Я думалъ, могила въ порядкѣ совсѣмъ, а это что же такое? Грошевый крестъ, гнилой, торчитъ на бокъ. Какъ же это ты такъ?

— Опасалась я, Миша. Стала бы я подновлять, мало ли бы что вышло. Я и на могилу-то ходила отъ всѣхъ тайкомъ. Деньги у меня были, желаніе, вѣстимо, еще того больше, да страхъ бралъ. Доложать Настасьѣ Федоровнѣ, что я могилку подновляю, она бы въ сомнѣніе пришла.

— Въ какое сомнѣніе? Ей-то что же?

— А кто же ее знаетъ. Съ ней противничать погибельно. Заставляла же она меня часто инымъ гостямъ своимъ сказывать, что я, кормилица твоя, отродясь замужемъ не была и срамила меня. А я тутъ стала бы мужнину могилу подновлять.

Шумскій двинулся отъ могилы, ни слова не говоря, и, уже приближаясь къ церкви, увидѣлъ двухъ мужиковъ, которые копали свѣжую яму. Онъ позвалъ ихъ. Мужики, при видѣ барина въ мундирѣ, и догадываясь кто это можетъ быть, снимавъ шапки, бросились къ нему.

— Добѣгите къ батюшкѣ и попросите его сюда въ облаченіи панихиду служить.

— Что ты, Миша,—вдругъ воскликнула Авдотья, хватая молодого человѣка за руку.

Отъ перепуга женщина сразу измѣнилась даже въ лицѣ.

— Скажите, Михаилъ Андреевичъ приказалъ звать,—добавилъ Шумскій мужикамъ, не поглядѣвъ на мать.

— Миша, ради Создателя, брось. Зачѣмъ же дразниться. Ну, дѣйствуй, какъ знаешь, объясняйся съ нимъ, говори свое, а зачѣмъ же тебѣ задирать его, дразниться.

Шумскій усмѣхнулся.

— Да, вотъ именно какъ ты сказываешь. «Дразниться!» Вотъ это-то я и буду дѣлать. Объясниться-то мы можемъ съ нимъ, съ идоломъ только одинъ разъ. А мнѣ этого мало, на сердцѣ не полегчаетъ. А вотъ именно «дразниться», я могу сколько хочу, хоть всякій день и круглый годъ. Вотъ въ этомъ-то все мое утѣшеніе. Нынче мы съ нимъ поговоримъ, я его нѣкоторыми словами, какъ тумачами по головѣ, отзвоню и онъ у меня опалѣетъ. Можетъ быть, потомъ онъ и ее поколотить. Да черезъ недѣлю, боюсь я, онъ проститъ все, помирится съ ней и заживутъ они опять счастливо. А вотъ «дразниться» я могу и недѣлю, и мѣсяцъ, и годъ, и всю мою жизнь. И этимъ-то я ихъ и проберу. Предъ цѣлымъ свѣтомъ на смѣхъ подыму, поясняя какъ они дѣтей воруютъ...

Авдотья стояла потупившись и только смутно понимала, что хочетъ сказать сынъ.

— Что же, Господу Богу молиться на могилѣ въ насмѣшку,—произнесла она наконецъ.—Ну, хотѣлъ бы ты по родителѣ панихиду отслужить, ну отслужилъ бы, не на мѣстѣ. И въ Питерѣ можно, безъ смѣха. А этакъ не хорошо. Кто же когда на свѣтѣ панихиду на смѣхъ служить.

Шумскій положилъ руку на плечо матери и выговорилъ мягче:

— Ты не такъ поняла, матушка, я хочу служить панихиду по долгу сыновнему, а не въ насмѣшку. А узнаеть Аракчеевъ, я радъ буду... Пусть бѣсится!

Въ эту минуту на кладбищѣ показались нѣсколько человѣкъ, приближавшихся быстро и какъ бы смущенно. Впереди шель священникъ въ облаченіи, за нимъ дьячокъ съ кадиломъ и причетникъ. Старикъ священникъ еще издали, за нѣсколько шаговъ, уже началъ кланяться. Шумскій двинулся къ нему на встрѣчу, подошелъ подъ благословеніе и затѣмъ вымолвилъ:

— Позвольте попросить васъ, батюшка, отслужить панихиду.

— Гдѣ прикажете?—отозвался священникъ.—И по комъ?

— За мной пожалуйте. По рабѣ Божьемъ Іоаннѣ.

Шумскій пошелъ впередъ, за нимъ Авдотья, а за нею остальные. Приблизясь къ той же убогой могилкѣ, Шумскій приказалъ на

нее рукой. Всѣ три служителя кладбищенской церкви, недоумѣвая, принялись за свое дѣло и запѣли громко и сиповато. Шумскій стоялъ недвижно и не крестяся. Не только рукой, но даже бровью не двинулъ онъ. Правая рука его была заложена за бортъ сюртука, въ лѣвой онъ держалъ снятый картузь. Глаза были опущены въ землю.

Авдотья опустила на колѣни и какъ ни старалась не могла перебороть себя и плакала навзрыдъ. Поступокъ ея Миши, о которомъ она ничего не знала заранѣе и, конечно, и помышлять не смѣла, сильно подѣйствовало на нее. Ей, разумѣется, никогда и не мерещилось, что придетъ день, когда она, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, будетъ надъ этой могилой служить панихиду. Священникъ кончилъ и, повернувшись къ Шумскому, поклонился ему въ поясъ.

— Давно ли изволили къ намъ пожаловать,—счелъ онъ долгомъ начать бесѣду съ молодымъ баринномъ.

— Вчера ввечеру,—отозвался Шумскій.

— Должно быть, могилка-то сродственника валшей нянюшки?— по природной болтливости, спросилъ священникъ.

Шумскій хотѣлъ что-то отвѣтить, но слова будто замерли у него на губахъ.

— А не хорошо, Авдодья Лукьяновна,—заболталь опять попъ.— Я въ первый разъ на этой могилѣ служу. Какъ же это вы ни разу не подумали? Я и не зналъ. Вишь и крестъ покосился. Знали бы мы, смотрѣли бы за могилой. Кто же тутъ, стало быть похороненъ у васъ Авдотья Лукьяновна.

Женщина быстро взглянула на Шумскаго, потомъ перевела глаза на священника, промычала что-то безсвязно и смолкла.

— Здѣсь похороненъ,—твердо, но какъ-то грубовато и хрипиво, проговорилъ Шумскій,—похороненъ мужъ Авдотьи Лукьяновны и, стало быть, мой отецъ.

Священникъ, дьячокъ и причетникъ, всѣ трое заразъ какъ по командѣ вытаращили глаза. Двое разинули рты, а третій, напротивъ, сжалъ губы, но зато еще сильнѣе пучилъ свои маленькіе глазки. За нѣсколько секундъ молчанія въ умѣ священника, вѣроятно, мелькнуло, скользнуло что-то: воспоминаніе, или соображеніе! Или слышанные имъ тайно, подъ страхомъ отвѣтственности, пересуды и расказни грузинскіе.

Священникъ вдругъ слегка измѣнился въ лицѣ и оно изобразило лишь одинъ неподдѣльный, отчаянный испугъ.

— Я ужъ на васъ, Михайлъ Андреевичъ... Я на васъ полагаюсь... Господа Бога ради!.. У меня шестеро дѣтокъ...

И священникъ не могъ договорить, такъ какъ голосъ его дрожалъ и рвался.

— Что вы?—холодно спросилъ Шумскій.

— Я на васъ, Михайлъ Андреевичъ, полагаюсь. Если что...—

Защитите.—Я не виноватъ.—Я не зналъ.—Вы приказали...—Я и пошелъ служить.—Я же ничего не зналъ.—Такъ я графу и доложу, а вы не дайте въ обиду! Не губите дѣтокъ, семью...

И священникъ все нагибался ниже и ниже. Казалось, еще мгновеніе и онъ бросится въ ноги.

— Чего же вы сдуру перепугались?—произнесъ Шумскій еще холоднѣе и еще глуше.

Ему вдругъ почудилось, что-то оскорбительное въ этомъ страхѣ попа, ставившее его самого въ глупое положеніе.

— Сами изволите вѣдать, я не при чемъ. Вы прислали явиться панихиду служить.—Я же ничего не зналъ и—вотъ Господь Богъ—и не знаю.

Шумскій вдругъ усмѣхнулся своей злой и ядовитой улыбкой и вымолвилъ:

— Нѣтъ, батюшка, кабы вы ничего не знали, такъ вы бы теперь и не перепугались, вы все знаете и все знали!—Вы, стало быть, знали еще тогда, когда я самъ, родной сынъ этого похороненнаго здѣсь, ничего не зналъ.—И не вы одни, всѣ знали. Одинъ я не зналъ.

— Помилосердитесь!—всхлипнулъ священникъ, понявъ слова по своему.—Вы приказали, я не смѣлъ ослушаться.

— Успокойтесь,—небрежно, но желчно вырвалось у Шумскаго.—Вы свое дѣло дѣлали: позвали васъ для панихиды, вы и служили.

Шумскій тронулъ за руку Авдотью и умышленно выговорилъ:

— Пойдемъ, матушка.

Когда они были за церковной оградой, Авдотья, все еще съ краснымъ заплаканнымъ лицомъ, закачала головой и произнесла съ отчаяніемъ:

— Что ты творишь, Миша,—Что ты творишь? Себя ты порѣшилъ загубить, но за что же ты другихъ, безвинныхъ, губишь. Вѣдь сутокъ не пройдетъ, графъ можетъ и батюшку и всѣхъ кладбищенскихъ во прахъ обратить. А это человѣкъ сердечный, добрый, всѣ его уважають, и семейный.—Ты эдакъ и младенцевъ безвинныхъ перегубишь. Ты дразнишься, а все Грүзино, гляди, нынѣ же кровью обольется... Они твою вину на рабахъ сорвуть.

Шумскій вздохнулъ и ничего не отвѣтилъ.

VIII.

Едва только Шумскій вернулся въ домъ, какъ къ нему явился человѣкъ и доложилъ, что графъ проситъ его къ себѣ. Молодой человѣкъ, не ожидавшій, что придется тотчасъ же идти къ Аракчееву съ своимъ роковымъ объясненіемъ, слегка смүтился, но тотчасъ же оправился и взбѣсилъ на самого себя.

— Струсилъ!—иронически выговорилъ онъ шопотомъ и, двинувшись черезъ домъ по направленію къ кабинету Аракчеева, онъ чувствовалъ въ себѣ лишь одно сильное озлобленіе. Сначала это была злоба на самого себя за то, что онъ унизился, почувствовавъ страхъ и смущеніе, а затѣмъ уже явилось злобное раздраженіе на всѣхъ и на все окружающее... отъ графа и до трусливаго кладбищенскаго попа, поставившаго его въ нелѣпное положеніе.

«Подарю я тебя вѣсточкой, дуболомъ»,—подумалъ Шумскій, переступая порогъ кабинета графа.

Аракчеевъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, на которомъ кистями лежали бумаги, но передъ нимъ не было ни одной, а лежало развернутое Евангеліе.

Здѣсь, у стола, Шумскому пришло на умъ нѣчто, о чемъ онъ, идя, не подумалъ: «Здороваться ли съ графомъ обычнымъ образомъ, или нѣтъ?»

Когда-то онъ прикладывался къ обшлаго рукава въ качествѣ сына. Теперь, чужой человѣкъ, обязанъ ли онъ облобызывать сукно мундира этого всячески ненавистнаго ему человѣка. И вдругъ коварная мысль мелкнула въ головѣ его: чѣмъ вѣжливѣе и нѣжнѣе начнется это свиданіе, тѣмъ крѣпче неожиданнѣе и чувствительнѣе будутъ тѣ удары, которые онъ нанесетъ въ сердце этого человѣка.

А человѣкъ этотъ настолько сухъ, бездушнѣе, настолько деревяннѣе, что нужны сильные нравственные тумачи, что бы его пробрать и встряхнуть. Шумскій, внутренне смѣясь, наклонился, Аракчеевъ поднялъ руку и молодой человѣкъ приложился губами къ обшлагоу.

— Вонъ,—выговорилъ Аракчеевъ, мотнувъ головой на стулъ съ другой стороны стола.

Шумскій сѣлъ и устремилъ взоръ на графа. Тотъ сидѣлъ, опустивъ на книгу свои глаза съ галчьими вѣками. Толстыя губы его топырились, какъ показалось Шумскому, особенно пошло. Мясистый какъ бы опухшій носъ, слегка вздернутый вверхъ, тоже казался ему на этотъ разъ особенно уродливымъ. Короткіе и курчавые какъ у негра волосы, жесткіе и блестящіе, положительно не шли къ аляповатому лицу.

Всѣ эти завитки и колечки съ легкой просѣдью, казались парикомъ, въ шутку сдѣланнымъ изъ мерлушки и вдобавокъ приготовленнымъ для инаго болѣе красиваго лица.

«Стриженная кухарка Агафья въ генеральскомъ мундирѣ!»—подумалъ Шумскій, вдругъ снова озлобясь.

— У матери былъ?—въ носъ мыгнулъ Аракчеевъ, не разжимая губъ.

— У Настасьи Ѳедоровны?—какъ бы поправляя, вымолвилъ Шумскій и прибавилъ:—былъ-съ.

Аракчеевъ двинулъ не спѣша галчыми вѣками и тускло-стеклянные глаза, какъ у куклы, уперлись въ молодого человѣка.

— Это что же такое?—выговорилъ онъ мѣрно.

Шумскій молчалъ, принявъ наивно-равнодушный видъ.

— Что же это такое? спрашиваю я васъ, сударь мой.

— Какъ-съ?—будто заискивающе произнесъ Шумскій.

— Такъ-съ!—отозвался, передразнивая, Аракчеевъ и вторя тѣмъ же тономъ.

Наступило молчаніе, и тишина, нарушаемая лишь сопѣньемъ графа, длилась долго.

Тутъ два человѣка вдругъ захотѣли другъ друга переупрямить. Одинъ ждалъ отвѣта на вопросъ, а другой не хотѣлъ отвѣчать, а хотѣлъ, чтобы ему еще разъ предложили этотъ важный вопросъ, но яснѣе и опредѣленнѣе.

— Мало, мало. Да, мало, тебя драли,—выговорилъ наконецъ одинъ изъ двухъ, не подымая глазъ.—Теперь поздно. И если драть нельзя, то надо будетъ выискать что-либо прямо соответствующее. По какому случаю и съ какого чорта?—Что приключилось, чтобы осмѣлиться свою родительницу дерзновенно вдругъ называть Настасьей Ѳедоровной.

— Вотъ за этимъ собственно я и пріѣхалъ, чтобы вамъ объяснить все...—отвѣтилъ Шумскій умышленно небрежно.—Подробно объяснять не стоитъ.—Достаточно сказать лишь нѣсколько словъ, по которымъ вы уразумѣете все.—Я называю вашу сожительницу не матушкой, а...

Аракчеевъ быстро вскинулъ глазами на Шумскаго, и тотъ невольно запнулся подъ ярко сверкнувшимъ взглядомъ. Это была ужъ не кукла, а звѣрь!

— Я называю ее Настасьей Ѳедоровной по той причинѣ,—продолжалъ онъ тверже,—что она мнѣ не мать.

— Ты что же это... Допьянствовался до умоизступленья, до потери разума, до синенькихъ чортиковъ!—хрипливо вымолвилъ Аракчеевъ, отъ приступа гнѣва, сдавившаго горло.

— Соизвольте, ваше сіятельство, понять... Я родился не отъ Настасьи Ѳедоровны, она мнѣ не мать! Вы же мнѣ не отецъ, а совсѣмъ чужой человѣкъ! Все это мошенническій обманъ и преступная комедія.

И сказавъ это, Шумскій пристально впился глазами въ Аракчеева, чтобы насладиться тѣмъ, что произойдетъ въ этомъ человѣкѣ. Но черезъ мгновеніе на лицѣ Шумскаго было написано удивленіе. Съ звѣремъ-человѣкомъ ничего не случилось. Лицо его не измѣнилось ни на каплю, а если что и произошло тамъ, гдѣ-то, гдѣ у людей бываетъ сердце, то ничего наружу не вышло. Онъ только громче сопѣлъ...

— Рассказывай, сударь, побасенку потолковѣй, съ началомъ, съ

середкой и съ концомъ,—вымолвилъ Аракчеевъ, ухмыляясь ехидно, но тревожный голосъ слегка измѣнялъ ему.

— Что же вамъ собственно угодно знать? Какъ все произошло? Откуда меня достали?—Какъ выдали за своего и за вашего сына? Это, я полагаю, вамъ расскажутъ лучше меня всѣ грузинцы. Всѣ здѣсь знаютъ то, чего только мы двое не знали—вы да я... Последній хамъ въ домѣ можетъ рассказать вамъ какъ меня въ ваше отсутствіе притащили новорожденнымъ во флигель и какъ выдала меня за своего ребенка ваша сожительница, которая сама и не могла имѣть никакого ребенка, ибо, прикидываясь, только носила подушку. Я же сынъ родной Авдотьи Лукьяновны. Да-съ!—И если вы не хотите заставить объяснить все сами Настасью Федоровну, позовите мою мать, а то любого хама изъ дворни... Я отвѣчаю вамъ, что каждый изъ нихъ знаетъ подробно какъ надъ вами потѣшилась ваша сожительница.

Шумскій смолкъ. Аракчеевъ вдругъ двинулся и не просто вздохнулъ, а какъ-то протяжно выпустилъ при себѣ духъ, какъ если бы пробѣжалъ версту, не переводя дыханія, или бы окунулся сразу въ холодную воду.

«Пробираетъ, соколикъ. Родненькій! Желанный! Касатикъ!» Мысленно издѣвался надъ нимъ Шумскій.

Наступило молчаніе и длилось минутъ пять, которыя, однако, показались Шумскому цѣлымъ часомъ.

— Если все ложь, что мнѣ тогда сдѣлать?—глухо выговорилъ наконецъ Аракчеевъ.—Что мнѣ учинить съ тѣмъ негодяемъ, который, собравъ охапку всякихъ сплетенъ, клеветничаетъ на уважаемую мною особу, позорить любимую мною женщину, выше которой я на свѣтѣ не знаю, выше которой на свѣтѣ нѣтъ! Да!—вдругъ громко, на весь кабинетъ, крикнулъ Аракчеевъ:—Нѣтъ на міру женщины выше Настасьи Федоровны. Всѣ какія есть на свѣтѣ женщины, хотъ бы принцессы и королевы, всѣ ей въ подметки не годятся. Только холопы разные этого не понимаютъ и грузинскіе и петербургскіе. Да не крѣпостные, а сановные и придворные. А вотъ государь императоръ, тотъ знаетъ и высоко цѣнитъ Настасью Федоровну. И вдругъ ты, паршивый щенокъ, набравъ всякой дряни на языкъ, принесъ ее сюда и сорипъ языкомъ, у меня въ кабинетѣ, предъ моею особой. Алтынный поросенокъ порочить особу, кою я не знаю съ кѣмъ и сравнивать... развѣ со святыми угодниками. Ну, такъ если все это—святотатственная клевета на нее, что мнѣ тогда съ тобой сдѣлать.—Говори?

— Что вамъ угодно. Ваша воля...

— Знаю, что моя... Что мнѣ угодно. Ну, такъ вотъ что. Слушай! Дѣло это разсудить не мудрено, сейчасъ же за него и возьмемся. Если, какъ я знаю, окажется на повѣрку, что все это злобная ложь, то я попрошу государя тебя разжаловать въ солдаты и

сослать въ какой дальнѣй полкъ, въ трущобу. Тамъ ты и окопѣвай. Согласенъ?

Шумскій молчалъ.

— Что? На попятный?..

— Нѣтъ-съ, но я не понимаю при чемъ тутъ согласіе мое и чего вы желаете отъ меня.

— Желаю и требую, чтобы ты, поганый щенокъ, выбиралъ... Начинать ли разслѣдованіе этой мерзости, которую ты сюда при-тащилъ на языкѣ, или бросить и постараться даже забыть этотъ паскудный разговоръ, который мы теперь съ тобой ведемъ. Если не начинать ничего, то все останется по старому. Только я буду помнить, что ты на всякую гадость мастеръ. А коли не бросать, а начинать разслѣдованіе, то послѣ онаго быть тебѣ солдатомъ. Согласенъ?

— Согласенъ, — отозвался Шумскій, улыбаясь, — но позвольте... Всякій, какъ я слыхалъ, и торговый договоръ бывалъ на двѣ стороны. Если все окажется ложью и клеветой, то пусть я буду солдатомъ, хоть трубочистомъ. Чѣмъ вамъ угодно. Но если все окажется сущей правдой? Тогда, позвольте узнать, что будетъ?

— Что? Что? — воскликнулъ Аракчеевъ. — Что же тогда? Ничего!..

— Какъ ничего! Если въ дѣлѣ окажется виновной близкая и дорогая особа, такъ ее всячески выгородить. Меня въ случаѣ легкой виновности — сплетничанья — въ солдаты, а кого другого въ случаѣ уголовной виновности милостиво простить, опять ласкать, обожать, ублажать, кормить и поить... возбуждательнымъ сладкимъ винцемъ... предъ отходомъ ко сну!..

— Не твое дѣло, негодяй... это все... — прерывисто проговорилъ Аракчеевъ и голосъ его, сдавленный и сиповатый, выдалъ всю ту бурю, которая вдругъ поднялась въ немъ отъ дерзости молодого человѣка.

— Нѣтъ-съ, мое дѣло, — рѣзко продолжалъ Шумскій. — Коль скоро заранѣе опредѣлено, какъ буду я наказанъ, оказавшись виновнымъ, то я точно также желаю впередъ знать, какъ будутъ наказаны другіе, если я окажусь правъ. — И удивительно право... Говорить, что это не мое дѣло. Надо мной разыграли комедію, меня новорожденнымъ отняли силкомъ, правда, у простой крестьянки, но все-таки у родной матери, и заставили меня эту мать считать прислугой, обращаться съ ней двадцать пять лѣтъ, какъ съ горничной, крѣпостной бабой... Когда цыганки уносятъ и воруютъ дѣтей, — ихъ хватаютъ, судятъ и наказываютъ. А важнаго сановника и его сожительницу заворовство чужого ребенка нельзя, стало быть, наказать. Такъ, если законы и судьи тутъ не властны, то надо самому уворованному, когда онъ выросъ, дѣйствовать и за себя отплатить.

— Пустомеля! Пустозвонъ! Если не сынъ ты, все же мой...

хамъ!..—И Аракчеевъ, схвативъ себя за голову, прибавилъ едва слышно:—выйди вонъ.

Шумскій, вообразивъ, что съ графомъ дѣлается дурно, приподнялся и хотѣлъ уже идти къ окну, гдѣ стоялъ на подносѣ графинъ съ водой, но въ тотъ же мигъ Аракчеевъ дикими глазами глянулъ на него и выговорилъ тверже:

— Скорѣй! Вонъ! А-то убью!

— А-а?—протянулъ Шумскій вдругъ озлобясь и чуть не прибавилъ вслухъ: «вонъ что!..»

— Уйди! — вскрикнулъ Аракчеевъ и сталъ озираться вокругъ себя по столу и горницѣ, какъ если дѣйствительно искалъ что-нибудь, съ чѣмъ броситься на молодого человѣка.

Шумскій повернулся и, дѣланно улыбаясь, двинулся вонъ изъ кабинета. Но въ дверяхъ онъ остановился, какъ если бы самъ сатана удержалъ его и, обернувшись къ графу, выговорилъ мягко, почти привѣтливо:

— Виновать-съ, въ которомъ часу кушаете? Попрежнему въ четыре, или раньше?

Аракчеевъ снова взялся за голову, оперся локтемъ на столъ и повернулся спиной къ дверямъ.

Такъ какъ отвѣтъ былъ не нуженъ, а нужна была одна насмѣшка, то Шумскій тотчасъ же вышелъ и быстро пошелъ черезъ весь домъ, бормоча по дорогѣ:

— Теперь будемте-съ втроемъ расхлебывать. Одному-то было скучно. Извольте, идолы, мнѣ помогать. И авось-то я похлебаю безъ бѣды, а вы-то оба подавитесь.

Черезъ четверть часа необычный шумъ въ домѣ, голоса въ корридорѣ и бѣготня озадачили Шумскаго. Онъ позвалъ лакея и приказалъ сбѣгать узнать въ чемъ дѣло.

Лакей вернулся черезъ минуту оробѣлый.

— Графу приключилось не хорошо. Дохтуръ у нихъ. Да еще за городскимъ въ Новгородъ верховыхъ погнали. Господи помилуй и сохрани!

— Не ври! Вы бы тутъ, всѣ грузинцы, трепака отхватили, еслибъ онъ вдругъ издохъ! — воскликнулъ Шумскій.

Лакей поблѣднѣлъ слегка и оцѣпенѣлъ на мѣстѣ, глядя на молодого барина совсѣмъ шалыми глазами. И услышать-то только, эдакіе слова—Сибирью запахнетъ подъ-носомъ.

— А Настасья у графа?—спосилъ Шумскій.

— Никакъ нѣтъ-съ..—робѣя еще болѣе, отозвался лакей и невольно двинулся къ дверямъ, уходя отъ бѣды.

— Нешто ей не доложили?

— Онѣ были-съ... Графъ не приказали имъ тревожить себя.

— Отправилъ! Не принялъ! Прогналъ!

— Воля ваша-съ... Михайлъ Андреевичъ... а я-съ... я-съ...

И лакей выскочилъ въ двери.

Шумскій, улыбаясь, прошелся по комнатѣ нѣсколько разъ и вымолвилъ вслухъ:

— Ну-съ, ваше сіятельство... Сынка я у васъ отнялъ... Богъ дастъ и персону, «коя превыше всѣхъ принцессъ» тоже отниму. И сиди тогда, людоедъ, одинъ какъ перстъ!

IX.

Весь день въ домѣ было затишье. Все населеніе Грузинской усадьбы, отъ мала до велика, попряталось каждый въ свой шестокъ, такъ же какъ птица прячется предъ грозой. Всѣ грузинцы поняли, что на этотъ разъ молодой баринъ пріѣхалъ по какому-то важному дѣлу, всѣ знали, что между графомъ и Шумскимъ произошло важное объясненіе, но не знали, конечно, въ чемъ оно заключалось.

Всѣ затрепетали когда, по выходѣ Шумскаго изъ кабинета графа, грузинскому владыкѣ приключилась дурнота. Втайнѣ всѣ радовались, что молодой баринъ сдѣлалъ, или сказалъ что-то непріятное Аракчееву, но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ трепетно опасались стать причастными бѣдѣ и безъ вины виноватыми.

Шумскій сидѣлъ у себя въ горницахъ, нетерпѣливо ожидая, какъ «они» расхлебаютъ кашу, которую онъ заварилъ, но до вечера ничего новаго не случилось. Уже часовъ въ восемь онъ послалъ за матерью, чтобы узнать отъ нея что-нибудь. Авдотья пришла встревоженная, съ опухшими отъ слезъ глазами. Она объяснила сыну, что Настасья Федоровна пыталась ее на всѣ лады, чтобы узнать какъ все приключилось и какимъ образомъ Шумскій узналъ то, что 25 лѣтъ было тайной для всѣхъ. Разумѣется, Минкина догадывалась, что дѣло не могло обойтись безъ участія мамки.

— Ну, а ты что же?—рѣзко произнесъ Шумскій.—Небось нюни распустила, покаялась?

— Какъ можно,—отозвалась Авдотья,—нешто могу я покаяться. Они меня до смерти запорять, или въ «едекуль» посадятъ.

— Стало быть, ты на своемъ стояла: знать не знаю и вѣдать не вѣдаю?

— Вѣстимо.

— А мною она тебя пытала?

— Два раза принималась допрашивать, и, наконецъ, до того обозлилась, что собралась было драться, подступила и кулаки подняла. Да вдругъ будто что вспомнила, сама себя ухватила за волосы, затопала ногами и выгнала. Какъ же теперь, родной мой, быть? Я и ума не приложу.

— Что, какъ быть?

— Да, если они опять меня будутъ пытатъ,—и помилуй Богъ— графъ къ себѣ позоветъ. Что же мнѣ тогда дѣлать?

— А все то же, матушка. Говори: знатъ не знаю, вѣдать не вѣдою, откуда оно все вышло. Вы, молъ, у него спросите.

— Ну, а ты-то какъ же?

— Обо мнѣ ужъ не беспокойся, я съ ними разговаривать умѣю. Да и какъ все повернется не вѣдомо. Вѣдь онъ ее къ себѣ не допустилъ.

Авдотья подтвердила то, что Шумскій уже зналъ: въ ту минуту, когда Аракчееву сдѣлалось дурно и все поднялось на ноги въ домѣ, Настасья побѣжала къ графу и, дѣйствительно, не была принята имъ.

Вся дворня, привыкшая къ полновластію фаворитки въ домѣ, не могла понять, или не посмѣла понять, дѣйствительнаго значенія факта. Не зная сущности бесѣды Аракчеева съ Шумскимъ, никто не могъ догадаться, что графъ не пожелалъ допустить до себя и видѣть свою любимицу. Всѣ повторяли разные варианты того, что объяснили Шумскому лакей.

«Графъ не принялъ въ кабинетъ Настасью Ѳедоровну, чтобы ее не напугать и не потревожить».

На вопросъ Шумскаго о Пашутѣ, Авдотья объяснила, что Настасья Ѳедоровна вызывала къ себѣ и дѣвушку и ея брата и допрашивала обоихъ о житѣй-бытѣй въ Петербургѣ, о томъ кого Шумскій наиболѣе видѣлъ за послѣднее время, о баронѣ Нейдшильдѣ и его дочери, но помимо пустого разговора ничего не было.

Отпустивъ мать, Шумскій строго наказалъ ей, что, если на утро она узнаетъ что-либо въ домѣ особо важное, то должна немедленно придти и предупредить его.

— Боюсь я къ тебѣ этакъ ходить,—отозвалась Авдотья.

— Что?—удивился Шумскій.

— Опасаюсь... Буду я этакъ къ тебѣ забѣгать, Настасья Ѳедоровна въ сумнѣніе придетъ и не миновать мнѣ бѣды.

— Да что ты, матушка, разума что ли лишилась!—рѣзко произнесъ Шумскій, но тотчасъ же смягчилъ голосъ и прибавилъ вразумительно тихо,—сколько же разъ мнѣ тебѣ сказывать, что я не позволю имъ ни единого волоса на твоей головѣ тронуть. Пойми же ты это, наконецъ! Пойми ты, что, если Настасья тебя пальцемъ тронетъ, то я ее исколочу собственными кулаками. И она это знаетъ. Пойми, что, если графъ велитъ тебя какъ наказатъ, то я и до его морды доберусь.

— Охъ, что ты! — ахнула Авдотья съ такимъ ужасомъ, какъ если бы сынъ страшно богохульствовалъ.

— Я тебѣ это на всѣ лады объясняю, а ты все трусишь этихъ чертей. Вѣдь право, матушка, зло на тебя беретъ, что не могу я тебѣ въ голову простое дѣло вбить. Мать ты мнѣ, или нѣтъ?—Говори!

— Ну, ну,—отозвалась Авдотья, потупляясь.

— А коли ты мнѣ родная мать, то какъ же я позволю кому-либо тебя тронуть?

— Кому другому, вѣстимо, не дозволишь, а графъ и Настасья Федоровна—люди властные и надъ тобой.

— Пойми ты, что не властны они надо мной. Скорѣй они у меня въ рукахъ. Я могу срамить ихъ на всѣхъ перекресткахъ, что они чужихъ дѣтей отнимаютъ да за своихъ выдаютъ.

— На воспитаніе брать, тутъ худого нѣтъ ничего!—вдругъ заявила Авдотья какъ сентенцію, очевидно съ чужихъ словъ.

— Такъ тогда я могу этого дуболоба срамить иначе на весь Питеръ,—озлобясь, вскрикнулъ молодой человѣкъ.—Я буду рассказывать какъ Настасья девять мѣсяцевъ надувала этого идола подушкой. Думаешь ты, не даромъ сегодня съ нимъ дурнота приключилась. Крѣпокъ дьяволъ! Я было надѣялся, что его хоть малость кондрашка хватить...

— Ну, прости... Я пойду... А то неровень часъ!..—перебила Авдотья.

— Ну, иди... Только помни, если что будетъ новаго, приходи тотчасъ ко мнѣ, коли сплю—разбуди. Да не умничай, слушайся меня. А теперь тотчасъ пошли ко мнѣ Пашуту.

Авдотья ушла, а Шумскій началъ шагать изъ угла въ уголъ по горницѣ, изрѣдка ухмыляясь своимъ мыслямъ, но какъ-то горько, злобно, ядовито. Не смотря на эту, изрѣдка скользившую по лицу, усмѣшку, лицо его было сумрачно, глаза печальны. Пройдясь нѣсколько разъ по горницѣ, онъ остановился, тяжело вздохнулъ и тихо выговорилъ вслухъ:

— Плохо дѣло, если единственная соломенка, за которую я хватаюсь—месть. Эдакая даже ни на что и не нужна. Утопающій думаетъ, что въ соломенкѣ пошлетъ Богъ чудо и она спасетъ его, а я, хватаясь за мою соломенку, знаю, что она не спасетъ меня. Да я и цѣпляюсь то за нее не ради спасенія себя, а будто со злобы, что утопаю, рву все, что подъ рукой. Во мнѣ какое-то дьявольское желаніе, чтобы все гибло кругомъ вмѣстѣ со мной. Вотъ такъ-то въ Священной исторіи Самсонъ потрясъ и разрушилъ цѣлый дворецъ, и себя, и всѣхъ кругомъ убилъ. Вотъ и я также. Да я чувствую, что теперь сдѣлаюсь самый злой, скверный человѣкъ. Не только этого изувѣра и его Настасью, или Фонъ-Энзе, но даже людей совсѣмъ не повинныхъ я въ покоѣ не оставлю. Буду мстить направо и налево всѣмъ, за все. Виновата, лиходѣйка, одна Настасья, но что же я съ ней могу сдѣлать! Будь она не баба, будь офицеръ-дворянинъ, человѣкъ мнѣ равный, я бы застрѣлилъ ее...

Шумскій запнулся и усмѣхнулся.

— Равный!.. Дворянинъ!.. Нѣтъ уже это теперь, братецъ мой, надо оставить,—прибавилъ онъ злобно.

Пройдясь еще нѣсколько разъ по комнатѣ молча, Шумскій закурилъ трубку, сѣлъ въ кресло и черезъ минуту какъ бы нѣсколько успокоился. Онъ сталъ думать о томъ, что неизвѣстно зачѣмъ приказалъ послать къ себѣ Пашуту. О чемъ будетъ онъ съ ней говорить. Объ баронессѣ? Это невозможно. Она отмолчится. Вникнувъ глубже въ свои теперешнія ощущенія, молодой человѣкъ увидѣлъ, что онъ почти безъ ненависти относится къ дѣвушкѣ. Когда Пашута, взятая и приведенная къ нему полиціей, снова сѣла въ квартирѣ почти взаперти и подъ надзоромъ всѣхъ домашнихъ, Шумскій ни разу не видалъ ее близко, не только не объяснялся съ ней. Только предъ отъѣздомъ изъ Петербурга, онъ вызвалъ ее, но не пожелалъ даже взглянуть на нее, а, стоя у стола почти спиной къ ней, остановившейся въ дверяхъ, онъ сказалъ ей, что беретъ ее съ братомъ въ Грузино вмѣстѣ съ собой. Такъ какъ онъ ничего не прибавилъ къ этому, то Пашута, постоявъ съ минуту, сама вышла изъ его горницы. Дорогой Шумскій точно также не видѣлъ Пашуты. Иногда онъ не обращалъ на нее вниманія, занятый докучливыми скорбными мыслями о себѣ... Иногда же при видѣ ея, ему почему-то не хотѣлось глядѣть на нее; было какъ-то тяжело и горько сдѣлать это...

Все-таки она была главная виновница всего!..

Во сколько Пашута была ему ненавистна въ первые дни послѣ письма и отказа барона, во столько теперь Шумскій питалъ къ дѣвушкѣ какое-то странное чувство, почти неояснимое для него. Во время пути отъ Петербурга до Грузина Шумскій много думалъ о томъ, какъ представить онъ Пашуту и Ваську Аракчееву? Какъ виновниковъ всего, или просто какъ крѣпостныхъ людей графа, которыхъ онъ болѣе не желаетъ держать у себя. Везетъ ли онъ ихъ въ Грузино, чтобы отдать на пытку? И на какую пытку?! Почти на медленную смертную казнь! Или же онъ не скажетъ ни слова никому.

И незамѣтно для себя, будто противъ воли, онъ оправдывалъ дѣвушку.

Главной виновницей всего была положительно одна его мать.

Продержавъ и сохранивъ тайну въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, зачѣмъ выдала она ее Пашутѣ! Она наивно рассчитывала на любовь и благодарность Пашуты къ себѣ. Но развѣ можетъ взрослая дѣвушка, которой чуть не тридцать лѣтъ, быть благодарной за то, что ребенкомъ ее спасли отъ смерти, вытащивъ изъ воды? Вдобавокъ ей приходилось выбирать между нимъ—Шумскимъ, котораго она ненавидитъ, и баронессой, которую она стала обожать.

Это, имъ общее, чувство обожанія Евы всего болѣе и дѣйствовало теперь на Шумскаго, сильно и странно вліяло на него.

Пашута оказалась его злѣйшимъ врагомъ, виновницей всего несчастія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она безумно любила ту самую личность, которую безумно любить онъ. Роковое совпаденіе и сдѣленіе обстоятельствъ!

И предъ самымъ Грузинымъ на переправѣ чрезъ Волховъ, онъ какъ бы независимо отъ собственной воли, подъ давленіемъ какого-то смутнаго чувства, мысленно пощадилъ Пашуту, простилъ въ ней главнаго врага своего, почти погубившаго его... но почему?.. Погубившаго ради спасенія Евы, которую онъ обожаетъ. Но если Пашуту простить, то брать ея и подавно ни въ чемъ не виновенъ.

X.

Когда Пашута появилась въ дверяхъ и стала понурившись и опустивъ голову, Шумскій невольно, впервые и внимательно при-смотрѣлся къ ней. Дѣвушка за послѣднее время страшно похудѣла и поблѣднѣла, и впалыя щеки, обострившійся носъ, отгнѣнные синевой глазъ—все казалось было послѣдствіемъ трудной болѣзни, отъ которой болѣвшая якобы только-что встала.

Невольно вспомнилъ Шумскій, что эта красивая дѣвушка, прежде высоко-державшая голову, веселая, бойкая, смѣливая, теперь уже давно, еще въ Петербургѣ, съ той минуты, что полиція доставила ее какъ бѣглую, потомъ дорогой и, наконецъ, въ эту минуту, все одинаково стоитъ сгорбившись, согнувшись, уронивъ голову на грудь, съ руками безжизненно висящими по бокамъ туловища.

Она приговоренная къ смерти!..

И вдругъ въ эти минуты почти перваго свиданія ихъ, Шумскій, оглядѣвъ Пашуту, вздохнулъ и подумалъ, что сдѣлалъ бы лучше, если бы оставилъ ее у Евы, и не только не мѣшалъ, а помогъ, чтобы Аракчеевъ продалъ ее барону.

— Ну, Пашута,—заговорилъ Шумскій умышленно сухо,—что же мнѣ теперь съ тобой дѣлать?

Дѣвушка не шелохнулась, бровью не двинула.

— Завтра расправа будетъ,—продолжалъ Шумскій,—очухается нашъ дуболомъ, притянетъ Настасью къ Иисусу, а тамъ и за васъ всѣхъ примется. А вѣдь на тебя розги двойную силу возымѣютъ: и тѣлу, и душѣ больно будетъ. Душѣ, пожалуй, еще больнѣе. Ты видишь, барышня какая. Тебѣ оскорбительное хуже, чѣмъ больное... Тебѣ, поди, что двѣ розги, что сотня.—все равно. Что же ты молчишь?

Пашута не отозвалась, слегка двинула плечами и не смотря на видимое желаніе подавить и скрыть глубокой вздохъ, все-таки не скрыла его. Грудь ея высоко поднялась и глубокой протяжный вздохъ страдающаго человѣка явственно послышался въ комнатѣ.

Наступило молчаніе.

Шумскій задумался, стараясь вспомнить, какія причины заставили его когда-то выписать въ Петербургъ именно эту дѣвушку себѣ въ помощь и приставить къ баронессѣ въ качествѣ ея горничной и своего тайнаго шпіона и помощника. Не падѣ его выборъ на эту Пашуту, а на какую-либо другую дѣвушку грузинскую, то все повернулось бы иначе. И пожалуй во сто кратъ ужаснѣе, не только для Нейдшильдовъ, но и для него. Теперь онъ, вѣроятно, уже былъ бы солдатомъ! «Ничего не разберешь,—мысленно проговорилъ онъ.—Ничего окончательно не разберешь. Что хуже? Что лучше? Есть ли виноватые? Самъ Господь Богъ не рассудитъ всего этого!»

— Ну, Пашута, слушай,—заговорилъ онъ, наконецъ, спокойнымъ, отчасти даже печальнымъ голосомъ.—Тебѣ ничего не будетъ! Я не скажу ни графу, ни Настасьѣ, ни единого слова о томъ, какъ ты меня ославила и разжаловала изъ ихъ сына въ подкидыши. Ты одна всю мою жизнь въ прахъ обратила. Понимаешь ли ты это свое дѣяніе, или не понимаешь, ужъ, право, я даже не знаю!

Пашута вдругъ выпрямилась, подняла голову и красивые глаза ея ярко блеснули на сидящаго Шумскаго, едва замѣтный румянецъ появился на щекахъ.

— Я вамъ зла не желала,—глухо, почти хрипливо, произнесла она.—Видитъ Богъ!

— Зла не желала, а великое сдѣлала! Что мнѣ въ томъ, что ты не хотѣла меня губить, а все-таки погубила. Тебѣ одной сдурю повѣдала все матушка, думая, что ты ей по гробъ жизни обязана, а ты рассказала все Фонтъ-Энзе, а тотъ всему Петербургу и барону. Даже мнѣ самому хватилъ онъ это въ лицо. Вѣдь ты одна всему причина. Будь же настолько правдива, чтобы сознаться въ этомъ. Неужели ты не понимаешь, что безъ тебя все шло бы постарому.

— Да, я во всемъ виновна,—выговорила Пашута слабѣющимъ голосомъ.—Во всемъ я одна, но видитъ Богъ, я зла вамъ не желала. Вы, баринъ, ничего не понимаете, ничего какъ есть не поняли и не поймете.

— Что же такое? Чего же я не понимаю?

— И не можете вы понять,—слегка воодушевляясь заговорила Пашута.—Надо быть самому въ холопствѣ, крѣпостной дѣвкой, какъ я, чтобы понять все, что со мной было. Зачѣмъ вы меня отсюда взяли, зачѣмъ вы не взяли другую какую, ничего бы тогда не было.

— Это, Пашута, я самъ знаю и часто думаль...

— И себя бы вы не погубили, да и меня бы не погубили.

— Тебя-то чѣмъ же я погубилъ?

Пашута слегка покачала головой. затѣмъ опустила руку въ кар-

манъ и, очевидно, не найдя тамъ платка, приблизила руку къ глазамъ. Шумскій замѣтилъ слезы на лицѣ ея.

— Вы вотъ всегда были барининомъ, — заговорила Пашута едва слышно, — считались наслѣдникомъ графа, все у васъ было въ полномъ довольствѣ. Вы не знали какую только себѣ новую прихоть, затѣю или новое баловство придумать. И надумали самое ехидное и грѣшное съ дѣвицей-ангеломъ. Теперь вы сами порѣшили всего себя лишить, никто васъ не неволить. Но все-таки же вы останетесь тѣмъ же барининомъ-офицеромъ и царскимъ флигель-адъютантомъ. Все у васъ можетъ еще пойти опять на ладъ, если вы твердо порѣшили не поступать лиходѣйски, поворовски съ милой моей барышней, а жениться на ней. Все можетъ у васъ устроиться. А я загублена совсѣмъ и загубили вы меня...

Пашута хотѣла продолжать, но заплакала, голосъ ея оборвался и она замолчала.

Шумскій, видя, какъ дѣвушка утираетъ руками льющіяся слезы, точь въ точь какъ какая-нибудь свѣтская барышня, слегка, тихо, кончиками пальцевъ, вдругъ двинулся къ комоду, досталъ носовой платокъ и перейдя къ Пашутѣ сунулъ его ей въ руку. Дѣвушка изумилась на мгновенье, яснѣе глянула на него и, развернувъ платокъ, стала утирать лицо. Шумскій отошелъ и сѣлъ снова въ свое кресло.

Не столько слова, сколько отгѣнокъ голоса Пашуты, когда она заговорила о баронессѣ, коснулись его сердца. Между тѣмъ Пашута просто и безъ озлобленія объяснила ему въ нѣсколькихъ словахъ, что Настасья Федоровна отняла у нея и платки, и все бѣлье, подаренное ей баронессой. Затѣмъ она снова заговорила, постепенно оживляясь:

— Послѣ этой собачьей жизни въ Грузинѣ, я попала по вашей милости, изъ-за вашей злой затѣи, къ барышнѣ, мало сказать, доброй, ласковой, къ какому-то божьему ангелу. У нея я черезъ мѣсяць свѣтъ взвидѣла. Она меня человѣкомъ сдѣлала. Хотя она и говорила часто, въ шутку, что я уродилась барышней, да все-таки же другая стала бы обращаться со мной какъ съ простой холопкой. Понятное дѣло, какъ я полюбила баронессу за всѣ ея ласки. Я стала боготворить ее, я готова была молиться на нее какъ на святую. Посудите же, могла ли я злодѣйски предать вамъ того самаго ангела, на котораго готова была молиться! Не затѣвайте вы этой грѣшной и жестокой затѣи опозорить и обезчестить ее, безъ ножа зарѣзать... и ничего бы не было. Вѣдь кончили же вы тѣмъ, что предложили ей жениться? Зачѣмъ же сначала врагъ человѣчскій толкалъ васъ на такое дѣло? И теперь я не каюсь! Я рада, я счастлива, что спасла отъ васъ мою святую барышню. Я все рассказала Фонъ-Энзе. По моей милости, конечно, онъ очутился въ каретѣ съ товарищами около дома, когда вы ночью, какъ душе-

губъ, хотѣли опозорить баронессу. Все это я сдѣлала, да вы и знаете, что я. Но говорю вамъ теперь... не каюсь я въ этомъ ни минуты. Хотя одно хорошее и доброе дѣло сдѣлала я ей за все то, что она для меня дѣлала. И я у нея теперь не въ долгу! И это меня теперь утѣшаетъ. Что бы со мной ни случилось я никогда не забуду, какъ баронесса обращалась со мной и буду знать, что и я добромъ отплатила ей. А теперь что же? Сказывайте все Настасьѣ Ѳедоровнѣ. Меня запорятъ до смерти. Посадятъ въ яму! Уморятъ! А если они меня не заморятъ до смерти, останусь я жива, то, право, хватить у меня силъ дотащиться до Волхова, чтобы себя утопить. Моя жизнь кончена! Но все-таки, помирая, я буду помнить и буду говорить, что единственный человѣкъ на свѣтѣ, который полюбилъ и обласкалъ меня, въ свой чередъ великую услугу отъ меня получилъ. Я не въ долгу у моей святой барышни!.. Если же вы женитесь на ней, то вѣрно вамъ сказываю, первый человѣкъ, котораго будетъ поминать, жалѣть со слезами баронесса, будетъ Пашута. Но только на кладбищѣ будетъ тогда Пашута...

— Этого никогда ничего не можетъ быть, — глухо произнесъ Шумскій. — Я не могу на ней жениться. Баронъ наотрѣзъ отказалъ мнѣ, когда узналъ кто я такой. Онъ никогда не согласится на этотъ бракъ. Развѣ ты не знаешь, что баронесса любитъ давно... и замужъ выходитъ за Фонъ-Энзе.

— Не пойдетъ она за него, — тихо и твердо произнесла Пашута.

— Что? — вымолвилъ Шумскій и сердце замерло въ немъ. — Что ты сказала? Зря ты сказала? Или знаешь что-нибудь?

— Вѣстимо знаю.

— Говори скорѣй... Не томи меня!..

— Она не любитъ Фонъ-Энзе.

— Говорила она тебѣ это?

— Ничего она мнѣ не говорила, потому что ничего сама не знаетъ, не смыслить. А я знаю...

— Объяснись! — нетерпѣливо, съ волненіемъ въ голосѣ вымолвилъ Шумскій.

— Говорю вамъ, баронесса сама ничего не знаетъ. Она — малое дитя, или же просто святая дѣвица, которая, даже свои человѣчьи чувства не понимаетъ и боится ихъ. Не умѣю я вамъ сказать то, что хочется, но вы сами умны и авось поймете. Вы не знаете баронессы, хотя и говорите, что любите ее. Она совсѣмъ неземная дѣвица. Ангелъ что ли земной? Или вотъ такія святыя прежде, сказывають, бывали. Она вотъ любитъ васъ и не знаетъ этого.

— Правда ли это, — воскликнулъ Шумскій, поднимаясь съ мѣста.

— Я вамъ вѣрно это говорю, хотя она мнѣ никогда этого не сказывала. Когда вы приходили писать портретъ, называли себя господиномъ Андреевымъ, она частс со мной говорила о васъ. Но я не могла говорить, у меня духу не хватало обманные разговоры

вести съ ней. Для нея вы были живописецъ Андреевъ. Я знала съ какимъ ухищреніемъ ходите вы въ домъ. Я старалась всегда разговоръ о васъ пережънить на другой, чтобы не лгать ей. Но я видѣла и знаю то, чего сама баронесса не понимаетъ. У баронессы давно къ вамъ такое что-то, чему я имени не знаю. Сказать, что она любила или любить васъ, не могу. Но знаю я, что во всякій тотъ день, когда былъ часъ рисованія портрета, моя милая барышня будто оживала. И глазки у нея въ тѣ утра блестѣли иначе. Ну, какъ же не любила? судите сами. А что я вытерпѣла тогда, видя съ ея стороны дѣтское пониманіе васъ и хорошее чувство къ вамъ, а съ вашей стороны дьявольскія ухищренія. Ну, да что же объ этомъ теперь...—прибавила Пашута, слегка махнувъ рукой съ платкомъ.

Наступило молчаніе, и только черезъ нѣсколько мгновеній Шумскій выговорилъ глухимъ голосомъ:

— Неужели же она любить меня?—Вѣрно ли это?

— Не знаю, какъ теперь,—снова заговорила Пашута,—давно я не видала ее, но сказываю вамъ, что когда еще вы называли себя Андреевымъ, предложи вы на ней жениться, Богъ вѣсть, что было бы. Баронъ, вѣстимо, не согласился бы, но въ концѣ концовъ все вышло бы по ея желанію. Развѣ онъ можетъ перечить ей въ чемъ? А уже коли за г. Андреева, нищаго живописца, пошла бы она, такъ какъ же ей теперь не пойти за васъ? Что за важность, что вы не сынъ графа Аракчеева, а воспитанникъ? Вѣдь это вы сами все такъ перепутали. Захотите вы теперь, все постарому будетъ.

— Но вѣдь она выходитъ за Фонъ-Энзе!—Свадьба даже въ скоромъ времени предполагалась.

— Однако, отложились!..

— На время. Если мнѣ не удастся застрѣлить его на поединкѣ, то онъ все-таки будетъ мужемъ ея.

Пашута тихо потрясла головой:

— Не вѣрится мнѣ. Видѣла я ее съ вами, видѣла я ее съ Фонъ-Энзе. Говорили мы съ ней многія сотни разовъ и о немъ, и о васъ. Вѣдь не глупая же я дура. Я больше понимала и знала о баронессѣ, чѣмъ сама она знала про себя. Разъ помню, одѣвая ее, когда вы ждали писать портретъ, я сказала ей, что напрасно она къ вамъ такъ ласкова, что слухи ходятъ, что вы т. е. Андреевъ — скверный человѣкъ, льстивый, подлый, сквернаго поведенія... И никогда, право, не забуду, какъ она жалостливо поглядѣла на меня Будто я ее булавкой уколола. Какъ она ласково и печально сказала мнѣ: «Не говори такъ, Пашута, за что его обижать. Будь онъ не бѣдный, не Андреевъ, а наша ровня и богатый, то совсѣмъ бы не то было». И помню я, какъ напугали меня эти слова. Я не рѣшилась ни разу прямо спросить у нея, любить ли она васъ. Васъ—Андреева. Я боялась, что она мнѣ отвѣтитъ прямо: — «да». Ахъ,

Михаиль Андреевичъ, все вы сами перепутали, сами себя и ее загубили.

— Ее—нѣтъ,—глухо выговорилъ Шумскій.

— И ее... Тоже. Легко ли ей теперь не видать васъ. Да одно спасеніе всѣмъ... вамъ жениться на ней.

— Но это невозможно, Пашута.

— Можно, можно. Поѣзжайте въ Петербургъ, старайтесь, дѣйствуйте. Вы умный человѣкъ. Все можетъ поправиться. Не опасайтесь только, а вѣруйте. На барона не смотрите. Онъ обожаетъ свое дѣтище.

Шумскій глубоко задумался и пришелъ въ себя отъ словъ Пашуты, которыя она тщетно уже третій разъ произносила:

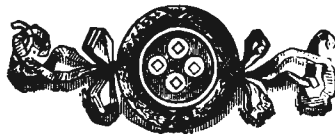
— Отпустите меня.

— Ступай?—выговорилъ онъ, наконецъ. — Но помни, Пашута, что отъ меня ничего не узнаетъ ни Настасья Ѳедоровна, ни графъ. Я не хочу тебѣ мстить. Богъ съ тобой.

— Все равно конецъ мой въ Грузинѣ плохой будетъ,—отозвалась дѣвушка грустно.—Я знаю, чую это...

Графъ Е. Салиасъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ). ¹⁾

III.

Драматургъ Бахтуринъ. — Его арестъ моей матерью. — Н. В. Кукольникъ. — Его вечера. — Кавалеристъ-дѣвица Дурова. — А. Н. Верстовскій. — Актриса Рѣпина. — «Отелло» въ переводѣ И. И. Панаева. — Дебютъ моей старшей сестры. — М. И. Глинка. — Баронъ Розенъ. — Репетиціи у насъ оперы «Жизнь за царя». — Частые визиты Глинки къ моему отцу. — Мое свиданіе съ Глинкой въ Парижѣ. — Встрѣча съ нимъ въ Варшавѣ. — Оваціи Глинкѣ въ Варшавскомъ театрѣ. — Актёръ Шумскій. — Семейство М. С. Щепкина. — Знакомство съ Бѣлянекимъ. — К. С. Аксаковъ. — Обѣдъ у Аксаковыхъ съ Гоголемъ.

ВЫБОРЪ ПІЕСЫ для бенефиса всегда очень озабочиваетъ артистовъ, и обыкновенно хлопоты начинаются за три мѣсяца.

Былъ писатель драматургъ Бахтуринъ, которому многіе артисты заказывали піесы для своего бенефиса. Мать моя тоже заказала Бахтурину драму для своего бенефиса. Онъ былъ мастеръ составлять эффектныя афиши, въ его піесахъ всегда было много дѣйствій съ разными названіями. Бахтуринъ взялъ впередъ деньги, но запилъ и ничего не писалъ. Тогда моя мать поступила съ нимъ очень энергично. Она пригласила его обѣдать и заарестовала у себя. Отъ Бахтурина были отобраны сапоги, сюртукъ; ему дали халатъ и туфли отца и заперли въ кабинетъ, посылая для вдохновенія утромъ и вечеромъ по большому графину настойки. Бах-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 30.

туринъ въ нѣсколько дней написалъ драму и былъ освобожденъ изъ-подъ ареста.

Меня очень интриговало, какъ это мать посадила подъ арестъ сочинителя и какъ онъ тамъ сочиняетъ. Я выпросила у лакея графинъ съ водкой, чтобъ войти въ кабинетъ.

Бахтуринъ былъ небольшого роста, съ одутловатымъ лицомъ и всклокоченными, длинными, густыми, каштановыми волосами.

Завидѣвъ меня съ графиномъ, онъ всталъ со стула и, потирая руки, сказалъ:

— Вотъ спасибо, умная дѣвочка, что принесла графинчикъ. Меня ваша мамаша наказала... А васъ наказываютъ?

— Да, только водки не даютъ!—отвѣчала я.

Бахтуринъ замаялся и, наливъ рюмку водки, продолжалъ:

— Пью за ваше здорovie! Выростете большой и если вамъ придется тоже заказывать писать пьесы для вашего бенефиса, такъ вы не арестовывайте сочинителя, какъ ваша мамаша. Право, это не хорошо!.. Приносите мнѣ всегда графинчикъ; я поболтаю съ вами, это мнѣ будетъ отдыхомъ, а то сиди одинъ, да все пиши.

Но мнѣ не дозволили болѣе носить графинъ Бахтурину и даже побранили лакея за то, что онъ исполнилъ мою глупую просьбу.

Къ отцу прѣзжалъ также Кукольникъ, когда ставили на сцену его трагедію «Рука Всевышняго отечество спасла», кажется въ бенефисъ В. А. Каратыгина, впрочемъ, навѣрно не помню. Наружность Кукольника была замѣчательно неуклюжа. Онъ былъ очень высокаго роста, съ узкими плечами и держалъ голову нагнувши; лицо у него было длинное, узкое, съ крупными неправильными чертами; глаза маленькіе съ насупленными бровями; уши огромныя, тѣмъ болѣе бросающіяся въ глаза, что голова была слишкомъ мала по его росту.

Въ первый годъ моего замужества, онъ былъ у Панаева нѣсколько разъ вечеромъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, очень похожимъ на него, и съ Брюловымъ, знаменитымъ художникомъ; бывали и другіе литераторы, но я ихъ не помню. Я не присутствовала на этихъ вечерахъ, но, разливая чай въ столовой, слышала какъ ораторствовалъ Кукольникъ своимъ протяжнымъ, громкимъ голосомъ.

У Кукольника назначены были дни разъ въ недѣлю, и Панаевъ сначала посѣщалъ его, но потомъ пересталъ бывать. Панаевъ рассказывалъ, что на этихъ вечерахъ Кукольникъ за ужиномъ, выпивъ вина, говорилъ: «Кукольникъ великъ! Кукольника потомство оцѣнитъ!» У Кукольника на этихъ вечерахъ было очень мало литераторовъ, собирався преимущественно чиновный людъ, который преклонялся передъ нимъ, считая его великимъ талантомъ.

Не могу сказать, какъ отецъ познакомился съ дѣвицей-кавалеристомъ Александровой (Дуровой). Она прѣехала къ нему и поже-

лала видѣть всѣхъ его дѣтей. Мать привела ее въ нашу комнату. Я знала, что она была на войнѣ и ранена. Александрова уже была пожилая и поразила меня своей некрасивой наружностью. Она была средняго роста, худая, лицо землянаго цвѣта, кожа рябоватая и въ морщинахъ; форма лица длинная, черты некрасивыя; она щурила глаза и безъ того не большіе. Костюмъ ея былъ оригинальный: на ея плоской фигурѣ надѣтъ былъ черный суконный казакинъ съ стоячимъ воротникомъ и черная юбка. Волосы были коротко острижены и причесаны какъ у мужчинъ. Манеры у нея были мужскія; она сѣла на диванъ, положивъ одну ногу на другую, уперла одну руку въ колѣно, а въ другой держала длинный чубукъ и покуривала.

Композиторъ Верстовскій, когда пріѣзжалъ въ Петербургъ, бывалъ у насъ. Онъ тогда былъ директоромъ московскаго театра. Рѣпина, актриса московскаго театра, всегда пріѣзжала вмѣстѣ съ Верстовскимъ. Она считалась хорошей артисткой. Оба они уже были пожилыхъ лѣтъ. Наружность Верстовскаго какъ-то стусевалась въ моей памяти; помню одно, что въ его наружности ничего не было особеннаго: росту онъ былъ средняго, сухощавъ, съ зачесанными височками и на лбу небольшой хохолокъ.

Я больше разсматривала Рѣпину. Она была брюнетка, средняго роста, ни толста, ни худа. Черты лица не крупныя, глаза черные или темные, но блестящіе, зубы бѣлые, и когда она улыбалась, то ея лицо дѣлалось красивымъ.

Говорили, что Рѣпина имѣеть большое значеніе въ московскомъ театрѣ и что по милости ея дочь Щепкина не была принята на московскую сцену.

Но возвращаюсь назадъ. Отецъ былъ очень озабоченъ выборомъ пьесы для своего бенефиса и очень обрадовался, когда молодой литераторъ Иванъ Ивановичъ Панаевъ привезъ ему свой переводъ «Отелло» Шекспира. Отецъ виноватъ въ томъ, что надъ Панаевымъ впоследствии смѣялись, что онъ, не зная англійскаго языка, поставилъ на афишѣ: «Отелло, переводъ съ англійскаго». Панаевъ сказалъ отцу, что переводилъ съ французскаго, но что его пріятель, знающій хорошо англійскій языкъ, провѣрялъ съ нимъ каждую фразу съ англійскимъ текстомъ. На афишѣ и былъ выставленъ переводъ съ англійскаго.

Отецъ не зналъ кому дать роль Дездемоны. Молодыя артистки того времени усвоили себѣ водевильную дикцію и манеры. Не могу сказать, самъ ли отецъ надумалъ, или ему кто подаль мысль, но онъ далъ разучить роль Дездемоны старшей моей сестрѣ и, прослушавъ ее, рѣшилъ, что она можетъ сыграть эту роль. Отецъ много съ ней занимался.

В. А. Каратыгинъ игралъ Отелло, отецъ Яго, мать его жену. Наружность сестры подходила къ роли Дездемоны; она была очень

красива, высокаго роста, голосъ имѣла звучный, такъ что дебютъ сошелъ очень удачно. Сестра была принята на сцену, но не долго оставалась, потому что вышла замужъ.

Старшія мои сестры и тетки вели затворническую жизнь, всегда сидѣли въ своей комнатѣ, имъ не дозволялось входить въ зало, когда по вечерамъ собирались гости. Отецъ и мать обѣдали съ гостями отдѣльно. Этотъ порядокъ мать завела давно, какъ только дѣти стали подростать. Но Глинка нарушилъ это затворничество. Панаевъ его познакомилъ съ отцомъ. Глинка ставилъ свою оперу «Жизнь за царя» и у насъ устраивались спѣвки и репетиціи: пріѣзжалъ Петровъ, Воробьева, Леоновъ, Степанова, Панаевъ, младшій сынъ Гедсонова (еще студентъ), камеръ-юнкеръ Хрущевъ, состоявшій по особымъ порученіямъ у министра двора, авторъ либретто оперы баронъ Розень, не пропустившій ни разу этихъ собраній. Онъ упивался своими стихами и посматривалъ многозначительно на Панаева, какъ на литератора, который долженъ оцѣнить его стихи. Розень пренаивно приписывалъ успѣхъ оперы Глинки своимъ стихамъ.

Когда Глинка стоялъ возлѣ барона Розена, то выходилъ сильный контрастъ. Глинка былъ маленькаго роста, смуглый, живой, съ хохолкомъ на лбу, а баронъ Розень, типъ нѣмца, высокій, неподвижный, съ маленькой головой, съ прилизанными свѣтлыми волосами и свѣтлыми голубоватыми глазами, имѣвшими какое-то умилное выраженіе.

Глинка, иногда посреди пѣнія тенора Леонова, съ силою ударялъ по клавишамъ рояля, вскакивалъ со стула и начиналъ ходить по комнатѣ, закинувъ голову и заложивъ пальцы за жилетъ. Поуспокоясь немного, онъ выпивалъ стаканъ краснаго вина, бутылка котораго всегда стояла передъ нимъ на рояли. Послѣ этихъ репетицій Глинка очень уставалъ. Я слышала, какъ онъ говорилъ отцу послѣ ухода пѣвцовъ, что его опера не можетъ имѣть успѣха, только одна Воробьева споетъ роль Вани, какъ слѣдуетъ.

— Это рѣдкая пѣвица, говорилъ онъ, такіе голоса появляются на сценѣ вѣками. Надо ее беречь, какъ драгоценность! А она, вотъ, въ дождь, въ слякоть, поѣхала домой на извозчикѣ, ну долго ли ей простудить горло. Дирекція ваша олухи, такой пѣвицѣ надо было бы назначить большое жалованье, а не грошевое, чтобъ она имѣла комфортъ! Дураки!..

Глинка горячился, говоря это.

— Развѣ Петровымъ вы недовольны?—спросилъ отецъ.

— Чувства нѣтъ, голосъ деревянный!.. Степанова поетъ вѣрно и голосъ большой—огня нѣтъ! А ужъ кто провалитъ меня, такъ это Леоновъ. Гдѣ нужна сила голоса—а онъ сипитъ!

Однако успѣхъ «Жизни за царя» былъ блистательный.

Въ первые годы моего замужества, т. е. въ началѣ сороковыхъ

годовъ, Глинка какъ-то періодически бывалъ у насъ: то зачиститъ ходить каждый день, то перестанетъ. У насъ онъ сочинилъ романсъ: «Въ крови горитъ огонь желаній». Мы сидѣли за вечернимъ чаемъ, было нѣсколько человѣкъ гостей. Панаевъ любилъ читать стихи и прочелъ это стихотвореніе между другими стихами Пушкина. Глинка, расхаживавшій по комнатѣ, сѣлъ за фортепяно и сталъ брать аккорды, чтѣ-то мурлыча про себя. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сказалъ: «Панаевъ, замолчи!» и пропѣлъ романсъ. Голоса у Глинки совсѣмъ не было, но онъ пѣлъ мастерски и выразительно.

Глинка не могъ обойтись безъ вина и когда приходилъ, то требовалъ себѣ коньяку и попивалъ его рюмка за рюмкой, вмѣсто чая.

Разъ Глинка пріѣхалъ къ намъ вечеромъ, поспѣшно поздоровался, сейчасъ же сѣлъ за фортепяно и сталъ играть «Лезгинку» изъ «Руслана». Проигравъ ее, онъ всталъ и сказалъ:

— Ъхалъ къ вамъ, не давалъ мнѣ покоя этотъ мотивъ, такъ вотъ и звенить въ ухахъ.

Въ 1844 году, въ первую мою поѣздку за границу съ мужемъ, въ Парижѣ мы встрѣтились съ Глинкой; онъ приходилъ къ намъ по вечерамъ съ нѣсколькими общими знакомыми, русскими путешественниками, пить чай и, по русскому обыкновенію, засиживался до 2 и 3 часовъ ночи. Въ Парижѣ, по окончаніи театра, улицы дѣлаются пустыми, въ домахъ всѣ жильцы ложатся спать, и водворяется тишина; а у насъ, при уходѣ гостей всегда происходилъ шумъ, потому что Глинка, выпивъ, не могъ идти самъ по винтовой деревянной лѣстницѣ, сильно навощенной. Онъ сердился, зачѣмъ его ведутъ подъ руки съ лѣстницы. Въ глубокой тишинѣ, гулко раздавались голоса. Двери у жильцовъ открывались, высывались головы, повязанныя пестрымъ фуляромъ, или въ бѣлыхъ колпакахъ, и въ ужасѣ спрашивали: «пожаръ въ домѣ?»... «горить?»... Ихъ успокаивали и головы исчезали съ бранью.

Иногда я отказывалась давать много вина Глинкѣ, но онъ приставалъ къ Панаеву, который и исполнялъ его желаніе.

Глинка жалѣлъ, что въ нашей парижской квартирѣ не было фортепяна; ему часто приходила охота пѣть. Иногда онъ жаловался, что вдохновеніе его оставило.

— Бывало покоя нѣтъ, такъ и звучать въ ухахъ разныя мелодіи, а теперь только пустой шумъ гудить.

Глинка гораздо ранѣ насъ уѣхалъ изъ Парижа.

Весной, въ пятидесятомъ году, я поѣхала, по предписанію докторовъ, брать морскія ванны. Въ Варшавѣ я остановилась отдохнуть. Утромъ я поѣхала осматривать городъ; проводникъ изъ отеля, сопровождавшій меня, привезъ въ Саксонскій садъ, расположенный въ центрѣ города. Въ извѣстные часы въ Саксонскомъ саду много гуляющихъ и я встрѣтила петербургскаго знакомаго Г..., котораго

болѣе года не видала, хотя и знала, что онъ сдѣлался варшавскимъ жителемъ; но не нашла нужнымъ извѣщать его о своемъ прибытіи, такъ какъ на другой же день намѣревалась уѣхать. Послѣ обычныхъ, обыкновенныхъ разспросовъ, Г... сказалъ мнѣ:

— Знаете ли вы, что Глинка здѣсь?

Г... былъ большой поклонникъ Глинки, они вмѣстѣ бывали у насъ въ Петербургѣ. Я знала о плохомъ состояніи здоровья Глинки и спросила о немъ.

— Очень плохо! — съ грустью отвѣтилъ Г..., — вы его не узнаете, такъ измѣнился онъ и физически и нравственно. Онъ навѣрно захочетъ васъ видѣть, когда узнаетъ, что вы здѣсь.

— И я буду рада его повидать, — отвѣчала я, — пусть пріѣзжаетъ вечеромъ, потому что я завтра уѣду изъ Варшавы.

— Нѣтъ, вы должны остаться хоть еще на день, потому что я васъ буду просить свезти Глинку въ театръ посмотрѣть, какъ танцуютъ мазурку на варшавской сценѣ. Я его упрасивала, но онъ не хотеть, а вамъ не откажетъ.

Я согласилась остаться еще на день, чтобы ѣхать въ театръ.

Вечеромъ Г... пріѣхалъ ко мнѣ съ Глинкой. Я не могла скрыть своего удивленія при видѣ Глинки: это былъ совершенно другой человѣкъ. Онъ казался полнымъ, лицо его было одутловато и желто-синеватаго цвѣта; взглядъ апатичный, прически прежней не было, волосы лежали прямо и вдобавокъ онъ отпустилъ себѣ усы. Прежней живости въ его движеніяхъ не было и помину; онъ тяжело дышалъ, поднявшись въ мой номеръ, тогда какъ нужно было сдѣлать всего нѣсколько ступенекъ; голосъ у него былъ глухой, сиповатый и онъ уже не закидывалъ задорно своей головы.

— Что, я сильно измѣнился? — спросилъ Глинка меня. — Я очень обрадовался, узнавъ, что вы здѣсь, вѣдь до меня дошелъ слухъ, что вы ужъ скончались. Я очень жалѣлъ.

— Да, зимой я была опасно больна, но отдумала умирать, — смѣясь, отвѣтила я.

— И отлично сдѣлали, скверно умирать, — сказалъ Глинка.

Я предложила ему краснаго вина. Глинка улыбулся и замѣтилъ:

— Постарому, думаетъ, что Глинка и вино неразлучны!.. Нѣтъ спасибо, я теперь на стаканъ воды чуточку наливаю краснаго вина.

Подали самоваръ, я стала разливать чай, Глинка до этого разговаривавшій какъ-то вяло, какъ бы одушевился и сказалъ:

— Какъ вы мнѣ напомнили прошлое, когда я пивалъ у васъ чай, впрочемъ, вѣрнѣе сказать — коньякъ... А помните нашу встрѣчу въ Парижѣ? какъ мы у васъ засиживались до двухъ, трехъ часовъ... Вы часто хитрили, говоря, что нѣтъ больше вина, а оказывалось, что оно есть... И хорошо бы все сдѣлали, если бы не давали мнѣ пить столько вина!.. На что я теперь похожъ?

Я поспѣшила переменить разговоръ и напомнила ему, какъ онъ

ставилъ свою первую оперу и репетировалъ ее съ пѣвцами у моего отца.

— Какъ не помнить, тогда во мнѣ жизнь была ключемъ, я тогда воображалъ, что десятки оперъ сочиню... Какъ только выздоровлю, запрусь въ деревнѣ и наверстаю потерянное время... Удивлю всѣхъ, мои оперы за оперой будутъ ставить на сценѣ... Только бы мнѣ стряхнуть съ себя эту мерзостную полноту.

Г... завелъ разговоръ о театрѣ въ Варшавѣ. Я стала просить Глинку поѣхать со мною въ театръ, но онъ на это отвѣтилъ:

— По правдѣ вамъ сказать, меня теперь ничто не интересуеть. Но я продолжала его упрашивать.

— Хорошо. Я поѣду съ вами, только съ однимъ условіемъ, вы нѣсколько дней поживете въ Варшавѣ, а я къ вамъ вечеромъ буду прѣзжать пить чай, да вспоминать прошлое.

На другой день, утромъ, Г... заѣхалъ ко мнѣ на минутку извѣстить, что онъ съ Глинкой заѣдетъ за мной и мы вмѣстѣ поѣдемъ въ театръ.

— Мазурку будутъ танцовать послѣ драмы,—объявилъ онъ мнѣ. Я рѣшила ѣхать попозже въ спектакль, чтобы не утомить Глинку.

Глинка не замѣтилъ нашей хитрости, что мы за самоваромъ просидѣли довольно долго, стараясь развлечь его разговоромъ.

Мы прѣехали къ послѣднему акту драмы. Ложа наша была у самаго края сцены, такъ что у насъ только съ одной стороны были сосѣди. Г... сказалъ намъ, что возлѣ нашей ложи будетъ сидѣть жена намѣтника съ сыномъ. Я слышала, что она была сестра Грибоѣдова и посматривала на нее, отыскивая въ ней сходство съ братомъ, но не нашла. Княгиня Паскевичъ была рослая и полная женщина пожилыхъ лѣтъ, брюнетка съ рѣзкими чертами и съ надменнымъ выраженіемъ лица. Ея сынъ очень худенькій, но красивый юноша, казался еще тоньше передъ матерью. Онъ былъ въ офицерскомъ мундирѣ.

Я замѣтила, что изъ ложъ и изъ первыхъ креселъ партера зрители смотрятъ въ бинокль на Глинку; но онъ этого не видѣлъ. Усѣвшись рядомъ со мной на первомъ мѣстѣ, онъ положилъ руки на бортъ ложи и сонливо смотрѣлъ на всѣхъ.

Г... разговаривалъ съ нашими сосѣдами. Глинка безучастно глядѣлъ на игру артистовъ и даже, какъ мнѣ казалось, подремывалъ. Публика въ партерѣ преобладала военная и въ ложахъ сидѣло много русскихъ дамъ.

Кончилась драма; Глинка, какъ бы обрадовавшись, спросилъ меня: «домой ѣдемъ?» Но я ему объявила, что непременно хочу видѣть, какъ танцуютъ мазурку поляки.

— Вотъ деспотка!—замѣтилъ Глинка и опять принялъ свою прежнюю позу. Но при первыхъ звукахъ оркестра, который за-

игралъ мазурку изъ «Жизни за царя», Глинка востепенулся, апатія его исчезла. Какъ только оркестръ умолкъ, въ первыхъ рядахъ кресель всѣ встали и, обратясь къ нашей ложѣ, начали аплодировать.

Глинка сначала не понялъ, что ему дѣлаютъ овацію, и съ удивленіемъ вопросительно поглядѣлъ вокругъ. Я поспѣшила встать и оставить его одного. Княгиня Паскевичъ, смотря на Глинку, слегка похлопала въ ладоши. Глинка поклонился публикѣ, тогда еще сильнѣе раздались аплодисменты; русскія дамы въ ложахъ послѣдовали примѣру княгини и тоже аплодировали.

Видя сіяющее лицо Г..., я догадалась, что все это устроилъ онъ; вотъ почему ему такъ и хотѣлось затащить Глинку въ театръ.

Г... было легко устроить овацію; онъ принадлежалъ къ высшему кругу по своему титулу и по своему богатству, и въ Варшавѣ былъ свой человѣкъ въ домѣ намѣстника, имѣлъ много знакомыхъ между военными и ему стоило только оповѣстить всѣхъ, что Глинка будетъ въ театрѣ и ему слѣдуетъ оказать привѣтствіе отъ русскихъ.

Непосвященные зрители остались въ недоумѣніи, что значать эти аплодисменты.

Когда начались танцы, Глинка мнѣ сказалъ:

— Не стыдно вамъ дѣлать заговоры противъ вашего стараго знакомаго?

Онъ не повѣрилъ, что я не была участницей въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ мазурки аплодисменты были оглушительные, потому что и непосвященная публика аплодировала своему національному танцу и требовала повторенія. Глинка видимо былъ утомленъ, и мы вышли изъ ложи. Онъ молчалъ дорогой, можетъ быть, отъ слабости и дремалъ. Ночь была очень темная, на неосвѣщенной театральной площади двигались какъ бы блуждающіе огоньки. Г... объяснилъ мнѣ, что это проводники съ фонарями, которыхъ нанимаетъ пѣшеходная публика, возвращаясь изъ театра домой, потому что тогда варшавскіе улицы и переулки были такъ темны, что можно поломать себѣ ноги. На площади у дворца, гдѣ жилъ намѣстникъ, пылали два большіе костра, около нихъ стояли и сидѣли казаки; осѣдланная лошадь находилась тутъ же, недалеко отъ костра. Это былъ патруль, который цѣлую ночь объѣзжалъ вокругъ дворца. Когда меня подвезли къ отелю, Глинка, прощаясь со мною, сказалъ:

— До завтра, заговорщица!

Но я болѣе не видѣла Глинки, онъ прихворнулъ и докторъ запретилъ ему выходить изъ дому нѣсколько дней, а я уѣхала изъ Варшавы.

Это была послѣдняя моя встрѣча съ Глинкой.

Со дня моей свадьбы, бывшей въ 1839 году, я разсталась съ

театральнымъ міромъ. Впрочемъ, въ Москвѣ, куда мы съ мужемъ поѣхали тотчасъ послѣ вѣнца, я въ домѣ Михаила Семеновича Щепкина видѣла московскихъ артистовъ. Шумскій тогда былъ молодымъ человѣкомъ.

Я слышала изъ сосѣдней комнаты, какъ Щепкинъ училъ его дикціи и отучалъ отъ природнаго недостатка въ выговорѣ. Шумскій тогда замѣтно шепелявилъ. Щепкинъ заставлялъ его по нѣскольку разъ повторять одно и то же слово.

— Михаилъ Семеновичъ, — говорилъ Шумскій, — право не могу лучше выговорить!

— Врешь, трудомъ можешь поправить природный свой недостатокъ, будешь произносить хорошо.

И точно, Шумскій вполнѣ замѣтно шепелявилъ.

Я познакомилась съ комикомъ Живокини и съ нѣкоторыми второстепенными артистами, фамиліи которыхъ не помню.

Изъ семейства Щепкина я знала одну младшую его дочь, которую застала въ постели; у нея развилась сильнѣйшая чахотка. У Щепкина было нѣсколько взрослыхъ сыновей, уже студентовъ, а старшій сынъ окончилъ университетскій курсъ. Но кромѣ сыновей, Щепкинъ воспитывалъ троихъ племянниковъ, оставшихся малолѣтними сиротами послѣ смерти своихъ родителей. Племянники тоже были студенты. Старшая дочь Щепкина была болѣзненная дѣвушка.

У жены Щепкина было очень доброе, оригинальное лицо. Она была турчанка и маленькой привезена какимъ-то бариномъ въ Россію; ее окрестили въ православную вѣру, она воспитывалась въ барскомъ домѣ и изъ него вышла замужъ за Щепкина.

Въ семействѣ Щепкина жили двѣ пожилыя его сестры, которыя меня поразили, когда меня привели наверхъ въ ихъ комнату познакомиться съ ними. Онѣ сидѣли на кроватяхъ, поджавъ ноги потурецки, съ длинными чубуками; обѣ они были маленькаго роста, очень полныя и имѣли видъ огромныхъ мячиковъ. Не понравились онѣ мнѣ; потомъ я узнала, что эти двѣ пожилыя дѣвицы много дѣлали непріятностей своимъ племянницамъ и ихъ кроткой матери. У Щепкина жила тоже и его старушка-мать; она уже превратилась въ ребенка отъ старости лѣтъ и цѣлыми днями играла въ дурачки, для чего при ней находилась бѣдная старушка-компаніонка, которая должна была всегда оставаться въ дуракахъ, иначе ей доставалось отъ капризной благодѣтельницы, выгонявшей ее вонъ изъ комнаты и попрекавшей кускомъ хлѣба.

Сыновья Щепкина предупредили меня, чтобъ я на вопросъ ихъ бабушки отвѣчала, что не умѣю играть въ дурачки, а то она сейчасъ же засадитъ играть съ собой. Бабушка удивила мнѣ своимъ вопросомъ, когда меня отрекомендовали:

— Чьихъ?

Внуки ей отвѣчали что-то за меня. Бабушка, бывши сама прежде крѣпостная, задавала этотъ вопросъ всякому новому лицу.

Она обижалась, если ее не знакомили съ гостями, но за старостью на другой же день забывала гостью и снова обращалась къ ней съ вопросомъ:

— Чьихъ?

Я привыкла въ своемъ большомъ семействѣ видѣть огромныя блюда за столомъ, но и меня удивила громадность блюдъ въ домѣ Щепкина. Впрочемъ, за столомъ сидѣло множество народа; кромѣ своего большого семейства, всегда обѣдали гости и бѣдные студенты, являвшіеся каждый день, по три, по четыре человѣка, обѣдать къ Щепкину. Въ прежнее время учащійся бѣднякъ всегда находилъ возможность гдѣ пообѣдать. Къ нашему отцу тоже ходили два студента каждый день обѣдать года два подъ рядъ, но имъ подавался обѣдъ отдѣльно.

Самоваръ подавался у Щепкиныхъ такой громадный, что паръ отъ него валилъ, какъ изъ тендера.

У Панаева было много знакомыхъ въ Москвѣ, и онъ утромъ дѣлалъ визиты, а вечеромъ былъ приглашаемъ къ кому-нибудь въ гости. Панаевъ очень много хлопоталъ, чтобы московскіе писатели доставляли свои статьи въ «Отечественныя Записки».

Я видѣла многихъ московскихъ литераторовъ, которые сотрудничали въ «Отечественныхъ Запискахъ»: Павлова, его жену, Мельгунова, Перевощикова, Хомякова, Каткова и Аксакова. Съ ними со всѣми я хотя познакомилась, но ни съ кѣмъ не вступала въ разговоры по своей робости.

Съ первымъ изъ литераторовъ я познакомилась съ Бѣлинскимъ, на другой же день моего пріѣзда въ Москву. Панаевъ завезъ меня къ Щепкинымъ, а самъ отправился къ кому-то на вечеръ, гдѣ должны были собраться московскіе литераторы. Старшая дочь Щепкина чувствовала себя нездоровой, лежала въ постели у себя въ комнатѣ наверху и прислала брата за мной. Яшла въ ея комнатѣ молодежь; у печки, прислонясь, стоялъ бѣлокурый господинъ; мнѣ его представили—это былъ Бѣлинскій. Онъ не принималъ участія въ общемъ разговорѣ, только понюхивалъ табакъ; но когда зашелъ разговоръ объ игрѣ Мочалова, Бѣлинскій заговорилъ и я запомнила его сравненіе игры двухъ артистовъ.

— Смотри на Каратыгина,—сказалъ онъ,—ни на минуту не забываешь, что онъ актеръ; а въ Мочаловѣ представляется человѣкъ со всѣми его достоинствами и пороками.

Съ Бѣлинскимъ я стала видаться каждый день, онъ приходилъ къ намъ утромъ, пока еще Панаевъ не уѣзжалъ съ визитами и постоянно бесѣдовалъ о литературѣ.

Бѣлинскій смотрѣлъ на меня, какъ на дѣвочку, чѣмъ я тогда въ сущности и была; поддразнивалъ меня, чѣмъ могъ. Я сердилась, ссорилась съ нимъ, но скоро мирилась.

Мы жили на Арбатѣ. Бѣлинскій нанялъ себѣ комнату, отъ жильцовъ, противъ нашего дома во дворѣ и пригласилъ насъ на новоселье пить чай. Комната была у него въ одно окно, очень плохо меблированная.

Я вошла и удивилась, увидя на окнѣ и на полу у письменнаго стола множество цвѣтовъ. Бѣлинскій, самодовольно улыбаясь, сказалъ:

— Что-съ хорошо?.. А каковы лиліи? Весело будетъ работать, не буду видѣть изъ окна грязнаго двора.

Любуясь лиліями, я спросила Бѣлинскаго:

— А должно быть вамъ дорого стоило такъ украсить свою комнату?

Бѣлинскій вспыхнулъ (онъ при малѣйшимъ волненіи всегда мгновенно краснѣлъ).

— Ахъ, зачѣмъ вы меня спросили объ этомъ?—съ досадою воскликнулъ онъ.—Вотъ и отравили мнѣ все; я теперь вмѣсто наслажденія буду казнитья, смотря на эти цвѣты.

Панаевъ его спросилъ:

— Почему вы будете казнитья?

— Да развѣ можно такому пролетарію, какъ я, позволять себѣ такую роскошь! Точно мальчишка не могъ воздержатъ себя отъ соблазна!

Денежныя средства Бѣлинскаго тогда были очень плохи. Панаеву очень хотѣлось, чтобы Бѣлинскій сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ «Отечественныхъ Записокъ», въ успѣхѣ которыхъ онъ принималъ самое живое участіе. Панаевъ тогда отдавалъ въ этотъ журналъ свои повѣсти даромъ. Впрочемъ, не онъ одинъ, а были другіе литераторы, которые дѣлали то же самое. Вотъ какіе были въ тѣ времена аркадскіе взгляды въ литературѣ.

Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ привезъ свою старшую сестру познакомиться со мною. Я была очень сконфужена, принимая въ первый разъ визитъ, но они оба сумѣли побороть мою робость. Аксаковъ мнѣ съ перваго раза очень понравился, въ его лицѣ было такое открытое выраженіе, такая простота въ манерахъ, что моя робость исчезла. Аксаковъ былъ рослый, широкоплечій молодой человекъ; его каштановые волосы слегка курчавились. Его нельзя было назвать красивымъ, но лучше всякой наружной красоты отражались на его лицѣ душевныя качества. Марья Сергѣевна тоже была очень симпатичная. Они насъ пригласили обѣдать отъ имени матери и отца. Какъ ни понравились мнѣ оба молодые Аксаковы, я чувствовала робость ѣхать къ старикамъ Аксаковымъ; но должна была ѣхать, потому что Панаевъ сказалъ мнѣ, что это необходимо.

Собственный домъ Аксаковыхъ, кажется, былъ на Арбатской площади. Я помню хорошо, что противъ ихъ дома стояли большіе вѣсы и валялись клоки сѣна на площади.

Въ залѣ насъ встрѣтили старики Аксаковы и были очень привѣтливы ко мнѣ. Пришла Марья Сергѣевна и сказала отцу и матери: — Идите къ гостю въ кабинетъ, а мы пойдемъ въ садъ.

Садъ для города былъ очень большой и въ немъ было множество бѣлыхъ, махровыхъ розъ.

Мы усѣлись въ бесѣдкѣ и заговорили о сочиненіяхъ Гоголя.

Марья Сергѣевна благоговѣла передъ его талантомъ и сказала мнѣ:

— Къ намъ неожиданно сегодня пріѣхалъ обѣдать Гоголь; вотъ вы увидите самого автора.

Насъ позвали обѣдать. Марья Сергѣевна, идя въ комнаты, сказала:

— Я васъ должна предупредить, чтобы вы не удивились, если вамъ не представятъ Гоголя. Онъ не любитъ теперь никакихъ новыхъ знакомствъ, особенно съ дамами. Онъ такой сталъ болѣзненный, нервный, не можетъ выносить даже за столомъ шума, такъ что меньшіе мои братья и сестры сегодня обѣдаютъ отдѣльно.

Я была очень довольна, что избавлюсь отъ представленія мнѣ Гоголя. Я очень конфузилась въ такія минуты. Мы вошли въ столовую одновременно, какъ въ нее входилъ Гоголь съ хозяиномъ дома и Панаевымъ. Хозяйка дома усадила меня возлѣ себя, а по другую сторону посадила Гоголя; ему было поставлено вольтеровское кресло. На противоположной сторонѣ сидѣлъ хозяинъ дома съ сыномъ и Панаевымъ. Трудно было имѣть болѣе сходства, какое я нашла у Аксакова сына съ отцомъ. Подростки сыновья сидѣли между Панаевымъ и Гоголемъ, а возлѣ меня Марья Сергѣевна и ея сестра лѣтъ 14.

У прибора Гоголя стоялъ особенный граненый большой стаканъ и въ графинѣ красное вино. Ему подали особенный пирогъ, жаркое тоже онъ ѣлъ другое, нежели всѣ. Хозяйка дома потчивала его то тѣмъ, то другимъ, но онъ ѣлъ мало, отвѣчалъ на ея вопросы какимъ-то капризнымъ тономъ. Гоголь все время сидѣлъ сторбившись, молчалъ, мрачно поглядывая на всѣхъ, изрѣдка на его губахъ мелькала саркастическая улыбка, когда о чемъ-то горячо стали спорить Панаевъ съ младшимъ Аксаковымъ.

Когда встали изъ-за стола, Гоголь сейчасъ же удалился опять въ кабинетъ отдыхать послѣ обѣда. А мы всѣ усѣлись на большой террасѣ пить кофе. Хозяйка дома отдала приказаніе прислугѣ, чтобы не шумѣли, убирая со стола.

Марья Сергѣевна пригласила меня пойти посмотреть какъ дѣти на лужайкѣ играютъ въ серсо. Я пошла съ ней, она меня спросила, какое на меня произвелъ впечатлѣніе Гоголь? Я съ наивной откровенностью отвѣтила, что онъ должно быть очень сердитый и капризный. Она стала разувѣрять меня, что онъ отъ болѣзни сдѣлался такой молчаливый и раздражительный и что сегодня онъ былъ особенно не въ духѣ.

И, Марья Сергѣевна, молодой Аксаковъ и Панаевъ приняли участіе въ игрѣ дѣтей, а старики Аксаковы сидѣли на скамейкѣ и смотрѣли на нашу игру. Черезъ полчаса, мы распростились съ радушными хозяевами

IV.

Поѣзда въ Казанскую губернію для раздѣла имѣнія, доставшагося моему мужу.— Сонаслѣдники.— Ихъ взаимныя отношенія.— Курьезныя подробности раздѣла.— Возвращеніе въ Москву.— Умирающая невѣста.— Переселеніе Бѣлинскаго въ Петербургъ.— Неумѣніе моего мужа распоряжаться своимъ состояніемъ.— Литературныя вечера у Панаева.— Князь В. Ѳ. Одоевскій.— Кольцовъ.— Лермонтовъ.— М. Н. Катковъ.— Цензоръ Красовскій.— Его примѣчанія на одно стихотвореніе Олина.— Графъ Сологубъ.— Графъ Вельгорскій.— Константинъ Булгаковъ.— Его выходки.

Проживъ въ Москвѣ около двухъ мѣсяцевъ, мы отправились въ Казанскую губернію. Панаеву уже года два какъ досталось наслѣдство отъ дальняго родственника Страхова. Наслѣдниковъ было много и они никакъ не могли до этого времени съѣхаться разомъ, чтобы приступить къ раздѣлу.

Теперь съѣздить въ Казань ничего не стоитъ, а тогда это было продолжительное и небезопасное путешествіе; переправлялись черезъ рѣчки въ дырявыхъ баркахъ или на паромахъ. Мы чуть не утонули, когда поднялась на Волгѣ буря и насъ было понесло Богъ вѣсть куда отъ пристани, потому что перевозчики струсились, бросили весла, руль, стали плакать и молиться. Насъ спасъ ямщикъ-татаринъ, который не только ругалъ перевозчиковъ, заставляя ихъ грести, но даже билъ ихъ, а самъ управлялъ рулемъ.

Остановки на станціяхъ въ ожиданіи лошадей были продолжительныя, ѣдой надо было запасаться въ большихъ городахъ, иначе можно было наголодоваться. Но меня не утомляло длинное путешествіе; мнѣ, никогда не выѣзжавшей изъ Петербурга, на каждомъ шагѣ представлялось столько новаго и любопытнаго.

Отъ Казани надо было еще ѣхать 200 верстъ до имѣнія, гдѣ собрались сонаслѣдники. Мы пріѣхали въ него рано утромъ. Дворъ былъ громаднѣйшій и отъ барскаго дома тянулись съ двухъ сторонъ безконечныя постройки для дворовыхъ, которыхъ было до двухсотъ душъ. Когда въѣзжалъ нашъ тарантасъ во дворъ, множество дворовыхъ выскочило смотрѣть на новаго прибывшаго наслѣдника. На крыльцѣ барскаго дома появилось нѣсколько рослыхъ лакеевъ, съ включенными волосами и плохо бритыми подбородками, въ длиннополоыхъ сюртукахъ изъ толстаго сукна травянаго цвѣта. Я узнала потомъ, что наслѣдники разрѣшили спать эти сюртуки изъ сукна,

большой запасъ котораго нашелся у умершаго помѣщика для обивки пола. Лакеи износили свои фраки изъ тонкаго сукна, въ которыхъ постоянно ходили при покойномъ баринѣ.

Старикъ въ молодости путешествовалъ по Европѣ, жилъ долго въ Англии, что тогда было рѣдкостью между русскими помѣщиками. По всему было видно, что онъ желалъ подражать по возможности англійскимъ лордамъ. Завелъ конскій заводъ англійскихъ скаковыхъ лошадей, къ обѣду надѣвалъ фракъ и имѣлъ большой погребу, выписывая вина изъ Англии, Франціи и Германіи.

Въ его теплицахъ было много дорогихъ растеній, въ оранжереѣ зрѣли сливы, персики, виноградъ и ананасы. Конечно былъ оркестръ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ; не знаю, хороши ли были музыканты, но инструменты были дорогіе: при раздѣлѣ Панаеву досталась скрипка одного стариннаго мастера, которую Панаевъ продалъ за четыре тысячи, при чемъ нѣкоторые увѣряли, что онъ очень продешевилъ.

Нашъ ранній пріѣздъ нарушилъ мирный сонъ наслѣдниковъ; всѣ они поднялись ранѣе обыкновеннаго.

Хотя Панаевъ былъ еще молодой человѣкъ сравнительно съ другими наслѣдниками, но тогда литераторовъ было не много и на нихъ смотрѣли въ провинціи, какъ на любопытную рѣдкость и побаивались ихъ, думая, что они сейчасъ опишутъ всѣхъ въ смѣшномъ видѣ.

Къ тому же Панаевъ былъ петербургскій житель, а это тоже имѣло значеніе въ глазахъ помѣщиковъ, жившихъ десятки лѣтъ безвыѣздно въ своихъ деревняхъ, какъ сурки въ норахъ.

Фамилія Панаевыхъ отличалась литературными дарованіями. Объ этомъ упоминается въ «Хроникѣ» С. Т. Аксакова. Даже двѣ тетки Панаева сотрудничали въ журналѣ «Благонамѣренный», дядя Панаева, Владиміръ Ивановичъ, тоже былъ литераторъ, онъ писалъ стихи объ аркадскихъ пастушкахъ. Дядя не пріѣхалъ на раздѣлъ, потому что служилъ директоромъ канцеляріи министерства двора. Его замѣнялъ чиновникъ изъ губерніи, которому за это были обѣщаны орденъ, дающій право на личное дворянство. Передъ Владиміромъ Ивановичемъ Панаевымъ всѣ родственники благоговѣли.

До завтрака я уже познакомилась со всѣми родственниками, оказавшимися большими оригиналами. Одинъ старикъ-холостякъ, помѣщикъ двухъ тысячъ душъ, маленькій, прыщавый, въ камлотовомъ милиціонномъ мундирѣ, носилъ въ боковомъ карманѣ часы съ рѣпу, которые каждый часъ играли разныя піесы. Этотъ старикъ жилъ султаномъ въ своемъ имѣніи и даже выстроилъ каменный домъ въ два этажа для гарема, въ которомъ находилось нѣсколько десятковъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ даже пріѣхалъ на раздѣлъ.

Младшій его братъ былъ добрякъ, гораздо моложе его и жена-

тый. Супруга его приводила меня въ ужасъ тѣмъ, что она продѣлывала съ своимъ семилѣтнимъ сыномъ. Она предназначала его въ лейбъ-гусары и чтобъ приготовить къ придворнымъ баламъ, каждое утро на четверть часа ставила мальчика въ устроенную деревянную форму, гдѣ были сдѣланы слѣдки такъ, что ноги приходились пятка съ пяткой. Мальчикъ, стоя въ этой позиціи, отъ скуки развлекалъ себя тѣмъ, что плевалъ въ лицо и кусалъ руки дворовой дѣвушкѣ, которая обязана была держать его за руки.

Для упражненія будущаго офицера, помѣщица приказывала созывать всѣхъ дворовыхъ дѣтей на лужайку въ садъ, а сынокъ, вооруженный длиннымъ гибкимъ прутомъ, билъ немилосердно дѣтей, которыя плохо маршировали передъ нимъ. Панаевъ, увидѣвъ такія упражненія будущаго офицера, надралъ ему уши и освободилъ дворовыхъ дѣтей отъ пытки. Сынокъ заоралъ благимъ матомъ, а маменька, вся красная, выбѣжала спасать его. Тогда она придумала болѣе мирное развлеченіе для сыночка. Ему давался ящикъ, гдѣ хранились его даренныя деньги; мальчикъ игралъ золотыми и серебряными монетами. Этотъ семилѣтній мальчикъ заливался горькими слезами, когда родилась у него сестра.—О чемъ ты плачешь?—спросила я его.—Какъ же мнѣ не плакать,—отвѣчала будущій лейбъ-гусаръ,—теперь я долженъ буду отдать изъ наслѣдства седьмую часть.—Мать очень восхищалась сообразительнымъ умомъ своего сыночка. Всѣ наслѣдники пріѣхали съ своей дворней. Помѣщица привезла пять дворовыхъ дѣвушекъ, которыхъ каждый день била и щипала при своемъ туалетѣ. Въ банѣ она мылась нѣсколько часовъ и въ такой жарѣ, что дѣвушекъ выносили замертво. Въ банѣ помѣщица подкрѣпляла свои силы завтракомъ и чаемъ, а дворовыя дѣвушки должны были находиться безъ ѣды. Помѣщицѣ было съ липкомъ тридцать лѣтъ, но она скрывала свои года и очень заботилась о своей красотѣ. Лицо у нея было очень красное, покрытое веснушками; на ночь она обкладывала лицо парнымъ мясомъ, вырѣзавъ въ холстѣ дыры для глазъ, ноздрей и рта, и въ этой маскѣ ложилась или вѣрнѣе садилась въ постель, потому что клала подъ голову цѣлую массу подушекъ, чтобы къ утру лицо ея не было такъ красно. Помѣщица была очень ревнива; она приказала своему мужу спать въ соседней комнатѣ, а такъ какъ это была билліардная, то ему клалась перина на билліардѣ. Все-таки, опасаясь измѣны, ревнивая супруга сажала подъ билліардъ, на всю ночь, старую дворовую женщину для того, чтобы она извѣщала ее немедленно, если супругъ уйдетъ изъ комнаты. Разъ ночью старуха чихнула подъ билліардомъ и разбудила помѣщика, которому вообразилось, что подъ билліардомъ сидитъ убійца и онъ поднималъ страшную тревогу. Испугъ помѣщика имѣлъ нѣкоторое основаніе, потому что въ Казанской губерніи въ этотъ годъ было сильное возбужденіе крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣ-

щиковъ; совершались убійства помѣщиковъ изъ засадъ, а одного помѣщика сожгли на кострѣ. Въ имѣніи графа Блудова стояла сотня казаковъ для усмиренія бунтующихъ крестьянъ, которые до полусмерти избили нѣмца управляющаго. Новый управляющій иначе не выѣзжалъ въ поле къ работающимъ мужикамъ, какъ съ заряженными пистолетами и въ сопровожденіи казаковъ. Въ печать тогда подобнаго рода извѣстія не могли попасть. Было сдѣлано строгое распоряженіе тщательно скрывать эти волненія и слѣдить за частной перепиской, чтобъ печальныя происшествія не могли распространяться. Казанскіе помѣщики, знавшіе за собой грѣхи, были перепуганы, переодѣвались въ купеческое платье, если имъ приходилось ѣхать въ дорогу; ложась спать, барикадировали двери и окна комодами, столами и стульями; имѣли наготовѣ заряженные пистолеты и ружья.

Въ первый день завтрака, меня очень занималъ оригинальный видъ столовой.

Всѣ наслѣдники (а ихъ было съ дѣтьми человекъ двадцать) завтракали и обѣдали вмѣстѣ до раздѣла. За каждымъ стуломъ стоялъ рослый лакей съ большой вѣткой въ рукахъ и, медленно помахивая ею надъ головой сидящихъ, отгонялъ мухъ. Лакеи злобно и мрачно поглядывали на всѣхъ наслѣдниковъ, зная, что теперь скоро рѣшится ихъ судьба — и многихъ навсегда оторвутъ отъ родины и родныхъ.

Въ самый же день пріѣзда, я была посвящена въ семейныя тайны двухъ родственницъ; каждая предупреждала меня не вѣрять въ наружное расположеніе ко мнѣ другой родственницы. Я не намѣревалась входить въ близкія отношенія ни съ худой, чахоточной женой одного изъ дядей Панаева, ни съ помѣщицей, готовившей своего сына въ лейбъ-гусары, потому что обѣ онѣ мнѣ не понравились. Я рѣшила удалиться отъ ихъ общества, тѣмъ болѣе, что жена другого дяди мнѣ съ перваго взгляда понравилась; у нея было такое пріятное, красивое лицо, она такъ хорошо обращалась съ своими сыновьями, да и ея дѣти были хорошіе мальчики лѣтъ 14, 15, и мнѣ было весело въ ихъ обществѣ. Сначала приступили къ раздѣлу громадныхъ сундуковъ, въ которыхъ хранилось много всякаго хлама и разнаго стариннаго гардероба отъ сестеръ Страхова. Дикія, смѣшныя сцены происходили при этомъ дѣлежѣ; турецкія шали рѣзались на пять кусковъ, чтобъ поровну досталось наслѣдникамъ, разбивали топоромъ подносы и друго? серебро, взвѣшивая его на вѣсахъ. Несчастный посредникъ до хрипоты въ горлѣ урезонивалъ наслѣдниковъ, чтобъ они не ссорились изъ-за каждой тряпки и не затягивали дѣлежа. Раздѣленныя части должны были доставаться наслѣдникамъ по жребію. При выниманіи билетовъ на имѣніе, было ужасно смотрѣть на наслѣдниковъ: всѣ стояли блѣдые, дрожащіе, шептали молитвы, глаза ихъ сверкали, слѣдя за

рукой двороваго мальчика, который, обливаясь горькими слезами от испуга, вынималъ билеты.

Почти всѣ наслѣдники были въ отчаяніи, что имъ выпалъ жребій не на ту деревню, которую имъ хотѣлось и завидовали другъ другу, высчитывая преимущество одной деревни передъ другой.

Но самое потрясающее впечатлѣніе произвелъ на меня раздѣлъ дворовыхъ.

Посредникъ сначала хотѣлъ раздѣлить дворовыхъ по семействамъ; но всѣ наслѣдники возстали противъ этого.

— Помилуйте, — кричалъ одинъ, — мнѣ достанутся старики, да малыя дѣти!

Другой возражалъ:

— Благодарю покорно, у Маланьи пять дочерей и ни одного сына, нѣтъ-съ, это неправильно, вдругъ мнѣ выпадетъ жребій на Маланью.

Порѣшили раздѣлить по ровной части сперва молодыхъ дворовыхъ мужского пола, затѣмъ взрослыхъ дѣвушекъ и, наконецъ, стариковъ и дѣтей.

Когда настало время вынимать жребій, то вся дворня окружила барскій домъ и огромная передняя переполнилась народомъ. Когда сдѣбалось извѣстнымъ, что матери и отцы разлучены съ дочерьми и сыновьями, то всюду раздались вопли, стоны, рыданія... Матери, забывъ всякій страхъ, врывались въ залу, бросались въ ноги наслѣдникамъ, умоляя не разлучать ихъ съ дѣтьми. Я долго не могла придти въ себя отъ такихъ потрясающихъ сценъ. Мнѣ такъ опротивѣло пребываніе въ деревнѣ, что я нетерпѣливо ждала дня, когда мы уѣдемъ отсюда.

Панаеву удалось обмѣняться съ дядями, отдавъ имъ рослаго молодого лакея за щедушную дѣвочку, чтобъ не разлучить семьи.

Дяди подсмѣивались надъ своимъ нерасчетливымъ молодымъ племянникомъ и охотно соглашались на обмѣнъ. Одну взрослую дворовую дѣвушку Панаевъ уступилъ даромъ потому, что мать умолила его не разлучать ее съ единственнымъ дѣтищемъ.

Я забыла упомянуть о раздѣлѣ виннаго погреба: сначала раздѣлили заграничныя вина въ бутылкахъ, потомъ приступили къ дѣлежу домашнихъ наливокъ, розлитыхъ во множество громадныхъ бутылей. Наливку сливали съ ягодъ, чтобъ пришлось поровну каждому наслѣднику. Воздухъ въ залѣ, гдѣ производилась разливка, пропитался виннымъ спиртомъ, отъ котораго можно было опьянѣть. У нѣкоторыхъ наслѣдниковъ лица покраснѣли отъ пробъ наливокъ, у лакеевъ также лица были красны; какъ ни слѣдили за ними господа, они успѣвали тоже попробовать наливки, которую сливали, да и винныя пары дѣйствовали на нихъ. На другое утро произошла страшная суматоха между наслѣдниками, при извѣстїи,

что не раздѣленные еще гуси, свиньи и утки за ночь подошли. Это извѣстіе вызвало цѣлую бурю: кто заподозрѣвалъ дворовыхъ въ отравленіи, кто помѣщицу, которой при ея богатствѣ ничего не стоило потерпѣть убытокъ; кто кривую крѣпостную султаншу старшаго дяди, находившагося въ постоянной враждѣ съ меньшимъ братомъ. За завтракомъ между наслѣдниками начались колкости, какъ вдругъ явилась птичница съ радостнымъ извѣстіемъ, что одна свинья начинаетъ дрыгать ногами, а два гуся уже встали и бродятъ.

Нѣкоторые наслѣдники выскочили изъ-за стола, чтобы удостовѣриться собственными глазами въ странномъ явленіи. Дѣло объяснилось просто: лакеи утащили бутылки съ ягодами къ себѣ въ избы, повыжали ихъ хорошенько, добывая наливку, а выжимки выбросили на задній дворъ, свиньи наѣлись, а птицы наклевались этихъ выжимокъ и всё опьянѣли.

При дѣлежѣ лошадей тоже произошла суматоха. Лошадей было много на заводѣ, надо было ихъ всѣхъ вывести изъ конюшни: конюховъ не хватило и потому приказано было лакеямъ держать лошадей въ поводу. Всѣ наслѣдники съ дѣтьми отправились на дворъ завода и стояли по срединѣ, окруженные выведенными лошадьми. Ржанье было страшное; жеребцы рвались, становясь на дыбы. У одного лакея вырвался жеребецъ и пустился скакать по двору. Отъ испуга и другіе лакеи бросили поводъ. Поднялся гвалтъ, наслѣдники спасались отъ бѣгающихъ по волѣ лошадей, дамы въ паническомъ страхѣ дико визжали, дѣти плакали, конюхи орали. По счастью, я не пошла на середину двора, а стояла на крыльцѣ флигеля и издали видѣла эту суматоху. Въ этотъ день дѣлежъ лошадей не состоялся.

Наконецъ, мы собрались уѣзжать въ Москву, но Панаеву надо было захватить въ доставшуюся ему деревню, чтобы сдѣлать разныя распоряженія.

Мнѣ грустно было разставаться съ одной только теткой и ея сыновьями; я ихъ очень полюбила, а со всѣми другими родственниками я съ удовольствіемъ простилась навсегда.

Въ доставшейся Панаеву деревнѣ не было ни барскаго дома, ни дворовыхъ людей. Видъ деревни былъ довольно благообразный, потому что лѣтъ шесть тому назадъ она дотла сгорѣла и заново обстроилась. Мы остановились въ чистой избѣ старосты, плутоваго мужика, который успѣлъ накопить себѣ достаточно денегъ и помышлялъ выкупиться на волю съ семействомъ, что вскорѣ и сдѣлать.

Сначала къ намъ явились на поклонъ бабы съ приношеніями: медомъ, яйцами, курами. Онѣ по очереди отвѣшивали мнѣ низкій поклонъ и, по тамошнему обычаю, клали руку на руку, чтобъ поцѣловать у меня руку. Я цѣловалась съ ними въ губы, не давая

своей руки. Бабы пугливо смотрѣли на меня, а нѣкоторыя плакали, только не отъ умиленія; матери боялись, что новая помѣщица, вѣроятно, увезетъ у нихъ юныхъ сыновей или дочерей для своей дворни.

Затѣмъ явились мужики. Панаевъ вышелъ къ нимъ на крыльцо и держалъ рѣчь. Съ перваго его слова «господа», я подумала, что мужики ничего не поймутъ въ этой рѣчи, говоренной литературнымъ слогомъ. Мужики молча слушали его и я не замѣтила на ихъ лицахъ выраженія радости, что они лицезрѣютъ своего новаго помѣщика; напротивъ, они бросали на Панаева мрачныя взгляды. Послѣ рѣчи мужики отошли отъ избы старосты на нѣсколько шаговъ и въ какомъ-то недоумѣннн тихо разговаривали между собой.

Я замѣтила, что плутоватый староста ухмылялся, когда Панаевъ держалъ рѣчь къ мужикамъ. Панаевъ въ рѣчи предложилъ мужикамъ избрать немедленно изъ своей среди старосту, которому они довѣряли. Цѣлый день мужики толпились на улицѣ, о чемъ-то горячо толковали, но старосту не выбрали. Я послала купить орѣховъ, пряниковъ и вина для угощенія крестьянъ. Панаеву пришлось взять въ посредники плутоватаго старосту, чтобъ онъ торопилъ мужиковъ скорѣй избирать себѣ старосту.

Угощеніе привело крестьянъ въ болѣе пріятное расположеніе духа, женщины пѣли пѣсни около нашей избы. Старостой выбрали себѣ крестьяне какого-то глуповатаго, забитаго мужика. Видно было по всему, что они воспользовались даннымъ имъ правомъ и нашли для себя выгоднымъ имѣть глуповатаго старосту, которымъ могли вертѣть, какъ имъ угодно. Такъ оно и оказалось впоследствии.

Панаевъ долго толковалъ новому старостѣ объ его обязанностяхъ: не притѣснять крестьянъ и аккуратно собирать съ нихъ оброкъ. Проводы крестьянъ, когда мы уѣзжали, были гораздо привѣтливѣе, чѣмъ ихъ встрѣча. Панаевъ отгѣнилъ барщину, отдавъ всѣ поля и угодыя крестьянамъ, съ бабъ запретилъ брать поборъ холстомъ и живностью, такъ что оброку мужикамъ приходилось платить въ половину менѣе, чѣмъ прежде.

Узнавъ о такихъ распоряженіяхъ Панаева, всѣ сосѣдніе помѣщички вознегодовали на него, въ томъ числѣ и родственники, укоряя его, что онъ подрываетъ помѣщичью власть.

По возвращеніи въ Москву, мы прожили въ ней нѣсколько недѣль. Младшая дочь Щепкина встрѣтила меня съ счастливою улыбкой, протянувъ мнѣ исхудалую свою руку. Я увидѣла на ея пальцѣ обручальное кольцо.

Отъ Бѣлинскаго я слышала, что въ нее былъ влюбленъ молодой человѣкъ Б... и сдѣлалъ ей предложеніе, но она отказала ему. Въ свою поѣздку вмѣстѣ съ отцомъ въ Казань, гдѣ она играла, она познакомилась съ адъютантомъ губернатора, который сдѣлалъ ей предложеніе; она была очень счастлива и уже было условлено,

что зимой женихъ долженъ прїѣхать въ Москву, чтобы жениться на ней. Невѣсты стали шить приданое, какъ вдругъ адъютантъ раздумалъ и женился на дочери богатаго помѣщика. Это такъ потрясло дѣвушку, что она заболѣла и у нея развилась чахотка. Странно, что старики Щепкины были крѣпкаго здоровья, а ихъ старшій сынъ и младшая дочь умерли отъ чахотки; старшая же дочь, болѣзненная, у которой также были все признаки чахотки, пережила младшую сестру и вышла замужъ за одного изъ воспитанниковъ своего отца. Б... узнавъ о поступкѣ адъютанта, вторично предложилъ свою руку Щепкиной и на этотъ разъ предложеніе его было принято, хотя дни невѣсты были сочтены. Больная сказала мнѣ:

— Я сдѣлалась невѣстой, пока вы были въ деревнѣ; какъ встану, сейчасъ же будетъ моя свадьба. Ахъ, какая я была дурная, тщеславная и вѣтряная прежде! Какъ я могла не любить такого хорошаго человѣка! Какъ выйду за него замужъ, только и буду думать объ одномъ, чтобъ онъ былъ счастливъ.

Понятно, что умирающую тѣшили, сдѣлавъ обрученіе.

Разъ я прїѣхала къ Щепкинымъ и застала въ горькихъ слезахъ жену Михаила Семеновича; она послала меня скорѣй къ больной, чтобъ я развлекла ее.

— Все плачешь и не говоришь мнѣ, чѣмъ она огорчена,—сказала мнѣ несчастная мать.

Больная потребовала, чтобы я поклялась передъ образомъ, что отвѣчу ей искренно на ея вопросъ. Я исполнила ея желаніе.

— Утромъ я посмотрѣла на себя въ зеркало,—произнесла она въ слезахъ,—и показалась себѣ такой страшной. Скажите, страшная я?

Я смѣло могла разувѣрить ее, что она вовсе не страшная, потому что, не смотря на болѣзнь, ея исхудалое, хорошенькое личико, было все-таки красиво, и сдѣлала ей выговоръ за то, что она попусту разстроиваетъ себя.

Больная радостно улыбнулась и произнесла:

— Не буду, не буду больше плакать; въ самомъ дѣлѣ, какъ глупо разстроивать себя, когда мнѣ надо быть покойной, чтобы скорѣе встать. Позовите маму ко мнѣ.

Когда мать вошла, больная раздражительно сказала ей:

— Знаешь, что я не могу видѣть слезъ, мнѣ дѣлается страшно тяжело!

Мать, едва сдерживая рыданія, увѣряла дочь, что она вовсе не плакала.

— Пожалуйста, будьте все веселыя вокругъ меня и не огорчайтесь на мои капризы, да ихъ и не будетъ теперь; дайте сюда мои кофты, я хочу показать, какое приданое мнѣ шьется.

Умирающая невѣста разсматривала свое приданое и спрашивала моего совѣта, какое лучше сдѣлать себѣ вѣнчальное платье.

Бѣлинскій поѣхалъ въ Петербургъ съ нами вмѣстѣ, остановился у насъ и прожилъ недѣли двѣ, пока не устроился на своей квартирѣ. Ему очень не нравилась обстановка барскаго дома матери Панаевой и множество крѣпостной прислуги. X

Панаевъ могъ быть очень богатымъ человѣкомъ. Онъ наследовалъ прекрасное состояніе отъ бабушки и дѣдушки Берниковыхъ. Они были ему не родные, но мать Панаева была ихъ пріемная дочь; они воспитывали ее, выдали замужъ и послѣ своего скорого вдовства она жила съ ними. Дѣдушка и бабушка до безумія любили Панаева, который за мѣсяцъ до своего появленія на свѣтъ, потерялъ отца. Дѣдушка и бабушка оставили ему хорошее наследство; близъ Петербурга ему принадлежалъ берегъ Невы, версты на четыре; землю брали на аренду и строили на ней фабрики и разныя другія торговыя заведенія. Получался хорошій доходъ, который съ каждымъ годомъ могъ увеличиваться. На этой землѣ, кромѣ того, находился барскій домъ, полный всякаго добра: мебели, бѣлья и серебра. Панаеву достался и капиталъ тысячъ въ пятьдесятъ. Все это опекунша - мать прожила, окруживъ себя приживалками и мошениками управляющими, такъ что когда Панаевъ женился и пожелалъ самъ управлять своимъ наследствомъ, то оказалось, что часть земли была продана, другая заложена, и долговъ было столько, что надо было скорѣй продать оставшуюся землю, чтобы развязаться съ долгами.

Мать Панаева, послѣ смерти дѣдушки, переселилась въ Петербургъ и жила побарски. Она такъ умѣла обойти слабохарактернаго своего сына, что онъ жилъ въ полномъ невѣдѣніи, откуда берутся деньги для богатой обстановки жизни матери.

Чиновникъ-дѣлецъ, выбранный матерью, умѣлъ всегда заставить Панаева, когда было нужно, подписывать бумаги на продажу или залогъ участковъ земли; да и самъ Панаевъ съ дѣтства привыкъ жить побарски и не могъ ограничивать себя въ своихъ не нужныхъ прихотяхъ.

Въ эту зиму, по вечерамъ, къ Панаеву, на его половинѣ, собирались литераторы. Иногда Кукольникъ съ своими поклонниками, Сахаровъ, Брюловъ и другіе. Но чаще собирався другой, небольшой кружокъ: Бѣлинскій, В. П. Боткинъ, бывшіе школьные товарищи Панаева, и Бакунинъ, пріѣхавшій изъ Москвы, который знакомилъ этотъ кружокъ съ сочиненіями тогдашнихъ нѣмецкихъ философовъ.

Бакунинъ былъ замѣчательнымъ діалектикомъ, и я заслушивалась его изъ своей комнаты, отдѣлявшейся только драпировкой отъ кабинета.

Наружность Бакунина была эффектная, онъ былъ огромнаго роста, выраженіе лица энергическое, съ густыми, длинными, темными, курчавыми волосами. Голова его напоминала голову льва.

Когда мы переѣхали на отдѣльную квартиру, то Бѣлинскій очень часто ходилъ обѣдать къ намъ. Мы жили у Пяти Угловъ, противъ Коммерческаго училища. Осенью въ 1841 году у насъ жилъ Катковъ. Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ писалъ о его житьѣ у насъ. Въ эту зиму у Панаева были частыя и многочисленныя собранія по вечерамъ. Между прочими, являлись, пріѣхавшіе въ Петербургъ, Кольцовъ, Огаревъ и другіе московскіе писатели. Бѣлинскій находился подъ впечатлѣніемъ стиховъ Кольцова и постоянно читалъ ихъ наизусть. Тогда хлопотали объ изданіи стихотвореній Кольцова. Авторъ далъ право Бѣлинскому печатать тѣ стихи, которые онъ найдетъ лучшими. На эти литературные вечера являлся и князь Одоевскій, въ каретѣ съ ливрейнымъ лакеемъ. Это былъ единственный литераторъ, всюду выѣзжавшій съ лакеемъ. Надъ нимъ подсмѣивались, но всѣ его любили, потому что такого отзывчиваго, благодушнаго человѣка трудно было отыскать. Онъ былъ преданъ всей душой русской литературѣ и музыкѣ. Кто бы изъ литераторовъ не обратился къ нему, онъ принималъ въ немъ искреннее участіе и всегда по возможности исполнялъ просьбы; если же ему это не удавалось, то онъ первый сильно огорчался и стыдился, что ничего не могъ сдѣлать. Манеры Одоевскаго были мягкія, онъ точно все спѣшилъ куда-то и со всѣми былъ равно привѣтливъ. Ему тогда навѣрное было лѣтъ сорокъ, но у него сохранились бѣлизна и румянецъ, какъ на лицѣ юноши. Наружность Кольцова была совершенно иная; коренастый, небольшого роста съ круглымъ загорѣлымъ лицомъ и бѣлокурыми волосами, зачесанными въ височки. Одѣтъ онъ былъ постоянно въ длинный сюртукъ, застегнутый наглухо, съ черной косынкой, обмотанной вокругъ плотной шеи. Я не выходила изъ своей комнаты на эти литературныя собранія, да при томъ же была очень занята разливаніемъ безчисленнаго числа стакановъ чая и распоряженіями объ ужинѣ. Разъ Кольцовъ пилъ у насъ чай; кромѣ него, были только Бѣлинскій и Катковъ. Кольцовъ былъ очень разговорчивъ и, между прочимъ, рассказывалъ, какъ въ первый разъ сочинилъ стихи. «Я ночевалъ съ гуртомъ отца въ степи, ночь была темная, претемная и такая тишина, что слышался шелестъ травы, небо надо мной было тоже темное, высокое съ яркими мигающими звѣздами. Мнѣ не спалось, я лежалъ и смотрѣлъ на небо. Вдругъ у меня стали въ головѣ слагаться стихи; до этого у меня постоянно вертѣлись отрывочныя, безъ связи, рифмы, а тутъ приняли опредѣленную форму. Я вскочилъ на ноги въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи; чтобы удостовѣриться, что это не сонъ, я прочелъ вслухъ свои стихи. Странное я испытывалъ ощущеніе, прислушиваясь самъ къ своимъ стихамъ».

Кольцовъ рассказалъ, какъ онъ самоучкой выучился читать по лубочнымъ книжкамъ, которые тихонько покупалъ отъ отца. Онъ

также комично описывалъ, какъ ѣхалъ въ коляскѣ по Воронежу съ Жуковскимъ и какое смятеніе произвело въ городѣ, что съ такой важной особой ѣдетъ мѣщанинъ Кольцовъ. Жуковскій тогда путешествовалъ по Россіи съ наслѣдникомъ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ.

Я видѣла Лермонтова одинъ только разъ передъ его отъѣздомъ на Кавказъ въ кабинетѣ моего зятя, А. А. Краевского, къ которому онъ пришелъ проститься. Лермонтовъ предложилъ мнѣ передать письмо моему брату, служившему на Кавказѣ. У меня остался въ памяти пронизательный взглядъ его черныхъ глазъ.

Лермонтовъ школьничалъ въ кабинетѣ Краевского, переверопилилъ у него на столѣ всѣ бумаги, книги на полкахъ. Онъ удивилъ меня своей живостью и веселостью и нисколько не походилъ на тѣхъ литераторовъ, съ которыми я познакомилась.

Въ Петербургъ пріѣхала жена Огарева и привезла Каткову посылку отъ его матери. Но она потребовала, чтобы самъ Катковъ пріѣхалъ къ ней за посылкой, желая съ нимъ познакомиться. Жена Огарева была свѣтская барыня и къ ней надо было явиться съ визитомъ во фракѣ. Но у Каткова его не имѣлось. Смѣшно было видѣть Каткова во фракѣ и во всемъ остальномъ платьѣ Панаева, который былъ очень худой, а Катковъ плотнаго сложенія.

Панаевъ снаряжалъ Каткова на этотъ визитъ, какъ невѣсту: самъ ему повязывалъ галстукъ и пришелъ въ отчаяніе, что Катковъ передъ одѣваніемъ пошелъ въ парикмахерскую у Пяти Угловъ и явился оттуда круто-завитой и жирно напомаженный какой-то дешевой душистой помадой. Панаевъ доказывалъ Каткову, что нельзя съ такой вонючей помадой явиться въ салонъ свѣтской дамы, и Катковъ, вѣруя въ знаніе свѣтскихъ приличій Панаева, покорился, смылъ помаду съ волосъ. Катковъ въ узкомъ платьѣ не смѣлъ сдѣлать движенія, боясь, что на немъ лопнетъ фракъ. Меня удивило, что Катковъ такъ волнуется отъ визита къ свѣтской барынѣ. Онъ самъ не разъ говорилъ при мнѣ, что презираетъ свѣтское общество, что онъ студентъ-буршъ, и подтрунивалъ надъ слабостью Панаева къ франтовству и свѣтскому обществу. Катковъ возвратился домой въ ужасномъ огорченіи, съ посылкой въ рукахъ, которую съ досадой швырнулъ на полъ. Его мать черезъ какого-то знакомаго просила Огареву передать сыну нѣсколько паръ бѣлыхъ носковъ своей собственной работы и три пары нижняго бѣлья изъ тонкаго холста; все это было завязано въ узелокъ стараго носового платка, такъ что можно было видѣть все въ немъ содержащееся. При узелкѣ было письмо на сѣрой бумагѣ, сложенное трехугольникомъ и запечатанное вмѣсто печати наперсткомъ.

Катковъ считалъ себя страшно скомпрометированнымъ въ глазахъ свѣтской дамы этой посылкой; но онъ ошибся: вскорѣ Ога-

рева пригласила его къ себѣ на вечеръ очень любезной запиской. Я слышала разнорѣчивыя мнѣнія о женѣ Огарева: одни говорили, что она пустая, напыщенная свѣтская барыня, совсѣмъ неподходящая къ поэтической натурѣ ея мужа; другіе, напротивъ, восхищались ею, находя въ ней возвышенныя стремленія. Катковъ нашелъ Огареву очень образованной женщиной, интересующейся наукой, литературой и музыкой.

Вскорѣ послѣ этого, Катковъ уѣхалъ за границу. Не могу опредѣлительно сказать—долго ли онъ тамъ пробылъ, но не болѣе года. Вернувшись изъ-за границы, Катковъ былъ у насъ съ визитомъ. Въ немъ уже не было и тѣни прежняго студента-бурша, напротивъ, онъ имѣлъ видъ величаво-глубокомысленный. Катковъ, пробывъ въ Петербургѣ только нѣсколько дней, уѣхалъ въ Москву. Въ продолженіе долгой нашей жизни мы болѣе съ нимъ уже не встрѣчались.

То время, о которомъ я вспоминаю, было очень тяжелое для литературы. Напримѣръ, существовалъ цензоръ Красовскій, состоящій бичъ литераторовъ; когда къ нему попадали стихи или статьи, онъ не только калѣчилъ ихъ, но еще дѣлалъ свои примѣчанія и затѣмъ представлялъ высшему начальству. Помимо тупоумія, Красовскій былъ страшный ханжа и въ каждомъ литераторѣ видѣлъ атеиста и развратника.

Панаевъ добылъ примѣчанія Красовскаго на одно стихотвореніе Олина и всѣмъ ихъ читалъ.

Вотъ эти примѣчанія:

2-я строфа.

О, сладостно, клянусь, съ тобою было жить,
Сливать съ душой твоей всѣ мысля, разговоры,
Улыбку устъ твоихъ небесную ловить.

Примѣчаніе Красовскаго. «Сильно сказано, женщина не достойна того, чтобы улыбку ея называть небесною».

И молча на тебѣ покоить вазы.

Примѣчаніе. «Тутъ есть какая-то двусмысленность».

7-я строфа.

О, дѣва милая! изъ смертныхъ всѣхъ лишь ты
Подъ бурей страшною меня не покидала,
Не вѣрила рѣчамъ презрѣнной клеветы
И поняла чего душа моя искала.

Примѣчаніе. «Должно сказать, что именно, ибо здѣсь дѣло идетъ о душѣ».

10-я строфа.

Пусть зависть на меня свой изливаетъ ядъ,
Пускай злословіе имѣетъ языкъ презрѣнный,
Что во мнѣнью мнѣ людей? Одинъ твой нѣжный взглядъ
Дороже для меня вниманья всей вселенной.

Примѣчаніе. «Слишкомъ сильно сказано: къ тому же во все-ленной есть и цари, и законныя власти, вниманьемъ которыхъ дорожить должно».

12-я строфа.

О какъ бы я желалъ пустынныхъ странъ въ тиши,
Безвѣстный, близъ тебя къ блаженству приучаться,
И кроткою твоей мелодіей души
Во взорѣ дышащей, безмолвствуя, плѣняться.

Примѣчаніе. «Такихъ мыслей никогда разсѣивать не должно— это значить, что авторъ не хочетъ продолжать своей службы государю, для того только, чтобы быть всегда съ своей любовницей. Сверхъ того, къ блаженству можно приучаться только близъ Евангелія, а не близъ женщины».

13-я строфа.

О! какъ я желалъ всю жизнь тебѣ отдать!

Примѣчаніе. «Что же останется Богу?»

У ногъ твоихъ порой для пѣсней лиру строить.

Примѣчаніе. «Слишкомъ грѣшно и унизительно для христіанина сидѣть у ногъ женщины».

Всѣ тайныя твои желанья предупреждать
И на груди твоей главу мою покоить.

Примѣчаніе. «Стихи чрезвычайно сладострастные».

14-я строфа.

Тебѣ лишь посвящать, разлуки не страшась,
Дыханье каждое и каждое мгновенье,
И сердцемъ близъ тебя, другъ милый, обновясь,
Въ улыбкѣ устъ твоихъ печалей пить забвенья.

Примѣчаніе. «Всѣ сіи мысли совершенно противны духу христіанина, ибо въ Евангеліи сказано: «кто любитъ отца своего или мать свою паче меня — нѣсть меня достоинъ».

Мы переѣхали къ Аничкину мосту въ угловой домъ, противъ дома Бѣлосельскаго. Бѣлинскій тоже переѣхалъ въ этотъ домъ, занявъ во дворѣ маленькую квартирку о двухъ комнатахъ по черной лѣстницѣ. Его квартира выходила окнами на конюшни и на навозныя кучи. Солнце никогда не заглядывало въ эти окна. Нанявая раньше комнату отъ жильцовъ, Бѣлинскій жаловался, что ему мѣшали работать; здѣсь же онъ не слышалъ постоянныхъ разговоровъ и шума, да и ему нужно было жить поближе къ редакціи «От. Записокъ». Бѣлинскій каждый день обѣдалъ у насъ. Его очень утомляли разборы глупѣйшихъ книжонокъ, которыми онъ долженъ былъ заниматься для ежемѣсячнаго обзорѣнія. Въ то время библиографія играла важную роль въ журналахъ, о каждой вышедшей книжонкѣ надо было сдѣлать отзывъ и иногда приходилось читать штукъ двадцать такихъ книжонокъ. Бѣлинскій приходилъ

къ обѣду въ нервномъ раздраженіи и говорилъ: «положительно тупью, строчишь, строчишь о всякой пошлости и одурѣешь».

Бѣлинскій никуда не ходилъ въ гости, но любилъ очень театр и очень волновался, если хорошую пьесу плохо разыгрывали. Утромъ до обѣда онъ писалъ или читалъ серьезныя книги, послѣ обѣда опять уходилъ работать, а вечеромъ часовъ въ десять приходилъ къ намъ играть въ преферансъ, къ которому очень пристрастился, сильно горячась за картами. Онъ все приставалъ ко мнѣ, чтобы я также выучилась играть въ преферансъ.

— Гораздо было бы лучше играть съ нами въ преферансъ, чѣмъ все читать вашу Жоржъ-Зандъ,—твердилъ онъ.

Въ воспоминаніяхъ Панаева упоминается, какого мнѣнія былъ Бѣлинскій объ этомъ авторѣ, пока самъ не сталъ читать Жоржъ-Зандъ въ подлинникѣ.

— Мы и такъ съ вами бранимся, а за картами просто подеремся,— отвѣчала я. — Къ тому же вамъ вредно играть въ преферансъ: вы слишкомъ волнуетесь, тогда какъ вамъ нуженъ отдыхъ.

— Мои волненія за картами пустяки; вотъ вредное для меня волненіе, какъ на примѣръ, сегодня я взволновался, когда мнѣ принесли листъ моей статьи, окровавленной цензоромъ; изволь печатать изуродованную статью! Отъ такихъ волненій грудь ноетъ, дышать трудно!

Партнерами Бѣлинскаго были не литераторы, но эти личности постоянно вертѣлись въ кружкѣ литераторовъ, который собирался у Панаева.

Въ началѣ 40-хъ годовъ, мы нѣсколько лѣтъ подъ рядъ жили на дачѣ въ Павловскѣ и у насъ, послѣ музыки, обыкновенно, собиралось много гостей. Здѣсь я познакомилась съ Сологубомъ, который только-что написалъ «Тарантасъ». Эта повѣсть имѣла большой успѣхъ. Если бы Сологубъ не ломался, то былъ бы пріятнымъ собесѣдникомъ. Но часто онъ былъ невыносимъ, вѣчно корча изъ себя то дерптскаго студента, то аристократа. Въ свѣтскомъ обществѣ онъ кичился званіемъ литератора, а въ литературномъ—своимъ графствомъ. Если его знакомили съ простымъ смертнымъ, онъ подавалъ ему два пальца, и на другой день при встрѣчѣ дѣлалъ видъ, что не узнаетъ его. Отецъ Сологуба тоже бывалъ у насъ; по манерамъ самой утонченной вѣжливости, это былъ настоящій маркизъ, и когда его писатель-сынъ выкидывалъ при немъ какую-нибудь невѣжливость, то отецъ въ ужасѣ восклицалъ: «Вольдемарь! это верхъ неприличія!» Но сынъ не обращалъ вниманія на замѣчанія своего отца. Странно было видѣть меньшого брата Сологуба, скромнаго, простого человѣка, который не заимствовалъ ни утонченности въ манерахъ своего отца, ни глупой кичливости аристократизма своего брата.

Бывалъ у насъ также графъ Вельгорскій,* полный, румяный

старикъ, любимецъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Вѣльгорскій былъ дилетантъ музыки, игралъ на виолончели и сочинялъ романсы; въ молодости онъ хорошо пѣлъ. У Вѣльгорскаго постоянно бывали музыкальные вечера, и онъ самъ участвовалъ въ квартетахъ. Всѣ знаменитые концертанты, прїѣзжавшіе давать концерты въ Петербургѣ, сперва играли на его музыкальныхъ вечерахъ, а потомъ уже давали публичные концерты.

Вѣльгорскій иногда пѣлъ у насъ свои романсы, а Булгаковъ, извѣстный повѣса того времени, садился за фортепіано вслѣдъ за нимъ и такъ искусно передразнивалъ его, что изъ другой комнаты трудно было различить, что это поетъ молодой человѣкъ, а не старикъ. Вѣльгорскій самъ аплодировалъ ему и смѣялся отъ души. Булгаковъ былъ очень даровитый человѣкъ, имѣлъ большія способности къ музыкѣ, рисовалъ отлично карандашемъ и акварелью и былъ необыкновенно остроуменъ; но всѣ свои способности онъ загубилъ, ведя ненормальную жизнь. Когда онъ бывалъ у насъ съ Глинкой, то за чаемъ оба выпивали безсчетное число рюмокъ коньяку и на нихъ это не имѣло никакого вліянія, точно они пили воду.

Булгакову предстояла блестящая карьера; его мать была всѣми уважаемая статсъ-дама при дворѣ, сестры фрейлины, онъ самъ прежде вращался въ высшемъ кругу; но Булгаковъ предпочелъ аристократическимъ салонамъ кутежи, пилъ съ утра до утра на холостыхъ пирушкахъ и давно былъ бы переведенъ въ армію; и даже разжалованъ въ солдаты, за свои разные повѣсничества, если бы великій князь Михаилъ Павловичъ, котораго Булгаковъ умѣлъ всегда размѣшить какимъ-нибудь каламбуромъ, не питалъ къ нему особеннаго расположенія. Если Булгакова не было видно утромъ на Невскомъ проспектѣ, а вечеромъ въ балетѣ, то всѣ знали, что онъ посаженъ на гауптвахту великимъ княземъ.

Въ прежнее время вся царская фамилія каталась по Невскому въ извѣстные часы. Государь Николай Павловичъ и великій князь имѣли зоркій глазъ: замѣчали малѣйшую небрежность въ формѣ у офицера или солдата, даже, если одинъ изъ крючковъ на воротникѣ не былъ застегнутъ, то строго взыскивали съ провинившагося.

Булгаковъ въ одинъ мартовскій день явился на Невскомъ безъ шинели и обращалъ вниманіе всѣхъ гуляющихъ своимъ скюртукомъ ярко-зеленаго цвѣта, съ длинными полами. Дѣло въ томъ, что вышелъ приказъ замѣнить черное сукно на военныхъ скюртукахъ зеленоватымъ и полы сдѣлать нѣсколько подлиннѣе. Булгаковъ первый сдѣлалъ себѣ новую форму, но преднамѣренно утрировалъ ее.

Великій князь, проѣзжая по Невскому, замѣтилъ Булгакова, подзвалъ его къ себѣ и грозно велѣлъ сѣсть въ сани, сказавъ:

— Я тебя отвезу къ государю.

Булгаковъ, садясь въ сани, сдѣлалъ видъ, что зацѣпился и уткнулся носомъ въ полость, проговоривъ:

— Вотъ что значить садиться не въ свои сани.

Великій князь разсмѣялся и отвѣтилъ:

— Такъ пошелъ садись въ свои сани и прямо побѣзжай на гауптвахту на Сѣнную.

Между офицерами считалось какъ бы обязанностью быть влюбленнымъ въ танцовщицъ, особенно въ воспитанницъ театральной школы. Булгаковъ тоже ухаживалъ за одной изъ нихъ и, однажды, уѣхалъ съ дежурства въ балетъ.

Великій князь неожиданно тоже пріѣхалъ въ театръ. Онъ зналъ всегда кто изъ офицеровъ дежуритъ на гауптвахтѣ, а также и кто изъ нихъ ухаживаетъ за кѣмъ въ балетѣ. Великій князь, увидавъ въ креслахъ Булгакова, даже не сѣлъ, а сейчасъ же побѣжалъ на гауптвахту, на которой долженъ былъ находиться въ караулѣ Булгаковъ. Каково же было его удивленіе, когда, пріѣхавъ на гауптвахту, онъ увидѣлъ Булгакова стоявшимъ передъ нимъ.

— Ты былъ сейчасъ въ балетѣ, какъ ты очутился здѣсь?—съ удивленіемъ спросилъ его великій князь.

— Виновать, былъ-съ! но вы сами, ваше высочество, изволили меня привезти изъ театра,—отвѣчалъ Булгаковъ.

При этомъ, онъ разсказалъ великому князю, что, догадавшись, что великій князь побѣжалъ на гауптвахту, онъ выбѣжалъ изъ театра и успѣлъ вскочить на запятки саней великаго князя.

Великій князь посадилъ Булгакова на мѣсяцъ подъ арестъ, сказавъ: «Ты цѣлый мѣсяцъ не будешь въ балетѣ»,—но потомъ смилостивился и на половину убавилъ наказаніе.

Повѣсничеству Булгакова не было конца. Онъ разъ при мнѣ на музыкѣ въ Павловскѣ держалъ пари съ одной моею знакомой, что пройдетъ сейчасъ же мимо нея подъ руку съ великимъ княземъ; конечно, наше общество было увѣрено, что Булгаковъ проиграетъ, но онъ выигралъ. Мы видѣли, какъ Булгаковъ подошелъ къ великому князю, что-то ему сказалъ, и великій князь дозволилъ ему взять себя подъ руку. Булгаковъ сознался великому князю, что онъ до безумія влюбленъ въ одну особу, что если великій князь удостоитъ его пройти мимо этой особы, то онъ сдѣлаетъ его счастливейшимъ человѣкомъ.

Въ Павловскѣ въ 40-хъ годахъ не жило такое огромное количество дачниковъ, да и великій князь, которому принадлежалъ тогда Павловскъ, самъ вычеркивалъ фамиліи сомнительныхъ дачницъ, желавшихъ поселиться лѣтомъ въ Павловскѣ; ему подавали каждый день списокъ лицъ, нанимавшихъ дачи весной. Публики изъ города пріѣзжало мало въ будничные дни, такъ что всѣ обычные посѣтители на музыкѣ знали другъ друга въ лицо и по фамиліи. Часто царская фамилія пріѣзжала изъ Царскаго Села слу-

шать музыку и сидѣла въ экипажѣ за рѣчкой или подъѣзжала къ самому входу сада. Въ эти дни на музыкѣ собиралось много аристократической публики. Великій князь жилъ въ своемъ дворцѣ, почти каждый день былъ на музыкѣ и постоянно сидѣлъ съ Св... бывшей фрейлиной; у нея была выстроена въ Павловскѣ великолѣпная дача, принадлежащая теперь А. А. Краевскому.

Булгаковъ нарисовалъ акварелью довольно большую картину, гдѣ въ каррикатурѣ были изображены всѣ обычные посѣтители музыки, въ томъ числѣ и великій князь, стоящій спиной, а возлѣ него въ уменьшенномъ видѣ изображена на ципочкахъ Св..., съ ея язвительной улыбкой. Между прочими былъ очень смѣшонъ Сологубъ съ важной гримасой и со стеклышкомъ въ глазу. Тогда только-что появилась мода носить стеклышко, и Сологубъ носилъ его, закинувъ голову назадъ и смотря на всѣхъ величаво, презрительно. Панаевъ былъ тогда очень худъ, и Булгаковъ сдѣлалъ ему ноги не толще карандашей, а возлѣ него помѣстилъ Виельгорскаго съ большимъ животомъ. Булгаковъ изобразилъ и себя въ каррикатурѣ. Всѣ были такъ похожи, что можно было сейчасъ же узнать даже тѣхъ, кто былъ нарисованъ стоящимъ спиной. Св... донесли, что Булгаковъ нарисовалъ на нее карриатуру; она обидѣлась и потребовала уничтоженія картины. Великій князь приказалъ Булгакову самому привезти картину къ себѣ. Прежде чѣмъ исполнить это, Булгаковъ сдѣлалъ перемѣну въ картинѣ: онъ придалъ Св... ангельскую улыбочку, придѣлавъ ей прозрачныя крылышки къ спинѣ, такъ что она походила на эльфу, собирающуюся улетѣть. Булгаковъ зналъ, что Св... претендуетъ на воздушность своей фигуры. Великому князю такъ понравилась картинка, что онъ ее оставилъ у себя.

Въ 1842 году, у насъ часто собирались по вечерамъ обыкновенные и «свѣтскіе» литераторы; къ свѣтскимъ я причисляю Сологуба, Одоевскаго, Соболевскаго и Башуцкаго. Наружность Башуцкаго, въ прилизанномъ черномъ парикѣ, съ румяными щеками и большими сѣро-голубоватыми глазами, оставалась неподвижна, когда онъ говорилъ скоро и явственно, а слогъ его рѣчи былъ такъ правиленъ, что можно было отличить всѣ знаки препинанія; онъ не запинался ни на одномъ словѣ, точно говорящій автоматъ. За то Сологубъ рѣзко отличался отъ него своими небрежными манерами, растягиваніемъ словъ и разсѣяннѣмъ видомъ.

Бѣлинскій былъ очень доволенъ, что я иногда обрывала Сологуба, если онъ съ нашими не свѣтскими гостями позволялъ себѣ быть не вѣжливымъ. Странно, Сологубъ вовсе не былъ такъ глупъ, чтобы не понимать, какъ смѣшно кичиться своимъ аристократизмомъ. Онъ въ сущности былъ добрый человѣкъ; если его просили похлопотать о комъ-нибудь, то онъ охотно брался за хлопоты и радовался въ случаѣ успѣха. Въ характерѣ Сологуба была хорошая

черта,—онъ никогда не передавалъ никакихъ сплетень, тогда какъ многіе литераторы лишены были этого хорошаго качества. Сологубъ послѣ женитьбы ударился въ другую крайность: онъ сдѣлался студентомъ-буршемъ, не стыдился уже говорить о своихъ плохихъ средствахъ къ жизни, которыя прежде скрывалъ, и часто повторялъ фразу, когда касались денежныхъ тратъ:

— Ну, куда намъ съ генералами чай пить!

V.

Мое знакомство съ Тургеневымъ.—Импровизаторскія наклонности Тургенева.—Ив. С. Аксаковъ.—Н. А. Некрасовъ и его «Петербургскіе углы».—Споръ о Некрасовѣ между Бѣлинскимъ и Боткинымъ.—Б. М. Маркевичъ и его неудачныя попытки сдѣлать въ Петербургѣ карьеру.—Переписка Бѣлинскаго съ московской незнакомкой.—Пріѣздъ Лажечникова.—Свадьба Бѣлинскаго.—Курьезныя подробности этой свадьбы.—Межевичъ, какъ редакторъ «Полицейской газеты».—Ф. В. Булгаринъ и его супруга.—Возникновеніе журнала «Шантеонъ» при участіи Межевича, Строева и Ап. Григорьева.—Песоцкій, какъ издатель этого журнала.—Композиторъ Варламовъ и его семейство.—Жена Межевича.—Объявленіе о сбѣжавшемъ бульдогѣ и арестъ Межевича.—Смерть Межевича.

Если не ошибаюсь, въ 1842 году я познакомилась съ Тургеневымъ, который также жилъ лѣтомъ на дачѣ въ Павловскѣ. Онъ только что началъ свое литературное поприще. На музыкѣ, въ вокзалѣ, онъ и Сологубъ рѣзко выдѣлялись въ толпѣ; оба высокаго роста и оба со стеклышками въ глазу, они съ презрительной гримасой смотрѣли на простыхъ смертныхъ. Послѣ музыки, Тургеневъ очень часто пилъ чай у меня. У Панаева развелось столько знакомыхъ въ Павловскѣ, что онъ рѣдко приходилъ домой съ музыки. Тургеневъ занималъ меня разговоромъ о своей поѣздкѣ за границу и однажды разсказалъ о пожарѣ на пароходѣ, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Штетина, при чемъ, не потерявъ присутствія духа, успокоивалъ плачущихъ женщинъ и ободрялъ ихъ мужей, обезумѣвшихъ отъ паники. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо было сохранить большое хладнокровіе, чтобы запомнить столько мелкихъ подробностей въ сценахъ, какія происходили на горѣвшемъ пароходѣ. Я уже слышала раньше объ этой катастрофѣ отъ одного знакомаго, который тоже былъ пассажиромъ на этомъ пароходѣ, да еще съ женой и съ маленькой дочерью; между прочимъ, знакомый разсказалъ мнѣ, какъ одинъ молоденькій пассажиръ былъ наказанъ капитаномъ парохода за то, что онъ, когда спустили лодку, чтобы первыхъ свезти съ горѣвшаго парохода женщинъ и дѣтей, толкалъ ихъ, желая сѣсть раньше всѣхъ въ лодку, и надоѣдалъ всѣмъ жалобами на капитана, что тотъ

не позволяеть ему сѣсть въ лодку, при чемъ жалобно восклицалъ: «mourir si jeune!» На музыкѣ я показала этому знакомому, такъ какъ онъ былъ деревенскій житель, всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ личностей, въ томъ числѣ Сологуба и Тургенева. «Боже мой!»—воскликнулъ мой гость.—«да, это тотъ самый молодой человекъ, который кричалъ на пароходѣ «mourir si jeune». Я была увѣрена, что онъ ошибся, но меня удивило, когда онъ прибавилъ: «у него тоненькій голосъ, что очень поражаетъ въ первую минуту, при такомъ большомъ ростѣ и плотномъ тѣлосложеніи». Мнѣ все-таки казалось невѣроятнымъ, чтобъ это былъ Тургеневъ, но черезъ нѣсколько времени я имѣла случай убѣдиться, что Тургеневъ способенъ къ импровизаціи. Идя въ темный вечеръ домой съ музыки, надо было переходить дорогу, а изъ воротъ, которыя ведутъ изъ вокзала въ городъ, неожиданно выѣхала карета. Сдѣлалось смятеніе; многочисленное общество дамъ и кавалеровъ, шедшее впереди насъ, раздѣлилось на двѣ части: одна успѣла перебѣжать черезъ дорогу, а другая осталась съ нами и одна дама вскрикнула отъ испугу, перебѣгая дорогу. Карета проѣхала и мы спокойно продолжали свой путь. На другой день, на музыкѣ, я шла въ толпѣ по аллеѣ; впереди меня шель Тургеневъ съ дамами и рассказывалъ имъ, что онъ будто бы вчера спасъ какую-то даму, которую чуть не задавила карета, остановивъ лошадей; будто бы съ дамой сдѣлалось дурно и онъ на рукахъ перенесъ ее и передалъ кавалерамъ, которые разсыпались въ благодарностяхъ за спасеніе ихъ дамы. Когда я стала стыдить Тургенева, зачѣмъ онъ присочинилъ необычную исторію, то онъ мнѣ на это отвѣтилъ, улыбаясь—«надо было чѣмъ-нибудь занять своихъ дамъ».

Съ этихъ поръ я уже не вѣрила, если Тургеневъ рассказывалъ о себѣ что-нибудь. Онъ въ молодости часто импровизировалъ и слишкомъ увлекался. Иногда Бѣлинскій съ досадою говорилъ ему:

— Когда вы, Тургеневъ, перестанете быть Хлестаковымъ? Это возмутительно видѣть въ умномъ и образованномъ человекѣ.

Тургеневъ остерегался при Бѣлинскомъ увлекаться въ импровизаціи и искалъ болѣе снисходительныхъ слушателей.

Отъ Бѣлинскаго Тургеневу досталась сильная головомойка, когда дошло до его свѣдѣнія, что Тургеневъ въ свѣтскихъ дамскихъ салончикахъ говорилъ, что не унижить себя, чтобы брать деньги за свои сочиненія, что онъ ихъ дарить редакторамъ журнала.

— Такъ вы считаете позоромъ сознаться, что вамъ платяты деньги за вашъ умственный трудъ? Стыдно и больно мнѣ за васъ, Тургеневъ!—упрекалъ его Бѣлинскій.

Тургеневъ чистосердечно покался въ своемъ грѣхѣ и самъ удивлялся, какъ могъ говорить такую пошлость.

Бѣлинскій для своего кружка былъ нравственной уздой, такъ что послѣ его смерти, всѣ, какъ школьники, освобождаясь отъ над-

зора своего наставника, почувствовали свободу. Имъ болѣе не нужно было идеализировать передъ Бѣлинскимъ свои поступки, которые на дѣлѣ были далеки отъ идеальности, или впадать въ самобичеваніе своихъ слабостей.

У Тургенева въ молодости была слабость къ аристократическимъ знакомствамъ и онъ, бывало, всѣ уши прожужжитъ, если попадалъ въ свѣтскій салонъ. Онъ также во всеуслышаніе рассказывалъ, когда влюблялся или побуждалъ сердце женщины. Впрочемъ, послѣдней слабостью страдали въ кружкѣ почти всѣ, хвастались своими побѣдами, и часто опозитизированная въ ихъ разсказахъ женщина вдругъ превращалась въ самую прозаическую денежную интрижку. Но иногда ихъ болтливость о сердечныхъ тайнахъ порядочныхъ женщинъ влекла за собой печальныя послѣдствія.

Панаевъ упоминаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ, какъ Тургеневъ знакомилъ Бѣлинскаго съ англійской и нѣмецкой литературой, сообщая ему все, что выходило хорошаго за границей. Пока Бѣлинскій не достигъ того, что могъ свободно самъ читать пофранцузски, Панаевъ переводилъ для него цѣлыя тетради изъ Ламартина, Луи-Блана и др.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, по утрамъ, въ праздничные дни, къ Панаеву приходилъ правовѣдъ, Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, и читалъ ему свои стихи. Панаевъ съ большимъ сочувствіемъ относился къ юному поэту, онъ познакомилъ его съ Бѣлинскимъ, который поощрялъ юношу къ литературной дѣятельности и находилъ, что Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ гораздо умнѣе и талантливѣе своего брата Константина. Бѣлинскій разъ, по уходѣ Ивана Сергѣевича, сказалъ:

— Ахъ, если бы побольше было такихъ отцовъ у насъ въ Россіи, какъ старикъ Аксаковъ, который сумѣлъ дать такое честное направленіе своимъ сыновьямъ, тогда бы можно было умереть спокойно, что новое поколѣніе побольше нашего принесетъ пользы Россіи.

Первый разъ я увидѣла Некрасова въ 1842 году, зимой. Бѣлинскій привелъ его къ намъ, чтобы онъ прочиталъ свои «Петербургскіе углы». Бѣлинскаго ждали играть въ преферансъ его партнеры; пріѣхавшій изъ Москвы В. П. Боткинъ тоже сидѣлъ у насъ. Послѣ рекомендаціи Некрасова мнѣ и тѣмъ, кто его не зналъ, Бѣлинскій заторопилъ его, чтобы онъ началъ чтеніе. Панаевъ уже встрѣчался съ Некрасовымъ гдѣ-то.

Некрасовъ видимо былъ сконфуженъ при началѣ чтенія; голосъ у него былъ всегда слабый и онъ читалъ очень тихо, но потомъ разошелся. Некрасовъ имѣлъ видъ болѣзненный и казался на видъ гораздо старѣе своихъ лѣтъ, манеры у него были оригинальныя, онъ сильно прижималъ локти къ бокамъ, горбился, а когда читалъ,

то часто машинально приподнималъ руку къ едва пробивавшимся усамъ и, не дотрогиваясь до нихъ, опускалъ опять руку. Этотъ машинальный жестъ такъ и остался въ немъ, когда онъ читалъ свои стихи.

Бѣлинскій уже прочелъ «Петербургскіе углы», но слушалъ чтеніе съ большимъ вниманіемъ и посматривалъ на слушателей, желая знать какое впечатлѣніе производитъ на нихъ чтеніе.

Я замѣтила, что реальность «Петербургскихъ угловъ» коробитъ слушателей.

По окончаніи чтенія, раздались похвалы автору. Бѣлинскій, расхаживая по комнатѣ, сказалъ:

— Да-съ господа! Литература обязана знакомить читателей со всѣми сторонами нашей общественной жизни. Давно пора коснуться матеріальныхъ вопросовъ жизни, вѣдь важную роль они играютъ въ развитіи общества.

На эту тему Бѣлинскій говорилъ довольно долго.

Сѣли за преферансъ и Некрасовъ всѣхъ обыгралъ, потому что его партнеры были плохіе игроки. Проигрышъ всѣхъ не превышалъ трехъ рублей. Бѣлинскій сказалъ Некрасову:

— Съ вами играть опасно, безъ сапогъ насъ оставите.

По уходѣ Бѣлинскаго и Некрасова, В. П. Боткинъ началъ ораторствовать. Онъ считался въ кружкѣ за тонкаго цѣнителя всѣхъ изящныхъ искусствъ. Боткинъ развивалъ мысль, что такую реальность въ литературѣ нельзя допускать, что она зловредна, что обязанность литературы развивать въ читателяхъ эстетическій вкусъ и т. п.

Перешли и къ внѣшности автора, подтрунивали надъ его не свѣтскими манерами, находили, что его литературная дѣятельность низменна.

Некрасовъ передѣлывалъ французскіе водевили на русскіе нравы съ куплетами для бенефисовъ плохихъ актеровъ и вращался въ кругу всякаго сброда и сотрудничалъ въ мелкихъ газетахъ.

На другой день, за обѣдомъ у насъ, у Бѣлинскаго съ Боткинымъ произошелъ горячій споръ о Некрасовѣ. Бѣлинскій возражалъ Боткину.

— Здоровъ будетъ организмъ ребенка, если его питать одними сладостями,—говорилъ Бѣлинскій.—Наше общество еще находится въ дѣтствѣ и если литература будетъ скрывать отъ него всю грубость, невѣжество и мракъ, который его окружаетъ, то нечего и ждать прогресса.

Когда коснулись низменной литературной дѣятельности Некрасова, то Бѣлинскій на это отвѣтилъ:

— Эхъ, господа! вы вотъ радуетесь, что проголодались и съ аппетитомъ будете ѣсть вкусный обѣдъ, а Некрасовъ чувствовалъ боль въ желудкѣ отъ голода и у него черстватаго куска хлѣба не было, чтобы заглушить эту боль!.. Вы всѣ дилетанты въ литера-

турѣ, а я на себѣ испыталъ поденщину. Вотъ мнѣ давно пора приняться за разборъ глупыхъ книжонокъ, а я отлыниваю, хочется писать что-нибудь дѣльное, къ чему лежитъ душа, анъ нѣтъ! надо притуплять свой мозгъ надъ пошлостью, тратить свои силы на чепуху. Еслибы у меня было что жрать, такъ я бы не сталъ изводить свои умственные и физическія силы на поденщинѣ... Я дамъ голову на отсѣченіе, что у Некрасова есть талантъ и, главное, знаніе русскаго народа, непониманіемъ котораго мы всѣ отличаемся... Я бесѣдовалъ съ Некрасовымъ и убѣжденъ, что онъ будетъ имѣть значеніе въ литературѣ. У васъ у всѣхъ есть недостатокъ,—вамъ нужна внѣшняя сторона въ человѣкѣ, чтобы вы протянули ему руку, а для меня главное—его внутреннія качества. Хотъ прудъ пруди людьми съ внѣшнимъ-то лоскомъ, да что пользы-то отъ нихъ?!

Боткинъ стоялъ на своемъ, что грубаго реализма въ литературѣ нельзя допускать.

Некрасовъ очень рѣдко бывалъ у насъ въ эту зиму, но за то видѣлся часто съ Бѣлинскимъ и сталъ писать разборы въ отдѣлѣ библіографіи «Отечественныхъ Записокъ».

Разъ, вышла очень смѣшная сцена. Боткину очень понравился разборъ одной книги въ библіографіи и онъ говорилъ: «тонко, умно Бѣлинскій разобралъ книгу, живо, остроумно! прекрасно!» и при свиданіи сталъ хвалить Бѣлинскому его разборъ.

— Находите тонко, остроумно я написалъ?—спросилъ его Бѣлинскій.

— Прелестно, изящно!—отвѣчалъ Боткинъ.

Бѣлинскій разсмѣялся и сказалъ:

— Передамъ вашу похвалу Некрасову, это онъ разобралъ книгу.

Въ эту зиму Панаевъ познакомился гдѣ-то съ Маркевичемъ, пріѣхавшимъ въ Петербургъ дѣлать себѣ карьеру. Онъ былъ замѣчательно красивъ собой и сознавалъ это. О литературѣ тогда онъ и не помышлялъ, всѣ его помыслы были сосредоточены на томъ, чтобы попасть въ высшій свѣтскій кругъ. Кромѣ красивой наружности, Маркевичъ имѣлъ свѣтскую полировку. Его взяла подъ свое покровительство одна придворная старушка П....., игравшая видную роль въ аристократическомъ кругу, и Маркевичъ сдѣлался бальнымъ танцоромъ, получалъ приглашенія на балы въ высшемъ обществѣ. Ему страшно хотѣлось попасть на балъ къ княгинѣ Бѣлосельской; на ея балахъ всегда присутствовали государь и наслѣдникъ и самое избранное аристократическое общество. Маркевичъ часто бывалъ у Панаева и рассказывалъ ему о своихъ успѣхахъ въ свѣтскомъ кругу. Онъ приѣжалъ, весь сіяющій, чтобы показать ему пригласительный билетъ на балъ отъ Бѣлосельскихъ. Въ день бала онъ спозаранка пріѣхалъ къ намъ въ бальномъ туалетѣ и поминутно поглядывалъ въ окна—начинается ли пріѣздъ

экипажей. Мы жили противъ дома князей Бѣлосельскихъ. Увидавъ карету какого-то посланника, онъ рѣшилъ, что теперь можетъ тоже сѣсть въ наемную карету и переѣхать улицу, сталъ натягивать перчатки и, вдругъ, о ужасъ! одна перчатка лопнула. Его школьный пріятель, принимавшій большое участие въ успѣхахъ Маркевича въ свѣтскомъ кругу,—поскакалъ за перчатками, а Маркевичъ страшно волновался и, чуть не плача, глядѣлъ въ окно и съ ужасомъ говорилъ: «Боже мой, такая вереница экипажей уже стоитъ на улицѣ и мнѣ придется цѣлый часъ сидѣть въ каретѣ, дожидаясь очереди». И точно, долго пришлось Маркевичу ждать, когда дошла до него очередь.

Денежныя средства его были очень ничтожныя для свѣтскаго молодого человѣка и я не знаю, откуда онъ ихъ добывалъ. Впрочемъ, его школьный пріятель очень былъ богатъ, самъ не порывался въ высшій кругъ и всей душой желалъ, чтобы его другъ сдѣлалъ себѣ блестящую карьеру по службѣ и въ высшемъ кругу. Но вскорѣ его другъ уѣхалъ на Кавказъ и тамъ былъ убитъ. Маркевичу не удалось себѣ сдѣлать карьеру въ Петербургѣ, онъ переѣхалъ въ Москву, служилъ у генераль-губернатора Закревскаго, сдѣлался домашнимъ человѣкомъ въ его семействѣ и вращался въ высшемъ московскомъ кругу. Но и въ Москвѣ ему не удалась его служебная карьера и тогда уже онъ сдѣлался литераторомъ.

Бѣлинскій часто началъ прихварывать, очень тяготился своимъ одиночествомъ и разъ сказалъ мнѣ:

— Право, околѣешь ночью и никто не узнаетъ! Мнѣ одну ночь такъ было скверно, что я не могъ протянуть руки, чтобы зажечь свѣчу.

У Бѣлинскаго не было прислуги, дворникъ утромъ убиралъ ему комнаты, ставилъ самоваръ, чистилъ платье. Я посовѣтовала ему жениться, потому что видѣла въ немъ всѣ задатки хорошаго семьянина. Но Бѣлинскій мнѣ на это отвѣчалъ:

— А чѣмъ я буду кормить свою семью? да и гдѣ я найду такую женщину, которая согласилась бы связать свою участь съ такимъ бѣднякомъ, какъ я, да еще хворымъ? Нѣтъ ужъ придется мнѣ околѣть одинокому!..

Разъ, Бѣлинскій пришелъ обѣдать къ намъ и я такъ хорошо изучила его лицо, что сейчасъ же догадалась, что онъ въ очень хорошемъ настроеніи духа и не ошиблась, потому что онъ мнѣ объявилъ, что получилъ утромъ письмо изъ Москвы отъ неизвѣстной ему особы, которая интересуется очень его литературной дѣятельностью.

— Вотъ и моей особой заинтересовалась женщина,—сказалъ Бѣлинскій.

Я поняла, что это намекъ на тѣхъ лицъ кружка, которыя трезвонятъ о своихъ побѣдахъ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобы мои статьи читали женщины; а по письму моей почитательницы я вижу, что она всѣ ихъ прочла.

— Будете ей отвѣчать? — спросила я.

— Непремѣнно!

Переписка Бѣлинскаго съ незнакомой ему особой очень заинтересовала его кружокъ; объ этомъ толковали между собой его друзья и приставали къ нему съ разспросами. Я всегда догадывалась по лицу Бѣлинскаго, когда онъ получалъ письмо изъ Москвы.

Приѣхалъ въ Петербургъ Лажечниковъ. Бѣлинскій еще въ Москвѣ хорошо былъ съ нимъ знакомъ и привелъ его къ намъ обѣдать.

Я очень удивилась, увидя Лажечникова уже сѣдого и почтенныхъ лѣтъ, хотя онъ былъ бодрый и живой старикъ, но все-таки, по тѣмъ рассказамъ о немъ, какія я слышала отъ нѣкоторыхъ литераторовъ въ нашемъ кружкѣ, я не могла понять, чтобы Лажечниковъ не прекращалъ своихъ ловеласовскихъ походовъ. В. П. Боткинъ привезъ изъ Москвы новость о немъ, что будто бы Лажечниковъ соблазнилъ какую-то молоденькую барышню и она бѣжала изъ родительскаго дома.

Бѣлинскій на недѣлю поѣхалъ въ Москву съ Лажечниковымъ, чтобы немного отдохнуть отъ работы. Онъ вернулся оттуда веселымъ, бодрымъ, такъ что всѣ удивились, но я больше всѣхъ была поражена, когда Бѣлинскій мнѣ сказалъ:

— Я васъ удивлю сейчасъ, я послушался вашего совѣта и женюсь!.. Не вѣрите?... Я вѣдь затѣмъ и поѣхалъ въ Москву, чтобы все кончить тамъ.

Я догадалась, что невѣста Бѣлинскаго была та особа, съ которой онъ долго переписывался.

— Пожалуйста, только никому не выдавайте моего секрета, начнутъ приставать ко мнѣ съ разспросами. Я знаю, что въ нашемъ кружкѣ любятъ почесать язычки другъ о другъ. Пусть узнаютъ тогда, когда женюсь... Какъ все приготовлю здѣсь, она приѣдетъ — на другой день повѣнчаемся. Я васъ прошу закупить, что нужно для хозяйства, все самое дешевое и только самое необходимое. Мы оба пролетаріи... Моя будущая жена не молоденькая и требованій никакихъ не заявить. Теперь мнѣ надо вдвое работать, чтобы покрыть расходы на свадьбу.

Веселое настроеніе Бѣлинскаго, его охлажденіе къ преферансу, наши совѣщанія о хозяйственныхъ покупкахъ и записки, которыми онъ мнѣ присылалъ иногда поздно вечеромъ такого содержанія: «умираю съ голоду, пришлите что-нибудь поѣсть; такъ заработался, что обѣдать не хотѣлось, а теперь чувствую волчий аппетитъ», — все это породило въ кружкѣ сплетни на мой счетъ. Дѣлались тонкіе намеки, что Бѣлинскій съ нѣкоторыхъ поръ измѣнился, что сейчасъ видно, когда человекъ счастливъ взаимностью и проч. Я посмѣива-

лась въ душѣ надъ предположеніемъ друзей, но когда, конечно, изъ дружбы, довели до свѣдѣнія Панаева о моемъ особенномъ расположеніи къ Бѣлинскому, то я возмутилась, тѣмъ болѣе, что это же лицо съ наслажденіемъ выдавало всѣ секреты Панаева мнѣ, думая расположить меня къ себѣ, но достигало совершенно противоположнаго результата, потому что я изъ многихъ фактовъ уже видѣла, что нельзя вѣрить въ дружбу, что пріятели Панаева въ глаза ему поощряютъ его слабости, а за глаза возмущаются ими и, выманивъ у него его тайны, разглашаютъ ихъ всюду. Вслѣдствіе этого я держала себя довольно далеко отъ всѣхъ и не пускалась ни съ кѣмъ въ откровенности.

Я сообщила Бѣлинскому о сплетняхъ его друзей.

— Вотъ охота вамъ волноваться о такихъ пустякахъ, — отвѣчала онъ. — Сами въ дуракахъ останутся. Какой это народъ странный... нѣтъ что ли у нихъ другихъ интересовъ, какъ заниматься сплетнями, точно простыя бабы!

Для свадьбы у Бѣлинскаго все было готово, онъ ждалъ только пріѣзда невесты. Бѣлинскій вѣнчался въ церкви Строительнаго Училища, на Обуховскомъ проспектѣ, близъ 1-й роты Измайловскаго полка. Часовъ въ 10 утра онъ пришелъ извѣстить меня, что невеста его пріѣхала и просиль, чтобъ я отвезла ее въ церковь къ 12 часамъ. Панаева ошеломила просьба Бѣлинскаго пріѣхать въ церковь и захватить кого-нибудь еще въ свидѣтели изъ общихъ короткихъ знакомыхъ. «Кто же женится?» спросилъ Панаевъ. «Я, я женюсь!» — смѣясь, отвѣтилъ Бѣлинскій. Когда Панаевъ началъ приставать съ разспросами, то Бѣлинскій ему отвѣтилъ: «въ церкви увидите». Бѣлинскій не могъ нанять другую квартиру и остался на своей холостой. Я пришла къ Бѣлинскому и познакомилась съ его невестой. Онъ шутя говорилъ: «задалъ я теперь своимъ пріятелямъ работу, безъ конца будутъ судить и рядить о моей женитьбѣ».

Панаевъ не утерпѣлъ и вмѣсто одного свидѣтеля привезъ въ церковь троихъ, хотя Бѣлинскій и просилъ его до завтра не объявлять никому о его женитьбѣ. Въ церкви Бѣлинскій былъ веселъ, но когда я возвращалась домой въ каретѣ съ молодыми, то онъ сдѣлался молчаливъ, у него заболѣла грудь; но боль скоро прошла и онъ опять повеселѣлъ. Молодые непременно хотѣли, чтобъ я выпила съ ними чаю. Молодая сѣла разливать чай, а Бѣлинскій, расхаживая по комнатѣ, шутливо говорилъ:

— Вотъ я теперь женатый человекъ, всѣ свои дебоширства долженъ бросить и сдѣлаться филистеромъ.

Смѣшно было слышать, что Бѣлинскій говоритъ о своихъ дебоширствахъ; я въ томъ же шуточномъ тонѣ отвѣчала, что ему надо бросить раззорительную игру въ преферансъ.

— Ну, ужъ наставленіе мнѣ читаете, какъ почтенная посаженная мать! — смѣлся онъ.

Бѣлинскій всегда писалъ, стоя у конторки; долго сидѣть онъ не могъ, потому что у него тотчасъ разбалывалась грудь. Когда онъ подошелъ къ конторкѣ и взялся за перо, я его спросила: «неужели онъ хочетъ писать?»

— Не хочу, а долженъ, въ типографіи ждутъ набора, терпѣть не могу, когда за мной остановка. Находите, что молодому неприлично работать? Успокойтесь, у меня жена не дѣвочка, не надуется на меня за это. Вы разговаривайте, мнѣ еще веселѣе будетъ писать.

Но Бѣлинскому не удалось заняться; кухарка, нанятая мной для молодыхъ, такъ наредила въ кухнѣ, которая была возлѣ, что Бѣлинскій закашлялся, бросилъ работу и мы удалились въ другую комнату, надо было отворить форточку и двери въ сѣни, чтобъ уничтожить чадъ.

Бѣлинскій, смѣясь, сказалъ мнѣ:

— Вами рекомендованная кухарка, должно быть, нарочно наредила, найдя тоже, что молодому неприлично въ день свадьбы работать.

Женитьба Бѣлинскаго произвела сильное волненіе въ кружкѣ; всѣ были поражены такой новостью, нѣкоторые его пріятели даже обидѣлись на то, что Бѣлинскій скрылъ отъ нихъ свое намѣреніе. Разговорами объ этомъ не было конца.

Тѣснота квартиры, частая перемѣна дешевыхъ кухарокъ и всякія хозяйственныя мелочи, неизбѣжныя въ томъ хозяйствѣ, гдѣ должны беречь каждую копейку, волновали Бѣлинскаго, и онъ иногда задавалъ мнѣ вопросъ: «да неужели нельзя найти порядочную кухарку не пьяницу, не крикунью-грубянку?».

Я ему растолковывала, что хорошая кухарка будетъ дорога, да и не станетъ спать у самой плиты и стирать въ полутемной кухонкѣ.

— А-а!.. значить я долженъ помириться съ своей домашней обстановкой! Нечего мнѣ и волноваться, что въ два мѣсяца у насъ перемѣнилось восемь кухарокъ. Теперь на ихъ грязь и грубости я буду смотрѣть спокойно, только приму мѣры, буду затыкать уши канатомъ, когда начнется руготня въ кухнѣ.

Черезъ годъ у Бѣлинскаго родилась дочь, расходы увеличились. На лѣто онъ переѣхалъ на дачу около Лѣснаго, или куда-то недалеко отъ города. Что это была за дача? Изба, перегороженная не до потолка, въ которой съ одной стороны была кухня, а съ другой его комната въ родѣ чуланчика, гдѣ онъ работалъ и спалъ. Въ жаркіе дни можно было задохнуться отъ духоты на этой дачѣ, а въ дождливые—продрогнуть до костей отъ сырости и сквознаго вѣтра, дувшаго изъ щелей пола и изъ стѣнъ.

Тѣ литераторы, которые не видѣли Бѣлинскаго въ этой обстановкѣ, только и могутъ писать въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ,

что въ немъ развилась чахотка не отъ лишеній, а отъ его нервнаго характера. Въ кружкѣ близкихъ его друзей были нѣкоторые лица съ хорошими средствами, но имъ въ голову не приходило придти на помощь Бѣлинскому, когда онъ нуждался, а Бѣлинскому также не приходило въ голову обращаться къ нимъ. Если ему не хватало денегъ, чтобы дотянуть мѣсяць, онъ всегда сначала освѣдомлялся у меня: «есть ли у Панаева лишнія деньги?» и занявъ, спѣшилъ отдать свой ничтожный долгъ, какъ только получалъ самъ деньги за работу.

Я имѣла также случай видѣть нѣкоторыхъ лицъ, не принадлежавшихъ къ литературному кружку Бѣлинскаго, напримѣръ, Булгарина, на котораго большинство литераторовъ смотрѣло, какъ на прокаженнаго, гнушаясь съ нимъ кланяться на улицѣ, а тѣмъ болѣе быть съ нимъ въ одномъ обществѣ.

Я была очень дружна съ женой Межевича, которую знала еще въ дѣвушкахъ; она была очень хорошенькая, образованная и умная, и была не пара Межевичу, человѣку доброму, но безъ всякихъ принциповъ. Межевичъ давно былъ влюбленъ въ мою пріятельницу и дѣлалъ ей предложеніе, когда жилъ въ Москвѣ. Черезъ годъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, устроившись редакторомъ «Полицейской Газеты», онъ во второй разъ сдѣлалъ предложеніе и писалъ своему московскому другу, что если получитъ опять отказъ отъ давно любимой имъ дѣвушки, то застрѣлится. Это письмо другъ Межевича показалъ моей пріятельницѣ, у которой былъ свой несчастный романъ, и она, не считывая болѣе на личное свое счастье и не желая быть причиной смерти Межевича, вышла за него замужъ.

Пріѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ и его непосредственное сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» обидѣли Межевича; онъ не могъ рассчитывать на работу въ журналѣ, какъ прежде, и перебѣжалъ къ Булгарину. Въ домѣ Межевича мнѣ случилось встрѣтить Булгарина. Онъ считалъ своею обязанностію являться съ поздравленіемъ къ женѣ Межевича въ торжественные дни года. Черты его лица были, вообще, непривлекательны, а гнойныя, воспаленныя глаза, огромный ротъ и вся фигура производили неприятное впечатлѣніе. Голосъ у него былъ грубый, отрывистый; говорилъ онъ не складно, какъ бы заикался на словахъ.

Мнѣ рассказывала Межевичъ, что Булгаринъ, въ своей семейной жизни, былъ точно чужой, какъ хозяинъ дома не имѣлъ никакого значенія, сидѣлъ всегда у себя въ кабинетѣ. Его жена, нѣвка и ея тетка распоряжались по своему произволу домомъ, дѣтьми, деньгами. Булгарину давалась ничтожная сумма на карманные расходы, а всѣ доходы отъ газеты отъ него отбирались. Булгаринъ тщательно скрывалъ отъ жены свои мелкіе доходы,

получаемые отъ фруктовыхъ магазиновъ, лавочекъ и винныхъ погребовъ, восхваляемыхъ имъ въ своей газетѣ.

У той же моей пріятельницы, я встрѣчала Строева. Она, зная его печальную семейную обстановку, относилась къ нему съ участіемъ. Строевъ жилъ уже нѣсколько лѣтъ въ гражданскомъ бракѣ съ необразованной, грубой по натурѣ женщиной, имѣлъ отъ нея нѣсколько человѣкъ дѣтей и, не смотря на всѣ безобразныя сцены, какія ему дѣлала его сожительница, не бросалъ ее.

Строевъ былъ хорошо воспитанъ и образованъ, говорилъ по-французски, какъ парижанинъ, манеры его были изящныя, и онъ умѣлъ занять интереснымъ разговоромъ. Строевъ страшно нуждался и бралъ всякую работу, только бы добыть денегъ на содержаніе своей семьи. А извѣстно, что если знаютъ, что человѣкъ нуждается въ работѣ, то его прижимаютъ, и Строевъ переводилъ книги для книгопродавцевъ за баснословно-дешевую цѣну.

Въ домѣ Межевича при мнѣ возникла мысль издавать журналъ «Пантеонъ». Это придумали Межевичъ, Строевъ и Аполлонъ Григорьевъ.

У ихъ пріятеля Песоцкаго были деньги, они и подбили его издавать журналъ.

Песоцкій былъ человѣкъ совсѣмъ неподготовленный къ литературной дѣятельности, даже вовсе необразованный, но ему лестно было видѣть свое имя на оберткѣ журнала, при томъ же ему набѣщали большіе барыши. Программа «Пантеона» исключительно была посвящена сценическому искусству. Журналомъ редижировали Межевичъ, Строевъ и еще кто-то, а Песоцкій только платилъ деньги. При выпускѣ перваго номера «Пантеона» заданъ былъ торжественный обѣдъ въ ресторанѣ, гдѣ пировали всѣ сотрудники и посторонніе гости, говорились рѣчи, провозглашали тосты за Песоцкаго и качали его на рукахъ. Но подписка на журналъ была плохая, а расходовъ на него много; Песоцкій былъ щедръ, скоро ухлопалъ всѣ свои деньги и передалъ «Пантеонъ» кажется Кони.

Григорьевъ довѣрялъ всѣ свои сокровенныя тайны женѣ Межевича. Онъ платонически былъ влюбленъ въ общую имъ знакомую даму, находилъ въ ней сходство съ Офеліей, и когда сходилъ съ ней у Межевичей, то садился на скамейкѣ у ея ногъ, декламировалъ монологи изъ Гамлета и посвящалъ ей свои стихи. Только Григорьевъ и могъ находить въ своемъ предметѣ сходство съ Офеліей. Это была женщина лѣтъ подь тридцать, очень полная, съ крутымъ красивымъ лицомъ, съ свѣтлыми жидкими волосами. Впрочемъ, у Григорьева была очень сильная фантазія. Онъ вдругъ изъ западника превратился въ яраго славянофила, надѣлъ красную рубаху, плисовую поддевку и въ этомъ костюмѣ садился въ первые ряды кресель въ Александринскомъ театрѣ, обращая на себя всеобщее вниманіе.

У моей пріятельницы я познакомилась также съ Варламовымъ, композиторомъ романсовъ. Моя пріятельница знала его самого и его жену въ Москвѣ, до ихъ женитьбы. Варламовы почему-то переселились въ Петербургъ на житье. У Варламова были уроки пѣнія въ богатыхъ домахъ, но онъ очень манкировалъ уроками. Я рѣдко встрѣчала супруговъ, которые такъ были бы сходны по характеру; оба добрые, готовые всегда помочь нуждающимся, когда у нихъ были деньги. Они не думали о завтрашнемъ днѣ, а наслаждались жизнью при всякомъ удобномъ случаѣ. Если Варламовъ получалъ деньги за уроки или за продажу своего новаго романса, то задавалъ пиръ горой, а вскорѣ затѣмъ приходилъ къ женѣ Межевича мрачный, потому что его жена и дѣти сидятъ безъ обѣда, лавочники не отпускали болѣе въ кредитъ провизіи, требуя уплаты долга.

— Ъхали бы домой, сочинили бы романсъ, продали бы его, вотъ и будутъ у васъ деньги,—совѣтовала Варламову моя пріятельница.

Варламовъ ударялъ себя по лбу и просилъ ее вѣзрать коротенькіе стихи какого-нибудь поэта. Съ книгой онъ отправлялся въ зало, садился за фотрепiano и сочинялъ музыку. Домой онъ боялся идти, опасаясь атаки лавочниковъ. Черезъ нѣкоторое время Варламовъ являлся въ комнату, гдѣ мы сидѣли и пѣлъ новый свой романсъ, уже положенный на ноты. Варламову было тогда лѣтъ подъ 50, голоса у него уже не было никакого, а въ молодости, говорили, у него былъ очень пріятный теноръ. Варламовъ торопливо прощался, слѣша въ музыкальный магазинъ запродать свой романсъ. Черезъ три часа мужъ и жена Варламовы пріѣзжали уже въ коляскѣ съ корзиной вина и приглашали Межевичей на вечеръ.

Когда моя пріятельница вышла замужъ за Межевича, я предполагала, съ огорченіемъ, что она непременно должна раскаяться въ томъ, что связала свою судьбу съ Межевичемъ, но вышло наоборотъ. Она страшно мучилась, что погубила его жизнь и ему пришлось жить съ такой болѣзненной женой. Моя пріятельница, черезъ мѣсяць послѣ свадьбы, захворала и въ продолженіе 5 лѣтъ не выходила изъ своей комнаты, испытывая страшныя физическія и нравственныя страданія. Ея хорошенькое личико было неузнаваемо отъ болѣзни, да и весь ея организмъ разрушился; доктора увѣряли ее, что она страшно золотушна и петербургскій климатъ вызвалъ болѣзнь наружу. У моей пріятельницы была необыкновенная сила воли; въ присутствіи мужа она скрывала свои страданія, всегда была кротка и весела, только мнѣ она довѣряла, какъ нетерпѣливо ждетъ смерти, чтобы освободить своего мужа. Она упрашивала его, чтобы онъ положилъ ее въ больницу, но Межевичъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Онъ чувствовалъ, что пропадетъ безъ жены, потому что она не разъ выпутывала его изъ

критическаго положенія. Около Межевича всегда юлила какая-нибудь подозрительная личность, прикидываясь его закадычнымъ другомъ, брала на честное слово на три дня у него деньги изъ подписки на «Полицейскую Газету» тысячи двѣ, и исчезала. Межевичъ приходилъ въ отчаяніе, которымъ и ограничивались его мѣры къ пополненію кассы. Тогда его жена писала въ Москву къ своимъ знакомымъ, прося въ долгъ денегъ, пополняла кассу, а сама день и ночь переводила романы и всякую всячину для книгопродавцевъ и уплачивала долгъ. Бывало, придешь къ ней, она едва сдерживаетъ стоны отъ боли въ ногахъ, но работаетъ и говорить въ отчаяніи: «только бы мнѣ уплатить послѣднія деньги своего долга, пусть тогда приходитъ смерть, я ее радостно встрѣчу».

Зачастую Межевичъ засиживался въ гостяхъ и не являлся къ 12 часамъ ночи домой, чтобы проредактировать и «дать въ типографію номеръ газеты. Тогда его больная жена исполняла обязанности редактора.

Межевичъ не рѣдко получалъ выговоры и его даже сажали подъ арестъ за разные недосмотры въ «Полицейской Газетѣ». Разъ, его посадили подъ арестъ по слѣдующему случаю. Какой-то шутникъ принесъ объявленіе о сбѣжавшемъ у него бульдогѣ и описалъ примѣты очень схожія съ личностью одного тогдашняго значительнаго лица въ администраціи и приложилъ адресъ дома, гдѣ это лицо занимало казенную квартиру, прибавивъ: «кто доставитъ сбѣжавшаго бульдога, тотъ получитъ приличное вознагражденіе». Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, Межевича снова посадили подъ арестъ, но уже на двѣ недѣли, за то, что онъ въ официальномъ извѣстіи напечаталъ вмѣсто «его высочество великій князь Михаилъ Павловичъ» — просто «князь Михаилъ Павловичъ». Межевичъ подалъ запросъ въ канцелярію оберъ-полиціймейстера «кому передать редактированіе газеты?» и получилъ отвѣтъ: «тому же лицу, кто редактировалъ газету, когда онъ три дня сидѣлъ подъ арестомъ». Такъ какъ редактировала жена Межевича, то и теперь, въ теченіе двухъ недѣль, она распоряжалась газетой и не сдѣлала ни одного промаха. Я стала ее звать «редакторшей». Тогда казалось смѣшнымъ и дикимъ, чтобы женщины могла носить такое названіе. Межевичъ сдѣлался врагомъ Панаева, послѣ того, какъ онъ нанечаталъ рассказъ «Литературная Тля», гдѣ, по правдѣ сказать, Панаевъ не поцеремонился и описалъ слишкомъ вѣрно наружность Межевича, даже его привычку часто поправлять очки и разные факты изъ его частной и литературной жизни. Но эта вражда мужей не мѣшала нашей дружбѣ. Впрочемъ, и впослѣдствіи, когда издавался «Современникъ», я не входила въ литературныя распри и не прекращала своего знакомства съ сотрудниками «Отечественныхъ Записокъ», съ которыми была знакома до «Современника»,

конечно, если только эти сотрудники не занимались сплетнями, перенося ихъ изъ одной редакціи въ другую.

Послѣ смерти жены Межевича, само собой разумѣется, я уже не видала сотрудниковъ Булгарина и самого Межевича, который черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самъ умеръ отъ холеры. И въ какой печальной обстановкѣ: дѣвица, съ которой онъ свелъ интрижку, увидавъ, что ночью у Межевича началась холера, вмѣсто того, чтобы разбудить прислугу, которая находилась далеко отъ комнатъ, и послать за докторомъ, взяла бумажникъ съ деньгами, часы, серебро и убѣжала черезъ парадный ходъ. Утромъ прислуга нашла Межевича уже полумертваго и докторская помощь оказалась бесполезной. Да и кстати покончилъ свое существованіе Межевичъ, потому что, послѣ смерти жены, нашелся такой человѣкъ, который изъ дружбы взялся завѣдывать хозяйственною частью «Полицейской Газеты» и типографіею, набивалъ себѣ карманъ, а долги свалилъ на умершаго Межевича. Этотъ господинъ, какъ бы въ награду за свои способности къ наживѣ, пошелъ въ гору по службѣ и разбогатѣлъ.

А. Головачева.

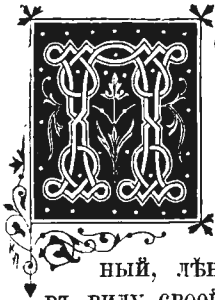
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И СТЕФАНЪ БАТОРІЙ ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЛИВОНІЮ¹⁾.

I.

Земскій соборъ 1566 года.—Перемиріе съ Литвою.—Вассальный ливонскій король Магнусъ.—Двукратное польское безкоролевье.—Московская кандидатура.—Избраніе Баторія.—Возобновленіе русскими военныхъ дѣйствій въ Эстоніи и Ливоніи.—Личный походъ царя въ 1577 году.—Приготовленія Баторія къ войнѣ.—Первый его походъ на Россію и взятіе Полоцка.—Второй походъ.—Переговоры и переписка съ Иваномъ IV.

ОСЛѢ такихъ рѣшительныхъ событій какъ взятіе Полоцка русскими и пораженіе ихъ на р. Улѣ, война Москвы съ Литвою за Ливонію продолжалась безъ особой энергіи съ обѣихъ сторонъ, чему причиною были внутреннія дѣла и въ той и въ другой странѣ: въ Москвѣ свирѣпствовала тогда эпоха опричины и казней, а въ Литвѣ изнѣженный, лѣнивый и сильно старѣющій Сигизмундъ Августъ, въ виду своей бездѣтности, главное вниманіе посвящалъ теперь вопросу объ окончательной уніи великаго княжества съ польскою короною. Посольскія пересылки и мировые переговоры по нѣскольку разъ возобновлялись и прекращались, такъ какъ не могли сойтись въ условіяхъ. Главнымъ препятствіемъ служила Ливонія, отъ которой Иванъ ни за что не хотѣлъ отказаться, а Литва не только не желала ее уступить, но и требовала возвращенія Полоцка.

Въ 1566 году въ Москву пріѣхали большіе литовскіе послы. Ходкевичъ и Тышкевичъ. На сей разъ они предлагали перемиріе

¹⁾ Отрывокъ изъ приготовляемаго къ печати третьяго тома «Исторіи Россіи».

съ тѣмъ, чтобы за Москвою оставались и Полоцкъ, и часть Ливоніи, занятую московскими войсками, т. е. на основаніи *ubi possidetis*. Кромѣ того, предлагали устроить для заключенія мира личное свиданіе государей на границѣ. Иванъ требовалъ остальной Ливоніи и уступалъ королю Курляндію съ нѣсколькими городами на правой сторонѣ Двины. Чтобы подкрѣпить свое требованіе, онъ прибѣгъ къ тому способу, который постепенно началъ входить въ употребленіе у московскаго правительства при рѣшеніи важныхъ государственныхъ вопросовъ: лѣтомъ того же 1566 года онъ созвалъ въ столицѣ земскую думу изъ духовенства, бояръ и окольныхчихъ, казначеевъ и дьяковъ, дворянъ первой статьи, дворянъ и дѣтей боярскихъ второй статьи, торопецкихъ и великолукцкихъ помѣщиковъ, пограничныхъ съ Литвою, а также московскихъ и смоленскихъ гостей и купцовъ. Царь отдалъ на ихъ разсмотрѣніе условія, предложенныя королемъ, и спрашивалъ ихъ совѣта. Первые отвѣчали архіереи, числомъ девять (митрополитъ Аванасій только что отказался отъ своего сана, а новый, Филиппъ, еще не былъ выбранъ), вмѣстѣ съ ними подавали голосъ архимандриты, игумены и старцы. По ихъ мнѣнію, государь показалъ довольно смиренія передъ королемъ въ своихъ уступкахъ; больше уступать не слѣдуетъ и надобно требовать тѣ города ливонскіе, которыми король завладѣлъ несправедливо въ то время, когда государь воевалъ ливонскую землю; а земля эта была уже за прародителями государя, начиная съ Ярослава Владиміровича. Бояре, окольные и приказные люди, а за ними помѣщики и купцы, повторили то же мнѣніе и приговорили добывать всей ливонской земли, изъявляя готовность головы свои положить за государя. Трудно сказать, насколько такой рѣшительный приговоръ былъ искреннимъ, т. е. насколько члены земской думы чувствовали себя свободными въ выраженіи своихъ мыслей и не былъ ли этотъ приговоръ простымъ подтвержденіемъ намѣреній или желаній Іоанна, заранѣе извѣстныхъ. Во всякомъ случаѣ рѣшеніе продолжать войну и добывать остальной Ливоніи далеко не согласовалось съ обстоятельствами того времени и съ средствами московскаго государства. Гораздо благоразумнѣе было бы укрѣпить за собою завоеванное и отложить до болѣе удобнаго времени дальнѣйшія пріобрѣтенія съ этой стороны. Но высокомерный, заносчивый тиранъ не хотѣлъ или не способенъ былъ видѣть дѣло въ настоящемъ его положеніи, и, лишенный мудрыхъ совѣтниковъ, подвергалъ свое государство ненужнымъ испытаніямъ и бѣдствіямъ.

Иванъ Васильевичъ отправилъ къ Сигизмунду Августу боярина Умнаго-Колычова требовать всей Ливоніи и, кромѣ того, выдачи князя Курбскаго. Послѣ долгихъ переговоровъ этого посольства съ литовскими панами, требованія Іоанна были отвергнуты и Сигизмундъ послалъ къ нему гонцомъ Юрія Быковскаго съ письмомъ

о возобновленіи войны. Въ началѣ октября 1567 года Быковскій нашелъ царя на дорогѣ въ Новгородъ. Иванъ принялъ гонца въ шатрѣ, облеченный въ воинскіе доспѣхи и окруженный военною свитою; говорилъ съ нимъ; а потомъ велѣлъ его заключить въ московскую тюрьму—подъ тѣмъ предлогомъ, что въ письмѣ королевскомъ были «супротивныя слова», и что воротившійся бояринъ Умный-Колычовъ жаловался на дурное обращеніе съ его посольствомъ въ Литвѣ. Однако, царскій походъ, торжественно предпринятый изъ Новгорода въ Ливонію съ большимъ войскомъ, на сей разъ скоро окончился. Устрашась осеннихъ непогодъ и воинскихъ трудовъ, Иванъ Васильевичъ подъ предлогомъ морового повѣтрія, воротился въ Александровскую слободу, поручивъ воеводамъ оберегать границы. Но и со стороны Сигизмунда Августа война ведена была вяло и отличалась дѣйствіями нерѣшительными. Литовцы пробовали осаждать нѣкоторыя вновь построенныя москвитянами пограничныя крѣпости, каковы: Усвятъ, Ула, Соколъ, Копіе, но большею частію неудачно. Такъ подъ Улою гетманъ Ходкевичъ потерпѣлъ уронъ и долженъ былъ снять осаду; послѣ чего онъ писалъ къ королю и жаловался на трусость своихъ ратныхъ людей, отдавая справедливость храбрости москвитянъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ (зимою 1568 года) литовцы взяли, однако, Улу и сожгли ее. Послѣ того царь рѣшилъ возобновить мировыя переговоры съ Сигизмундомъ и отпустилъ задержаннаго гонца Быковского. Съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія прекратились и началась взаимная посылка гонцовъ. Во время этихъ переговоровъ литовцы нечаяннымъ нападеніемъ захватили было Изборскъ; но московскіе воеводы по строгому приказу царя отбили городъ назадъ. Переговоры возобновились тѣмъ охотнѣе, что Сигизмундъ хлопоталъ тогда на Люблинскомъ сеймѣ объ окончательной уніи Литвы съ Польшею; а въ виду плохого состоянія его здоровья чины были озабочены вопросомъ о его преемникѣ, при чемъ въ Москву искусно подавались надежды на избраніе или самого Ивана Васильевича, или его сына. Наконецъ, въ 1570 году, въ Москву пріѣхало большее литовское посольство, и заключило трехлѣтнее перемиріе на основаніи *ubi possidetis*.

Въ перемиріи съ Литвою московскій царь особенно нуждался въ это время и потому, что у него открылись военныя дѣйствія со шведами. Осенью 1568 года благопріятель и союзникъ его король Эрихъ XIV, нелюбимый за свою жестокость и полусумасшедшій, былъ сверженъ съ престола, и его мѣсто занялъ братъ его Іоаннъ, герцогъ финляндскій, женатый на Екатеринѣ, сестрѣ Сигизмунда Августа, и находившійся тогда въ заключеніи. Иванъ Васильевичъ, сватавшійся прежде за эту Екатерину, завязалъ съ Эрихомъ переговоры о ея выдачѣ тогда, когда она была уже женою его брата. По сей причинѣ и, вообще, по родству своему съ

польскимъ королемъ, при новомъ шведскомъ королѣ измѣнились отношенія шведовъ по вопросу о Ливоніи: они сдѣлались теперь союзниками Польши и врагами Москвы.

Около того времени Иванъ Васильевичъ возымѣлъ слѣдующій планъ: видя чрезвычайную трудность завоевать всю Ливонію для себя самого, онъ задумалъ сдѣлать изъ нея вассальное владѣніе, т. е. поставить ее въ тѣ же отношенія къ московскому государю, въ какихъ находился герцогъ курляндскій къ королю польскому. Сначала этотъ планъ онъ хотѣлъ привести въ исполненіе въ лицѣ своего плѣнника, бывшаго ливонскаго магистра Фирстенберга. Но послѣдній скоро умеръ (1565 г.). Тогда Иванъ IV. сталъ искать другое подходящее лицо. Двое изъ числа плѣнныхъ ливонскихъ дворянъ, Иоганъ Таубе и Елертъ Крузе, благодаря своей ловкости и угодливости, втерлись въ довѣріе царя и усердно поддерживали его намѣреніе сдѣлать изъ Ливоніи подчиненное ему вассальное владѣніе. Для сей цѣли, они совѣтовали ему обратиться или къ Кетлеру, тоже бывшему ливонскому магистру, а теперь герцогу курляндскому, или къ принцу датскому Магнусу, владѣтелю Эвельскому. Иоаннъ далъ Таубе и Крузе порученіе въ этомъ смыслѣ и послалъ ихъ въ Дерптъ, откуда они завязали сношенія съ указанными лицами. Когда Кетлеръ отказался отъ предложенія, они обратились къ Магнусу. Сей послѣдній склонился на ихъ предложеніе и прибылъ въ Москву (въ 1570 г.). Иванъ принялъ его ласково, обручилъ его съ своей племянницей Евфиміей (дочерью Владиміра Андреевича), далъ ему титулъ ливонскаго короля и заставилъ его присягнуть на разныхъ условіяхъ, которыми опредѣлялись его подручническія отношенія. Послѣ того Магнусъ былъ отпущенъ съ богатыми дарами и съ московскимъ войскомъ для завоеванія своего будущаго ливонскаго королевства. Такъ какъ съ Польшею было тогда заключено перемиріе, то рѣшено обратить оружіе противъ шведовъ и отнять у нихъ Эстонію. Начали прямо съ главнаго ея города, т. е. съ Ревеля; Магнусъ осадилъ его съ 25,000 русскихъ и съ своимъ собственнымъ отрядомъ, набраннымъ изъ тѣхъ ливонскихъ и эстонскихъ нѣмцевъ, которые приняли его сторону. Но осада была неудачна. Получая припасы и подкрѣпленія съ моря изъ Швеціи, ревелъцы мужественно оборонялись; Магнусъ простоялъ подъ ихъ стѣнами цѣлыхъ 30 недѣль, и принужденъ былъ отступить. Такъ какъ въ неудачѣ своей онъ болѣе всѣхъ обвинялъ Таубе и Крузе, которые совѣтовали ему идти на Ревель, обѣщая легкое его завоеваніе, то эти дворяне, боясь царскаго гнѣва, измѣнили Иоанну и завели сношенія съ Сигизмундомъ Августомъ. Они затѣяли было заговоръ въ Дерптѣ съ тѣмъ, чтобы передать сей городъ полякамъ; но когда это имъ не удалось, они бѣжали отсюда къ польскому королю. Хотя невѣста Магнуса княжна Евфимія умерла, однако, Иванъ Васильевичъ, не смотря на неудачное на-

чало всего предпріятія, сохранялъ свою благосклонность къ Магнусу; потомъ онъ снова вызвалъ его въ Москву и женилъ на младшей сестрѣ Евфиміи, на княжнѣ Марьѣ Владиміровнѣ (1573 г.).

Межъ тѣмъ въ сосѣднемъ Польско-Литовскомъ государствѣ произошло давно ожидаемое и великой важности событіе: со смертію Сигизмунда Августа прекратилась мужеская линія Ягеллоновъ. Вопросъ о его преемникѣ вызвалъ жаркую борьбу партій.

На корону Польши и Литвы выступили три главные кандидата: императоръ германскій Максимилианъ II, братъ французскаго короля Генрихъ герцогъ Анжуйскій, и московскій царь Иванъ Васильевичъ. Рѣчь о кандидатурѣ послѣдняго, какъ мы видѣли, шла еще при жизни Сигизмунда Августа, во время мирныхъ переговоровъ между Литвою и Москвою. На сторонѣ этой кандидатуры находилось многочисленное православное населеніе Западной Руси; сами поляки и литвины сознавали, что Польша и Литовское великое княжество отъ соединенія съ Московскимъ государствомъ приобрѣтали такое могущество, которое давало имъ рѣшительный перевѣсъ надъ ихъ сосѣдями, нѣмцами и турками. Но противъ московскаго царя дѣйствовало вліятельное въ Польшѣ католическое духовенство, руководимое тогда хитрымъ папскимъ нунціемъ Коммендони, который всѣми силами хлопоталъ о выборѣ короля-католика. Противъ Ивана Васильевича дѣйствовала также молва о его жестокостяхъ и звѣрствахъ, такъ что значительная часть православныхъ западнорусскихъ вельможъ не желала имѣть своимъ государемъ такого тирана. Къ тому же и самъ Иванъ Васильевичъ не употреблялъ почти никакихъ усилій, чтобы склонить въ свою пользу выборъ новаго короля. Литовская рада дважды завязывала переговоры съ Иваномъ IV и пыталась узнать его намѣренія и условія: сначала посредствомъ гонца Воропая, присланнаго съ извѣстіемъ о смерти Сигизмунда Августа, потомъ посредствомъ особаго посла своего Михаила Гаробурды. Литовцы, повидимому, желали выставить кандидатуру не столько самого Ивана Васильевича, сколько втораго сына его Θεодора. Но царь оба раза, хотя говорилъ много, однако, не высказалъ никакого рѣшительнаго предложенія. Кандидатуру своего сына онъ отклонялъ, а скорѣе выставлялъ свою собственную, но въ выраженіяхъ уклончивыхъ и неопредѣленныхъ. Онъ соглашался быть выбраннымъ, но не только не обѣщалъ соединенія трехъ государствъ, а еще требовалъ уступки для Москвы разныхъ земель, особенно Кіевской и Ливонской; за послѣднюю онъ готовъ былъ даже воротить Литвѣ Полоцкъ. Наконецъ, чрезъ бояръ своихъ Иванъ IV далъ понять, что онъ собственно желалъ быть выбраннымъ на престолъ великаго княжества Литовскаго; а полякамъ совѣтовалъ выбрать эрцгерцога Эрнеста, сына его союзника германскаго цесаря Максимилиана. Послѣдній втайнѣ уже предлагалъ царю такой раздѣлъ Польско-Литовскаго

государства, по которому Польша отошла бы къ Австріи, а Литва, т. е. Западная Русь, къ Москвѣ. Если многіе поляки разсчитывали теперь на такое же подчиненіе себѣ Москвы, какому они подвергли Литву, выбравъ на свой престолъ Ягелла, то въ свою очередь Иванъ IV отнюдь не плѣнялся шляхетскими вольностями и католическими стремленіями Польши; онъ понималъ непрочность и неудобства чисто внѣшняго единенія; понималъ, что только съ одной Литвой или Западной Русью онъ могъ справиться, т. е. сплотить ее съ Московскимъ государствомъ. А потому когда настала рѣшительная минута выбирать между кандидатами, т. е. когда въ Варшавѣ собрался сеймъ элекційный, Иванъ Васильевичъ не прислалъ сюда ни своихъ пословъ, ни денегъ на подкупы. Благодаря дипломатическому искусству французскаго посла Монлюка, благодаря также угрозамъ турецкаго султана, если выберутъ его сосѣда австрійскаго кандидата, большинство голосовъ на избирательномъ полѣ склонилось на сторону Генриха Валуа, и примасъ королевства архіепископъ Гнѣзанскій Яковъ Уханскій провозгласилъ его королемъ (въ маѣ 1573 года). Французское посольство присягнуло за него на условіяхъ избранія, или на такъ называемомъ *роста conventa*.

Извѣстно, какъ неудаченъ оказался этотъ выборъ. Генрихъ Анжуйскій, лѣнливый, расточительный и преданный удовольствіямъ, скучалъ въ Краковѣ, затруднялся незнаніемъ польскаго языка, и былъ чрезвычайно обрадованъ извѣстіемъ о смерти своего старшаго брата Карла IX, которому былъ ближайшимъ наслѣдникомъ. Онъ немедленно и тайкомъ покинулъ Польшу и отправился во Францію, въ іюнь, 1574 года. Едва прекращенное польское бескорольеве наступило снова, и вновь открылась борьба разныхъ претендентовъ. За устраненіемъ Генриха Анжуйскаго, снова объявлены кандидатами: императоръ Максимилианъ II съ своимъ сыномъ Эрнестомъ, Иванъ Васильевичъ московскій съ сыномъ Теодоромъ, король шведскій Іоаннъ, какъ супругъ Екатерины Ягеллонки, съ сыномъ своимъ Сигизмундомъ, седмиградскій воевода Стефанъ Баторій и нѣкоторые поляки изъ потомковъ Пяста. Партія московскаго царя попрежнему имѣла многихъ сторонниковъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, особенно въ сословіи шляхетскомъ, которое было довольно господствомъ вельможъ. Къ этой партіи примкнула часть самихъ вельможъ, каковы: Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ Минскій, Янъ Хадкѣвичъ, каштелянъ Виленскій, и одинъ изъ Радзивиловъ. Но большая часть литовскихъ вельможъ не желала Ивана Васильевича, хотя и не прочь была поддерживать съ нимъ переговоры изъ опасенія, что бы онъ не воспользовался междуцарствіемъ для нападенія на литовскіе предѣлы, при чемъ могли пострадать ихъ обширныя имѣнія. Какъ и во время перваго безкорольевья, Иванъ Васильевичъ ограничивался присылкою гонцевъ и обѣщаніемъ при-

слать большихъ пословъ; но очевидно онъ только тянулъ переговоры и болѣ хлопоталъ не за себя или сына своего, а за своего союзника императора Максимилиана, отъ котораго въ то время прибыло въ Москву большое посольство съ Яномъ Кобенцелемъ и Даниломъ принцемъ фонъ Бухау во главѣ. Хлопоча за Габсбурга, или его сына, царь надѣялся потомъ получить отъ него если не Кіевъ и Волинь, то по крайней мѣрѣ всю Ливонію, которая составляла тогда главный предметъ его стремленій. Вслѣдствіе такой политики Іоанна, дѣйствительно австрійская партія одержала верхъ на избирательномъ сеймѣ; партія эта состряла преимущественно изъ сенаторовъ или вельможъ. 12-го декабря 1575 года, примасъ Уханскій объявилъ Максимилиана королемъ, послѣ чего вмѣстѣ съ духовенствомъ отправился въ костель, гдѣ былъ возглашенъ обычный благодарственный молебенъ или *Te Deum*.

Но шляхетская партія или «рыцарское коло» возстала противъ сего выбора. Во главѣ этой партіи стоялъ даровитый и прекрасно образованный, знаменитый впослѣдствіи, Янъ Замоискій; къ ней пристала и часть вельможъ, каковы—Зборовскіе, Евстафій Воловичъ и нѣкоторые другіе. Партія эта прежде настаивала на выборѣ кого-либо изъ потомковъ Пяста и предложила двухъ кандидатовъ, а именно Костку, воеводу Судомірскаго, и Тенчинскаго, воеводу Бельзскаго. Теперь въ виду торжества австрійцевъ, эти лица сами отказались отъ своей кандидатуры; вся шляхетская партія сплотилась около имени Стефана Баторія и объявила его королемъ съ условіемъ, что бы онъ женился на Аннѣ, сестрѣ покойнаго Сигизмунда Августа, которая и была единственной прямой наслѣдницей Ягеллоновъ. За Стефана Баторія какъ за своего вассала хлопоталъ и турецкій султанъ, который заранѣе объявлялъ войну, если будетъ призванъ германскій императоръ или его сынъ. Такимъ образомъ оказались выбранными два короля, Максимилианъ и Стефанъ Баторій; къ первому отправилось посольство отъ сената, ко второму отъ рыцарскаго кола. Окончательное рѣшеніе вопроса зависѣло отъ степени энергіи и быстроты двухъ противниковъ. И безъ того медленный, нерѣшительный, Максимилианъ не двигался съ мѣста потому, что долженъ былъ прежде обезопасить свои собственныя владѣнія отъ турокъ, которые угрожали нападеніемъ. Стефанъ Баторій наоборотъ, окончивъ необходимыя переговоры и приготовленія, поспѣшилъ прибыть въ Краковъ во главѣ значительнаго венгерскаго отряда (въ апрѣлѣ 1576 года), присягнувъ на предложенныхъ ему раста *conventa*, вступилъ въ бракъ съ 54-хъ-лѣтней Анной Ягеллонкой, и затѣмъ былъ коронованъ. Императоръ, однако не думалъ отказываться отъ своего избранія, и надѣялся по крайней мѣрѣ оторвать отъ Польши Пруссію и пожалуй часть Литвы въ союзѣ съ Иваномъ московскимъ. Оба соперника готовились къ войнѣ; но вскорѣ послѣдовавшая смерть Максимилиана положила

предѣлъ этой распрѣ и утвердила Баторія на польско-литовскомъ престолѣ.

Однимъ изъ главныхъ условій, принятыхъ Баторіемъ при вступленіи его на польскій престолъ, было обязательство воротить тѣ земли, которыя отвоевалъ отъ Литвы царь Московскій, т. е. Полоцкую область и Ливонію. Воинственный Баторій пылалъ рвеніемъ исполнить это обязательство, но на первое время былъ отвлеченъ другими заботами. Во-первыхъ, ему пришлось устанавливать государственный порядокъ, нарушенный борьбою партій во время предыдущаго двукратнаго безкоролевья, и вести на сеймахъ упорную борьбу съ непомятыми притязаніями и усилившимся своеволіемъ шляхты. А во-вторыхъ, царствованіе свое ему пришлось начать междоусобною войною. Во время безкоролевья сторону австрійскаго претендента держали особенно Пруссія и Литва. Когда Баторій занялъ престолъ, почти все провинціи присягнули ему; но не хотѣлъ присягнуть нѣмецко-прусскій городъ Данцигъ, еще прежде обнаружившій неудовольствіе за нарушеніе поляками нѣкоторыхъ его привилегій и уже успѣвшій присягнуть Максимилиану. Данцигъ объявилъ себя вѣрнымъ данной присягѣ; очевидно, онъ рассчитывалъ на войну Максимилиана съ Баторіемъ. Когда же императоръ скончался, граждане Данцига все-таки не хотѣли покориться Баторію и открыли военныя дѣйствія. Пришлось начать правильную осаду этого богатаго, многолюднаго и хорошо укрѣпленнаго города. Баторій принялъ личное участіе въ осадѣ. Чтобы обезпечить себя пока отъ восточнаго сосѣда, онъ завязалъ переговоры и отправилъ въ Москву посольство хлопотать о продолженіи перемирія. Въ Москвѣ согласились продолжить его еще на три года, начиная съ марта 1578 года. Но пока шли переговоры, обстоятельства измѣнились.

Военныя дѣйствія, происходившія между русскими и шведами изъ-за Эстоніи, прекратились было въ юлѣ 1575 года перемиріемъ, заключеннымъ на два года, послѣ чего московскія войска устремились въ Ливонію и овладѣли значительнымъ приморскимъ городомъ Пернау и нѣсколькими замками. А въ слѣдующемъ 1576 году они уже снова вторглись въ Эстонію, гдѣ захватили Леаль, Гапсаль, Падисъ и нѣкоторые другіе города. Въ январѣ 1577 года русскіе вновь осадили Ревель, въ количествѣ 50.000 человекъ, и начали обстрѣливать его каменными ядрами; но и на сей разъ осада пошла неудачно и черезъ полтора мѣсяца была снята. Тѣмъ этого года самъ царь выступилъ въ походъ, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Магнусомъ вторгся въ польскую часть Ливоніи и лично овладѣлъ нѣсколькими городами; вторженіе это по обычаю сопровождалось страшнымъ опустошеніемъ и избіеніемъ жителей, или отдачей ихъ татарамъ. Магнусъ былъ не доволенъ тѣмъ, что носилъ только титулъ ливонскаго короля и не имѣлъ власти въ го-

родахъ, занятыхъ русскими войсками. Онъ завязалъ тайныя сношенія съ польскимъ королемъ и герцогомъ курляндскимъ. Узнавъ о томъ, Иванъ Васильевичъ двинулся къ его резиденціи Вендену. Магнусъ явился въ русскій станъ, бросился на колѣна передъ царемъ и умолялъ о прощеніи. Его заключили подъ стражу, а часть его нѣмецкаго гарнизона, укрывавшаяся въ Венденскомъ замкѣ, ни за что не хотѣла сдаться, въ виду варварскаго обхожденія москвитянъ и татаръ съ плѣнными, и въ числѣ 300 человекъ взорвала себя на воздухъ. За ихъ геройство поплатились остальные жители Вендена; мужчины подверглись казнямъ и мукамъ, а женщины безчестью. Изъ Вендена Иванъ Васильевичъ направился въ Вольмаръ, который сдался передъ тѣмъ московскому воеводѣ Богдану Бѣльскому. Тутъ царь вспомнилъ о первомъ письмѣ, которое Курбскій послалъ ему изъ Вольмара, и написалъ изъ того же города свой второй отвѣтъ изгнаннику. Въ немъ Іоаннъ снова укоряетъ Курбскаго и его единомышленниковъ въ смерти царицы Анастасіи, въ намѣреніи посадить на престолъ Владиміра Андреевича, укоряетъ бояръ, которые довели его до «кроновыхъ жертвъ» и съ гордостью указываетъ на свои побѣды, совершенныя вопреки ихъ измѣнамъ. Письмо это онъ вручилъ плѣнному литовскому князю Александру Полубенскому, которому даровалъ свободу.

Прибывъ въ Дерптъ, царь простилъ Магнуса и далъ ему во владѣніе нѣсколько ливонскихъ городовъ. Затѣмъ чрезъ Псковъ онъ воротился въ Александровскую Слободу, чтобы отдохнуть тамъ отъ своихъ подвиговъ. Но сей походъ 1577 года былъ его послѣднимъ торжествомъ въ Ливоніи. Съ его удаленіемъ обстоятельства на театрѣ войны перемѣнились: шведы въ Эстоніи, поляки въ Ливоніи, перешли опять въ наступленіе и начали отбирать города у русскихъ. Между прочимъ поляки овладѣли крѣпкимъ Венденомъ; послѣ чего «Ливонскій король» Магнусъ окончательно измѣнилъ Іоанну и съ супругою своею бѣжалъ въ Курляндію, отдавшись подъ покровительство польскаго короля. Царь велѣлъ воеводамъ Голицыну, Хворостинину, Воронцову, Тюфякину, взять Венденъ обратно. Но тутъ осмнадцати тысячное осаждавшее русское войско потерпѣло страшное пораженіе отъ соединенныхъ польскихъ, нѣмецкихъ и шведскихъ силъ, предводимыхъ Николаемъ Сапѣгою и шведскимъ генераломъ Бое, въ октябрѣ 1578 года. Въ этой битвѣ только московскіе пушкаріи показали геройство: они не хотѣли ни бѣжать, ни отдаться въ плѣнъ, и повѣсились на своихъ орудіяхъ.

Межъ тѣмъ Баторій покончилъ съ Данцигомъ, который сдался ему на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ. Затѣмъ начались дѣятельныя приготовленія къ войнѣ съ Москвою. Король всюду искалъ себѣ союзниковъ для этой войны; заключилъ союзъ съ шведскимъ королемъ противъ Москвы, получилъ помощь отъ бранденбургскаго курфирста; нанималъ отряды нѣмцевъ въ Германіи:

а братъ его Кристофъ, воевода седмиградскій, прислалъ ему венгерскія дружины. Онъ посылалъ богатые дары крымскому хану, что бы удержать татаръ отъ нападенія на Польшу и обратить ихъ на Москву; кромѣ того, что бы угодить верховному повелителю хана, турецкому султану, онъ по его требованію вѣроломно велѣлъ казнить Подкову. Этотъ Подкова (прозванный такъ за силу своей руки, которая ломала подкову), родомъ валахъ, съ толпою запорожскихъ казаковъ выгналъ изъ Молдавіи воеводу Петрила и сѣлъ на его мѣсто; но угрожаемый турками, венграми и поляками, самъ отдался въ руки польскаго короля. Что бы удержать днѣпровскихъ казаковъ отъ нападеній на татарскія и турецкія владѣнія, Баторій далъ имъ болѣе правильное войсковое устройство, и воспользовался ихъ силами также для войны съ Москвою. На варшавскомъ сеймѣ зимою 1578 года установлена была особая подать на войну съ Москвою (по золоту съ лана земли). На тѣ же военные расходы король сократилъ издержки собственнаго двора и дѣлалъ займы, гдѣ только могъ. Названный варшавскій сеймъ, на которомъ рѣшено было воевать съ Москвою; извѣстенъ еще въ исторіи польскихъ учрежденій основаніемъ двухъ высшихъ судебныхъ инстанцій или трибуналовъ изъ выборныхъ шляхтою судей: въ Петроковѣ для Великой Польши и въ Люблинѣ для Малой.

Обширныя приготовленія къ войнѣ съ Москвою приходили уже къ концу и военное счастье въ Ливоніи уже повернулось на сторону поляковъ и ихъ союзниковъ шведовъ, когда московскіе послы, Карповъ и Головинъ, прибыли въ Краковъ для подтвержденія только-что заключеннаго перемирія. Но Баторій теперь уже не скрывалъ своихъ намѣреній, и, послѣ разныхъ препирательствъ о титулахъ и церемоніяхъ, посольство ни съ чѣмъ было отпущено назадъ, но дорогою его намѣренно задержали, чтобы еще выиграть поболѣе времени. Лѣтомъ 1579 года царь отправился въ Новгородъ, имѣя въ виду приготовить отпоръ Баторію, ибо онъ уже зналъ о приготовленіяхъ польскаго короля. Тутъ же въ Новгородѣ къ нему явились Карповъ и Головинъ и донесли, что Баторій идетъ на московское государство, что войско его состоитъ главнымъ образомъ изъ наемныхъ отрядовъ, а польскою и литовскою шляхты съ нимъ не много, что король хочетъ идти на Смоленскъ или Полоцкъ, но вельможи литовскіе не желаютъ имѣть войну на своихъ границахъ и уговариваютъ короля идти или послать войско въ Ливонію. Послы прибавляли, будто шляхта польская и литовская недовольна выборомъ Стефана Баторія и болѣе всего желаетъ имѣть у себя на престолѣ московскаго царевича. Въ этомъ случаѣ послы, очевидно, придавали излишнее значеніе и такимъ толкамъ, которые, можетъ быть, велись съ ними не безъ заднихъ мыслей. Вслѣдъ за тѣмъ отъ польскаго короля пришло письмо, въ которомъ приводились разныя обвиненія противъ Москвы и объявлялась война.

На военныхъ совѣтахъ у короля происходили оживленные споры о томъ, куда направить походъ. Большинство вельможь дѣйствительно предлагало идти въ Ливонію, чтобы выгнать оттуда русскихъ, а затѣмъ осадить Псковъ, который представлялъ войску легкую и богатую добычу. Но Баторій владѣлъ замѣчательнымъ талантомъ политика и полководца. Онъ указывалъ на страшное опустошеніе Ливоніи, на многочисленность въ ней крѣпостей и на ея отдаленность: двинувшись въ нее, пришлось бы оставить безъ прикрытія предѣлы Литвы. Король предполагалъ идти на Полоцкъ: этотъ городъ для москвитянъ служить ключемъ равно и къ Ливоніи, и къ Литвѣ; онъ господствуетъ надъ судоходнымъ путемъ по Двинѣ къ Ригѣ; слѣдовательно взятіемъ его будутъ обезпечены важнѣйшія выгоды для послѣдующихъ военныхъ дѣйствій. И дѣйствительно, въ августѣ мѣсяцѣ Баторій подошелъ къ Полоцку и осадилъ его. Царь не ожидалъ сего движенія; онъ думалъ, что главнымъ театромъ войны будетъ все та же Ливонія; а потому въ Полоцкѣ оказалось войска недостаточно для обороны обширнаго пространства, которое занималъ Большой городъ и два замка при немъ, называемые Стрѣлецкимъ и Острогомъ. Здѣсь начальствовали князя Телятевскій и Щербатовъ съ воеводою Волинскимъ и дьякомъ Ржевскимъ. Непріатели повели приступы сначала на самую слабую часть укрѣпленій, т. е. на Большой городъ. Гарнизонъ и жители сами зажгли городъ, удалились въ замки, и тамъ продолжали мужественно обороняться. Наступившая ненастная погода затрудняла дѣйствія непріателей и добываніе сѣстныхъ припасовъ. Осада замедлилась. Но ни самъ царь, ни посланные имъ на помощь Полоцку воеводы Борисъ Шеинъ и Ѳедоръ Шереметевъ не воспользовались обстоятельствами, и не предприняли никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій. Означенные воеводы, увидавъ, что дороги къ Полоцку заняты королевскими отрядами, ушли въ ближнюю крѣпость Соколь. Наконецъ, Баторій сдѣлалъ рѣшительный приступъ, во время котораго венгры успѣли зажечь стѣны Стрѣлецкой крѣпости. Не смотря на то, что дымъ и зарево пожара были видны изъ Сокола, малодушные воеводы не пришли оттуда на помощь. Два дня продолжался пожаръ и шли отчаянные приступы, на которыхъ особенно отличилась венгерская пѣхота. Наконецъ, мужественное сопротивленіе осажденных было сломлено: стрѣльцы сдали городъ, съ условіемъ свободнаго выхода. Король предложилъ имъ вступить въ его службу; но немногіе на это согласились; большинство ратныхъ людей ушло въ отечество, хотя ихъ ожидала тамъ царская немилость. Владыка Кипріанъ и нѣкоторые воеводы не хотѣли сдаваться и заперлись въ Софійскомъ соборѣ, откуда они были взяты силою. Надежда непріателя найти въ Полоцкѣ богатую добычу не оправдалась. Между прочимъ, они захватили бывшее при софійскомъ соборѣ драгоцѣнное собраніе греческихъ и славянскихъ рукописей, которое поэтому безвозвратно погибло.

Такимъ образомъ древній столичный Полоцкъ снова отошелъ къ Литвѣ. Въ войскѣ Баторія находился и князь Андрей Курбскій, который отсюда, изъ завоеваннаго Полоцка, написалъ отвѣтъ на помянутое выше письмо Іоанна, посланное изъ Вольмара. Изгнанникъ снова отрицаетъ взводимыя на него вины, упрекаетъ царя въ его тиранствахъ, въ истребленіи доблестныхъ воеводъ и въ трусости, слѣдствіемъ чего были разныя бѣдствія Россіи и пораженія отъ непріятелей; особенно указываетъ на сожженіе Москвы татарами и паденіе Полоцка.

За Полоцкомъ палъ и Соколъ, зажженный и взятый приступомъ послѣ отчаянной сѣчи. Потомъ взяты были крѣпости Красный, Козьянъ, Нещерда и нѣкоторыя другія. А царь съ войскомъ стоялъ тогда въ Псковѣ и ничего не предпринималъ! Литовско-русскіе отряды, предводимые Константиномъ Острожскимъ и Кмитюю, опустошили часть областей Сѣверской и Смоленской. Наступавшая зима остановила успѣхи литовцевъ. Баторій воротился въ Вильну. Въ то же время шли военныя дѣйствія противъ шведовъ, которые изъ Эстоніи и Финляндіи нападали на наши владѣнія и, между прочимъ, осаждали Нарву. Между Іоанномъ и Баторіемъ снова начались приговоры; король отказывался отправить пословъ въ Москву, какъ это бывало прежде; а Иванъ уже согласился на отправку большого московскаго посольства въ Литву; соглашался называть Баторія уже не сосѣдомъ какъ прежде, а братомъ и, вообще, дѣлать разныя уступки. Но переговоры эти ни къ чему не повели; ибо король старался только выиграть время, чтобы приготовить силы къ новому походу. Между прочимъ, для усиленія пѣхоты онъ велѣлъ набрать въ королевскихъ имѣніяхъ крестьянъ по пяти человѣкъ со ста, и эти ратные люди по окончаніи срочной службы получали свободу отъ крестьянскихъ повинностей со всѣмъ своимъ потомствомъ. Іоаннъ съ своей стороны также готовился въ теченіе зимы 1580 года: умножалъ войска и усиливалъ укрѣпленія пограничныхъ городовъ. Чтобы увеличить свои доходы на содержаніе военныхъ силъ, онъ созвалъ въ Москвѣ духовный соборъ по вопросу о церковныхъ имуществвахъ; тутъ, по его желанію, составленъ былъ приговоръ въ такомъ смыслѣ, чтобы епископы, монастыри и церкви, впредь не присвоивали себѣ недвижимыхъ имѣній и возвратили бы въ казну тѣ земли и села, которыя когда-то были княжескими. Не зная, куда теперь направится Баторій, царь вновь растянулъ свои силы по границамъ и ждалъ, не дерзая предпринять никакихъ рѣшительныхъ дѣйствій.

И во второй свой походъ, предпринятый въ августѣ 1580 года, Баторій прошелъ тамъ, гдѣ его не ожидали. Онъ двинулся въ Новгородскую область, по непроходимымъ дорогамъ, просѣкая путь въ лѣсахъ, пролагая гати и мосты по болотамъ; взялъ мимоходомъ крѣпости Велижъ и Усвятъ, явился подъ Великими Луками, и

осадили этотъ зажиточный и хорошо укрѣпленный городъ. Невдалекѣ отъ него, въ Торопцѣ, стоялъ воевода Хилковъ; но онъ, такъ же какъ Шейнъ и Шереметевъ подъ Полоцкомъ, не дерзаль на рѣшительныя дѣйствія, а ограничивался легкими стычками. 5-го сентября, когда главная башня была взорвана подкопомъ, а городъ зажженъ ядрами, Великія Луки взяты приступомъ. Послѣ того Баторій послалъ войско съ княземъ Зборяжскимъ на Хилкова, который и былъ разбитъ. Затѣмъ взяты города Невель, Озерище, Заволочье. Но оршанскій воевода Филонъ Кмита, посланный къ Смоленску, потерпѣлъ поражение отъ воеводы Бутурлина. Съ приближеніемъ зимы Баторій снова воротился; военныя дѣйствія, однако, продолжались и зимой, особенно въ Ливоніи и Эстоніи, гдѣ шведы, предводительствуемые графомъ Понтусомъ де Ла-Гарди (женатымъ на незаконной дочери шведскаго короля Иоанна), отняли у русскихъ города Падисъ (близъ Ревеля) и Везенбергъ, кромѣ того, городъ Бексгольмъ въ Кареліи. Литовскіе войска въ эту зиму доходили до Старой Русы, которую сожгли, а московскіе воеводы изъ Смоленской области ходили опустошать сосѣднія литовскія земли.

Мирныя переговоры, однако, не прекращались. Наши послы, князь Сицкій и Пивовъ, забывъ прежніе московскіе обычаи, ѣздили за Баторіемъ отъ Великихъ Лукъ до самой Варшавы и смиренно переносили всѣ обиды и лишенія, какъ имъ было наказано отъ царя. Въ Варшавѣ они предложили польскимъ панамъ раднымъ перемиріе на условіи каждой сторонѣ остаться при томъ, чѣмъ владѣть; но паны не захотѣли и докладывать королю о такомъ условіи. Изъ Москвы прибыли новые послы, Пушкинъ и Писемскій, которые имѣли отъ царя наказъ терпѣть всякое униженіе, только добиваться перемирія. Имъ разрѣшалось даже не настаивать въ грамотѣ на царскомъ титулѣ, а только на словахъ замѣтить, что «государи наши не со вчерашняго дня государями, а извѣчныя». Слѣдовательно, унижаясь передъ Баторіемъ, Иванъ Васильевичъ, все-таки, поручалъ сдѣлать бесполезный намекъ на то, что соперникъ его со вчерашняго дня государь! Эти новые послы уступали королю всю Ливонію за исключеніемъ небольшой восточной ея части, т. е. Дерптскаго округа. Но Баторій требовалъ всей Ливоніи, кромѣ того, уступки Себежа и уплаты 400,000 венгерскихъ золотыхъ за военныя издержки. Послы извѣстили о томъ царя. Крайне уязвленный такими требованіями, Иванъ Васильевичъ отправилъ къ королю письмо, которое начиналось словами: «Мы, смиренный Иоаннъ, царь и великій князь всея Руси по Божьему изволенію, а не по многмятежному человѣческому хотѣнію». Это пространное письмо исчисляло всѣ неправды Баторія по отношенію къ царю и было наполнено горькими упреками королю за его высокоуміе, невозможныя требованія и нежалѣніе христіанской

крови. Царское посланіе застало короля уже на походѣ, именно въ Полоцкѣ. Когда королю принесли эту грамоту, обернутую въ цѣлую штуку кѣльнскаго полотна, опечатаннаго двумя большими печатями, онъ разсмѣялся и сказалъ: «прежде онъ никогда не посылалъ такой большой грамоты; должно быть начинается отъ Адама». Отвѣтъ на царское посланіе Баторій поручилъ сочинить канцлеру Замойскому. Канцлеръ усердно занялся этимъ отвѣтомъ: въ дѣлѣ сочинительства онъ не уступалъ Грозному, и почти ни одного его обвиненія не оставилъ безъ рѣзкаго опроверженія. Такимъ образомъ, къ Ивану Васильевичу отъ имени короля въ свою очередь послана была обпирная ругательная грамота, въ которой тотъ смѣялся на его притязаніемъ происходить отъ кесаря Августа, и напоминалъ раболѣпіе его предковъ передъ татарскими ханами, называлъ его мучителемъ, волкомъ, ворвавшимся въ овчарню, и грубымъ ничтожнымъ человѣкомъ, упрекалъ его въ трусости и, наконецъ, вызывалъ его на поединокъ. Въмѣстѣ съ грамотой онъ прислалъ царю изданныя тогда въ Германіи книги о его предкахъ и объ немъ самомъ. Іоаннъ не нашелся, что отвѣчать на грамоту, и ограничился тѣмъ, что гонца, прибывшаго съ нею, не позвалъ обѣдать! Въмѣсто того, чтобы мужественно встрѣтить врага, онъ въ это время искалъ спасенія отъ него въ папскомъ и іезуитскомъ посредничествѣ.

Д. Иловайскій.

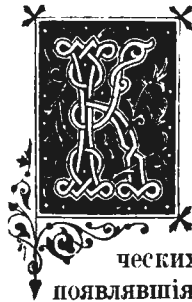
(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА.

ОТЪ АВТОРА.

АКЪ ИЗВѢСТНО, интересъ къ прошлому русскаго театра проявился у насъ сравнительно недавно. Не смотря на это, въ настоящее время въ нашей литературѣ уже успѣлъ образоваться нѣкоторый, пока еще, правда, небогатый подборъ сочиненій по этому предмету, не считая мелкихъ статей и замѣтокъ, печатавшихся въ разное время въ періодическихкихъ изданіяхъ. Необходимо впрочемъ замѣтить, что появившіяся до сихъ поръ сочиненія по исторіи русскаго театра, не говоря уже о мелкихъ статьяхъ, далеко не исчерпываютъ своего предмета и могутъ служить лишь матеріаломъ для будущаго историка нашей сцены. Къ тому же, большинство существующихъ трудовъ по исторіи русскаго театра рисуютъ его прошлое лишь съ внѣшней стороны и очень мало говорятъ о жизни артистовъ и о взаимныхъ отношеніяхъ между ними и театральною администраціею, ограничиваясь въ этомъ случаѣ лишь мелкими замѣтками анекдотическаго характера. Между тѣмъ, бытовая сторона жизни артистовъ представляетъ немало характерныхъ особенностей, и обойти ее историкъ русскаго театра было бы, можно сказать, непростительно. Указанные нами пробѣлы отнюдь не объясняются недостаткомъ матеріала по этимъ вопросамъ. По крайней мѣрѣ, при нашихъ работахъ въ архивѣ театральной дирекціи намъ пришлось натолкнуться на массу дѣлъ и документовъ чисто бытоваго характера, которые до сего времени остаются неизсѣдованными.

Воспользовавшись частью этих материалов, мы ограничиваемся на первый раз лишь рядом кратких очерков, относящихся по преимуществу къ первой половинѣ текущаго столѣтія. Быть можетъ, вполнѣдствіи намъ удастся, собравъ какъ можно больше материаловъ и систематизировавъ ихъ, нарисовать болѣе полную картину быта русскихъ артистовъ. Всѣ предлагаемые очерки составлены исключительно по документальнымъ даннымъ и снабжены, для удобства провѣрки, ссылками на дѣла театральнаго архива.

Е. Опочининъ.

I.

Арестованный пѣвецъ.

(1810 г.).

«Темничный стражъ, коего свирѣпый
взоръ возвѣщаетъ быти начальника
казней, отверзаетъ двери темницы»...
(«Госляфъ», поэма Витобе. Русское
изданіе 1780 г.).

Закулисная хроника нашей отечественной сцены за первую четверть текущаго столѣтія богата криминалами, конечно, не въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а съ точки зрѣнія тогдашняго театральнаго начальства, въ глазахъ котораго актерская профессія, пригнанная подъ канцелярскій ранжиръ, составляла нѣчто очень низменное. Тогдашній театральный бюрократизмъ, съ его полновластнымъ начальствомъ и вицъ-мундирною толпой увивавшихся передъ нимъ приспѣшниковъ, представлялъ нѣчто такое, о чемъ въ наше время было бы трудно составить себѣ не только вполнѣ ясное и правдивое, но даже сколько-нибудь подходящее представленіе, еслибы до насъ не дошли кое-какіе документы того времени, наглядно показывающіе, что такое былъ русскій актеръ, и какъ относились къ нему люди, поставленные руководить нашей сценой. «Съ людьми, купленными и подаренными дирекціи, — глаголю официально подтвержденіе тогдашней театральной администраціи, — поступать какъ съ своею собственностью».

Уже однимъ послѣднимъ многозначительнымъ словомъ этого замѣчательнаго наказа достаточно обрисовывается театральный строй былаго времени. Но не только купленные, а точно также и добровольно поступившіе на казенную сцену актеры были тѣломъ и душою закрѣпощены, и малѣйшій ихъ промахъ, малѣйшее проявленіе въ нихъ человѣческаго самосознанія, приписывались злой

волѣ и тотчасъ же вызывали «мѣры строгости», принимавшіяся не столько ради огражденія благонравія въ труппахъ, сколько для того, чтобы дать почувствовать строптивой актерской душѣ, гдѣ ея шестокъ: «дабы и другимъ актерамъ не повадно было впредь заражаться дурнымъ примѣромъ». Последняя фраза заимствована нами изъ письма директора театровъ, князя П. И. Тюфякина, къ с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, графу Милорадовичу, по поводу дѣйствій актера Булатова, который провинился тѣмъ, что привелъ на сцену посторонняго театру челоуѣка, своего родного брата. Въ своемъ мѣстѣ мы расскажемъ этотъ эпизодъ изъ закулисной хроники нашего стараго театра подробно. Теперь же обратимся къ другому, не менѣе характерному случаю, съ московскимъ актеромъ-пѣвцомъ Я. Я. Соколовымъ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя употреблялись въ Москвѣ для исправленія провинившихся артистовъ. На тамошней сценѣ порядки въ началѣ нынѣшняго вѣка были едва ли не строже, чѣмъ въ Петербургѣ. Не говоря уже о дисциплинарныхъ проступкахъ артистовъ, на которые московское театральное начальство смотрѣло какъ на бунтъ, малѣйшее уклоненіе ихъ отъ канцелярскихъ предписаній, хотя бы даже вызванное добросовѣстнымъ отношеніемъ ихъ къ искусству, являлось «упрямствомъ и неповиновеніемъ» или «дерзостью», требовавшею «примѣрнаго съ нею поступленія».

Мѣстомъ поста и очищенія для своенравныхъ жрецовъ Мельпомены въ Москвѣ служили или солдатская караулка въ подвальномъ этажѣ театральнаго зданія, или полицейскій арестный домъ. При какой обстановкѣ дѣятели московской сцены препровождались въ эти исправительныя ямы, и за какія провинности—можно видѣть изъ нижеслѣдующаго случая съ актеромъ Соколовымъ.

Яковъ Яковлевичъ Соколовъ поступилъ на московскую сцену 15-го марта 1806 года, изъ синодальныхъ пѣвчихъ. Онъ, по собственному его заявленію ¹⁾, «игралъ въ операхъ первыхъ молодыхъ любовниковъ», а также выступалъ въ нѣкоторыхъ роляхъ въ комедіяхъ, драмахъ и трагедіяхъ. Болѣе всего онъ старался «усовершенствовать себя въ пѣніи» и, повидимому, достигъ въ этомъ отношеніи большихъ успѣховъ, такъ какъ ему поручались уже въ 1810 году такія ответственныя партіи, какъ Видостана въ «Русалкѣ» (опера Кауэра и Давыдова). До 1810 года онъ, не смотря на всю строгость порядковъ тогдашней сцены, не подвергался ни разу ни штрафамъ, ни «задержаніямъ», т. е. арестамъ, въ театральной кутузкѣ или на съѣзжемъ дворѣ. Но въ январѣ 1810 года очередь дошла и до него... О томъ, какъ это случилось, — лучше

¹⁾ Въ прошеніи, поданномъ въ московскую театральную контору 21-го января 1810 г.

всего повѣствуютъ современные документы и, между прочимъ, рапортъ московской театральной конторы главному директору театровъ—Александру Львовичу Нарышкину, отъ 27-го января 1810 г. Изъ этого рапорта выясняется слѣдующее.

13-го января на московскомъ театрѣ была назначена первая часть оперы «Русалка»¹⁾. За день до этого представлѣнія, 11-го января, членъ репертуарной части, камеръюнкеръ А. В. Арсеньевъ, послалъ актеру Соколову записку, въ которой «рекомендовалъ» ему принять роль Видостана въ названной оперѣ. Бѣдный пѣвецъ былъ пораженъ этимъ приказаніемъ: роль Видостана до того времени ему пришлось исполнять только однажды, да и то два года назадъ, такъ что многое изъ этой партіи онъ успѣлъ уже позабыть. А, между тѣмъ, до спектакля оставался только одинъ день, и о подготовкѣ въ такой короткій срокъ нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что 12-го января онъ долженъ былъ пѣть въ оперѣ «Сбитеньщикъ». Въ виду этого Соколовъ обратился къ режиссеру Фрыгину, прося его доложить Александру Васильевичу Арсеньеву, что роль Видостана, «бывъ для него совершенно нова, играна имъ быть не можетъ». Что отвѣтилъ Арсеньевъ на это заявленіе артиста—намъ неизвѣстно; но на другой день, т. е. 12 января, во время представлѣнія «Сбитеньщика», Соколовъ осмѣлился повторить свой отказъ отъ роли Видостана Арсеньеву лично. Грозное начальство и на этотъ разъ отвѣтило загадочнымъ молчаніемъ. Наконецъ, въ самый день представлѣнія «Русалки», 13-го января, Соколова позвали въ контору. Тамъ были нѣкоторые изъ театральныхъ чиновниковъ и самъ А. В. Арсеньевъ.

— Отчего ты отказываешься играть въ «Русалкѣ»? — спросилъ онъ пѣвца.

— Никакъ не могу подготовиться.—отвѣтилъ тотъ—и привелъ причины, которыя выяснялъ уже ранѣе черезъ Фрыгина и лично, дополнивъ ихъ заявленіемъ, что «теперь (т. е. въ день спектакля) не только двухъ, но ниже одной репетиціи дать нѣкогда и негдѣ, потому что театръ и уборныя были заняты на слѣдующій, г. Плавильщикова²⁾ бенефисъ».

Строгий начальникъ однако же не удовлетворился этимъ разумнымъ и вполне искреннимъ объясненіемъ пѣвца и отдалъ приказъ смотрительскому помощнику Горчакову «задержать» (т. е. арестовать) его. Полагая, что онъ будетъ задержанъ «въ пристойномъ званію его мѣстѣ», Соколовъ безпрекословно повиновался и смиренно послѣдовалъ за театральнымъ алгвазиломъ Горчаковымъ, который и привелъ его «въ пристойное его званію мѣсто» — сол-

¹⁾ Эта опера была въ 3-хъ частяхъ.

²⁾ Знаменитый тогда актеръ, весьма ладившій съ начальствомъ

датскую кутузку... При видѣ этой грязной трущобы, смиреніе у Соколова пропало и онъ началъ протестовать.

— Сіе мѣсто неприлично къ задержанію меня,— говорилъ онъ своему тюремщику,— здѣсь только можно штрафовать пьяницъ или буяновъ,— низшаго сорта людей. А я какъ не тотъ и не другой, то, слѣдовательно, такимъ образомъ задержанъ быть не могу. Прошу васъ отвести меня къ Александру Васильевичу (Арсеньеву),— обратился онъ въ заключеніе къ Горчакову,— дабы я могъ лично съ нимъ объясниться.

Горчаковъ, хотя и не сразу, но согласился на эту просьбу, и, позвавъ четверыхъ солдатъ, въ сопровожденіи ихъ, отвелъ бѣднаго пѣвца, какъ «колодника», въ контору. «Вошедъ въ оную,— рассказывалъ впослѣдствіи Соколовъ,— я докладывалъ Александру Васильевичу, что караульня для задержанія меня неприлична, она жъ неопрятна и холодна,— и что я могу потерять голосъ, какъ нужный для меня, такъ, собственно, и для дирекціи». Арсеневъ, выслушавъ эту жалобу арестанта, приказалъ помѣстить его въ другой комнатѣ, болѣе порядочной, рядомъ съ казначейской. Соколовъ удовлетворился этимъ и, въ сопровожденіи своего караула, отправился по назначенію. Но тутъ случилось нѣчто совсѣмъ для него неожиданное: Горчаковъ, оставшійся при выходѣ Соколова изъ конторы у начальства и очевидно—наушничавшій на несчастнаго артиста,—вдругъ вылетѣлъ оттуда и закричалъ солдатамъ, чтобы они вели арестанта назадъ въ караулку. Соколовъ, однако, не хотѣлъ подчиниться этому насилію, ссылаясь на только-что объявленное распоряженіе Арсеньева, и стоялъ на томъ, что онъ не выйдетъ изъ комнаты, гдѣ находился, до тѣхъ поръ, «пока не услышитъ подтвердительнаго приказанія начальника». Подтвердительно приказанія не являлось,— и неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если бы... Но расскажемъ эту эпопею страданій бѣднаго актера его собственными словами: «Горчаковъ, не допуская меня войти къ Александру Васильевичу,—писалъ онъ черезъ нѣсколько дней послѣ этого въ контору,— приказывалъ солдатамъ тащить меня въ караульню; солдаты же долго на сіе не рѣшались, какъ вдругъ выбѣжавшій изъ комнаты начальникъ чиновникъ г. Владыкинъ закричалъ повелительнымъ голосомъ: «Берите, тащите его!» и, ударивъ меня въ грудь,—предалъ въ руки солдатъ, которые, взявъ меня за воротъ, толкали до самой караульни, препровождая сіе дѣйствіе непристойною бранью. Пораженный симъ жестокимъ поступкомъ, равно какъ и толчками, пришелъ я въ безпамятство, и, по нѣкоторомъ времени, опомнясь, увидѣлъ, что нахожусь посреди солдатъ и бывшего тутъ какового, за пьянство посаженнаго служителя, въ тѣсной, неопрятной комнатѣ. Сверхъ же того, къ спектаклю «Русалки» пришедшая команда заняла всю караульню, въ которой, какъ военные, такъ и драгуны,

пожарные, фурманщики обыкновенно находятся... За множеством народу и тѣсною мѣста, ни присѣсть, ни даже стоять было невозможно»...—Удобства этого помѣщенія довершали: вонь, духота и сквозной вѣтеръ.—Несчастный артистъ, наконецъ, не выдержалъ и сталъ просить заглянувшаго въ караульную режиссера Фрыгина— доложить Арсеньеву «о столь жестокомъ и ни мало не заслуженномъ своемъ положеніи».—На это суровый начальникъ «изволилъ» только сказать:—Я знаю, что дѣлаю,—и предоставилъ Соколова его несчастной участи, ничуть не опасаясь за послѣдствія этого истязанія для здоровья пѣвца и его голоса, необходимаго тогда для сцены. Можно себѣ вообразить, какую тягостную ночь провелъ бѣдный артистъ.

Испытанныя имъ тревоженія не могли пройти для него безъ послѣдствій: къ утру онъ почувствовалъ сильную головную боль, жаръ, ознобъ и колотье въ груди. Бѣдняга началъ стонать, такъ что пришедшій поутру въ караульную унтеръ-офицеръ испугался и отрапортовалъ въ контору, что арестантъ заболѣлъ, и что ему необходима скорая помощь.—Послали за театральнымъ докторомъ но оказалось, что тотъ самъ боленъ; частнаго же доктора, со стороны, пригласить сочли невозможнымъ, изъ опасенія, чтобы не разгласилось безчеловѣчное обращеніе театральнаго начальства съ своими подчиненными ¹⁾.—«Къ довершенію всей моей обиды и безчестія,—разсказываетъ въ своемъ прошеніи Соколовъ,—присылаетъ смотрительскій помощникъ Горчаковъ чрезъ капельдинера порцію въ пятнадцать копѣйкахъ состоящую,—такъ, какъ бы истинному преступнику».—Въ такомъ положеніи: больной, голодный и нравственно убитый провелъ злосчастный актеръ въ караульнѣ болѣе двухъ сутокъ. Только на третій день его освободили и отвезли, почти въ безпамятствѣ, къ нему на квартиру.—Прошло около недѣли, прежде чѣмъ освобожденный узникъ оправился отъ пережитыхъ испытаній и могъ начать поиски пути, который могъ бы привести его къ справедливому воздаянію его мучителямъ... Какъ водится, онъ написалъ прошеніе въ московскую театральную контору, въ которомъ подробно разсказалъ все съ нимъ происшедшее, ничего не утая и ничего, повидимому, не прибавляя. По крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе, оставляемое въ современномъ читателѣ этимъ документомъ. Въ концѣ своего прошенія Соколовъ просилъ его уволить отъ службы: «Донося о семъ незаслуженномъ для меня поступкѣ,—писалъ онъ,—чрезъ который лишаюсь какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ силъ, нахожу себя не въ состояніи продолжать болѣе службу при императорскомъ московскомъ театрѣ и прошу

¹⁾ Вотъ подлинныя слова въ рапортѣ московской театральной конторы главному директору театровъ А. И. Нарышкину, составленномъ по прошенію Соколова: «Частнаго или другаго какого либо дѣкаря позвать почли невозможнымъ или къ обнаруживанію такого съ нимъ поступка нарекательнымъ для команды».

покорнѣйше контору онаго отъ должности меня уволить.—Хотя жъ и положено просящему увольненія,—говорить онъ въ заключеніи своей просьбы,—продолжать службу шесть мѣсяцевъ;—но какъ по нанесенному мнѣ безчестію, такъ и по разстроенному здоровью,—продолжать своей должности не въ состояніи». При этомъ онъ просилъ также, чтобы ему было выдано слѣдовавшее ему по расчету жалованье и обычный аттестатъ о службѣ.

Какъ уже упомянуто, свое прошеніе Соколовъ подалъ въ московскую контору, гдѣ собравшееся начальство и выслушало его, конечно, безъ всякаго сочувствія къ пострадавшему. Курьезнѣе всего, что театральнѣйшій синедрионъ, слушавшій просьбу Соколова, состоялъ всего изъ двухъ лицъ: самого виновника всей этой кутерьмы Александра Васильевича Арсеньева и управляющаго по хозяйственной части надворнаго совѣтника Титова. Однако, дѣла остановить было нельзя и, волей-неволей, приходилось дать ему ходъ. Но, съ другой стороны, какъ же было Арсеньеву судить самого себя?

Изъ этого затрудненія судьбы вышли весьма скоро. Арсеньевъ заявилъ, что онъ «по просьбѣ актера Соколова, такъ какъ она вся изображаетъ жалобу на него, Арсеньева,—никакого заключенія дѣлать не въ состояніи»; а Титовъ. «что онъ одинъ, самъ собою ни къ разсмотрѣнію той просьбы или къ какому либо по ней дѣйствию—приступать почитаетъ невозможнымъ, тѣмъ болѣе, что вся претензія Соколова простирается на присутствующаго съ нимъ въ конторѣ члена и другихъ служащихъ при театрѣ чиновниковъ». Въ виду этого было рѣшено представить отъ лица конторы рапортъ съ изложеніемъ всего рассказаннаго здѣсь случая «Главному надъ театральными зрѣлищами и музыкою директору», оберъ-камергеру А. Л. Нарышкину, испрашивая его повелѣнія: «что по случаю сему надлежитъ учинить».

Какъ же отнеслось высшее театральное начальство къ жалобѣ поруганнаго артиста? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ отношеніе с.-петербургской театральной конторы въ московскую. Изъ этого любопытнаго документа видно, что дѣло Соколова разсматривалось въ особомъ театральномъ «присутствіи», которое нашло: 1) что причиною отказа Соколова отъ участія въ «Русалкѣ» въ роли Видостана—были «одно упрямство его и небрежность къ приказаніямъ начальства», 2) что арестъ его въ солдатской караульнѣ никакого безчестія ему не приноситъ, такъ какъ «задержаніемъ въ оной наказываются иногда лица, званія гораздо высшаго противъ актерскаго» и, наконецъ, 3) что «задержаніе его, не бывъ для него посрамленіемъ—не менѣе того было справедливо»... Что касается просьбы Соколова объ увольненіи его отъ службы, то начальство на это не согласилось, признавая недостаточными дѣйствительными выставленныя имъ причины. «Если (гла-

сить рѣшеніе петербургской конторы)—онъ (Соколовъ) другихъ причинъ къ отставкѣ, кромѣ нанесеннаго арестомъ будто бы безчестія, не имѣеть, то дирекція, до условленнаго шестимѣсячнаго срока, уволить его не можетъ, и онъ долженъ сіе время играть непремѣнно. По прошествіи же сего времени о увольненіи его состоятъ будетъ особенное разсмотрѣніе». Таковъ былъ приговоръ, произнесенный высшимъ начальствомъ...

Надо, впрочемъ, отдать справедливость судьямъ: на одинъ пунктъ жалобы Соколова, именно объ оскорбленіи его чиновникомъ Владыкинымъ, который ударилъ его въ грудь, они обратили особенное вниманіе и, «дабы не лишить законной защиты обиженнаго»—поручили присутствію московской театральной конторы изслѣдовать упомянутое показаніе Соколова, «взявъ сказку» отъ четырехъ солдатъ и другихъ лицъ, находившихся при отдачѣ его подъ арестъ.

Однако, и это слѣдствіе осталось безъ результатовъ. Черезъ нѣсколько дней, въ бытность въ Москвѣ главнаго директора театровъ А. Л. Нарышкина, Соколовъ, «оставя все претензіи, въ просьбѣ его описываемыя, согласился остаться при театрѣ на тѣхъ же положеніяхъ, на которыхъ онъ былъ».

Въ числѣ этихъ «претензій», была и жалоба на Владыкина, который, такимъ образомъ, остался безъ наказанія... Убѣжденіями ли Нарышкина, или угрозами новыхъ наказаній былъ достигнута такой результатъ,—мы не знаемъ.

II.

Неудачныя чудеса.

(1824—1835 гг.)

Всѣмъ, вѣроятно, извѣстно какую важную роль играетъ въ театральномъ дѣлѣ механизмъ сцены. Эта часть,—одна изъ обширнѣйшихъ и въ то же время наиболѣе трудно-устрояемыхъ во всемъ театральномъ хозяйствѣ,—до недавняго, сравнительно, времени была у насъ на самой низкой степени развитія. Только въ послѣдніе годы, благодаря энергіи и неутомимымъ стараніямъ дирекціи императорскихъ театровъ,—она поставлена у насъ едва ли не лучше, чѣмъ гдѣ-либо даже за границей.

Провести исторически, во всей послѣдовательности развитіе у насъ механическихъ приспособленій сцены нѣтъ возможности, за крайнею недостаточностью документальныхъ по этому вопросу указаній. Послѣднія имѣются только за отдѣльные, главнымъ образомъ, позднѣйшіе періоды времени,—начиная съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и за это время

подобныя указанія представляли серьезный историческій материалъ: они представляютъ собою скорѣе коллекцію курьезовъ, особенно разнообразную, но все же довольно любопытную. Частью этой коллекціи мы и воспользуемся для настоящаго очерка.

Еще значительно раньше 20-хъ годовъ и даже въ прошломъ столѣтіи, на нашихъ театрахъ были попытки весьма сложныхъ и трудныхъ сценическихъ эффектовъ. Давались, между прочимъ, большія представленія съ «полетами» и иными хитроумными фокусами, которыя, впрочемъ, не всегда кончались счастливо для участвовавшихъ въ нихъ танцовщиковъ, танцовщицъ и статистовъ. Иногда какая-нибудь Сильфида, которой приходилось летѣть,—дѣйствительно летѣла, но не въ пространство, на удивленіе зрителей, а прямо на полъ сцены, при чемъ въ иныхъ случаяхъ получала весьма ощутительныя доказательства своей человѣческой природы.—Такія происшествія, однако, не умаляли въ публикѣ охоты къ «полетамъ» и прочимъ, подобнымъ имъ, фокусамъ, и театральное начальство считало своей обязанностью время отъ времени ставить такіе спектакли.

Съ теченіемъ времени, механизмъ сцены, конечно, улучшался, но промахи, тѣмъ не менѣе, бывали нерѣдко, и въ общемъ, положеніе этой части, какъ мы уже упоминали выше, продолжало оставаться далеко неудовлетворительнымъ. Такимъ оставалось оно и въ 1824 году, когда заявилъ о себѣ нѣкій хитроумный механикъ, или, какъ называли въ прошломъ вѣкѣ—«махинистъ»—Казиміръ Янкевичъ. Объ этомъ механикѣ въ нашихъ рукахъ имѣется цѣлое дѣло и мы можемъ сообщить о немъ кое-что не лишнее интереса.

Какъ видно изъ документовъ,—это былъ микроскопическій реформаторъ, такъ сказать, въ душѣ, безъ реформы, стремившійся отыскать какую-нибудь область, въ которой онъ могъ бы проявить свои новаторскіе инстинкты. По происхожденію, Янкевичъ былъ полякъ и, подобно всѣмъ своимъ соотечественникамъ, необыкновенно самоувѣренный. Изъ собственныхъ словъ Янкевича, видно, что сначала онъ шатался по столичнымъ сценамъ, и осматривалъ устроенный на нихъ механизмъ «для перемѣны вообще декораций и прочаго». Его влекла къ этому «склонность къ театру и страсть къ механикѣ». Во время этихъ экскурсій онъ, къ удивленію своему, нашелъ въ петербургскихъ театрахъ, особенно въ Маломъ, «неисправности, беспорядки и великіе въ нѣкоторыхъ механизмахъ недостатки». Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что «48 мужиковъ на Большомъ театрѣ и 12—на Маломъ въ перемѣнѣ кулисъ дѣйствуютъ по своему произволению; прочія же перемѣны декораций производятся съ большимъ количествомъ рабочихъ людей, съ великимъ стукомъ, крикомъ и свойственною имъ нерасторопностью, отчего публика всякій разъ бываетъ въ неудовольствіи, а оркестръ теряется въ тактахъ».

Все это, равно какъ и безпорядки, видѣнные на сценѣ, понудило Янкевича, «изъ усердія къ пользамъ казны», обратиться къ директору «публичныхъ зрѣлищъ» А. А. Майкову и предложить ему свои услуги къ устраненію всѣхъ упомянутыхъ неисправностей и къ сокращенію числа состоявшихъ на сценахъ дѣйствительно многочисленныхъ рабочихъ. Сладкорѣчивый полякъ обѣщаль поставить машинную часть въ Петербургскихъ театрахъ такимъ образомъ, что «всякая перемѣна декорацій въ одно мгновеніе устроится не только въ лучшемъ видѣ, но и безъ стуку, шуму и крику и безъ помѣшательства актерамъ,—а не меньше того и къ совершенному удовольствію и удивленію публики».

Сверхъ всего этого, онъ предлагалъ Майкову устроить машину, «чтобъ изъ самага тихаго зефира произвести ужаснѣйшую бурю», и другую, «которая бы представляла громъ и трескъ въ натуральномъ ихъ видѣ», а также машины «восхожденія и захожденія солнца и затмѣнія луны». Наконецъ, онъ обѣщаль «перемѣнить суфлерскую крышку такимъ образомъ, чтобы слова суфлера были слышны однимъ токмо актерамъ, а до слуху публики никакъ не досягали».

Всѣ эти обѣщанія на Майкова, однако, не подѣйствовали. Его не соблазнило даже обѣщаніе превратить «тихий зефиръ» въ «ужаснѣйшую бурю», ни самое «затмѣніе луны»; онъ остался непреклоненъ, и въ просимомъ мѣстѣ Янкевичу отказалъ. Послѣдній прибѣгнулъ тогда къ довольно рѣшительному средству: подалъ прошеніе императору Александру Павловичу, съ препровожденіемъ вышеупомянутой записки. Въ своей запискѣ Янкевичъ, какъ и ранѣе Майкову, доказывалъ необходимость лучшаго устройства механизма сцены и снова пускалъ въ ходъ свои «бури», «громы» и «трески», обаяясь устроить производящія ихъ машины такимъ образомъ, «чтобъ натуральное дѣйствіе ихъ cadaго изъ зрителей приводило въ удивленіе». Особенно неудовлетворительною, по отношенію къ механизму, онъ находилъ сцену Малаго театра и брался устроить на ней, какъ слѣдуетъ, все, что нужно, начиная со «спусковъ» или отверстій и кончая суфлерскою будкою.—«Нужно перемѣнить,—писалъ Янкевичъ,—всѣ имѣющіеся въ полу Малаго театра спуски, ибо нѣтъ ни одного такого, который бы можно было употребить въ назначенную секунду и безъ малѣйшей остановки». Безъ сомнѣнія, говоря это, новаторъ-машинистъ былъ правъ, ибо въ то время (въ 20-хъ годахъ) во время представленій нѣкоторыхъ пьесъ, въ которыхъ какому-нибудь актеру надлежало провалиться «сквозь землю»,—онъ опускался только по поясъ и затѣмъ, дождавъ немного, на виду всей публики, дѣйствія неисправнаго механизма, выходилъ изъ «отверстія» и отправлялся черезъ сцену за кулисы... Такія случайности иногда дѣйствовали на злополучнаго, «не проваливапгагося» артиста подавляющимъ образомъ: онъ

конфузился, забывалъ роль и «проваливался» окончательно, но не въ «спускъ» на сценѣ, а во мнѣніи публики, отъ которой вмѣсто аплодисментовъ получалъ неистовые свистки...

Что касается суфлерской будки, или «крышки», то, какъ уже замѣчено, Янкевичъ обѣщалъ устроить ее такимъ образомъ, чтобы слова суфлера были слышны только актерамъ, а не доходили до публики, какъ то было въ то время во всѣхъ театрахъ. «По общему всѣхъ мнѣнію,—замѣчаетъ не безъ ироніи машинистъ,—лучшій актеръ теряетъ свою цѣну тогда, когда публика одни и тѣ же слова слышитъ сперва отъ суфлера, а потомъ и отъ актера». Наконецъ, Янкевичъ предлагалъ при перемѣнѣ декораций совсѣмъ вывести изъ употребленія гвозди.—«Я ручаюсь,—говоритъ онъ въ «запискѣ», — и за уничтоженіе того важнаго безпорядка, который встрѣчается отъ гвоздей, при перемѣнѣ декораций употребляемыхъ, отчего происходитъ не только ужасный стукъ, шумъ и крикъ рабочихъ людей, заглушающій музыку, неносный для публики и причиняющій казнѣ совершенно излишніе расходы, но и самихъ актеровъ заставляетъ имѣть всегдашнее опасеніе, ибо нерѣдко случается, что оставшіеся въ полу театра обломки гвоздей, не только раздираютъ имъ обувь, но причиняютъ иногда ногамъ ихъ несносную боль, отчего и должны они бывають удаляться отъ своихъ ролей».

Всѣ свои доводы Янкевичъ подкрѣплялъ крайнею умѣренностью своихъ требованій: онъ просилъ только опредѣлить его машинистомъ и театр-мейстеромъ Малаго театра, принимая на себя даже расходы по устройству всѣхъ сценическихъ приспособленій, которыя онъ находилъ необходимыми. При этомъ, въ видѣ особенно рѣзкаго примѣра неисправнаго дѣйствія машинъ сцены Малаго театра, Янкевичъ приводитъ въ своей запискѣ случай, имѣвшій мѣсто 17-го января 1824 года, во время представленія драмы «Уголино». Случай этотъ мы передадимъ здѣсь такъ, какъ повѣствуетъ о немъ авторъ «записки».

«Въ началѣ 4-го акта помянутой драмы,—разсказываетъ онъ,—представлялась башня, заключающая въ себѣ графа Уголино, выходъ коей закладенъ былъ кирпичною стѣною, которая отъ одного прикосновенія графа долженствовала разрушиться, и онъ въ то же мгновеніе чрезъ развалины сіи долженъ былъ явиться на сцену и на вопросы ожидавшаго уже его тамъ челоуѣка отвѣтствовать. Но вышло совсѣмъ противное, ибо, за величайшими усиліями того графа, стѣна оставалась неподвижною, по несоблюденію единственно въ семъ случаѣ механизма. Приставленные къ сему рабочіе люди, видя таковое бездѣйствіе механики и замѣшательство актера, хотѣли исправить сіе руками; но, за всѣми усиліями своими, не въ состояніи будучи того сдѣлать, прибѣгнули къ послѣднему средству и начали рубить стѣну топорами. Ожидавшій на сценѣ долгое время

заключеннаго графа и не помышлявшій никогда о таковой останокѣ, которая ни подѣ какимъ видомъ на театрѣ случиться не должна была, — замѣтивъ уже неудовольствіе публики, ожидавшей развязки, — вмѣсто того, чтобъ удивляться силѣ графа въ разрушеніи каменной стѣны, — рѣшился отступить отъ назначеннаго ему въ роли порядка: онъ, чтобъ прекратить топорный стукъ, подошелъ къ той стѣнѣ, и, съ помощію своихъ оруженосцевъ, съ великимъ усиліемъ разложивъ ее, освободилъ давно ожиданнаго имъ графа. Но при всемъ томъ, разрушенная каменная стѣна представляла уже не кирпичи, какъ слѣдовало, а обрубки досокъ и щепокъ. «Впрочемъ, — заключаетъ свой рассказъ Янкевичъ, — ежели бы актеръ не успѣлъ догадкою своею поддержать сію неисправность, то необходимо должно было бы въ самомъ началѣ 4-го акта опустить занавѣсъ».

Если хитрый машинистъ не прибавилъ отъ себя какихъ-нибудь прикрасъ въ описаніи этого происшествія, то оно, дѣйствительно, даетъ право заключить о самомъ плачевномъ положеніи въ то время на нашихъ театрахъ машинной части. — Впрочемъ, сомнѣваться въ справедливости словъ Янкевича въ этомъ случаѣ едва ли есть основаніе, такъ какъ трудно предположить, чтобъ онъ посмѣлъ говорить неправду въ «запискѣ», поданной на высочайшее имя, тѣмъ болѣе, что провѣрить его было очень легко. Для этого стоило только обратиться въ театральную контору, куда отъ зрителей театровъ поступали донесенія о всѣхъ происшествіяхъ во время спектаклей, какъ на сценѣ, такъ и въ зрительной залѣ.

Государь, принявъ прошеніе Янкевича и ознакомившись съ его «запискою», передалъ обѣ эти бумаги графу А. А. Аракчееву для отсылки въ театральнй комитетъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, разсмотрѣвъ ихъ, представилъ свои заключенія комитету министровъ.

Болѣе ни о судьбѣ Янкевича, ни о его проектѣ намъ ничего неизвѣстно. — По крайней мѣрѣ въ нашихъ рукахъ не было никакихъ документовъ, на основаніи которыхъ мы могли бы сказать, что-нибудь больше того, что здѣсь сказано.

«Машинная часть» петербургскихъ театровъ долго еще оставалась съ тѣми «неустройствами», объ устраненіи которыхъ такъ ратовалъ новаторъ-машинистъ, — и рассказанный имъ случай съ графомъ Уголино, не былъ, къ сожалѣнію, послѣднимъ. Почти ежемѣсячно то въ одномъ, то въ другомъ театрѣ, во время спектаклей, приключались неудачи, смѣшившія зрителей лучше плоскихъ шутокъ многихъ изъ тогдашнихъ комедій и водевилей. Какъ курьезны были эти случайности, можно судить по нижеслѣдующимъ примѣрамъ, заимствованнымъ нами изъ донесеній зрителей театровъ и дежурныхъ чиновниковъ въ контору.

20-го іюня 1828 года, на Маломъ театрѣ шла трагедія (Шил-

лера) «Разбойники». Въ пятомъ актѣ, когда на сценѣ долженъ быть представленъ пожаръ, при чемъ разрушаются двери, по недосмотру или небрежности плотника произошелъ слѣдующій курьезный пассажъ. Пожаръ удался какъ нельзя лучше, дверь упала, но... но была снова поднята на мѣсто, а когда актеры должны были уйти со сцены, то «быстрымъ своимъ ходомъ снова ее уронили», вслѣдствіе чего «завязали между дверей» актеры гг. Каратыгинъ младшій и Толченевъ. Завязшіе артисты представляли потѣшную группу, и въ публикѣ послышался смѣхъ, сначала сдержанный, а потомъ громче и громче... Наконецъ, бѣдные артисты кое-какъ избавились отъ своей ловушки и удалились, оставивъ въ зрителяхъ комическое впечатлѣніе, вовсе не подходящее къ трагедіи...

На другой день послѣ описаннаго происшествія, о немъ сообщилъ въ контору театровъ инспекторъ російской труппы—Храповицкій. Въ концѣ своего донесенія онъ указывалъ на виновника скандала. «Сему безпорядку,—писалъ онъ,—оказался виновнымъ машинистъ, ибо въ сію минуту обязанность его была находиться при двери самому. Еще же,—упоминаетъ въ заключеніе Храповицкій,—бутофорскія ликопольницы (ликоподницы?) по неисправности оныхъ не могли на сценѣ производить изъ себя огня». — Донося обо всемъ этомъ, Храповицкій просилъ контору «виновныхъ не оставить безъ должнаго взысканія: ибо таковыя неустройства навлекаютъ невыгодное мнѣніе публики о російскихъ представленіяхъ».

Вслѣдствіе приведеннаго донесенія возникло цѣлое дѣло. Допросили зрителя Малаго театра о виновномъ машинистѣ, и тотъ засвидѣтельствовалъ, что послѣдній, «со времени перевода своего на Малый театръ не являлся къ должности, бывая, между тѣмъ, въ театрѣ, въ креслахъ». — Этотъ злополучный машинистъ былъ нѣкто Тистровъ, состоявшій на службѣ дирекціи съ сентября 1826 года, съ жалованьемъ по 1,200 руб. въ годъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ подвергся штрафу въ размѣрѣ мѣсячнаго жалованья за замѣченную министромъ императорскаго двора неисправность въ перемѣнѣ декораций въ одномъ изъ французскихъ спектаклей (14-го апрѣля того же 28-го года). За свою послѣднюю вину Тистровъ былъ уволенъ.

Разсказанный случай, по своимъ послѣдствіямъ для машиниста, едва ли не единственный. Большею частью дѣло кончалось тѣмъ, что машинистовъ и плотниковъ, исполнявшихъ обязанности двигательной силы театрального механизма, сажали подъ арестъ. Иногда, впрочемъ, плотники за свои оплошности наказывались розгами, но это бывало очень рѣдко.

Въ виду однообразія и отсутствія сколько-нибудь интересной мотивировки тѣхъ каръ, которыя налагало начальство на плотни-

ковъ и машинистовъ, мы, передавая слѣдующіе случаи сценическихъ ошибокъ, не будемъ рассказывать о томъ, что постигало ихъ виновниковъ. — Приведенный случай, имѣвшій серьезныя послѣдствія для машиниста Тистрова, повторяемъ, былъ, насколько намъ извѣстно, единственный.

Нашу коллекцію сценическихъ курьезовъ, не смотря на ея неполноту, мы располагаемъ въ хронологическомъ порядкѣ.

25-го января 1829 года, смотритель Малаго театра доносилъ въ контору, что во время представленія оперы «Русалка» (Кауэра и Давыдова) «козелъ былъ чрезвычайно не хорошъ и ноги плотниковъ слишкомъ были видны». Въ томъ же спектаклѣ «декорація волшебныхъ чертоговъ остановилась на воздухѣ и минутъ пять не шла внизъ». — Къ числу неисправностей монтировки въ томъ же спектаклѣ смотритель указалъ на то, что «когда Тарабаръ (одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ оперы) въ люлкѣ качался, забыты были прежнія пеленки»...

Послѣднее обстоятельство было важно, вѣроятно, только въ глазахъ смотрителя; но что касается декораціи, минутъ пять висѣвшей въ воздухѣ, и козла съ ногами плотниковъ, то это было, безъ сомнѣнія, по меньшей мѣрѣ, забавно. Очевидно, что въ приведенномъ случаѣ виною была небрежность машиниста; но случались курьезы и отъ излишняго усердія. Такъ, 14-го марта 1829 года, во время представленія канатнаго плясуна Фуру, «предъ великимъ восхожденіемъ, когда театральные рабочіе натягивали канатъ, лопнула одна веревка, которою соединяется канатъ съ основаніемъ, и люди, натягивавшіе канатъ, упали на песокъ и насмѣшили»... «Впрочемъ,—замѣчаетъ чиновникъ, доносившій объ этомъ происшествіи,—вреда никому никакого не было, а веревки принадлежать г. Фуру».

Очевидно, что тутъ рабочіе слишкомъ поусердствовали и потому «насмѣшили». И такихъ случаевъ было не мало. Вотъ, между прочимъ, еще одинъ изъ такихъ примѣровъ. 23-го января 1831 года, на Большомъ театрѣ былъ данъ дивертисментъ «Сватъ Гаврилычъ». Въ этомъ представленіи, въ одной изъ картинъ должны были пройти коровы. Такъ вотъ этихъ-то коровъ (конечно, чучела) по словамъ смотрителя Лащевскаго, «для движенія ногъ такъ тянули за шнуры, что они порвались и ноги отвалились». Большинство случаевъ, однако, относится къ неисправности машинъ и небрежности машинистовъ и рабочихъ. Изъ такихъ случаевъ наиболее характерны слѣдующіе:

24-го февраля 1831 года, на Маломъ театрѣ шелъ, между прочимъ, водевилъ «Братъ за брата». Въ этомъ водевилѣ во время чистой перемѣны декораціи сада въ комнату, плотникъ верховой (т. е. находившійся на колосникахъ) заснулъ, почему комната въ

надлежащее время, по 3-му свисту ¹⁾), не была опущена, двери же съ правой стороны и лѣвой стороны сцены были поставлены, и въ нихъ г-жи Величкина и Лабазина (актрисы), выйдя на сцену, продолжали дѣйствіе, не замѣтя, что вошли въ садъ, а не въ комнату».

«Въ продолженіе нѣкоего времени, — дополняетъ смотритель Малаго театра Гинцъ описаніе этого происшествія, — опущена была комната, а лакеями была поставлена скамейка въ оную, за какую оплошность, по приказанію г. дежурнаго по Малому театру Зотова, помощникъ машиниста Демиховъ посаженъ былъ подъ арестъ, а плотникъ, не выполнившій своего дѣла, былъ наказанъ розгами».

Вообще, 1831 годъ былъ особенно богатъ разными сценическими неудачами. Такъ, на третій день послѣ описаннаго происшествія, на этотъ разъ уже въ Большомъ театрѣ, 26-го февраля, по винѣ вольнонаемнаго плотника, который состоялъ «по полетной части», произошла слѣдующая оплошность. Во время перваго акта, дававшегося въ тотъ день спектакля, помянутый плотникъ, какъ рассказываетъ въ своемъ донесеніи смотритель театра Лащевскій, — долженъ былъ бросить, по сдѣланному выстрѣлу, орла, который упадетъ сверху на сцену, а актеръ долженъ былъ отъ сего орла отрубить крыло. Но плотникъ его сверху не бросилъ, по той причинѣ, что отлучился отъ своего мѣста, а когда товарищи его стали спрашивать, отчего онъ не бросилъ, онъ имъ отвѣчалъ, что уже теперь поздно. На сію остановку орла, театр-мейстеръ Лукашевъ, по прошествіи уже нѣкотораго времени, побѣждалъ наверхъ и приказалъ плотнику сему орла сбросить внизъ; онъ сіе приказаніе исполнилъ, чрезъ что произошла въ публикѣ апплодировка и смѣхъ. «Но актеры, — заключаетъ свой рапортъ Лащевскій, — производили «свое представленіе» безо всякой остановки».

Всѣ такія происшествія, какъ уже упомянуто ранѣе, не вызывали никакихъ общихъ мѣръ по улучшенію машинной части въ театрахъ. Въ большинствѣ случаевъ, послѣ неудачи какого-нибудь сценическаго «чуда», производилось слѣдствіе и, затѣмъ, наказывались виновники. Но, наконецъ, въ 1831 году, на сценѣ Большого театра произошелъ случай, который заставилъ принять на будущее время болѣе серьезныя мѣры, чѣмъ тѣ, которыя до того употреблялись. Въ чемъ состоялъ этотъ случай, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія не разъ уже упоминавшагося здѣсь зрителя Лащевского. «Сего числа, — писалъ онъ 13-го мая 1831 года въ контору дирекціи, — въ Большомъ театрѣ, во время трагедіи «Разбойникъ Богемскихъ лѣсовъ», произошла въ послѣднемъ дѣйствіи конфузія отъ худого распоряженія по машинной части: верховой плотникъ, вольнонаемный Иванъ Бобровъ, не дождавшись сигналь-

¹⁾ Сигналы тогда подавались свистками.

наго свиста, обрубилъ ранѣе веревку, на которой бросается камень, отчего вся декорация поднялась на верхъ и фальшивые камни повалились внизъ, на сцену. Отъ этого актеры должны были остановиться въ игрѣ, и въ то самое время актриса Брянская перепугалась и закричала отъ сего стука. Вслѣдствіе этого, по словамъ зрителя, занавѣсъ передній былъ опущенъ и трагедія была не окончена. Это происшествіе, помимо наказанія плотниковъ, которые всѣ, какъ вольнонаемные, такъ и Охтяне ¹⁾, были посажены подъ арестъ, имѣло и другія послѣдствія. На 4-й день послѣ того какъ это случилось, именно 17-го мая, директоръ театровъ, князь С. С. Гагаринъ, далъ конторѣ предписаніе, — въ которомъ объявлялъ, что «государь императоръ, по случаю происшествія 13-го мая, повелѣлъ изыскать средства дѣлать разрушенія на сценѣ не разными людьми, а посредствомъ машинъ, однимъ человекомъ». — Сообщая объ этомъ конторѣ, князь Гагаринъ предписывалъ ей «созвать всѣхъ машинистовъ и, объявивъ имъ приведенное повелѣніе государя, потребовать отъ нихъ письменныхъ проектовъ къ исполненію сей высочайшей воли».

Контора, конечно, исполнила все по этому предписанію; но результатовъ ея приказаніе не имѣло никакихъ. По крайней мѣрѣ, чрезъ два года послѣ этого, контора обращалась къ машинистамъ снова съ приказаніями, на этотъ разъ уже письменно, — подать проекты реформъ машинной части. Особенно упорнымъ оказался при этомъ машинистъ Большаго театра Тибо. Были ли въ концѣ концовъ поданы машинистами помянутые проекты — мы указаний не имѣемъ; — но еще много лѣтъ спустя, въ дѣлахъ «о происшествіяхъ въ театрахъ» мы встрѣчаемъ всевозможные промахи и ошибки, «по неисправности машинной части происшедшія». — Такъ, чрезъ 4 года, послѣ объявленнаго княземъ Гагаринымъ Высочайшаго повелѣнія, А. М. Гедеоновъ приказывалъ конторѣ «сдѣлать строгій выговоръ машинисту Юсифу Роллеру и театр-мейстеру Демихову, за замѣченныя имъ неисправности во время представленія оперы «Робертъ».

Въ этомъ представленіи, по словамъ Гедеонова, въ 3-мъ актѣ, въ сценѣ явленій, статуя при спускѣ со стѣны задѣпилась; затѣмъ — первый гробъ худо открыли, и, наконецъ — «изъ-подъ полу медленно поднимались», и проч. — За день предъ этимъ, въ томъ же Большомъ театрѣ, въ представленіи комедіи «Саламандра» корабль «не могъ дойти до надлежащаго мѣста, потому что полъ подъ нимъ провалился», и т. д.

Всѣхъ подобныхъ примѣровъ перечислить нѣтъ никакой возможности. Но, вѣроятно, достаточно будетъ и приведенныхъ здѣсь

¹⁾ Охтенскіе плотники съ половины прошлаго вѣка работали при Императорскихъ театрахъ.

для того, чтобы заключить, въ какомъ положеніи была въ нашихъ театрахъ машинная часть за время съ 1820-хъ—и почти по 1840-е года.

III.

Поѣздка режиссера Лебедева за артистами.

(1830 г.).

Въ былые годы, точно также какъ и теперь, труппы императорскихъ театровъ нерѣдко пополнялись актерами, переходившими на службу дирекціи съ провинціальныхъ сценъ. При этомъ случилось иногда, что провинціальные артисты оказывались крупными талантами и становились лучшими украшеніями казенной сцены. Такихъ примѣровъ можно указать не мало, какъ за старые годы—1820—1840, такъ и за болѣе близкое къ намъ время, которое, между прочимъ, подарило петербургскую сцену высокоталантливой артисткой въ лицѣ М. Г. Савиной, какъ извѣстно до своего поступленія на службу при императорскихъ театрахъ подвизавшейся на театральномъ поприщѣ въ провинціальныхъ городахъ.

Въ прежнее время, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, и раньше, театральное начальство, имѣя надобность пополнить ту или другую труппу какими-нибудь «сюжетами», снаряжало отъ себя для поисковъ отечественныхъ талантовъ спеціальныя экспедиціи въ тѣ изъ городовъ имперіи, гдѣ существовали театры и гдѣ, слѣдовательно, была надежда обрѣсти нужныхъ для казенной сцены артистовъ. Объ одной изъ такихъ экспедицій мы встрѣтили свѣдѣнія въ дѣлѣ (Архива дирекціи императорскихъ театровъ) 1830 года, за № 71, подъ заглавіемъ: «Объ откомандированіи режиссера Лебедева для отысканія артистовъ». Этой командировкѣ мы и посвящаемъ настоящую замѣтку.

Въ 1830 году, директоръ театровъ кн. С. С. Гагаринъ, нашелъ необходимымъ пополнить русскую оперную труппу хорошимъ теноромъ, а драматическую—актеромъ-комикомъ. Въ Петербургѣ нужныхъ сюжетовъ не оказывалось, выпускъ изъ театрального училища не обѣщалъ ничего выдающагося въ этомъ родѣ, и потому кн. Гагаринъ рѣшилъ прибѣгнуть къ практиковавшемуся и ранѣе въ подобныхъ случаяхъ способу, т. е. къ командировкѣ одного изъ служащихъ при дирекціи лицъ въ путешествіе по Россіи для отысканія артистовъ. Это порученіе было возложено на отставного, состоявшаго на пенсіонѣ актера (онъ же бывшій режиссеръ) Лебедева, которому, по особому съ нимъ условію, и была выдана командировочная сумма въ размѣрѣ 2,437 руб. 94½ коп. Кромѣ того, Лебедевъ получилъ 1,000 руб. — «на выдачу впередъ вояжныхъ и въ счетъ жалованья денегъ» артистамъ, которыхъ онъ могъ анга-

жировать. Во всей полученной суммѣ онъ по возвращеніи долженъ былъ дать отчетъ, «подъ отвѣтственностью» своего пенсіона. Отвѣтственность въ истраченныхъ суммахъ, по условію, падала на Лебедева и въ томъ случаѣ, если бы приглашенные имъ артисты оказались «неспособными и бесполезными для сцены императорскаго театра».

Главными центрами, въ которыхъ должны были сосредоточиваться поиски артистовъ, были назначены: Тула, Орель, Воронежъ, Рязань, Нижній-Новгородъ, Кострома и Ярославль. Для услугъ Лебедеву «въ вояжѣ» кн. С. С. Гагаринъ приказалъ конторѣ «выбрать надежнаго и трезваго капельдинера изъ холостыхъ». Соответствовавшимъ этимъ требованіямъ оказался капельдинеръ Матвѣевъ, которому и было приказано готовиться въ дорогу. Наконецъ, всѣ приготовленія къ путешествію и долгая переписка съ театральными властями, безъ которой тогда не начиналось ни одно, даже самое ничтожное дѣло, кончились, и 26-го апрѣля театральннй вербовщикъ съ своимъ слугою, купивъ себѣ за 600 руб. поддержанную бричку, пустились въ дорогу. Въ этой бричкѣ они исколесили, въ теченіе трехъ съ половиною мѣсяцевъ, болѣе 4,000 верстъ, проѣхавъ 17 губерній и истративъ 772 руб. только на одни прогоны¹⁾, не считая частыхъ починокъ поддержаннаго экипажа и другихъ расходовъ.

Прежде всего театральные путешественники направились черезъ Москву въ Тулу. Ѣхали они не торопясь и останавливаясь почти во всѣхъ попадавшихся на пути городахъ, почему и прибыли туда только 11-го іюня. Въ Тулѣ, повидимому, Лебедевъ началъ свои развѣдки объ артистахъ. По крайней мѣрѣ, на мысль объ этомъ наводитъ то, что въ своемъ отчетѣ объ издержкахъ во время командировки, представленномъ имъ по возвращеніи въ Петербургъ конторѣ, — онъ показалъ 12 руб. 58 коп., истраченныхъ въ Тулѣ въ продолженіе недѣли, «на угощеніе артистовъ». Эта скромная сумма даетъ намъ право заключить, что «угощеніе» артистовъ не отличалось особенною роскошью; — оно состояло, по всей вѣроятности, изъ одного отечественнаго, издревле облюбованнаго русскимъ народомъ напитка, съ необходимыми «закусочными средствами». Въ Тулѣ Лебедевъ не нашелъ никого изъ мѣстныхъ актеровъ достойнымъ приглашенія на императорскую сцену и проѣхалъ далѣе, въ Орель, гдѣ также пробылъ недѣлю, посѣщая почти каждый день театръ и отъ времени до времени угощая артистовъ (здѣсь онъ истратилъ на это еще менѣе, чѣмъ въ Тулѣ, именно 6 руб.). Отсюда вербовщики отправились въ Курскую губернію, въ село Коренное, гдѣ въ это время была ярмарка, въ теченіе которой устраивался

---

¹⁾ Нечего, конечно, и говорить, что Лебедевъ имѣлъ подорожную «по казенной надобности».

театръ. Здѣсь пришлось пробыть нѣсколько долѣе, чѣмъ въ городахъ, посѣщенныхъ ранѣе, именно около двухъ недѣль, но за то не безъ результатовъ: въ ярмарочномъ театрѣ Лебедева поразилъ чудный, высокій баритонъ одного изъ пѣвцовъ, по фамилии Петрова, и онъ рѣшилъ пригласить его на службу въ петербургскій императорскій театръ, полагая, что, не смотря на данный ему наказъ найти тенора, не окажется лишнимъ и хорошій баритонъ. Для переговоровъ Лебедевъ позвалъ пѣвца къ себѣ и, по обыкновенію «угостивъ» ¹⁾, предложилъ перейти на казенную сцену. Петровъ былъ отъ этого не прочь, но высказалъ опасеніе, что антрепренеръ труппы Штейнъ, у котораго онъ взялъ впередъ, въ счетъ жалованья, 120 руб., не согласится его отпустить. Но это затрудненіе Лебедевъ вскорѣ же устранилъ, уплативъ Штейну забранную у него Петровымъ сумму, и дѣло кончилось къ общему удовольствію: вербовщикъ былъ доволенъ, что ему удалось найти хорошаго пѣвца, а послѣдній, — что онъ попадаетъ въ столицу и разстается съ неудобной жизнью кочующаго актера. Съ своей стороны, мы должны замѣтить, что Лебедеву не пришлось раскисаться въ своемъ выборѣ. Самъ того не подозревая, онъ, приглашая Петрова на службу въ императорскомъ театрѣ, оказывалъ величайшую, незабвенную услугу нашему искусству, ибо завербованный имъ пѣвецъ былъ никто другой, какъ знаменитый впоследствии Сусанинъ въ «Жизни за царя», Осипъ Аванасьевичъ Петровъ, незамѣнимый артистъ, болѣе сорока лѣтъ украшавшій своимъ рѣдкимъ дарованіемъ нашу оперную сцену.

Покончивъ дѣло съ О. А. Петровымъ, Лебедевъ 10-го іюля назначилъ ему по 2 р. 50 к. въ день «на харчи» и, вмѣстѣ съ нимъ выѣхавъ изъ Кореннаго, — направился сначала въ Тамбовъ, гдѣ пробылъ около недѣли, затѣмъ въ Рязань и оттуда въ Калугу. Здѣсь онъ обрѣлъ нѣкоего актера Алекина, которому и предложилъ поступить на службу дирекціи. Тотъ согласился и, получивъ, 25 рублей на дорогу до Москвы, отправился туда, чтобы вмѣстѣ съ О. А. Петровымъ, который въ это время уже тамъ находился, ѣхать въ Петербургъ. Лебедевъ также вернулся въ Москву, но пробылъ тамъ недолго. Онъ отправился на ярмарку въ Нижній. По приѣздѣ туда онъ дѣятельно принялся за поиски тенора, котораго и «приобрѣлъ» въ лицѣ странствовавшаго пѣвца-актера Бѣшенцова. Заручившись его согласіемъ и выдавъ ему деньги на дорогу въ Петербургъ, Лебедевъ, пробывъ нѣсколько дней въ Нижнемъ, пустился въ обратный путь. Въ Петербургъ онъ приѣхалъ 18-го августа, пробывъ въ командировкѣ болѣе трехъ съ полови-

¹⁾ Всего, въ теченіе почти двухъ недѣль своего пребыванія на Коренной ярмаркѣ, Лебедевъ истратилъ на угощеніе 4 рубля.

ною мѣсяцевъ. Отпущенной суммы ему не только хватило, но осталась еще значительная ея часть въ экономіи.

Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ по возвращеніи Лебедева, въ Петербургъ пріѣхали и двое изъ набранныхъ имъ артистовъ: Бѣшенцовъ и О. А. Петровъ. Куда дѣвался Алекинъ—изъ дѣла не видно. По всей вѣроятности, онъ почему-либо не доѣхалъ до Петербурга, такъ какъ здѣсь его дебюта въ 1830 году не было. Что касается О. А. Петрова, то онъ дебютировалъ въ томъ же году передъ столичною публикою ролью Зороастра въ оперѣ «Волшебная Флейта» и сразу обратилъ на себя общее вниманіе, хотя тогда ему еще многого не доставало. Въ «Сѣверной Пчелѣ», пользовавшейся тогда монополіею помѣщать у себя театральныя рецензіи, по поводу дебюта О. А. Петрова было сказано о немъ слѣдующее: «природа, одѣливъ его ростомъ, надѣлила его обширнымъ голосомъ и сильною грудью. Басъ его довольно пріятенъ, но весьма мало обработанъ, что доказалъ намъ рѣзкій переходъ онаго въ высокія ноты. Впрочемъ, мы замѣтили у Петрова довольно правильную дикцію. Даже и въ жестахъ онъ дѣйствовалъ обѣими руками, тогда какъ г. Шуваловъ всѣ почти жесты дѣлаетъ правою рукою. Въ добромъ мнѣніи о будущихъ способностяхъ г. Петрова еще болѣе насъ утверждаетъ то, что въ началѣ второго акта онъ удачно выразилъ монологъ и спѣлъ трудную арію».

Авторъ этого отзыва, конечно, не подозрѣвалъ, что онъ говоритъ о будущей славѣ и гордости русской сцены, о томъ артистѣ, имени котораго суждено было неразрывно соединиться съ бессмертнымъ произведеніемъ М. И. Глинки—«Жизнью за царя».

Въ заключеніе, еще два слова о Лебедевѣ. Командировка его была признана выполненной успѣшно, и директоръ ходатайствовалъ о его награжденіи. Ходатайство это было уважено: 23-го декабря 1830 года, министръ императорскаго двора препроводилъ князю С. С. Гагарину золотую табакерку, всемілостивѣйше пожалованную режиссеру Лебедеву «за понесенные имъ труды при отысканіи артистовъ для здѣшнихъ (с.-петербургскихъ) театровъ».

IV.

Эмма Корнеттъ.

(1827—1828 г.).

Было утро 9 апрѣля 1827 года. Въ такъ называемый Малый театръ въ С.-Петербургѣ собирались актеры французской труппы для послѣдней репетиціи, назначенной къ представленію въ тотъ же день, вечеромъ, пьесы. Къ подъѣзду то и дѣло подкатыва-

лись характерныя «театральныя» кареты, и изъ нихъ быстро выскакивали актеры и актрисы разныхъ амплуа. Фигуранты, фигурантки и иные третьестепенные участники и участницы спектакля собрались еще ранѣе и стояли кто около подъѣзда, кто въ просторныхъ сѣняхъ театра, а кто и на сценѣ, гдѣ уже были приготовлены декорации 1-го акта назначенной для репетированія пьесы. Приѣзжавшіе артисты отправлялись въ уборныя и затѣмъ появлялись на сценѣ. Вскорѣ тамъ собрались почти все участвовавшіе въ представленіи. Тутъ, между прочимъ, были актеры: Теофиль, Андре Шмитъ, А. Монталанъ, А. Дюфуръ (Dufour), актрисы: Мэльо, Елизъ де-Боннье, и др. Около рампы расхаживалъ смотритель театра Бѣльцовъ, отдавая какія-то распоряженія ламповщикамъ и двумъ плотникамъ, стоявшимъ передъ нимъ въ почтительныхъ позахъ. Наконецъ, собрались все. Поджидали только одну, немного запоздавшую актрису, Эмму Корнеттъ. Актеры и актрисы уже начали сообщать другъ другу разныя догадки о причинахъ опозданія m-ше Эммы и дѣлать разныя, не совсемъ лестныя для отсутствующей, предположенія. Особенно отличались въ этомъ, какъ водится, актрисы, для которыхъ молодая и красивая Эмма, не смотря на то, что она занимала въ труппѣ амплуа «третьей любовницы» (la troisième amoureuse)—была не совсемъ безопасна, обращая на себя общее вниманіе своимъ хорошенькимъ, наивнымъ личикомъ и стройною фигурой. Кромѣ того, она далеко не была бездарной и обѣщала современемъ занять въ труппѣ видное мѣсто. Все это вмѣстѣ заставляло остальныхъ артистокъ, по большей части некрасивыхъ и, если не пожилыхъ, то сильно пожившихъ, не любить «la troisième amoureuse», и онѣ теперь, при удобномъ случаѣ, принялись обсуждать ее со всехъ сторонъ, награждая наперерывъ разными нелестными для нея эпитетами. Въ группѣ актрисъ, занимавшихся этимъ похвальнымъ дѣломъ, все время вертѣлся актеръ Теофиль, еще не старый, юркій человѣчекъ, небольшого роста. Онъ таинственно шепталъ что-то на ухо то одной, то другой артисткѣ, отъ чего тѣ фыркали и произносили затѣмъ восклицанія, выражавшія ихъ удивленіе и ужасъ. Послѣ того все снова принимались что-то горячо обсуждать. При этомъ имя Эммы повторялось очень часто, въ связи съ какими-то суммами, которыя она будто бы получила.

Къ группѣ подошелъ актеръ Дюфуръ. Онъ нѣкоторое время прислушивался къ разговору и затѣмъ объявилъ свое рѣшеніе въ слѣдующей формѣ:

— C'est maintenant,—сказалъ онъ,—l'affaire de tous les artistes. Ils doivent en corps porter plainte a leur chef,—par cette raison, que lorsqu'on a la peste parmi soi, on tache à s'en défaire et l'on est guéri... (Теперь—это дѣло всехъ артистовъ. Они должны все сообща принести жалобу ихъ начальнику, на томъ основаніи, что когда имѣешь

среди себя чуму, нужно стараться отъ нея избавиться и тогда выздоровѣешь)...

— Oui, oui, m-g Dufour, (Да, да, г. Дюфуръ)—поддержаль это рѣшеніе Теофиль и затѣмъ добавиль:

— Cette Emma — voila la peste. Et nous devons... (Эта Эмма— вотъ чума. И мы должны)... Но онъ не успѣлъ докончить: какъ разъ ему на встрѣчу изъ-за кулисъ, какъ говорится — легка на поминѣ — вошла на сцену сама m-lle Эмма, и весь кружокъ немедленно смолкъ. Она, очевидно, все слышала. Блѣдная, тяжело дыша, она, не поздоровавшись ни съ кѣмъ, прошла мимо группы актеровъ и актрисъ на другую сторону сцены и опустилась на стоявшій около одной изъ декораций стулъ. Вслѣдъ затѣмъ режиссеръ, внутренне рѣшившій оптрафовать опоздавшую артистку, подалъ знакъ къ началу репетиціи, и она началась.

Эмма, участвовавшая въ первомъ актѣ, была очень разсѣяна: она невпопадъ давала реплики, то торопилась, то задерживала и поминутно вызывала замѣчанія режиссера. Во второмъ актѣ она, не будучи занята, не появлялась на сценѣ и сидѣла въ уборной. По окончаніи второго акта артисты разбрелись кто въ уборную, кто за кулисы. На сценѣ оставалось всего нѣсколько человѣкъ, когда туда явился, только-что пріѣхавшій въ театръ управляющій французскою труппою, Мезьеръ (Maisières), и объявилъ, что назначенный въ этотъ день спектакль отмѣненъ, и что необходимо, поэтому, приступить къ репетиціи той пьесы, которая должна была его замѣнить. Дали знать объ этомъ актерамъ и актрисамъ, и большинство снова собралось на сцену. Отсутствовали только m-lle Эмма, актеръ Теофиль и m-lle Antonine...

Въ виду посыпавшихся вопросовъ, Мезьеръ долженъ былъ повторить упомянутое распоряженіе о переимѣннѣ спектакля и сдѣлать распределеніе ролей. Онъ стоялъ въ это время на аванъ-сценѣ. Кругомъ него расположились артистки и артисты. Пьесою, долженствовавшею замѣнить назначенный ранѣе спектакль, оказалась одна изъ любимыхъ тогдашнихъ опереттъ, и для нея потребовался оркестръ, за которымъ Мезьеръ распорядился тотчасъ же послать капельдинера. Сдѣлавъ это, онъ принялся распределять роли, но только что успѣлъ назвать двѣ-три фамиліи актеровъ, какъ изъ-за кулисъ послышался шумъ и крики. Всѣ актеры и актрисы и впереди всѣхъ Мезьеръ—бросились туда, откуда исходилъ шумъ, и ихъ глазамъ представилась странная сцена: m-lle Эмма наступала на ретировавшагося отъ нея актера Теофиля, колотя его руками и ногами и сопровождая эти несовѣтъ женственныя движенія еще менѣе приличными въ ея устахъ эпитетами и неправдоподобными обвиненіями:

— Ah! coquin! (А! негодай!)—кричала она.—Tu es voleur! C'est toi, qui a volé mes diamants. (Ты воръ. Ты укралъ мои брилліанты) и такъ далѣе.

Мезьеръ послѣшилъ прекратить эту сцену, быстро схвативъ заади разбушевавшуюся артистку ¹⁾ и оттащивъ ее за кулисы. Онъ всячески старался ее успокоить. Между тѣмъ, актеры, догадываясь отчасти о причинѣ происшедшаго, приступили съ разспросами къ m-lle Antonine, которая была единственной свидѣтельницей начала описанной сцены. Та во всемъ обвиняла Эмму.

— C'est m-lle Emma,—сказала она, но не могла продолжать за возобновившимся шумомъ: Эмма, какъ-то ускользнувшая отъ Мезьера, снова бросилась къ Теофилю, который въ это время разговаривалъ съ стоявшимъ неподалеку отъ него Дюфуромъ. Послѣдній еще ранѣе подвергся нападенію разсерженной «третьей любовницы»; впрочемъ безъ особенно неприятныхъ для себя послѣдствій: Эмма ограничилась на этотъ разъ только словами:

— Savez-vous, m-eur,—сказала она ему—qu'il n'y a ici de peste, que m-eur Dufour, qui est l'espion du prince et de l'administration... (Знаете ли вы, милостивый государь, что чума здѣсь,—это г. Дюфуръ, шпионъ князя и администраціи...). Потомъ обращаясь къ Теофилю, она сказала:

— Ah, monsieur, à propos... J'ai à vous parler (А! милостивый государь, кстати... я имѣю кое о чемъ говорить съ вами).

— Et moi aussi—(и я также) отвѣчалъ тотъ, но не успѣлъ докончить начатой фразы, какъ Эмма наградила его пощечиной...

Тутъ уже произошла настоящая свалка: Теофиль бросился на Эмму и ударилъ ее, какъ показывалъ въ послѣдствіи смотритель Бѣльцовъ, «перчаткою по лицу». Впрочемъ, показаніе это едва ли вѣроятно ²⁾. Но, какъ бы то ни было, а Эмма заплакала и бросилась со сцены, произнося между рыданіями угрозы своему обидчику.

— Je vais chez Wolkonsky ³⁾,—кричала она.—J'ai plus de pouvoir qu'on ne pense, et je vais le faire chasser de la ville. Je me vengerais de lui! (Я ѣду къ Волконскому. Я имѣю болѣе власти, нежели думаютъ, и я заставлю выслать его изъ города. Я отомщу ему!)

Выбѣжавъ изъ театра, Эмма прямо отправилась къ князю В. В. Долгорукову ⁴⁾, и принесла ему жалобу о нанесенной ей Теофилемъ обидѣ. Князя это происшествіе видимо взволновало и онъ немедленно распорядился начатиемъ «слѣдствія», приказавъ, прежде

¹⁾ Je m'élance aussi vite que j'ai pu,—писалъ въ своемъ донесеніи Мезьеръ,—je la saisis par derrière à brasse corps et je la conduis derrière la rideau pour la calmer, etc.

²⁾ Актеръ Dufour, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствовалъ, что Теофиль просто ударилъ Эмму (M-eur Theophile la battait en retraite).

³⁾ Министръ двора.

⁴⁾ Въ то время на князѣ В. В. Долгоруковѣ лежало высшее завѣдываніе французскимъ театромъ.

всего, отобрать письменныя показанія отъ всѣхъ французскихъ актеровъ, бывшихъ очевидцами происшествія, равно какъ и отъ самой Эммы. Мезьеръ и смотритель театра Бѣльцовъ, конечно, были обязаны донести, съ своей стороны, обо всемъ случившемся въ контору. Показанія артистовъ и артистокъ французской труппы были всѣ неблагопріятны для Эммы: всѣ обвиняли ее кругомъ и оправдывали Теофиля. Последняго особенно защищаль актеръ Дюфуръ, который въ своемъ показаніи требоваль, кстати, наказанія Эммы за то, что она назвала его «шпіономъ» князя (Долгорукова) и администраціи (l'espion du prince et de l'administration). Что касается управляющаго труппою, Мезьера, то онъ въ своемъ донесеніи подробно рассказываль, какъ было дѣло, не становясь ни на чью сторону. Смотритель Бѣльцовъ, по незнанію французскаго языка, не могъ конечно передать во всѣхъ подробностяхъ разыгравшейся сцены и ограничился только описаніемъ факта, и то по сравненію съ показаніями другихъ очевидцевъ, не совѣтъ соотвѣтствовавшимъ дѣйствительности. «Честь имѣю донести, писалъ онъ въ контору, что сего апрѣля 9-го дня въ Маломъ театрѣ, во время французской пробы (репетиціи), сдѣбался на сценѣ шумъ: актриса г-жа Эмма съ актеромъ Теофильтомъ, въ то время, когда я былъ позванъ г-мъ Мезьеромъ на сцену о перемѣнѣ спектакля, то г-жа Эмма кричала на сценѣ, а потомъ подошла къ кулисамъ, гдѣ стояль Теофильтъ и начала его ногами толкать, но актеръ Теофильтъ, взявши перчаткой, мазнулъ ее по лицу; она послѣ сего начала бить его по щекамъ. Въ то время подошедшіе прочіе актеры къ Теофильту увели его въ сторону. Послѣ сего она начала плакать и ушла со сцены домой».

Всѣ эти показанія не вели, однако, ни къ чему и не объясняли ничуть настоящей причины столкновенія Эммы съ Теофилемъ. Отвѣты самой «обвиняемой», на предлагавшіеся ей по этому поводу вопросы, были также неудовлетворительны. Въ своемъ «déposition» она жаловалась только, что Теофиль ударилъ ее первый, будто бы за то, что она упрекала его за какіе-то неприличные слухи, которые онъ распускаль о ней и объ актрисахъ Мэльо и Боннье¹⁾. Полагая, что это обстоятельство поможетъ раскрытію истины, князь В. В. Долгоруковъ приказаль отобрать отъ названныхъ Эммою актрисъ письменныя объясненія. Но и это не привело также ни къ чему. Обѣ артистки совершенно отреклись отъ всякаго обвиненія Теофиля, утверждая, что никакихъ причинъ жаловаться на него онѣ не имѣютъ, и что никогда не слыжали, чтобы онъ говорилъ про нихъ что либо дурное, также какъ и объ Эммѣ.

¹⁾ M-lle Emma, faisant au particulier à m-eur Theophile de reproches sur un propos indécent qui se permet envers les dames de la troupe française, et notamment sur les demoiselles Mailhot, Elise (de) Bonnier et Emma—Monsieur Théophile se permit de me donner un soufflet...

Чѣмъ кончилось слѣдствіе, къ сожалѣнію, неизвѣстно, такъ какъ въ документахъ дѣла Эммы встрѣчается большой перерывъ. Переписка возобновляется лишь съ конца августа того же 1827 года, т. е. почти по прошествіи пяти мѣсяцевъ. Что дѣлала въ это время виновная Эмма, получила ли она отпущеніе за свой проступокъ путемъ покаянія въ какой-нибудь театральной караулнѣ—мы сказать не можемъ, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ указаній.

Но какъ бы то ни было, а несомнѣнно только, что въ концѣ августа того же 1827 года Эмма очутилась, по выраженію управляющаго театральной конторой Ф. Гемниха, «въ отчаяніи» и даже, какъ оказывается впоследствии, пришла «въ помѣшательство разсудка». Нечего и говорить, что это состояніе бѣдной артистки не было послѣдствіемъ какихъ-либо карательныхъ мѣръ со стороны дирекціи. Ее привело къ этому собственное неблагодарное и полное неумѣнье соразмѣрять свои траты съ бывшими въ ея распоряженіи средствами.

Получая изъ дирекціи пять тысячъ рублей въ годъ, она не довольствовалась этимъ и постоянно занимала деньги у ростовщиковъ, сначала подъ залогъ вещей, а затѣмъ, когда ихъ болѣе не было, подъ росписки и векселя, конечно за огромные проценты. Въ то же время она дѣлала долги въ магазины, модисткамъ и даже своей прислугѣ, которой по нѣсколькимъ мѣсяцевъ не платила жалованья. Ея неопытность въ житейскихъ дѣлахъ и нерасчетливость обратили на нее вниманіе любителей скорой наживы, которые, окруживъ ее своими попеченіями, не оставляли до тѣхъ поръ, пока у нея были цѣнныя вещи. Только тогда, когда все, что было у Эммы, начиная съ брилліантовъ и кончая батистовымъ бѣльемъ, перешло къ нимъ въ качествѣ залоговъ, они ее оставили на произволъ судьбы и на преслѣдованіе менѣе благомысленныхъ кредиторовъ, имѣвшихъ неосторожность довѣрять легкомысленной француженкѣ по долговымъ обязательствамъ и счетамъ. Такимъ образомъ, Эмма очутилась безъ ничего, окруженная кредиторами, неотступно и не всегда вѣжливо требовавшими уплаты.

Бѣдная француженка попыталась снова обратиться къ ростовщикамъ, но тѣ ей отказали наотрѣзъ, не имѣя болѣе въ виду никакихъ цѣнныхъ залоговъ. Между тѣмъ, жить Эммѣ было нечѣмъ, кредиторы толпами сходились въ ея квартиру и ни на минуту не оставляли ее въ покоѣ, преслѣдуя ее даже въ театрѣ и на улицахъ... Въ концѣ концовъ, все это такъ на нее подѣйствовало, что она пришла «въ отчаяніе», «дошла до полного паденія» и, наконецъ, «помѣшалась въ разсудкѣ». Въ чемъ проявилось это «паденіе» — мы не знаемъ, но упоминаемъ объ этомъ, основываясь на словахъ одного изъ соотечественниковъ Эммы, нѣкоего Физилье, принявшаго въ ней участіе и ходатайствовавшаго за нее передъ княземъ Петромъ Михайловичемъ Волконскимъ. Какъ отнесся министръ двора къ

этому ходатайству—можно видѣть изъ его отношенія на имя старшаго члена театральнаго комитета, кн. В. В. Долгорукова, отъ 31-го августа 1827 года. Этотъ документъ, въ связи съ послѣдовавшею затѣмъ перепискою, даетъ право заключить, что русское правительство и тогдашнее театральное начальство отнеслись къ погибавшей артисткѣ-иностранкѣ съ безпримѣрною снисходительностью и гуманностью. Нельзя сомнѣваться, конечно, что Эмма была обязана этимъ не одному ходатайству своего соотечественника Физилье, а точно также и поддержкѣ кн. В. В. Долгорукова который взялъ на себя трудъ доискаться причинъ, доведшихъ ее до того состоянія, въ какомъ мы застаемъ ее въ августѣ 1827 г. Съ этою цѣлью князь, слѣдуя тогдашнему канцелярскому порядку, приказалъ члену театральной конторы Гемниху и режиссеру французскаго театра Малевину произвести изслѣдованіе помянутыхъ причинъ и затѣмъ донести ему обо всемъ, что окажется. Изъ этого изслѣдованія обнаружилось то, что мы уже рассказали, т. е. безстыдное эксплуатированіе Эммы ростовщиками, во главѣ которыхъ стояла генераль-маюрша Рылѣва, сосредоточившая у себя черезъ своихъ агентовъ всѣ вещи Эммы, какія только у нея были, до бѣлья включительно. Наиболѣе дѣятельнымъ пособникомъ генеральши былъ соотечественникъ несчастной артистки, по фамиліи Фреръ. Онъ, какъ будто бы отъ себя, ссужалъ деньги Рылѣвой Эммѣ подъ залогъ брилліантовъ и другихъ вещей и затѣмъ переправлялъ залогомъ къ своей довѣрительницѣ. Такимъ же дѣломъ занимался отчасти и актеръ Теофиль, чѣмъ, безъ сомнѣнія, и можетъ быть нѣсколько объяснено то озлобленіе, съ которымъ напала на него Эмма на репетиціи 9-го апрѣля, воспользовавшись первымъ встрѣтившимся поводомъ, и то обвиненіе, которое она бросила ему въ лицо, назвавъ его мошенникомъ и воромъ. Впрочемъ, генеральша Рылѣва не всегда дѣйствовала посредствомъ агентовъ; иногда она входила и сама въ сношенія съ Эммой, давала ей деньги и принимала залогомъ. Все это обнаружилось при изслѣдованіи и было рассказано въ донесеніи Гемниха и Малевина. Ускользнулъ отъ вниманія слѣдователей только актеръ Теофиль, дѣйствовавшій съ такою ловкостью, что его не заподозрилъ никто даже изъ товарищей по группѣ. Что касается Эммы, открыто рассказывавшей о продѣлкахъ съ нею генеральши Рылѣвой, то и она въ своихъ показаніяхъ не говорила о ростовщической агентурѣ Теофиля, хотя, какъ мы видѣли, она ей не могла быть неизвѣстна. Что заставляло ее скрывать это обстоятельство — сказать трудно; но въ дѣлѣ оно не упоминается вовсе и мы восстановили его на основаніи другихъ, имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ, именно записокъ одного изъ тогдашнихъ театраловъ, нѣкоего Д., близко стоявшаго къ театральнымъ властямъ и знавшаго всѣ тайны закулисной жизни.

Донесеніе Гемниха и Малевина князь В. В. Долгоруковъ пре- проводилъ къ министру двора, кн. П. М. Волконскому и послѣдній доложилъ его государю. Съ этого, собственно, и начался благопріят- ный оборотъ дѣла для Эммы. Государь, ознакомившись съ «при- чинами, объясняющими отчаяніе Эммы», приказалъ министру двора отослать рапортъ Гемниха и Малевина къ петербургскому гене- раль-губернатору «для изслѣдованія изъясненныхъ въ немъ дѣй- ствій г-жи Рылѣвой и поступленія съ нею по законамъ». Одновре- менно съ тѣмъ, Волконскому повелѣно было «сдѣлать Эммѣ изъ суммъ дирекціи пособіе». Министръ двора извѣстилъ объ этомъ князя В. В. Долгорукова, и несчастной Эммѣ была немедленно оказана по- мощь. Въ чемъ она состояла—можно видѣть изъ рапорта князя В. В. Долгорукова министру двора отъ 11 сентября 1827 г., въ кото- ромъ онъ извѣщалъ, что «при самомъ полученіи предписанія (отъ 31-го августа) онъ обезпечилъ содержаніе Эммы тѣмъ, что отдалъ ее на пансіонъ Физилье съ платою ему за то по двѣсти пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ». Но это было еще не все. «Сверхъ того,—писалъ Долгоруковъ,—какъ она состояла должною своимъ прислужницамъ (которыя послѣ такого распоряженія стали ей не нужны), также и мелочнымъ поставщикамъ, то, зная изъ опыта, что деньги, отдан- ные въ руки сей актрисѣ, не употребляются съ пользой,—я пре- доставилъ ей избрать себѣ довѣренное лицо, съ уполномочіемъ по- лучать за нее тѣ пособія, какія театральная дирекція заблагораз- судить ей сдѣлать, а равно кормить, содержать ее и уплачивать за нее долги». Такимъ уполномоченнымъ Эмма избрала того же Физилье, которому на указанныя ею надобности только въ тече- ніе десяти дней (съ 31-го августа по 11-е сентября), и было вы- дано свыше восьмисотъ рублей.

Между тѣмъ, кредиторы Эммы, узнавъ, что ее приняла подъ свое покровительство дирекція театровъ, начали направлять туда свои требованія черезъ посредство петербургскаго оберъ-полицій- майстера, съ просьбами «о принятіи мѣръ къ взысканію данныхъ ими Эммѣ суммъ». Дирекція, конечно, не могла платить по всѣмъ такимъ требованіямъ, не имѣя на этотъ счетъ никакихъ приказаній, и находилась въ затрудненіи, такъ какъ кредиторы, оставивъ въ покоѣ Эмму, обратились теперь на нее и со всѣхъ сторонъ оса- ждали членовъ конторы. Въ виду этого, а еще болѣе и съ цѣлью прочнаго устройства положенія несчастной актрисы, князь В. В. Долгоруковъ рѣшился предложить министру двора «учредить надъ Эммою и имѣніемъ ея (т. е. вещами, находившимися въ закладѣ), на законномъ основаніи опеку до совершеннаго ея, выздоровленія, избравъ къ тому съ ея стороны повѣреннаго ея, иностранца Фи- зилье, со стороны дирекціи—управляющаго французскою труппою Мезьера и со стороны правительства, по иностранному подданству ея, совѣтника французскаго консульства Валаде, который на сіе

уже и изъявилъ согласіе». Этимъ тремъ лицамъ князь Долгоруковъ предлагалъ «дать полное право привести въ извѣстность имѣніе и долги Эммы, посредствомъ вызововъ черезъ газеты, или какъ удобнѣе найдутъ, уполномочивъ ихъ получать, гдѣ нужно будетъ, содѣйствіе присутственныхъ мѣстъ и начальствъ», а по исполненіи этого—«удовлетворить изъ того имѣнія, по соразмѣрности, долги ея, по сіе время сдѣланные». Во время существованія опеки Эммѣ предполагалось воспретить дѣлать новые долги, что, впрочемъ, по мнѣнію автора этого проекта, — «и само собою должно было прекратиться коль скоро узнали бы объ учрежденіи опеки».

Изложивъ приведенное предложеніе въ своемъ рапортѣ министру двора, князь В. В. Долгоруковъ заканчивалъ его слѣдующими знаменательными словами: «симъ способомъ,—писалъ онъ,—Эмма спасена будетъ отъ дальнѣйшаго разоренія, должники получаютъ удовлетвореніе, а главнѣйшее послѣдствіе сей благодѣтельной мѣры есть то, что всѣ артисты, даже изъ другихъ труппъ, узнавъ о семъ, воздержатся дѣлать долги».

Въ отвѣтъ на это, 24 сентября, т. е. почти черезъ двѣ недѣли, князь Волконскій увѣдомилъ старшаго члена театральнаго комитета, что государь Николай Павловичъ изъявилъ свое высочайшее соизволеніе «на учрежденіе опеки надъ имѣніемъ и долгами французской актрисы Эммы, согласно съ предложеніемъ на этотъ счетъ его, князя Долгорукова». Одновременно съ этимъ министръ двора увѣдомилъ о томъ же петербургскаго военнаго генераль-губернатора.

Такая мѣра несомнѣнно была спасеніемъ для погибавшей артистки. Стоила она этой милости или нѣтъ—съ увѣренностью сказать нельзя, тѣмъ болѣе, что въ рѣшеніи такого вопроса колебался даже самъ покровитель Эммы, принимавшій живое участіе въ ея судьбѣ,—старый «профессоръ французской грамматики» Физилье. Онъ былъ очень обрадованъ благопріятнымъ оборотомъ, какой приняло дѣло Эммы по волѣ государя, но не былъ увѣренъ въ томъ, что все сдѣланное для нея пойдетъ ей на пользу, навсегда оградить ее отъ опасности и твердо поставить на избранномъ пути. Въ такомъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, высказывался Физилье впоследствии, когда онъ успѣлъ ближе узнать Эмму, въ письмѣ къ князю Волконскому. Въ виду того, что это письмо представляетъ собою единственный въ цѣломъ дѣлѣ документъ, характеризующій нашу героиню, какъ артистку,—мы приводимъ его здѣсь почти цѣликомъ.

«Пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ,—писалъ Физилье,—какъ я имѣлъ честь обратиться къ вамъ, князь, съ цѣлью привлечь ваше участіе къ ужасному положенію, до котораго была доведена артистка императорскаго французскаго театра г-жа Эмма. Съ моей стороны это былъ шагъ, который могъ быть извиненъ только моей увѣренностью, что столь благородный и добрый человекъ, какъ

вы—долженъ былъ естественно проникнуться тѣмъ чувствомъ, которое меня наполняло. Все, что вы удостоили сдѣлать для этой молодой особы, отмѣчено столь милостивою снисходительностью того ободряющаго гостепрѣимства, драгоцѣнныя доказательства котораго проявляютъ русскіе по отношенію ко всѣмъ иностранцамъ,—что, съ моей стороны, не выразить вамъ своей глубокой благодарности, значило бы не исполнить священнѣйшаго долга. Нельзя не признать, князь, что Эмма, благодаря лишь вашему благосклонному вниманію, имѣла неизмѣримое счастье вызвать благодѣтельное для нея распоряженіе его величества, которое должно было бы вернуть ее къ благоразумію и предначертать ей такого рода поведеніе, которое показало бы, что великій государь, посвящающій все свое время заботамъ о благѣ своихъ многочисленныхъ подданныхъ, не напрасно бросилъ взоръ состраданія на иностранку, уже и безъ того облагодѣтельствованную высокою честью быть на службѣ его величества».

Затѣмъ Физилье переходитъ къ характеристикѣ Эммы, какъ артистки: «Я не зналъ ея совсѣмъ, — пишетъ онъ, — до происшествія, которое побудило меня придти къ ней на помощь; но, видя ее съ тѣхъ поръ ежедневно, я полагалъ бы, что не выполнилъ своей почетной обязанности, если бы не сказалъ о томъ, чего слѣдуетъ опасаться отъ Эммы и чего отъ нея можно ожидать, какъ отъ актрисы. Не имѣя еще пока настоящаго таланта ¹⁾»,—говоритъ далѣе Физилье,—она обладаетъ всѣми задатками и преимуществами для его приобрѣтенія, но, къ сожалѣнію, эти-то ея преимущества, возбуждая зависть нѣкоторыхъ изъ ея соперницъ, побуждаютъ ихъ строить ей козни, которыхъ, вслѣдствіе своего тщеславія и вспыльчиваго характера, она не въ состояніи избѣгать. Отъ этого ея недостатка я и опасуюсь дурныхъ результатовъ. Сколько бы ни давала Эмма обѣщаній исправиться, она слишкомъ часто измѣняла себѣ, даже послѣ столькихъ перенесенныхъ ею невзгодъ, чтобы можно было рассчитывать, что она надолго отрѣшится отъ прежнихъ своихъ выходовъ, и если, въ чемъ болѣе не можетъ быть сомнѣнія, Эмма снова подвергается гнѣву и упрекамъ своихъ начальниковъ, то какого же мнѣнія ваше сіятельство будете обо мнѣ, бѣдномъ и темномъ человѣкѣ, преступившемъ, быть можетъ, предѣлы благоприличія, обращеніемъ къ столь высокой власти, какъ ваша, чтобы поддержать женщину, такъ низко упавшую вслѣдствіе своихъ ошибокъ. Опасеніе, чтобы Эмма, вполнѣ готовая въ настоящую минуту вернуться къ своему долгу и исполнять его съ усердіемъ

¹⁾ Sans avoir encore aucun talent réel, elle a du moins beaucoup de dispositions et d'avantages pour en acquérir, mais pour malheur, ce sont ces avantages, qui en excitant la jalousie de quelques rivales, portent celles-ci à lui tendre des pièges qui sa vanité et surtout son emportement la mettent hors d'état d'éviter. C'est de ce dernier vice surtout que j'apprehende les plus mauvais résultats.

и благоразуміемъ, не впала слишкомъ скоро вновь въ свои заблужденія, заставляетъ меня выразить вамъ, князь, горькое сожалѣніе о томъ, что вы можете подумать, будто я хотѣлъ злоупотребить вашими милостями. Не скрою, князь, Эммѣ была оказана помощь превыше всѣхъ ея надеждъ и моихъ ожиданій, и дай Богъ, чтобы эта высокая милость послужила ей въ прокъ. Но если бы случилось иначе, я не простилъ бы себѣ, что не могъ этого предвидѣть. Поэтому считаю долгомъ признаться вамъ, князь, что я мало вѣрю, чтобы Эмма могла надолго вернуться къ обязанностямъ своего ангажементу съ должною покорностью. Ея характеръ рано или поздно измѣнить ей, и ея соперницы не преминутъ преувеличить ея ошибки, а начальство ея воспользоваться ими, для безвозвратнаго ея осужденія».

Высказывая эти опасенія князю Волконскому, Физилье заключалъ ихъ просьбою: «Въ томъ случаѣ, если Эмма окажется недостойною продолжать службу, принять всѣ мѣры, какія онъ (князь Волконскій) признаетъ нужными для того, чтобы не дать ей возможности совершить новый скандалъ».

Продолжаемъ нашъ рассказъ, прерванный этимъ письмомъ стараго профессора.

Получивъ повеленіе объ учрежденіи надъ Эммою опеки, князь В. В. Долгоруковъ энергично приступилъ къ осуществленію этой монаршей воли. 30-го сентября онъ уже сообщилъ объ учрежденіи опеки Мезьеру, поручая ему извѣстить объ этомъ двухъ другихъ опекуновъ: Физилье и Валаде. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предлагалъ Мезьеру: «пригласивъ опекуновъ въ общее присутствіе, призвать актрису Эмму для объявленія ей сей высокомонаршей милости, оказанной ей для приведенія въ порядокъ разстроенныхъ ея дѣлъ и огражденія ея отъ преслѣдованія ея заимодавцевъ». Такимъ образомъ, предварительная переписка была кончена, и опека могла открыть свои дѣйствія. Исполняя предписаніе старшаго члена комитета, опекуны собрались «въ общее присутствіе» и пригласили Эмму. Она пришла вмѣстѣ съ Физилье, блѣдная, трепещущая, не ожидая себѣ ничего хорошаго отъ этого собранія. Но когда Мезьеръ объявилъ ей о милости, оказанной ей государемъ, ея радость не имѣла границъ, и она тутъ же дала обѣщаніе навсегда отказаться отъ прежней легкомысленной жизни и всецѣло посвятить себя сценѣ.

Съ этого дня дѣла Эммы начали понемногу приходить въ порядокъ. Опекуны принялись за уплату ея долговъ, общая сумма которыхъ составляла около 15,000 руб., и за розыски заложенныхъ вещей. Послѣднее оказалось особенно труднымъ, такъ какъ главная ростовщица, генеральша Рылѣва, пряталась за своихъ агентовъ и, не смотря на увѣренія Эммы, что всѣ ея вещи находятся

у нея, Рылѣвой, отказывалась возвратить что-либо, находя болѣе выгоднымъ оставить у себя залоги, значительно превышавшіе стоимостью данныя подъ нихъ ссуды. Наконецъ, когда, по выраженію одного изъ опекуновъ, «все слѣдствіе было обращено на сію особу»,—она объявила, какъ Физилье, такъ и адъютанту генераль-губернатора Муханову, что «ей извѣстно, гдѣ находятся вещи Эммы и что она можетъ достать ихъ за 5,000 рублей». Впослѣдствіи, когда дѣло перешло въ надворный судъ, и Рылѣва поняла, что оно можетъ кончиться для нея не совсѣмъ хорошо, она отперлась и отъ приведенныхъ словъ и стала наотрѣзъ отказываться отъ какихъ-либо объясненій. Наконецъ, спустя нѣсколько времени послѣ этого, когда слѣдствіе собрало противъ нея неопровержимыя улики, она послала къ опекунамъ своего сообщника Фріера, который и доставилъ имъ всѣ вещи Эммы. Что Фріеръ былъ агентомъ Рылѣвой—въ этомъ убѣдились и опекуны. «Медленность и упорство, оказанныя въ семь дѣлъ Фріеромъ и генеральшей Рылѣвой, которая объявила, что знаетъ, гдѣ находятся вещи и можетъ достать ихъ за 5,000 руб. (сумма, которая показалась преувеличенною),—писали они въ своемъ отзывѣ на запросъ надворнаго суда,—заставляетъ предполагать, что обѣ сіи особы сговорились къ дурному поступку брать проценты незаконные, и что г. Фріеръ принялъ одинъ на себя всю вину». Не смотря на все это, добродушные опекуны Эммы не находили нужнымъ преслѣдовать ни Рылѣву, ни Фріера. «Опека,—писали они въ томъ же своемъ отзывѣ надворному суду,—не обвиняетъ никого: она въ дѣлѣ семь видитъ только ту лестную довѣренность, кою она была удостоена, и надѣется, что успѣла оправдать оную, потому что собрала всѣ показанныя вещи и съ оными поступить въ сходствіе тѣхъ приказаній, кои получить». «Она (опека) полагаетъ также — заявляли въ заключеніе опекуны Эммы, — что и надворный судъ, получивши сіе объясненіе, съ свойственнымъ ему благоразуміемъ рѣшить дѣло, котораго стыдъ долженъ пасть только на тѣхъ, которыхъ совѣсть во всемъ уже упрекаетъ».

Такимъ образомъ, устройство дѣлъ Эммы приходило къ концу. Къ послѣднимъ числамъ іюля 1828 года ея вещи были всѣ возвращены, долги уплачены, и скоро опека должна была сложить свои обязанности, тѣмъ болѣе, что ея кліентка была уже здорова и даже появлялась на сценѣ. Какъ ее приняли въ труппѣ: оправдались ли опасенія Физилье, которыя онъ высказывалъ въ своемъ письмѣ къ Волконскому, — мы не знаемъ; но, во всякомъ случаѣ, въ Петербургѣ она оставалась, по снятіи съ нея опеки, очень недолго. 26 сентября 1828 г. опекуны были официально освобождены отъ своихъ обязанностей, а вслѣдъ затѣмъ князь В. В. Долгоруковъ извѣстилъ министра двора, что онъ «какъ по безпокойному нраву Эммы и по безпрерывному ея нездоровью,

такъ и во избѣжаніе бесполезныхъ расходовъ, счелъ за нужное ее уволить, на что и она согласилась, желая возвратиться въ свое отечество».

Въ дирекцію по окончаніи опеки Эмма оставалась должна всего 925 руб. Въ уплатѣ этой суммы, взятой на выкупъ вещей изъ ломбарда, за нее великодушно поручился нѣкто графъ С.

Е. Опочининъ.

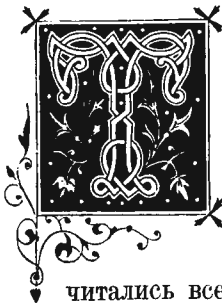
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

РОДИТЕЛИ ГОГОЛЯ.¹⁾

III.

АКЪ КАКЪ личность Марьи Ивановны Гоголь всего болѣе интересна для насъ по отношеніямъ ея къ сыну, то на нихъ мы и остановимся подробнѣе.

Еще въ раннемъ дѣтствѣ Николаша былъ ея кумиромъ; по смерти мужа она перенесла на него всю нѣжность своей любящей души. Когда онъ учился въ Нѣжинѣ, письма его торжественно читались всей семьей и пересказывались роднымъ и знакомымъ... По содержанію этихъ и послѣдующихъ писемъ мы и можемъ судить объ отношеніяхъ сына къ матери. Вникая подробно въ семейную переписку Гоголя, мы можемъ раздѣлить ее на два періода, которые разграничиваются приблизительно 1839 годомъ. Сначала письма его дышатъ свѣжестью и веселостью человѣка, полного жизни, отдавашагося всей душой наслажденію прелестями роскошной природы юга Европы, которыя, несомнѣнно, должны были сильно возбуждать его поэтическое воображеніе. О нихъ онъ пишетъ съ увлеченіемъ матери и даже дѣвочкамъ, своимъ сестрамъ. Онъ отъ души жалѣлъ, что мать его не можетъ наслаждаться этими чудными картинами. «Очень жаль», пишетъ онъ, «что вы не можете видѣть этого. Когда-нибудь подѣ старость лѣтъ, когда поправятся и ваши и мои обстоятельства, отправимся вмѣстѣ поглядѣть на это». (Соч. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, 269). И сестрамъ пишетъ то же: «Можетъ быть когда-нибудь вамъ удастся побывать въ Италіи, въ этой землѣ, такъ непохожей на всѣ другія». Онъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 119.

безгранично восхищался тогда Италией, Римомъ, San Pietro, Monte Pinchio и проч. «Здѣсь все почти деревья вѣчно зеленѣющія, не роняющія во время зимы листьевъ. Я успѣлъ осмотрѣть только часть древностей и развалинъ, которыхъ на каждомъ шагу много, и часто такъ случается, что въ новый домъ вдѣлана часть развалины, кусокъ стѣны, или колонна, или рельефъ. Я не смотрѣлъ еще ни картинныхъ галлерей, ни множества разныхъ дворцовъ, гдѣ смотрѣть станеть на цѣлый годъ. Вся земля пахнетъ и дышетъ художниками и картинами» (V, 287 стр.), передаетъ Гоголь матери свой восторгъ по въѣздѣ въ Италію. Вскорѣ послѣ этого съ такимъ же увлеченіемъ онъ описываетъ Римъ сестрамъ: «Иногда возлѣ новаго дома стоитъ такой, которому тысяча лѣтъ. Иногда въ стѣнѣ дома вдѣлана какая-нибудь колонна, которая еще была сдѣлана при Августѣ, вся почернѣвшая отъ времени. Иногда цѣлая площадь вся покрыта развалинами, и всѣ развалины эти покрыты плуцемъ, и на нихъ растутъ дикіе цвѣты, и все это дѣлаетъ прекраснѣйшій видъ, какой только можете себѣ вообразить. По всему городу бьютъ фонтаны, и всѣ они такъ хороши! Одни изъ нихъ представляютъ Нептуна, выѣзжающаго на колесницѣ, и всѣ лошади его мечутъ на воздухъ фонтаны» и проч. (V. 312 стр.). Сходныя восторженные описанія Рима и Италіи мы находимъ и въ письмахъ къ Погодину и Плетневу.

Это было время молодого, восторженного увлеченія, когда за наслажденіемъ чудесами природы и искусства забывалось все остальное. Но съ другой стороны это было то же время отчасти эгоистическаго пользованія жизнью, оправдываемаго Гоголемъ въ собственныхъ глазахъ и передъ другими болѣзнию, отъ которой лечился. Онъ, конечно, и сознавалъ это; онъ кается матери: «Я не облегчилъ трудовъ, я не устроилъ спокойствія моей матери, я былъ причиной измѣненія ея прежняго свѣтлаго характера. Словомъ, я не исполнилъ первой обязанности сына. Мнѣ только въ утѣшеніе оставалось оправданіе, — что я тоже не рожденъ былъ хозяиномъ, что я не могъ, не пріобрѣвши имени, заняться самому хозяйствомъ, принять на себя всѣ обязанности попечителя всей нашей фамиліи и жить въ деревнѣ. Но я хотѣлъ потомъ вознаграждать все» и проч. (Соч. Гоголя, изд. Кул., т. V, стр. 362). Гоголь чувствовалъ какъ бы нѣкоторую вину передъ семьей, но въ чаду увлеченія едва ли много думалъ о досадныхъ практическихъ вопросахъ и отъ всей души, столь воспримчивой къ изящному, продолжалъ наслаждаться. Было бы бессмысленно принимать на себя роль адвоката и доказывать, что Гоголь былъ во всемъ правъ въ отношеніяхъ къ матери, когда онъ самъ признаетъ вину, которая отчасти и была на немъ, если примѣнять къ нему со всѣмъ ригоризмомъ требованія моралистовъ. Но найти исходъ своимъ гениальнымъ силамъ и пріобрѣсти имя, составляло для него

главную задачу жизни, по крайней мѣрѣ, въ молодости; безъ славнаго имени ему самая жизнь казалась бессмысленной и невозможной. Еще въ дѣтствѣ онъ говорилъ: «быть въ мѣрѣ и не означить своего существованія для меня была мысль ужасная». Это былъ именно тотъ пунктъ, которымъ онъ не въ силахъ былъ поступиться, если бы даже пожертвовалъ всѣмъ. Да и странно было бы представить себѣ Гоголя мирнымъ помѣщикомъ. Къ счастью, онъ не повторилъ ошибки своего отца.

Съ своей стороны Гоголь не переставалъ интересоваться дѣлами матери и давать ей совѣты въ затрудненіяхъ. Онъ питалъ даже надежду помогать ей матеріально, но по безопасности и собственному безденежью ограничивался преимущественно обѣщаніями. При этомъ онъ успокаивалъ мать, говоря: «Ради Бога, отгоняйте отъ себя всякое горе. Мнѣ вѣрится, что Богъ особенное имѣетъ надъ нами попеченіе: въ будущемъ я ничего не предвижу для себя, кромѣ хорошаго» (V т. 120 стр.). Часто онъ давалъ матери практическіе совѣты и, зная ея довѣрчивость, предостерегалъ отъ обмановъ: «Опасайтесь какъ можно болѣе людей, которые набиваются сами помогать въ хозяйствѣ, особенно, если они успѣли запятнать себя дурными поступками, мотовствомъ и совершеннымъ незнаніемъ хозяйства, не смотря на свою всегдашнюю хвастливость¹⁾» (V т. 130 стр.). Подобныя же предостереженія читаемъ особенно по поводу розовыхъ надеждъ, которыя Марья Ивановна, увлеченная фантастическимъ планомъ своего зятя П. О. Трушковскаго, возлагала на свою кожевенную фабрику. «Для меня удивительно одно въ вашей фабрикѣ: какъ фабрикантъ готовъ подрядиться на 10,000 паръ сапоговъ и рѣшается ихъ сдѣлать въ одинъ годъ? Кто за него будетъ работать? Неужели невидимая сила» (см. V т. 170 и 180 стр.). Но Гоголь, все-таки, черезчуръ полагался въ этомъ дѣлѣ на мнимую опытность матери. «Я увѣренъ, что все, что вы ни дѣлаете, дѣлаете, посовѣтовавшись напередъ съ собственнымъ благоразуміемъ, которое всегда васъ выручало» (V т., 191 стр.). Однако, Гоголь предугадывалъ конецъ этихъ иллюзій. «Развѣ этого не можетъ случиться»; пишетъ онъ, «что фабрикантъ, взявши деньги, вдругъ вздумаетъ улизнуть?» (V т. 200 стр.). Такъ дѣйствительно

¹⁾ Самого Гоголя не разъ упрекали въ хвастливости. Указывали слѣдующія мѣста: «Государыня приказала читать мнѣ въ находящемся въ ея вѣдѣніи институтѣ благородныхъ дѣвицъ» (V т. 129 стр.). «Книга моя понравилась здѣсь всѣмъ, начиная отъ государыни» (V т. 134 стр.). Укажемъ еще слѣдующій примѣръ: «Я повторяю снова: не беспокойтесь ни о чемъ, не принимайте ничего слишкомъ близко къ сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы ужъ совершенно пристроили. Онъ вамъ больше ужъ ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года будете получать отъ него, можетъ быть, и проценты». И такъ эта черта была отчасти въ характерѣ Гоголя, но мы не видимъ еще ничего постыднаго въ томъ, что раза два или три она промелькнула въ его перепискѣ.

и случилось. Намъ кажется, что Гоголь былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ передъ матерью излишней деликатностью. «Я бы не совѣтовалъ вамъ давать знать фабриканту, что вы ему ни въ чемъ не вѣрите, но растолковать ему хорошенько все дѣло, обходиться съ нимъ ласково, короче сказать, держать его въ рукахъ, но не давать ему этого разумѣть, что вы держите его въ рукахъ. Впрочемъ, я, позабывшись, читаю вамъ наставленія, тогда какъ вы, безъ сомнѣнія, лучше меня все это знаете». Можетъ быть, въ столь серьезномъ дѣлѣ Гоголь долженъ былъ говорить ради пользы своей не практичной матери болѣе твердымъ и рѣшительнымъ тономъ. Впрочемъ, онъ лишь гораздо позднѣе замѣтилъ въ характерѣ своей матери вредившую ей склонность къ мечтательности и фантастическимъ планамъ, которая все болѣе ею овладѣвала.

Въ одномъ письмѣ Гоголя мы находимъ весьма мѣткую характеристику матери въ занимающемъ насъ отношеніи; такъ какъ оно напечатано въ изданіи Кулиша съ большими пропусками, то мы позволимъ себѣ возстановить его въ полномъ видѣ. Письмо отъ 10-го ноября 1835 г. (ср. изд. Кулиша, V т. 245 стр.). «Я получилъ ваши оба письма почти вдругъ одно послѣ другого. Одно меня порадовало потому, что я видѣлъ изъ него, что вы веселы, а другое не нравилось мнѣ, потому что изъ него видно, что вы были скучны и въ печальномъ расположеніи духа. Я долженъ съ горестью замѣтить вамъ, маменька, что вы чѣмъ далѣе, теряете ясность и спокойствіе души. Васъ тревожатъ всякія мелочи. Вы ищете непременно предчувствій. Предзнаменованія вы начинаете вѣрить и самымъ пустымъ примѣтамъ. Однимъ словомъ, вы живете въ какомъ-то особенномъ мірѣ. Ваши мысли наполнены мечтами. Вы, кажется, часто невнимательны рѣшительно ни къ чему. Ради Бога, маменька, ищите больше обществъ, развлекайте себя, вы даже пишете мнѣ о снахъ своихъ. Помилуйте, маменька: мало ли какой чепухи снится намъ; да если мы будемъ обо всемъ вадорѣ думать, такъ у насъ поневолѣ голова пойдетъ кругомъ. Вы пишете, что очень странный сонъ вамъ видѣлся. Да, когда же сны не бываютъ странные! Мнѣ прежде снилась такая дичь, что вѣрно въ пятьсотъ разъ болѣе странная... Сонъ есть отраженіе нашихъ безпорядочныхъ мыслей, то, что мы думаемъ, что насъ занимаетъ, намъ видится и во снѣ, только натурально на изнанку. Хотите ли, я вамъ объясню вашъ сонъ. Вы составили себѣ идею, что я окруженъ такими-то друзьями; а такъ какъ вы любите сейчасъ ваше предположеніе утверждать, стоять за него горою и уже никто васъ не переувѣритъ, то вы уже потомъ идете дальше и дальше въ мысляхъ,— что эти друзья меня обманываютъ и проч. и проч., что вы, помнится мнѣ, часто говорили, хотя признаюсь, мнѣ совершенно были непонятны слова ваши, что вамъ приснилось, что я говорю вамъ: «вотъ что надѣлали мнѣ друзья!» А часы явились вамъ,

какъ воспоминаніе, которое иногда вдругъ приходитъ къ намъ во снѣ, иногда изъ самыхъ временъ дѣтства, и о которыхъ мы совсѣмъ не думали... Вотъ вамъ съ идеей о мнѣ вспомнились и тѣ часы, о которыхъ я писалъ вамъ изъ Любека, что когда бьетъ на нихъ 12 часовъ, показывается 12 человѣческихъ фигуръ. При этомъ, можетъ быть, вы часто думали о моемъ будущемъ путешествіи по Европѣ и вотъ вмѣстѣ съ этимъ что-нибудь взбрело вамъ на умъ и о моемъ прежнемъ пребываніи за границей. И такъ вы видите, маменька, что сонъ есть больше ничего, какъ безсвязные отрывки, не имѣющіе смысла, изъ того, что мы думали, и потомъ склеившіеся вмѣстѣ и составившіе винегретъ. Сдѣлайте милость, пожалѣйте всѣхъ насъ, маменька, не предавайтесь мечтательности. Вспомните, какъ вы прежде были веселы и съ вами не скучно было быть вмѣстѣ никому. Мы всѣ здѣсь здоровы. Сестры растутъ, и учатся, и играютъ. Я тоже надѣюсь кое-что получить пріятное. И такъ..... болѣе годка черезъ два я приду въ такую возможность, что, можетъ быть, приглашу васъ въ Петербургъ посмотрѣть на нихъ, а до того времени вамъ нечего досадовать. Истинный и добрый христіанинъ никогда не бываетъ суевѣренъ и не вѣритъ пустякамъ...» (Остальную часть письма не приводимъ, такъ какъ она напечатана уже въ изданіи Кулиша¹⁾).

Иногда Гоголь говорилъ съ матерью рѣзкимъ, раздражительнымъ тономъ, но это составляло исключеніе, а не общее правило. Напротивъ, общій тонъ писемъ былъ всегда самый дружескій, любящій. Приведемъ, однако, два-три примѣра рѣзкости, чтобы объяснить себѣ ихъ причину и рассмотреть, чѣмъ онѣ были вызваны.

«Мнѣ было смѣшно нѣсколько»,— писалъ онъ,— «когда я добрался до того мѣста письма, гдѣ вы поспорили за меня съ нѣкоторыми вашими пріятелями. Пожалуйста вы обо мнѣ не очень часто говорите съ ними, и особенно не заводите изъ-за меня никакихъ споровъ. Гораздо лучше будетъ и для васъ, и для меня, если на замѣчанія и толки о моихъ литературныхъ трудахъ, вы будете отвѣчать: «Я не могу быть судьей его сочиненій, мои сужденія всегда будутъ пристрастны, потому что я его мать; но я могу сказать только, что онъ добрый, любящій меня сынъ, и съ меня довольно». И будьте увѣрены, что почтеніе другихъ усугубится къ вамъ вдвое, а вмѣстѣ съ нимъ и ко мнѣ, потому что такой отзывъ матери есть лучшая репутація человѣку, какую онъ только можетъ имѣть. Родители же, которые хвалятся сочиненіями своихъ сыновей, чрезвычайно наивны и смѣшны въ своей наивности. Я зналъ нѣкоторыхъ, которые мнѣ были очень смѣшны» и проч.

¹⁾ Для характеристики Марьи Ивановны важно было бы привести еще письмо отъ 12-го марта 1839 г., но чтобы не нагромождать выписокъ, отсылаемъ интересующихся къ изданію Кулиша (V т. 361—363 стр.).

Въ другой разъ онъ писалъ:

«Вы до сихъ поръ еще не охладѣли отъ страсти къ чинамъ и думаете, что я непремѣнно и чинъ долженъ получить выше. Ничуть не бывало: я все тѣмъ же, чѣмъ и былъ, т. е. коллежскимъ ассессоромъ и ничего болѣе. Если бы я имѣлъ какую-нибудь существенную выгоду для себя въ чинѣ, вѣрно бы, не упустилъ этимъ воспользоваться; я не такъ глупъ, чтобы пренебречь этимъ. Но мнѣ нельзя вамъ этого растолковать».

Какъ видимъ, этотъ раздражительный тонъ являлся тогда, когда Гоголю приходилось упрекать мать за ея слабость гордиться его славой, какъ писателя, или успѣхами по службѣ, какъ чиновника. Но эта слабость была дѣйствительно въ характерѣ Марьи Ивановны. Гоголю непріятно было знать, что мать хвалила передъ завистливыми и непонимающими сосѣдями его сочиненія и съ жаромъ спорила, отстаивая его литературную репутацію. Сосѣдямъ могло быть больно и обидно, особенно сосѣдкамъ матерямъ, когда Марья Ивановна съ гордостью и жаромъ увлеченія говорила о сынѣ ¹⁾.

Мы знаемъ, что симпатичнѣйшая мать Гоголя была невозможной мечтательницей, что могло его также выводить изъ терпѣнія, особенно, когда дѣло касалось его лично. Обожаемому сыну она готова была приписывать все новѣйшія изобрѣтенія... Но вотъ самый характерный случай. На стр. 489 VI тома сочиненій Гоголя въ изданіи Кулиша читаемъ: «Ради Бога, берегите себя отъ этого тревожно-нервическаго состоянія, котораго начало у васъ уже есть. Вотъ и теперь, при одной вѣсти о посылкѣ, вамъ пришла мысль, что это непремѣнно должно быть продолженіе моего сочиненія ²⁾ и вы уже поспѣшили предаться радости и позабыли, что въ прежнемъ письмѣ я обѣщалъ сестрамъ огородныхъ сѣмянъ». Онъ былъ въ это время недоволенъ своимъ трудомъ и всякое напоминаніе о немъ рѣзало его по сердцу, вызывало съ его стороны очень несдержанные отвѣты и негодованіе на то, что его считаютъ «почтовой лошаdkю» и проч., а тутъ новое и при его настроеніи чрезвычайно досадное недоразумѣніе!.. Когда пріѣхалъ въ Италію государь, Марья Ивановна заочно льстило, будто сынъ ея представлялся государю и государь обратилъ на него вниманіе, и въ ея воображеніи роились самыя заманчивыя мечты... Наконецъ, однажды, называя сына геніемъ, она прямо утверждаетъ, что «Богъ продлитъ ему жизнь и подастъ ему силы дѣйствовать на прославленіе Его». Все это очень сердило Гоголя. Подробности этого чисто-се-

¹⁾ Не похвальна, можетъ быть, но естественна также досада Гоголя на мать за то, что она вѣрила безъ разбора всякимъ слухамъ о немъ: «вы пошли доискиваться правды у кочующаго лавочника, пріѣхавшаго на ярмарку» (V т. 385 стр.).

²⁾ См. Соч. Гоголя, изд. Кулиша, VI, 86 стр.

мейнаго вопроса должны быть оставлены въ сторонѣ; но необходимо сказать, что при тѣхъ данныхъ, которыя представляли изъ себя эти два характера, все указанное въ высшей степени естественно и, переходя отъ разъясненія къ суду, мы впали бы въ грубую ошибку.

Когда Гоголь писалъ матери спокойно (т. е. во всѣхъ почти письмахъ), то опять возвращался его обычный, дружескій и нѣжный тонъ въ обращеніяхъ къ ней ¹⁾.

Съ 1839 года въ характерѣ отношеній Гоголя къ матери, судя по письмамъ, оказывается несомнѣнная и при томъ значительная переменна: письма его становятся серьезными и печальными, принимаютъ какой-то строгій, великопостный характеръ. Въ этихъ письмахъ онъ чаще всего проситъ помолиться о его душѣ и объ облегченіи его недуговъ. Такимъ же характеромъ отличаются и ниже приводимыя ненапечатанныя до сихъ поръ письма.

«Благодарю васъ, безцѣнная моя матушка, что вы обо мнѣ молитесь. Мнѣ такъ всегда бываетъ сладко въ тѣ минуты, когда вы обо мнѣ молитесь. О, какъ много дѣлаетъ молитва матери! Берегите же, ради Бога, себя для насъ. Храните вапе драгоцѣнное намъ здоровье. Въ послѣднее время вы стали подвержены воспалительности въ крови. Вамъ нужно бы, можетъ быть, весеннее леченіе травами, разумѣется при воздержаніи въ пищѣ и въ діетѣ. Вообще всѣмъ полнокровнымъ, какъ и сами знаете, слѣдуетъ остерегаться отъ всего горячительнаго въ пищѣ. Ради Бога, посовѣтуйтесь съ хорошимъ докторомъ. Молитесь и обо мнѣ, и о себѣ вмѣстѣ. О, какъ нужны намъ молитвы ваши! какъ они нужны намъ для нашего устроенія внутренняго. Пошли вамъ Богъ, провести постъ духовно и благодать всѣмъ вамъ! Въ здоровьѣ моемъ все еще чего-то недостаетъ, чтобы ему укрѣпиться. До сихъ поръ не могу приняться ни за труды, какъ слѣдуетъ, ни за обычныя дѣла, которыя оттого пріостановились. (Зачеркнуто: «И все мнѣ, кажется, что) О, да вразумить васъ во всемъ Богъ! Не смущайтесь ничѣмъ вокругъ,—никакими неудачами; только молитесь, и все будетъ хорошо.

«Вашъ весь, васъ любящій сынъ Николай».

---

¹⁾ Отмѣтимъ еще одинъ упрекъ, сдѣланный Гоголемъ матери по поводу ея склонности предаваться отчаянію: «Правда, вы имѣли большую утрату. Вы потеряли рѣдкаго друга, а нашего нѣжнаго отца, котораго изъ насъ никто не позабылъ; а семнадцать лѣтъ непрерывнаго, невозмущаемаго счастья съ нимъ, развѣ ничего не значать? Всякій ли можетъ похвалиться имъ? Нѣтъ, должно признаться, что мы, всѣ люди, неблагодарны. Мы хотимъ, чтобы не было границъ нашему блаженству. Мы позабываемъ, что существуютъ законы для міра. Нѣтъ, маменька, мы должны благодарить за все, что мы имѣли хорошаго; мы должны быть тверды и спокойны всегда — и ни слова о своихъ несчастіяхъ». (Соч. Гоголя. т. V. 273).

Другое письмо.

«Никогда такъ не чувствовалъ потребности молитвъ вашихъ, добрѣйшая моя матушка! О, молитесь, чтобы Богъ меня помиловалъ, чтобы наставилъ и вразумилъ совершить мое дѣло честно, свято, и далъ бы мнѣ на то силы и здоровья. Ваши постоянныя молитвы обо мнѣ теперь мнѣ такъ нужны! такъ нужны! Вотъ все, что умѣю вамъ сказать! О, да поможетъ вамъ Богъ обо мнѣ молиться.

«Вашъ многолюбящій васъ, признательный,
благодарный сынъ Николай».

Едва ли можно не согласиться, что письма эти, какъ и многія другія изъ писемъ разсматриваемаго періода, напечатанныя въ изданіи Кулиша, свидѣтельствуя не только о любви и уваженіи Гоголя къ матери, но и о сильномъ, основанномъ на религіи, убѣжденіи, что молитвы матери могутъ ему принести счастье, котораго онъ искалъ¹⁾.

Въ сороковыхъ годахъ Гоголь, очевидно, занятъ былъ почти исключительно своимъ внутреннимъ міромъ: прежняя живая воспримчивость къ впечатлѣніямъ внѣшнимъ уступаетъ мѣсто самоуглубленію. вмѣстѣ съ тѣмъ характеръ писемъ становится чрезвычайно монотоннымъ: при перечитываніи ихъ поражаетъ крайняя ограниченность тѣхъ пунктовъ, которые онъ затрогиваетъ въ заочной бесѣдѣ съ родными, но за то на этихъ немногихъ пунктахъ онъ стоитъ твердо и возвращается къ нимъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Репертуаръ его нравственныхъ убѣжденій былъ не разнообразенъ, но за то искрененъ. Теперь его вниманіе сосредоточивается на немногихъ вопросахъ, которые онъ считаетъ важнѣйшими. Прежняя живая потребность въ обмѣнѣ впечатлѣній въ немъ угасла и его интересуютъ предметы отвлеченныя; онъ жаждетъ упрековъ ради нравственнаго совершенствованія и самъ добросовѣстно ихъ расточаетъ.

Въ письмахъ къ матери съ 1839 г., постоянно видны его заботы о семьѣ, но, согласно характеру его убѣжденій, не практическія и не матеріальныя, а нравственныя. Онъ желалъ даже, чтобы сестры его не выходили замужъ; мечталъ о томъ, чтобы выстроить флигель въ деревнѣ такъ, чтобы каждая сестра имѣла по комнатѣ, похожей на келью. Интересна одна записка его, имѣющая характеръ завѣщанія:

¹⁾ Съ приведенными письмами слѣдуетъ особенно сравнить слѣдующія мѣста изъ напечатанныхъ прежде писемъ: когда Гоголь почувствовалъ въ Греффенбергѣ облегченіе, онъ объяснялъ его дѣйствіемъ молитвъ матери и другихъ близкихъ людей. «Видно, чьи-то молитвы доносятся до неба; по крайней мѣрѣ, припадки мои не такъ тяжелы, какъ доселѣ». (Соч. Гоголя, т. VI, стр. 215). «Не сомнѣваюсь, что въ этомъ участвовали усердныя ваши молитвы» (т. VI, стр. 215, письмо къ матери) См. также письмо въ VI т., стр. 228.

«Мнѣ бы хотѣлось, чтобы деревня наша по смерти моей сдѣлалась пристанищемъ всѣхъ не вышедшихъ замужъ дѣвицъ, которыя бы отдали себя на воспитаніе сиротокъ, дочерей бѣдныхъ, неимущихъ родителей. Воспитаніе самое простое: Законъ Божій, да непрерывное упражненіе въ трудѣ на воздухѣ около сада или огорода».

Сестрамъ онъ даетъ совѣты заниматься хозяйствомъ, не бояться бѣдности, помогать нуждающимся, не допускать лишнихъ тратъ; онъ заботится и о томъ, чтобы онѣ приучали малолѣтняго племянника (И. П. Трушковскаго) къ труду и наблюдательности, повторяетъ часто также мелочные совѣты, напр., относительно прогулокъ, которымъ придавалъ большое значеніе... Самъ онъ, очевидно, сильно состарился душою... Если въ это время въ письмахъ къ матери и роднымъ встрѣчаются рѣзкости, то это обуславливалось взаимными недоразумѣніями, происходившими отъ его глубоко-религіознаго, но своеобразнаго міросозерцанія, благодаря которому онъ ко многому относился съ безпощадною строгостью. Ему нельзя было писать какъ-нибудь и что-нибудь, хотя онъ не переставалъ требовать, чтобы мать и сестры писали къ нему откровенно, на лоскуткахъ и съ ошибками и прибавлялъ: «никогда и никакъ не удерживайтесь въ письмахъ вашихъ отъ тѣхъ выраженій и мыслей, которыя почему-нибудь покажутся, что огорчатъ меня, или не понравятся. Ихъ-то именно скорѣе на бумагу, ихъ я желаю знать». Когда одна изъ сестеръ писала ему, что она постоянно помнитъ, что мы на этомъ свѣтѣ «мимоѣздомъ» и что «ей не хочется даже выкладываться», то, казалось бы, настроеніе это должно было согласоваться съ настроеніемъ брата и что же? Онъ остался недоволенъ (см. соч. Гоголя, т. V, стр. 442). Въ одномъ изъ писемъ его (VI томъ, стр. 27) читаемъ: «Письма ваши и письма сестеръ получилъ. Они меня изумили: я не ожидалъ ничего больше насчетъ моего письма, какъ только одного простого увѣдомленія, что оно получено. Въмѣсто того, получилъ цѣлыя страницы объясненій и оправданій, точно какъ будто я обвинялъ кого-нибудь». Одинъ разъ Гоголь прямо пишетъ: «Получая самъ отовсюду упреки, любя упреки и находя неоцѣненную пользу для души моей отъ всякихъ упрековъ, даже и несправедливыхъ, я хотѣлъ и вамъ прислужиться тѣмъ же». Въ другомъ письмѣ онъ совѣтуетъ сестрамъ, если имъ захочется упрековъ, перечитывать его письма. Чтобы правильно судить объ отношеніяхъ Гоголя къ матери, никакъ нельзя упускать изъ виду указанную раньше ея оригинальную мечтательность¹⁾ и ошибочно не принимать въ расчетъ этого культа упре-

¹⁾ Эту черту мы особенно должны подчеркнуть, поэтому приводимъ еще разъ подтвержденіе ея: «Вы всѣ вещи принимаете въ большемъ видѣ, чѣмъ онѣ есть, и ничего не въ силахъ принимать равнодушно, а потому и жизнь ваша есть непрерывное душевное безпокойство» (т. VI, стр. 257).

ковъ, бросающагося въ глаза во всѣхъ письмахъ сороковыхъ годовъ.

Наконецъ, Гоголь проситъ мать писать ему все, до послѣднихъ мелочей и объясняетъ цѣль переписки, какъ онъ ее понимаетъ: «Это сообщеніе всякихъ подробностей и всѣхъ помысловъ поможетъ мнѣ лучше понять васъ и ваше назначеніе и братски помочь вамъ въ стремленіи къ тому совершенству, къ которому мы всѣ должны стремиться. Мы посовѣтуемся обоюдно, какъ намъ быть лучшими». Совершенно такъ же искренно задавался онъ просвѣщеніемъ ближнихъ вообще въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки» и особенно, когда писалъ свое извѣстное завѣщаніе: «оно нужно затѣмъ, чтобы напомнить многимъ о смерти, чтобы я могъ передать это ощущеніе другимъ».

Этимъ мы закончимъ характеристику отношеній Гоголя къ матери и въ заключеніе приведемъ удачное и вѣрное замѣчаніе А. Н. Пыпина:

«Въ началѣ сороковыхъ годовъ Гоголь уже рекомендуетъ своимъ роднымъ чтеніе его собственныхъ писемъ и даетъ имъ уроки благочестія. Разъ онъ перешелъ въ этомъ всякую мѣру, такъ что мать и сестры его глубоко были огорчены его нетерпимымъ, требовательнымъ, суровымъ тономъ; изъ ихъ отвѣта, Гоголь долженъ былъ увидѣть, что мѣра перейдена, и тогда въ немъ опять сказывается самое теплое чувство и покорность, совершенно искреннія, какъ прежде онъ искренно поучалъ ихъ, ратуя за ихъ душевное спасеніе» («Характеристики литературныхъ мнѣній», стр. 350)¹⁾.

¹⁾ Отметимъ еще нѣсколько отдѣльныхъ чертъ изъ переписки Гоголя съ сестрами. Странно во-первыхъ, что Гоголь, бывший самъ нѣкогда учителемъ и профессоромъ, считалъ науки за вздоръ и придавалъ большое значеніе для женщины въ занятіяхъ исключительно хозяйствомъ, а для мужчины — въ дешевой практичности. Впрочемъ, эти взгляды онъ выражаетъ и въ «Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями». Слово «впередъ», которое, по мнѣнію Гоголя нужно говорить русскому человѣку и которое умѣлъ сказать своимъ питомцамъ идеальный педагогъ Александръ Петровичъ (въ началѣ 2 тома «Мертвыхъ душъ»), было сказано Гоголемъ сестрѣ, жаловавшейся на свою лѣнь: «Courage! впередъ! и никакъ не терять присутствія духа» (т. V, стр. 476). Замѣчательно, что Николай Васильевичъ настаивалъ особенно на молитвѣ и нестяжаніи. «Времена наступили такія, въ которыя нельзя думать о собственныхъ удовольствіяхъ и мирномъ провозженіи времени; нужно покрѣпче молиться». А на стр. 521 опять онъ говоритъ матери: «Я не понимаю, отчего вы такъ заботитесь о приобрѣтеніяхъ для дѣтей въ нынѣшнее время, когда все такъ шатко и не вѣрно и когда имѣющій имущество въ нѣсколько разъ больше неспокоенъ бѣдняка». Такимъ образомъ, за свою вполне естественную заботливость и при томъ направленную, между прочимъ, на его благо онъ находилъ возможнымъ упрекать свою добрѣйшую мать. А между тѣмъ, онъ былъ искрененъ: въ этомъ и трагизмъ. Однажды, онъ пишетъ матери: «Что само по себѣ не хорошо, то замѣчу; скажу, что оно не хорошо, и побраню за то, если подѣ-

Когда умеръ Гоголь, Марья Ивановна вторично потеряла съ нимъ все самое дорогое для нея. Сначала она впала въ страшное отчаяніе: «Получа это роковое извѣстіе, пріѣхавши въ Полтаву, я не спала, не ѣла и плакала нѣсколько дней, да и теперь не могу не плакать или, лучше сказать, душевно плачу, безъ слезъ, но остаюсь жить. Боже, чего не можетъ человѣкъ перенести!.. Десять мѣсяцевъ, какъ я его не вижу, и второй мѣсяць, какъ его нѣтъ на землѣ. Иногда мнѣ покажется, что онъ за границей или гдѣ-нибудь въ отлучкѣ, и когда вспомню, что его нѣтъ, то точно какъ варомъ обдасть меня; или когда благодѣтельный сонъ посѣтитъ меня, то какое ужасное пробужденіе! Я не роптала на Бога, узнавъ объ ударѣ, меня поразившемъ, а только умоляю Его не отлучаться отъ моего сына ни на минуту, окружить его своими ангелами и дать ему радости неизглаголаннаго».

Сына. Марья Ивановна пережила на шестнадцать лѣтъ. Въ эту грустную пору жизни она уже почти окончательно не жила дѣйствительностью и мало интересовалась настоящимъ: мысли ея, какъ къ магниту, обращались къ минувшимъ на вѣки днямъ счастья и тихихъ, чистыхъ радостей, когда хорошо и отрадно жилось ей на бѣломъ свѣтѣ. Въ отношеніи къ окружающимъ и ко всему, что напоминало ей настоящее, она становится равнодушною. Подозрительность, которая и прежде была въ ея характерѣ, теперь достигаетъ крайнихъ размѣровъ... Только доброта оставалась ея неизмѣнной чертой...

Въ 1868 году, въ самый день св. Пасхи, скончалась Марья Ивановна такъ же неожиданно, какъ любимые ею мужъ и сынъ. Прахъ ея покоится въ Васильевкѣ, при церкви, какъ строительницы храма, рядомъ съ безгранично любимымъ и не забытымъ до кончины мужемъ.

В. Шенрокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Свѣдѣнія о службѣ В. А. Гоголя.

По нашей просьбѣ, секретарь дворянства Полтавской губерніи, Захаръ Георгіевичъ Костырко, сообщилъ намъ нижеслѣдующія свѣдѣнія о службѣ Василя Аванасьевича Гоголя, извлеченныя имъ изъ подлиннаго дѣла:

ломъ. Но чтобы сердиться, или горячиться, или сокрушаться, или же принимать къ сердцу всякій пустякъ, какъ вы это дѣлаете «этого за мной не водится». (т. V, стр. 258). А это послѣднее дѣйствительно вошло за его матерью.

«Послѣ тщательной провѣрки изъ дѣла о дворянствѣ рода Гоголей-Яновскихъ свѣдѣній, относительно времени рожденія Василя Аѳанасевича Гоголь-Яновскаго, производства его въ корнеты и дальнѣйшей службы, имѣю честь сообщить вамъ, милостивый государь, точныя указанія изъ подлинныхъ и копій документовъ, имѣющихся въ дѣлѣ: 1) въ доношеніи отъ 1-го октября 1784 года, поданномъ отцемъ Василя Гоголя, полковымъ писаремъ Аѳанасіемъ Гоголь-Яновскимъ, въ Киевское дворянское собраніе, между прочимъ, сказано, что онъ имѣетъ отъ жены Татьяны сына Василя, по малолѣтству при немъ въ воспитаніи находящагося; 2) въ семейномъ спискѣ того же Аѳанасія Гоголя, поданномъ Зеньковскому маршалу 1798 году въ маѣ мѣсяцѣ, подписанномъ Гоголемъ, въ чинѣ секундъ-маіора, и маршаломъ Чернышемъ, въ особой графѣ значится — имѣетъ сына Василя 15 лѣтъ; 3) при отношеніи почтоваго департамента отъ 15-го октября 1853 года за № 13633, прислана въ Полтавское дворянское депутатское собраніе копія патента, записаннаго въ военной коллегіи подъ № 504, выданнаго 1788 года іюня 9-го дня, изъ коего видно, что Василій Яновскій, служившій значковымъ товарищемъ, пожалованъ въ корнеты 1787 года ноября 27-го дня и, наконецъ, 4) при отношеніи почтоваго департамента, отъ 14-го марта 1854 года за № 3957, присланы двѣ тожественныя копіи съ аттестатами служившаго въ бывшемъ малороссійскомъ почтамтѣ коллежскаго ассесора Василя Гоголь-Яновскаго, съ увѣдомленіемъ, что формулярнаго списка Гоголя въ дѣлахъ архива департамента, а равно и Черниговской почтовой конторы, не оказалось и не извѣстно, когда онъ поступилъ на службу въ почтовое вѣдомство и въ какой состоялъ послѣднее время должности. Упомянутый аттестатъ выданъ изъ малороссійскаго почтамта въ городѣ Черниговѣ 9-го мая 1806 года, изъ коего значится, что Василій Гоголь-Яновскій, по прохожденіи воинской службы, поступилъ въ Малороссійскій почтамтъ въ чинѣ корнета, за добропорядочную службу высочайшимъ именованнымъ указомъ 1799 года апрѣля 16-го дня произведенъ въ чинъ титулярнаго совѣтника; потомъ высочайшимъ именованнымъ указомъ, объявленнымъ правительствующему сенату главнымъ директоромъ почтъ въ 22-й день декабря 1805 года, по прошенію и болѣзни, уволенъ вовсе отъ службы и въ награжденіе усерднаго продолженія оной произведенъ коллежскимъ ассесоромъ и приведенъ къ присягѣ.

«Къ приведеннымъ свѣдѣніямъ считаю необходимымъ присовокупить, что изъ копій документовъ, которые были представлены дѣдомъ писателя Николая Васильевича Гоголя, секундъ-маіоромъ Аѳанасіемъ Гоголь-Яновскимъ въ Киевское дворянское собраніе, въ числѣ доказательствъ на дворянство, видно, что въ 1776 году мая 3-го дня состоялась урядовая запись на выдѣленные женѣ

Аѳанасія Гоголя Татьянѣ, совмѣстно съ мужемъ, изъ имѣнія матери ея Лизогубовой, села съ посполитыми людьми, слѣдовательно Аѳанасій былъ женатъ уже въ 1776 году; изъ другого же уступнаго записи, сдѣланнаго 1781 года іюня 25-го отцомъ жены Аѳанасія Гоголя, бунчуковымъ товарищемъ Симеономъ Лизогубомъ, что онъ отписалъ въ Миргородскомъ полку въ урочищѣ рѣки Голтвы хутора дочери своей Татьянѣ Яновской и родившемуся отъ нея внуку его Василию. Этимъ объясняется, что Василій родился не позже 1781 года, а можетъ быть и раньше, такъ какъ въ доношеніи Аѳанасія, въ 1784 году поданномъ, говорится, что сынъ его Василій по малолѣтству въ воспитаніи находится, а это означало по тогдашнему понятію, что обучается грамотѣ. Въ виду этихъ соображеній, надо полагать, что въ спискѣ семейномъ ошибочно показаны ему лѣта 15, вмѣсто 18 лѣтъ. Обстоятельство, что Василій былъ пожалованъ въ корнеты въ 1787 году, то есть 7 или 8 лѣтъ, надо признать дѣйствительнымъ фактомъ; такіе примѣры въ Екатерининское время были не рѣдки.

II.

Копія съ прошенія В. А. Гоголя къ Д. П. Трощинскому о назначеніи его на должность.

«Ваше Высокопревосходительство! Щастливая надежда на вашу ко мнѣ благорасположенность произвела смѣлость беспокоить васъ, безпримѣрный благодѣтель, слѣдующими строками:

«Извѣстно вашему высокопревосходительству, что Богъ благословилъ меня двумя сынами, коихъ встрѣчаютъ уже тѣ годы, въ которые требуетъ долгъ родителей дать имъ приличное воспитаніе. Сей-то главнѣйшій предметъ моей обязанности обратилъ нынѣ все мое попеченіе, во-первыхъ я старался сыскать для нихъ порядочнаго учителя, но наконецъ увидѣлъ, что въ нашихъ мѣстахъ сыскать такового весьма трудно, да хотя бы и сыскался; но за возможное по моимъ достаткамъ жалованье не согласится глотать скуку въ хуторѣ—и такъ я принужденнымъ нахожусь отдать ихъ въ общественное училище; но покуда лѣта укрѣпляютъ (sic!) ихъ силы и юный разумокъ сблизится къ совершенному понятію, желательнѣе мнѣ имѣть ихъ подъ своимъ надзоромъ, почему и я расположенъ проживать въ томъ городѣ, гдѣ будутъ мои дѣти, а для лучшей удобности къ прожитію въ городѣ всенижайше прошу вашего превосходительства доставить мнѣ приличную должность въ Кіевѣ или Полтавѣ (зачеркнуто: именно совѣтника второго департамента или губернскаго почтмейстера, или же директора фабрикъ, т. е. попечителя несчастныхъ колонистовъ), изъ коихъ въ послѣднемъ для меня было бы удобнѣе по близости моего имѣнія.

III.

Два доклада В. А. Гоголя Трощинскому.

Въ бумагахъ Василя Аѳанасьевича находятся еще два официальные его доклада Трощинскому:

«Зная, сколь великое имѣете вы попеченіе объ общественныхъ нашихъ пользахъ, осмѣливаюсь доложить вамъ: 1) всѣ вамъ чрезвычайно благодарны за разсрочку уравнительнаго рекрутскаго набору, но опасаются многіе, что ежели теперь не отдадутъ всѣхъ рекрутъ и придется отдавать за подачей ревизской сказки и ежели изъ ревизіи ихъ не исключать, то сіе будетъ еще отяготительнѣе, чѣмъ единовременное уравненіе; но съ пожертвованіемъ нашимъ на содержаніе и ополченіе оружіемъ и лошадьми, кажется, никакая губернія не поравняется, почему и относимъ мы, что вы исходатайствуете для насъ милость, что отдаваемые рекруты по уравнительному набору исключатся изъ ревизіи и тогда только будетъ уравнена сія повинность; 2) великое бы было для насъ благодѣяніе, если бы доставили, чтобы съ передержателей бѣглыхъ крестьянъ взыскался штрафъ въ казну и строжайшій бы о семъ послѣдовалъ указъ; ибо у насъ подѣ часъ рекрутскихъ наборовъ всѣ молодые люди убѣгають въ Константиноградскій повѣтъ и въ Екатеринославскую губернію и передерживають таможенно, черезъ это принуждены мы отдавать въ рекруты отцовъ семейства, а наипаче въ нынѣшній наборъ, въ который ужасно какъ бракують; 3) по милости вашей зачтены въ рекруты не только не возвратившіеся казаки изъ ополченія, но велѣно принимать и искалѣченныхъ по службѣ въ инвалидныя команды и выдавать зачетныя квитанціи. Многіе искалѣченные и потерявшіе на службѣ свое здоровье, искали милостиваго разрѣшенія возвратиться, коихъ также слѣдовало бы, кажется, зачестъ, но таковые получили отказъ на свои просьбы».

IV.

Письмо Н. В. Гоголя къ матери отъ 22-го марта 1842 года.

«Я долго не писалъ къ вамъ потому, что былъ совершенно не въ силахъ, и никому во всю бытность теперешнюю мою въ Москвѣ я не писалъ почти. Здоровье мое въ странномъ положеніи; иногда я просто не въ силахъ даже подумать о чемъ-либо. И что всего хуже мной овладѣло то тягостное и тоскливое состояніе духа, которое и прежде, и въ первый мой пріѣздъ, мною было овладѣло. Вліяніе ли климата или чтѣ другое, но дурно то, что это дѣйствуетъ на мои умственные занятія и я до сихъ поръ не въ силахъ привести въ порядокъ дѣлъ своихъ. Какъ было я чувствовалъ себя хорошо весь годъ, проведенный въ Римѣ, такъ теперь нехорошо. Но государь милостивъ и благоволилъ меня причислить къ нашему

посольству въ Римѣ, гдѣ я буду получать жалованье, достаточное для моего содержанія, а до тѣхъ поръ потерпимъ. Авось Богъ устроитъ все къ лучшему. Во всякомъ случаѣ я непремѣнно увижусь съ вами. Какъ это будетъ, я еще не знаю до сихъ поръ. Потому еще нѣтъ никакой перемѣны въ моихъ дѣлахъ, но какъ только получу какія-нибудь средства и возможность, увѣдомлю васъ заблаговременно.

«Прощайте! да хранить васъ Богъ.

«Вашъ сынъ Николай.

«Припасите мнѣ полдюжины рубашекъ простыхъ и полдюжины исподняго изъ холста потолще, чѣмъ на рубашкахъ; чѣмъ толще, тѣмъ лучше.

«Благодарю васъ за ваше письмо; еще болѣе благодарю Бога за ваше выздоровленіе. Я еще не совсѣмъ оправился, устаю и не могу заняться моими дѣлами, какъ бы хотѣлъ, а что самое главное, встрѣтилъ множество неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ препятствій. Но Богъ милостивъ и мнѣ, вѣрно, удастся преодолѣть все. Объ этомъ молитесь теперь Богу. Жаль только, что, дѣла мои затянутся на долгое время и нескоро придется вамъ что-нибудь получить отъ меня. Скажите старшей сестрѣ Маріи, что напрасно она такъ испугалась моего письма: кого любить, отъ того съ радостью принимаютъ даже упреки. Письмо мое много бы заключило для нея непріятнаго.—Ей никогда и вѣкъ непонять, что одна любовь и только любовь сильная даетъ такіе упреки, какіе когда-либо давалъ ей я. Если бы она думала обо мнѣ и разбирала бы почаще мои строки, она бы увидѣла это ясно. И прежде въ припискѣ къ ней и въ письмѣ къ меньшей сестрѣ я сказалъ ясно, что письмо будетъ на счетъ ея сына; она должна бы почувствовать, что письмо для нея заключить много пріятнаго.

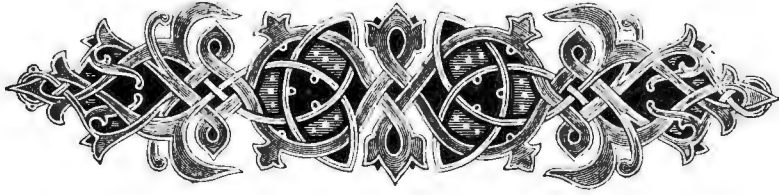
«Скажите сестрѣ Аннѣ, что прежде всего она должна благодарить за многія напоминанія, которыя я сдѣлалъ. Что же касается до обвиненій, которыя я на нее взвелъ, то они были сдѣланы съ тѣмъ, чтобы разсердить ее хорошенько. Я зналъ, что ничѣмъ другимъ нельзя было разсердить ее, какъ этимъ, а разсердить ее чѣмъ-нибудь нужно, чтобы разбудить ея сонный, готовый всегда залѣниться и засидѣться характеръ.

«Прощайте, поцѣлуйте отъ меня Колю (Н. П. Трушковскаго). Надѣйтесь во всемъ на Бога и молитесь. Придетъ время, когда Богъ чудно вознаградитъ васъ за вашу теплую вѣру и будетъ счастье ваше выше, чѣмъ счастье всякаго другого.

«Вашъ признательный сынъ Николай.

«Поздравляю васъ всѣхъ съ наступающимъ новымъ годомъ».

ТИПЫ СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

I.

Божій воинъ.

I.

РЕТЬЯГО іюля 1609 года, на утренней зарѣ, двое монастырскихъ слугъ, Михайло Павловъ да Григорій Спечевъ, стояли на стѣнѣ Троицкой обители, около Конюшенной башни, и пристально вглядывались вдаль, сквозь одинъ изъ пролетовъ между высокими и толстыми стѣнными зубцами. Давно уже разсвѣло; на багрово-красномъ востокѣ, изъ-за темной полосы дальнаго лѣса, уже начинала показываться ярко-золотистая полбска солнечнаго диска; но густой утренній туманъ — предвѣстникъ жаркаго и душнаго іюльскаго дня — еще лежалъ всюду пушистымъ, бѣлымъ слоемъ надъ лощинами и клубился въ оврагахъ и надъ прудами, кругомъ Троицкаго монастыря.

— Ничего не видать за туманомъ, — говорилъ товарищу Михайло Павловъ, прикрывая глаза лѣвой рукою, а правой опираясь на копье, прислоненное къ плечу.

— А тамотко—вонъ еще недавно огоньки вспыхивали, за Мишутинымъ врагомъ, и пальбу слышать было, — отвѣчалъ Павлову Григорій, указывая пальцемъ въ туманную даль.

— Видно ужъ отбились? Дровецъ нарубили Божьимъ изволеньемъ да чудотворцевымъ моленьемъ, и запасцемъ кое-какимъ пораздобылись... Назадъ чай двинулись — къ обители нейдутъ ли?

— Христось ихъ знаетъ. Не видать еще...

— О-охъ, Господи! Когда этому сидѣнью конецъ будетъ!—продолжалъ, глубоко вздохнувъ, Михайло Павловъ.—Чего только мы тутъ не натерпѣлись, чего не навидались! И отъ враговъ утѣшеніе и гроза смертная, и отъ глада и жажды всяческія страданія, а нынѣ и того больше скорби наши умножаются! на всякій день сколькихъ погребаемъ! Стрѣльцы и казаки и всякіе осадные люди всюду по кельямъ лежатъ; цынга одолѣла, ноги у всѣхъ пухнуть—оттого и помирають...

— Ну, что ты понапрасну Бога гнѣвишь, братъ Михайло?—съ укоризною замѣтилъ Григорій. — Тѣ ли было десять мѣсяцевъ назадъ, въ началѣ сидѣнья, какъ враги только подступили къ стѣнамъ обители да обложили ее со всѣхъ сторонъ?.. Или не помнишь? Здѣсь же на стѣнѣ мы съ тобой семь недѣль сряду ни одной ночи не спали. По трое сутокъ кольчужной рубашки съ плечъ не спустили! А теперь вонъ какъ враги-то наши приуныли:—второй мѣсяцъ кончается съ тѣхъ поръ, какъ они послѣдній разъ подъ стѣны подходили...

— Приуныли? А почему ты знаешь, что они и теперь на приступъ идти не собираются? Подмоги ждуть—либо ночей темныхъ іюльскихъ дожидаются?.. А ты ужъ «приуныли»!

— Да какъ же не приуныли, братъ Михайло? Помнишь, какъ наши, въ субботу прошлую, на вылазку ходили и еще пана Маковского въ полонъ взяли?... Такъ вотъ наутро-то, въ воскресенье, послѣ ранней обѣдни, изъ Сапѣгиныхъ становъ, приѣхалъ къ Каличьимъ воротамъ того пана Маковского братъ—привезъ ему постелю, рубашку, портки и вина, и говорилъ нашимъ:—у Сапѣгиде давно на умѣ одна дума—какъ послышать государевыхъ людей, такъ бы ему и бѣжать въ большіе таборы къ вору...

— А ты и повѣрилъ, Иванъ-простота! Съ тѣхъ поръ недѣля минула, а ляхи да Литва окаянная стоятъ, не ворохнутся; отъ воды и отъ дровъ насъ отрѣзали, на заставахъ наши грамотки да посыльниковъ нашихъ перехватываютъ...

— Постой, братъ Михайло! А не при тебѣ ли третьяго дня, какъ еще къ стѣнѣ подѣхали три пана, пьянымъ-пьяны и опохмѣлиться у насъ Христа ради просили—и мы еще имъ квасу житнаго выслали... Не при тебѣ ли одинъ панъ, отъ другихъ отѣхавъ, тоже сказывалъ, что Сапѣга въ отходъ собирается, тяжелые коши ¹⁾ многіе отпускаетъ...

— А ты и уши развѣсилъ! Пьяный панъ наболталъ, набалакалъ—а ты вѣришь... У нихъ все лжа сплошная... Я ни ляху, ни литвину, не дамъ вѣры, хотя бы онъ ко мнѣ сюда на стѣну сталъ,

¹⁾ Кошъ—казачій обозъ; необходимыя принадлежности казачьяго стана.

изъ одной бы корчаги со мной щи прихлебываль, на одной бы постели со мной спалъ...

— Такъ ты и пану Мартыашу не вѣришь?

— Еще бы я ему вѣрить сталъ! — лютеру злому, перебѣжчику!

— Какой же онъ лютеръ! Что ты, братъ Михайло! Да панъ Мартыашъ чудотворцеву дому первый слуга. Вѣдь вотъ уже третій мѣсяцъ пошелъ, какъ онъ къ намъ перебѣжалъ и воеводамъ нашимъ вѣрою и правдою служить. И на вылазки ходитъ, и бьется крѣпко—не лицемѣрить, и на стѣнахъ здѣсь порядокъ соблюдаетъ, и къ пушкамъ, и къ пищалямъ прицѣвли устрояетъ, и сколько ужъ пакости литовскимъ людямъ и русскимъ измѣнникамъ наворилъ!...

— Вотъ то-то—молодъ ты, Григорій... Ты еще пребываешь въ учимыхъ чинѣ, такъ не тебѣ меня учить... Знаю я, что самъ князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ въ этого Мартыаша окаяннаго, какъ въ отца роднаго вѣрить — что и держитъ его при себѣ и отъказу ему ни въ чемъ не дѣлаетъ. Да такъ-то ладно ли выйдетъ?.. Вѣдь ужъ этотъ Мартыашъ и въ начальныя лѣзетъ: князь его не токмо что на вылазки посылаетъ, а и ночью ему по стѣнамъ ходить велитъ, стражбы досматривать... Долго ли тутъ до грѣха?

Григорій недовѣрчиво покрутилъ головой, съ видимымъ неудовольствіемъ оправилъ поясъ на рваномъ полукафтанѣ, надѣтомъ поверхъ кольчуги, и проворчалъ сквозь зубы:

— Этакъ, пожалуй, ты и Нѣмка опорочишь! И ему довѣрять не велишь?

— Экъ ты кого приравнялъ къ Мартыашкѣ! Да вѣдь Нѣмкѣ-то — Божій человекъ, юродъ прирожденный! Гдѣ ужъ ему лукавить... И даромъ что онъ отъ Бога побитъ, и глухъ, и нѣмъ отъ рожденья, а смотри-ка ты, какъ съ вѣрогами-то бьется... Отъ стремени Ананья Селевина ни на вылазкахъ, ни въ битвахъ, ни на шагъ не отходить; какъ вѣрный песъ ему преданъ... А кто съ Ананьемъ врѣвень идти можетъ, тотъ ужъ изъ богатырей богатырь: тому вѣряться можно.

Но Григорій Спечевъ уже не слушалъ Михайла Павлова... Онъ пристально всматривался вдаль, прикрываясь ладонью отъ солнца, которое поднялось надъ линіей горизонта громаднымъ багрово-краснымъ шаромъ безъ лучей, и отбросило длинныя тѣни отъ монастырскихъ башенъ, отъ зубчатыхъ стѣнъ и величавыхъ храмовъ.

— Братъ Михайло! Глянь-ка, глянь! Не наши ли на пригоркѣ показались? — по косогору въ оврагъ спускаютъ... Ровно бы въ ровъ съѣзжать хотятъ?

— И то, должно быть наши? Вонъ какъ шеломя-то да копыя на солнцѣ блестятъ! А вонъ и дѣти боярскіе на бахматахъ ¹⁾—и

¹⁾ Бахматъ — малорусская лошадь. въ родѣ нынѣшнихъ пони.

Ананій впереди всѣхъ на своемъ саврасомъ конѣ... И долговязый Нѣмка съ нимъ рядомъ шагаетъ... И обозъ за ними не малый тянется...

Въ это время на колокольнѣ соборнаго храма раздался первый ударъ колокола, призывавшій всѣхъ во храмъ къ утренней молитвѣ. Густой и протяжный звукъ разлился въ тихомъ утреннемъ воздухѣ широкой и плавной волной... На стѣнахъ закопошились люди, поспѣшно поднимаясь отъ сна, оправляясь и крестясь на главы храма, увѣнчанныя ярко-блестѣвшими крестами. Григорій и Михайло обнажили головы и набожно перекрестились.

— Слава тебѣ, Господи-Царю! Слава и чудотворцамъ нашимъ Сергію и Никону! Богъ еще нашимъ грѣхамъ терпитъ: возвращаются наши братья изъ-за города, съ вылазки — и цѣлы, и невредимы.

II.

Колоколь соборнаго храма гудѣлъ, призывая троицкихъ сидѣльцевъ къ обычной утренней молитвѣ. Изъ всѣхъ уголковъ обители выползали на Божій свѣтъ старцы, женщины и дѣти, исхудалые, блѣдные, покрытые лохмотьями. Разнообразный людъ выходилъ толпами изъ келій, изъ подваловъ, изъ землянокъ, изъ-подъ палашей, наскоро разбитыхъ среди безчисленныхъ могилъ обширнаго монастырскаго кладбища. Черезъ эту пеструю толпу, въ которой на видъ ничего не было воинственнаго, стройнымъ рядомъ проходила монашествующая братія съ архимандритомъ и соборными старцами во главѣ. Толпа сторонилась передъ ними и низко кланялась монастырскому начальству. Настроение толпы, не смотря на чудесное июльское утро, было довольно сумрачное; ни благодатное тепло, ни ясное солнышко, ни чудное, высоко-раскинувшееся небо, покрытое разбѣгавшимися багровыми облачками, — не радовали среди этихъ холодныхъ, высокихъ стѣнъ, облитыхъ кровью, среди тѣхъ бѣдъ и напастей, которыхъ приходилось ждать отовсюду, среди полной неизвѣстности о будущемъ.

«Хотя бы одинъ конецъ былъ этому сидѣнью!» — вотъ что у каждаго изъ несчастныхъ сидѣльцевъ было въ головѣ; вотъ что просилось у всѣхъ на уста, при первомъ удобномъ случаѣ, вмѣстѣ съ молодужнымъ ропотомъ на воеводу, на монастырское начальство и на вынужденный постъ осаднаго сидѣнья.

— Православные! — кричить мимо-идущимъ со стѣнной сторѣжки какой-то монастырскій служка, помахивая скуфейкой, вздѣтой на рогатину, — А православные! Наши съ вылазки изъ-за города идутъ! Богъ далъ цѣлы и здоровы — и обозъ за собой ведутъ не малый...

— Паши! Паши идутъ!.. Далъ Богъ здоровы ворочаются!.. Обозъ за собой везутъ... Чай съ запасомъ? — вотъ что, быстро, въ

одно мгновеніе, распространяется по всей толпѣ сидѣлъ цевѣ, изъ края въ край обители.

И шумныя, радостныя восклицанія общимъ взрывомъ кликовъ и шумнаго говора покрываютъ звуки мѣрногудящаго соборнаго колокола, призывающаго къ молитвѣ. Забыта молитва... Не до Бога теперь толпѣ: всѣ спѣшатъ на встрѣчу ратныхъ, къ монастырскимъ воротамъ, около которыхъ уже собралась кучка стрѣльцовъ и боярскихъ дѣтей, строго-на-строго охраняющихъ всѣ входы и выходы изъ обители. Самъ воевода троицкій, князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ, стоитъ подъ темными сводами воротнаго прохода и смотритъ какъ двое старцевъ отмыкаютъ тяжелые замки и засовы несокрушимыхъ дубовыхъ створовъ, окованныхъ толстыми полосами желѣза... А за воротами уже слышенъ шумъ и говоръ приближающейся толпы ратныхъ, бряцанье оружія, скрипъ колесъ, топотъ и звонкое ржаніе коней, на которое въ разныхъ концахъ обители отзываются веселымъ ржаніемъ кони на монастырскихъ конюшняхъ.

Вотъ, наконецъ, упали тяжелые затворы, заскрипѣли, распахинаясь настезь дубовые створы, и солнечный свѣтъ ярко, ослѣпительною волною пролился подъ темные своды... А изъ-за воротъ, облитая яркими, красноватыми лучами утренняго солнца, подъ своды родимой монастырской стѣны, весело хлынула толпа пѣшихъ стрѣльцовъ, конныхъ боярскихъ дѣтей, троицкихъ слугъ и осадныхъ крестьянъ. Одни шли и ѣхали, вооруженные съ головы до ногъ, въ шеломахъ съ бармицами, въ дощатыхъ броняхъ, съ копьями въ рукѣ, съ пистолями и саблѣй на поясѣ; другіе — въ рваныхъ полушубкахъ, накинутыхъ поверхъ плохого куячйшка ¹⁾, и въ стеганныхъ войлочныхъ колпакахъ, съ тяжелымъ бердышемъ или рогатиной на плечѣ. Впереди всего отряда ѣхали верхами челоуѣкъ двадцать молодцовъ изъ монастырской братіи, въ черныхъ рясахъ, надѣтыхъ поверхъ доспѣха и въ черныхъ скуфьяхъ, прикрытыхъ кольчужной сѣткой.

Общій крикъ радости раздался на встрѣчу ратнымъ, возвращавшимся съ вылазки; тѣ отвѣчали такими же шумными и радостными возгласами.

— Вотъ они, наши голубчики!—заголосили бабы.—Вернулись—слава тебѣ Господи! И всѣ, кажись, по добру да по здорову—да съ запасомъ! Смотри-ка,—не токмо что на возахъ везутъ, а у иныхъ и на плечахъ запасъ навьюченъ... Сподобилъ Господь и нашей утробѣ отъ обительской пищи отдыхъ дать...

— Здорово, ратные!—крикнулъ на встрѣчу входившимъ князь Долгоруковъ.—Сподобилъ Господь!

— Здравъ буди, княже!—громко и весело отвѣчали воеводѣ воины.

¹⁾ Куякъ -броня изъ войлока, на который нашиты металлическія бляхи.

— Чай глотки-то у васъ пересохли? Ступайте-ка, велите дать себѣ съ братскаго погребѣ по братинкѣ кваса медвянаго. Скажите—я молъ приказаль!

— Спасибо, княже!—кричали воины, проходя ворота.

Въ это время сотникъ Никула Волжинскій, да лѣваго крылоса головщикъ, чернецъ Гурій Шишкинъ—высокіе и бравые люди среднихъ лѣтъ—пріостановили коней около воеводы, князя Долгорукова, и, поздоровавшись, докладывали ему объ успѣшномъ дѣлѣ съ Сапѣжинцами и русскими измѣнниками.

— Благодаренье Богу, —басиль Гурій Шишкинъ—подъ Чемодановой деревней всю ихъ воровскую заставу разнесли, копейную роту Сапѣгину врасплохъ застали, разгромили, пришибли ихъ человекъ съ двадцать, да въ языкѣхъ двоихъ ведемъ добрыхъ пановъ, и запасомъ позапаслись,—на двѣнадцати подводѣхъ веземъ. И своихъ, Божьею милостью, никого не истеряли...

— И раненыхъ-то только четверо,—добавилъ сотникъ Никула,—да и тѣ не гораздо: одинъ по головѣ отъ затылка вскользь, двоимъ копьемъ руки проколоты, да вотъ Ананья Селевина—пулей въ ногу, пониже колѣна.

— То-то я его не вижу,—съ видимымъ сожалѣніемъ замѣтилъ воевода,—чай сзади волочется, на подводѣ... Надо-бы его попользовать...

— Нѣтъ! Онъ не сзади... Онъ тутъ у воротъ коня остановилъ—всѣхъ хочеть пропустить впередъ себя! Такой ужъ у него зарокъ положенъ: первому изъ обители выходить, послѣднему вступать.

— Добрый, настоящій воинъ!

— Да намъ его сегодня и въ живыхъ бы не видать,—вступился Гурій Шишкинъ,—кабы не вѣрный песъ его, Нѣмкѣ!.. Ужъ точно—богатырь! Какъ высыпали ляхи изъ-за копани своей—напи-то и опѣшили спервоначалу. Вотъ они Ананью-то и облѣпили, что пчелы!.. Тотъ туда-сюда: вертится на конѣ да бьется; а Нѣмкѣ закрылъ его собою, да съ бердышемъ—на ляховъ! Пока мы къ нимъ на выручку поспѣли—онъ одинъ шестерыхъ уложилъ... Да силища-то какова! Что ни рубнетъ,—то либо голова пополамъ, либо рука съ плечемъ... Богатырь! А то не сдобровать бы Ананью.

Какъ разъ въ это время, вслѣдъ за остальными ратниками и подводами, нагруженными запасомъ, въ ворота обители вѣзжалъ на своемъ соврасомъ конькѣ стройный и красивый малый въ шлемѣ и кольчужной рубахѣ, надѣтой поверхъ простого сермяжнаго крестьянскаго платья. Лицо его, опущенное жиденькой русой бородкой, было блѣдно; въ большихъ голубыхъ глазахъ выражалось страданіе и безпокойство. Онъ ѣхалъ на конѣ, придерживая рукою ногу, перевязанную выше колѣна окровавленной тряпицей. Рядомъ съ нимъ шагаль высокій и сухощавый человекъ, съ несоразмѣрно длинными руками, которыя безтолково болтались около его высо-

каго сухопараго туловища. Голова этого человѣка была прикрыта тяжелымъ шипакомъ; а широкія плечи и грудь — нѣмецкимъ панциремъ съ фигурными бляхами. Огромный бердышъ закинутъ былъ за спину, на которой у этого воина была подвязана не легкая ноша: мѣшокъ муки да говяжья туша. И не смотря на эту пудовую ношу, высокій и сухощавый воинъ шелъ, не сгибаясь, огромными шагами, и не отставалъ ни на пядь отъ своего коннаго друга, Ананья Селевина.

— Аль раненъ, Ананьюшка?—ласково обратился воевода съ вопросомъ къ Ананью Селевину, который считался однимъ изъ надежнѣйшихъ борцовъ за домъ Живоначальныхъ Троицы.

— Раненъ, княже! Какъ въ огнѣ горитъ нога-то... Пулей вскрозь прошли, окаянные... Да еще и то милость Божія! Кабы не онъ, не Нѣмкѣ—костями бы лечь пришлось...

И Ананій указалъ рукою на Нѣмкѣ, который вдругъ просіялъ лицомъ, заморгалъ своими маленькими карими глазками, оскалилъ бѣлые какъ жемчугъ зубы и замахалъ руками, указывая, какъ онъ рубилъ враговъ.

Воевода усмѣхнулся.

— И безъ его сказа видно, каково отъ него досталось ляхамъ!—сказалъ князь окружающимъ, указывая на широкія струи и пятна крови, которыми покрыто было и платье, и доспѣхи Нѣмкѣ.

И воевода ласково потрепалъ Нѣмкѣ по плечу; но тотъ, не обращая на это вниманія, сталъ дергать воеводу за рукавъ кафтана и все указывалъ на ногу Ананья Селевина.

— И точно! Умникъ!—спохватился воевода.—Прежде всего—свести его въ мою же келью, тамъ положить — и тотчасъ перевязать. Скажите Мартыашу! Тотъ гораздъ у насъ на всякія руки:—и грамоты писать, и въ трубы трубить, и раны перевязывать, и недуги легчить... А намъ съ тобою, братъ Гурій, надо поспѣшать къ собору—Бога за успѣхъ благодарить!

И воевода, принявъ воротные ключи отъ старцевъ, вмѣстѣ съ инокомъ Гуріемъ зашагалъ по направленію къ собору.

III.

А у собора былъ и шумъ, и говоръ. Среди радостныхъ возгласовъ собравшей тамъ нестрой толпы, слышалась и брань, и нестройный гулъ голосовъ, галдѣвшихъ безъ толку и смысла, лишь для того, чтобы пошумѣть, погромче заявить о своемъ недовольствѣ. Кучка ратныхъ людей, еще не успѣвшихъ скинуть съ себя доспѣхи и сложить оружіе, стояла у самой соборной паперти, окруженная густою толпою всякаго сброднаго люда, въ которой видны были и женщины, и дѣти. Двое старцевъ о чемъ-то очень громко и выразительно выговаривали толпѣ, которая то перебранивалась съ ними, то шумно высказывала свои какія-то требованія.

— Мы имъ вѣ-какую силу запаса приволокли—своею кровью и смертнымъ боемъ добыли; а они намъ и по братинкѣ квасу медвянаго отпустить не хотятъ!—кричали ратные, которымъ вторила толпа.

— Говорятъ вамъ,—громко и твердо отвѣтилъ имъ одинъ изъ стоящихъ на паперти соборныхъ старцевъ,—что всѣ питья на погребѣ, по царскому велѣнію, запечатаны, и мы ихъ изъ-за печати давать не вольны.

— А коли вамъ самъ воевода приказываетъ!—горячилась толпа.

— Хоша бы и самъ воевода,—спокойно и еще громче сказалъ старецъ.—За казну да за обительскій обиходъ не воевода, а мы въ отвѣтъ будемъ.

— Чего-ужъ!—раздались голоса въ толпѣ,—отъ нихъ и раненымъ-то, и больнымъ потѣшенья нѣтъ... Такъ что имъ наша нѣжа?

— Грѣшно вамъ и говорить о нѣжѣ,—громко крикнулъ старецъ.—Небось, какъ сѣли въ осадѣ, всѣ ѣдите троицкій хлѣбъ—и на всѣхъ хватало...

— Хлѣбъ!—На шестнадцать человѣкъ по одному пунному хлѣбу сходитъ, да вонъ и изъ того еще середки вырѣзаете,—крикнулъ кто-то въ толпѣ.

— Лжу глаголешь!—отозвался старецъ,—что сами ѣдимъ, то и вамъ даемъ. И не разъ вамъ говорили: изъ-передъ меня, изъ-передъ архимандрита возьми въ трапезѣ, а свое передъ меня поставь... А вамъ все давай по кельямъ, да по рукамъ!—Хотите не токма что женъ и дѣтей, и жѣнокъ чудотворцевымъ хлѣбомъ насытити!..

— А по твоему пропадать намъ, что ли?—завизжало разомъ нѣсколько женскихъ голосовъ.—Чай тоже не сидимъ сложа руки—всю обитель обшиваемъ и обмываемъ. Да и на стѣнахъ нехуже вапшего бились съ литвою да съ ворами!

Какъ разъ въ это время къ паперти приблизился князь Григорій Борисовичъ съ Гуріемъ Шишкинымъ.

— Князь-батюшка!—заголосила толпа.—Твоего приказу отцы не исполняютъ! За службу нашу да за раны приказалъ ты намъ по братинкѣ квасу медвянаго выдать; а отцы не слушаютъ.

— Княже!—обратился къ воеводѣ старецъ, говорившій съ толпою.—Питья, самъ ты вѣдаешь, безъ царскаго указа, мы изъ-за печати взять не можемъ... Не смѣемъ царскихъ обиходовъ коснуться! А они галдятъ, съ возовъ сваливать запаса не даютъ...

— Отецъ Малахія!—Что ужъ выговорено, то и вымолочено:—не хочешь ты изъ царскихъ обиходовъ за царскую службу ихъ питьемъ жаловать, такъ пожалуй, прикажи изъ моего погребнаго запаса имъ по обѣщанной братинкѣ выдать...

— Спасибо, князь-государь!—заголосила весело толпа.

— А тѣмъ временемъ,—строго приказалъ князь,—прикажи-ка,

отецъ, чтобы братія возы развязывала да весь запасъ отчетомъ принимала и на паперть складывала.

Какъ разъ въ ту минуту, когда меньшая братья собиралась исполнить приказаніе старца Малахіи, а смолкнувшая толпа, повинувая приказанію князя, развязывала возы съ запасомъ—сквозь толпу пробился къ самой паперти Нѣмкѣ. Въ томъ же доспѣхѣ и платьѣ, забрызганномъ и залитомъ кровью, онъ набожно опустился передъ соборомъ на колѣни, снялъ тяжелый шишакъ и положилъ его на каменные ступени паперти. Потомъ отвязалъ со спины мѣшокъ муки и тушу мяса и, хватая старца Малахію за полы его рясы, знаками сталъ показывать, что жертвуетъ это въ домъ чудотворца, на общую пользу.

Старецъ Малахій прослезился.

— Вотъ, глядите, любуйтесь, православные! Вотъ истинное чадо Христово—темное, неразумное, Имъ Единымъ просвѣщаемое и наставляемое... Вы награды хотите за вашу службу, а онъ добытое и ранами, и кровью, и страхомъ смертнымъ, приноситъ въ даръ великимъ чудотворцамъ, на общую потребу. Да покоится же на главѣ твоей ихъ благословеніе, Божій воинъ!

И онъ опустилъ руки на голову Нѣмкѣ, который все еще стоялъ недвижно на колѣняхъ, закрывъ глаза и набожно склонившись передъ старцемъ.

IV.

Темная іюльская ночь уже спустилась надъ Троицкою обителью, когда панъ Мартьяшъ, любимецъ воеводы, вышелъ съ фонаремъ въ рукахъ изъ кельи князя Долгорукова. Ему было приказано обойти стѣнную стражу и повѣрить караулы у всѣхъ воротъ обители. Онъ добросовѣстно исполнилъ данное ему порученіе: побывалъ у всѣхъ воротъ, перекликнулъ помянно всѣхъ сторожей по списку, затѣмъ поднялся по широкой деревянной лѣстницѣ на верхъ стѣны, гдѣ былъ поставленъ «тяжелый нарядъ»—пушки, затинныя пищали и рушницы—и пошелъ крытымъ ходомъ вдоль зубцовъ стѣны. Все было въ порядкѣ: всѣ люди были на мѣстахъ, очередные сторожа не спали, урядники были при караулахъ. Мартьяшъ заглянулъ во всѣ уголки, все осмотрѣлъ съ видомъ тонкаго знатока всякихъ военныхъ хитростей, и вышелъ изъ-подъ навѣса на открытый раскатъ стѣны, по которому сторожей было немного и при томъ они были разставлены на большихъ разстояніяхъ. Раскатъ былъ настолько широкъ, что шесть человѣкъ могли свободно идти по немъ въ рядъ; при томъ, каждый подъемъ и поворотъ раската былъ видимо извѣстенъ пану Мартьяшу до мелочей, и потому, выйдя на раскатъ, онъ преспокойно задулъ фонарь и поставилъ его въ одномъ изъ углубленій стѣны. Затѣмъ, онъ быстро зашагалъ въ темнотѣ, по раскату, вдоль зубцовъ стѣны...

А темнота была такая, что хоть глаз выколи... Только присмотрѣвшись и привыкнувъ къ окружающему мраку можно было со стѣны различить на темномъ фонѣ ночного неба окутанныя мглою очертанія монастырскихъ храмовъ и башенъ. Путеводною звѣздочкою среди мрака мерцала въ соборномъ окнѣ неугасимая лампада надъ гробомъ Св. Сергія. Вокругъ собора и въ братскихъ кельяхъ царило глубокое молчаніе: нигдѣ ни огонька; все спало мертвымъ сномъ. Но далѣе, къ монастырскому острогу, и около Конюшенныхъ воротъ—тамъ, гдѣ главнымъ образомъ было скучено все население Троицкихъ сидѣльцевъ и защитниковъ, видны были огни, слышался смѣхъ и говоръ, а изрѣдка долетали и пѣсни, и клики хмѣльной ватаги и топотъ пляски съ присвистомъ и бубномъ.

Панъ Мартыашъ прошелъ по раскату до круглой угловой башни, миновавъ двухъ стѣнныхъ сторожей, которые сердито окликнули его и спокойно пропустили, когда онъ произнесъ въ полголоса условный ясакъ. За круглой башней Мартыашъ свернулъ немного влѣво, дошелъ до выступа стѣны на мѣстѣ нѣкогда бывшаго острога, опасливо оглянулся во все стороны и затѣмъ быстро вскарабкался на узкую площадку между двумя зубцами. Цѣлое море мрака, черное и непроглядное, покрывало всю окрестность; только вдали, на линіи непріятельскихъ окоповъ мелькали мѣстами огоньки. Мартыашъ внимательно взглядѣлся вдаль, снялъ съ пояса кремень и кресало и, вытянувъ передъ собою руки, ударилъ разъ, другой, третій... Потомъ остановился и переждалъ...

Недалекъ отъ стѣны, на перестрѣлѣ изъ лука, въ темнотѣ посыпались искры: тамъ кто-то также высѣкалъ огонь, разъ, другой, третій...

Черезъ минуту, въ томъ же направленіи, искры опять посыпались непрерывно, съ рѣдкими, небольшими промежутками...

Тогда панъ Мартыашъ сунулъ руку въ расѣлину зубца, вытащилъ оттуда самострѣлъ и колчанъ со стрѣлами, приладилъ, подвязавъ къ стрѣлѣ, грамотку, наложилъ стрѣлу на тетиву, прицѣлился—и спустилъ ее по направленію искръ, все еще сыпавшихся среди мрака...

Спустивъ стрѣлу, Мартыашъ постоялъ съ минуту на той же площадкѣ. Искры не сыпались болѣе вдали:—грамотка его дошла по назначенію. Онъ опять спряталъ самострѣлъ и колчанъ со стрѣлами въ ту же расѣлину зубца, осторожно спустился съ площадки, и, оглядѣвшись во все стороны, зашагалъ далѣе по раскату.

Но не успѣлъ еще онъ отойти и на двадцать шаговъ, какъ изъ темнаго угла за выступомъ башни показалась высокая фигура Нѣмкѣ, который, крадучись не слышными шагами, подошелъ къ тому же зубцу стѣны, оцупалъ въ расѣлинѣ самострѣлъ и колчанъ съ стрѣлами, какъ бы желая удостовѣриться въ томъ, что они положены на то же мѣсто; потомъ вынулъ изъ колчана одну

стрѣлу, сунувъ ее себѣ за пазуху и, погрозивъ кулакомъ вслѣдъ Мартыашу, какъ кошка спустился со стѣны внутрь монастырской ограды, цѣпляясь за выступы и выбоины каменной кладки.

Уже три ночи сряду Нѣмкѣ наблюдалъ за продѣлками пана Мартыаша, — теперь онъ твердо убѣдился въ томъ, что Мартыашъ передастъ вѣсти въ вражій станъ — и спѣшилъ принять свои мѣры, спѣшилъ предупредить кого слѣдуетъ о грозящей опасности, объ измѣнѣ, гнѣздящейся въ стѣнахъ святой обители...

V.

Князь Григорій Борисовичъ Долгоруковъ, не смотря на позднее время ночи, еще не спалъ. Онъ сидѣлъ у себя въ кельѣ, запершись съ чернецомъ Гуріемъ Шишкинымъ, и писалъ пространное письмо своему другу, «великому господину старцу келарю Аврамію», который жилъ въ Москвѣ на государевыхъ очахъ и былъ у царя Василія Ивановича постояннымъ ходатаемъ о нуждахъ Троицкой обители. Нагнувшись надъ столомъ, на которомъ были разбросаны и кучей навалены столбцы разныхъ дѣлъ, грамоты и письма, князь заглядывалъ черезъ плечо Гурія Шишкина, который четко и красиво выводилъ на письмѣ строку за строкою, украшая ихъ кудреватыми росчерками и мудреными титлами. Плохо разбирая эти чернильные каракульки, добродушный князь старался еще и еще припомнить все, что необходимо было вмѣстить въ письмо, и безъ того уже обширное и переполненное всякими подробностями.

— О смутѣ великой отъ королевы старицы Марыи ¹⁾— писалъ ли?—допрашивалъ воевода Гурія.

— Писалъ, княже. И какъ она съ ворами переписывается, а Тушинскаго вора московскимъ царемъ величаетъ, и какъ вѣдомому казначею измѣннику Іосифу Дѣвочкину въ тюрьму пироги и меды, и всякій приспѣхъ посылаетъ... Все писалъ.

— А объ Алѣшкѣ Голохвастовѣ перечти все по-ряду, что писано?

— А вотъ писано, какъ онъ отъ тебя ключи городовые отнять подучалъ, да какъ мужиковъ на тебя подымалъ за то, что ты казначея пытать велѣлъ, про его измѣну провѣдавши.

— Ну, ладно! Такъ вотъ еще добавь: — многіе-де люди про Алексѣя Голохвастова вѣдаютъ, что онъ дѣла не дѣлаетъ, только ссору чинить; а коли все на его писати, то и письмо не обдержитъ.

Гурій сталъ писать. Князь поднялся со своего мѣста и сталъ быстрыми шагами ходить по кельѣ.

¹⁾ Подъ именемъ «королевы старицы Марыи» жила у Троицы, въ осадѣ, племянница Іоанна Грознаго, вдова бывшаго «Ливонскаго короля» Магнуса.

— Истинно, не обдержить!—говорилъ онъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ. — Измѣною меня осѣтили отовсюду! Ни день, ни ночь покою отъ заботы нѣтъ... Да я не сдамся! Надъ гробомъ Св. Сергія цѣловаль я крестъ въ томъ, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны—и никакому измѣннику пощады не дамъ! Будь онъ мнѣ не то товарищъ, а братъ родной — сынъ мой единокровный, расправлюсь съ нимъ, какъ съ воромъ!

Въ двери кельи постучался кто-то легонько.

— Кто тамъ? что надо?

— Это я, батюшка!

Князь отомкнулъ дверь и сказалъ ласково:

— Входи, Ваня!

Черезъ порогъ кельи переступилъ молодой князь Иванъ Григорьевичъ Долгоруковъ.

— Что скажешь, сынокъ?

— Не дожить Ананью и до утра... горить огнемъ—и ногу раздуло по самый пахъ. Все бредить—памяти совсѣмъ лишился...

— Жаль добраго воина!—печально произнесъ воевода,—да противъ воли Божьей, что подѣлаешь?

Прошло мгновенье въ глубокомъ молчаніи.

Вдругъ въ сѣняхъ раздались чьи-то тяжелые, послѣшныя шаги, чья-то сильная рука рванула дверь за скобу, распахнула ее напята,—и Нѣмкѣ, блѣдный, растрепанный, ворвался въ келью воеводы.

Съ перваго взгляда на него, всѣ поняли, что съ нимъ случилось что-то необычайное... Глаза его горѣли, лицо было искажено страшною злобою; платье было въ беспорядкѣ. Быстро подойдя къ воеводѣ, онъ упалъ передъ нимъ на колѣни и сталъ указывать на дверь, и бить кулакомъ о кулакъ, и скалить зубы, и скрежетать ими, и опять указывать на дверь, какъ бы приглашая воеводу за собою слѣдовать.

— Это онъ, княже, жалуется на кого-нибудь! — замѣтилъ Гурій Шишкинъ.—Кто-нибудь его обидѣлъ?

Нѣмкѣ впился глазами въ Гурія, понимая, что тотъ толкуетъ его нѣмую рѣчь... И вдругъ вскочилъ на ноги, и сталъ ходить по кельѣ, приложивъ кулаки къ губамъ въ видѣ трубы и стараясь подражать осанкѣ пана Мартыаша.

— Должно быть панъ Мартыашъ его обидѣлъ? — видишь, онъ кажетъ его осанку и какъ тотъ въ трубу играетъ...

А между тѣмъ, Нѣмкѣ сунулъ руку за пазуху, вынулъ оттуда стрѣлу безъ острія, схватилъ со стола первый попавшійся лоскутъ бумаги, навязалъ ее на стрѣлу и сталъ показывать, что спускаетъ стрѣлу изъ лука... Его движенія были такъ выразительны, смыслъ ихъ такъ понятенъ, что и воевода, и княжичъ Иванъ, и Гурій Шишкинъ съ невольною тревогой переглянулись между собою.

— Онъ, Божій человекъ, къ тебѣ пришелъ съ доносомъ на из-

мѣну... Показываетъ, какъ кто-то вѣсти на стрѣлахъ передаетъ въ Сапѣгинъ станъ,—сказалъ Гурій.—Мы къ языку его обычны...

— И точно, не измѣна ли какая? — тревожно произнесъ воевода.—Смотрите-ка, стрѣла-то вѣдь тупая, какъ будто для вѣстей и прилажена?

Нѣмкò, видя, что воевода разсматриваетъ стрѣлу, схватилъ его за руку и потянулъ слегка къ дверямъ, руками объясняя, что онъ ему покажетъ, гдѣ такія стрѣлы лежатъ; и опять сталъ ходить по комнатѣ, подражая движеніямъ Мартыяша и явно указывая на него, какъ на лицо, передававшее вѣсти на стрѣлахъ.

— Что за притча? Да вѣдь онъ на Мартыяша указываетъ—прямо на него! — спохватился воевода. — Да быть не можетъ! Мартыяшъ намъ вѣрность свою не разъ доказывалъ. Я ему болѣе многихъ нашихъ повѣрю! Я на Алешку Голохвастова его не промѣняю!

— А все недурно бы его призвать къ отвѣту!—замѣтилъ княжичъ.

— Да и попытка вѣдь не пытка — и спросъ не бѣда! — пробасилъ Гурій.—Все призвать бы его сюда, да допросить келейно.

Нѣмкò не могъ слышать ихъ рѣчей; но онъ понялъ, что воевода ему не довѣряетъ. Страшное волненіе изобразилось на лицѣ его... Онъ опять упалъ на колѣни, указывалъ на образъ въ углу, билъ себя въ грудь, и снова скалилъ зубы и билъ кулакомъ о кулакъ, и звалъ всѣхъ за собою, какъ бы предлагая указать измѣнника. Потомъ, вскочивъ на ноги, и думая, что его не поняли, онъ сталъ указывать на стѣны кельи, и поднимать вверхъ руки, и падать на землю... Его мимика была такъ выразительна, что Гурій Шишкинъ не выдержалъ, поднялся съ мѣста и произнесъ торжественно:

— Князь-государь! Онъ ясно говоритъ, что стѣны обители взлетятъ на воздухъ и упадутъ; что гибель всѣмъ намъ грозитъ! Гибель неминуемая! Не можешь ты его рѣчами пренебречь, государь! За это ты самъ въ отвѣтъ будешь предъ Богомъ, предъ государемъ и предъ домомъ Живоначальной Троицы.

Князь видимо колебался, хмурилъ брови и не могъ побороть въ себѣ довѣрія и пріязни къ Мартыяшу. Наконецъ сказалъ, пожимая плечами:

— Чтожъ? Розыщемъ... Допросимъ Мартыяша! Вѣдь коли правъ онъ, такъ мудрено ли будетъ оправдаться ему... Чай не нѣмой онъ?.. Ваня, пойдѣ, сыщи его и приведи сюда!

— Стой, княжичъ! — твердо произнесъ Гурій Шишкинъ.— Прежде, чѣмъ пойдешь его розыскивать—постой! Пусть при тебѣ же, отецъ твой, князь Григорій, побожится, что если точно Мартыяшъ объявится въ измѣнѣ виновнымъ—если точно онъ съ врагомъ сносился на стрѣлахъ... повиненъ смерти! Побожись намъ, князь Григорій, что его отстаивать не будешь, ни укрывать, ни защищать... А выдашь головою...

— Я же тебѣ сказалъ, что никакому измѣннику не дамъ пощады, хоть будь мнѣ другъ ли, сродникъ ли—или хоть сынъ родной,—не пощажу! Или думаешь, что отъ клятвы откажусь?.. Ступай, Иванъ, возьми съ собой Нѣмкѣ; пусть онъ тебѣ укажетъ, на кого приносить онъ извѣтъ въ измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ вражьимъ станомъ.

Нѣмкѣ понялъ значеніе послѣднихъ словъ воеводы. Онъ понялъ, что ему вѣрять, что требуютъ отъ него указаній, что шлютъ съ нимъ княжича... Онъ упалъ на колѣни передъ княземъ Григоріемъ, обнялъ его колѣна, потомъ вскочилъ, схватилъ князя Ивана за руку и чуть не бѣгомъ потащилъ его за собой изъ кельи.

Князь посмотрѣлъ ему вслѣдъ въ глубокомъ раздумьѣ.

— Пути Божіи неисповѣдимы!—сказалъ, какъ бы про себя, Гурій Шишкинъ.—Слѣпыхъ Господь просвѣщаетъ—и нѣмымъ рѣчь даетъ, и младенца неразумнаго паче мудреца умудряетъ!

VI.

На другой день вся обитель пришла въ великое смятенье. Всѣ съ утра узнали, что Нѣмкѣ доказалъ измѣну пана Мартыаша, что тотъ сознался въ сношеніяхъ съ Сапѣгою и съ пытки разъяснилъ, какъ онъ хотѣлъ враговъ навести отъ Круглой башни, гдѣ было меньше сторожей и не было наряда.

У сѣзжей избы толпился народъ. Всѣ шумѣли, всѣ толковали по своему о случившемся.

— Каковъ злодѣй! Вотъ ты имъ и довѣрайся, этимъ перебѣжчикамъ!

— А ужъ на что былъ всякой милостью почтенъ отъ воеводы!

— Нѣтъ, братцы, ляху я тогда повѣрю, какъ къ землѣ его копьемъ приколю...

— Ну, что тамъ пустое толковать! ляхъ-ляху розъ! Вѣдь и Нѣмкѣ—перебѣжчикъ же! А вонъ смотри какую службу обители справилъ!

— Ужъ это, братцы, точно чудо!—сказалъ старый монастырскій слуга, клементьевскій крестьянинъ, Пименъ Теневъ.—Вѣдь вотъ какъ было дѣло... У меня оно и началось...

— Ну, ну, рассказывай!

— Вчера, на вылазкѣ, пораздобылся и я запасишкомъ, и винца боченокъ отбилъ у ляховъ... Вотъ и сошлись ко мнѣ пріятели.. Сидимъ за ужиномъ, калякаемъ... Винцо потягиваемъ! Потомъ и онъ пришелъ, Мартыашъ-то!—Караулы,—говорить—досматриваль—да услыхалъ, что тутъ у васъ веселье, вотъ и пришелъ—Ну, чтожъ—и милости просимъ! Рады гостю!—А тутъ кто-то гусли взялъ, сталъ танцы поигрывать, а Матюшка Брюшина съ Мартыашомъ и въ плясъ пустился...

— Ну, ну!

— Вдругъ двери настѣжь, и вбѣгаетъ Нѣмкò, и княжичъ за нимъ, Иванъ Григорьевичъ. Нѣмкò къ Мартыашу прямо подступилъ: и злобно таково, зубы оскалилъ, кулакомъ грозить—да вдругъ, какъ плюнетъ на него! Мартыашъ вскочилъ—было, да хватъ за саблю—а на самомъ лицѣ нѣтъ... Мы—ихъ разнимать; а княжичъ вынулъ стрѣлу, безъ острія, и грамотка на ней навязана, и говоритъ: «Мартыашъ! Не ты ли эту стрѣлу-то обронилъ?» А тотъ такъ вдругъ опѣшилъ, что и слово съ языка не сходитъ...

— Ну, тутъ его и взяли?

— Тутъ и забрали, да къ допросу. Сталъ запираяться... Да Нѣмкò всѣмъ показалъ и мѣсто, на раскатѣ, съ котораго онъ вѣсти пересылалъ: тамъ онъ самострѣлъ и стрѣлы такіе же въ колчанѣ хранилъ... Ну, тотъ, на пытку, во всемъ и повинился.

— Какъ же воеводы порѣшили?

— А порѣшилъ, вишь, князь Григорій Мартыаша на томъ же самомъ зубцѣ повѣсить, съ котораго онъ вѣстями съ Салѣгой обсылался.

— По дѣломъ ему измѣннику!—загудѣла толпа.

— А Нѣмкò-то гдѣ же?—Не видно его чтò-то?

— Какъ только онъ измѣну доказалъ, и увидѣлъ, что Мартыашу не вырваться изъ рукъ у воеводы, такъ онъ опять ушелъ къ Ананью въ келью, сѣлъ на полу у лавки, на которой тотъ лежитъ,—и сидитъ, не шелохнется, все въ глаза Ананьи смотреть...

— А тотъ, бають, и до обѣда не доживетъ.—Ужъ и безъ памяти, и языка лишился—еле дышетъ!

— Жаль Ананья! Жаль и Нѣмкà! Вѣдь онъ, поди-ка, безъ Ананьи пропадетъ...

И точно, къ вечеру—Ананьи не стало. Вѣсть о смерти его облетѣла всю обитель. Собралась толпа къ двери его кельи. Обмыли тѣло, одѣли въ чистую рубаху и порты, и положили на лавку, подѣ образами. Нѣмкò все это видѣлъ, и не тронулся съ своего мѣста: все время сидѣлъ онъ на полу, около лавки, понутивъ голову и какъ-то растерянно поводя кругомъ глазами. Такъ просидѣлъ онъ и всю ночь, до ранняго утра, когда братія монастырская пришла съ носилками, чтобы нести останки Ананьи Селевина для отпѣванія въ церковь, а потомъ—въ могилу. Тѣло обвили чистымъ холщевымъ саваномъ и безъ гроба положили на носилки: въ обители давно ужъ не было ни колодъ, ни досокъ на гробы для погребенія умирающихъ... Нѣмкò поднялся съ полу, и побрелъ за носилками къ церкви. Но въ церковь онъ не вошелъ, а легъ на паперти, положилъ на порогъ храма голову, и неподвижно, не шевеля ни единымъ членомъ, ни единымъ мускуломъ,¹ пролежалъ онъ такъ до самаго конца служенія... Когда же, наконецъ, Ананью понесли къ

¹истог. вѣсти., февраль, 1889 г., т. xxxv.

могилѣ—и Нѣмкѣ поднялся, и побрѣлъ туда же и, сидя на краю могилы, смотрѣлъ большими, широко-раскрытыми глазами на погребеніе, на останки друга, засыпаемые комьями земли, на людей, усердно работавших лопатами и заступами, на дымъ курильнаго каждаго каждаго, на хоръ монашествующей братьи, возглашавшій «вѣчную память» почившему герою.

Всѣ понемногу разошлись, и на мѣстѣ остался одинъ Нѣмкѣ. Когда онъ, оглядѣвшись, увидѣлъ, что онъ одинъ, онъ упалъ на могилу ничкомъ, обхватилъ могучими руками свѣжую, рыхлую насыпь, и неподвижно пролежалъ на могилѣ до вечера. Никто не смѣлъ подойти къ нему; никто не дерзалъ вступиться въ его горегореванье—нарушить его грусть-тоску по другѣ. Да и какъ вступить? что сказать ему? Какъ истолковать ему то состраданье, которое онъ невольно всѣмъ внушалъ своею великою, неутѣшною скорбью?

Однако же, подъ вечеръ, самъ князь Григорій Борисовичъ съ княжичемъ Иваномъ пришли къ могилѣ, подняли Нѣмкѣ подъ руки и указали ему путь къ своей кельѣ. Нѣмкѣ взглянулъ имъ въ очи, оглянулся на могилу и поплелся за ними, послушный, какъ ребенокъ.

VII.

Черезъ два дня князь Григорій назначилъ вылазку, на мельницу. Прослышалъ онъ отъ языковъ, что ляхи ищутъ отвести всю воду отъ обители, и съ этой цѣлью ведутъ большую копань около прудовъ. Имъ надо было помѣшать, работы ихъ разрушить и, прорвавъ плотину, наполнить рвы обители водою изъ мельничныхъ прудовъ. На это дѣло вызвались охотники и изъ стрѣльцевъ, и изъ казаковъ, и изъ крестьянъ обительскихъ—и отрядъ человекъ въ полтораста, на разсвѣтѣ, вышелъ изъ воротъ, около Соленой башни.

Самъ княжичъ выступилъ съ отрядомъ; а въ подручныхъ шли при немъ монахи: Паисій Литвиновъ, да конюшій старецъ Аѳанасій Ящеринъ, да сотникъ Никула Волжинскій—все закаленные въ бою и опытные воины. Впереди всѣхъ, какъ и прежде, въ томъ же шеломѣ и панцырѣ, съ тѣмъ же громаднымъ бердышемъ за плечами, шагаль Нѣмкѣ, вперяя взоры въ туманную даль и, по привычкѣ, безпрестанно оглядываясь во всѣ стороны.

Пробираться приходилось кустами и буераками, стараясь прикрыть движеніе отъ непріятельскихъ сторожей. Но движеніе замедлилось, а вѣтеръ, поднявшійся при солнечномъ восходѣ, разогналъ туманъ, такъ быстро, что враги замѣтили нашихъ раньше времени,—и въ ихъ окопахъ, близкихъ къ мельничной плотинѣ, вдругъ поднялась тревога. Зазвучали трубы, забили барабаны, по-

слышались призывные крики, и хоругвь за хоругвою стали выступать изъ окоповъ, на встрѣчу нашимъ смѣльчакамъ.

— Братцы!—крикнулъ княжичъ Иванъ—намъ ихъ не одолѣть! Ихъ высыпало вонъ сколько—пожалуй и за тысячу наберется; а у насъ и всего-то сотни полторы.—Не повернуть ли къ обители?

— Хотъ и ворочай, княже,—сказалъ Паисій,—намъ смерти не миновать! Ужъ лучше же дадимъ отпоръ имъ, станемъ биться, а въ обитель вѣсть пошлемъ, чтобы шли на выручку.

И только наши успѣли занять пригорокъ надъ овражкомъ, какъ ужъ первая хоругвь польскихъ латниковъ подскакала къ переднимъ рядамъ троицкихъ сидѣльцевъ на разстояніи пистолетнаго выстрѣла.

— Ага! Пся кровь! Галганы-мнихи, попались! мы теперь нарубимъ изъ васъ говядины для нашихъ хортовъ! Накормимъ вашей кровью свиней!..

Въ отвѣтъ на ругань раздались съ нашей стороны выстрѣлы и съ полсотни стрѣлъ полетѣло на встрѣчу врагамъ. Нѣсколько всадниковъ попадали съ коней; кони подъ ними пали на колѣни, опрокинулись, стали биться, вздымая пыль и прахъ. Но всадники слѣпились, и, подкрѣпленные ратью нѣмцевъ-копейщиковъ, полѣзли въ оврагъ, перешли черезъ него, и съ крикомъ стали взбираться на пригорокъ, стараясь окружить горсть троицкихъ сидѣльцевъ. Впереди всѣхъ лѣзли какіе-то двое: усатые, громадные ростомъ, страшные видомъ—завзятые удалцы и бойцы на славу. Всѣ шли за ними, съ увѣренностью въ побѣдѣ, всѣ смотрѣли на нихъ, какъ на вождей!

И имъ-то на встрѣчу выступилъ Нѣмкѣ... Онъ ринулся впередъ, за нимъ рванулись и другіе, кто посильнѣе и похрабрѣе... Обѣ стороны сошлись грудь съ грудью. Крики, ругань, стукъ оружія и звонкіе удары его о доспѣхи—все на мигъ слилось въ одинъ страшный гулъ.

— Братцы!—Не выдавай Нѣмкѣ!—кричалъ князь Иванъ,—не выдавай—вонъ онъ врубился въ середину ихъ! Вонъ!

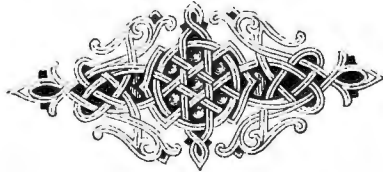
— Не выдавай его! Впередъ!—кричалъ старецъ Паисій, махая широкимъ тесакомъ.

А Нѣмкѣ уже рубился, какъ левъ. Онъ ошеломилъ одного литвина ударомъ бардыша по головѣ, другому разрубилъ плечо, третьему снесъ голову... Враги попятились отъ него въ сторону,—а онъ за ними, увлекая своихъ... Высоко вздымался его бердышъ и тяжело опускался онъ на головы враговъ—и не было около него той силы, которая могла бы остановить этого расходившагося богатыря, видимо искавшаго смерти,.. За нимъ, сплошной стѣной, съ обычнымъ крикомъ: «Сергій! Сергій!»—устремилась съ пригорка монахи, слуги, дѣти боярскіе, стрѣльцы и казаки. Все смѣшалось въ общей, ожесточенной, безумной, кровавой рукопашной свалкѣ...

Къ нашимъ подоспѣла въ-время подмога,—враги не выдержали натиска и отступили.

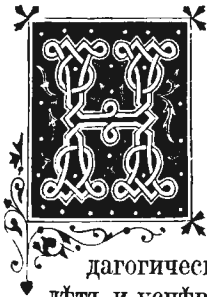
Сбиваясь въ кучу, и собираясь въ обратный путь къ обители, стали считать и подбирать убитыхъ на этой неудачной вылазкѣ; и между убитыми нашли Нѣмкѣ. Вражья пуля угодила ему въ самый лобъ, другая пробила панцырь прямо противъ сердца. Онъ лежалъ навзничъ, широко раскинувшись на грудѣ труповъ, и могучая рука его закованная въ рукоятку бердыша съ зазубреннымъ и поломаннымъ лезвиемъ. Онъ страшно отомстилъ врагамъ за смерть Ананья и палъ, какъ честный воинъ въ честномъ бою! Честно его и схоронили въ стѣнахъ обители. И много разъ, на его могилкѣ, вспоминали о немъ добрымъ словомъ... Но никто не могъ сказать: откуда родомъ былъ этотъ Божій воинъ, и почему, покинувъ станъ Сапѣги, перешелъ на сторону дѣла праваго. Нѣмкѣ унесъ съ собою свою тайну въ могилу.

П. Полевой.

ВЛАДИМИРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ СТОЮНИНЪ¹⁾.

ОЯБРЯ 4-го 1888 года скончался, 62 лѣтъ отъ роду, извѣстный педагогъ и писатель Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ. Съ чувствомъ неподдѣльной скорби встрѣтило русское общество эту печальную вѣсть: съ арены общественной дѣятельности сошелъ въ могилу еще одинъ честный и убѣжденный человѣкъ, проработавшій неустанно на педагогическомъ и литературномъ поприщѣ въ теченіе сорока лѣтъ и успѣвшій снискать себѣ за это время общее уваженіе и любовь. В. Я. Стоюнинъ, получивъ воспитаніе и образованіе въ эпоху 40-хъ годовъ, усвоилъ все лучшее и чистое, что выработала передовая русская мысль того времени. Суровая дѣйствительность, окружавшая его съ юныхъ лѣтъ, закалила его характеръ въ борьбѣ съ обстоятельствами, выработала въ немъ серьезный взглядъ на жизнь и приучила къ упорному труду и точному исполненію своихъ обязанностей. Уяснивъ себѣ недостатки нашей общественной жизни, особенно рельефно выразившіеся въ постановкѣ у насъ педагогическаго дѣла и семейнаго строя, въ низкомъ уровнѣ развитія общественной жизни въ связи съ общественными идеалами, Владиміръ Яковлевичъ въ цѣломъ рядѣ публицистическихъ, научныхъ и педагогическихъ произведеній, указывалъ на эти пробѣлы нашей жизни, настойчиво проповѣдуя необходимость самоусовершенствованія и саморазвитія, согласно съ требованіями истинной нравственности и европейскаго просвѣщенія, безъ разрыва, однако, связи съ прошлымъ своего народа, его преданіями и идеалами. Какъ прак-

¹⁾ Источниками для настоящей статьи послужили всѣ печатные труды В. Стоюнина, а также неизданные дневники и письма къ женѣ, за доступъ къ которымъ авторъ приноситъ свою искреннюю признательность вдовѣ покойнаго. Маріи Николаевнѣ Стоюниной.

тикъ-педагогъ, какъ общественный дѣятель, Стоюнинъ не входилъ никогда въ компромиссъ съ своею совѣстью, не поступался своими убѣжденіями и громко подымалъ голосъ тамъ, гдѣ слышалъ ложь и узкое своекорыстіе. Эта цѣльность нравственнаго облика, стойкость убѣжденій и просвѣщенный взглядъ на жизнь и ея требованія, причиняли покойному не мало непріятностей съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ, но за то снискали ему уваженіе всего русскаго образованнаго общества, столь ярко выразившееся на его похоронахъ и въ цѣломъ рядѣ газетныхъ и журнальныхъ статей, посвященныхъ его памяти и оцѣнкѣ его дѣятельности.

I.

Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ происходилъ изъ обѣднѣвшей купеческой семьи. Предки и родители его вели нѣкогда обширную торговлю въ Костромѣ и считались людьми съ очень хорошимъ достаткомъ; но какія-то предпріятія разстроили дѣла отца Стоюнина, и онъ, потерявъ состояніе, переѣхалъ на жительство въ Петербургъ. Не смотря на трудное матеріальное положеніе семьи, когда мальчикъ подросъ и настала пора учиться, онъ былъ помѣщенъ въ лучшее тогда частное нѣмецкое Анненское училище.

Но не свѣтлыя воспоминанія сохранилъ на всю свою жизнь юный ученикъ объ этомъ разсадникѣ нѣмецкой педагогики: обыкновенное сѣченіе и сѣченіе по ладонямъ, или какъ тогда называли, «по рукамъ» считалось начальствомъ лучшимъ педагогическимъ приѣмомъ въ отношеніи провинившихся дѣтей. «Рѣдкій день проходилъ,—говоритъ Стоюнинъ въ своей статьѣ «Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ»¹⁾, чтобы изъ того или другого класса въ дверяхъ корридора не слышался голосъ кого-либо изъ педагоговъ: Schuldiner, Ruthen! Тотчасъ же являлся въ классъ шульдинеръ (сторожъ) съ двумя пучками розогъ подъ мышкою и здѣсь находилъ нѣсколькихъ мальчиковъ, стоявшихъ передъ каедрой учителя, съ которыми ему предстояло имѣть дѣло... Обыкновенно, послѣ шести-осьми ударовъ, ладони и пальцы наливались кровью, вспухали и послѣ долго горѣли и дрожали, когда приходилось писать. Впрочемъ, не всѣ изъ преподавателей любили пользоваться услугами шульдинеровъ; болѣе свирѣпые приносили съ собою пучокъ розогъ и расправлялись сами, не сходя даже съ высокой каедрой, а подзывая къ ней провинившагося.

Можетъ быть, въ этихъ первыхъ дѣтскихъ школьныхъ впечатлѣніяхъ лежитъ основаніе той горячей проповѣди Стоюнина во все

¹⁾ XXV лѣтъ. («Борникъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ».

время его педагогической дѣятельности противъ всякаго насилія, наказанія и угрозы въ дѣлѣ воспитанія.

Послѣ двухъ лѣтъ ученія въ Анненскомъ училищѣ, Стоюнинъ былъ переведенъ въ казенную 3-ю с.-петербургскую гимназію, тоже считавшеюся въ то время лучшею изъ остальныхъ гимназій. Но и русская гимназія въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній недалеко ушла отъ своего нѣмецкаго собрата; только здѣсь сѣченіе «по рукамъ» считалось варварскимъ, а процвѣтала обыкновенная порка. И какъ разъ въ день перехода въ новсе заведеніе, новичекъ-гимназистъ попалъ на знакомую по прежнему мѣсту сцену. «Инспекторъ, охотникъ до расправы въ этомъ родѣ, повѣствуетъ въ той же статьѣ Стоюнинъ, воспользовался случаемъ, когда оказалось нужнымъ безотлагательно выстѣчь одного пробинившагося ученика, присоединилъ къ нему нѣсколько другихъ, которые были у него на примѣтѣ за прежнія вины и устроилъ зрѣлище для того класса, въ который попалъ я. Насъ повели попарно въ специальную комнату, гдѣ было уже все приготовлено. Главный виновникъ неудовольствія начальства, оказался тщедушный, скромный мальчикъ, который при видѣ орудій казни рыдалъ, просилъ прощенія, но напрасно»...

«Эта сцена со всѣми подробностями глубоко врѣзалась въ моей памяти»,—замѣчаетъ авторъ статьи.

За то въ научномъ отношеніи 3-я гимназія въ то время стояла въ довольно благоприятныхъ условіяхъ. Такіе опытные педагоги какъ директоръ Буссе, преподаватель Свенске и нѣкоторые другіе, оказывали доброе вліяніе на умственное и нравственное развитіе учениковъ.

Въ молодомъ и даровитомъ гимназистѣ рано проснулась жажда познанія, любовь къ наукѣ, поэзіи и искусству. Уже въ младшихъ классахъ принимается онъ за стихотворство и нѣкоторыя пробы пера доставляютъ ему среди товарищей славу поэта и писателя. какъ напр. его стихотвореніе ¹⁾ «Колокольчикъ», пользовавшееся въ гимназіи большою популярностью и кончавшееся словами:

«Какъ желалъ бы я на волѣ
 «Безъ звонка жить хоть годокъ,
 «Но, увы! Не только въ школѣ,
 «Въ жизни также есть звонокъ.
 «Наши нужды что такое,
 «Какъ не долгій звонъ къ трудамъ.
 «Отъ трудовъ же звонъ покоя.
 «То отшествіе къ отцамъ».

Развиваясь въ этомъ направленіи, на 15-мъ году жизни Стоюнинъ почувствовалъ, что гимназическое преподаваніе не удовле-

¹⁾ «Сѣв. Вѣстн.» 1887 г. XII.

творяеть его духовнымъ потребностямъ. Явилось желаніе объяснить себѣ такія стороны настоящей и прошлой исторической жизни своего государства, которыхъ не затрогиваль преподаватель исторіи Турчаниновъ на классныхъ урокахъ. Гдѣ же искать объясненій, какъ пополнить сознанный пробѣлъ? Чтеніемъ? но книгъ было трудно достать: для покупки не было денегъ, а гимназическія бібліотеки существовали не для учениковъ; и вотъ онъ узнаеть о существованіи въ Петербургѣ Публичной Библіотеки, широко отворяющей 3 раза въ недѣлю двери передъ всякимъ являющимся туда съ жаждою знанія. Какъ же было соединить время классныхъ занятій съ посѣщеніемъ бібліотеки? Классы въ гимназіи продолжались съ 8 час. утра до 12^{1/2} час. пополудни и потомъ послѣ 2-хъ часовъ промежутка, который назначался на обѣдъ и отдыхъ, до 4-хъ часовъ, а вечеръ служилъ для приготовленія уроковъ, въ которыхъ въ строго-классической гимназіи не было недостатка, такъ что приходилось жертвовать промежуточнымъ временемъ отъ 12^{1/2} до 2^{1/2} часовъ и объ обѣдѣ не думать. «И вотъ три раза въ недѣлю,—повѣствуетъ Владиміръ Яковлевичъ въ своей статьѣ «Безъ исторіи и преданій»¹⁾,—два-три гимназиста съ голоднымъ желудкомъ направлялись съ своихъ школьных скамеекъ въ бібліотеку съ тѣмъ, чтобы черезъ два часа возвратиться на тѣ же скамейки. Чтобы подавить бурчанье желудка, покупали у Гостиннаго двора трехкопеечную сайку, прятали ее въ карманъ форменнаго сюртука и потомъ уже съѣдали, сидя за книгою въ читальной залѣ бібліотеки, по возможности скрытно отъ другихъ читателей». Но и эти минуты наслажденія отравлялись суровымъ отношеніемъ къ любознательнымъ гимназистамъ бібліотекарей. Послѣдніе, не зная, конечно, какъ труденъ по условіямъ жизни доступъ въ читальню учащимся въ среднихъ казенныхъ школахъ, проявляли свое открытое неудовольствіе юнымъ читальщикамъ за то, что тѣ брали книги на столь короткое время. «Что, грѣться сюда пришли?»— встрѣчалъ иной желчный бібліотекаръ гимназиста, отдающаго черезъ какой-нибудь часъ обратно книгу. Вспыхнетъ, сторить отъ стыда бѣдный школьникъ подъ насмѣшливыми взглядами окружающей публики и дай Богъ скорѣе ноги въ классъ, гдѣ тоже грозитъ за опозданіе непривѣтливая встрѣча съ начальствомъ. Не смотря, однако, на эти мелкія неприятности, Публичная Библіотека дала много духовной пищи Стоюнину. Здѣсь онъ съ жадностью прочиталь нѣсколько исторій о Петрѣ Великомъ, исторію Малороссіи, описаніе Отечественной войны и войнъ послѣдующихъ годовъ съ французами Михайловскаго-Данилевскаго, перебраль «Вивлюэику» Новикова и проглотилъ массу переводныхъ книгъ и сочиненій разныхъ рус-

¹⁾ «Древн. и Нов. Россія», 1879 г., кн. 1. .

скихъ поэтовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвело на Стоюнина чтеніе исторіи Отечественныхъ войнъ: здѣсь онъ почерпнулъ тотъ горячій патріотизмъ, который впослѣдствіи выставлялъ какъ могучую силу, способную направить общество и народъ ко всему лучшему. Въ 1845 г., при вступленіи въ управленіе петербургскимъ учебнымъ округомъ М. Н. Мусина-Пушкина, вышло распоряженіе о введеніи въ гимназіяхъ литературныхъ бесѣдъ, имѣвшихъ цѣлью возбудить соревнованіе между воспитанниками гимназій. Бесѣды эти устраивались по одному разу въ недѣлю въ свободное отъ занятій время для воспитанниковъ VI и VII классовъ, въ присутствіи и при участіи начальства гимназіи, учителя русскаго языка и преподавателя того предмета, къ которому относилось представленное сочиненіе. Въ январѣ 1846 г. въ 3-й гимназіи происходила первая литературная бесѣда, на которую представили свои сочиненія воспитанники VII класса: Стоюнинъ «Бѣглый взглядъ на исторію образованія» и Мельниковъ «Изображеніе характера правленія Іоанна III». Сочиненія эти признаны были вполне удовлетворяющими требованіямъ теоріи словесности и правиламъ языка, а о сочиненіи Стоюнина сказано: «во всемъ сочиненіи замѣтны нетвердость, неопытность автора; нигдѣ не видно, что собственно разумѣеть онъ подъ образованіемъ. Есть, впрочемъ, замѣчанія основательныя. Выборъ темы, кажется, не по силамъ автора, но можетъ служить доказательствомъ его любознательности».

Весною того же года Стоюнинъ кончилъ курсъ гимназіи, но только въ январѣ 1847 г., по исключеніи изъ подушнаго оклада¹⁾, былъ зачисленъ своекоштнымъ студентомъ С.-Петербургскаго университета философскаго факультета, историко-филологическаго отдѣленія, разряда восточной словесности. Почему Стоюнинъ остановилъ свой выборъ на этомъ факультетѣ, сохранилось его собственное признаніе, записанное въ дневникѣ 1879 г.

«... Поступая на этотъ факультетъ, я мечталъ о службѣ въ Персіи или въ Турціи при нашемъ посольствѣ. Служба эта рисовалась мнѣ въ привлекательныхъ чертахъ. Востокъ манилъ меня къ себѣ. Въ ранней юности я любилъ жить воображеніемъ, отдаваться мечтательности. Литературный романтизмъ имѣлъ на меня вліяніе, сдѣлалъ меня чуть ли не поэтомъ, по крайней мѣрѣ стихотворцемъ, а сухая окружающая дѣйствительность наводила уныніе или раздраженіе. Обыкновенная дорога молодому человѣку, кончившему курсъ въ гимназіи—идти въ университетъ, а изъ университета служить. Никому не приходило въ голову о возможности какъ-нибудь иначе распорядиться собою... Быть чиновникомъ мнѣ крайне не хотѣлось.

¹⁾ Послѣ потери состоянія, отецъ Стоюнина перечислился въ мѣщанское сословіе.

Машинальная работа мелкаго чиновника казалась мнѣ противною и совершенно не согласовалась съ моимъ характеромъ и духомъ, склоннымъ къ поэзіи. Быть учителемъ—я также не чувствовалъ расположенія. Тогда я не понималъ высокаго значенія этого призванія, и о трудахъ учителя судилъ по впечатлѣніямъ отъ своихъ учителей, которые, командуя нами, трепетали передъ грознымъ попечителемъ, извѣстнымъ Мусинымъ-Пушкинымъ. У меня были свои идеальныя стремленія, влекшія меня къ какой-то широкой дѣятельности, и при томъ свободной, не гнетущей надъ духомъ, которая могла бы привести не къ чинамъ, даже не къ богатству, что ставили себѣ на видъ мои сверстники, а къ извѣстности, къ славѣ. Поприще писателя мнѣ нравилось въ особенности; съ самого дѣтства я съ большею охотою упражнялъ себя въ стихахъ и въ прозѣ. Но какъ остаться безъ чина? Чинъ, говорили, необходимъ для каждаго, кто хочетъ обращаться въ образованномъ кругу. Безъ чина нѣтъ у насъ жизни, безъ чина ты неполноправный человѣкъ и рискуешь на всякія оскорбленія. Всякій писатель, поэтъ, ученый гдѣ-нибудь да служить. Чиновнику, который самъ себѣ долженъ былъ пробивать дорогу, отъ службы отвертываться не было возможности. Впрочемъ, я не долго думалъ какого рода службѣ посвятить себя. Я любилъ читать путешествія въ особенности на мусульманскій востокъ: природа, историческія воспоминанія, совсѣмъ особенныя нравы, красота женщинъ увлекали мое воображеніе. Кто-то мнѣ сказалъ, что кандидатъ по восточной словесности—можетъ поступить въ министерство иностранныхъ дѣлъ въ приготовительный пансіонъ и оттуда черезъ два года поплотъ на службу при нашемъ посольствѣ въ Константинополь, или въ Тегеранъ, или въ Каиръ. Чего же было искать лучше этого? Ужъ если необходимо быть чиновникомъ, то лучше всего выбрать такую дорогу. Мнѣ представлялось столько поэзіи въ жизни востока, что я не прельщался болѣе ничѣмъ, и мой выборъ былъ сдѣланъ».

Таково было душевное настроеніе молодого студента, переступающаго порогъ высшаго учебнаго заведенія. Но какова же была университетская жизнь того времени, каковъ былъ наличный составъ профессоровъ? На эти вопросы отчасти отвѣчаетъ самъ Стоюнинъ въ только-что цитированномъ нами дневникѣ.

«Я на первый же годъ ревностно принялся за изученіе арабскаго языка,—говоритъ онъ.—Но, къ сожалѣнію, въ эти годы ученый составъ оказался крайне плачевенъ. Сенковскій, свѣтило факультета, въ этотъ годъ оставляетъ университетъ. Его мѣсто занимаетъ молодой профессоръ, магистръ Казанскаго университета, только-что возвратившійся съ востока, куда его посылали на казенный счетъ, Диттель. Онъ ревностно принялся было за дѣло и, можетъ быть, былъ бы намъ очень полезенъ, если бы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не похитила его холера. Мы остались безъ про-

фессора и съ плохой подготовкой въ арабскомъ языкѣ. Принялись за изученіе персидскаго языка у Мирзы Тобчибашева... Онъ умѣлъ говорить поперсидски, потатарски, погрузински, но и только; учености у него никакой не было, а помогать начинающимъ студентамъ онъ былъ не въ силахъ. Его лекціи проходили за рассказами на ломанномъ русскомъ языкѣ разныхъ анекдотовъ. Пришлось самоучкой при самыхъ скудныхъ учебныхъ пособіяхъ знакомиться съ языкомъ и, конечно, сдѣлать немного. На третій годъ, когда слѣдовало перейти къ турецкому языку, мы его почти не начинали: профессоръ Мухлинскій, вновь вступившій на службу послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія, изрѣдка только посѣщаль лекціи по болѣзни».

На этомъ оканчиваются воспоминанія Стоюнина объ ученой корпораціи восточнаго факультета, но если составъ спеціалистовъ-восточниковъ, по его признанію, былъ невысокаго качества, зато такіе профессора, какъ Устряловъ, Плетневъ, Никитенко, Манцини, какъ это видно изъ «Исторической записки», составленной къ 50-ти-лѣтнему юбилею Спб. университета профессоромъ Григорьевымъ, изъ воспоминаній современниковъ и, наконецъ, по ходу занятій и послѣдующей дѣятельности самого Стоюнина, стояли на высотѣ своего призванія и съ полнымъ успѣхомъ вели преподаваніе своихъ предметовъ.

Н. Г. Устряловъ, человѣкъ знающій, трудолюбивый, но далеко не даровитый, заботился преимущественно о фактической сторонѣ знаній своихъ слушателей и главнымъ образомъ по исторіи Петра Великаго. Лекторъ Манцини читаль курсъ итальянскаго языка. Съ 1847 по 1848 г. для разъясненія тонкостей итальянскаго стиля съ упражненіемъ въ декламаціи студенты читали подъ его руководствомъ Данта и Тасса: живое преподаваніе Манцини привлекло къ себѣ вниманіе Стоюнина и онъ ревностно принялся за изученіе итальянскаго языка: въ числѣ его рукописей, сохранившихся отъ времени университетской жизни, находится и переводъ «Божественной Комедіи». Но особенно полезны были для молодого студента, склоннаго къ изученію поэзіи и словесности, лекціи Плетнева и Никитенки. Первый читаль «исторію русской литературы отъ первыхъ памятниковъ отечественной словесности до нынѣшняго времени», въ связи съ историко-критическимъ объясненіемъ произведеній отечественной литературы; въ этомъ объясненіи онъ соединялъ «взглядъ на успѣхи умственныхъ силъ вообще съ характеристикой самого искусства, въ перемѣнахъ котораго показывалъ развитіе духовной жизни націи». Кромѣ того, онъ «умѣлъ возбудить въ слушателяхъ охоту пробовать силы свои въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній». Унаслѣдовавъ послѣ Пушкина «Современникъ» и благоговѣя передъ памятью поэта, и кромѣ того, занятый приготовленіемъ къ печати труда «Жизнь

и сочиненія И. А. Крылова», Шлетневъ предложилъ студентамъ темою для сочиненія на соисканіе награды въ 1847—48 академическомъ году: «разсмотрѣть сочиненія Крылова и Пушкина, при чемъ опредѣлить, какія стороны русской народности изобразилъ каждый изъ нихъ, въ чемъ состоитъ особенность поэзіи того и другого, способствовали ли они успѣхамъ поэзіи вообще, какъ искусства, внесли ли новыя истины въ умственную жизнь современниковъ, и чѣмъ каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на совершенствованіе русскаго языка». Въ числѣ соискателей награды явился студентъ II-го курса Владиміръ Стоюнинъ, удостоившійся за свою работу полученія почетнаго отзыва. Такимъ образомъ значеніе поэзіи Пушкина, характеръ гениальнаго писателя, столь прекрасно разработанные въ 1870 г. Владиміромъ Яковлевичемъ въ его историческомъ трудѣ «Пушкинъ», обратили на себя его вниманіе еще на университетской скамьѣ подъ непосредственнымъ вліяніемъ Шлетнева.

Большимъ вниманіемъ своихъ слушателей и уваженіемъ ихъ пользовался другой симпатичный профессоръ, А. В. Никитенко, читавшій «русскую словесность и исторію ея съ практическими упражненіями и филологическимъ и эстетическимъ анализомъ отечественныхъ писателей». Вотъ отзывъ одного изъ его слушателей о характерѣ этихъ лекцій¹⁾: «проводя въ чтеніяхъ своихъ путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, профессоръ Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотою, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія». Эта проповѣдь о значеніи эстетики въ жизни пала въ душѣ Стоюнина на благодатную почву. Вотъ почему Владиміръ Яковлевичъ до конца остался горячимъ поборникомъ значенія эстетическаго развитія въ жизни человѣческой, какъ фактора, направляющаго человѣка къ нравственнымъ цѣлямъ жизни.

Своими знаніями итальянской литературы, а также лекціями и статьями профессора Никитенки, Стоюнинъ воспользовался, чтобы самому попытать свои силы на самостоятельной статьѣ. Съ этою цѣлью онъ составилъ очеркъ подъ заглавіемъ: «О вліяніи христіанства и язычества на искусство и литературу». Редакція «Библиотеки для Чтенія» приняла этотъ очеркъ и напечатала его въ 1848 г. подъ заглавіемъ «Искусство и литература въ древнемъ и новомъ мірѣ».

¹⁾ Изъ біографическаго очерка «Василій Ивановичъ Водовозовъ» В. Семенова.

Помимо курсовыхъ занятій и изученія лекцій своихъ профессоръ, Стоюнинъ жадно читалъ все, выходившее въ то время по русской исторіи и словесности. Труды молодыхъ ученыхъ С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Буслаева, познакомили его съ историческими пріемами научныхъ изслѣдованій жизни и научили лучше понимать цѣли и стремленія исторической науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ зародили скептическое отношеніе къ старымъ научнымъ методамъ и авторитетамъ и стремленіе понять окружающую соціальную дѣйствительность въ связи съ историческимъ прошлымъ своего народа. Явился скептицизмъ и въ отношеніи этого прошлаго: такъ ли оно представлено въ патріотическихъ твореніяхъ писателей, старательно рекомендованныхъ въ средней школѣ и не опровергнутыхъ въ высшей. Нужно замѣтить, что университетская жизнь 40-хъ годовъ велась кружками, въ которыхъ молодые люди, по свидѣтельству Владиміра Яковлевича въ ст. «Безъ исторіи и преданій»¹⁾, «много читали, имѣли своихъ любимцевъ писателей и ученыхъ, охотно и даже страстно спорили о разныхъ вопросахъ жизни, которые являлись изъ чтенія тогдашней политической экономіи или философскихъ и даже религіозныхъ статей, не говоря уже о русской беллетристикѣ, которая жадно читалась и обсуживалась». Развитію кружковъ въ университетѣ, отличавшихся, впрочемъ, по свидѣтельству Стоюнина, разными наивными стремленіями и интересами, содѣйствовали значительно политическія обстоятельства того времени: «волненія въ западной Европѣ въ эпоху 1848—49 гг. отразились на нашихъ университетахъ» говоритъ профессоръ Григорьевъ въ своей «Исторической запискѣ». И дѣйствительно, мы видимъ цѣлый рядъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ, противъ академической свободы: воспрещеніе отпусковъ и командировокъ за границу, ограниченіе числа своекоштныхъ студентовъ философскаго и юридическаго факультетовъ, запрещеніе профессорамъ «изъявлять на лекціяхъ «въ неумѣренныхъ выраженіяхъ сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ» или доказывать, что перемѣна въ отношеніяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ была бы полезна для государства»²⁾: Цензурныя стѣсненія журналистики и печати породили цѣлый рядъ, такъ называемыхъ, запрещенныхъ сочиненій, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ получили особенное распространеніе въ обществѣ, а отсюда въ кружкахъ молодежи. Пѣсни Беранже, сочиненія Мицкевича, «Histoire de dix ans» Луи Блана, были тѣми книжками, изъ которыхъ молодежь черпала отрывочныя знанія, раздражавшія ихъ идеальныя стремленія противорѣчіемъ съ ними дѣйствительности. А вмѣстѣ съ тѣмъ обратиться къ своимъ учителямъ за разъясне-

¹⁾ «Древняя и Новая Россія», 1879 г., кн. 1.

²⁾ В. И. Семевскій, «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка».

ніемъ того, насколько свѣдѣнія, почерпнутыя изъ запрещеннаго источника, соотвѣтствуютъ прошлому родины и нуждамъ народа, было невозможно, такъ какъ учителя по своему положенію должны были или замалчивать или окрашивать въ другую краску многія явленія исторической жизни государства. «Добрые наставники, говоритъ Владиміръ Яковлевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о томъ времени въ статьѣ «Безъ исторіи и преданій», старались оберегать насъ отъ преждевременнаго скептицизма, но не знали, что тѣмъ болѣе лжи приходилось намъ слушать и читать... тѣмъ сильнѣе и скорѣе высказывалось противорѣчіе всего этого съ тѣми преданіями... (которые) слушались изъ устъ людей близкихъ, передавались часто шопотомъ, какъ тайна и тѣмъ болѣе находили вѣру въ нашихъ сердцахъ... И вотъ историческая тайна и правда сдѣлались для насъ какъ бы синонимами; естественно, что мы искали правды тамъ, гдѣ начинали рассказъ шопотомъ... всѣ наши историческія представленія, развившіяся изъ тайныхъ преданій, не отличались ясностью, хотя и проникались нашими симпатіями или антипатіями. Это не служило въ пользу нашихъ правильныхъ отношеній къ дѣйствительности и жизни».

Такимъ образомъ, къ концу университетскаго курса мы видимъ въ душѣ Стоюнина разладъ, тоску, чувство неудовлетворенности и томленія, но суровая дѣйствительность, нужда, требовавшая постоянной активной дѣятельности, не позволили перейти этому чувству въ чувство озлобленія, отчаянія и отрицанія. Его спасла также природная и получившая полное развитіе въ учебныхъ заведеніяхъ, подъ вліяніемъ наставниковъ, склонность къ поэзіи и эстетикѣ, любовь къ наукѣ, въ которыхъ онъ умѣлъ находить примиряющую силу, указаніе на то, что существуютъ высшія начала, стремясь къ которымъ человѣкъ можетъ все превзойти и явиться истиннымъ другомъ человечества при всякихъ условіяхъ, даже самыхъ неблагоприятныхъ; но тѣмъ не менѣе это чувство разлада не скоро улеглось въ душѣ Стоюнина и потребовалось почти пять лѣтъ жизни, чтобы окрѣпить въ своихъ идеалахъ, отрѣшиться отъ романтическихъ порывовъ молодости и проникнуться полнымъ сознаніемъ своихъ обязанностей передъ обществомъ и государствомъ. Въ 1850 г. онъ успѣшно окончилъ курсъ университета и, по представленіи диссертациі на тему «Книга совѣтовъ Шейха-Феридъ-Эудинъ Аммара», былъ утвержденъ въ званіи кандидата историко-филологическаго факультета, разряда восточной словесности.

II.

И вотъ двери учебнаго заведенія открыты, нужно выбрать себѣ опредѣленный жизненный путь. Но куда идти? Какъ примирить романтическіе порывы души съ окружающею дѣйствительностью.

«Знаній, необходимыхъ уму для уясненія своей исторической жизни, не было, говорить Стоюнинъ въ своихъ воспоминаніяхъ¹⁾... Почувствовалась... позади себя какая-то пустота въ то время, когда нужно было выбирать опредѣленную дорогу для общественной жизни... Куда направить себя, какъ служить дѣлу съ пользою? Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы ничѣмъ не были подготовлены...» Тѣснимый нуждою, Стоюнинъ продолжаетъ давать въ частныхъ домахъ уроки, которые составляли источникъ его жизни и въ теченіе учебныхъ годовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ удѣляетъ все больше времени литературнымъ занятіямъ, печатая свои произведенія въ «Вѣдомостяхъ С.-Петербургской городской полиціи», «Библиотекѣ для Чтенія», «Сынѣ Отечества». Наиболѣе выдающеюся за это время статьею его должна считаться «Яковъ Борисовичъ Княжнинъ». Тутъ впервые начинающій писатель познакомился съ цензурными строгостями начала 50-хъ годовъ. Дополнительные свѣдѣнія о Княжнинѣ въ 12-й кн. «Сына Отечества» подверглись значительнымъ урѣзкамъ со стороны цензора Елагина, такъ что только черезъ восемь лѣтъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» Стоюнинъ получилъ возможность ознакомить читающихъ со всѣмъ безобиднымъ матеріаломъ для характеристики Княжнина.

Въ концѣ 1852 года жизнь улыбнулась Стоюнину: начальство 3-й с.-петербургской гимназіи предложило ему занять въ этомъ заведеніи мѣсто старшаго преподавателя русскаго языка и словесности. Нечего и говорить, конечно, съ какою радостью принялъ Стоюнинъ это мѣсто. Съ этимъ вмѣстѣ измѣнилось къ лучшему и его матеріальное положеніе. Роль преподавателя словесности, которую такъ горячо любилъ молодой педагогъ, пришлась ему по сердцу. Въ этой области еще предстояло много самостоятельной работы и, хотя преподаваніе этого предмета подъ вліяніемъ попечителя М. Н. Мусина-Пушкина, придававшаго большое значеніе этому предмету, измѣнилось съ 1851 года къ лучшему, тѣмъ не менѣ старые схоластическіе приемы еще продолжали царить съ полною силою. Уже къ концу 1853 года Стоюнинъ въ донесеніи директору гимназіи такъ характеризовалъ свое преподаваніе²⁾: «Въ отношеніи къ языку мною обращалось главное вниманіе на то, чтобы воспитанникъ научался легко и правильно владѣть имъ, какъ изустно, такъ и письменно, чтобы онъ подъ конецъ могъ сознательно представить себѣ всю систему языка, понимать его богатства и видѣть его историческое развитіе. Въ отношеніи словесности употреблено было стараніе внушить воспитанникамъ главныя теоретическія правила, выведенныя изъ образцовыхъ произведеній писателей отечественныхъ и иностран-

¹⁾ «Безъ исторіи и преданій».

²⁾ Историческая записка пятидесятилѣтія 3-й с.-петербургской гимназіи, составленная Н. Анничковымъ.

ныхъ, съ тѣмъ чтобы они могли вѣрно смотрѣть на литературныя произведенія и сами пользоваться тѣми же правилами; при этомъ весьма кратко излагался историческій ходъ литературъ иностранныхъ и гораздо въ большемъ объемѣ—литературы русской. Во всемъ этомъ главное вниманіе было устремлено на развитіе вкуса». Эти основы преподаванія значительно оживили интересъ въ ученикахъ къ изученію родного языка и словесности и привязали ихъ сердца къ молодому энергичному учителю русскаго языка. «Ученики г. Стоюнина, говоритъ авторъ «Исторической записки» о 3-й с.-петербургской гимназіи, всегда знали, на сколько дѣятеленъ ихъ преподаватель, какъ учитель и какъ ученый, и потому, цѣня каждое его слово, старались, въ свою очередь, выказать собственную работу, чтобы не заслужить неудовольствія любимаго наставника». Признавая, что существовавшіе до него учебники, особенно по грамматикѣ, не даютъ ученикамъ достаточныхъ серьезныхъ знаній и пониманій богатства и состава отечественнаго языка, Стоюнинъ задумалъ составить собственный «Курсъ высшей грамматики», каковой и вышелъ въ 1855 году. Появленіе этого труда было сочувственно встрѣчено попечителемъ М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ, который въ циркулярѣ по округу о преподаваніи русской словесности, такъ характеризовалъ занятія и нововышедшій трудъ: «Излагая свои курсы сообразно съ правилами, учитель былъ, однако, самостоятеленъ въ изложеніи: онъ преподавалъ по своимъ особеннымъ запискамъ, преимущественно же въ старшемъ курсѣ русскую грамматику. Эти записки вышли теперь въ свѣтъ и свидѣтельствуютъ объ умѣнїи г. Стоюнина соединить краткость изложенія съ отчетливостью въ выборѣ и даже съ обиліемъ подробностей». Въ это же время Владиміръ Яковлевичъ задумалъ и свои остальные труды по словесности, о чемъ и составилъ по начальству подробную записку объ учебникахъ для словесности съ предложеніемъ собственной программы. Хотя грамматика Стоюнина и была одобрена попечителемъ, однако, въ обществѣ на первыхъ порахъ она не встрѣтила достаточнаго сочувствія и редакція «Современника» въ своемъ отзывѣ объ ней назвала ее «безполезною».

Въ неизданныхъ запискахъ Стоюнина сохранилось интересное описаніе посѣщенія имъ академика Востокова по поводу выхода въ свѣтъ «Курса высшей грамматики».

«Сегодня ѣздилъ я къ Востокову съ своею грамматикою, записалъ 24-го апрѣля 1855 года въ своемъ дневникѣ Стоюнинъ. Онъ живетъ на Васильевскомъ островѣ, въ 4-й линїи, въ домѣ Бронниковскаго. Двери на парадной лѣстницѣ отперты настежь. Вхожу въ переднюю, крошечную и темную. Никого нѣтъ. Иду снова назадъ, звоню.—Выходитъ слуга.—Дома Александръ Христофоровичъ?—Дома!—Доложи: Стоюнинъ!—Пожалуйте такъ. Это меня немножко удивило: я не думалъ, чтобы къ русскому знаменитому

ученому былъ такой свободный доступъ. Вхожу въ гостиную, маленькую комнатку въ два окна и очень простенькую, безъ всякихъ претензій на украшеніе. Здѣсь мнѣ представились два женскія лица—пожилая дама и молодая дѣвушка, очень недурная. Раскланиваюсь и осматриваюсь—нѣтъ хозяина. Дѣвушка соскакиваетъ со стула и быстро подходитъ къ отворенной двери въ другую комнату:—Дяденька, васъ спрашиваютъ. За этимъ тотчасъ же появляется въ дверяхъ старичекъ средняго роста, сѣденькій, въ морщинахъ, въ застегнутомъ скюртукѣ. Вся его фигура, невольно внушающая уваженіе, обратилась ко мнѣ вопросительно.—Позвольте, Александръ Христофоровичъ, представить вамъ экземпляръ моей грамматики, которую вы уже просматривали и благодарить васъ за ваши замѣчанія, сдѣланныя на поляхъ моей рукописи. Онъ взялъ книгу и, повидимому, смѣшался, сталъ вертѣть ее, осматривать со всѣхъ сторонъ и какъ-будто пріискивалъ что сказать мнѣ. Мнѣ было не совсѣмъ ловко стоять передъ нимъ, потому что не слыша отъ него ни одного слова, я не находилъ, что еще сказать ему, женщины смотрѣли на насъ во всѣ глаза, и это еще больше затрудняло мое положеніе. Наконецъ, онъ раскрылъ книгу, посмотрѣлъ на заглавный листъ и спросилъ: вы Стоюнинъ?—Да, Стоюнинъ, отвѣчалъ я. И опять молчаніе.—Пожалуйте, сказалъ онъ, и мы сдѣлали нѣсколько шаговъ въ его кабинетъ, маленькую однооконную комнатку; у окошка стоялъ небольшой письменный столъ со многими бумагами; что еще было въ комнатѣ—я не замѣтилъ. Мы остановились, едва переступивъ порогъ и все-таки подъ внимательными взорами тѣхъ же женщинъ, потому что двери остались отперты. Я даже слышалъ, что молодая дѣвушка стала что-то шептать дамѣ и въ голосѣ ея слышалась усмѣшка. А Востоковъ опять сталъ вертѣть книгу. Неприятное молчаніе. Чтобы прервать его, я снова заговорилъ.—Я воспользовался вашими замѣчаніями, которыя нашелъ въ своей рукописи, и чувствительно благодарю васъ.—Да когда же я дѣлалъ замѣчанія?—наконецъ, спросилъ онъ, заикаясь; онъ заикается меньше, чѣмъ я думалъ по слухамъ.—Моя рукопись была послана въ Академію Наукъ отъ министра!—Не помню! въ раздумьи отвѣчалъ онъ.—Вотъ тебѣ на! подумалъ я, не совсѣмъ лестно, онъ даже не помнитъ, а я въ предисловіи благодарю его за ученые замѣчанія.—Хорошо, я просмотрю, прибавилъ онъ, и, смотря на меня, какъ-будто спрашивалъ: я все-таки не понимаю, чего ты отъ меня хочешь. Такъ какъ я ничего отъ него не хотѣлъ, то поклонился и хотѣлъ идти. Но онъ не отдавалъ поклона и, посмотрѣвъ еще секунду, спросилъ: вы гдѣ же теперь?—Я служу въ 3-й гимназіи учителемъ словесности. Опять молчаніе, опять онъ переминается съ ноги на ногу и не знаетъ, что сказать. Тутъ я уже рѣшительно поклонился и, получивъ отъ него привѣтливый поклонъ, отправился черезъ гостиную

къ передней, мимоходомъ поклонился дамамъ, отъ которыхъ встрѣтилъ тоже ласковый поклонъ. Востоковъ пошелъ вслѣдъ за мною до передней и, наконецъ, въ переднюю, гдѣ простоялъ все время, какъ радушный хозяинъ, пока человѣкъ подавалъ мнѣ пальто и я одѣвался. Я раскланялся окончательно, въ недоумѣннн, доволенъ или недоволенъ онъ моимъ посѣщеніемъ и тѣмъ знакомъ уваженія, которые я хотѣлъ ему выказать. Станный человѣкъ! Застѣнчивъ или нелюдимъ, или природный недостатокъ дара слова, что тутъ дѣйствуетъ при такомъ обращеніи.—Богъ его знаетъ. При всемъ томъ его наружность и вся окружающая его простота мнѣ очень понравились; видно, что онъ человѣкъ простой, добрый и не педантъ, хотя и оригиналь. Не всѣ русскіе ученые могутъ похвалиться этимъ. Эта встрѣча первая и, вѣроятно, послѣдняя съ Востоковымъ, извѣстнымъ всему славянскому міру».

Такова была педагогическая и ученая дѣятельность Владиміра Яковлевича въ первые пять лѣтъ по окончаніи курса въ университетѣ. Но эта дѣятельность далеко не наполняла той душевной пустоты, которая почувствовалась имъ особенно сильно въ началѣ 50-хъ годовъ; мечтательность и отвлеченная тоска по человѣческому счастью продолжали томить его. Эти чувства, по сознанію самого Стоюнина ¹⁾ «искали себѣ выхода въ посѣщеній историческихъ мѣстностей; думалось, что пустоту наполнять живыя впечатлѣнія отъ того, что осталось отъ старины». Съ этою цѣлью онъ предпринялъ путешествіе по Россіи: онъ посѣтилъ усадьбу Державина «Званку», чтобы полюбоваться тѣми берегами Волхова, которые производили впечатлѣніе на поэта, посѣтилъ Новгородъ, думая найти слѣды Новгорода-Великаго, былъ въ Троицко-Сергіевой лаврѣ, проѣхался по Волгѣ, Окѣ. Во всѣхъ этихъ странствованіяхъ и исканіяхъ сказывался еще непростывшій романтизмъ и преизбытокъ силъ, не нашедшихъ себѣ примѣненія. «Воспитанные отчасти на романтизмѣ,—говоритъ онъ по поводу своего путешествія,—въ юные годы мы всѣ были немножко романтиками. Это-то чувство направляло воображеніе воссоздать цѣлое по обломкамъ разрушеннаго, воспроизводить былую жизнь и переживать ее собственнымъ чувствомъ». Однако, эти «обломки разрушеннаго» не вполне удовлетворили его и не дали возможности воспроизвести былой жизни, но за то это путешествіе принесло молодому мечтателю большую пользу, ознакомивъ его съ отечественною дѣйствительностью, сблизило лицомъ къ лицу съ народной жизнью, ея нуждами и реальнымъ, а не фантастическимъ содержаніемъ. Въ это же время слагаются вполне его гражданскіе и соціальные идеалы, которые остались до конца жизни и легли въ основаніе многихъ его послѣдующихъ литературныхъ трудовъ и жизненныхъ дѣйствій.

¹⁾ «Безъ исторіи и преданій» «Древняя и Новая Россія».

Путешествіе его относилось къ 1855 году, когда вездѣ въ Россіи подъ вліяніемъ военныхъ дѣйствій замѣчался подъемъ патріотическаго чувства и рядомъ съ этимъ чувствовался близкій неминуемый конецъ старому порядку вещей. «Боже мой, когда присмотришься и прислушаешься ко всему тому, что дѣлается въ городахъ, какъ тяжело дѣлается на душѣ, какъ мало утѣшительнаго, какъ страшно за Россію!» — записалъ Стоюнинъ въ своемъ дневникѣ того времени. — «Гдѣ этотъ патріотизмъ, которымъ она хвалится, гдѣ эта преданность къ отчизнѣ. Разумный патріотизмъ выказалъ нѣсколько только одинъ Петербургъ; во всѣхъ прочихъ городахъ нѣтъ его рѣшительно. Въ подтвержденіе этого вижу и слышу факты одинъ за другимъ. Отечество не существуетъ здѣсь ни для дворянъ, ни для купцовъ; существуютъ только ихъ собственныя выгоды. Служащіе стремятся наживаться на счетъ казны и людей, съ которыми имѣютъ дѣло; помѣщики на счетъ крестьянъ, купцы и мѣщане на счетъ всѣхъ. Если бы могли знать, съ какимъ трудомъ выжимаютъ здѣсь всѣ пожертванія, о которыхъ громко возвѣщаютъ въ газетахъ... во многихъ уѣздахъ съ трудомъ могли набрать офицеровъ для ополченія и то кое-какихъ бездомныхъ... Даже Москва, которая изстари такъ хвалится патріотизмомъ и та въ настоящее время выказала жалкій, гнилой патріотизмъ. Она много кричала, но какъ дошло до дѣла, то нужно было всѣхъ принуждать почти силою, чтобы не осрамить первопрестольной... всѣ дѣйствуютъ только для себя, а любовь къ отечеству выражаютъ только однимъ хвастливымъ крикомъ, а не дѣломъ. Приглядѣвшись ко всему этому, благодарись Бога, что у насъ еще такъ сильно царское слово. Еслибы дѣло ополченія было дано на добровольное обсужденіе дворянства, то можно сказать утвердительно, что наше ополченіе было бы ничтожно. Но назначилъ царь, и каждый исполняетъ указъ страха ради, а вовсе не изъ любви къ царю и отчизнѣ, потому что любви въ дѣйствительности нѣтъ въ такихъ душахъ. Приглядѣвшись ко всему этому, видишь, что не царей своихъ мы должны винить въ неустройствахъ, а самихъ себя, въ насъ самихъ еще мало истиннаго образованія, что же можетъ сдѣлать одинъ царь со всѣми своими благородными стремленіями, когда для исполненія ихъ не найдется и сотни безкорыстно преданныхъ отечеству... Люди продажныя, люди жалкіе, прикрытые разными благовидными масками... Крестьянинъ стоитъ выше ихъ всѣхъ; только одни крестьяне нынче выказали безкорыстную любовь къ родинѣ; только одни они и судятъ, что царю нужны люди и весело идутъ въ ратники, хотя, можетъ быть, терпятъ больше всѣхъ. И этотъ-то народъ во власти самыхъ испорченныхъ людей. Господи, Господи, до чего они доведутъ Россію, какого благосостоянія ждать ей! Да, мнѣ теперь понятно какъ должно болѣть сердце у тѣхъ благородныхъ русскихъ сыновъ, которые имѣли случай коротко познакомиться съ нашей казенной Русью; какъ они

должны страдать при видѣ общаго зла, которое не искоренить никакая сила...»

Единственное и благопріятное впечатлѣніе вынесъ онъ изъ посѣщенія Троицко-Сергіевой Лавры. «Здѣсь такъ хорошо, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ, что не хочется выйти: На душу ниспадаетъ какое-то благоговѣніе. Здѣсь-то и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко. И святыня, и старина, и историческія воспоминанія, все соединяется вмѣстѣ и наполняетъ душу высокимъ чувствомъ. Да, я вѣрю, что здѣсь страдающій дѣйствительно найдетъ утѣшеніе и облегченіе. Не помню и я, чтобы какое-нибудь мѣсто такъ сильно подѣйствовало на меня и такъ бы соединилось съ моею душою. Господи, какъ здѣсь хорошо человѣку, непотерявшему вѣры въ святое и любящему свое родное! Сколько вѣры въ помощь и благодать Божию, сколько любви къ человѣку, сколько надеждъ на лучшее будущее для русскаго народа, такъ много выстрадаваемаго, раскрывается въ душѣ и живить ее. Хотѣлось видѣть Филарета, передъ которымъ я благоговѣю, но онъ въ эти дни не служилъ, не выходилъ и никого не принималъ»...

Набираясь такимъ образомъ во время своего путешествія живыхъ впечатлѣній отъ народной жизни и ея старины, размышляя надъ современнымъ положеніемъ Россіи, Стоюнинъ по немногу освобождался отъ томившихъ его въ предшествовавшіе годы тоски и безотчетныхъ мечтаній. Вмѣстѣ съ внутренней работой надъ собою, онъ не оставался чуждъ также вліянія лучшихъ представителей педагогической среды, которые съумѣли добрымъ словомъ ободренія совѣтомъ и участіемъ помочь молодому мечтателю выйти на истинную дорогу, соотвѣтствовавшую его призваніямъ. Когда Владиміръ Яковлевичъ былъ въ 6-мъ классѣ 3-й гимназіи, туда поступилъ преподавателемъ русскаго языка Аникита Семеновичъ Власовъ, впоследствии директоръ Вологодской и 2-й С.-Петербургской гимназій; съ нимъ-то и сошелся Стоюнинъ, въ немъ-то и нашелъ онъ друга-наставника, который поддержалъ молодого человѣка въ трудные переходные года его жизни. Мечтая одно время посвятить себя исключительно литературной дѣятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, испытывая на себѣ всю трудность и горечь положенія писателя 50-хъ годовъ, Стоюнинъ въ тяжелыя минуты душевнаго разлада, изливалъ свое настроеніе въ стихахъ. Одно изъ такихъ стихотвореній, написанное въ 1854 году въ формѣ діалога, сохранившееся въ бумагахъ Владиміра Яковлевича подъ заглавіемъ «Писатель и духъ», какъ нельзя лучше рисуетъ, что переживалъ онъ въ тѣ дни ¹⁾:

Писатель.

«Нѣтъ, я тебя не вызывалъ.

.....

¹⁾ Стихотвореніе приводится здѣсь въ извлеченіяхъ.

«Хоть и не разъ скорбѣлъ мой геній
 «Подъ гнетомъ думъ, ужасныхъ думъ
 . . . . .
 «Бывали дни, когда въ устахъ
 «Слагалось злобное проклятье
 «На все то жалкое печадье.
 «Которымъ истина за страхъ;
 «Когда все лучшія творенья.
 «Гдѣ правду въ Богѣ ты искалъ.
 «Гдѣ все небесныя видѣнья
 «Въ прекрасный образъ облекалъ.
 «Гдѣ слово, каждый звукъ, все было
 «Твоя душа, и плоть, и кровь—
 «Все то безъ ужаса, безъ словъ.
 «Рука невѣжды осквернила.
 «Безумецъ принялъ за развратъ
 «Слова благого просвѣщенья.
 «Призналъ за тонкій, скрытый ядъ
 «Пороковъ гордыхъ обличенье
 «И къ небесамъ порывъ святой
 «Нарекъ безбожнымъ вольнодумствомъ.
 «Молитву сердца—думой злой.
 «Примѣры доблести—безумствомъ.
 «Провозгласилъ опаснымъ зломъ
 «Людямъ скорбящимъ утѣшенье
 «И возмутительнымъ листомъ
 «Слова любви и примиренья...
 . . . . .
 «Ты не слышалъ тогда стenanья
 «Души измученной моей.
 . . . . .
 «Теперь же поздно... я рѣшился
 «Перо оставить навсегда;
 «Себя отъ муки избавляю
 «И ремесло предпочитаю
 «Я для насущнаго труда
 . . . . .

Духъ спрашиваетъ тогда, чего же онъ хочетъ отъ него? Писатель просить матеріальнаго блага, золота, которымъ будетъ «врачевать больную душу»:

«И буду жить я на просторѣ
 «Не для людей, а для себя...

Духъ усовѣщаетъ его, говоря, что счастье людское не въ богатствѣ и матеріальномъ достаткѣ, что ему, писателю, начавшему проповѣдь любви, не слѣдуетъ сходить съ этого пути ради счастья людей.

«...И если ты узналъ
 «Въ своей душѣ любовь и силы

«И подвигъ тягостный избралъ,
«Такъ я ида съ нимъ до могилы».

Писатель.

«Да, если знать, что голосъ мой
«До нихъ дойдетъ и слово въ слово..
«Но ты, ты житель неземной
«Ты не поймешь всего земного».

Духъ.

«Я видѣлъ древле, какъ съ крестомъ
«За правду люди умирали,
«Ихъ мучили, ихъ петязали.
«Сжигали медленнымъ огнемъ.
«Я понялъ подвигъ ихъ священный.
«Когда они въ огнѣ, въ крови
«Гласили вслухъ объ откровеньи,
«Высокой правдѣ и любви.
«И гибли, гибли люди тьмамъ.
«А голосъ истины звучалъ
«Въ крови, съ костровъ и надъ мечами
«И на землѣ торжествовалъ.
«И ты боишься малодушный!
«Ужель тотъ голосъ гдѣ замретъ.
«Въ которомъ слабый и недужный
«Елей душѣ своей найдетъ?
«Нѣтъ, если самъ ты не калѣка,
«Не боленъ недугами вѣка,
«Не зараженъ гордыней злой,—
«И если смѣлый возгласъ твой
«Не возгласъ дерзкихъ возмущеній,
«Не лезть коварная людямъ,
«А полнъ цѣлебныхъ услажденій,—
«Благоухающій бальзамъ,—
«Онъ не замретъ, какъ гласъ въ пустынѣ,
«Его немногимъ передай.
«И сохранять его въ святынѣ,
«И разнесутъ на цѣлый край.
«И будетъ слава мировая
«Тебѣ звучать изъ рода въ родъ!..
«Избралъ немногихъ вѣдь и Тотъ,
«Кто вѣчной правдою пылая,
«Пошелъ на крестъ терпѣть, страдать,
«За правду въ мукахъ умирать.
«Онъ вамъ примѣръ въ вѣнцѣ терновомъ:
«Служилъ онъ міру тоже словомъ,
«Свой духъ въ то слово онъ вселялъ
«И звуки слова освящалъ....
«Вотъ, гдѣ найдешь ты утѣшенье!

«Борись, и мучься, и страдай,
 «И проsvѣщай, и утѣшай,
 «И совершишь свое призванье».

(Писатель глубоко задумывается, духъ исчезаетъ).

Это или подобное этому по содержанію стихотвореніе Стоюнинъ послалъ въ Вологду Власову, съ которымъ находился въ перепискѣ. Отвѣчая въ 1855 году своему молодому другу, Власовъ совѣтовалъ ему бросить литературныя занятія и не надѣяться на нихъ, какъ на средство къ жизни, а отдать себя всецѣло педагогической дѣятельности... «Я спрашиваю васъ, гдѣ же литература кормила людей: всѣ дѣльные, замѣчательные писатели терпѣли нужду и были бѣдняками: а много ли добросовѣстности, живительныхъ для души строкъ у тѣхъ писателей, которые работали отъ литературы?.. Повѣрьте, что вы гораздо болѣе принесете пользы обществу, какъ даровитый наставникъ, нежели извѣстный писатель. Гораздо нужно болѣе и чувства, и стойкости воли, чтобы быть порядочнымъ чловѣкомъ въ жизни, нежели сколько потребно всего этого для писателя. Служба съ невзгодами и красными днями сближаетъ cadaго изъ насъ съ отчизною и дѣлаетъ членомъ великой семьи... Вы слишкомъ нетерпѣливы и много умствуете, а должно всматриваться и наблюдать... Въ вашихъ стихахъ виденъ еще безотчетный юношескій пылъ молодости, а нѣтъ сознанія того занятія, которое выпало на вашу долю... Вы не понимаете жизни. Она вамъ кажется только тамъ, гдѣ умствованіе, анализъ: нѣтъ, тамъ-то чловѣкъ и живетъ, и дѣйствуетъ, какъ живая личность, гдѣ не одинъ умъ, а всѣ силы въ игрѣ»...

Еще большее вліяніе на весь умственный и нравственный строй Стоюнина оказала педагогическая проповѣдь Пирогова.

Извѣстныя статьи нашего знаменитаго педагога и хирурга «Вопросы жизни», напечатанныя въ 1856 г. въ журналѣ «Морской Сборникъ» явились для того времени настоящимъ событіемъ и произвели положительный переворотъ во взглядахъ на учебное дѣло въ Россіи¹⁾. Въ смѣлой рѣчи высказалъ Пироговъ много горькихъ истинъ своимъ соотечественникамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ и на средства къ спасенію отъ недуговъ. Главная мысль была та, что наше общество—не христіанское общество, а разрозненныя толпы другъ другу враждебныя, и, «чтобы выйти изъ этого ложнаго и опаснаго положенія, — говоритъ Стоюнинъ, — Пироговъ видитъ только одинъ дѣйствительный путь — воспитаніемъ... сдѣлать насъ людьми... Отсюда вытекають двѣ задачи: дать другое направленіе нашимъ школамъ, которыя оказались несостоятельными въ воспитательномъ дѣлѣ, и призвать на педагогическое поприще тѣхъ, которые спо-

¹⁾ «Педагогическія задачи Пирогова» статья В. Стоюнина. «Историческій Вѣстникъ», 1885.

собны къ собственному перевоспитанію и понимаютъ цѣли истиннаго воспитанія...» «Это показалось,—свидѣтельствуешь Стоюнинъ,—такъ просто и убѣдительно, что никто даже не отнесся критически къ вызову Пирогова. Всѣ, и педагоги, и не педагоги, заговорили о воспитаніи человѣка, не замѣтивъ даже тѣхъ трудностей, на которыя указалъ Пироговъ: «придется многимъ воспитателямъ сначала перевоспитать себя». Только такимъ воспитателямъ и можно было пойти по новому пути въ воспитаніи». Пироговъ первый подалъ сигналъ къ реформамъ новаго царствованія по вѣдомству просвѣщенія: съ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ въ этомъ вѣдомствѣ готовится рядъ реформъ, выразившихся въ новыхъ уставахъ средней и высшей школы. Выполнителями этихъ реформъ и явились люди, послѣдовавшіе по пути, указанному Пироговымъ и въ числѣ ихъ Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ. Такимъ образомъ духовная связь, преемственность идей Пирогова и Стоюнина не подлежитъ никакому сомнѣнію. Да и онъ самъ, вспоминая времена дореформенныя и дѣятельность Пирогова въ періодъ реформъ, какъ одного изъ наиболѣе выдающихся сотрудниковъ новаго царствованія, говоритъ: «за поколѣніемъ нашихъ отцовъ остается та честь, что оно выставило способныхъ людей въ новую пору, когда покойному государю Александру Николаевичу нужны были дѣятельные помощники въ его преобразовательныхъ планахъ». Эти люди «не мирились ни съ идей рабства, ни произвола, ни невѣжества... Они выстрадали... идеалы и горячо относились къ нимъ съ полною вѣрою, что настанетъ и для нихъ пора... Они-то и есть наши духовные отцы, которые намъ передали свои идеалы, связавъ ими наше поколѣніе съ своимъ».

III.

Во второй половинѣ 50-хъ годовъ, послѣ путешествія по Россіи, послѣ появленія статей Пирогова, Стоюнинъ является общественнымъ дѣятелемъ вполнѣ оздоровленнымъ отъ болѣзненнаго романтизма и мечтательности. Онъ наглядно увидаль дѣйствительныя нужды страны, дошелъ и собственнымъ опытомъ и подъ вліяніемъ представителей тогдашняго педагогическаго міра, что пора русскимъ интеллигентнымъ людямъ перестать тосковать и плакаться, а надо скорѣе и энергичнѣе приняться за живую работу во имя пользы своего отечества. Главныя общественныя недостатки формулировались въ его впечатлѣніяхъ слѣдующимъ образомъ: въ привилегированномъ русскомъ сословіи, играющемъ такую важную роль въ государствѣ, еще очень низокъ образовательный уровень, вслѣдствіе чего страдаетъ общественная и семейная нравственность, отсутствуетъ истинная гражданственность и національное самосознаніе. Крестьянство стоитъ въ нравственномъ отношеніи выше дворянства, но страдаетъ отъ невѣжества и крѣпостнаго права.

Разъ проникшись сознаниемъ всего этого, его честная, дѣятельная природа не могла остаться равнодушною къ этимъ общественнымъ язвямъ: борьбу съ ними онъ положилъ въ основаніе своей педагогической дѣятельности, желая, по крайней мѣрѣ, въ отмежеванной ему судьбою скромной области педагога быть полезнымъ своей родинѣ, подготавливая ей болѣе здоровыхъ дѣтей, нежели было предшествующее и современное ему поколѣніе. Помимо такой чисто практической дѣятельности, носящей по самому своему существу положительный характеръ, Стоюнинъ рѣшилъ воздѣйствовать на общество путемъ публицистики, литературы и науки и не столько избличая и казня пороки, сколько проводя въ своихъ произведеніяхъ идеалы нравственности, указывая на путь самоусовершенствованія и саморазвитія, согласно съ требованіями истиннаго европейскаго просвѣщенія; въ немъ онъ признавалъ ту могучую силу, передъ которою уступаютъ всѣ пороки и недостатки. Такимъ образомъ, къ этому періоду его жизненные задачи вполне опредѣляются, получаютъ вполне сознательную и серьезную окраску и, какимъ онъ является въ качествѣ сотрудника «Театральнаго и музыкальнаго Вѣстника» 1856—1858 г., редактора «Русскаго Міра» 1859 г. и преподавателя 3-й с.-петербургской гимназіи, такимъ же цѣльнымъ, послѣдовательнымъ и убѣжденнымъ, встрѣчаемъ мы его на страницахъ «Древней и Новой Россіи» семидесятыхъ, «Историческаго Вѣстника» и «Вѣстника Европы» восьмидесятыхъ годовъ и въ роли организатора и руководителя частной женской гимназіи, основанной его женою въ Петербургѣ въ 1881 г.; только, конечно, въ позднѣйшую пору своей дѣятельности, мысль его получаетъ болѣшую гибкость, кругъ наблюденій расширяется, запасъ знанія и опыта увеличивается: видно, что человѣкъ, проповѣдуя другимъ необходимость постоянной работы надъ собою, самъ шелъ тѣмъ же тяжелымъ путемъ, продолжая свое саморазвитіе и самоусовершенствованіе. Колебаній, компромиссовъ съ совѣстью онъ не допускалъ; удары судьбы сыпались на него, но онъ не терялъ энергіи, а продолжалъ свою горячую проповѣдь того, что признавалъ за истину. «Какъ скоро истина доказана,—говорилъ онъ ¹⁾), какъ скоро въ дѣло нужно ввести новое основаніе, отъ котораго ожидается благотворное слѣдствіе, никакія уступки не должны имѣть мѣста. Старое все долой, если оно не годится; новое все на сцену, если оно признано хорошимъ. Что намъ за дѣло, если найдутся люди, которые не согласятся съ нами. Признавъ извѣстный принципъ, будемъ его доказывать, будемъ его отстаивать, будемъ опровергать противоположныя мнѣнія, будемъ стараться ввести его всецѣло въ дѣйствительность и примиримся съ нею только тогда, когда онъ займетъ тамъ свое мѣсто»...

¹⁾ «Русскій Міръ», 1859 г., «Вѣсти отовсюду».

Извѣстность Стоюнина, какъ педагога-практика и теоретика стала съ конца 50-хъ годовъ расти въ Петербургѣ. Продолжая быть преподавателемъ въ 3-й с.-петербургской гимназiи вплоть до 1871 года, онъ въ этотъ періодъ времени, кромѣ того, преподавалъ (1858—1861 гг.) въ Маріинскомъ женскомъ училищѣ (впослѣдствіи переименованномъ въ гимназію), въ Маріинскомъ институтѣ (1861—1867 гг.), а въ 1862 г. управлялъ женскою Воскресною школою. Какова была его программа и методъ, было указано выше, когда шла рѣчь о его поступленіи учителемъ въ 3-ю гимназію. Можно только сказать, что и въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ онъ не отступалъ отъ своей программы, внося въ свои уроки жизнь, привлекая къ изученію родной словесности и языка вниманіе и интересъ учащихся. Какъ цѣнило высшее начальство его труды, было указано въ отзывѣ попечителя Мусина-Пушкина; кромѣ того, онъ былъ рекомендованъ, какъ талантливый и добросовѣстный учитель въ преподаватели вел. кн. Владиміру Александровичу, къ дѣтямъ вел. кн. Маріи Николаевны: Сергѣю, Евгенію, Юрію Максимилиановичамъ и Евгеніи Максимилиановнѣ Лейхтенбергскимъ, Николаю Николаевичу Младшему и Еленѣ Георгіевнѣ Мекленбургской, а также во многіе высокопоставленные дома. Въ 1871 г. ему было предложено мѣсто инспектора московскаго Николаевскаго сиротскаго института, въ каковой должности онъ и пребывалъ до 1875 г., когда его идеальнымъ и чистымъ представленіямъ о нравственности и объ обязанностяхъ пришлось столкнуться съ дѣйствительностью и съ представителями стараго порядка вещей и ихъ традиціями. Сила осталась на сторонѣ представителей этого стараго порядка и Стоюнину пришлось проститься съ дорогимъ ему учебнымъ заведеніемъ, въ которое онъ вложилъ столько души и въ которомъ онъ успѣлъ сдѣлать уже такъ много, сплотивъ «вокругъ себя преподавателей въ одну дружно работавшую семью». Московское общество съ глубокимъ сожалѣніемъ простилось съ Владиміромъ Яковлевичемъ, который съумѣлъ въ короткій срокъ пребыванія въ первопрестольной заявить себя энергичнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ, успѣвшимъ показать свою безкорыстную и безграничную любовь къ просвѣщенію и юношеству.

Уже изъ официальнаго отзыва составителя «Исторической записки» о 3-й с.-петербургской гимназiи было видно, какъ относились воспитанники къ любимому преподавателю; та же любовь, уваженіе и вниманіе со стороны учащихся слѣдовали за нимъ и въ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Эти чувства особенно рельефно выражались въ адресахъ, подносимыхъ ему при прощаніи, когда онъ покидалъ ихъ alma-mater, въ многочисленныхъ письмахъ, постоянно получаемыхъ имъ отъ своихъ бывшихъ слушателей и особенно ярко выразились на актѣ и обѣдѣ бывшихъ воспитанниковъ, по поводу 50-ти-лѣтняго юбилея 3-й с.-петербург-

ской гимназіи, когда личность Стоюнина заслонила собою весь этотъ скучный классическій праздникъ. Вотъ, что говоритъ намъ хроникеръ того времени ¹⁾: «Директоръ гимназіи В. Х. Лемониусъ говорилъ о классицизмѣ, преподаватель латинскаго языка г. Аничковъ говорилъ о прошломъ гимназіи; воспитанникъ Георгіевскій прочелъ длинную рѣчь полатыни; одинъ изъ бывшихъ воспитанниковъ посвятилъ дню юбилея пространное изслѣдованіе объ одномъ классическомъ словѣ. Бывшіе воспитанники почтили торжество по своему и съ особенною признательностью отнеслись къ памяти людей, которыми они считаютъ себя обязанными тѣмъ хорошимъ, что они вынесли изъ гимназіи. Настоящимъ героемъ дня былъ всѣми ими уважаемый и любимый В. Я. Стоюнинъ. Самые жаркіе аплодисменты прерывали тѣ мѣста отчета, гдѣ говорилось о г. Стоюнинѣ; самый тѣсный и многочисленный кружокъ постоянно указывалъ мѣсто, гдѣ находился г. Стоюнинъ; самые горячіе тосты и выраженіе признательности обращались къ нему же; желая ознаменовать добрымъ дѣломъ день, когда бывшіе воспитанники снова увидѣли въ своей средѣ своего любимаго преподавателя, они во время обѣда составили подписку на образованіе Стоюнинскаго капитала, чтобы выдавать изъ него ежегодно денежное пособіе одному изъ выходящихъ воспитанниковъ».

Высокой задушевностью звучитъ письмо одного бывшего слушателя Владиміра Яковлевича, преждевременно погибшаго молодого писателя П. Тица ²⁾; «Вы, можетъ быть и не вспомните, что у васъ былъ когда-то въ 3-й гимназіи ученикъ, называвшійся Тицомъ,—пишетъ онъ.—Самъ онъ, по крайней мѣрѣ не имѣетъ ни малѣйшей претензіи рассчитывать на то, чтобы вы о немъ помнили. Но въ его умственномъ и душевномъ мірѣ вы оставили настолько глубокіе слѣды, что память о васъ онъ бережно сохраняетъ въ душѣ своей, какъ одно изъ драгоценнѣйшихъ достояній, оставшихся ему въ наслѣдство отъ его, вообще не особенно богатой свѣтлыми впечатлѣніями, юности. Не удивитесь поэтому, что онъ спѣшитъ воспользоваться даже такимъ неважнымъ поводомъ, какъ выходъ въ свѣтъ его первой книжки, чтобы, пославъ ее вамъ, хоть этимъ выразить вамъ столь дорогія для него чувства; какъ бы ни была незначительна книжка сама по себѣ, но разъ она чисто и искренно вылилась изъ сердца своего автора, она непостыдно можетъ служить для него выраженіемъ самыхъ многозначительныхъ его симпатій... Между многими сѣменами, посеянными вами въ душѣ моей, не послѣднее мѣсто занимало и неодолимое влеченіе къ умственному труду. Но обстоятельства слишкомъ долгое время складывались

¹⁾ Изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», 28-го января 1873 г.

²⁾ Издававшего подъ псевдонимомъ «Незвановъ» книжку «Дѣтскіе рассказы».

крайне неблагоприятно для его удовлетворенія. Слабое здоровье—съ одной стороны и серьезныя семейныя затрудненія—съ другой, послѣдовательно заставляли меня отказываться ото всѣхъ самыхъ скромныхъ притязаній моихъ въ этомъ направленіи. Первою измѣнила мечта о педагогической дѣятельности (я не могъ кончить курса въ университетѣ), а затѣмъ и объ ученой, и о литературной. Забота о насущномъ хлѣбѣ отнимаетъ цѣликомъ всѣ физическія и всѣ душевныя силы. Только первоначально зарожденному вами идеализму обязанъ я тѣмъ, что не заглохъ окончательно въ эту тяжелую пору. Много упущено такимъ образомъ времени, много утрачено жизненной гибкости и свѣжести, много затеряно способностей, но не пропала вѣра въ торжество правды и истины, но не пропало страстное желаніе, по мѣрѣ силъ, послужить этому торжеству... Прилагаемая книжка... импровизированная для своихъ собственныхъ дѣтей въ долги вечера тяжкой болѣзни, на нѣсколько лѣтъ приковавшей меня къ постели... не могла съ особенной силой не оживить во мнѣ благодарныя воспоминанія о васъ, моемъ первомъ и благороднѣйшемъ учителѣ и наставникѣ на томъ пути, на которомъ я дѣлалъ, наконецъ, первые шаги»...

Что же производило въ личности Владиміра Яковлевича столь сильное и глубокое впечатлѣніе на его слушателей? Помимо его научныхъ обширныхъ знаній, помимо интереснаго и живого преподаванія, ихъ плѣняла его глубокая вѣра въ правду и торжество ея, его гуманный взглядъ на жизнь и людей и честное отношеніе, какъ къ своимъ собственнымъ обязанностямъ, такъ и требованіе такового же отъ другихъ. Свои взгляды онъ проводилъ какъ на урокахъ въ классѣ, какъ въ частныхъ разговорахъ съ слушателями, такъ и въ рѣчахъ, обращенныхъ къ выпускнымъ ученикамъ и ученицамъ. Вотъ, напримѣръ, его рѣчь ¹⁾, обращенная къ выпускнымъ ученицамъ Николаевскаго Московскаго сиротскаго института 1874 г., въ которой Стоюнинъ рисуется какъ нельзя рельефнѣе: ... «Трудовъ, трудовъ! слышится неумолчный голосъ,— трудовъ на пользу просвѣщенія и образованія, трудовъ честныхъ, проникнутыхъ сознаніемъ общей пользы, трудовъ для всего народа! На такіе труды мы благословляемъ васъ—будетъ ли кто трудиться въ новой русской школѣ, будетъ ли кто приносить благо просвѣщенія семьѣ. Конечно, многимъ придется переживать и неудачи, выносить борьбу какъ съ самимъ собою, такъ и съ невѣжествомъ; но вы знаете,—въ борьбѣ крѣпнуть силы, приобрѣтается опытность: силенъ нравственно тотъ, кто не боится борьбы за честное и святое дѣло... Вы должны быть просвѣтительнымъ началомъ въ семьѣ и среди дѣтей, вы должны сѣмьѣть и такъ стать, чтобы быть желаннымъ и неизмѣннымъ другомъ семьи... и тогда воспитательницѣ

¹⁾ Статья Сязова. «Русскія Вѣдомости», 1888 г., № 310.

легко будетъ вносить и радость и свѣтъ: она пойметъ и полюбитъ свое прекрасное назначеніе».

Какъ педагогъ-теоретикъ съ цѣлью поднять у насъ преподаваніе русскаго языка и словесности, Стоюнинъ печатаетъ и издаетъ рядъ учебниковъ и руководствъ для учащихся и учащихся¹⁾. Эти его труды, наравнѣ съ трудами Василія Ивановича Водовозова, вытѣснили всѣ существовавшія доселѣ учебники и руководства.

Одновременно съ этимъ, въ видахъ облегченія учащемуся юношеству ознакомленія съ русскими классиками, толковаго и яснаго пониманія ихъ, онъ предпринимаетъ дешевое изданіе произведеній отечественной словесности съ примѣчаніями и вопросами для учащихся. Такимъ образомъ, онъ можетъ считаться у насъ основателемъ классной и дешевой библиотекъ.

Отдаваясь всею душею педагогической дѣятельности, Стоюнинъ, однако, не запирается въ узкой спеціальности и не дѣлается кабинетнымъ человѣкомъ. Всякое явленіе общественной жизни, имѣющее цѣлью главнымъ образомъ поднятіе у насъ просвѣщенія и интереса въ публикѣ къ наукѣ и литературѣ, вызываетъ его горячее сочувствіе: онъ является однимъ изъ учредителей С-Петербургскаго Педагогическаго Общества, поступаетъ съ самого основанія въ число членовъ Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, предсѣдательствуетъ въ ученomъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ, читаетъ публичныя лекціи въ пользу Общества гувернантокъ, избирается почетнымъ членомъ Общества распространенія ремесленнаго образованія и членомъ Общества любителей словесности, принимаетъ участіе въ трудахъ комитета грамотности, работаетъ въ комиссіи по русскому и по иностраннымъ языкамъ въ Педагогическомъ музеѣ Солянаго городка.

Одновременно съ этимъ кипитъ и его литературная и публицистическая дѣятельность. Съ 1856 по 1858 годъ включительно онъ является дѣятельнымъ сотрудникомъ издававшегося М. Раппортомъ «Театральнаго и Музыкальнаго Вѣстника», въ которомъ отдѣлъ о музыкѣ велъ нашъ незабвенный композиторъ А. Сѣровъ, а отдѣлъ критики, отзывы о нововыходившихъ театральныхъ пьесахъ и постановкѣ на сценѣ главнѣйшихъ изъ нихъ—Владиміръ Яковлевичъ. Съ 1859 года ему предложено было редакторство въ газетѣ «Русскій Міръ», которымъ онъ и руководилъ до мая мѣсяца слѣдующаго года. Изъ предыдущихъ главъ видно было, какое важное значеніе имѣла для Стоюнина вторая половина 50-хъ годовъ: въ этотъ періодъ сложились окончательно его соціальныя, гражданскіе и педагогическіе взгляды подъ вліяніемъ школы, личнаго опыта и педагогической среды; начала, почерпнутыя изъ этихъ трехъ

---

¹⁾ См. въ приложеніи къ настоящему очерку статью Д. Д. Языкова «Ученo-литературныя труды В. Я. Стоюнина».

источниковъ, и послужили идейной стороной всѣхъ произведеній пера этого и послѣдующаго времени. Въ рядѣ статей онъ высказываетъ свои мысли о значеніи эстетики, національнаго самосознанія въ жизни человѣческой, проповѣдуетъ необходимость самовоспитанія, будить въ читающихъ любовь къ высшимъ сословіямъ, задѣвая тѣмъ крѣпостное право, выставляетъ эту любовь какъ силу воспитательную, подаетъ руку тѣмъ писателямъ (Потѣхинъ, Островскій), которые брали для своихъ произведеній темы изъ народной жизни, указываетъ на губительность разрыва съ народной жизнью въ ея настоящемъ и прошедшемъ и, наконецъ, выставляетъ свои требованія въ отношеніи школы и семьи, въ исправленіи которыхъ видѣлъ единственный залогъ нашей государственной крѣпости и гражданской зрѣлости, при чемъ все вниманіе должно быть обращено, согласно его ученію на развитіе и образованіе женщины... «въ массѣ русская женщина, говоритъ онъ по поводу романа Гончарова «Обрывъ»¹⁾, имѣетъ возможность развиться скорѣе, чѣмъ тѣ, которые хотятъ называть себя гражданами... у нея болѣе свободы, болѣе простора въ развитіи, и тѣмъ скорѣе новыя понятія освѣщаютъ ея впечатлительную душу. Отъ нея пойдетъ свѣтъ и на новое поколѣніе. Идеалы меньшинства мало-по-малу перейдутъ и въ большинство» и въ другомъ мѣстѣ... «женщина въ состояніи сдѣлать многое, что не всегда подъ силу и мужчинамъ, если она одушевлена любовью; во имя этой любви она въ состояніи привести въ исполненіе все, что... внушили ей, воспитывая ее для жизни». Вопросъ же о женскомъ воспитаніи «неминуемо приводитъ къ другому вопросу—о нравственномъ развитіи мужчинъ, объ его идеалахъ и стремленіяхъ. Пока онъ не измѣнится, трудно въ большинствѣ утвердиться разумному воспитанію женщины».

Пропагандируя такъ идеи, осуществленіе которыхъ должно имѣть гражданское благополучіе его соотечественниковъ и въ такую пору, когда уже въ нашемъ обществѣ стали пробуждаться страсти, Стоюнинъ сумѣлъ сохранить спокойствіе въ обсужденіи явленій жизни, освѣщая всегда вопросы не съ точки зрѣнія ихъ формы и проявленія, а съ точки зрѣнія вѣчной правды, истины и добра.

Давая отзывъ въ «Русскомъ Мирѣ» о поэмѣ Никитина «Кулакъ», онъ говоритъ... «Пора намъ и въ дѣйствительной жизни перестать отварачиваться отъ людей, которые слишкомъ позапачкались въ омутѣ, куда были брошены отъ самого рожденія... да, пора... намъ... обращаться съ людьми почеловѣчески»... Всмотриваясь въ кулака, говоритъ онъ далѣе: «вы... будете не презирать, а сожалѣть его, даже болѣе, будете страдать за него, вы почувствуете, что къ вамъ въ сердце невольно закралось какое-то теплое чувство, похожее на любовь къ человѣку, чувство, которое шепчетъ вамъ, что и въ

¹⁾ «Русскій Миръ» 1859 года.

немъ, въ этомъ падшемъ существѣ, есть образъ человѣческой». Въ заключительныхъ словахъ по поводу произведенія Никитина, онъ дѣлаетъ такой выводъ: «Только одна любовь наша къ человѣку можетъ произвести спасительный переворотъ въ томъ кругу, который такъ позагрязнился отъ невѣжества и гнетущей нужды— ни строгость, ни преслѣдованія, ни наказанія, ничто не подбѣстуетъ... любви, побольше любви къ человѣку, а она уже сама скажетъ намъ, что нужно сдѣлать, чтобы спасти его отъ заразы, и сила ея такова, что придуманныя ею средства не останутся лишь одними словами въ видѣ высказаннаго мнѣнія, но быстро перейдутъ въ дѣло, въ исполненіе, очистятъ зараженный воздухъ и произведутъ благодѣтельную перемѣну»...

Помимо вышешюименованныхъ изданій, Стоюнинъ помѣщаетъ рядъ статей и въ другихъ органахъ прессы, гдѣ задѣваетъ тѣ же излюбленныя темы. Такъ мы встрѣчаемъ его въ качествѣ сотрудника «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Русскаго Педагогическаго Вѣстника», «Сѣверной Пчелы», «Разсвѣта», журнала «Воспитаніе», «Русскаго Вѣстника», «Современника», «Вѣстника Европы», «Учебно-воспитательной библіотеки» и нѣкоторыхъ другихъ. Все главное, что сказано было имъ за этотъ періодъ, было имъ повторено съ особенною силою въ нѣкоторыхъ статьяхъ послѣдняго періода жизни въ «Древней и Новой Россіи» 1879 года, «Историческомъ Вѣстникѣ», «Вѣстникѣ Европы», «Наблюдателѣ» восьмидесятихъ годовъ.

Одновременно съ этою публицистическою и научно-педагогическою дѣятельностью, Владиміръ Яковлевичъ не покидаетъ и своихъ историческихъ занятій, къ которымъ онъ приступилъ чуть ли не съ университетской скамьи. Послѣ своего изслѣдованія о «Яковѣ Борисовичѣ Княжнинѣ» напечатаннаго въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1850 года, онъ помѣщаетъ большую монографію «Александръ Петровичъ Сумароковъ» въ «Театральномъ и Музыкальномъ Вѣстникѣ» 1856 года, а въ 1867 году печатаетъ въ «Вѣстникѣ Европы» біографическія свѣдѣнія о Кантемірѣ подъ заглавіемъ «Князь Антоухъ Кантеміръ въ Лондонѣ», а также историческій очеркъ о нашемъ извѣстномъ сатирикѣ въ изданіи Глазунова «Русскіе писатели XVIII и XIX столѣтій: Сочиненія князя А. Д. Кантеміра». Въ «Вѣстникѣ же Европы» 1877 года появляется его изслѣдованіе объ «Александрѣ Семеновичѣ Шишковѣ», а въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1880 года объ «Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ». Оба послѣднихъ его труда появляются и отдѣльными изданіями подъ заглавіемъ «Историческія сччиненія В. Стоюнина» части I и II. На этихъ нашихъ извѣстныхъ писателяхъ Владиміръ Яковлевичъ остановилъ свое главное вниманіе потому, что въ нихъ, по его словамъ «болѣе рѣзко отразилось время со стороны духовныхъ стремленій народа», вотъ почему онъ и разсматриваетъ ихъ произ-

веденія такъ, «чтобы лучше понимать смыслъ и цѣли литературныхъ произведеній извѣстной эпохи и видѣть ихъ историческое значеніе». И нужно отдать полную честь и справедливость автору, что онъ выполнилъ свою задачу прекрасно. Сочиненіе Стоюнина «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ» можетъ считаться въ нашей литературѣ до сихъ поръ единственнымъ полнымъ историко-біографическимъ очеркомъ о гениальномъ поэтѣ, а сочиненіе «Александръ Семеновичъ Шишковъ» единственною безпристрастною оцѣнкою знаменитаго дѣятеля Александровской эпохи. Этотъ трудъ, кромѣ оцѣнки Шишкова, какъ писателя, ученаго, патріота и государственнаго дѣятеля, даетъ богатый матеріалъ для характеристики общественныхъ движеній и направленій при Александрѣ I.

Такова была обширная и кипучая педагогическая, литературная и общественная дѣятельность Владиміра Яковлевича за разсмотрѣнный періодъ времени, когда онъ стоялъ непосредственно у педагогическаго дѣла, въ качествѣ преподавателя и инспектора указанныхъ выше учебныхъ заведеній.

Вынужденный силою обстоятельствъ въ 1871 году покинуть Николаевскій московскій сиротскій институтъ онъ переѣзжаетъ съ семьей ¹⁾ на жительство сначала въ Петербургъ, а потомъ Царское Село, гдѣ исключительно сосредоточиваетъ свое вниманіе на научныхъ и литературныхъ занятіяхъ, а также общественной дѣятельности. Покойная государыня Марія Александровна приняла въ то время сердечное участіе въ судьбѣ его и, хотя онъ не занялъ никакого мѣста въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, однако продолжалъ числиться служащимъ по вѣдомству императрицы Маріи съ сохраненіемъ содержанія. Одно время у Владиміра Яковлевича въ эти года жизни была мысль покинуть родину и переѣхать на жительство въ Парижъ, гдѣ онъ хотѣлъ основать учебное заведеніе для дѣтей русской колоніи, но эта мысль вскорѣ была оставлена и онъ силою счастливыхъ обстоятельствъ былъ вызванъ на дѣло, въ которое вложилъ всѣ свои завѣтные педагогическіе и общественные идеалы и которому онъ горячо служилъ всѣмъ сердцемъ и умомъ до послѣднихъ минутъ жизни: мы говоримъ о роли и дѣятельности его въ женской гимназіи, основанной его женой въ 1881 году. Въ это же время онъ высказалъ и въ печати, и въ письмахъ къ женѣ весь свой запасъ жизненныхъ убѣжденій и вѣрованій, которыя помогли ему, не смотря на всѣ жизненные потрясенія остаться непоколебимымъ и честнымъ общественнымъ дѣятелемъ.

«...Вчера, прочитавъ объявленіе о новомъ изданіи сочиненій Байрона въ русскомъ переводѣ, писалъ онъ въ 1874 году Марѣ Ни-

¹⁾ Онъ женился въ 1865 г. на своей бывшей ученицѣ Маріинской гимназіи, Маріи Николаевнѣ Тихменевой.

колаевнѣ, я задумался о томъ своемъ молодомъ времени, когда я упивался нѣкоторыми произведеніями его, въ особенности «Чайльдъ-Гарольдомъ» и «Манфредомъ» въ прозаическомъ французскомъ переводѣ. Я думалъ, что собственно могло прельщать меня въ этихъ гордыхъ и разочарованныхъ характерахъ, когда во мнѣ нѣтъ, кажется, ни одной черты съ ними родственной? я не презиралъ людей, всегда сознавалъ, что въ нихъ болѣе добра чѣмъ зла, вѣрилъ, что первое сильнѣе второго, что это явленіе временное, а то вѣчно, словомъ, если я тогда не былъ вполне мирнымъ гражданиномъ, любилъ юношески погорячиться за всякую мерзость, которая мнѣ казалась общественнымъ зломъ, то не былъ и тѣнью «Манфреда» или «Гарольда», а всегда увлекался надеждою, что можетъ наступить и лучшее время, и оно было, и я его видѣлъ, а между тѣмъ, припоминая все того же «Манфреда» и «Гарольда», я опять увлекся ими какъ юноша. Мнѣ представилась въ нихъ эта несокрушимая внутренняя сила, которая не боится борьбы съ жизнью, хотя бы эта жизнь представлялась ничтожною, ненавистною, хотя бы она не давала никакой надежды на лучшее. Эта сила дѣйствительно возвышаетъ человѣка, потому что дѣлаетъ его могучѣе всѣхъ на свѣтѣ (хотя Байрона и его героевъ и упреками въ безнравственности). Великая душа сказывается въ отчаяніи: жизнь не идетъ какъ мнѣ хочется, какъ мнѣ нужно, какъ мнѣ пріятно,—такъ я не хочу жить; нѣтъ, она будетъ только съ усиліемъ бороться, потому что ей нужно нравственное величіе, которое можетъ проявиться лишь въ борьбѣ—страданіе для нея раны, съ которыми каждый храбрый солдатъ продолжаетъ биться въ сраженіи; такіе храбрецы и одерживаютъ побѣды, вначалѣ кажущіяся сомнительными. Тутъ вопросъ не въ томъ, какая польза человѣку отъ этого величія души, если ему все приходится страдать, а въ томъ, должны ли онъ въ своихъ собственныхъ глазахъ стоять высоко-нравственнымъ.

«Мнѣ очень нравятся эти стихи Байрона:

- Меня враги пытались упрекнуть,
- Что будто я съ религіей въ раздорѣ.
- Но еслибъ могъ я вскрыть предъ вами грудь,
- То вѣрно бъ вы рѣшили въ нашемъ спорѣ,
- Кому изъ насъ доступнѣй въ небо путь?
- Мнѣ—алтари вершины горъ и море,
- Земля и звѣзды, вся природа мать,
- Готовая мой духъ въ себя принять».

«Вотъ какъ услаждается религиозное чувство сильной души, не падающей въ страданіяхъ. Такая сила и составляетъ жизненную сторону поэзіи Байрона, она-то особенно и охватываетъ при чтеніи его произведеній. Они укрѣпляютъ душу и какъ будто вооружаютъ ее на благородную борьбу. Думаю, что въ юности они помогли и

мнѣ въ моемъ самовоспитаніи и, если я сдѣлался несовѣтъмъ безхарактернымъ человѣкомъ, то благодаря раннему развитію эстетическаго чувства, особенно любви къ поэзіи, безъ которыхъ я не подошелъ бы и къ Байрону, потому что не понялъ бы его и не нашелъ бы въ немъ интереса. О всемъ этомъ я заговорилъ потому, что въ послѣднее время много думалъ о томъ, какъ важно развивать эстетическое чувство и въ какія границы должно поставить его, чтобы также не перейти въ крайность».

«Третьяго дня я былъ на передвижной выставкѣ, писалъ Стоюнинъ въ другомъ письмѣ къ женѣ: картинъ очень много, есть хорошія, но перлъ всего — картина, которая сразу охватываетъ душу и вѣрно никогда не забудется—это Христосъ въ пустынь—художника до сихъ поръ почти неизвѣстнаго, имя его въ настоящій моментъ я даже не припомню¹⁾. Представлена самая дикая бесплодная каменистая пустыня; на грудѣ камней сидитъ человѣкъ, нѣсколько нагнувшись, опустивъ исхудалыя сложенные, точно стариковскія, руки между колѣнъ. Вотъ и вся картина. Но отъ лица этого человѣка нельзя оторвать глазъ, а съ ними и думы. Онъ глядитъ спокойно, углубленный въ свою мысль, но по чертамъ его лица можно заключить, что недаромъ досталась ему эта мысль; чтобы дойти до нея нужно было настрадаться сердцемъ, намучиться умомъ при видѣ людскихъ бѣдствій и страданій. Его спокойствіе есть уже результатъ рѣшимости послужить человѣку тѣмъ ученіемъ, въ основаніе котораго должна лечь мысль, данная сердцемъ: возлюби ближняго своего, какъ самого себя. Я не замѣтилъ сколько времени я простоялъ передъ этой картиной, но она вызвала во мнѣ столько мыслей, такъ кротко и успокоительно подѣйствовала на душу, такъ сблизила ее съ этимъ человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на что-нибудь божеское или лучше сказать, въ которомъ бы подобіе Божіе выразилось во всей своей силѣ и ясности, выразилось не торжествомъ силы, а глубиною мысли, кротости и любви. На другія картины я смотрѣлъ уже разсѣяно, нѣсколько разъ возвращался къ этой картинѣ и унесъ въ своей душѣ живой образъ, который и теперь у меня передъ глазами. Не много картинъ производили на меня подобное впечатлѣніе...»

Въ этотъ же послѣдній періодъ своей жизни въ статьяхъ «Безъ исторіи и преданій»²⁾, «Консерваторы 40-хъ годовъ»³⁾, «Наша семья и ея историческія судьбы»⁴⁾, «Памяти князя Александра Илларионовича Васильчикова»⁵⁾ и «Педагогическія задачи Пи-

¹⁾ Здѣсь идетъ рѣчь о знаменитой картинѣ нынѣ тоже покойнаго художника Крамскаго.

²⁾ «Древняя и Новая Россія» 1879 годъ.

³⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1882 годъ.

⁴⁾ «Наблюдатель» 1882 года.

⁵⁾ «Вѣстникъ Европы» 1884 годъ.

рогова»¹⁾, онъ окончательно и съ особенною силою слова и убѣжденія высказалъ свое *profession de foi* относительно общественныхъ недостатковъ и нуждъ нашего отечества, которые рисовались ему въ слѣдующихъ главныхъ положеніяхъ; современная общественная жизнь сложилась и идетъ неправильнымъ путемъ, потому что она не знаетъ ни исторіи, ни преданій своей родной земли, а потому эта связь необходимо должна быть восстановлена, чтобы не было колебаній, путаницы и промаховъ въ нашихъ дѣйствіяхъ; современная русская семья, въ силу своего неправильнаго развитія съ прошлаго столѣтія, явилась и является «прежде всего съ стремленіемъ къ свѣтскости, съ искаженнымъ понятіемъ объ образованіи и съ уступкою своихъ правъ надъ дѣтьми, по крайней мѣрѣ, надъ сыновьями, государственной власти», а потому тоже не нормальна и нуждается въ коренномъ исправленіи на началахъ общественной нравственности и истиннаго просвѣщенія; для этого необходимо обратить главное вниманіе на образованіе и воспитаніе женщины, какъ центральной силы семьи; современная школа должна быть органически связанною съ семьею, быть національною и давать воспитаніе общественное въ томъ смыслѣ, что изъ нея должны выходить молодые люди, поставленные къ общественной дѣятельности, съ правильнымъ понятіемъ объ общественной нравственности, безъ которыхъ никакое общество не можетъ быть крѣпко; перевоспитаемъ семью и приучивъ ее къ труду, самостоятельному и серьезному, мы перевоспитаемъ тогда и царящія у насъ понятія о государственной службѣ, которая въ настоящее время мыслится обществомъ неправильно, какъ источникъ личныхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ чинами; для урегулированья этихъ понятій необходимо уничтожить табель о рангахъ, какъ она нынѣ существуетъ при поддержкѣ высшаго сословія, видящаго въ сохраненіи ея единственный свой *raison d'être*, а потому сильно ее отстаивающаго. «Каждый просвѣщенный патріотъ, говоритъ Стоюнинъ, долженъ бы былъ желать, чтобы наконецъ, понимали службу въ настоящемъ смыслѣ, какъ честный трудъ въ интересахъ государства, общества и народа». «Мысль о томъ, что опоркою престола можетъ быть только одно сословіе, или одинъ классъ—дика и идетъ вопреки исторіи и въ обиду всему народу», а потому «верховой власти много выгоднѣе соединить свои интересы съ интересами всѣхъ сословій и изъ нихъ привлечь къ себѣ все честное, умное, образованное и способное къ труду»²⁾.

Мысль объ основаніи у насъ школы на новыхъ началахъ, запала въ душу Стоюнина еще въ 1862 г., почему онъ тогда же сталъ хлопотать о разрѣшеніи ему завести въ Петербургѣ частную

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1886 годъ.

²⁾ «Консерваторы 40-хъ годовъ», «Историческій Вѣстникъ», 1882 года.

мужскую гимназію, каковое Высочайшее разрѣшеніе и послѣдовало въ томъ же году; но тогда этой мысли не суждено было осуществиться.

Во время жизни въ Царскомъ Селѣ, Марья Николаевна Стоюнина задумала для воспитанія своихъ дѣтей основать собственную гимназію, что и было приведено въ исполненіе въ 1881 году. Уже въ отчетѣ за 1882—83 учебный годъ выражено желаніе, чтобы программами гимназіи были вызваны «всѣ данныя человѣку способности къ труду физическому и умственному и направлены, согласно съ нравственными цѣлями жизни, при чемъ и эстетическое чувство должно имѣть свою долю въ развитіи, какъ одинъ изъ задатковъ человѣческой жизни», такъ какъ «современная школа должна готовить человѣка для самостоятельной жизни, которая прежде всего требуетъ отъ него здоровья, т. е. правильнаго развитія физическихъ силъ, при этомъ привычки сознательно относиться ко всему окружающему, умѣнья владѣть собою, разумнаго труда въ общей жизни, чувства нравственной связи съ общественной средой». «Все это, сказанное въ томъ же отчетѣ, составляетъ почву для просвѣщеннаго человѣка, къ которому должна стремиться школа, какъ къ своей послѣдней цѣли». Владиміру Яковлевичу предоставлено было въ гимназіи мѣсто инспектора и преподавателя русскаго языка и словесности; курсъ этихъ предметовъ онъ и началъ съ 1881 года для приготовительнаго класса, ведя его постепенно изъ класса въ классъ до 1888 года, когда тяжелый физическій недугъ свелъ его въ могилу. Такимъ образомъ ему не удалось видѣть полнаго осуществленія начатаго совмѣстно съ женою дѣла, не пришлось присутствовать при томъ, когда ученицы, переступивъ порогъ заведенія, въ которомъ Владиміръ Яковлевичъ игралъ такую выдающуюся роль, скажутъ современникамъ, что дала имъ новая школа, какъ пріучила глядѣть на жизнь и свои обязанности, какими матерями и воспитательницами завѣщала имъ быть въ семьѣ, въ обществѣ и въ той будущей русской школѣ, типомъ которой послужить, какъ думалъ покойный, «женская гимназія Стоюниной».

Б. Глинскій.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ В. Я. СТОЮНИНА.

(Библиографическій обзоръ).

МЕРТЬ Владиміра Яковлевича Стоюнина († 4-го ноября 1888 года) невольно заставляетъ вспомнить, какими учено-литературными трудами отмѣтилась его педагогическая карьера. Ни одинъ некрологъ о покойномъ Стоюнинѣ не обратилъ полного вниманія на всѣ эти труды и не далъ подробнаго обзора учено-литературныхъ работъ умершаго писателя. Желая восполнить такой пробѣлъ, мы, на основаніи давно собираемыхъ матеріаловъ, предлагаемъ «библиографическій обзоръ» трудовъ В. Я. Стоюнина на страницахъ журнала, гдѣ покойный, еще такъ недавно, помѣщалъ свои статьи.

Учено-литературная дѣятельность покойнаго Стоюнина началась еще на студенческой скамьѣ С.-Петербургскаго университета: въ 1848 году онъ написалъ двѣ первыя обширныя работы. Первая служила отвѣтомъ на слѣдующую тему, заданную извѣстнымъ профессоромъ П. А. Шлетневымъ: «Разсмотрѣть сочиненія Крылова и Пушкина, при чемъ опредѣлить, какія стороны русской народности изобразилъ каждый изъ нихъ, въ чемъ состоитъ особенность поэзіи того и другого, способствовали ли они успѣхамъ поэзіи вообще, какъ искусства, внесли ли новыя истины въ умственную жизнь современниковъ, и чѣмъ каждый изъ нихъ дѣйствовалъ на совершенствованіе русскаго языка». Работа Стоюнина, удостоенная почетнаго отзыва, не была напечатана въ цѣломъ видѣ, но большая часть изъ нея, особенно посвященная Пушкину, вошла въ извѣстную монографію покойнаго автора о нашемъ гениальномъ поэтѣ, изданную въ 1880 году. Другой же трудъ, также написанный среди студенческихъ заня-

тій, носилъ слѣдующее заглавіе: «Искусство и литература въ древнемъ и новомъ мірѣ». Онъ можетъ назваться первою печатною статью Стоюнина, такъ какъ въ 1848 году появился на страницахъ «Библиотеки для Чтенія» (т. ХС, кн. 10, отд. III, стр. 143—180).

Въ 1850 году, во время окончанія университетскаго курса со степенью кандидата и первыхъ мѣсяцевъ учительской службы въ 3-й петербургской гимназіи, Владиміръ Яковлевичъ выступилъ съ двумя статьями, напечатанными въ томъ же журналѣ— «Библиотекѣ для Чтенія». Это были: «Яковъ Борисовичъ Княжнинъ» (книга 5 — 7) и «Званка» (книга 10). Первая сообщала много новыхъ матеріаловъ для біографіи и дѣятельности русскаго драматурга XVIII вѣка; вторая же знакомила съ усадьбою Державина и передавала рассказы старожиловъ объ его деревенской жизни. Обѣими статьями открывался рядъ историко-литературныхъ очерковъ, которымъ авторъ охотно удѣлялъ свой досугъ среди педагогическихъ занятій. Такъ, черезъ два года, имъ напечатанъ очеркъ «Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ» («Сынъ Отечества» 1852 г., кн. 3—5) и изданы дополнителныя свѣдѣнія о Княжнинѣ (кн. 12), а въ промежуткѣ, среди занятій названными работами, появилась и первая педагогическая статья «О русской азбукѣ». («Вѣдомости с.-петербургск. городск. полиціи» 1852 г., №№ 242—243).

За время 1854—1861 гг. выходятъ слѣдующіе труды покойнаго автора:

1854 г.: «Три комедіи Островскаго», критическій разборъ («Вѣдомости С.-Петербургской городск. полиціи», №№ 233, 260, 262—264).— Въ этомъ разборѣ авторъ имѣлъ въ виду три пьесы: «Бѣдная невѣста», «Не въ свои санни не садись» и «Бѣдность не пороку».

«Труды Вольнаго Россійскаго собранія, бывшаго при Московскомъ университетѣ» («Журналъ министерства народн. просвѣщенія», ч. LXXXIV, кн. 10 и 11).— Подъ такимъ заглавіемъ В. Я. разсмотрѣлъ шесть частей періодическаго изданія, выходившаго съ названіемъ: «Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго собранія» (М. 1774—1783 г.) и заключающаго въ себѣ статьи: кн. К. Р. Даншковой, Г. Миллера, М. Н. Муравьева, М. М. Хераскова и другихъ.

1855 г.: «Высшій курсъ русской грамматики», Спб. 167 стр.—Этотъ трудъ, посвященный «памяти Ломоносова, составителя первой русской грамматики 1755 года», выдержалъ еще два изданія: второе—Спб. 1867 г. и третье—Спб. 1876 г.

1856 г.: «Первое сценическое образованіе В. А. Каратыгина» («Музыкальн. и Театральн. Вѣстникъ», № 1).

«Матеріалы для исторіи русскаго театра: Комедіянтъ Іоаннъ Кунстъ». (Тамъ же, № 4).

«Нѣкоторые вопросы по поводу комедіи г. Островскаго» (Тамъ же, № 5).—Статья касается пьесы: «Въ чужомъ пиру похмѣлье».

- «Театральныя представленія въ Казани» (Тамъ же, №№ 6 и 7).—Статья написана по поводу сочиненія С. Т. Аксакова: «Семейная хроника и воспоминанія».
- «Нѣсколько словъ о П. Р. Фурманѣ, скончавшемся 8-го января 1856 года» («Сѣверная Пчела», № 39).
- «Александръ Петровичъ Сумароковъ», историко-литературный очеркъ («Музыкальн. и Театральн. Вѣстникъ», №№ 36—40, 43—46).—Отдѣльный оттискъ этого очерка: Спб. 1856 г., 172 стр.
- «Замѣчанія на статью К. Фойгта: О реторикѣ» («Журналъ мин. народ. просвѣщенія», т. ХСІ, кн. 7).
- 1857 г.: «Критическія замѣтки о русскихъ спектакляхъ» («Музыкальн. и Театральн. Вѣстникъ», № 12).
- Разборъ «Русской грамматики» В. Клосовскаго («Русск. Педагогическ. Вѣстникъ», т. I, № 2).
- «Развитіе педагогическихъ идей въ Россіи въ XVIII вѣкѣ» (Тамъ же, т. II, №№ 7 и 8).—Окончаніе этого труда было напечатано въ слѣдующемъ году (1858 г., т. III, № 1).
- 1858 г.: «Критическія замѣтки о русскихъ спектакляхъ» («Музыкальн. и Театральн. Вѣстникъ», №№ 7, 10, 12 и 19).
- 1859 г.: Въ этомъ году В. Я. Стоюнинъ, подъ своей редакціей, напечаталъ христоматию, подъ заглавіемъ: «Русская лирическая поэзія для дѣвиць» (Спб., ч. I, 261 стр.), куда вошли произведенія Жуковскаго, Дениса Давыдова, Козлова, Языкова, Дельвига, Баратынскаго, Лермонтова и Кольцова. Но въ этомъ же году покойный педагогъ принимаетъ на себя редактированіе газеты «Русскій Міръ». Ей предназначалось «быть посредницей между современными явленіями, достойными общаго вниманія, особенно въ русской жизни, и тѣмъ классамъ русскихъ гражданъ, которые почему-либо не имѣютъ возможности слѣдить за современностью по ежедневнымъ газетамъ». При такой задачѣ «Русскій Міръ» сначала выходилъ еженедѣльно, но потомъ (съ іюля 1859 г.)—два раза въ недѣлю. Этимъ изданіемъ В. Я. руководилъ съ 1-го января 1859 г. до мая слѣдующаго года и, кромѣ анонимныхъ статей, напечаталъ три критическіе отзыва: «Воспитаніе русской женщины», по поводу книги Н. Фирсова: «Очеркъ воспитанія дѣвиць въ Пермской губерніи» (1859 г., № 3), «Объ Исторіи русской словесности Шевырева» (№ 2) и «О романѣ Гончарова: «Обломовъ»» (№№ 20 и 21).
- 1860 г.: «Весѣды И. И. Срезневскаго о русскомъ языкѣ» («Сѣверная Пчела», №№ 69 и 103).
- «Королева Марія Антуанета», біографическій очеркъ («Разсвѣтъ», т. VI, кн. 4 и 5).
- «Мысли о нашихъ гимназіяхъ» («Журналъ Воспитаніе», т. VIII, кн. 7 и 8).
- «Еще о Княжнинѣ и его трагедіи: «Вадимъ»» («Русск. Вѣстникъ», кн. 10).—Эта статья основана на новыхъ данныхъ, сообщенныхъ автору сыномъ Княжнина.
- «Разборъ книги А. Линниченка: «Курсъ исторіи поэзіи»» («Разсвѣтъ», т. VIII, кн. 11).
- «Новая программа «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»» («Журналъ Воспитаніе», т. VIII, кн. 12).—Эта статья имѣетъ въ виду «программу» редактора К. Д. Ушинскаго, желавшаго «сосредоточить дѣятельность журнала преимущественно на вопросахъ общественнаго образованія».
- 1861 г.: «Нѣчто о нашей современной женщинѣ» («Разсвѣтъ», т. IX, кн. 1).
- «Выставка скульптурныхъ произведеній г. Бродзкаго» («Сѣверн. Пчела», № 270). Затѣмъ. въ дѣятельности В. Я. Стоюнина слѣдуетъ пять лѣтъ (1862—1865 гг.),

- отмѣченныя только тремя трудами—извѣстною книгою: «О преподаваніи русской литературы» (Спб. 1864 г., 392 стр.)¹⁾, брошюрою: «Недоросль», съ примѣчаніями (Спб. 1865 г.) и статьею: «О частной педагогической предпримчивости» («Современникъ» 1865 г., кн. 6).
- 1867 г.: «Князь Антиохъ Кантемиръ въ Лондонѣ», изъ біографіи Кантемира, 1732—1738 годы («Вѣстникъ Европы», кн. 1 и 2).
- «Князь Антиохъ Кантемиръ», біографическій очеркъ («Русскіе писатели XVIII и XIX столѣтій, изданіе И. И. Глазунова: Сочиненія, кн. А. Д. Кантемира, Спб., стр. XI—CXIII). — «Эта статья», по объясненію самого Стоюнина, «есть извлеченіе изъ большой монографіи, приготовленной авторомъ для отдѣльнаго изданія». Однако, названная монографія до сихъ поръ не появилась въ свѣтъ.
- 1868 г.: «Недоросль, комедія Фонъ-Визина», съ примѣчаніями и вопросами для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ, Спб. Черезъ двѣнадцать лѣтъ это изданіе вышло подъ заглавіемъ: «Училищная бібліотека», вып. 2 (Спб. 1880 г., 82 стр.).
- 1869 г. «Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы до новѣйшаго періода», Спб., 256 стр. Слѣдующія изданія: второе—М. 1871 г.; третье—М. 1873 г.; четвертое—Спб. 1876 г.; пятое—Спб. 1879 г.
- «Руководство для теоретическаго изученія литературы по лучшимъ образцамъ русскимъ и иностраннымъ», (Спб. 192 стр. Слѣдующія изданія: второе—М. 1871 г.; третье—М. 1872 г.; четвертое—М. 1874 г.; пятое—Спб. 1876 г.; шестое: Спб. 1880 г.
- 1870 г.: «Мысли о нашихъ экзаменахъ» («Вѣстникъ Европы», кн. 8)
- «Недоросль, комедія Фонъ-Визина» (1782 г.) и «Горе отъ ума, комедія Грибоѣдова (1823 г.), съ примѣчаніями и вопросами для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ», Спб.
- 1871 г.: «Русскій синтаксисъ», Спб.—Второе изданіе: М. 1875 г., 125 стр.
- «Борисъ Годуновъ А. С. Пушкина», съ примѣчаніями и вопросами для изученія. Спб. Второе изданіе: Спб. 1876 г., 116 стр.
- 1872 г.: «Полтава, поэма А. С. Пушкина», съ примѣчаніями, Спб. Второе изданіе: Спб. 1876 г., 76 стр.
- 1873 г.: «Русская хрестоматія для переводовъ на французскій и нѣмецкій языки въ высшихъ классахъ среднеучебныхъ заведеній, М. Въ составленіи этой книги, вмѣстѣ со Стоюнинымъ, принималъ участіе и И. Н. Павловъ²⁾.
- «Скупой рыцарь А. С. Пушкина», съ примѣчаніями, Спб.
- 1874 г. «Моцартъ и Сальери А. С. Пушкина», съ примѣчаніями, Спб.
- 1875 г.: «Разборъ книги М. Орлова: Курсъ исторіи русской литературы» («Учебно-воспитательн. Бібліотика», М., т. I, часть первая).
- «Рецензія на книгу Тимошенко: «Опытъ систематическаго изложенія теоріи словесности» (Тамъ же).
- «Объ изданіи М. Стасюлевича: «Русская Бібліотека» (Тамъ же).
- «Разборъ книги Н. Баталіна: Изборникъ статей для теоретическаго изученія образцовъ русской литературы» (Тамъ же).

¹⁾ Эта книга выдержала: второе (Спб. 1868 г.), третье (М. 1874 г.) и четвертое (Спб. 1879 г.) изданія.

²⁾ О немъ см. нашъ «Обзоръ жизни и трудовъ покойныхъ русскихъ писателей», Спб. 1885 г., вып. II, стр. 38—39.

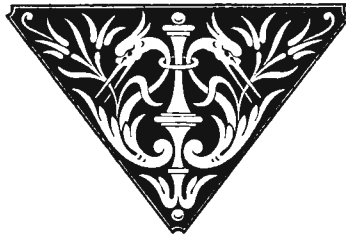
- «Педагогическіе вопросы» («Вѣстникъ Европы», кн. 10).
 1876 г.: «Классная русская хрестоматія для младшихъ классовъ среднеучебныхъ заведеній», Спб., 335 стр. Второе изданіе: Спб. 1883 г.
 «Руководство для преподавателей русскаго языка въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній», Спб., 61 стр.
 «Мѣдный всадникъ А. С. Пушкина», съ примѣчаніями. Спб., 17 стр.
 1877 г. «Александръ Семеновичъ Шишковъ», біографія («Вѣстникъ Европы» кн. 9 — 12). Эта біографія вышла и отдѣльно подъ названіемъ: «Историческія сочиненія В. Стоюнина», часть первая, Спб. 1880 г., 371 стр.
 1878 г. «Изъ исторіи воспитанія въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія» («Древн. и Новая Россія», кн. 1).
 «А. С. Шишковъ», характеристика (Тамъ же, кн. 10).
 «Капитанская дочка», повѣсть А. С. Пушкина, съ примѣчаніями, Спб., 138 стр. Второе изданіе Спб. 1880 г., 162 стр.
 1879 г.: «Безъ исторіи и безъ преданій» («Древн. и Нов. Россія», кн. 1).
 «Хрестоматія къ Руководству для теоретическаго изученія литературы», Спб., 336 стр.
 1880 г.: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», біографія («Историческій Вѣстникъ», кн. 6 — 8, 10 и 12). Эта біографія вышла и отдѣльно подъ названіемъ: «Историческія сочиненія В. Стоюнина», часть вторая, Спб. 1881 г., 440 стр.
 «Князь Антохъ Кантемиръ въ Парижѣ» («Вѣстникъ Европы», кн. 8 и 9).
 1881 г.: «Эпическія стихотворенія А. С. Пушкина», съ примѣчаніями, Спб., 78 стр.
 «Замѣтки о русской школѣ» («Вѣстникъ Европы», кн. 3 и 5). Окончаніе этой статьи помѣщено въ 1882 г. (кн. 1).
 «Княжнинъ-писатель» («Историческій Вѣстникъ», кн. 7 и 8).
 1882 г.: «Консерваторы сороковыхъ годовъ» («Историческ. Вѣстникъ», кн. 1).
 «Памяти князя Александра Илларионовича Васильчикова» («Наблюдатель», кн. 1).
 «Наблюденія надъ русскою народною школою» (Тамъ же, кн. 3—5).
 «Къ вопросу о распространеніи грамотности въ русскимъ народѣ» (Тамъ же, кн. 10).
 «Баллады Шиллера въ объясненіяхъ Д. Цвѣтаева» (Тамъ же, кн. 12).
 1883 г.: «Образованіе русской женщины» («Историческій Вѣстникъ», кн. 4).
 1884 г.: «Лучъ свѣта въ педагогическихъ потемкахъ» (За двадцать пять лѣтъ, сборникъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, Спб.).
 «Наша семья и ея историческія судьбы» («Вѣстникъ Европы», кн. 1 и 2).
 «Отъ школы къ труду» («Наблюдатель», кн. 3 и 4).
 1885 г.: «Педагогическія задачи Пирогова» («Историческ. Вѣстникъ», кн. 4 и 5).
 1886 г.: «Грамматическій матеріалъ въ русскихъ учебникахъ» («Женск. Образованіе», кн. 9).

Вотъ въ какомъ послѣдовательномъ видѣ развивалась учено-литературная дѣятельность В. Я. Стоюнина. Изъ этого библиографическаго обзора не трудно убѣдиться, что покойный не довелъ до конца отдѣльное изданіе своихъ крупныхъ работъ подъ заглавіемъ: «Историческія сочиненія»: онъ успѣлъ напечатать только двѣ части съ біографіями А. С. Пушкина и А. С. Шишкова. Съ другой стороны, какъ тоже видно изъ нашего очерка, Владиміръ Яковлевичъ ни разу не рѣшался собрать въ одну книгу своихъ замѣчательныхъ педагогическихъ статей, особенно по образованію

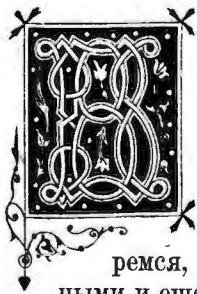

женщинъ и народа,— статей, разбѣянныхъ по нѣсколькимъ журналамъ и, при томъ, за разные годы. Поэтому намъ кажется, что на обязанности родныхъ и друзей покойнаго лежитъ прямой долгъ закончить изданіе «Историческихъ сочиненій» перепечаткою въ одинъ томъ важныхъ журнальныхъ статей, какъ на примѣръ: о Кантемирѣ, Княжнинѣ и Сумароковѣ, а также—составить сборникъ изъ лучшихъ педагогическихъ статей умершаго автора. Такими двумя изданіями лучше всего почтится память «русскаго педагога В. Я. Стоюнина».

Димитрій Языковъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О ГРАФѢ М. Т. ЛОРИСЬ-МЕЛИКОВѢ.

ВЪ ДЕКАБРѢ мѣсяцѣ прошлаго года послѣ тяжкой и продолжительной болѣзни, на 63-мъ году отъ рожденія, окончилъ свою жизнь въ Ниццѣ графъ Михайль Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, игравшій еще въ недавнее время столь выдающуюся роль русскаго государственнаго дѣятеля. Говорить объ этомъ послѣднемъ періодѣ его жизни мы не беремся, она связана съ обстоятельствами чрезчуръ крупными и еще совсѣмъ свѣжими, для которыхъ не наступило еще время безпристрастной оцѣнки; но мы расскажемъ изъ нашихъ воспоминаній о тѣхъ личныхъ нашихъ отношеніяхъ, въ которые мы были поставлены къ Лорисъ-Меликову съ ранней поры нашей жизни, со школьной скамейки, что и даетъ намъ возможность сообщить для будущей его біографіи нѣкоторыя не лишеныя интереса свѣдѣнія.

Родомъ армянинъ, тифлискій уроженецъ; онъ имѣлъ своими предками меликовъ или наслѣдственныхъ приставовъ Лорійской стени, входившей въ черту Грузинскаго царства. Званіе это само по себѣ вводило лицъ, носившихъ его, въ высшее сословіе Грузіи, а Сомхетскій меликъ былъ даже однимъ изъ первыхъ вельможъ; но когда, въ 1801 году, Грузія присоединилась окончательно къ Россіи и высшее сословіе ея вступило въ ряды русскаго дворянства, списокъ благородныхъ фамилій, сообщенный еще царемъ Иракліемъ II императрицѣ Екатеринѣ II, оказался неполнымъ и нашлось не мало фамилій, не включенныхъ въ него, представлявшихъ несомнѣнныя доказательства своего благороднаго происхожденія, что и вызвало учрежденіе особыхъ комиссій въ Тифлисѣ.

ской и Кутаисской губерніяхъ, которымъ поручено было выяснить эти домогательства. Въ числѣ лицъ, отыскивавшихъ дворянство, находился и зажиточный армянинъ Таріель Лорисъ-Меликовъ, получавшій съ баранты своей на Лорійской степи и съ оптовой торговли разными товарами съ Лейпцигомъ, куда нерѣдко ѣздилъ и самъ, значительный доходъ. Располагая хорошими средствами, онъ позаботился прежде всего о воспитаніи и образованіи своихъ сыновей, Михаила и Василія. Между сыновьями была довольно большая разница въ годахъ: старшій родился въ 1825 году, меньшей въ тридцатыхъ; но что къ обоимъ съ ранняго возраста были приставлены русскіе воспитатели, это лучше всего доказывалось тѣмъ, что оба брата говорили порусски безъ малѣйшаго акцента и ихъ нельзя было отличить по говору отъ коренныхъ русскихъ. Василій, скончавшійся въ концѣ 60-хъ годовъ, воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, служилъ нѣкоторое время въ Тифлисѣ, а затѣмъ жилъ въ отставкѣ своими доходами. Далекій отъ всякихъ честолюбивыхъ стремленій, онъ бѣгалъ всякой служебной и общественной дѣятельности и не менѣе того былъ всѣми любимъ и уважаемъ и оставилъ по себѣ симпатичную память. Старшій, Михаилъ, пошелъ инымъ путемъ. Начавъ ученье въ лучшемъ тогдашнемъ тифлисскомъ пансіонѣ Арзановыхъ, а потомъ въ армянскомъ Нересовскомъ училищѣ, онъ рано уже обнаружилъ блистательныя способности и прилежаніе; лѣтъ 12-ти говорилъ уже, кромѣ русскаго, на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и свободно владѣлъ тремя туземными діалектами—армянскимъ, грузинскимъ и татарскимъ. Видя такую охоту учиться и успѣхи, отецъ перемѣстилъ его изъ Тифлиса въ Москву, въ Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ, гдѣ юноша познакомился съ арабскимъ и турецкимъ языками, но тутъ онъ оставался недолго, такъ какъ въ судьбѣ его рода произошло тогда важное событіе—Лорисъ-Меликовы были признаны и утверждены дворянами—и Таріель, сообразуясь съ желаніями сына, направилъ его на военную карьеру, открывшуюся ему дворянскимъ достоинствомъ. Сначала поступилъ онъ уже въ Петербургѣ въ приготовительный пансіонъ горнаго инженеръ-полковника Вержбицкаго, а оттуда, въ 1839 году, въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ конкеровъ, бывшую тогда, какъ и пажескій корпусъ, преимущественнымъ разсадникомъ для гвардіи. Изъ другихъ корпусовъ выходили въ гвардію только фельдфебеля. Разница между пажескимъ корпусомъ и школой заключалась въ томъ, что въ первый принимались только сыновья генераловъ, людей не всегда богатыхъ, а въ школу поступали преимущественно дѣти людей состоятельныхъ. Михаилъ Таріеловичъ пошелъ въ кавалерію и попалъ въ кружокъ такихъ богачей, какъ Фурманъ, Фроловъ-Багрѣвъ (единственный внукъ графа Сперанскаго, убитый впоследствии Ханьковымъ), Рахмановы и др.. отецъ

не скупился снабжать его деньгами и юноша, ни въ чемъ не отстававшій отъ своихъ богатыхъ товарищей, вскорѣ сдѣлался общимъ ихъ любимцемъ. Четыре года школьнаго курса прошли незамѣтно; въ старшемъ классѣ, всегда исправный въ ученіи и въ кавалерійской ѣздѣ, Лорисъ сдѣланъ былъ отдѣленнымъ унтеръ-офицеромъ, и съ этой поры началось мое съ нимъ знакомство. Я поступилъ въ школу въ августѣ 1842 года подпрапорщикомъ.

Положеніе новичковъ было самое печальное въ школѣ. Ихъ называли почему-то вандалами и въ теченіе цѣлаго года держали въ страшной субординаціи; классы считались снизу: 4, 3, 2, 1-ый, и каждый ученикъ третьяго класса имѣлъ право командовать четвертоклассникомъ-новичкомъ, колотить его, помыкать, какъ вздумается, и облагать привошеніями разныхъ сѣдобныхъ вещей и лакомствъ, въ тѣ праздники, когда оставался безъ отпуска. Горе было тому кто бунтовался противъ этого суроваго режима или попробовалъ бы жаловаться,—онъ попадалъ тогда въ категорію фискаловъ и его колотили уже всѣ безъ исключенія и колотили страшно больно. Но и въ этомъ спартанскомъ міркѣ существовали способы смягченія его ферулы и они состояли въ томъ, что у нѣкоторыхъ новичковъ бывали свои могущественные патроны изъ старшихъ классовъ, и ихъ покровительство имѣло громадное значеніе. Новичка, взятаго подъ такой патронатъ, меньше жучили и допускали даже на товарищескую ногу со старшими, не перестававшими, впрочемъ, поглядывать на него свысока. И вотъ у меня именно имѣлся такой патронъ, подпрапорщикъ старшаго выпускнаго класса Николай Андреевичъ Трегубовъ, съ которымъ мы и были близки по старинному знакомству нашихъ отцовъ. Трегубовъ (вышедшій въ егерскій полкъ и впоследствии убитый на Кавказѣ) былъ товарищемъ Лорисъ-Меликова по пансіону Вержбицкаго, оставался всегда въ дружескихъ съ нимъ отношеніяхъ, а потому и меня съ нимъ познакомилъ. Добродушная и умная азіатская фізіономія Лориса мнѣ сразу понравилась и съ этого дня, въ часы рекреаціи, мы всегда здоровались, а иногда и болтали; новички всѣ очень его любили, да и, вообще, онъ былъ очень популяренъ; но въ особенности сблизилъ меня съ нимъ лазаретъ. Зимой мы оба заболѣли: Лорисъ, какъ уроженецъ Кавказа, страдалъ чуть ли не болѣзною печени, а у меня распухли шейныя железы, и насъ обоихъ положили въ одну палату. Когда мы стали поправляться и надо было наполнять чѣмъ-нибудь нашъ досугъ, у насъ устроились чтенія, благодаря одному изъ болѣвшихъ, тоже кавалеристу, Константину Яковлевичу Савельеву (умеръ года два тому назадъ въ Царскомъ Селѣ), прекрасному чтецу, получившему изъ дому тогда еще совсѣмъ новинку—«Мертвыя души», Гоголя. Невозможно передать теперь всю силу и новизну впечатлѣнія, которое производила на насъ тогда эта книга. Всѣ поэтиче-

скія произведенія Пушкина, рассказы, повѣсти, романы другихъ классическихъ писателей—все это уступило мѣсто преклоненію нашему предъ тѣмъ поразительнымъ реализмомъ и юморомъ, которыми обдавалъ насъ Гоголь, и мы со страстью его зачитывались. Какъ только оканчивалась утренняя визитація доктора и лазаретъ прибирался, а фельдшера уходили въ свою дежурную комнату, Лорисъ обыкновенно говорилъ Савельеву:

— Ну, Цукать, вынимай Гоголя и принимайся за чтеніе.

Цукатомъ Савельева называли потому, что сестра его была замужемъ за графомъ Цукато и онъ увѣрялъ всѣхъ, что бездѣтный его зять намѣренъ передать ему свой громкій титулъ итальянскаго графа.

Цукать вытаскивалъ Гоголя и чтеніе начиналось, а слушать его набирались больные и изъ другихъ палатъ. Чтець мастерски исполнялъ свое дѣло, смѣхъ не переставалъ раздаваться въ палатѣ и доходилъ иногда до такого дружнаго взрыва, что въ дверяхъ появлялся недоумѣвающий фельдшеръ и приводилъ насъ къ порядку.

Я пролежалъ въ лазаретѣ недѣли три и, выздоровѣвъ, оставилъ тамъ Лориса, который медленно поправлялся, очень похудѣлъ, пожелтѣлъ и такъ ослабѣлъ, что ему приказано было пить мадеру, которую, по порученію его же, я и покупалъ самую лучшую въ англійскомъ магазинѣ. Къ веснѣ, однако же, силы его возстановились и въ лагерѣ онъ уже глядѣлъ совсѣмъ молодцомъ.

Не могу не припомнить, что въ школѣ у насъ былъ тогда и другой еще армянинъ, классомъ ниже Лориса, маленькій человѣчекъ съ большимъ армянскимъ носомъ, князь Абамеликовъ. Онъ былъ уроженцемъ петербургскимъ и принадлежалъ къ высшему кругу; сестра его извѣстная красавица и фрейлина императрицы была замужемъ за флигель-адъютантомъ Баратынскимъ, бывшимъ впоследствии казанскимъ военнымъ губернаторомъ. Абамеликова называли «носомъ» и великій князь Михаилъ Павловичъ, когда прѣзжалъ въ школу и бывалъ въ духѣ, всегда вызывалъ «носа», хваталъ и таскалъ его за носъ. Абамеликовъ, не смотря на комическую свою наружность, относился къ Лорису свысока, какъ къ плебею, считая себя за аристократа. Лорисъ отвѣчалъ на это ироніей и они другъ друга не любили.

Этого самаго Абамеликова въ началѣ пятидесятыхъ годовъ я зналъ адъютантомъ графа Закревскаго; онъ изображалъ собою неотлучнаго сателита графини Лидіи Арсеньевны Нессельроде, дочери Закревскаго, знаменитой своими эксцентричностями эмансипированной великосвѣтской барыни.

Въ августѣ 1843 года, Лорисъ выпущенъ былъ корнетомъ въ лейбъ-гусарскій полкъ и при этомъ мнѣ привелось побывать на нѣсколькихъ офицерскихъ пирушкахъ, на которыя приглашали меня

онъ и Трегубовъ, и послѣ того съ ними разстаться, съ первымъ на долго, а со вторымъ навсегда. Пирушки давались обыкновенно въ ресторанъ Лерхе на Невскомъ, въ домѣ противулежащемъ Троицкому переулку. До прошлаго еще года этотъ двухъ-этажный домъ сохранялъ свой прежній видъ и напоминалъ собою старикамъ ресторанъ Лерхе — теперь онъ обратился въ четырехъ-этажную безформенную громадину.

Въ 1847 году Лорисъ, въ чинѣ уже поручика, перешелъ служить на Кавказъ, давно его къ себѣ манившій и тутъ впервые началась его боевая дѣятельность, выдвинувшая его вскорѣ впередъ, какъ прекраснаго офицера. Нѣсколько экспедицій въ Чечнѣ и въ особенности въ Дагестанѣ, подѣ командою князя Аргутинскаго, дали ему случай къ отличію и князь Воронцовъ, замѣтивъ его, взялъ къ себѣ уже въ чинѣ ротмистра состоять по особымъ порученіямъ.

Храбрость на Кавказѣ считалась отрицательнымъ качествомъ, потому что трусовъ тамъ не могло быть; но умъ, смѣтливость, находчивость и хладнокровіе, проявленныя Лорисомъ, оцѣнены были по достоинству, а полиглотство его на кавказскихъ нарѣчіяхъ явилось ему громаднымъ подспорьемъ. Онъ объяснялся со всѣми племенами безъ переводчиковъ, понималъ ихъ духъ и характеръ, умѣлъ съ ними улаживаться и Воронцовъ, воспользовавшись этимъ, сталъ давать ему весьма серьезныя порученія. Такъ, напримѣръ, въ началѣ пятидесятихъ годовъ къ намъ перебѣжалъ отъ Шамиля, правая его рука, аварскій ханъ Хаджи Муратъ; маневръ этотъ былъ крайне двусмысленъ: перебѣжчикъ бранилъ своего имама, жаловался на его обиды, называлъ своимъ заклятымъ врагомъ, а между тѣмъ, изучалъ и высматривалъ у насъ все, что ему требовалось имѣя замыселъ при удобномъ случаѣ снова бѣжать въ горы и сдѣлаться тамъ еще опаснѣйшимъ для насъ врагомъ. Воронцовъ, не давая ему замѣтить, что понималъ его планы, приставилъ къ нему Лориса и тотъ съ необыкновеннымъ мастерствомъ и зоркостью слѣдилъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ за этимъ дикимъ іезуитомъ-фанатикомъ, читалъ его мысли, спутывалъ и парализировалъ темную его тактику и все время поддерживалъ съ нимъ кунацкія отношенія; но случилось Лорису заболѣть, временно назначили вмѣсто него полковника Бучіева и Хаджи Муратъ бѣжалъ. Не удалось, впрочемъ, этому смѣльчаку добраться до горъ: уѣздный начальникъ Каргановъ нагналъ его на границѣ Нухинскаго уѣзда и его прикончилъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ помѣщена была въ «Русской Старинѣ» переписка по этому дѣлу Воронцова съ Лорисомъ, изъ которой видно, какимъ довѣріемъ пользовался послѣдній у намѣстника.

Крымская война застала Лориса уже въ полковничьемъ чинѣ и тутъ открылось новое поприще его военнымъ дарованіямъ. При

обложени Карса Н. Н. Муравьевымъ, ему нужна была значительная партизанская команда, пресѣкающая всякія внѣшнія сношенія, подвозъ снарядовъ и провіанта блокированной крѣпости. Муравьевъ возложилъ на Лорисъ-Меликова это порученіе, и что тотъ сдѣлалъ можно видѣть изъ записокъ самого Муравьева объ этой войнѣ. Организовалась многочисленная и до чрезвычайности пестрая команда, состоявшая изъ армянъ, грузинъ, курдовъ, каранапачовъ, былъ даже среди нея какой-то забулдыга русскій поповичъ; царствовало тутъ вавилонское смѣшеніе языковъ, но Лорисъ-Меликовъ справлялся съ нимъ безъ переводчика, и намуштровалъ свою команду такъ, что она лѣзла въ огонь и въ воду и довела Карсъ до полной изолированности, что, конечно, и ускорило сдачу этой крѣпости. Муравьевъ въ своихъ запискахъ не скупится на похвалы дѣятельности Лорисъ-Меликова и если бы онъ не оставилъ такъ скоро Кавказа, Лориса ожидало высокое при немъ назначеніе. Но въ 1857 году, новый намѣстникъ князь Барятинскій отнесся къ нему совсѣмъ иначе, встрѣтилъ его сухо и Лорису, произведенному на 32-мъ году за крымскую войну въ генералы, исполненному энергіи и честолюбивыхъ желаній, пришлось пережить довольно продолжительную полосу совершенной бездѣятельности и напрасныхъ ожиданій. Ему страстно хотѣлось быть тифлискимъ губернаторомъ; эту ваканцію открылъ тогда генералъ Лукашъ, вышедшій въ отставку, но вмѣсто него назначенъ былъ генералъ Капгеръ и Лорисъ проглотилъ эту горькую пилюлю.

Въ это-то самое время, четырнадцать лѣтъ спустя послѣ прощанія нашего у Лерхе, мнѣ привелось снова встрѣтиться съ Лорисомъ въ Тифлисѣ у Колюбакиныхъ. Я служилъ тогда чиновникомъ особыхъ порученій при кутаисскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ А. И. Гагаринѣ, и былъ въ отпуску. Лорисъ первый меня узналъ и не смотря на свой генеральскій чинъ сохранилъ со мной прежній искренній товарищескій тонъ. Проживъ въ Тифлисѣ съ мѣсяць, я съ нимъ встрѣчался очень часто. Былъ у него раза два, но не видалъ его молоденькой жены, урожденной княжны Аргутинской-Долгоруковой, племянницы знаменитаго героя Кавказа, находившейся тогда въ интересномъ положеніи и никого не принимавшей.

Вообще, замѣтно было тогда, что Лорисъ не въ своей тарелкѣ, имѣлъ даже болѣзненный видъ; служебное солнышко его не грѣло и это грызло его честолюбіе. Говоря о немъ съ Колюбакиными, я слышалъ отъ нихъ такой отзывъ о причинѣ сухости къ нему кн. Барятинскаго. При Воронцовѣ онъ долго добивался личнаго при немъ состоянія, этого ужасно ему хотѣлось; но или старикъ его не замѣчалъ или окружавшіе отгѣсняли его, только дѣло не клеилось, и тогда онъ пошелъ окольнымъ путемъ черезъ всемогущаго доктора Андреевскаго, расположилъ его къ себѣ и добился своего.

Злые языки говорили даже, что Андреевскій попросту взялъ съ него взятку. Неизвѣстно была ли то правда или клевета, но эта молва, дошедшая и до Бяратинскаго, сильно повредила Лорису въ его мнѣніи. Бяратинскій до того не могъ терпѣть Андреевскаго, что, сдѣлавшись намѣстникомъ, тотчасъ же выслалъ его изъ края. Кромѣ того, Лорису вредилъ въ глазахъ Бяратинскаго еще и недавній фаворитизмъ личнаго его врага Н. Н. Муравьева.

И не смотря на всѣ эти неблагопріятныя вѣянія, какъ Колюбакины, такъ и другіе кавказцы, составлявшіе ихъ тѣсный кружокъ, признавали за Лорисомъ несомнѣнныя достоинства ума и благородства характера; мало ли на кого не клеветуютъ и мало ли кому не желаютъ подставлять ножку, и Лорису, по мнѣнію всѣхъ, оставалось терпѣливо переживать эту тягостную полосу. На Кавказѣ человѣку даровитому всегда должно было найтись дѣло по плечу и, зная Бяратинскаго, можно было съ увѣренностью сказать напередъ, что нуждаясь въ людяхъ и цѣня ихъ, онъ найдетъ дѣло и Лорису.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ», кажется, за 1885 годъ, были помѣщены чрезвычайно интересныя воспоминанія генерала П. С. Николаева о князѣ Бяратинскомъ, и въ нихъ очень живо разсказанъ эпизодъ совсѣмъ неожиданнаго назначенія Лориса начальникомъ войскъ и губернаторомъ въ Абхазію. Бяратинскій, истомивъ его ожиданіемъ, схватилъ такъ сказать врасплохъ, не далъ ему ни минуты на размышленіе, и погналъ въ Сухумъ. Постъ этотъ былъ одинъ изъ труднѣйшихъ и непріятнѣйшихъ. Прежде всего сухумскія лихорадки были убійственны, а затѣмъ въ Абхазіи сидѣлъ тогда автономный владѣтель, князь Михаилъ Шервашидзе, генералъ-адъютантъ и александровскій кавалеръ, игравшій весьма двусмысленную роль во время похода Омера-паши и вышедшій сухимъ изъ воды. Ладить съ нимъ было очень мудрено. Предмѣстниковъ Лориса, генераловъ Карганова и Бартоломея, онъ сдѣлалъ своими пѣшками, помыкалъ ими какъ хотѣлъ, оказывалъ полное пренебреженіе ко всѣмъ ихъ законнымъ требованіямъ, былъ постоянной для нихъ невидимкой, а въ то же время, среди бѣла дня, нахально провозилъ турецкую контрабанду, находился съ непокорными еще тогда горцами западнаго Кавказа въ самыхъ темныхъ сношеніяхъ, и въ самой Абхазіи властвовалъ безграничнымъ деспотомъ. Лориса онъ встрѣтилъ, какъ и его предмѣстниковъ, крайне высокомерно, да еще съ оттѣнкомъ пренебреженія къ его армянскому происхожденію, но того все это ни мало не смутило и желѣзною рукою въ бархатной перчаткѣ онъ далъ почувствовать владѣтелю, что коса нашла на камень. Размѣры нашей статьи не позволяютъ входить въ детали той сложной и неуловимой борьбы, которую повелъ Лорисъ съ владѣтелемъ, не переставая сохранять съ нимъ наружно наилучшія отношенія. Автору тогда пришлось служить окружнымъ начальникомъ въ сосѣдней Мингреліи, слѣдить за Лорисовскою так-

тикой и нерѣдко имѣть съ нимъ свиданія. Тутъ въ одинъ изъ проѣздовъ Лориса черезъ Мингрелію, онъ везъ свою семью въ Абхазію и при этомъ представилъ автора своей молодой супругѣ, ѣхавшей на страшную скуку въ Сухумъ.

Обращаясь снова къ владѣтелю Абхазіи, скажемъ только, что онъ въ этой шахматной игрѣ, нашелъ себѣ искуснѣйшаго противника. Ему пришлось прекратить двусмысленныя сношенія съ горцами, въ самой Абхазіи противъ него подняла смѣло голову партія мѣстныхъ князей, найдя энергическую поддержку со стороны Лориса, какъ достойнаго представителя русской власти, контрабанда стала тоже проходить туго и неукротимый конь почувствовалъ на себѣ серьезнаго всадника. Князь Барятинскій, восхищенный дѣйствіями Лориса, за которымъ слѣдилъ съ большимъ вниманіемъ, совѣмъ къ нему измѣнился и хотя продержалъ, однако же, два года въ Абхазіи, но вызвавъ въ Тифлисѣ передъ отъѣздомъ своимъ за границу, въ 1861 г., поручилъ ему сначала ѣхать въ Константинополь за вновь избраннымъ армянскимъ патріархомъ Матеесомъ, а когда тотъ выполнилъ это порученіе, сдѣлалъ его Дербентскимъ губернаторомъ. Не могу не припомнить при этомъ проѣзда его съ патріархомъ на обратномъ пути изъ Константинополя; они ночевали въ мѣстечкѣ Орнири, находившемся въ чертѣ моего округа и мнѣ, какъ хозяину, пришлось принимать этихъ гостей. При патріархѣ находилась большая свита, состоявшая изъ высшаго армянскаго духовенства: патріарха помѣстилъ я въ одномъ домѣ, а свиту съ Лорисъ-Меликовымъ въ другомъ. Въ этомъ послѣднемъ домѣ собрались все ѣжигать и меня познакомилъ со свитой Лорисъ — тутъ находился еодосійскій епископъ Айвазовскій, родной братъ нашего знаменитаго художника, архимандритъ Антоній, профессоръ школы мхитаристовъ въ Венеціи, миссіонеръ много лѣтъ своей жизни проведеній въ Индіи, затѣмъ іеромонахъ, котораго имени я не помню, бывшій студентъ Дерптскаго университета, принявшій иночество послѣ кончины своей жены и, наконецъ, секретарь патріарха, Аганіанцъ. Все эти названныя мною лица отличались высокимъ образованіемъ, а Айвазовскій и ученостью, онъ былъ по специальности своей лингвистъ. Разговоръ за ужиномъ шелъ на французскомъ языкѣ и предметомъ его служилъ преимущественно Закавказскій край, который все эти лица посѣщали впервые. Бесѣда была полна ума и интереса и дала мнѣ высокое понятіе объ высшемъ духовенствѣ армяно-грегоріанской церкви. Главнымъ руководителемъ бесѣды былъ опять же Лорисъ, умѣвшій дать ей особое оживленіе.

Вступивъ въ должность дербентскаго губернатора, Лорисъ, какъ я слышалъ, поѣхалъ на воды: лихорадки сухумскія до того разстроили его здоровье, что нужно было полечиться.

Вскорѣ послѣ назначенія намѣстникомъ кавказскимъ его вы-

сочества великаго князя Михаила Николаевича, Лорисъ получилъ высшій постъ начальника Терской области, въ 1865 году произведенъ въ генераль-лейтенанты и пожалованъ званіемъ генераль-адъютанта. Въ Терской области оставался онъ почти десять лѣтъ и значительно подвинулъ впередъ ея благоустройство. Поземельный вопросъ, проложеніе путей сообщенія, устройство искусственнаго орошенія, организація школъ, судовъ, мѣстнаго управленія, всѣ эти отрасли управленія находили въ Лорисъ-Меликовѣ энергическаго, разумнаго и опытнаго руководителя. Не за долго до войны 1877—1879 гг. онъ оставилъ это мѣсто и былъ назначенъ состоять при особѣ намѣстника, но когда вопросъ о войнѣ былъ уже рѣшенъ, военный министръ Д. А. Милютинъ указалъ государю на Лориса какъ на лучшаго будущаго корпуснаго командира дѣйствующей арміи на Кавказѣ и государь далъ ему это назначеніе.

Не станемъ говорить о его дѣятельности на этомъ поприщѣ, ее оцѣнить безпристрастная исторія. Про него, какъ про стратега, много говорили при его жизни и pro и contra, больше бранили, чѣмъ хвалили; конечно, онъ не былъ ни Мольтке, ни нашъ Радецкій или Скобелевъ, но *la critique est aisée, mais l'art est difficile*. Справляться съ тѣми ограниченными боевыми средствами, которыми онъ располагалъ въ началѣ кампаніи, было не легко и нельзя отрицать того, что знаніе края, бывшаго театромъ войны и духа его населенія, много содѣйствовало Лорису поправленію неудачъ, въ началѣ кампаніи нами испытанныхъ.

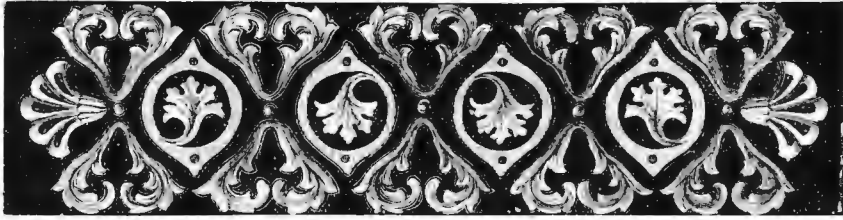
Оставивъ все это въ сторонѣ, скажемъ нѣсколько словъ о немъ какъ о человѣкѣ. Выдающимися чертами его характера были замѣчательная незлобивость, безсребренность и безкорыстіе. У него не было заклятыхъ враговъ, которымъ бы онъ за что-либо мстилъ, и противъ которыхъ интриговалъ; всегда веселый, остроумный, симпатичный, онъ отдѣлывался отъ своихъ недоброжелателей болѣе всего тѣмъ, что надъ ними очень мѣтко трунилъ. Когда онъ управлялъ Терскою областью, помощникомъ у него былъ генераль Э., человѣкъ честолюбивый, завистливый и желающій во всемъ примировать. Онъ подкапывался подъ Лориса всѣми возможными путями и сплетничалъ, а тотъ надъ всѣмъ этимъ только трунилъ. У Э. было не мало партизановъ, которые трубили всякій вздоръ про Лориса и дошло наконецъ до того, что Э. вышелъ въ отставку, поѣхалъ прямо въ Женеву и напечаталъ обличительную брошюру, подъ фамиліей Сельдерецкаго. Но этимъ онъ самъ себя побилъ — брошюра оказалась такимъ вздоромъ, такую бездарностью, что всякому стало ясно на чьей сторонѣ въ распрѣ Э. съ Лорисомъ была правда. Авторъ брошюры и самъ это понялъ, затѣмъ покончилъ тѣмъ, что послѣ цѣлаго ряда какихъ-то шатаній изъ стороны въ сторону взялъ да и застрѣлился. Въ службѣ своей Лорисъ не только не искалъ никогда источника наживы, но самъ прожилъ

свое состояние; всегда гостепріимный и радушный на всѣхъ постахъ имъ пройденныхъ, онъ не скупился на расходы на представительность и еле-еле сводилъ концы съ концами въ своемъ бюджетѣ. По окончаніи турецкой войны, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, въ Бозѣ почившій государь, чрезвычайно его облакшавшій, слыша отъ другихъ объ его стѣсненныхъ денежныхъ обстоятельствахъ, хотѣлъ было помочь ему значительною суммою. но Лорисъ просилъ государя, какъ милости, не дѣлать этого: «Куда мнѣ, ваше величество, солдату, получать большіе купши, я не съумѣю съ ними справиться, да и въ формулярѣ моемъ о деньгахъ не было никогда помину, пусть же онъ такимъ и останется». Такъ отвѣтилъ онъ государю, а нельзя забывать, что именно въ ту пору немногіе бы такъ поступили. Правда, ему пожалована была въ шестидесятыхъ годахъ, какъ и другимъ кавказскимъ дѣятелямъ, земля на берегу Чернаго моря, но онъ ее тогда же продалъ за очень скромную цѣну М. Н. Каткову, и деньги давно прожилъ.

Національность Лориса ему вредила, его звали «армяшкой», упуская изъ виду, что это прозвище синонимъ торгаша, а съ торгашами всѣхъ національностей у него ничего не могло быть общаго. Грустною семилѣтнею полосой заключилась блистательная его карьера; ни въ Петербургѣ, ни въ Тифлисѣ, ему неудобно было жить частнымъ лицомъ послѣ 1-го марта 1881 г., по весьма понятнымъ причинамъ, а проживаніе за границей крайне его тяготило. Теперь когда его уже не стало, нельзя не помянуть этого вполне достойнаго русскаго дѣятеля добрымъ словомъ.

К. Бороздинъ.

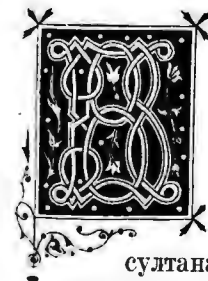

СОВРЕМЕННАЯ ПЕРСИЯ.

Очеркъ ¹⁾.

IV.

ПОСТОКЪ ВЕЗДѢ одинъ и тотъ же. Въ деревняхъ тихое и спокойное равенство, управляющееся безъ начальства крѣпостью преданій и традицій. Въ городахъ, гдѣ есть ставленики верховной власти—предательство, произволь, жестокость и взятки. Было бы дѣтски-наивно винить въ этомъ шаха, какъ и ожидать, напримѣръ, реформъ не на бумагѣ отъ султана Порты. Ни владѣтель, ни органы его, не могутъ быть лучшими, пока народъ темень и безотвѣтенъ. Только общественнымъ мнѣніемъ, только высокимъ подъемомъ развитія и образованія массы, націи достигаютъ блаженнаго счастья имѣть честныхъ, справедливыхъ и гуманныхъ управителей. Но дешевизна жизни и отсутствіе милліонеровъ-капиталистовъ или крупныхъ ландлордовъ, смягчаетъ общій фонъ суровой картины. Произволь и взятка могутъ обидѣть одного изъ тысячи, за то 999 другихъ живутъ пожалуй на зависть свободнымъ западнымъ народамъ. Бѣдно и грязно на видъ, это правда; но кто же не знаетъ, что счастье измѣряется у людей количествомъ не удовлетворенія, а потребностей. Патриархальный народъ, незнающій что такое роскошь, комфортъ и тысяча другихъ вещей, удручающихъ намъ жизнь, чувствуетъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 186.

себя безконечно довольнѣе въ мазанкѣ, разрушающейся при обильномъ дождѣ, и на мокромъ земляномъ полу, чѣмъ миллионы европейцевъ, не понимающихъ, какъ можно жить безъ ковра и спать безъ двухъ простынь. Это до такой степени справедливая, и очевидная истина, что она, напримѣръ, не укрылась даже отъ глазъ американскаго посла, прожившаго въ Персіи нѣсколько лѣтъ, чело-вѣка настолько предубѣжденнаго, что въ другомъ мѣстѣ своей книги онъ пространно доказываетъ невозможность для русскаго, хотя бы «высокорожденнаго князя» быть настоящимъ джентельменомъ. О персахъ г. Бенжаменъ замѣчаетъ какъ бы неволью: «не смотря на ужасное по внѣшности правленіе, персидскій народъ въ среднемъ выводѣ, я думаю, столь же счастливъ, какъ и другіе народы. И, странное дѣло—народъ этотъ выказываетъ удивительныя жизненныя силы, тогда какъ Англія, напримѣръ, и мое отечество—Америка—носятъ въ себѣ столько ясныхъ признаковъ близкаго разложенія». Тотъ же наблюдательный авторъ сознается, что Персія нарождаетъ пролетаріатъ несравненно меньше, чѣмъ Испанія, Англія или Швейцарія. Путешественники въ восхищеніи отъ мѣстной дешевизны—«въ этой странѣ нельзя проѣсть больше шести пенсовъ въ день (25 к.)!»—восклицаетъ г. Уильсъ. За 40 коп. путника везутъ съ караваномъ цѣлые сутки, дѣлая 50—40 верстъ. За 35 рублей на мулѣ цѣлый мѣсяць везутъ отъ береговъ Каспія до Персидскаго залива и т. д. Правительство на каждыя 30 верстахъ держитъ почтовыя станціи для верховыхъ лошадей, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ и гостинницы. Европейцы особенно прославляютъ такой отель въ Казвинѣ, устроенный съ полнымъ комфортомъ и даже съ французской кухней. Подати не велики. «Саръ»—подушное взимается по 2 руб. 50 коп. въ годъ, а если чело-вѣкъ бѣденъ или нездоровъ, то половину; за корову—тридцать шакановъ—7¹/₂ коп., считая по настоящему унижительному курсу русскаго рубля; за овцу—1 коп., за хозяйство—курица и 10 яицъ въ годъ, а за землю, которую мѣряютъ на «рей»—около 1¹/₂ десятины—по 90 коп. за это пространство. Затѣмъ, городскіе жители и купцы платятъ по достатку. Такимъ образомъ набирается ежегодно для государственной казны около 75 миллионъ кредитными рублями, которыми самовластно распоряжается шахъ. У него, однако, существуютъ и другіе постоянные доходы. Во-первыхъ, въ Персіи есть каменноугольныя, свинцовыя и желѣзныя копи. Первыя открыты недавно и весьма оригинальнымъ способомъ. Бывшій министръ народнаго про-свѣщенія, Дженгиръ-Ханъ, изслѣдуя словесность, наткнулся на чисто персидское названіе этого угля, изъ чего опъ правильно заключилъ, что въ странѣ каменный уголь былъ прежде знакомъ народу и что залежи угля должны быть въ самой Персіи, ибо не мыслимо подозрѣвать, чтобъ въ старыя времена уголь могли возить издалека. Долго все поиски оказывались тщетными. Но вотъ однажды, пу-

твоя по горамъ, ученый министръ вдругъ натывается на цы-
 ий таборъ, грѣющійся вокругъ костра изъ каменнаго угля.
 не, однако, не выдали секрета: ни угрозы, ни пытки, не за-
 ли ихъ открыть мѣсто, гдѣ они добываютъ уголь. Тогда власть
 усердно слѣдить за ними и, конечно, открыла залежи, при
 очень богатыя. Второй дополнительный источникъ дохода—
 зовыя копи. Дешевая зеленоватаго цвѣта бирюза отыскивается

Кондитерская на базарѣ.

ювинціи Керманъ; дорогая же темно-голубого цвѣта близъ Ни-
 ра и Хоросана. Держитъ копи за 160 т. р. въ годъ на арендѣ
 ть телеграфовъ и минъ Мохперъ-есъ-Дайлз, внося въ казну
 00 т. руб. за ловлю жемчуга въ Персидскомъ заливѣ, уже
 тельно истощенную. Любителей бирюзы слѣдуетъ предупре-
 оть расходовъ на большую коллекцію этого красиваго камня.
 ь онъ дорогъ, потому что добываютъ его допотопнымъ спосо-
 платя за отсталость въ механикѣ огромнымъ количествомъ че-

ловѣческихъ жертвъ въ глубокихъ минахъ, но доставая изъ земли очень мало бирюзы. Залежи ея однако богатыя и, говорятъ, шаху уже сдѣлано не мало предложеній со стороны европейскихъ предпринимателей устроить дѣло на современную ногу. Тогда, несомнѣнно, добываніе бирюзы возрастетъ въ нѣсколько сотенъ разъ и мы увидимъ ее еще небывалой величны. Наконецъ, торговля опиѣмъ и знаменитыми персидскими коврами, а также шелкомъ, хлопкомъ, табакомъ и пр. приносить шаху таможенные барыши. Въ самой Персіи употребленіе опиѣ запрещено. Есть, конечно, любители наркотическихъ сновъ, но они курятъ опиѣ потихоньку. А между тѣмъ, производство опиѣ сильно возрастаетъ. Въ 1871 г. его вывозили изъ Персіи лишь на 700 т. рупій (рупія почти равна кредитному рублю), а нынѣ экспортъ его превышаетъ почтенную сумму 8½ мил. рублей, при томъ персидскій опиѣ одинъ изъ богатѣйшихъ содержаніемъ морфія (до 16%). Румъ, Тегеранъ и Эзда—мѣста самыя плодородныя для него. Британская Индія, специалистъ по снабженію міра отравой—начинаетъ бояться персидской конкуренціи; въ Индіи, какъ извѣстно, производство опиѣ составляетъ правительственную монополію. Персидскій шелкъ дѣлится на три сорта—лучшій называется «бришумъ», второй—«гирюкъ», третій—«ласъ». Въ Джилапъ и Мазандеранъ шелкъ собираютъ съ конца мая и продаютъ его въ августъ и сентябрь, а въ Хоросанъ и другихъ сѣверныхъ провинціяхъ шелкъ собирается лишь въ іюль. Одинъ Хоросанъ продаетъ на 160 т. р. сырого шелка. Первый караванъ шелка, по преданію, былъ отправленъ изъ Персіи въ Россію въ 1573 г. на англійскомъ суднѣ. Но казаки встрѣтили это судно на Волгѣ и потопили его со всѣми пассажирами. Искуснѣйшіе персидскіе ковры носятъ имя «номады» и приготавливаются по преимуществу въ Эздѣ и Испагани. Величина ихъ достигаетъ иногда огромнаго размѣра—г. Бенжамень видѣлъ, напримѣръ, коверъ, имѣющій 80 футовъ въ длину и 50 въ ширину; его привезли на десяти мулахъ. Персидскій табакъ не имѣетъ широкаго распространенія: самый лучший—«тумбакъ» родится въ окрестностяхъ Шираза, но онъ негоденъ для европейцевъ, ибо производитъ тошноту и сильное головокруженіе, его можно курить лишь изъ наргилѣ—кальяна. Земледѣліе въ Персіи допотопное—роютъ ниву кое-какъ лопатами, но урожаи, особенно риса, почти всегда прекрасные. У земледѣльцевъ южной и пустынной Персіи есть только два врага—безводье, противъ котораго служитъ довольно хорошая система канализаціи, и сухіе ураганы, столь сильные, что вихрь ихъ сноситъ даже строенія. Отъ того въ этой части страны всѣ деревни обнесены высокой стѣной и имѣютъ видъ крѣпостей. Время отъ времени посѣщаютъ Персію и голодные годы. Народъ, незнающій запасовъ и экономій, умираетъ тогда сотнями тысячъ. Бессеть рассказываетъ, что во время голода 1871 г. въ городѣ Энганѣ, между Тавризомъ и Теге-

раномъ, гдѣ было 40 тысячъ жителей, умерло до 12 тысячъ душъ, такъ что всѣ источники кругомъ города заразились гнилью; въ деревнѣ Хорумдаръ, состоящей изъ тысячи хижинъ, умерло отъ голода двѣсти душъ и т. д.

Не велики доходы персидскаго государства, но издержки еще меньше. Администрація проста, не многочисленна и стоитъ дешево. Жалованья ничтожныя, денежныхъ наградъ правительство не знаетъ,

Персидскій кузнецъ.

нашихъ враговъ-командировокъ также нѣтъ. Каждое назначеніе, какъ мы уже видѣли, приноситъ казнѣ даже барышъ, а затѣмъ власть считается своеобразной системой подарковъ. Европа давно уже потеряла смыслъ этого слова, но онъ доселѣ живъ и невредимъ на Востокѣ. Нѣтъ тамъ пріязни, дружества и уваженія, безъ вещественнаго выраженія чувствъ, и цѣнность подарковъ возрастаетъ по масштабу этихъ чувствъ. Маленькаго человѣка нельзя очень

любить или глубоко уважать—ему требуется лишь дешевый подарокъ; большому сановнику, напротивъ, подобають великое почтеніе отъ младшихъ, значить и подарки онъ долженъ получать крупныя. Поэтому лучшей правительственной наградой считаются разныя почетныя должности и одежды, которыя, увеличивая чинъ, увеличиваютъ и мѣру подарковъ, получаемыхъ награжденными. Самъ шахъ покровительствуетъ такой системѣ: подданный, награжденный новой должностью или званіемъ, обязанъ отблагодарить его за милость подобающимъ презентомъ. Если его величество осчастливить кого-либо визитомъ—первымъ долгомъ хозяинъ дома несетъ ему на подносѣ груды золота, отъ четырехъ до десяти тысячъ рублей и т. п. «Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь» говорятъ лишь маленькіе люди по отношенію къ высшимъ, но если закрадывается сомнѣніе, любовь или дороговизну надо оцѣнивать въ данномъ случаѣ, то между дарителемъ и одареннымъ немедленно происходитъ самое искреннее объясненіе. Однажды представитель иностранной державы презентовалъ персидскому губернатору свое старое сѣдло. Губернаторъ задумался, созвалъ совѣтъ комментентныхъ лицъ и, согласно рѣшенію таковыхъ, написалъ послу письмо, увѣдомляя, что подарокъ не соответствуетъ высокому рангу начальника губерніи. Посоль отвѣтилъ: «я могъ по праву совѣтъ не дарить вамъ, будьте же благодарны, что я вспомнилъ о васъ». Губернаторъ согласился съ этимъ доводомъ и взялъ сѣдло обратно съ полной признательностью. Разумѣется, источникъ подарковъ течетъ изъ народной массы—населеніе, коснувшись власти, немедленно обязано развязать кошелекъ и дарить по чину одаряемаго. Таковъ обычай, замѣняющій взятку, но не искореняющій ее, ибо по единогласному свидѣтельству всѣхъ описаній Персіи, въ странѣ этой взятка играетъ величайшую роль. Такимъ образомъ, персидскія власти, не получая почти жалованья, живутъ прекрасно, толстѣютъ и богатѣютъ. Восточный обычай гостепримства требуетъ отъ государственныхъ дѣятелей тѣмъ болѣе широко растворенныхъ дверей, тѣмъ большаго угощенія и помпы, чѣмъ выше чинъ и санъ. Первый министръ долженъ держать, напримѣръ, три тысячи душъ одной прислуги. Для образованія высшихъ чиновъ государства существуетъ въ самомъ зданіи дворца нѣчто въ родѣ университета, въ которомъ обучается около двухсотъ пятидесяти студентовъ. Кромѣ основныхъ наукъ, въ этой школѣ преподаются языки: русскій, французскій, англійскій и арабскій. Университетъ раздѣленъ на нѣсколько факультетовъ, но не по научному масштабу, а по юрисдикціи министерствъ. Студенты получаютъ правительственное жалованіе, смотря по прилежанію и успѣхамъ. Туземное же образованіе преподается въ нѣсколькихъ правительственныхъ коллегіяхъ. Элементарныхъ школъ такъ много въ странѣ, что Персія въ этомъ отношеніи на Востокѣ уступаетъ лишь Китаю.

Персидские типы.

Главные чины суть—«Визирь-Аземъ»—первый министр и Эминь-Дулэ—министръ финансовъ; затѣмъ идутъ другіе министры и придворныя лица, которыхъ великое множество—разливатель кофе, раскурщикъ трубки и т. п. Страна раздѣляется на восемнадцать провинцій, управляемыхъ «Беглербегами»;—на губерніи съ начальниками «Гакимами», градоначальниками «Табеты» и старостами «Келунтары», они же сборщики податей. Каждое селеніе избираетъ своихъ судей и голову.

Въ Персіи есть нѣсколько полукочевыхъ племенъ, имѣющихъ къ правительству лишь вассальныя отношенія. На сѣверѣ эти народы почти закончили періодъ своей независимости, но въ средней и южной Персіи два народца арійскаго племени—Ларисы и Бехтиары—до сихъ поръ часто грозятъ мирной жизни государства. Эти племена имѣютъ около полумилліона душъ, отличаясь страстью къ разбойничеству и грабежу. Всѣ вассальные народцы управляются своимъ кругомъ, старшими по годамъ и родовитыми князьками—ханами. Недавно сэръ Ризъ—вице-секретарь Мадраскаго губернатора—совершилъ трудное путешествіе по тѣмъ мало-извѣстнымъ частямъ Персіи, гдѣ обитаютъ ея вассалы—отъ Касвина до Хамадана и рассказываетъ, что люди живутъ тамъ въ полномъ довольствѣ, а земля ихъ необыкновенно плодородна.

Въ семидесятыхъ годахъ Тавризь считался самымъ большимъ городомъ Персіи, но теперь столица перецеголяла своего соперника. Въ Тегеранѣ насчитываютъ нынѣ болѣе 200 т. жителей. Онъ стоитъ на 3800 ф. выше уровня моря; весна и осень въ немъ очень хороши, но лѣтомъ температура доходитъ до 110 градусовъ Ф. въ тѣни, почему климатъ Тегерана путешественники не даромъ сравниваютъ съ пламенемъ Сахары. Городъ этотъ окруженъ стѣной и имѣетъ 12 воротъ, по три на каждой сторонѣ. Въ европейскомъ смыслѣ, улица въ немъ только одна—широкій «Бульваръ посланниковъ»—вымощенная, съ тротуарами и освѣщаемая по вечерамъ фонарями, въ которыхъ горятъ русскія свѣчи. За то простора есть много—англійское посольство, напримѣръ, имѣетъ садъ величиной почти въ 25 десятинъ. Русское посольство помѣщается центральнѣе другихъ. Главныя зданія въ Тегеранѣ послѣ дворцовъ и посольскихъ палатъ,—каравансарай. Это огромные дома, приближаясь къ которымъ, караваны, по обычаю, скачутъ во весь опоръ, и гдѣ купцы устраиваются отлично: каждый беретъ себѣ комнату, спитъ въ ней, ѣсть, раскладываетъ товаръ, принимаетъ покупателей и торгуетъ. Персидскіе базары ничѣмъ не отличаются отъ общаго восточнаго типа: каждая отрасль торговли имѣетъ свою линію; лавки украшаются цвѣтами и птицами, а у входа ихъ стоитъ сосудъ съ водою и льдомъ для посѣтителей. Рассказываютъ, что персидскіе купцы премилые люди, идеально вѣжливые и терпѣливые. Персидскій торговецъ охотно раскладываетъ предъ вами всѣ вещи своей лавки,

хотя бы вы не были расположены что-либо покупать: не понравилось вамъ ничего, съ улыбкой прощается; приглянулась какая-нибудь вещь—онъ посылаетъ ее къ вамъ на домъ, чтобъ хорошенько всмотрѣлись въ нее, справились бы и убѣдились въ ея доброкачествен-

Водопосъ.

ности и т. д. Имя Бога персидскіе купцы никогда не упоминають всеу. Лучшая похвала товару—«Мали-Кадемъ-Есть!», т. е. вещь старинная, крѣпкая, а клянутся лишь своими глазами и покупательской бородой. Дома въ Персіи изъ земляныхъ кирпичей, высушен-

ныхъ на солнцѣ; лишь очень богатые дѣлаютъ свои палаты изъ камня. Крыши вездѣ гладкія. Ихъ обыкновенно устраиваютъ на круглыхъ балкахъ тополя, поверхъ которыхъ укладываютъ тростникъ, а на него насыпаютъ въ три вершка толщиной землю, грязь и солону. Окрестности Тегерана очень красивы, особенно по откосамъ Шимрана—горъ, тянущихся отъ Кавказа къ Мерву и носящихъ названіе «Свѣтъ Персіи». Тамъ, есть дачи, которымъ могутъ позавидовать и фобурги Парижа. Туда именно богатые жители столицы въ новый годъ совершаютъ свои *partie de plaisir*'ы—единственный случай, когда они берутъ своихъ женъ на прогулку. Персы хорошіе артисты, хотя—слава Богу—ихъ искусство совѣмъ не похоже на европейское. Домъ, обыкновенно устраивается такъ, что передняя стѣна служитъ окномъ и при открытіи его обращается какъ бы въ крытый балконъ, а украшаются дома чрезвычайно оригинально и эффектно кусочками зеркалъ, рѣзными фигурами, колонками и т. д. Искусство и фантазія персовъ неистощимы. Г. Бенжамень видѣлъ, напримѣръ, мозаиковую скрипку, на каждомъ квадратномъ вершкѣ которой помѣщалось по 428 разноцвѣтныхъ кусочковъ, а на коробочкахъ обыкновенно кладутъ по 35—40 мозаики на $\frac{1}{8}$ долю кв. вершка. Рисунки персовъ не красивы и напоминаютъ китайскую живопись какъ по недостатку тѣней, такъ и по излишней яркости красокъ. Особенную любовь персы, подобно прочимъ магометанскимъ народамъ, питаютъ къ каллиграфіи, которая у нихъ почитается артистическимъ искусствомъ, и потомство свято хранить въ своей памяти имена лучшихъ каллиграфовъ, а ихъ письма выставляютъ въ богатыхъ рамкахъ за стекломъ какъ дорогія картины. Къ имени Султанъ-Али, знаменитаго каллиграфа XV столѣтія, примѣняется тотъ же почетный титулъ «Великаго», какъ и къ Фердуси поэту-творцу туземной илліады—«Шахъ-Намэ»—«Книги-Королей».

V.

Обращаясь къ описанію нравовъ и обычаевъ Персіи, необходимо пригласить читателя отвлечься отъ обыденныхъ понятій и помнить, что нельзя мѣрять на европейскій аршинъ и восточные народы. Приведу для примѣра такой случай. Одинъ важный персъ, усумнившись въ правдивости разсказа мѣстнаго англичанина, выразилъ это въ обществѣ съ полной откровенностью—«онъ, де, вретъ». Англичанинъ обидѣлся и послалъ секундантовъ пригласить персидскую особу на дуэль.

— Вызовъ?—переспросилъ удивленный персъ,—зачѣмъ же я буду драться?—Я его назвалъ лгуномъ и теперь онъ хочетъ, чтобъ я убилъ его—ничего глупѣе придумать невозможно.

Секунданты-европейцы поясняют, но персь упирается руками и ногами: «Низачто на такую глупость не пойду!»—«Тогда вы должны извиниться и отказаться отъ вашихъ неосторожныхъ словъ!»—«Только-то, восклицаетъ персь, извиняюсь, сто разъ извиняюсь и скажите вашему англичанину, что я самъ лгуна, сынъ лгуна, внукъ и правнукъ лгуна». Читатель, познакомившись съ этой коротенькой исторіей, навѣрно подумаетъ, что персь презрѣнный трусь и отказался отъ дуэли страха ради. Совершенная неправда—сами англичане, рассказывая вышеприведенный случай,

Дача близъ Тегерана.

свидѣтельствуютъ, что этотъ персь, какъ всѣ персы—храбрый и отважный человекъ, мало того—мужъ благородныхъ и просвѣщенныхъ понятій. Но онъ персь, а не европеецъ, и по его убѣжденію не осторожное слово—пустяки, а чужая жизнь штука важная.

а онъ не могъ положить двѣ столь различныя вещи на одну линію.

Отличительная черта Востока—широкое гостепріимство въ Персіи еще доселѣ процвѣтаетъ. Богатые люди ѣдятъ прекрасно, готовятъ массу кушаній, а приглашая гостей, приглашаютъ одновременно и слугъ ихъ. Музыка непремѣнная принадлежность хорошаго обѣда. У многихъ французскіе повара и французская кухня. Сначала садятся въ гостиной, слуги подаютъ трубки каждый своему господину; окончивъ куреніе, хозяинъ провозглашаетъ: «Бисмилла!» «Во имя Бога!» и начинается ѣда. Персы любятъ поѣсть — иностранцы дивятся ихъ аппетиту и говорятъ, что рабочему персу требуется для полной сытости не менѣе семи фунтовъ хлѣба. Впрочемъ, персы истребляютъ много и собственной крови, ибо, по обычаю, для охраны отъ болѣзней, каждый персъ считаетъ необходимою сдѣлать себѣ не меньше раза въ мѣсяцъ кровопусканіе. Оттого цирюльникъ-операторъ въ персидскомъ обществѣ одно изъ важныхъ и почетныхъ лицъ. Онъ вхожъ во всѣ дома и знаетъ подноготную каждой семьи; за это его даже боятся. Сладости самыя разнообразныя истребляются при всякомъ удобномъ случаѣ въ неимоверномъ количествѣ. Любимая же приправа къ блюдамъ—рисъ, его ѣдятъ сухимъ, горячимъ, холоднымъ, съ изюмомъ, говядиной и пилавомъ. Персы очень часто ходятъ въ гости и принимаютъ у себя. Обычай, однако, требуетъ предупрежденія визита, при чемъ имѣются въ виду ранги. Должность посылаемаго слуги должна соответствовать чину, къ которому отправляется извѣщеніе: если хочетъ посѣтить высшее лицо—оно извѣщаетъ словесно, если низшее—то обязано просить позволенія на письмѣ. Визитъ долженъ быть непремѣнно сдѣланъ верхомъ или въ экипажѣ. Боже храни явиться пѣшкомъ или безъ достаточнаго количества слугъ. Если визиторъ важный человекъ, то хозяинъ долженъ выслать ему далеко на встрѣчу всадниковъ. Почетное мѣсто для гостя въ Персіи не по правую руку, а по лѣвую, за то персы садятся верхомъ съ правой стороны лошади, пишутъ и читаютъ справа налево. Обычное угощеніе—чай, кофе и трубки. Русскіе самовары имѣются въ каждомъ зажиточномъ домѣ. Если есть среди гостей особа выше всѣхъ другихъ по рангу, то ей одной подаютъ сначала и чай, и кофе, и трубку; особа обязана предложить свою чашку или трубку присутствующимъ поочередно и, когда всѣ откажутся, особа глотнетъ разокъ и курнетъ, тогда несутъ чай, кофе и трубки другимъ гостямъ. Угощеніе имѣетъ свой заведенный и строго охраняемый порядокъ: по приходѣ должны выпить чашку чая, затѣмъ покурить кальянъ, далѣе еще чашечку чая, принять трубку, откусать кофе и, когда подадутъ вторую трубку, пора собираться домой. Съ визитомъ можно являться въ Персію когда угодно—съ ранняго утра до вечера.

Свадьба и похороны, конечно, самые удобные случаи для сбора гостей. Женятся въ Персіи при помощи свахъ и обычаѣ гарема устраняетъ въ большинствѣ случаевъ всякое участіе воли и любви брачующихся. Первая церемонія — помолвка. На нее приглашаютъ

Образчики персидской пластики.

муллу, родныхъ и друзей обѣихъ сторонъ. Невѣста съ подругами сидитъ за перегородкой. Мулла читаетъ договоръ: «по согласію такого-то Хассана и такого-то Гуссейна, отдаетъ Хассанъ свою дочь Низу, за сына Гуссейна—согласенъ ли Хассанъ выдать свою дочь? «Да,—отвѣчаетъ Хассанъ».—«Согласенъ ли Гуссейнъ женить

«истор. вѣстн.», февраль, 1889 г., т. XXXV.

своего сына?» — «Согласенъ!» — «А ты, Низа, хочешь ли выйти замужъ за сына Гуссейна?» — Дѣвицы хоромъ кричатъ изъ-за занавѣски — «хочеть, хочеть!» — Тутъ мулла именемъ Бога и пророка объявляетъ молодыхъ супругами, кладетъ печать къ договору и получаетъ рубля два за труды. Съ религіозной точки зрѣнія бракъ уже совершенъ, но обычай требуетъ свадьбы, какъ праздника. Таковой назначается вскорѣ или откладывается на нѣкоторое время, порой и на года, если сочетавшіеся дѣти. Варварское обыкновеніе женить дѣтей существуетъ не въ одной Персіи. Въ Индіи британское правительство истощило все средства борьбы противъ него, но побѣдить не можетъ — отецъ и мать тамъ считаютъ семью обезпеченной, если ихъ дочка достигла шестилѣтняго возраста и еще не обвѣнчана ¹⁾). Свадьба совершается такъ: у дома становится музыка и на порогѣ сидитъ хозяинъ — это знакъ, что гостямъ пора явиться. Угощеніе на славу для всѣхъ, въ углахъ горы табаку для вольнаго куренья. Невѣсту ведутъ торжественно въ баню, а вечеромъ женихъ съ друзьями отправляется за ней. Новобрачная должна ѣхать верхомъ, за ней слѣдуетъ музыка и толпа съ зажженными факелами; когда невѣста ступаетъ на порогъ мужнина дома, у ея ногъ бьютъ овецъ, обрызгивая ее горячей кровью. Домъ на этотъ день украшается цвѣтами и коврами.

Еще необходимѣе идти въ гости къ больному или умирающему знакомому. На этотъ счетъ персы большіе оригиналы. Они дѣлаютъ все болѣзни и лекарства на горячія и холодныя, лечась противоположностями. Крайняя алопатія состоитъ въ зарытіи по шею въ навозъ или зашнуровкѣ тѣла больного въ только-что содранную шкуру вола. Вообще все лекарства даются больному не иначе, какъ съ общаго одобренія его друзей. Туземные доктора берутъ за визитъ побожески — копѣйками и въ важныхъ случаяхъ немедленно вступаютъ съ семьей больного въ ясный и точный договоръ: коли пациентъ умретъ — нѣтъ платы; выздоровѣетъ совсѣмъ — такая-то сумма, останется калѣкой — полцѣны. За помощью европейскихъ докторовъ обращаются крайне рѣдко. Больного кладутъ всегда на полъ самой лучшей комнаты и друзья сидятъ у него цѣлые дни, хотя бы болѣзнь была самага заразительнаго свойства. Тишина считается излишней — все пьютъ чай, курятъ, болтаютъ и даже нарочно стараются смѣяться. Когда больному очень плохо, приходитъ жена, садится у изголовья и даетъ ежеминутно мужу нюхать кусокъ глины. Удостоверившись въ смерти больного, жена уходитъ, а друзья кладутъ на глаза, носъ и ротъ усопшаго корпю. Приходитъ мулла и читаетъ отходную, называемую «Сердцемъ корана», начинающуюся такъ: «О, человекъ, свидѣтельствую священной книгой, что ты есть одинъ изъ посланниковъ Бога, для выраженія

¹⁾ Social Reforms in Inda by Nanda—Lal-Ghosh. 1886.

на землѣ правды» и т. д. У головы умершаго мулла ставитъ котель съ водой, а затѣмъ идетъ на крышу дома и читаетъ молитву. Родственники громко плачутъ, приговаривая: «Онъ умеръ, онъ ушелъ отъ насъ!» Жены одѣваются въ темное платье и до конца погребенія не смѣютъ ни мыться, ни чесаться. Друзья и знакомые выражаютъ свое горе иначе. Вмѣсто посыпанія головы пепломъ, они кладутъ кусочикъ глины на феску, а вмѣсто традиціоннаго раздиранія одежды, немножко подпарываютъ на швахъ свои пиджаки и сюртуки. Тѣло обмываютъ въ ближайшемъ ручьѣ, посыпаютъ комфорой, обвертываютъ въ каленкоръ, кладутъ въ одинъ или два гроба, если семья съ достаткомъ, а у бѣдныхъ прямо въ коленкоръ зарываютъ въ землю. Похороны совершаются всегда черезъ двадцать четыре часа послѣ смерти, при чемъ рангъ умершаго показывается количествомъ черныхъ шалей, положенныхъ на гробъ. Проводы покойника на кладбище одно изъ священнѣйшихъ обязанностей родственника, друга или знакомаго. Надъ могилой читается «фатика» — одна изъ главъ корана, брызгается на свѣжій бугорокъ вода и этимъ церемонія заканчивается. Если умеръ богачъ — надъ могилой ставятъ палатку и въ ней мулла нѣсколько дней молится за душу усопшаго, или устраивается склепъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Персіи есть свои оригинальные обычаи похоронъ. Такъ въ Реѣ могилы дѣлаютъ изъ кирпича въ горахъ и кладутъ въ нихъ мертвыхъ открытыми, наблюдая, который глазъ у него выклюетъ воронъ: если правый, значитъ усопшій попалъ въ рай Магомета, если лѣвый, очевидно, что ему на томъ свѣтѣ тяжело приходится за грѣхи и т. п. Богатые люди черезъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ, а иногда и лѣтъ, вынимаютъ гробы своихъ родственниковъ и отправляютъ ихъ, обернутыми въ войлокъ, на муллахъ въ Мешхедъ или Карбалу — для погребенія близъ святыхъ праведниковъ мусульманства. Случается, что для экономіи отправляютъ тѣла и съ торговыми караванами, не заботясь о томъ, случится зараза или нѣтъ. Порой караванчики, для очистки мѣста на верблюждѣ, бросаютъ гробъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, а роднымъ говорятъ, что успокоили усопшаго рядомъ съ св. Гуссейномъ. Послѣ похоронъ все участвующіе возвращаются съ кладбища на трапезный обѣдъ. Трауръ продолжается всего нѣсколько дней, послѣ котораго женщины снимаютъ черную одежду, друзья глину съ фесокъ, все по обычаю опять красятъ свои волосы, подошвы и ногти лавзаніей, идутъ въ баню и снова сходятся на обѣдъ. Жены въ это время несутъ на свѣжую могилу конфекты и хлѣбъ, раздавая ихъ нищимъ, сопровождающимъ въ Персіи, какъ и въ Москвѣ, все горькіе и радостные corteжи.

Кромѣ гостепріимства, другихъ развлеченій у персовъ почти нѣтъ. Евреи и армяне вздумали было просвѣщать мусульманъ кофейной жизнью, но затѣя быстро кончилась полнымъ фіаско.

Мужья-персы такъ увлеклись кофейными домами, что жены взбунтовались, подали коллективную жалобу шаху и добились приказа о закрытіи тлетворныхъ учреждений. Остался для развлечения одинъ «Лютись», что значитъ въ переводѣ «удовольствіе». Такое имя носить пара пѣвцовъ, ходящихъ изъ дома въ домъ и при акомпаниментѣ барабана изображающихъ смѣшныя сцены и разговоры, или фокусники, замѣчательно искусные въ Персіи, умѣющіе, какъ свидѣтельствуютъ путешественники, заставлять шаръ катиться перпендикулярно вверхъ. Европейцевъ въ Персіи такъ мало, что вліяніе ихъ совсѣмъ не чувствуется. Въ Тегеранѣ ихъ около сотни. Большинство, конечно, англичане. Въ посольствѣ у нихъ двѣнадцать душъ, да, кромѣ того, около 50 человѣкъ служатъ на индоевропейскомъ телеграфѣ; есть два-три представителя торговыхъ фирмъ и т. д. На Персидскомъ заливѣ проживаютъ шесть англичанъ, въ Тавризѣ двое и одинъ агентъ въ Мешедѣ.

Царство домашней жизни требуетъ естественно слугъ и слугъ. Богатые и знатные считаютъ ихъ у себя тысячами, и не меньше, чѣмъ сотнями. На первомъ планѣ стоятъ рабы. Официально рабство уничтожено въ Персіи, но фактически существуетъ съ правильнымъ курсомъ цѣнъ. Можно, вообще, усумниться, чтобы какая-либо мусульманская держава въ силахъ была бы дѣйствительно отказаться отъ рабовъ и рабовладѣльчества. Дешевѣйшіе рабы въ Персіи — «бомбасы» — негры, привозимые изъ Африки. Они отличаются тупостью и добродушіемъ; цѣна имъ не выше 120 руб. за душу, употребляютъ же негровъ для черной домашней работы. Второй сортъ, цѣной до 200 руб. за штуку — «сохенли» — мѣдно-цвѣтные, болѣе способные, имъ даютъ уже службу въ горницахъ. Наконецъ, самые желанные и дорогіе рабы — наши друзья абиссинцы, народъ талантливый и очень красивый, не смотря на ихъ черную смуглость. Цѣна имъ по тысячи рублей. Единственный недостатокъ ихъ — слабые нервы и деликатность тѣлосложенія, а потому абиссинцевъ очень рѣдко употребляютъ для работъ. Мальчиковъ и дѣвочекъ берутъ для компаніи дѣтямъ; дѣвушекъ въ жены, а изъ мужчинъ дѣлаютъ евнуховъ. Абиссинецъ, превратившись въ такового, стоитъ уже не тысячу, а двѣ и три. Кстати не слѣдуетъ думать, что мужчина, превращаясь въ евнуха, теряетъ аппетитъ къ семейной жизни. Такъ, покойный «Коя-Баши», бывший главный аргусъ надъ красавицами Зиль-Султанэ, женился, овдовѣлъ и снова женился, а потомъ уже умеръ... По общему отзыву рабамъ въ Персіи живется хорошо...

Не дурно живется тамъ и свободнымъ слугамъ. Прислуга обыкновенно поселяется у господъ со всѣмъ своимъ семействомъ, а персъ изъ простонародья въ шестнадцать лѣтъ не только женатъ, но уже непремѣнно обзавелся ребеночкомъ; когда же сдѣлается онъ постарше, ему нужно другую, а дальше, по крайней мѣрѣ, третью

Персидскій цирульникъ.

жену. И такъ, если у хозяина лишь 15 слугъ — число для Персіи самое пустое, то надо кормить, поить, лечить и даже поздравлять то съ рожденіемъ, то съ похоронами, душъ отъ шестидесяти до восьмидесяти. И этого мало. Обычай предоставляетъ слугамъ получать десять процентовъ со всякаго расхода, сдѣланнаго черезъ ихъ руки, даже съ хозяйскихъ вещей, которыя можно дѣлать: дайте прачкѣ кусокъ мыла, она тотчасъ честнѣйшимъ образомъ вымѣряетъ его и десятую часть отрѣжетъ себѣ. Если къ вамъ придетъ слуга друга или знакомаго зачѣмъ-нибудь — необходимо дать ему на чай, а коли принесетъ подарокъ, да еще отъ высшаго лица — надо дарить такъ, чтобы не оскорбить чинъ его хозяина. Нѣтъ также обычая готовить для прислуги отдѣльный столъ, чтѣ кушаютъ господа, то имѣть право прикончить прислуга послѣ барскаго обѣда или ужина. Такимъ образомъ, при дешевизнѣ продуктовъ, земли и работы, жизнь безъ урона достоинства въ Персіи стоитъ дорого. Вотъ примѣръ тому. Лошадь необходима въ городѣ и деревнѣ; персидскіе кони славятся кротостью, выносливостью и стоятъ не дорого — отъ сотни до двухсотъ рублей. Но нельзя имѣть при лошади одного конюха, по обычаю нужны: «мирахоръ», имѣющій лишь высшій надзоръ за лошадыю, кормомъ и конюшнею; «джилачаръ» — идущій впереди, чтобы расчищать дорогу, и «даджирдъ» настоящій конюхъ, спящій въ конюшнѣ съ правомъ разводить тамъ куръ и держать для благополучія лошади въ ея стойлѣ дикаго кабана. Извѣстно, что это животное способно питать глубочайшую привязанность къ лошадымъ. Нерѣдко случается, что конюхъ превращаетъ конюшню въ страннопріимной домъ, пуская на ночлегъ путниковъ изъ милосердія и за деньги. На это нельзя сердиться: конюшня и лошадь пользуются почти священнымъ почетомъ въ Персіи. Если преступникъ забѣжитъ въ вашу конюшню и поселится въ стойлѣ вашей любимой лошади, власть не имѣетъ права арестовать его, хозяинъ же не смѣетъ выгнать и обязанъ кормить его и поить. Гдѣ обычай держать много прислуги, тамъ всегда слуги садятся на шею господъ. Такъ и въ Персіи. Американскій посланникъ, на примѣръ, рассказываетъ съ паѳосомъ, какъ долго и много онъ боролся, чтобы добыть цѣльнаго молока. Приказалъ приводить корову для доенья на дворъ — не помогаетъ; велѣлъ доить передъ окномъ — успѣваютъ подлить воду на лѣстницѣ; наконецъ, догадался объявить, что лишаетъ слугъ обычныхъ подарковъ — и побѣдилъ.

Услажденіе восточной жизни — гаремъ. Всѣ мы такъ много читали и слышали про гаремы, что рассказать новое чтѣ-либо весьма трудно. Персидскій гаремъ ничѣмъ не отличается отъ турецкаго. Тѣ же сплетни, скандалы, скука, бездѣлье и сласти, тѣ же женщины получеловѣчки, рано отцвѣтающія, всегда намазанныя, сварливыя и любопытныя какъ Ева. Намъ остается лишь передать повѣсть г. Уильса, какъ ему пришлось побывать въ гаремѣ богатаго

перса въ качествѣ доктора. Главная практика европейскаго врача какъ въ Тегеранѣ, такъ и вездѣ на Востокѣ, именно въ гаремахъ. Жены-арестантки пользуются случаемъ—законъ дозволяетъ имъ показывать свою красоту только одному постороннему мужчинѣ-врачу. Вотъ и зовутъ его ради интереса по преимуществу дамы самаго цвѣтущаго здоровья. Встрѣчаетъ евнухъ, ведетъ черезъ рядъ комнатъ и корридоровъ въ залу, красиво драпированную коврами, установленную зеркалами и цвѣтами. Черезъ нѣсколько минутъ раздвигается занавѣска на двери и входятъ двѣ молодыя персоны, а сзади ихъ опять евнухъ. Обѣ безъ покрываль на лицахъ; ноги голы до колѣнъ, а костюмъ состоитъ изъ нѣсколькихъ коротенькихъ разноцвѣтныхъ юбокъ на подобіе кордебалетнаго; верхняя юбка расшита золотомъ и серебромъ; рубашка газовая и совершенно прозрачная; на нее накинуть бархатный лифчикъ со множествомъ блестящихъ пуговокъ, но не застегнутый. Имъ не болѣе 17—18 лѣтъ. Сначала онѣ разговаривали что то съ евнухомъ, можетъ быть просили его уйти, и вдругъ упали передъ врачомъ на колѣни, показывая на горло, высовывая языки и протягивая руки для ощупыванія пульса. Обѣ были совершенно здоровы. Негритянка принесла затѣмъ кофе и сласти. Эtiquette не позволяетъ отказываться отъ угощенія. Докторъ пьетъ и ѣстъ, а барыни хохочатъ, гримасничаютъ и дѣлаютъ глазки; лишь евнухъ сердито рычитъ.

— Что же у васъ болитъ?—спрашиваетъ, наконецъ, врачъ.

— Ахъ, докторъ, — отвѣчаютъ дамы, — какъ мы только увидѣли васъ, такъ сейчасъ и забыли, что у насъ болитъ.

Вдругъ послышались тяжелые шаги. «Ага, ага — хозяинъ!» воскликнули съ испугомъ дамы, накинули на лицо вуали, приняли сиротскую позу и притворились безмолвными овечками. Когда же вошелъ мужъ, то барыни изобразили ужасъ и презрѣніе къ доктору. Послѣ визита въ гаремъ, врача пригласили въ селалезикъ— мужскую половину—выкурить трубку и потомъ прислали въ вознагражденіе за труды нѣсколько грушъ и двѣ сушенныя лососины.

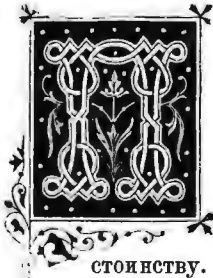
А. Молчановъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Т. II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

ВРИЗНАЕМСЯ, что, давая въ іюльской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ отчетъ о первомъ томѣ перевода книги Гайма, мы ни какъ не ожидали что за нимъ такъ скоро послѣдуетъ второй томъ. Оказывается, что нѣкоторые переводчики, труды которыхъ издаетъ К. Т. Солдатенковъ, работаютъ съ поразительной быстротой, и—что особенно отраднo—это быстрота ихъ работы не приноситъ почти никакого ущерба ея достоинству.

Второй и послѣдній томъ Гайма заключаетъ обзоръ Веймарскаго періода жизни Гердера и трудовъ его, которые несравненно важнѣе всего, что вышло изъ-подъ его пера въ первую половину его жизни. Какъ и слѣдовало ожидать, авторъ въ этомъ томѣ даетъ больше мѣста «сочиненіямъ», чѣмъ «жизни» Гердера: въ послѣдней значительно меньше разнообразія и движенія. Но такъ какъ Гердеръ, человѣкъ уже вполне сложившійся, въ этотъ сравнительно спокойный періодъ своей жизни былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ такими людьми, какъ Гете и Шиллеръ, и такъ какъ біографія его за это время должна служить комментариемъ къ его «Идеямъ», то и изъ этого тома мы считаемъ необходимымъ сдѣлать небольшое извлеченіе.

Гердеръ, 32-хъ-лѣтній пасторъ съ довольно крупнымъ литературнымъ именемъ, пріѣхалъ въ Веймаръ со всѣмъ своимъ семействомъ на должность генераль-суперъ-интендента, 1-го октября 1776 г. Первые его впечатлѣнія были чрезвычайно пріятны; увлекаясь по своему обыкновенію, онъ пишетъ пріятелю, что покажется онъ «еще не живетъ, а только дрожить отъ радости». Герцогъ, жена его, герцогиня-мать, а что важнѣе всего: Гете и Виландъ приняли его какъ нельзя лучше; первая же проповѣдь, произнесенная

нимъ въ придворной церкви, привлекла къ нему симпатіи истинной интеллигенціи и доказала всѣмъ, сколько было правды въ злобномъ шипеніи враговъ Гете, увѣрявшихъ, будто онъ пригласилъ на придворную кафедру и въ консисторію безбожника и плохого оратора.

Но скоро тонъ его писемъ измѣняется: онъ жалуется, что слишкомъ заваленъ дѣлами и не имѣетъ времени заниматься для себя. Его положеніе между членами консисторіи съ одной стороны и Гете и герцогомъ съ другой оказалось довольно неприятнымъ: первые постоянно противодействовали ему, такъ какъ въ ихъ глазахъ онъ былъ слишкомъ либераленъ; и Гете и герцогъ не оказывали ему поддержки, такъ какъ въ ихъ глазахъ онъ былъ недостаточно либераленъ и занимался дѣлами, къ которымъ они чувствовали слишкомъ мало интереса. Мало того: скоро между Гете и Гердеромъ началось нѣчто въ родѣ глухой борьбы изъ-за вліянія на герцога: Гердеръ, конечно, съ самыми лучшими намѣреніями, стремился руководить совѣстью герцога, а Гете, съ столь же хорошими намѣреніями, не желалъ упускать герцога изъ своихъ рукъ: исходъ борьбы, разумѣется, былъ не въ пользу Гердера, который, по своей впечатлительности, немедленно пришелъ въ отчаяніе и сталъ считать себя глубоко оскорбленнымъ и несчастнымъ. Жена Гердера, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасная женщина, слишкомъ любила своего мужа, чтобы не огорчаться вмѣстѣ съ нимъ и не подливать масла въ огонь постоянными жалобами на гордость и самомнительность Гете; всякій служебный успѣхъ послѣдняго возбуждалъ ея негодованіе, и она невольно передавала свое чувство Гердеру. Бывшіе друзья сблизались только изрѣдка и не надолго и потомъ снова чувствовали себя чужими другъ другу, тѣмъ болѣе, что они до нѣкоторой степени принадлежали къ противоположнымъ придворнымъ лагерямъ: герцогъ жилъ не очень хорошо съ своей женой, кроткой, сдержанной и благочестивой, но нѣсколько ограниченной Луизой, и Гете былъ другъ герцога, а Гердеръ искренно благоговѣлъ передъ герцогиней, которая тоже относилась къ нему съ большой симпатіей.

Виландъ, очень желавшій перехода Гердера въ Веймаръ, встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями; сойдясь съ нимъ ближе, скромный Виландъ преклонился передъ нимъ, какъ передъ гениемъ; жены ихъ подружились и Виландъ оказывалъ нерасчетливому и сильно потратившемуся на переѣздъ Гердеру тысячи мелкихъ услугъ и одолженій. Но Виландъ и Гердеръ были слишкомъ несходны по характерамъ и убѣжденіямъ, чтобы дружба ихъ могла быть продолжительна и искренна: мягкій, уступчивый, всегда благоговѣющій передъ существующимъ порядкомъ, Виландъ слишкомъ часто шокировался рѣзкими отзывами и революціонными, какъ ему, казалось, мнѣніями самомнительнаго и самоувѣреннаго Гердера, и его благоговѣніе передъ послѣднимъ часто смѣнялось негодованіемъ; они нерѣдко ссорились, но потомъ Виландъ первый протягивалъ руку примиренія и въ концѣ концовъ между ними установились сносныя, но не очень близкія отношенія.

Если Гердеръ не приобрѣлъ въ Веймарѣ друзей, онъ за то скоро приобрѣлъ подругу, которая была настолько не по душѣ его женѣ, что та обошла ее многозначительнымъ молчаніемъ въ своихъ запискахъ о жизни мужа. Эта была Софія Шартъ, о которой Шиллеръ, познакомившійся съ нею черезъ нѣсколько лѣтъ, отзывался какъ объ лукавой кокеткѣ, но замѣчательно изящной и умной женщинѣ, съ которой нѣтъ возможности скучать.

Гаймъ сравниваетъ отношенія Гердера къ Софіи съ отношеніями Гете къ фрау-фонъ-Штейнъ (стр. 47), но здѣсь же указываетъ и серьезное различіе: свободный Гете жилъ много лѣтъ одною этою любовью и не находилъ въ ней ничего незаконнаго, а Гердеръ, любящій мужъ, и давно уже отецъ семейства, былъ только поэтически влюбленъ въ Софію и при первой же попыткѣ къ сближенію чувствовалъ себя великимъ грѣшникомъ и вступалъ съ собою въ отчаянную борьбу. Къ этому слѣдовало прибавить, что Софія и фрау-фонъ-Штейнъ представляли разные женскіе типы: подруга Гете при всѣхъ своихъ недостаткахъ и при своемъ эгоизмѣ была безусловно умная и порядочная женщина, а Софія была больше хитра, чѣмъ умна, и кокетка по призванію. Гердеръ такъ сильно увлекся ею именно потому, что мало зналъ женщину, по крайней мѣрѣ съ этой стороны, и потому, что жена его, вѣрная помощница въ трудахъ и заботахъ жизни, не могла удовлетворять его стремленію иногда отдохнуть отъ этихъ заботъ и жить поэтической минутой. Гердеръ училъ Софію погречески, писалъ ей стихи и письма, даже болѣе нѣжныя, чѣмъ тѣ, которыя онъ когда-то посылалъ къ своей невѣстѣ, давалъ ей самыя нѣжныя имена; но, наконецъ, разочаровался въ ней и хотъ не совсѣмъ разлюбилъ ее, но измѣнилъ тонъ влюбленнаго на тонъ пастыря, направляющаго на истинный путь заблудшую овечку (стр. 54—55).

Маленькій Веймаръ уже и въ то время былъ однимъ изъ духовныхъ центровъ Германіи; здѣсь жили или здѣсь гостили многіе замѣчательные люди, и Гердеръ, не утратившій до самой старости душевной теплоты и живости, охотно шелъ на встрѣчу сближенію съ ними, подъ какимъ бы знаменемъ ни шли они. Здѣсь, между прочимъ, Гердеръ сошелся съ Авг. Эйзиделемъ, однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ атеистически-настроенныхъ умовъ этой оригинальной эпохи, и находилъ удовольствіе и пользу въ бесѣдѣ съ этимъ безвреднымъ радикаломъ (63—5); онъ и позднѣе послѣ всѣхъ безразсудствъ Эйзиделя не переставалъ заботиться о немъ. Гердеръ состоялъ въ интимной перепискѣ съ волтерьянцемъ принцемъ Августомъ Готскимъ, который, не раздѣляя его религіозныхъ убѣжденій, глубоко преклонялся передъ его умомъ и снабжалъ его новостями французской литературы и науки. Эти связи съ людьми различныхъ убѣжденій были, какъ потомъ оказалось, очень полезны для саморазвитія Гердера.

Какъ ни былъ суперинтендентъ заваленъ дѣлами и корреспонденціей, онъ находилъ время работать и печататься: въ 1777—1779 гг. вышло его изслѣдованіе о пластикѣ, гдѣ онъ, продолжая дѣло Лессинга, энергично возстаетъ противъ злоупотребленія аллегоріей; былъ написанъ панегирикъ Винкельману — онъ писалъ его на премію, которую, однако, не получилъ, такъ какъ не хотѣлъ приноровиться ко вкусу судей кассельскихъ академиковъ. Въ это же время онъ занимается миннезингерами и, наконецъ, издаетъ «Сборникъ народныхъ пѣсенъ» (Volkslieder, 1778 г.). На премію же написалъ онъ статью о вліяніи поэзіи, и на этотъ разъ имѣлъ успѣхъ.

Въ 1780—1781 гг. выходятъ его письма объ изученіи богословія, которыя написаны отчасти подъ вліяніемъ страстно преданнаго ему студента Мюллера, черезъ котораго онъ сблизился съ его братомъ, знаменитымъ историкомъ. Эти письма поссорили его съ извѣстнымъ фантастомъ, основателемъ фizioгноміки — Лафатеромъ, когда-то рыанымъ поклонникомъ Гердера, который нашелъ ихъ крайне вольнодумными, почти еретическими.

Смерть Лессинга вызвала съ стороны Гердера восторженную и превос-

ходную статью: «Викельманъ, Лессингъ и Зульцеръ», сблизившую его съ другомъ покойнаго—Мендельсономъ.

Въ 1782 г. выходитъ первая часть книги «О духѣ еврейской поэзіи», значеніе которой очень удачно характеризуетъ Гаймъ (стр. 193). «Благодаря Гердеру, впервые были признаны своеобразныя и неподражаемыя достоинства священной поэзіи евреевъ; благодаря ему, на Библію стали смотрѣть какъ на такую божественную книгу, которая поражаетъ поэтичностью своего содержанія; благодаря ему, исторія ветхозавѣтной поэзіи была поставлена наряду съ исторіей литературы другихъ народовъ и была сдѣлана попытка объяснить внутреннюю связь между ходомъ ея развитія и ходомъ развитія еврейскаго народа». Хотя съ тѣхъ поръ сдѣлано въ этой области такъ много, что отъ тезисовъ Гердера, можетъ быть, не останется камня на камнѣ, «но все-таки за Гердеромъ необходимо признать ту великую заслугу, что онъ подалъ примѣръ свободы изслѣдованій и расширилъ точку зрѣнія на этотъ предметъ»¹⁾.

Покончивъ въ 1783 г. со второю частью этой книги, Гердеръ для отдыха предпринялъ небольшое путешествіе: былъ въ Гальберштадтѣ у Глейма, въ Брауншвейгѣ и въ Гамбургѣ у Клопштока, къ которому, впрочемъ, онъ относился теперь далеко не съ такимъ благоговѣніемъ, какъ прежде. Послѣ этой поѣздки и не совсѣмъ удачно проведеннаго лѣта, Гердеръ приступаетъ къ своему знаменитому труду: «Идеи о философіи исторіи», къ которому, какъ справедливо замѣчаетъ Гаймъ, онъ безсознательно готовился всю жизнь свою. Начало этой книги совпадаетъ съ возобновленіемъ дружбы Гердера съ Гете; ихъ сблизеніе началось съ августа 1783 г., когда Гете пригласилъ Гердера съ женою къ себѣ въ день рожденія, и виновницей его была отчасти та же Каролина, которая прежде ссорила ихъ; польщенная вниманіемъ Гете, она вступила съ нимъ въ интимную бесѣду о дѣлахъ мужа и его служебныхъ затрудненіяхъ, и возбудила въ немъ сильное участіе. Началась дружеская переписка, а потѣмъ и частыя свиданія, одинаково интересныя и полезныя для обѣихъ сторонъ: скоро они были ближе, нежели когда-нибудь прежде; узнавъ, что и Гете дѣлаетъ не все такъ, какъ хочетъ, и страдаетъ отъ службы и придворныхъ отношеній, благодушный Гердеръ покаялся въ своихъ дурныхъ мысляхъ относительно холодности и эгоизма «тайнаго совѣтника» и винилъ себя во всѣхъ прежнихъ недоразумѣніяхъ. Гаймъ находитъ, что временный разрывъ между этими столь тѣсно связанными людьми былъ полезенъ, даже необходимъ: пріѣхавъ въ Веймаръ, Гердеръ все еще смотрѣлъ на Гете, какъ на ученика своего; теперь онъ могъ сойтись съ нимъ какъ равный съ равнымъ. Во всякомъ случаѣ дружба съ Гердеромъ была одна изъ самыхъ прочныхъ и богатыхъ послѣдствіями связей Гете; въ вѣкоторыхъ отношеніяхъ она была даже тѣснѣе, чѣмъ впоследствии его дружба съ Шиллеромъ: тамъ сходятся два великіе художника, дополняющіе и совершенствующіе одинъ другого; здѣсь два старинныхъ друга; тамъ — взаимное уваженіе; здѣсь — любовь, а со стороны восторженнаго Гердера, даже влюбленность; тамъ эстетико-философская дружба двухъ древнихъ эллиновъ; здѣсь братство двухъ германцевъ.

Въ это время Гете былъ увлеченъ естественными науками и работалъ надъ своимъ знаменитымъ открытіемъ междучелюстной кости: Гердеръ не

¹⁾ У насъ вліяніе книги Гердера отразилось между прочимъ въ извѣстномъ курсѣ Шевырева о еврейской поэзіи.

интересовался фактами, но для него важны были выводы и обобщения, и друзья вели безконечные разговоры о первоначальном состояніи земного шара. Плодотворные результаты этих бесѣд въ первой части «Идей» Гердера.

Гаймъ превосходно излагаетъ содержаніе этой метафизическо-естественно-исторической части (стр. 217—227) и затѣмъ передаетъ, къ сожалѣнію значительно короче, главныя положенія остальныхъ трехъ, болѣе историческихъ (до 245 стр.). Онъ рѣзко подчеркиваетъ измѣненія въ воззрѣніяхъ Гердера, для котораго теперь даже воззрѣнія Гиббона слишкомъ мягки и который все ближе и ближе подходитъ къ французскимъ «просвѣтителямъ», прежде внушавшимъ ему такую антипатію. Противорѣчія между отдѣльными частями знаменитой книги Гаймъ объясняетъ тѣмъ, что Гердеръ писалъ ее долго (1783—1791 гг.) и съ большими промежутками, отвлекаемый поѣздками, дѣлами, другими работами и собираніемъ матеріала — особенно долго задержала его послѣдняя часть — средніе вѣка, научное понятіе о которыхъ ведетъ свое начало именно отъ Гердера.

Въ промежуткахъ Гердеръ написалъ статью о Спинозѣ (1784 г.), которая привела въ восторгъ Гете, жившаго въ то время въ Италіи; издалъ третій сборникъ «Разбросанныхъ листковъ», (куда включилъ много своихъ стихотвореній), написалъ статьи объ эпитаграммѣ, о баснѣ (онъ доказалъ, что мораль въ ней—позднѣйшее явленіе; слѣдовательно, додумался до понятія о животномъ эпосѣ), о Персеполисѣ и пр.

Дружба съ Гете много помогла Гердеру въ его благихъ начинаніяхъ по службѣ. Въ 1788 г. ему удалось устроить по своему плану учительскую семинарію, проектъ которой прежде лежалъ безъ движенія цѣлыя 5 лѣтъ, — улучшить положеніе учителей, для увеличенія содержанія которыхъ онъ не остановился даже передъ уничтоженіемъ одного штатнаго мѣста пастора, ввести новый уставъ въ вермарской гимназіи и упростить богослуженіе.

Однако, Гердеръ и въ это время подумывалъ о переходѣ изъ Веймара, разумѣется, куда-нибудь на лучшее мѣсто: денежные дѣла его, дѣйствительно, были очень не блестящи, и онъ все еще не могъ выйти изъ долговъ, сдѣланныхъ ради переѣзда. Но въ 1788 г. какая-то неизвѣстная добрая душа сдѣлала ему денежный подарокъ въ 2,000 гульденовъ, и въ томъ же году онъ получилъ очень лестное и, какъ казалось, выгодное предложеніе отъ 28-ми-лѣтняго князя каноника Дальберга, большого его почитателя. ѣхать съ нимъ въ Италію, о которой Гердеръ мечталъ съ ранней юности. Онъ съ радостію принялъ его.

Начало путешествія обѣщало много хорошаго. Переѣздъ Гердера по Германіи до мѣста встрѣчи съ Дальбергомъ былъ рядомъ небольшихъ триумфовъ, отъ которыхъ онъ не отказывался, наслаждаясь своею свободою и изучая людей и вещи. Но когда онъ съѣхался съ своимъ спутникомъ, оказалось, что ихъ будетъ не двое, а трое, такъ какъ съ княземъ ѣхала легкомысленная красавица Секендорфъ; это было очень неприятно Гердеру: въ Италіи ему приходилось и стѣсняться, и расходовать, и чувствовать себя въ очень некрасивомъ положеніи. Въ Римѣ онъ, наконецъ, рѣшился поселиться отдѣльно отъ Дальберга и его возлюбленной, сталъ посѣщать салоны, гдѣ его принимали очень привѣтливо; это ему нравилось не изъ личнаго тщеславія, но потому, что онъ любилъ сходить съ разнообразными людьми и гордился тѣмъ уваженіемъ, которое воздастъ католическое общество протестантскому

пастору. Знакомства не мѣшали ему изучать памятники и думать, такъ что его жизнь была довольно полна; тѣмъ не менѣе онъ скоро сталъ скучать по родиѣ и семьѣ. Какое рѣзкое и поучительное различіе между Гердеромъ и Гете, который ѣхалъ инкогнито, чтобы его не тревожили поклонники, который въ Римѣ избѣгалъ всякихъ салонныхъ знакомствъ, чтобы вести жизнь художника, и который, уѣзжая изъ Рима, оставлялъ тамъ свое сердце!

Въ Неаполѣ прелести природы подѣйствовали на Гердера успокоительно; онъ наслаждался всѣ 7 недѣль, которыя провелъ здѣсь; но все же грусть посѣщала его и здѣсь. Возвратившись въ Римъ, онъ покончилъ всѣ счеты съ Дальбергомъ и снова принялся за изученіе памятниковъ; здѣсь постигъ онъ, что красота формы слишкомъ мало дѣйствуетъ на него, что ему во всемъ нужна идея и содержаніе. Здѣсь сошелся онъ съ знаменитой Анжеликой Кауфманъ, къ которой почувствовалъ сильную, но вполне идеальную привязанность. Передъ концемъ и природа римскихъ окрестностей и люди стали нравиться ему все больше и больше; тѣмъ не менѣе онъ съ великою радостью выѣхалъ изъ Рима 15-го мая 1789 г. черезъ Флоренцію, Венецію, Миланъ и 9-го іюня былъ уже дома.

Еще въ Римѣ онъ снова получилъ приглашеніе перейти въ Геттингенъ на кафедру, которой онъ прежде напрасно добивался съ такимъ стараніемъ; теперь ему предложили ординатуру, настоятельство въ церкви и разныя другія выгоды. Гердеръ вначалѣ сильно склонялся въ пользу этого предложенія, такъ какъ въ Веймарѣ все казалось ему мрачнымъ и непривѣтливымъ. Но Гете, вполне увѣренный, что Гердеръ не уживется въ Геттингенѣ, хлопоталъ изо всѣхъ силъ въ его пользу передъ герцогомъ и, что было гораздо труднѣе, передъ самимъ капризнымъ и нерѣшительнымъ Гердеромъ; такъ какъ Гете воспользовался предложеніемъ изъ Геттингена, чтобы значительно улучшить матеріальное и служебное положеніе Гердера (онъ былъ сдѣланъ вице-президентомъ консисторіи), то и Каролина была на его сторонѣ. Гете удалось убѣдить Гердера не рѣшать дѣла раньше приѣзда, а въ Веймарѣ жена и многочисленные почитатели и въ особенности почитательницы уговорили его навсегда остаться ихъ «нравственнымъ оплотомъ», какъ онѣ выражались. Гердеръ впоследствии жалѣлъ, что послушался ихъ; но по всей вѣроятности, жалѣлъ бы еще болѣе, еслибъ покинулъ Веймаръ. Первое время по возвращеніи, Гердеръ былъ ближе съ Гете, нежели когда-либо: поэтъ при своихъ частыхъ отлучкахъ изъ Веймара только Гердеру поручалъ свою подругу Христину и своего ребенка. Но скоро Гердеръ сталъ очень тяготиться своей многосложной служебной дѣятельностью и во всѣхъ своихъ бѣдахъ обвинялъ Гете. Политическія событія еще болѣе разъединили друзей.

Гердеръ встрѣтилъ начало революціи съ горячимъ сочувствіемъ и оставался вѣрнѣе такому возрѣнію значительно долѣе, нежели другіе. Одно время онъ лечился въ Ахенъ и оттуда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за событіями. Онъ рѣшился высказать свой взглядъ на нихъ печатно, и весною 1792 г. началъ свои «Письма о гуманизмѣ», въ началѣ которыхъ онъ называетъ эмигрантовъ измѣнниками, и оборонительную войну французской націи—первой истинно-священной войной человѣчества. Но казнь Людовика XVI, дѣйствія революціонныхъ эмисаровъ въ Германіи и особенно казнь королевы заставили его во многомъ измѣнить свой взглядъ на дѣло, и передѣланная первая книга «Писемъ», появившись въ печати, очень поправилась Карлу Августу. Тѣмъ не менѣе гуманистическія мечтанія Гердера въ такое время

были вовсе не по сердцу Гете, который былъ за одно съ нѣмецкими правительствами. Гердеръ велъ свои «Письма» о гуманизмѣ до 1797 г. включительно, именно потому что въ политической и общественной жизни гуманизма не было, что наступила та суровая пора, когда, по выраженію Гейне, людямъ надо родиться съ толстой кожей на спинѣ. «Я хочу вамъ надоѣсть гуманизмомъ», пишетъ Гердеръ Глейму, чтобы вы поневолѣ сдѣлались гуманными хотя бы для того, чтобы заставить меня молчать».

Отъ политики Гердеръ бѣжитъ къ теологіи и быстро создаетъ цѣлый рядъ трактатовъ: «о дарѣ языковъ», «о возстаніи мертвыхъ», «объ искупительѣ челоѣчества» и т. д. — всѣ они обстоятельно изложены у Гайма, — которые потомъ соединены вмѣстѣ въ сборникахъ, называемыхъ «Христіанскія сочиненія» (Christl. Schriften). Если политическія статьи Гердера были не по сердцу Гете, то богословскія его сочиненія были для него не интересны: между тѣмъ, произошло сближеніе Гете съ Шиллеромъ, окончательно разъединившее его съ старымъ руководителемъ.

Впрочемъ, это почувствовалось не сразу: изданіе журнала «Horen» даже какъ будто сблизило Гердера съ поэтами: весь 1795 г. Гердеръ усердно работалъ вмѣстѣ съ ними (онъ доставилъ 5 крупныхъ статей, за которыя издатель платилъ «не въ примѣръ прочимъ» по 30 талеровъ за листъ, и несъ часть редакторскихъ обязанностей); но скоро Гердеръ почувствовалъ на сколько онъ далекъ по воззрѣніямъ отъ Шиллера; больше всего раздѣляла ихъ философія Канта и его послѣдователей, въ которой Гердеръ видѣлъ безправственную и негуманную самомнительность разума. Гете, теперь вполне ушедшій въ эстетическіе интересы и отвернувшійся отъ современности, не могъ и не желалъ понять, чего Гердеръ требуетъ отъ нихъ. «жрецовъ прекраснаго». Когда вышелъ въ свѣтъ Вильгельмъ Мейстеръ, Гердеръ и Каролина вполне убѣдились, что Гете вступить на такую дорогу, по которой не могъ за нимъ идти пасторъ и блюститель правственности.

Окончательный разрывъ произошелъ изъ-за дѣтей Гердера: второй его сынъ Августъ, крестникъ и любимецъ Гете, совсѣмъ было отбился отъ рукъ отца, такъ что его на время сослали въ Швейцарію. Потомъ Каролина въ довольно рѣзкой формѣ потребовала, въ силу обязательства, чтобы веймарское правительство озаботилось въ объ ея дѣтяхъ: Гете исполнилъ ея требованіе, но отвѣтилъ ей еще съ большей рѣзкостью. Гердеръ сталъ рѣшительнымъ противникомъ безсердечной и безправственной поэзіи знаменитыхъ дуумвировъ, которые съ своей стороны — въ особенности Шиллеръ — возмущались его филистерской моралью.

Чтобы бороться съ Гете и Шиллеромъ, Гердеръ долженъ былъ отыскать другихъ боговъ. Онъ и прежде былъ близокъ съ Глеймомъ; теперь усиленно возвышаетъ его: онъ расхваливаетъ Виланда, закрывая глаза на его вовсе не художественную фривольность; наконецъ, онъ душевно успокоился на Жанъ Полѣ Рихтерѣ, который издавна благоговѣлъ передъ нимъ, а въ 1796 г. пріѣхалъ въ Веймаръ, главнымъ образомъ ради Гердера: не смотря на восторженность Рихтера, ихъ дружба не прерывалась до конца, и Гердеръ съ гордостью указывалъ въ своихъ многочисленныхъ рецензіяхъ на молодого поэта, какъ на челоѣвка, который не пятнаетъ своего генія безправственностью и эгоизмомъ.

Рецензіи, за которыя усердно припался Гердеръ, чтобы противоѣствовать вліянію враговъ правственности, естественно, павели его на мысль

приняться за изданіе журнала, который и явился съ самаго начала XIX столѣтія, подъ именемъ «Адрастея»; «Адрастея» только условно можетъ назваться журналомъ: она выходила не періодически, и редакторъ ея не имѣлъ сотрудниковъ. Какъ заранѣе опасались многіе безпристрастные люди, въ этомъ журналѣ болѣе всего жалобъ. Его литературная критика, объективность которой сильно страдаетъ отъ вражды Гердера съ Шиллеромъ и Гете, сравнительно слаба. Собственные поэтическіе опыты Гердера показываютъ много ума и вкуса, но мало творчества, и вообще «Адрастея» имѣетъ значеніе только какъ дополненіе къ прежней дѣятельности Гердера.

Разрывъ Гете, разумѣется, повліялъ на отношенія Гердера ко двору и герцогу. Для устройства дѣлъ сына (чтобъ онъ могъ въ Баваріи купить имѣніе) Гердеру понадобилось получить дворянство. Такъ какъ герцогъ не подумалъ идти на встрѣчу его желанію, онъ получилъ дворянство въ Баваріи; разбитый герцогъ не призналъ его въ этомъ званіи и какъ бы на зло ему сдѣлалъ дворяниномъ Шиллера. Другое еще болѣе острое столкновеніе съ герцогомъ Гердеръ имѣлъ по поводу театра, которому герцогъ былъ преданъ со страстію и ради котораго онъ былъ готовъ повредить и гимназіи и семинаріи. Гердеръ въ борьбѣ съ нимъ имѣлъ за себя всѣхъ членовъ консисторіи (въ которой съ 1801 г. онъ былъ официально признаннымъ президентомъ), но все же герцогъ остался побѣдителемъ.

Рѣдко, очень рѣдко Гердеръ сходилъ съ Гете; такъ какъ онъ страдалъ отъ разрыва, а не Гете, то, естественно, онъ чаще высказывалъ раздраженіе, и они послѣ начавшагося дружески разговора расходились врагами.

Здоровье Гердера слабѣло очень замѣтно. Чтобы онъ могъ въ 1803 г. съѣздить отдохнуть и полечиться, герцогиня Амалия, одна оставшаяся вѣрной ему, пожертвовала своимъ ожерельемъ. Гердеръ поѣхалъ въ Дрезденъ и, повидимому, поправился, но возвратившись снова сталъ хворать. Совсѣмъ больноу онъ издалъ № 9 «Адрастея», въ которомъ помѣстилъ 13 романсовъ о Сидѣ, предназначеная остальные для слѣдующаго №.

Романсы о Сидѣ послѣ «Идей»—важнѣйшее его произведеніе и достойное завершеніе всей его литературной дѣятельности. Въ томъ поразительномъ искусствѣ, съ какимъ онъ соединилъ въ нихъ народное и традиціонное съ личнымъ, художественнымъ творчествомъ, Гаймъ видитъ вліяніе Гете и Шиллера, которому невольно подчинился Гердеръ; мы полагаемъ, что Гердеръ здѣсь только остался вѣренъ тому, что онъ проповѣдовалъ всю жизнь и, между прочимъ, «Ноген», въ статьяхъ о Гомерѣ и Оссіанѣ.

Работая надъ № 10 своего журнала, Гердеръ окончательно слегъ; послѣдовали рядъ апоплексическихъ ударовъ, которые разбили тѣло Гердера, не повредивъ его уму. Онъ требовалъ, чтобы ему постоянно читали, упрашивалъ докторовъ спасти его, чтобы онъ могъ окончить свои работы... 16-го декабря онъ впалъ въ тихое усыпленіе и уже не проснулся.

Въ послѣдніе годы жизни Гердеръ во всѣхъ своихъ горестяхъ находилъ утѣшеніе въ прекрасной семьѣ своей: всѣ его сыновья устроились и вышли отличными людьми. Это и не могло быть иначе, такъ какъ Гердеръ былъ истинный педагогъ и по природѣ, и по страсти.

Въ заключеніе не можемъ не высказать одного упрека почтенному автору: зачѣмъ онъ такъ тщательно обходилъ очень важный и можно сказать, кардинальный вопросъ объ отношеніи Гердера къ зародившейся тогда и уже успѣвшей надѣлать много худого и добраго романтической школь?

Вѣдь этотъ вопросъ самъ собою напрашивается въ послѣдній періодъ жизни Гердера, и только его рѣшеніе можетъ уяснить вполне разладъ критика съ великими поэтами.

Нельзя не поблагодарить автора за составленіе прекраснаго указателя и переводчика—за удержаніе и приспособленіе его къ русскому переводу.

А. К.

Учебникъ исторіи проф. А. Трачевскаго. Новая исторія, ч. I. (1500—1750). Спб. 1889.

Общій планъ «Учебника» проф. Трачевскаго достаточно выяснился еще изъ первыхъ томовъ его руководства. Особенность этого плана состоитъ въ предпочтеніи фактовъ внутренняго, культурнаго развитія фактамъ внѣшнимъ, составляющимъ исторію политическую, дипломатическую и военную. Даже въ описаніяхъ войнъ и внѣшнихъ сношеній между государствами, проф. Трачевскій постоянно отбѣиваетъ бытовую и нерѣдко закулисную сторону событій.

Эта «культурная» (какъ ее называетъ самъ авторъ) точка зрѣнія, превращая исторію изъ эпизодическаго разсказа въ выясненіе соотношеній между различными сторонами культуры, требуетъ особенной осмотрительности, какъ въ выборѣ фактовъ, такъ и въ выводахъ. Въ большей части случаевъ автору удается справиться съ своей задачей. Такъ, выясненіе причинъ и результатовъ реформаціи отличается разносторонностью и отсутствіемъ того узкаго пристрастія, какое мы видимъ, напр., во многихъ нѣмецкихъ курсахъ всемірной исторіи. Проф. Трачевскій никогда не упускаетъ изъ виду, что нѣмецкая реформація есть лишь частица глубокаго и обширнаго движенія, охватившаго весь Западъ Европы и коренившася въ борьбѣ новыхъ началъ съ остатками (или по выраженію проф. Трачевскаго «пережитками») средневѣковаго строя. Въмѣсто того, чтобы ставить Германію въ исторіи реформаціи на первомъ планѣ, проф. Трачевскій постоянно имѣетъ въ виду, что въ XVI вѣкѣ нѣмцы находились, такъ сказать, въ хвостѣ цивилизованнаго міра: и если реформація вышла за предѣлы нѣмецкой народности, то зависѣло это, во-первыхъ, отъ того, что почва вездѣ была подготовлена независимо отъ Германіи (достаточно вспомнить Виклефа и Гуса); во-вторыхъ, отъ того, что къ собственно религіозному движенію противъ панства, въ самой Германіи примѣшался иной элементъ—борьба народа и его защитниковъ противъ всевозможныхъ средневѣковыхъ тягостей. Борьба эта, вылившаяся въ Германіи въ формѣ крестьянскихъ войнъ, не могла не отразиться и на соседнихъ странахъ. Проф. Трачевскій вполне правъ, выдвигая въ реформаціонномъ движеніи элементъ экономическій и социальный и ставя его чуть не на первый планъ. Превосходство учебника проф. Трачевскаго надъ большинствомъ нѣмецкихъ учебниковъ особенно проявляется при выясненіи причинъ лютеранской реакціи (стр. 108 и слѣд.), которая уничтожила чуть ли не половину благотворныхъ результатовъ, вытекшихъ изъ борьбы протестантовъ съ папизмомъ. Эта лютеранская реакція даже предшествовала іезуитски-католической. Проф. Трачевскій отдаетъ должную дань Лютеру, но не увлекается имъ и рисуетъ его тѣмъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ—человѣкомъ грубымъ, не отличавшимся ни терпимостью, ни особенной послѣдовательностью, и испугавшимся того движенія, которое было возбуж-

дено имъ самимъ, не говоря уже о дѣйствіяхъ Лютера по отношенію къ Цвингли, анабаптистамъ и т. д. Въ какія формы выродилось лютеранство въ рукахъ ближайшихъ сотрудниковъ и учениковъ Лютера, выяснено проф. Трачевскимъ на примѣрахъ Флаціуса (стр. 110 и 141), Эразма (въ его спорѣ съ Гуттеномъ), Меланхтона и даже самого Лютера (стр. 147 и др.). Нравы реформаціонной эпохи обрисованы въ весьма мрачномъ колоритѣ: по превеличій здѣсь нѣтъ (стр. 155 и слѣд.). Неуспѣхъ реформаціи авторъ объясняетъ «слабостью новаго просвѣщенія» (стр. 161 и слѣд.), которое, напр., въ Италіи было гораздо выше, чѣмъ въ лютеранскихъ земляхъ (см. особенно стр. 168). Описавъ затѣмъ католическую реакцію и изложивъ причины постепеннаго укрѣпленія абсолютизма, проф. Трачевскій даетъ вѣрную характеристику Тридцатилѣтней войны, при чемъ останавливается не столько на описаніи сраженій, сколько на бытовой сторонѣ этой непримѣрной бойни и на гибельныхъ ея результатахъ для всей европейской культуры, особенно же для нѣмецкой (264 и слѣд.). Развитіе абсолютизма во всѣхъ главныхъ европейскихъ государствахъ, и особенно во Франціи, изложено съ достаточной подробностью. Не упущено изъ виду и медленное, но непрерывное развитіе принципа національности. Указывая на вредныя стороны абсолютизма, проф. Трачевскій не щадитъ не только Людовика XIV, но и Ришелье, безпощадно раскрывая всѣ тѣневныя стороны этого государственнаго челоуѣка (стр. 319—324). Обзоръ состоянія общества XVII и начала XVIII вѣка (стр. 381—610) отличается замѣчательной полнотою, не только по сравненію съ наиболѣе распространенными въ Россіи учебниками, но даже и, сравнительно, наприм., съ курсомъ Вебера. Авторъ разсматриваетъ послѣдовательно состояніе государства, общества, церкви, указываетъ на права, понятіе, состояніе, просвѣщеніе (включая исторію педагогій), развитіе языка, публицистики, наукъ и искусствъ, на вѣшній бытъ, промышленность, торговлю и финансы.

Этотъ отдѣлъ, какъ важнѣйшій изъ всѣхъ, представлялъ и наибольшую трудность для обработки. Не обошлось, конечно, безъ мелкихъ недочетовъ и промаховъ со стороны автора. Мы ограничимся указаніемъ на кое-какіе недосмотры, которыхъ трудно избѣжать въ сочиненіи, изобилующемъ выводами, требовавшими перѣдко большого труда и многостороннихъ познаній. Вотъ примѣръ недосмотра, зависящаго отъ спѣшности работы: на стр. 513, авторъ утверждаетъ о математикѣ Фермѣ слѣдующее: «Фермѣ постигали такія тайны «безконечно большихъ и малыхъ», что доселѣ никто не могъ рѣшить нѣкоторыхъ изъ его задачъ». Этимъ оканчивается характеристика одного изъ крупнѣйшихъ математиковъ и въ этомъ видѣ она оказывается не точною и безсодержательною. На самомъ дѣлѣ Фермѣ прославился какъ истинный основатель теоріи чиселъ, въ послѣдствіи развѣвшейся въ цѣлую самостоятельную отрасль математики; многія изъ теоремъ о числахъ онъ далъ безъ доказательствъ, при чемъ послѣдующіе математики не мало работали надъ присканеніемъ таковыхъ. Сверхъ того, одновременно съ Паскалемъ, Фермѣ далъ первое основаніе теоріи вѣроятностей, при чемъ его методъ, основанный на теоріи сочетаній, былъ сразу поставленъ на болѣе научную почву, чѣмъ у Паскаля, основывавшаго свои соображенія, главнымъ образомъ, на здоровомъ смыслѣ; никакихъ особыхъ «тайнъ безконечныхъ величинъ» Фермѣ не зналъ, а изслѣдовалъ такъ называемыя наибольшія и наименьшія значенія функций. Въ этомъ случаѣ проф. Трачевскому не трудно было ошибиться какъ не специалисту. Но менѣе понятны его сужденія о Декартѣ.

На стр. 523, авторъ говоритъ, напр., что «всѣ (?) теоріи Декарта, вѣдъ математики, поверхностны и даже случайны», при чемъ приводитъ избытый и чуть ли не выдуманный врагами Декарта анекдотъ о томъ, что Декартъ хотѣлъ основать гипотезу о вихряхъ на идеѣ пустоты, но измѣнилъ намѣреніе, узнавъ отъ друга, что пустота не въ модѣ въ Парижѣ. На стр. 524, гениальный субъективный анализъ Декарта признается «красивою метафизическою ошибкой». Если въ другомъ мѣстѣ проф. Трачевскій, вопреки мнѣнію Томсона и большинства новѣйшихъ физиковъ, признаетъ декартовскую теорію вихрей «непростительной при механикѣ (?)» нелѣпностью, то онъ имѣетъ на своей сторонѣ, по крайней мѣрѣ, авторитетъ Ньютона (стр. 516). Вообще, у проф. Трачевскаго замѣтно пристрастное отношеніе ко всѣмъ идеалистическимъ школамъ, хотя, напр., идеализмъ Декарта, не препятствовавшій ему считать животныхъ «автоматами», едва ли повиненъ въ мистическихъ бредняхъ Мальбранша и другихъ картезианцевъ: иначе, пожалуй, и Огюста Конта пришлось бы винить за всѣ нелѣпости, выдуманныя его поклонниками. Странно, что авторъ не замѣчаетъ органической связи между математическими, физическими и философскими работами Декарта, и считаетъ эту связь чисто вѣдшею. Странно также, что такого самостоятельнаго и сильнаго мыслителя, каковъ Беркли, авторъ считаетъ ученикомъ Мальбранша. Укажемъ еще на нѣкоторые пропуски. Такъ, упоминая объ одномъ изъ основателей англійской журналистики, Аддисонѣ, проф. Трачевскій почему-то игнорируетъ Стиля, хотя Стиль издавалъ своего «Болтуна» раньше Аддисоновскаго «Зрителя», а именно въ 1709 г., да и «Зритель» былъ предпринятъ имъ же въ сотрудничествѣ съ Аддисономъ. Упоминая о Ричардсонѣ и Фильдингѣ, авторъ пока не говоритъ ни слова ни о Стериѣ, ни о Смоллетѣ, хотя всѣ выдающіяся произведенія Смоллета вышли почти одновременно съ Томомъ Джонсомъ и Фильдингомъ, а именно между 1748 и 1751 годами. Этотъ пробѣлъ, безъ сомнѣнія, будетъ восполненъ во второмъ томѣ, при чемъ, однако, автору придется впасть въ повторенія уже сказаннаго имъ о возникновеніи реалистическаго «мѣщанскаго», а также сентиментальнаго романа. Вообще, вслѣдствіе нѣкоторой разбросанности изложенія, повторенія и излишнія ссылки на предъидущее у проф. Трачевскаго не рѣдки, что противорѣчитъ имъ же принятому и нерѣдко выполняемому драгоценному правилу сказать «многое въ немногомъ». Тому же правилу противорѣчить и употребленіе нѣкоторыхъ слишкомъ вычурныхъ оборотовъ рѣчи, прекрасныхъ въ памфлетѣ или, пожалуй, въ беллетристикѣ, но едва ли умѣстномъ въ учебникѣ. Такъ о вступленіи Альбы въ Брюссель, авторъ пишетъ: «палачь южнаго демона вступилъ въ Брюссель, какъ на кладбище». Такихъ витіеватыхъ описаній въ «Учебникѣ» много. Въ видѣ заключенія, скажемъ, что «Учебникъ» г. Трачевскаго, при всѣхъ мелкихъ недостаткахъ, является важнымъ вкладомъ въ нашу учебную литературу. Онъ можетъ быть съ пользою прочитанъ не только гимназистомъ и студентомъ, но и всякимъ, кто интересуется исторіей. Даже люди серьезно изучавшіе исторію, почерпнутъ въ «Учебникѣ» много поучительнаго, такъ какъ авторъ освѣщаетъ многіе предметы совсѣмъ не съ той стороны, съ какой ихъ привыкли видѣть.

М. Ф.—въ.

Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. О. И. Роговой. Съ девятью хромолитографіями и съ другими рисунками по акварелямъ академика М. О. Микѣшина. Спб. 1888.

Писаніе историческихъ повѣстей и разсказовъ для дѣтей и юношества составляетъ одну изъ трудныхъ задачъ въ области педагогической литературы. Прежде всего требуется умѣлый выборъ сюжета. Далѣе, необходимо для автора такой повѣсти или разсказа основательное знакомство съ личностями, событіями и общимъ характеромъ эпохи, которыя дадутъ фактической матеріалъ для изложенія. Только тогда авторъ можетъ представить въ своемъ трудѣ нѣчто занимательное и поучительное, когда въ избранной имъ сферѣ онъ будетъ чувствовать себя совершенно свободнымъ. А эта свобода дается не легко: кромѣ богатаго и разносторонняго знакомства съ фактами, необходимо художественное чутье, способное отдѣлать характерное и общее отъ случайнаго и частнаго, внести въ событія прошлыя и сдѣлавшіяся достояніемъ истории живой и ясный взглядъ, установить такую точку зрѣнія на предметъ, при которой юный читатель или читательница могли бы заинтересоваться книгой не со стороны сообщаемыхъ въ ней историческихъ данныхъ, а со стороны непосредственной и живой дѣйствительности. Тогда только подобное произведеніе выполнить свою задачу, давая полезное занятіе уму, вмѣстѣ съ тѣмъ, тогда только можетъ ввести дѣтей въ кругъ интереса къ прошлому, когда для читающаго не будутъ видны эти серьезныя и отдаленныя цѣли автора, и когда онъ будетъ вовлекаться въ область исторіи однимъ пока существующимъ для него интересомъ—непосредственной и живой дѣйствительности. Если авторъ не сумѣетъ такимъ образомъ оживить явленій прошлой жизни, чтобы они имѣли для ребенка интересъ, совершенно однородный съ явленіями современными; если въ такой исторической повѣсти или разсказѣ юный читатель, при живомъ и не подавленномъ интересѣ къ чтенію, будетъ только видѣть черты, знакомыя ему изъ сухого учебника, то можно навѣрное сказать, что цѣль автора не будетъ достигнута, и книга не принесетъ никакой пользы. Этотъ непосредственный жизненный интересъ въ дѣтскихъ историческихъ разсказахъ, можно сказать, рѣшительно обусловливаетъ ихъ успѣхъ среди тѣхъ, для кого они предназначаются. Но это обстоятельство, давая автору въ руки могучее орудіе вліянія на своихъ читателей, въ то же время налагаетъ на него серьезную обязанность строгаго отношенія къ дѣлу обобщенія и художественнаго воспроизведенія событій прошлаго. Ошибки въ мелкихъ частныхъ фактахъ вполнѣ легки и легко могутъ быть исправлены, но невѣрность общаго пониманія, ложность общей точки зрѣнія, внушенная авторомъ читателю и принятая послѣднимъ, разумѣется, на вѣру, устраняется гораздо труднѣе. Указанными трудностями тѣхъ условій, въ которыя долженъ поставить себя авторъ историческихъ разсказовъ для дѣтей, относящихся серьезно къ своей задачѣ, объясняется сравнительно рѣдкое появленіе въ нашей литературѣ произведеній этого рода. Но тѣмъ съ болѣею признательностью должны быть встрѣчаемы болѣе или менѣе удачныя попытки въ этой области. Къ числу такихъ пріятныхъ явленій принадлежатъ и «Богданъ Хмельницкій» г-жи Роговой.

Содержаніемъ повѣсти служить, какъ видно и изъ заглавія, знаменитый въ русской исторіи рядъ событій на Украинѣ около половины XVII вѣка, кончившіяся присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ. Богданъ Хмель

ниціи является, конечно, героемъ разсказа. Выборъ такихъ событій и такого лица для дѣтскаго чтенія можно назвать весьма удачнымъ. Въ авторѣ видно близкое знакомство съ описываемыми имъ событїями и внимательное изученіе бытовыхъ чертъ жизни. Жизнь польскаго дворянства и казаковъ на Украйнѣ, при различныхъ обстоятельствахъ войны и мира, представлены въ повѣсти въ картинахъ живыхъ и занимательныхъ; авторъ поступилъ съ большимъ тактомъ, что уклонился въ своемъ разсказѣ отъ историко-этнографическихъ описаній; весь пригодный для нихъ матеріалъ внесъ опъ въ частные эпизоды своего повѣствованія и тѣмъ сдѣлалъ его болѣе занимательнымъ и прїятнымъ для юнаго читателя. Интересъ живой дѣйствительности поддерживается довольно искусно авторомъ въ продолженіе всей повѣсти; для этого, рядомъ съ историческими событїями, имѣющими общій интересъ, разсказываются событїя изъ частной жизни дѣйствующихъ тутъ лицъ. Авторъ не забываетъ требованій юнаго читателя, чтобы разсказъ велся безъ слишкомъ большихъ отступленій въ сторону и продолжительныхъ перерывовъ, ослабляющихъ интересъ чтенія. Въ повѣсти читатель слѣдитъ за дѣйствіемъ, живо и послѣдовательно развивающимся; жизненно-фактическая сторона у него на первомъ планѣ. Несомнѣнно, этотъ же мотивъ—сдѣлать разсказъ занимательнымъ—побудилъ автора воздержаться отъ подробныхъ описаній природы, которыя, какой бы мастерской кистью они ни были сдѣланы, почти цѣликомъ пропадаютъ въ подобнаго рода произведенїяхъ для дѣтей. Помня свои педагогическія цѣли, авторъ не допустилъ въ книгѣ ни одного мѣста, способнаго оскорбить нравственное чувство читателя; въ разсказѣ нѣтъ ни одной страницы, за которую можно бы было опасаться, что она подастъ поводъ читателю къ мыслямъ слишкомъ чувственнымъ или нескромнымъ. Изложена повѣсть очень хорошимъ языкомъ. Внимательный взрослый читатель можетъ, конечно, замѣтить, что къ концу книги разсказъ ведетъ уже не такъ живо, какъ въ началѣ и серединѣ; что есть тутъ нѣсколько страницъ, которыя можно бы совсѣмъ опустить, какъ нѣсколько замедляющихъ дѣйствіе и ослабляющихъ интересъ повѣствованія; можно бы упрекнуть автора и вообще за слишкомъ большой объемъ книги (360 стр. in-8°): въ болѣе сжатомъ видѣ повѣсть, при умѣнїи автора вести разсказъ, намъ кажется, только выиграла бы. Но мало ли въ чемъ можно упрекать и чего желать? И сдѣланнаго авторомъ достаточно, чтобы назвать его произведеніе заслуживающимъ вниманія среди другихъ сочиненій этого рода въ нашей сравнительно небогатой педагогической литературѣ.

Съ вѣншей стороны книга издана весьма изящно: на прекрасной бумагѣ, съ хорошо исполненными красками рисунками. Обложка также украшена рисункомъ скачущаго на лошади гетмана Хмельницкаго; въ началѣ книги, передъ оглавленіемъ, помѣщенъ фототипическій снимокъ съ проекта памятника Богдану Хмельницкому для города Кіева, составленнаго академикомъ Микѣшинымъ (въ первоначальномъ видѣ). Е. П.

Церковная сторона болгарскаго вопроса. Рѣчь И. Е. Троицкаго. Спб. 1888.

Въ болгарскомъ вопросѣ, три года приковывающемъ къ себѣ напряженное вниманіе всей Европы, кромѣ политической, есть еще и церковная сторона, почти совершенно игнорируемая при современныхъ сужденїяхъ о немъ.

Между тѣмъ, для правильнаго пониманія вопроса во всей его полнотѣ и для правильнаго рѣшенія его, эта сторона имѣетъ немаловажное значеніе, по крайней мѣрѣ, для насъ, русскихъ.

Церковной сторонѣ болгарскаго вопроса посвящена прекрасная рѣчь профессора Петербургскаго университета Троицкаго, приготовленная имъ къ университетскому празднику 8-го февраля прошлаго года, но не произнесенная по случаю отбѣны праздника и напечатанная въ видѣ приложенія къ «Отчету о состояніи университета за 1887 г.». Болгарскій вопросъ возникъ на церковной почвѣ за тысячу слишкомъ лѣтъ тому назадъ. Долгое время онъ считался исключительно церковнымъ вопросомъ и рѣшался съ церковной точки зрѣнія, хотя въ дѣйствительности, съ самаго начала, онъ былъ столько же церковнымъ, сколько и политическимъ—какой характеръ удерживаетъ и до настоящаго времени. Болгарскій князь Борисъ, чрезъ два года послѣ своего крещенія, принятаго изъ Византіи, обратился въ Римъ съ просьбою о присылкѣ епископовъ и священниковъ для устройства церкви въ новообращенной Болгаріи. Папа Николай I послѣшилъ исполнить его просьбу—прислалъ двухъ епископовъ со священниками и клириками, которые и занялись устройствомъ болгарской церкви согласно желанію князя. Но уже на константинопольскомъ соборѣ 869—870 гг. послы Бориса возбудили вопросъ: «какой изъ двухъ церквей, римской или константинопольской, отнынѣ должна быть подчинена болгарская церковь?» Послѣ продолжительныхъ преній между представителями Востока и Запада, первые рѣшили предложенный вопросъ въ пользу константинопольской церкви. Римскіе легаты подали патріарху Игнатію протестъ противъ такого рѣшенія. Игнатій принялъ протестъ, но послѣшилъ привести рѣшеніе восточныхъ отцовъ въ исполненіе, отправивши въ Болгарію архіепископа съ нѣсколькими епископами и священниками, которые вытѣснили оттуда латинское духовенство и преобразовали болгарскую церковь по восточному образцу съ согласія Бориса.

Такое колебаніе болгарскаго князя проф. Троицкій объясняетъ желаніемъ его поставить свою церковь въ независимость какъ отъ Рима, такъ и отъ Византіи. Онъ обратился въ Римъ, надѣясь получить отъ папы патріарха, котораго не соглашалась дать болгарской церкви Византія. Когда же ему было отказано въ патріархѣ и со стороны Рима, и со стороны Византіи, то пришлось выбирать между подчиненіемъ восточной или западной церкви. Уже самое возбужденіе его посланіемъ на константинопольскомъ соборѣ вопроса о томъ, Риму или Византіи должна подчиниться болгарская церковь, свидѣтельствовало о его рѣшеніи въ пользу Византіи и желаніи освободиться отъ состояшагося уже подчиненія папѣ. При рѣшеніи этого вопроса немаловажную роль играть, конечно, и политическій расчетъ. Подчиняясь Византіи, болгарскій князь пріобрѣталъ гораздо больше свободы во внутренней политикѣ, такъ какъ византійское церковное устройство представляло (благодаря сложившимся тогда отношеніямъ между церковью и государствомъ въ Византіи) гораздо больше для государства власти, чѣмъ отношенія между церковью и государствомъ на Западѣ, гдѣ римскіе первосвященники, въ лицѣ Николая I и его двухъ ближайшихъ преемниковъ, начали энергично вмѣшиваться въ дѣла государствъ (не позволяя имъ вмѣшиваться въ дѣла церкви) и стѣснять свободу дѣйствій государственной власти. Равнымъ образомъ, и для цѣлей внѣшней политики Византіи, благодаря

своей государственной цѣльности, уму и энергій своего тогдашняго государя (Василія Македонянина), представляла для Болгаріи союзника, гораздо болѣе надежнаго на случай столкновения съ Западомъ, чѣмъ тогдашній Западъ при своей политической разрозненности и слабости своихъ государей могъ представлять на случай столкновения съ Византіей. А неизбежность такихъ столкновений въ будущемъ удостовѣрялась для него опытами прошедшаго: они обуславливались географическимъ положеніемъ Болгаріи между Востокомъ и Западомъ, представлявшимъ для того и другого сильное искушеніе вовлечь ее въ сферу своего вліянія.

Но одними случайными удобствами и неудобствами подчиненія Риму или Византіи не исчерпывался тогда для Болгаріи ея церковный вопросъ. Онъ имѣлъ для нея гораздо болѣе широкое значеніе. Въ сущности, это былъ для нея вопросъ о всемъ ея устройствѣ—государственномъ, церковномъ и социальномъ, о всей ея будущей культурной жизни и всей ея будущей исторической судьбѣ. Какъ видно изъ просьбы Бориса о патріархѣ, «добрый законъ», котораго онъ искалъ въ тогдашнихъ центрахъ христіанскаго міра, заключался для него не въ одной «вѣрѣ» или вѣрученіи, а во всемъ строѣ жизни, со всѣми выработанными и установившимися тогда формами этого строя на Востокъ и на Западъ. Присоединяясь къ той или другой церкви, Болгарія ео ipso входила въ сферу не церковнаго только, но и политическаго и вообще культурнаго вліянія восточнаго или западнаго христіанскаго міра, представляемыхъ въ данномъ случаѣ ихъ церквами. Такимъ образомъ, присоединеніе ея къ восточной церкви означало для нея не только разрывъ съ западной церковью, но и съ группою западныхъ государствъ, находившихся подъ культурнымъ вліяніемъ западной церкви, и присоединеніе къ группѣ восточныхъ государствъ, находившихся подъ вліяніемъ восточной церкви.

Въ настоящее время болгарскій вопросъ снова возникъ и опять въ смыслѣ спорнаго между Востокомъ и Западомъ. Онъ сводится къ тому, оставаться ли Болгаріи попрежнему въ группѣ восточныхъ государствъ и церквей или выступить изъ этой группы и присоединиться къ Западу (какъ въ свое время сдѣлала другая славянская страна—Великая Моравія). Началась и снова ведется великая борьба между Востокомъ и Западомъ изъ-за Болгаріи. Для послѣдней смыслъ борьбы и теперь, какъ въ IX вѣкѣ, сводится къ тому, чтобы поставить себя независимо относительно Востока и Запада, какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи.

Представивъ современное отношеніе между западными и восточными государствами Европы (въ частности Россіей) и состояніе Болгаріи, «не понимающей ни смысла борьбы, ни роли Россіи и Запада въ ней, ни своихъ собственныхъ интересовъ», авторъ дѣлаетъ такой выводъ: «Болгарія можетъ достигнуть охраны своей политической и церковной самостоятельности относительно Востока и Запада, лишь оставаясь въ группѣ восточныхъ государствъ и церквей и вмѣстѣ съ ними оберегая завѣтную формулу, выработанную историческою жизнью Востока и лежащую въ основѣ его междуцерковныхъ и международныхъ отношеній, т. е. полную свободу во внутреннихъ дѣлахъ и полную солидарность во вѣшнихъ отношеніяхъ къ инославнымъ церквамъ и государствамъ». С.

Н. И. Гродековъ. Хивинскій походъ 1873 года. Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1888.

Въ числѣ военно-историческихъ событій и военныхъ подвиговъ, походъ въ Хиву представляетъ особый интересъ и совершенно особое значеніе. Здѣсь дойти — значило побѣдить. Но дойти и побѣдить было еще мало. Послѣ побѣды и порабощенія мятежнаго азіата, явилась необходимость еще и удержаться въ оазисѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ бесплодною, безводною и голодною пустыней. Для этого, послѣ бѣгства хивинскаго хана и его ближайшихъ совѣтниковъ къ туркменамъ, необходимо было сразу приступить къ реорганизациіи всего ханства въ интересахъ порядка, при соблюденіи котораго только и можно было рассчитывать на прокормленіе русскихъ войскъ средствами края, а также и заготовить себѣ родъ тыловой базы на обратное выступленіе нашей боевой силы въ Россію. Съ этой точки зрѣнія, въ хивинскомъ походѣ, особую, можно сказать, первенствующую важность, получаютъ распоряженія не столько боевого, сколько административнаго и политическаго характера. Между тѣмъ въ первомъ изданіи сочиненія генерала Гродекова, — отсутствовали интереснѣйшія главы о пребываніи нашихъ войскъ въ Хивѣ до бѣгства и послѣ возвращенія хана Сеидь-Магомета. Въ нынѣ вышедшемъ второмъ изданіи, этотъ пробѣлъ дополненъ въ видѣ двухъ главъ XIII и XIV, и здѣсь читатели найдутъ крайне любопытныя подробности объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ уничтоженіе въ Хивѣ рабства, и объ усмиреніи отрядомъ генерала Головачева возстанія текипцевъ, военною силою, при чемъ войскамъ отряда въ дѣлѣ подѣ Чандыромъ пришлось попасть въ положеніе весьма рискованное и опасное, изъ котораго они вышли побѣдителями, благодаря только необыкновенному присутствію духа и стойкости пѣхотныхъ частей и артиллеріи отряда. Объ опасности этого дѣла, гдѣ противъ небольшой горсти русскихъ собралась толпа вооруженныхъ туркменъ въ 10,000 человекъ, изъ коихъ 4,000 было пѣшихъ, можно судить по нашимъ потерямъ. Генералъ Головачевъ раненъ сабельнымъ ударомъ въ кисть лѣвой руки. Убитъ подполковникъ Есиповъ, ранены 2 штабъ и 2 оберъ-офицера, и 32 нижнихъ чина. Потери наши 28 мая при штурмѣ Хивы были немного болѣе (раненъ генералъ Веревкинъ, 6 офицеровъ и 38 нижнихъ чиновъ), хотя въ дѣлѣ подѣ Хивой участвовало вдвое больше войскъ, нежели въ Чандырскомъ дѣлѣ.

Собственно для оцѣнки хивинскаго похода 1873 г. какъ подвига боевого, достаточно обратить вниманіе на слѣдующія цифры. Всего участвовало въ экспедиціи строевыхъ и нестроевыхъ чиновъ въ 3-хъ отрядахъ, собравшихся подѣ Хивую (т. е. не считая красноводскаго отряда Маркова, который немогъ двигаться далѣе колодець Игды) 12,371 человекъ. Изъ нихъ убито: офицеровъ 4; нижнихъ чиновъ 29; ранено: офицеровъ 19; нижнихъ чиновъ 105. Но больныхъ было только съ 24 марта до 14 мая 3,266 человекъ. Послѣдняя цифра чрезвычайно краснорѣчива, и показываетъ несомнѣнно, гдѣ находится самая убійственная сторона войны.

Второе изданіе сочиненія о хивинскомъ походѣ Н. И. Гродекова украшено 33-мя иллюстраціями и портретами дѣйствовавшихъ лицъ, при чемъ портретъ главнаго начальника хивинской экспедиціи генералъ-адъютанта К. П. Кауфмана, всего менѣе удовлетворителенъ, тогда какъ портретъ хана,

Сейдъ-Мухамеда, Мать-Мурада, портреты генераловъ Веревкина и Головачева, вышли несравненно удачнѣе. Характерны и весьма хорошо выражены особенности мѣстности, по которымъ двигались войска, многія иллюстраціи и снимки представляютъ различныя ущѣлѣвшія въ пустынѣ развалины и виды глубокихъ руселъ пѣкогда несомнѣнно изобиловавшихъ сильною проточною водою. Все это чрезвычайно оживляетъ книгу, по самому сюжету своему полную глубокаго и поучительнаго интереса. В. П.

М. П. Розенгеймъ. Стихотворенія. Изданіе четвертое, дополненное (первое посмертное). Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889.

Мы удивляемся, что стихотворенія такого поэта, какъ Розенгеймъ могутъ доживать до четвертаго изданія. Мы нѣсколько разъ принимались за чтеніе двухъ вышедшихъ томовъ,—принимались и откладывали въ сторону, пока, наконецъ, по рецензентской обязанности не были вынуждены осилить ихъ. Въ стихахъ Розенгейма все расплывчато и неопредѣленно, все однообразно и тоскливо до невозможности, отъ того, что всѣ стихотворенія непомѣрно растянуты, страдаютъ отсутствіемъ и яркихъ, свѣжихъ образовъ, и по большей части горячаго захватывающаго чувства, которое, напримѣръ, у Некрасова часто замѣняетъ художественность. Читая стихи Розенгейма, чувствуешь, что писалъ ихъ не творецъ-художникъ, а просто очень хорошій, честный и симпатичный человѣкъ, который, однако, совсѣмъ не родился поэтомъ. Намъ всегда казалось, что поэтическая дѣятельность Розенгейма не имѣетъ почти никакого значенія въ русской литературѣ. Мы не говоримъ совсѣмъ, ибо Розенгеймъ горячо и безпредѣльно любилъ Россію, хорошо чувствовалъ, видѣлъ и созпавалъ всѣ неприглядныя стороны нашей государственной и народной жизни, выражая и эту любовь, и это сознаніе въ своихъ монотонныхъ пѣснопѣніяхъ. Слѣдовательно, какъ поэтъ-гражданинъ, Розенгеймъ имѣетъ еще нѣкоторое значеніе: онъ въ этой роли имѣлъ даже порядочный успѣхъ, ибо дѣйствовалъ въ ту эпоху нашей общественной жизни, когда возбужденное настроеніе охватило русское общество подъ вліяніемъ надеждъ и упованій на предстоявшія великія преобразованія. Съ точки зрѣнія сатирико-обличительной нѣкоторыя его стихотворенія могутъ стать наравнѣ съ подобными же Некрасовскими. Но такихъ стихотвореній, во-первыхъ, очень немного, (не болѣе пяти), а во-вторыхъ, теперь они утратили всякое значеніе. Изъ всѣхъ 250 пѣсней, написанныхъ въ періодъ времени съ 1838 по 1887 годъ (49 лѣтъ!) можно набрать только 25 сносныхъ и порядочныхъ, а все остальное является скучнымъ, бездарнымъ и безцвѣтнымъ балластомъ.

Мы, конечно, не будемъ доказывать нашего мнѣнія цитатами изъ стихотвореній Розенгейма: желающіе провѣрить насъ могутъ адресоваться къ источнику и доказательства сказаннаго нами найти на каждой страницѣ двухъ вышедшихъ томовъ. Но чтобы насъ все-таки не упрекнули въ излишней суровой строгости, мы укажемъ на удовлетворительныя, по нашему, стихотворенія, хотя таковыя, говоря откровенно, очень слабо выдѣляются изъ сѣрой массы всѣхъ остальныхъ. Такъ, въ первомъ томѣ безусловно обращаютъ на себя вниманіе «Думы на развалинахъ Севастополя», которыя отличаются рѣзкой правдивостью обличенія и горячимъ чувствомъ

негодования. Въ томъ же первомъ томѣ длинный разсказъ въ стихахъ «Три встрѣчи» непомѣрно растянутъ, страдаетъ шаблонностью и банальностью замысла, блѣдностью характеристикъ, приторной неестественностью сантиментально-мелодраматической, притянутой за волосы развязки. Во второмъ томѣ выдѣляется «Послѣдняя элегія», приписывавшаяся раньше Некрасову, такъ она похожа и по формѣ, и по содержанию, на стихотворенія послѣдняго, что, конечно, далеко не говоритъ въ пользу Розенгейма: не дурень «Раскольникъ», недурна «Повѣсть про купецкаго сына Скворцова и про боярскую дочку»: заслуживаетъ также вниманія и «Смерть патріарха Гермогена». Все же остальное не возвышается надъ уровнемъ посредственности. Писалъ Розенгеймъ и славянско-патріотическія стихотворенія, но всѣ они какъ-то похожи на передовыя статьи, переложенныя въ стихи.

Биографія, приложенная къ вышедшему четвертому изданію, отличается обстоятельностью, хотя она и не чужда пристрастія къ покойному поэту,— пристрастія, возводящаго его на слишкомъ высокий пьедесталъ. Въ этой биографіи мы встрѣчаемъ любопытное извѣстіе о томъ, какъ 1863 году Розенгеймъ началъ издавать сатирической журналъ «Занозу», но по прошествіи года, въ силу цензурныхъ условій, долженъ былъ передать это изданіе И. А. Арсеньеву. Своей «Занозой» Розенгеймъ думалъ создать русскій «Пончъ», серьезный сатирической журналъ, вносящій карикатуру въ сферу нашей внутренней и вѣшной политики. Но для русскаго «Понча» не наступило еще время. Большая часть остроумныхъ карикатуръ не была пропущена цензурой—и изданіе должно было рухнуть. С. Тр—евъ.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книга пятая. Москва. 1888.

Дѣятельность Московскаго архива министерства юстиціи справедливо заслуживаетъ вниманія и сочувствія. Громадныя богатства нашей исторіи разработаны еще очень мало. Они ждутъ изслѣдователей. Приложенія къ нимъ труда, науки, любви къ отечественному дѣлу.

Для этого они должны быть сохранены, приведены въ порядокъ, въ извѣстность и ясность и сдѣланы болѣе доступными. Просвѣщенная дѣятельность управленія архивами можетъ оказать тутъ большую услугу. Однако, задача эта, по крайней мѣрѣ, въ послѣднемъ отношеніи почти вовсе не разрѣшается нашими архивами. Мы имѣемъ нѣсколько чрезвычайно цѣнныхъ томовъ «Архива государственнаго совѣта» редакціи покойнаго Н. В. Калачова, изданія архивовъ сената и синода; въ самое послѣднее время вышли журналы комитета министровъ за 1802—1810 гг. Затѣмъ, мы почти ничего не знаемъ о другихъ архивахъ. Зато Московскій архивъ министерства юстиціи идетъ значительно дальше.

Заглавіе настоящей книги слишкомъ скромно для ея содержанія. Послѣднее гораздо болѣе богато, чѣмъ это показываетъ слишкомъ сухое и едва ли выгодное для книги опредѣленіе: «Описаніе документовъ и бумагъ». Собственно такихъ описаній желательно было бы видѣть больше. Но въ книгѣ находится и многое другое, отмѣченное научностью обнаруживающее непосредственный интересъ къ дѣлу со стороны управленія архива.

Архивъ этотъ составилъ въ 1852 году изъ трехъ архивовъ: Вотчиннаго.

Разряднаго и Архива старыхъ дѣлъ. Въ первомъ отдѣлѣ настоящей книги и изложена исторія этихъ трехъ архивовъ до 1812 г. Съ разными любопытными описаніями и характеристиками здѣсь говорится: объ образованіи названныхъ архивовъ, составѣ и числѣ дѣлъ, накопившихся въ нихъ, объ управленіи архивами, ихъ содержаніи, храненіи бумагъ, приведеніи въ извѣстность и о выдачѣ справокъ. «Всѣ эти вопросы, нераздѣльные съ архивнымъ дѣломъ и въ наше время, такъ или иначе разрѣшались и въ прошломъ столѣтіи, и знакомство съ ихъ судьбою—справедливо выражается въ предисловіи—важно для насъ не только въ научномъ, но и въ практическомъ отношеніи. Только историческимъ путемъ можно объяснить себѣ, почему нынѣшніе архивы дошли до насъ именно въ такомъ составѣ и такомъ состояніи, въ какихъ мы ихъ находимъ,—на какихъ сторонахъ дѣла должно сосредоточиваться главное вниманіе управленія архивами, какія мѣры и средства могутъ быть принимаемы для успѣшнаго веденія дѣлъ въ современныхъ архивахъ».

Исторія Разряднаго архива, свойства и значеніе котораго показываетъ самое его названіе, написана г. Гоздаво-Голомбѣевскимъ. Исторія Вотчиннаго архива, заключающаго въ себѣ дѣла помѣстнаго и вотчиннаго владѣнія въ Россіи, составлена г. Ардашевымъ. Наконецъ, исторія Архива старыхъ дѣлъ, образовавшагося при Екатеринѣ II изъ архивовъ упраздненныхъ коллегій и другихъ присутственныхъ мѣстъ—принадлежитъ г. Шимко и также г. Гоздаво-Голомбѣевскому.

Значительный интересъ представляетъ второй отдѣлъ книги. Статья г. Востокова «О дѣлахъ государственнаго двора» заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ этомъ неизвѣстномъ еще историко-юридической литературѣ учрежденіи. Государственный дворъ, иначе называвшійся Свѣзжей избой, какъ зданіе, былъ построенъ Петромъ Великимъ въ 1689 г. Здѣсь происходили иногда засѣданія боярскаго думы. На Государственномъ дворѣ стали вѣдаться затѣмъ дѣла о даточныхъ людяхъ, потомъ о вольницѣ и драгунахъ. Далѣе, здѣсь же помѣщался Высшій государственный судъ, образованный для разсмотрѣнія дѣла о цесаревичѣ Алексѣѣ Петровичѣ. Вообще, Государственный дворъ получалъ то или иное значеніе какъ учрежденіе, вмѣщая въ себѣ разныя временныя установленія, образовавшіяся для временныхъ цѣлей. Второй очеркъ «Ближняя канцелярія при Петрѣ Великомъ» принадлежитъ г. Токареву. Значеніе его опредѣляется тѣмъ, что имѣющіяся въ юридической литературѣ свѣдѣнія и выводы объ этомъ учрежденіи весьма не полны и разнорѣчивы. По мнѣнію г. Токарева, Ближняя канцелярія является непосредственною преемницею Боярскаго думы и какъ бы промежуточнымъ звеномъ между Боярскою думою и Сенатомъ (стр. 50). Авторъ выясняетъ и разницу между этими тремя учрежденіями: «Боярская дума была учрежденіемъ, дѣйствовавшимъ при государѣ и съ нимъ вмѣстѣ; Ближняя канцелярія дѣйствовала уже вдали отъ государя, по по его начертаніямъ и руководству, а Сенатъ могъ уже замѣщать самого государя, будучи установленъ «вмѣсто присутствія Его Царскаго Величества собственной персоны» (стр. 75). Представляетъ интересъ также очеркъ г. Голубева «Расправная палата при Сенатѣ». Авторъ полагаетъ возможнымъ заключить о болѣе раннемъ образованіи этого учрежденія, чѣмъ это указываетъ его названіе. именно объ образованіи его еще до учрежденія Сената въ XVII вѣкѣ.

Н. Др.

Скоморохи на Руси. Исслѣдованіе А. С. Фаминцына. Спб. 1889.

Авторъ задался желаніемъ доказать, что «скоморохи» издревле служили «представителями свѣтской музыки въ Россіи» на столько же, на сколько они были «древнѣйшими представителями народнаго эпоса (?) и народной сцены». Ради этой цѣли авторъ весьма добросовѣстно подобралъ фактическій матеріалъ, касающійся скомороховъ и скоморошества въ древней Руси (до XVII вѣка), пересмотрѣлъ акты, сдѣлалъ сводъ извѣстій иностранныхъ писателей, прослѣдилъ даже типъ скомороха въ древней и народной литературѣ;—но этимъ сводомъ и подборомъ фактовъ доказалъ еще разъ только полную невозможность изслѣдованія о нашихъ русскихъ скоморохахъ, какъ о явленіи исключительно нашей русской народной жизни. «Веселые люди» не были у насъ естественнымъ произведеніемъ нашей почвы: ихъ нельзя отдѣлить отъ скомороховъ западно-европейскихъ, которые, въ свою очередь, ведутъ свою родословную отъ древне-классическихъ *mimi* и *joculatores*. Съ другой стороны, большою натяжкой представляется намъ и всякая попытка приравненія и смѣшенія нашихъ скомороховъ съ нашими «народными пѣвцами» и «сказителями»—главными хранителями богатаго запаса русскихъ эпическихъ сказаній. «Скоморохъ» и «сказитель»—два типа совершенно противоположные, не имѣющіе ничего общаго; и народный эпосъ, величавый, спокойно текущій, подавляющій своими грандіозными образами, немислимъ въ устахъ юркаго, подвижнаго, непосѣдливаго скомороха. «Изъ пѣсни слова не выкинешь», «пѣсня—быль»,—говоритъ народъ, выражая тѣмъ свое глубокое уваженіе именно къ эпическимъ сказаніямъ, и это уваженіе никакъ не пристало къ лицу тѣхъ «потѣшниковъ, глумцовъ и смѣхотворцевъ», какими скоморохи представляются въ народной памяти и въ народной жизни. Въ такомъ же именно смыслѣ скоморохи не могли быть и «единственными представителями свѣтской музыки» въ древней Руси. Богатый запасъ нашихъ музыкальных, пѣсенныхъ мотивовъ сохраненъ намъ отъ нашей старины стародавней неисчерпаемою памятью всего народа, а не отдѣльнымъ сословіемъ «скомороховъ», которые, конечно, избирали изъ народной музыки только плясовое и веселое и примѣняли этотъ элементъ къ своей веселой наукѣ. Болѣе плодотворными могутъ быть названы усилія автора доказать, что «игры» скомороховъ послужили основаніемъ для нашего народнаго театра въ эпоху его зарожденія... Но и здѣсь ни шагу нельзя ступить безъ сравнительнаго изученія западно-европейскаго народнаго театра и кукольной комедіи, а это сравнительное изученіе сильно колеблетъ попытку доказать оригинальность «скоморошскихъ игръ» и представленій, о которыхъ, кстати сказать, намъ извѣстно очень немногое. Не можемъ мы также согласиться и съ однимъ изъ основныхъ положеній г. Фаминцына, именно съ тѣмъ, что скоморошество «уже въ XI вѣкѣ оказывается принятымъ и укоренившимся въ обиходъ народной жизни русской». Смѣло утверждаемъ, что на это не существуетъ никакихъ положительныхъ данныхъ, и скоморохи, упоминаемые въ житіи Θεодосія на пиру у князя Святослава. еще не даютъ намъ права ни къ какимъ обобщеніямъ.

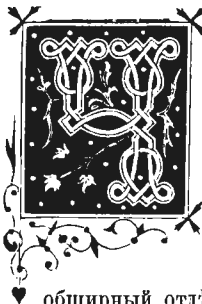
П. П.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣмецкій взглядъ на Екатерину II, какъ писательницу. — Книга о славянахъ въ оцѣнкѣ французской критики. — Л. Н. Толстой, обсуждаемый тремя національностями. — Характеристика Писемскаго, какъ драматурга. — 1789-й годъ. — Четвертьвѣковые періоды въ исторіи послѣдняго столѣтія. — 1814-й годъ. — Наполеоновская легенда и исторія шведской королевы. — Государственный переворотъ 1772 года.

ТО ИЗУЧЕНІЕ РОССІИ не скоропроходящая мода, а серьезное явленіе, господствующее въ настоящее время въ интеллигентныхъ сферахъ западной Европы, доказываетъ уже нѣсколько лѣтъ продолжающимся стремленіемъ этихъ сферъ — ознакомиться со всѣми сторонами нашей культурной жизни. Въ послѣдніе шесть, семь лѣтъ вышло на главныхъ европейскихъ языкахъ столько сочиненій о Россіи, столько переводовъ и разборовъ ея лучшихъ писателей, что книги этого рода могутъ составить обширный отдѣлъ Rossica въ любомъ иностранномъ каталогѣ. Нѣмецкій ученый Эрнстъ Коппель написалъ изслѣдованіе о «Екатеринѣ II какъ писательницѣ» (*Katharina II als Schriftstellerin*). Онъ называетъ вторую половину XVIII вѣка эпохою Екатерины II въ Россіи, Фридриха II, Шлелера и Гёте въ Германіи, Вольтера во Франціи, Маріи-Терезіи и Иосифа II въ Австріи. Въ западной Европѣ культурное развитіе шло постепенно, обычнымъ путемъ, но въ Россіи оно явилось такъ быстро и неожиданно, что заставляло сомнѣваться въ его прочности. Хотя европейскій элементъ еще Петръ I ввелъ въ свое отечество, но идеи своего времени восприняла и отчасти осуществила Екатерина II. Отношенія ея къ Вольтеру и энциклопедистамъ извѣстны. Ея переписка съ фернейскимъ философомъ еще любопытнѣе, чѣмъ его сношенія съ Фридрихомъ II. Оба самодержавные монарха принимали французскія идеи, передѣлывая ихъ частью на свой ладъ. Но въ то время, когда умственная работа была потребностью Фри-

дриха, въ военное и мирное время, Екатерина видѣла въ ней только средство увеличить блескъ своей извѣстности. При всѣхъ своихъ высокихъ качествахъ, она была все-таки женщина, соединявшая слабости своего пола съ увлеченіями ничѣмъ неограниченной власти. Въ ея управленіи много театральнаго, показнаго, хотя и блестящаго элемента, но въ которомъ слова расходились съ дѣломъ. Она старалась примирить абсолютизмъ Людовика XIV съ поклоненіемъ Вольтеру. Это примиреніе казалось ей достижимымъ, но, пересаживая охотно европейскія идеи на русскую почву, она не усвоивала себѣ только демократическихъ принциповъ Руссо. Его «Contrat social» былъ ей антипатиченъ, а «Эмилъ» запрещенъ въ Россіи. Понятно, что при подвижности своего характера, увлеченная культурнымъ европейскимъ движеніемъ, императрица сама взялась за перо. Это представляло небывалое явленіе въ странѣ, гдѣ цивилизація была чѣмъ-то внѣшнимъ, не органическимъ, скорѣе модою, чѣмъ потребностью. Литературная дѣятельность Екатерины была чрезвычайно разнообразна и касалась научно-воспитательной, публицистической, исторической и драматической области. Къ этому надобно еще прибавить ея работы по законодательству и лингвистикѣ. Всѣ эти труды не отличаются глубиною изученія и тщательной обработкой, да на это у императрицы не достало бы и времени, но на всѣхъ ихъ лежитъ печать ума и наблюдательности. Серьезнѣе другихъ ея работы по педагогической части. Въ отношеніяхъ къ Павлу она является скорѣе строгою воспитательницею, чѣмъ ибжною матерью. Ея «Инструкція» Салтыкову, воспитателю ея внуковъ, Александра и Константина, составлена гораздо заботливѣе и тщательнѣе. Для нихъ же она писала аллегорическія сказки и собирала русскія пословицы. Нѣмецкій авторъ удивляется, какъ женщина, имѣвшая возможность не отказывать себѣ ни въ чемъ, давала внукамъ уроки самой строгой нравственности и представляла имъ всю прелесть поклоненія чистѣйшей добродѣтели, этой «розы безъ шиповъ». Журнальная дѣятельность Екатерины началась въ 1769 году, въ сборникѣ Косицкаго «Всякая всячина», но здѣсь сатирическое направленіе въ статьяхъ императрицы было еще очень слабо. Развилось оно въ серіи очерковъ, изображавшихъ петербургское общество и помѣщавшихся, подъ общимъ заглавіемъ «Были и небылицы», въ журналѣ Дашковой «Собесѣдникъ любителей россійской словесности». Коппель удивляется тонкой наблюдательности и блестящему слогу автора. Тѣ же достоинства и еще въ большей степени выказались въ комедіяхъ Екатерины, отличающихся чисто реалистическимъ направлениемъ. Но журналистикой она перестала заниматься въ 1784 году, а со времени французской революціи ей сдѣлались подозрительны всѣ журналы и она встрѣчала съ неудовольствіемъ и часто даже преслѣдовала всякое не только свободное мнѣніе, но и сколько-нибудь противорѣчащее правительственнымъ видамъ. Историческимъ трудамъ Екатерины Коппель не придаетъ особеннаго значенія и хотя книга абата Шаппа «Путешествіе въ Сибирь» сочиненіе пустое и нелѣпое, но и написанное на него императрицею опроверженіе подъ названіемъ «Антидотъ», доказывающее, что Россія не хуже другихъ странъ, также весьма поверхностно. Въ лингвистическихъ работахъ у нея было много помощниковъ. Лучшими ея произведеніями остаются комедіи «О, время», «Имянины госпожи Ворчалкиной» и «Наказъ», хотя изъ 526-ти параграфовъ его почти половина взята изъ книги Монтескье. Коппель ставитъ также высоко писъма Екатерины, полныя ума и остроумія, но,

не смотря на то, что называетъ ее гениальною женщиною, говорить, что еслибы она не была императрицею, то ея сочиненія, вѣроятно, не появились бы въ печати. Это совершенно ошибочное мнѣніе: Россія въ концѣ прошлаго столѣтія не такъ богата хорошими писателями, чтобы исключить изъ ихъ числа высокодаровитую императрицу.

— Серьезный журналъ «Revue critique d'histoire et de littérature» представилъ обширную оцѣнку труда варшавскаго профессора г. Первольфа «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» (*Les slaves et leurs relations réciproques*), второй томъ котораго вышелъ только въ прошломъ году. Французскій критикъ видитъ въ русскомъ профессорѣ, чешскаго происхожденія—глубокоученаго панслависта, посвятившаго всѣ свои труды изслѣдованіямъ славянскихъ національностей. Еще 20 лѣтъ тому назадъ онъ печаталъ въ пражской энциклопедіи Ригера «*Naucny Slovník*» свои первыя изысканія по этой части. Статьи по этому вопросу являлись потомъ въ 1873—1874 гг. въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія, въ пражскомъ славянскомъ сборникѣ, въ журналѣ «*Archiv für slavische Philologie*». Книга г. Первольфа во многомъ дополняетъ классическое сочиненіе корреспондента петербургской Академіи Наукъ, Крека, «*Einleitung in die slavische Litteraturgeschichte*». Русскій профессоръ слѣдитъ за исторіей славянской идеи отъ ея начала до конца XVIII вѣка, отыскивая въ хроникахъ, пѣсняхъ, преданіяхъ доказательства солидарности политическихъ, нравственныхъ и литературныхъ идей славянства. Общимъ чувствомъ, связывавшимъ всѣ славянскія племена, была ихъ ненависть къ нѣмцамъ. Сильнѣе всего она высказывалась въ Чехіи и Польшѣ. Въ 1278 году чешскій король Оттокаръ, просилъ помощи у поляковъ противъ «ненасытной пасти нѣмцевъ» (*insatiabiles hiatus Teutonicorum*). Въ XIV столѣтіи краковскіе студенты сложили пѣсню, въ которой говорится, что нѣмцы, куда ни придуть, вездѣ хотятъ быть первыми, вездѣ присваиваютъ себѣ имущество славянъ, которые «*sunt delusi, de bonis suis detrusi ab ipsis Teutonicis*». Г. Первольфъ подробно излагаетъ отношенія Польши къ Россіи, рисуетъ оригинальную фигуру великаго панслависта Юрія Крыжанича. Авторъ оцѣнки труда г. Первольфа, Феликсъ Гемонъ, написавшій «*Nouvelles études slaves*», упоминаетъ, что въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появились въ послѣднее время статьи профессора Брокнера о Крыжаничѣ, но считаетъ ихъ недостаточными для опредѣленія этой замѣчательной личности.

— Графъ Л. Н. Толстой является одновременно на трехъ языкахъ: на французскомъ, въ сочиненіи «*Въ чемъ моя жизнь?*» (*Quelle est ma vie?*), переведенномъ Эмилемъ Пажесъ и Александромъ Гатцукомъ; въ обширномъ изслѣдованіи Отто Кеммеля «*Левъ Толстой, какъ военный писатель въ романахъ «Война и миръ»*» (*Leo Tolstoj als Kriegsdarsteller in seinem Roman «Krieg und Frieden»*) и въ книгѣ Чарльса Турнера, лектора петербургскаго университета, изданной въ Лондонѣ «*Графъ Толстой какъ новеллистъ и мыслитель*» (*Count Tolstoj as novelist and thinker*). Нечего и говорить, что и французы, и нѣмцы, и англичане, отдають полную справедливость высокому таланту русскаго писателя. Нѣмцевъ особенно удивляетъ его откровенность въ изслѣдованіи своихъ сабственныхъ чувствъ и впечатлѣній, въ подробномъ и тонкомъ анализѣ общественныхъ противорѣчій, высказывающихся болѣе всего въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу, богатыхъ къ бѣднякамъ. Онъ смѣло взялся за рѣшеніе такихъ вопросовъ, какъ

причины неравенства состоянія, значеніе смерти, цѣль жизни. Нѣмцы находятъ, однако, слишкомъ рѣзкимъ его осужденіе всего современнаго общества, считаемаго имъ безумнымъ, и его рѣшеніе — жить трудовою жизнью простолюдина. Въ деньгахъ онъ видитъ все зло, новый видъ рабства, выразившагося прежде въ крѣпостничествѣ и барщинѣ. Онъ учитъ воздерживаться отъ всякой покупки, даже отъ всякаго найма, такъ какъ эти два вида господства богатыхъ только увеличиваютъ число бѣдняковъ. Уничтоженіе городовъ и возвращеніе къ сельской жизни со всевозможнымъ ограниченіемъ своихъ потребностей, которымъ долженъ удовлетворять личный трудъ—вотъ идеаль гр. Толстого. Промышленность, наука, искусство, культура—все это лишнее въ жизни. Всѣхъ людей писатель подводитъ подъ одинъ уровень, забывая о различіи ихъ качествъ, силъ, способностей, стремленій, страстей, даже объ особенностяхъ ихъ физической природы. Онъ смѣшиваетъ злоупотребленіе какимъ-нибудь предметомъ, какъ депггами или культурою, и въ самомъ предметѣ видитъ причину зла. Фантазія автора, хотя и порожденная глубокою любовью къ человѣчеству, остаются все-таки неосуществимы. Романъ «Война и миръ» разбирается нѣмецкимъ критикомъ скорѣе съ реалистической, чѣмъ съ исторической точки зрѣнія.—Отто Кеммель сравниваетъ произведеніе писателя съ картинами Верещагина. Романъ безъ героя, безъ единства дѣйствія и мѣста поражаетъ грандіозностью картинъ, взятыхъ прямо изъ жизни. Критикъ дѣлаетъ обширныя выписки и переводитъ цѣлыя главы. Результатъ романа — старая истина, высказанная еще Аристотелемъ, что въ творческомъ произведеніи можетъ быть больше философіи, чѣмъ въ исторіи.—Книгу Турнера о Толстомъ разбираетъ въ журналѣ «Academy» извѣстный знатокъ русской литературы В. Морфиль. Критикъ находитъ, что извѣстностью своею въ западной Европѣ гр. Толстой обязанъ не своимъ романомъ, а строгостью своего ученія объ отношеніяхъ общества къ бѣднымъ классамъ и своимъ социальнымъ теоріямъ. О романахъ его заговорили только теперь, между тѣмъ «Война и миръ» вышелъ раньше 1870 года, «Анна Каренина» въ 1877 г., а на нихъ обратили вниманіе только послѣ сближенія Франціи съ Россіей. Мельхіоръ Вогюз прославилъ доктрины русскаго писателя, а затѣмъ стали переводить и его романы. Какъ Джорджъ Фоксъ и Джонъ Говардъ, гр. Толстой принадлежитъ къ типу людей, одушевленныхъ симпатіею къ страдающему человѣчеству. Появленіе такого типа весьма естественно въ Россіи, странѣ преимущественно демократической, проникнутой общиннымъ началомъ, равнодушной къ сословнымъ привилегіямъ. Гр. Толстой, сверхъ того, очень религіозенъ—черта, также свойственная русскому національному характеру. Г. Турнеръ особенно удивляется въ романѣ «Война и миръ», простотѣ разсказа, чуждаго всякой театральности, ходульности, внѣшнихъ эффектовъ. Искренность чувствъ преобладаетъ во всѣхъ его произведеніяхъ. Критикъ находитъ, что они гораздо ближе подходятъ къ англійскимъ, чѣмъ къ французскимъ романамъ. Турнеръ разбираетъ всѣ произведенія Толстого и разсказываетъ его жизнь. Книга англійскаго лектора даетъ полное, хотя и не всегда точное понятіе о значеніи и достоинствахъ русскаго писателя.

— Викторъ Дерели представилъ характеристику Писемскаго въ статьѣ «Реализмъ въ русскомъ театрѣ» (*Le réalisme dans le theatre russe*. Alexis Pissemski). Нынѣшній театръ имѣетъ претензію изображать современное общество, говоритъ критикъ: — почему же любовь составляетъ

главную основу всѣхъ пьесъ, тогда какъ это чувство занимаетъ второстепенное мѣсто въ интересахъ нашего времени? Эстетика реализма не должна слѣдовать рутинѣ, два вѣка уже господствующей на сценѣ. На ней должно быть отведено то же самое мѣсто страстямъ, какое онѣ занимаютъ въ жизни, гдѣ борьба за наживу, за существованіе, встрѣчается гораздо чаще, чѣмъ борьба за женщину. Истинное значеніе Писемскаго состоитъ именно въ томъ, что онъ отвелъ мѣсто любви—въ числѣ аксессуаровъ. Главная пружина его романовъ и драмъ — деньги. Ему было 32 года, когда онъ написалъ свою первую комедію «Ипохондрикъ» (1852). Мольеръ сдѣлалъ изъ своего «Мнимага больного» комическій типъ, Писемскій окружилъ своего безхарактернаго Дурнопечина интриганами, собирающимися его обобрать. Въ слѣдующей пьесѣ «Раздѣлъ» (Le partage) обираютъ уже умершаго. Типы всѣхъ этихъ алчущихъ наслѣдства выхвачены прямо изъ жизни, хотя и принадлежатъ къ отжившему уже помѣщичьему типу. Вывода на сцену чиновниковъ, Писемскій сводитъ всѣ ихъ интересы къ борьбѣ за хлѣбныя мѣста и повышение въ чинахъ, то есть за то же увеличеніе средствъ къ наживѣ. Въ драмѣ «Поручикъ Гладковъ», авторъ выводитъ типъ военнаго карьериста, жертвующаго всѣмъ для той же наживы. Всѣ эти государственные дѣятели: Волюнскій, Биронъ, Минихъ, которымъ попеременно служить и измѣняетъ Гладковъ, не лучше его: у всѣхъ на языкѣ—благо Россіи и всѣ думаютъ только о своихъ выгодахъ. Но цензура не допустила на сцену эту пьесу, не желая, вѣроятно, какъ говоритъ Дерели, чтобы со сцены давались уроки, какъ составлять проноунциаменто. Въ «Ваалѣ» главная основа драмы все тѣже деньги. Всѣ эти пьесы не имѣли и не могли имѣть успѣха; онѣ наполнены сценами отталкивающими зрителей. Единственная драма, въ которой авторъ измѣнилъ своему направленію, «Горькая судьбина» (L'amère destinée) до сихъ поръ правится публикѣ, хотя это не болѣе, какъ обыкновенная мелодрама, гдѣ обманутый мужъ, отказываясь отъ предлагаемыхъ ему денегъ, убиваетъ ребенка своей жены. И надъ этой пьесой, не заботясь о ея неправдоподобіи, плачутъ зрители, неспособные ни отказаться отъ денегъ, ни убить ребенка. Таковъ уже черезчуръ реалистическій выводъ французскаго критика изъ произведеній русскаго драматурга.

— Близость столѣтней годовщины великой французской революціи послужила, конечно, поводомъ къ появленію множества книгъ, относящихся къ этой эпохѣ. Одна изъ нихъ, написанная Иполитомъ Готье «1789-й годъ» (L'an 1789) представляетъ роскошный альбомъ инкварто, съ 650-ю гравюрами, воспроизводящими эстампы, картины и виньетки конца прошлаго вѣка. Виѣшняя сторона изданія совершенно безукоризненна и вполнѣ отвѣчаетъ своей цѣли. Что же касается до содержанія книги—авторъ старается быть безпристрастнымъ, отзывается съ сочувствіемъ о Людовикѣ XVI и Маріи-Антуанетѣ и не скрываетъ сценъ насилія и жестокостей, сопровождавшихъ первыя проявленія революціоннаго движенія. Авторъ, описывая энтузіазмъ, съ какимъ встрѣчены были во Франціи первыя проблески возрожденія новыхъ идей и уничтоженія стараго режима, не говоритъ ничего о томъ, какое впечатлѣніе произвелъ переворотъ во Франціи на другія державы. Между тѣмъ, отзывы о революціи такихъ лицъ какъ Вашингтона или Вильгельма Гумбольдта, конечно, заслуживали вниманія. Переворотъ 1789 года, произведенный буржуазіею, а не народомъ, въ особенности принесъ пользу крестьянамъ, утвердивъ освобожденіе земли. Книга Готье представляетъ довольно

полную картину тогдашняго общества, двора, различныхъ партій, Парижа, провинцій, деревень, литературы, искусствъ, политическихъ интригъ, административной организаціи и пр. Все это удачно сгруппировано вокругъ историческихъ фактовъ. Не забыты ни театры, ни искусства, ни уличныя сцены и курьезы. Иллюстраціи представляютъ сцены событій, портреты выдающихся лицъ, картины, статуи, модели, костюмы, моды, каррикатуры, вывѣски, карты, планы и пр. Разнообразіе въ описаніяхъ и рисункахъ поддерживаетъ интересъ кнѣги. Подробные указатели, хронологическіе и алфавитные, даютъ возможность разобраться въ огромной массѣ фактовъ и данныхъ.

— За исторію 1789 года, Гуссе написалъ исторію 1814 года (1814 par Henri Houssa ye). Всего четверть вѣка отдѣляетъ эти двѣ даты, а между тѣмъ сколько міровыхъ событій совершилось въ этотъ короткій промежутокъ времени. Мы жалуемся обыкновенно на медленный ходъ исторіи, а между тѣмъ она живетъ скорѣе, чѣмъ человекъ и, во всякомъ случаѣ, дѣлаетъ больше, чѣмъ онъ въ тотъ же періодъ времени. Въ 25 лѣтъ человекъ едва успѣетъ окрѣпнуть, выбрать себѣ карьеру, начать жить, но не достигнетъ еще ни зрѣлости таланта, ни устойчивости принциповъ и положенія въ обществѣ. Исключенія встрѣчаются, но онѣ не многочисленны и блестящія дарованія, установившіяся въ 25 лѣтъ очень рѣдки. А между тѣмъ, въ теченіе того же цикла лѣтъ совершаются такія историческія событія, которыя нерѣдко измѣняютъ весь строй государствъ, всѣ международныя отношенія. Развѣ двадцатипятилѣтіе, предшествовавшее социальному перевороту 1789 года, сколько нибудь-похоже на него, имѣетъ съ нимъ что-нибудь общее? Въ 1764 году Европѣ и не снились потрясенія, обрушившіяся на нее черезъ четверть вѣка. Во Франціи благополучно царствовали уже пятидесятый годъ, если не считать періодъ регентства—Людовикъ XV съ титуломъ Возлюбленнаго (*le Bien aimé*), котораго никто не любилъ, да и не за что было любить. Еще черезъ десять лѣтъ онъ очистилъ мѣсто на престолѣ для Людовика XVI, Богоданнаго (*Dieudonné*), подданные котораго уже лѣтъ черезъ пять пожелали его воцаренія расхвѣвали: *«on dit que Dieu nous l'a donné, ah! s'il pouvaît le reprendre!»* Нельзя сказать, чтобы и эта четверть вѣка прошла въ мирѣ и спокойствіи: были волненія и въ Бретани, и на островѣ Сен-Доминго, и вслѣдствіе присоединенія къ Франціи Корсики и Авиньона, и по случаю изгнанія парижскаго парламента, были революціи въ Коненгагенѣ, Стокгольмѣ, въ Голландіи, возникло новое государство изъ сѣверо-американскихъ колоній, отдѣлившись отъ Англіи, совершился первый раздѣлъ стараго славянскаго государства, гордаго своей вѣковою цивилизаціей; пять лѣтъ длилась война между Франціей и Англіей, полная славныхъ, хотя и бесполезныхъ подвиговъ. Но все это — второстепенныя событія въ сравненіи съ переворотомъ 1789 года, начавшимся собственно съ 1787, съ эпохи открытія собранія нотаблей въ Версалѣ. И какія колоссальныя событія наполняютъ слѣдующее двадцатипятилѣтіе до 1814 года! Учрежденіе республики, господство терроризма, революціонныя войны, конвентъ, директорія, блестящія войны французовъ чуть не со всею Европою, захватъ власти и чуть не всей Европы корсиканскимъ авантюристомъ, встрѣтившимъ отпоръ только въ маленькой Испаніи да въ Россіи, сокрушившей новую имперію, погибающую отъ непомернаго властолюбія императора. До 1814 года она не теряла еще надежды справиться съ коалиціей трехъ державъ. Не смотря на битвы при Лютценѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, только въ концѣ декабря 1813 года шесть непріятель-

скихъ дивизій перешли Рейнъ и только Голландія была очищена отъ французскихъ войскъ. Но ни блестящая кампанія Наполеона во Франціи, ни Шатильонскій конгрессъ, не могли спасти имперіи: въ концѣ марта союзники были уже въ Парижѣ, а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ Наполеонъ былъ уже на Эльбѣ. Перипетіи этого года переданы въ сжатомъ и драматическомъ разсказѣ Генрихомъ Гуссе, сыномъ извѣстнаго романиста, Арсена Гуссе, издаващаго недавно любопытные мемуары своей жизни («Историческій Вѣстникъ» представить въ скоромъ времени извлеченіе изъ этихъ мемуаровъ). Генрихъ Гуссе описываетъ подвиги молодыхъ новобранцевъ, не уступающихъ въ храбрости старой гвардіи, послѣдніе дни Наполеона въ Фонтенебло, холодную рѣшимость маршаловъ, требующихъ отреченія, вступленіе въ Парижъ союзниковъ «встрѣченныхъ роялистами съ такимъ триумфомъ, который сдѣлалъ изъ этого дня траура—день стыда». Авторъ заимствовалъ подробности своего разсказа изъ архивовъ провинцій, изъ нѣмецкихъ и русскихъ источниковъ и сообщаетъ много новыхъ фактовъ по донесеніямъ Дибича, Толля, запискамъ Барклая-де-Толли, Михаила Орлова, Ланжерона. Казалось, что міровыя событія этого года и неудачная попытка Наполеона снова захватить въ слѣдующемъ году верховную власть, сдѣлаютъ имя его навсегда ненавистнымъ въ памяти потомковъ и въ Европѣ, понесшей столько жертвъ, надолго водворять миръ и тишину, но уже въ слѣдующее двадцатипятилѣтіе, въ 1839 году, мы видимъ во Франціи новую династію, смѣнившую Бурбоновъ послѣ новой революціи, а еще черезъ четверть вѣка, въ 1864 году, послѣ кровавыхъ революцій сороковыхъ годовъ, послѣ второй республики во Франціи, снова прочно утвердившуюся въ этой странѣ имперію, въ лицѣ племянника Наполеона, ведущаго войну, то съ Россіей, то съ Австріей, то съ Мексикой. А какую картину представляетъ теперь первый годъ новаго двадцатипятилѣтія, наступившаго съ 1889 года! Кто помнитъ теперь о несчастномъ авантюристѣ, умершемъ въ изгнаніи, подъ ножомъ хирурга, о его сынѣ, погибшемъ на службѣ Англій, подъ копьемъ африканскаго дикаря? Какіе слѣды оставила послѣ себя вторая имперія, смѣненная трагической республикой, готовой, въ свою очередь, пасть подъ бременемъ презрѣнія къ ея жалкимъ и бездарнымъ дѣятелямъ? Какая участь ждетъ новую имперію, образовавшуюся среди германскихъ племенъ и сдѣлавшуюся опасною для всей Европы своимъ непопулярнымъ властолюбіемъ, своими гигантскими вооруженіями, лежащими непосильнымъ бременемъ не только на своемъ народѣ, но и на всѣхъ государствахъ, припужденныхъ увеличивать свои военныя силы подъ вѣчною угрозою прусскаго милитаризма. Будемъ надѣяться, что новое двадцатипятилѣтіе, начинающееся послѣ столѣтней годовщины великаго переворота, въ идеяхъ и стремленіяхъ человѣчества, разрѣшитъ всѣ назрѣвшіе въ послѣднее время политическіе и соціальные вопросы и дастъ, наконецъ, послѣ столькихъ перипетій и потрясеній, миръ и спокойствіе человѣчеству.

— Наполеоновская легенда навсегда закончившаяся въ исторіи, будетъ еще долго жить въ преданіи, до того романтичныя подробности жизни многихъ Наполеонидовъ. Баронъ Гохшильдъ, бывший шведскій посланникъ во Флоренціи и въ Лондонѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ, издалъ біографію «Дезире, королевы Швеціи и Норвегіи» (*Desirée, reine de Suède et de Norvège*). Сдѣлаться изъ дочери торговца шелковыми матеріями королевою можно только въ сказкахъ, но Дезире Клари взшла на тронъ почти прямо изъ лавки своего отца. Она родилась въ Марсели, въ 1781 году. Одно изъ

первыхъ воспоминаній дѣтства, рассказанное ею въ послѣдствіи своему камергеру Гохшильду, относится къ слѣдующему случаю: въ квартиру ихъ, въ Марсели, явился съ билетомъ на постой молодой фурьеръ. Отецъ Дезире, недовольный тѣмъ, что ему прислали солдата, написалъ къ полковнику письмо, прося, чтобы прислали офицера. Фурьеръ этотъ былъ Бернадотъ, женившійся потомъ на Дезире и сдѣлавшій ее королевою. Но до восшествія на престолъ дѣвухкѣ пришлось испытать еще многое въ жизни. Ее помѣстили на воспитаніе въ монастырь, но монастыри были закрыты, отецъ умеръ въ 1794 году и Дезире осталась жить съ матерью, сестрами и братомъ. Брата вскорѣ арестовали, жена его бросилась къ народному представителю Альбиту, и чтобы умиловить его взяла съ собою маленькую Дезире. Пришлось долго дожидаться, пока приняли просительницу. Дѣвочка уснула въ пріемной и, проснувшись увидала, что она одна въ комнатѣ. Невѣстка забыла о дѣвчкѣ, получивъ приказъ объ освобожденіи мужа и поспѣшивъ въ тюрьму. Дѣвочка начала плакать. Отъ Альбита вышелъ еще посѣтитель, освѣдомился о ея горѣ, проводилъ ее къ семьѣ и познакомился съ нею. Это былъ Іосифъ Бонапарте. Въ 1797 году она сдѣлалась его невѣстою. Онъ представилъ ей своего брата Наполеона, артиллерійскаго офицера, какъ жениха ея старшей сестры Юліи. Но Наполеонъ вскорѣ сказалъ брату: «у тебя характеръ слабый, вершинительный, у Дезире тоже, тогда какъ я и Юлія, мы знаемъ чего хотимъ. Чтобы бракъ былъ счастливъ—нужны контрасты въ характерѣ. Женись на Юліи, а Дезире будетъ моею невѣстою». Іосифъ тотчасъ же согласился, Дезире тоже, но новый женихъ оказался вѣтренымъ. Уѣхавъ въ Парижъ, онъ влюбился тамъ въ Жозефину и забылъ о своей невѣстѣ, хотя она писала ему нѣжныя письма, въ которыхъ увѣряла, что умереть безъ него. Такимъ образомъ Дезире не сдѣлалась ни французскою императрицею, ни королевою неаполитанскою или испанскою. Но судьба все-таки возвела ее на тронъ. Красивая собой и богатая, она была окружена поклонниками и отказала въ своей рукѣ генералу Дюфо и Жюно. Послѣдній сдѣлалъ ей предложеніе черезъ Мармона и Дезире сознается, что еслибы посланный говорилъ отъ своего имени, она отвѣчала бы согласіемъ—такъ онъ былъ привлекателенъ. Въ 1798 году она вышла за Бернадота, бывшаго уже военнымъ министромъ и переѣхала въ Парижъ, гдѣ жила въ большой дружбѣ съ своей сестрою Юліей, женою Іосифа Бонапарте. Во время частыхъ отлучекъ въ армію, Бернадотъ писалъ ей письма, полныя отеческихъ наставленій—они приведены въ книгѣ Гохшильда, но, къ сожалѣнію, въ ней нѣтъ писемъ относящихся къ эпохѣ, когда Бернадотъ былъ уже наслѣдникомъ шведскаго престола, а жена его жила не въ Стокгольмѣ, а въ Парижѣ подъ именемъ графини Готландъ. Какая причина удерживала ее въ этомъ городѣ въ теченіе 13-ти лѣтъ (1810—1823) вдали отъ мужа? Авторъ не говоритъ объ этомъ ничего. Уже когда ея сынъ Оскаръ, наслѣдникъ престола былъ объявленъ женихомъ дочери Евгениі Богарне, Жозефины Лейхтенбергской, она пріѣхала съ этой принцессой въ Стокгольмъ и оставалась въ немъ до своей смерти въ 1860 году, хотя нѣсколько разъ изъявляла желаніе вернуться въ Парижъ и жить «вдали отъ всякаго этикета». Но король Карлъ-Іоаннъ, которому она подарила еще пятерыхъ дѣтей, не согласился отпустить ее, находя, что при дворѣ необходима королева. Она вела довольно монотонную жизнь въ замкѣ Дротнинггольмѣ, пережила своего мужа, присутствовала при медленной агоніи своего сына Оскара и коронаціи своего внука Карла XV.

Простая въ обращеніи, веселаго характера, она оставила по себѣ хорошую память.

— Интересный эпизодъ изъ исторіи Швеціи рассказываетъ Гельтъ въ своей книгѣ «Положеніе Швеціи по отношенію къ иностраннымъ дворамъ вслѣдъ за государственнымъ переворотомъ 1772 года» (*Sveriges staelling till utlandet naermast efter 1772 ars statshvaelfning*). Конституцію 1720 года многіе считаютъ образцовою, между тѣмъ какъ она принесла много вреда Швеціи, давъ просторъ интригамъ подъ покровомъ парламентскихъ прерогативъ. Видя до чего довела Польшу сеймовая неурядица, Густавъ III, поддерживаемый Франціей, въ августѣ 1772 года уничтожилъ парламентское правленіе, не проливъ ни капли крови, къ удовольствію своего народа, хотя права его сильно были урѣзаны королевскою властью. Этотъ государственный переворотъ спасъ Швецію, если не отъ раздѣла, то отъ потери шведской Помераніи, которую собирался захватить Фридрихъ II, и Финляндіи, которую Екатерина II хотѣла превратить въ независимое герцогство. Посредничество Австріи и Франціи избавило также Густава отъ войны съ Данією. Финляндскій историкъ Гельтъ, издавшій свою книгу въ Гельсингфорсѣ, присоединилъ къ ней оправдательные документы въ видѣ 26-ти дипломатическихъ депешъ *in extenso* или въ извлеченіи, изъ переписки герцога д'Эгильона, французскаго министра иностранныхъ дѣлъ съ де-Верженномъ, посланникомъ въ Стокгольмѣ, также изъ корреспонденціи Остермана, русскаго посла въ Швецію, изъ государственныхъ архивовъ Берлина и Стокгольма, изъ бібліотеки Упсальскаго университета. Политическія и дипломатическія событія хорошо сгруппированы и изложены литературнымъ языкомъ.

С М Ъ С Ъ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ засѣданіе Академіи Наукъ. По принятому обычаю, Академія праздновала въ большой конференцъ-залѣ день своего учрежденія торжественнымъ публичнымъ засѣданіемъ. Въ числѣ почетныхъ гостей присутствовали: великій князь Константинъ Константиновичъ, министры: народнаго просвѣщенія, финансовъ, государственныхъ имуществъ, лейб-медикъ Н. О. Здекауеръ, генералы: А. Е. Обручевъ, Веселаго и много друг. Предсѣдательское мѣсто заняли: непремѣнный секретарь К. С. Веселовскій, Я. К. Гротъ и П. Л. Чебышевъ, по сторонамъ академики физико-математическаго, историко-филологическаго отдѣленій и отдѣленія русскаго языка и словесности. Непремѣнный секретарь сообщил о понесенной Академіей утратѣ въ лицѣ Н. М. Пржевальскаго, неутомимаго путешественника, изслѣдователя и ученаго. На его далекой могилѣ будетъ сооруженъ памятникъ, но лучшимъ памятникомъ будетъ записанная на страницахъ исторіи его великая научно-просвѣтительная миссія на далекомъ Востокѣ. Академія считаетъ себя счастливой, что на нее возложено разобрать богатые матеріалы и издать работы Пржевальскаго. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ объ ученыхъ трудахъ гг. академиковъ, обсуждавшихся въ засѣданіяхъ Академіи въ теченіе года. Работы свои по разнымъ отраслямъ науки представляли также члены-корреспонденты и посторонніе ученые. Въ теченіе года ломоносовская премія въ 1,000 руб. присуждена проф. Лачинову и доценту Ерофьеву за изслѣдованіе метеорита, въ которомъ найдено присутствіе алмаза; премія имени академика Гельмерсена—по геологін—въ 500 руб. присуждена геологу Чернышову. Число наградъ увеличилось учрежденіемъ еще одной—имени Грейга съ капиталомъ въ 3,500 руб. Затѣмъ академикъ М. И. Сухомлиновъ прочелъ отчетъ о занятіяхъ отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 году и подробно остановился на характеристикѣ издаваемой теперь «Исторіи Академіи Наукъ». Онъ сообщилъ также о томъ, что въ настоящемъ году предполагается начать печатаніе новаго изданія академическаго словаря, который будетъ выходить выпусками.

Академикъ Л. И. Шренкъ сообщилъ отчетъ о присужденіи Баровскихъ наградъ. Денежная премія въ 500 руб. назначена профессору кіевскаго университета Подвисоцкому за сочиненіе, которымъ пролить яркій свѣтъ на темный до сихъ поръ вопросъ о регенераціи печени и возрожденіи тканей въ этомъ органѣ. Почетная золотая медаль присуждена А. Ф. Мидендорфу за полувѣковую трудъ по зоологіи. Почтенный ученый много лѣтъ путешествовалъ съ ученой цѣлью по Россіи и Сибири и внесъ много новыхъ взглядовъ въ науку по геобіологіи и зоологіи приспособительно къ сельскому хозяйству. Награда эта присуждена согласно волѣ и желаніямъ Бэра.

Затѣмъ академикъ Я. К. Гротъ прочелъ отчетъ о третьемъ присужденіи премій имени гр. Д. А. Толстого, учрежденныхъ въ 1883 г. Первой почетной золотой медали удостоено напечатанное въ Москвѣ Львомъ Ив. Поливановымъ въ 5-ти томахъ, для семьи и школы, критическое изданіе сочиненій Пушкина съ объясненіями. Второй почетной медали удостоенъ трудъ профессора Петербургскаго университета А. И. Соболевскаго: «Лекціи по исторіи русскаго языка», представляющій по внутреннему содержанию нѣчто среднее между исторіею языка и историческою грамматикою. Наконецъ третья награда—денежная премія, присуждена въ половинномъ размѣрѣ—400 руб. инспектору народныхъ училищъ въ кіевскомъ учебномъ округѣ г. Степовичу за сочиненіе: «Очеркъ исторіи чешской литературы». Засѣданіе было закончено провозглашеніемъ именъ лицъ, вновь избранныхъ Академіею въ почетные члены, министровъ: военнаго, финансовъ и генерала Обручева, и въ члены-корреспонденты: Альфреда Корню, члена института въ Парижѣ, проф. Кундта, въ Берлинѣ, Маллора въ Парижѣ, Иречека въ Прагѣ, Е. Е. Замысловскаго, Поля Леруа Болье и Гервей де-Сент-Дени въ Парижѣ и др.

Чествованіе памяти князя Павла Петровича Вяземскаго въ Обществѣ любителей древней письменности. Первое, въ нынѣшній сезонъ, засѣданіе Общества любителей древней письменности въ то же время было первымъ послѣ кончины почетнаго предсѣдателя Общества и было посвящено всецѣло чествованію памяти покойнаго, по мысли котораго Общество возникло и на пользу котораго онъ такъ много потрудился. Самое помѣщеніе, въ которомъ происходило засѣданіе,—музей или «складъ Общества», какъ называется оно официально, наглядно свидѣтельствовало о живомъ участіи князя къ судьбѣ Общества. Длинная зала-галлерея, въ домѣ предсѣдателя Общества графа С. Д. Шереметева, съ ея рѣшетчатыми окнами, выходящими въ садъ, съ ея низкими сводами, сплошь живописно укрытыми листьями иллюстрированныхъ изданій Общества, представляющими факсимиле съ древнихъ рукописей, съ ея стѣнами, уставленными витринами съ драгоценными коллекціями рукописей и другихъ древностей, съ развѣшанными по стѣнамъ древними иконами и произведениями старинныхъ русскихъ мастеровъ въ разныхъ отрасляхъ искусства—носитъ какой-то средне-вѣковой, лѣтописно-монастырскій отпечатокъ, благодаря художественному убранству этой залы, исполненному по указаніямъ покойнаго и частію даже имъ самимъ собственноручно. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: архіепископъ литовскій и виленскій, вдова и дочь покойнаго, княгиня Марья Аркадіевна и княжна Александра Павловна Вяземскія, директоръ Эрмитажа, академикъ Бычковъ, проф. Кондаковъ, Д. Ф. Кобеко, К. Е. Маковский и многіе другіе члены Общества. Засѣданіе, открытое предсѣдателемъ, графомъ С. Д. Шереметевымъ, началось чтеніемъ очерка дѣятельности и заслугой покойнаго князя П. П. Вяземскаго по отношенію къ Обществу—очерка, составленнаго секретаремъ Общества, профессоромъ И. В. Помяловскимъ. Этотъ очеркъ касался не только тѣхъ десяти лѣтъ, въ теченіе которыхъ князь принималъ непосредственное участіе въ дѣлахъ Общества. Профессоръ сдѣлалъ очеркъ всей литературной дѣятельности князя, начиная съ перваго появленія «Замѣча-

ній на «Слово о Полку Игоревѣ» во «Временникѣ Московскаго Общества исторіи и древностей руссійскихъ» и до утверженія въ маѣ 1877 года устава Общества, когда всеобщій интересъ привлекали военныя дѣйствія. Начатое дѣло, благодаря предыдущей подготовкѣ, сразу твердо стало на ноги и пошло впередъ, что доказывается научною солидностью изданій Общества за первое десятилѣтіе. Князь не только самъ дѣятельно работалъ, но и умѣлъ пріохотить другихъ къ содѣйствию цѣлямъ Общества, привлекалъ къ его дѣятельности заслуженныхъ ученыхъ и молодыхъ начинающихъ изслѣдователей, помогалъ имъ совѣтомъ и указаніями, разрабатывалъ программы изслѣдованій, надѣлялъ матеріалами, собранными имъ лично. Въ числѣ цѣнныхъ вкладовъ князя, принесенныхъ въ даръ Обществу, имѣетъ особенно важное значеніе колоссальный, заключающій въ себѣ болѣе 10 тысячъ названій, рукописный алфавитный указатель именъ и предметовъ, относящихся къ древнерусской письменности, печатной и рукописной. Затѣмъ проф. Помяловскій привелъ цѣлый рядъ изданій Общества, въ появленіи которыхъ принималъ непосредственное участіе самъ князь, указавъ на перешедшее въ Общество отъ князя собраніе книгъ и рукописей, въ которомъ почти каждая книга снабжена листкомъ съ библиографическими и критическими указаніями князя. Затѣмъ слѣдовали подробности о дѣятельности князя собственно по внутреннему устройству Общества. Въ общемъ, все сообщеніе г. Помяловскаго возсоздало передъ слушателями живой образъ энергичной личности князя, не только горячо бравшагося за дѣло, но и доводившаго это дѣло до желаемаго результата, воскресило въ памяти присутствовавшихъ образъ дѣятеля, въ которомъ гармонично сочетались художественное и научное развитіе.

Послѣ сообщенія г. Помяловскаго, членъ-корреспондентъ Н. П. Барсуковъ прочелъ главу изъ приготовленной имъ къ печати третьей книги сочиненія его «Жизнь и труды М. П. Погодина». Въ отрывкѣ этомъ излагается судьба проекта княгини З. А. Волконской и проф. Шевырева объ учрежденіи при Московскомъ университетѣ въ 30-хъ годахъ «Эстетическаго музея»—проекта неосуществившагося въ свое время, но къ которому Погодинъ отнесся съ обычной своей сочувственной страстностью.

Археологическія находки въ Москвѣ. Члены Московскаго Археологическаго Общества осматривали древнія каменные постройки, обнаруженныя при разборкѣ стѣнъ и фундамента Стараго Гостиннаго Двора. Подъ лавками суконной линіи, на глубинѣ приблизительно 10 аршинъ отъ поверхности мостовой по Ильинкѣ, по разборкѣ стѣнъ, обнаружены были своды, сложенные частью изъ кирпича, частью изъ бѣлаго известняка. Подъ сводами пока открыто шесть отдѣльныхъ камеръ. Нѣкоторыя изъ нихъ глухія, безъ дверей, но имѣющія небольшія полукруглыя окна, чрезъ которыя можно видѣть сосѣднія камеры, другія же имѣютъ между собой коридорныя сообщенія. Въ нѣкоторыхъ изъ камеръ уцѣлѣли двери. Видно, что каждая изъ камеръ имѣла свое особое назначеніе; въ большинствѣ камеръ есть ниши, окна, и въ одной изъ камеръ сохранились желѣзныя кольца, вбитыя въ своды. Большинство открытыхъ камеръ и сосѣднія съ ними, видимыя чрезъ окна первыхъ, почти на половину завалены мусоромъ. Есть ли фундаментъ подъ камерами, пока ничего нельзя сказать. Для обнаженія фундамента необходимо вблизи столбовъ и сводовъ сдѣлать болѣе или менѣе глубокая выемки земли, что въ настоящее время сдѣлать довольно трудно, такъ какъ земля, вслѣдствіе сильныхъ морозовъ, глубоко промерзла. Служили ли открытыя камеры подвалами или имѣли другое назначеніе, археологами не было определено. Болѣе или менѣе вѣроятное определеніе можно будетъ сдѣлать при дальнѣйшихъ раскопкахъ. Несомнѣнно только, что открытыя сводчатыя постройки произведены были въ очень отдаленное время. Вблизи камеръ найдены черепа и другія кости человѣческихъ скелетовъ; найдены также шлемъ, который по формѣ своей подходитъ къ шлемамъ XVI столѣтія, за-

тѣмъ ружейные стволы, и при разборкѣ фундамента подъ лавками найдена дубовая колода, безъ остова и какихъ-либо погребальныхъ остатковъ. Въ той же мѣстности найдена расколотою намогильная плита изъ бѣлаго известняка. Судя по орнаменту, высѣченному на плитѣ, послѣдняя покрывала собой останки москвича, умершаго не позднѣе XVI вѣка. Надпись на плитѣ не сохранилась. Шлемъ, ружейные стволы и нѣсколько череповъ найденные при раскопкѣ, переданы для храненія въ Историческій Музей. По снятіи стѣнъ и при выемкѣ фундамента, подъ узенькимъ рядомъ подъ фундаментомъ обнаружилась земля. По наслоеніямъ послѣдней и по уцѣлѣвшимъ бревнамъ и валежнику, съ значительными между ними промежутками наносной земли, можно вывести заключеніе, что во времена оныя мѣстность застроенная Гостиннымъ Дворомъ была очень низменная, и нужно было пройти нѣсколькимъ столѣтіямъ, чтобъ она сравнялась съ Красною площадью.

Столѣтіе Очакова. Въ концѣ прошлаго года минуло 100 лѣтъ, какъ городъ Очаковъ и земли надъ Чернымъ моремъ окончательно присоединены къ Россіи. Въ этихъ земляхъ, называемыхъ теперь Новороссією, 36 милліоновъ десятинъ земли. Море, прибрѣтенное окончательно завоеваніемъ Очакова и Очаковской области въ 1788 году, теперь имѣетъ 12 большихъ портовъ, между которыми Одесса, Николаевъ, Ростовъ, Батумъ, Севастополь приобрѣли всемірную извѣстность, какъ большіе торговые пункты. Взятіе русскими Очакова дѣйствительно одно изъ такихъ событій, столѣтній юбилей котораго слѣдовало бы праздновать болѣе торжественно, между тѣмъ дума постановила только назвать въ честь этого событія «Екатерининскимъ» мореходное училище, когда оно будетъ открыто въ этомъ городѣ.

Древности Западнаго края. Членъ-сотрудникъ русскаго географическаго общества, магистръ Э. А. Волтеръ, занимающійся, по порученію археологической комиссіи министерства императорскаго двора, собираніемъ свѣдѣній о памятникахъ древности въ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерніяхъ, совершилъ экскурсію въ Трокскій уѣздъ Виленской губерніи, причемъ ему удалось прибрѣсти различные предметы древности, случайно найденные при производствѣ земляныхъ работъ, при деревняхъ Ликишкахъ и Бакишикахъ. Съ дозволенія мѣстнаго землевладѣльца, кромѣ того, была предпринята пробная раскопка могильника, находящагося близъ имѣнья Олавы-Гедимины. Въ этомъ курганѣ уже нѣсколько лѣтъ назадъ находили различныя желѣзные и мѣдные вещи: мечи, шпоры, много желѣзныхъ ножей, топоровъ и т. п. Во время же раскопки были открыты два костяка; кости третьяго скелета оказались уже раньше разбросанными. При первыхъ костякахъ нашили: у одного—желѣзный топоръ между ногами, у пояса—желѣзную пряжку; у другого глиняный горшокъ съ 8 литовскими монетами времени Гедимины и съ куриными костями, кольцо съ печатью, на которой находятся различныя значки, бронзовую подвѣску, маленькую бронзовую пряжку, желѣзный ножъ съ костяными ножнами и остатки угольень. Совмѣстное нахожденіе предметовъ литовской древности съ монетами даетъ возможность хронологически опредѣлить степень древности найденныхъ вещей.

Раскопки въ Ромнахъ. Профессоръ Варшавскаго университета Самоквасовъ производилъ раскопки въ окрестностяхъ города Ромень. За мѣсяць онъ успѣлъ вскрыть до 15 кургановъ. По своимъ размѣрамъ и вышнему виду, курганы эти принадлежатъ къ «скинскому» типу, что подтвердилось и данными, добытыми при раскопкахъ. Нижняя часть кургана представляетъ обыкновенную картину скинскихъ похоронъ. Покойники лежатъ ногами къ сѣверу, характеръ вещей и ихъ расположеніе совершенно «скинскіе», тѣже, что и въ другихъ курганахъ. Во множествѣ попадаются конскія удила и другія принадлежности сбруи, бронзовыя стрѣлы и пр., обыкновенную принадлежность составляетъ также желѣзный наконечникъ копья и бронзовое зеркало. Въ одномъ курганѣ найдено такое зеркало огромной величины. Въ

средней части курганной насыпи заключаются покойники другой, очевидно, болѣе поздней, хотя все-таки до-христіанской эпохи. Скелеты здѣсь не лежать, а сидятъ на корточкахъ, приподнявъ руки вверхъ такимъ образомъ, что кисти рукъ расположены по обѣимъ сторонамъ черепа, ладонями впередъ. Такихъ своеобразно похороненныхъ покойниковъ въ курганѣ одинъ, много—два. Сохранившихся вещей при нихъ нѣтъ, изрѣдка лишь попадаетъ глиняный сосудъ грубой работы. При раскопкахъ профессоръ Самоквасовъ находилъ могилы и въ верхней части кургана, несомнѣнно исторической эпохи. Похоронный типъ здѣсь христіанскій. Раскопка одного изъ самыхъ большихъ и многообѣщающихъ кургановъ профессоромъ Самоквасовымъ, отложена до лѣта.

Отчетъ о состояніи Карамзинской бібліотеки за 1887—1888 бібліотечный годъ. Къ концу ноября 1887 года оставалось бібліотечныхъ суммъ съ залогами 18,486 р. 18 к. По конецъ ноября 1888 года поступило: пособій министерства народнаго просвѣщенія (300 р.), Симбирской городской думы (150 р.), пожертвованій частныхъ лицъ и пр. 1,592 р. 28 к., залоговъ 1,605 р., всего 3,197 р. 28 к., а съ остаткомъ на приходѣ 21,683 р. 46 к. Употреблено въ расходъ: на жалованье и награды служащимъ 764 р. На выписку книгъ, журналовъ и газетъ 399 р. 24 к. На переплетъ книгъ, почтовые и другіе расходы, всего 1,436 р. 39 к., залоговъ возвращено 1,409 р., всего 2,845 р. 39 к. Къ 26 ноября 1888 года состояло бібліотечныхъ суммъ 16,172 р. 48 к. Залоговъ осталось 18,838 р. 7 к. Журналовъ и газетъ въ 1888 году получалось 44, нѣкоторые даромъ. Книгъ въ бібліотекѣ 12,816 названій въ 27,374 томахъ. Въ 1888 году поступило 491 названіе въ 542 томахъ, иные пожертвованы, за деньги приобрѣтены 45 названій 113 том. русскихъ сочиненій. Чтеніе и выдача книгъ производились ежедневно, отъ 10 до 3 часовъ дня, исключая субботы. Посѣтившихъ въ теченіе года бібліотеку «опредѣлить трудно, но полагать можно отъ 30 до 70 человекъ ежедневно» (да развѣ выдаваемые для чтенія книги не записываются?). Бравшихъ подъ залоги книги и ноты на домъ было 400 человекъ, въ томъ числѣ дворянъ—56, чиновниковъ—88, купцовъ—40, военныхъ—17, духовныхъ—18, учителей—28, студентовъ—4, крестьянъ—15, воспитанницъ Маріинской гимназіи—2, воспитанницъ епархіальнаго училища—4. Этими абонентамъ было выдано 23,793 тома; въ томъ числѣ: журналовъ 8,919, французскихъ книгъ—473, англійскихъ—16, нѣмецкихъ—39. Въ числѣ русскихъ книгъ было выдано изъ отдѣла литературы и изящной словесности—11180, исторіи—966, дѣтскихъ книгъ—654, богословія—335, естественныхъ, медицинскихъ и математическихъ наукъ—328, педагогическихъ и философскихъ книгъ—318, исторіи литературы и критики—212, географіи—210, юридическаго—64, сельскаго хозяйства и прикладныхъ наукъ—54, учебниковъ—25. Изъ журналовъ были выданы: «Русская Мысль»—1064, «Русскій Вѣстникъ»—1025, «Вѣстникъ Европы»—977, «Сѣверный Вѣстникъ»—800, «Собраніе романовъ»—718, «Отдѣльные романы»—690, «Колосья»—525, «Семейные Вечера»—479, «Историческій Вѣстникъ»—375 и пр.

Юбилей Юліана Ивановича Симашко. Въ Петербургѣ праздновали еще одинъ юбилей, въ скромномъ кругу педагоговъ, писателей и ученыхъ. Подвѣка тому назадъ началъ свою полезную дѣятельность человекъ, одаренный неутомимою энергіею, открывавшій безпрерывно новые пути примѣненія науки для пользы общества. Ю. И. Симашко родился въ Варшавѣ въ 1821 г. и получилъ воспитаніе въ Петербургѣ, въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 1838 году онъ былъ выпущенъ изъ корпуса и, не смотря на выгоды, какія представляла военная карьера, бросилъ ее, чтобы посвятить себя педагогической дѣятельности, въ званіи учителя математики, въ шлессельбургскомъ уѣздномъ училищѣ. Онъ рассчитывалъ, что это мѣсто дастъ ему возможность заниматься естественными науками, но расчетъ оказался ошибочнымъ и, черезъ два года, Юліанъ Ивановичъ, оставивъ училище, взялъ мѣсто домашняго

учителя, съ тѣмъ, чтобы въ свободное время заниматься собираніемъ матеріаловъ петербургской фауны. Въ 1844 г. онъ получилъ уже мѣсто преподавателя естественной исторіи въ Павловскомъ кадетскомъ корпусѣ. Извѣстность его, какъ отличнаго преподавателя, быстро упрочилась и въ теченіе 12 лѣтъ онъ давалъ уроки въ 1-мъ и 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ юнкерскомъ училищѣ, а въ Лѣсномъ институтѣ читалъ лѣсную энтомологію и орнитологію. Учительская карьера дала ему средства приступить къ изданію «Русской фауны» и въ 1848 году явился первый томъ этого роскошнаго, единственнаго въ своемъ родѣ, изданія, послѣдніе выпуски котораго вышли въ 1852 году, и тогда авторъ напечаталъ свое популярное «Руководство къ зоологіи» для гимназій. Затѣмъ стали появляться его ученые труды въ «Запискахъ» Академіи Наукъ и въ изданіяхъ московскаго общества испытателей природы. Въ 1856 году онъ былъ избранъ въ члены ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія. Съ 1857 года по 1877, начиная съ «Географическаго атласа» и перевода географіи Корнеля, онъ издалъ множество учебныхъ руководствъ и пособій, подъ собственнымъ именемъ и подъ псевдонимомъ Фосса. Всѣ они были приняты въ казенныхъ заведеніяхъ и по нимъ цѣлое поколѣніе молодежи знакомилось съ естественными науками.

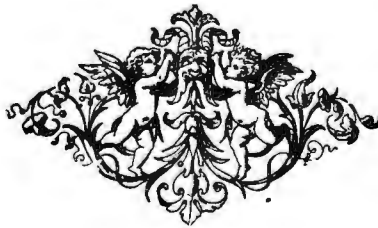
Въ 1860 году, по мысли Ю. И. Симашко основалось въ Петербургѣ «энтомологическое общество» и онъ былъ его первымъ секретаремъ. Онъ обратилъ особенное вниманіе на изученіе вредныхъ для лѣсовъ насѣкомыхъ и издалъ по этому предмету нѣсколько цѣнныхъ изслѣдованій. Работая неутомимо на педагогическомъ поприщѣ, онъ не ограничивался изданіемъ учебниковъ по зоологіи и географіи, но, понимая, что новые способы преподаванія только тогда принесутъ пользу, когда у насъ явятся необходимыя для нихъ учебныя пособія, онъ основалъ обширную мастерскую для изготовленія этихъ пособій, педагогическихъ упражненій и т. п. Мастерская эта просуществовала до 1877 года и выпустила въ свѣтъ множество изданій, роскошныхъ по внѣшности и чрезвычайно низкихъ по цѣнѣ, какъ вообще всѣ изданія Юліана Ивановича, всегда исполненныя самымъ отчетливымъ образомъ, стоившія дорого только самому издателю и потому не приносившія ему матеріальныхъ выгодъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. «Курсъ географіи по системѣ Корнеля» разошелся болѣе чѣмъ въ 200,000 экземплярахъ. Собирая матеріалы для своей мастерской учебныхъ пособій, Юліанъ Ивановичъ ѣздилъ два раза за границу на свой счетъ, для изученія этихъ пособій въ чужихъ краяхъ и, по возвращеніи, предложилъ начальнику военно-учебныхъ заведеній устроить музей такихъ пособій. Коллекціи Ю. И. Симашко составили первое ядро такого «Педагогическаго музея», помѣщавшагося сначала въ кадетскомъ корпусѣ, на Васильевскомъ островѣ, до перенесенія его въ Соляной городокъ. Онъ отдалъ въ музей всѣ свои педагогическія коллекціи и, казалось, имѣлъ право—быть его предсѣдателемъ, но на мѣсто ученаго посадили генерала. Въ 1871 г. Юліанъ Ивановичъ основалъ педагогическій журналъ «Семья и Школа». Шесть лѣтъ выходилъ этотъ журналъ, уяснившій многіе вопросы отечественной педагогики, но издатель истощилъ на него всѣ свои средства и вынужденъ былъ отказаться отъ него. Онъ былъ даже принужденъ продать свою богатую бібліотеку и цѣнныя минералогическія коллекціи. Министерство финансовъ дало ему средства изучить техническое образованіе и ремесленныя школы. Онъ снова поѣхалъ за границу, гдѣ изслѣдовалъ и профессиональное женское образованіе, и въ 1884 году издалъ замѣчательный трудъ «Объ устройствѣ ремесленныхъ школъ, какъ одномъ изъ средствъ усовершенствованія ремесль». И теперь, достигнувъ уже преклонныхъ лѣтъ, ученый натуралистъ-педагогъ и писатель продолжаетъ работать также неутомимо. Онъ составилъ замѣчательную коллекцію метеоритовъ. Она и теперь уже по богатству экземпляровъ, собранныхъ изъ 350 различныхъ мѣстностей, занимаетъ четвертое мѣсто между подобными коллекціями въ ученомъ мірѣ.

† Въ Нищѣ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ и государственныхъ дѣятелей въ Россіи — графъ **Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ**. Онъ родился въ 1825 г., получилъ воспитаніе въ школахъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и въ 1843 г. поступилъ на службу въ Гродневскій полкъ. Прослуживъ адѣсь четыре года, онъ, въ 1847 г., въ чинѣ поручика переселился на Кавказъ, по особымъ порученіямъ при князѣ Воронцовѣ. Съ ноября 1847 г. по февраль 1848 г. Михаилъ Таріеловичъ участвовалъ, почти ежедневно, въ многочисленныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ въ Малой Чечнѣ. Затѣмъ, въ 1848 г., онъ принималъ участіе въ цѣломъ рядѣ дѣлъ и особенно отличился въ дагестанскомъ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Въ этомъ же году получилъ за отличіе чинъ ротмистра. Переходя отъ одного славнаго дѣла къ другому, онъ успѣлъ приобрести громкое имя доблестнаго офицера кавказской арміи, имя, наводившее страхъ на горцевъ. Въ маѣ 1855 года, уже въ чинѣ полковника, онъ вступилъ въ Турцію, гдѣ разбилъ непріятеля близъ Карса и Александрополя. Въ 1856 г., послѣ окончанія турецкой войны, произведенъ въ генераль-маіоры, въ 1863 г. — въ генераль-лейтенанты, въ 1865 г. назначенъ генераль-адъютантомъ, а въ 1875 г. — чинъ полнаго генерала. Въ послѣднюю турецкую кампанію, назначенный командующимъ отдѣльнымъ самостоятельнымъ корпусомъ, онъ оказался такимъ же выдающимся генераломъ, какимъ въ свое время былъ офицеромъ. Прославили его битва при Аладжинскихъ высотахъ и взятіе Карса: въ 1877 г. онъ получилъ ордена Георгія 2-й степени и Владиміра 1-й степени съ мечами, а въ 1878 году — графское достоинство. Благодаря довѣрію къ графу мѣстнаго населенія и подрядчиковъ, онъ велъ войну даже на непріятельской территоріи на кредитныя деньги, чѣмъ доставилъ правительству нѣсколько десятковъ милліоновъ сбереженій. Одыхая послѣ кампаніи, графъ въ январѣ 1879 года неожиданно получилъ назначеніе временно астраханскаго, саратовскаго и самарскаго генераль-губернатора, учрежденнаго въ виду возникшихъ слуховъ о появленіи въ Ветлянкѣ чумы. Слухъ о чумѣ напугалъ всю Европу, карантинныя могли убить торговлю Закавказья, нижней Волги, рыбопромышленность, Нижегородскую ярмарку. Другой человекъ сталъ бы эксплуатировать свою роль спасателя цѣлаго края. Графъ, прибывъ на мѣсто и убѣдившись, что всѣ слухи объ эпидеміи преувеличены, немедленно представилъ о снятіи исключительнаго положенія и объ уничтоженіи своего генераль-губернаторства. Эта быстрота и откровенность создали графу, извѣстному до того времени только на Кавказѣ, огромную популярность въ торговомъ и промышленномъ сословіи всей Россіи. Не успѣлъ онъ вернуться въ Петербургъ съ отчетомъ, какъ учрежденіе, послѣ гнуснаго покушенія Соловьева, временныхъ генераль-губернаторствъ съ политической цѣлью искорененія нигилизма, вынудило его отправиться въ Харьковъ въ качествѣ временнаго генераль-губернатора шести губерній. Харьковъ радушно встрѣтилъ графа Лорисъ-Меликова и въ теченіе цѣлаго года, хотя преслѣдованіе нигилизма одинаково шло дѣятельно во всѣхъ южныхъ губерніяхъ, общественное мнѣніе негодовало на покойнаго Тотлебена и восхваляло Лорисъ-Меликова. Доступность, простота въ обращеніи, ласковость графа располагали къ нему массу. Онъ дѣйствительно имѣлъ способность привлекать къ себѣ людей, его мягкія, вкрадчивыя манеры, веселость, очаровывали многихъ; женщины особенно легко подчинялись его вліянію и надобно признаться, что женщины способствовали не мало его быстрому возвышенію. Въ концѣ марта 1880 года, вмѣстѣ съ другими генераль-губернаторами, графъ Лорисъ-Меликовъ прибылъ въ Петербургъ съ отчетомъ. Здѣсь, совершенно неожиданно и негаданно, въ нѣсколько дней получилъ онъ власть и значеніе, которымъ пользовались въ Россіи только герцоги Биронъ и графъ Аракчеевъ. Взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, произведенный Халтуринимъ, въ моментъ, когда вся Россія готовилась праздновать 25-ти-лѣтній юбилей им-

ператора Александра II, произвель положительную панику. Явилась мысль учредить диктатуру, способную дать нашему распатанному административному организму единство и силу. Была образована верховная распорядительная комиссія, во главѣ которой покойный государь поставил графа Лорисъ-Меликова. Верховенство графа представляет фактъ удивительный въ исторіи: не было примѣра, чтобы диктатура съ такими чрезвычайно широкими полномочіями была встрѣчена съ такимъ удовольствіемъ публикою. Это было время какого-то юношескаго, страстнаго, непонятнаго теперь увлеченія. Покушеніе Млодецкаго на жизнь графа Лорисъ-Меликова еще увеличило эту популярность. Какъ она была сильна, видно изъ того, что дѣло дошло до того, что бѣглецы каторжники являлись съ улицы и отдавали себя въ руки графу: печать также никогда не чувствовала себя такъ свободно, какъ въ это время. Эта пора диктатуры длилась съ апрѣля до августа, пока графъ, управлявшій и III Отдѣленіемъ, исходатайствовалъ уничтоженіе послѣдняго, и принялъ министерство внутреннихъ дѣлъ. На этомъ посту, и продолжая играть роль перваго министра, такъ какъ большинство прочихъ министровъ докладывало въ его присутствіи, онъ старался перейти къ дѣлу и осуществить нѣкоторыя задуманныя имъ мѣропріятія: сенаторская ревизія (повлекшая къ раскрытію расхищеній башкирскихъ земель), отмена соляного налога, прекращеніе выпуска кредитныхъ билетовъ, комиссія о пересмотрѣ закона о печати, болѣе свободы въ учебномъ дѣлѣ — таковы были первые результаты управленія графа. Болѣе занимало его развитіе самоуправленія на широкихъ началахъ. Весь этотъ планъ могъ осуществиться лишь при полномъ единодушіи въ министерствахъ, но достигнуть этого было не легко. И въ моментъ, когда идея о цѣльномъ кабинетѣ готова была почти осуществиться, все рухнуло въ катастрофѣ 1-го марта. Оказалось, что примирительная политика графа, и призывъ общественныхъ силъ, и облегченіе участи сотенъ молодыхъ людей, сосланныхъ въ отдаленные края, и общеніе крупныхъ реформъ—нигилизма не искоренили. Крамола шла своимъ чередомъ. Онъ самъ, уже въ отставкѣ, замѣтилъ какъ-то: «Вотъ графъ Толстой, хоть штатскій, справился съ нигилистами, а я и военный, да не могъ». Но если мѣропріятія графа нигилизма не уничтожили, то только по незнанію и съ злымъ умысломъ повторяютъ, что небрежность графа была одною изъ причинъ 1-го марта. На дѣлѣ никогда не шло такъ дѣятельно раскрытіе нигилистической организаціи, никогда число захваченныхъ и осужденныхъ анархистовъ не было такъ велико, какъ именно при «диктатурѣ сердца». Извѣстно, что и Желябовъ былъ арестованъ ранѣе 1-го марта. Затѣмъ, если въ организаціи сыскной части оказались разные промахи, то они, конечно, къ графу не относятся, такъ какъ ни въ какой странѣ министр не можетъ входить во всѣ мелочи и замѣнять собою полицейскихъ агентовъ. Послѣ 1 марта, графъ Лорисъ-Меликовъ не хотѣлъ или не могъ понять, что той политикѣ, которой онъ слѣдовалъ, не было болѣе мѣста. Онъ пытался, однако, поддержать свою программу и даже вліялъ еще на нѣкоторыя назначенія, но пѣсня его была спѣта. Появленіе манифеста 17-го апрѣля, помимо участія графа, дало понять, что роль его сыграна, что довѣріе къ его политикѣ утрачено. Немедленно графъ подалъ въ отставку, которая и была принята; онъ готовился къ такому исходу и въ тотъ же день переѣхалъ съ казенной квартиры, а затѣмъ отправился за границу. Послѣдніе годы онъ проводилъ почти постоянно въ Ниццѣ; отчасти вслѣдствіе разстроеннаго своего здоровья, отчасти вслѣдствіе того, что послѣ того, какъ онъ занималъ такое положеніе, ему не ловко было разыгрывать передъ публикою роль падшаго величія. Онъ наѣзжалъ, впрочемъ, изрѣдка въ Петербургъ и, между прочимъ, принималъ участіе въ обсужденіи весьма важнаго вопроса о военной повинности на Кавказѣ.

† 26-го декабря, въ Петербургѣ **Михаиль Густавовичъ Вильде**, журналистъ и театральнй рецензентъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ получилъ образо-

ваніе въ Петербургскомъ университетѣ, а литературную карьеру началъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» временъ Очкина и Краевского. Затѣмъ, во время существованія «Голоса», онъ участвовалъ въ немъ какъ въ качествѣ переводчика, такъ, по временамъ, и въ качествѣ театральнаго рецензента. Одно время Вильде состоялъ при главномъ управленіи по дѣламъ печати, а затѣмъ служилъ въ морскомъ министерствѣ. Вильде любилъ театръ, былъ свидѣтелемъ старыхъ періодовъ какъ русской, такъ и здѣшнихъ иностранныхъ сценъ и до самой смерти усердно посѣщалъ театры. Артистическій міръ любилъ этого добраго и симпатичнаго человѣка. Одно время покойный самъ выступалъ въ качествѣ антрепренера и актера и давалъ спектакли въ петербургскихъ лѣтнихъ театрахъ—въ Лѣсномъ и въ Ораніенбаумѣ, вмѣстѣ съ Раппопортъзмъ. Какъ исполнитель, онъ выдавался, между прочимъ, въ «Ревизорѣ» въ роли городничаго. Въ послѣдніе годы онъ занялся исключительно журнальной работой и, съ прекращеніемъ «Голоса», участвовалъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Петербургскомъ Листкѣ», а передъ тѣмъ принималъ участіе въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ». Хорошо знавшій театральную старину, помнившій прежніе годы дѣятельности драматической сцены, много видѣвшій на своемъ вѣку и, вдобавокъ, отлично образованный, Вильде былъ однимъ изъ самыхъ почтенныхъ театральныхъ критиковъ. Не разъ вспомнятъ о немъ современные артисты и артистки, дѣлавшіе при покойномъ первые шаги на сценѣ. М. Г. умеръ 72-хъ лѣтъ.

СЕРГѢЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЮРЬЕВЪ.

(Некрологъ).

26-го декабря, прошлаго года, въ Москвѣ, скончался одинъ изъ достойнѣйшихъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ, справедливо пользовавшійся уваженіемъ и любовью всѣхъ, кто имѣлъ случай узнать этого благороднѣйшаго, добрѣйшаго и въ высшей степени симпатичнаго человѣка.

На основаніи матеріаловъ, собранныхъ нами, и частію личныхъ воспоминаній, мы можемъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ жизни покойнаго и полный библиографическій обзоръ его трудовъ.

С. А. родился 13-го мая 1821 года въ селѣ Воскресенскомъ (Калазинскаго уѣзда, Тверской губерніи) и тамъ же провелъ свое дѣтство среди родной дворянской семьи. Послѣ домашняго воспитанія, его помѣстили въ Московскій Дворянскій институтъ (нынѣ четвертая Московская гимназія). Пройдя здѣсь полный курсъ среднеучебнаго образованія, онъ поступилъ въ студенты Московскаго университета по второму отдѣленію философскаго (теперь математическаго) факультета. Выпущенный отсюда въ 1845 году съ званіемъ дѣйствительнаго студента¹⁾, С. А. началъ службу въ качествѣ старшаго чиновника особыхъ порученій при тверскомъ губернаторѣ Бакунинѣ. Но эта служба мало интересовала покойнаго: вмѣсто канцеляріи его тянуло къ обсерваторіи, а вмѣсто административныхъ дѣлъ болѣе нравились занятія математическими исчисленіями, особенно — работы по небесной механикѣ. Онъ, дѣйствительно, спустя шесть лѣтъ (1847—1853 гг.), промѣнялъ свою должность на мѣсто астронома-наблюдателя при Московской университетской обсерваторіи и вполне отдался серьезному научному труду. Результатомъ этой дѣятельности явились два реферата «О солнечной системѣ», прочитанные авторомъ въ Московскомъ Математическомъ Обществѣ и въ шестидесятыхъ годахъ напечатанные на страницахъ «Математическаго Сборника». То были первые и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдніе печатные труды, посвященные Юрьевымъ любимой наукѣ. Волѣзнь вынудила его оставить астрономическія изслѣдованія, а совѣты докторовъ заставили уѣхать за границу. Путешествуя то по Германіи, то по Франціи, и чувствуя облегченіе отъ болѣзни, С. А. внимательно присматривался къ тамошней жизни, слушалъ лекціи въ различныхъ университетахъ, особенно же интересовался иностранными литературами и театрами. По возвращеніи въ Россію, «на зарѣ новыхъ дней», онъ сначала съ увлеченіемъ предался дѣлу народнаго образованія: такъ имъ, по собственной инициативѣ, еще до открытія земскихъ школъ, было основано народное училище въ родовомъ имѣніи²⁾; тамъ же съ тою же цѣлію «просвѣщенія», имъ былъ устроенъ

¹⁾ См. Отчетъ Московскаго университета за 1845 годъ, М. 1845 г., стр. 10.

²⁾ Въ то же время Сергѣй Андреевичъ два года преподавалъ математику въ кандидатскихъ классахъ Московскаго Николаевскаго института, (См. брошюру П. Николаева: «Историческій очеркъ Московскаго Николаевскаго Сиротскаго института», М. 1887 г., стр. 11, съ печатками въ имени и годахъ службы Юрьева).

«крестьянскій театръ», на сценѣ котораго ставились бытовыя пьесы Островскаго и Писемскаго или передѣлки народныхъ произведеній, вышедшія изъ-подъ пера самого учредителя ¹⁾. Увлекаясь ходомъ народной сцены, Сергѣй Андреевичъ въ ту же пору сталъ переводить съ нѣмецкаго языка двѣ пьесы испанскаго писателя Кальдерона: первая изъ нихъ—комедія подъ заглавіемъ: «Самъ у себя подъ стражей» появилась на сценѣ московскаго Малаго театра (1868 г.); вторая—трагедія подъ названіемъ: «За тайное оскорбленіе тайное мщеніе» — напечатана въ «Бесѣдахъ Общества любителей Россійской словесности (М. 1871 г., вып. III, стр. 87—135). При изданіи послѣдней пьесы переводчикъ сдѣлалъ небольшое примѣчаніе, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: «по яркой обрисовкѣ характеровъ, по глубинѣ и силѣ психологическаго анализа, по простотѣ и строгой ясности построения, это произведеніе принадлежитъ къ числу гениальнѣйшихъ созданій европейской поэзіи и можетъ стать наряду съ лучшими трагедіями Шекспира». Но дальнѣйшая переводческая дѣятельность Юрьева на время прервалась редактированіемъ ежемѣсячнаго изданія, подъ названіемъ: «Бесѣда», основаннаго на средства А. И. Кошелева. Сергѣй Андреевичъ издавалъ этотъ журналъ въ теченіе двухъ лѣтъ (1871—1872 гг.) и, между прочимъ, помѣстилъ въ немъ свою обширную статью: «Въ чемъ наша задача?» («Бесѣда» 1871 г., кн. I, стр. 81—128). Въ ней редактору приходило къ слѣдующимъ выводамъ: «мы поставляемъ для насъ задачу содѣйствовать подъему философскаго духа въ нашемъ обществѣ и распространенію общечеловѣческихъ свѣдѣній, изученію нашей народной жизни, по возможности безъ всякой предвзятой мысли, изученію жизни славянскихъ народовъ, какъ братьевъ общей для насъ съ ними славянской семьи, съ судьбами которой неразрывно связана наша будущность, и сравнительному изученію нашей жизни съ жизнью прочихъ европейскихъ народовъ». Эти «задачи», по позднѣйшему сознанію самого редактора, «только отчасти были оправданы выпущенными книгами»... Между тѣмъ, Сергѣй Андреевичъ, по прекращеніи «Бесѣды», освобожденный отъ срочной работы, дѣятельно принимается за новые переводы. Сначала, при хорошемъ знаніи испанскаго языка, онъ переводитъ двѣ пьесы Лопе-де-Веги — «Кассандра, герцогиня Феррарская или наказаніе—не мщеніе» и «Мѣстечко Фуенте-Овехуно» ²⁾. Названныя произведенія были изданы литографскимъ способомъ (Спб. 1876 г., 166 и 151 стр.) и, кромѣ того, вошли въ книгу Юрьева, напечатанную Солдатенковымъ подъ заглавіемъ «Испанскій театръ цвѣтущаго періода XVI и XVII вѣковъ» (М. 1877 г., 361 стр.). За этими трудами послѣдовательно выходятъ два новые перевода — комедія Тирсо де Молино: «Сестры соперницы, или благочестивая Марта» (М. 1878 г., 143 стр. литограф. изданіе) и трагедія Шекспира: «Антоній и Клеопатра» (въ «Театральной Библіотекѣ» 1879 г., кн. 4 и снова въ «Эпохѣ» 1886 г., кн. 7—12) ³⁾. Одновременно съ послѣдними переводами Сергѣй Андреевичъ, открываетъ еще болѣе оживленную дѣятельность: онъ ведетъ курсъ публичныхъ чтеній по исторіи драмы въ домѣ Кошелевыхъ (1878—1880 г.), читаетъ лекціи о нѣмецкой литературѣ на Высшихъ женскихъ курсахъ, основанныхъ въ Москвѣ проф. В. И. Герье, и становится председателемъ Общества любителей Россійской словесности (1878—1885 г.). Благодаря его энергіи, открытіе памятника Пушкину въ Москвѣ (1880 г.) сопровождалось возбудившими въ свое время общее вниманіе и интересъ литературными засѣ-

¹⁾ См. о томъ книгу А. Веселовскаго «Старинный театръ въ Европѣ». М. 1870 г., стр. 409.

²⁾ Послѣдняя пьеса, подъ названіемъ «Овечій источникъ» давалась на сценѣ московскаго Малаго театра (1876 г.).

³⁾ Эта пьеса Шекспира, въ переводѣ С. А. Юрьева, была поставлена на сценѣ московскаго Большаго театра въ 1886 году.

даніями и вечерами... Наконецъ, съ 1880 года, Сергій Андреевичъ снова выступаетъ на журнальное поприще, какъ редакторъ «Русской Мысли», но не прекращаетъ своихъ замѣчательныхъ переводовъ и самостоятельныхъ изслѣдованій. За пять лѣтъ редакторства (1880—1885 г.) имъ были помѣщены въ названномъ журналѣ слѣдующіе труды:

«Рѣчь при открытіи памятника Пушкину» (1880 г., кв. 7).

«Король Лиръ», трагедія Шекспира (1882 г., кн. 6—9)¹⁾.

«О печальномъ положеніи женскихъ врачебныхъ курсовъ» (1882 г., кн. 9).

«Значеніе театра, его упадокъ и необходимость школы сценическаго искусства» (1883 г., кн. 8).

«Макбетъ» трагедія Шекспира (1884 г., кн. 1—5).

«Опытъ объясненія трагедіи Гете: «Фаустъ» (1884 г., кн. 11—12)²⁾.

Выйдя изъ редакціоннаго кружка «Русской Мысли» по отпечатаніи первой книжки за 1885 годъ, Сергій Андреевичъ тогда же сталъ сотрудничать въ газетѣ «Театръ и Жизнь»: тамъ имъ были напечатаны статьи — «О значеніи и задачахъ театральной критики» (1885 г., №№ 22—23) и «Д. Барнай» (№№ 29, 46—48, 55—58). Въ это же время имъ переводилась новая трагедія Лопе-де-Веги, данная подъ названіемъ: «Звѣзда Севильи» на сценѣ московскаго Малаго театра (12-го декабря 1886 года). Послѣ того покойный, занимая, вслѣдствіе кончины А. Н. Островскаго, постъ председателя въ Обществѣ русскихъ драматическихъ писателей (1886—1888 г.), успѣлъ напечатать послѣдній оригинальный трудъ: «Нѣсколько мыслей о сценическомъ искусствѣ» («Русск. Мысль» 1888 г., кн. 2, 3, 5 и 10) и прочувствованной импровизаціей «О призваніи артиста» — своею лебединою пѣсню — привѣтствовать открытіе драматическихъ курсовъ при Московскомъ театральномъ училищѣ.

Дмитрій Языковъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Къ воспоминаніямъ г. Харламова.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» настоящаго года, въ отрывкахъ изъ воспоминаній А. С. Харламова, описанъ, между прочимъ, подвигъ священника Пятибокова во время войны съ Турціей въ 1854 году.

Имѣя въ рукахъ записки моего отца, бывшаго командира Могилевскаго пѣхотнаго полка, полковника Тяжелникова, умершаго въ 1869 году, въ чинѣ генераль-лейтенанта, позволяю себѣ указать на нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ разсказъ г. Харламова.

Священникъ Могилевскаго пѣхотнаго полка Іоаннъ (а не Василій) Пятибоковъ въ 1854 году былъ еще далеко не старикъ. За свой подвигъ при переправѣ отряда генерала Ушакова черезъ Дунай 11-го марта 1854 года, о. Іоаннъ, по опредѣленію кавалерской думы ордена св. Георгія, былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й степени, и за тѣмъ остается совершенно неизвѣстнымъ къ чему понадобилось и повело всесильное ходатайство высокопоставленныхъ лицъ, о которыхъ говоритъ г. Харламовъ, о награжденіи о. Пятибокова наперстнымъ крестомъ на георгіевской лентѣ?

Въ какой степени былъ причастенъ, 11-го марта 1854 года, къ Могилевскому полку полковникъ фонъ-Бринкенъ, названный г. Харламовымъ полковымъ командиромъ, я не знаю; но въ то время командовалъ этимъ полкомъ мой отецъ, раненый въ ногу послѣ занятія вала цитадели укрѣпленія, одновременно съ капитаномъ генеральнаго штаба Вагнеромъ.

Генераль-лейтенантъ И. И. Тяжелниковъ.

¹⁾ Эта трагедія, въ переводѣ С. А. Юрьева, вторично напечатана, какъ приложение къ «Газетѣ Гатцука» (М. 1885 г., 51 стр.).

²⁾ Этотъ трудъ вышелъ и отдѣльною брошюрою (М. 1886 г., 70 стр.).

Галилей слышалъ это имя въ первый разъ и отвѣчалъ, что онъ не знаетъ ни племянника своего покровителя, ни того, что онъ проживаетъ во Флоренціи.

— И такъ,—сказалъ Кассини,—я могу рассказать вамъ новость, которая, навѣрно, васъ заинтересуетъ. Этотъ молодой живописецъ, сынъ племянницы вашего покровителя Барберини, написалъ на этихъ дняхъ для монастыря св. Духа картину св. Цециліи, и ликъ святой, какъ мнѣ рассказывали, какъ двѣ капли воды похожъ на лицо вашей дочери.

Галилей былъ пораженъ. Въ послѣднее время онъ замѣчалъ, что Цецилія была все серьезна и задумчива, онъ неоднократно заставлялъ ее старающейся скрыть слезы. Въ немъ возникала боязнь, что онъ долженъ, хотя и въ другомъ смыслѣ, чѣмъ совѣтовалъ Кассини, позаботиться о благополучіи своей дочери. Если этотъ живописецъ былъ причиной ея тихихъ слезъ и тайнаго горя, то дѣло еще можно поправить, ибо Цецилія достойна благороднѣйшаго человѣка. Послѣ недолгихъ размышленій, Галилей даже обрадовался такому стеченію обстоятельствъ и вознамѣрился при первомъ удобномъ случаѣ испытать сердце своей дочери, сдѣлавъ все возможное, чтобы устроить ея счастье. Кассини же онъ сказалъ:

— Я думаю эта картина не можетъ быть плодамъ неблагороднаго намѣренія, и поэтому я радуюсь такому извѣстію. Вы были правы, что вообще наука и страсть къ изслѣдованію могли ослѣплять меня во взглядѣ на окружающее; но разъ дѣло касается блага моей дочери, я могу измѣнить своимъ книгамъ и инструментамъ, и вы увидите, какъ живо будетъ занимать меня устройство счастья моей дочери.

Галилей просилъ еще разъ напомнить себѣ о Бернардо Спинелли, и оба мужа занялись веселымъ разговоромъ, не предчувствуя, что въ это самое время произошло событіе, уничтожившее всѣ ихъ планы.

Какъ разъ въ это утро Бернардо хотѣлъ проститься съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей за кружкой вина. Она надѣялся, что всѣ не придутъ такъ рано, отказался отъ проводовъ, но пришло все-таки больше, чѣмъ онъ ожидалъ. На первой же недѣлѣ его пребыванія во Флоренціи двое или трое изъ этихъ молодыхъ художниковъ сдѣлались его неразлучными друзьями; молодыхъ людей связывала таинственная сила искусства и общая цѣль стремленій скрѣпила ихъ дружбу прочнѣйшимъ цементомъ. Разумѣется, въ ихъ отношеніяхъ было нѣчто легкомысленное; друзья вначалѣ вѣрили, что только новая работа заставляла Бернардо уѣзжать отъ нихъ; но постепенно въ нихъ вкрадывалось подозрѣніе, что его сердце нашло какой-нибудь магнитъ, и они пробовали напасть на слѣды сердечной тайны по догадкамъ и посредствомъ легкаго подтруниванья. Какъ раньше Бернардо былъ неуязвимъ, такъ и теперь

не поддавался, когда нѣкоторые изъ провожавшихъ его друзей позволили себѣ по его адресу колкія шутки. Въ такихъ разговорахъ они пришли на площадь передъ церковью св. Ероики. Бернардо остановился, промолвивъ:

— Пожалуйста, други милые, оставьте меня здѣсь одного и возвращайтесь къ товарищамъ. Послѣднія минуты во Флоренціи я хочу посвятить религиозному долгу; я хочу это непременно исполнить, ибо сейчасъ уѣзжаю. Друзья начали его уговаривать отерочить отъѣздъ.—Останься еще денекъ,—просилъ одинъ.—Только до вечера, умолялъ другой; но Бернардо не хотѣлъ болѣе затягивать мукъ отъѣзда, которыя онъ одинъ чувствовалъ во всей силѣ. Онъ попросилъ не удерживать его и не стараться поколебать его намѣреній. Поручивъ его защитѣ божіей и всѣхъ святыхъ, товарищи горячо пожали ему руку и возвратились восвояси. Только одинъ изъ нихъ, Гвидо Сарто изъ Болоньи, игравшій съ нимъ еще мальчикомъ, остался съ Бернардо, крикнувъ товарищамъ, что скоро послѣдуетъ за ними.

— Кто можетъ тебѣ не вѣрить,—сказалъ послѣ этого Гвидо,—что ты уѣзжаешь отсюда потому, что тебя влечетъ вѣчный Римъ? Я завидую твоей судьбѣ, но надѣюсь скоро послѣдовать твоему примѣру: и я страстно стремлюсь туда, гдѣ вѣчно живетъ нашъ великій Рафаэль, хотя тѣло его и разсыпалось въ прахъ.

— Ты правъ,—замѣтилъ Бернардо,—я буду очень радъ встрѣтить тебя въ скоромъ времени въ Римѣ. Не будемъ никогда разрывать нашего вѣрнаго дружескаго союза! Мы должны почитать старыхъ боговъ, смотря на нихъ съ благоговѣніемъ, но и живущіе мастера должны служить намъ образцами. Ихъ живой примѣръ долженъ спасать насъ отъ малодушнаго унынія, дѣлая увѣреннѣе въ своихъ силахъ.

Друзья все еще стояли вмѣстѣ, а уже раздался колоколь, возвѣщавшій начало обѣдни; съ разныхъ сторонъ къ церкви тянулись мужчины и женщины. Женщины и дѣвушки были покрыты, по обыкновенію, вуалями, которыя все-таки не мѣшали страстнымъ глазамъ мѣтать свои губительныя стрѣлы.

— Посмотри-ка,—сказалъ Гвидо, какъ прекрасная Лучія Бен-таліо бросаетъ на насъ тайкомъ нѣжные взгляды изъ-подъ вуали. Ты не найдешь такой живой красоты въ Римѣ и будешь сожалѣть о цвѣтахъ Флоренціи.

Въ это мгновеніе прошла Цицилія Галилеи, немного опоздавъ вслѣдствіе разговора съ Кассини; она поспѣшно прошла площадь, поднялась по ступенямъ храма и скрылась въ церкви, не бросивъ взгляда ни направо, ни налево. Бернардо пытался скрыть свое волненіе, но это плохо ему удалось: онъ поспѣшно протянулъ Гвидо руку и хотѣлъ проститься съ нимъ. Тотъ остановилъ его и началъ нашептывать:

— Правда ли, что ты скрытничаеть?—Ты знаешь эту даму; скажи, кто она? Ты можешь не открываться въ своихъ чувствахъ, потому что румянецъ, вспыхнувшій на твоихъ щекахъ, и такъ выдалъ тебя.

— Ну, конечно, ты отгадалъ!—возразилъ иронически Бернардо и сдѣлалъ усиліе говорить возможно равнодушнымъ тономъ.—Я знакомъ съ нею и знаю, что она дочь знаменитаго натуралиста Галилея.

— Галилея?—быстро повторилъ Гвидо,—астронома Галилея, о которомъ теперь столько говорятъ? Я припоминаю кое-что объ этомъ мужѣ изъ моего дѣтства. Отецъ мой рассказывалъ мнѣ, что Галилей въ Пизанскомъ соборѣ открылъ законы качанія маятника, слѣдя глазами за непрерывнымъ качаніемъ неутасаемой лампады. Я тогда удивлялся наглости, что въ церкви можно заниматься чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ Бога и святыхъ. Между тѣмъ, мои мнѣнія измѣнились, и я не разъ сочувственно думалъ, какъ неосторожно этотъ ученый мужъ своими изслѣдованіями возстановилъ противъ себя духовенство. Будь осторожнѣй: если твой дядя узнаетъ, что тебѣ нравится дочь Галилея, онъ можетъ разсердиться.

— Мой дядя очень цѣнитъ Галилея, — возразилъ Бернардо.

Гвидо взглянулъ на него удивленно и недовѣрчиво.

— Твой дядя, кардиналъ, цѣнитъ астронома Галилея?! Это весьма сомнительно!

— И, все-таки, это такъ, какъ я говорю, — возразилъ Бернардо.— Мой дядя уважаетъ науку и гордится ролью высокопоставленнаго покровителя ученыхъ; особенно же онъ друженъ съ Галилеемъ. Онъ даже обнародовалъ одно краткое похвальное слово въ стихахъ къ этому знаменитому мужу. Я не хочу сказать, что мой дядя Аріостъ; для нѣжныхъ строфъ, какія писалъ Петрарка, онъ, правда, неподходящій цѣнитель, — но дружить съ наукой позволяется и кардиналу.

— Теперь,—началъ Гвидо,—я не знаю, что и думать объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ извѣстно, что церковь торжественно объяснила, что вопросъ — земля ли вертится вокругъ солнца или солнце вертится вокругъ земли — давно уже рѣшено священнымъ писаніемъ; поэтому, св. церковью твердо установлено, что солнце вращается, а земля стоитъ неподвижно. Было даже строго воспрещено публично высказывать сомнѣніе въ этомъ. Это постановленіе должно быть теперь уничтожено ради Галилея, который повторяетъ мнѣніе одного нѣмецкаго изслѣдователя. Какъ же возможно, чтобы такой высокій сановникъ, какъ твой дядя, былъ друженъ съ человѣкомъ, проповѣдующимъ ученіе, которое стоитъ въ явномъ противорѣчій съ постановленіями церкви?

— И, все-таки, это такъ, — возразилъ Бернардо.—Я знаю весьма достовѣрно, что мой дядя въ былое время неоднократно пригла-

шалъ Галилея совѣтъ переселиться въ Римъ, но Галилей съ предусмотрительнымъ благоразуміемъ отклонилъ это предложеніе. Странное стеченіе обстоятельствъ случилось теперь. Заклятый врагъ Галилея кардиналъ Беллярминъ, по смерти Павла V, удалился изъ Рима, поселившись здѣсь во Флоренціи, находясь во враждѣ съ Григоріемъ и не желая переносить его кроткихъ взглядовъ. Беллярминъ здѣсь на свободѣ тайно проводитъ свои взгляды, сохраняя вмѣстѣ съ тѣмъ лицемѣрный видъ, будто онъ далекъ отъ всякаго вліянія на дѣла церкви. Втихомолку же хитрый іезуитъ интригуетъ противъ всякаго свободнаго духовнаго порыва. Онъ можетъ зло оклеветать Галилея чрезъ своихъ помощниковъ.

— Совершенно справедливо,—замѣтилъ Гвидо,—этотъ Беллярминъ принадлежитъ къ ордену іезуитовъ и только выжидаетъ своего времени. Григорій—человѣкъ старый и больной, онъ долго не проживетъ. Кто можетъ знать на кого падетъ тогда выборъ въ папы?

Терпѣніе Бернардо начинало истощаться. Онъ хотѣлъ еще разъ увидѣть Цецилію и его неудержимо влекло въ церковь, гдѣ теперь молилась его возлюбленная. Но въ то самое мгновеніе, когда онъ хотѣлъ покинуть Гвидо, сказавъ ему на прощанье нѣсколько словъ, изъ сосѣдней улицы, выходявшей на площадь, вдругъ высыпала толпа народа, слѣдовавшая за доминиканскимъ монахомъ; она съ шумомъ и гвалтомъ размѣстилась на церковной лѣстницѣ и около нея.

Монахъ былъ однимъ изъ тѣхъ проповѣдниковъ, которыми церковь пользовалась не только въ праздники, но и при другихъ случаяхъ, чтобы такъ или иначе подѣйствовать на народъ. Этотъ монахъ былъ особенно извѣстнымъ и любимымъ проповѣдникомъ простого народа, ибо отличался оживленной жестикуляціей и выкрикиваньями, слышными въ толпѣ отовсюду. Теперь пробраться въ церковь для Бернардо было невозможнымъ: такъ густо тѣснился народъ на паперти и на лѣстницѣ, чтобы послушать поудобнѣе, сидя, предстоящую проповѣдь. Монахъ-служка сопровождалъ проповѣдника и носилъ за нимъ нѣчто въ родѣ высокой скамейки, для которой онъ искалъ удобнаго мѣста, чтобы проповѣдь была слышна отовсюду. Гвидо рѣшилъ, что они непременно должны присутствовать, хотя бы вначалѣ при этомъ народномъ зрѣлищѣ, и было бы легкомысленно и совершенно напрасно, если бы Бернардо вздумалъ отсюда удалиться.

Между тѣмъ, проповѣдникъ взобрался на свою кафедру и обратился, откашлявшись, къ стоящему и сидящему народу. Сначала онъ приказалъ молчать, затѣмъ, подождавши нѣкоторое время, началъ такъ:

— Не думайте, что я пришелъ сюда для того, чтобы рассказывать вамъ шуточные сказки и забавныя исторіи, которыя вы такъ

Бернардо Спинелли защищает Цецилию Галилеи.

любите слушать отъ своихъ раисодовъ, для этого вы можете отправиться на площадь «Синьорія», ибо здѣсь, въ виду Божьяго храма, приличествуетъ говорить только о серьезныхъ вещахъ.

Онъ еще разъ откашлялся и немного подождалъ, пока прекратились замѣчанія, громко дѣлаемые изъ толпы. Затѣмъ, возвысивъ голосъ, онъ началъ свою проповѣдь слѣдующими словами:

— Когда однажды Богъ сотворилъ міръ...

Онъ долженъ былъ еще разъ остановиться, ибо одинъ изъ слушателей, охотно валявшій шута, сдѣлалъ замѣчаніе, что доминиканецъ началъ основательно, отчего одни засмѣялись, а другіе громкими криками призывали къ молчанію. Доминиканецъ выпрямилъ на кафедрѣ свою сухощавую фигуру и снова началъ громкимъ голосомъ:

— Когда однажды Богъ сотворилъ міръ, то въ первый день онъ сказалъ: да будетъ свѣтъ! — и появилось солнце, чтобы свѣтить днемъ на небосклонѣ. И Богъ повелѣлъ ему восходить утромъ и заходить вечеромъ. Такъ это осталось и до сего дня. Твердо покоится земля на своихъ полюсахъ и свѣтъ небесный окружаетъ ее, какъ вы всѣ можете видѣть ежедневно. Если бы теперь пришелъ кто-нибудь и сказалъ вамъ, что вы всѣ стоите на головѣ, то, вы, конечно, подумаете, что этотъ человѣкъ дуракъ, — если же бы кто-нибудь пришелъ и сказалъ вамъ, что земля, на которой мы всѣ стоимъ, катится и вертится вокругъ своей оси, то вы опять, конечно, подумаете, что это дуракъ, ибо обманываетъ васъ пустыми бреднями; вѣдь земля должна была бы убѣгать изъ-подъ нашихъ ногъ, и мы потеряли бы равновѣсіе, если бы была правда, что земля вертится вокругъ своей оси.

Когда монахъ дошелъ до этихъ словъ, Гвидо шепнулъ своему другу: «Замѣчаешь ли, въ кого онъ мѣттить? Прямо въ Галилея!» Но Бернардо сдѣлалъ ему знакъ замолчать: у него самого были уши и онъ слушалъ, притаивъ дыханіе.

Монахъ продолжалъ:

— Но этого мало. Не только глупость, но и богохульство, если человѣкъ осмѣливается распространять подобныя мысли. Подумайте только: земля, созданная Богомъ, должна стоять неподвижно, ибо Господь воздвигъ на ней свою св. церковь, она, слѣдовательно, не можетъ вертѣться, и это можетъ утверждать только человѣкъ, одержимый злымъ духомъ, чтобъ земля вдругъ вертѣлась, а солнце оставалось неподвижно! Замѣчаете ли вы наглую гордость? Кто господинъ и кто слуга? Кому должны быть послушны солнце и земля? Тому ли, кто ихъ создалъ, или тѣмъ ученымъ умникамъ, которые дерзко противятся Создателю и Его св. церкви? Богъ дастъ откровеніе только черезъ церковь, и отъ нея люди должны ждать поученія. Но находятся заносчивые гордецы, одержимые преступнымъ желаніемъ оспаривать Всемогущество и справедли-

вость Всевышняго создателя. Но они не могут дѣлать это безнаказанно. Мы не хотимъ терпѣть, чтобы нашу церковь позорно носили; долгъ каждаго истиннаго христіанина сражаться въ такой битвѣ за Бога. Никто не можетъ учинить болѣе тяжкаго грѣха, какъ сопротивленіе божественному порядку.

Здѣсь проповѣдникъ сдѣлалъ паузу. Бернардо забылъ обо всемъ окружающемъ; злобно сверкающимъ взоромъ смотрѣлъ онъ на монаха; ему страстно хотѣлось уничтожить проповѣдника, но Гвидо схватилъ друга за руку, уговорилъ держать себя покойнѣе. Монахъ продолжалъ:

— Вы, можетъ быть, подумаете: какое намъ до всего этого дѣло? Но не думайте, что это дѣло мало касается васъ, и не мечтайте, что вы сами свободны отъ всѣхъ прегрѣшеній. Развѣ справедливо, что вы терпите въ своей средѣ такихъ супостатовъ? Какъ же могутъ жить между вами люди, распространяющіе такую ересь, и вашъ гнѣвъ послѣ этого не разразится надъ ними! Говорю вамъ: кто схватитъ врага Божьяго, тотъ его другъ, кто будетъ преслѣдовать супостатовъ, тотъ проявитъ истинную набожность, кто же истребитъ ихъ, тотъ совершитъ угодное Богу дѣло.

Послѣднія слова проповѣдникъ произнесъ возвышеннымъ голосомъ и съ сильнымъ удареніемъ. Слушатели, изъ которыхъ только немногіе понимали то, о чемъ онъ разсуждалъ, ждали еще продолженія; но всѣ были развлечены, когда поднялся легкій шумъ около проповѣднической каѳедры. Бернардо хотѣлъ протѣсниться туда, и напрасно старался Гвидо удержать его или увести съ площади въ одну изъ сосѣднихъ улицъ. Бернардо былъ глухъ къ его просьбамъ и, вырвавшись отъ него, закричалъ:

— Оставь меня! Я не могу больше терпѣть, чтобы лицемѣрная хитрость морочила невѣжественный народъ!

Но онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ. Народъ зналъ монаха, почитая въ немъ священнаго духовника. Это создало ему защиту противъ возмутителя. Бернардо закричали изъ народа, что если ему не понравилась проповѣдь, онъ можетъ удалиться; женщины визжали и кричали, что красивый господинъ должно быть еретикъ. Дѣло дошло бы до свалки, если бы монахъ не возвысилъ голоса и не заговорилъ громче прежняго:

— И такъ какъ вы знаете, — продолжалъ проповѣдникъ, — кто врагъ нашей церкви, то отнесетесь къ нему, какъ вамъ указываетъ св. Писаніе. Тамъ сказано: что вы стоите мужи галилейскіе и смотрите на небо? Эти слова имѣютъ значеніе пророческое: они указываютъ на галилейскихъ мужей, живущихъ здѣсь во Флоренціи между нами.

Бернардо опять хотѣлъ попытаться перебить монаха, но толпа окружила его и съ угрозами остановила. Доминиканецъ кончилъ проповѣдь и сошелъ со своей каѳедры, которую служка снова

принялъ. Народъ густо толпился около него, многие цѣловали у него руку, другіе просили благословенія, третьи, наконецъ, ждали дальнѣйшихъ объясненій на счетъ того, о чемъ говорилось. Онъ отказался отъ опредѣленнаго отвѣта, но его уклоненіе заключало новые намеки, наводившіе на истинные слѣды. Спрашивавшіе его, опять обращались къ другимъ, — и такимъ образомъ скоро завязался живой разговоръ о значеніи словъ монаха.

— Замѣтили ли вы, — сказалъ одинъ, — на что хотѣлъ намекнуть благочестивый братъ? — Онъ говорилъ о мужахъ-галилеянахъ во Флоренціи. Это несомнѣнно послѣдователи астронома Галилея.

— И такъ, это имя уже встрѣчается въ Библии! — замѣчалъ другой, — не можетъ быть и сомнѣнія, что антихристъ вмѣшался въ это дѣло! Эти еретики всѣхъ насъ погубятъ.

— Развѣ мы не видимъ ежедневно собственными глазами, какъ солнце встаетъ съ востока и заходитъ на западѣ, — вмѣшался третій, — кто захочетъ отрицать это, тотъ долженъ быть дуракомъ, и все не стоитъ труда сердиться на подобныя глупости.

— Вы ничего не понимаете, — замѣтила одна старуха, — Галилей не только не дуракъ и не глупецъ, а высокоученый человекъ, который ничего не доказываетъ не будучи въ этомъ убѣжденъ. Но я, кажется, не ошибаюсь, — вскричала она вдругъ, посмотрѣвъ на церковную дверь, откуда только-что вышла Цецилія, — посмотрите-ка, кто тамъ идетъ?

Толпа, расположившаяся на лѣстницѣ, по окончаніи проповѣди постепенно разошлась, такъ что выходъ изъ церкви былъ свободенъ. Цецилія, конечно, не догадывалась о томъ, что произошло; несомнѣнное волненіе — слѣдствіе утренняго разговора съ Кассини — влекло ее домой. Старуха указала на нее и проговорила:

— Это дочь Галилея, о которомъ говорилъ благочестивый братъ, это она только-что вышла сюда.

Мигомъ народъ столпился вокругъ Цециліи и каждый хотѣлъ разглядѣть ее поближе. «Дочь еретика!» — говорилъ одинъ; «Галилеянка!» — кричалъ другой, и едва Цецилія могла замѣтить происходившее вокругъ нея, какъ была окружена, при чемъ нѣкоторые безпощадно угрожали ей. Она подняла вуаль съ лица, — и нахальная рука одной пошлой женщины схватила нѣжную ткань и сорвала ее съ головы.

До смерти испуганная, смущенная дѣвушка едва не лишилась чувствъ, и она навѣрно упала бы на землю, если бы Бернардо быстро не подоспѣлъ къ ней, чтобы принять ее на свои руки. Гвидо съ своей стороны тоже успѣшилъ. Будучи оба изъ благородной фамиліи, они носили при себѣ шпаги, которыхъ испугалась напиравшая толпа. Хотя громко дѣлались угрозы и вопросы, какъ пришли сюда эти господа защищать дочь еретика, между тѣмъ какъ другіе говорили, что они также принадлежатъ къ галилеянамъ, но

все-таки никто не осмѣлился приблизиться къ группѣ, стоявшей на паперти. Лишь только Цецилія пришла въ чувство, такъ что могла крѣпко стоять на ногахъ, она, дрожащая, поспѣшила домой въ сопровожденіи двухъ молодыхъ художниковъ.

Нужно было немного словъ, чтобы все объяснить молодой дѣвушкѣ. Бернардо былъ въ ужасномъ возбужденіи. Онъ высказалъ все, что было у него на сердцѣ, истощивъ весь запасъ своего краснорѣчія. Онъ справедливо возмущался такимъ подлымъ, постыдно-несправедливымъ обращеніемъ съ важными научными вопросами къ тупому разуму чернаго народа и къ его низменнымъ инстинктамъ. Онъ далъ обѣтъ отомстить кому слѣдуетъ за эту пошлую сцену, сдѣлавъ все, чтобы доказать правоту независимаго духа Галилея. Онъ рѣшилъ отложить поѣздку, считая своей священной обязанностью выступить свидѣтелемъ противъ наглаго духа монаха, если это можетъ быть необходимо и полезно.

Цецилія ничего не спрашивала. Дрожа, она размышляла о томъ, чтобы могло быть съ ней, если бы она лишилась чувствъ и оставалась беззащитной среди развирѣившейся, дикой народной массы.

Она шла медленно, съ опущенной головой, между обоими своими защитниками. Она дѣлала величайшія усилія, чтобы держаться прямо. Она не могла уловить ни одной своей мысли, кромѣ непрестанной боязни еще разъ не лишиться сознанія и посреди улицы не упасть на землю. Она молила Бога сохранить ее отъ этого, и вздохнула свободно, когда, наконецъ, раскланялась у дверей своего дома съ обоими художниками, сказавъ имъ нѣсколько трогательныхъ словъ благодарности. Затѣмъ она поспѣшила къ своей старой нянѣ, замѣнявшей ей мать, и выплакала себѣ глаза, прежде чѣмъ рѣшилась собраться съ силами и рассказать своему отцу о случившемся.

III.

Предвѣстники бури.

Эпоха Возрожденія, вѣчно удивляющая міръ драгоценнѣйшими сокровищами искусства, совпадаетъ съ величайшими перемѣнами въ лонѣ церкви. Папство владѣло тогда неограниченной властью и вмѣстѣ съ тѣмъ колоссальными средствами. Мелкіе итальянскіе князья своимъ значеніемъ и своими имѣніями по большей части были обязаны св. церкви, находясь отъ нея въ болѣе или меньшей зависимости. Къ торгу мощами и постыдному торгу индульгенціями присоединилась теперь бойкая торговля вновь открытыми мастерскими твореніями античнаго пластическаго искусства. Папы выбирались не по личному достоинству, а за деньги, которыми покупалась должность, или въ виду старости и увѣчности претендентовъ, съ тѣмъ чтобы правленіе ихъ длилось не долго. Многіе только самое короткое время украшали неизмѣримо-влиятельный папскій престолъ; но и этого срока бывало достаточно, чтобы на высшія и почетныя должности посадить своихъ родственниковъ, доставляя имъ самыя доходныя мѣста. Въ Римѣ подолгу проживали толпы богатыхъ пилигримовъ, жертвовавшихъ на различныя учрежденія огромныя

суммы и дѣлавшихъ для спасенія своей души солидные денежные вклады. Самыя доходныя епископіи были розданы братьямъ и племянникамъ папъ; лица же вліятельныхъ фамилій, желавшія попасть на какую-нибудь выдающуюся церковную должность, принуждены были давать за это огромныя суммы. Во всякихъ церемоніяхъ папѣ предшествовали коронованныя особы міра сего, а за ними слѣдовали кардиналы, изъ среды которыхъ избирался намѣстникъ Св. Петра и которые на половину принадлежали къ папской фамиліи. Папой было постановлено въ это время, чтобы кардиналы были величаемы титуломъ «преосвященства». Почти каждый изъ кардиналовъ могъ располагать сверхъ обычнаго огромными доходами, такъ что имѣвшіе страсть къ художественнымъ произведеніямъ покупали огромныя земли, строили на нихъ дворцы и разбивали великолѣпныя сады. При этомъ случаѣ перерывали почву, открывали обломки античныхъ построекъ, среди которыхъ по временамъ находили совершеннѣйшія созданія классической культуры. Такимъ образомъ составились фамилійные музеи Боргезе, Людовизи, Гиги; сверхъ того, эти фамиліи выручали огромныя суммы за продажу нѣкоторыхъ статуй. Италія и преимущественно Римъ были неисчерпаемыми сокровищницами великолѣпныхъ антиковъ высокой стоимости.

Безграничный и часто преступный деспотизмъ въ мелкихъ княжествахъ сѣверной Италіи старался нѣсколько облагородить свою неприглядную внѣшность заботами объ изящныхъ искусствахъ.

Въ южной Италіи испанцы, захвативъ въ свои руки власть, съ помощью предательства и интригъ, пользовались денежными сборами съ народа всецѣло для своихъ прихотей. И здѣсь, какъ и въ сѣверной Италіи, званія и должности были продажными, и здѣсь относительно налоговъ практиковалась тонкая система. Но при томъ Арагонцы были далеки отъ того, чтобы украшать свою династію тѣми лаврами, которые были свойственны фамиліи Медичи и правителямъ Милана, венеціанской республикѣ, папскому престолу и двору кардиналовъ. Хотя среди самихъ испанцевъ искусство и находило благосклонныхъ покровителей, но испанскіе короли въ Неаполѣ ненавидѣли чужеземную страну, стремясь только къ тому, чтобы, обогатившись, вернуться на родину. Въ Неаполѣ и Палермо, двухъ вице-королевскихъ резиденціяхъ, царила ослѣпительная роскошь и помпезное великолѣпіе, но о благородномъ развитіи вкуса, объ изящномъ украшеніи жилищъ никто и не думалъ. Всякій испанскій властитель постоянно долженъ былъ быть наготовѣ, чтобы отразить нечаянное нападеніе союзныхъ туземныхъ бароновъ или чтобы подавить возстаніе мятежнаго итальянскаго народа.

Огромныя богатства неаполитанскихъ монастырей позволяли поощрять живописцевъ и скульпторовъ. Здѣсь искусство было подѣ

монастырскимъ покровительствомъ. Произведенія этой особенной школы отвѣчали южному характеру націи, которая подъ сарацинскимъ вліяніемъ приобрѣла склонность къ фантастическому и чудесному. Въ архитектурѣ господствовала пестрая мозаика построекъ изъ различныхъ дорогихъ горныхъ породъ; въ живописи появившіеся великіе таланты работали въ одномъ излюбленномъ направленіи, изображенія въ различныхъ варіаціяхъ пытки и страданія св. мучениковъ.

Главнымъ представителемъ этого направленія въ живописи былъ, жившій въ Неаполѣ, испанецъ Джузеппе Рибера, котораго итальянцы за его малый ростъ прозвали *lo spagnolletto*, т. е. маленькимъ испанцемъ. Еще ребенкомъ пришелъ онъ изъ Валенці, гдѣ отъ лучшихъ мастеровъ получилъ первыя указанія въ живописи, — пришелъ въ Неаполь, чтобы попытаться здѣсь счастья, по примѣру многихъ испанскихъ авантюристовъ. Вѣчная истина, что въ искусствѣ нужно создать нѣчто новое, для того, чтобы художникъ могъ привлечь къ себѣ общее вниманіе. Часто случается, такимъ образомъ, что въ этой возвышенной области человѣческой дѣятельности тѣсно граничатъ другъ съ другомъ внѣшніе контрасты. Идеализмъ въ живописи въ лицѣ Рафаэля достигъ своего апогея; болѣе духовности, небеснаго выраженія и чистѣйшей красоты не встрѣтить ни у кого; въ послѣдующую эпоху римскіе живописцы впали въ слащавую манерность. Поэтому, послѣдующія поколѣнія должны были искать новыхъ путей въ живописи, если желали пользоваться успѣхомъ и вниманіемъ публики. И дѣйствительно случилось, что пять лѣтъ спустя, по смерти божественнаго Рафаэля, плеяда великихъ талантовъ ударила въ натурализмъ. Къ нимъ принадлежалъ Микель Анджело-да-Караваджіо, поставившій себѣ задачей изображать лютыя мученія особенно святыхъ съ отталкивающими подробностями и писать постоянно сцены изъ библейской исторіи съ преувеличеннымъ натурализмомъ. Къ своему направленію онъ хотѣлъ привлечь вниманіе и жанровыми картинами, и въ этомъ желаніи, конечно, отразилось нидерландское вліяніе. Въ изображеніи игроковъ, легкомысленныхъ служанокъ, солдатъ и цыганъ, талантъ Караваджіо чувствовалъ себя вполне въ своей сферѣ. По своему характеру онъ былъ исполненъ эгоизма, зависти и ненависти къ людямъ. Всѣхъ другихъ живописцевъ, съ которыми онъ встрѣчался, старался сердить и раздражать завистливыми нападками, и при этомъ дѣло доходило порой до кровавыхъ ссоръ. Однажды Караваджіо обнажилъ шпагу на одного знаменитаго живописца, которому былъ много обязанъ, и закололъ его ученика, ставшаго для защиты своего учителя между сеорящимися. Вслѣдствіе этого убійства принужденный спасаться бѣгствомъ, онъ переселился въ Неаполь, гдѣ его манера живописи и безпокойный, легко-воспламеняющійся темпераментъ накли новую пищу. Но и здѣсь его

пробываніе было непродолжительно. Опять запутанный въ кровавой ссорѣ, Караваджіо долженъ былъ бѣжать на островъ Мальту. Его талантъ снискалъ ему расположеніе гротмейстера мальтійскаго ордена; но вмѣсто того, чтобы, наконецъ, обуздать себя и устроить свою судьбу, онъ и здѣсь опять отдался своимъ дикимъ страстямъ,— за что и былъ брошенъ въ тюрьму. По ходатайству одного покровителя искусствъ, кардинала Гонзаго, Караваджіо былъ прощенъ и могъ возвратиться въ Римъ. Все-таки въ Неаполѣ онъ еще разъ подрался съ солдатами, былъ раненъ и напрасно пытался добраться до Рима. По дорогѣ онъ заболѣлъ и лежалъ при смерти больной; съ нимъ случилась горячка, и онъ умеръ, не достигнувъ своей цѣли. Этотъ Караваджіо былъ образцомъ, на которомъ воспиталъ себя Джузеппе Рибера. Послѣдній тогда былъ еще юношей, и очень понятно, что дикіе порывы его учителя должны были имѣть огромное вліяніе и на его образъ жизни. Въ его натурѣ лежали задатки авантюризма и жестокости; поэтому въ немъ очень скоро развилось — какъ въ отношеніи жизни, такъ въ отношеніи искусства, — пренебрежительное сопротивленіе закону, обычаю и порядку.

Когда Караваджіо бѣжалъ на Мальту, Рибера отправился въ Римъ можетъ быть потому, что былъ замѣшанъ въ кровавыхъ ссорахъ своего учителя. Совершенно безъ всякихъ средствъ пришелъ онъ въ вѣчный городъ, надѣясь лишь на свой талантъ; то гдѣ-нибудь на пустомъ мѣстѣ, то у какихъ-нибудь воротъ, подъ открытымъ небомъ, устраивалъ Рибера свою мастерскую. Однажды нѣкій знатный прелатъ замѣтилъ юнаго живописца, который, по обыкновенію, сидѣлъ неприютный на улицѣ, передъ мольбертомъ. Духовная особа вступила съ нимъ въ разговоръ, и, замѣтивъ, что молодой человекъ имѣлъ изящныя манеры, прелатъ почувствовалъ желаніе пригласить его поселиться въ своемъ дворцѣ. Спаньолетто сначала принялъ это предложеніе съ радостью, но, едва поселившись во дворцѣ, онъ сталъ тяготиться своимъ заточеніемъ и съ упрямой самонадѣянностью испанца отказался отъ милостей кардинала, чтобы снова возвратиться къ нуждѣ и бѣдности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ свободѣ.

Впрочемъ, пребываніе въ Римѣ имѣло для молодого человека большое значеніе: какъ живописецъ, онъ скоро выдвинулся изъ своей неизвѣстности, оставивъ въ тѣни всѣхъ другихъ послѣдователей Караваджіо. Рибера снова возвратился въ Неаполь и въ короткое время сдѣлался тамъ знаменитостью.

Это было въ то время, когда Сальваторъ только-что создавалъ свои первыя оригинальныя картины. При житѣ у своего дяди Сальватору, не имѣя большихъ заботъ, удобно было работать, всецѣло повинувъсь собственному влеченію. Его картины находили сбытъ, хотя никто и не открывалъ въ нихъ признаковъ особеннаго та-

ланта. Сальваторъ занимался не исключительно живописью: онъ пробовалъ свои силы и въ поэзіи, и въ музыкѣ, хотя его голосъ и не имѣлъ красоты звука. Онъ положилъ на ноты свои стихи и самъ распѣвалъ ихъ, аккомпанируя себѣ на лютнѣ.

Это происходило около того времени, когда молодой живописецъ въ одно прекрасное утро, по обыкновенію, негодующій, скитался по берегу Хіайи, сначала отводя свое сердце въ бесѣдѣ съ рыбакомъ Дженнаро Аннезе, а затѣмъ, присутствуя при погребеніи Корнеліи Мендоца, при чемъ его влюбчивое сердце было охвачено сильной страстью къ дочери умершей.

Какъ лунатикъ блуждалъ онъ съ этого дня по улицамъ Неаполя, проходя довольно часто мимо того дворца, гдѣ жилъ отецъ обожаемаго имъ существа; но всѣ старанія Сальватора снова увидѣть молодую дѣвушку были напрасны. По испанскому обычаю женщины жили во дворцѣ только въ тѣхъ комнатахъ, окна которыхъ выходили на дворъ, украшенный садами и фонтанами. Онѣ выходили изъ дому только къ обѣднѣ и для дружескихъ визитовъ, да и то укутанныя вуалью на запертыхъ носилкахъ, несомыхъ дюжими домашними слугами.

Сальваторъ не былъ человѣкомъ, котораго можно было утратить трудностью дѣла. Онъ зналъ, что нѣкоторые художники пользуются высокимъ уваженіемъ и приняты во дворцахъ сильныхъ міра сего; поэтому, и онъ не ужаснулся своихъ желаній возвыситься до дочери испанскаго дворянина, и его надежды пріобрѣли высокій полетъ. Онъ думалъ съ упрямствомъ влюбленнаго, что Корнелія чувствуетъ себя стѣсненно между родственниками своего отца и тоскуетъ по роднымъ своей матери. Выдумавъ такой разладъ въ душѣ молодой дѣвушки, Сальваторъ былъ также увѣренъ и въ своемъ предназначеніи выручить ее изъ такого положенія и принести миръ изстрадавшемуся сердцу Корнеліи.

Художническая склонность влекла Сальватора особенно къ пейзажной живописи, но успѣхи натуралистической школы развили среди молодыхъ живописцевъ Неаполя (между ними былъ и Сальваторъ) стремленіе къ историческому жанру съ сюжетами частью изъ Библии, частью изъ легендъ о святыхъ, частью изъ исторіи древнихъ народовъ. Рибера потому такъ быстро и пошелъ въ гору, что былъ самостоятеленъ въ юномъ кружкѣ художниковъ по вопросу о сюжетахъ. Страданія св. Варѣоломея, которому заживо содрали кожу,—это былъ сюжетъ, повторявшійся Спаньолеттоу на различные лады. Однажды, когда ему особенно удалась обработка этого сюжета, Рибера выставилъ только-что оконченную картину предъ своимъ домомъ, расположеннымъ недалеко отъ вице-королевскаго дворца, чтобы дать ей посохнуть на солнцѣ. Тотчасъ предъ картиной собралась толпа зрителей и, хотя большинство изъ нихъ ничего не понимало въ живописи, тѣмъ не менѣе они не

могли оторваться отъ ужасной картины, написанной съ такой поразительной правдой. Толпа удивленныхъ росла съ каждымъ мгновениемъ. Шумъ, все увеличивавшійся отъ громкихъ возгласовъ одобренія, достигъ, наконецъ, до слуха вице-короля, герцога Аркоса, который освѣдомился о причинѣ всего происходившаго. Узнавъ о случившемся, онъ приказалъ Рибера придти къ нему, а Рибера не преминулъ воспользоваться этимъ приказаніемъ, пріобрѣтя въ скоромъ времени мягкостью обращенія расположеніе герцога. Обрадованный, что талантливый художникъ былъ испанцемъ, герцогъ купилъ у него картину, назначивъ, кромѣ того, своимъ придворнымъ живописцемъ съ значительнымъ жалованьемъ.

Теперь Спаньолетто сталъ вліятельнымъ лицомъ. Знатнѣйшій неаполитанскій торговецъ картинами, Кортезіано, обременялъ его заказами и гостепріимно ввелъ его въ свой домъ. Леонора, дочь Кортезіано, красавица-дѣвушка, на которую клеветали, что якобы вице-король особенно благоволитъ къ ней, понравилась живописцу, и ему, въ свою очередь, удалось плѣнить ея сердце. Скоро придворный живописецъ сдѣлался супругомъ красивой дочери богатаго негоціанта, и, немного погодя, почестъ за почестью посыпались на него. Слава объ испанцѣ проникла въ Римъ, и папа пожаловалъ знаменитому живописцу орденъ Христа, что было рѣдкимъ знакомъ особеннаго вниманія.

Сальваторъ Роза тогда былъ еще слишкомъ юнъ, чтобы входить въ тѣсныя сношенія съ знаменитыми людьми; но все-таки онъ перепробовалъ всѣ способы, производившіе сильное впечатлѣніе на его омраченный умъ. Что Рибера былъ великій живописецъ, онъ охотно признавалъ, но необыкновенная благосклонность, которая была оказываема этому испанцу со стороны вице-короля, будила въ его груди всѣхъ демоновъ, разжигая злобу неаполитанца до постоянно-горящей ненависти.

Рибера въ скоромъ времени началъ пользоваться въ Неаполѣ почти княжескимъ почетомъ. Его домъ сдѣлался мѣстомъ собранія богатыхъ испанскихъ дворянъ, благоговѣвшихъ предъ нимъ и за его художественный талантъ; и за красоту его жены, и за его любезную гостепріимность.

Всей Италіи извѣстенъ св. Геннаро или Януарій, покровитель Неаполя, въ кафедральномъ соборѣ котораго сохранялся, какъ величайшая святыня, хрустальный сосудъ съ кровью святаго. Календарный день этого святаго есть день величайшаго возбужденія всѣхъ жителей города, ибо въ этотъ день засохшая кровь дѣлается жидкой; какъ только совершится это чудо, весь Неаполь приходитъ въ неописуемый восторгъ, который находитъ свое выраженіе въ тысячѣ разнообразныхъ празднествъ. Если бы однажды кровь св. Януарія не сдѣлалась жидкой, это было бы очень дурнымъ и бѣдственнымъ предзнаменованіемъ для всего Неаполя. Уже то об-

стоятельство, что иногда бывало нужно нѣсколько болѣе времени для того, чтобы кровь заструилась въ хрустальномъ сосудѣ, приводило жителей въ лихорадочное возбужденіе; когда же архіепископъ возвѣщалъ, что началось страстно-ожидаемое событіе, праздничная радость охватывала всѣ слои населенія. Само собой разумѣется, что придѣлъ св. Януарія въ неаполитанскомъ соборѣ былъ мѣстомъ, пользовавшимся глубочайшимъ почитаніемъ, и какъ священнѣйшая реликвія былъ охраняемъ городомъ. Въ этомъ придѣлѣ тогда должна была реставрироваться живопись; поэтому, неоднократно обращались къ знаменитѣйшимъ итальянскимъ живописцамъ, между прочимъ, Гвидо Рени и Доминикино, но всякій разъ дѣло разстраивалось по тѣмъ или другимъ причинамъ; случалось даже, что приглашеннымъ живописцамъ анонимно угрожали насиліемъ, если они осмѣлятся прибыть въ Неаполь. Все это было слѣдствіемъ испанскаго вліянія, особенно же Риберы, который, подобно своему предшественнику Караваджіо, не желая переносить никакихъ соперниковъ, не останавливался ни передъ какими средствами, если нужно было удовлетворить своей зависти. Постепенно Рибера сдѣлался всѣмъ ненавистенъ не только какъ живописецъ, но и вообще какъ испанскій шпіонъ, давнымъ давно извѣстный «Лигѣ мертвыхъ» за самаго подозрительнаго обитателя города.

Общество, называвшееся «Лигой мертвыхъ» (ибо всѣ члены его должны были давать клятву въ ненависти къ испанцамъ до гроба и даже платиться жизнью, если кто нарушалъ эту клятву), существовало съ давнихъ поръ и было очень часто предметомъ гоненій со стороны испанской партіи. Если этой лигѣ и приходилось по временамъ притворно распадаться, на дѣлѣ же она всегда оставалась неразрушимой, находя среди итальянскаго населенія много сочувствующихъ своему либеральному направленію. Рядомъ съ стремленіями къ государственной независимости въ лигѣ было поддерживаемо и воспитываемо участіе ко всѣмъ реформаторскимъ идеямъ, которыя старались проводить въ общество. Поэтому, церковная реформація, начавшаяся въ Германіи и распространившаяся по всей Италиі, именно въ Неаполѣ нашла величайшее признаніе, и сочиненія нѣмецкихъ гуманистовъ неоднократно читались въ кружкѣ «Лиги мертвыхъ». Главнымъ образомъ и ученіе Галилея пользовалось тамъ высокимъ ураженіемъ.

Собранія этого таинственнаго общества происходили въ различныхъ мѣстахъ, смотря по тому, — была ли лига подъ строгимъ надзоромъ или могла дѣйствовать свободно. По временамъ члены встрѣчались въ одномъ гротѣ, въ скалѣ, въ окрестностяхъ Неаполя, или же въ катакомбахъ, гдѣ были безопасны отъ всякаго шпіонства; но по большей части мѣстомъ собранія служили мастерскія художниковъ, гдѣ они притворно встрѣчались подъ видомъ своихъ занятій, привозя съ собой диллетантовъ. Сальваторъ

знать многихъ членовъ «Лиги мертвыхъ» и, хотя до сихъ поръ самъ не вступалъ въ ихъ среду, но издавна принадлежалъ ей всеми своими помыслами. Члены очень хорошо знали, кто къ нимъ расположенъ дружественно, а кто настроенъ враждебно, и согласно съ этимъ соображались въ своихъ знакомствахъ. Сальваторъ бывалъ уже при совершенно интимныхъ собраніяхъ, будучи принятъ на дружественной ногѣ, и неоднократно давалъ обѣщаніе присоединиться къ лигѣ, какъ только онъ дѣйствительно сможетъ быть полезнымъ ей. Его скромность не позволяла ему особенно предаваться мечтамъ о выгодной карьерѣ.

Юный живописецъ надѣялся, что ему, можетъ быть, удастся при помощи какой-нибудь картины проникнуть во дворецъ графа Мендоца, и при всей своей бѣдности все-таки сѣумѣлъ достать необходимые матеріалы для большой картины. Случилось нѣчто рѣдкостное съ его талантомъ. Говорять, что на театрѣ комическихкіе актеры предпочтительно думаютъ о созданіи ролей трагическихкіхъ; это случается обыкновенно потому, что такія мечты покоятся на заблужденіи. То же самое случилось и съ нашимъ живописцемъ, которому засѣла въ голову мысль прославиться исторической картиной, въ то время какъ онъ обладалъ величайшимъ талантомъ къ ландшафтной живописи. И такъ, онъ писалъ теперъ убійство Цезаря, твердо надѣясь на полнѣйшій успѣхъ. Любовь завела Сальватора на дорогу, съ которой онъ не былъ въ состояніи свернуть. Зная, что картинный торговецъ Кортезіано, тестъ Рибера, много продавалъ испанской знати, Сальваторъ напрягалъ все силы, чтобы заинтересовать его собой, и дѣйствительно добился того, что знаменитый торговецъ высказалъ свое мнѣніе объ убійствѣ Цезаря. Но судьба часто бываетъ не особенно благосклонна. Торговецъ призналъ талантъ Сальватора, но не хотѣлъ и слышать о покупкѣ этой большой картины. Когда же онъ увидѣлъ въ бѣдной мастерской нѣкоторыя жанровыя картины и эскизы ландшафтовъ, онъ предложилъ Сальватору написать нѣчто въ этомъ жанрѣ, ибо на эти вещи находилось очень много покупателей-любителей. Сальваторъ увидѣлъ себя низверженнымъ съ своего седьмого неба. Бѣшеная ярость охватила его. Онъ увидѣлъ свой талантъ непризнаннымъ и собственной рукой уничтожилъ произведеніе, отъ котораго ожидалъ столь выгодныхъ послѣдствій. Часами сидѣлъ онъ погруженный въ тяжелое раздумье о своей враждебной судьбѣ. Когда настала вечеръ, онъ поспѣшилъ на свободу, направившись быстрыми шагами по берегу морского залива. Заходящее солнце окрашивало небосводъ удивительными тонами, и великолѣпный городъ съ своими неописуемо-величественными ландшафтными окрестностями блисталъ въ лучахъ заходящаго дневного свѣтила. Сальваторъ равнодушно смотрѣлъ на этотъ безмятежно-блистающій, свѣтлый ландшафтъ: его художественное чув-

ство молчало, оставаясь холоднымъ къ этой чарующей картинѣ. Все болѣе и болѣе его охватывалъ внутренній разладъ, и это настроеніе вскорѣ сдѣлалось столь невыносимымъ, что Сальваторъ опять повернулъ по направленію къ городу, въ которомъ онъ часами слонялся по безчисленнымъ улицамъ и переулкамъ, желая избавиться отъ гнетущихъ мыслей.

Ужъ было совершенно темно, когда Сальваторъ неожиданно очутился предъ дворцомъ Мендоца. Какъ разъ въ это мгновеніе въ одной изъ сосѣднихъ улицъ показались носилки, несомыя четырьмя слугами въ ливреяхъ, окруженныя многочисленными факельщиками и нѣсколькими охранниками. Ворота дома были заперты. Передній факельщикъ сильно ударилъ въ ворота нѣсколько разъ мѣднымъ молоткомъ, и онѣ были отворены. Сердце Сальватора сильно стучало; онъ не помнилъ себя, узнавъ въ дамѣ, внесенной на носилкахъ во дворъ дворца, ту самую дѣвушку, образъ которой такъ сильно заполонилъ его фантазію. Дѣвушка была еще въ траурѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одѣта съ такимъ отмѣннымъ вкусомъ, что разборчивый живописецъ отъ ея появленія пришелъ въ величайшее восхищеніе. Онъ рѣшился бы на что-нибудь большее, если бы это было прилично; теперь же онъ могъ только издали смотрѣть, какъ тотъ почти еще мальчикъ, котораго онъ съ ревностью и злостью оглядывалъ въ день похоронъ, поспѣшно сбѣгалъ по дворцовой лѣстницѣ, гдѣ на нижней площадкѣ были поставлены носилки. Молодая дѣвушка съ дѣтскимъ нетерпѣніемъ сама отворила дверцы носилокъ и поспѣшно пробѣжала нѣсколько ступеней на встрѣчу поклонившемуся ей юношѣ. Не повернувшись еще, чтобы сопроводить дѣвушку, юноша бросилъ взглядъ на носилки и на прислугу; случаю было угодно, чтобы юноша увидѣлъ стоявшаго у воротъ Сальватора. Моментально юноша узналъ его. Какъ и раньше при встрѣчѣ, взоры ихъ загорѣлись мрачной ненавистью, и рука Сальватора невольно хватилась за шпагу. Но юноша, стоя на лѣстницѣ, повелительнымъ жестомъ приказалъ затворить ворота—и онѣ быстро захлопнулись передъ самымъ носомъ Сальватора.

Онъ былъ внѣ себя отъ униженія. Съ нимъ поступили какъ съ ничтожнымъ уличнымъ бродягой,—и онъ не могъ ничего сдѣлать. Кто былъ этотъ безбородый мальчишка, осмѣлившійся выгнать его съ порога дома, какъ собаку? Очевидно, испанецъ, смертельный врагъ, нахальный пролазь. Сальваторъ готовъ былъ кулаками разбить ворота, но, во время опомнившись, увидѣлъ, что такое выраженіе безсильнаго гнѣва не только было недостойно его, но, можетъ быть, сверхъ того привело бы и въ столкновеніе съ судомъ. Юный живописецъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Земля горѣла подъ его ногами: онъ получилъ оскорбленіе—и не могъ отомстить. Онъ поклялся, что не будетъ жить, если не смоетъ съ себя этой смертельной обиды.

Въ такомъ расположеніи духа онъ неожиданно натолкнулся на одного знакомаго, котораго въ послѣдшности чуть было не сбиль съ ногъ. Это былъ живописецъ Аніелло Фальконе, прославившійся своими батальными картинами и изъ всѣхъ друзей независимости Неаполя считавшійся однимъ изъ самыхъ ревностныхъ членовъ «Лиги мертвыхъ». Фальконе съ удивленіемъ посмотрѣлъ на своего юнаго товарища. Считаая Сальватора талантливымъ живописцемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не могъ не замѣтить, что юноша еще не установился ни въ живописи, ни въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ. Странное смущеніе, написанное на лицѣ Сальватора, удивляло опытнаго старика и подало поводъ завести разговоръ. Сальваторъ чувствовалъ самъ, что нужно собраться съ мыслями и отвлечься отъ случившагося, разговорился и вскорѣ оба живописца пошли вмѣстѣ по улицамъ города. Послѣ нѣкоторыхъ мимолетныхъ замѣчаній Фальконе обратился къ своему спутнику съ вопросомъ:

— Знаете ли вы, что опять дѣлаются попытки ввести у насъ инквизицію? Разумѣется, въ умѣренной формѣ. Уже слѣдятъ за запрещенными сочиненіями, т. е. конечно за такими, которыя объявляютъ войну невѣжеству и не играютъ въ руку іезуитизму. Старикъ папа Григорій должно быть опасно боленъ, и потому теперь темная сволочь во всѣхъ старыхъ притонахъ опять заволновалась, чтобы во время сподличать.

Это былъ разговоръ, встряхнувшій даже охромѣвшія мысли Сальватора. Онъ желалъ слушать Фальконе и поэтому сказалъ:

— Въ Неаполѣ это будетъ нелегко имъ сдѣлать!

— Ужъ сто лѣтъ тому назадъ, какъ герцогъ Толедскій вмѣстѣ съ другими испанскими драгоцѣнностями хотѣлъ подарить неаполитанскому народу и инквизицію; испанцы, кажется, забыли тогдашнюю революцію, въ которой рыбаки въ своихъ холщевыхъ штанахъ сидѣли рядомъ съ испанскою знатью въ бархатѣ и шелкѣ; что случилось тогда, можетъ повториться каждое мгновеніе. Мы терпимъ испанцевъ до тѣхъ поръ, пока они не напоминаютъ намъ слишкомъ назойливо о томъ, что мы должны ихъ терпѣть; но настанетъ минута, когда чаша терпѣнія переполнится: тогда настанетъ страшный судъ,—сказалъ Фальконе.

Это было бальзамомъ для раны Сальватора. Сердито замѣтилъ онъ:

— Развѣ инквизиція угрожаетъ союзу друзей отчизны?

И быстро, какъ бы торопясь, онъ прибавилъ:

— Извините, что я говорю такъ откровенно; но вы можете быть убѣждены, что я ненавижу испанцевъ болѣе чѣмъ кто-либо другой, клявшійся истреблять ихъ, и я самъ готовъ каждое мгновеніе дать присягу въ томъ, что моя жизнь будетъ посвящена мщенію этимъ чужеземнымъ кровопійцамъ.

Фальконе удивленно взглянулъ на молодого человѣка, въ блѣдныхъ чертахъ котораго ярко сказывалось кипѣвшее въ немъ возбужденіе.

— Это вы серьезно говорите?—быстро спросилъ онъ, и такъ какъ Сальваторъ отвѣчалъ только безмолвнымъ, но рѣшительнымъ кивкомъ головы, онъ продолжалъ:—Это удобный случай, и я довѣряюсь вашей честности. У насъ сегодня вечеромъ собраніе, и вы можете рассчитывать на принятіе въ лигу, если чувствуете себя готовымъ; можно произвести пробу вашей неустрашимости. Если вы дѣйствительно желаете, то можно назначить вамъ мѣсто и часъ.

Сальваторъ, не опомнившись еще отъ сильнаго потрясенія, разбившаго его нравственно, быстро отвѣтилъ:

— Я рѣшился и не отступлю ни передъ чѣмъ, разъ дѣло идетъ о томъ, чтобы дать исходъ ненависти къ испанцамъ.

— Прекрасно,—возразилъ Фальконе,—и такъ будьте сегодня вечеромъ вблизи отъ входа въ катакомбы. Будьте тамъ ровно въ 9 часовъ, все же дальнѣйшее устроится.

Сальваторъ обѣщалъ, они ударили по рукамъ и далѣе онъ продолжалъ свой путь одинъ, не думая болѣе о перенесенномъ оскорбленіи, весь погруженный въ предстоящее посвященіе въ тайны «Лиги мертвыхъ».

Къ опредѣленному часу онъ былъ въ назначенномъ мѣстѣ. Маленькія ворота, ведшія въ катакомбу, были заперты и ничто не давало знать, что тамъ могли быть люди. Вдругъ къ нему подошелъ человѣкъ, тщательно укутанный въ мантию, посмотрѣлъ на него и, только произнеся отрывисто: «Слѣдуй за мной!», особеннымъ образомъ постучался въ ворота. Онѣ отворились, впустили людей и тотчасъ быстро захлопнулись. Нѣкоторый страхъ овладѣлъ было Сальваторомъ, но онъ постарался подавить его, позволивъ своему проводнику вести себя въ глубь пещеры. Подземныя галереи Неаполя походили на римскія катакомбы; созданныя самой природой въ видѣ гротовъ въ туфѣ, потомъ они были увеличены и проведены далѣе человѣческими руками. Во времена гоненій на христіанъ, онѣ служили мѣстомъ для погребенія и тайными мѣстами для собраній. Неаполитанскія катакомбы не такъ многочисленны и не такъ непроницаемы, какъ римскія, но онѣ просторнѣе и потому болѣе удобны для собраній. Сальваторъ слѣдовалъ за своимъ проводникомъ по темнымъ корридорамъ, пока они, наконецъ не, очутились въ огромномъ подземельѣ.

Какое зрѣлище представилось здѣсь его глазамъ! Подземелье было скупо освѣщено. Тамъ сидѣли фантастически-одѣтыя существа и кругомъ по стѣнамъ онъ замѣтилъ бѣлыя неподвижныя фигуры, очертанія которыхъ едва можно было разобрать. Но самое ужасное находилось посрединѣ подземелья, гдѣ лежалъ убитый, истекающій кровью и изувѣченный человѣкъ. Тихій, но звучный голосъ позвалъ молодого человѣка подойти ближе и потребовалъ, чтобы онъ положилъ свою руку на трупъ. Сальваторъ съ трепетомъ повиновался; тотъ же странный голосъ продолжалъ: «Клянись,

сказалъ онъ, клянись, что ты никогда не выдашь того, что здѣсь видишь теперь и что увидишь въ будущемъ!» Глубоко пораженный необычайностью всей обстановки и всего происходившаго, Сальваторъ далъ клятву.

Теперь фигуры начали подниматься и медленно ходить кругомъ. Нѣкоторыя, выступивъ изъ круга, схватили окровавленный трупъ и, прислонивъ его къ стѣнѣ, приказали Сальватору подойти ближе, чтобы взвалить на него эту неприятную ношу. Одно мгновеніе колебался онъ повиноваться; но, не желая показаться малодушнымъ трусомъ, Сальваторъ приблизился, позволивъ взвалить на себя ужас-

Принятіе Сальватора Розы въ «Лигу мертвыхъ».

ное мертвое тѣло. Теперь онъ долженъ былъ вступить въ ряды другихъ. Таща оцѣпенѣлое, бездыханное тѣло, онъ вдругъ почувствовалъ, какъ оно словно ожило, крѣпко обхватило руками его шею, пытаясь своими ногами помѣшать его ходьбѣ. Это былъ критическій моментъ. Сальваторъ отъ испуга чуть не упалъ, но, ободрившись, быстро повернулся и сильною рукою охватилъ мнимаго мертвеца, сбросивъ его на землю. Голосъ всеобщаго одобренія достигъ его ушей, и, прежде чѣмъ онъ могъ опомниться, мрачное подземелье озарилось слабымъ свѣтомъ свѣчей.

И что же Сальваторъ увидѣлъ? Мнимый мертвецъ былъ его другъ Фальконе, такъ удивительно изуродовавшій съ помощью кра-

сокъ свое тѣло, что его можно было принять за изувѣченное, истекающее кровью. Фигуры сбросили свои покрывала, явившись достойными неаполитанцами, среди которыхъ Сальваторъ узналъ многихъ изъ своихъ друзей. Всѣ приблизились къ нему, поздравляя съ неустрашимо-выдержаннымъ испытаніемъ. Фальконе между тѣмъ исчезъ; онъ вскорѣ появился, обмывъ краски и облачившись въ обыкновенный костюмъ.

Теперь началась церемонія присяги. Предсѣдатель собранія еще разъ спросилъ молодого живописца—твердо ли онъ рѣшился вступить въ «Лигу мертвыхъ». Когда Сальваторъ снова подтвердилъ свое непреклонное рѣшеніе, предсѣдатель, держа предъ нимъ распятіе, торжественно говорилъ, что клятва должна быть даваема на этомъ символѣ человѣческаго страданія. Громкимъ и рѣшительнымъ голосомъ Сальваторъ произнесъ послѣ этого слова ужасной присяги, которую ему подсказывалъ предсѣдатель. Сальваторъ давалъ обѣтъ ненависти къ притѣснителямъ отчизны и объявилъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое согласіе пожертвовать собственной жизнью, въ случаѣ измѣны данной присягѣ.

Все происшедшее глубоко потрясло молодого живописца и онъ только путливо поглядывалъ на всѣхъ присутствующихъ по очереди. Вдругъ его словно передернуло: между собравшимися членами «Лиги мертвыхъ» Сальваторъ узналъ того молодого чловека, который при погребеніи Корнеліи Кортези отсталъ отъ родственниковъ умершей, присоединившись къ Мендоцамъ. И такъ нищій монахъ былъ тогда совершенно правъ! Въ одно мгновеніе мысли вихремъ закружились въ головѣ Сальватора; но это продолжалось не долго, ибо Фальконе пригласилъ его поближе познакомиться съ обычаями союза, къ которому онъ теперь принадлежалъ.

Немного спустя, Сальваторъ удалился изъ непріятнаго подземелья, не будучи въ состояніи долѣе оставаться тамъ. Онъ столько пережилъ въ одинъ день, что былъ придавленъ массою впечатлѣній. Онъ вдругъ почувствовалъ себя несчастнѣйшимъ чловекомъ въ мірѣ, ему казалось, что онъ не можетъ долѣе жить въ Неаполѣ. Въ этотъ же вечеръ онъ рѣшилъ бѣжать. Поспѣшно пробравшись въ домъ своего дяди, сложивъ свои незначительные пожитки и повѣсивъ лютную за плечи, Сальваторъ отправился въ путешествіе. Онъ не зналъ отдыха, пока далеко не оставилъ за собой Неаполь. Избравъ путь на Везувій, Сальваторъ поспѣшно пропелъ Резину, Портичи и другія селенія у подошвы огнедышащей горы, достигши, наконецъ, той мѣстности, о которой рассказывали, что здѣсь подъ блестящими виноградниками погребены цѣлые города, нѣкогда засыпанные горячей грязью и раскаленнымъ пепломъ Везувія. Здѣсь не было ни одного селенія. Вся плодородная мѣстность была засажена виноградной лозой, фруктовыми деревьями и благородными растеніями. Въ ночной темотѣ, только слабо разсѣваемой блѣд-

нымъ мѣсяцемъ, мнилось, что все это обширное поле усеяно трупами. А надъ ними величаво высился, словно пирамида, Везувій, изъ котораго поднимался къ небу красноватый столбъ дыму, а въ одномъ мѣстѣ блестящей полосой стекала раскаленная лава. Это было ужасное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, грандіозное зрѣлище. Сальваторъ рѣшилъ провести остатокъ ночи въ этой исключительной обстановкѣ. При мягкости климата это не было опасно, и онъ уснулъ подъ сѣнью одного развѣсистаго дерева, имѣя подъ собой погребенное величіе погибнувшаго міра, а надъ собой Везувій, освѣщавшій мрачныя небеса зловѣщимъ заревомъ.

На другой день молодой живописецъ двинулся далѣе на югъ, по холмамъ и долинамъ, пока не достигъ Салернского залива. Здѣсь онъ провелъ свое дѣтство, и, при воспоминаніи объ этомъ, онъ съ горечью почувствовалъ, какъ давно уже осиротѣлъ. Никто не зналъ его тамъ. Его мать была у сестры, жившей въ бѣдности съ своимъ супругомъ. Что случилось съ его старшимъ братомъ? Жилъ ли онъ нищимъ въ Неаполѣ или погибъ уже отъ голоду и нищеты? Эта мѣстность была все также райски прекрасна. Не круто спускавшіяся высоты налегли на берегъ сверкающаго моря. Ихъ вершины порой увѣнчивались ветхими замками, свидѣтелями норманскаго владычества. Дальше, въ сторонѣ отъ берега, высились развалины храма, напоминая о величій античнаго міра. Нельзя описать чарующей красоты этихъ благородныхъ портиковъ въ ихъ возвышенной симметріи. Величественный храмъ Посейдона, граціозный храмъ Цереры и мощная базилика стояли, какъ неувядаемые свидѣтели греческаго міра, посреди высохшей пустыни, недалеко отъ берега моря, нѣкогда омывавшаго гавань города. Сама природа измѣнилась здѣсь; гдѣ нѣкогда все цвѣло и вытягивалось въ стель, тамъ теперь—одна пустынная, злоредно-лихорадочная равнина,—и только остатки твореній благороднаго генія напоминаютъ о греческомъ городѣ Посейдоніи, владѣвшемъ встарину этой страной. И все далѣе шель безпокойный художникъ, пока не достигъ любимой Амальфи, окруженной роскошной природой и расположенной у залива того же имени. Эта мѣстность была поистинѣ благоденственнымъ уголкомъ. Здѣсь Сальваторъ порѣшилъ на нѣкоторое время положить свой посохъ.

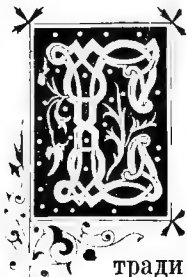

Сады Ватикана въ Римѣ.

IV.

Примѣты умножаются.

ДОГВЕННЫЙ, съ печатью скорби въ чертахъ, изборожденныхъ морщинами, сидѣлъ въ своей комнатѣ въ Флоренціи математикъ и астрономъ Галилей. Онъ не обращалъ вниманія ни на многочисленныя карты и таблицы на стѣнахъ, ни на груды книгъ и свитковъ, покрывавшихъ его рабочій столъ. Его занимала латинская рукопись, состоявшая изъ одной тетради сложенныхъ листовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ эти замѣтки прислалъ изъ Германіи его другъ Иоганнъ Кеплеръ, чтобы познакомить его съ исторіею своихъ страданій. Знаменитый флорентинецъ, соболѣзнуя несчастью своего ученаго товарища, сегодня и самъ былъ удрученъ тяжелой заботой за будущность своего единственнаго дитяти.

— Моя слава и мое положеніе,—такъ читалъ Галилей,—довели меня до того, что я неоднократно долженъ былъ прибѣгать къ астрологическимъ гаданіямъ. Конечно, самъ далекій отъ подобныхъ химеръ, я говорилъ, что на нее не стоитъ тратить времени и сожалѣлъ, что такое безразсудное шарлатанство властвуетъ, какъ густой мракъ, надъ человѣческими умами. Но если самъ императоръ Рудольфъ вѣрить астрологіи, то могъ ли я не воспользоваться для

объясненія небесныхъ явленій предложеніемъ быть придворнымъ астрологомъ. Вѣдь астрологія была просто шутиливою формою, въ которую я облекалъ различныя истины, даже политическія, которыя иначе мнѣ не позволили бы высказать. И такъ людская глупость служила мнѣ проводникомъ къ истинѣ, къ которой большинство относится такъ подозрительно.

«Нѣсколько лѣтъ я мирно прожилъ на обсерваторіи въ Прагѣ, какъ вдругъ ударъ за ударомъ посыпались на меня. Смерть похитила у меня въ одинъ годъ жену и троихъ дѣтей. вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшалось и мое служебное положеніе, такъ какъ братья Рудольфа, бывшіе съ нимъ въ ссорѣ, начали отбирать отъ него земли, въ томъ числѣ и Богемію. Ко всѣмъ моимъ огорченіямъ прибавилась кончина въ Прагѣ императора Рудольфа. Братъ и преемникъ Рудольфа, императоръ Матвѣй, хотя и оставилъ меня въ старой должности, но недоимки жалованья, при смерти Рудольфа, простиравшіяся до 4-хъ тысячъ гульденовъ, въ короткое царствованіе императора Матвѣя возросли до 12-ти тысячъ. Когда же при всемъ томъ королевскій совѣтъ спрашивалъ, почему такъ долго не появлялись ожидаемыя астрономическія таблицы, я чистосердечно отвѣчалъ: «Чтобы пощадить королевское величество, по казначейскому распоряженію котораго я долженъ былъ голодать, я написалъ ничтожный календарь съ астрологическими предсказаніями: это все же лучше, чѣмъ просить милостыню. Когда умерла моя дочь, я бросилъ таблицы и обратился къ астрологіи». Въ этихъ занятіяхъ я пытался найти и нашелъ утѣшеніе отъ ударовъ судьбы и отъ гнетущаго чувства, обезпечивъ свое существованіе презираемыми мною предразсудками толпы.

«Но самое худшее было еще впереди. Вскорѣ неосторожныя сужденія моей старой матери навлекли на нее преслѣдованія и суевѣрныхъ невѣждъ, и власти, которая въ бѣдной старой женщинѣ вмѣстѣ съ матерью преслѣдовала и истину пытливаго изслѣдователя-сына. Эти заблужденія зашли, наконецъ, такъ далеко, что дали моей матери прозвище вѣдьмы. Печальныя суевѣрія все тяжелѣе свинцомъ ложились на несчастную Германію; противъ бѣдной женщины сошлись обѣ партіи — католики и протестанты, — обвиняя ее въ союзѣ съ чортомъ. Наконецъ, мать мою заключили въ тюрьму. При этомъ извѣстии я, бросивъ свои занятія, бѣжалъ сначала въ Регенсбургъ, а затѣмъ поспѣшилъ и въ Виртенбергъ чтобы выступить защитникомъ напрасно оклеветанной женщины.

«Вотъ какимъ образомъ собрались надъ ея головою обвиненія въ колдовствѣ, изъ-за котораго она сидѣла въ тюрьмѣ. Однажды, будучи на церковномъ погостѣ, мать замѣтила могильщика, проходившаго вблизи могилы ея отца. Вспомнивъ, про гдѣ-то слышанное, какъ старые нѣмцы изъ народа употребляютъ черепа въ видѣ бокаловъ, она захотѣла отрыть черепъ своего отца, отдѣлать

въ серебро и подарить мнѣ. Могильщикъ отказалъ ея просьбѣ и не промолчалъ объ этомъ. Дѣло было такъ необычайно, что всѣ слушали разсказъ могильщика съ удивленіемъ и соглашались, что только вѣдьмы и колдуны употребляютъ для своихъ надобностей человѣческія кости.

«Кромѣ того, нужно замѣтить, что мать моя занималась медициной. Она какъ-то не имѣла никакого счастья въ своей практикѣ: чаще случалось, что рекомендованныя ею средства ухудшали болѣзнь, вмѣсто того, чтобы облегчать. Въ своей комнатѣ она разставила въ оловянныхъ сосудахъ вино, раздавая его своимъ пациентамъ. Отъ долгаго стоянія винная кислота разложила свинецъ и олово, такъ что эта настойка производила головную боль и вызывала рвоту. Когда одна знакомая женщина моей матери, жена ремесленника, заболѣла отъ употребленія этой настойки, ея родственники надумали, что она заболѣла отъ какого-то наговора. Вся вина легла на Кеплеръ, и объ этомъ случаѣ распространилась молва. Жена ремесленника открыто объявила ее колдуньей, и даже мѣстный священникъ городка Левенберга, мѣстожителюства моей матери, обвинилъ ее въ вѣдовствѣ.

«Такимъ образомъ, доброе имя моей старой матери было окончательно замарано, и исторія ея колдовства сдѣлалась злобой дня. Казалось, однако, что дѣло еще можетъ принять благопріятный оборотъ. Однажды къ ней пришли княжескій чиновникъ и полупьяный левенбергскій фогтъ, требуя съ угрозами, даже съ обнаженной шпагой, чтобы она вылечила околдованную жену ремесленника. Моя мать не испугалась, назвавъ такое требованіе безумнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на фогта была подана жалоба въ судъ. Безпокоясь, какъ бы отвратить могущія произойти непріятныя послѣдствія отъ злоупотребленія своей должностной властью, фогтъ остановился на счастливой мысли сдѣлать доносъ на вѣдовство старой женщины. Напрасно я просилъ мою мать пріѣхать ко мнѣ: она не хотѣла трогаться съ мѣста, пока не кончится судебный процессъ.

«Между тѣмъ подкопилось еще нѣсколько случаевъ, усилившихъ подозрѣніе въ колдовствѣ, такъ что донесеніе левенбергскаго высшаго совѣта дало поводъ высшему дворянскому суду въ Виртембергѣ начать процессъ о вѣдовствѣ моей матери, вдовы Генриха Кеплера. Бѣдная старуха еще во-время успѣла убѣжать ко мнѣ за совѣтомъ со своимъ другимъ сыномъ, Христофоромъ. Они нашли меня занятымъ прошеніемъ на имя виртембергскаго канцлера и начинавшася такимъ образомъ: «До сихъ поръ я пользовался безукоризненной славой въ жизни, какъ вдругъ въ прошломъ году разрушительная буря ударила мой карабикъ объ ужасный подводный камень. Эта буря повредила не столько мнѣ, сколько моей несчастной матери, всякое бѣдствіе которой, однако, тяжело отра-

жается и на ея сынѣ. Не надѣясь ни на какую помощь, я осмѣливаюсь поручить себя вашему милостивому вниманію». Съ пріѣздомъ матери и брата я могъ въ своемъ прошеніи рассказать обстоятельнѣе многія подробности дѣла. Это такъ сильно подѣйствовало, что высшій совѣтъ въ Виртембергѣ молчаливо призналъ свою опрометчивость. Не смотря на мои просьбы, мать вернулась домой, дабы не возбуждать своимъ отъѣздомъ подозрѣній и не подзадаривать злыхъ языковъ.

«Но враги моей матери не теряли даромъ времени: молва рассказывала новыя ужасныя вещи про старуху. Дѣло дошло до того, что, кромѣ ея дѣтей, едва ли кто-нибудь сомнѣвался въ ея колдовствѣ. Веденіе начавшагося процесса объ ея вѣдовствѣ было поручено злѣйшему врагу матери, фогту Эйхорну. Но настоятельныя просьбы брата Христофора Кеплера сдѣлали, что слѣдствіе производилъ другой, и одновременно по моей просьбѣ было постановлено, что мучительный процессъ не начнется до моего пріѣзда. Вскорѣ я узналъ, что обстоятельства дѣла въ высшей степени печальны. Я узналъ, что семидесяти-четырехъ-лѣтняя арестантка, жаловавшаяся на холодъ тюремной камеры и на безотрадность одиночества, была переведена въ жилище тюремщика; кромѣ того, я самъ хлопоталъ, чтобы ей дозволили на собственные средства имѣть двухъ прислужниковъ. Я обратился съ запиской непосредственно къ герцогу. Въ этой запискѣ я, между прочимъ, писалъ: «Въ высшей степени прискорбно, что обвиненію приписана такая большая важность и что поступки моей матери истолкованы въ такомъ ложномъ свѣтѣ. Съ умысломъ она не совершила ни одного проступка. Довольно ея враги злоупотребляли именемъ Божиимъ. Пора противникамъ матери жаждущимъ ея жизни и имущества, пора перестать пользоваться княжеской милостью».

«Но прошеніе осталось безъ послѣдствій: процессъ продолжался, свидѣтели безповоротно высказали свою увѣренность въ колдовствѣ моей матери. При этомъ важное значеніе придавали тому, что старуха рѣдко смотрѣла прямо и не плакала. «Всѣмъ извѣстно», говорили свидѣтели, «что нѣкоторые люди не могутъ плакать». Когда на одномъ изъ первыхъ допросовъ свидѣтелей одинъ изъ членовъ суда замѣтилъ истомленной старухѣ: «если бы въ васъ была капля благочестивой крови, вы должны были бы заплакать», она съ болью отвѣтила: «Я такъ много плакала въ своей жизни, что больше и плакать-то не могу». Теперь же на обвиненія свидѣтелей мать отвѣчала упорнымъ молчаніемъ. Изъ преній выяснилось, что всѣ обитатели Лёвенберга, не исключая самого фогта, высказались за виновность старухи.

«Дѣло защиты для меня и для адвоката моей матери становилось очень затруднительнымъ. При томъ защита была весьма стѣснена. Мнѣ, конечно, слѣдовало направить всѣ свои стрѣлы про-

тивъ нелѣпыхъ суевѣрій; но, къ сожалѣнію, этого вопроса нельзя было касаться. Положимъ, что уликъ въ колдовствѣ налицо не было и къ пыткамъ нельзя было приступить.

«Дѣло было послано на разсмотрѣніе тюбингенскаго юридическаго факультета, который постановилъ, что вдова Катерина Кеплеръ «должна быть спрошена подѣ пыткой для раскрытія истины». Это напередѣ рѣшило судьбу обвиняемой. Фогтъ приказалъ принести палачу орудія пытки, предоставивъ ему самому выбрать изъ нихъ любое. Палачъ увѣщевалъ мою мать откровеннымъ сознаниемъ избавить себя отъ этихъ пытокъ. Старуха возразила на это: «Могутъ дѣлать со мной, что хотятъ, а я, все-таки, ни въ чемъ не могу сознаться. Если бы я была колдуньей, я бы сама давно это сказала. Лучше мнѣ умереть, чѣмъ лгать. Должна ли я въ чемъ-нибудь сознаваться подѣ пыткой, если это неправда? Кто изъ здѣсь присутствующихъ захочетъ взять на себя грѣхъ утверждать, что я поступаю несправедливо? Я умру съ тѣмъ, что съ колдовствомъ не имѣю ничего общаго. Богъ, которому я поручаю себя, откроетъ истину, послѣ моей смерти. Онъ будетъ моимъ Покровителемъ и Защитникомъ». Послѣ этого она упала на колѣни, призвала Бога, чтобы онъ явилъ знаменіе, если она колдунья, и прочитала «Отче нашъ».

«Судъ рѣшилъ не идти далѣе, а донести объ этомъ дѣйстви пыточныхъ орудій въ Тюбингенъ. Юридическій факультетъ положилъ такую резолюцію: «Послѣ того какъ вдова Генриха Кеплера очистилась показаніями подѣ страхомъ пытки, она по суду оправдана». Не смотря на этотъ оправдательный приговоръ, мать не была еще спасена: предубѣжденіе толпы оставалось; вскорѣ поднялся громкій ропотъ недовольства, такъ какъ часть судебныхъ издержекъ падала на обвинителей. Лёвенбергцы втайнѣ негодовали, что такая подозрительная личность избавилась отъ уголовной кары и что они на вѣки заклеены презрѣніемъ и насмѣшками потомковъ. Дѣло опять начало принимать серьезный оборотъ, ибо не разъ случалось, что вѣдьма, оправданная по суду, была побиваема камнями своими же согражданами. Такая же судьба, вѣроятно, ожидала и мою старуху мать, судя по угрозамъ лёвенбергцевъ. Но смерть была сострадательнѣе людей, избавивъ ее черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отъ всѣхъ ея злоключеній....».

Дочитавъ до этого мѣста, Галилей, выронивъ рукопись изъ рукъ, глубоко вздохнулъ. Были ли въ Италіи обстоятельства иными, чѣмъ въ Германіи? Не угрожала ли ему и его дочери ужасная инквизиція? Могъ ли онъ медлить, чтобы обезоружить своихъ противниковъ?

Часто случается, что яйца хотятъ учить курицу. Такъ именно поступилъ доминиканскій монахъ, приводившій библейскую цитату, относящуюся къ Вознесенію Христову, съ цѣлью назвать открыто

предъ публикой имя Галилея. Въмѣстѣ съ тѣмъ, монахъ старался сдѣлать нѣчто особенно пріятное своему начальству. Но если бы народъ дѣйствительно напалъ на Галилея и его дочь, то начальство, конечно, всю вину свалило бы на монаха-проповѣдника. Приключеніе у церкви св. Ероики произвело такой говоръ и возбужденіе въ городѣ, что кардиналъ Беллярминъ принужденъ былъ внимательно разсмотрѣть это дѣло. Онъ приказалъ сдѣлать себѣ подробное донесеніе и нашелъ нужнымъ дать выговоръ неосторожному монаху. Въмѣстѣ съ тѣмъ, кардиналъ разсчитывалъ разузнать отъ него различныя мелочи происшествія, въ которомъ главную роль играла дочь Галилея.

И такъ Беллярминъ приказалъ придти къ себѣ монаху, который при входѣ въ покои кардинала по обычаю палъ ницъ и поцѣловалъ его ногу. Суровымъ тономъ Беллярминъ укорялъ бѣднаго монастырскаго брата за его проступокъ, при чемъ, все-таки, далъ замѣтить, что усердіе его не заслуживало бы порицанія, если бы онъ могъ избѣжать разжиганія низменныхъ страстей народа. Это было одно изъ тѣхъ увѣщаній, при которомъ слушатель не могъ распознать — правъ онъ или виноватъ. Изъ выговора Беллярмина несомнѣнно явствовало, что ересь нужно повсюду вырывать съ корнемъ, но при этомъ средства должны быть выбираемы осмотрительно и должно избѣгать всякаго открытаго возстанія.

Покончивъ съ увѣщаніемъ, духовный сановникъ спросилъ, кто былъ тотъ молодой человѣкъ, который выступилъ защитникомъ дочери Галилея.

Монахъ могъ не знать, что онъ приходился племянникомъ богатому и вліятельному кардиналу Барберини; онъ слышалъ имя Спинелли, но дальше ничего не зналъ. Поэтому онъ и сказалъ:

— Я только и могу сказать вашему преосвященству, что это былъ молодой живописецъ, безъимянный гуляка, который, очевидно, уже давно знакомъ съ молодой дамой, такъ какъ она послужила ему оригиналомъ для картины Цециліи. Картина повѣшена въ монастырѣ св. Духа надъ алтаремъ и очень всѣмъ нравится.

— Хорошо, хорошо,—возразилъ кардиналъ и хотѣлъ преподать монаху нѣсколько дальнѣйшихъ наставленій, но въ это время слуга доложилъ, что пришелъ астрономъ Галилей и изволить просить его преосвященство удѣлить для аудіенціи нѣсколько минутъ.

Эта неожиданная встрѣча была очень желательна для кардинала. Галилей имѣлъ могущественныхъ покровителей, онъ не покорился бы Беллярмину безъ борьбы. Кардиналъ позволилъ войти ученому и принялъ его очень дружественно.

— Вѣроятно,—сказалъ онъ,—васъ привлекло ко мнѣ дѣло, которое и меня самого давно занимаетъ. Съ вами случилась большая несправедливость.

Галилей, поцѣловавъ при входѣ руку кардинала, теперь смотрѣлъ на него радостно-изумленный.

— Вы избавляете меня отъ жалобы,—сказалъ онъ,— ибо сами говорите о несправедливости. Я пришелъ сюда...

Кардиналь не далъ ему продолжать.

— Я съ неудовольствіемъ узналъ о всемъ случившемся,— замѣтилъ Беллярминъ,—и очень хорошо понимаю, что вы желаете потребовать удовлетворенія. Все это произошло совершенно случайно; оскорбившій васъ присутствуетъ здѣсь. Я прикажу позвать его, дабы сдѣлать ему выговоръ за его проступокъ.

Затѣмъ онъ обратился къ монаху, остановившемуся въ отдаленіи. Галилей не могъ его видѣть. Кардиналь строгимъ тономъ проговорилъ:

— Подойди поближе, братъ доминиканецъ. Я уже говорилъ тебѣ, что твоя проповѣдь, въ которой ты обезчестилъ этого досто-почтеннаго человѣка, достойна наказанія. Теперь ты можешь самъ отвѣтить за свою ошибку и попросить у него прощенія.

Монахъ, сложивъ на груди руки и наклонивъ немного голову, смиренно проговорилъ:

— Если я въ своемъ усердіи сдѣлалъ лишнее, охотно каюсь въ своемъ прегрѣшеніи и сокрушенно прошу прощенія.

На это кардиналь назидательно замѣтилъ:

— Заблужденіе — наследственный грѣхъ всѣхъ людей, а прощать — прекрасная обязанность христіанина.

Галилей въ удивленіи даже отступилъ назадъ.

— Вы разыгрываете предо мной комедію, преосвященный,—сказалъ онъ,— моя жалоба не можетъ касаться жалкаго орудія, чрезвычайное усердіе котораго кажется вамъ достойнымъ наказанія. Я требую не кары, а оправданія.

Кардиналь нашелъ полезнымъ, чтобъ монахъ удалился.

— Иди,—сказалъ онъ монаху,— и ожидай въ своемъ монастырѣ покаянной эпитимы, которая должна быть наложена на тебя.

Монахъ, опять упавъ ницъ, поцѣловалъ у кардинала ногу, поклонился Галилею и вышелъ изъ покоевъ.

Тотчасъ по его уходѣ кардиналь, обратившись къ Галилею, хладнокровно спросилъ его:

— Монахъ провинился передъ вами и будетъ за это наказанъ; что же вы еще можете требовать?

— Бѣдный братъ доминиканецъ былъ только орудіемъ тѣхъ замысловъ и козней, которые давно уже строятся противъ меня,—сказалъ Галилей,—я давно знаю, что мое твореніе встрѣтило злобнаго противника, но я никогда не думалъ, что дѣло могло пойти такъ далеко, чтобы открыто возбуждать народъ и дѣлать меня и мою единственную, дорогую дочь предметомъ ярости всякаго сброда. Послѣ этого словно завѣса упала съ моихъ глазъ; моя любимая дочь откровенно созналась, что на исповѣди ей оклеветали ея отца. Вы не можете, конечно, судить о томъ, какъ бываетъ прискорбно

отцу, когда у него похищают довѣріе его дитяти. Могу ли я быть теперь спокойнымъ за ея жизнь? Лишь только я подумаю, что угрожало ей въ тотъ день на улицѣ отъ грубыхъ рукъ, до сихъ поръ не могу сохранить того спокойствія, въ которомъ, я такъ нуждаюсь въ это мгновеніе. Позвольте лучше помолчать и выслушать только одно: этотъ флорентійскій народъ, который вооружали противъ меня, долженъ же знать, что его ввели въ обманъ; я требую публичнаго опроверженія.

Не смотря на всѣ старанія сдерживаться, Галилей, оскорбленный и возмущенный въ самыхъ дорогихъ чувствахъ и завѣтныхъ помыслахъ, не могъ подавить сильнаго душевнаго волненія предъ гордымъ кардиналомъ, который, пронизывая его ледянымъ взоромъ, съ сильнымъ удареніемъ отвѣчалъ:

— Вы требуете? Чего *вы* требуете, въ томъ я отказываю. Вы, можетъ быть, думаете, что церковь станетъ думать объ удовлетвореніи всякихъ вашихъ требованій, не считая васъ своимъ вѣрнымъ сыномъ? Или вы думаете, что ваши дѣла и стремленія неизвѣстны намъ? Вы не только распространяете здѣсь свое ученіе, стоящее въ противорѣчій съ догматами церкви,— вы поддерживаете сношенія съ признанными врагами церкви! Мы знаемъ, что у васъ въ Германіи есть еретическіе связи: вы переписываетесь съ Юганномъ Кеплеромъ и его единомышленниками. Хотите ли вы отъ этого отпереться?

— За чѣмъ же мнѣ отрицать, что я очень цѣню этого высокопочтеннаго ученаго, какъ сотоварища по занятіямъ, и обмѣниваюсь съ нимъ научными взглядами?—возразилъ Галилей.

— Съ еретикомъ приставшимъ къ ученію Лютера?—гнѣвно вспылывъ кардиналь.

— Насъ соединяють,— спокойно отвѣтилъ Галилей,— научныя изслѣдованія, если, повидимому, разъединяетъ различіе вѣры.

— Только повидимому,— возразилъ Беллярминъ съ язвительной усмѣшкой;—вы говорите о вселенной, о природѣ, о всемъ, что можетъ занимать здѣсь разумъ; но самого важнаго, что заключается въ покорной вѣрѣ въ Создателя, величіе котораго церковь открываетъ во всѣхъ созданіяхъ и вещахъ, не замѣчаетъ вашъ гордый умъ. Наше время вообще страдаетъ недугами невѣрія, высокомѣрія, эгоизма; а между тѣмъ только въ послушаніи, покорности и смиреніи заключается спасеніе. Кто выше всего цѣнитъ суетныя изслѣдованія таинствъ природы, для кого природа не царствіе Божіе, символомъ котораго является наша св. церковь, какъ святой римскій отецъ является намѣстникомъ Творца міра, для кого научныя влеченія дороже этого божественнаго порядка, тотъ согрѣшаетъ противъ вѣры, тотъ врагъ церкви.

Галилей спокойно слушалъ. Онъ медленно покачалъ головой и сказалъ:

— Наше время вовсе не страждетъ никакими недугами; я вижу его могучее движеніе, полное жизненнаго стремленія къ истинѣ.

— Это движеніе есть дѣйствіе яда, — возразилъ кардиналъ, — взгляните на Германію, гдѣ религіозный расколъ одно время надѣдалъ дикими войнами. Огромное государство трещитъ по всѣмъ швамъ, и въ этомъ виновато только еретическое ученіе Лютера. Дерзкій монахъ осмѣлился выйти изъ послушанія церкви, и уже повсюду вспыхнуло пламя мятежа. Мы съумѣемъ подавить духъ возстанія, наблюдая съ величайшею строгостью за тѣмъ, чтобы сохранить права церкви, и обезопасить ея святаго главу. Вы, Галилей, опасный еретикъ, вы раскольникъ, ибо своимъ ученіемъ вы хотите влить отраву въ наши сердца.

Галилей чувствовалъ себя потрясеннымъ. Онъ былъ строго-вѣрующій католикъ и не имѣлъ вовсе намѣреній дѣйствовать враждебно противъ церкви. На слова кардинала онъ отвѣтилъ:

— Я стремлюсь только къ истинѣ! Кто можетъ остановить быстробѣгущее время, кто имѣетъ власть сковать мысль?

Въ словахъ Галилея слышалось нѣчто такое, что должно было смягчить и желѣзную суровость кардинала, ибо Беллярминъ ненавидѣлъ не человека, а его дѣятельность, которая у ревностнаго іезуита была бѣльмою на глазу. Монашескіе ордена были войскомъ, съ помощью котораго папство стремилось къ достиженію универсальной монархіи. Доминиканцы своими проповѣдями и нищенствующія монахи, вслѣдствіе ежедневныхъ сношеній съ уличной чернью, дѣйствовали въ этомъ направленіи безъ отдыха. Но все это оставалось далеко позади того значенія, котораго достигъ орденъ, взявшій въ свои руки борьбу съ ересью при посредствѣ преподаванія, проповѣди, исповѣди, литературной дѣятельности во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ, равно какъ и распространеніе христіанства въ чужеземныхъ краяхъ. Это былъ іезуитскій орденъ. Въ 1523 году въ первый разъ прошелъ черезъ Римъ въ Іерусалимъ испанецъ Иниго (Игнатій) Лойола, полный еще сомнѣній относительно формы, въ которую онъ долженъ воплотить свои предчувствія и идеи, свои тревожные и возвышенные планы. Черезъ пятнадцать лѣтъ онъ возвратился съ окончательно созрѣвшимъ планомъ основанія новаго ордена; приобрѣтя обширныя познанія и житейскую опытность, Лойола при помощи кружка друзей — по большей части соотечественниковъ — послѣ одобренія папой устава, приступилъ къ осуществленію долго желѣмой мечты. 3-го сентября 1539 года папа Павелъ III въ Тиволи далъ сначала устное одобреніе устава іезуитскаго ордена, а годъ спустя послѣдовало и письменное разрѣшеніе. 17 апрѣля 1541 года Игнатій со своими товарищами торжественно постригся; къ тремъ обычнымъ монашескимъ обѣтамъ былъ присоединенъ четвертый, заключавшійся въ безусловномъ послушаніи святому престолу. При посредствѣ этой

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- Андріевичъ, В. К.** Сибирь въ XIX столѣтіи. Ч. I. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Байронъ.** Донъ-Жуанъ. Переводъ П. А. Козлова. 2. т. Спб. 1889. Ц. 2 т. 4 р.
- Баронъ.** Система римскаго гражданскаго права. Выпускъ 3, кн. IV. Кіевъ. 1888. Ц. 1 р. 50 к.
- Бердниковъ, И.** Новое государство и его отношенія къ религіи. Рѣчь. Казань. 1888. Ц. 50 к.
- Бехтеревъ, В. М.** Сознаніе и его границы. Казань. 1888. Ц. 35 к.
- Блиновъ, Н.** Миронъ Петровичъ. Спены изъ народной жизни. Казань. 1888. Ц. 15 к.
- Боголюбовъ, М.** Практическая фармакологія по рецептамъ современныхъ клиницистовъ. М. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Борисъ, Архимандритъ** (Плотниковъ). Космологія или метафизическое ученіе о мірѣ. (По В. Вовне'у). Вып. I. М. 1888. Ц. 50 к.
- О началѣ міра. Апологетическое изслѣдованіе. М. 1889. Ц. 1 р.
- Борхсеніусъ, Е. Н.** Представители реального романа во Франціи въ XVII столѣтіи. Спб. 1889. Ц. 60 к.
- Бураковскій, С.** Опытъ разбора главнѣйшихъ произведеній А. С. Пушкина (пособіе для учащихся). Новгородъ. 1889. Ц. 60 к.
- Бутлеровъ, А. М.** Статьи по меліумизму. Съ портретомъ автора и воспоминаніемъ объ А. М. Бутлеровѣ Н. П. Вагнера. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- * **Бѣжецій, А.** Сраженіе.—Разстрѣленный.—Нарочный.—Испытаніе волонтеровъ («Дешевая библиотека»). Спб. Ц. 15 к., въ пакѣ 23 к.
- Вагнеръ, Рихардъ.** Кольцо Нибелунга. Изложеніе текста тетралогіи. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Венгеровъ, С. А.** Кригико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Вып. 15. Спб. 1889. Ц. 35 к.
- Витовскій, В. Н.** И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край въ прежнемъ его составѣ до 1758 г. Вып. I. Казань. 1889. Ц. 1 р. 60 к.
- Владимірскій, С. А.** Методъ обученія (ручной обработки металловъ) слесарному мастерству на типичныхъ деталяхъ машинъ. М. 1888. Ц. 1 р. 50 к.
- Воспоминаніе** Геллявердынца о войнѣ 1877—1878 гг. Съ портретами, рисунками и планами. Спб. 1889. Ц. 1 р. 80 к.
- Вѣстникъ** славянства. Сборникъ, издаваемый проф. Влад. Качановскимъ. 1888. Кн. 2-я. Казань. Ц. 1 р. 25 к.
- Голубовъ, Н. Ф.** Схема показаній къ оперативному леченію плевритическихъ выпотевъ. М. 1888. Ц. 40 к.
- Гольдшмидтъ, М.** Разсказы о любви. Переводъ съ датскаго. М. 1889. Ц. 1 р.
- Гольцевъ, В. А.** Воспитаніе, нравственность, право (Сборникъ статей). М. 1889. Ц. 1 р.
- Гончаровъ, И. А.** Полное собраніе сочиненій. Т. IX. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Горенко, А. А.** О дѣятельности «Русскаго Общ. Пароходства и Торговли». Спб. 1888. Ц. 40 к.
- Гроденовъ, Н. И.** Хивинскій походъ 1873 г. Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Изд. 2-е, значит. дополнен. Спб. 1888. Ц. 4 р.
- Гурвичъ, И. А.** Переселеніе крестьянъ въ Сибирь. Изслѣдованіе. М. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Данилевскій, Н. Я.** Дарвинизмъ. Критическое изслѣдованіе. Т. II. (Одна посмертная глава). Съ портретомъ и указателями ко всему сочиненію. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Даниловъ, И.** Положеніе о сельскомъ состояніи, дополн. всѣми позднѣйшими узаконеніями (по 1-е сентября 1888 г.). Ч. I. Изданіе 2-е. испр. и дополн. Спб. 1888. Ц. 1 р. 75 к.
- Дейсенъ, П.** Основныя начала метафи-

- лики (Die Elemente der Metaphysik). Теорія познанія. Спб. 1889. Ц. 1 р.
- Дрожинъ, С. Д.** (Поэтъ-крестьянинъ). Стихотворенія. 1866—1888 гг. Съ записками автора о своей жизни и поэзіи. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати. Вып. VI. М. 1888. Ц. 2 р.
- Дѣдловъ, М.** Эгоды. Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Жизневскій, А. К.** Описаніе Тверскаго музея. Археологическій отдѣлъ. Съ прифчаніями гр. А. С. Уварова. М. 1888. Ц. 10 к.
- Житецкій, П.** Очеркъ литературной исторіи малорускаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ. Ч. I. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р.
- Жуновскій, Н.** Воздушное садоводство. Прагматическіе совѣты о разведеніи фруктовыхъ деревьевъ и ягодныхъ кустарниковъ. Спб. 1889. Ц. 60 к.
- Журналы комитета министровъ.** Царствованіе императ. Александра I. 1802—1826 гг. Т. I. 1802—1810 гг. Спб. 1886. Ц. 3 р.
- Забѣлинъ, Е. П.** Опытъ преподаванія иностранныхъ языковъ по натуральному методу. М. Ц. 15 к.
- Захаринъ, Г. А.,** проф. Каломель при гннертрофическомъ циррозѣ печени и вообще въ терапіи. Изд. 2-е. М. 1889. Ц. 40 к.
- Зиловъ, П. А.** Краткій курсъ электричества и магнетизма. Варшава. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Зиссерманъ, А. Л.** Фельдмаршалъ князь Александръ Ивановъ Барятинскій. 1815—1879 гг. Т. I. М. 1889. Ц. 3 р.
- Золотницкій, Н. Ѳ.** Дѣтскій акваріумъ. М. 1888. Ц. 1 р. 25 к.
- Игльстонъ, Г.** Нѣкоторыя мысли о техническомъ образованіи. Перевелъ М. Н. Герсевановъ. Спб. 1883. Ц. 40 к.
- Изданіе** Спб. Комитета Грамотности. Невольный убійца. Разсказъ В. Г. Короленко. Спб. 1888. Ц. 10 к.
- * Историческая портретная галлерія. Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 г., съ краткими ихъ біографіями. Фототипы съ лучшихъ оригиналовъ. Вып. XXVI. Спб. Ц. 2 р.
- Кавказскій календарь** на 1889 г. Тифлисъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Калевала.** Финская народная эпопея. Переводъ Л. П. Бѣльскаго. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Канаевъ, А. Н.** Король Лиръ или благодарность дѣтей. Разсказъ по Шекспіру. Съ рисунками. Спб. 1889. Ц. 15 к.
- * **Карамзинъ, Н. М.** Исторія государства Россійскаго. Т. I. («Дешевая бібліотека»). Спб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- Карманный календарь** для нотаріусовъ на 1889 г. Дубно. Ц. 1 р.
- Каульбарсъ, А. В.,** баронъ. Атласъ промѣровъ, произведенныхъ въ 1873 г. въ низовьяхъ р. Аму-Дарьи. Съ приложеніемъ «Полнаго списка промѣровъ» и «Отзыва дѣйств. члена Имп. Русскаго Геогр. Общества Р. Э. Ленца о трудахъ дѣйств. члена того же Общества А. В. Каульбарса по изученію Аму-Дарьи». Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.
- Кирпичниковъ, А. И.** Очеркъ исторіи книги. Публичныя лекціи. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Конспектъ** по энциклопедіи права. По программѣ для окончательныхъ испытаній. Кіевъ. 1888. Ц. 30 к.
- Котельниковъ, В. Г.** О сѣнокосныхъ угодьяхъ и травосѣяніи. Изд. 3-е. Спб. 1889. Ц. 30 к.
- **Объ удобреніи почвъ.** Изд. 3-е, исправленное и дополненное. Спб. 1889. Ц. 30 к.
- Краузе, В.** Никто какъ Богъ. Канунъ Рождества въ деревнѣ. Разсказъ. Спб. 1889. Ц. 15 к.
- Красотна, умная и добрая** (Belle, Sage et Bonne). Переводъ съ франц. графини Лидіи Ростопчиной. Спб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.
- Красовскій, А.** Оперативное акушерство со включеніемъ ученія о неправильностяхъ женскаго газа. Изд. 4-е, испр. и дополи. Спб. 1889. Ц. 5 р.
- Краткій повторительный курсъ** (конспектъ) по неорганической химіи. М. 1888. Ц. 60 к.
- Куроно, Тосибуми.** Введеніе къ изученію японскаго языка. Спб. 1888. Ц. 2 р.
- Кусновъ, П. А.** Наша жизнь. Стихотворенія. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Лавеле, Эмиль.** Балкаскій полуостровъ. М. 1889. Ц. 6 р.
- Лейнинъ, Н. А.** Пухъ и перья. Разсказы съ рисунками А. И. Лебедева. Спб. 1888. Ц. 2 р.
- Лихачовъ, В. С.** За двадцать лѣтъ (1869—1888 гг.). Сочиненія и переводы. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- * **Лѣсковъ, Н. С.** Котинъ Доилецъ. Повѣсть. («Дешевая бібліотека»). Спб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.
- **Инженеры-безсребренники.** Изъ исторіи о трехъ праведникахъ («Дешевая бібліотека»). Спб. Ц. 15 к., въ папкѣ 23 к.
- Люкасъ, Эд.** Начатки помологіи. Спб. 1889. Ц. 1 р.

- М. Н. В.** Первые шаги послѣдъ университетета. Разсказъ. Смоленскъ. 1888. Ц. 35 к.
- Малышевъ, Іоаннъ**, свящ. Полезное руководство для бесѣдъ со старообрядцами. Спб. Ц. 2 р.
- Матеріалы для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина (1770—1837).** Ч. I. Спб. 1888. Ц. 2 р., на веленовой бумагѣ 3 р.
- * **Майновъ, Л. Н.** Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- Михайловъ, А.** Отцеленецъ. Романъ. Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Моргулисъ, М. Г.** Вопросы еврейской жизни. Собрание статей. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Нагуевскій, Д. И.** Основы библиографіи по исторіи римскій литературы. Пособіе для студентовъ филологовъ. Казань. 1889. Ц. 1 р.
- Библиографія по исторіи римской литературы въ Россіи съ 1709 по 1889 гг. Казань. 1889. Ц. 60 к.
- Науменно, В.** Къ 50-ти-лѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго. Кіевъ. 1888. Ц. 15 к.
- Научные результаты путешествій Н. М. Пржевальскаго по центральной Азій.** Отдѣлъ зоологическій. Т. III. Ч. 2-я. Рыбы. Обработалъ С. Герценштейнъ. Вып. 1-й. Спб. 1888. Ц. 4 р. 50 к.
- Наши моряки на Дунаѣ.** Разсказы изъ мѣнувшей турецкой войны. Съ портрет. и рисунками. Спб. 1888. Ц. 1 р. 20 к.
- Немировичъ-Данченко, В. И.** Очерки Испаніи. Изъ путевыхъ воспоминаній. М. 1889. Ц. за 2 т. 3 р.
- Новацій, А.** Руководство къ воздѣлыванію важнѣйшихъ хлѣбныхъ злаковъ. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Педагогическія письма.** Изъ писемъ къ 15-ти-лѣтнему юношѣ. Изд. 2-е, дополн. предисловіемъ. Кіевъ. 1889. Ц. 75 к.
- Пеленинъ, А.** Переборы съ заемщиковъ ло ссудамъ изъ поземельныхъ банковъ. Спб. 1888. Ц. 3 р.
- Такъ называемый второй законъ Кирхгофа не вѣренъ и не нуженъ. Спб. 1889. Ц. 2 р.
- Плотниковъ, Вл.** Основные принципы научной теоріи литературы. Методологическій этюдъ. Воронежъ. 1888. Ц. 70 к.
- Разсказы для дѣтей изъ области искусства и промышленности.** Съ картинками. М. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Раменскій, Н.** Докторъ Сафоновъ. Этюдъ. М. 1889. Ц. 1 р.
- Рахмиловичъ, Е.** Повторительный курсъ статистики. Согласно программѣ для окончательныхъ испытаній въ государствахъ ком. на юридич. факульт. Кіевъ. 1889. Ц. 80 к.
- Регель, Э. Д-ръ.** Весеннія красивоцвѣтуція многолѣтнія и луковичныя растенія, ихъ содержаніе и воспитаніе въ садахъ. Спб. 1888. Ц. 1 р.
- Ремезовъ, Н. В.** Очерки изъ жизни дикой Башкиріи. Быль въ сказочной странѣ. Изд. 2-е, исправл. и дополн. М. 1889. Ц. 2 р.
- Русшунскій отрядъ Наслѣдника Цесаревича въ турецкую войну 1877—1878 гг.** Съ портрет., рисунками, картою и планомъ. Спб. 1887. Ц. 2 р.
- Рѣдинъ, П. Г.** Изъ лекцій по исторіи философіи права въ связи съ исторіей философіи вообще. Т. I. Спб. 1889. Ц. 3 р.
- Саллисъ, І. Ж.** Массажъ и значеніе его, какъ цѣлебнаго средства. Научно-популярная лекція. М. 1888. Ц. 50 к.
- Сальниковъ, А. Н.** Мысли Шекспира (изреченія и афоризмы). Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.
- Сапуновъ, А.** Витебская старина. Т. V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Ч. I. Витебскъ. 1888. Ц. 4 р.
- Полоцкій Софійскій соборъ. Витебскъ. 1888. Ц. 25 к.
- Полоцкій Спасо-Ефросиніевскій дѣвичій монастырь. Витебскъ. 1888. Ц. 20 к.
- Древнія иконы Божіей Матери въ Полоцкой епархіи. Витебскъ. 1888. Ц. 20 к.
- Католическая легенда о Параскевѣ княжнѣ Полоцкой. Витебскъ. 1888. Ц. 50 к.
- Житіе преподобнаго Ефросинія княжны Полотской (по тремъ редакціямъ). Витебскъ. 1888. Ц. 50 к.
- Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества.** Т. 62. Спб. 1888. Ц. 3 р.
- Свѣдѣнія о вѣтшной торговлѣ по европейской границѣ за время съ 1-го января по 1-е декабря 1888 г.** Спб. Ц. 50 к.
- Свѣтилинъ, А.** Учебникъ логики. Изд. 7-е. Спб. 1889. Ц. 50 к.
- Сельско-хозяйственный календарь черномоземной полосы на 1889 г.** Полтава. Ц. 40 к.
- Сергіевская, О. Т.** Веселая зима. Разсказъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рисунками. Спб. 1888. Ц. 50 к.
- Смайльсъ, С.** Воспитаніе и образованіе. Изд. 5-е. Спб. 1889. Ц. 90 к.
- Старцевъ, К. Н.** Дѣтямъ на елку! 10 русскихъ пѣсенекъ. Спб. 1888. Ц. 60 к.
- Станюковичъ, К. М.** Не столь отдаленныя мѣста. Романъ изъ сибирской жизни. Спб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Степановъ, А.** Электричество. Курсъ

- миннаго офицерскаго класса. Вып. I. Слб. 1888. Ц. 2 р. 50 к.
- Тавилдаровъ, Н.** Химическая технология сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Т. I. Слб. 1889. Цѣна съ подпиской на 2-й томъ 7 р.
- Тарасовъ, И.** Краткій очеркъ науки административнаго права. Т. I. Ярославль. 1888. Ц. 3 р.
- Техническій календарь на 1889 г.** Слб. Ц. съ приложеніемъ 2 р. 50 к.
- Толстой, графъ.** Волшебное кольцо. Сказка для дѣтей. Слб. Ц. 1 р. 50 к.
- * **Трубачевъ, О. С.** Пушкинъ въ русской критикѣ 1820—1880 гг. Слб. 1889. Ц. 2 р.
- Трусевичъ, Я. И.** Морская болѣзнь или морское качиваніе. Ея припадки, причины, исходы, врачебное примѣненіе и леченіе. Въ 3-хъ част. Слб. 1889. Ц. 2 р. 25 к.
- Фельдгаузенъ, Эд.** Нормальная заводско-фабричная отчетность. М. 1888. Ц. 3 р.
- Фойницкій, И. Я.** Ученіе о наказаніяхъ въ связи съ тюремнѣдѣніемъ. Слб. 1889. Ц. 3 р. 50 к.
- * **Фофановъ, Константинъ.** Стихотворенія. Слб. Ц. 1 р. 50 к.
- Хрущовъ, А. П.** Генераль-адъютантъ. Записки. Исторія обороны Севастополя. Изд. 2-е. Слб. 1889. Ц. 1 р.
- Что такое женщина? Поэзія въ прозѣ.** Слб. 1889. Ц. 30 к.
- Чудиновъ, А. Н.** Очеркъ исторіи русской женщины, въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ. Изд. 3-е, дополн. Слб. 1889. Ц. 1 р.
- Щегловъ, В. Г.** Нравственность и право въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Ярославль. 1888. Ц. 1 р.
- Щербина, Ф. А.** Краткій историческій очеркъ кубанскаго казачьяго войска (1696—1888 гг.). Съ портретами и рисунками. Воронежъ. 1888. Ц. 4 р.
- * **Эльпе.** Калейдоскопъ изъ области теоретическаго и прикладнаго знаній. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Слб. 1889. Ц. 1 р.
- Яковлева, Н. В.** Петербургскіе эскизы. Слб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Ясинскій, А.** Исторія Великой Хартіи въ XIII столѣтіи. Кіевъ. 1888. Ц. 40 к.
- Ярцевъ, А. М. С.** Щепкинъ въ русской литературѣ (Щепкинина). М. 1888. Ц. 30 к.

* Изданія А. С. Суворина.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

на сооруженіе въ Москвѣ памятника

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхнымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю. Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями. Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Додурову на установленіи порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю. Это ходатайство было благоблочно принято въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемогуществѣннѣе соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю. Къ первому декабрю 1888 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 30.432 руб. 24³/₄ коп. Пожертвованія принимаются въ конторѣ журнала «Историческій Вѣстникъ», Невскій, 38, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени». Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться расписки въ полученіи денегъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся. соч. Ѳ. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербурѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только, для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей». См. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я, стр. 103-я (таковаго одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) Ѳ. Журова

Цѣна 25 коп.

Адресующіеся за которою либо книгою прямо къ автору: въ г. Шую, Федору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

НОВЫЯ КНИГИ СЕРГѢЯ АЛЕКС. БЪЛОКУРОВА.

1) **Матеріалы для Русской исторіи.** (Содержаніе: бібліотека и архивъ Коловецкаго монастыря послѣ осады. — Дѣла свят. патрiарха Никона, паче же рещи чудеса врачѣбная. — *Varia.* — Дѣла о лицахъ говорившихъ нечистойи слова. — Посольство Елчина и свящ. Захарьева въ Дадаискую землю въ 1639—40 годахъ. — Московскій печатный дворъ въ 1649 году. — Подметныя письма Годосова, Посошкова и др.). Ц. 3 р.

2) **Адамъ Оларіи о греколатинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.** Рефератъ читанный въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда. Ц. 50 коп.

3) **Указатель къ чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1882—1887 годы.** Ц. 50 коп.

Получать можно въ книжныхъ магазинахъ Глазунова и Суворина и у С. А. Бѣлокурова (Садовники, д. церкви Георгія).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

СОДЕРЖАНІЕ.

МАРТЪ, 1889 г.

	СТР.
I. Аракчеевскій подкидышъ. (Историческій романъ). Гл. XI—XV. (Продолженіе). Графа Е. А. Саліаса	521
II. Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. VI—VII. (Продолженіе).	541
III. Иванъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію. Гл. II. (Окончаніе). Д. И. Иловайскаго	577
Иллюстраціи: Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. (Съ гравюры того времени, сдѣланной въ Нюрнбергѣ).—Король польскій Стефанъ Баторій. (Съ гравюры того времени).—Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. (Съ гравюры Вѣнской Публичной Библіотеки—по снимку Д. А. Ровинскаго).—Современная каррикатура на Ивана Грознаго. (Изъ книги Гоффа «Tuganney Jwan Wasilowitz», 1581 г.).	
IV. Потроженныея тѣни. (Изъ одной семейной хроники). Актриса. Гл. I—V. С. Н. Терпигорева	607
V. За кулисами стараго театра. V. Похожденія литавриста Муромцева. VI. Къ исторіи театральныхъ усобицъ. Е. Н. Опочинина	633
VI. Забытый Панинъ. В. А. Вильбасова	645
VII. Воспоминанія о Д. Н. Бѣгичевѣ. Е. П. Соковинной	661
VIII. Новые отрывки и варианты сочиненій Пушкина. (Изъ рукописей Румянцевскаго музея). А. И. Незеленова	674
IX. Полувѣковой юбилей воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью. М. И. Городецкаго	693
X. Первый экзархъ новой болгарской церкви. С. С. Бобчева	701
XI. Скѣпская жертвенная чаша. Д. И. Эварницкаго	720
Иллюстраціи: Рисунокъ скѣпской жертвенной чаши (изъ собранія А. Н. Поля).	
XII. Общественная жизнь въ Англіи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Ст. I. В. Р. Зотова	723
Иллюстраціи: Улица въ Сити, въ 1804 году.—Возвращеніе съ парада, въ 1800 году.—Расправа съ перекупщикомъ хлѣба.—Парламентъ 1803 года.—Надзоръ за улатою налога въ кухнѣ.—Смерть Нельсона.—Новости съ театра войны.	
XIII. Критика и библиографія: Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со втораго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ десятый; перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторіи Георга Вебера. Составилъ И. Короленко. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. И. —Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889. Е. П. —Витебская Старина. Томъ V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Часть I. Составилъ и изд. А. Сапуновъ. Витебскъ. 1888. М. Г—цаго. —С. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820—1880. Спб. 1889. П. П. —Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI вѣка до воссоединенія униатовъ съ православною церковью. Составилъ Иванъ Стрѣльбицкій. Вильна. 1888. М. Г—цаго.	
XIV. Заграничныя историческія новости.	760
XV. Смѣсь: Двадцатипятилѣтняя годовщина земскихъ учрежденій.—Юбилей А. А. Фета.—25-лѣтіе ученой дѣятельности О. А. Федченко.—Памятникъ Н. М. Пржевальскому.—Сѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.—Церковно-археологическое Общество и музей при Кіевской духовной академіи въ 1888 году.—Некрологи: П. П. Максимовича, Д. В. Разумовскаго, Н. И. Зеленаго, А. Я. Герда, В. А. Кипріянова, А. И. Жижиленко, В. Б. Пассекъ, П. И. Красова.	769
XVI. Замѣтки и поправки: I. Зубовскій карликъ. Графа П. А. Зубова. —II. Къ исторіи побратимства. Свящ. Г. И. Сорокина	781
ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Іосифа Сѣмашко . 2) Вальсъ, сочиненный А. С. Грибоѣдовымъ въ 1823 году. 3) Мазаніелло. Историческій романъ Адольфа Глазера . (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. V и VI (съ тремя рисунками въ текстѣ). 4) Каталогъ книжныхъ магазиновъ «Новаго Времени» А. С. Суворина .	

СОДЕРЖАНІЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЬ).

	СТР.
Аракчеевскій подкидышъ. (Историческій романъ). Гл. I—XV.	
Графа Е. А. Салиаса	7, 265, 521
Воспоминанія А. Я. Головачевой (Панаевой) . Гл. I—VII. 30, 291, 541	
Международныя сношенія Россіи съ германскими государ- ствами. В. А. Бильбасова	67
Отрывки изъ воспоминаній. (I. Подвигъ священника Пятибо- кова.—II. Неудачный штурмъ Арабъ-Табии.—III. По- жаръ Апраксина толкучаго рынка.—IV. Казнь Гудзе- вича). А. С. Харламова	86
Черемисская Офелія. (Бытовой очеркъ). К. П. Горбунова . .	106
Родители Гоголя. В. И. Шенрока	119, 380
Памяти графа М. М. Сперанскаго. Н. П. Дружинина	141
Высшая полиція при императорѣ Александрѣ I. А. П. Маль- шинскаго	165
Попытка герцога Савойскаго вѣнчаться королемъ Болгаріи, Сербіи, Герцеговины, Босніи и Македоніи. Н. Н. Фирсова .	180
Современная Персія. (Очеркъ). А. Н. Молчанова	186, 461

Иллюстраціи: Аудіенцъ-зала въ Тегеранскомъ дворцѣ.—Лѣтній дворецъ шаха въ Энзели.—Горный видъ въ Южной Персіи.—Портретъ персидскаго наслѣднаго принца.—Горная тропа въ Персіи.—Персидскій мостъ.—Правительственный театръ въ Тегеранѣ.—Кондитерская на базарѣ.—Персидскій кузнецъ.—Персидскіе типы.—Водоносъ.—Дача близъ Тегерана.—Образчики персидской пластики.—Персидскій цирульникъ.

- Иванъ Грозный и Стефанъ Баторій въ борьбѣ за Ливонію.
Д. И. Иловайскаго 334, 577
- Иллюстраціи:** Портреты — Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. (Съ гравюры того времени, сдѣланной въ Нюренбергѣ).— Король польскій Стефанъ Баторій. (Съ гравюры того времени).— Царь Иванъ Васильевичъ Грозный. (Съ гравюры Вѣнской Публичной Библіотеки—по снимку Д. А. Ровинскаго).— Современная карриатура на Ивана Грознаго (изъ книги Гоффа «Tuganney Iwan Wasilowitz, 1581 г.).
- За кулисами стараго театра. (I. Арестованный пѣвецъ.—II. Неудачныя чудеса.—III. Поѣздка режиссера Лебедева за артистами.—IV. Эмма Корнеттъ.—V. Похожденія литавриста Муромцева.—VI. Къ исторіи театральныхъ усобицъ).
Е. Н. Опочинина 348, 633
- Типы смутнаго времени. I. Божій воинъ. П. Н. Полевого . . . 395
- Владиміръ Яковлевичъ Стоюнинъ. **Б. Б. Глинскаго** 413
- Учено-литературные труды В. Я. Стоюнина. (Библиографическій обзоръ). **Д. Д. Языкова** 445
- Воспоминаніе о графѣ М. Т. Лорисъ-Меликовѣ. **К. А. Бороздина** 451
- Потревоженныя тѣни. (Изъ одной семейной хроники). Акриса. Гл. I—V. **С. Н. Терпигорева** 607
- Забытый Панинъ. **В. А. Бильбасова** 645
- Воспоминанія о Д. Н. Бѣгичевѣ. **Е. П. Соковниной** 661
- Новые отрывки и варианты сочиненій Пушкина. (Изъ рукописей Румянцевскаго музея). **А. И. Незеленова** 674
- Полувѣковой юбилей воссоединенія западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью. **М. И. Городецкаго** 693
- Первый экзархъ новой болгарской церкви. **С. С. Бобчева** . . . 701
- Скиеская жертвенная чаша. **Д. И. Эварницкаго** 720
- Иллюстраціи:** Рисунокъ скиеской жертвенной чаши (изъ собранія А. Н. Поля).
- Общественная жизнь въ Англіи въ первое десятилѣтіе XIX вѣка. Ст. I. **В. Р. Зотова** 723
- Иллюстраціи:** Улица въ Сити, въ 1804 году.—Возвращеніе съ парада, въ 1800 году.—Расправа съ перекупщикомъ хлѣба.—Парламентъ 1803 года.—Надзоръ за уплатою налога въ кухнѣ.—Смерть Нельсона—Новости съ театра войны.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:

Росточинскія афиши 1812 года. Библиографическое изданіе въ 300 экземплярахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1889. С. Тр—ова. — Революціонный анабаптизмъ. А. Михайлова. Спб. 1889. А. И. Ф.—Врачи у древнихъ римлянъ. Эпиграфическіе очерки Алексѣя Стрѣльцова, приватъ-доцента Императорскаго Московскаго университета. 1-е и 2-е изд. Москва. 1888. И. Цѣтлава.—

Митрополитъ Евгеній, какъ ученый. Ранніе годы жизни. 1767—1804. Е. Шмурло. Спб. 1888. П. П.—Изслѣдованія и статьи по русской литературѣ и просвѣщенію. М. И. Сухомлинова. Томъ первый. Спб. Изданіе А. С. Суворина. 1889. С. Тр—ва.—Викторъ Пругавинъ. Русская земельная община въ трудахъ ея мѣстныхъ изслѣдователей. Москва. 1888. Н. С. И.—Les publications de la société imprériale historique russe de Saint-Petersbourg, par V. de Bilbassow. Paris. 1888. В. З.—«Фаустъ» Гёте. Обѣ части, въ переводѣ А. Фета, съ гравюрами и эстампами Энгельберта Зейбертца. Изданіе А. Э. Маркса. Спб. 1888. Н. Н.—Сергѣй Атава (С. Н. Терпигоревъ). Потревоженные тѣни. Спб. 1888. П. П.—Хомскій народный календарь на 1889 годъ. Изданіе Хомскаго православнаго Свято-Богородицкаго братства. Годъ пятый. Кіевъ. 1888. М. Г.—цаго.—Историческая записка о Ставропольской гимнази. Составилъ преподаватель М. Красновъ. Ставрополь-Кавказскій. 1888. Б. Г.—Каталогъ христіанскихъ древностей, собранныхъ московскимъ купцомъ Н. М. Постниковымъ. Съ 45 рисунками-фотогравюрами. Москва. 1888. П.—Опытъ обработки статистическихъ данныхъ о смертности въ Россіи. Разсужденіе, представленное для полученія степени доктора медицины лекаремъ Николаемъ Эккомъ. Спб. 1888. Г.—Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Р. Гайма. Перевелъ съ нѣмецкаго В. Н. Невѣдомскій. Т. П. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. И.—Учебникъ исторіи проф. А. Трачевскаго. Новая исторія, ч. I. (1500—1750). Спб. 1879. М. Ф—ва.—Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. О. И. Роговой. Съ девятью хромолитографіями и съ другими рисунками по акварелямъ академика М. О. Микѣшина. Спб. 1888. Е. П.—Церковная сторона болгарскаго вопроса. Рѣчь И. Е. Троицкаго. Спб. 1888. С.—Н. И. Гродковъ. Хивинскій походъ 1873 года. Дѣйствія кавказскихъ отрядовъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1888. В. П.—М. П. Розенгеймъ. Стихотворенія. Изданіе четвертое, дополненное (первое посмертное). Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ. Въ двухъ томахъ. Спб. 1889. С. Тр—ва.—Описание документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Книжка пятая. Москва. 1888. Н. Др.—Скоморохи на Руси. Изслѣдованіе А. С. Фаминцына. Спб. 1889. П. П.—Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи специалистовъ. Томъ десятый; перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторіи Георга Вебера. Составилъ И. Короленко. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888. А. И.—Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889. Е. П.—Витебская Старина. Томъ V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Часть I. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1888. М. Г.—цаго. С. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820—1880. Спб. 1889. П. П.—Уніатскіе церковные соборы съ конца XVI вѣка до воссоединенія уніатовъ съ православною церковью. Составилъ Иванъ Стрѣльбицкій. Вильна. 1888. М. Г.—цаго. . . . 215, 480, 748

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 235, 500, 760

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Къ биографіи А. Н. Радищева. Сообщено **М. И. Сухомлиновымъ**.—
Нелѣпные толки. Сообщено **А. А. Танковымъ** 244

СМѢСЬ:

Прошлогодніе юбилеи: С. В. Максимова, К. С. Веселовскаго, И. Д. Делянова, Э. И. Тилло.—Археологическое Общество.—Памятникъ крещенія Руси.—Откуда взялось имя Ермакъ.—Поясъ Пугачева.—Слѣды «побратимства» въ русскихъ народныхъ обычаяхъ.—Отчетъ литературно-драматическаго Общества (нынѣ Русское литературное Общество) за 1887—1888 годъ.—Историческій очеркъ пятидесятилѣтней дѣятельности музыкальнаго журнала «Нувеллистъ».—Торжественное засѣданіе Академіи Наукъ.—Чествованіе памяти князя Павла Петровича Вяземскаго въ Обществѣ любителей древней письменности.—Археологическія находки въ Москвѣ.—Столѣтіе Очакова.—Древности Западнаго края.—Раскопки въ Ромнахъ.—Отчетъ о состояніи Карамзинской бібліотеки за 1887—1888 бібліотечный годъ.—Юбилей Юліана Ивановича Симашко.—Двадцатипятилѣтняя годовщина земскихъ учреждений.—Юбилей А. А. Фета.—25-тилѣтіе ученой дѣятельности О. А. Федченко.—Памятникъ Н. М. Пржевальскому.—Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію.—Церковно-археологическое Общество и музей при Кіевской духовной академіи въ 1888 году.—Некрологи: А. Л. Куна, А. М. Герсена, К. К. Эрдель, М. А. Азаревичъ (Волотовской), И. А. Шестакова, В. А. Купреянова, А. Г. Жомини, графа М. Т. Лорисъ-Меликова, М. Г. Вильде, П. П. Максимовича, Д. В. Разумовскаго, Н. И. Зеленаго, А. Я. Герда, В. А. Кипріянова, А. И. Жижиленко, В. Б. Пассекъ, И. И. Красова. 248, 509, 769

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

По поводу «Сторіи о Господѣ и землѣ». **Н. Горбунова**.—Результаты конкурса на составленіе исторіи Архангельска на премію М. К. Сидорова. **Н. Ер.**—О портретахъ М. С. Щепкина. **Н. И. Барсова**.—По поводу сочиненій протоіерея В. Я. Гречулевича. **Н. Барсова**.—Къ воспоминаніямъ г. Харламова. Генераль-лейтенанта **И. И. Тяжельникова**.—Зубовскій карликъ. Графа **П. А. Зубова**.—Къ исторіи побратимства. Свящ. **Г. И. Соронина**. . 261, 520, 781

Сергѣй Андреевичъ Юрьевъ. (Некрологъ). **Д. Д. Языкова** . . 518

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: **Маріи Ивановны Гоголь**, шаха персидскаго **Насеръ-Эддина**, **Владимира Яковлевича Стоюнина**, **Иосифа Сѣмашко**. Ноты: Вальсъ, сочиненный **А. С. Грибоѣдовымъ**, въ 1823 году. 2) **Мазаниелло**. Историческій романъ **Адольфа Глазера**. (Съ нѣмецкаго, съ иллюстраціями). Гл. I—VI. (съ десятью рисунками въ текстѣ и однимъ рисункомъ на отдѣльномъ листѣ).

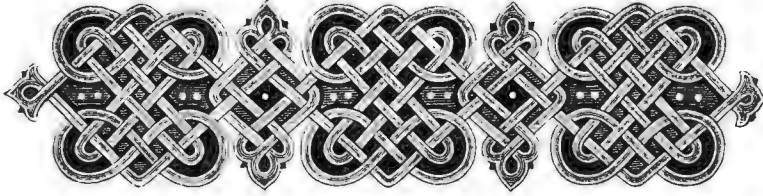
ІОСИФЪ СЪМАШКО.

**Литовскій греко-уніатскій єпископъ, впоследствии литовскій православный
митрополитъ.**

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СВЪ., 23 ФЕВРАЛЯ 1889 Г.

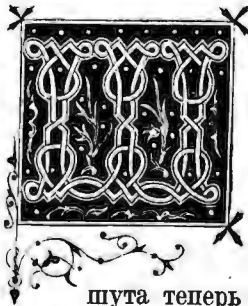

АРАКЧЕЕВСКІЙ ПОДКИДЫШЬ.¹⁾

Историческій романъ.

ХІ.

ШУМСКІЙ плохо спалъ ночь. Объясненіе съ Пашутой сильно взволновало его, и онъ сто разъ пожалѣлъ, что ранѣе, еще въ Петербургѣ, не видѣлся съ ней и не переговорилъ. Впрочемъ, онъ понималъ, что тогда подобнаго разговора и быть между ними не могло. Тамъ онъ былъ еще озлобленъ на дѣвушку и собирався въ наказаніе предать ее въ руки Настасьи. Если Пашута теперь заговорила, высказалась, то, разумѣется, потому что онъ ласково объяснился съ ней.

Когда-то въ Петербургѣ заявленіе Квашнина насчетъ баронессы, послѣ его визита къ Нейдшильдѣ, мало утѣшило Шумскаго. Мнѣніе Квашнина, что Ева любитъ его, основывалось лишь на одной фразѣ барона. Высказанное теперь Пашутой имѣло, конечно, гораздо большее значеніе. Дѣвушка была любимицей, почти пріятельницей Евы. Она не могла не знать истины, а должна была дѣйствительно знать больше, чѣмъ сама дѣтски-простодушная, наивная Ева.

Всю ночь Шумскій среди безпокойнаго сна, въ полудремотѣ, видѣлъ «Серебряную Царевну», и она говорила ему, что любитъ его. Приходя въ себя, Шумскій по нѣскольку разъ задавалъ себѣ во-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 265.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1889 г., т. XXXV.

прось: «неужели это правда? неужели все можетъ еще устроиться?» Подъ утро онъ заснулъ крѣпкимъ сномъ отдохнушаго или нравственно умиротвореннаго человѣка.

Проснувшись очень поздно, предъ полуднемъ, Шумскій съ изумленіемъ оглядѣлся кругомъ себя и удивился, что онъ въ Грүзинѣ. Онъ видѣлъ что-то во снѣ, чего вспомнить не могъ, но оно очевидно, уносило мысли его на край свѣта отъ Грүзина. Онъ долженъ былъ сдѣлать надъ собою усиліе, чтобы вспомнить, зачѣмъ онъ здѣсь, что привело его въ «логовище звѣря», какъ иногда называлъ онъ Грүзино.

Вспомнивъ, что онъ пріѣхалъ мстить, Шумскій задалъ себѣ вопросъ: «что же будетъ?» Неужели звѣрь проститъ эту проклятую бабу, а онъ самъ все потеряетъ, ничего не выигравши, даже не отомстивши.

Шумскій поднялся, напился чаю и вышелъ прогуляться, чтобы чѣмъ-нибудь себя развлечь. Разумѣется, онъ опросилъ тотчасъ трехъ попавшихся ему людей о здоровьѣ графа. Они отвѣчали все то же слово, что и лакей подававшій чай.

— Слава Богу.

И всеѣмъ тремъ Шуйскій отвѣтилъ, или сурово, или усмѣхаясь:

— Богъ тутъ ни при чемъ!

Конечно, изъ опрошенныхъ людей только одинъ понялъ этотъ отзывъ, смутился, заморгалъ глазами, и почти отскочилъ въ переутокъ отъ молодого барина.

Едва только Шумскій вышелъ и прошелъ вдоль двухъ флигелей, какъ услышалъ впереди гулкій барабанный бой и вмѣстѣ съ нимъ сливающійся странный звукъ. Догадаться было бы нельзя, что все это значить, но Шумскій, какъ прежній обитатель Грүзина, зналъ въ чемъ дѣло. На дѣловомъ дворѣ происходило наказаніе виновнаго. Барабанный бой изрѣдка покрывался стономъ. Не разъ слышалъ онъ это еще будучи юношей, но теперь сразу сильно смутился. Ему стало страшно, дрожь пробѣжала по спинѣ! Возникъ вопросъ.

— Кого?! Что, если наказываютъ...

Онъ не додумалъ, какъ бы испугавшись мысли, пришедшей въ голову.

Кого могъ наказывать Аракчеевъ черезъ день послѣ ихъ объясненія? Или кого-нибудь за прежнюю вину, или же... И Шумскій опять мысленно запнулся.

Двинувшись быстро на барабанный бой, Шумскій почти побѣжалъ и произнесъ вслухъ нѣсколько разъ:

— Не можетъ быть!—Не можетъ быть!..

Въ ту минуту, когда онъ уже собирался войти на крыльцо флигеля, именуемаго «дѣловымъ дворомъ», ему навстрѣчу показался главный поваръ, по имени Аѳанасій.

— Что это?—воскликнулъ Шумскій, тщетно стараясь быть спокойнымъ.

Поваръ снялъ свой бѣлый колпакъ, вытянулся въ струнку и, разинувъ ротъ для отвѣта, не зналъ, что отвѣчать, ибо не понималъ вопроса.

— Что это?—крикнулъ Шумскій отъ смущенья, снова задавая не тотъ вопросъ, который хотѣлъ.

— Барабанъ-съ. По болѣзни графа изъ библіотеки приказано перенести экзекуцію...

— Кого наказываютъ?—съ легкой дрожью въ голосѣ произнесъ Шумскій.

Поваръ замедлилъ отвѣтомъ; Шумскій схватилъ его за плечи и крикнулъ со всей силы:

— Кого? Болванъ!..

— Крестьянина... Не могу знать-съ... Въ безпорядкѣ уличенъ...— поспѣшно заговорилъ Аѳанасій.—За ночь украли у него лопату съ метелкой...

Шумскій подавилъ вздохъ отъ спавшаго съ души гнета, отвернулся и тихо пошелъ по двору.

— И я тоже сумасшедшій,—прошепталъ онъ.—Развѣ это возможно... Развѣ онъ посмѣлъ бы?.. Конечно, посмѣлъ бы! Но тогда что же бы съ нимъ было. Что я съ нимъ сдѣлалъ бы? Да, тогда бы, пожалуй, прямо подъ судъ и въ Сибирь.

Между тѣмъ барабанный бой длился, крикъ все явственнѣе слышался. Шумскій быстро пошелъ прочь.

Прежде случалось ему много разъ быть почти свидѣтелемъ подобной расправы Аракчеева въ его библіотекѣ, но это не производило на него никакого впечатлѣнія. Теперь внезапно ему стало и жаль наказываемаго и казалась гадкой обстановка.

— И зачѣмъ этотъ барабанъ?—вымолвилъ онъ вслухъ.—Скрыть отъ всѣхъ или заглушить крики нельзя. Да ему и не нужно укрываться. Даже не желательно. Стало быть для комедіи? Для чего-то иного?

Подумавъ, онъ согласился, что вопли, сливаюціяся съ барабаннымъ боемъ, дѣйствительно, производятъ даже на него какое-то сугубое впечатлѣніе казни: чудилось что-то омерзительно-торжественное.

Удалась отъ дома и дойдя до перевоза, Шумскій остановился на берегу Волхова и долго глядѣлъ на рѣку.

При видѣ парама, онъ вспомнилъ, что именно при переправѣ сюда, стоя на этомъ самомъ паромѣ, онъ окончательно рѣшилъ мысленно не предавать Пашуту. Теперь же послѣ вчерашняго разговора съ дѣвушкой, ему казалось даже дикимъ, какъ могъ онъ собираться предать «вотъ на этотъ барабанный бой»—любимицу той, которую онъ самъ боготворить.

Богъ вѣсть, почему, здѣсь, глядя на Волховъ, Шумскій вдругъ перенесся мыслию въ Петербургъ и вся исторія его любви ярко возстала въ его памяти. Однако, ясно и ярко возставали лишь факты, но ихъ внутренняя связь, ихъ причина и смыслъ, были покрыты какимъ-то туманомъ.

Шумскій, глядя на себя въ этомъ недалекомъ прошломъ, будто не узнавалъ самъ себя, не могъ уразумѣть, не только оправдать все, что творилъ этотъ Шумскій.

«Другой, а не этотъ, который вотъ стоитъ тутъ на берегу».

Если онъ встрѣтилъ дѣвушку, которую внезапно полюбилъ съ такой силой и впервые въ жизни, то какимъ образомъ онъ съ перваго же дня не пошелъ простымъ и прямымъ путемъ? Какимъ образомъ могла явиться мысль дѣйствовать злодѣйски-позорно и жестоко? Какъ рѣшился онъ войти злодѣемъ въ честную семью старика съ дочерью, чтобы нравственно убить обоихъ. И кто же явился ангеломъ-хранителемъ любимаго имъ существа? Дворовая дѣвушка!.. Правда, очень умная и развитая по своему, но все же таки простая горничная и крѣпостная холопка.

И вотъ, будто въ наказаніе, когда онъ очнулся отъ своего полубреда, созналъ свое бессмысленно-преступное поведеніе и ясно увидѣлъ, что слишкомъ искренно, глубоко любить Еву, чтобы рѣшиться губить ее, въ эти же почти мгновенія все перевернулось, запуталось и все рухнуло... Пашута спасла баронессу, но запутала все и погубила всѣхъ.

Да, всѣхъ! Никому нѣтъ выгоды отъ того, что онъ, считавшійся сыномъ Аракчеева, сталъ подкидышемъ, подброшеннымъ или купленнымъ—все равно.

Одному Фонъ-Энзе выгодно это. Но ни барону, ни Евѣ, если она любить его, ни Авдотѣ, ни Аракчееву съ Настасьей, ни самой наконецъ Пашутѣ, никому открытіе тайны не принесло, и не принесетъ счастья.

— Но какая путаница?—прошепталъ Шумскій, не спуская глазъ съ сѣрой волны широкой рѣки.—Какая путаница! И почему все это такъ было. Почему я могъ рѣшиться такъ дѣйствовать? Вѣдь я не злой, не подлый, не скверный человѣкъ? Я это чувствую. Вѣдь я это не другому кому, а себѣ самому говорю! Самъ себя я никогда не обманывалъ. Вотъ теперь я глубоко чувствую, что я не злой и не скверный, а, между тѣмъ, тогда я дѣйствовалъ отвратительно жестоко и злобно. Я приводилъ въ страхъ и ужасъ добраго Квашнина, привелъ въ ужасъ ту же крѣпостную дѣвку Пашуту. Въ ней оказалось больше чести, больше сердца и души, чѣмъ во мнѣ...

И Шумскій, стоя спиной къ Грузину, къ его каменнымъ выровненнымъ въ рядъ зданіямъ, къ дому, и къ собору, окинулъ взоромъ пустое и голое пространство.

Безлюдныя поля, кое-гдѣ покрытыя тонкимъ снѣгомъ, кое-гдѣ

желтѣющія померзлыми пажитями. темный лѣсъ на горизонтѣ подъ свинцовой тучкой, широкая рѣка, сѣрая и пустая, выходящая змѣей и уходящая вдаль—все миромъ повѣяло на него.

Ширь и тишь окрестной жизни заглянули въ душу петербургскаго блазня-гвардейца и будто шепнули ему что то... про себя или про него?

— Да не здѣсь... Да, правда. Это въ Петербургѣ возможно, а здѣсь никогда бы въ голову не пришло!—отвѣтилъ онъ.—Это дурная трава на подходящей землѣ. Живи я въ деревнѣ, я не сталъ бы такимъ. А тамъ, въ Пажскомъ корпусѣ и на службѣ среди товарищей-офицеровъ, окруженный льстецами и ухаживаньемъ—я сталъ негодяемъ и несчастнымъ. Все дурное росло во мнѣ и крѣпло, пускало сильные корни, а все хорошее заглохло и я теперь еле еле чую его въ себѣ. Я только себѣ самому могу теперь сказать и доказать, что есть во мнѣ хорошее. А будь я съ рожденія деревенскимъ парнишкой, а теперь крестьяниномъ, то, конечно, былъ бы славнымъ мужикомъ, ретивымъ, и счастливымъ, довольнымъ. И навѣрное ни разу бы не пришлось барину, изувѣру Алексѣю Андреевичу, наказать меня батагами подъ барабанный бой.

И Шумскій вдругъ воскликнулъ громко:

— Ахъ, матушка, матушка, не отдавать бы тебѣ меня лиходѣямъ! Будь я крестьянинъ, я былъ бы теперь, конечно, во сто кратъ счастливѣе. Теперь же я, будто, какой надломанный у большого дерева сукъ, желтый, засохшій, мертвый, но висящій, не отвалившійся еще и не упавшій на землю.

ХII.

Шумскій тихо двинулся отъ рѣки и побрелъ, глубоко задумавшись и опустивъ голову, обратно въ усадьбу. И только когда онъ былъ въ домѣ, а лакей снималъ съ него шинель, снова мысли о дѣйствительности вернулись къ нему и ему пришло на умъ спросить объ Аракчеевѣ и, вообще, объ томъ нѣтъ ли чего новаго.

Передъ нимъ стоялъ его любимецъ, грузинскій швейцаръ.

— Что графъ, какъ себя чувствуетъ? — спросилъ Шумскій.

Пожилой дворовый, исправлявшій должность швейцара, по имени Григорій, считался въ Грузинѣ самымъ умнымъ изъ всей дворни.

— Ничего-съ,—отозвался Григорій, тихо, вѣжливо, безъ какого-либо оттѣнка въ голосѣ.

Это была его привычка разговаривать съ господами и въ особенности съ графомъ. О чемъ бы не зашла рѣчь, хотя бы о чрезвычайномъ событїи, Григорій отзывался однозвучно и говорилъ какъ журчащій ручей. Ни любви, ни злобы, ни хвалы или порицанія, досады или довольства, ни какой-либо тѣни какого-либо личнаго чувства, не проскальзывало въ звукѣ его голоса. Григорій

быль самая воплощенная осторожность. Шумскій еще юношей часто подсмѣивался надъ Григоріемъ, называлъ его куклой, балалайкой, колокольчикомъ, и приравнивалъ звукъ его голоса ко всѣмъ однообразнымъ звукамъ, но все-таки молодой баринъ относился къ швейцару всегда ласково и привѣтливо, ибо зналъ что онъ умнѣе и тоньше всѣхъ остальныхъ.

— Новаго ничего нѣтъ?—спросилъ Шумскій.

— Докторъ изъ Новгорода пріѣхалъ-съ.

— Ну что же?

— Былъ у его сіятельства и, сказываютъ люди, просто бесѣдовалъ съ графомъ, такъ какъ его сіятельство чувствуетъ себя со всѣмъ хорошо.

«Славно», хотѣлъ произнести Шумскій съ ядовитой усмѣшкой, но вспомнилъ, что съ Григоріемъ онъ никогда не позволялъ себѣ шутить объ Аракчеевѣ. Онъ не дѣлалъ этого потому, что Григорій каждый разъ на шутки, или злыя остроты, молодого барина насчетъ графа потуплялъ глаза и каждый разъ аккуратно выпускалъ протяжный вздохъ, говорившій ясно: «ты дѣлай, что хочешь, да другихъ-то зря не губи».

— Ну, а еще что новаго?—спросилъ Шумскій.

— Новый, сказываютъ, у насъ будетъ управительскій помощникъ.

— Вотъ какъ! Кто же такой?

— Аптекарь.

— Что-о? протянулъ Шумскій.

— Точно такъ-съ. Сегодня утромъ его сіятельство призвали его къ себѣ и приказали состоять въ домѣ сначала въ помощникахъ дворецкаго, а затѣмъ обѣщали сдѣлать помощникомъ управителя.

— Почему же такъ? Чѣмъ онъ отличался?

— Неизвѣстно-съ.

— Да онъ свой крѣпостной?

— Никакъ нѣтъ-съ. Онъ всего недѣли съ двѣ, какъ въ Грүзинѣ, а откуда не могу доложить вамъ. Изъ Новгорода что ли? Кто говоритъ съ Москвы. Въ аптекѣ онъ больше все по ночамъ дежурилъ. Парень молодой и съ виду хорошій. Напужался только теперь—страсть!

— Чему?

— А какъ же можно. Помилуйте. Былъ онъ въ аптекѣ, а теперь будетъ здѣсь на глазахъ. Отвѣтъ будетъ большой. Какъ же не опасаться. Давай ему Богъ угодить графу. Давай Богъ и графу вѣрнаго слугу.

— Да какъ же онъ изъ аптеки-то вдругъ попалъ? Чѣмъ онъ отличился передъ графомъ?—спросилъ Шумскій.

— Намъ знать не полагается, Михаилъ Андреевичъ.—Его сія-

тельство, даже сказываютъ, никогда малаго этого и не видѣли, такъ какъ они въ аптекъ не бываютъ.

— Ну, а Настасья Федоровна была у графа?—спросилъ Шумскій.

Григорій, въ виду серьезности вопроса, тотчасъ опустилъ глаза и произнесъ однозвучно:

— Слыхаль, что были, но утвердительно доложить не осмѣлюсь.

Шумскій пристально поглядѣлъ въ лицо швейцару, стараясь догадаться по немъ, что тотъ можетъ знать, но ошибся въ расчетѣ. По лицу пожилаго двороваго нельзя было никогда ничего узнать.

Шумскій приказалъ другому лакею послать къ нему Авдотью Лукьяновну, а самъ двинулся по лѣстницѣ наверхъ.

Григорій хитрымъ взоромъ проводилъ молодого барина. Швейцаръ былъ мало похожъ на дворовыхъ Грузина и отличие его отъ другихъ было особенное. Онъ ни разу за всю жизнь не былъ наказанъ и поэтому считался любимцемъ графа. На дѣлѣ Аракчеевъ особенно ненавистно относился къ Григорію и всячески ловилъ его постоянно, но никогда не могъ поймать ни въ чемъ. Все у Григорія было въ порядкѣ. Но въ награду себѣ онъ видѣлъ постоянно непріязненный взглядъ своего барина и ясно читалъ въ его глазахъ, что тотъ не можетъ простить ему его невинности.

И раздумывая объ этомъ, умный Григорій часто говорилъ себѣ, или женѣ.

«Уже если у него такая повадка — кровь пить, велѣлъ бы меня лучше наказать безъ вины, да не глядѣлъ бы такъ по дьявольскому. Другой бы баринъ похвалялъ и ласкалъ за то, что я порядливый, а ему обидно, что я еще не драный и не битый. Чудно, совсѣмъ чудно»,—размышлялъ Григорій.

Дѣйствительно, «чудно» подумалъ бы всякій другой.

Графъ Аракчеевъ ненавистно и подозрительно относился ко всѣмъ своимъ холопамъ, которыхъ не пришлось за какую-либо вину, хотя бы и малую, хоть разъ наказать. Ему казалось будто, что тамъ, гдѣ нѣтъ никогда никакой вины, дѣло нечисто. Быть можетъ тамъ кроется что-нибудь особенное, за что бы слѣдовало прямо голову съ плечъ снять. А что особенное? Нѣчто слагающееся изъ разума, воли, понятія о совѣсти, о долгѣ.

— А все это не приличествуетъ хаму! Хамъ долженъ быть скотъ! Когда хамъ не будетъ скотомъ, трудно будетъ жить на свѣтѣ!

Такъ думалъ и говорилъ графъ Аракчеевъ и находилъ много лицъ, сочувствовавшихъ ему. Болѣе ученые люди приводили графу, въ подтвержденіе его словъ, свѣжій примѣръ, недавнюю, всемирную бурю во Франціи, еще живо памятную многимъ. Современниковъ-очевидцевъ этой бури было не мало въ столицѣ и часто заходила рѣчь объ этой карѣ Господней.

Но одинъ только на всю Европу, а можетъ быть и на весь свѣтъ, графъ Аракчеевъ относился къ французской революціи вполне по своему, и своеобразно. Онъ былъ глубоко убѣжденъ и утверждалъ горячо, что «Господь тутъ ни при чемъ, все простой случай потрафился». И, если бы онъ былъ приближеннымъ короля Людовика XVI, то никакой такой революціи не было бы никогда. Графъ при этомъ поднималъ кулакъ и говорилъ:

— Вотъ этимъ я справляюсь со всякимъ человѣкомъ, который на меня полѣзеть, но дайте мнѣ въ этотъ кулакъ полную власть, я справлюсь съ милліонами враговъ. Знаете ли что такое Архимедовъ рычагъ—не ограниченная, единоличная власть.

XIII.

Авдотья явилась къ Шумскому не тотчасъ. Онъ долго ждалъ ее, нетерпѣливо и досадливо бродя по своимъ горницамъ. Когда мать появилась въ дверяхъ, онъ не выдержалъ и выговорилъ сердито:

— Чего же ты не идешь! Я тебя часъ жду!

— Не могла, родной мой, никакимъ образомъ не могла,—заговорила она, запыхавшись.—Да и теперь не держи меня, нехорошо. Настасья Федоровна знаетъ, что ты за мной присылалъ.

— Ну, и чортъ ее подери!—воскликнулъ Шумскій, топнувъ ногой.

— Охъ, полно. Ты все свое. А ты вотъ скажи-ка лучше, что было. Вѣдь графъ вызывалъ ее. Она у него два раза была. Утромъ часа три сидѣла у него, да покуда ты гулять изволилъ, опять сидѣла.

— Ну, — выговорилъ Шумскій нетерпѣливо и съ изумленіемъ, ясно написанномъ на лицѣ,—что же?

— То-то... Ты вотъ все свое, а онъ-то свое. Ты вотъ думалъ,—пониживъ голосъ почти до шопота прибавила Авдотья,—полагалъ все, онъ ее шаркнетъ изъ Грѹзина, во вѣки вѣчные на глаза не пустить, а оно вонъ что...

— Да что? Что?

— А то, что просидѣвшій у него долгое время, пришла она къ себѣ на половину, — рукой не достанешь. Правда лицо, малость, красное, глаза вздутые, видать, что ревѣла, видать что въ ногахъ валялась. Два пятнышка на черномъ платьѣ. На колѣнкахъ стояла, да забыла обтереть. А полы-то у графа чистые, черезъ день моютъ. Стало, посуды ты, сколько же она елозила предъ нимъ по полу, коли платьишко протерла. Да, вонъ оно что!—говорила Авдотья, совершенно серьезно, перерывая слова вздохами.

— Стало быть, онъ простилъ ее,—выговорилъ Шумскій, однозвучно, глухо, будто не слыша собственнаго голоса, будто занятый какой-то другою поразившей его мыслью.

А мысль эта была о томъ, что, неужели же месть не удалась, и будетъ одно пострадавшее лицо—онъ же самъ.

— По твоему, матушка, они примирились?—взволнованнымъ голосомъ спросилъ онъ, наконецъ.

— Понятное дѣло, родной мой. Да, посуди ты, нешто можетъ онъ съ ней раскинуться на двѣ стороны. Вѣдь онъ двадцать семь лѣтъ на нее дышетъ. Шутка ли? Ты одинъ въ толкъ взять не можешь, что за барыня Настасья Федоровна. Вѣдь ты одинъ только не вѣришь, что она не простая женщина, какъ мы грѣшныя. Тебѣ никто не сказывалъ о ней ничего, считая тебя ея сыномъ роднымъ, а теперь я тебѣ скажу. Обойди ты все Грузино, всѣ деревни и поселки наши, пройди ты весь городъ Новгородъ и вездѣ тебѣ умные люди скажутъ, что она—колдунья.

Шумскій махнулъ рукой, отвернулся и сталъ ходить по комнатѣ.

— Да вотъ маши, не маши,—отозвалась съ упрекомъ Авдотья,— а умнѣе умныхъ не будешь. Нѣтъ человѣчка на свѣтѣ, который бы не зналъ, что Настасья Федоровна колдунья. Она разными приворотами графа взяла и держитъ. Не мало я тутъ видѣла диковинныхъ отъ нея примѣровъ. Знаешь ли ты, что было разъ. Ъхалъ разъ графъ въ Старую Руссу по важнѣющему дѣлу, она заперлась у себя, шептала, шуршила, бормотала, что-то такое пакостное творила. А тамъ вышла изъ горницы, пошла къ нему, да при всѣхъ, при господахъ и при разныхъ секретаряхъ и при офицерахъ и объяснила: «Не ѣздите, графъ, въ Руссу, тамъ вотъ что и вотъ что нехорошее будетъ съ вами». Всѣ такъ и ахнули. Графъ не поѣхалъ, а всѣ туда поскакали какъ угорѣлые отъ страху отвѣта. Ну, и что же? Какъ они туда прѣехали, такъ и накрыли солдата, что изъ заряжаннаго ружья собирался въ графа палить. Это тебѣ здѣсь всѣ скажутъ и въ Руссѣ всѣ скажутъ. Да и мало ли было такого. Говорю тебѣ, ты одинъ на свѣтѣ не зналъ этого, и вотъ рукой машешь. А нѣтъ такого ребеночка на селѣ, который бы ее свято не почиталъ за колдунью и вѣдьму.

— Вотъ-те, здравствуйте!—сказалъ Шумскій.—Къ тому же еще и свято!—разсмѣялся онъ, но смѣхъ молодого человѣка былъ далеко не веселый.

Онъ долженъ былъ теперь сознаться, что если все, что говоритъ Авдотья сущій вздоръ, то въ иномъ смыслѣ она права. Эта отвратительная женщина, которую онъ и ненавидитъ и презираетъ, дѣйствительно, околдовала этого лиходѣя и дуболома. Она одна на всю Россію властвуетъ надъ нимъ. Но чѣмъ? Какъ? Понять это совершенно невозможно. Такъ же невозможно, какъ понять чѣмъ властвуетъ Аракчеевъ надъ государемъ. Какъ царь слѣпъ насчетъ своего фаворита, такъ точно онъ въ свою очередь слѣпъ насчетъ своей сожительницы.

Возможно ли было подумать, что этотъ человѣкъ, обманутый въ

самомъ кровномъ и важномъ дѣлѣ и обманываемый въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, все сразу, въ часъ времени, простить этой женщиной.

Она увѣрила его, что была беременна, что у нея и у него есть родной имъ сынъ, а теперь должна была сознаться въ гробомъ и подломъ двадцати пяти лѣтнемъ обманѣ и притворствѣ. Долженъ же онъ сообразить, что если на такое дѣло пошла она, то на чтѣ же способна эта же женщина въ мелочахъ ежедневной жизни. Вотъ чтѣ должно бы было поразить Аракчеева. Но онъ, очевидно, ничего не сообразилъ и ни о чемъ не спросилъ себя, ни о чемъ подумать не захотѣлъ. Онъ захотѣлъ только одного: скорѣй, во что бы то ни стало, простить эту женщину, потому что безъ нея онъ жить не можетъ.

Шумскій уже не ходилъ по комнатѣ, а стоялъ предъ Авдотьей, опустивъ голову, и злоба бушевала въ немъ. Его мѣсть не удалась. Онъ надѣялся заставить ихъ разойтись, надѣялся отравить имъ ихъ существованіе. И этого не будетъ, потому что подобное невозможно. Эти два звѣря живутъ душа въ душу, которыхъ у нихъ нѣтъ.

— Чтѣ же теперь дѣлать?—прошепталъ, наконецъ, Шумскій, какъ бы потерявшись.

Авдотья, вообразившая, что этотъ вопросъ обращенъ къ ней отозвалась тотчасъ и ласково:

— Послушайся, поди, родной, повинись, попроси прощенія. А то еще того лучше, скажи: все припуталъ, привралъ, что слышать слыхалъ, а правда ли все это, самъ не знаешь. Вѣдь ты не говорилъ отъ кого все узналъ. Скажи въ Петербурхѣ офицеры тебѣ сбrehнули... Повинись и опять будешь счастливъ.

Шумскій вдругъ озлобился, почти остервенѣлъ и глянулъ на мать непріязненнымъ взглядомъ. Губы его дрогнули и онъ произнесъ какимъ-то металлическимъ голосомъ:

— Ты баба... Я не только предъ кровошійцей Аракчеевымъ, а и на страшномъ суду Господнемъ не повинюсь ни въ чемъ.

Авдотья опустила глаза, она не переносила никогда этого знакомаго ей взгляда, котораго она будто боялась.

— Ну, поди къ себѣ, оставь меня. Я чтѣ-нибудь да надумаю,—пробормоталъ Шумскій, и отъвернувшись отошелъ къ окну.

Авдотья вышла смущенная... Когда дверь залерлась, Шумскій взялъ себя за голову и произнесъ тихо:

— Хоть бы дьяволъ помогъ, если Господь Богъ отъ меня отступился: А то чтѣ же это?.. Одно потерялъ, а другого не приобрѣлъ.

XIV.

Шумскій тщетно ждалъ, что графъ его вызоветъ къ себѣ для объясненій. Прошло уже четыре дня послѣ первой роковой бесѣды между ними, и графъ, по словамъ людей, прохворавъ цѣлыя сутки, выздоровѣлъ прежде, чѣмъ успѣлъ пріѣхать главный докторъ. Затѣмъ чрезъ сутки онъ объяснился съ Настасьей и, очевидно, примирился съ ней. Дѣло приближалось къ развязкѣ, къ эпилогу, а, между тѣмъ, виновника всего онъ не вытребывалъ къ себѣ.

Въ ожиданіи объясненія, молодой человѣкъ дошелъ до послѣдней степени нетерпѣнія и раздражительности. Привыкнувъ отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ внутреннихъ движеніяхъ, Шумскій рѣшилъ, что его, главнымъ образомъ, томить теперь неизвѣстность его собственной судьбы. Злоба на то, что месть не удалась, была давно уже на второмъ планѣ. Теперь жгучая мысль была о томъ, что будетъ съ нимъ? Какъ разрѣшится вопросъ о собственномъ его существованіи.

Судьба, баловавшая его всегда, и теперь, казалось, слагала обстоятельства въ его пользу. Два или три лишнихъ дня, которые молодой человѣкъ просидѣлъ въ своихъ горницахъ, послужили ему на пользу. За это время Шумскій, обдумывая всячески свой послѣдній, роковой шагъ, понемногу сталъ спокойнѣе и здоровымъ теченіемъ мысли пришелъ къ убѣжденію, что онъ очертя голову поступалъ и дѣйствовалъ.

— Я дурилъ... Дурь, все дурь!—часто повторялъ онъ вслухъ, бродя съ трубкой въ рукѣ по своимъ горницамъ.

И теперь вдругъ явилось въ немъ нѣчто въ родѣ раскаянія. Онъ конечно соглашался мысленно, что внезапнымъ и грубымъ образомъ узнавъ тайну своего рожденія отъ соперника-улана, онъ долженъ былъ тотчасъ ѣхать сюда, въ Грүзино, для объясненія, но надо было сдѣлать все, что онъ сдѣлалъ, въ иной формѣ. Надо было изъ любви къ себѣ постараться поправить дѣло, а не стараться, изъ дикой злобы, разрушить все окончательно.

Теперь, найдя въ себѣ это чувство, если не полного раскаянія, то все-таки сожалѣнія и, сознавъ необдуманность своего шага, Шумскій объяснилъ эту перемѣну, вдругъ происшедшую въ немъ, просто, и вѣрно: все сдѣлала бесѣда его съ Пашутой.

Да, еслибъ онъ переговорилъ съ дѣвушкой въ Петербургѣ и узналъ отъ нея давно то, что онъ узналъ только здѣсь, то, конечно, онъ не поѣхалъ бы для мщенія въ Грүзино, а если бы и поѣхалъ, то повелъ бы дѣло совершенно иначе. Въ Петербургѣ ни на одну минуту не приходила въ его голову мысль, что дѣло его женитьбы еще поправимо. Онъ не зналъ, что Ева любитъ его.

Онъ не повѣрилъ когда-то увѣреньямъ Квашина, но словамъ Пашуты онъ долженъ былъ вѣрить. Слова Пашуты: «Я знаю ба-

ронессу больше, чѣмъ она сама себя знаетъ!» не выходили у него изъ головы.

Онъ спрашивалъ себя теперь, что ему было бы дороже: личное счастье, т. е. женитьба на Евѣ, или удачное мщеніе, полный разрывъ между Аракчеевымъ и Настасьей и, разумѣется, прибавлялъ, досадливо смѣясь:

— Чорта мнѣ! Живи они сто лѣтъ вмѣстѣ. Какое мнѣ дѣло, если я буду самъ счастливъ.

И чѣмъ больше думалъ молодой человѣкъ о томъ, какъ онъ нелѣпо поступилъ, явившись сюда мстителемъ, тѣмъ болѣе поведеніе его казалось ему какимъ-то простымъ мальчишествомъ.

И вдругъ ему пришелъ на память случай, бывшій въ Грузинѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Въ дворнѣ былъ мальчуганъ, по имени Егорка: дерзкій, умный, но отъ природы злой до бѣшенства. Вся дворня забавлялась тѣмъ, что дразнила мальчишку и онъ, дѣйствительно, сталъ всеобщимъ *souffre-douleur*.

Озлобленный мальчуганъ отмицалъ всю накоплявшуюся въ немъ злобу на дѣтяхъ моложе себя, на животныхъ, и на чемъ только могъ, даже на птицахъ.

Какъ ни было закалено населеніе грузинское въ мучительствахъ и страданіяхъ, все-таки многіе въ дворнѣ, когда имъ навстрѣчу попадался Егорка съ окровавленной пташкой въ рукахъ, возмущались душой.

Однажды Егорку нашли рано утромъ около барскаго дома мертвымъ. Оказалось, что мальчишка влѣзъ на крышу, гдѣ ставилъ, не смотря на запрещеніе графа, какіе-то капканы для ловли галокъ и воронъ. Главный фореиторъ случайно видѣлъ, какъ Егорка долго возился на крышѣ съ какой-то галкой, попавшей въ капканъ. Она вырвалась у него изъ рукъ, и, хромя, запрыгала по крышѣ. Мальчишка стремительно бросился за ней на самый край, снова поймалъ и съ остервѣненіемъ швырнулъ ее отъ себя. Хромая галка улетѣла черезъ дворъ, но самъ мальчишка, со злости, не соразмѣрившій взмаха руки, свернулся съ края крыши и расшибся до смерти объ каменные плиты двора.

Теперь этотъ простой случай вспомнился Шумскому, и ему почудилось нѣчто общее между нимъ и Егоркой.

«То же самое! Я озлобился на всѣхъ невѣдомо почему,—думалъ онъ теперь.—И пывряясь со злости на всѣхъ, кончилъ тѣмъ, что самъ приладилъ все, чтобы свалиться и разбиться до смерти, вмѣсто того, чтобы рассказать графу всю правду и, передавъ свою неудачу по отношенію къ баронессѣ, просить его помощи. Онъ все-силенъ, онъ многое можетъ, если не все. Но во всякомъ случаѣ, если онъ захочетъ, то онъ уломаетъ барона. Никакіе родовые предразсудки аристократа-финляндца не устоятъ противъ его же немовѣрнаго тщеславія и честолюбія. Да, если бы графъ Аракчеевъ

захотѣлъ, то онъ можетъ все устроить. А я, пугая и мучая разныхъ петербургскихъ и грузинскихъ галокъ и воронъ, кончилъ тѣмъ, что почти свалился и расшибся, какъ Егорка. Почти, или совсѣмъ,—вотъ вопросъ?!»

И нетерпѣніе узнать скорѣе свою судьбу истомило Шумскаго. Переставъ злоствовать на то, что Аракчеевъ примирился съ Настасьей и простилъ ей все, онъ думалъ исключительно о себѣ о томъ, что самъ себя погубилъ. И теперь ему казалось удивительнымъ, что простая крестьянка, его мать, и простая дворовая дѣвушка, умнѣе все дѣло разсудили, чѣмъ онъ самъ, умнѣе, потому что проще. Онѣ обѣ не мудрствовали, а онъ мудрствовалъ и поэтому мудрилъ.

«Заварилъ теперь кашу, — думалось Шумскому, — которую расхлебывать буду одинъ-одинехонекъ. Приглашалъ кушать вмѣстѣ съ собой и его сіятельство и его пьяную сожигательницу, да они вотъ не пожелали, и ты изволь теперь одинъ давиться этой кашей».

И покуда графъ Аракчеевъ, собирався вызвать къ себѣ строптиваго молодого человѣка, готовился къ объясненію съ нимъ, онъ самъ того не зная, давалъ время Шумскому одуматься, успокоиться и давалъ возможность возникнуть въ немъ неожиданному чувству раскаянія.

Однажды, въ ту минуту, когда молодой человѣкъ наименѣе ожидалъ быть позваннымъ къ графу, т. е. въ сумерки, явился къ нему въ комнату совершенно незнакомый человѣкъ. Съ любопытствомъ оглядывая Шумскаго, котораго онъ видѣлъ тоже въ первый разъ, молодой малый не похожій на лакея почтительно доложилъ:

— Васъ его сіятельство проситъ пожаловать къ нимъ.

Шумскій вздрогнулъ, подавилъ въ себѣ глубокой вздохъ и, волнуясь, двинулся анфиладой горницъ на другой край дома. Такъ какъ молодой малый шелъ за нимъ, то онъ, ради того, чтобы нѣсколько успокоиться, а отчасти, провѣрить себя насколько твердъ его голосъ, обратился къ нему съ вопросомъ:

— Кто ты такой? Я тебя не знаю, никогда не видалъ.

— Я былъ въ аптекъ-съ, помощникомъ.

— А! знаю, слышалъ. Тебя графъ въ другую должность поставилъ. Чѣмъ ты?

— Покуда состою при дворецкомъ.

— Какъ же ты угодилъ графу, когда онъ тебя, говорятъ, и не видѣлъ ни разу?

Молодой малый молчалъ.

— Вѣдь ты пріѣзжій, вольнонаемный, и изъ аптеки никуда не выходилъ. А графъ тамъ не бываетъ. Какъ же ты могъ отличиться?!

— Простите, баринъ,—тихо отозвался малый,—не могу ничего

сказать. Я всѣмъ во дворѣ отвѣчаю, что не знаю самъ, а вамъ лгать не стану и прямо доложу. Его сіятельство не приказали объяснять, по какому случаю я взять въ домъ.

Шумскій не настаивалъ и замолчалъ. Его нисколько все это и не интересовало. Ему хотѣлось заговорить, чтобы услышать свой собственный голосъ. Узнать, дрожить ли онъ? Замѣтны ли его смущеніе и волненіе? Видна ли та буря, которая происходитъ въ немъ? Не смотря на всѣ усилія, которыя онъ дѣлалъ надъ собой, кровь бурлила въ немъ и сердце стучало молотомъ.

Покуда аптекаръ отвѣчалъ ему, Шумскій мысленно повторялъ себѣ:

— Падай! И самъ на себя пеняй! Да, сущій Егорка!

Молодой малый близъ дверей кабинета опередилъ Шумскаго, заявивъ, что графъ приказывалъ привести его, но доложить о немъ прежде, чѣмъ впускать.

— Ступай,—проговорилъ Шумскій и оставшись одинъ подумалъ: «это новость. Стало быть теперь господинъ военный министръ приметъ артиллерійскаго поручика Шумскаго. Да и по дѣломъ!»

Шумскій сталъ передъ запертыми дверями, понурился и вздохнулъ. Онъ простоялъ очень долго, но не замѣтилъ этого. Онъ былъ слишкомъ полонъ мыслями о томъ, чѣмъ кончится теперешнее послѣднее объясненіе съ человѣкомъ, котораго онъ съ дѣтства считалъ своимъ отцомъ, но съ дѣтства привыкъ ненавидѣть, вслѣдствіе какого-то невольнаго и необъяснимаго отвращенія, хотя все имѣлъ отъ него, воспитаніе, средства, карьеру.

Теперь, сейчасъ, этотъ дуболомъ, этотъ солдафонъ, этотъ изувѣръ, какъ называлъ онъ его всегда, станетъ для него официально чужимъ человѣкомъ. Онъ будетъ для него военнымъ министромъ, любимцемъ государя и временщикомъ. А самъ онъ обратится въ простого артиллерійскаго поручика, безъ всякихъ средствъ, да съ новымъ клеймомъ на лбу, не ужаснымъ, а лишь смѣшнымъ.

Если до сихъ поръ на него показывали пальцемъ, какъ на подкидыша графа Аракчеева, котораго тотъ ошибочно считаетъ роднымъ сыномъ, то теперь на него, улыбаясь, покажутъ тоже пальцемъ, но, усмѣхаясь, съострятъ...

Его прозовутъ Аракчеевскій «откидышъ».

А между тѣмъ, человѣкъ, сидящій за этой запертой дверью, предъ которой стоитъ Шумскій, всемогущъ: захоти онъ и Шумскій будетъ вполне счастливъ. Онъ не только властенъ надъ своими подчиненными, офицерами и чиновниками, но даже надъ всѣми въ Россіи, онъ властенъ даже надъ чувствами независимыхъ отъ него частныхъ лицъ. Поѣзжай онъ въ Петербургъ на Васильевскій островъ, къ барону Нейдшильду, скажи ему нѣсколько ласковыхъ,

но вѣскихъ словъ и никакіе Густавы Вазы ничего не подѣлають. Какіе бы загробные голоса предковъ барона Цуръ-Олау-Абра-Кадабра не раздались, голосъ графа Аракчеева заставитъ ихъ всѣхъ замолчать. И баронъ Нейдшильдъ будетъ повиноваться не предкамъ, не вымышленному и дѣланному аристократическому долгу чувства или принципу, а ясно осязаемому, могучему и властному чувству честолюбія, пошлomu, но всеильному чувству тщеславія.

И вдругъ Шумскому представилось, какъ черезъ часъ или два, ему подадутъ крестьянскую телѣгу въ одну лошадь... Онъ зналъ Аракчеева хорошо!—Въ телѣгу посадятъ парнишку лѣтъ 14-ти, на лошадь нацѣпятъ драную сбрую, веревочныя возжи... Быть можетъ, дадутъ и другую телѣгу для его вещей. И онъ выѣдетъ въ Петербургъ, какъ простой дворовый, дѣлая по сорока верстъ въ день съ привалами для корма по деревнямъ, и пріѣдетъ въ Петербургъ на четвертыя сутки. Тамъ придется тотчасъ же расчитаться съ хозяиномъ дома; нанять гдѣ-нибудь двѣ горницы и аккуратно ходить на службу. Останется ли при немъ его флигель-адъютанство? Богъ вѣсть? Онъ получилъ это почетное званіе, какъ сынъ графа.

Теперь легко быть можетъ, что черезъ мѣсяцъ флигель-адъютантскій мундиръ снимутъ съ него и онъ сдѣлается почти тѣмъ, чѣмъ пожелалъ быть когда-то въ шутку. Между бѣднякомъ живописцемъ господиномъ Андреевымъ и бѣднымъ столичнымъ офицеромъ—почти нѣтъ никакой разницы.

«Но вѣдь Пашута увѣряетъ, что Ева любила Андреева»...

Шумскій грустно улыбнулся при этой мысли, поднялъ голову и пришелъ въ себя.

— Однако, онъ меня долго держитъ,—проворчалъ онъ, вспоминая, что уже очень давно стоитъ передъ дверями.—Неужели онъ такъ мелочень, что хочетъ мнѣ мстить даже эдакъ, глупо, ничтожно... Что мнѣ стоитъ простоять часъ передъ дверью, когда мнѣ всю жизнь предстоитъ промучиться несравненно хуже.

Шумскій вздохнулъ и началъ тихо шагать назадъ и впередъ предъ дверями.

Между тѣмъ, на дворѣ окончательно смерклося. Передъ домомъ, на дворѣ уже появился красноватый свѣтъ. Засвѣтились два фонаря предъ подъѣздомъ, которые швейцаръ зажигалъ всегда раньше всѣхъ, ибо они служили сигналомъ для всего Грузина. Всякій послѣ этого получалъ право тоже зажечь свою свѣчку.

Стараясь объяснить, зачѣмъ графъ такъ долго заставляетъ его дожидаться, Шумскій все-таки не догадался. Онъ не могъ конечно представить себѣ, что происходитъ въ эту минуту въ кабинетѣ Аракчеева, чѣмъ можетъ онъ быть занятъ и куда дѣвался малый, который его привелъ.

А между тѣмъ, въ эту минуту графъ сидѣлъ задумавшись въ

креслѣ, близъ окна, положивъ руки на бочкѣ кресла, молчалъ и ждалъ. Въ углу кабинета стоялъ у стѣны истуканомъ, вытянувши руки по швамъ, молодой аптекаръ, попавшій неожиданно въ число дворни. Еще менѣе, чѣмъ Шумскій, понималъ онъ теперь все происходящее, когда онъ доложилъ о молодомъ баринѣ, графъ приказалъ ему стать къ стѣнѣ и стоять. Онъ сталъ и стоять...

«Зачѣмъ? Съ какой цѣлью? Кто же его знаетъ, самодура! Заставляетъ его невѣдомо зачѣмъ стоять въ углу, какъ на часахъ, а барина стоять и ждать предъ дверями. А зачѣмъ? Конечно, самъ чудесникъ не знаетъ. Просто потѣшается, надругивается!»

На этотъ разъ и аптекаръ, и Шумскій, оба ошибались и были неправы.

Аракчеевъ, вызвавшій къ себѣ для объясненія Шумскаго, спохватился, что вызвалъ его слишкомъ рано. Ему не хотѣлось показывать Шумскому своего лица. Ему не хотѣлось, чтобы умный и проникательный молодой человекъ могъ читать по его лицу и прочесть то, что было у него на душѣ.

Поэтому онъ и оттягивалъ это объясненіе, ждалъ, чтобы наступилъ полусумракъ въ горницѣ, а чтобы свѣчи было якобы рано зажигать.

Прождавъ около четверти часа, Аракчеевъ пересѣлъ на свое обычное мѣсто за большимъ письменнымъ столомъ, подождалъ молодого малаго и, приглядѣвшись къ нему, убѣдился, что при блѣдномъ, умирающемъ свѣтѣ, падавшемъ въ большія окна, невозможно разглядѣть выраженіе лица.

— Позови Михаила Андреевича,—вымолвилъ онъ сухо.

Молодой малый бросился съ мѣста исполнять приказаніе.

— Тише!—крикнулъ графъ.—Четвертый разъ тебѣ сказываю, не швырайся, какъ заяцъ изъ-подъ гончихъ. Ходи человекомъ, степенно и почтительно. Ежечасно помни, кому служишь, предъ кѣмъ стоишь, и около кого ходишь.

Аптекаръ, который замеръ на мѣстѣ при окрикѣ, двинулся къ двери какимъ-то смѣшнымъ, неувѣренно правильнымъ шагомъ, какъ если бы онъ шелъ по канату, или по жердочкѣ, а затѣмъ отперъ дверь съ величайшей осторожностью, какъ бы боясь разбудить кого.

XV.

Шумскій вошелъ, сдѣлалъ два шага и остановился. Дверь затворилась за нимъ. Такъ какъ онъ долго ждалъ въ комнатѣ, которая была на западъ, и тамъ было нѣсколько свѣтлѣе, то здѣсь онъ съ трудомъ осмотрѣлся. Можно было только различить мебель и кое-какіе предметы и видѣть человека въ мундирѣ, сидящаго за столомъ. Разглядѣть же лицо его было невозможно. И въ эту

только минуту Шумскій понялъ, почему именно въ такую пору дня вызвалъ его къ себѣ графъ.

«Коли не зажгешь ты тотчасъ свѣчей, подумалось ему, то, стало быть, хочешь спрятать отъ меня свою рожу. Ну, и чортъ съ тобой! Не это мнѣ важно».

Между тѣмъ, Шумскій уже съ минуту стоялъ молча въ двухъ шагахъ отъ двери, а графъ сидѣлъ и тоже молчалъ. Наконецъ, повернувшись медленно, но не къ Шумскому, а въ противоположную сторону, гдѣ висѣлъ большой во всю стѣну портретъ государя Александра Павловича, работы Дау, графъ выговорилъ:

— Иди, крапивное сѣмя, якобинецъ! Садись!..

Шумскій, молча, двинулся и сѣлъ на то же мѣсто около стола, гдѣ сидѣлъ при первомъ ихъ объясненіи послѣ его пріѣзда.

— Отвѣчай, что будутъ спрашивать,—заговорилъ графъ глухо, но рѣзко и съ особенной неприязнью,—не юли, не фиглярничай, не якобинствуй, а то послѣ первой же штуки выгоню вонъ, разжалую въ солдаты и сотру въ прахъ... Говори: чей ты сынъ?

— Вамъ извѣстно, что я объяснилъ въ прошлый...

— Чей ты сынъ?!—вскрикнулъ Аракчеевъ.

— Авдотья Лукьяновны, отъ ея законнаго мужа, вашего крестьянина,—тихо, но твердо произнесъ Шумскій.

— Кто тебѣ это сказалъ?..

— Всѣ въ столицѣ знаютъ это... Мнѣ сказалъ это уланъ Фонъ-Энзе. Я сталъ разспрашивать Авдотью Лукьяновну, пригрозился, что застрѣлюсь, она испугалась... Я заставилъ ее сознаться во всемъ ради страха, который напустилъ на нее... Она поэтому не виновна...

— Тебѣ сказалъ офицеръ питерскую сплетню, а дура-баба со страху подтвердила. Такъ?

— Да-съ. Но это все не...

— Не разсуждай... Отвѣчай на вопросы. Мнѣ наплевать на твои разсужденія. Зачѣмъ ты почелъ нужнымъ сейчасъ же примчать сюда и мнѣ рассказывать все?..

— Я почелъ долгомъ раскрыть обманъ, объяснить вамъ, что вы напрасно почитаете меня своимъ сыномъ отъ Настасьи Федоровны.

— Ты присутствовалъ при своемъ рожденіи, видѣлъ обманъ своими глазами? Свидѣтель ты этого обмана? Ну, чего молчишь?

Шумскій невольно развелъ руками, не найдя, что сказать.

— Отвѣчай! Нечего махать, да пальцами разговаривать! Не глухонѣмой!

— Авдотья Лукьяновна, полагаю, знаетъ лучше всѣхъ, ея ли я сынъ, или Настасья Федоровны.

— Полагательно! И коли она теперь сказываетъ, что ты шестолетомъ изъ нея вынулъ клеветническое сочинительство, грозясь и себя и ее застрѣлить—а что она со страху наврала цѣлый ко-

робь... то ей вѣстимо слѣдъ вѣрить. Ей, да Настасья Ѳедоровнѣ ближе всѣхъ знать—чей ты сынъ. Ну, вотъ и посуди теперь—кому мнѣ вѣрить. Тебѣ съ жиру и спяна врущему, или имъ обѣимъ, матери и кормилицѣ?

— Да развѣ Авдотья Лукьяновна отказывается теперь отъ своихъ словъ?—воскликнулъ Шумскій.

— А то нѣтъ?! Она женщина богобоязная...

— Со страху!.. Отъ вашихъ угрозъ!.. Но я все-таки остаюсь увѣреннымъ, что она въ Петербургѣ не лгала мнѣ.

— Дури, коли умъ за разумъ зашелъ отъ праздноштанія и пьянства. Дури. Можетъ быть и до дома умалишенныхъ допрыгаешься... Вообразишь себя зеленымъ змиемъ—еще любопытнѣе будетъ. Но это мнѣ все равно, что собственно съ тобой будетъ. А не позволю я тебѣ, щенку, позорить женщину, голубицу... Особу почитаемую, можно сказать, всѣми россиянами, кои только приближались къ ней. Самъ монархъ нашъ съ уваженіемъ и пріязнью относится къ этой особѣ, украшающей мое земное существованіе, облегчающей мой государственный подвигъ. Еслибъ не Настасья Ѳедоровна я не снесъ бы бремя на меня соизволеніемъ монарха наложенное. Это святая женщина! А ты, щенокъ, поносишь и позоришь ее, ты, ея сынъ родной! Да что же это! Развѣ это не якобинство! Развѣ за это не достоинъ ты сѣсть на вѣки въ крѣпость или идти въ Сибирь на поселеніе. А?.. Зачѣмъ тебѣ понадобилась, наконецъ, вся эта комедія, всѣ эти клеветническія сочинительства? Чего ты хочешь? А? Очумѣлъ ты отъ вина и лѣности, съ ума спятилъ? А? Говори! Куда тебя теперь запрятать? Въ желтый домъ или въ крѣпость? Безумный ты, аль якобинецъ!

Аракчеевъ смолкъ и тяжело дышалъ.

Шумскій, совершенно озадаченный, даже ошеломленный, сидѣлъ, вытараща глаза въ мракъ комнаты. Онъ всего ждалъ отъ графа, но не этого... А между тѣмъ, уже два чувства успѣли молніей скользя по его душѣ... Радость и стыдъ.

Невольное чувство радости, что все разрѣшается неожиданно и внезапно въ его пользу. Все можетъ снова быть поправлено. Снова «она» будетъ его невѣстой... И ѣдкое, горькое чувство стыда за эту радость, въ которой онъ не воленъ, которая сама ворвалась въ душу. Шумскій поникъ головой и задумался.

«Дрянъ! Такая же дрянъ, какъ и всѣ... говорилъ ему внутренній голосъ. Ненавидишь и презираешь ихъ обоихъ. И радъ, что останешься съ званіемъ ихъ сына—обманывать честныхъ людей. Да вѣдь это все ради нея, ради любви къ ней... Вѣдь это отъ бесѣды съ Пашутой, отъ увѣренности, что она любитъ меня. Иначе я не смолчалъ бы теперь. Я бы сказалъ: я не сынъ вашъ и не хочу имъ быть, я васъ презираю»...

Громкій голосъ Аракчеева привелъ его въ себя. Графъ очевидно уже не въ первый разъ говорилъ что-то и спрашивалъ.

— Отвѣчай, или одервенѣлъ совсѣмъ?!

— Виновать,—заговорилъ Шумскій тихо.—Я такъ пораженъ всѣмъ, что мысли путаются. Что прикажете?.. Я не дослышалъ.

— Что мнѣ съ тобой дѣлать?!

— Я не знаю... Я не понимаю, что вамъ угодно.

— Что мнѣ теперь съ тобой дѣлать? Какъ ты намѣренъ себя вести?.. Скоморошествовать, вольнодумствовать и срамно путаться не въ свое дѣло, или вести себя благоприлично.

— Какъ, не въ свое дѣло... Въ какое дѣло?—изумляясь, выговорилъ Шумскій.

— Размышлять объ своемъ рожденіи!.. Измышлять всякія мерзости! Позорить Настасью Ѳедоровну и меня на всю Россію выдумками и клеветой. Развѣ тебѣ, а не намъ разсуждать и знать: чей ты сынъ! Ты ничего не знаешь и не можешь знать, но твоимъ словамъ дураки повѣрятъ. Дуракъ скажетъ: какъ же, молъ, не правда, когда-де онъ самъ говоритъ, что сынъ крестьянскій. Стало быть, графа Аракчеева его подруга жизни дерзостно обманула и болѣе двадцати лѣтъ обманывала. Что, мнѣ это допускать по твоему и глядѣть. Нѣтъ, врешь, я этого не допущу. Въ дураки рядить себя никому не дамъ. Меня за всю мою жизнь никто въ пустяковинѣ грошевой не обманулъ и не провель. И государю это вѣдомо! И вся Россія это знаетъ! И не тебѣ, щенку, съ первымъ вельможей въ государствѣ дурачиться и облыжно срамить на весь свѣтъ графа Алексѣя Андреевича Аракчеева. Осчастливленный частымъ лицезрѣніемъ моей особы—ты забылъ кто передъ тобой, кого ты зришь во мнѣ... Забылъ все... Забылъ страхъ Божій и родительскій! Да. Вижу теперь... Мало ты принялъ побой съ дѣтства. Мало тебя драли! Воспитай я тебя въ постоянномъ учительствѣ разсоломъ, ты не дерзнулъ бы теперь якобинствовать и мѣшаться не въ свое дѣло, пытаться отъ кого ты родился. Ступай къ себѣ. Сиди три дня и размышляй. А затѣмъ приди ко мнѣ и скажи, что мнѣ съ тобой дѣлать, что себѣ избралъ: крѣпость, Сибирь, сумасшедшій домъ... Или, остепенясь и бросивъ вольнодумничанье французское, приходи молить прощеніе у меня и у матери. Тогда я и Авдотью не трону, баба не виновата, что ты ее застрацалъ. А если ты опять придешь ко мнѣ съ продерзостными мыслями—я тебя сотру съ лица земли, но позорить себя на всю Россію не дамъ. Ну, уходи... проказенный!

Шумскій быстрыми шагами прошелъ къ себѣ въ комнаты, опустился въ кресло и заговорилъ вслухъ:

— Стыдно. Горько и стыдно. Не будь тебя Ева,—никогда бы я на эту сдѣлку не пошелъ. Нѣтъ. Я бы наслаждался, тиранствуя... Я бы этого изувѣра до бѣла раскашилъ. А-а? Такъ ты не желаешь,

чтобы всѣ знали какъ тебя, дурака Емелю, баба надула подушкой. Ты чуешь изувѣрь, какъ всякій человѣкъ посудить это дѣло. Коли простая пьяная экономка можетъ, молъ, его въ шуты нарядить—стало быть чучело гороховое, стало быть глупъ и тупъ, скажетъ всякій. Пигалица съ самолюбивкомъ пяточковымъ. Ты щенокъ, а не я. Ты щенокъ разумомъ и душой. Мелкота! Тля! Да, тля. мразь... Букашка вонючая и вредная...

Шумскій не скоро успокоился и когда излилъ страстнымъ потокомъ всю горечь, весь стыдъ, который чувствовалъ въ себѣ, отъ невольнаго принятая рѣшенія согласиться на сдѣлку—то ему вдругъ стало невыразимо грустно.

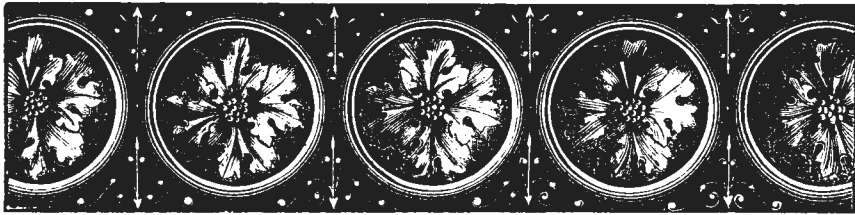
До этого дня онъ поступалъ всегда—хорошо ли, дурно ли,—но руководимый независимой ни отъ чего и ни отъ кого волей. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ и какъ хотѣлъ, презирая все и всѣхъ не на однихъ словахъ, но и на дѣлѣ. Отсюда явилось сознаніе—ошибочное и ложное—своего превосходства надъ окружающими его людьми. Они рабы всего и всѣхъ! А онъ только рабъ своихъ страстей, но и то сознательно... Онъ изъ-за прихоти человѣка убьетъ, въ Сибирь пойдетъ и не раскается, не оглянется.

А теперь онъ въ полной зависимости у Аракчеева и Настаси, у двухъ презрѣнныхъ существъ. Что они ни захотятъ, онъ будетъ повиноваться, потому что «она» его любитъ. А надругавшись надъ ними—онъ потеряетъ ее. И они даже не знаютъ въ чемъ ихъ сила и власть надъ нимъ. Они, подлые твари, воображаютъ, что ему деньги нужны, общественное положеніе, флигель-адъютанство и всякая мишура, доступная сынку временщика.

— Что жъ? Будь по вашему поддѣльные папаша, и мамаша, гадкія твари-родители!—грустно улыбаясь, рѣшилъ Шумскій уже ввечеру.—Я буду молчать. Весь свѣтъ знаетъ и вѣрить, что я подкидышь, но я буду разыгрывать роль незнайки. Да. Но только не думайте, что надолго. Какъ только все устроится и Ева станетъ моею—такъ я на всѣхъ перекресткахъ буду кричать, что я крестьянскій мальчишка, обманнымъ образомъ подброшенный Аракчееву его канальей-сожительницей. Моя мать будетъ у меня въ домѣ жить и не только Ева, но весь Петербургъ будетъ съ ней обращаться какъ съ моею матерью. Только пособи мнѣ, изувѣрь, Еву отвоевать у Фонъ-Энзе, а тамъ я тебя отблагодарю. Ты у меня изъ скомороховъ не выйдешь. Всѣмъ состояніемъ своимъ ты не купишь моего молчанія. Идолъ!

Графъ Е. Салиасъ.

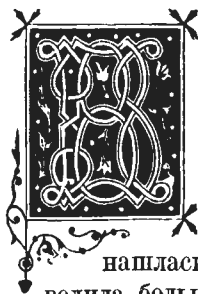
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ВОСПОМИНАНІЯ А. Я. ГОЛОВАЧЕВОЙ (ПАНАЕВОЙ).¹⁾

VI.

«Пионерка» Пешель, ея обѣды и вечера.—Примадонна итальянской оперы Виардо.—Наказанная жадность Виардо.—Пѣвица Бозіо и ея поклонники.—Отвращеніе Бѣлинскаго къ займамъ денегъ.—Моя поѣздка съ Панаевымъ за границу.—Лѣто передъ отъѣздомъ за границу.—«Фестиваль» у Тургенева на дачѣ въ Парголовѣ.—Гуманный помѣщикъ и Бѣлинскій.—Наше пребываніе въ Берлинѣ.—Огаревы и Ветина, другъ Гёте.—Знакомство съ Гарibaldi въ вагонѣ, по дорогѣ въ Парижъ.—Сазоновъ, Бакунинъ и мученикъ Боткинъ.—Проектъ Бакунина о колоніи русскихъ въ Парижѣ и мнѣніе объ этомъ проектѣ Бѣлинскаго.—Наше неожиданное возвращеніе изъ-за границы.

ВЪ СОРОКОВЫХЪ годахъ, составъ итальянской оперы въ Петербургѣ былъ замѣчательный; въ ней пѣли знаменитые европейскіе пѣвцы: Рубини, Тамбурини, Лаблашъ; хотя ихъ блестящее сценическое поприще уже было на закатѣ, но все-таки они своимъ пѣніемъ доставляли большое наслажденіе. Тогда въ партеръ не ходили женщины; но нашлась одна пионерка, которая своимъ появленіемъ производила большое волненіе въ театрѣ: изъ ложъ и въ партерѣ всѣ смотрѣли на нее въ бинокли и даже гулъ пробѣгалъ по зрительной залѣ, такъ какъ каждый дѣлалъ свое замѣчаніе о смѣлой особѣ. Это была барышня Пешель, бывшая институтка Смольнаго института, генеральская дочь. Пешель величаво проходила къ своему креслу третьяго ряда, какъ бы гордясь своей храбростью.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 291.

Наружность ея шла къ роли пионерки: она была высокаго роста, довольно полная, съ рѣзкими чертами лица и сильная брюнетка. Она была русская, но типъ ея лица былъ иностранный. Вообще Пешель проявила себя пионеркой не въ одномъ партерѣ итальянской оперы, а и въ образѣ своей жизни. Тогда русскія женщины боялись афишировать себя дамами полусвѣта и всегда старались застаться мужемъ. Пешель хотя жила съ матерью, но вдова-генеральша играла такую ничтожную роль въ салонѣ своей дочери, что все равно какъ бы ея не было. Пешель задавала обѣды, вечера съ итальянскими второстепенными пѣвцами и пѣвицами. На ея обѣды и вечера собиралось много свѣтскаго мужскаго общества. Всѣхъ интересовало знать: кто дастъ ей средства жить такъ богато? Кромѣ пенсіи, вдова и ея дочь ничего не имѣли. Но Пешель умѣла скрывать имя своего покровителя. Когда она начала сходить съума отъ запутанныхъ своихъ денежныхъ дѣлъ, то и высказала имя своего покровителя, удививъ всѣхъ, потому что онъ былъ важное чиновное лицо, уже имѣвшее внучать и постоянно проповѣдывавшее строгую нравственность въ семейной жизни. Панаевъ познакомился съ ней черезъ своихъ пріятелей и В. П. Боткинъ приставалъ къ Панаеву, чтобы онъ познакомилъ и его съ Пешель.

Пріѣхавъ съ обѣда Пешель, которая угостила ихъ трюфелями и шампанскимъ, Боткинъ находился въ самомъ пріятномъ настроеніи духа, а это всегда выражалось тѣмъ, что онъ склонялъ свою лысую голову на бокъ и умилнымъ тономъ говорилъ:

— Милая женственная натура! Общество такой женщины доставляетъ эстетическое наслажденіе, какъ-то освѣжаетъ тебя, нѣтъ этой сухоты, прозы, какую выносишь послѣ общества добродѣтельныхъ женщинъ. Ты, Панаевъ, счастливчикъ, что она оказываетъ тебѣ особенное вниманіе.

Тогда писатели выказывали большое сочувствіе къ женскому вопросу тѣмъ, что старались опозитизировать падшихъ женщинъ, «Магдалинъ XIX вѣка», какъ они выражались.

Появилась въ итальянской оперѣ примадонна Віардо, которая сдѣлалась любимицей публики. Такого крикливаго влюбленнаго, какъ Тургеневъ, я думаю, трудно было найти другого. Онъ громко и всюду и всѣхъ оповѣщалъ о своей любви къ Віардо, а въ кружкѣ своихъ пріятелей ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ о Віардо, съ которой онъ познакомился. Но въ первый годъ знакомства Тургенева съ Віардо изъ рассказовъ его и другихъ лицъ, которые бывали у Віардо, видно было, что она не особенно была внимательна къ Тургеневу. Въ тѣ дни, когда Віардо знала, что у нея будутъ съ визитомъ аристократическіе посѣтители, Тургеневъ долженъ былъ сидѣть у мужа въ кабинетѣ, бесѣдовать съ нимъ объ охотѣ и посвящать его въ русскую литературу. На званые вечера къ Віардо его тоже не приглашали. Послѣ полученія наслѣдства,

Тургеневъ пріобрѣлъ право равенства съ другими гостями въ салонѣ у Віардо. За то, сначала, какъ дорожилъ Тургеневъ малѣйшимъ вниманіемъ Віардо. Я помню разъ, вечеромъ, Тургеневъ явился къ намъ въ какомъ-то экстазѣ.

— Господа, я такъ счастливъ сегодня, что не можетъ быть другого на свѣтѣ счастливѣе меня человѣка!—говорилъ онъ.

Приходъ Тургенева остановилъ игру въ преферансъ, за которымъ сидѣли: Бѣлинскій, Боткинъ и другіе. Боткинъ сталъ приставать къ Тургеневу, чтобы онъ поскорѣй разсказалъ о своемъ счастьѣ, да и другіе очень заинтересовались. Оказалось, что у Тургенева очень болѣла голова и сама Віардо потеряла ему виски одеколономъ. Тургеневъ описывалъ свои ощущенія, когда почувствовалъ прикосновеніе ея пальчиковъ къ своимъ вискамъ. Бѣлинскій не любилъ, когда прерывали его игру, бросалъ сердитые взгляды на оратора и его слушателей и, наконецъ, воскликнулъ нетерпѣливо:

— Хотите, господа, продолжать игру или смѣнать карты?

Игру стали продолжать, а Тургеневъ, расхаживая по комнатѣ, продолжалъ еще говорить о своемъ счастьѣ. Бѣлинскій поставилъ ремизъ и съ сердцемъ сказалъ Тургеневу:

— Ну, можно ли вѣрить въ такую трескучую любовь, какъ ваша?

Любовь Тургенева къ Віардо мнѣ тоже надоѣдала, потому что онъ, не имѣя денегъ абонироваться въ кресла, безъ приглашенія являлся въ ложу, на которую я абонировалась въ складчину съ своими знакомыми. Наша ложа въ третьемъ ярусѣ и такъ была набита биткомъ, а колоссальной фигурѣ Тургенева требовалось много мѣста. Онъ безцеремонно садился въ ложѣ, тогда какъ тѣ, кто заплатилъ деньги, стояли за его широкой спиной и не видали ничего, происходившаго на сценѣ. Но этого мало; Тургеневъ такъ неистово аплодировалъ и вслухъ восторгался пѣніемъ Віардо, что возбуждалъ ропотъ въ сосѣдяхъ нашей ложи.

Віардо отлично пѣла и играла, но была очень некрасива, особенно непріятенъ былъ ея огромный ротъ; въ типѣ ея лица было что-то еврейское; хотя Тургеневъ клялся всѣмъ, что она родомъ испанка, но жадность къ деньгамъ въ Віардо выдавала ея происхожденіе. За кулисами очень скоро сдѣлалось это извѣстно. Умерла одна бѣдная хористка; послѣ нея осталась мать-старушка и маленькія дѣти, которыхъ умершая кормила своимъ трудомъ. Всѣ итальянскіе пѣвцы и пѣвицы пожертвовали на похороны несчастной труженицы, даже хористы и хористки изъ своего скуднаго жалованья дали денегъ, сколько кто могъ—одна Віардо не дала ни гроша. Она также отказалась даромъ пѣть въ спектаклѣ или концертѣ, не помню хорошо, который давался въ пользу хора и въ которыхъ всегда первые итальянскіе пѣвцы и пѣвицы считали какъ бы обязанностью принять участие, чтобы сдѣлать полный

сборъ. Жадность Віардо сдѣлалась извѣстной всей публикѣ, посѣщавшей итальянскую оперу. Князь В. Д. давалъ у себя вечеръ и пригласилъ итальянскихъ пѣвцовъ; тогда была мода давать вечера съ итальянскими пѣвцами. Князь В. Д. былъ между аристократами самымъ виднымъ лицомъ. Никто изъ итальянскихъ пѣвцовъ не подумалъ, принимая приглашеніе, предъявлять ему условія, одна Віардо письменно заявила, что не будетъ пѣть менѣе, какъ за 500 рублей, и получила отвѣтъ, что князь согласенъ заплатить ей эти деньги. Хозяинъ и хозяйка очень любезно разговаривали со всѣми итальянскими пѣвцами; но съ Віардо ограничились поклономъ; какъ только она окончила свое пѣніе, то лакей поднесъ ей на подносѣ пакетъ съ деньгами и ее не пригласили остаться на вечерѣ, какъ другихъ артистовъ. Это происшествіе быстро разнеслось по Петербургу, всѣ удивлялись безтактности Віардо, да, я думаю, и она сама очень досадовала, потому что всѣ, кто пѣлъ на вечерѣ у князя В. Д. получили подарки тысячи по двѣ. Тургеневъ божился, клялся, что виноватъ во всемъ мужъ Віардо, забывъ, что прежде самъ восхищался, какъ Віардо умѣла поставить себя въ такую независимость относительно мужа, что онъ побаивался ее и не смѣлъ вмѣшиваться въ ея денежные дѣла.

Не припомню чрезъ сколько лѣтъ Віардо опять пріѣхала пѣть въ итальянской оперѣ. Но она уже потеряла свѣжесть своего голоса, а о наружности нечего и говорить: съ лѣтами ея лицо сдѣлалось еще некрасивѣе. Публика принимала ее холодно. Тургеневъ находилъ, что Віардо гораздо лучше стала пѣть и играть, чѣмъ прежде, а что петербургская публика на столько глупа и невѣжественна въ музыкѣ, что не умѣетъ цѣнить такую замѣчательную артистку.

Другая итальянская пѣвица Бозіо даже поплатилась жизнію за свою скупость. Она также производила большой фуроръ въ итальянской оперѣ; ей также подносили цѣнные подарки. Кромѣ того, она получила множество брилліантовъ и всякихъ драгоценностей отъ одного важнаго старика, графа О., который влюбился въ нее и вель себя какъ мальчишка. Если Бозіо сидѣла въ театрѣ въ ложѣ, то старикъ не смѣлъ на сцену, а не сводилъ глазъ съ своего кумира, дѣлалъ ей мимическіе знаки, прикладывалъ руку къ губамъ, посылая ей поцѣлуи и т. п. Бозіо кокетливо ему улыбалась. Впрочемъ, какъ ей было и не улыбаться такому важному и щедрому старичку, который почти каждое утро, посѣщая ее, преподносилъ ей большую коробку конфетъ, гдѣ только сверху были конфеты, а внизу лежало много русскаго золота, или нитка жемчуга, или нитка брилліантовъ. Для Бозіо ничего не значило потерять 5 или 6 тысячъ, но она ни за что не хотѣла лишиться ихъ и больная, постомъ, поѣхала въ Москву въ сильный морозъ, чтобъ дать тамъ два или три концерта. Докторъ предупреждалъ ее, что она рис-

куеть заболѣть, но она не послушалась и поплатилась жизнію, получивъ во время поѣздки воспаленіе въ легкихъ. Послѣ смерти Бозіо, ея супругъ сдѣлалъ выгодную аферу, распродавъ всѣ ея вещи по дорогой цѣнѣ. Поклонники Бозіо раскупали ея имущество на расхватъ, и одинъ мой знакомый, большой ея поклонникъ, но небогатый человекъ, купилъ сломанную гребенку Бозіо за десять рублей и очень сердился, когда я доказывала ему, что аферистъ мужъ Бозіо продалъ ему сломанную свою гребенку или ея горничной.

Какъ-то разъ, я сказала Бѣлинскому, въ критическую минуту его денежнаго затрудненія, отчего онъ не займетъ денегъ у своего пріятеля Ан..., у котораго былъ капиталъ. Бѣлинскій улыбнулся и отвѣтилъ:

— Какая вы наивная. право, развѣ не видите, что онъ русскій кулакъ.

Тогда я указала на В. П. Б...

— Покорно благодарю, тоже придумали; душу всю вымотаетъ своими разговорами, что онъ нуждается въ деньгахъ. Нѣтъ, ужъ я лучше буду имѣть дѣло съ ростовщикомъ, чѣмъ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ. Ростовщику далъ жидовскіе проценты и конецъ, а тутъ еще считай себя обязаннымъ.

— Хотите, я какъ бы отъ себя скажу имъ, что вы нуждаетесь въ деньгахъ?—спросила я Бѣлинскаго.

— Сохрани васъ Богъ!—я тогда разсорюсь съ вами на вѣкъ!— Не надо, я извернусь какъ-нибудь.

Я все-таки не послушалась Бѣлинскаго и въ присутствіи А... и В. П. Б. сказала, что Бѣлинскій очень нуждается въ деньгахъ. «Ахъ бѣдный! тяжело ему теперь жить съ семействомъ!» замѣтилъ сочувственно одинъ, а другой нашель, что Бѣлинскому вовсе не слѣдовало жениться. Я все-таки надѣялась, что кто-нибудь изъ нихъ предложитъ денегъ Бѣлинскому, но ошиблась. Панаевъ сидѣлъ безъ гроша, но занялъ для Бѣлинскаго сто рублей; надо было хитрить, чтобъ Бѣлинскій не узналъ, что для него заняты деньги. Я наврала ему, что Панаевъ получилъ изъ деревни деньги, и если Бѣлинскій займетъ у него, то еще сдѣлаетъ этимъ одолженіе, потому что Панаевъ разстратитъ ихъ и когда придется платить за квартиру, то денегъ навѣрно у него не окажется.

— Я слышалъ, Панаевъ, что вы разбогатѣли деньгами?—спросилъ Бѣлинскій.

— Разбогатѣлъ, да боюсь за себя, что скоро ихъ истрачу.

— Что значить русскій помѣщикъ! жгутъ имъ руки деньги,— дайте мнѣ займы сто рублей на три мѣсяца, я по частямъ вамъ уплачу.

Вотъ къ какимъ хитростямъ надо было прибѣгать, чтобы дать Бѣлинскому займы сто рублей, и какъ обрадовался онъ, когда уплатилъ свой долгъ Панаеву.

Въ 40-хъ годахъ наложена была плата на заграничный паспортъ въ 500 руб., съ цѣлью ограничить число уѣзжающихъ русскихъ, стремившихся пожить въ Европѣ. Только тѣ освобождались отъ этой платы, кто представлялъ свидѣтельство отъ авторитетныхъ докторовъ, что болѣзнь ихъ пациента безотлагательно требуетъ леченія заграничными водами. Понятно, что всѣ богатые люди добывали себѣ легко такія свидѣтельства и даромъ получали паспорта. Панаевъ мечталъ давно о путешествіи за границу, тѣмъ болѣе, что его пріятели, бывшіе въ Парижѣ, описывали парижскую жизнь, какъ магометовъ рай.

Въ то время, всѣ русскіе помѣщики, когда имъ нужны были деньги, закладывали въ Опекунскій Совѣтъ своихъ мужиковъ; тоже сдѣлалъ и Панаевъ для своей поѣздки за границу. Программу путешествія онъ составилъ обширную: ему хотѣлось побывать во всѣхъ замѣчательныхъ городахъ Франціи, Италіи, Германіи и Англіи.

Пока совершалась формальная процедура заклада крестьянскихъ душъ, нѣкоторые знакомые изъ кружка уже поѣхали за границу: Огаревъ, В. П. Боткинъ, два знакомыхъ помѣщика, которые также ѣхали на деньги заложенныхъ своихъ крестьянъ. Оба помѣщика не знали ни одного иностраннаго языка и, какъ маленькія дѣти, заучивали французскія фразы, самыя необходимыя для разговоровъ съ отельной прислугой. Впрочемъ, они ѣхали съ В. П. Б., передъ которымъ до смѣшнаго благоговѣли и каждое его слово для нихъ было закономъ. Бѣлинскій, слушая толки о поѣздкахъ за границу, сказалъ:

— Счастливыцы, а нашему брату-батраку развѣ во снѣ придется видѣть Европу! А что, господа, если бы какого-нибудь иностраннаго литератора переселить въ мою шкуру, хотя бы на мѣсяць — интересно было бы посмотрѣть, чтобы онъ написалъ? Ужъ на что я привыкъ подъ обухомъ писать, а и то иногда перо выпадаетъ изъ рукъ отъ мучительнаго недоумѣнія какъ затемнить свою мысль, чтобы она избѣгла инквизиціонной пытки цензора; чуть увлечешься, распишешься, какъ вдругъ извѣстная тебѣ фізіономія злорадно шепчетъ на ухо: «строчи, голубчикъ, строчи, какъ попадется мнѣ корректура твоей статьи, я вотъ тутъ и поставлю красный крестъ, и обезображу до неузнаваемости твою мысль». Злость беретъ, дѣлаешь вопросъ самому себѣ: и какой же ты писатель, что не смѣешь ясно излагать своей мысли на бумагѣ? Лучше иди рубить дрова, таскай кули на пристани! Послѣ такого физическаго труда хоть спать бы мертвымъ сномъ, а послѣ своей работы до изнеможенія силъ, ляжешь и цѣлую ночь глазъ не сомкнешь отъ разныхъ скверныхъ мыслей. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какую пользу можешь принести своимъ писаньемъ, если уподобляешься бѣлкѣ въ клѣткѣ, скачущей на колесѣ.

Передъ отъѣздомъ за границу, лѣто мы проводили въ Петер-

бургъ и Бѣлинскій также. Тургеневъ жилъ на дачѣ въ Парголово, часто прїѣзжалъ въ городъ и останавливался у насъ, такъ какъ не имѣлъ городской квартиры.

Тургеневъ восхищался своимъ поваромъ, котораго нанялъ на лѣто, описывалъ какіе тонкіе обѣды онъ готовилъ, когда Тургеневъ приглашалъ къ себѣ на дачу своихъ знакомыхъ.

— Не бось, графовъ и бароновъ угощаете тонкими обѣдами, а своихъ прїятелей-литераторовъ не приглашаете къ себѣ.—шутя замѣтилъ Бѣлинскій.

Тургеневъ обрадовался этой мысли и пригласилъ всѣхъ къ себѣ на дачу на обѣдъ, говоря, что онъ сдѣлаетъ такой фестиваль, какого мы не ожидаемъ. День онъ назначилъ самъ и требовалъ отъ всѣхъ честнаго слова, что прїѣдутъ къ нему.

— Мы-то прїѣдемъ, а вотъ вы-то не удерите съ нами такую штуку, какъ зимой, созвали насъ всѣхъ на вечеръ, а сами не явились домой,—сказалъ Бѣлинскій.

Съ Тургеневымъ не разъ случалось, что онъ пригласитъ прїятелей къ себѣ и по разбѣянности забудетъ и не окажется дома.

Бѣлинскій сказалъ, прощаясь, Тургеневу: «я, за день до нашего прїѣзда, напишу вамъ, чтобы вы не забыли своего приглашенія».

День былъ жаркій, когда мы, въ 11 часовъ утра, всѣ шесть человекъ приглашенныхъ, отправились въ коляскѣ въ Парголово. Всѣ были утомлены отъ жары и пыли въ дорогѣ. Подѣхавъ къ дачѣ Тургенева, всѣ радостно вздохнули и стали выходить изъ коляски; но всѣхъ поразило, что Тургеневъ не вышелъ насъ встрѣтить. Мы вошли въ палисадникъ и стали стучаться въ двери стеклянной террасы. Мертвая тишина царила въ домѣ. У всѣхъ лица повытянулись; Бѣлинскій воскликнулъ: «неужели Тургеневъ опять сыгралъ съ нами такую мерзкую штуку, какъ зимой?»

Но его успокоивали, предполагая, что Тургеневъ, вѣроятно, не ожидалъ такъ рано нашего прїѣзда.

— Да я писалъ ему, что мы въ часъ будемъ у него. Это чортъ знаетъ, что такое! Хоть бы въ комнату насъ впустили, а то жарились въ дорогѣ на солнцѣ и стой теперь на припекѣ,—горячился Бѣлинскій.

Наконецъ, выскочилъ изъ воротъ какой-то мальчикъ и всѣ на него набросились съ вопросами. Оказалось, что баринъ ушелъ, а его поваръ сидитъ въ трактирѣ. Дали мальчику денегъ, чтобы онъ сбѣгалъ за поваромъ и привелъ его отворить дверь. Мальчикъ убѣждалъ, а мы въ ожиданіи усѣлись на ступенькахъ террасы. Поваръ не являлся. Бѣлинскій настаивалъ ѣхать домой. Мы уѣхали бы, но кучеръ нашей коляски не соглашался везти насъ обратно, пока не отдохнутъ его измученныя лошади. Поневолѣ надо было сидѣть у запертой дачи. Всѣ проголодались; Панаевъ и двое изъ прїѣхавшихъ отправились въ трактиръ посмотреть нельзя ли достать чего-

нибудь поѣсть. Тогда Парголово было настоящей деревней, ѣды трудно было достать. Панаевъ вернулся и объявилъ, что въ трактирѣ никакой ѣды нѣтъ, да и такая грязь, что противно кусокъ хлѣба взять въ ротъ. Всѣ еще питали надежду, что Тургеневъ вернется домой. Я не рассчитывала на обѣдъ, понимая, что если повара нѣтъ дома, такъ какой же можно приготовить обѣдъ, когда уже былъ второй часъ, да и провизіи негдѣ достать; въ Парголово только рано утромъ запасались всѣмъ у разносчиковъ, объѣзжавшихъ дачи. Я пошла въ избу къ хозяйкѣ дачи, купила у нея яицъ, молока, хлѣба. Въ это время явился поваръ. Бѣлинскій накинулся на него съ вопросомъ «гдѣ его баринъ?» поваръ отвѣчалъ, что не знаетъ.

— А обѣдъ тебѣ сегодня заказанъ бариномъ?—допрашивалъ Бѣлинскій.

— Никакъ нѣтъ-съ!

Изумленіе и испугъ выразились на всѣхъ лицахъ. Бѣлинскій весь вспыхнулъ, многозначительно посмотрѣлъ на всѣхъ и неожиданно разразился смѣхомъ, воскликнувъ:

— Вотъ такъ задалъ же намъ фестиваль Тургеневъ!

Всѣ тоже разсмѣялись надъ комическимъ своимъ положеніемъ.

— Я-то дуракъ!—говорилъ Бѣлинскій,—хотѣлъ провести пріятно день на дачѣ,—и, обратясь къ повару, продолжалъ:—иди, любезный, отыщи своего барина, гдѣ хочешь, и приведи его домой.

Панаевъ и другіе послали повара къ священнику, такъ какъ Тургеневъ уже сообщилъ имъ, что онъ ухаживаетъ не безъ успѣха за хорошенькой дочерью священника и постоянно тамъ сидитъ.

Мы пошли на берегъ озера, въ ожиданіи прихода Тургенева, усѣлись въ тѣни подъ деревомъ и любовались природой. Бѣлинскій лежалъ на травѣ и вдругъ произнесъ:

— Какъ легко мнѣ дышется, не то что въ городѣ. Какая обида, что и одного дня не могъ провести какъ добрые люди; что-нибудь да взбѣситъ тебя.

Вскорѣ пришелъ Тургеневъ и сталъ божиться, что мы сами виноваты, что онъ ждалъ насъ завтра. Его спросили о письмѣ Бѣлинскаго. Тургеневъ увѣрялъ, что никакого письма не получилъ.

— Хорошо, — сказалъ Бѣлинскій, — безъ оправданій обойдемся. Благодарите Бога, что вы мнѣ не попались на глаза въ первую минуту, я бы васъ раскостилъ на всѣ корки. Теперь нервы мои успокоились и я не хочу вновь ихъ раздражать. Сейчасъ уѣдемъ въ городъ.

Тургеневъ началъ упрасивать остаться и сказалъ, что обѣдъ уже заказанъ.

— А въ которомъ часу вы насъ накормите, чай, вечеромъ? — спросилъ Бѣлинскій шутливымъ тономъ.

Тургеневъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, что его поваръ всемогу-

щій и обѣдъ будетъ готовъ къ 5-ти часамъ. Тургеневъ употребилъ всѣ усилія, чтобы занять гостей и успѣлъ въ этомъ; между прочимъ, онъ предложилъ стрѣлять въ цѣль. Всѣ пошли на его дачу и Тургеневъ нарисовалъ углемъ на задахъ стараго сарая человѣка и обозначилъ точкой сердце. Никто изъ его гостей не умѣлъ стрѣлять; Бѣлинскій какимъ-то образомъ съ перваго выстрѣла попалъ въ самую точку, гдѣ было обозначено сердце. Онъ какъ ребенокъ обрадовался и воскликнулъ: «Я теперь сдѣлаюсь бретеромъ, господа!» Но затѣмъ стрѣлялъ такъ неудачно, что даже ни разу не попадалъ въ фигуру. Стрѣльба продолжалась долго; легкій завтракъ далъ себя почувствовать и всѣ ждали нетерпѣливо обѣда. Въ 6 часовъ Бѣлинскій обратился къ Тургеневу съ вопросомъ:

— Что же вашъ всемогущій поваръ не подастъ обѣдъ, мы голодны какъ волки.

По обѣду, приготовленному на скорую руку исключительно изъ старыхъ, тощихъ куриць, нельзя было судить о кулинарномъ талантѣ повара. Тургеневъ, сознавая это, сказалъ:

— Господа, въ воскресенье прїѣзжайте ко...

Но ему не дали окончить фразы, всѣ покатались со смѣху и самъ Тургеневъ присоединился къ общему смѣху. Бѣлинскій едва могъ отдышаться отъ хохота, воскликнувъ:

— Тургеневъ, вы наивны, какъ младенецъ! Нѣтъ, ужъ стараго воробья на мякинѣ не надуете.

Новое приглашеніе Тургенева всѣхъ развеселило и шуткамъ не было конца. Тургеневъ смѣшилъ, рассказывая свое положеніе, когда его поваръ въ испугѣ прибѣжалъ и объявилъ, что гости прїѣхали къ нему на обѣдъ, и въ какомъ онъ страхѣ шелъ къ озеру.

Погулявъ по парку, выпивъ чаю, мы поѣхали въ городъ и продолжали смѣяться надъ фестивалемъ, который намъ задалъ Тургеневъ.

Передъ отъѣздомъ за границу, Панаевъ находился въ очень затруднительномъ положеніи съ крѣпостной прислугой, которая энергически протестовала, когда онъ хотѣлъ имъ дать паспорта съ тѣмъ, чтобы она шла на мѣста, пока онъ будетъ находиться за границей; оброка съ нихъ онъ не требовалъ. Я упрашивала Панаева дать имъ всѣмъ волю. На меня раздѣлъ дворовыхъ произвелъ такое непріятное впечатлѣніе, что я тяготилась видѣть около себя крѣпостныхъ, да и эгоистическое чувство подсказывало мнѣ—избавиться отъ грубой, лѣнивой и пьющей прислуги, которая вѣчно была недовольна, вѣчно заявляла массу требованій. Панаевъ отпустилъ на волю всю свою прислугу. Бѣлинскій, узнавъ объ этомъ, сказалъ Панаеву:

— За это, Панаевъ, вамъ отпустится много грѣховъ. Признаюсь вамъ, всякій разъ, какъ вашъ мрачный Андрей отворялъ мнѣ дверь, я опускалъ свои глаза долу, чтобы не видѣть его озлобленнаго, протестующаго взгляда на свое рабство.

Въ нашемъ кружкѣ всѣ считали крѣпостное право безчеловѣчнымъ съ гуманной точки зрѣнія, но относились къ помѣщичьей власти пассивно, такъ какъ большинство состояло изъ помѣщиковъ. Впрочемъ, и въ интеллигентномъ обществѣ Россіи сороковыхъ годовъ тоже преобладалъ элементъ помѣщиковъ. Гуманные помѣщики старались не входить въ близкія отношенія съ своими крѣпостными мужиками и имѣли дѣло съ ними черезъ посредство своихъ управляющихъ и старостъ. Въ кружкѣ же писателей всѣ были поглощены литературными интересами и общечеловѣческими вопросами. Встрѣчались и такіе помѣщики въ кружкѣ, которые изъ гуманности своихъ воззрѣній считали долгомъ имѣть непосредственныя сношенія съ своими крѣпостными мужиками и жили въ своихъ имѣніяхъ, наѣзжая только зимой въ Петербургъ. Одинъ изъ такихъ гуманныхъ помѣщиковъ бывалъ въ кружкѣ литераторовъ и всегда докторальнымъ тономъ ораторствовалъ о своихъ многотрудныхъ обязанностяхъ, о невѣжествѣ мужика и не безъ гордости разсказывалъ свои столкновенія съ губернской администраціей, которая вмѣшивалась въ его помѣщичьи права и мѣшала ему въ его предпріятіяхъ для блага своихъ крестьянъ.

Разъ гуманный помѣщикъ долго ораторствовалъ о своей борьбѣ съ чиновниками и сказалъ:

— Меня утѣшаетъ одно, что на меня мои мужики смотрятъ, какъ на родного ихъ отца, видя, какъ я пекусь о нихъ, какъ о своихъ дѣтяхъ.

— А я не вѣрю въ возможность чelовѣческихъ отношеній раба, съ рабовладѣльцемъ!—возразилъ Бѣлинскій.—Рабство такая безчеловѣчная и безобразная вещь и такое имѣетъ развращающее вліяніе на людей, что смѣшно слушать тѣхъ, кто идеальничаетъ, стоя лицомъ къ лицу съ нимъ. Этотъ злокачественный нарывъ въ Россіи похищаетъ всѣ лучшія силы для ея развитія. Повѣрьте мнѣ, какъ ни невѣжественъ русскій народъ, но онъ отлично понимаетъ, что для того, чтобы прекратить свои страданія, нужно вскрыть этотъ нарывъ, очистить заражающій, скопившійся въ немъ гной. Конечно, можетъ наши внуки или правнуки будутъ свидѣтелями, какъ исчезнетъ этотъ злокачественный нарывъ:—или народъ самъ грубо проткнетъ его, или умѣлая рука сдѣлаетъ эту операцію. Когда это совершится, мои кости въ землѣ отъ радости зашевелиятся!

Лицо Бѣлинскаго имѣло при этомъ какое-то вдохновенное выраженіе.

Гуманный помѣщикъ замѣтилъ ему:

— Вы говорите о будущемъ, а я—о настоящемъ и считаю себя болѣе компетентнымъ судьей, такъ какъ посвятилъ себя для защиты безпомощнаго мужика, находящагося въ совершенно дикомъ невѣжествѣ, иначе изъ него высосало бы всю кровь уѣздное крапивное имя.

— А вы не высасываете потъ и кровь изъ своихъ крѣпостныхъ? Да что объ этомъ толковать, позорное рабство ни какими красками не прикрасишь.

Гуманный помѣщикъ разгорячился и возразилъ:

— Сейчасъ видно, что вы, сидя въ Петербургѣ, съ плеча рубите всѣ самые сложные общественные вопросы. Безъ подготовки нельзя дать свободу русскому мужику, это все равно, что дать ножъ въ руки ребенку, который едва умѣетъ стоять на ногахъ, онъ самъ порѣжетъ.

— Пусть его порѣжется самъ, чѣмъ другіе пытаются его, вырѣзывая по куску мяса изъ его тѣла, да еще хвастаются, что эту пытку дѣлаютъ для его же блага!

Гуманный помѣщикъ быстро всталъ и дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Вы сегодня въ такомъ раздраженномъ состояніи, что съ вами невозможно ни о чемъ говорить.

Затѣмъ, онъ взялъ шляпу, простился со всѣми и ушелъ. По его уходѣ всѣ набросились на Бѣлинскаго, обвиняя его въ рѣзкости. В. П. Б. началъ читать Бѣлинскому нотацію о приличіи и увѣрялъ, что онъ не знаетъ русскаго мужика такъ хорошо, какъ его знаетъ гуманный помѣщикъ.

Бѣлинскій расхаживалъ по комнатѣ и, вдругъ остановившись, произнесъ:

«А глядишь нашъ Лафазтъ
Мужиковъ владеть подь прессъ.
«Вмѣстѣ съ свекловицей!»

— Давно меня мучило слушать этого краснобая-помѣщика и я вовсе не сожалѣю, что оборвалъ его нахальное хвастовство. Пусть знаетъ, что не всѣхъ можно дурачить! Свѣтскости во мнѣ нѣтъ, такъ нечего объ этомъ и разговаривать, господа!

По уходѣ Бѣлинскаго, пріятели долго еще разсуждали о его рѣзкости и В. П. Б. предложилъ завтра же всѣмъ сдѣлать визитъ гуманному помѣщику.

Я не буду описывать нашего продолжительнаго путешествія отъ Петербурга до Берлина. Тогда желѣзныхъ дорогъ не было и надо было совершить долгій путь на лошадахъ. Была осень и Берлинъ очень походилъ на Петербургъ; на улицахъ, да и вездѣ, большинство публики состояло изъ военныхъ; за табльд-отомъ въ гостинницѣ, гдѣ мы остановились, обѣдало много прусскихъ офицеровъ и меня удивило, что всѣ они были точно деревянные, игрушечные солдаты, всѣ на одно лицо: рыжіе, рослые, съ неподвижнымъ гордымъ воинственнымъ выженіемъ въ лицѣ. Всѣ сидѣли молча.

Въ Берлинѣ мы нашли русскихъ знакомыхъ: Огарева и злосчастнаго помѣщика З... пріятеля В. П. Б. Я потомъ объясню—почему его я назвала «злосчастливымъ».

Они оба пришли обѣдать съ нами. Тогда русскіе не могли обойтись безъ шампанскаго и выискивали всякій предлогъ выпить его. Наши соотечественники нашли, что надо поздравить насъ съ благополучнымъ прїѣздомъ въ Берлинъ. Рыжіе офицеры бросали гордые взгляды на наше общество, которое нарушило молчаніе за столомъ и оживленно разговаривало.

Помѣщикъ З. имѣлъ несчастіе попасть въ непріятное дѣло въ Берлинѣ, его не выпускала полиція изъ города, а попутчикъ его В. П. Б. не захотѣлъ ждать его и уѣхалъ въ Парижъ. Не зная ни слова ни понѣмецки, ни пофранцузски, злосчастный помѣщикъ находился въ очень затруднительномъ положеніи. Онъ при первой встрѣчѣ съ Панаевымъ жаловался на В. П. Б., который самъ его подбилъ ѣхать изучать Европу и бросилъ въ самую критическую минуту. На первомъ шагѣ своего изученія Европы З. долженъ былъ заплатить за свою любознательность 400 талеровъ. Дѣло въ томъ, что, не зная прусскихъ законовъ, помѣщикъ пригласилъ къ себѣ съ улицы женщину и она прожила у него въ номерѣ съ недѣлю. Онъ думалъ, что за глаза довольно заплатить ей 25 талеровъ, но она потребовала сто. Нахальство нѣмки озлило З. и онъ выгналъ ее вонъ, а она принесла жалобу полиціи, требуя уже по закону себѣ 400 талеровъ, представивъ свидѣтелей, что прожила въ номерѣ у русскаго путешественника съ недѣлю. Эти 400 талеровъ обезпечивали прокормленіе будущаго ребенка, который могъ родиться у этой женщины. Помѣщикъ не хотѣлъ платить, но все-таки съ него взыскали 400 талеровъ, да 100 талеровъ ему стоилъ адвокатъ и переводчикъ.

— Другу и недругу буду отсовѣтывать ступать ногой въ этотъ Берлинъ,—говорилъ злосчастный помѣщикъ.—Это дневной грабежъ, какая это Европа, да у насъ въ Москвѣ ничего подобнаго нѣтъ! Да мнѣ не такъ жалко 500 талеровъ, какъ жалко то, что я такъ вѣрилъ въ гуманность В. П. Б., передъ которымъ преклонялся, а онъ бросилъ меня, спѣша въ Парижъ, куда мы вмѣстѣ должны были ѣхать; это не гуманно-съ!

Въ Берлинѣ лежалъ въ постели поэтъ В..., ему дѣлали операцію въ ногѣ, которая у него давно болѣла. Черезъ Огарева, онъ просилъ насъ навѣстить его и мы поѣхали къ нему. У больного мы застали сидящихъ двухъ дамъ, съ которыми онъ насъ познакомилъ. Молодая дама—была жена Огарева, а худенькая, маленькая, живая старушка, еще съ блестящими глазами и съ коротенькими, полусѣдыми волосами—была знаменитая Бетина, другъ Гёте. Бетина мнѣ сказала, что она очень рада познакомиться еще съ одной русской женщиной, которыхъ она очень полюбила, узнавъ ихъ теплоту сердца и отзывчивость къ добрымъ дѣламъ. Бетина безъ умолку говорила о своемъ благотворительномъ обществѣ, которое она учредила въ Берлинѣ. Она говорила очень скоро, мѣшая

французскій языкъ съ нѣмецкими фразами и пересыпая ихъ словами: баронесса, графиня и принцесса, которыя состояли членами ея благотворительнаго общества. Она передавала намъ, какъ представлялась прусской королевѣ, прося ее быть покровительницей ея общества, и восхваляла щедрость Огаревой, которая пожертвовала на лотерею ея общества дорогую свою турецкую шаль и брилліантовую брошь. Изъ словъ Бетиной было видно, что берлинскія баронессы и принцессы не очень-то разщедрились на пожертвованіе вещей для лотереи и что щедрость русской барыни всеѣхъ поразила. Бетина нѣсколько разъ вставляла фразу: «мой другъ Гёте». Бетина съ Огаревой торопились въ засѣданіе благотворительнаго общества, и Бетина приглашала меня ѣхать съ ними; когда я замѣтила, что не членъ этого общества, то она на это мнѣ отвѣтила:—это ничего не значить, вы пожертвуйте какую-нибудь изъ вашихъ бижу для нашей лотереи и будете имѣть право находиться въ нашемъ засѣданіи.—Но я не имѣла никакихъ бижу для пожертвованія, да и для меня не могло быть интереснымъ сидѣть въ обществѣ берлинской аристократіи.

В. . . восхищался щедростью Огаревой и говорилъ, что она дѣлаетъ большой фуроръ въ аристократическихъ берлинскихъ салонахъ своимъ умнымъ и живымъ разговоромъ, что Бетина въ восторгѣ отъ нея и удивляется какъ многосторонне образованы русскія женщины.

Огарева не была красива, но въ ея глазахъ было какое-то особенное выраженіе пылливости и пылкости, когда она разговаривала.

Огарева на другой день мнѣ сдѣлала визитъ, но не застала меня дома. Я сочла за лучшее оказаться невѣжливою, чѣмъ заводить знакомство съ свѣтской барыней, и не отдала ей визита. Однако, мнѣ пришлось все-таки еще разъ встрѣтиться съ ней въ театрѣ.

Въ иностранныхъ театрахъ можно брать по два мѣста въ ложѣ, и случилось такъ, что другія два мѣста заняла Огарева и ея кавалеръ, какой-то прусскій баронъ, который указывалъ намъ на сидящихъ въ ложахъ берлинскихъ аристократовъ и знакомилъ съ ихъ біографіями. Огарева рассказывала мнѣ, какъ она познакомилась съ Бетиной и какъ не можетъ добиться отъ этой болтливой старушки никакихъ свѣдѣній о ея дружбѣ съ Гёте, до такой степени она вся отдалась своему благотворительному обществу.—«Пріѣзжайте завтра вечеромъ ко мнѣ,—сказала Огарева,—у меня будетъ Бетина и кстати увидите высшее берлинское общество»,—но я на другой день уѣхала изъ Берлина.

Пробывъ немного въ Дрезденѣ и Брюсселѣ, мы отправились въ Парижъ, куда тянуло Панаева. Въ нашемъ вагонѣ помѣстился какой-то высокій молодой итальянецъ. Черты его лица были неправильны, но очень выразительны; его черные глаза сидѣли глубоко и имѣли мягкое выраженіе. Мы разговорились съ нимъ и онъ,

узнавъ о нашемъ намѣреніи ѣхать въ Италію, сталъ описывать эту страну и глаза его зажглись огнемъ. Панаевъ коснулся политическаго положенія Италіи; тогда итальянецъ преобразился, его лицо дышало гнѣвомъ, глаза метали искры и онъ сказалъ:

— Вся Евроѡа заключила, что итальянскій народъ до того развращенъ, что никогда не освободится отъ иноземнаго тиранства; но она ошибается; Италію продали патеры и развращенный классъ сановниковъ, но какъ они не стараются поработить въ народѣ любовь къ своей родинѣ подкупомъ и тиранствомъ, онъ еще покажетъ всѣмъ, что въ немъ есть сила сбросить съ себя иноземное и патерское иго!

Панаевъ его спросилъ, — какой городъ его родина?

— Вся Италія! Я не имѣю постояннаго пребыванія, а кочую по всей Италіи, да и повсюду въ Европѣ. — Я недавно вернулся изъ далекаго путешествія и ѣду на короткое время въ Парижъ, и еще не знаю, гдѣ буду черезъ мѣсяць.

Мнѣ попала, по моей неосторожности, въ глазъ искра; я высовывалась изъ окна вагона смотрѣть на мелькавшія деревни. Мы ѣхали въ экстренномъ поѣздѣ съ минутными остановками, такъ что намъ почти не было времени поѣсть. Итальянецъ ухитрился все-таки достать на первой станціи, гдѣ мы простояли не болѣе двухъ минутъ, воды, чтобы я примачивала глазъ. Пріѣхавъ вечеромъ въ Парижъ, мы дружески простились съ итальянцемъ; онъ усадилъ насъ въ омнибусъ отеля, гдѣ мы намѣривались остановиться.

Панаевъ на другое же утро отправился разыскивать В. П. Б., а мнѣ сдѣлалъ визитъ итальянецъ и принесъ какую-то примочку для глаза, который почти прошелъ у меня. Итальянецъ торопился на свиданіе съ своими соотечественниками въ кафе, куда собирались завтракать итальянскіе эмигранты. Итальянецъ оставилъ мнѣ свой адресъ; онъ остановился на частной квартирѣ у своего знакомаго.

Панаевъ вернулся домой къ 6-ти часамъ вечера, вмѣстѣ съ В. П. Б., который повелъ насъ обѣдать въ дешевенкій ресторанъ, гдѣ мы нашли Огарева, Бакунина, злополучнаго помѣщика З. и другого пріятели Б-на тоже помѣщика К.... Б-нъ училъ насъ и помѣщиковъ, какъ надо заказывать обѣдъ, чтобы онъ обошелся дешевле. Но первый обѣдъ все-таки стоилъ дорого, потому что Огаревъ потребовалъ бутылку шампанскаго, помѣщики тоже спросили бутылку, чтобы отплатить Огареву; Панаеву также надо было потребовать бутылку. В. П. Б. сердился на такую роскошь, хотя пилъ шампанское, которымъ его угощали.

В. П. Б. и Огаревъ повели Панаева и помѣщиковъ смотрѣть на какой-то балъ, гдѣ веселятся гризетки, а Бакунинъ пошелъ проводить меня домой, и мы провели вечеръ за чаемъ. Бакунинъ раз-

спрашивалъ меня о Бѣлинскомъ. о Петербургѣ, и, уходя, обѣщался принести мнѣ книгъ. Итальянецъ еще разъ заходилъ къ намъ съ визитомъ, но опять не могъ застать Панаева, которымъ завладѣлъ В. П. Б., знакомя его съ Парижемъ. Черезъ недѣлю итальянецъ пришелъ ко мнѣ проститься. Онъ имѣлъ очень печальный видъ и я спросила его,—что съ нимъ?

— Я ѣхалъ въ Парижъ,— отвѣчалъ онъ,—съ большими надеждами. но мои соотечественники интересуются теперь больше парижской политикой, чѣмъ своей несчастной Италіи. Утопистомъ меня нашли! Напрасно я рисковалъ многимъ, чтобы поговорить съ ними о своей родинѣ.

Въ это время пришелъ Бакунинъ и я была въ затрудненіи, потому что забыла фамилію итальянца. На сколько я была памятна на лица, на столько же забывчива на имена и фамиліи. Но дѣло обошлось и Бакунинъ заговорилъ о политическомъ положеніи Италіи. Итальянецъ былъ удивленъ, что русскій такъ хорошо знаетъ современное соціальное и политическое состояніе Италіи; онъ пожалѣлъ, что ему надо спѣшить по дѣламъ и раскланялся. Бакунинъ заинтересовался молодымъ итальянцемъ, сталъ разспрашивать меня, гдѣ я познакомилась съ нимъ? и полюбопытствовалъ узнать его фамилію. Я принесла ему адресъ, оставленный мнѣ итальянцемъ. Бакунинъ прочелъ: «Жозефъ Гарибальди». Пока я не увидала портрета Гарибальди, когда онъ уже сражался за свободу Италіи, до тѣхъ поръ я никакъ не воображала, что это былъ знаковый мнѣ итальянецъ въ Парижѣ, фамилію котораго я позабыла.

Гарибальди на портретѣ, конечно, былъ уже возмужалымъ человекомъ, но характерныя черты его лица не измѣнились.

Дешевый ресторанъ, куда мы ходили обѣдать, сдѣлался сборнымъ пунктомъ русскихъ путешественниковъ. Часто удостоивалъ являться туда Сазоновъ, уже четыре года какъ поселившійся въ Парижѣ. Онъ корчилъ аристократа, брюзжалъ на то, что невозможно обѣдать въ такомъ кабацѣ, сердился на гарсона за то, что тотъ плохо ему сервируетъ обѣдъ, заказывалъ всегда себѣ дорогія блюда. Между Сазоновымъ и Бакунинымъ происходили горячіе споры о французской политикѣ. В. П. Б. былъ мученикомъ въ это время, ему всюду мерещились шпіоны, которые будто бы слѣдятъ за русскими въ Парижѣ и въ каждомъ посѣтителѣ, обѣдающемъ одиноко за столомъ, онъ видѣлъ шпіона и страшно сердился на спорящихъ. Его воображеніе разыгрывалось иногда до того, что онъ отъ страха убѣгалъ изъ ресторана.

В. П. Б. до смѣшного претендовалъ казаться парижаниномъ; онъ удивилъ меня, спрятавъ въ карманъ два куска сахару, который остался у него отъ поданнаго ему кофе. Я спросила для чего онъ это дѣлаетъ? и получила въ отвѣтъ, что настоящіе парижане всегда такъ дѣлаютъ, одни русскіе стыдятся экономіи. Я провѣряла его

слова, но не замѣтила парижанъ, прячущихъ кусочки сахара въ карманы.

В. П. Б. сердился на меня за то, что я говорю порусски на улицѣ и въ ресторанахъ, доказывая, что этого нельзя дѣлать, потому что русскихъ считаютъ дикими, татарами и вездѣ берутъ съ нихъ дороже, чѣмъ съ другихъ иностранцевъ. Но эти аргументы меня не пугали и я продолжала говорить порусски къ его огорченію. За то, два его пріятели помѣщики раболѣпно исполняли всѣ его требованія и въ публикѣ адресовались къ нему съ смѣшными французскими заученными фразами. Для практики французскаго языка помѣщики свели знакомство съ гризетками и восторгались, какъ ихъ веселостью, такъ и своими успѣхами во французскомъ языкѣ.

Мнѣ надоѣло ходить обѣдать въ ресторанъ, тѣмъ болѣе, что я иногда должна была оставаться безъ обѣда до 8 часовъ вечера, потому что Панаевъ съ В. П. Б. нерѣдко пропадали съ утра на весь день и запаздывали придти за мной. Я сговорила съ квартирной хозяйкой, чтобы она готовила намъ обѣдъ, но этимъ только надѣлала себѣ хлопотъ, потому что къ нашему обѣду, какъ въ Петербургѣ, стали неожиданно являться гости, по два, по три человѣка. В. П. Б. восхищался моей мыслью имѣть домашній столъ въ Парижѣ. Онъ являлся къ обѣду съ хрѣномъ для вареной говядины, потому что хрѣнъ продавался только въ аптекѣ. Онъ потиралъ отъ удовольствія руки, если, придя къ обѣду, узнавалъ, что будутъ свѣжія щи или уха, которыя я научила готовить квартирную хозяйку. Кушая щи или уху, онъ восхвалялъ мои кулинарныя способности, но я испортила его благоволеніе къ себѣ. Разъ, за обѣдомъ, онъ сталъ укорять въ попрошайствѣ Бакунина, который, не получая денегъ изъ Россіи, сидѣлъ безъ копѣйки и занялъ у него 50 франковъ. Меня это страшно возмутило и я высказала, что пріятели Бакунина стыдно не помочь ему, когда они сами тратятъ по сто рублей на ужины и обѣды для первой встрѣчной на улицѣ французенки. Всѣ пришли въ изумленіе отъ моихъ словъ, привыкнувъ, что я всегда молчала; но мое терпѣніе лопнуло.

На каждомъ шагу я видѣла краснорѣчивое противорѣчіе ихъ поступковъ съ проповѣдываемыми ими возвышенными, гуманными воззрѣніями на вещи. Но, главное, всѣ присутствующіе знали, что Бакунинъ потому сидѣлъ безъ копѣйки, что спасъ одно русское семейство отъ голодной смерти; онъ заплатилъ долгъ соотечественника, который давно уже жилъ въ Парижѣ на трудовые гроши, но заболѣлъ, пролежалъ больной два мѣсяца, вслѣдствіе чего задолжалъ и его хотѣли посадить въ тюрьму; тогда жена и дѣти должны были бы идти просить милостыню.

Я не намѣрена описывать здѣсь всѣ подробности моего пребыванія въ Парижѣ. Скажу только, что постоянныя сплетни и дразги,

господствовавшія въ средѣ пріятелей, окружавших Панаева, надѣли и опротивѣли мнѣ страшнымъ образомъ. Я была очень рада, что могла отъ нихъ удалиться, познакомившись черезъ Бакунина съ двумя братьями Т., казанскими помѣщиками, людьми очень образованными и чуждавшимися тѣхъ парижскихъ развлеченій, до которыхъ такъ падко большинство русскихъ путешественниковъ. Я часто проводила вечера въ обществѣ Бакунина и братьевъ Т. и за чаемъ съ наслажденіемъ слухала ихъ бесѣды, всегда интересныя и для меня совершенно новыя.

Въ одно прекрасное утро, Панаевъ былъ пораженъ неожиданнымъ сюрпризомъ: оказалось, что онъ уже забралъ и истратилъ почти всѣ свои деньги, хранившіяся у парижскаго банкира. Нечего было и думать объ исполненіи задуманной программы путешествія, т. е. о посѣщеніи Швейцаріи и Италіи, и намъ пришлось поспѣшить возвращеніемъ въ Россію.

Бакунинъ, при прощаніи, просилъ меня сообщить Бѣлинскому объ одномъ проектѣ, который онъ задумалъ. Онъ часто говорилъ со мной о Бѣлинскомъ и сожалѣлъ, что тотъ напрасно тратитъ свои силы и способности, пытаясь втиснуть въ узкую рамку литературы свою дѣятельность, что его могутъ удовлетворять односторонніе литературные интересы.

— Онъ жестоко ошибается,—говорилъ Бакунинъ,—въ немъ клочкуютъ самыя животрепещущіе общечеловѣческіе вопросы. Онъ преждевременно истлѣветъ отъ внутренняго огня, который постоянно долженъ тушить въ себѣ. Непростительно такому даровитому человѣку, подобно безпутному моту, расточать свое духовное богатство безъ пользы. Возможно ли человѣку свободно излагать свои мысли, убѣжденія, когда его мозгъ сдавленъ тисками, когда онъ можетъ каждую минуту ожидать, что къ нему явится будочникъ, схватить его за шиворотъ и посадить въ будку. Право, смѣшно и даже обидно смотрѣть, что человѣкъ при такой обстановкѣ лѣзетъ изъ кожи, дурачить самого себя надеждами, что можетъ что-нибудь сдѣлать для общей пользы. Ужасная минута ожидаетъ Бѣлинскаго, когда онъ, искалѣченный физически и нравственно, вдругъ прозритъ, что его дѣятельность, надъ которой онъ столько лѣтъ медленно изнывалъ, гроша не стоитъ!

Когда мы вернулись въ Петербургъ, Бѣлинскій пришелъ къ намъ въ тотъ же вечеръ.

Я нашла въ немъ большую перемяну; онъ похудѣлъ, сторбился и сильно кашлялъ; какая-то апатія появилась въ немъ. Мнѣ удалось только на другое утро сообщить ему то, что просилъ меня передать Бакунинъ. Бѣлинскій выслушалъ меня и сказалъ:

— Я знаю безъ него, что истлѣю преждевременно при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ нахожусь; но все-таки не намѣренъ осуществить его планъ. Между нимъ и мной огромная разница: во-пер-

выхъ, онъ космополитъ въ душѣ; во-вторыхъ, съ своимъ знаніемъ языковъ и энциклопедическимъ образованіемъ, онъ можетъ чувствовать твердую почву подъ своими ногами, гдѣ бы онъ не очутился. А что же я-то буду дѣлать, если меня оторвать отъ моей почвы и отъ моей дѣятельности, въ которую я вложилъ свою душу? Я также прекрасно вижу, что не могу принести той пользы, къ которой порываюсь, но лучше сдѣлать мало, чѣмъ ничего!.. Это онъ зафантазировался! Вѣдь это было бы одно и то же,—что захотѣтъ развести въ Италіи березовую рощу; привести отсюда съ корнями большія деревья и посадить на плодотворную почву. Ну, что бы вышло? Завяли бы все деревья! Такова и его фантазія о колоніи русскихъ въ Парижѣ. Бакунинъ блестящій теоретикъ и слишкомъ увлекается своими отвлеченными фантазіями. Онъ воображаетъ, что все дѣлается какъ въ сказкѣ: окунулся Ванька-дуракъ въ чанъ и вынырнулъ оттуда красавцемъ, весь въ золотѣ и зажилъ царемъ!

Бѣлинскій круто измѣнилъ разговоръ и началъ спрашивать объ общихъ знакомыхъ русскихъ, которые проживали въ Парижѣ.

Бѣлинскій приходилъ каждый день и мы подолгу бесѣдовали, такъ какъ накопилось много разныхъ предметовъ для разговоровъ. На мое замѣчаніе, откуда у него появилась такая апатія, онъ отвѣтилъ:

— Вы молоды, здоровы, у васъ надежды есть, а у меня впереди нѣтъ просвѣта, да еще никуда негоднымъ калѣжкой становлюсь!

Бѣлинскій, узнавъ, что мы скоро опять уѣзжаемъ изъ Петербурга на лѣто въ Казанскую губернію, такъ какъ Панаеву непременно нужно было ѣхать въ свою деревню, съ завистью сказалъ:

— Экъ васъ носить—изъ Европы къ татарамъ, а я такъ привинченъ къ Петербургу, что даже лѣтомъ долженъ задыхаться отъ духоты, вони и глотать пыль, потому что нанялъ попросторнѣе квартиру и о дачѣ нечего думать. Неужели я никогда не выбьюсь изъ этой каторжной жизни батрака?.. Тѣфу пропасть! изъ-за этихъ пакостныхъ денегъ, какихъ только гадостей не испытываетъ человѣкъ!..

VII.

Знакомство съ Грановскимъ и его женой.—Семейство Герценовъ.—Кетчеръ, Е. О. Коршъ, Рѣдкинъ и Кавелинъ въ гостяхъ у А. И. Герцена.—Моя дружба съ Грановскими.—Грановскій въ своей семьѣ.—Характеристика его жены.—Споръ Кетчера съ Грановскимъ.—Возвращеніе въ Петербургъ.—П. В. Анненковъ.—«Петербургскій Сборникъ» Некрасова.—Тургеневъ на обѣдахъ аристократической молодежи у Дюссо.—Займы Тургенева у Некрасова и нотации Бѣлинскаго.—«Бѣдные люди» Достоевскаго.—Споры Тургенева съ Достоевскимъ.—Размолвка нашего кружка съ послѣднимъ.—Успѣхъ «Петербургскаго Сборника» и предложенія Бѣлинскому издать «Альманахъ».—Вторичная поѣздка въ Москву и публичныя лекціи Грановскаго.—Вечера у Грановскаго и Герцена.

Проѣздомъ въ Казань, мы остановились въ Москвѣ и я познакомилась съ Грановскимъ; онъ пріѣхалъ пригласить насъ обѣдать къ себѣ. Я много уже слышала о немъ, о Герценѣ, и объ ихъ женахъ, отъ ихъ пріятелей. Жену Герцена возносили до небесъ, а о женѣ Грановскаго говорили, что она «тупица», даже удивлялись, какъ могъ Грановскій жениться на такой неуклюжей нѣмкѣ, которая, кромѣ хозяйства, ничѣмъ не интересовалась.

Заводить новое дамское знакомство мнѣ вовсе не хотѣлось, но самъ Грановскій такъ мнѣ понравился и такъ мило сказалъ, что ему очень хотѣлось бы, чтобы я познакомилась съ его женой, что я не могла отказаться. Въ взглядѣ и въ манерахъ Грановскаго было столько мягкости, что онъ мгновенно располагалъ къ себѣ человѣка.

Жена Грановскаго не отличалась красотой; она была необычайно застѣнчива, но за то въ каждомъ ея словѣ чувствовалась искренняя простота. Съ перваго же разу мы такъ сошлись, точно давно уже были знакомы. У насъ оказалось много общаго во взглядахъ на вещи; я очень пріятно провела съ ней время и дала слово на другой день опять пріѣхать.

Семейство Щепкиныхъ было на дачѣ, Аксаковы уѣхали въ свое имѣніе, такъ что у меня въ Москвѣ не было знакомыхъ и Грановскіе уговорили меня пріѣзжать къ нимъ обѣдать всякій разъ, когда Панаевъ былъ приглашенъ куда-нибудь. Бывая почти цѣлый день у Грановскихъ, я могла узнать ихъ домашнюю жизнь. Пріятно было видѣть согласіе между мужемъ и женой; безъ всякихъ особенныхъ нѣжностей они оба искренно любили другъ друга. Жена Грановскаго не говорила мнѣ о своей любви къ мужу, но она выражалась въ ея заботахъ, чтобы ему было спокойно, чтобы никакія хозяйственныя дразги не доходили до него. Грановскій очень любилъ чистоту въ домѣ и хорошій столъ, и жена усердно заботилась объ этомъ. Доходы Грановскаго ограничивались профессорскимъ жалованьемъ, а потому женѣ его поневолѣ нужно

было самой входить въ хозяйство. Оказалось, что жена Грановскаго отлично знала нѣмецкую литературу, читала много, была хорошая музыкантша, такъ что по своему образованію и развитію выдѣлялась между другими женщинами, но, по скромности характера, ей и въ голову не приходило, что слѣдовало заявлять объ этомъ въ кружкѣ, куда она попала, выйдя замужъ за Грановскаго.

Съ Герценомъ я познакомилась у Грановскихъ.

— Мы старые знакомые, хоть не видали другъ друга въ лицо,—сказалъ мнѣ Герцень.—Вы забыли, можетъ быть, а я нѣтъ, что по вашей инициативѣ мнѣ разрѣшили снова жить въ Москвѣ.

Я отвѣтила, что это была скорѣе случайность, нежели моя инициатива.

— Скромность одна изъ добродѣтелей, которая украшаетъ челоуѣка,—банальнымъ тономъ замѣтилъ Герцень.

— А я изъ наблюденія вывела заключеніе, что скромность причислена къ восьмому смертному грѣху.

Герцень пріѣхалъ передъ обѣдомъ приглашать къ себѣ Грановскихъ вечеромъ, такъ какъ у него намѣревались собраться общіе ихъ знакомые; онъ, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Надѣюсь, мы можемъ обойтись и безъ официальныхъ визитовъ и вы пріѣдете съ Грановскими къ намъ. Панаевъ у меня обѣдаетъ и просилъ меня передать вамъ, чтобы вы непременно пріѣзжали. Помните, что сказано: «жена должна слѣдовать всюду за мужемъ!»

— Я помню и гражданскій законъ, что мужъ имѣетъ право требовать по этапу къ себѣ жену.

— Грановскій и Лизавета Богдановна,—повелительно провозгласилъ Герцень,—предписывается вамъ конвоировать жену казанскаго дворянина Панаева и доставить ее на мѣсто нахождения ея мужа, сегодня же вечеромъ!

Въ продолженіе своего визита, онъ поражалъ меня блескомъ остроумія и неожиданными парадоксами въ своемъ разговорѣ. Смотри на него и на Грановскаго, я не знала кому отдать преимущество: кипучей живости и блеску остроумія Герцена, или спокойной задумчивости и ясному уму Грановскаго. Выраженія ихъ лицъ рѣзко отличались одно отъ другого. Герцень былъ ниже Грановскаго, съ блестящими, живыми, большими, проницательными сѣрыми глазами, съ подвижными манерами, говорилъ скоро, звонкимъ голосомъ. Въ карихъ же глазахъ Грановскаго просвѣчивала необычайная мягкость, всѣ движенія его были спокойны, а негромкій голосъ, какъ говорится, былъ бархатный. Грановскій иногда какъ будто заикался слегка, но это пропадало, если онъ одушевлялся въ разговорѣ. За обѣдомъ жена Грановскаго стала отговариваться отъ поѣздки къ Герценамъ. Грановскій обратился ко мнѣ:

— Посмотрите на что похожа ея застѣнчивость?—сказалъ онъ.—

Нигдѣ не хочетъ бывать, даже неловко за нее. Каролина Павловна ¹⁾ три раза была у нея съ визитомъ, чтобы поближе сойтись съ ней. Такая дѣтская робость даже смѣшна въ взрослой женщинѣ и вредна; ты одичаешь,—продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ,—сидя все одна, да и это очень не хорошо для здоровья твоего; оттого всякіе страхи тебѣ приходятъ въ голову, если меня нѣтъ дома... Надо вамъ выдать ее и пристыдить; она вѣдь перетрусилась, что я васъ пригласилъ на обѣдъ.

Мы обѣ разсмѣялись, потому что сообщили уже другъ другу наше обоюдное нежеланіе знакомиться, и я серьезнымъ тономъ сказала, что и я также боюсь ѣхать къ женѣ Герцена, потому что она, по рассказамъ, такая возвышенная женщина, что я не знаю о чемъ мнѣ, прозаической женщинѣ, и говорить съ ней.

— Вы шутите, а я серьезно говорю,—сказалъ Грановскій,—и надѣюсь, что вы будете на моей сторонѣ и уговорите жену сбросить съ себя смѣшную застѣнчивость.

— Не надѣйтесь, я всегда противъ деспотовъ мужей.

Грановскій разсмѣлся и отвѣтилъ:

— Хорошо, что высказались, я буду при васъ умѣрять свой деспотизмъ.

Я однако уговорила жену Грановскаго ѣхать къ Герценамъ, не смотря на то, что она призналась мнѣ, что ей тяжело находиться въ обществѣ, гдѣ присутствіе ея переносятъ только потому, что она жена Грановскаго.

Герцены жили въ домѣ своего отца, но совершенно отдѣльно; комнаты были большія, домъ старинной постройки, простору было много, обстановка помѣщичья, прислуги много. Я слышала изъ рассказовъ Грановскаго о причудахъ старика отца Герцена и его нѣмки-матери, забитой женщины. Мать Герцена имѣла отдаленную половину въ домѣ, гдѣ помѣщалась съ глухонѣмымъ трехлѣтнимъ внукомъ. Старшій сынъ Герцена, 7-лѣтній мальчикъ, былъ хорошенькій, умный, но страшно избалованный. Старикъ отецъ Герцена никуда не выходилъ изъ комнаты, вѣчно лечился и брюзжалъ на окружающихъ, деспотически распоряжался всѣми и поминутно жаловался, что онъ больной человекъ, брошенный всѣми, что всѣ нетерпѣливо ждуть его смерти. Мать Герцена была предобродушная женщина и, должно быть, была смолоду красавица; но она была необразованная женщина, забитая такъ, что не имѣла никакого значенія въ семьѣ, даже я нашла, что съ ней обходились слишкомъ пренебрежительно и не давали ей промолвить слова. Если она дѣлала какое-нибудь очень разумное замѣчаніе по хозяйству или по воспитанію дѣтей, то съ какой-то насмѣшливой снисходительностію ей отвѣчали: «хорошо, хорошо, замолчите».

¹⁾ Павлова.

Въ домѣ жила еще бѣдная вдова съ молоденькой дочерью, которыя обязаны были ухаживать за своимъ больнымъ благодѣтелемъ.

Раздѣваясь въ передней, мы слышали изъ столовой крики Кетчера, покрывавшіе голоса другихъ гостей. Кетчера, переводчика Шекспира, я знала коротко; онъ года два жилъ въ Петербургѣ.

Когда собирались вмѣстѣ общіе знакомые, то Кетчеръ на этихъ вечерахъ самъ себѣ избралъ должность разливателя шампанскаго. безъ котораго онъ не могъ обойтись. Чуть сходилось нѣсколько человѣкъ, онъ овладѣвалъ бутылкой и съ наслажденіемъ разливалъ вино и наблюдалъ, чтобы его пили. Только-что мы переступили порогъ, какъ Кетчеръ уже встрѣтилъ насъ съ бокалами вина. крича: «берите и пейте, успѣете продѣлать китайскія церемоніи».

За длиннымъ столомъ сидѣло много гостей; пили чай. Хозяйка дома не разливала; эту обязанность исполняла за нее молоденькая дочь бѣдной вдовы.

Жена Герцена была хорошенькая, но въ ея лицѣ не было жизни; она говорила плавно, не возвышая и не понижая голоса. Сначала меня познакомили съ дамами, а потомъ съ мужчинами.

Знакома меня съ послѣдними, Герценъ говорилъ:

— Е. Ѳ. Коршъ, соперникъ Іакова по многочисленности своего потомства, а сей ученый мужъ, указывая на профессора Рѣдкина, мнящій каждую минуту, что умретъ, доживетъ до Мауссаиловыхъ лѣтъ и все будетъ мнить, что онъ умретъ во цвѣтъ лѣтъ. (Рѣдкинъ страшно былъ мнителенъ). Представляя мнѣ Кавелина, Герценъ сказалъ: —это трижды молодой, какъ по своимъ лѣтамъ, какъ профессоръ и какъ человѣкъ, который только-что связалъ себя узами Гименея.

— Прибавь къ несчастью и по глупости!—заикаясь, проговорилъ Е. Ѳ. Коршъ.

Кавелинъ женился на младшей сестрѣ его.

Хозяйка дома не заботилась занимать дамъ разговорами. Когда кончился чай, то всѣ перешли въ гостиную. Кетчеръ захватилъ бутылку и покрикивалъ на всѣхъ, чтобы брали свои стаканы.

— Какъ жаль, что Кетчеръ не генераль, какъ бы на мѣстѣ былъ его голосъ на смотру при командованіи полкомъ,—замѣтилъ Коршъ.

Его коробили рѣзкости въ Кетчерѣ, особенно возмущало, что тотъ дозволяетъ себѣ читать нотации всѣмъ, какъ какой-нибудь менторъ, и словно неумолимый судья изрекаетъ свои приговоры о поступкахъ другихъ. Кетчеръ пользовался особеннымъ благоволеніемъ жены Герцена, и съ своей стороны восхвалялъ ее до небесъ и часто говорилъ при всѣхъ Герцену: «ты дрянъ передъ своей женой».

Когда перешли въ гостиную, то хозяйка дома пригласила меня сѣсть возлѣ себя въ укромномъ уголкѣ. вдали отъ всѣхъ и своимъ

плавнымъ, тихимъ голосомъ завела разговоръ о возвышенныхъ предметахъ, точно экзаменуя меня. Она прочитала мнѣ цѣлую лекцію о высокомъ назначеніи женщины.

Мы бесѣдовали подъ страшный шумъ спорящихъ голосовъ мужчинъ. За ужиномъ всѣ сидѣли очень долго, шли горячіе споры о положеніи Франціи, такъ какъ на нее обращено было общее вниманіе, какъ на лабораторію, въ которой совершались химическіе опыты надъ разными современными общественными и политическими вопросами.

На другой день, за обѣдомъ, Грановскій спросилъ меня: какъ понравилась мнѣ жена Герцена?

Я откровенно созналась, что нашла въ ней что-то не естественное и мнѣ не понравилось слишкомъ явное ея самолюбіе, будто она стоитъ выше всѣхъ ея окружающихъ женщинъ. Я пошутила, прибавивъ, что должно быть провалилась на сдѣланномъ ею мнѣ экзаменѣ и получила единицу за свои прозаическіе взгляды на жизнь.

— Она хорошая женщина, это все ей искусственно привито, — замѣтилъ Грановскій, — чрезмѣрными похвалами ея окружающихъ. Все это она сброситъ съ себя, когда будетъ имѣть столкновение съ людьми внѣ своего маленькаго кружка. Понятно, что она считаетъ себя выше другихъ женщинъ, если всѣ кругомъ стараются доказать ей, что она непогрѣшима во всѣхъ своихъ поступкахъ. А вѣдь это мѣшаетъ человѣку анализировать свои поступки. Мы знаемъ фактъ, гдѣ она поступила далеко не такъ, какъ рѣшились бы поступить многія женщины съ менѣе идеальнымъ взглядомъ на жизнь, а между тѣмъ окружающіе старались изъ этого факта выставить ее въ какомъ-то возвышенномъ свѣтѣ. Какъ же можно требовать отъ нея, чтобы она была естественна; скорѣе другіе виноваты въ этомъ недостаткѣ въ ней. Ей самой будетъ тяжело, когда жизнь ей покажетъ ложную сторону ея заблужденія.

Черезъ недѣлю послѣ вечера у Герцена, поэтъ С. съ удивленіемъ спросилъ меня, почему я не ѣду къ женѣ Герцена и неужели я предпочитаю ей общество жены Грановскаго. Я не скрыла предпочтеніе, питаемое мной къ Грановской. Онъ передалъ это Кетчеру, который явился ко мнѣ съ рѣзкими наставленіями, но я также рѣзко отвѣчала ему, что мнѣ болѣе симпатична жена Грановскаго; что я не намѣрена подчиняться чужому мнѣнію; что, можетъ быть, жена Герцена стоитъ во всѣхъ отношеніяхъ выше всѣхъ женщинъ по своему развитію, уму и высокимъ дарованіямъ, но я все-таки нахожу болѣе пріятнымъ проводить время съ женой Грановскаго.

Кетчеръ нашелъ, что я оригинальничаяю.

Еще болѣе удивило всѣхъ, что я переѣхала къ Грановскимъ жить, когда Панаевъ поѣхалъ въ деревню одинъ, оставивъ меня

въ Москвѣ. Грановскій, узнавъ, что мнѣ очень не хочется ѣхать въ Казанскую губернію, сталъ упрашивать меня, чтобы я, на время отсутствія Панаева, переѣхала къ нимъ; у нихъ была свободная комната на верху и я ихъ не могла стѣснить.

— Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе, если переѣдете къ намъ. Вы гораздо лучше сѣумѣли въ короткое время повліять на застѣнчивость моей жены, чѣмъ я бесполезно трудился надъ этимъ такъ долго. У меня мало времени быть около нея. Такую робкую натуру, какъ у нея, скорѣе запугаютъ въ нашемъ кружкѣ, чѣмъ ободряютъ.

И Грановскій разсказалъ при этомъ о воспитаніи своей жены и о деспотизмѣ своего тестя, который доходилъ просто до тиранства въ обращеніи съ своими дѣтьми. Онъ отдавалъ справедливость тестю, что тотъ заботился объ образованіи дѣтей, но за то нелѣпыми строгостями испортилъ ихъ здоровье.

Старшій братъ жены Грановскаго умеръ отъ чахотки, только что окончивъ курсъ въ университетѣ.

— Вѣдь Лиза до смѣшного боится своего отца до сихъ поръ,— говорилъ Грановскій,— она скрываетъ отъ меня, что онъ попрежнему мудритъ надъ нею и распекаетъ ее, какъ дѣвочку, за всякіе пустяки, которые найдеть въ нашемъ хозяйствѣ. Волненіе и слезы очень вредны для ея слабой груди, а онъ всегда доведеть ее до слезъ; на другой день послѣ его посѣщенія, у нея кровь идетъ горломъ. Мое положеніе ужасное; попросить старика прекратить дѣлать выговоры дочери,—обидится, перестанеть бывать у насъ; это Лизу еще хуже будетъ мучить, да и жаль ея младшую сестру, которой запретьять бывать у насъ, гдѣ она отдыхаетъ отъ деспотизма отца и гдѣ видитъ людей.

Въ самомъ дѣлѣ, когда я переѣхала къ Грановскимъ, то увидѣла до чего волновалась жена Грановскаго въ ожиданіи посѣщенія своего отца, который аккуратнo два раза въ недѣлю въ извѣстный часъ являлся къ ней утромъ завтракать и потомъ пилъ чай. У нея руки дрожали, когда она наливала ему чай, потому что отецъ бросалъ на нее грозные взгляды, если она нечаянно стукнула ложечкой о чашку, или случайно капала на блюдечко. Сохрани Боже, если происходило замедленіе въ завтракѣ, или онъ былъ приготовленъ не по вкусу; отецъ даже дѣлалъ ей выговоры за то, если стулъ стоялъ не спинкой къ окну. Послѣ завтрака, когда старикъ допекалъ дочь строжайшими выговорами, она должна была стоять передъ нимъ цѣлый часъ. Когда я переѣхала жить къ Грановскимъ и нѣсколько разъ замѣтила у нея заплаканные глаза послѣ продолжительной аудіенціи съ отцомъ, я начала стыдить ее, что она придаетъ такую важность причудамъ старика и увѣряла, что онъ броситъ дѣлать ей выговоры, если она въ его присутствіи не будетъ дрожать передъ нимъ. Старикъ терпѣть не могъ, чтобы смѣялись и говорили, когда

онъ ѣсть, а я нарочно шутила, болтала все время. Сначала онъ бросалъ на меня удивленные, строгіе взгляды, а я дѣлала видъ, что не замѣчаю ихъ и продолжала свое. Черезъ нѣсколько времени старикъ уже улыбался на мои шутки и даже удостоилъ меня пригласить обѣдать къ себѣ. Это было такое чудо, что Грановскій потѣшался надъ моею побѣдой.

У Грановскихъ я встрѣтила Каролину Павловну Павлову и слышала ея чтеніе стиховъ, которые она только-что сочинила и наизусть прочла во время своего визита. Въ разговорѣ она вставляла постоянно строфы стиховъ на нѣмецкомъ языкѣ изъ Гёте, изъ Байрона—на англійскомъ, изъ Данте—на итальянскомъ, а по-испански привела какую-то пословицу. Она больше говорила съ Грановскимъ, нежели съ нами. Павлова была уже не молода и некрасива, очень худенькая, но съ величественными манерами. Я познакомилась также съ женой Кавелина и съ женой профессора Крылова, тоже сестрой Корша. Крыловъ былъ не симпатиченъ, худой, съ желтовато-блѣднымъ цвѣтомъ лица; онъ съ какой-то злой улыбочкой смотрѣлъ на свою жену, когда она говорила.

У Грановскаго часто обѣдали: Перевощиковъ, Рѣдкинъ, Кавелинъ.

Надъ Рѣдкинымъ я съ женой Грановскаго много потѣшалась; мы нарочно заводили разговоръ о болѣзняхъ и о покойникахъ, и всякій разъ, когда онъ приходилъ, говорили ему, будто онъ страшно измѣнился и имѣеть болѣзненный видъ.

Нѣсколько разъ я видѣла Чичерина въ студенческомъ мундирѣ; онъ вмѣстѣ съ своей матерью прѣзжалъ съ визитомъ къ Грановскимъ. Грановскій руководилъ подготовленіемъ Чичерина къ поступленію въ университетъ.

Впрочемъ, къ Грановскому являлось много студентовъ, кто за совѣтами по занятіямъ, кто по личнымъ своимъ дѣламъ; ко всѣмъ онъ относился съ участіемъ; нуждающійся студентъ всегда находилъ у него помощь.

У Грановскаго постоянно жили въ домѣ одинъ или два безпріютные бѣдные студенты. Онъ былъ необыкновенно внимателенъ къ нимъ, за столомъ разговаривалъ, шутилъ съ ними и постоянно спрашивалъ жену,—позаботилась ли она напоить и накормить ихъ передъ уходомъ на лекціи. Помимо расположенія студентовъ къ Грановскому, какъ отличному профессору, они еще цѣнили его, какъ человѣка, относящагося съ отцовскою любовью къ студентамъ.

Мнѣ жилось хорошо у Грановскихъ, пріятно было видѣть такое согласіе между мужемъ и женой. По утрамъ, если Грановскій не былъ на лекціи, то читалъ и работалъ у себя въ кабинетѣ, а я съ его женой тоже занималась чтеніемъ или шитьемъ. По вечерамъ, если Грановскій не уѣзжалъ въ гости или въ клубъ, то приходилъ въ залу и слушалъ игру жены на фортепьяно; онъ очень любилъ

Бетховена. Надо было видѣть—какимъ счастьемъ озарялось лицо жены, когда Грановскій подходилъ къ ней, гладилъ по головѣ и напоминалъ, что докторъ запретилъ ей долго заниматься музыкой.

Жена Грановскаго всегда страшно волновалась, если мужъ запаздывалъ возвращеніемъ домой и какъ бы онъ поздно не вернулся, она не ложилась въ постель. Она мнѣ говорила, что ею овладѣваетъ какой-то безотчетный страхъ, и она не въ силахъ уничтожить въ своей головѣ мрачныхъ картинъ, которыя рисуются ей передъ глазами при мысли о разныхъ несчастіяхъ, какія бываютъ отъ паденія изъ экипажа. Точно она предчувствовала заранѣе, что Грановскій за два года до своей смерти, будетъ разбитъ при паденіи изъ экипажа, и его безъ чувствъ принесутъ домой. На одной щекѣ у него была повреждена челюсть и осталась впадина, которая впрочемъ нисколько его не обезобразила.

Иногда Грановскій, пріѣхавъ изъ клуба, долго сидѣлъ съ нами, рассказывая о своей студенческой жизни, о побѣдкѣ за границу, о своемъ отцѣ, котораго онъ очень любилъ. Отецъ Грановскаго имѣлъ страсть къ картамъ и проигралъ все свое состояніе. Грановскій говорилъ, что онъ чувствуетъ и въ себѣ наслѣдственную страсть къ игрѣ, но никогда не дозволяетъ себѣ играть въ азартныя игры.

Въ концѣ августа, Панаевъ вернулся изъ деревни и я перебралась отъ Грановскихъ.

Я нашла большую переменѣну въ женѣ Щепкина; она сильно постарѣла отъ горя; потерявъ недавно младшую дочь, она ожидала новой потери: старшій сынъ ея доживалъ послѣдніе дни своей жизни, тоже умирая отъ чахотки.

Каждый день у кого-нибудь изъ нашихъ знакомыхъ собирались гости и намъ не приходилось сидѣть дома.

Разъ всѣ собрались къ Грановскимъ вечеромъ. Кетчеръ не могъ покойно сидѣть, потому что не было шампанскаго; онъ тихонько отъ Грановскаго собралъ отъ всѣхъ гостей денегъ, исчезъ, вернулся сіяющій съ полдюжиной шампанскаго, съ хохотомъ выставилъ на столъ батарею бутылокъ и сталъ разливать вино. Замѣтно было по лицу Грановскаго, что выходка Кетчера покорибила его. Изъ этого вышла исторія. На другое же утро Грановскій отдалъ послѣднія свои деньги за шампанское Кетчеру, потребовалъ, чтобы онъ ихъ раздалъ всѣмъ, у кого ихъ набралъ, и просилъ его впредь не распорядиться въ его домѣ подобнымъ образомъ. Кетчеръ обидѣлся, за него заступились пріятели, находя смѣшной такую щепетильность Грановскаго. Послѣдній объяснялъ, что находитъ вообще страннымъ вкоренившійся обычай, какъ только всѣ соберутся вмѣстѣ, непременно пить безъ мѣры шампанское, что и такъ въ Москвѣ распространяютъ слухи о безобразныхъ попойкахъ въ ихъ кружкѣ.

— Когда ѣхали ко мнѣ,—говорилъ Грановскій,—то всѣ знали,

что у меня нѣтъ денегъ на угощеніе шампанскимъ, и потому со стороны Кетчера было глупо и неделикатно заставлятъ меня смотрѣть, какъ мои гости пьютъ вино, купленное на свои же деньги.

Кетчеръ кричалъ, бранился и его едва помирили съ Грановскимъ.

Вскорѣ между ними произошла новая стычка изъ-за Бѣлинскаго, котораго Кетчеръ началъ бранить за ужиномъ у Герцена: зачѣмъ Бѣлинскій остается въ подломъ Петербургѣ, гдѣ только могутъ жить одни чиновники, да эксплуататоры, что Бѣлинскій унижаетъ себя, имѣя дѣло со всякой дрянью, получаетъ гроши за то, что изъ него тянутъ жилы, и что онъ долженъ вернуться въ Москву.

— А вы гарантируете ему, Кетчеръ, хоть эти гроши, когда онъ броситъ Петербургъ и переселится въ Москву?—спросила я Кетчера.

Онъ раскричался на меня, что я защищаю мерзско-пакостный Петербургъ, пропитанный эгоизмомъ и бюрократіей, что всякій порядочный человѣкъ долженъ бѣжать изъ него, что позорно Бѣлинскому дышать даже петербургскимъ воздухомъ, что это непременно отзовется на его нравственныхъ принципахъ, что его не дѣнять въ Петербургѣ и т. п.

— А въ Москвѣ его оцѣнили?—опять спросила я.

Кетчеръ опять набросился было на меня, крича, что я, не понимая вещей, беру смѣлость судить о нихъ, но Грановскій вступился за меня и сталъ доказывать, что я совершенно права, и что Бѣлинскій прекрасно сдѣлалъ, что переселился въ Петербургъ, потому что въ Москвѣ для него нѣтъ дѣятельности, что онъ самъ москвичъ и любитъ Москву, но сознаетъ преимущество Петербурга передъ Москвой, потому что тамъ жизненный пульсъ сильнѣе бьется у людей, а въ Москвѣ осталось еще слишкомъ много снотворныхъ элементовъ отъ стараго времени.

— Такъ уѣзжай изъ Москвы, зачѣмъ здѣсь сидишь, поѣзжай въ подлый Петербургъ!—заоралъ Кетчеръ.

Грановскій своимъ мягкимъ голосомъ покойно отвѣчалъ:

— Зачѣмъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, когда я имѣю здѣсь дѣятельность, безъ которой для меня уже не мыслимо мое существованіе. Московскій университетъ такъ мнѣ дорогъ, что нѣтъ той жертвы, которой я не принесъ бы ему. Вы все это знаете, а также и мою любовь къ Москвѣ, но все-таки это мнѣ не мѣшаетъ видѣть смѣшную сторону въ нѣкоторыхъ москвичахъ, которые отрицаютъ, что въ Петербургѣ могутъ только жить одни подлецы и чиновники. Къ чему поддерживать нелѣпный антагонизмъ между Москвой и Петербургомъ, тогда какъ слѣдовало бы уничтожать его, потому что у интеллигентныхъ людей обѣихъ столицъ одинаковая цѣль—трудиться для просвѣщенія Россіи.

Надо было удерживать Кетчера, чтобы онъ не мѣшалъ говорить Грановскому. Но за то, когда тотъ замолчалъ, Кетчеръ разразился

страшною бранью на защитниковъ Петербурга. Его старались остановить возраженіями, но онъ пришелъ въ такой азартъ, что огуломъ началъ бранить всѣхъ окружающихъ. Коршъ воскликнулъ:

— Господа, оставьте его, пусть кричитъ и ругается, онъ какъ дервишъ, пока самъ не упадетъ отъ головокруженія, его намъ не остановить.

Всѣ засмѣялись. Кетчеръ обидѣлся, схватилъ свою фуражку и хотѣлъ уйти, но жена Герцена остановила его, увела въ другую комнату и насилу успокоила. Послѣ этого вечера, Кетчеръ почему-то считалъ меня виновной въ происшедшемъ, дулся на меня и постоянно дѣлалъ мнѣ шпильки. Грановскій совѣтовалъ мнѣ не обращать вниманія на него, говоря, что Кетчеръ и на него сердится, что онъ всегда дуетъ на тѣхъ, кто противорѣчитъ его мнѣнію или сдѣлаетъ ему замѣчаніе, а самъ позволяетъ себѣ дѣлать неумѣстныя и даже грубыя замѣчанія всѣмъ, что онъ усвоилъ себѣ такую привычку и трудно растолковать ему, что она вовсе некрасива въ развитомъ человѣкѣ.

Мы вернулись въ Петербургъ и у насъ почти каждый вечеръ собирались литераторы и не литераторы. Въ числѣ первыхъ появились начинающіе свое литературное поприще: Григоровичъ, совсѣмъ еще юный не столько годами, сколько своимъ характеромъ, Некрасовъ, который уже сдѣлался близкимъ человѣкомъ къ Бѣлинскому и былъ непремѣннымъ его партнеромъ въ преферансъ, П. В. Анненковъ, который тогда еще не былъ литераторомъ, но очень ухаживалъ за всѣми литераторами.

Въ Анненковѣ была одна замѣчательная черта: въ спорахъ о чемъ бы то ни было нельзя было никакъ повясть съ кѣмъ онъ согласенъ изъ авторитетныхъ лицъ; онъ поддакивалъ то одному, то другому, и если съ кѣмъ находился глазъ на глазъ, то оказывалось, что онъ раздѣляетъ мнѣніе собесѣдника.

Анненковъ имѣлъ обезпеченное состояніе, не служилъ, но былъ очень расчетливъ. Бѣлинскій говорилъ:

— Я желалъ бы имѣть въ своемъ характерѣ голубиную кротость А. Майкова и расчетливость Анненкова, которому, если попадетъ грошъ въ руку, то онъ его не выпуститъ, да еще изъ этого гроша сдѣлаетъ алтынъ.

Некрасовъ задумалъ издать «Петербургскій Сборникъ». У него уже были куплены статьи у нѣкоторыхъ литераторовъ. Бѣлинскій принялъ горячее участіе въ этомъ изданіи, упросилъ Панаева написать что-нибудь для сборника и Панаевъ написалъ «Парижскіе увеселенія».

Бѣлинскій находилъ, что тѣмъ литераторамъ, которые имѣютъ средства, не слѣдуетъ брать денегъ съ Некрасова. Онъ проповѣдовалъ, что обязанность каждаго писателя помочь нуждающемуся

собрату выкарабкаться изъ затруднительнаго положенія, дать ему средство свободно вздохнуть и работать—что ему по душѣ. Онъ написалъ въ Москву Герцену и просилъ его прислать что-нибудь въ «Петербургскій Сборникъ». Герцень, Панаевъ, Одоевскій и даже Сологубъ отдали свои статьи безъ денегъ. Кронебергъ и другіе литераторы сами очень нуждались; имъ Некрасовъ заплатилъ; Тургеневъ тоже отдалъ даромъ своего «Помѣщика» въ стихахъ, но Некрасову обошлось это гораздо дороже, потому что Тургеневъ, по обыкновенію истративъ деньги, присланныя ему изъ дому, сидѣлъ безъ гроша и поминутно занималъ у Некрасова деньги. Объ этихъ займахъ передали Бѣлинскому; онъ, придя къ намъ, какъ нарочно встрѣтилъ Тургенева, ожидавшаго возвращенія Панаева домой, чтобы вмѣстѣ съ нимъ идти обѣдать къ Дюссо. Бѣлинскій зналъ, что обыкновенно, по четвергамъ, въ этотъ модный ресторанъ собиралось много аристократической молодежи обѣдать, и накинулся на Тургенева.

— Къ чему вы разыграли барича? Гораздо было бы проще взять деньги за свою работу, чѣмъ, сдѣлавъ одолженіе человѣку, обращаться сейчасъ же къ нему съ займами денегъ. Понятно, что Некрасову неловко вамъ отказывать и онъ самъ занимаетъ для васъ деньги, платя жидовскіе проценты. Добро бы вамъ нужны были деньги на что-нибудь путное, а то пошкарить у Дюссо! Непостижимо! какъ человѣкъ съ такимъ анализомъ разбирающій неуловимые штрихи въ поступкахъ другихъ людей, не можетъ анализировать такихъ крупныхъ, безтактныхъ своихъ отношеній къ людямъ. Эта распущенность непростительна въ такомъ умномъ человѣкѣ, какъ вы. Вѣдь васъ заслушаешься, не нарадуешься, какъ вы рассуждаете о нравственныхъ принципахъ, которыми обязаны руководиться развитой человѣкъ, а сами вдругъ выкидываете такія колѣнцы, которыя въ пору ремонтѣру. Подтяните, ради Христа, свою распущенность, вѣдь можно сдѣлаться нравственнымъ уродомъ. Мальчишество какое-то у васъ, какъ бы тихонько напроказить, зная, что дѣлаете скверно. Сколько разъ васъ уличали въ разныхъ пошлыхъ продѣлкахъ на сторонѣ, когда вы думали, что избѣжали надзора. Бичуете въ другихъ фанфаронство, а сами не хотите его бросить. Другіе фанфароняты безсознательно, у нихъ не хватаетъ ума; а вамъ-то развѣ можно позволять себѣ такую распущенность!

Тургеневъ очень походилъ на провинившагося школьника и возразилъ:

— Да вѣдь не преступленіе я сдѣлалъ, я вѣдь отдамъ Некрасову эти деньги!.. Просто необдуманно поступилъ.

— Такъ впередъ и обдумывайте хорошенько, что дѣлаете, я для этого и говорю вамъ такъ рѣзко, чтобы вы позорче слѣдили за собой.

Бѣлинскій сильно привязывался къ молодымъ даровитымъ людямъ; ему хотѣлось, чтобы они заслуживали общее уваженіе помимо своего таланта, какъ безукоризненные, хорошіе и честные люди, чтобы никто не могъ упрекнуть ихъ въ какомъ-нибудь нравственномъ недостаткѣ. Онъ говорилъ:—«Господа, человѣческія слабости всѣмъ присущи и прощаются, а съ насъ взыщутъ съ неумолимой строгостью за нихъ, да и имѣютъ право относиться такъ къ намъ, потому что мы обличаемъ печатно пошлость, развращеніе, эгоизмъ общественной жизни, значить, мы объявили себя не причастными къ этимъ недостаткамъ, такъ и надо быть осмотрительными въ своихъ поступкахъ, иначе,—какой прокъ выйдетъ изъ того, что мы пишемъ?—мы сами будемъ подрывать вѣру въ наши слова!»

Тургеневъ не простилъ лицу, выболтавшему Бѣлинскому о его займахъ у Некрасова, и оплатилъ болтливому господину той же монетой, да еще съ ростовщичьими процентами, разгласивъ одинъ его некрасивый поступокъ внѣ кружка. Меня удивляло, какъ подобныя сплетни другъ на друга не мѣшали ихъ наружнымъ пріятельскимъ отношеніямъ. Къ чему было это лицемѣріе?

Панаевъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» рассказываетъ объ эффектѣ, произведенномъ «Бѣдными людьми» Достоевскаго, и я объ этомъ не буду распространяться. Достоевскій пришелъ къ намъ въ первый разъ вечеромъ съ Некрасовымъ и Григоровичемъ, который только-что вступалъ на литературное поприще. Съ перваго взгляда на Достоевскаго видно было, что это страшно нервный и впечатлительный молодой человѣкъ. Онъ былъ худенькій, маленькій, бѣлокурый, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица; небольшіе сѣрые глаза его какъ-то тревожно переходили съ предмета на предметъ, а блѣдныя губы нервно передергивались. Почти всѣ присутствовавшіе тогда у насъ уже были ему знакомы, но онъ видимо былъ сконфуженъ и не вмѣшивался въ общій разговоръ. Всѣ старались занять его, чтобы уничтожить его застѣнчивость и показать ему, что онъ членъ кружка. Съ этого вечера Достоевскій часто приходилъ вечеромъ къ намъ; застѣнчивость его прошла, онъ даже выказывалъ какую-то задорность, со всѣми заводилъ споры, очевидно изъ одного упрямства противорѣчилъ другимъ. По молодости и нервности, онъ не умѣлъ владѣть собой и слишкомъ явно высказывалъ свое авторское самолюбіе и самомнѣніе о своемъ писательскомъ талантѣ. Ошеломленный неожиданнымъ, блистательнымъ, первымъ своимъ шагомъ на литературномъ поприщѣ и засыпанный похвалами компетентныхъ людей въ литературѣ, онъ, какъ впечатлительный человѣкъ, не могъ скрыть своей гордости передъ другими молодыми литераторами, которые скромно выступили на это поприще съ своими произведеніями. Съ появленіемъ молодыхъ литераторовъ въ кружкѣ, бѣда была попасть имъ на зубокъ, а Достоевскій какъ нарочно давалъ къ этому поводъ своею раздражительностію и вы-

сокомѣрнымъ тономъ, что онъ несравненно выше ихъ по своему таланту. И пошли перемывать ему косточки, раздражать его самолюбіе уколами въ разговорахъ; особенно на это былъ мастеръ Тургеневъ,—онъ нарочно втягивалъ въ споръ Достоевскаго и доводилъ его до высшей степени раздраженія. Тотъ лѣзъ на стѣну и защищалъ съ азартомъ иногда нелѣпыя взгляды на вещи, которые сболтнулъ въ горячности, а Тургеневъ ихъ подхватывалъ и потѣшался. У Достоевскаго явилась страшная подозрительность вслѣдствіе того, что одинъ пріятель передавалъ ему все, что говорилось въ кружкѣ лично о немъ и о его «Бѣдныхъ людяхъ». Пріятель Достоевскаго, какъ говорятъ, изъ любви къ искусству, передавалъ всѣмъ, кто о комъ что сказалъ. Достоевскій заподозрилъ всѣхъ въ зависти къ его таланту и почти въ каждомъ словѣ, сказанномъ безъ всякаго умысла, находилъ, что желаютъ умалить его произведеніе, нанести ему обиду; онъ приходилъ уже къ намъ съ накипавшей злобой, придирался къ словамъ, чтобы излить на завистниковъ всю желчь, душившую его. вмѣсто того, чтобы снисходительнѣе смотрѣть на больного нервнаго человѣка, его еще сильнѣе раздражали насмѣшками. Достоевскій претендовалъ на Бѣлинскаго за то, что онъ играетъ въ преферансъ, а не говоритъ съ нимъ о его «Бѣдныхъ людяхъ».

— Какъ можно умному человѣку просидѣть даже десять минутъ за такимъ идиотскимъ занятіемъ, какъ карты, а онъ сидитъ по два и по три часа!—говорилъ Достоевскій съ какимъ-то озлобленіемъ.—Право, ничѣмъ не отличишь общества чиновниковъ отъ литераторовъ, то же тупоумное препровожденіе времени.

Бѣлинскій избѣгалъ всякихъ серьезныхъ разговоровъ, чтобы не волноваться. Достоевскій приписывалъ это охлажденію къ нему Бѣлинскаго, который иногда, слыша разгорячившагося Достоевскаго въ спорѣ съ Тургеневымъ, потихоньку говорилъ Некрасову, игравшему съ нимъ въ карты:—«Что это съ Достоевскимъ, говоритъ какую-то бессмыслицу, да еще съ такимъ азартомъ». Когда Тургеневъ, по уходѣ Достоевскаго, рассказывалъ Бѣлинскому о рѣзкихъ и неправильныхъ сужденіяхъ Достоевскаго о какомъ-нибудь русскомъ писателѣ, то Бѣлинскій ему замѣчалъ:

— Ну, да вы хороши, сцѣпились съ больнымъ человѣкомъ, подзадориваете его, точно не видите, что онъ въ раздраженіи, самъ не понимаетъ, что говорить.

Когда Бѣлинскому передавали, что Достоевскій считаетъ себя уже гениемъ, то онъ пожималъ плечами и съ грустью говорилъ:

— Что за несчастіе, вѣдь несомнѣнный у Достоевскаго талантъ, а если онъ, вмѣсто того, чтобы разработать его, вообразить уже себя гениемъ, то вѣдь не пойдетъ впередъ. Ему непремѣнно надо лечиться, все это происходитъ отъ страшнаго раздраженія нервовъ. Должно быть потрепала его бѣднаго жизнь! Тяжелое настало время,

надо имѣть воловьи нервы, чтобы они выдержали всѣ условія нынѣшней жизни. Если не будетъ просвѣта, такъ чего добраго всѣ поголовно будутъ психически больны!

Разъ Тургеневъ при Достоевскомъ описывалъ свою встрѣчу въ провинціи съ одной личностью, которая вообразила себя гніальнымъ человѣкомъ и мастерски изобразилъ смѣшную сторону этой личности. Достоевскій былъ блѣденъ, какъ полотно, весь дрожалъ и убѣжалъ, не дослушавъ разказа Тургенева. Я замѣтила всѣмъ:—къ чему изводить такъ Достоевскаго?—но Тургеневъ былъ въ самомъ веселомъ настроеніи, увлекъ и другихъ, такъ что никто не придалъ значенія быстрому уходу Достоевскаго. Тургеневъ сталъ сочинять юмористическіе стихи на Дѣвушкина, героя «Бѣдныхъ людей», будто бы тотъ написалъ благодарственные стихи Достоевскому, что онъ оповѣстилъ всю Россію объ его существованіи и въ стихахъ повторялось часто «мамочка».

Съ этого вечера Достоевскій болѣе уже не показывался къ намъ и даже избѣгалъ встрѣчи на улицѣ съ кѣмъ-нибудь изъ кружка. Разъ, встрѣтивъ его на улицѣ, Панаевъ хотѣлъ остановиться и спросить, почему его давно не видно, но Достоевскій быстро перебѣжалъ на другую сторону. Онъ видѣлся только съ однимъ своимъ пріятелемъ, бывшемъ въ кружкѣ, и тотъ сообщалъ, что Достоевскій страшно бранить всѣхъ и не хочетъ ни съ кѣмъ изъ кружка продолжать знакомства, что онъ разочаровался во всѣхъ, что это все завистники, безсердечные и ничтожные люди.

«Петербургскій Сборникъ», изданный Некрасовымъ быстро разошелся и онъ очень сожалѣлъ, что не рискнулъ напечатать его въ большемъ числѣ экземпляровъ.

Бѣлинскій очень радовался, что, благодаря этому, Некрасовъ можетъ освободиться на нѣсколько мѣсяцевъ отъ поденщины и писать стихи. Я спросила Бѣлинскаго, почему онъ также не издастъ подобнаго сборника, что навѣрно всѣ московскіе и петербургскіе писатели, его друзья, съ готовностію дадутъ матеріалъ для его изданія.

— Вотъ что придумали, — отвѣчалъ Бѣлинскій, — развѣ я способенъ на такія дѣла; тутъ надо умѣнье; безъ кредита, типографіи и бумаги нельзя приступить къ дѣлу, надо вести съ разными лицами разговоры и коммерческіе переговоры. Я вотъ до сихъ поръ не сумѣлъ и съ однимъ-то сладить, чтобы за свой трудъ получить прибавку въ мѣсяцъ. Да и я буду мученикомъ отъ мысли: вдругъ изданіе не окупится и у меня на шеѣ оцутятся долги! Благодарю покорно, не доставало еще, чтобы я испыталъ эту пытку. Кому чтд на роду написано, то и будетъ; мнѣ, вѣроятно, выпала доля весь вѣкъ остаться батракомъ въ литературѣ и работать на хозяевъ, чтобы они разживались, да подсмѣивались надо мной:—ишь какой

вахлакъ: жарить каштаны, а мы у него изъ-подъ носу тащимъ, оставляемъ ему одну шелуху.

Однако, я сказала Некрасову,—почему бы Бѣлинскому тоже не заняться изданіемъ книги. Некрасовъ горячо ухватился за эту мысль, сталъ уговаривать Бѣлинскаго, долго его уламывалъ, наконецъ уломалъ. Я догадывалась, что Бѣлинскому не хотѣлось обращаться къ своимъ пріятелямъ за одолженіемъ лично себѣ, для другихъ же онъ охотно это дѣлалъ. Некрасовъ взялъ на себя все хлопоты по изданію и переговоры о кредитѣ.

— Ну, смотрите, Некрасовъ, если только окажутся у меня долги отъ этого изданія, то я васъ проклянѹ, умирать буду, но не прощу васъ.

Некрасовъ предлагалъ, что будетъ кредитоваться на свое имя въ типографіи и за бумагу, такъ онъ увѣренъ, что убытка не будетъ. Бѣлинскій вѣрилъ, какъ онъ выражался, «въ спекулятивную жилку Некрасова», и замѣтно пріободрился, когда получилъ извѣстіе изъ Москвы, что все пишущіе его пріятели съ радостію дадутъ ему статьи. Некрасовъ подбивалъ Бѣлинскаго издать книгу какъ можно объемистѣе и придумалъ уже названіе «Альманахъ Ливіа-ванъ». Разъ, находясь у насъ, Некрасовъ высчитывалъ расходы по изданію альманаха, а Бѣлинскій расхаживалъ по комнатамъ и слушалъ; когда же Некрасовъ высчиталъ—сколько за всеми расходами можетъ остаться барыша, Бѣлинскій остановился и воскликнулъ:

— Да я буду Крезъ!—О, тогда, имѣя обезпеченное существованіе на годъ, я не позволю держать себя въ черномъ тѣлѣ, предложу свои условія:—Не угодно?—Прощайте! Господи, да неужели настанетъ такая счастливая минута въ моей жизни, что я сброшу съ себя ярмо батрака.

Бѣлинскій уже торопилъ Панаева засѣсть за повѣсть для его альманаха, говоря:

— Полно вамъ шлаться безъ дѣла, пишите.—Не забудьте, весь матеріалъ мнѣ нуженъ къ началу сентября, надо чтобы не было задержки въ типографіи. Боюсь, чтобы въ Москвѣ не было задержки, здѣсь-то я васъ всехъ, какъ школьникова засажу работать, а тамъ за глазами начнутъ откладывать, завтра, да завтра, и выйдеть задержка.

Бѣлинскій уже волновался и, когда Тургеневъ уѣзжалъ въ деревню, то говорилъ ему:

— Вы ужъ, пожалуйста, это лѣто не увлекайтесь такъ охотой, а пишите, чтобы рассказъ вашъ не былъ съ куриный носокъ, а напишите какъ слѣдуетъ; слава Богу, времени у васъ будетъ много, достаточно пошалберничали въ Петербургѣ... Ахъ, еслибъ васъ всехъ судьба посадила въ мою шкуру?

Онъ разсмѣялся отъ мысли, что бы было съ ними.

— Сознайтесь, господа, — продолжалъ Бѣлинскій, — что еслибы хорошенько васъ засадить за работу, то вы бы прокляли всю литературу! Испробуйте-ка хоть на короткое время—я поѣду за васъ въ деревню, а вы останьтесь въ Петербургѣ, да работайте за меня, а я буду наслаждаться и пописывать какъ дилетантъ.

Панаевъ хлопоталъ, чтобы набрать побольше петербургскихъ литераторовъ, которые бы дали свои статьи въ «Альманахъ» Бѣлинскаго и съ радостью объявлялъ, получивъ отъ кого-нибудь изъ нихъ общаніе. Когда Панаевъ сказалъ, что Сологубъ общался тоже написать что-нибудь для «Альманаха», то Бѣлинскій замѣтилъ:

— Навѣрно съ ножемъ къ горлу къ нему пристали, ну, и общалъ, чтобы отвязаться отъ васъ!.. Вотъ въ Одоевскомъ я увѣренъ, что онъ отъ чистаго сердца пообщалъ написать для меня.

Панаевъ божился, что Сологубъ также охотно пообщалъ написать.

— Ну, хорошо, вѣрю вамъ!.. если всѣ сдержатъ общаніе, то мой альманахъ оправдаетъ свое чудовищное названіе.

Весной я торопила Панаева скорѣе уѣхать въ Москву, такъ какъ мнѣ очень хотѣлось попасть хоть на одну публичную лекцію, которыя читалъ Грановскій. Эти лекціи, по извѣстіямъ изъ Москвы, производили фуроръ и среди студентовъ, и среди публики. Я попала лишь на послѣднюю лекцію Грановскаго. Онъ читалъ въ университетѣ. Публики въ залѣ была такая масса, что положительно нельзя было шевельнуться. Конечно, присутствовали и всѣ его пріятели. Герценъ указалъ мнѣ на Погодина, на Шевырева, на Хомякова, который былъ въ суконной поддевкѣ, красной рубашкѣ, съ волосами остриженными въ кружокъ.

Хомяковъ вовсе не походилъ на русскаго мужика, типъ его лица былъ чисто цыганскій.

Когда Грановскій вошелъ на кафедру, то долго не могъ приступить къ чтенію отъ шумныхъ аплодисментовъ; при началѣ замѣтно было, что онъ взволнованъ, но потомъ онъ одушевился и блистательно читалъ. Голосъ у него былъ не сильный, но необыкновенно гармоничный и его симпатичное лицо озарено было вдохновеніемъ. Я боялась за его жену; она судорожно сжимала мою руку, вся дрожала, слезы текли изъ ея глазъ; устремленныхъ на мужа, и столько счастья и любви свѣтилось на ея лицѣ.

По окончаніи лекціи поднялся страшный и продолжительный шумъ аплодисментовъ. Студенты бросились къ Грановскому, жали ему руки, подняли его и на рукахъ понесли по залѣ къ выходу; на университетскомъ дворѣ они спустили его на землю, окружили и стали говорить ему рѣчи. Герценъ посовѣтовалъ намъ ѣхать домой, потому что студенты не скоро отпустятъ Грановскаго.

На другой день, вечеромъ, всѣ собрались къ Грановскому. Огаревъ вернулся изъ-за границы, но одинъ, его жена осталась въ

Италіи, поэтому я могла заключить, что примиреніе супругов не состоялось. Кетчеръ пріѣхалъ съ Огаревымъ и корзиной шампанскаго. Герценъ предупредилъ Грановскаго объ этомъ, сказавъ ему: «Ты, братъ, сегодня предоставь намъ право похозяйничать у тебя въ домѣ и выпить за твое здоровье». Но, оказалось, что Грановскій самъ распорядился, чтобы гости выпили за его здоровье. Кетчеръ отъ восторга захохоталъ, узнавъ про такой большой запас шампанскаго. Всѣ какъ-то особенно были одушевлены. Герценъ сыпалъ остротами, точно блестящимъ фейерверкомъ. Щепкинъ за ужиномъ рассказывалъ забавные малороссійскіе анекдоты. Кетчеръ, противъ своего обыкновенія, никому не прочиталъ нотаціи, такъ что Коршъ предложилъ тостъ за его кротость и сказалъ: «Еслибы, ты, Кетчеръ, побрился, да причесался, то былъ бы похожъ на ангела, такую кротость ты проявилъ сегодня»...

Разошлись отъ Грановскихъ, когда уже разсвѣло. Огаревъ, Герценъ, Кетчеръ, пошли провожать насъ до гостинницы, въ которой мы остановились. Мы шли очень долго, потому что на бульварахъ останавливались, Огаревъ читалъ свои стихи, Герценъ отъ серьезныхъ вопросовъ перескакивалъ къ шарадамъ. Хохотъ Кетчера въ утреннемъ воздухѣ казался еще громче. Герценъ останавливалъ его, говоря, что отъ его смѣха у всѣхъ младенцевъ сдѣлается родимчикъ.

Проводивъ насъ до гостинницы, Огаревъ предложилъ Панаеву и остальнымъ товарищамъ погулять еще немного, а потомъ идти пить чай въ трактиръ, что и было ими исполнено.

Почти каждый вечеръ всѣ собирались вмѣстѣ большею частью у Герцена. Щепкинъ былъ постояннымъ собесѣдникомъ въ этомъ кружкѣ. Разъ онъ не явился къ Герцену и Кетчеръ отправился за нимъ; оказалось, что Щепкинъ поѣхалъ въ баню; Кетчеръ притащилъ его изъ бани, краснаго, какъ ракъ. Щепкинъ любилъ париться на полкѣ и зимой на дворѣ обливался холодной водой. Коршъ укоризненно сказалъ Щепкину:

— Ахъ, Михаилъ Семеновичъ, какъ это вы не воспользовались случаемъ, что Кетчеръ, чуть ли не послѣ двадцатипятилѣтія очутился въ банѣ; ну, что бы вамъ было приказать баньщикамъ помыть его, ужъ вмѣстѣ съ его сюртукомъ. Какую бы вы заслужили благодарность отъ насъ всѣхъ!

Всѣ знали, что Кетчеръ не любилъ ходить въ баню и, конечно, разсмѣялись.

За ужиномъ Щепкина всегда просили рассказать что-нибудь изъ его молодости, когда онъ еще былъ провинціальнымъ актеромъ и служилъ у антрепренеровъ. Между прочимъ, Щепкинъ рассказалъ однажды печальную исторію одной молоденькой актрисы и этотъ рассказъ послужилъ Герцену сюжетомъ для повѣсти «Сорока воровка». На этихъ собраніяхъ часто разсуждали о затруднительномъ денежномъ положеніи Бѣлинскаго и эксплуатаціи его

труда. Меня раздражало это бесполезное участіе къ человѣку, когда многіе изъ соболѣзновавшихъ имѣли полную возможность давнымъ давно помочь ему. Я спросила Грановскаго, почему тѣ личности, которыя имѣютъ средства, не хотятъ сами издавать журналъ и этимъ дать возможность Бѣлинскому выйти изъ его сквернаго положенія?

Грановскій отвѣтилъ на это, что никто изъ нихъ не способенъ на такое хлопотливое дѣло, да и не захочетъ рисковать деньгами.

— Пусть нѣсколько человѣкъ сложатся и дадутъ возможность Бѣлинскому самому издавать журналъ,—замѣтила я.

— Бѣлинскій менѣе, чѣмъ кто-нибудь можетъ вести хозяйственную часть журнала; развѣ онъ способенъ будетъ отказать кому-нибудь изъ своихъ сотрудниковъ,—раздастъ деньги впередъ и самъ останется безъ гроша; да и врядъ ли онъ взялся бы за дѣло, съ отвѣтственностью за чужія деньги.

— Значить, для Бѣлинскаго нѣтъ выхода?—задала я вопросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!—въ испугѣ отвѣтилъ Грановскій,—непремѣнно надо придумать что-нибудь.

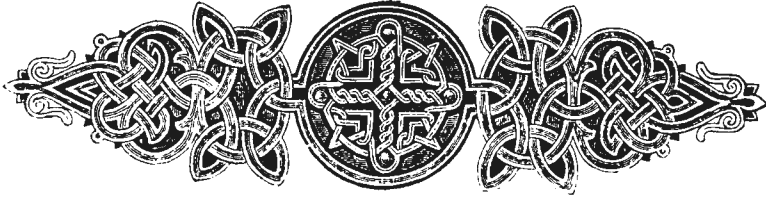
— Такъ придумывайте скорѣе,—закончила я разговоръ,—потому что здоровье Бѣлинскаго замѣтно ухудшается.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Москву Некрасовъ, чтобы вмѣстѣ съ нами ѣхать въ Казанскую губернію, въ имѣніе Т. Московскій кружокъ былъ въ восторгѣ отъ его стихотвореній. По просьбѣ всѣхъ присутствующихъ, онъ читалъ свои новыя произведенія. У Некрасова была манера читать стихи слегка заунывнымъ тономъ, но этотъ тонъ не портилъ впечатлѣніе, какое стихи производили на слушателей.

А. Головачева.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

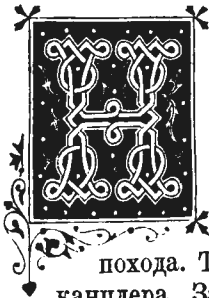

ИВАНЪ ГРОЗНЫЙ И СТЕФАНЪ БАТОРІЙ ВЪ БОРЬБѢ ЗА ЛИВОНІЮ¹⁾

II.

Третій походъ Баторія. — Осада Пскова. — Отбитый приступъ. — Геройская оборона. — Твердость Замойскаго. — Нападеніе на Псково-Печерскій монастырь. — Успѣхи шведовъ. — Обращеніе Ивана IV къ папскому посредничеству. — Миссія Антонія Поссевина. — Отъѣздъ Баторія и блокада Пскова. — Переговоры въ Киверовой Горкѣ. — Десятилѣтнее перемиріе съ потерей всей Ливоніи. — Винаовность Ивана IV. — Антоній Поссевинъ въ Москвѣ и его преніе съ царемъ о вѣрѣ. — Сыноубійство. — Сватовство въ Англіи. — Смерть Ивана IV. — Историческій приговоръ.

А ВАРШАВСКОМЪ сеймѣ, въ февралѣ 1581 года, Стефанъ Баторій съ большимъ трудомъ добился согласія чиновъ произвести двухлѣтній поборъ съ земельныхъ имуществъ на военныя издержки. Паны и шляхта уже тяготились продолжительностью войны и выражали неудовольствіе на то, что король не достигъ всего въ два предыдущіе похода. Только благодаря ловкости и краснорѣчію великаго канцлера Замойскаго, дѣло было улажено и сеймъ согласился на новые поборы, получивъ обѣщаніе, что третьимъ походомъ война будетъ доведена до конечныхъ своихъ результатовъ. Кромѣ того, опять сдѣланы займы у герцога прусскаго, курфирстовъ саксонскаго и бранденбургскаго. Король и любимецъ его великій канцлеръ употребляли всѣ усилія, чтобы приготовить большія силы и средства для этого третьяго похода. Между прочимъ, датчанинъ полковникъ Фаренсбахъ, находившійся прежде въ московской

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ». т. XXXV, стр. 334.

службѣ, но перешедшій въ польскую, былъ посланъ въ Германію, откуда привелъ новые наемные отряды нѣмецкой пѣхоты или ландскнехтовъ; наняты были также новые отряды пѣхоты въ Венгріи, и даже составлены нѣкоторыя пѣхотныя дружины изъ бѣднѣйшей польской шляхты; литовскіе и польскіе вельможи выставили значительное конное ополченіе. И дѣйствительно, королю удалось теперь выставить въ поле такія силы, которыхъ давно не видали Польша и Литва; говорятъ, будто численность ихъ простиралась до 100,000 человекъ. Но обширныя приготовленія все-таки замедлили движеніе. И на сей разъ Баторій выступилъ въ походъ только въ августѣ мѣсяцѣ, надѣясь, впрочемъ, какъ и въ предыдущіе оба раза, покончить дѣло до наступленія зимы. Когда на военномъ совѣтѣ поставленъ былъ вопросъ, куда направить походъ, только немногіе голоса называли Новгородъ, но большинство указывало на Псковъ, который служилъ главнымъ оплотомъ Руси со стороны Ливоніи; опасно было бы оставить его въ тылу у себя, тогда какъ завоеваніе сего города отдавало всю Ливонію въ руки поляковъ. Рѣшено было идти на Псковъ. По дорогѣ къ нему Баторій взялъ нѣсколько русскихъ крѣпостей, въ томъ числѣ Островъ, котораго каменные стѣны не устояли противъ королевскихъ пушекъ. Затѣмъ польскія войска подошли къ Пскову, который не мало привлекалъ ихъ славою своего богатства; непріатели горѣли нетерпѣніемъ овладѣть этимъ городомъ, рассчитывая найти въ немъ великую добычу. Передовой полкъ велъ Николай Радивиль, воевода виленскій и великій гетманъ литовскій. Товарищемъ у него былъ Евстафій Воловичъ. Правой рукой предводительствовали жмудскій староста Янъ Тышко; а лѣвой Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ минскій и литовскій подскарбій, и Николай Сапѣга, воевода минскій. Сторожевымъ полкомъ начальствовали Кристофъ Радивиль, трокскій каштелянъ, и Филонъ Кмита, староста Оршанскій. Во главѣ большого полку стоялъ великій канцлеръ Янъ Замойскій, уже во время похода пожалованный въ должность великаго гетмана польскаго. Во главѣ угорскихъ отрядовъ находился племянникъ короля Андрей Баторій. Около того времени въ лагерь Стефана прибылъ посоль турецкаго султана. Смотра на многочисленность войска и особенно любуясь убранствомъ польской и западно-русской конницы, онъ воскликнулъ: «Если бы наши государи соединились вмѣстѣ, то побѣдили бы всю вселенную».

Нападеніе на сей разъ не было неожиданнымъ. Царь имѣлъ полную возможность заранѣе узнать о грозившей Пскову опасности и приготовить его къ оборонѣ. Пришедшіе кое-гдѣ въ ветхость каменные массивныя стѣны и башни его были обновлены и усилены новыми укрѣпленіями, каменными, деревянными и земляными; снабжены какъ ручницами (ружьями), такъ и тяжелымъ нарядомъ, т. е. пушками и пищалями, для которыхъ въ изобиліи

приготовлены порохъ и ядра. Собственно военный гарнизонъ состоялъ изъ нѣсколькихъ тысячъ конницы, преимущественно боярскихъ дѣтей, и нѣсколькихъ тысячъ стрѣльцовъ; но и всѣ граждани, способные носить оружіе, составили ополченіе, такъ что число всѣхъ защитниковъ города простиралось отъ 30 до 40 тысячъ (а по словамъ непріятелей будто бы до 50,000). Главными воеводами здѣсь поставлены были два князя Шуйскіе, Василій Ѳеодоровичъ Скопинъ и Иванъ Петровичъ; подъ ними начальствовали: Никита Ивановичъ Очинъ-Плещеевъ, князя Ив. Анд. Хворостининъ, Влад. Ив. Бахтеяровъ-Ростовскій, Вас. Мих. Лобановъ-Ростовскій и др. Князь И. П. Шуйскій, хотя въ старшинствѣ уступалъ В. Ѳ. Шуйскому, но по своей ратной славѣ, по уму и энергіи, занялъ первое мѣсто; самъ Иванъ Васильевичъ объявилъ ему, что на его мужество возлагаетъ особую надежду. Отпуская воеводу во Псковъ, царь взялъ съ нихъ торжественную клятву въ Успенскомъ соборѣ передъ иконою Владимірской Божьей Матери, что они не сдадутъ города Баторію, пока живы. А воеводы въ свою очередь привели къ такой же присягѣ войско и гражданъ. По ихъ приказу окрестные сельчане тоже собрались въ городъ съ своими семьями и хлѣбными запасами и «сѣли въ осадѣ»; а подгородныя слободы и селенія были по обычаю выжжены, чтобы ими не пользовались непріятели. Воеводы назначили свое мѣсто каждому начальнику съ его отдѣломъ по всѣмъ городскимъ стѣнамъ, которыя тянулись въ окружности на семь или восемь верстъ, обнимая всѣ четыре части города: Кремль, Средній городъ, Большой или Окольный и Запсковье. Духовенство непрестанно служило молебны, всенародно совершало вокругъ города крестные ходы, поднимая наиболѣе чтимыя иконы и даже мощи св. князя Всеволода-Гавріила и одушевляя защитниковъ ревностію постоять за православную вѣру противъ короля-латынянина. Во главѣ псковскаго духовенства въ эту минуту находились: протоіерей Троицкаго собора Лука и игуменъ Псково-Печерскаго монастыря Тихонъ, прибывшій въ городъ изъ своей обители. Новгородскій архіепископъ Александръ прислалъ къ своей псковской паствѣ увѣщательную грамоту о крѣпкой оборонѣ противъ враговъ. Значительныя московскія силы въ то же время расположены были частію въ Новгородѣ, частію въ Ржевѣ и Волокѣ Ламскомъ; на Окѣ стояли съ войскомъ Василій Ивановичъ Шуйскій и Шестуновъ, на случай вторженія крымцевъ. Самъ Иванъ Васильевичъ выступилъ изъ Александровской слободы съ своимъ дворовымъ полкомъ, какъ бы намѣреваясь принять личное участіе въ войнѣ. Но онъ дошелъ до Старицы, и здѣсь остановился.

26 августа, во Псковъ прискакала конная застава изъ боярскихъ дѣтей, которая держала стражу за пять верстъ отъ города на берегу рѣки Черехи, впадающей въ Великую съ восточной сто-

роны; въ виду наступавшихъ многочисленныхъ силъ, она послѣ небольшой стычки побѣжала въ городъ и возвѣстила о приближеніи непріятеля. Воеводы тотчасъ велѣли звонить въ осадный колоколъ и зажечь Завеличье, т. е. посадъ на другой сторонѣ рѣки Великой, чтобы врагъ не нашелъ тамъ готовыхъ для себя жилищъ. Съ городскихъ стѣнъ наблюдали они, какъ темныя массы непріятелей окружали городъ и каждый отрядъ занималъ мѣсто, назначенное ему для осады. Чтобы помѣшать слишкомъ тѣсному обложенію, воеводы велѣли дѣлать вылазки и въ то же время открыть пальбу изъ большого наряда. Тогда много непріятелей было поито; это заставило ихъ держаться подалѣе отъ стѣнъ, а также заслоняться рощами и пригорками. Между русскими пушками были двѣ, носившія названіе трескотухи и барса, которыя бросали каменные глыбы до самого королевскаго стана; послѣдній расположился было на московской дорогѣ, на мѣстѣ села Люботова, подлѣ храма Николая Чудотворца. Если вѣрить одному русскому сказанію, король не ожидалъ найти во Псковѣ такой большой нарядъ и такихъ опытныхъ пушкарей; удивленный и разсерженный, онъ велѣлъ отнести свои шатры далѣе къ рѣкѣ Черехѣ и поставить ихъ за холмами. Въ теченіе нѣсколькихъ дней непріятель устраивалъ свои лагери, укрѣпляя ихъ обозами и окопами. Угры стали подлѣ рѣки Великой, въ которую уперлись своимъ лѣвымъ бокомъ; рядомъ съ ними расположились поляки; далѣе помѣстились наемные нѣмцы, а за ними, на правомъ крылѣ осаждающаго войска, стали литвины. Баторій и его правая рука Замоискій, осмотрѣвъ ближе обширность и прочность городскихъ стѣнъ и башенъ, убѣдились, что Псковомъ овладѣть очень нелегко, и тѣмъ болѣе, что въ осаждавшемъ войскѣ чувствовался недостатокъ пороху, такъ какъ большее его количество, заготовленное для похода, вслѣдствіе небрежности стражи подверглось взрыву. Поэтому рѣшили сосредоточить усилія на одномъ пунктѣ города, т. е. немедля разбить его артиллеріей и затѣмъ попытаться взять приступомъ. Для этого избрали тотъ южный уголъ, который примыкалъ къ рѣкѣ Великой, а именно часть стѣны, ограниченной съ одной стороны башней Покровской, съ другой такъ называемыми Великими воротами; въ серединѣ этого пространства находилась башня Свинская (или Свиноерская). Противъ Покровской башни должны были дѣйствовать угры, а противъ Свинской поляки.

1-го сентября новаго 1582 года (по русскому счисленію того времени) непріятели начали копать «великія борозды» (шанцы) отъ своихъ лагерей къ городу, конечно не прямо, а зигзагами, такъ что выкопанная земля ложилась валомъ вдоль рововъ и защищала ихъ отъ выстрѣловъ изъ города. Не смотря на всю трудность работы по причинѣ каменистой почвы, въ пять дней и ночей они успѣли довести свои траншеи почти до городского рва; прикатали

Die Bildnis Yvan
Wassiljew des kays-
ers (Kaisers) Russen
in der Westschan.

Es ist ein Christlicher in der Figur
In waschlagung Russen
Trennung in einem Jahr gemacht
Die Kleidung: Dalmatien und Ostfriesland

Der Christliche in Westen im
Yvan Wassiljew
Der Westschanzen wird gemacht
Der ist ein gewaltiger Mensch
Als Herrscher in der Westschan
Im Jahre 1582 gefahren war
Wider Polack an der Spitze
Des mächtigen Kaysers in Polen.

Gedacht zu Nürnberg durch
Hans Weygel Form-
schreyder.

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
Съ гравюры того времени, сдѣланной въ Нюрнбергѣ.

туры или плетенки изъ хвороста, набили ихъ землею; на удобныхъ мѣстахъ устроили пять окоповъ съ амбразурами и приволокли въ нихъ пушки. Эти приготовленія были легко замѣчены осажденными. Русскіе воеводы съ своей стороны не дремали; стараясь пальбою по возможности мѣшать непріятельскимъ работамъ, они въ то же время усилили укрѣпленія, а именно позади каменной стѣны поставили другую стѣну, деревянную; умножили здѣсь нарядъ, а также число боярскихъ дѣтей и стрѣльцовъ. Частью стѣны или такъ называемымъ «присломъ», заключеннымъ между Покровскою башнею и Великими воротами, начальствовалъ князь Андрей Ивановичъ Хворостининъ, отличавшійся великимъ ростомъ и мужествомъ. А къ нему на совѣтъ часто пріѣзжалъ сюда и самъ Иванъ Петровичъ Шуйскій съ своими товарищами воеводами и съ двумя государевыми псковскими дьяками, Булгаковымъ и Малыгинымъ, да съ третьимъ Лихачевымъ, дьякомъ Пушечнаго приказа. Когда начальникъ выдвинутой впередъ непріятельской артиллеріи, панъ Юрій Зиновьевъ Угровецкій, извѣстилъ короля, что все готово, то получилъ приказъ начать бомбардировку. 7-го числа съ ранняго утра открылась непрерывная пальба изъ 20 орудій; она продолжалась цѣлый день, и возобновилась на слѣдующее утро. Покровская башня была сбита почти вся до земли, а Свинская на половину; 24 сажени городской стѣны обвалилось, а въ сосѣднихъ мѣстахъ ее образовались многіе проломы. Король спѣшилъ пользоваться минутою, и велѣлъ немедля сдѣлать приступъ. Русское сказаніе прибавляетъ, что отправляемыхъ на приступъ военныхъ начальниковъ и ротмистровъ онъ угостилъ веселымъ обѣдомъ; а они изъявили увѣренность, что ужинать будутъ у него въ тотъ же день уже въ городѣ Псковѣ. Обрадованный этою увѣренностію, король обѣщалъ раздѣлить съ ними все псковскія богатства.

Съ распушенными знаменами и трубными звуками, угры и поляки вышли изъ своихъ траншей и окоповъ и устремились на приступъ. Король наблюдалъ за ними съ одного холма на берегу рѣки Великой. Распорядившійся приступомъ, гетманъ Замойскій на помощь полякамъ двинулъ сосѣднихъ съ ними нѣмцевъ. Въ запасѣ поставлена была польская конница, въ числѣ предводителей которой находился и Юрій Мнишекъ; она должна была охранять штурмующіе отряды отъ нападений съ праваго крыла, а съ лѣваго ихъ защищалъ высокій берегъ рѣки Великой. Русскіе воеводы съ своими частями уже были наготовѣ. Они велѣли звонить въ осадный колоколъ, который висѣлъ въ Среднемъ городѣ на городской стѣнѣ у церкви Василя Великаго на Горкѣ, и открыли пальбу изъ наряда по наступающимъ непріятелямъ. Не смотря на большія потери отъ сей пальбы, послѣдніе, закрываясь щитами, дружно и храбро полѣзли въ проломы, которые вскорѣ и заняли; равно овладѣли Покровской и Свинской башнями. Но тутъ

и кончились ихъ успѣхи, ибо за разрушенной каменной стѣной они встрѣтили другой ровъ и другую вновь изготовленную деревянную стѣну, мужественно обороняемую осажденными, почему и не могли проникнуть въ городъ. Однако, они упорно продолжали приступы, лѣзли на стѣны, стрѣляя изъ занятыхъ ими башенъ почти въ упоръ осажденнымъ. Были моменты, когда защитники падали духомъ, и едва устояли. Но тутъ Иванъ Петровичъ Шуйскій употребилъ чрезвычайныя усилія; онъ на конѣ переѣзжалъ отъ одного опаснаго мѣста къ другому, и дѣйствовалъ, гдѣ угрозами, а гдѣ слезными мольбами, чтобы укрѣпить и одушевить сражающихся. Пѣшіе ратники стояли у подножья стѣны и отражали наступавшихъ копьями, рогатинами и саблями, а со стѣны поражали ихъ стрѣльцы изъ пищалей и ручницъ, дѣти боярскія изъ луковъ, другіе метали на нихъ камни. По звону осаднаго колокола псковскіе граждане, простившись съ женами и дѣтьми, съ разныхъ сторонъ бѣжали къ проломленнымъ стѣнамъ, чтобы подкрѣпить изнемогшихъ въ битвѣ. Большой нарядъ гремѣлъ непрестанно; удачнымъ выстрѣломъ одной изъ тѣхъ пушекъ, которыя назывались барсами, удалось побить множество непріятелей, занимавшихъ Свинскую башню; затѣмъ воеводы велѣли подкатить подъ эту башню значительное количество пороха, и зажечь его. Остатокъ башни былъ взорванъ вмѣстѣ съ непріателемъ, который трупами своими усталъ ея мѣсто и завалилъ сосѣдніе рвы.

Межъ тѣмъ въ соборномъ Троицкомъ храмѣ духовенство, вмѣстѣ съ стариками, женщинами и дѣтьми, слезно молилось объ избавленіи города отъ плѣненія. Вдругъ, въ самую трудную минуту для осажденныхъ, приходитъ отъ воеводъ просьба, чтобы несли Печерскую икону Успенія Богородицы вмѣстѣ съ другими чудотворными иконами и мощи Всеволода-Гавріила къ проломному мѣсту. Когда процессія духовенства и монаховъ съ сими святынями, въ сопровожденіи народной толпы, приблизилась къ пролomu, ратники одушевились вѣрою въ помощь и заступничество свыше, и съ такой энергіей ударили на враговъ, что побѣда вскорѣ склонилась на ихъ сторону. Одушевленіе овладѣло и самими женщинами, такъ что многія изъ нихъ поспѣшили къ мѣсту боя, однѣ съ веревками, чтобы тащить въ городъ орудія, отбитыя у непріятелей, другія катили камни, для избіенія сихъ послѣднихъ, третьи несли воду, чтобы освѣжить воиновъ, изнемогавшихъ отъ жажды. Поляки и нѣмцы были выбиты изъ проломовъ; только угры, засѣвшіе въ Покровской башнѣ, еще держались и отстрѣливались. Но осажденнымъ удалось, наконецъ, зажечь эту башню, послѣ чего и угры обратились въ бѣгство. Русскіе преслѣдовали непріятелей, многихъ побили и взяли въ плѣнъ, особенно тѣхъ, которые застряли въ крѣпостномъ рву. Въ добычу побѣдителей досталось

много доспѣховъ и оружія, въ томъ числѣ самопаловъ и разныхъ огнестрѣльныхъ ручницъ. Была уже ночь, когда окончилась битва. Велика была радость псковичей по случаю этой побѣды; горячіе благодарственные молебны пѣлись въ церквахъ. Убитыхъ хоронили они какъ мучениковъ, павшихъ за православную вѣру; а раненныхъ начали лечить «изъ государевой казны». Число первыхъ простиралось за 860 человекъ, а вторыхъ за 1600; тогда какъ непріятелей легло на этомъ приступѣ около 5000. Въ числѣ павшихъ находился храбрый венгерскій воевода Гавріиль Бекешъ.

Король былъ сильно огорченъ. Однако, на слѣдующій день, скрывъ свою досаду, онъ созвалъ военный совѣтъ, и объявилъ, что намѣренъ взять Псковъ во что бы ни стало. За порохомъ немедленно отправлены гонцы въ Ригу, къ герцогу Курляндскому и въ нѣкоторыя другія мѣста; а въ ожиданіи его начали вести къ городу подкопы въ разныхъ мѣстахъ; къ осажденнымъ воеводамъ посылались льстивыя грамоты, склонявшія ихъ къ сдачѣ. Но воеводы бодрствовали неутомимо. Они укрѣпили проломы деревянными стѣнами, острымъ дубовымъ частоколомъ и рвомъ, и приготовили все нужное для отраженія новыхъ приступовъ: котлы для кипяченія воды, чтобы этимъ кипяткомъ обдавать непріятелей, кувшины съ порохомъ (гранаты), чтобы бросать на нихъ же, сухую сѣяную известь, чтобы ослѣплять имъ глаза и т. п. На льстивыя грамоты, они отписывались изъявленіемъ готовности умереть за вѣру и своего государя. Нерѣдко, особенно въ ночное время, осажденные дѣлали вылазки, и не давали покою непріятелю. Во время одной удачной вылазки они захватили нѣсколько «литовскихъ языковъ» (т. е. западнорусскихъ), и отъ нихъ узнали о подкопахъ, которыми непріятель надѣется взять городъ: каждый отдѣлъ войска ведетъ свой подкопъ, т. е. поляки, угры, литва, нѣмцы и прочіе; такъ что всѣхъ девять подкоповъ; но гдѣ именно они велись, плѣнные не могли указать. Свѣдавъ о такой опасности, воеводы повели противъ подкоповъ свои подземныя работы или слухи; однако, вначалѣ они не могли открыть подкопы и очень печалились о томъ; поручили духовенству день и ночь молиться объ избавленіи града отъ угрожавшаго бѣдствія и совершать крестные ходы къ наиболее опаснымъ мѣстамъ. Молитвы были услышаны. Изъ литовскаго войска перебѣжалъ во Псковъ одинъ бывший полоцкій стрѣлецъ, по имени Игнашъ. Онъ съ городской стѣны указалъ воеводамъ на тѣ мѣста, гдѣ велись подкопы. Тогда слухи направились къ указаннымъ мѣстамъ, и скоро сошлись съ подкопами, которые оказались преимущественно между Покровскими и Свинскими воротами и въ другихъ ближнихъ пунктахъ; слѣдовательно, непріятель вновь готовилъ приступъ на ту же часть города. Русскіе перебрали главные подкопы, т. е. обрушили ихъ; остальные обрушились сами или остановились, встрѣтивъ на своемъ пути каменные глыбы.

Король польскій Стефанъ Баторій.
Съ гравированнаго портрета того времени.

Такимъ образомъ и эта опасность миновала городъ Псковъ. Послѣ того непріатели еще нѣсколько разъ предпринимали внезапные приступы, стараясь ворваться въ городъ, но всегда встрѣчали готовый отпоръ. Пытались они изъ пушекъ, поставленныхъ на лѣвомъ берегу рѣки Великой, бросать каленныя ядра, чтобы произвести пожары въ городѣ; но и эта попытка осталась безуспѣшна. 28-го октября непріательскіе гайдуки и каменщики скрытно подошли къ стѣнѣ, заключавшейся между Покровской башней и Покровскими водяными воротами (со стороны рѣки Великой), и, закрываясь особо устроенными щитами, начали кирками и ломами подсекаать основаніе стѣны. Вскорѣ часть этой каменной стѣны обвалилась въ рѣку Великую; но за нею оказалась еще деревянная стѣна; послѣднюю непріатели хотѣли поджечь, между тѣмъ какъ орудія изъ Завеличья направляли свои ядра въ то же мѣсто. Не смотря на отчаянное сопротивленіе, гайдуки упорно продолжали подрубать стѣны. Воеводы велѣли повертѣть окна въ деревянной стѣнѣ и стрѣлять въ нихъ изъ ручницъ, лить на нихъ горячую смолу, деготь и кипятокъ, бросать зажженный осмоленный ленъ и гранаты съ порохомъ. Тогда гайдуки, не стерпя ожоговъ и удушливаго дыму, побѣжали прочь. Но часть ихъ такъ подрубилась подъ стѣны, что невозможно было ихъ достать выстрѣлами или горючими снарядами. Воеводы, по чьему-то хитрому совѣту, велѣли устроить длинные шесты, а къ нимъ привязать кнуты или ремни и веревки съ желѣзными крюками на концахъ; забрасывая эти крюки, осажденные хватили ими гайдуковъ за одежду и затѣмъ выдергивали изъ-подъ стѣны, а стрѣльцы тотчасъ поражали ихъ изъ самопаловъ. Устрашенные тѣмъ, и остальные гайдуки обратились въ бѣгство. Раздраженный неудачею, Баторій велѣлъ усилить пальбу по городу и спустя нѣсколько дней (2-го ноября) сдѣлать новый приступъ отъ рѣки Великой, которая уже покрылась льдомъ; но и этотъ приступъ былъ отбитъ съ большимъ урономъ.

Извѣщая царя о своихъ успѣхахъ и потеряхъ, воеводы просили о присылкѣ подкрѣпленій. Царь исполнилъ ихъ просьбу. Но отряды, пытавшіеся проникнуть въ городъ на лодкахъ по Великой, большею частію были перехватываемы непріателемъ. Такъ въ концѣ сентября или началѣ октября мѣсяца, Никита Хвостовъ, высадысь на берегъ, пытался незамѣченнымъ проникнуть въ городъ съ 600 стрѣльцовъ. Но изъ нихъ только одной сотнѣ удалось пробраться сквозъ непріательскую цѣпь, а остальные безъ успѣха воротились на лодки. При этомъ самъ Хвостовъ попался въ плѣнъ. «Я невидывалъ такого красиваго и статнаго мужчины, какъ этотъ Хвостовъ, — говорится въ одномъ польскомъ дневникѣ, веденномъ во время осады. — Онъ могъ бы поспорить со львомъ; еще молодой, лѣтъ подъ 30. Все войско ходитъ на него дивиться». Удачнѣе оказалась попытка проникнуть въ городъ сухимъ путемъ между непріательскими лагерями;

такая попытка удалась стрѣльцкому головѣ Мясоѣдову; хотя при семь онъ и потерялъ часть людей, однако, успѣлъ привести нѣсколько сотъ стрѣльцовъ, и это подкрѣпленіе оживило бодрость осажденныхъ, а осаждающихъ привело еще въ большее уныніе. Наступала уже суровая зима; непріатели терпѣли стужу, недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и частыя тревоги отъ русскихъ вылазокъ. Войско роптало. Поляки и литовцы выражали сильное желаніе воротиться домой, а наемные отряды требовали еще уплаты жалованья. Главное неудовольствіе обратилось на гетмана Замойскаго; его обвиняли въ томъ, что онъ, много лѣтъ потративъ на ученіе въ итальянскихъ школахъ, отсталъ отъ воинской науки и своимъ упрямствомъ только губить войско. На него писали пасквили въ прозѣ и стихахъ. Но Замойскій въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ обнаружилъ замѣчательную твердость духа и силу воли. Строгими наказаніями онъ старался поддержать дисциплину, и склонялъ короля къ продолженію осады. Такъ какъ въ порохѣ ощущался большой недостатокъ (изъ Риги подвезли его небольшое количество), то пришлось отказаться отъ надежды взять городъ бомбардировкой и приступами, и король измѣнилъ осаду въ обложеніе или блокаду, для чего отвелъ войско далѣе отъ стѣнъ и расположилъ его въ наскоро построенныхъ избахъ и баракахъ.

Во время псковской осады совершались любопытныя дѣйствія и на другихъ театрахъ войны. Во-первыхъ, предпріятіе поляковъ противъ Псково-Печерской обители. Сія обитель, какъ мы видѣли, обновленная дякомъ Мунехинымъ, расположенная верстахъ въ пятидесяти къ западу отъ Пскова, находилась тогда на дорогѣ въ Лифляндію и потому много мѣшала сообщеніямъ королевскаго войска съ этимъ краемъ. Ея каменные стѣны и башни были снабжены пушками; кромѣ вооружившихся монаховъ, ее обороняли стрѣльцы и дѣти боярскіе, подъ начальствомъ Юрія Нечаева. Высылаемые имъ отряды перенимали обозы, шедшіе изъ Риги съ разными припасами подъ Псковъ, и били появлявшихся въ окрестностяхъ польскихъ фуражировъ. Чтобы положить конецъ такимъ подвигамъ, Баторій послалъ Фаренсбаха съ нѣмцами и Борнемису съ уграми, далъ имъ пушки и велѣлъ взять монастырь. Но тщетно эти начальники водили своихъ людей на приступы. Всѣ ихъ попытки окончились полнымъ пораженіемъ, и они со стыдомъ ушли назадъ. Съ другой стороны король послалъ особое войско подъ начальствомъ Кристофа Радивила и Филона Кмиты въ глубь московскаго государства, чтобы отвлечь москвитянъ отъ вторженія въ литовскіе предѣлы. Радивиль разбилъ нѣсколько встрѣчныхъ московскихъ отрядовъ и дошелъ до города Ржева, т. е. до береговъ Волги, откуда уже недалело было до Старицы, гдѣ пребывалъ тогда Иванъ Васильевичъ со своей придворной дружиной. Но обманутый ложными вѣстями о многочисленности войскъ, окружавшихъ царя, Ра-

дивиль повернулъ назадъ. А Иванъ Васильевичъ, узнавъ о томъ, что опасность была такъ близка, перепугался, и съ своимъ дворомъ бѣжалъ въ Александровскую Слободу. Наконецъ, важныя военныя дѣйствія совершались въ это время со стороны шведовъ. Пользуясь тѣмъ, что русскія силы были заняты борьбою съ польскимъ королемъ и что для этой борьбы пришлось ослабить русскіе гарнизоны въ ливонскихъ городахъ, шведы, предводимые Понтусомъ де-ла-Гарди, продолжали свои завоеванія въ Эстоніи. Тутъ самую чувствительною для насъ утратою была Нарва; съ ея завоеваніемъ прекратилась и наша непосредственная балтійская морская торговля съ западной Европой. Послѣ Нарвы, де-ла-Гарди овладѣлъ сосѣднимъ Ивангородомъ и далѣе на востокъ нашими городами Ямомъ и Копорье; потомъ обратился опять на западъ, взялъ Вейсенштейнъ и осадилъ Перновъ, т. е. вторгся уже въ самую Ливонію, чѣмъ причинилъ досаду своимъ союзникамъ полякамъ, которые смотрѣли на Ливонію какъ на свою добычу. Когда осада Пскова пошла неудачно и замедлилась, шведы предложили Баторію придти къ нему на помощь; но предложеніе этихъ союзниковъ было отклонено.

Въ такихъ печальныхъ для Россіи обстоятельствахъ, навлеченныхъ на нее близорукою политикой, тиранствомъ и трусостью Ивана Грознаго, сей послѣдній какъ бы забылъ о многочисленной оставшейся у него рати, и всѣ свои надежды возлагалъ на переговоры, на иноземное посредничество. Такъ какъ обращенія за содѣйствіемъ къ преемнику Максимилиана II, воображаемому союзнику нашему германскому императору Рудольфу II, оставались бесполезны, то при московскомъ дворѣ вспомнили о римской куріи, и постарались возобновить съ ней сношенія, прерванныя послѣ Василія III. Хотя со стороны папъ за это время и было сдѣлано нѣсколько попытокъ вновь завязать сношенія съ московскимъ государемъ и даже расположить его въ пользу церковнаго единенія предложеніемъ королевскаго титула; но эти попытки обыкновенно разбивались о враждебность къ Россіи польскихъ королей Сигизмунда I и Сигизмунда Августа, которые постоянно препятствовали таковымъ сношеніямъ и прямо не пропускали панскихъ пословъ черезъ свои владѣнія. Въ Москву, вѣроятно, доходили вѣсти объ этихъ попыткахъ, и вотъ, теперь, въ трудную минуту тамъ рѣшили ими воспользоваться. Еще во время второго, т. е. великолуккаго похода Баторія, Иванъ Васильевичъ «приговорилъ» съ сыномъ своимъ царевичемъ Иваномъ и съ боярами послать гонцомъ Истому Шевригина, въ сопровожденіи толмача, съ грамотами къ цесарю Рудольфу и къ римскому папѣ. Истома былъ отпущенъ изъ Москвы 6-го сентября 1581 года и отправился кружнымъ путемъ черезъ Ливонію и Перновъ, потомъ моремъ и черезъ Данію въ Германію, а оттуда въ Римъ. Грамоты, написанныя Рудольфу, и на сей разъ вызвали дружескіе, но

уклончивые отвѣты, въ которыхъ, однако, настойчиво повторялись прежніе намеки, что царь напрасно воюеть Ливонію, ибо она составляетъ ленную имперскую землю. Въ Римѣ же наоборотъ отнеслись весьма сочувственно къ просьбѣ царя о посредничествѣ въ мирныхъ переговорахъ между нимъ и Баторіемъ; гонца нашего обласкали, и очевидно были очень рады случаю возобновить свои старыя попытки къ соединенію церквей. Папа Григорій XIII назначилъ своимъ посланникомъ къ Баторію и царю Ивану члена іезуитскаго ордена, Антонія Поссевина, котораго и отправилъ въ Россію вмѣстѣ съ московскимъ гонцомъ. Не ранѣе іюля того же 1581 года воротился Истома Шевригинъ къ царю съ отвѣтными грамотами, а, спустя мѣсяць, прибылъ къ нему и Антоній Поссевинъ.

Въ Римѣ, очевидно, возлагали большія надежды на посольство Поссевина. И дѣйствительно, трудно было найти въ то время болѣе искуснаго и опытнаго дипломата. Онъ уже былъ знакомъ съ европейскимъ сѣверо-востокомъ, ибо не за долго совершилъ путешествіе въ Польшу и Швецію, при чемъ убѣдилъ шведскаго короля Іоанна III тайно воротиться въ католицизмъ. Не довольствуясь симъ знакомствомъ, Поссевинъ внимательно просмотрѣлъ въ папской канцеляріи всѣ важные документы, относившіеся къ прежнимъ сношеніямъ римской куріи съ Москвою, а также и нѣкоторыя записки о ней европейскихъ пословъ и путешественниковъ. При своемъ отъѣздѣ онъ снабженъ былъ отъ куріи ясно опредѣленной инструкціей, которая предписывала ему при заключеніи мира между королемъ и царемъ выставить послѣднему все участіе къ нему папы, и склонить его какъ къ союзу противъ турокъ, такъ и къ соединенію церквей, при чемъ поставить ему на видъ, что гораздо почетнѣе будетъ для него признать главою своей церкви римскаго первосвященника, нежели слугу турокъ патріарха Константинопольскаго. Поручалось ему также устроить торговыя сношенія Руси съ Венеціей, а вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ предлогомъ пріѣзда въ Москву купцовъ-католиковъ, испросить дозволеніе на постройку въ ней католическихъ храмовъ. Кромѣ того, поручалось собрать всевозможныя свѣдѣнія о дѣлахъ, касающихся вѣры, а также о сосѣдяхъ и военныхъ силахъ москвитянъ. Въ Прагѣ, послѣ посѣщенія цесарскаго двора, Поссевинъ разстался съ Шевригинымъ; послѣдній поѣхалъ въ Москву опять кружнымъ путемъ черезъ Балтійское море, а посоль-іезуитъ направился къ Баторію, котораго нашелъ въ Вильнѣ, въ іюнѣ 1581 года, во время его приготовленій къ псковскому походу. Король сначала недовѣрчиво отнесся къ миссіи іезуита; но скоро поддался его искуснымъ внушеніямъ, раскрылъ ему свои виды и планы, и взялъ его съ собой въ походъ. Въ Полоцкѣ они разстались: король двинулся къ Пскову, а Поссевинъ направился къ царю, который тогда находился въ Старицѣ.

Дѣятельный іезуитъ не терялъ времени даромъ и на самомъ пути своемъ. Впослѣдствіи онъ съ удовольствіемъ доносилъ въ Римъ о томъ, какъ совратилъ въ католичество начальника конвоя, даннаго ему королемъ (начальникъ этотъ былъ православный русинъ), какъ потомъ совратилъ туда же одного русскаго переводчика. На московской границѣ Поссевина принялъ высланный царемъ русскій конвой, состоявшій изъ отряда всадниковъ, одѣтыхъ въ шелковые кафтаны съ золотыми позументами. Но царь, очевидно, догадывался, съ кѣмъ имѣеть дѣло, и потому въ наказѣ назначенному при послѣ приставу (Залѣшанину-Волкову) поручалось на вопросы о войнѣ съ Баторіемъ отвѣчать обстоятельно, но если посолъ начнетъ «задирать» и говорить о вѣрѣ, то сказать, что «грамотѣ не учился», и ничего про вѣру не говорить. Въ Старицѣ папскому посольству былъ оказанъ весьма почетный пріемъ; тутъ между разными дарами, присланными папою, посолъ привезъ царю печатную книгу о Флорентійскомъ соборѣ на греческомъ языкѣ. 20-го августа дана была ему первая аудіенція, за которою послѣдовало роскошное угощеніе. Посольство прогостило въ Старицѣ болѣе трехъ недѣль, въ теченіе которыхъ часто вело переговоры съ самимъ царемъ или съ его боярами о торговыхъ сношеніяхъ москвитянъ съ Венеціей, а, главное, объ условіяхъ перемирія съ польскимъ королемъ и объ общемъ союзѣ противъ турокъ. Но разговоры о церковномъ вопросѣ постоянно отклонялись царемъ впередъ до замиренія съ Польшею. Чтобы ускорить это замиреніе, Поссевинъ отправленъ былъ въ королевскій лагерь подъ Псковъ; при царскомъ дворѣ остались два патера изъ его товарищей. Послѣ того обоюдные гонцы съ письмами нерѣдко скакали между Псковомъ и Александровскою Слободою (куда царь бѣжалъ изъ Старицы); но мирные переговоры плохо подвигались впередъ, потому что король желалъ прежде овладѣть Псковомъ и потомъ уже предписать миръ Іоанну; а послѣдній съ своей стороны никакъ не могъ помириться съ мыслию о потерѣ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи, на чемъ прежде всего настаивалъ Баторій. Въ этихъ переговорахъ, какъ и слѣдовало ожидать, іезуитъ-посредникъ уже съ самаго начала повелъ себя пристрастно, т. е. держалъ сторону короля-католика противъ православнаго царя, хотя постоянно ставилъ на видъ послѣднему свое яко бы радѣніе о его пользахъ¹⁾. Поссевинъ, очевидно, желалъ, чтобы вся Ливонія сосредоточилась въ польскихъ рукахъ, надѣясь съ ихъ помощью возстановить тамъ католицизмъ; по этому въ своихъ письмахъ Ивану Васильевичу онъ явно старался запугать его могуществомъ Баторія и предрасположить къ уступкѣ Ливоніи.

¹⁾ Точь въ точь какъ три вѣка спустя дѣйствовалъ по отношенію къ Россію «честный» маклеръ.

Съ одной стороны запугиванія подѣйствовали на Іоанна; а съ другой неудачная и надолго затянувшаяся осада Пскова побудила и Баторія къ открытію непосредственныхъ переговоровъ о перемиріи. Изъ Москвы отправлены уполномоченными для сего князь Дмитрій Елецкій и печатникъ Романъ Алферьевъ; а изъ королевскаго стана Янушъ Збаражскій, воевода брацлавскій, Альбрехтъ Радивиль, надворный литовскій маршалокъ, оба католики, и Михаилъ Гарабурда, секретарь великаго княжества Литовскаго, православный. Въ декабрѣ 1582 года уполномоченные той и другой стороны вмѣстѣ съ папскимъ посломъ съѣхались между Порховымъ и Запольскимъ Ямомъ и расположились въ деревнѣ Киверова Горка. Мѣстность была разорена и опустошена войною, такъ что папскому послу и польскимъ сановникамъ пришлось жить въ курныхъ избахъ и терпѣть всякаго рода лишенія; но русскіе послы и ихъ свита, по словамъ Поссевина, щеголяли своими нарядами и конскими приборами и имѣли съ собой обильные запасы; кромѣ того, снабжались съѣстными припасами изъ Новгорода, такъ что имѣли возможность ежедневно угощать сего посредника. Впрочемъ, холодъ и другія лишенія не особенно вредили Поссевину, ибо онъ отличался крѣпкимъ, закаленнымъ организмомъ. Подъ его собственнымъ предсѣдательствомъ и происходили мирные переговоры, открывшіеся засѣданіемъ 13-го декабря: по правую отъ него руку садились польскіе послы, по лѣвую русскіе; подлѣ стоялъ переводчикъ, родомъ русинъ (которою іезуитъ, повидимому, также успѣлъ совратить въ католичество). На этомъ первомъ засѣданіи прочитаны были вѣрительныя грамоты обѣихъ сторонъ.

Межъ тѣмъ Баторій уступилъ ропоту польскихъ и литовскихъ пановъ, и увелъ ихъ изъ псковскаго лагеря, а самъ отправился въ Вильну; онъ намѣренъ былъ убѣждать сеймъ къ новымъ пожертвованіямъ на продолженіе войны. Подъ Псковомъ остался Замоискій только съ наемными отрядами; онъ терпѣлъ всѣ невзгоды, ропотъ войска, частыя русскія вылазки, однако продолжалъ блокаду города, чтобы совершеннымъ отступленіемъ отъ него не дать москвитянамъ повода къ торжеству и къ требованію болѣе выгодныхъ мирныхъ условій. Но свою славу искуснаго политика и мужественнаго воеводы Замоискій омрачилъ слѣдующимъ гнуснымъ поступкомъ. Изъ польскаго лагеря явился въ городъ одинъ русскій плѣнникъ съ ларцомъ и запискою къ князю Ивану Петровичу Шуйскому. Записка была составлена отъ имени нѣмца Моллера, который прежде вмѣстѣ съ Фаренсбахомъ находился въ царской службѣ и теперь будто бы хотѣлъ вновь перейти на русскую сторону, а напередъ посылалъ ящикъ съ своей казной и драгоценностями. Шуйскій, однако, по совѣту другихъ воеводъ, остерегся самъ открывать ящикъ и поручилъ это сдѣлать слесарю; оказалось, что ящикъ былъ наполненъ порохомъ и заряженнымъ огнестрѣльнымъ

оружіемъ. Возмущенный такимъ коварствомъ, Шуйскій, какъ разсказываютъ, послалъ Замоискому вызовъ на поединокъ, который, однако, не состоялся.

Засѣданія уполномоченныхъ въ Киверовой Горкѣ происходили почти ежедневно; всѣхъ засѣданій насчитывали болѣе двадцати. Уже отсюда видно, какъ медленно подвигались впередъ мирные переговоры, и какъ упорно обѣ стороны отстаивали свои условія. Главнымъ препятствіемъ для соглашенія попрежнему служила Ливонія. Московскіе послы пытались удержать хотя небольшую ея часть, одинъ только Дерптскій округъ; но польскіе уполномоченные требовали уступки всѣхъ занятыхъ русскими ливонскихъ городовъ и замковъ; требовали еще и денежнаго вознагражденія за военныя издержки. Москвитяне затынули переговоры и потому, что знали о трудномъ положеніи польскаго войска, осаждавшаго Псковъ, ждали болѣе рѣшительныхъ дѣйствій со стороны московскихъ воеводъ и снятія осады. Но эти воеводы сидѣли по городамъ или стояли въ полѣ и бездѣйствовали, какъ, напримѣръ, князь Юрій Голицынъ въ Новгородѣ, Мстиславскій въ Волокѣ и т. д. Одинъ Шуйскій ратоборствовалъ во Псковѣ. 4-го января 1582 года онъ сдѣлалъ сильную вылазку, сорокъ шестую по счету, побилъ много неприятелей и взялъ знатное количество плѣнныхъ. Послѣ сей вылазки одинъ изъ королевскихъ дворянъ, Станиславъ Жолкѣвскій (родственникъ гетмана Замоискаго и самъ знаменитый впослѣдствіи польскій гетманъ), прискакалъ на мѣсто посольскаго сѣзда съ донесеніемъ отъ Замоискаго; послѣдній извѣщалъ польско-литовскихъ пословъ, чтобы они поспѣшили какъ можно скорѣе заключить перемиріе, ибо ему сдѣлалось почти невозможнымъ поддерживать долѣе свою блокаду.

Тогда князь Збаражскій сообщилъ русскимъ посламъ, чтобы они немедленно объявили свои послѣднія условія, такъ какъ отъ короля будто бы полученъ приказъ прервать переговоры; затѣмъ далъ имъ сроку три дня. Антоній Поссевинъ, хотя и возбуждалъ противъ себя неудовольствіе самихъ поляковъ тѣмъ, что болѣе заботился объ обращеніи московскаго государя въ католицизмъ, чѣмъ о польскихъ интересахъ; однако, онъ неизмѣнно держалъ ихъ сторону, подтверждалъ ихъ требованія и также торопилъ русскихъ. Напрасно москвичи повторяли ему, что если царь уступитъ всю Ливонію, то у него не будетъ пристаней морскихъ, и нельзя будетъ ему ссылаться съ папою, цесаремъ и другими государями, нельзя будетъ войти съ ними въ союзъ противъ бусурманъ. Ничто не помогало. Въ польскомъ лагерѣ гетманъ Замоискій и его приближенные, по словамъ очевидца, разсуждали такимъ образомъ: «Согласись мы оставить за великимъ княземъ московскимъ только часть ливонской страны, онъ усилится отъ морской торговли и можетъ вернуть прежнее могущество; тогда придется вести новую

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.

Съ единственнаго извѣстнаго экземпляра гравюры, находящейся въ Вѣнской Публичной Библиотекѣ (по снимку Д. А. Ровинскаго).

войну. Гораздо же лучше теперь доканать его». Иезуитъ-посредникъ усердно дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ. Испуганные угрозами, наши послы, наконецъ, согласились объявить самое послѣднее условіе, заранѣе разрѣшенное царемъ и его думою, т. е. уступку всей Ливоніи, кромѣ того, отступились отъ возврата Полоцка и Велижа. Поляки съ своей стороны возвратили намъ всѣ занятые ими псковскіе пригороды, т. е. Великіе Луки, Заволочье, Холмъ, Островъ и пр. На этихъ условіяхъ въ Киверовой Горкѣ заключено было десятилѣтнее перемиріе, начинавшееся отъ 6-го января 1582 года. Когда дошло дѣло до написанія договорныхъ грамотъ, то возникли сильныя пререканія по поводу царскаго титула и выраженной насчетъ уступки ливонскихъ городовъ. Во время этихъ споровъ, Поссевинъ, отъ природы человѣкъ вспыльчивый и довольно сварливый, бранился и кричалъ на русскихъ пословъ и однажды до того вышелъ изъ себя, что вырвалъ изъ рукъ князя Елецкаго черновую договорную записку и бросилъ ее, а самого князя схватилъ за воротникъ его шубы, оборвалъ застѣжки, и, повернувъ лицомъ къ двери, выгналъ его изъ своей избы. Наконецъ, согласились на томъ, чтобы написать Ивана Васильевича царемъ и государемъ лифляндскимъ и смоленскимъ только въ московскомъ договорномъ спискѣ; согласились также написать уступку не только ливонскихъ городовъ, завоеванныхъ поляками, но и тѣхъ, которые были еще заняты русскими.

17-го января защитники Пскова увидали со своихъ стѣнъ большое движеніе въ непріятельскихъ лагеряхъ и приближавшуюся толпу конныхъ и пѣшихъ людей. Воеводы думали, что поляки затѣваютъ новый приступъ. Но отъ толпы отдѣлился русскій боярскій сынъ, по имени Александръ Хрущовъ; впущенный въ городъ, онъ вручилъ воеводамъ перемирную грамоту отъ русскихъ пословъ. Велика была въ Псковѣ радость гражданъ, освободившихся отъ тягостной осады. Еще болѣе радовались поляки столь выгодному для нихъ миру. Замойскій устроилъ въ своемъ станѣ пиръ, и звалъ на него русскихъ воеводъ. Шуйскій отпустилъ своихъ товарищей, но самъ не поѣхалъ. Въ первыхъ числахъ февраля польскій гетманъ снялся съ лагерей, и двинулся въ Ливонію отбирать у русскихъ уступленные ими города и замки. Особенно чувствительна была для насъ потеря Дерпта или Юрьева Ливонскаго, который 24-го февраля перешелъ въ руки поляковъ. Въ этомъ городѣ издревле находилась значительная русская колонія, а со времени русскаго завоеванія въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ онъ успѣлъ до нѣкоторой степени обрусѣть; въ немъ основалась православная епископія и появились многіе православные храмы. Здѣсь уже успѣло смѣниться цѣлое поколѣніе русскихъ гражданъ. Выселяемые отсюда въ Новгородъ и Псковъ, граждане эти и ихъ семьи прощались съ Юрьевымъ какъ съ сво-

имъ роднымъ городомъ, въ послѣдній разъ молились въ своихъ приходскихъ храмахъ, и со слезами причитали надъ могилами своихъ родственниковъ ¹⁾).

Уступая ливонскіе города Баторію, въ Москвѣ питали надежду, отдѣлавшись отъ сильнѣйшаго врага, потомъ ударить всѣми силами на болѣе слабаго, т. е. на шведовъ, чтобы отнять у нихъ обратно Нарву и другіе эстонскіе города, взятые ими у русскихъ. По сему московская дипломатія во время мирныхъ переговоровъ съ Польшею старательно отклоняла предложенное Поссевиномъ посредничество для заключенія мира со шведами. Надежда отобрать у нихъ взятые города особенно усилилась, послѣ того какъ де-ла-Гарди двинулся было къ берегамъ Невы и осадилъ Орѣшекъ, но здѣсь потерпѣлъ поражение и со стыдомъ ушелъ назадъ. Около этого времени, именно въ іюнѣ 1582 года, въ Москву прибыли тѣ же польско-литовскіе уполномоченные, князь Збаражскій съ товарищами, для подтвержденія перемирнаго договора. При семъ они потребовали, чтобы царь оставилъ Эстонию въ покоѣ и не воевалъ ее во все время десятилѣтняго перемирія. Поляки не только не желали допустить русскихъ вновь утвердиться на эстонскомъ побережьѣ, но они сами надѣялись отнять это побережье у шведовъ, чтобы всѣ бывшія ливонскія владѣнія сосредоточить въ своихъ рукахъ. Царь принужденъ былъ согласиться на новое требованіе. Со шведами завязались переговоры, которые окончились въ слѣдующемъ 1583 году заключеніемъ трехлѣтняго перемирія на рѣкѣ Плюсѣ. Не только Ругодивъ или Нарва, но и русскіе города Ямъ, Ивангородъ и Копорье, остались въ рукахъ шведовъ. Кромѣ вмѣшательства поляковъ, на заключеніе этого перемирія повліяло также происходившее тогда возстаніе, вновь поднятое въ Казанской области луговыми черемисами.

Бѣдственно для Россіи окончились усилія царя Ивана, направленные на завоеваніе Ливоніи и пріобрѣтеніе балтійскихъ береговъ. Почти двадцатипятилѣтняя непрерывная война съ западными сосѣдями крайне разстроила и разворила московское государство; она стоила ему огромныхъ матеріальныхъ жертвъ; многія тысячи людей погибли въ битвахъ, въ плѣну, отъ болѣзней и голода; множество городовъ и селъ было выжжено и въ конецъ опустошено. Одинъ современный лѣтописецъ (псковскій) съ горечью замѣтилъ: «царь Иванъ не на велико время чужую землю взялъ, а по малѣ и своей не удержалъ, а людей вдвое погубилъ». Напрасно

---

¹⁾ Замѣчательно это до нѣкоторой степени обрусѣніе Юрьева Ливонскаго, совершенное въ какія-нибудь 20 лѣтъ, при строго-національномъ, традиціонномъ направленіи московской политики, если сравнить съ нимъ настоящее состояніе Дерпта, какъ средоточія балтійскаго германизма, послѣ едва не двухъ-вѣковой принадлежности его російской державѣ.

нѣкоторые новые историки пытаются оправдать ливонскія войны Ивана широкими политическими замыслами, а его неудачу военными талантами Баторія и отсталостію русскихъ въ ратномъ искусствѣ сравнительно съ западными европейцами. Напротивъ, чѣмъ ближе всматриваемся мы въ эту эпоху, тѣмъ яснѣе выступаетъ вся политическая недалковидность Грознаго, его замѣчательное невѣжество относительно своихъ соперниковъ по притязаніямъ на Ливонію, его неумѣнье ихъ раздѣлить и воспользоваться ихъ слабыми сторонами. Первые успѣхи совершенно его ослѣпили: вмѣсто того, чтобы вовремя остановиться и упрочить за Россіей обладаніе ближайшимъ и нужнѣйшимъ краемъ, т. е. Дерптско-Нарвскимъ, онъ съ тупымъ упрямствомъ продолжалъ стремиться къ завоеванію цѣлой Ливоніи и тогда, когда обстоятельства уже явно повернулись противъ него. Блестящіе успѣхи Баторія можно только отчасти объяснять его талантами и отсталостію москвитянъ въ ратномъ искусствѣ. Послѣднее обстоятельство не мѣшало имъ, однако, при дѣдѣ и отцѣ Ивана и въ первую половину его собственнаго царствованія наносить иногда пораженія западнымъ сосѣдямъ, отвоевывать у нихъ города и цѣлыя области. Если на сторонѣ Баторія было превосходство его личныхъ военныхъ способностей, то на сторонѣ Ивана находилось важное, подавляющее преимущество: его неограниченное самодержавіе, которое могло двигать всѣми русскими силами и средствами какъ однимъ человѣкомъ, тогда какъ Баторій принужденъ былъ постоянно бороться съ разными противодѣйствіями и препятствіями въ собственномъ государствѣ. Обстоятельства благопріятствовали Ивану и въ томъ отношеніи, что во время его борьбы съ Баторіемъ южные предѣлы Россіи не требовали большихъ усилій для своей обороны; ибо крымскіе татары были отвлечены происходившею между турками и персами войной, въ которой ханъ участвовалъ какъ вассалъ султана. Но дѣло въ томъ, что ливонская война тогда не пользовалась въ Россіи сочувствіемъ народнымъ (была малопонятна для народа, непопулярна), что тиранъ собственными руками истребилъ своихъ лучшихъ воеводъ и совѣтниковъ, и остался при худшихъ, а самъ онъ въ минуты наибольшей опасности только обнаружилъ свою ратную неспособность и недостатокъ личнаго мужества. Его тиранство вмѣстѣ съ этой неспособностью, очевидно, отвратили отъ него сердца многихъ русскихъ людей. Это важное обстоятельство во время войны съ Баторіемъ особенно сказалось множествомъ перебѣжчиковъ изъ служилыхъ людей. Въ числѣ ихъ находились и знатные люди; такъ Давидъ Бѣльскій, подобно Курбскому, ушелъ къ королю, и потомъ давалъ ему гибельные для русскихъ совѣты во время послѣдней войны. Грозный даже не счумѣлъ воспользоваться геройской обороной Пскова, и, когда надобно было энергически дѣйствовать всѣми силами для полного отраженія не-

пріятеля, ждалъ своего спасенія отъ иноземнаго вмѣшательства и лукаваго посредничества іезуита Поссевина.

Если въ чемъ Иванъ и былъ лично силенъ, такъ это въ словесныхъ препирательствахъ, что не замедлилъ испытать на себѣ тотъ же Поссевинъ.

По заключеніи Запольскаго мира, Антоній вмѣстѣ съ русскими уполномоченными отправился въ Москву, одушевленный явною надеждою пожать здѣсь плоды своихъ трудовъ и приступить къ осуществленію обѣщаній царя относительно христіанскаго союза противъ турокъ, а главное относительно хотя и не обѣщаннаго, но подразумеваемаго соединенія церквей. Антоній прибылъ 14-го февраля и нашелъ московскій дворъ облеченнымъ въ «смирныя» (траурныя) одежды, по случаю смерти царевича Ивана Ивановича. Іезуита съ его свитою помѣстили въ Китай-городѣ въ домѣ Ивана Сѣркава. Вообще, папскаго посла приняли попрежнему съ почетомъ и учтивостью; для переговоровъ съ нимъ былъ назначенъ новгородскій намѣстникъ Никита Романовичъ Юрьевъ-Захарыинъ съ товарищами. Но іезуитъ долженъ былъ тотчасъ почувствовать, что въ немъ не только болѣе не нуждаются, но что и благодарности къ нему особой не питаютъ. Да оно и естественно. Въ Москвѣ теперь очень хорошо понимали, что папское посредничество не принесло намъ существенной пользы въ войнѣ съ Баторіемъ, что Поссевинъ держалъ его сторону, и помогъ ему оттягать у насъ всѣ ливонскія владѣнія и что согласіемъ его на перемиріе мы болѣе всего обязаны не Поссевину, а стойкости осажденнаго Пскова. Поэтому на переданное іезуитомъ предложеніе Баторія послать совместно съ нимъ войска противъ крымскихъ татаръ, царь отвѣчалъ, что онъ находится въ мирѣ съ ханомъ. На ходатайство о дозволеніи венеціанамъ пріѣзжать въ московское государство для торговли, имѣя при себѣ священниковъ, дано согласіе, но съ условіемъ: ученія своего не распространять и церквей своихъ не стрѣить. Точно также на предложеніе послать въ Римъ русскихъ мальчиковъ для науки, отвѣчали, что скоро такихъ мальчиковъ набрать нельзя, а когда наберутъ, то пришлютъ. Когда же Поссевинъ началъ домогаться, чтобы царь удостоилъ его бесѣдою наединѣ о церковномъ вопросѣ, то получилъ въ отвѣтъ, что о такихъ важныхъ дѣлахъ царь никогда не разсуждаетъ безъ своихъ думныхъ людей и что, вообще, подобный разговоръ повлечетъ за собою споры, изъ споровъ можетъ возникнуть вражда; а потому лучше разговоры о вѣрѣ оставить. Но іезуитъ настаивалъ и соглашался вести бесѣду въ присутствіи бояръ. Царь уступилъ, и назначилъ для сей бесѣды 21-е февраля.

Очевидно, Поссевинъ надѣялся чего-то достигнуть помощію своихъ богословскихъ познаній и ловкости въ діалектикѣ. Наивная надежда и слишкомъ малое знакомство какъ съ религіознымъ рус-

скимъ строемъ, такъ и съ личностію Ивана Васильевича! Царь уже имѣлъ случай и прежде показать свою начитанность и свои полемическія способности въ церковныхъ вопросахъ. А именно, въ 1570 году, въ Москву пріѣзжали для заключенія перемирія послы короля Сигизмунда Августа, Кротовскій, Лещинскій и Тальвошъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, состоявшей изъ протестантскаго и католическаго священниковъ. Въ качествѣ перваго священника состоялъ Иванъ Рокита, родомъ чехъ, принадлежавшій собственно къ сектѣ чешскихъ братьевъ, которая съ одной стороны примыкала къ старому гусситству, съ другой къ новому лютеранству. Рокита возмѣлъ намѣреніе склонить къ своему ученію русскаго царя, и добился его согласія на торжественное съ нимъ преніе о вѣрѣ, въ царскихъ палатахъ, въ присутствіи королевскихъ пословъ, русскихъ бояръ и духовенства. Царь сидѣлъ на тронѣ, а Рокита противъ него на скамьѣ, покрытой ковромъ. Иванъ Васильевичъ, благодаря частымъ бесѣдамъ съ ливонскими плѣнниками и ихъ пасторами, довольно хорошо былъ знакомъ съ лютеранскимъ вѣроисповѣданіемъ и, не обращая вниманія на нѣкоторыя отличія отъ него секты чешскихъ братьевъ, въ сильныхъ выраженіяхъ напалъ на послѣдователей этого вѣроисповѣданія, назвалъ отступниками отъ древней Церкви и Св. Писанія, уподобилъ ихъ свиньямъ по причинѣ невоздержной жизни, отрицанія постовъ, иконъ, святыхъ и монашества, а молитвы ихъ обозвалъ пустымъ бормотаньемъ. Въ своемъ высокопарномъ и пространномъ отвѣтѣ Рокита пытался защищать протестантское ученіе и напалъ на католичество (о православіи онъ умолчалъ), называлъ его монаховъ, одѣтыхъ въ капишоны, волками въ овечьей шкурѣ, а иконопочитаніе обозвалъ идолопоклонствомъ. На эту рѣчь Иванъ Васильевичъ ничего не сказалъ, а велѣлъ доставить ему письменное ея изложеніе; потомъ въ свою очередь написалъ или велѣлъ написать на нее подробное и горячее письменное опроверженіе, которое и передалъ Рокитѣ передъ отпускомъ пословъ. Бесѣды Ивана Васильевича съ лютеранскими пасторами о вѣрѣ иногда оканчивались для нихъ несовсѣмъ пріятнымъ образомъ. Такъ во время своего ливонскаго похода въ 1577 году царь, проѣзжая по улицамъ Кокенгаузена, встрѣтилъ одного пастора, и спросилъ его, чему онъ учитъ. Тотъ началъ излагать ученіе Лютера, котораго приравнялъ апостолу Павлу. Царь вспылилъ, ударилъ кнутомъ пастора по головѣ, и отъѣхалъ отъ него со словами: «Пошелъ ты къ чорту съ твоимъ Лютеромъ».

Преніе царя съ Поссевиномъ происходило почти при такой же торжественной обстановкѣ, какъ и съ Рокитой, въ Тронной палатѣ, въ присутствіи бояръ и высшихъ придворныхъ чиновъ (низшіе были высланы). Царь вновь повторилъ, что лучше бы не начинать преній о вѣрѣ, и прибавилъ, что ему уже 51-й годъ и что

при концѣ жизни онъ не измѣнить греческой вѣрѣ, въ которой родился; впрочемъ, разрѣшилъ послу говорить все, что онъ сочтетъ нужнымъ. На сіе Антоній ловко отвѣтилъ, что римскій первосвященникъ вовсе не предлагаетъ русскому государю перемѣнить старую греческую вѣру, а только убѣждаетъ возстановить ее въ древней чистотѣ и признать то единство церквей, которое было признано на Флорентійскомъ соборѣ самимъ греческимъ императоромъ и русскимъ митрополитомъ Исидоромъ. Иезуитъ сослался при этомъ на ту книгу, которую папа прислалъ царю и приба-

Современная карикатура на Ивана Грознаго.

Изъ книги Юганна Гоффа «Tyranney Jwan Wasilowitz», изданной въ 1581 году.

вилъ, что послѣ соединенія царя съ папою и другими государями онъ не только возсядетъ на своей древней отчинѣ — Кіевѣ, но и въ самомъ Царьградѣ. На такую заманчивую перспективу Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что русскіе вѣруютъ не въ грековъ, а во Христа; что ему довольно своего государства, а другихъ онъ не желаетъ и что безъ благословенія митрополита и всего освященнаго собора ему говорить о вѣрѣ не пригоже.

Споръ о вѣрѣ готовъ былъ на этомъ прекратиться. Но Антоній умолялъ царя высказать свои мысли о предметѣ. Тотъ согласился и повелъ рѣчь не о различіи въ догматахъ, а о различіяхъ такъ сказать внѣшнихъ; при чемъ, подчиняясь своему страстному нраву,

скоро увлекся преніемъ до крайне рѣзкихъ выраженій; между прочимъ, упрекнулъ іезуита за то, что онъ будучи попомъ подсеѣкаетъ бороду; а, главное, не замедилъ свести вопросъ на его самую чувствительную сторону, то есть на папство или собственно на папскую гордыню, въ которой отражались непомѣрныя папскія притязанія. Съ особымъ негодованіемъ указалъ онъ на то, что папу носятъ на престолѣ, цѣлуютъ его въ сапогъ, а на сапогѣ крестъ съ распятіемъ Господа. Хитрый іезуитъ, думая смягчить царя, отвѣтилъ, что папѣ воздается честь какъ сопредстольнику апостоловъ Петра и Павла, сопредстольниковъ самого Христа, какъ отцу и главѣ всѣхъ государей. «Вотъ и ты государь великій въ своемъ государствѣ, и васъ, государей, какъ намъ не величать, не славить и въ ноги не припадать?» Тутъ онъ низко, почти въ ноги поклонился царю. Однако, эта уловка не подѣйствовала. Иванъ Васильевичъ продолжалъ горячо нападать на гордыню папъ, которымъ подобаеъ показывать смиреніе, а не возноситься надъ царями, не требовать себѣ царскихъ почестей, и не уподоблять себя Христу. «Который папа живетъ не по Христову ученію и не по апостольскому преданію, тотъ папа волкъ, а не пастырь!»—воскликнулъ наконецъ царь.—«Если уже папа волкъ, то мнѣ и говорить нечего!»—замѣтилъ Посевинъ и замолчалъ. Царь спохватился, и, перемѣнивъ тонъ, напомнилъ о томъ, какъ онъ предупреждалъ посла, что преніе о вѣрѣ безъ непріятныхъ словъ не обойдется; оправдывалъ себя тѣмъ, что онъ назвалъ волкомъ не папу Григорія, а того, который живетъ не по ученію Христову и апостольскимъ преданіямъ, и вообще старался ласковыми словами загладить свою выходку. Антоній съ своей стороны не показывалъ болѣе неудовольствія и при отпускѣ попросилъ поцѣловать царскую руку; на что Іоаннъ отвѣтилъ тѣмъ, что обнялъ его дважды. А послѣ отпуски послалъ ему лучшія блюда съ царскаго стола.

Спустя два дня, происходила вторая бесѣда. Испуганный крайней нервностью и раздражительностью царя, Антоній, отправляясь во дворецъ, пріобщилъ своихъ спутниковъ Святыхъ Таинъ и убѣждалъ ихъ въ случаѣ нужды пострадать за вѣру. Но на сей разъ царь не пожелалъ входить въ какія-либо пренія о вѣрѣ, а встрѣтилъ Антонія ласково и просилъ его не писать папѣ о томъ, что было имъ сказано непріятнаго въ прошлый разъ. Затѣмъ по порученію царя бояре просили Антонія письменно изложить отличія вѣры латинской отъ русской, такъ какъ присланную папою греческую книгу о Флорентійскомъ соборѣ будто бы при дворѣ никто не умѣетъ перевести на русскій языкъ. 4-го марта Антоній имѣлъ еще третью краткую бесѣду съ царемъ, при чемъ вручилъ ему свою рукопись о различіи вѣръ католической и греческой. Послѣ этой бесѣды царь, отправляясь въ Успенскій соборъ, пригласилъ Анто-

нія ийти туда же и посмотри́ть русское митрополи́че богослуже́нне. Но тотъ уклонился, и въ православный соборъ не пошелъ.

Затѣмъ Антоній Поссевинъ былъ отпущенъ изъ Москвы и съ нимъ отправленъ къ папѣ гонцомъ Яковъ Молвяниновъ съ подъячимъ Тишиной Васильевымъ; они повезли папѣ отвѣтную грамоту и подарки, состоявшіе изъ дорогихъ соболей. Они же были снабжены грамотами къ королю польскому, цесарю, австрійскимъ герцогамъ и венеціанскому дожу. Въ грамотѣ Григорію XIII царь, между прочимъ, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ говорилъ о заключеніи съ нимъ и другими государями союза противъ мусульманъ. А въ наказѣ, данномъ гонцу, любопытны слѣдующія слова: «Если папа или его совѣтники будутъ говорить, что государь вашъ назвалъ папу волкомъ и хищникомъ, то отвѣчайте, что о томъ не слыхали». Ясно, что Иванъ Васильевичъ пока не желалъ ссориться съ папою, такъ какъ перемиріе съ поляками въ то время еще не было формально подтверждено, а со шведами война еще продолжалась: очевидно, онъ старался замаять вопросъ о произнесенныхъ имъ въ запальчивости рѣзкихъ выраженіяхъ. Во всякомъ случаѣ неутѣшительныя впечатлѣнія увозилъ съ собою изъ Москвы іезуитъ Поссевинъ: всѣ его хлопоты и дипломатическія способности разбились о непоколебимую преданность русскихъ своему православію и сильную нелюбовь къ латинству, въ чемъ Иванъ Васильевичъ явился вѣрнымъ представителемъ своего народа. Сюда присоединились еще старанія иноземныхъ торговцевъ-протестантовъ, которые доставляли московскому царю разныя обличительныя сочиненія противъ католичества и папства. Преувеличивая ихъ вліяніе, Поссевинъ неудачу своей московской миссіи главнымъ образомъ приписывалъ проискамъ англійскимъ и другихъ иноземныхъ купцовъ, исповѣдывавшихъ лютеранство или кальвинизмъ.

Печаленъ и мраченъ былъ конецъ Іоаннова царствованія. Только одно счастливое событіе бросаетъ свѣтлый лучъ въ это мрачное время: то было завоеваніе Сибири Ермакомъ. Но Іоаннъ лично является почти не при чемъ въ этомъ завоеваніи. Онъ до конца и неуклонно продолжалъ свою разрушительную дѣятельность внутри государства. Одновременно съ тяжкими пораженіями отъ внѣшнихъ враговъ и другими бѣдствіями, произошло роковое событіе въ самой царской семьѣ, событіе, нанесшее смертельный ударъ династіи Владиміра Великаго и послужившее однимъ изъ главныхъ источниковъ послѣдующаго смутнаго времени на Руси. Впрочемъ, ничего другого и невозможно было ожидать отъ безумнаго тирана, который такъ привыкъ предаваться необузданнымъ порывамъ своихъ страстей, для котораго не было ничего святого въ этомъ мірѣ. Мы говоримъ о сыноубійствѣ.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1889 г. т. XXXV.

Истребленіе государевыхъ родственниковъ, которое совершалось въ эпоху Василія III и Ивана IV, принесло свои плоды: царская семья сдѣлалась малочисленна. Историческая Немезида какъ бы мстила за сіе истребленіе относительнымъ бесплодіемъ этихъ послѣднихъ государей и вырожденіемъ ихъ семьи. Василій III, послѣ бездѣтной Соломоніи, едва успѣлъ оставить отъ Елены Глинской двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій, Юрій, оказался малоумнымъ и умеръ бездѣтнымъ. Почти тоже повторилось съ Иваномъ IV. Его разнообразныя браки отличались или бесплодіемъ или раннею смертностію дѣтей. Только отъ первой супруги, Анастасіи Романовны, онъ имѣлъ двухъ взрослыхъ сыновей, Ивана и Ѳедора. Но младшій изъ нихъ, Ѳедоръ, подобно дядѣ своему Юрію, былъ малоуменъ и неспособенъ къ правительственнымъ дѣламъ. Всѣ надежды русскихъ людей на продолженіе царскаго рода сосредоточивались теперь на старшемъ царевичѣ Иванѣ Ивановичѣ, который достигъ уже двадцатисемилѣтняго возраста и былъ какъ бы царскимъ соправителемъ, по примѣру Ивана Ивановича Молодого въ княженіе Ивана III; такъ что на ряду съ государемъ присутствовалъ въ боярской думѣ, при приѣмѣ пословъ и т. п.; имена ихъ уже вмѣстѣ упоминались въ правительственныхъ актахъ. (Этотъ обычай соцарствія сына отцу водворился, конечно, не безъ вліянія Византіи). Отецъ очевидно питалъ привязанность къ старшему сыну, по скольку могъ питать ее такой безсердечный себялюбецъ. Но отцовское расположеніе пріобрѣтено со стороны сына и поддерживалось дорогою цѣною: одинаковыми привычками и вкусами, которые были усвоены, конечно, въ той же отцовской школѣ. Во-первыхъ, по свидѣтельству современниковъ, Иванъ Ивановичъ обнаруживалъ жестокосердіе и привыкъ не только безъ трепета, но съ глумленіемъ смотрѣть на лютыя казни, производимыя его отцомъ. Во-вторыхъ, онъ усердно раздѣлялъ отцовскія оргіи, и привыкъ не отставать отъ него въ пьянствѣ и развратѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подражалъ отцу и въ наклонности къ книжнымъ занятіямъ. Напримѣръ, извѣстно, что онъ написалъ Житіе и Похвальное слово св. Антонію Сійскому. Подобно отцу и съ его поощренія, царевичъ Иванъ, не смотря на молодые годы, успѣлъ уже переимѣнить нѣсколькихъ женъ. Первая его супруга, Евдокія Сабурова, была пострижена въ монахини, вторая Параскева, Соловая, подверглась той же участи; повидимому обѣ онѣ были бездѣтны. Въ третій разъ собраны были для него красивѣйшія дѣвицы, и выборъ палъ на Елену Ивановну Шереметеву, племянницу Ивана Васильевича Большого (въ монашествѣ Іоны), дочь Ивана Васильевича Меньшого, павшаго геройскою смертію при осадѣ Кольвани или Ревеля въ 1578 году. Эта третья супруга, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и послужила случайною причиною гибели самого царевича Ивана. Однажды, въ ноябрѣ 1582 года, въ

Александровской слободѣ Иванъ Грозный вошелъ въ комнату своей снохи и нашелъ ее лежащею на скамьѣ въ одномъ исподнемъ платьѣ, что считалось неприличнымъ для знатныхъ женщинъ. Она находилась тогда въ послѣднемъ періодѣ беременности; тѣмъ не менѣе царь разгнѣвался и началъ ее бить. На шумъ прибѣжалъ царевичъ Иванъ, и сталъ упрекать отца въ томъ, что онъ сослалъ въ монастырь двухъ первыхъ его женъ, а теперь не щадитъ и третью вмѣстѣ съ будущимъ ея младенцемъ. Разъяренный этими упреками, царь бросился на сына и ударилъ его острымъ желѣзнымъ наконечникомъ своего посоха въ високъ такъ сильно, что кровь хлынула ручьемъ, и царевичъ упалъ замертво. При видѣ крови, тиранъ опомнился и молилъ сына о прощеніи. Дядя царевича, Никита Романовичъ, и дьякъ Щелкаловъ привезли изъ Москвы врачей. Но уже ничто не помогло: черезъ четыре дня царевичъ скончался. Между тѣмъ его супруга отъ понесенныхъ побоевъ выкинула мертваго младенца. По смерти мужа она пострижена въ московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ, подъ именемъ Леониды. По другому извѣстію, царь разгнѣвался на сына и поразилъ его своимъ посохомъ за то, что царевичъ горячо началъ говорить ему о необходимости выручить осажденный Псковъ. Какъ бы то ни было, тиранъ первые дни послѣ смерти сына предавался сильной скорби и тоскѣ. Онъ устроилъ ему торжественное погребеніе въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ, служилъ панихиды, послалъ большую сумму на поминъ его души къ восточнымъ патріархамъ. Даже прибѣгъ къ обычной своей уловкѣ: объявилъ боярамъ, что по неспособности его второго сына Феодора пусть они изберутъ себѣ другого государя, а что самъ онъ намѣренъ удалиться въ монастырь. Не вѣря его искренности, бояре, конечно, отвѣчали мольбою не покидать царства, и Грозный, какъ бы снисходя на эти мольбы, остался на престолѣ. Иванъ Васильевичъ не долго скорбѣлъ о потерѣ сына и воздерживался отъ обычныхъ своихъ дѣяній и порочнаго образа жизни. Самымъ крупнымъ изъ его дѣяній въ эту эпоху были многочисленныя казни ратныхъ людей, взятыхъ въ плѣнъ Баторіемъ при завоеваніи русскихъ городовъ и теперь возвращенныхъ послѣ заключенія перемирія. Обвиняя ихъ въ малодушіи, царь вымѣщалъ на нихъ свою злобу за претерпѣнныя имъ потери и пораженія. Въ то же время онъ возобновилъ еще одну старую свою привычку: исканіе себѣ новой жены!

Не смотря на то, что его пятая супруга, Марія Нагая, жила при немъ и здравствовала, царь въ августѣ 1582 года отправилъ въ Англію посломъ дворянина Феодора Писемскаго съ порученіемъ переговорить о тѣсномъ политическомъ союзѣ съ Елизаветою и посватать ея родственницу, графиню Марію Гастингсъ. На сію дѣвицу указалъ Ивану его врачъ-англичанинъ Робертъ Яковъ (русскіе окрестили его въ Романа Елизарова), который былъ по его просьбѣ

присланъ Елизаветою, и по вліянію на царя скоро замѣнилъ своего предшественника Бомелія. Елизавета ласково приняла Писемскаго, и даже не удивилась затѣянному сватовству, ибо примѣръ ея отца шестижоннаго Генриха VIII былъ еще у всѣхъ въ памяти. Только послу пришлось долго ждать, пока ему удалось лично видѣть невѣсту, которая оправлялась тогда послѣ бывшей у нея оспы. Писемскій привезъ царю ея персону (портретъ). Вмѣстѣ съ Писемскимъ прибылъ новый посолъ Елизаветы къ Ивану IV, Геронимъ Боусъ. Изъ переговоровъ съ симъ посломъ московскіе бояре и царь убѣдились, что на предложеніе тѣснаго союза противъ враговъ Россіи, поляковъ и шведовъ, англійское правительство по обыкновенію отвѣчало уклончиво, а болѣе всего хлопотало объ исключительныхъ привилегіяхъ для своихъ купцовъ, торговавшихъ съ Россіей. Хотя около этого времени Марія Нагая разрѣшилась отъ бремени и родила Ивану сына Димитрія, однако, переговоры о новомъ бракѣ продолжались. Но на вопросы о невѣстѣ англійскій посолъ также отвѣчалъ уклончиво, говорилъ, что она слаба здоровьемъ и недовольно хороша собою, а потому и не понравится царю, какъ извѣстному любителю женской красоты. Онъ предлагалъ выбрать какую-либо другую дѣвицу изъ родственницъ королевы; но отказывался назвать ихъ имена. Царь сердился на эти уклончивые отвѣты о союзѣ и сватовствѣ и на требованіе исключительныхъ торговыхъ правъ. Но при помощи своего соотечественника, врача Роберта Якова, упрямый, сварливый Боусъ получалъ отъ царя разныя милости; онъ надѣялся добиться подтвержденія англійскихъ привилегій и устраненія отъ бѣломорской торговли французскихъ и нидерландскихъ купцовъ, которые соперничали въ этой торговлѣ съ англичанами. Затянувшіеся переговоры были прерваны внезапною смертію царя.

Чрезвычайно невоздержный образъ жизни и постоянно тревожное состояніе духа принесли неизбѣжныя послѣдствія. Въ пятьдесятъ съ небольшимъ лѣтъ Иванъ IV уже вполне состарился, и его крѣпкое отъ природы здоровье совершенно разстроилось. Зимой 1584 года у него открылась страшная болѣзнь: его тѣло стало гнить внутри и пухнуть снаружи. По монастырямъ разослали грамоту, въ которой отъ имени царя просили молиться о прощеніи ему грѣховъ и исцѣленіи отъ болѣзни. Больной царь распорядился судьбою государства. Наслѣдникомъ своимъ онъ объявилъ царевича Феодора; но, зная его неспособность, назначилъ особую правительственную думу, которую составили пять бояръ, а именно: Иванъ Петровичъ Шуйскій, знаменитый защитникъ Пскова; Иванъ Феодоровичъ Мстиславскій, по матери своей троюродный братъ Ивана IV; Никита Романовичъ Юрьевъ, братъ первой супруги Грознаго Анастасіи, единственный изъ близкихъ къ царю людей счумѣвшій отъ начала и до конца сохранить его уваженіе и ми-

лость; рядомъ съ этими знатнѣйшими боярами въ особую высшую Думу назначены сравнительно молодые люди: Борисъ Федоровичъ Годуновъ и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Оба они были царскими любимцами въ послѣднюю эпоху Іоаннова царствованія. Годуновъ, женатый на дочери Малюты Скуратова, очевидно сѣумѣлъ наследовать и царское къ нему расположеніе; а Бѣльскій болѣе десяти лѣтъ находился при особѣ государя и спалъ у его постели. Того же Богдана Бѣльскаго Иванъ IV назначилъ дядькою или воспитателемъ своего маленькаго сына Димитрія, которому вмѣстѣ съ матерью далъ въ удѣлъ Угличъ. Кромѣ пяти помянутыхъ бояръ, выдающееся положеніе въ это время занимали думные дяки Щелкаловы, братья Андрей и Василій.

Иванъ IV до конца остался вѣренъ своимъ привычкамъ: такъ, въ минуты облегченія отъ болѣзни онъ развлекался созерцаніемъ своихъ сокровищъ, особенно драгоценныхъ камней, а также игрою въ шахматы, собиралъ знахарей или колдуновъ, и допрашивалъ ихъ о своемъ смертномъ часѣ; не прочь былъ и отъ любовнаго похлѣвья. 18-го марта, послѣ трехчасовой теплой ванны, онъ сидѣлъ на постели, спросилъ шахматную доску и собирался играть въ шашки съ Бѣльскимъ. Вдругъ онъ упалъ. Межъ тѣмъ какъ врачи тщетно старались привести его въ чувство, митрополитъ Діонисій, конечно, заранѣе предупрежденный о желаніи умирающаго, спѣшилъ совершить надъ нимъ обрядъ постриженія, и нарекъ его инокомъ Іоною.

Такъ окончилось это долгое царствованіе, исполненное громкихъ событій и превратностей судьбы, въ первой половинѣ своей возвеличившее Россію, а потомъ доведшее ее до великаго истощенія и униженія. Иванъ IV представляетъ въ исторіи рѣзкій образецъ государя, щедро одареннаго отъ природы умственными силами и обнаружившаго недюженныя правительственныя способности, но нравственно глубоко испорченнаго, вполне поработченнаго своимъ страстямъ и потому обратившаго наследованную имъ отъ предковъ сильную власть въ орудіе жестокой и нерѣдко безсмысленной тираніи, имѣвшей разрушительное дѣйствіе на нѣкоторыя стороны русской жизни. Казалось бы московское самодержавіе сдѣлало при немъ еще дальнѣйшіе шаги впередъ; но оно получило до извѣстной степени характеръ азіатской деспотіи, трудно совмѣстимой съ разностороннимъ развитіемъ государственной и народной жизни; а въ концѣ концовъ вызвало бурное воздѣйствіе со стороны подавленныхъ имъ на время сословныхъ и областныхъ преданій и стремленій. Собственными руками уничтоживъ продолженіе своей династіи, Иванъ Васильевичъ самъ приготовилъ и облегчилъ тотъ взрывъ народныхъ движеній и всякой розни, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ «Смутнаго времени» и который едва не привелъ государство на край гибели. Хотя русскій народъ прозвалъ Ива-

на IV только «Грознымъ» и даже съ нѣкоторымъ сочувствіемъ поминаетъ его въ своихъ пѣсняхъ; однако, историкъ въ своей оцѣнкѣ государственнаго дѣятеля не можетъ опереться на это обстоятельство. Во-первыхъ, простонародье всегда болѣе или менѣе сочувственно относится къ уравнильнымъ дѣйствіямъ власти, хотя бы это уравненіе выражалось только въ безпощадныхъ казняхъ. Во-вторыхъ, оно съ гордостью вспоминаетъ такія славныя дѣянія, какъ взятіе Казани и Астрахани и покореніе Сибири; а насколько эти дѣянія принадлежали личному почину и участию Грознаго, о томъ простой народъ не вѣдастъ. Въ третьихъ, то же простонародье въ своихъ пѣсняхъ сочувственно относится и къ удалымъ разбойничьимъ атаманамъ. Слѣдовательно, при оцѣнкѣ государственныхъ заслугъ это сочувствіе является мѣриломъ весьма ненадежнымъ. У нѣкоторыхъ нашихъ старыхъ книжниковъ проглядываетъ возрѣніе на Ивана Грознаго, какъ на одно изъ бѣдствій, свыше ниспосланныхъ русскому народу для его испытанія, для его закала въ терпѣніи и благочестивой преданности Промыслу. И это возрѣніе далеко не такъ наивно, какъ оно представляется многимъ въ наше время—время разносторонней исторической критики.

Д. Иловайскій.

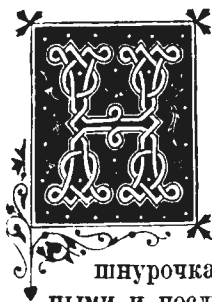

ПОТРЕВОЖЕННЫЯ ТЪНИ¹⁾.

(Изъ одной семейной хроники).

Актриса.

I.

НАЧИНАЯ съ февраля, когда бывають ужъ пригрѣвы, насъ обыкновенно каждый день отпускали кататься. Запрягались для этого большія троечныя сани съ ковромъ; а на козлы садился сѣдой, борадатый кучеръ Ермилъ съ большимъ животомъ и страшно широкими и толстыми плечами: въ рукахъ у него возжи казались какими-то шнурочками, а самыя лошади — большія, вороныя — смиренными и послушными телятами. Ермилъ ѣздилъ всегда съ матушкой и вотъ съ нами, когда насъ отпускали кататься: у отца былъ другой кучеръ — Евтропъ — высокій, красивый брюнетъ; но онъ былъ сравнительно молодъ и потому, какъ не столь опытному, ему не довѣряли: насъ съ нимъ никогда не отпускали кататься. Я помню, только однажды, когда отецъ возвратился откуда-то не далеко отъ сосѣдей и я сталъ проситься, чтобы меня, — ну, хоть одного, безъ сестры, — отпустили немного прокатиться на его лошадахъ, то матушка посмотрѣла на это такъ, какъ если бы я сталъ просить, чтобы мнѣ дали заряженное ружье, или пустили

¹⁾ Подъ этимъ заглавiемъ авторомъ издана недавно книжка его разсказовъ. Въ настоящее время имъ готовится къ печати вторая книжка подъ тѣмъ же заглавiемъ, въ которую войдетъ, между прочимъ, и печатаемый здѣсь разсказъ.

одного ночью въ поле и т. п.; но отецъ любилъ Евтропа и, я думаю, больше для поддержанія или лучше сказать для поднятiя его кредита въ глазахъ матушки, сейчасъ же опять одѣлся и взялъ меня съ собою. Мы прокатились въ немъ вдоль деревни, проѣхали еще съ версту далѣе и вернулись домой. Я помню, эта полузапрещенная, соединенная съ кажущеюся опасностью поѣздка, заставляла мое сердце часто-часто биться, я все смотрѣлъ на Евтропа, какъ онъ красиво, статно и свободно сидѣлъ, на пристяжныхъ, которыя у него не бѣжали рысью, какъ у Ермила, а скакали, загибая шеи, фыркали и поводили глазами; а когда мы съ отцомъ вернулись съ этой поѣздки домой, я почувствовалъ, что я точно выросъ въ своихъ собственныхъ глазахъ: былъ въ опасности и... ничего... Мнѣ, я помню, даже не стало потомъ доставлять никакого почти удовольствiя кататься съ Ермиломъ:

— Ну, это чтò! какiя-то коровы, — кисло говорилъ я сестрѣ, когда мы ѣхали съ Ермиломъ на его лошадахъ.

Сестра смотрѣла на меня и улыбалась. Она кажется съ этого раза тоже стала смотрѣть на меня и не только какъ на болѣе опытнаго, но и какъ на «отчаяннаго»...

Но это было только разъ, а все время и потомъ послѣ этого раза, мы катались все на матушкиныхъ лошадахъ и съ ея кучеромъ Ермиломъ. Эти выѣзды наши были степенны, важны, обставлялись господскимъ достоинствомъ, торжественностью. Ермилъ одѣвался въ парадную кучерскую форму; ливрейный лакей Никифоръ не садился какъ обыкновенно на козлы, а становился на запятки, позади саней, и ѣхалъ такъ все время стоя, держась за басонныя поручни. Насъ, т. е. меня и сестру Соню, сажали въ середину саней, а по бокамъ садились съ одной стороны нянька—съ другой гувернантка. Укутаны мы были такъ, что даже жарко намъ было. Говорить дорогой, чтобы не простудили горло, запрещалось: можно было только отдѣльныя замѣчанiя дѣлать.

Такъ доѣзжали мы обыкновенно до «Прудковъ», имѣнiя дяди Петра Васильевича Скурлятова, огибали усадьбу, проѣзжая мимо самого его дома, что называется подъ самыми окнами, и тѣмъ же порядкомъ возвращались домой, гдѣ насъ уже дожидались, не вдругъ снимали для чего-то съ насъ теплое платье, спрашивали о томъ, что мы видѣли, кого встрѣтили и спрашивали также няньку и гувернантку, не говорили ли мы много дорогой и, вообще, не шалили ли, какъ слѣдуетъ ли вели себя?

«Прудки» эти, до которыхъ мы доѣзжали, катаясь, было одно изъ имѣнiй дяди Петра Васильевича, человѣка очень богатаго, жившаго постоянно въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ самомъ блестящемъ гвардейскомъ кавалерiйскомъ полку. У насъ въ домѣ былъ, подаренный имъ, портретъ его, масляными красками, въ мундирѣ, каскѣ и верхомъ. Онъ былъ очень красивъ на лошади и я

всегда съ завистью въ душѣ посматривалъ на него—когда-то и я буду такой, въ такой же формѣ и верхомъ... Объ этомъ, кажется, мечтала и матушка, въ концѣ концовъ, скрѣпя сердце, и мирясь съ опасностями вообще военной службы и верховой для меня ѣзды: я почему-то считался «слабымъ мальчикомъ»... Дядя въ Прудкахъ никогда не жилъ, даже и не заѣзжалъ туда, когда бралъ отпускъ и являлся на мѣсяць или на два изъ Петербурга. Домъ въ Прудкахъ стоялъ поэтому всегда и зиму и лѣто съ заколоченными окнами, и что это былъ за домъ внутри, никто изъ насъ—ни я, ни сестра—и понятія объ этомъ не имѣли. Мы знали только изъ рассказовъ матушки и отца, а также и няньки, что и это очень хорошій домъ, и мебель и все убранство тамъ тоже очень хороши, хотя, конечно, не то, что въ Покровскомъ, главномъ его имѣніи, гдѣ онъ всегда жилъ, когда пріѣзжалъ изъ Петербурга, и которое отъ насъ отстояло на семьдесятъ, если не больше верстъ, хотя и было въ томъ же самомъ уѣздѣ, только на другомъ его концѣ. Но тѣмъ не менѣе и домъ, и вся усадьба въ Прудкахъ вовсе не представляли ничего унылаго и выморочнаго на видъ, какъ это бываетъ съ усадьбами въ которыхъ никогда, ни зимой ни лѣтомъ, господа не живутъ. Напротивъ, въ Прудкахъ все поражало строгимъ порядкомъ и благообразіемъ. Дворъ весь прибранъ и подметенъ; зимою снѣгъ сгребали въ кучи и куда-то увозили; всѣ флигеля, конюшни, сараи, амбары—все въ самомъ изысканномъ порядкѣ. И если, что поражало—такъ это безмолвіе и мертвая тишина на дворѣ: точно во всѣхъ этихъ флигеляхъ, людскихъ, конюшняхъ никого не жило и не было во всей усадьбѣ ни одной живой души. Когда мы проѣзжали, катаясь, черезъ дворъ, рѣдко-рѣдко когда мы видѣли въ окнѣ чье-нибудь лицо: единственный признакъ, что тутъ живутъ люди—это былъ дымокъ, которой иногда струился гдѣ-нибудь изъ трубы.

А между тѣмъ тамъ жили, мы это знали навѣрно и доподлинно. Тамъ, на примѣръ, жилъ управляющій «Прудковъ», Максимъ Ефимовъ, необыкновенно серьезный и вѣжливый человѣкъ, который иногда зачѣмъ-то пріѣзжалъ къ отцу и разговаривалъ съ нимъ, все время стоя у притолки въ кабинетѣ. Онъ привозилъ матушкѣ какія-то деньги, которыя пересчитывали, и матушка потомъ садилась къ письменному столу и что-то писала. Онъ даже и чай пилъ стоя: нальютъ ему въ передней, человѣкъ принесетъ на подносѣ стаканъ, онъ возьметъ его, а пьетъ стоя, на томъ же мѣстѣ, у притолки.

— Ну, такъ такъ-то, Максимъ Ефимовъ,—скажетъ отецъ,—хорошо, значить все въ порядкѣ? я такъ и напишу Петру Васильевичу.

— Слушаю-съ,—отвѣчаетъ онъ, и откланявшись отцу, матушкѣ, намъ, если мы были здѣсь, уходилъ, осторожно ступая по полу, въ переднюю. Тамъ онъ пробывалъ еще нѣкоторое время и уѣзжалъ.

— Отличный человѣкъ, золотой человѣкъ. Счастье брату Пе-

тру Васильевичу,—говорила про него матушка, оставшись съ отцомъ вдвоемъ.

— Да, но только ужъ очень... онъ звѣрски съ людьми обращается.

Матушка при этомъ вздыхала и ничего не говорила.

— Онъ когда-нибудь плохо кончить,—продолжалъ отецъ: хотъ и крѣпостные, а вѣдь и ихъ терпѣнію бываетъ конецъ...

— Онъ чѣмъ же виноватъ—Петръ Васильевичъ требуетъ,—возражала матушка.

— Да, но того, что онъ дѣлаетъ, этого позволять нельзя и никто не позволить. Это только при Александрѣ Павловичѣ (предводителѣ) можно дѣлать; другой предводитель давно бы потребовалъ, чтобы помѣщикъ его смѣнилъ. Онъ можетъ волненіе вызвать: это еще народъ тихій, слава Богу, попался на его счастье... А будь это осиноскіе или сосновскіе...

Мы съ сестрой слушали все это, соображали, замѣчали, что-то такое понимали, но смутно, неопредѣленно.—Да, впрочемъ, тогда про всѣхъ такъ говорили...

Но и его, этого дядина управляющаго, когда мы проѣзжали, катаясь, черезъ усадьбу, никогда не видали. Никогда никого, ни души.

И вдругъ однажды—это было ранней весной, по «последнему пути», значитъ, въ концѣ марта — помнится на послѣдней недѣлѣ великаго поста, когда матушка всегда говѣла, насъ отпустили на тѣхъ же лошадахъ, на которыхъ она ѣздила въ церковь къ обѣднѣ, прокатиться до Прудковъ. Это было не въ обычное для катанья время, но уже за одно, не запрягать же второй разъ лошадей. Мы проѣхали деревню свою, повернули направо, по берегу рѣки, по дорогѣ къ Прудкамъ, и только-что выбрались въ чистое ровное поле, оттуда, отъ Прудковъ, на встрѣчу намъ, мы увидали скачетъ какой-то человѣкъ верхомъ. Поровнявшись съ нами, онъ своротилъ съ дороги, отчего лошадь его увязла задними ногами въ таломъ, непрочномъ весеннемъ снѣгу и все карабкалась опять на дорогу, «танцовала» подъ нимъ, а онъ сидѣлъ на ней безъ шапки и что-то спрашивалъ кучера. Мы приостановились.

— Дома, у себя,—услыхали мы голосъ нашего выѣздного человѣка Никифора, стоявшаго на запяткахъ, и вслѣдъ затѣмъ, уже обращаясь очевидно къ намъ, Никифоръ сказалъ:—дяденька Петръ Васильевичъ пріѣхали.

Затѣмъ, посланный поѣхалъ дальше, а мы своей дорогой тоже дальше, къ Прудкамъ. Я помню, съ какимъ волненіемъ мы съ сестрой продолжали эту дорогу.

— Мы заѣдемъ къ дядѣ?—спрашивали мы гувернантку нашу Анну Карловну. Но она сама была поставлена этимъ не только неожиданнымъ, но необыкновеннымъ событіемъ въ крайне неизвѣст-

ное и затруднительное положеніе и отвѣчала намъ только, чтобы мы не говорили на воздухъ...

— А если дядя насъ позоветъ къ себѣ?

— Сидите и не говорите, а то я маменькѣ скажу и васъ больше пускать не будутъ кататься.

Когда же мы доѣхали почти ужъ до самой дядиной усадьбы и до нея ужъ было, что называется, рукой подать, Анна Карловна вдругъ неожиданно сказала своимъ ровнымъ, безстрастнымъ голосомъ:

— Ермилъ, поверни назадъ.

Мы съ сестрой такъ и устались на нее:

— Зачѣмъ же?—Отчего же мы не поѣдемъ въ Прудки?

Но она ничего не отвѣчала; Ермилъ повернулъ лошадей, мы проѣхали нѣкоторое время шагомъ, а когда только тронулись рысью и стали подъѣзжать къ нашей деревнѣ, намъ попался на встрѣчу опять тотъ же дядинъ посланный, ужъ скакавшій назадъ.

Дома, когда мы пріѣхали, мы узнали, что сейчасъ къ обѣду, къ намъ будетъ дядя, что онъ присылалъ узнать о здоровьѣ и дома ли мы всѣ. Въ домѣ у насъ было замѣтно то движеніе и то настроеніе, которое всегда бываетъ, когда ждутъ важнаго и рѣдкаго гостя, заставшаго извѣстіемъ о своемъ прибытіи всѣхъ врасплохъ, неприготовленными и никакъ неожиданными его пріѣзда.

Черезъ часъ мы увидали въ окно дядю, въ саняхъ, на тройкѣ въ черной медвѣжьей шубѣ и бѣлой военной фуражкѣ, съ краснымъ околышемъ, а еще черезъ нѣсколько минутъ онъ вмѣстѣ съ отцомъ вошелъ въ гостиную, гдѣ сидѣла мамушка и съ нею мы всѣ, — высокий, красивый, въ нѣсколько длинномъ, форменномъ военномъ сюртукѣ, какіе тогда носили, ловко сидѣвшемъ на немъ; ступая, онъ мягкимъ, серебрянымъ звономъ звенѣлъ шпорами. Онъ подошелъ къ матушкѣ—она встала ему на встрѣчу — поцѣловала ее: они обнялись для этого; потомъ приподнялъ и поцѣловалъ сестру Соню, свою крестницу, а потомъ меня, влюбленнаго въ него, смотрѣвшаго на него съ восторгомъ, съ замираніемъ сердца.

— Неожиданный совѣтъ гость,—говорилъ отецъ.

— Да-а,—покачивая головой, отвѣчала матушка:—Петръ Васильевичъ, а ты надолго, сюда-то, въ Прудки?

— А, не знаю еще, сестра, ничего, — отвѣтилъ ей дядя: — Во всякомъ случаѣ нѣсколько дней проживу здѣсь.

За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть какъ разъ противъ дяди и я все смотрѣлъ на него съ тѣмъ же чувствомъ радостной къ нему зависти и въ то же время беззавѣтной ему преданности. Онъ должно быть понималъ это и нѣсколько разъ, посмотрѣвъ на меня, переводилъ глаза потомъ на отца или матушку и улыбался; они тоже улыбались, а мнѣ почему-то становилось отъ этого совѣстно, и я краснѣлъ.

Матушка все извинялась за обѣдомъ, что у насъ столъ постный, а она знаетъ, что онъ привыкъ ѣсть и постомъ скоромное, но дядя нѣсколько разъ принимался увѣрять ее, что онъ, напротивъ, очень радъ этому, такъ какъ давно ужъ не ѣлъ постнаго и при томъ такъ вкусно приготовленнаго. У насъ дѣйствительно былъ хорошій поваръ.

— А, кстати,—сказалъ онъ вдругъ,—нѣтъ ли у васъ лишняго повара, я бы съ удовольствіемъ купилъ.

Матушка съ грустной улыбкой посмотрѣла на него, покачала головой и вздохнула, а отецъ коротко и какъ-то нервно отвѣтилъ:— нѣтъ.

— Мой Василій умеръ,—продолжалъ дядя.—А въ Прудкахъ, я и забылъ, у меня никакого повара нѣтъ.

— Такъ, на время, пожалуй, пока ты здѣсь, возьми нашего Степана. Онъ тоже очень хорошо готовить,—сказалъ отецъ.

Степанъ былъ второй поваръ, но ужъ старикъ, часто чѣмъ-то хворалъ и призывался на кухню только въ экстренныхъ случаяхъ, когда пріѣзжало много гостей и Андрею съ поваренкомъ было трудно управиться. Обыкновенно же онъ жилъ на покоѣ и мы видали его только лѣтомъ, когда онъ въ бѣломъ парусиномъ широкомъ пальто съ большими костяными пуговицами, съ Трезоркой, съ ружьемъ черезъ плечо и съ огромнымъ яхташемъ ходилъ на охоту или возвращался съ нея, неся какую-нибудь одну утку, двухъ бекасовъ, трехъ дупелей.

— Если онъ здоровъ только, съ удовольствіемъ,—повторилъ отецъ.—Да что тебѣ за фантазія была пріѣхать въ Прудки и жить тамъ?—продолжалъ онъ.—Переѣзжай къ намъ и живи у насъ, а если дѣло какое у тебя, всегда можешь съѣздить туда или велѣть Максиму сюда пріѣхать.

— Нѣтъ, у меня тамъ... послѣ объ этомъ поговоримъ,—скороговоркой отвѣтилъ дядя.

Они говорили все время пофранцузски, такъ что прислуга все равно ихъ не могла понять, но тутъ сидѣли мы, дѣти, и потомъ гувернантка и онъ очевидно не хотѣлъ сказать чего-то при насъ.

Матушка съ отцомъ многозначительно переглянулись.

Затѣмъ заговорили о чемъ-то совѣмъ другомъ—о Петербургѣ, о смограхъ, о парадахъ, о войнѣ, которую всѣ ожидали тогда и которой всѣ волновались и у насъ.

Когда обѣдъ кончился, и всѣ встали, отецъ съ дядей ушли въ кабинетъ; вскорѣ за ними пошла туда и матушка, а насъ гувернантка увела играть въ нашу дѣтскую.

II.

Обыкновенно, какъ я сказалъ, послѣ обѣда, если погода была хорошая, насъ сейчасъ же отпускали кататься; если дурная—часъ или два мы играли въ дѣтской, бѣгали въ залѣ, и потомъ сѣдѣли учиться. Но такъ какъ въ этотъ день мы уже катались, а прїѣздъ дяди, носившій на себѣ какой-то особенный, несомнѣнно таинственный характеръ, требовалъ для матушки и отца, а также и для дяди, ничѣмъ не нарушаемаго покоя во время ихъ уединенной и секретной бесѣды, то насъ ни кататься послѣ обѣда не пустили, ни бѣгать и играть въ залѣ. Гувернантка Анна Карловна, обладавшая въ этихъ случаяхъ необыкновенной сообразительностью и тактомъ, безповоротно и рѣшительно объявила, чтобы мы сидѣли въ дѣтской и смирно играли: въ залѣ идти бѣгать сегодня нельзя. Мы понимали, что всякіе протесты въ такихъ случаяхъ ни къ чему не ведутъ и безмолвно покорились. Я боялся только одного, какъ бы не уѣхалъ дядя, не простившись съ нами: очень я ужъ былъ тогда исполненъ восторженными чувствами къ нему.

— Нѣтъ, не уѣдетъ, сидите спокойно,—нѣсколько разъ говорила мнѣ Анна Карловна, когда я ей выражалъ мои опасенія.

— Почему вы это знаете?

— Да ужъ знаю, когда говорю.

Къ чаю, т. е. къ восьми часамъ, мы ужъ «отучились», за нами, звать насъ, пришелъ посланный отъ матушки казачекъ Гришка и мы отправились въ «угольную», гдѣ обыкновенно подавался вечеромъ самоваръ.

— А дядя не уѣхалъ?—спросилъ я «Гришку»: — гдѣ онъ, въ угольной?

— Точно такъ-съ.

Анна Карловна только посмотрѣла на меня и повела плечами: она терпѣть не могла никакихъ нашихъ обращеній съ разспросами къ прислугѣ. Но разъ мы ужъ «отучились» вечеромъ и насъ позвали пить чай, Анна Карловна съ своимъ авторитетомъ обыкновенно отходила у насъ въ соображеніяхъ на задній планъ: мы вступали въ непосредственное, такъ сказать, общеніе съ матушкой и отцомъ — положеніе несравненно болѣе пріятное и удобное для насъ. А тутъ еще дядя прїѣхалъ, стало быть еще волготнѣй было. Я поэтому, какъ только вышелъ изъ дѣтской, побѣжалъ, бросивъ и сестру и Анну Карловну. Но только я показался въ столовой, какъ сейчасъ же замѣтилъ по лицамъ отца, матушки и по странной улыбкѣ дяди что-то неладное. Матушка, когда говѣла, обыкновенно ходила всегда съ постной физиономіей, дѣлалась не то чтобы не въ духѣ, а какъ бы переносящей какую-то несправедливость, сдѣланную кѣмъ-то въ отношеніи ея, или ниспосланную ей свыше, и вотъ она теперь «этотъ крестъ» съ терпѣніемъ несетъ; часто удалялась къ

себѣ въ спальню, кажется, молилась тамъ передъ огромнымъ кіотомъ съ образами въ золотыхъ и серебряныхъ ризахъ; часто и съ грустнымъ оттѣнкомъ вздыхала, говорила ни къ кому не обращаясь, какъ бы сама себѣ: «да», «да...» и проч.; но теперь къ этому состоянію ея очевидно было примѣшано еще какое-то житейское, очень близкое для нея, тревожное и неприятное чувство. Отецъ сидѣлъ на турецкомъ диванѣ, рядомъ съ дядей, и посматривалъ какъ-то неопредѣленно по стѣнамъ, на потолокъ. Одинъ только дядя сидѣлъ, казалось, молодцомъ, красиво, ловко опершись одной рукой о колѣно и съ нѣскольکو иронической улыбкой помѣшивая ложечкой чай въ стаканѣ. Они, очевидно, ужъ давно здѣсь сидѣли. Передъ отцомъ стояла пустая его огромная чашка—онъ пилъ чай всегда изъ чашки; передъ матушкой тоже ея пустая чашка. Я взошелъ и почувствовалъ тягость напряженныхъ отношеній сидѣвшихъ за чайнымъ столомъ. Матушка сейчасъ же стала наливать мнѣ въ чашку чай и сказала:—Садись, какія у тебя манеры... Но я никакихъ «манеръ» не проявлялъ, только вѣбжалъ въ комнату, что я дѣлалъ почти всегда и что не вызывало никогда никакихъ съ ея стороны замѣчаній. Очевидно, это она сказала потому, что была не въ духѣ и ей сразу же захотѣлось осадить меня. Я взялъ стулъ и присѣлъ къ столу. Позвякивая шпорой, дядя съ улыбкой посматривалъ на меня. Потомъ взялъ съ дивана лежавшую съ нимъ рядомъ свою бѣлую съ краснымъ околышемъ фуражку, мотнулъ мнѣ пальцемъ, и, когда я подошелъ къ нему, надѣлъ мнѣ ее на голову, повернулъ меня лицомъ къ матушкѣ, и спросилъ:—идеть?.. Матушка кисло улыбнулась. Отецъ разсмѣялся веселѣй, но какъ-то дѣланно, точно обрадовавшись случаю разсмѣяться, который наконецъ - то представился... Въ комнату вошли сестра Соня и съ ней Анна Карловна. Матушка и ихъ встрѣтила съ такой же миной человѣка удрученнаго, но терпѣливо несущаго свой крестъ. Дядя объ чемъ-то спросилъ понѣмецки Анну Карловну, разсмѣялся и сказалъ, что понѣмецки онъ ужъ теперь, кажется, лѣтъ десять не говорилъ. Потомъ пошутить съ Соней, еще разъ подмигнуть мнѣ; потомъ вынулъ вдругъ часы, взглянулъ, всталъ и началъ прощаться съ матушкой. Когда онъ прощался съ отцомъ, мы услышали, онъ спросилъ его:—Такъ прїѣдешь? Прїѣзжай къ обѣду—чтѣ-нибудь ужъ сготовимъ. Да, если можно, пришли, пожалуйста, не забудь, этого второго вашего повара. Мнѣ на недѣльку, на двѣ, я къ этой порѣ гдѣ-нибудь куплю себѣ... Потомъ простился съ нами и стройный, высокій, позвякивая шпорами, пошелъ въ залъ. Отецъ и матушка пошли за нимъ. Я тоже было хотѣлъ пойти провожать его, но матушка движеніемъ руки меня остановила и, обращаясь къ гувернанткѣ, проговорила:—Анна Карловна... Та поняла, чтѣ ей надо, и сказала:—Сидите, пожалуйста, это вовсе не ваше дѣло...

Проводивъ дядю, матушка одна вернулась въ столовую; отецъ остался въ передней толковать о завтрашнихъ работахъ съ «начальниками», т. е. съ конюшимъ, бурмистромъ, старостой и проч., которые около этого времени обыкновенно приходили «къ докладу». Матушка вернулась къ намъ такая же разстроенная и унылая. Она какъ-то умѣла безъ словъ говорить съ Анной Карловной, одними вздохами, взглядами, повтореніемъ «да-да», и та ее понимала... т. е. она не понимала можетъ быть подробностей дѣла, но самую суть и, главное, отношеніе къ этой сути матушки она понимала отлично...

— Да, вѣдь мы и не доѣзжали до Прудковъ сегодня,—сказала Анна Карловна,—я велѣла Ермилу повернуть.

— И хорошо сдѣлали,—отвѣтила ей матушка.

Онѣ многозначительно при этомъ переглянулись и матушка, кивая ей утвердительно головой, проговорила:

— Да... это сюрпризъ, котораго я отъ Петра Васильевича ужъ ни въ какомъ случаѣ не ожидала...

Мы съ сестрой смотрѣли на нихъ и равно ничего не понимали.

Вернулся, наконецъ, отецъ, отпустивъ начальниковъ.

— А узналъ ты: поваръ Степанъ здоровъ, можетъ пожить это время у Петра Васильевича?—спросила его матушка.

— Я послалъ за нимъ. Здоровъ. Онъ сейчасъ придетъ.—И добавилъ, какъ бы тоже ни къ кому не обращаясь:—Да, сюрпризъ это...

Вскорѣ пришелъ лакей и доложилъ, что поваръ Степанъ дожидается въ передней.

— Сюда его позвать?—спросилъ отецъ у матушки и сказалъ лакею, чтобъ онъ послалъ Степана въ столовую.

Степанъ, какъ не служащій уже, живущій почти что на покоѣ, и при томъ въ качествѣ больного, отпустилъ себѣ довольно большую сѣдую бороду, длинные волосы, и одѣтъ былъ, какъ одѣвались всѣ такого рода дворовые, въ желтомъ дубленомъ полушубкѣ. Когда онъ, поклонившись, остановился у притолоки, матушка ласково обратилась къ нему, спрашивая его о здоровьѣ.

— Ничего, сударыня, теперъ легче.

— Вотъ что, Степанушка,—сказала она:—Петръ Васильевичъ пріѣхалъ, былъ сегодня у насъ. У него повара нѣтъ въ Прудкахъ. Ему нужно недѣли на двѣ, пока онъ достанетъ себѣ...

Степанъ молчалъ.

— Такъ ты можешь пока послужить ему?

— Воля ваша-съ.

— Да нѣтъ, тебя не принуждаемъ мы. Если можешь и хочешь—послужи.

— Воля ваша-съ, какъ прикажете,—повторилъ Степанъ.

— Да не какъ прикажете, а хочешь ты?

— Отчего-же-съ,—какъ-то не рѣшительно и какъ бы не договоривши чего, сказалъ онъ.

— Такъ вотъ...

Степанъ вздохнулъ, кашлянулъ въ ладонь.

— Да ты что?—спросилъ его отецъ.

— Ничего-съ... Вы ужъ только, сдѣлаете милость, защитите, если что... отъ Петра Васильевича гнѣвъ какой будетъ, или отъ Максима Ефимова, или... вотъ... отъ мадамы... можетъ по питерскому будутъ требовать что, а я не знаю...

— О, нѣтъ!—воскликнулъ отецъ: этого ты не бойся. Этого я не позволю, да Петръ Васильевичъ и самъ хорошо это понимаетъ.

— А то отчего не послужить—готовъ стараться, — сказалъ Степанъ, повеселѣй ужъ.

Дальше, въ разговорѣ, онъ спросилъ еще что-то и освѣдомился, кто тамъ будетъ у Петра Васильевича завѣдывать столомъ и назвалъ при этомъ опять «мадаму».

Кто это такая? соображалъ я, и въ умѣ у себя перебиралъ, кто бы это могла быть? про кого это онъ говоритъ все: «мадама», и матушка и отецъ его понимаютъ, по крайней мѣрѣ ничего ему на это слово не возражаютъ—значить, они знаютъ, и это слово, въ видѣ дѣйствительнаго существа, живетъ въ Прудкахъ. Но кто эта личность? Она, эта мадама? До сихъ поръ ни о какой «мадамѣ» въ Прудкахъ мы не слыхивали.

И вдругъ, подъ впечатлѣніемъ этихъ соображеній и заключеній, не подумавъ хорошенько, кстати это будетъ или не кстати, я брякнулъ:

— Мама, а какъ эту дядину «мадаму» зовутъ?

Она оглянулась вдругъ на меня, сдѣлала большіе глаза:

— Что ты сказалъ?

Я повторилъ, смущаясь.

— Имъ спать пора... Анна Карловна, уведите ихъ,—сказала матушка вмѣсто отвѣта мнѣ. А когда я подошелъ прощаться къ ней она добавила: — Никогда ты не въ свое дѣло не суйся. Никакого тебѣ дѣла до этого нѣтъ. И пожалуйста ни къ кому съ такими глупыми вопросами не обращайся...

Я понялъ изъ этого, что если не это, т. е. не эта «мадама», то что-нибудь къ этому очень близкое, и было главной причиной того страннаго, натянутаго отношенія между матушкой и отцомъ съ одной стороны и дядей съ другой, которое я засталъ въ угольной, когда пришли пить чай. И, разумѣется, эта «мадама» съ тѣхъ поръ не выходила у меня изъ головы; я вспоминалъ про «мадаму» всякій разъ какъ вспоминалъ и дядю, а не вспоминать его каждый день я не могъ, уже по одному тому, что въ гостиной у насъ висѣлъ его портретъ и я зналъ, что самъ онъ, оригиналъ этого портрета, находится отъ насъ въ нѣсколькихъ верстахъ, въ своихъ Прудкахъ.

На слѣдующій день, отпуская насъ кататься, матушка сказала Аннѣ Карловнѣ:

— Такъ пожалуйста же.

— Да, да,—отвѣчала Анна Карловна:—Мы поѣдемъ по Козловской дорогѣ...

— А отчего же... развѣ не въ Прудки?—живо спросилъ я.

— Нѣтъ, не въ Прудки,—коротко и сухо отвѣтила матушка и добавила:—А если не хочешь, то и никуда не поѣдешь.

Мнѣ оставалось только замолчать и покориться, что я и сдѣлалъ. Убѣжденіе въ дѣйствительной причинѣ всего этого, въ той причинѣ, которую я предполагалъ, т. е., что всему виною «мадамъ», во мнѣ окончательно окрѣпло.

III.

Послѣдняя недѣля великаго поста, т. е. страстная, для насъ всегда бывала самой любимой недѣлей въ году: се мы ждали, къ ней готовились всѣ, и не одни мы, дѣти, а и большіе: торжественность Святой не была бы такъ полна и велика, если бы ей не предшествовала недѣля приготовленій, хлопотливой суеты, пачкати—недѣля знакомыхъ и все-таки невѣдомыхъ, радостныхъ ожиданій... Въ домѣ у насъ, съ среды, начиналась эта особенная жизнь, которая все усиливалась, какъ пульсъ въ своемъ біеніи, продолжаясь до самой заутрени свѣтлаго праздника: тутъ только, отправивъ куличи и пасхи святить въ церковь—это была цѣлая экспедиція—всѣ, наконецъ, на короткое время давали себѣ сладостный роздыхъ, чтобы собраться съ послѣдними силами для уборки лично ужъ себя самихъ, причесаться, умыться, одѣться въ праздничное платье и въ такомъ видѣ ѣхать тоже въ церковь или дома ожидать возвращенія поѣхавшихъ туда съ куличами и пасхами: это все совершенно знакомо и понятно людямъ, проводившимъ свое дѣтство въ деревнѣ и мертвый, ничего невыражающій звукъ для тѣхъ, кто выросъ въ городѣ...

Въ среду, когда всѣ уже успѣли устать, потому что съ утра снимали гардины, шторы, обметали потолки, выносили ковры, выставляли изъ шкафовъ посуду, хрусталь, серебро, чтобы это все завтра чистить и мыть—приходили подъ вечеръ изъ дѣвичей къ матушкѣ съ извѣстіемъ, что пришла ключница Арина и принесла творогъ, яйца и сметану. Такъ какъ это повторялось изъ года въ годъ, то мы этого прихода Арины уже давно дожидались.

— Ахъ, ужъ пришла,—говорила матушка, сидя гдѣ-нибудь въ креслѣ передъ святыми гардинами, передъ свернутымъ въ трубку и тутъ же лежавшимъ пока еще ковромъ. Она тоже устала и отдыхала въ мленіи, хотя собственными руками ничего не дѣлала, а только распоряжалась: распоряженія тоже утомляютъ.

— Пришли-сь,—повторительно говорили Евпраксьюшки, Авдотьюшки, Дарьюшки.

Матушка съ усталымъ, утомленнымъ видомъ поднималась и шла въ дѣвичью, а за нею и мы, т. е. я съ сестрой и Анна Карловна, всю эту недѣлю ходившая почему-то съ утраченнымъ авторитетомъ: она вновь вступить въ свои права и получить снова свой авторитетъ съ обѣда перваго дня праздника, когда начнутъ прїѣзжать знакомые изъ города и гости-сосѣди изъ деревень и за нами надо будетъ усиленно слѣдить, чтобы мы при гостяхъ не шалили. Въ дѣвичьей теперь на первомъ планѣ Арина съ огромными рѣшетами, наполненными самымъ свѣжимъ, еще теплымъ творогомъ. Ихъ разставили одно возлѣ другого на длинной, широкой лавкѣ, что идетъ вдоль всей стѣны; на столѣ стоитъ въ липовой бѣлой, чистой кадочкѣ самое свѣжее сливочное масло въ крупныхъ комкахъ съ слѣдами пальцевъ, какъ они остались, когда масло мыли и катали въ комья. Въ глиняныхъ, поливанныхъ, огромныхъ горшкахъ—сметана.

— А гдѣ же поваръ?—спрашиваетъ матушка.

— Сейчасъ, сударыня.

Пока идутъ и призовутъ повара, матушка бесѣдуетъ съ Ариной, она рассказываетъ ей о коровахъ, а мы смотримъ на творогъ въ рѣшетахъ, заглядываемъ въ кадочку съ масломъ, въ горшки со сметаной.

Дверь отворилась—вошелъ Андрей,—полный, среднихъ лѣтъ человекъ съ гладко-выбритымъ, краснымъ лоснящимся лицомъ и толстыми бѣлыми, пухлыми, какъ у архіереевъ пальцами—поваръ, краса и гордость «дома». За него предводитель Александръ Павловичъ давалъ три тысячи, но отецъ не отдалъ его. И самъ онъ и всѣ это знаютъ и потому онъ держитъ себя почтительно, но и съ достоинствомъ.

— Ну, что, Андрей, посмотри-ка, что творогъ?—говоритъ матушка.

Андрей съ авторитетнымъ видомъ пробуетъ чистой серебряной ложечкой, которая лежитъ тутъ, и творогъ, и сметану, и масло, смакуетъ, оттопыриваетъ губы, поднимаетъ брови съ апломбомъ знатока и говоритъ, какъ бы рассуждая самъ съ собою:—ничего... ничего, хорошъ, хорошъ...

— А довольно этого будетъ?—спрашиваетъ матушка.

Андрей окидываетъ взоромъ, озираетъ припасы и, спрашивая, сколько будутъ нынѣшній годъ дѣлать куличей и пасхъ, говоритъ: довольно, и добавляетъ очень резонно, что если чего не хватитъ, то вѣдь можно будетъ тогда спросить еще.

— Нѣтъ ужъ тогда некогда будетъ; ты, Андрей, говори теперь.

— Вотъ сметаны какъ будто прибавить надобно бы...

— Такъ вотъ, Арина, слышишь?—говоритъ матушка.

- Слушаю-съ, сколько же?
- А яйца, завтра ужъ?—спрашиваетъ Андрей.
- Да, Арина, и пожалуйста ты сама на свѣчкѣ ихъ всѣ пересмотри,—съ заботливостью говорить матушка.
- Господи!—Да какъ же, сударыня,—почти обидчиво возражаетъ ей Арина.
- Вѣдь, ты знаешь, попадетъ одно яйцо...
- Да какъ же это можно!..
- Ну, значить, только...—смотря на всѣхъ, говорить матушка и хотеть уйти.
- Цукаты, кардамонъ, изюмъ... это ужъ все... начинается Андрей.
- Это ужъ завтра все,—говорить матушка:—Ну, идите теперь съ Богомъ. Только сейчасъ же вынесите это все на холодъ,—оборачиваясь, замѣчаетъ она.

Арина и другія съ ней женщины берутъ кто творогъ, кто сметану, кто масло, и уносятъ.

Сегодня былъ только смотръ; всѣ эти припасы понадобятся завтра передъ вечеромъ, когда опять придетъ въ дѣвичью поваръ Андрей въ бѣлой курткѣ, въ бѣломъ, високомъ, съ буфами, колпакѣ и съ двумя тоже всѣ въ бѣломъ поварятами и будутъ дѣлать пасхи и мѣсить тѣсто для куличей. Но надо приготовить все это сегодня. Завтра ужъ четвергъ и некогда будетъ, завтра матушка съ утра уѣдетъ въ церковь—она будетъ завтра причащаться, потомъ пріѣдетъ, нѣкоторое время будетъ ходить ничѣмъ не занимаясь, въ качествѣ участницы, не распорядясь, не отдавая никакихъ приказаній... Да и мало ли вообще и безъ этого завтра дѣла. Съ утра, какъ она уѣдетъ къ обѣднѣ, мы будемъ завертывать въ шелкъ и въ шелковыя разноцвѣтныя тряпочки яйца и ихъ будутъ носить на кухню, тамъ варить, а потомъ будутъ студить и мы ихъ будемъ развертывать. Завтра будутъ красить и для людей и такъ вообще яйца въ красный, синій сандалъ, въ луковую шелуху, чтобы которыя были желтыя. Завтра нянька будетъ завязывать въ узелочки и жечь въ печкѣ четверговую соль—помогаетъ отъ зубовъ. Завтра будутъ мѣломъ чистить серебро, серебряныя и золотыя ризы на образахъ: отворять большой образной шкафъ, что стоитъ въ спальной у матушки, вынуть ихъ оттуда, выдергаютъ гвоздики, которыми прибиты ризы къ образамъ, и понесутъ ихъ въ угольную, а тамъ ужъ стоитъ и кипитъ самоваръ, лежатъ куски казанскаго мыла и чистыя, достойныя и степенныя дворовыя женщины, жены приближенныхъ, будутъ ихъ сперва мыть горячей водой съ мыломъ, а потомъ чистить мѣломъ. Завтра будутъ отпирать безчисленное количество ящичковъ въ шкафахъ и комодахъ и вынимать оттуда все, что нужно для праздника и къ празднику. Уѣжая въ церковь, чтобы не останавливать дѣла, матушка отдастъ ключи Аннѣ Карловнѣ и она

станетъ отъ этого еще важнѣе: къ ней будутъ чуть не каждую минуту приходять за ключами, а она будетъ вставать и при себѣ будетъ приказывать отпирать и запираеть потомъ. Это отчасти намъ на руку, потому она насъ оставитъ въ покоѣ, не будетъ совѣтовать, вмѣшиваться: «такого-то шелку или такихъ-то шелковыхъ кусочковъ прибавьте въ эту тряпочку, а такого-то въ эту, а то яйца мраморныя выйдутъ блѣдны или очень темны», или: «не трогайте, не развязывайте, погодите», когда ихъ принесутъ послѣ выкрашенія и сваренія изъ кухни... Все это будетъ продолжаться и въ пятницу и даже въ субботу утромъ, потому что много надо сдѣлать и поспѣть. Но послѣ обѣда въ субботу, въ сумерки, ужъ будутъ все только приносить въ домъ готовое. Принесутъ горячіе еще, душистые, аппетитныя куличи изъ кухни и поставятъ ихъ въ залѣ на блюдахъ на большой, накрытый чистый скатертью банкетный столъ. Принесутъ пасхи и тоже поставятъ въ залѣ на тотъ же столъ. Принесутъ окорока ветчины, телятины, жареныхъ поросятъ, индѣекъ и въ большихъ мискахъ красныя, синія яйца. Въ сумерки же придетъ и садовникъ Михай, братъ кучера Ермила, и принесетъ въ рѣшетахъ салатъ изъ парниковъ и свѣжіе огурчики, которые такіе душистые, когда ихъ первый разъ разрѣжутъ въ комнатѣ. Утромъ некогда ужъ все это приготавливать и разстанивливать: прямо изъ церкви, какъ пріѣдутъ, надо разговляться, а черезъ два-три часа пріѣдутъ попы, придутъ дворовые, не такъ близкіе—близкіе будутъ разговливаться вмѣстѣ съ нами—придутъ мужики и бабы съ деревни: въ передней, въ корридорѣ и особенно въ залѣ посланы для этого бѣлые чистые холстяные половики, а то «народъ» затопчетъ ногами полъ. Но это еще все впереди, до этого еще три дня надо подождать...

Въ четвергъ, по обыкновенію, матушка уѣхала къ обѣднѣ въ церковь, когда мы еще спали, или, по крайней мѣрѣ, еще не вставали и не выходили къ чаю. Въ домѣ все шло своимъ порядкомъ, по заведенной программѣ: въ угольной ужъ приготавливались чистить образа и пришли для этого женщины; Анна Карловна, отрываясь то и дѣло съ ключами, чтобы что-нибудь отпереть и потомъ запереть, напоила насъ чаемъ, при чемъ вмѣсто сливокъ, намъ дали малиноваго варенья; отецъ, по обыкновенію, ушелъ куда-то—онъ уходилъ всегда въ это время, когда въ домѣ поднималась уборка и чистка—на гумно или на конюшню. Наконецъ, пріѣхала матушка изъ церкви и мы сразу замѣтили по ея лицу, по ея минѣ и по ея голосу—она въ такихъ случаяхъ говорила совсѣмъ ужъ какъ убитая страданіями—что что-то такое случилось тамъ, въ церкви или дорогой, когда она туда или оттуда ѣхала, на обратномъ пути. По обыкновенію, мы ея поздравили съ причащеніемъ, она поцѣловала насъ, вздохнула, что-то сказала Аннѣ Карловнѣ, и прошла къ себѣ въ спальню. Но что-то такое съ ней случилось,

что-то такое она узнала—это было несомнѣнно. Это было замѣтно и на Аннѣ Карловнѣ,—у нея въ этихъ случаяхъ дѣлалось тоже такое же почти выраженіе въ лицѣ и, кромѣ того, поглядывая и наблюдая, всегда собирала насъ прежде всего вокругъ себя и никуда не отпускала, точно, чтобы мы не узнали чего, не услышали, не спросили бы кого-нибудь о томъ, что намъ знать вовсе не нужно.

Вскорѣ послѣ ея приѣзда пришелъ и отецъ; матушка вышла изъ спальни въ гостиную, гдѣ были и мы съ Анной Карловной, и мы услышали ихъ разговоръ.

— Ермилъ сказывалъ «эта» была тамъ?—сказалъ отецъ.

— Да-а, была,—отвѣчала матушка и вздохнула.

— Ну, и что же?

— Разодѣтая... На Петра Васильевича лошадахъ, парой въ дышловыхъ саняхъ, съ лакеемъ.

— Одна?

— Одна... А съ кѣмъ же еще? Этого вотъ только не доставало, чтобы съ Петромъ Васильевичемъ.

— Ну, и...

— Она стояла, знаешь, направо, гдѣ кружка, за клиросомъ. Я не смотрѣла на нее; такъ взглянула только и сейчасъ же догадалась.

— Видная, красивая? понравилась она тебѣ?

— Глаза хорошіе...

— Держала себя прилично?

— Да. Все молилась. Нѣсколько разъ на колѣни становилась. Дьяконъ просвиру ей вынесъ.

— Ну, это...

Отецъ кивнулъ головой: дескать: это, что же, понятно...

Матушка и отецъ, заинтересованные разговоромъ, не замѣтили, вѣроятно, что мы слушаемъ, а Анна Карловна сама была вся настолько поглощена тоже тѣмъ, что слышала, что забыла на это время про насъ, и мы все отъ слова до слова услышали и догадались, конечно, о комъ они говорятъ.

— Ты поѣдешь?—сказала матушка.

— Просилъ. Надо,—отвѣтилъ отецъ.

— Послѣ обѣда?

— Да, конечно... хотя онъ и просилъ къ обѣду.

«Я попрошу, чтобы онъ меня взялъ съ собой»,—догадался я, но сейчасъ же сообразилъ, что объ этомъ и думать нечего.

За обѣдомъ отецъ сказалъ, чтобы ему запрягли лошадей, онъ поѣдетъ къ Петру Васильевичу въ Прудки. Я, какъ ни былъ увѣренъ, что меня не возьмутъ, притворился, что ничего не знаю и не понимаю и сказалъ:

— Возьми меня. Вѣдь ты не надолго, ты скоро назадъ?

Но ни отецъ, ни матушка, ничего мнѣ не отвѣтили.

— Вѣдь все равно мы кататься поѣдемъ,—сказалъ я.

— Нѣтъ, сегодня вы не поѣдете: не когда и не съ кѣмъ—Ермилъ отпросился сегодня,—сказала матушка.

— Ну, вотъ я бы съ папой...

Но меня точно никто не слыхалъ. Я понялъ, что никакая моя попытка ни къ чему не приведетъ и оставилъ это, замолчалъ.

Отецъ вернулся поздно домой, когда мы уже спали и что онъ въ этотъ день рассказывалъ матушкѣ мы ничего не узнали. Но на завтра и въ слѣдующіе за тѣмъ дни намъ удалось услышать нѣсколько отрывковъ изъ ихъ разговора и изъ этихъ отрывковъ я узналъ, что «она» очень красивая, что «держитъ себя необыкновенно скромно», «понимаетъ каждый взглядъ Петра Васильевича», «никѣмъ не командуетъ», «въ домѣ совѣмъ какъ чужая», «должно быть получила кое-какое образованіе» и «одно непріятно, что она ходитъ точно виноватая».—Это изъ рассказовъ отца матушкѣ. А изъ разговоровъ матушки съ Анной Карловной, разговоры которыхъ сейчасъ же прекращались, какъ только замѣчали, что мы слушаемъ ихъ съ сестрой, и оттого не изъ разговоровъ собственно, а изъ коротенькихъ отрывковъ, отдѣльныхъ фразъ, намековъ, поняли, т. е. я, по крайней мѣрѣ, понялъ «что при характерѣ Петра Васильевича это долго не продолжится и, вообще, она несчастная», «хотя онъ и бросаетъ на нее деньги теперъ и показываетъ видъ, что ее любить»...

Утромъ, на второй день праздника, вдругъ проявился совершенно неожиданно изъ Прудковъ нашъ поваръ Степанъ: онъ пришелъ похристоваться. Мы пили чай въ столовой, куда его и позвали, какъ только доложили о его приходѣ, и я услыхалъ, какъ онъ въ отвѣтъ на вопросъ матушки, хорошо ли ему тамъ жить, отвѣчалъ: «Ничего пока, сударыня-барыня: только «она», мадама ихняя, хоть и приказываютъ, но ничего въ дѣлѣ не понимаютъ. Можеть современемъ, что...»

Да еще въ дѣвичьей, куда послали Степана чай пить и куда вслѣдъ за чѣмъ-то и я прибѣжалъ, я услыхалъ, какъ онъ рассказывалъ дѣвушкамъ:—«И такая-то смиренная, такая-то смиренная: говорить, приказываетъ, а сама точно стыдится: знаетъ себя... И дана «ей» власть большая, только «она» ничего не взыскиваетъ и ничего не понимаетъ: все только: пожалуйста, пожалуйста!...»

— Это кто же?—спросилъ я.

Степанъ съ сомнѣніемъ и нерѣшительно посмотрѣлъ на меня, дескать, хорошо ли это, если я скажу? и отвѣтилъ, вѣроятно придя къ заключенію, что не слѣдуетъ говорить:

— Это, сударикъ, мы тутъ такъ, промежъ себя говоримъ...

Но я, недовольный такимъ отвѣтомъ, чувствуя себя почти оби-

женнымъ, сдѣлалъ равнодушный видъ и, какъ будто я ужъ все знаю, проговорилъ:

— Это вѣдь, это все равно, недолго продолжится...

— Чего-съ это?—глупо и не кстати спросилъ Степанъ.

— Да, вотъ все это и она... отвѣтилъ я.

Я хотѣлъ спросить, какъ «ее» зовутъ, но не рѣшился на это, у меня не хватило духу, да и что же бы онъ подумалъ обо мнѣ говорю такъ увѣренно, а самъ не знаю даже какъ «ее» зовутъ...

Но въ это время кто-то вошелъ въ дѣвичью, позвали меня—разспрашивать и выпытывать мнѣ дальше ужъ нельзя было.

IV.

Было одно мѣсто, куда отецъ бралъ меня одного съ собой довольно часто, особенно въ хорошую весеннюю солнечную погоду—на конюшню. Меня одѣвали въ крытый синимъ сукномъ полшубчикъ и я шелъ съ отцомъ вдвоемъ, довольный уже тѣмъ, что я внѣ домашняго присмотра, никто меня не останавливаетъ, могу говорить съ кѣмъ хочу.

Въ то время конюшни были совсѣмъ не то, чѣмъ онѣ стали теперь. Тогда это былъ клубъ, куда съѣзжались сосѣди. Бывало иные пріѣдутъ, проведутъ на конюшнѣ въ осмотрѣ лошадей часа три, четыре и пять и уѣдутъ, не заходя въ домъ. Въ мало-мальски порядочныхъ конюшняхъ бывали для такихъ собраній пріѣзжавшихъ сосѣдей особыя теплыя помѣщенія, которыя были такъ приспособлены, что въ случаѣ какого-нибудь спора, недоразумѣнія, возникшаго въ разговорѣ о какой-нибудь лошади, ее можно бывало ввести туда, а не выходить самимъ, опять одѣваться въ теплое платье. Устроены были диваны турецкіе, стояли столики; иногда туда приносили и вино, закуски, ставили самоваръ, пили пуншъ. Это станеть совершенно понятно, если знать, что заводъ конскій и самая покупка и продажа лошадей въ то время не носили на себѣ того коммерческаго отпечатка, которымъ они конечно отличаются теперь: тогда это было любимое дѣло, благородное занятіе, общепринятая приличная страсть. «Заводъ»—этимъ именемъ безъ прилагательныхъ: винокурений, картофельный, т. е. крахмальный и проч., назывался только одинъ конскій заводъ и если говорили заводъ просто, то это значило, что говорятъ о конскомъ заводѣ и это всѣ хорошо понимали—конскій заводъ гораздо ближе поэтому подходилъ къ собачей охотѣ, къ карточной игрѣ, чѣмъ къ прибыльному наживному предпріятію, и если лошадей продавали, то только потому, что куда же, наконецъ, ихъ дѣвать, да и деньги дворянамъ всѣмъ и тогда точно также были нужны...

Для насъ, дѣтей, конюшня была мѣстомъ веселой, занимательной и любопытной прогулки: во время ея мы видѣли массу

лошадей, къ которымъ чувствовали и мы какую-то прирожденную страсть,—лошадей, между которыми были такіе красавцы, какъ всё эти «Барсы», «Варвары», «Кролики», «Грозные» и проч., и такіе хорошенькіе, но еще глупенькіе жеребята, такъ рѣвниво оберегаемые своими матерями, этими «Кроткими», «Любезными», «Вѣрными» и проч., такъ степенно и важно, точно съ сознаниемъ своего достоинства выступающими, поводя по всёму своими красивыми большими глазами.

Особенно весело было на конюшнѣ вотъ весной, когда ужъ пригрѣваетъ: вездѣ талый, мягкій снѣгъ; въ затишьяхъ на солнцѣ ужъ бѣгутъ ручейки, съ крышъ каплетъ; воздухъ такой мягкій, не острый, какъ зимой, грудь дышитъ имъ такъ полно-полно и все хочется вздохнуть еще поглубже, все кажется, что еще не всей грудью дышешь. Въ такіе дни, въ самый полдень, когда солнышко ужъ обогрѣлось, на большой, обширный лугъ передъ длиннымъ зданіемъ конюшни, къ ней прилегающій и обнесенный съ внѣшней своей стороны мелкой низенькой рѣшеткой съ высокими для чего-то въѣздными воротами, конюха выносятъ вязанки сѣна и раскладываютъ его кучками на небольшомъ одна отъ другой разстояніи. Потомъ одну по одной выводятъ вороныхъ, сѣрыхъ, карачовыхъ лошадей съ ихъ дѣтьми, выводятъ и пускаютъ, т. е. снимаютъ съ нихъ недоуздки и онѣ нюхаютъ, раздувая ноздри воздухъ, осматриваются, глядятъ одна на другую, на своихъ жеребятъ, бѣгающихъ между ними, какъ-то неумѣло тыкающихъ длинными высокими ножками и точно съ гордостью, какъ султанчиками, помахивающими своими коротенькими курчавыми хвостиками. Но вотъ онѣ осмотрѣлись на воздухъ, отъ котораго за зиму въ своихъ темныхъ отдѣлахъ почти ужъ отвыкли, ознакомились съ новой непривычной картиной свѣта и простора и одна по одной обращаютъ вниманіе на приготовленное имъ угощеніе — кучи сѣна. А потомъ дѣти ихъ, жеребята, перепутаются, начнутъ лѣзть къ чужимъ матерямъ, начнетъ призывное ржаніе матерей съ тоненькими отвѣтными голосами жеребятъ. И когда-то, когда-то онѣ разберутся, но все равно ни одна никогда не ударитъ чужого жеребенка, какъ бы онъ ни лѣзъ къ ней и не надоѣдалъ.

Въ такіе ясные, солнечные, теплые дни, особенно на первый выпускъ лошадей и жеребятъ на воздухъ, обыкновенно на конюшню ходили и матушка и съ нею мы съ гувернанткой. Намъ приносили на лугъ изъ конюшни табуретки, стулья, ставили ихъ въ затишье на солнцѣ и мы иногда по часу и болѣе смотрѣли на лошадей, какъ бѣгаютъ и путаются ихъ жеребята, первый разъ увидавшіе и свѣтъ, и просторъ.

Въ этомъ году такой ясный, теплый солнечный день приходился на третій или на четвертый день праздника; было рѣшено, что сегодня, какъ ободняется, жеребятъ и кобылъ выпустятъ

въ первый разъ гулять на дворъ. Но почему-то, не помню, въ этотъ день матушка съ Соней и гувернанткой не могли идти и отецъ взялъ съ собою на конюшню меня одного. Мы пришли, намъ вынесли на дворъ изъ конюшни и поставили въ затишь на солнцѣ скамейку, мы сѣли на нее съ отцомъ, возлѣ стали конюшій, наѣздникъ, коноваль и проч. конюшенная свита; конюха начали приносить и раскладывать по огороженному рѣшеткой передъ конюшней широкому двору охапки сѣна, разложили его, потомъ начали выводить лошадей-матерей съ жеребятми, снимать съ нихъ недоуздки и пускать вольно. Происходило, однимъ словомъ все то, что описано выше, и что въ этомъ случаѣ происходило каждый годъ. Какъ я сказалъ уже, на конюшню пріѣзжали очень часто сосѣди и такъ люди всякаго торговаго званія, которые въ домѣ у насъ никогда не бывали, смотрѣли лошадей, иногда покупали ихъ, отдавали деньги и уѣзжали. Такъ было и въ этотъ разъ. Кто-то изъ такихъ мелкопомѣстныхъ сосѣдей или постороннихъ людей, которые никогда у насъ въ домѣ не были, пріѣхали и пошли съ отцомъ смотрѣть назначенныхъ для продажи лошадей на конюшню. Я остался одинъ, т. е. собственно не одинъ, конечно—кто-то: наѣздникъ, коноваль или еще кто-нибудь оставался со мною—но отецъ оставилъ меня и ушелъ. Помню, день былъ чудесный, замѣчательно теплый, даже жаркій для этого времени, особенно на пригрѣвѣ, на солнцѣ. Я сидѣлъ на скамейкѣ, смотрѣлъ на ходившихъ по двору лошадей, жеребятъ, наконецъ, задумался. Вдругъ я услышалъ кто-то возлѣ меня сказалъ: — Дяденька Петръ Васильевичъ пріѣхаль. Я очнулся, взглянулъ и увидѣлъ, что отъ воротъ идетъ между лошадьми по огороженному двору въ военной шинели съ бобрами и въ бѣлой фуражкѣ съ краснымъ околышемъ дядя и идетъ такой видный, статный, красивый, идетъ прямо ко мнѣ, оглядываясь по дорогѣ на лошадей, которые важно, серьезно одна за другой поднимали головы и смотрѣли на него.

— Здравствуй, — мы три раза поцѣловались, похристосовались съ нимъ, — а отецъ гдѣ? — сказалъ дядя.

— Онъ тамъ, на конюшнѣ съ кѣмъ-то, — отвѣтилъ я.

— Съ кѣмъ?

— Не знаю кто-то. Лошадей смотреть.

— А ты чтожъ тутъ дѣлаешь?

— А я вотъ сижу, смотрю.

— Онъ съ кѣмъ тамъ?—обратился дядя къ стоявшему тутъ же наѣзднику, или къ кому-то другому изъ стоявшихъ тутъ, которые всѣ при приближеніи его сняли шапки и стояли съ непокрытыми головами.

Наѣздникъ назвалъ кого-то.

— Ну, пойдѣмъ къ нему,—сказалъ мнѣ дядя.

Мы пошли. Дорогой я зачѣмъ-то оглянулся и увидѣлъ, что у

воротъ стоятъ парныя дядины сани и въ нихъ кто-то сидить, но не мужчина, а женщина:—«Неужели»? подумаль я. И, я помню, у меня вся кровь, не знаю почему, бросилась въ голову.

Отецъ, вѣроятно кѣмъ-нибудь предувѣдомленный, уже шелъ къ намъ на встрѣчу. Дядя съ нимъ обнялся и тоже трижды поцѣловался. Я замѣтилъ, и это удивило меня, что вся свита, шедшая за отцомъ: конюшій, коноваль, выводные, конюха, всѣ были безъ шапокъ. У насъ этого никогда не было, отецъ терпѣть этого не могъ, и причиной было очевидно присутствіе дяди. Когда, встрѣтившись, дядя съ отцомъ остановились и здоровались, нѣкоторые изъ дворовыхъ поклонились дядѣ, но онъ какъ-то, точно не замѣчая или правильнѣе, не различая ихъ, кивнулъ въ ихъ сторону головой и мотнулъ по направленію къ козырьку фуражки двумя пальцами. Они такъ и остались съ непокрыми головами. Отецъ стоялъ къ свитѣ спиной, разговаривая съ дядей и не видаль этого.

— Во-первыхъ, съ праздникомъ, — а потомъ дѣло у меня къ тебѣ: мнѣ нужно пару сѣрыхъ, есть у тебя?—сказаль дядя.

У дяди въ Прудкахъ своего завода не было. Былъ у него какой-то заводъ въ Покровскомъ, главномъ и большомъ его имѣніи, но и тотъ былъ не важный. У отца же, напротивъ, былъ нѣкогда извѣстный, съ хорощимъ именемъ заводъ.

— Для чего тебѣ — я вѣдь не знаю; ты скажи какихъ тебѣ надо, — отвѣтилъ ему отецъ.

Дядя сталъ ему объяснять, какихъ ему надо лошадей и сказаль, кивнувъ туда, гдѣ стояли его сани и въ нихъ сидѣла женская фигура:

— Я хочу ей подарить: она любитъ сѣрыхъ.

Когда дядя кивнулъ, и отецъ оглянулся въ ту сторону.

— Понимаешь, какія поэффективнѣе, покониствѣе, каретныхъ.

— Посмотри, выбери самъ.

— Нѣтъ, ужъ если такъ—позволишь? пускай она сама выбереть,—сказаль дядя, — это ей же вѣдь. И что-то скороговоркой добавилъ пофранцузски и разсмѣялся.

Я видѣлъ, что отецъ на минуту какъ будто замаялся, мелькомъ взглянулъ на меня и потомъ проговорилъ:—«Хорошо»... Дядя кивнулъ головой кому-то изъ конюховъ и сказаль. «Скажи, чтобы — вонъ барыня сидить,—чтобы шла сюда. Проводи ее сюда».

— Да вѣдь это... Не сюда... Мы на конюшню пойдёмъ... Это туда,—растерянно говорилъ отецъ.

Но было уже поздно. Конюхъ рысью добѣжалъ до дядиныхъ саней, стоявшихъ у рѣшетки, и сидѣвшая въ нихъ дама уже шла. Я старался не глядѣть ни на нее, ни на отца. Я боялся какъ бы онъ не услалъ меня въ домъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Я бы готовъ былъ провалиться въ этотъ моментъ, лишь бы только онъ не видѣлъ меня, не останавливался на этой несчастной мысли.

которой я не знаю, какъ я боялся, а между тѣмъ я понималъ и чувствовалъ, что это «она»...

Она подошла къ намъ очень скоро и довольно торопливой походкой, распахнувъ свой темнозеленый бархатный салопъ и пробираясь по тропинкѣ, по рыхлому, весеннему снѣгу. Она издали еще начала раскланиваться съ отцомъ, который сдѣлалъ тоже нѣсколько шаговъ ей на встрѣчу и поздоровался съ ней за руку. Дядя смотрѣлъ на нее и отца какъ-то полуиронически, полусурово улыбаясь и тотчасъ свелъ съ нихъ глаза, когда они подошли. Она сдѣлала поклонъ и въ мою сторону. Я тоже раскланялся.

Я увидаль великолѣпные глаза, темные, глубокіе, кроткіе-кроткіе, блѣдное довольно лицо, худощавое. Она была роста выше средняго. Дядя говорилъ съ отцомъ пофранцузски.

— Ну, вотъ сама выбирай,—сказаль онъ обращаясь къ ней.— Сейчасъ увидишь.

Она улыбулась и пожала плечами.

Тогда, не обращая ужъ больше на нее вниманія, дядя сказаль отцу цѣну, которую онъ хочетъ дать за лошадей и просиль, чтобы ему показали этотъ сортъ.

Всѣ двинулись черезъ дворъ на конюшню. Я, чтобы не быть на виду, нѣсколько постсталъ и шель позади; отецъ съ дядей шли впереди.

Отвѣчая дядѣ что-то, необорачиваясь, спросившему ее, она отвѣтила такимъ славнымъ, милымъ голосомъ и такъ весело, что у меня вдругъ стало радостно на сердцѣ и радостно оттого, что какъ же она можетъ быть «несчастливая» съ такимъ голосомъ? Мнѣ показалось, что она даже тихонько смѣялась. Я шель за ними, поспѣшая, путался, оступался, спотыкался по талому, рыхлому снѣгу. Вдругъ я услыхаль кто-то назвалъ меня по имени и отчеству. Я оглянулся и увидѣлъ нашего лакея Никифора. Онъ говорилъ мнѣ:

— Маменька прислали: приказали домой идти.

Я такъ и остановился на мѣстѣ...

Когда я пришель домой, матушка ни о чемъ меня ни спросила, но я замѣтилъ сейчасъ же, что она въ высшей степени чѣмъ-то недовольна. Минуть черезъ двадцать или черезъ полчаса, мимо дома, въ отдаленіи, по дорогѣ, оттуда, со стороны гдѣ конюшня, проѣхали парныя дядины сани и въ нихъ сидѣла «она». Немного погода еще, передъ самымъ обѣдомъ, пришель съ конюшни отецъ и съ нимъ дядя. Когда дядя здоровался съ матушкой, онъ ей что-то сказаль, на что та отвѣтила, по обыкновенію, точно она обиженная.

— Да вѣдь—то конюшня, не домъ твой!—сказаль онъ разсмѣявшись, съ гримасой вздернулъ плечами, и, оставивъ ее, заговориль объ чемъ-то со мною: когда меня повезуть въ учебное заведеніе, въ какое, въ Петербургъ, или куда, и проч. За обѣдомъ дядя уси-

силенно и нарочно шутилъ, много смѣялся, что составляло вызывающій контрастъ съ недовольнымъ настроеніемъ матушки. Послѣ обѣда за нимъ вернулись его лошади и онъ сейчасъ же уѣхалъ домой. Весь остатокъ дня и весь вечеръ матушка провела съ отцомъ въ кабинетѣ.

Въ этотъ же вечеръ, оставшись наединѣ съ сестрой, я рассказывалъ ей: — «Ахъ, Соня, какая «она» красавица. если бы ты видѣла!.. И за что они на нее сердятся? Я не знаю, что «она» имъ сдѣлала?.. И «она» вовсе не несчастная»!..

V.

Подходила совѣсьмъ весна — ужъ не чуялась она только въ воздухѣ, но ужъ видно ее было: снѣгъ на дорогѣ сталъ совѣсьмъ желтый, грязный; передъ домомъ въ цвѣтникѣ всѣ клумбы были ужъ видны: снѣгъ каждый день сходилъ съ нихъ и черная земля въ полдень, когда солнце разогрѣвало тоненькую ледяную корочку на ней, которой какъ стекломъ, покрывалъ ее за ночь морозъ, становилась черной, рыхлой, точно лѣтомъ послѣ дождя. Наконецъ, начались тѣ сѣренькіе, теплые дни безъ солнца, но съ туманами, которые стоняютъ снѣгъ лучше всякаго солнца: въ воздухѣ разливается сырость отъ нихъ и не разберешь, что это: туманъ ли садится или идетъ мелкій дождь. Въ домъ принесли нарѣзанныхъ вѣточекъ съ кустовъ черной смородины, поставили ихъ въ банку съ водой и онѣ дня черезъ три дали молоденькіе, зелененькіе душистые листики. Это всегда дѣлалось у насъ весной: листики потомъ обрывали и на нихъ дѣлали настойку на водкѣ, которая бывала нѣжно-зеленаго цвѣта, необыкновенно пріятнаго запаха и всѣ находили ее необыкновенно вкусной и говорили, что она здорова... Стали каждый день слышны разговоры о плотинѣ на рѣкѣ. Принимались какія-то мѣры, чтобы ее не сорвало. Вечеромъ, придя изъ передней послѣ разговора со старостой, бурмистромъ и другими начальниками, отецъ сообщалъ намъ за чаемъ новости: сегодня видѣли, какъ утки летѣли надъ рѣкой; а сейчасъ староста шелъ сюда и слышалъ надъ рѣкой гуси перекликаются, летятъ. Наконецъ, однажды вечеромъ кто-то пришелъ и сказалъ, что идетъ такой дождь, что хоть бы лѣтомъ.

— Ну, это ужъ значить жди теперь: черезъ день, а то и завтра къ вечеру рѣка тронется, — заговорили всѣ, а отецъ самъ пошелъ на крыльцо смотрѣть дождь.

— Возьми меня съ собою! Мама мнѣ можно? Я немножко постою только. Я сейчасъ одѣнусь...

И видя что они оба въ сущности ничего противъ этого не имѣютъ и оба въ самомъ лучшемъ настроеніи, я вскочилъ и побѣжалъ одѣваться.

На крыльцѣ было темно, потому ночь стояла совсѣмъ черная. Съ нами на крыльцо вышло нѣсколько человѣкъ лакеевъ и тоже стояли прислушиваясь къ дождю.

— Послѣ завтра рѣка тронется непремѣнно, а то еще и завтра, — говорили всѣ.

— Пойдите-ка, — прислушиваясь, сказалъ отецъ, — вѣдь, это гуси кричатъ.

Мы всѣ начали тоже прислушиваться. Дѣйствительно слышался крикъ летѣвшихъ гусей. Въ темнотѣ по двору кто-то шелъ, слышны были голоса: — Это кто? — громко сказалъ отецъ. Послышался отвѣтъ, но не явственный: — Кто это? — повторилъ отецъ.

— Я-съ! Степанъ, поваръ.

Шлепая по снѣгу и грязи подходилъ къ крыльцу Степанъ.

— Ты какъ же здѣсь? — спросилъ его отецъ.

— Петръ Васильевичъ отпустили.

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ-съ. Новаго повара привезли. У Волкова Ивана Семеновича Авдѣя купили. Приказали кланяться, благодарять; завтра будутъ, — добавилъ Степанъ. — Мнѣ двадцать пять рублей на чай пожаловали.

— Вотъ какъ! А какъ же ты прошелъ? Черезъ рѣку есть еще ѣзда? — спросилъ отецъ.

— Есть-съ, только ужъ плохо.

У насъ была та же рѣка, что и у дяди въ Прудкахъ, и чтобъ отъ него попасть къ намъ, надо было или переѣзжать по плотинѣ, по которой зимой никто не ѣздилъ и она стояла заваленная снѣгомъ, или по льду, прямо черезъ рѣку.

— Какъ же Петръ Васильевичъ-то завтра проѣдетъ?

— Не могу знать-съ. Приказали сказать, что завтра будутъ.

— Ну, что тамъ? Ничего, все благополучно?

Отецъ сталъ его спрашивать. Степанъ какъ-то странно отвѣчалъ, точно не договаривалъ — хотеть сказать, а потомъ не договорить.

— Ну, пора въ домъ, а то ты еще простудишься, — сказалъ мнѣ отецъ. — Степанъ, зайди-ка ко мнѣ.

Мы прошли съ крыльца въ переднюю, я снялъ теплое платье, отецъ велѣлъ мнѣ идти къ матушкѣ, а самъ остался въ передней говорить съ Степаномъ.

— Какой дождь идетъ; гуси лѣтять, кричатъ; Степанъ пришелъ: дядя отпустилъ его, онъ себѣ новаго повара купилъ, — сообщалъ я новости въ угольной, за чайнымъ столомъ, съ котораго еще не убрали самовара.

— Ты гдѣ же видѣлъ Степана? — спросила матушка.

Я сказалъ.

— Онъ тамъ еще?

— Тамъ.

Матушка встала и, ничего намъ не говоря, пошла въ переднюю. Потомъ мы слышали изъ угольной, что отецъ съ матушкой пошли въ кабинетъ и туда же позвали и Степана. Что они тамъ съ нимъ говорили и объ чемъ онъ имъ рассказывалъ, мы не могли слышать, хотя доносился иногда до насъ голосъ отца, что-то громко и горячо говорившаго. Затѣмъ, наступала тишина и смутно, не явственно, слышалась чья-то рѣчь—можетъ быть матушки, можетъ быть Степана. Мы такъ и ушли спать, а они все тамъ разговаривали.

Дождь, лившій всю ночь, къ утру пересталъ. Когда мы пошли пить утромъ чай, я подбѣжалъ къ окну и удивился, какая произошла перемена за одну ночь. Въ цвѣтникѣ ужъ была видна не одна черная земляная клумба, но оттаяли и дорожки, и съ нихъ сошелъ снѣгъ. По другую сторону дома, обращенную къ рѣкѣ, образовались тоже большія проталины и была видна земля. Дальше, снѣгъ на рѣкѣ посинѣлъ, потемнѣлъ, надулся какъ-то, такъ что отсюда даже, изъ окна, видно было, что по рѣкѣ ни ѣхать, ни идти пѣшкомъ нельзя. Отца съ утра не было дома; онъ былъ тамъ, на плотинѣ, гдѣ былъ и весь народъ. Среди дня онъ на минутку пріѣзжалъ, но сейчасъ же опять туда уѣхалъ. Ждали, что ночью рѣка непременно тронется, а надо было еще многое успѣть сдѣлать, чтобы уцѣлѣла плотина, не сорвало ее. Къ обѣду онъ пріѣхалъ опять и рассказывалъ все время о рѣкѣ, какъ она опасна и какъ люди торопятся сдѣлать поскорѣе то-то и то-то. Кто-то вспомнилъ про дядю и сказалъ, что онъ вѣроятно ужъ не пріѣдетъ сегодня.

— Гдѣ жъ ѣхать, это провалиться навѣрняка, — сказалъ отецъ.

Когда онъ сталъ послѣ обѣда собираться ѣхать снова на плотину, я началъ его просить, чтобы онъ взялъ и меня съ собою. Но матушка сама тоже захотѣла ѣхать смотрѣть, какъ тамъ работаютъ, — вопросъ былъ только въ томъ, какъ и на чемъ туда ѣхать? Всѣ совѣтывали велѣть запретъ простыя мужицкія сани, наложить по больше соломы, и ѣхать въ нихъ, такъ какъ они безъ подрѣзовъ, на широкихъ полозьяхъ, и по грязи и жидкому снѣгу въ нихъ будетъ легче ѣхать. Поднялась возня, суета, послали лошадей запрягать, начали одѣваться; наконецъ, на трехъ саняхъ, наполненныхъ свѣжей чистой соломой, мы тронулись. Погода была дивно хорошая, какая бываетъ въ это время весною. Было ужъ часа четыре; солнце склонилось къ западу; но въ воздухѣ было такъ тепло, такъ много разлито въ немъ весеннихъ звуковъ, и несутся они откуда-то съ вышины или отъ земли—не разберешь, но такъ хорошо!.. Мы ѣхали по деревнѣ, по серединѣ большой, широкой улицы, образуемой двумя длинными рядами мужицкихъ избъ, и вся она, эта улица, была оживлена, готовилась къ

веснѣ, къ весеннимъ работамъ: стояли передъ избами выдвинутыя изъ дворовъ телѣги, ихъ чинили, сохи, бороны. По улицѣ и передъ дворами бродило множество ребятишекъ. Завидѣвъ нашъ удивительный поѣздъ, изъ избъ выходили бабы и, останавливаясь въ дверяхъ сѣней, смотрѣли на насъ, кланялись оттуда. Славная, живая весенняя картина! И такъ давно мы ее не видали—цѣлую зиму и осень—и такъ весело было смотрѣть на нее. Вдругъ оттуда, съ конца длинной улицы, показался верховой. Онъ скакалъ точно на пожаръ; скоро мы услышали удары копытъ его лошади по рыхлому снѣгу и жидкой грязи, покрывавшей еще мерзлую, не совсѣмъ оттаявшую землю; наконецъ, онъ доскакалъ до насъ, и, не дожидаясь пока лошадь остановится, соскочилъ, точно свалился, упалъ съ лошади, сорвалъ шапку и подалъ письмо отцу. Это былъ посланный отъ дяди Петра Васильевича.

— Что такое?—спросилъ его отецъ, принимая у него изъ рукъ письмо.

— Барышня... Лизавета Семеновна... провалились... кататься поѣхали и провалились въ рѣку... простудились... насилу вытащили... въ городъ за докторомъ послали,—говорилъ посланный, запыхиваясь и едва переводя дыханіе.

Я смотрѣлъ на него. Онъ былъ весь и лошадь его вся въ грязи и мокрые. Отецъ прочиталъ письмо, и передавая его матушкѣ, сказалъ, обращаясь къ посланному:

— Ну, поѣзжай, я не держу. Только какъ же ты по этой дорогѣ провезешь доктора?

— Приказано-съ... къ вечеру...

Посланный, молодой малый, я зналъ его немного въ лицо—кажется конюхъ—вскочивъ на лошадь, надѣлъ шапку и опять, какъ сумасшедшій, поскакалъ дальше.

Начались предположенія что и какъ. Матушка съ отцомъ высказывали свои соображенія о томъ, что Петръ Васильевичъ просто сумасшествуетъ отъ нечего дѣлать и со скуки, что можетъ быть доктора вовсе еще и не нужно, что какъ это Андрюшка слетаетъ въ городъ, за двадцать верстъ и къ вечеру—а ужъ и теперь не утро, а вечеръ,—успѣетъ привезти его оттуда и, наконецъ, какъ это по эдакой дорогѣ докторъ поѣдетъ, какой это согласится, и проч. и проч. Я слушалъ все это, понималъ о комъ идетъ рѣчь, хотя я и въ первый разъ еще услышалъ, что «ея» зовутъ Лизаветой Семеновной...

Мы долго пробыли на плотинѣ, смотрѣли какъ работаютъ, смотрѣли на рѣку, покрытую какимъ-то синесѣрымъ, пропитаннымъ набѣжавшей съ береговъ водой, сквознымъ заледенѣлымъ снѣгомъ. Смотрѣли вверхъ на летѣвшихъ въ высотѣ длинными растянутыми треугольниками дикихъ утокъ, гусей, и возвратились въ домъ, когда

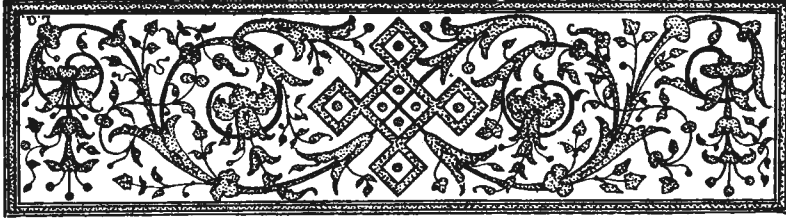

было ужъ почти совсѣмъ темно. А часа черезъ три еще, когда въ угольную къ намъ «отъ начальниковъ» вернулся изъ передней отецъ, онъ сказалъ, что сейчасъ мимо дома по дорогѣ, проскакалъ на тройкѣ въ какой-то таратайкѣ должно быть докторъ въ Прудки, потому что слышали голосъ «Андрюшки», погонявшего немилосердно лошадей.

С. Терпигоревъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗА КУЛИСАМИ СТАРАГО ТЕАТРА ¹⁾.

V.

Походженія литавриста Муромцева.

(1815 г.).

29-го іюля 1815 года, въ полдень, въ московской театральной конторѣ на Знаменкѣ, въ домѣ генерала Апраксина ²⁾, собралось и торжественно размѣстилось за большимъ столомъ все мѣстное театральное начальство. Очевидно готовилось что-то чрезвычайное. На предѣдательскомъ мѣстѣ возсѣдалъ самъ управляющій московскимъ театромъ, Аполлонъ Александровичъ Майковъ. Рядомъ съ нимъ, съ одной стороны помѣщался «помощникъ по хозяйственной части», статскій совѣтникъ Сухопрудскій, а съ другой — уже знакомый намъ изъ разказа объ арестѣ пѣвца Соколова — членъ по репертуарной части, А. В. Арсеньевъ. За особымъ столомъ сидѣлъ одинъ изъ «канцеляристовъ» съ перомъ въ рукѣ. Эту внушительную картину «присутствія» дополняли вытянувшіеся у дверей два театральныхъ унтера изъ инвалидной команды и стоявшій неподалеку отъ нихъ, вперивъ взоръ въ начальство и весь изогнувшись, смотритель театра—Горчаковъ. Его лицо и глаза выражали напряженное ожиданіе, и это заставляло предполагать, что ему

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XXXV, стр. 348.

²⁾ Тамъ въ то время помѣщался театръ вмѣстѣ съ его конторой, школой и всѣми службами.

«истор. вѣстн.», мартъ, 1889 г., т. XXXV.

предстояло открывать церемоніаль. Наконецъ, Майковъ, разговаривавшій попеременно то съ Арсеньевымъ, то съ Сухопрудскимъ, махнулъ рукой по направленію къ дверямъ и односложно произнесъ: «введи!» Горчаковъ немедленно вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ возвратился въ сопровожденіи цѣлой процессіи: впереди, между двумя солдатами, шелъ челоуѣкъ лѣтъ 25, въ оборванномъ фракѣ, съ загорѣлымъ лицомъ и босыми ногами, носившими на себѣ признаки только-что совершеннаго дальняго пути. Позади его слѣдоваль еще унтеръ. Подойдя къ столу, за которымъ сидѣло начальство, шествіе остановилось. Конвой отошелъ и сталъ у дверей, а Горчаковъ въ сторонѣ, около стола, гдѣ сидѣлъ канцеляристъ. Такимъ образомъ, приведенный очутился передъ судьями одинъ. Онъ стоялъ, опустивъ низко голову, держа руки по швамъ, и усердно разсматривалъ желтыя ножки присутственнаго стола. Въ комнатѣ на минуту водворилась торжественная тишина и затѣмъ начался допросъ.

— Кто ты такой?—обратился къ подсудимому Майковъ ¹⁾,—какъ тебя зовутъ?

— Тимошей Фроловъ Муромцевъ, —тихо отвѣчалъ тотъ и затѣмъ на вопросы—сколько ему лѣтъ и какія его занятія?—показалъ, что ему отъ роду 25 лѣтъ, и что онъ былъ литавристомъ при московскомъ театрѣ.

Въ такой же приблизительно формѣ производился и дальнѣйшій допросъ, при чемъ все, что показывалъ подсудимый, немедленно записывалось сидѣвшимъ за особымъ столомъ канцеляристомъ, исполнявшимъ обязанности секретаря.

Однако, въ чемъ же была вина Муромцева? Какое совершилъ онъ преступленіе, что «подобно колоднику» былъ приведенъ въ театральное судилище «за карауломъ» и допрашивается какъ тать и разбойникъ? Вина его была велика: онъ былъ дезертиръ и, кромѣ того, похититель казенной собственности. Служа литавристомъ въ театральномъ оркестрѣ, и, въ то же время, обучая въ школѣ дѣтей на фортепіано, онъ обманомъ, яко бы для починки, взялъ къ себѣ на домъ изъ школы инструментъ, искусство игры на которомъ преподавалъ, продалъ его и затѣмъ, «прогулявъ» вырученныя деньги, бѣжалъ отъ заслуженнаго наказанія въ далекую Костромскую губернію, гдѣ и скрывался болѣе двухъ мѣсяцевъ, пока, наконецъ, начальство не напало на его слѣдъ и не возвратило его въ Москву для воспріятія достойной кары, «дабы, по выраженію А. А. Майкова, страхомъ взыскапія и наказанія предупредить и въ другихъ поползновеніе къ подобнымъ преступленіямъ». Все это мы узнаемъ

¹⁾ А. А. Майковъ безъ сомнѣнія зналъ Муромцева, служившаго въ театральномъ оркестрѣ. Тѣмъ не менѣе допросъ ему былъ проваденъ, что называется, по всей формѣ.

изъ признанія бѣлаго музыканта или «показанія», которое онъ сдѣлалъ въ описанномъ выше «присутствіи» театральному начальству. Это показаніе, старательно записанное и даже сведенное въ одно общее повѣствованіе, по приказанію Майкова, было прочитано Муромцеву вслухъ «помощникомъ по хозяйственной части» Сухопрудскимъ, скрѣплено подписью подсудимаго и приобщено къ «дѣлу»¹⁾, гдѣ оно является чѣмъ-то въ родѣ слѣдственнаго протокола. Считаемо необходимымъ привести здѣсь этотъ любопытный документъ такъ, какъ онъ есть, безъ всякихъ сокращеній и измѣненій.

«1815 года, іюля 29 дня—гласить онъ—въ присутствіи конторы императорскаго московскаго театра музыкантъ Тимоѣей Фроловъ сынъ Муромцевъ въ допросѣ показалъ:

«Имя мое Тимоѣей сынъ Муромцевъ. Отъ роду имѣю 25 лѣтъ; былъ прежде помѣщика Столыпина, а потомъ, вмѣстѣ съ прочими, купленъ дирекціею²⁾. Занималъ должность литавриста при императорскомъ московскомъ театрѣ.

«Бѣжалъ я на Өоминой недѣлѣ въ понедѣльникъ, т. е. 26-го апрѣля сего года. Цѣлью побѣга сего было, дабы укрыться отъ начальства и проживать близъ Костромы³⁾, въ деревнѣ, состоящей въ 35 верстахъ и принадлежащей костромской помѣщицѣ Клеопатрѣ Григорьевнѣ Шиповой.

¹⁾ 1815 г. за № 5, подъ заглавіемъ: «Производство по московской конторѣ».

²⁾ Извѣстная Столыпинская труппа, составлявшая домашній театръ Д. Е. Столыпина, была куплена дирекціею въ 1806 году за 32 тысячи руб. Въ числѣ актеровъ этой труппы былъ приобрѣтенъ съ семействомъ и Фролъ Муромцевъ, отецъ нашего литавриста. Это былъ не особенно талантливый, но весьма полезный актеръ-комикъ, занимавшій небольшія роли. Свѣдѣнія о его семьѣ имѣются между прочимъ въ любопытномъ документѣ, хранящемся въ архивѣ дирекціи, подъ заглавіемъ: «Списокъ людямъ составляющимъ императорскій московскій театръ, съ показаніемъ, кто съ котораго времени находится въ службѣ и изъ какого званія поступилъ въ оную». Въ этомъ списокѣ, относящемся въ 1816 году, противъ имени актера Фрола Муромцева, значится: «купленъ дирекціею у г. Столыпина 1806 г., октября въ 27 день. Вдовъ: у него дѣти: сыновья Александръ, Тимоѣей и Степанъ, дочь Наталья. Сыновья Александръ и Тимоѣей музыкантами при оркестрѣ императорскаго театра, а Степанъ и дочь Наталья находятся при немъ».

³⁾ Тимоѣей Муромцевъ избралъ мѣстомъ своего укрывательства отъ начальства деревню К. Г. Шиповой въ Костромской губ. потому, что онъ уже былъ тамъ раньше, именно въ 1812 году, когда московскимъ актерамъ, музыкантамъ и «прочимъ людямъ, принадлежащимъ къ московскому театру», было назначено имѣть постоянное пребываніе въ Костромѣ, гдѣ, однако, имъ не пришлось скоро помѣститься, такъ какъ всѣ дома города были заняты военнымъ постоемъ. Вслѣдствіе этого, «московскій театръ» отправляли по Волгѣ на баржѣ въ заштатный городъ Плесь, въ 50 верстахъ отъ Костромы, гдѣ, наконецъ, послѣ «блужданій съ мѣста на мѣсто подобно цыганамъ»—и помѣстились московскіе артисты. Во время пребыванія въ Плесь, актеры и музыканты нерѣдко пользовались гостеприимствомъ помѣщиковъ.

«Приѣхавши туда и не нашедъ ея тамъ, отправился я въ деревню же къ Александру Ивановичу Исакову, отстоящую въ недалекомъ разстояніи отъ деревни помѣщицы Шиповой, гдѣ и нашелъ ее.

«Пробывши у г. Исакова полтора мѣсяца, отправился я къ г-жѣ Шиповой; по приѣздѣ къ Исакову, на вопросъ, какимъ манеромъ я нахожусь тамъ? я объявилъ имъ, что отпущенъ въ отпускъ безрочно, то есть до востребованія, присоединя, что имѣю у себя билетъ, коего они однакожъ не спросили и земскому начальству о бытности моей не объявляли. Изъ Москвы,—разсказываетъ далѣе бѣглый музыкантъ,—везъ меня отъ Никитскихъ воротъ извозчикъ Андрей, по отчеству и фамилии не знаю. Подрядились мы съ нимъ въ деревню Аюнасово, за Кострому 35 верстъ, за 80 рублей. Извозчикъ меня ни о чемъ не спрашивалъ, а взялъ только съ собою свой паспортъ. Выѣхали мы въ крестовскую заставу на Троицкую дорогу; на заставѣ насъ не спрашивали, поелику я выѣхалъ въ половину дня; отецъ мой и братъ объ отлучкѣ моей не знали. Изъ Москвы я взялъ съ собою все бѣлье свое и подушку въ то время, когда въ квартирѣ моей изъ родныхъ никого не было. По приѣздѣ моемъ туда, у меня не достало 30 руб. заплатить извозчику, и г. Исаковъ оныя отдалъ. У обоихъ помѣщиковъ я занимался обученіемъ дѣтей на фортепьянахъ.

«Принадлежащее школѣ императорскаго московскаго театра фортепьяно, находившееся подъ вѣдомствомъ инспектора Украсова ¹⁾, я взялъ въ среду на св. недѣлѣ, т. е. 22-го апрѣля, для починки, сказавъ Украсову, что починить мнѣ оныя и взять изъ школы велѣлъ капельмейстеръ г. Керцелли. Взявши ихъ, я поставилъ на свою квартиру. Придя къ г-жѣ Алениной, живущей на Поварской улицѣ въ собственномъ домѣ, я узналъ, что она ищетъ купить хорошее фортепьяно, и предложилъ ихъ ей, сказавъ, что у меня продаются оныя по комиссіи; чьи и кому принадлежать—у меня спрошено не было, а спросила только, что оныя стоятъ? Я объявилъ цѣну — двѣсти пятьдесятъ рублей; она просила ихъ посмотреть, и я въ тотъ же день привезъ ихъ къ ней. Она, осмотрѣвъ оныя, оставила у себя за просимую мною цѣну. На другой день я, настроивъ оныя, получилъ отъ нея двѣсти пятьдесятъ рублей ассигнаціями; получа жъ означенныя деньги, я гулялъ и пьянствовалъ пятницу, субботу и воскресенье и, промотавши довольноное количество въ Москвѣ, вынужденъ былъ отъ страха и взысканія начальства скрыться.

¹⁾ Андрей Украсовъ — актеръ и инспекторъ московскаго театральнаго училища. Онъ происходилъ изъ воспитанниковъ Воспитательнаго дома (тамъ онъ былъ подъ № 826). 24 декабря 1771 г. уволенъ оттуда съ свидѣтельствомъ Опекунскаго совѣта 20 сентября 1783 г. Въ 1815 г. онъ былъ представленъ къ увольненію изъ службъ дирекціи съ награжденіемъ пенсіономъ.

«Взять я былъ земскою полиціей отъ г. Исакова въ усадьбѣ, именуемой Давыдково, въ іюль мѣсяцѣ, а котораго числа—не упомяну, и приведенъ въ костромскую полицію, гдѣ за моимъ подписаніемъ взять съ меня допросъ, въ которомъ я показалъ, что, будучи пьянъ, бѣжалъ, боясь взысканія; а что продалъ казенныя фортепяны — о томъ въ допросѣ своемъ не показывалъ, потому что не былъ спрошенъ».

Прочитавъ это показаніе, Сухопрудскій предложилъ Муромцеву скрѣпить его своею подписью, и затѣмъ подсудимый былъ уведень въ караульню, гдѣ и оставленъ подъ надежнымъ надзоромъ. Послѣ этого присутствіе еще продолжалось, но не долго. Обсуждали вопросъ, какъ поступить съ подсудимымъ: наказать ли его своими средствами, или предать въ руки правосудія? Мнѣнія на этотъ счетъ раздѣлились: Сухопрудскій утверждалъ, что Муромцева, наказавъ, слѣдуетъ оставить на службѣ; А. А. Майковъ держался того же мнѣнія; но А. В. Арсеньевъ доказывалъ необходимость, «выкинуть» провинившагося литавриста изъ службы, «отослать въ гражданское правительство для произведенія надъ нимъ суда и поступленія по законамъ». Въ концѣ концовъ не пришли ни къ чему и рѣшили отъдать вопросъ о наказаніи Муромцева на усмотрѣніе главной дирекціи театровъ. Послѣ этого «присутствіе» кончилось. Майковъ поднялся съ своего мѣста, а за нимъ и Сухопрудскій съ Арсеньевымъ. Когда управляющій театрами вышелъ изъ конторы, къ нему приблизился какой-то человѣкъ, лѣтъ около пятидесяти, безъ усовъ и бороды, въ потертомъ фракѣ и, низко поклонившись, началъ что-то тихо говорить. А. А. Майковъ остановился, молча выслушалъ его и затѣмъ, круто повернувшись, уже на ходу отвѣтилъ: «Хорошо, я напишу. Но только смотри, чтобы впередъ чего не было, а то и тебѣ тогда худо будетъ». Послѣ этого онъ вышелъ и уѣхалъ домой; проситель же остался у дверей дожидаться остального начальства. Это былъ отецъ дезертира, московскій актеръ, купленный у Д. Е. Столыпина, Фроль Муромцевъ. Онъ пришелъ просить, чтобы его сына не предавали гражданскому суду, а предоставили бы наказать ему «домашнимъ образомъ», хотя бы послѣ предварительной высидки въ смирительномъ домѣ. Майковъ, какъ мы видѣли, обѣщалъ похлопотать объ этомъ. То же обѣщаніе далъ и Сухопрудскій, вышедшій вскорѣ изъ конторы.

Въ виду состоявшагося постановленія—отъдать дѣло Муромцева на рѣшеніе высшаго начальства, А. А. Майковъ приказалъ изготовить представленіе по этому дѣлу въ дирекцію, которое за своею подписью и препроводилъ туда 5-го августа, вмѣстѣ съ показаніемъ бѣлаго музыканта и бумагою костромскаго губернатора Н. Пасынкова, съ которою былъ доставленъ «черезъ пересылку» (т. е. по этапу) въ Москву Муромцевъ. Изложивъ все дѣло съ самаго начала, Майковъ просилъ въ своемъ представленіи дирекцію «снаб-

дить его разрѣшеніемъ, какимъ образомъ поступить ему съ Муромцевымъ» и предлагалъ при этомъ на выборъ начальства нѣсколько различныхъ мѣръ. «Во-первыхъ, — писалъ онъ, — отослать ли его, Муромцева, въ гражданское правительство для произведенія надъ нимъ суда и поступленія по законамъ, исключивъ его въ то же время изъ вѣдѣнія и принадлежности императорскаго московскаго театра, ибо, если онъ послѣ публичнаго тѣлеснаго наказанія, которому можетъ быть подверженъ, возвратится въ театръ, то не можетъ быть помѣщенъ ни въ оркестръ, ни въ другія должности по театру употребленъ. Во-вторыхъ, или исключивъ изъ вѣдѣнія театра, отослать его въ воинскую службу. Или, въ-третьихъ, отправивъ на четыре мѣсяца въ смиренный домъ, дозволить отцу его, актеру Муромцеву, по изъявленному имъ желанію и власти отца, сдѣлать послѣ того тѣлесное наказаніе домашнимъ образомъ, и попрежнему ввести въ оркестръ, гдѣ онъ не совсѣмъ бесполезенъ, ибо нѣтъ другого литавриста». Въ заключеніе управляющій московскимъ театромъ, ссылаясь на отношеніе костромскаго губернатора, изъ котораго не было видно, чтобы «съ держателями бѣглаго Муромцева было поступлено по законамъ», — предлагалъ дирекціи «войти» на этотъ счетъ «съ кѣмъ слѣдуетъ изъ господъ министровъ въ сношеніе».

Отвѣтъ на представленіе А. А. Майкова пришелъ не ранѣе начала сентября, и все это время бѣглый музыкантъ, въ ожиданіи заслуженной кары, провель подъ арестомъ. Рѣшеніе дирекціи было исполнѣе согласно съ мнѣніемъ Майкова и Сухопрудскаго.

«Хотя преступленіе музыканта Муромцева», — говорится въ отношеніи с.-петербургской конторы на имя управляющаго московскимъ театромъ, — «и заслуживаетъ законнаго примѣрнаго наказанія, но изъ уваженія къ званію артистовъ, контора по представленію вашего превосходительства, соглашается, дабы оный Муромцевъ былъ наказанъ отцомъ его келейно со всею строгостью и послѣ посаженъ подъ строгій арестъ». Назначеніе срока ареста и его мѣсто отдавалось при этомъ «на благоразсужденіе» Майкова. Контора дополняла свое рѣшеніе о наказаніи Муромцева обѣщаніемъ, въ случаѣ, если онъ и послѣ наказанія не исправится, немедленно отдать его въ солдаты, о чемъ и предписывалось ему объявить.

Вслѣдствіе такого рѣшенія, Муромцевъ былъ нещадно высѣченъ отцомъ, который, оставшись весьма доволенъ такимъ исходомъ дѣла, показалъ при этомъ особое прилежаніе. Затѣмъ литавриста посадили на нѣкоторое время подъ арестъ, а затѣмъ, освободивъ, снова водворили въ оркестръ и посадили за литавры.

Такимъ прозаическимъ концомъ завершились похождения дезертира, едва ли думавшаго о чемъ-либо подобномъ въ костромскихъ лѣсахъ, подъ гостеприимнымъ кровомъ помѣщицы Шиповой.

VI.

Къ исторіи театральныхъ усобицъ.

Русскимъ сценическимъ дѣятелямъ часто ставятъ въ укоръ отсутствіе между ними всякаго единодушія въ совмѣстномъ служеніи искусству. Зависть, недоброжелательство и даже непріязнь между сотоварищами по сценѣ—явленія на столько обычныя, что на нихъ всѣ смотрятъ какъ на что-то неизбѣжное, необходимое, безъ чего немислимо самое служеніе на театральныхъ подмосткахъ. Причина этого заключается, конечно, прежде всего въ необычайномъ развитіи у актеровъ самомнѣнія, которому способствуетъ и сама русская публика, часто награждающая своими симпатіями артистовъ съ сомнительными признаками дарованія. Нечего и говорить, что у такого, заручившагося успѣхомъ актера самообольщеніе не знаетъ границъ. Разъ ему удалось насмѣшить публику площадной шуткой плохого водевиля—онъ смѣло возьметъ на себя, конечно, если дадутъ, отвѣтственную роль въ классической комедіи и, провалившись, будетъ увѣрять, что его не поняли, что публика невѣжественна, и т. д. Такой актеръ уже рѣшительно не можетъ переносить успѣховъ другихъ: онъ злится на всякій аплодисментъ своему товарищу по сценѣ, всячески старается ему повредить, въ чемъ нерѣдко и успѣваетъ. Впрочемъ, все это давно извѣстно, и распространяться объ этомъ не стоитъ. Замѣтимъ только, что зависть и недоброжелательство не составляютъ исключительной принадлежности артистовъ и артистокъ сомнительныхъ дарованій. Сплошь и рядомъ, даже весьма крупные таланты бываютъ отмѣчены тѣми же недостатками. Публика, разумѣется, не знаетъ всѣхъ закулисныхъ тайнъ, всѣхъ интригъ и мелочей, которыя гнѣзятся за красиво-расписаннымъ занавѣсомъ.... Передъ зрителями только одна показная сторона, другой имъ не видать.

Но если бы они знали, что происходитъ иногда передъ какимъ-нибудь спектаклемъ, еслибы видѣли тѣ пружины, которыя пускаютъ въ ходъ ихъ сценическія симпатіи—многихъ изъ нихъ они должны были бы развѣнчать. Если бы знали они, какъ часто ради прихоти какого-нибудь премьерера или премьерши приносится въ жертву настоящее дарованіе, при первыхъ своихъ шагахъ къ успѣху подавляемое множествомъ интригъ, козней, а иногда и грубыхъ, убійственныхъ оскорбленій; если бы знали это зрители,—повторяемъ мы,—многіе изъ ихъ божковъ потеряли бы для нихъ всякое обаяніе, снизойдя въ ихъ глазахъ на степень простыхъ и далеко не безупречныхъ смертныхъ. Такихъ примѣровъ мы, однако, къ несчастію не имѣемъ: публика ничего не знаетъ и продолжаетъ

оставаться въ своемъ ослѣпленіи. Также было и всегда, и даже исторія нашего театра, отмѣчая высокія заслуги какого-нибудь изъ дѣятелей сцены прошлаго времени, пугливо отворачивается отъ сидика загубленныхъ его стараніями талантовъ.

Все сказанное примѣнимо въ одинаковой степени какъ къ кулисной жизни нашихъ частныхъ сценъ, такъ и казенныхъ, съ тою лишь разницею, что на послѣднихъ поводы къ недоброжелательству и ненависти между членами одной и той же труппы пополняются еще одной немаловажной причиной. Этой причиной бываетъ часто какое-нибудь поощреніе артиста или артистки со стороны начальства, какая-нибудь награда, бенефисъ, или, наконецъ, прибавка жалованья. Въ документахъ прежняго времени мы зачастую наталкиваемся на множество примѣровъ, подтверждающихъ вышесказанное положеніе: артисты, не получившіе какихъ-нибудь видимыхъ знаковъ признанія ихъ заслугъ и благоволенія начальства, всѣми силами стараются подкопаться подъ своихъ товарищей, удостоившихся награды, пишутъ на нихъ доносы, стараются всячески разсердить и вызвать на «исторію», а иногда, хотя, впрочемъ, не часто, въ слѣпомъ озлобленіи нападаютъ другъ на друга и чинятъ «увѣщья и безчестья». Въ послѣднихъ случаяхъ, начальство считало своею обязанностью наказывать обидчиковъ и буяновъ, подвергая ихъ арестамъ и штрафамъ, но это не только не останавливало вражды, но еще больше разжигало ее, заставляя наказанныхъ прибѣгать къ болѣе тонкимъ, неуловимымъ способамъ мести.

Въ прошломъ столѣтіи эта вражда выражалась болѣе прямолинейно, нежели въ послѣдующее время, и средства къ ея прекращенію, употреблявшіяся со стороны начальства, были крайне незамысловаты. Въ подтвержденіе этого мы имѣемъ подъ рукою любопытный примѣръ, относящійся къ временамъ директорства кн. Н. Б. Юсупова. «Россійскій актеръ Гамбуровъ¹⁾ — читаемъ въ «Журналѣ распоряженій директора театровъ» подъ 7-мъ числомъ мая 1793 года—вчерашняго числа актера жъ Воробьева²⁾ на улицѣ, безъ всякой причины ударилъ палкою». За это «увѣщье и безчестье» кн. Н. Б. Юсуповъ приказалъ: «отъ его, Гамбунова, прибавочное при сей дирекціи жалованье пятьсотъ рублей отъ сего числа производить ему, Воробьеву, доколѣ не примирятся».

По своимъ послѣдствіямъ для пострадавшаго, приведенный случай представляетъ собою единственный примѣръ за все время су-

¹⁾ Козьма Гамбуровъ — одинъ изъ лучшихъ актеровъ того времени; по амплуа—благородный отецъ.

²⁾ Яковъ Степановичъ Воробьевъ—комическій актеръ, ученикъ Дмитревскаго отецъ извѣстной талантливой актрисы Елены Сосницкой.

ществованія нашего театра. По крайней мѣрѣ, въ документахъ предшествовавшаго, равно какъ и послѣдующаго времени—мы ничего подобнаго курьезной резолюціи кн. Юсупова не встрѣчаемъ.

Само собою разумѣется, что борьба мелкихъ интересовъ и страстей, зависти и самолюбія—не представляетъ собою характерной черты, исключительно свойственной семьѣ русскихъ сценическихъ дѣятелей: въ иностранныхъ труппахъ всегда замѣчалось то же, что и у насъ, и закулисная хроника французской и нѣмецкой сценъ въ обѣихъ столицахъ изобиловала во всѣ времена множествомъ случаевъ, показывающихъ, что по части интригъ, ссоръ и мелкихъ препирательствъ, иностранные гости, въ разное время подвизавшіеся на подмосткахъ нашихъ театровъ, не только не уступали доморощеннымъ русскимъ лицедеямъ, но подчасъ даже оставляли ихъ далеко позади.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ старыхъ театральныхъ дѣлъ.

Въ 1810 году, въ московской французской труппѣ служили два соперничавшіе и ненавидѣвшіе другъ друга актера—Аднэ и Дюпарэ. Они въ теченіе года по нѣскольку разъ приносили другъ на друга жалобы въ контору, нещадно одинъ на другого клеветали и т. д. Вдругъ, къ общему удивленію, къ осени враги помирились. Вслѣдъ за тѣмъ, въ началѣ октября, стало извѣстнымъ, что Аднэ участвуетъ въ спектаклѣ, назначенномъ на 16-е число того же мѣсяца, въ бенефисъ своего недавняго врага. Дюпарэ не ожидалъ измѣны и включилъ въ составъ своего бенефиснаго спектакля пьесу, въ которой долженъ былъ выступить въ одной изъ главныхъ ролей Аднэ. Что вышло изъ этого, можно видѣть изъ слѣдующаго донесенія московской конторы директору театровъ А. Л. Нарышкину, отъ 20-го октября 1810 года. «Сего октября 16-го,— писали члены конторы Сухопрудскій и Арсеньевъ— на императорскомъ московскомъ театрѣ даны были въ бенефисъ французской труппы актера Дюпарэ комедія «Вотъ» и опера «Павель и Виргинія». Во время представленія первой, въ началѣ 3-го акта, актеръ Аднэ, игравшій роль Дональсона, вышедъ на сцену, прочиталъ нѣсколько словъ и, безъ предваренія управляющихъ, самъ собою, объявилъ публикѣ, что онъ за приключившеюся ему болью въ горлѣ продолжать пьесы болѣе не можетъ; наконецъ, откланившись, удалился со сцены. Пьеса симъ случаемъ была прекращена и занавѣсъ опущенъ. Послѣ сего г-нъ Дюпарэ анонсировалъ, что комедія, за болѣзнію г-на Аднэ, не можетъ быть окончена и просилъ позволенія начать оперу».

Изъ дальнѣйшаго разсказа въ этомъ донесеніи видно, что бенефицианта, вопреки ожиданіямъ Аднэ, публика не встрѣтила свистками, а наоборотъ, привѣтствовала рукоплесканіями. Но могло, конечно, случиться и иначе, на что, разумѣется, и рассчитывалъ

коварный актеръ, желая уронить своего соперника во мнѣніи публики. Эта попытка для Аднэ не прошла даромъ. «Контора, — говорится въ донесеніи А. Л. Нарышкину, — не оставляя безъ особеннаго вниманія сей поступокъ г. Аднэ, призвавъ его въ присутствіе, сдѣлала ему жестокой выговоръ и опредѣлила задержать его подь карауломъ». При этомъ начальство нашло нужнымъ черезъ режиссеровъ подтвердить обѣимъ труппамъ: «дабы актеры и актрисы на подобныя своевольныя предпріятія не покушались подь опасеніемъ наистрожайшаго взысканія».

28-го іюня 1810 года, контора московскаго театра рапортовала тогдашнему директору императорскихъ театровъ Александру Львовичу Нарышкину, что назначенный на тотъ же день спектакль «Замокъ Черногорскій» пришлось отмѣнить, по болѣзни актера Филиппа; другой же актеръ французской труппы, Розэ, увѣдомилъ контору, что послѣ своей ссоры съ актеромъ Филиппомъ онъ болѣе не въ состояніи встрѣчаться съ нимъ на сценѣ и потому просить увольненія отъ службы. Въ чемъ заключалась эта ссора — видно изъ заведеннаго по поводу ея канцелярскимъ порядкомъ дѣла и присоединенныхъ къ нему: жалобы потерпѣвшаго, объясненія актера Филиппа, донесенія производившаго слѣдствіе частнаго пристава Мясницкой части и остальной переписки по поводу того же «происшествія», выходившаго по своему характеру изъ ряда случаевъ, которые могли бы быть отнесены къ обычнымъ закулиснымъ передрагамъ.

Поступокъ актера Филиппа, по своей прямолинейности, заслуживаетъ вниманія, обрисовывая рѣзкими чертами нравы, привычки и складъ щедро-оплачивавшейся нашею дирекціей французской труппы.

Проживавшій на своей квартирѣ близъ Кузнецкаго моста, въ домѣ купца Изарна, французскій актеръ Розэ донесъ московской театральной конторѣ (его слова были впоследствии подтверждены свидѣтельскимъ опросомъ), что 24-го іюня 1810 года, въ седьмомъ часу вечера, въ то время, какъ онъ отдыхалъ у себя въ спальнѣ, гдѣ находилась и жена его, къ дверямъ прибѣжалъ слуга и объявилъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, что актеръ Филиппъ бьетъ няньку и ребенка его, Розэ, и грозитъ заколотить ихъ на смерть. Испуганная этимъ неожиданнымъ извѣстіемъ, г-жа Розэ поспѣшно сбѣжала внизъ (спальня помѣщалась этажомъ выше прочихъ комнатъ квартиры), чтобы узнать, въ чемъ дѣло, — и ея глазамъ представился актеръ Филиппъ, въ одномъ бѣльѣ, — «безъ галстуха и шляпы», какъ гласитъ протоколъ, и съ окровавленнымъ лицомъ. На вопросъ — что это значитъ? — Филиппъ осыпалъ г-жу Розэ площадною бранью и ударилъ кулакомъ, прибавивъ, что онъ, собственно, пришелъ для расправы съ ея мужемъ. Несчастливая женщина, опасаясь за своего ребенка, умоляла разсвирѣпѣвшаго Фи-

липпа оставить ее домъ, — но тотъ и не думалъ повиноваться, а продолжалъ кричать и ругаться. Когда же вслѣдъ за тѣмъ внизъ спустился самъ Розэ, то Филиппъ тутъ же схватилъ его за воротъ и началъ бить по лицу, по животу, куда попало, приговаривая: «я давно уже хотѣлъ съ тобою посчитаться и теперь тебя убью». Благодаря подоспѣвшимъ къ этой безобразной сценѣ постороннимъ людямъ, Розэ освободился изъ рукъ своего расходившагося товарища и спрятался въ кухнѣ сосѣдняго жильца; Филиппъ же поднялся по лѣстницѣ до его спальни и, войдя въ нее, принялся неистово кричать и, топая ногами, грозить ему смертью. Неизвѣстно долго ли продлилась бы вся эта драма, если бы Филиппа не увели домой присутствовавшіе при его буйствѣ люди.

Изъ произведеннаго квартальнымъ надзирателемъ дознанія оказалось, что актеръ французской труппы Филиппъ былъ въ этотъ день пьянъ и еще до прихода въ квартиру Розэ—безобразничалъ и шумѣлъ. Придя же туда и увидавъ на лѣстницѣ женщину, служившую у Розэ въ нянькахъ, онъ бросился на нее и ударилъ ее съ такою силою, что вышибъ изъ ее рукъ ребенка. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что послѣ приведенной выше бурной сцены, Розэ, вернувшись въ свою спальню, не нашелъ двухъ карманныхъ часовъ, висѣвшихъ на стѣнѣ, у изголовья его кровати...

Розэ принесъ жалобу исправлявшему въ то время должность московскаго оберъ-полиціймейстера, по распоряженію котораго представомъ Мясницкой части былъ произведенъ опросъ свидѣтелей, которымъ въ точности подтвердились всѣ подробности заявленія потерпѣвшаго Розэ. Актеръ Филиппъ, въ свою очередь, пожаловался оберъ-полиціймейстеру, прося его защиты, но, такъ какъ показаніе его не подтвердилось слѣдствіемъ, то и обращеніе его къ полицейской власти было оставлено безъ вниманія.

Приставъ донесъ, что актеръ Филиппъ былъ пьянъ и все, что было имъ совершено въ квартирѣ Розэ должно быть приписано вліянію вина. «Что у трезваго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ», — говоритъ пословица, и потому не трудно уразумѣть подкладку этого своеобразнаго эпизода. Накипѣвшая зависть, злоба соперничества—таковы, безъ сомнѣнія, мотивы произведеннаго актеромъ Филиппомъ буйства.

Директоръ императорскихъ театровъ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, сдѣлалъ распоряженіе: «посадить актера Филиппа въ полицію и содержать его тамъ подъ карауломъ, впредь до полученія повелѣнія о его освобожденіи».

Предписаніе директора было тотчасъ же исполнено.

По прошествіи двухъ слишкомъ мѣсяцевъ со дня произведеннаго въ квартирѣ Розэ буйства, актеръ Филиппъ былъ взятъ въ полицію и выдержанъ подъ карауломъ двѣ недѣли. Этимъ возмездіемъ начальническаго правосудія актеръ Розэ, какъ видно,

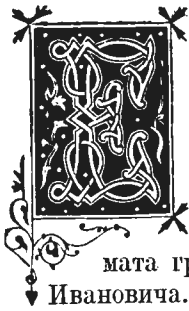
вполнѣ удовлетворился, и контора московскаго театра рапортовала отъ 22-го сентября 1810 г., что, «охраняя пользу дирекціи», онъ изъявилъ согласіе вступить на должность и предстать передъ публикою 29-го сентября того же года въ оперѣ «Глупость». Вотъ одна изъ страничекъ той закулисной жизни, въ которой копошился мурaveйникъ людей, пріѣзжавшихъ къ намъ изъ-за границы служить чистому искусству.

Е. Опочининъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАБЫТЫЙ ПАНИНЪ.

ЩЕ живы и здравствуютъ лица, видѣвшія и знавшія графа Виктора Никитича Панина, министра юстиціи времянъ императора Николая; еще свѣжо у всѣхъ въ памяти его заявленіе, какъ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій по крестьянскому дѣлу. Всѣмъ извѣстны имена его дѣдовъ, «екатерининскихъ» Паниныхъ, двухъ братьевъ, дипломата графа Никиты Ивановича и полководца графа Петра Ивановича. Но кто знаетъ его отца, графа Никиту Петровича? О екатерининскихъ Паниныхъ существуютъ два мнѣнія: одни превозносятъ тонкій умъ графа Никиты, возвеличиваютъ мужественную храбрость графа Петра, признаютъ обоихъ братьевъ государственными дѣятелями, много послужившими на пользу родины; другіе клеймятъ и позорятъ ихъ, какъ самолюбивыхъ интригановъ, дѣйствовавшихъ въ ущербъ интересамъ Россіи; о графѣ Викторѣ Никитичѣ составилось одно безповоротное мнѣніе, какъ о николаевскомъ дѣятелѣ, точномъ исполнителѣ чужой воли; объ отцѣ же его, графѣ Никитѣ Петровичѣ, вѣтъ ни двухъ, ни одного мнѣнія—его не знаютъ, имъ не интересуются. Почему?

По пословицѣ «всякому овощу свое время». Время Павла I мнѣ всего было пригодно для какой-либо плодотворной, даже только полезной дѣятельности. Намъ интересуетъ эпоха Екатерины II и время Александра I, а къ правленію Павла I мы относимся съ грустнымъ равнодушіемъ; при его матери и сынѣ выдвинулся рядъ замѣтныхъ дѣятелей на всѣхъ государственныхъ и общественныхъ поприщахъ, между тѣмъ какъ при немъ дѣйствовали только пооредственности да ничтожества. Графу Никитѣ Петровичу выпало

на долю быть дѣятелемъ именно въ царствованіе Павла Петровича, съ 1796 по 1801 годъ—а кто же изъ дѣятелей того времени памятенъ русскому обществу?

Кто помнить графа Виктора Никитича, тому легко представить себя и фигуру его отца. Высокій ростомъ, худой, неуклюжій—il a l'extérieur gauche, говоритъ Роджерсонъ о графѣ Никитѣ Петровичѣ; родные, напротивъ, не замѣчали этой неуклюжести, а видѣли только «очень благородную осанку». Какъ и сынъ, отецъ былъ строгихъ правилъ, человекъ высокой нравственности, обладавшій свѣтлымъ умомъ, но въ высшей степени молчаливый и вполне безстрастный. Ему было 19-ть лѣтъ, когда онъ, получивъ отъ своей невѣсты, прелестной 15-ти-лѣтней графини Орловой, первое письмо, милое и граціозное, полное любви, отвѣчалъ: «Вступая нынѣ въ переписку съ вашимъ сіятельствомъ, исполняю я волю почтеннаго и не менѣе любезнаго родителя вашего» и затѣмъ въ четырехъ пунктахъ предлагаетъ своей невѣстѣ скучное «означеніе главнѣйшихъ правилъ употребляемаго въ перепискѣ слога». Отецъ-воинъ готовилъ сына къ военной службѣ, о чемъ просилъ и императрицу; Екатерина II отвѣчала собственноручнымъ письмомъ отъ 1-го мая 1770 года: «Изъ письма вашего отъ 18-го апрѣля усмотрѣла я, что Богъ вамъ даровалъ сына, съ которымъ васъ поздравляю, и какъ вы мнѣ онаго поручаете, дабы отнынѣ начать мое объ немъ попеченіе и поставить его наискорѣе на путь славы, подавъ ему случай, не теряя времени научиться военнаго ремесла, чрезъ сіе вамъ повелѣваю ему объявить чинъ корнета конной гвардіи, и надѣюсь, что вы не оставите въ немъ вселить всѣ тѣ же чувства къ отечеству и ко мнѣ, кои вы всегда старалися заслугами оказать»¹⁾. Восемнадцати лѣтъ графъ Никита Петровичъ былъ уже на театрѣ войны, въ Финляндіи: онъ пробылъ тамъ не болѣе шести недѣль и скоро убѣдился, что конфедерація въ Аньялѣ ему болѣе по сердцу, чѣмъ бой подъ Фридрихсгамомъ. Въ 1796 году, 26-ти лѣтъ, онъ былъ уже генералъ-маіоръ арміи, ненавидѣвшій военныя дѣйствія, и, по собственному сознанію, предпочитавшій имъ мирную дѣятельность на дипломатическомъ поприщѣ. Съ воцареніемъ Павла Петровича онъ всецѣло посвятилъ себя иностраннымъ дѣламъ: не прошло и мѣсяца со смерти Екатерины II, какъ въ декабрѣ 1796 года онъ былъ назначенъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ іюль 1797 г.—посланникомъ въ Берлинъ, въ сентябрѣ 1799 года—вице-канцлеромъ. Въ ноябрѣ 1800 года, дѣйствительный тайный совѣтникъ, сенаторъ, дѣйствительный камергеръ, 30-тилѣтній графъ Никита Петровичъ Панинъ былъ посланъ въ веземскую деревню подъ надзоръ полиціи.

¹⁾ Сборн. рус. истор. общ. XIII, 19.

За что такая немилость? Чѣмъ провинился графъ Никита? Подробности высылки вполне обрисовываютъ павловское время, полное подобныхъ неожиданностей. Современный литераторъ, извѣстный Иванъ Михайловичъ Муравьевъ-Апостоль сообщилъ эти любопытныя подробности въ письмѣ къ русскому послу въ Лондонѣ, знаменитому графу Семену Романовичу Воронцову:

«Сіятельныйшій графъ!

«Покидая Петербургъ, графъ Панинь, сосланный въ свои деревни, возложилъ на меня порученіе сообщить вашему превосходительству всѣ обстоятельства, подготовившія и вызвавшія его немилость. Пользуясь представившеюся вѣрною оказіею, исполняю эту грустную и въ то же время лестную для меня обязанность—она возложена на меня моимъ лучшимъ другомъ и предназначена лицу, пользующемуся наибольшимъ уваженіемъ.

«Вашему превосходительству извѣстно также хорошо, какъ и мнѣ, и даже лучше моего, что графъ Панинь, вѣрный принципамъ чести и здоровой политики, не понравился съ самого своего вступленія въ министерство—онъ хотѣлъ навязать извѣстную систему кабинету, который не имѣлъ никакой системы и въ теченіе уже двухъ лѣтъ отличался только переменчивостью и непостоянствомъ своихъ плановъ.

«Первые же шаги графа показали его такимъ, каковъ онъ есть—неспособнымъ къ уступкамъ, противнымъ совѣсти, ради сохраненія занимаемаго имъ поста. Уже съ начала прошлаго года онъ предвидѣлъ свою судьбу и заботился только о томъ, чтобъ сохранить свое доброе имя. Неприятности, испытанныя имъ въ послѣдніе десять мѣсяцовъ, неисчислимы. Дурно принятый при дворѣ, получая иногда замѣчанія въ самой грубой формѣ, онъ безъ отдыха работалъ, пользуясь всякимъ случаемъ сдѣлать что-либо полезное, чаще ослабить вредное—вотъ его тяжелое положеніе до прошлаго октября, когда политика вдругъ и рѣзко была измѣнена и эта неожиданная переменна поставила графа Панина въ критическое положеніе. Онъ ожидалъ этого и даже самые недалководные люди могли напередъ предсказать этотъ кризисъ; но ни коимъ образомъ невозможно было предвидѣть тѣхъ жестокихъ и коварныхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали его немилость. Казалось, его хотѣли заставить испить до дна чашу горестей. Расскажу все по порядку.

«Вашему превосходительству извѣстна первая нота, которую наше министерство ¹⁾ сообщило здѣшнему дипломатическому кор-

¹⁾ Notre ministère, потому что Муравьевъ-Апостоль тоже служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и былъ одно время полномочнымъ министромъ въ Гамбургѣ, потомъ въ Мадридѣ.

пусу по поводу послѣдняго эмбаръ; вы припомните, конечно, что эта нота была подписана однимъ только графомъ Ростопчинимъ. Вотъ какъ это случилось: дней восемь до того какъ разразилась буря, уже была рѣчь о такой нотѣ, при чемъ въ ней должно было говориться о недобросовѣстности англичанъ, нарушившихъ будто бы формальную конвенцію, заключенную въ 1798 году. Графъ Панинъ протестовалъ противъ такой мѣры, заявивъ, что онъ никогда не согласится унижить имя своего государя, заставляя его говорить ложь, такъ какъ подобная конвенція никогда не существовала. На это не обратили вниманія, и нота, въ томъ самомъ видѣ какъ она напечатана во всѣхъ газетахъ, была прислана изъ Гатчины съ подписью уже графа Ростопчина, при чемъ графу Панину приказывалось вручить ее всѣмъ чужестраннымъ министрамъ. Графъ Панинъ, обрадованный возможностью не прикладывать свое имя къ акту, столь противному формамъ, принятымъ всѣми націями, признающими международное право, передалъ ноту, не снабдивъ ее своею подписью. На другой же день у него истребовали въ этомъ отчетъ; онъ отдѣлался пустяками: такъ какъ по обычаю, — отвѣчалъ онъ, — всякая бумага подписывается младшимъ членомъ прежде старшаго, то, увидѣвъ подпись канцлера, я не считалъ уже необходимымъ мою подпись. За этой уверткой настало полное спокойствіе, продолжавшееся нѣсколько дней; но это спокойствіе было обманчиво, и скоро за нимъ послѣдовала буря, разразившаяся надъ головой графа Панина. Спустя нѣсколько дней была прислана изъ Гатчины новая нота, вполне тождественная по содержанію съ первою, съ приказаніемъ отъ самого императора подписать эту ноту и сообщить дипломатическому корпусу. Тутъ ужъ нечего было разговаривать, приходилось только повиноваться, что онъ и сдѣлалъ, но съ однимъ измѣненіемъ: онъ испросилъ и получилъ разрѣшеніе измѣнить начало злосчастной ноты, вставивъ, что она сообщается «по именному указу государя императора». Я сдѣлалъ все, что только могъ, чтобъ удержать графа Панина отъ этого шага; но всѣ мои усилія были напрасны, и я тогда же предвидѣлъ и предсказалъ все, что случилось.

«По возвращеніи двора въ городъ, 1-го ноября, графъ Панинъ тщетно искалъ случая объясниться съ гр. Ростопчинимъ — тотъ избѣгалъ встрѣчь съ нимъ. Спустя нѣсколько дней ему удалось, однако, застать его дома. Послѣ двухчасового совѣщанія о наиболѣе важныхъ государственныхъ дѣлахъ, когда зашла рѣчь объ отозваніи кавалера де-Бальбо, сардинскаго министра, графъ Панинъ спросилъ о причинахъ неудовольствія императора на представителя Сардиніи; графъ Ростопчинъ сказалъ ему эти причины и потомъ, какъ бы кстати, спросилъ его: «А вы сами, графъ, знаете, что императоръ и вами очень недоволенъ?» — «Не знаю, — отвѣчалъ графъ Панинъ, — чѣмъ я могъ заслужить немилость его величества;

но если вы полагаете, что моя отставка могла бы быть пріятна государю, я готовъ подать вамъ просьбу». — «Это не нужно, — возразилъ Ростопчинъ, — такъ какъ отставка уже готова», и дѣйствительно, онъ вынулъ изъ кармана указъ, подписанный императоромъ въ этотъ же день, въ 7 часовъ утра, — этимъ указомъ графъ Панинъ увольнялся изъ министерства и назначался присутствовать въ сенатѣ.

«Это было въ два часа дня, въ четвергъ, какъ разъ въ день дипломатическаго обѣда у вице-канцлера. Графъ Панинъ замѣтилъ Ростопчину: иностранные министры были приглашены на обѣдъ еще наканунѣ; они останутся безъ обѣда, если онъ имъ откажетъ въ самый моментъ, когда они станутъ съѣзжаться по его приглашенію; поэтому, онъ просилъ Ростопчина довести до свѣдѣнія государя, что считаетъ своимъ долгомъ угостить обѣдомъ дипломатическій корпусъ, какъ будто никакой перемѣны не произошло, и отложить до послѣ обѣда заявленіе о своемъ увольненіи изъ министерства. Графъ Ростопчинъ сталъ увѣрять Панина, что такое поведеніе его совершенно естественно. Ваше превосходительство сейчасъ увидите, что и это было вмѣнено графу Панину въ преступленіе.

«Графъ Панинъ велъ себя при этомъ съ такимъ достоинствомъ и тактомъ, что заслужилъ полное одобреніе всего общества. Безъ всякой спѣси, но и безъ малѣйшаго смущенія, онъ выполнилъ всѣ мельчайшія обязанности по своей новой должности и, возбуждая общее сожалѣніе, онъ самъ, казалось, сожалѣлъ только о томъ, что ему не дано было служить родинѣ на томъ поприщѣ, къ которому онъ готовилъ себя съ дѣтства. Какъ только всѣ формальности были исполнены, онъ отправился въ сенатъ и сталъ отправлять тамъ всѣ свои обязанности, какъ будто онъ не имѣлъ иной цѣли въ жизни, какъ стать сенаторомъ.

«Эта твердость не только не была оцѣнена по достоинству, но еще болѣе озлобила императора. Какъ только военный губернаторъ графъ Паленъ вошелъ однажды въ кабинетъ императора, государь, хорошо знавшій о его дружбѣ съ графомъ Панинымъ, спросилъ его, видѣлъ ли онъ Панина? весель ли Панинъ? — «Я видѣлъ Панина, — отвѣчалъ губернаторъ, — но вовсе не нашелъ его веселымъ. Ваше величество можете быть увѣренными, что тому не до веселья, кто имѣлъ несчастье навлечь на себя вашу немилость». — «Это римлянинъ, — сказалъ императоръ, — я его знаю: моя милость, какъ и не милость не производятъ на него большого впечатлѣнія. Онъ давалъ обѣдъ въ самый день своего увольненія». Потомъ, немного погодя, опять: «Я знаю, что онъ не безъ дарованій, но у него три капитальные недостатка: онъ педантъ, систематикъ и методикъ». Графъ Паленъ замѣтилъ, что ничего не понимаетъ въ политикѣ, что его ремесло, какъ солдата, умѣть драться, но

что онъ слышалъ, будто методъ и система вещи вовсе не бесполезныя. Императоръ, перебивъ его, спросилъ, намѣренъ ли Панинъ попрежнему дать балъ? Тутъ разумѣлся официальный балъ, который давался вице-канцлеромъ по приказанію двора. «Не знаю, государь,— отвѣчалъ Паленъ,—но мнѣ кажется, Панину вовсе не до танцевъ».—«Это ему все равно,—вскричалъ императоръ,— это чистый римлянинъ».

Нѣсколько дней спустя, подобные же вопросы были повторены Палену, при чемъ императоръ прибавилъ, въ видѣ приказанія, что графъ Панинъ хорошо сдѣлалъ бы, еслибъ попросился въ московскій сенатъ. Графъ Паленъ, уже заранѣе предваренный графомъ Панинымъ на случай подобнаго предложенія, безъ замедленія отвѣчалъ, что Панинъ почелъ бы себя болѣе счастливымъ получить полную отставку. «О, за этимъ дѣло не станеть», сказалъ государь. «Но, государь, будетъ ли ему разрѣшено остаться здѣсь три или четыре мѣсяца, пока жена разрѣшится отъ бремени?»—«Само собою разумѣется,—сказалъ государь;—это разумѣется само собою». И тотчасъ же онъ написалъ буквально слѣдующій указъ: «Сенаторъ графъ Панинъ отъ службы отставляется».

Тѣмъ не менѣе, не смотря на «само собою разумѣется», не прошло и трехъ дней, какъ графу Панину было объявлено чрезъ полицію приказаніе немедленно выѣхать изъ Петербурга. Мѣстомъ изгнанія было назначено Дугино, село, подаренное покойною императрицею его дядѣ именно за воспитаніе нынѣшняго императора.

«Графъ Панинъ, человѣкъ крѣпкій и мужественный, терпѣливо переносившій всякія несчастія и не смущавшійся даже отъ преслѣдованій, когда они были направлены только противъ одного него, едва не палъ подъ тяжестью горя, видя, что, вмѣстѣ съ нимъ, и горячо любимыя имъ дѣти, и обожаемая жена должны подвергнуться всеѣмъ жестокостямъ изгнанія, въ селѣ, гдѣ былъ только полуразрушенный замокъ и никакой помощи въ случаѣ болѣзни или другихъ случайностей. Это было уже выше его силъ, и не смотря на все свое отвращеніе къ просьбамъ о милости, увѣренный, что онъ заслуживалъ награды, онъ, покидая Петербургъ, написалъ княгинѣ Гагариной письмо, въ которомъ умолялъ ее представить императору его ужасное положеніе — жить съ больными дѣтьми и съ женою, беременною на седьмомъ мѣсяцѣ, въ селѣ, гдѣ нѣтъ даже крова, подвергать ихъ всеѣмъ суровостямъ климата и стать, быть можетъ, причиною смерти самого дорогаго для него въ мірѣ; онъ умолялъ императора разрѣшить ему поселиться въ Москвѣ или въ ея окрестностяхъ, если ужъ Москва будетъ признана невозможною».

«Первое время письмо это не имѣло никакихъ послѣдствій. Императоръ не хотѣлъ и слышать о графѣ Панинѣ. Наконецъ, настойчивость княгини, ея мольбы, ея слезы, вызвали у государя разрѣшеніе графу Панину жить въ окрестностяхъ древней сто-

лицы. Это позволеніе было принято достойною супругою графа, какъ величайшая милость; она тотчасъ же увѣдомила объ этомъ мужа, и вскорѣ отправилась къ нему, въ Петровское, имѣніе графа Разумовскаго, въ четырехъ верстахъ отъ Москвы.

«Они поселились въ Петровскомъ и по всеѣмъ вѣроятностямъ казалось, что ихъ оставятъ тамъ въ покоѣ—не тутъ-то было: преслѣдованіе несчастныхъ жертвъ не прекратилось на этомъ.

«Надо вамъ сказать, графъ, что въ моментъ высылки графа Панина изъ Петербурга, самъ государь распорядился, чтобъ все письма графа были перехвачиваемы и чтобъ императору доносили о всеѣхъ лицахъ, которыя будутъ переписываться съ графомъ. При такомъ распоряженіи графъ естественно воздерживался писать кому бы то ни было; но могъ ли онъ думать, что ему вмѣнять въ преступленіе переписку съ сестрою? А между тѣмъ письмо къ сестрѣ и погубило его — послѣ этого письма преслѣдованія возобновились съ болѣею яростію. Я видѣлъ это злосчастное письмо—графъ говорить въ немъ о своей теткѣ, вдовствующей графинѣ Чернышевой, и о ея благодѣяніяхъ относительно его. И какъ же истолковали эту фразу? Тысячу противъ одного, графъ, вамъ не отгадать! Тетка, по этому новому словарю, должна означать императора, благодѣянія — преслѣдованія! Какъ только такое толкованіе было сдѣлано, графу Салтыкову, въ Москву, былъ отправленъ указъ: удалить графа Панина съ его семьей изъ окрестностей Москвы, но держать ихъ въ Московской губерніи, съ тѣмъ, чтобы они всегда находились подъ надзоромъ фельдмаршала.

«Вотъ вамъ графъ Панинь — изгнанникъ, скиталецъ, опасавшійся за завтрашній день, неувѣренный, что ему дозволятъ провести двѣ ночи въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Это можетъ убить даже одинокаго человѣка, ни съ кѣмъ не связаннаго; но съ дѣтьми, съ женою на сносяхъ, для которой роды всегда были трудны и опасны! Это положеніе, поистинѣ, ужасное; признаюсь, ваше превосходительство, не знаю какъ онъ его перенесетъ. Я трепещу за его жизнь, тѣмъ болѣе что не имѣю объ немъ извѣстій со времени послѣдняго удара.

«Исполнивъ тяжелый долгъ, возложенный на меня дружбою, долженъ просить ваше превосходительство извинить небрежность моего слога и негладкость изложенія. Удрученный потерю единственнаго человѣка, привязывавшаго меня къ службѣ, я почти потерялъ способность чувствовать, не только выразить свои мысли.

«Пользуйтесь, графъ, въ кругу своей милой семьи счастьемъ, предназначеннымъ въ удѣлъ такимъ душамъ, какою вы обладаете; пользуйтесь надолго и, Бога ради, всегда вдали отъ нашего жестокаго климата. Этого желаетъ вамъ всегда преданный» и т. д. ¹⁾.

¹⁾ Архивъ кн. Воронцова, XI, 161.

Письмо это помѣчено 16-мъ февраля 1801 года, когда дни Павла Петровича были уже сочтены: 12-го марта вступилъ на престолъ императоръ Александръ I. Графъ Никита Петровичъ тотчасъ же былъ вызванъ изъ ссылки и занялъ прежній постъ вице-канцлера. Черезъ семь мѣсяцевъ, въ октябрѣ, онъ получилъ продолжительный отпускъ: *un semestre de trois ans*, какъ выразился самъ графъ Никита—полную отставку, какъ оказалось. Въ это время ему не было 31 года; онъ былъ здоровъ, полонъ силъ, онъ жаждалъ дѣятельности, но его забыли, объ немъ не вспомнили въ теченіе слѣдующихъ 36 лѣтъ, проведенныхъ имъ не у дѣлъ. Почему?

Объ этомъ мы скоро узнаемъ, по крайней мѣрѣ, въ нынѣшнемъ еще году, какъ общаетъ проф. А. Г. Брикнеръ въ только-что вышедшемъ первомъ томѣ «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Никиты Петровича Панина». Этотъ томъ обрывается 1797 годомъ, поѣздкой графа Панина въ Берлинъ; въ слѣдующихъ двухъ томахъ будутъ помѣщены матеріалы, касающіеся его дипломатической дѣятельности въ Берлинѣ, вице-канцлерства при Павлѣ I и Александрѣ I, и частной жизни отъ 1802 г. до кончины его въ 1837 г. Послѣдняя часть матеріаловъ должна быть особенно интересна: хорошо ознакомившійся со всѣми матеріалами г. Брикнеръ говоритъ, что не только «политическая роль Панина, его дѣятельность», но и «многолѣтнее невольное бездѣйствіе въ области политики представляютъ собою важныя данныя для характеристики этого періода нашей исторіи».

Къ немногимъ русскимъ родамъ, обнародовавшимъ свои семейные архивы—къ Юсуповымъ, Воронцовымъ, Разумовскимъ, Шереметевымъ—присоединились въ прошломъ году два рода, представители которыхъ играли видную роль въ историческихъ судьбахъ Россіи—Куракиныхъ и Паниныхъ. Осенью прошлаго года «Саратовскій Листокъ» (№ 169-й, отъ 10-го августа) порадовалъ русское общество извѣстіемъ, что князь Ѳедоръ Алексѣевичъ Куракинъ приступаетъ къ изданію «Архива князя Куракина», въ который войдутъ 760 томовъ бумагъ, хранящихся въ родовомъ княжескомъ селѣ Надеждинѣ; въ концѣ прошлаго года вышелъ первый томъ «Матеріаловъ для жизнеописанія графа Н. П. Панина». За эти новые матеріалы, касающіеся жизни и дѣятельности «забытаго графа Панина», русская историческая наука обязана признательностью его внукѣ, княгинѣ Маріи Александровнѣ Мещерской: послѣ многолѣтнихъ трудовъ, княгинѣ удалось собрать бумаги семейнаго архива гр. Паниныхъ; эти бумаги хранились отчасти у нея, отчасти у ея сестры княгини Софіи Александровны Щербатовой; болѣе тысячи нумеровъ этихъ бумагъ, всѣ, касающіеся гр. Никиты Петровича, были пересланы княгинею для изданія въ Дерптъ, проф. А. Г. Брикнеру. Трудно было, казалось, сдѣлать болѣе счастливый выборъ издателя. Г. Брикнеръ давно и много

занимается разработкою историческихъ вопросовъ, преимущественно русскаго XVIII вѣка, которому принадлежитъ дѣятельность гр. Н. П. Панина; всѣ работы г. Брикнера отличаются точностью, возможною полнотою, и, что въ данномъ случаѣ особенно важно, въ своихъ рецензіяхъ на изданія бумагъ семейныхъ архивовъ ¹⁾ онъ высказалъ серьезныя требованія, справедливость которыхъ не могла быть и не была оспариваема.

Такія изданія у насъ, конечно, не новость; но ихъ, однако, такъ мало, что до настоящаго времени не выработалась даже вѣдущая форма подобныхъ изданій, распредѣленіе историческаго матеріала, отношеніе къ языку подлинника и т. п.

Князю Н. Б. Юсупову принадлежитъ честь перваго исторіографа своего рода. Въ изданныхъ имъ въ 1866 г. двухъ томахъ «О родѣ князей Юсуповыхъ», онъ первый въ Россіи печатно заявилъ, что «есть фамиліальные акты, которые по важности ихъ нравственнаго и политическаго значенія принадлежатъ исторіи», и издалъ эти акты въ формѣ очень простой и удобной: въ первомъ томѣ помѣщены имъ краткія біографіи 14-ти лицъ изъ рода Юсуповыхъ, отъ величественнаго Юсуфа, современника и «друга» Ивана Грознаго, до князя Бориса Николаевича, въ тяжкую годину страшнаго голода 1834—1835 гг., кормившаго на свой счетъ, безъ всякаго пособія отъ правительства, до 70,000 человекъ; во второмъ томѣ напечатаны 212 документовъ, касающихся князей Юсуповыхъ и ихъ времени. Въ свое время это прекрасное изданіе не было оценено въ должной мѣрѣ, о чемъ нельзя не пожалѣть: простая и удобная форма изданія, въ которой историческіе документы отдѣлены отъ историческаго разсказа, при чемъ всякому предоставляется возможность провѣрить разсказъ документами или пользоваться ими для своихъ цѣлей, болѣе уже не повторялась. Спустя четыре года, съ 1870 года, началъ выходить «Архивъ князя Воронцова», продолжающій и понынѣ — до настоящаго времени издано уже 34 тома и, если не ошибаемся, изданіе еще не закончено. «Архивъ князя Воронцова» произвелъ переворотъ въ русской исторической литературѣ: благодаря богатствамъ этого архива, почти всѣ вопросы XVIII и начала XIX вѣка получили совершенно новое освѣщеніе и въ настоящее время не появляется уже историческихъ трудовъ о томъ времени, которые не основывались бы на документахъ «Архива князя Воронцова». Можно съ увѣренностью сказать, не опасаясь ошибиться, что это изданіе оказало родинѣ не меньшую услугу, чѣмъ самому роду Воронцовыхъ. Въ этомъ изданіи помѣщены одни документы, безъ всякихъ поясненій; еще не вышелъ общій указатель, который значительно облегчитъ пользованіе этими 34 томами. Трудъ А. А. Васильчикова «Семейство

¹⁾ Hist. Zeitschrift, LV, 207.

Разумовскихъ» явился въ нашей исторической литературѣ образцомъ талантливаго воскрешенія старины, интересной для насъ даже въ образѣ такихъ ничтожныхъ представителей ея, какъ Разумовскіе, не оставившіе по себѣ никакого слѣда на родинѣ и упедшіе на чужбину, въ подданство герцоговъ саксенъ-кобургъ-готскихъ. Въ изданіи Васильчикова сохранено много устныхъ преданій и помѣщено много документовъ изъ семейныхъ архивовъ не только Разумовскихъ, но и гр. Уваровыхъ, кн. Репниныхъ и др., при чемъ документы помѣщены цѣликомъ въ приложеніяхъ ко всѣмъ 4-мъ томамъ труда. Инымъ характеромъ отличается «Родъ Шереметевыхъ», роскошное изданіе in 4°, исключительно посвященное дѣятельности представителей этого рода. Въ вышедшихъ до настоящаго времени пяти объемистыхъ книгахъ исторія рода Шереметевыхъ доведена до половины XVII вѣка, отъ Кобылы до плѣненія, въ 1660 г., Василія Борисовича. Авторъ этого капитальнаго труда, А. Барсуковъ, основываетъ свой рассказъ на документахъ семейнаго архива графовъ Шереметевыхъ, иллюстрируетъ его всѣми литературными источниками, русскими и иностранными, критически обрабатываетъ каждое извѣстіе, свое и чужое, и такимъ образомъ возсоздаетъ полную исторію рода Шереметевыхъ. Это изданіе, доведенное до конца, составитъ дорогой вкладъ въ русскую историческую литературу и явится достойнымъ памятникомъ славнаго рода.

Лѣтомъ прошлаго года, въ селѣ Надеждинѣ было рѣшено, при изданіи семейнаго архива Куракиныхъ, принять за образецъ «Архивъ князя Воронцова», издаваемый П. Бартеневымъ. Это дѣйствительно лучшая форма для изданій подобнаго рода. Она, однако, не была признана таковою въ Дерптѣ и матеріалы, доставленные г. Брикнеру княгиней М. А. Мещерскою, подверглись обработкѣ въ совершенно иной формѣ, вполне оригинальной, не похожей ни на одну изъ указанныхъ нами выше. Издатель не считалъ возможнымъ напечатать бумаги, касающіяся «забытаго Панина» цѣликомъ, ни въ томъ видѣ, какъ онѣ были ему доставлены, ни съ необходимыми комментаріями; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не имѣлъ времени или не былъ въ состояніи разработать ихъ въ полную біографію графа Н. П. Панина, для чего требовалось всестороннее знакомство съ эпохою царствованія Павла I. «Цѣлью моихъ занятій», — говоритъ г. Брикнеръ, — «не было составленіе біографіи; съ другой стороны я не ограничивался изданіемъ лишь сырого матеріала въ строго хронологическомъ порядкѣ». Чѣмъ же онъ «ограничивался»? Приводимъ его собственныя слова: «Раздѣливъ весь запасъ архивныхъ данныхъ, находившихся въ моемъ распоряженіи и почерпнутыя мною изъ исторической литературы свѣдѣнія о Панинѣ на нѣкоторыя части, сообразно съ теченіемъ жизни графа, и эти части на главы, и соблюдая при этомъ въ общей сложности хронологическій

порядокъ, я старался по возможности соединять этотъ пріемъ съ распредѣленіемъ рукописнаго матеріала по группамъ, сообщая, напр., письма однихъ и тѣхъ же лицъ, относящіяся къ извѣстному періоду или событію вмѣстѣ». Поняли въ чемъ дѣло? По сознанию самого г. Брикнера, оказывается, что «такое распредѣленіе матеріала по его содержанію и далѣе сообщеніе здѣсь и тамъ рукописнаго матеріала въ значительно сокращенномъ видѣ имѣетъ цѣлью представить біографію Панина, такъ сказать, въ полу-разработанномъ видѣ».

Мы были правы: г. Брикнеръ обогатилъ русскую историческую науку совершенно новою и вполне оригинальною формою изданія документовъ — «такъ сказать въ полуразработанномъ видѣ». Это форма новая—она не встрѣчается въ русской литературѣ, сравнительно довольно еще бѣдной, и во всей западно-европейской литературѣ никогда еще не являлось ничего подобнаго; поэтому-то она и вполне оригинальна. Какія же удобства представляетъ эта форма?

Прежде всего, изданныя г. Брикнеромъ бумаги, т. е. письма и документы, являются въ совершенно искаженномъ видѣ, способномъ ввести въ заблужденіе не только читателя или почтенную собирательницу бумагъ, но и самаго издателя: г. Брикнеръ дробитъ одно и то же письмо на нѣсколько частей, такъ что въ концѣ концовъ самъ не знаетъ сколько писемъ имъ напечатано ¹⁾; обыкновенно стараются отвѣтное письмо печатать вслѣдъ за письмомъ, вызвавшимъ отвѣтъ—г. Брикнеръ искусственно раздѣляетъ эти письма и помѣщаетъ ихъ даже въ разныя главы ²⁾; иногда изъ всего письма берется буквально только пять словъ ³⁾, остальное же все отбрасы-

¹⁾ Письмо, напр., отъ 21 августа 1788 г. такъ изуродовано: сперва напечатанъ конецъ на стр. 15, потомъ начало на стр. 20; между тѣмъ обѣ эти части одного и того же письма значатся, какъ самостоятельные документы, подъ разными номерами, №№ 19 и 24; онѣ и въ оглавленіи указаны какъ самостоятельныя письма. Вслѣдствіе этого, конечно, и общій счетъ документовъ оказывается ошибочнымъ.

²⁾ Такъ, напр., отвѣтъ на письмо, помѣщенное подъ № 78, на стр. 72, напечатанъ подъ № 98, на стр. 89. Кобыла великаго князя Павла Петровича оже-ребилась въ деревнѣ Панина; извѣщая объ этомъ его высочество, Панинь испрашиваетъ поведѣній о кобылѣ и жеребенкѣ; великій князь отвѣчаетъ: «прошу васъ кобылу у себя оставить на память, а о жеребенкѣ можемъ мы послѣ условиться». Этотъ отвѣтъ перенесенъ на 17 стр. позже, подъ особымъ №, гдѣ долженъ свидѣтельствовать о «тепломъ участіи великаго князя» къ гр. Панину! И все что говорится безъ пропія, серьезнымъ тономъ.

³⁾ Изъ письма отъ 5 августа 1771 г., стр. 4, № 7, приведено пять словъ: «Катенька и Никитушка совершенно здоровы». Если даже допустить, что для полу-разработанной біографіи важенъ тотъ фактъ, что 5 августа 1771 г. полугорогодовалый графъ Никита былъ совершенно здоровъ, все же остается неизвѣстнымъ вопросъ о Катенькѣ. Что это за Катенька, г. Брикнеръ не объясняетъ, зачѣмъ она приведена—онъ и самъ не знаетъ, да и во всемъ томъ болѣе о ней не вспоминаетъ.

вается. Искжая такимъ образомъ документы, предоставленные въ его распоряженіе, г. Брикнеръ заставляетъ насъ вѣрить ему на слово, что въ письмахъ, печатаемыхъ «въ значительно сокращенномъ видѣ», имъ не опущено ничего интереснаго, важнаго; между тѣмъ, по своимъ литературнымъ трудамъ онъ не можетъ имѣть притязанія на такое довѣріе: онъ никогда не работалъ по подобнымъ архивнымъ источникамъ, и всѣ его сочиненія вообще страдаютъ отсутствіемъ исторической критики.

Кромѣ искаженія документовъ, самая группировка ихъ, придуманная г. Брикнеромъ, довольно неудачна и способна лишь безцѣльно утомить читателя. Та система расположенія документовъ, очевидно, никуда не годна, при которой бумаги 1788 г. помѣщаются послѣ бумагъ 1793 года¹⁾, а въ доказательство скоропостижной смерти графа Петра Ивановича приводятся буквально слѣдующія строки изъ письма князя Куракина къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: «Ayant l'honneur de présenter ci-joint à V. A. J. deux lettres des comtes Panin, en me mettant à vos pieds et y renouvelant l'assurance etc». Что же это такое? Этотъ вздоръ долженъ быть всецѣло поставленъ на счетъ негодности принятой г. Брикнеромъ системы распредѣленія матеріала.

Не подлежитъ сомнѣнію, что изобрѣтенное г. Брикнеромъ «распредѣленіе матеріала по его содержанію и далѣе сообщеніе здѣсь и тамъ (hier und da) рукописнаго матеріала въ значительно сокращенномъ видѣ» до крайности обезцѣнило бумаги «забытаго Панина», при чемъ пропала и цѣльность впечатлѣнія. Годъ назадъ, графъ Толстой издалъ «Письма графини С. М. Румянцевой», главная, основная канва которыхъ заключалась въ семейныхъ несогласіяхъ: она была старше его на одиннадцать лѣтъ; спустя шесть лѣтъ послѣ брака, когда ей было уже 40 лѣтъ, а ему только 29, онъ бросилъ ее и сталъ жить съ метрессами, а она въ теченіе 25 лѣтъ охала и вздыхала о невѣрности мужа; на этой-то мало-интересной и старой, какъ мѣръ, канвѣ графиня вышивала свои узоры. Но эти письма были изданы правильно, безъ сокращеній, безъ несчастнаго распредѣленія ихъ по содержанію, и предъ нами встаетъ, какъ живая, графиня Румянцева—женщина съ теплымъ сердцемъ, свѣтлымъ умомъ и твердымъ характеромъ, женщина дѣятельная, которая строитъ дома, сажаетъ овощи, управляетъ деревнями, завѣдуетъ винными откупами; ея предложенія всегда разумны, разсужденія ясны, языкъ простъ. О графѣ же Панинѣ, участвовавшемъ въ шведской войнѣ, управлявшемъ Литвой, засѣдавшемъ въ верховномъ литовскомъ правленіи, получается изъ перваго тома «Матеріаловъ» самое смутное представленіе, вѣрнѣе сказать, никакого, именно вслѣдствіе невозможнаго изданія бумагъ.

¹⁾ Стр. 116, съ № 125.

Часто повторяя, въ своеобразной формѣ, что о томъ или другомъ «не сохранились почти никакія данныя», г. Брикнеръ не знаетъ того, что сохранилось: ему вовсе неизвѣстны нѣкоторыя письма (напр., приведенное нами выше письмо Екатерины II отъ 1 мая 1770 г.) и даже официальные бумаги (какъ напр., указъ генераль-прокурору Самойлову о рапортахъ верховнаго литовскаго правленія, см. «Пол. Собр. Зак.», № 17359), касающіяся графа Панина. Онъ печатаетъ, какъ неизданное, письмо Екатерины II, къ графу А. Г. Орлову, старается угадать его дату, и не подозревая, что оно давно, болѣе 20 лѣтъ назадъ, издано по оригиналу, хранящемуся въ государственномъ архивѣ¹⁾. съ отчетливой датой— 2-е апрѣля 1789 г.

Бумаги семейнаго архива Паниныхъ подверглись «значительнымъ сокращеніямъ», настолько, что, какъ мы видѣли, нѣкоторыя изъ нихъ потеряли всякій смыслъ (стр. 65); изданныя же ранѣе документы перепечатываются цѣликомъ, безъ сокращеній. Въ первомъ томѣ «Матеріаловъ» г. Брикнеръ напечаталъ 247 сокращенныхъ нумеровъ и перепечаталъ цѣликомъ 44 нумера²⁾, т. е. почти пятую часть, увеличивъ безъ нужды объемъ книги, тѣмъ болѣе безъ нужды, что всѣ 44 перепечатки заимствованы изъ такихъ общедоступныхъ изданій, какъ «Сборникъ русскаго историческаго общества» и «Архивъ князя Воронцова». Если г. Брикнеръ не измѣнить своей системы, то въ слѣдующихъ двухъ томахъ ему придется перепечатать до 130 писемъ изъ «Архива князя Воронцова», занимающихъ до 20 печатныхъ листовъ, не считая 50 писемъ изъ «Русской Старины» и др., такъ что изъ двухъ обѣщанныхъ томовъ одинъ будетъ состоять изъ никому ненужныхъ перепечатокъ.

Со смертью графа Владиміра Викторовича родъ графовъ Паниныхъ угасъ. Онъ всецѣло принадлежитъ исторіи; о его представителяхъ можно и, смѣемъ думать, должно писать всю правду. Главная дѣятельность графовъ Паниныхъ принадлежитъ XVIII вѣку, вѣку фаворитизма, «случая» и, тѣмъ не менѣе, ни одинъ изъ Паниныхъ не былъ «въ случаѣ», всѣ они отличались честными, строгими правилами; какъ матеріальные богатства, такъ высокіе чины и даже графское достоинство, были пріобрѣтены ими своимъ личнымъ трудомъ; всѣ они были люди образованные, умные, съ

¹⁾ «Сборн. рус. ист. общества», I, 110. Г. Брикнеръ напечаталъ письмо съ копій, очевидно, небрежно сдѣланной—безъ даты и съ разночтеніями.

²⁾ «Изъ 292 документовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ I томѣ, 42 уже раньше были напечатаны». Г. Брикнеръ ошибается: имъ изданъ 291 документъ, въ томъ числѣ 44 старыхъ: № 64, по невѣдѣнію только признанный имъ за новый, и письмо графа Панина къ Воронцову, отъ 19 апрѣля 1799 г., разбитое имъ на шесть клочковъ (стр. 105, 131, 277, 279, 295 и 301), но занимающее болѣе пяти страницъ, перепечатано изъ «Арх. кн. Воронцова», XI, 69.

твердымъ характеромъ, недопускавшіе сдѣлокъ ни съ совѣстью, ни съ честью. Такимъ былъ и графъ Никита Петровичъ. Племянникъ воспитателя Павла Петровича, онъ пользовался благосклонностью великаго князя, переписывался съ нимъ, но вскорѣ навлекъ на себя его немилость. Вотъ какъ онъ самъ сообщилъ объ этомъ въ 1799 г. графу Воронцову:

«Въ 1791 году я поселился въ Петербургѣ, чтобы нести службу въ качествѣ камеръ-юнкера. Въ императорской семьѣ я не нашелъ уже того единенія и согласія, котораго я имѣлъ счастье быть свидѣтелемъ по своему возвращеніи изъ финляндскаго похода. Нелидова царила уже; великая княгиня, нынѣшняя императрица, была оставлена, съ нею дурно обходились, придворные презирали ее. Я не послѣдовалъ этому примѣру. Мое поведеніе не понравилось. Желая привлечь меня въ число обожателей своего идола, великій князь употреблялъ сперва ласки, потомъ холодность, наконецъ угрозы. Ласки меня не соблазнили; угрозы не могли напугать меня. Были пущены въ ходъ лукавыя, метафорическія рѣчи, которыми мнѣ давали знать, что благосклонность великаго князя будетъ мнѣ наградою за слѣпое повиновеніе тому, чего отъ меня требовали, т. е. уваженія къ Нелидовой, презрѣнія къ великой княгинѣ. Я отвѣчалъ, что не понимаю иносказательныхъ рѣченій и злоба противъ меня удвоилась. Такъ какъ всѣ эти намеки доходили до меня окольными путями и чрезъ посредство крайне презрѣнныхъ людей, то я выразилъ желаніе объясниться съ самимъ великимъ княземъ. Это объясненіе состоялось и оно-то окончательно погубило меня въ его мнѣніи. Невозможно довѣрить перу все, что говорилось на этомъ свиданіи, происходившемъ въ августѣ 1791 г.; достаточно вамъ сказать, что мое сопротивленіе вызвало изъ устъ самого императора слѣдующія громовыя слова: «*Le chemin que vous tenez, monsieur, ne peut vous conduire qu'à la fenêtré ou à la porte.* Я отвѣчалъ, что не уклонюсь съ пути, предписываемаго честью, и удалился изъ кабинета, не ожидая того движенія головою, которое означаетъ: убирайтесь вонъ»¹⁾).

Узнавъ объ этомъ, Екатерина II сдѣлала графа Панина церемоний-мейстеромъ, потомъ оберъ-церемоний-мейстеромъ. Положеніе графа Панина при дворѣ было, однако, крайне непріятное—каждая милость императрицы вызывала неудовольствія великаго князя. Екатерина II понимала это, искала, казалось, случая дать такое мѣсто графу Панину, которое защитило бы его отъ непріятностей со стороны великаго князя: она предназначала его посланникомъ то въ Неаполь, то въ Гаагу, но, по обстоятельствамъ времени, эти назначенія не могли состояться; наконецъ, она назначила графа Панина, которому тогда не было еще 25 лѣтъ, губернаторомъ въ Литву съ переименова-

¹⁾ Арх. кн. Воронцова, XI, 70.

ніемъ въ армію генераль-маіоромъ. Графъ Панинъ тѣмъ болѣе былъ радъ этому назначенію, что ему приходилось служить подъ начальствомъ князя Репнина, который былъ друженъ съ отцемъ и любилъ его какъ сына. «Я вовсе не ожидалъ быть назначеннымъ въ армію; но ничто не сравнится съ моею радостью по случаю такой милости; вы помните, князь, что я давно уже искалъ чести служить подъ вашимъ начальствомъ», писалъ графъ Панинъ князю Репнину. Онъ пробылъ въ Гродно полтора года, исполняя, между прочимъ, обязанности комиссара по опредѣленію русско-прусской границы, за что получилъ аяненскую звѣзду, и уѣхалъ изъ Гродно, недовольный и своею службою, и княземъ Репнинымъ. Въ этомъ случаѣ, онъ самъ былъ кругомъ виноватъ и только привязанность старика Репнина къ сыну своего друга избавила его отъ большихъ еще неприятностей. Дѣло въ томъ, что, служа подъ начальствомъ князя Репнина, онъ позволялъ себѣ, помимо своего начальника, переписываться по разграничительной комиссіи прямо съ канцлеромъ, графомъ Безбородко. Конечно, много лѣтъ спустя, сообщая графу Воронцову краткую исторію своей служебной карьеры, графъ Панинъ иначе уже рассказываетъ о своемъ назначеніи въ Литву: «Императрицѣ вздумалось назначить меня къ князю Репнину, въ Литву. Я сдѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, чтобъ избѣжать этого назначенія, заявляя о своей полной неспособности къ внутреннимъ дѣламъ, но тщетно. Тогда я просилъ, чтобъ меня переименовали въ армію. Меня переименовали генераль-маіоромъ и назначили литовскимъ губернаторомъ».

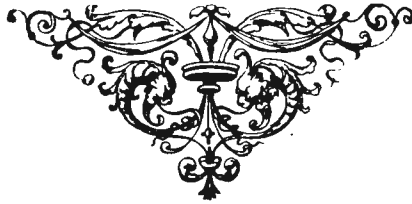
Это такъ просто, такъ естественно; между тѣмъ, г. Брикнеръ, не обращая вниманія на года и принимая каждую фразу за чистую монету, путается въ рѣшеніи пустого вопроса: графъ Панинъ былъ то «доволенъ» назначеніемъ къ князю Репнину, то «недоволенъ», ѣхалъ въ Гродно то «охотно», то «неохотно» (стр. 123, 131, 132). Между тѣмъ, самыя элементарныя начала исторической критики разрѣшали вопросъ довольно легко.

Въ разсматриваемомъ первомъ томѣ «Матеріаловъ» не видны ни *allgemeine historische Bildung*, ни *technische Schulung*, которыхъ г. Брикнеръ самъ же требуетъ отъ издателей архивнаго матеріала. Въ этомъ отношеніи къ нему вполне примѣнимо изреченіе: «врачу, исцѣлися самъ».

Въ нынѣшнемъ году будетъ издана вторая часть «Матеріаловъ», въ двухъ томахъ. Въ виду этого считаемъ долгомъ высказать два пожеланія: во-первыхъ, чтобъ документы разбирались старательнѣе: графъ П. И. Панинъ, свободно выражавшійся пофранцузски, не могъ писать «ретражаментъ» (стр. 25)—было бы лучше просто отмѣтить «не разобрано» (стр. 20), тѣмъ болѣе, что графъ-воинъ говоритъ же о «ретраншированномъ лагерѣ» (стр. 35), и, во-вторыхъ, чтобъ изложеніе велось на русскомъ языкѣ: лучше бы

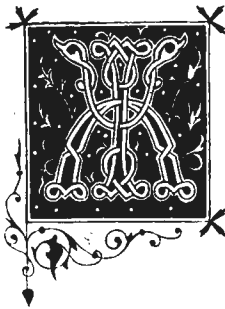
«жизнеописаніе» въ заголовкѣ не предпочитаетъ біографіи въ текстѣ, но избѣгаетъ Гаагъ (стр. 112, порусски употребляется не *der Haag*, но *la Haue*), карабина, не писать «полномочіе» въ женскомъ родѣ (стр. 164); «письма Панина съ графомъ Марковымъ» (стр. 163) и т. п. нерусскихъ выраженій, которыя встрѣчаются, къ сожалѣнію, слишкомъ ужь часто и которыя легко могли бы быть исправлены къ корректурѣ. Что же касается формы изданія, она, конечно, останется тою же, и вторая часть представится также въ «полуразработанномъ видѣ» — г. Брикнеръ, очевидно, не признаетъ справедливою французскую поговорку: «il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée».

В. Бильбасовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Д. Н. БЪГИЧЕВЪ.

ИВЯ ВЪ ОДНОМЪ изъ отдаленныхъ уголковъ Россіи, куда всякія новости, а тѣмъ болѣе книжныя, доходятъ довольно поздно, я только недавно имѣла случай прочитать «Записки Ксенофонта Алексѣевича Полевого», изданныя въ прошломъ году отдѣльной книгой и печатавшіеся раньше, именно въ 1887 году, въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Записки эти очень меня заинтересовали, такъ какъ въ нихъ описывается эпоха мнѣ современная и встрѣчаются многія лица мнѣ извѣстныя. Но, къ глубокому моему прискорбію, я встрѣтила въ «Запискахъ» неосновательныя и совершенно несправедливыя нареканія на дорогого для меня человѣка — Дмитрія Никитича Бѣгичева, автора извѣстнаго въ свое время романа «Семейство Холмскихъ».

Дмитрій Никитичъ Бѣгичевъ былъ родной братъ моей матери Е. Н. Бѣгичевой, въ замужествѣ Яблочковой и, слѣдовательно, приходился мнѣ роднымъ дядей. Я имѣла счастье пользоваться дружбою и любовью не только Дмитрія Никитича, но и его старшаго брата, Степана Никитича, самаго близкаго пріятеля А. С. Грибоѣдова. Память о моихъ добрыхъ дядяхъ и благодѣтеляхъ для меня священна, почему я считаю своимъ долгомъ опровергнуть ложное понятіе о Д. Н. Бѣгичевѣ, распространенное «Записками К. А. Полевого» и рѣшаюсь высказать здѣсь то, что мнѣ хорошо извѣстно изъ его жизни и дѣятельности.

Основанія, дающія поводъ К. А. Полевому дѣлать въ своихъ «Запискахъ» ложную характеристику Д. Н. Бѣгичева, опираются на путаныхъ денежныхъ расчетахъ издателя романа «Семейство

Холмских» Н. А. Полевого съ его авторомъ Д. Н. Бѣгичевымъ, который за своей смертью не можетъ, разумѣется, возстановить истину; но мнѣ хорошо извѣстна сущность этого столкновенія. Хотя романъ этотъ былъ изданъ въ 1833 г., я помню живо это давно прошедшее время, такъ какъ мнѣ тогда былъ уже 21 годъ.

Путаница въ денежныхъ расчетахъ между Н. А. Полевымъ и Д. Н. Бѣгичевымъ произошла отъ того, что послѣдній поручилъ первому издать свой романъ и Полевой самовольно удержалъ 5,000 рублей изъ суммы вырученной отъ продажи романа, выдержавшаго два изданія, при чемъ второе изданіе было сдѣлано типографшикомъ Ширяевымъ уже безъ всякаго участія Н. А. Полевого. Не бывъ въ состояніи уплатить эти 5,000 рублей Д. Н. Бѣгичеву, Николай Алексѣевичъ самъ предложилъ ему вексель срокомъ на годъ. Правда, что онъ оправдывался въ глазахъ брата своего Ксенофонта въ самовольномъ удержаніи непринадлежащихъ ему денегъ тѣмъ, что считалъ себя въ правѣ получить ихъ, какъ вознагражденіе за свой четырехмѣсячный трудъ исправленія будто бы безграмотно написанной рукописи Бѣгичева; но въ такомъ случаѣ, почему же онъ не договорился съ самимъ авторомъ о гонорарѣ за свой трудъ исправленія его рукописи, а удержалъ его произвольно и затѣмъ выдалъ вексель въ суммѣ удержанныхъ денегъ? Дѣйствительно ли, однакожъ, Н. А. Полевой исправлялъ романъ Бѣгичева? Тотъ, кто читалъ этотъ романъ, лишенный всякаго литературнаго достоинства, невольно усомнится въ томъ, что онъ исправленъ даровитымъ перомъ Н. А. Полевого. Мнѣ случилось недавно перечесть этотъ романъ, составляющій теперь библиографическую рѣдкость, и я остаюсь при убѣжденіи, что издатель его, Н. А. Полевой, не только не исправлялъ, но даже и не прочелъ внимательно многотомную рукопись неразборчиваго почерка Бѣгичева; иначе онъ исключилъ бы многія сцены, совершенно вводныя и безцѣльныя. Наконецъ, еслибы, при появленіи романа въ свѣтъ, Д. Н. Бѣгичевъ увидѣлъ, что даровитый издатель капитально передѣлалъ или исправилъ, къ прямой выгодѣ автора, его произведеніе, то, безъ сомнѣнія, по собственному побужденію, или при первомъ намекѣ Н. А. Полевого, поспѣшилъ бы вознаградить его за трудъ, сверхъ тѣхъ двухъ отрывковъ, которые, по желанію самого же Бѣгичева, были напечатаны безъ всякаго гонорара и безъ подписи, въ журналѣ «Московский Телеграфъ», издаваемомъ братьями Полевыми. Причина, побудившая автора «Семейство Холмскихъ» потребовать отъ издателей «Телеграфа» строгаго сохраненія его имени втайнѣ, была неизвѣстна тогда Полевому и онъ ошибочно приписываетъ это работѣ и недовѣрію автора къ своему литературному труду. Дѣло въ томъ, что Д. Н. Бѣгичевъ въ это время долженъ былъ вступить въ должность губернатора Воронежской губерніи; въ отрывкахъ же романа, появившихся въ «Московскомъ Телеграфѣ», была описана

жизнь Семена Алексѣевича Викулина, бывшаго тогда губернскимъ предводителемъ въ Воронежѣ. Весьма понятно нежеланіе губернатора, при самомъ своемъ вступленіи въ должность, вступить въ явную борьбу и вражду съ предводителемъ дворянства. Вѣроятно, судя по этимъ отрывкамъ, гдѣ выставлены происки и продѣлки Викулина, человекъ самаго низкаго происхожденія, для достиженія честолюбивыхъ цѣлей, чиновъ и крестовъ, Н. А. Полевой и вывелъ странное заключеніе, что романъ Бѣгичева представляетъ ничто иное, какъ общественную сплетню, до которой столь падко большинство читателей. Еслибы издатель, обремененный разнообразными литературными занятіями, имѣлъ досугъ подробно ознакомиться съ переданной ему Д. Н. Бѣгичевымъ громадной рукописью, то не впалъ бы въ такую ошибку. Романъ «Семейство Холмскихъ» есть произведеніе бытописательное и въ высшей степени нравственное. Цѣль автора, кромѣ изображенія нравовъ тогдашняго общества, заключалась еще въ томъ, чтобы указать вліяніе разумной женщины на супружеское и семейное счастье; для этого онъ выставилъ различные характеры и замужества четырехъ сестеръ семейства Холмскихъ. Отрывки, напечатанные въ «Телеграфѣ» надѣлали въ свое время много шума, вслѣдствіе чего книгопродавецъ и типографщикъ Ширяевъ предложилъ Полевому отдать ему этотъ романъ на комиссію. Не отрицаю, что отрывки, появившіеся въ двухъ книжкахъ «Московского Телеграфа» отличаются большою живостью и бойкостью пера; но сомнѣваюсь, чтобъ отдѣлка ихъ стоила много труда издателю. Мнѣ хорошо извѣстно, что не только всѣ факты, касающіеся характеристики Викулина, были переданы Д. Н. Бѣгичеву его двоюроднымъ братомъ И. П. Бѣхтѣевымъ, но даже вышли изъ-подъ пера Бѣхтѣева, обладавшаго большимъ юморомъ и даромъ слова. Бѣгичеву, какъ постоянному жителю Москвы, не могла быть извѣстна личность С. А. Викулина; Бѣхтѣевъ же былъ его сосѣдомъ по имѣнію въ Задонскомъ уѣздѣ, хорошо зналъ продѣлки Викулина при дворянскихъ выборахъ и его мнимую благотворительность. Бѣхтѣевъ присутствовалъ въ числѣ гостей при угощеніи Викулинымъ вельможи Б—ва, и живо изобразилъ всѣ смѣшныя стороны этого торжественнаго приема¹⁾.

Что же касается безграмотности Д. Н. Бѣгичева, о которой говорить въ «Запискахъ» Полевой, то я, находясь съ нимъ въ постоянной перепискѣ, никогда не встрѣчала въ его письмахъ орфографическихъ ошибокъ. Если же въ многотомной рукописи автора попались описки, то это еще не даетъ права обзывать его безграмотнымъ.

¹⁾ Эти два отрывка гр. А. Ѳ. Орловъ читалъ вслухъ государю Николаю Павловичу въ бытность его въ Воронежѣ, и по словамъ Тулянова, въ домѣ котораго квартировалъ государь, хохотъ его раздавался по всему дому. Авторъ достигъ цѣли; Викулинъ долженъ былъ подать въ отставку.

Мнѣніе, высказанное К. А. Полевымъ, что Бѣгичевъ, выйдя въ отставку, блаженствовалъ лѣтомъ въ деревнѣ, зимою въ Москвѣ, т. е. былъ празднымъ членомъ общества, совершенно неосновательно, такъ какъ Бѣгичевъ въ это время былъ опекуномъ трехъ большихъ имѣній: 1) по духовному завѣщанію своего дяди, генерала-аншефа Андрея Семеновича Кологривова¹⁾; 2) по просьбѣ сосланнаго Шатилова²⁾ и 3) по завѣщанію сосланнаго декабриста Муравьева. Къ тому же онъ писалъ тогда свой романъ и, какъ человѣкъ чрезвычайно любознательный, много читалъ на разныхъ языкахъ, и не въ его нравѣ было блаженствовать въ праздности. Любознательность моего дяди Д. Н. мнѣ хорошо извѣстна по одному факту, имъ самимъ мнѣ переданному, когда я случайно услышала какъ онъ разговаривалъ съ итальянцемъ на его родномъ языкѣ, что меня удивило, ибо до этого я не знала, что дядя изучалъ итальянскій языкъ. Считаю не лишнимъ передать этотъ эпизодъ для его характеристики.

Когда въ 1812 году его дядѣ генералу А. С. Кологривову ввѣрено было формированіе кавалеріи въ Тамбовѣ, молодой 23-хъ-лѣтній Д. Н. Бѣгичевъ, былъ сдѣланъ правителемъ его канцеляріи, и по малограмотности Кологривова (бывшаго Павловскаго генерала, обогащеннаго императоромъ Павломъ I) вся тяжесть отвѣтственныхъ занятій, требовавшихъ и успѣшности, и строгой отчетности, лежала на молодомъ правителѣ канцеляріи.

Извѣстно, что въ 1812 году, большинство московской аристократіи, спасаясь отъ французскаго нашествія, перебралось въ Тамбовъ. Въ числѣ пріѣзжихъ находился и В. А. Жуковскій, который былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ П. Н. Чебышовымъ, женатымъ на родной сестрѣ А. С. Кологривова. Д. Н. Бѣгичевъ съ завистью слыша какъ Жуковскій и Чебышевъ читали Байрона и Тасса въ оригиналахъ, принялся, не взирая на свои служебныя занятія, изучать языки англійскій и итальянскій. Пониманіе его англійскаго языка доказывается, между прочимъ, прекрасными избранными имъ эпиграфами на этомъ языкѣ въ его романѣ «Семейство Холмскихъ».

Бывъ полновластнымъ правителемъ канцеляріи генерала Кологривова и пользуясь его неограниченнымъ довѣріемъ, молодой Д. Н. Бѣгичевъ ворочалъ сотнями тысячъ и вышелъ чистымъ отъ соблазна воспользоваться хотя самой ничтожной суммой изъ ввѣреннаго ему казеннаго капитала. Дядя мой говорилъ мнѣ, что при

¹⁾ Опекунство это вовлекло его въ неприятную борьбу съ расточительной матерью сиротъ Кологривовыхъ.

²⁾ Мнѣ случилось слышать, уже по смерти дяди, благодарность за его честное и дѣятельное опекунство отъ тетки дѣтей Шатиловыхъ—Алябевой. Это доказываетъ, что Бѣгичевъ былъ опекуномъ не только на бумагѣ, но и на дѣлѣ.

его молодости (прибавлю отъ себя, и при замѣчательно красивой наружности) при его увлеченіи вихремъ свѣта и недостаточности средствъ, ему не разъ приходило въ мысли искушеніе, но его предохранило отъ нравственнаго паденія какое-то сновидѣніе, которое дядя передалъ мнѣ, но я, къ сожалѣнію, забыла его. Вѣрнѣе всего, что его удерживали отъ такого шага твердыя, нравственныя правила.

О дружбѣ его съ Грибоѣдовымъ, К. А. Полевой въ своихъ «Запискахъ» говоритъ, что Грибоѣдовъ изобразилъ своего друга Д. Н. Бѣгичева въ «Горе отъ ума»—въ лицѣ Платона Михайловича. Но беззаботный характеръ послѣдняго рѣшительно ни въ чемъ не сходенъ съ энергично-дѣятельномъ характеромъ Д. Н. Бѣгичева. Молва же объ изображеніи Д. Н. Бѣгичева въ роли Платона Михайловича распространилась вслѣдствіе одного незначашаго случая. Въ 1823 году А. С. Грибоѣдовъ гостилъ лѣтомъ въ деревнѣ¹⁾ друга своего Степана Никитича Бѣгичева, и здѣсь исправлялъ и кончалъ свою безсмертную комедію, поселясь въ саду, въ бесѣдкѣ, освѣщаемой двумя большими окнами. Д. Н. Бѣгичевъ въ это лѣто пріѣхалъ къ брату съ своею женою. Разъ Грибоѣдовъ пришелъ въ домъ къ вечернему чаю и нашель обоихъ братьевъ Бѣгичевыхъ сидящими у открытаго окна въ жаркой бесѣдѣ о давно прошедшихъ временахъ. Такъ какъ вечеръ былъ очень теплый, то Дмитрій Никитичъ растегнулъ жилетъ. Жена его Александра Васильевна²⁾, боясь, чтобы мужъ не простудился, нѣсколько разъ подходила къ нему, убѣждая застегнуть жилетъ и ссылаясь на сквозной вѣтеръ. Д. Н., увлеченный разговоромъ, не обращалъ вниманія на ея просьбы, и наконецъ, съ нетерпѣніемъ, воскликнулъ: «Эхъ, матушка!» и обратясь къ брату сказалъ: «А славно было время тогда!» А. С. Грибоѣдовъ, безмолвный свидѣтель этой сцены, расхохотался, побѣжалъ въ садъ, и вскорѣ за тѣмъ принесъ свою рукопись, прочелъ имъ сцену между Платонъ Михайловичемъ и Натальей Дмитріевной, только-что имъ написанную, прибавивъ при этомъ: «Ну, не подумайте, что я васъ изобразилъ въ этой сценѣ; я только-что окончилъ ее передъ приходомъ къ вамъ». Конечно, всѣ смѣялись и такъ какъ этотъ маленькій эпизодъ былъ переданъ Д. Н. Бѣгичевымъ братьямъ его жены и, между прочимъ, Делису Васильевичу, словоохотливому весельчаку, то не мудрено, что стоустая московская молва поспѣшила разнести вѣсть, что А. С. Грибоѣдовъ изобразилъ своего друга Д. Н. Бѣгичева въ роли Платона Михайловича. Жена Д. Н. Бѣгичева, Александра Васильевна, не имѣла ничего общаго съ свѣтской и безцвѣтной московской барыней Натальей Дмитріевной, изображенной въ «Горе

¹⁾ Ефремовскаго уѣзда, с. Дмитровка.

²⁾ Урожденная Давыдова, родная сестра партизана Д. В. Давыдова.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1889 г., т. XXIV.

отъ ума». А. В. росла сиротою, подъ строгимъ надзоромъ своей родной тетки Ек. Евд. Бибиковой, и была вынуждена съ 18-ти-лѣтняго возраста взяться за управленіе имѣніемъ не только тетки, вдовы съ разстроеннымъ состояніемъ, но и имѣніями своихъ трехъ братьевъ Давыдовыхъ, которые всѣ были на службѣ. Ихъ уваженіе и благодарность сестрѣ за ея заботы были безпрѣдѣльны.

Въ «Запискахъ» К. А. Полевого говорится о Д. Н. Бѣгичевѣ еще слѣдующее: «Дмитрій Никитичъ, отличавшійся необыкновеннымъ добродушіемъ» (что вполне справедливо), «казалось, долженъ былъ навсегда остаться добрымъ московскимъ семьяниномъ, когда положеніе его вдругъ перемѣнилось. Сослуживецъ и пріятель его въ старыя времена, Арсеній Андреевичъ Закревскій, уже графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ, не знаю по какому побужденію, предложилъ Д. Н. Бѣгичеву занять мѣсто въ одной изъ русскихъ губерній. Такъ говорилъ намъ объ этомъ самъ Бѣгичевъ; но, вѣроятно, что онъ, во имя старой пріязни, просилъ гр. Закревскаго о хорошемъ мѣстечкѣ, и тотъ, истинно попріятельски, исполнилъ его просьбу: изъ полковниковъ въ отставкѣ, Бѣгичевъ былъ переименованъ въ статскіе совѣтники и назначенъ губернаторомъ Воронежской губерніи».

Всѣ эти комментаріи и предположенія К. А. Полевого, ни на чемъ не основаны. Что Д. Н., говоря съ Полевымъ о предложенномъ ему гр. Закревскимъ мѣстѣ въ одной изъ русскихъ губерній, не упомянулъ даже, что это мѣсто губернатора, по скромности и отсутствію тщеславія—это весьма вѣроятно. Но что гр. Закревскій предложилъ ему это мѣсто по старой пріязни, и что онъ былъ сослуживецъ Бѣгичева, эти предположенія Полевого не вѣрны. Сколько мнѣ извѣстно, гр. Закревскій началъ свою службу на гражданскомъ поприщѣ, Бѣгичевъ же, воспитанный въ Пажескомъ корпусѣ, служилъ въ гусарахъ. Что Бѣгичевъ просилъ графа о хорошемъ мѣстечкѣ, это также не справедливо. Дѣйствительно, вслѣдствіе непріятныхъ столкновеній съ московскимъ губернаторомъ Безобразовымъ, Бѣгичевъ рѣшился удалиться изъ Москвы и поступить на службу въ провинцію; но прося объ этомъ графа Закревскаго по убѣжденію своего стараго друга московскаго губернскаго предводителя Петра Хрисанеовича Обольянинова, Д. Н. Бѣгичевъ ожидалъ получить какое-либо незначачее мѣсто, почему очень неохотно склонился на доводы Обольянинова. Столкновеніе его съ губернаторомъ произошло по поводу не выдачи Бѣгичеву рекрутской квитанціи и оставленія Безобразовымъ безъ вниманія его жалобы на дерзкую выходку засѣдателя, явившагося въ подмосковную Бѣгичева¹⁾, съ понятными и самовольно начавшаго хватать въ лѣсу мужиковъ, рубившихъ дрова, отчего произошло побоище, вслѣд-

¹⁾ Село Яшкино, близъ Лопасни.

ствіе котораго. испуганный засѣдатель, боясь за свою личность, прискакавъ въ усадьбу, съ дерзкой наглостью вбѣжалъ въ залу дома, въ отсутствіе хозяина дома, Бѣгичева, грозилъ въ присутствіи хозяйки дома, заставъ ее за обѣдомъ, заковать прислугу, служившую за столомъ. Это такъ напугало А. В. Бѣгичеву, что Д. Н. по возвращеніи домой, нашель ее больною въ постели.

Двѣ докладныя записки, поданныя Бѣгичевымъ губернатору, остались безъ послѣдствій. Рекрутъ, поставленный имъ, сказавшійся больнымъ какими-то припадками, не возвращенъ по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, тогда какъ на испытаніе болѣзни въ больницѣ полагалось 6 недѣль. Бѣгичевъ, не получая рекрутской квитанціи, вынужденъ былъ искать правосудія у высшей власти и подалъ прошеніе гр. Закревскому, пріѣхавшему тогда въ Москву¹⁾. На вопросъ Закревскаго губернатору объ этомъ дѣлѣ, Безобразовъ отвѣчалъ такъ: «Помнится мнѣ, что я самъ разбиралъ это дѣло, но я знаю, что Бѣгичевъ большой сутяга и ябедникъ, надоѣвшій всѣмъ судамъ своими ябедами». Мнѣніе это легко было опровергнуть, такъ какъ Бѣгичевъ никогда, ни съ кѣмъ не судился, и ни одной жалобы ни въ одинъ судъ никогда не подавалъ.

Чтобы опровергнуть такую ложную аттестацію, сдѣланную губернаторомъ о Д. Н. Бѣгичевѣ, всѣми уважаемый предводитель, П. Хр. Оболяниновъ, написалъ наилучшій аттестатъ Д. Н. Бѣгичеву, за подписью 20-ти извѣстныхъ и уважаемыхъ лицъ, убѣдилъ Д. Н. при подачѣ прошенія о мѣстѣ гр. Закревскому присоединить и этотъ документъ, заслуживавшій еще болѣе довѣрія тѣмъ, что Бѣгичевъ, не за долго до того, былъ избранъ московскимъ обществомъ въ совѣстныя судьи, но отъ этой должности отказался.

Хотя Закревскій давно зналъ Д. Н. Бѣгичева, какъ человѣка вполне честнаго и энергичнаго, однако, пожелалъ еще испытать прямоту его характера, для чего просилъ рассмотреть тяжбу его родственницы и сказать свое мнѣніе. Бѣгичевъ, найдя эту тяжбу вполне противузаконной, сказалъ о томъ графу откровенно.

И такъ, вотъ на основаніи какихъ данныхъ Закревскій назначилъ Д. Н. Бѣгичева на должность губернатора въ Воронежъ, и по какимъ причинамъ Бѣгичевъ изъявилъ желаніе поступить въ гражданскую службу, не ожидая вовсе такого повышенія.

По поводу его назначенія губернаторомъ, Н. А. Полевой (какъ это сказано въ «Запискахъ» К. А.) не разъ говорилъ: «не знаю, какъ этотъ добрякъ (курсивъ въ подлинникѣ) справится съ такимъ обширнымъ и разнообразнымъ управленіемъ, какъ губернаторское».

¹⁾ Инцидентъ этотъ дерзкаго поступка засѣдателя былъ описанъ Бѣгичевымъ въ романѣ «Семейство Холмскихъ» въ лицѣ Инfortunатова, съ нѣкоторыми измѣненіями. Инfortunатовъ, принявшій лично участіе въ побойщѣ, являлъ засѣдателя, за что и пострадалъ самъ.

«Братъ ошибался, добавляетъ К. А., добрякъ (опять курсивъ) справился съ управленіемъ и даже возвысился на губернаторскомъ мѣстѣ».

Ложное понятіе Полевыхъ о добрякѣ Бѣгичевѣ вполне опровергается всѣми выдающимися фактами его служебной дѣятельности, и я рѣшаюсь привести ихъ, чтобъ возстановить добрую память о моемъ дядѣ, которому братья Полевые придали разные оскорбительные эпитеты единственно вслѣдствіе столкновенія изъ-за денежныхъ расчетовъ, когда по прошествіи десяти лѣтъ послѣ выдачи перваго векселя въ 1833 году Н. А. Полевымъ, братъ его Ксенофонтъ уплатилъ въ 1843 году Д. Н. Бѣгичеву 5,000 руб. за брата.

Д. Н. Бѣгичевъ принялъ управленіе Воронежской губерніею въ концѣ 1829 года. Въ это самое время начали проявляться и повсемѣстно оглашаться чудесныя исцѣленія святителя Митрофана, нетлѣнныя мощи котораго покоились въ могилѣ у иконы Смоленской Божіей Матери въ соборѣ. Стеченіе народа на поклоненіе святителю было громадное и въ это же время, лѣтомъ 1830 года, впервые появилась въ городѣ Воронежѣ холера, еще неизвѣстная въ Россіи, и уносившая ежедневно въ городѣ отъ 300 до 350 жертвъ. Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Д. Н. Бѣгичевъ выказалъ вполне самоотверженную дѣятельность. Бывъ самъ первымъ добροхотнымъ и щедрымъ дателемъ, не взирая на свои разстроенные финансы¹⁾, онъ умѣлъ склонить капиталистовъ изъ купцовъ и дворянъ къ пожертвованіямъ, и его неусыпными заботами, въ нѣсколько дней, устроились временныя больницы для холерныхъ на 200 кроватей. Сверхъ того, онъ озаботился о скоромъ изготовленіи гробовъ въ потребномъ количествѣ; нанялъ возчиковъ для отвоза гробовъ на вновь отведенное вдали отъ города кладбище, и самъ ежедневно посѣщалъ больницы, и кладбище, забывая объ опасности заразы. Прославленный противухолерный, воронежскій элексиръ, по распоряженію губернатора, заготовлялся во всѣхъ аптекахъ и разсылался даромъ бѣднѣйшимъ жителямъ города.

Во время открытія мощей св. Митрофана въ 1832 году, заботы губернатора о соблюденіи порядка не только въ городѣ, но и въ храмѣ, гдѣ почивали мощи святителя, были также неусыпны. Чтобы дать возможность всѣмъ поклонникамъ помолиться у мощей и приложиться къ нимъ, двери храма не затворялись ни днемъ, ни ночью; иначе, при стеченіи до 60,000 простого народа, многіе изъ поклонниковъ, принесшіе въ жертву и свой трудъ, и свой послѣдній грошъ, не имѣли бы средствъ долго содержать себя въ городѣ, были бы лишены отрады приложиться къ мощамъ. Для соблюденія порядка,

¹⁾ Бѣгичевъ вынужденъ былъ продать свою любимую подмосковную, с. Яшино, при своемъ переселеніи въ Воронежъ.

полиція попеременно должна была находиться неотлучно въ храмѣ, и губернаторъ такъ строго наблюдалъ за исполненіемъ его распоряженій, что, по окончаніи служебныхъ занятій, въ два часа ночи, отправлялся въ соборъ, чтобы лично удостовѣриться въ исполненіи полиціей его приказаній. Дѣйствительно, порядокъ въ храмѣ, какъ во время открытія мощей, такъ и на слѣдующій годъ при перенесеніи ихъ во вновь перестроенный соборъ, былъ образцовый.

1831 годъ ознаменовался необыкновеннымъ урожаемъ и преимущественно въ Воронежской губерніи. Хлѣбъ былъ необычайно дешевъ, и по этому въ Воронежъ былъ присланъ интендатскій полковникъ Ивановъ для закупки ржи, овса, гречихи для войска на цѣлый миллионъ. Такъ какъ справочныя цѣны вполнѣ зависѣли отъ губернатора, то Ивановъ, въ виду своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей, упрасивалъ Д. Н. Бѣгичева показать цѣну на хлѣбъ много выше его настоящей стоимости, на что, конечно, губернаторъ согласиться не могъ. Дѣло дошло до того, что Бѣгичевъ, опасаясь, чтобы Ивановъ, постоянно оспаривавшій справочныя цѣны, не сдѣлалъ бы какого-нибудь подлога, черезъ жандармскаго полковника арестовалъ казенныя деньги и передалъ ихъ на храненіе въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія. Ни какія ухищренія и происки Иванова не могли поколебать губернатора, какъ вдругъ встрѣтилось неожиданное обстоятельство, давшее ему надежду на успѣхъ. Къ Д. Н. Бѣгичеву пріѣхалъ другъ и зять его Яблочковъ, очутившійся впезапно въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Отецъ мой, Павелъ Михайловичъ Яблочковъ¹⁾, честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, отличавшійся предпримчивостью, необыкновенной щедростью и готовый всегда на помощь ближнему²⁾, разными удачными, и хорошо обдуманнми оборотами, утронилъ свое состояніе; но затѣмъ, вовлеченный силою обстоятельствъ, завелъ винокуренный заводъ въ огромномъ размѣрѣ, и, поневолѣ, въ противность своимъ честнымъ убѣжденіямъ, вступилъ въ откупа, вновь открытыя въ 1826 г. Различныя неблагоприятныя обстоятельства, холерныя карантинныя, запрещеніе свадебъ до узаконенныхъ лѣтъ, дешевизна хлѣба и къ тому же обманы нѣсколькихъ его компаніоновъ, небогатыхъ родныхъ, принятыхъ имъ въ дѣло по его рѣдкой добротѣ сердца, безъ всякаго капитала и залоговъ, все это вмѣстѣ сдѣлало его несостоятельнымъ въ уплатѣ казеннаго акциза. По тремъ городамъ на Яблочковѣ числилось до 140,000 р. недоимки, и ему, большому старику, приходилось ѣхать, просить царской милости, чтобъ не допустить своихъ залогодателей до разоренія. Отличаясь

¹⁾ Родной дѣдъ Павла Николаевича Яблочкова, изобрѣтателя электрической свѣчи.

²⁾ Въ домѣ моихъ родителей воспитывались вмѣстѣ съ нами, дѣтьми ихъ, одновременно до 30-ти бѣднѣйшихъ сиротъ.

необыкновенной набожностью, доходившей до аскетизма, Павел Михайлович желалъ передъ этимъ тяжелымъ путешествіемъ въ Петербургъ помолиться въ Задонскѣ и въ Воронежѣ и при этомъ повидаться съ своими друзьями Бѣгичевыми. Уважая сестру Александру Васильевну, какъ женщину чрезвычайно умную и практичную, отецъ мой ожидалъ услышать отъ нея благой совѣтъ, какимъ образомъ удержать состояніе его дѣтей отъ полнѣйшаго раззоренія, — и онъ не ошибся въ своемъ ожиданіи. Сверхъ того, онъ зналъ, что болѣе всѣхъ другихъ его залогодателей могутъ пострадать залоговые братьевъ и друзей, обоихъ Бѣгичевыхъ. Дѣйствительно, оба брата Бѣгичевы посовѣтовали ему перевести недоимку на залоговые имѣнія, чѣмъ и спасено было достояніе сиротъ Яблочкова, скончавшагося въ Москвѣ въ 1831 г. на возвратномъ пути изъ Петербурга.

Когда до свѣдѣнія Иванова дошло, что губернаторъ встревоженъ угрожающимъ разореніемъ родной ему семьи, и что даже его собственные интересы замѣшаны здѣсь, то счелъ это обстоятельство вполне удобнымъ для того, чтобы попытаться еще разъ склонить Бѣгичева къ исполненію своихъ корыстолобивыхъ цѣлей, подкупивъ его очень значительной взяткой. Ивановъ явился рано утромъ въ кабинетъ Д. Н. съ большимъ пучкомъ ассигнацій, завязанныхъ въ платкѣ. Въ это самое время Яблочковъ, бесѣдуя съ сестрой Александрой Васильевной о предстоящей поѣздкѣ и угрожавшихъ ему бѣдствіяхъ, оба горько плакали въ гостиной. Вдругъ къ нимъ вошла Дм. Ник. съ блѣднымъ встревоженнымъ лицомъ и воскликнулъ. «Ну, полно вамъ рюмить! Я теперь богатъ, и ты, братъ, въ Петербургъ не поѣдешь кланяться и искать милости; я уплачу всю твою недоимку».

И жена его, и Яблочковъ, съ удивленіемъ спросили: откуда ему внезапно привалило такое богатство? — «Просто, взялъ взятку съ Иванова, который мнѣ давно надоѣлъ своими заискиваніями», — отвѣчалъ съ притворной улыбкой Бѣгичевъ. Жена его, услышавъ эти слова, упала на диванъ въ нервномъ припадкѣ, а зять Яблочковъ, весь дрожащій, вскочилъ съ кресла и воскликнулъ: «Ну, теперь я вполне несчастный человѣкъ, потерявъ вѣру въ добродѣтель въ лицѣ друга и брата Дмитрія!» Тогда Д. Н. самъ испугался своей шутки, удивляясь, что они не поняли ее, и прибавилъ: «Благодарите Бога, что я не далъ въ рожу этому негодяю, я былъ такъ взбѣшенъ, что, затопалъ ногами, закричалъ: вонъ отсюда, мерзавецъ! И онъ такъ перепугался, что, схвативъ свой узелокъ, стремглавъ бросился въ дверь». Эпизодъ этотъ былъ мнѣ переданъ моимъ отцомъ, и глубоко врѣзался въ моей памяти ¹⁾.

¹⁾ Финалъ казнокрадства Иванова былъ для него очень плачевный. По инициативѣ Бѣгичева, жандармскій подковникъ Коптевъ сдѣлалъ на него доносъ и Ивановъ былъ сосланъ въ Сибирь, на поселеніе.

Въ 1833 году, при засухѣ отъ сильныхъ жаровъ, во всѣхъ южныхъ, степныхъ губерніяхъ былъ такой неурожай, что цѣна на рожь доходила до 30 рублей ассигнаціями за четверть. Воронежской губерніи угрожала голодъ. По донесенію о томъ губернатора, просившаго правительственной помощи, въ его распоряженіе былъ присланъ миллионъ рублей для прокормленія населенія Воронежской губерніи. Благоразумными мѣрами губернатора, изслѣдовавшаго заранее народныя нужды во всѣхъ уѣздахъ ввѣренной ему губерніи, своевременно была подана помощь всѣмъ нуждающимся въ насущномъ хлѣбѣ. Но при этомъ, крѣпостные крестьяне должны были быть обеспечены своими помѣщиками, у большинства которыхъ были хлѣбные запасы ржи. Сверхъ того, объѣздивъ всю губернію, губернаторъ узнавалъ у кого изъ богатыхъ помѣщиковъ и торгующихъ хлѣбомъ купцовъ находились большіе склады зерна, и убѣжденіями склонялъ ихъ къ уступкамъ въ цѣнѣ, безъ притязаній на большіе барыши, пользуясь народнымъ бѣдствіемъ. Благодаря такимъ энергичнымъ мѣрамъ, Бѣгичеву удалось продовольствовать Воронежскую губернію такъ хорошо, что ему отъ всѣхъ сословій, городскихъ и сельскихъ, были поднесены благодарственные адреса, которые были опубликованы въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». На народное прокормленіе всей губерніи было истрачено Д. Н. Бѣгичевымъ только 300,000, а остальные 700,000 онъ возвратилъ назадъ въ Петербургъ. И за такой безукоризненный поступокъ, Д. Н. вмѣсто награды, просилъ только скинуть часть дешеваго подряда вина съ винокуреннаго завода сиротъ Яблочковыхъ, такъ какъ поставка его, при дороговизнѣ хлѣба, должна бы разорить ихъ. Въ уваженіе оказанныхъ заслугъ, просьба его была исполнена.

Описанные мною факты служебной дѣятельности моего дяди. Д. Н. Бѣгичева, должны, мнѣ кажется, убѣдить читателей, что братья Полевыя, раздраженные противъ него за уплату Ксен. Алекс. 5,000 рублей долга брата черезъ 10 лѣтъ послѣ захвата этихъ денегъ, совершенно не знали личныхъ качествъ Бѣгичева, и писали о немъ вполнѣ несправедливо. Негодовать же на Д. Н., также какъ и на другихъ своихъ кредиторовъ, за то, что они представляли векселя по взысканію, Н. А. Полевой не имѣлъ права. Кредиторы, имѣя въ виду, въ то время, громкую славу знаменитаго и плодовитаго писателя, одобреннаго даже самимъ государемъ, находились въ совершенномъ невѣдѣніи о его стѣсненномъ положеніи; напротивъ, они могли полагать, что Полевой зарабатываетъ своимъ талантомъ большія деньги.

При всемъ тяжеломъ впечатлѣніи, какое оставило во мнѣ прочтеніе «Записокъ» К. А. Полевого, понудившихъ меня взяться за перо, при моихъ старческихъ годахъ, но при свѣжести памяти, не взирая на мои 77 лѣтъ, «Записки» эти возбудили во мнѣ много воспоминаній изъ современной мнѣ эпохи.

Мнѣ было всего 12 лѣтъ, когда я провела зиму въ Москвѣ у моего дяди Степана Никитича Бѣгичева, у котораго тогда, въ 1823 году, жилъ его другъ А. С. Грибоѣдовъ. Они оба имѣли большое вліяніе на мое умственное развитіе. Слова А. С. Грибоѣдова, говорившаго мнѣ: «Лиза, не люби свѣта и его побрякушекъ; будь деревенской дѣвушкой, ты тамъ будешь больше любима, а главное, научись сама лучше любить»,—глубоко запавшія мнѣ въ душу, сохранились живо въ моей памяти, и дали мнѣ направленіе къ тихой семейной жизни. Даже любовь къ музыкѣ, и серьезному чтенію были развиты во мнѣ моимъ дядей С. Н. Бѣгичевымъ и его другомъ А. С. Грибоѣдовымъ. Въ эту зиму Грибоѣдовъ продолжалъ отдѣлывать свою комедію «Горе отъ ума» и чтобы вѣрнѣе схватить всѣ оттѣнки московскаго общества, ѣздилъ на обѣды и балы, до которыхъ никогда не былъ охотникъ, а за тѣмъ уединялся по цѣлымъ днямъ въ своемъ кабинетѣ. Тогда по вечерамъ раздавались его чудныя импровизаціи на рояли, и я, имѣя свободный доступъ въ его кабинетъ, заслушивалась ихъ до поздней ночи. У меня сохранился, сочиненный и написанный самимъ Грибоѣдовымъ вальсъ, который онъ передалъ мнѣ въ руки. Прилагаю этотъ вальсъ, въ увѣренности, что онъ можетъ и теперь доставить многимъ удовольствіе.

Дядя С. Н. Бѣгичевъ при богатствѣ своей жены ¹⁾ могъ бы жить роскошно въ Москвѣ, но такъ какъ онъ, подобно другу своему Грибоѣдову, не любилъ свѣтскихъ удовольствій, то всю роскошь въ его домашнемъ обиходѣ составляли гастрономическіе обѣды и дорогія вина, которые такъ славились, что привлекали въ домъ его многихъ пріятныхъ собесѣдниковъ.

Почти ежедневными посѣтителями дяди были, между другими, князь В. Ѡ. Одоевскій, очень еще тогда молодой, почти юноша, и товарищъ его по изданію сборника «Мнемозина» Кюхельбекеръ, который давалъ мнѣ уроки русскаго и нѣмецкаго языковъ. Часто оживлялъ общество весельчакъ А. Н. Верстовскій, который тогда написалъ знаменитый свой романъ «Черная шаль» и пѣвалъ его съ особеннымъ выраженіемъ, своимъ небольшимъ баритономъ, аккомпанируемый Грибоѣдовымъ. Остроумный и словоохотливый Денисъ Васильевичъ Давыдовъ сыпалъ острыми шутками и рассказами о быломъ. Понятно, что такое пріятное общество, и при томъ съ приправой лучшихъ винъ и изысканнаго обѣда, приманивало многихъ посѣтителей. Бестужевъ, издатель альманаха «Полярная Звѣзда», искалъ знакомства съ С. Н. Бѣгичевымъ, но А. С. Грибоѣдовъ совѣтовалъ ему избѣгать Бестужева, зная замыслы декабристовъ, которымъ впрочемъ А. С. не придавалъ значенія, что и выразилъ въ отвѣтѣ Чацкаго Репетилову: «Шумите вы—и только!»

¹⁾ Урожденной Барышниковой.

Никто не могъ ожидать, чтобы разсѣянный мечтатель и ипохондрикъ Кюхельбекеръ могъ быть завербованъ въ политическій заговоръ. Его разсѣянность давала поводъ къ многимъ забавнымъ анекдотамъ, но это не мѣшало ему обладать литературнымъ талантомъ. Я обязана Кюхельбекеру тѣмъ, что онъ познакомилъ меня съ красотами поэзіи, а Грибоѣдову тѣмъ, что научилъ меня понимать высоко-поэтическія достоинства псалмовъ Давида, заставляя переводить нѣкоторые изъ нихъ.

Нравственное вліяніе С. Н. Бѣгичева на Грибоѣдова, начавшееся съ 1812 года, когда Грибоѣдовъ, попавъ изъ университета въ гусары, увлекался разсѣянною жизнью военной молодежи, продолжалось до конца его жизни. Степанъ Никитичъ былъ на 9 лѣтъ старше Грибоѣдова, и А. С. уважалъ въ немъ человѣка съ большимъ умомъ, и здравымъ смысломъ, необычайно добраго, безъ всякихъ эгоистическихъ и честолюбивыхъ цѣлей, и всегда поддавался благотворному вліянію своего друга. Могу прибавить къ этому, что С. Н. Бѣгичевъ всегда входилъ и въ матеріальные интересы Грибоѣдова, которые бывали порою очень стѣснены, вслѣдствіе расточительности его матери. Дружеская помощь С. Н. не разъ выручала его изъ затрудненій.

На сколько сильно было вліяніе С. Н. Бѣгичева на Грибоѣдова служить доказательствомъ, что Александръ Сергѣевичъ, какъ бы предчувствуя свою гибель, очень не желалъ принять предлагаемый ему постъ посланника въ Персію, и принялъ его единственно по убѣжденіямъ своего друга С. Н. Бѣгичева. С. Н. былъ увѣренъ, что при знаніи Грибоѣдовымъ восточныхъ языковъ, при его знакомствѣ съ нравами и обычаями персіянъ, онъ могъ принести на этомъ постѣ большія услуги Россіи. Какъ же поразилъ С. Н. трагическій конецъ его задушевнаго друга! Онъ упрекалъ себя въ рановременной кончинѣ Грибоѣдова, зная что мечтой послѣдняго, было—поселиться въ деревнѣ, и посвятить себя литературнымъ трудамъ. Внезапная вѣсть объ убіеніи Грибоѣдова разомъ состарила дядю С. Н.; онъ вдругъ посѣдѣлъ, и съ этихъ поръ ничто не могло развлечь его сердечной скорби.

Въ настоящее, переживаемое нами время эгоизма и холоднаго расчета, такія безкорыстныя, свѣтлыя личности, какъ оба брата Бѣгичевы, способные любить до самозабвенія, составляютъ уже рѣдкое явленіе.

Е. Соковнина.

НОВЫЕ ОТРЫВКИ И ВАРИАНТЫ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

(Изъ рукописей Румянцевскаго музея).

МОСКОВСКІЙ Публичный и Румянцевскій музеи обладаютъ, какъ извѣстно, великимъ литературнымъ сокровищемъ—рукописями Пушкина; это тѣ рукописи, которыя были найдены въ кабинетѣ поэта послѣ его смерти. Ихъ всего—32 № или 32 папки, изъ которыхъ нѣкоторыя заключаютъ въ себѣ по нѣскольку тетрадей; здѣсь есть и черновыя многихъ произведеній, и приготовленныя къ печати начисто переписанныя сочиненія великаго поэта, и различныя его замѣтки и письма. Въ нашей литературѣ существуетъ превосходное описаніе этихъ рукописей, сдѣланное г. Якушкинымъ (оно напечатано въ «Русской Старинѣ» 1884 года). Не ограничиваясь специальной задачей описанія, г. Якушкинъ помѣстилъ въ своемъ трудѣ немало и неизвѣстныхъ еще дотолѣ отрывковъ и вариантовъ сочиненій Пушкина и дополненій къ уже напечатаннымъ произведеніямъ. Г. Якушкинъ читалъ и разбиралъ, иногда весьма неразборчивыя, черновыя рукописи съ величайшей внимательностью и тщательностью, и на его чтенія почти всегда можно положиться съ полной увѣренностью.—Еще раньше г. Якушкина этими рукописями, когда онѣ только-что были пожертвованы въ музеи сыномъ поэта, занимался г. Бартенева. Кое-что извлеченное изъ нихъ, по большей части случайно, г. Бартенева напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ», а затѣмъ выпустилъ въ свѣтъ, съ нѣкоторыми дополненіями изъ другихъ источниковъ, въ двухъ книгахъ (въ 1881 и въ 1885 гг.), озаглавленныхъ «А. С. Пушкинъ, новонайденныя его сочиненія...» Здѣсь есть немало важнаго (какъ напримѣръ новая

глава «Капитанской дочки»); между прочимъ помѣщены и письма къ Пушкину разныхъ лицъ, извлеченныя изъ добавочной, 33-й папки рукописей поэта.

Рукописи Румянцевскаго музея представляютъ чрезвычайно важный и необходимый источникъ, какъ для издателя произведеній Пушкина, такъ и для критика ихъ или біографа великаго поэта.

Автору настоящихъ строкъ посчастливилось найти въ рукописяхъ нѣсколько новыхъ, еще неизвѣстныхъ въ печати отрывковъ и вариантовъ. Исходя изъ той мысли, что каждая строка, каждое слово великаго писателя есть драгоценность, если не сами по себѣ, то хотя бы какъ матеріалъ для біографіи, предлагаемъ здѣсь вниманію читающаго общества эти отрывки и варианты. Впрочемъ, нѣкоторые изъ нихъ, какъ читатель увидитъ, имѣютъ значеніе и достоинство не только относительное, но и безусловное.

Въ 1815 году Пушкинъ, еще 16-ти-лѣтній юноша, началъ писать сказку «Бова»; онъ ее не кончилъ, и она печатается въ собраніяхъ его сочиненій въ видѣ отрывка. Въ началѣ произведенія поэтъ говоритъ, что не хотѣлъ и не рѣшался, приступая къ сочиненію своему, слѣдовать «несравненному Виргилію», «премудрому», хотя для него непонятному, Клопштоку, Мильтону и Камюэнсу; но, роясь въ архивахъ, удалось ему найти «книжку славную»; онъ прочиталъ ее— и теперь поэтъ въ восхищеніи про Бову.—Что это за книжка, которой Пушкинъ рѣшился подражать,—оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ. Но въ рукописяхъ поэта, въ тетради подъ № 2395, рассказанное нами начало сказки «Бова» помѣщено съ дополнительными 16-ю стихами, совершенно разъясняющими дѣло. Оказывается, что «книжка славная» есть поэма Вольтера «Орлеанская дѣвственница». Помѣщаемъ здѣсь отрывокъ изъ начала сказки со включеніемъ въ него вновь найденныхъ стиховъ, отмѣчая эти послѣдніе курсивомъ:

- За Мильтономъ и Камюэнсомъ
- Опасался я безъ крылъ парить,
- Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
- Въ серафимовъ жарить пушками.
- Съ сатаною обитать въ раю.
- Иль Святую Богородицу
- Вмѣстѣ славить съ Афродитою.
- Не бывалъ я грѣховодникомъ.
- Но вчера въ архивахъ роюсь,
- Отыскалъ я книжку славную,
- Золотую, незабвенную,
- Катехизисъ остроумія,
- Словомъ—Жанну Орлеанскую ¹⁾,

¹⁾ Въ рукописи переписчикъ сдѣлалъ ошибку: «Оргоганскую».

«Прочитай—и въ восхищеніи
 «Про Бову пою царевича.
 «О Вольтеръ, о мужъ единственный,
 «Ты, котораго во Франціи
 «Почитали богомъ и ѣкіимъ,
 «Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ.
 «Обезьяною въ Саксоніи.
 «Ты, который на Радищева
 «Кинулъ—было взоръ съ улыбкою,
 «Будь теперь моею музою,
 «Пѣть я тоже вознамѣрился;
 «Но сравниюсь ли съ Радищевымъ?»

Новые стихи эти—драгоценны для біографа Пушкина, какъ новое свидѣтельство объ увлеченіи нашего великаго поэта въ ранней юности беллетристическими произведеніями Вольтера; они свидѣтельствуютъ, кромѣ того, и о тогдашнемъ взглядѣ Пушкина на Радищева, какъ на автора сказки «Бова», сказки цинической, въ которой Радищевъ, по его собственному указанію въ началѣ произведенія, подражалъ Вольтеру. Въ ранней юности Пушкину приходилось попадать въ очень мутныя теченія нравственной жизни, «чуждыя краски» темнымъ слоємъ ложились на его гениальную душу, и много благородныхъ усилій долженъ былъ употреблять потомъ поэтъ, чтобы эти краски спадали «ветхой чешуей».

Въ болѣе позднюю эпоху, уже въ концѣ жизни, Пушкинъ опять заинтересовался Радищевымъ. Но писатель этотъ занималъ теперь великаго поэта не какъ авторъ сказки «Бова» и послѣдователь Вольтера, а какъ сочинитель опальнаго «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», книги, въ которой благородныя мысли объ освобожденіи крестьянъ перемѣшивались съ странными выходками сумасшедшаго (какъ думалъ Пушкинъ) человѣка противъ верховной власти. Пушкинъ написалъ два сочиненія о Радищевѣ, въ которыхъ онъ пытался объяснить и загадочный характеръ автора «Путешествія», и самое это «Путешествіе».—Одна статья великаго поэта носитъ названіе «Александръ Радищевъ»; другая—«Мысли на дорогѣ».—Въ послѣдней (относящейся къ 1834 г.) Пушкинъ не ограничивается анализомъ книги сосланнаго писателя Екатерининскихъ временъ, но высказываетъ и различныя свои собственные мысли объ общественныхъ и литературныхъ вопросахъ. Это публицистическое сочиненіе Пушкина распадается на главы, носящія тѣ самыя названія, которыя далъ главамъ своей книги Радищевъ.—Глава X, «Торжокъ», заключаетъ въ себѣ мысли о свободѣ книгопечатанія и о цензурѣ. Глава эта въ рукописи Румянцевскаго музея подъ № 2384 находится въ гораздо болѣе полномъ видѣ, чѣмъ въ печатномъ изданіи сочиненій Пушкина, и располо-

женіе частей ея нѣсколько иное; оказывается, что напечатаны только мысли поэта о свободѣ книгопечатанія, а вторая часть главы, идеи о цензурѣ-собственно, остается до сихъ поръ неизвѣстной. Въ сочиненіяхъ Пушкина, изданныхъ Литературнымъ фондомъ, въ примѣчаніи на стр. 237 тома 5-го перепечатана изъ описанія г. Якушкина программа этой неизвѣстной части главы «Торжокъ»¹⁾.—Для удобства чтенія (а также и въ виду иного расположенія матеріала) мы помѣщаемъ здѣсь не только вновь найденныя дополненія, но и то, что уже было издано; новое набрано курсивомъ.

Х. ТОРЖОКЪ.

«Расположась обѣдать въ славномъ трактирѣ Пожарскаго, я прочелъ статью подѣ заглавіемъ: «Торжокъ». Въ ней дѣло идетъ о свободѣ книгопечатанія. Любопытно видѣть разсужденіе о семъ предметѣ человѣка, вполнѣ разрѣшившаго самому себѣ сію свободу, напечатавъ въ собственной типографіи книгу, въ которой дерзость мыслей и выражений выходитъ изъ всѣхъ предѣловъ.

«Приступая къ разсмотрѣнію сей статьи, долгомъ считаю сказать, что я убѣжденъ въ необходимости цензуры въ образованномъ, нравственномъ и христіанскомъ обществѣ, подѣ какими бы законами и правленіемъ оно бы ни находилось.

«Мысль—великое слово! Что жѣ и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль? Да будетъ же она свободна, какъ долженъ быть свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ.

«Мы въ томъ и не споримъ, говорятъ противники цензуры. Но книги, какъ и граждане, отвѣтствуютъ за себя. Есть законы для тѣхъ и другихъ. Къ чему же предварительная цензура? Пускай книга сначала выйдетъ изъ типографіи, въ числѣ 3000 экземпляровъ, и тогда, если найдета ея преступною, вы можете ее ловить, хватать и казнить, а сочинителя или издателя присудить къ заключенію и къ положенному штрафу.

«Но мысль уже стала гражданиномъ, уже отвѣтствуетъ за себя, какъ скоро она родилась и выразилась. Развѣ рѣчь и рукопись не подлежатъ закону? Всякое правительство въ правѣ не позволять проповѣдывать на площадяхъ, что кому въ голову придетъ, и можетъ остановить раздачу рукописи, хотя строки оной начертаны перомъ, а не тиснуты станкомъ типографическимъ. Законъ не только наказываетъ, но и предупреждаетъ. Это даже его благотельная сторона.

¹⁾ Она найдена г. Якушкинымъ въ рукописяхъ Румянцевскаго музея, но въ другой тетради.

«Дѣйствіе человѣка мгновенно и одно (isolé); дѣйствіе книги множественно и повсемѣстно. Законы противу злоупотребленій книгопечатанія не достигаютъ цѣли закона: не предупреждаютъ зла, рѣдко его пресѣкая. Одна ценсура можетъ исполнить то и другое.

«Одинъ изъ французскихъ публицистовъ остроумнымъ софизмомъ захотѣлъ доказать незаконность и безразсудность ценсуры. «Если, говоритъ онъ, способность говорить была бы новѣйшимъ изобрѣтеніемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что правительство не замедлило бы установить ценсуру и на языкъ; издали бы извѣстныя правила, и два человѣка, чтобы поговорить между собою о погодѣ, должны были бы получить предварительное на то дозволеніе».

«Конечно, если бы слово не было общею принадлежностію всего человѣческаго рода, а только милліонной части онаго, то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощнаго сословія людей говорящихъ. Но грамота не есть естественная способность, дарованная Богомъ всему человѣчеству, какъ языкъ или зрѣніе. Человѣкъ безграмотный не есть уродъ и не находится внѣ вѣчныхъ законовъ природы. И между грамотѣями не всѣ равно обладаютъ возможностію и самою способностію писать книги или журнальныя статьи. Писатели во всѣхъ странахъ міра суть классъ самый малочисленный изъ всего народонаселенія. Печатный листъ обходится около 35 рублей, бумага также чего-нибудь да стоитъ. Слѣдовательно, печать доступна не всякому (не говоря уже о талантѣ etc.). Противники всякой аристократіи, развѣ не видите вы, что аристократія самая мощная, самая опасная, есть аристократія людей, которые на цѣлыя поколѣнія, на цѣлыя столѣтія налагаютъ свой образъ мыслей, свои страсти, свои предразсудки. Уважайте классъ писателей, но не допускайте же его овладѣть вами совершенно¹⁾.

«Взгляните на нынѣшнюю Францію... Л. Ф. (Людовикъ Филиппъ), царствующій (?) милостію свободнаго книгопечатанія, принужденъ уже обуздывать сію свободу, не смотря на отчаянные крики оппозиціи.

«... сказалъ откровенно и по чистой совѣсти мнѣніе мое о св(ободѣ) книг(опечатанія), столь же откровенно буду говорить и о ценс(урѣ).

«Высшій присутственный приказъ въ Г(осударствѣ) тотъ, который вѣдаетъ дѣла Ума человѣческаго. Уставъ, коимъ судія долженъ руководствоваться, долженъ быть

¹⁾ Въ рукописи Румянцевскаго музея—выноска (въ печатныхъ изданіяхъ—въ текстѣ): «что значить аристократія породы и богатства въ сравненіи съ аристократіей пишущихъ талантовъ? Никакое богатство не можетъ перекупить вліяніе обнародованной мысли. Никакая власть, никакое правленіе не можетъ устоять противу всеразрушительнаго дѣйствія типографскаго снаряда».

священъ и непреложень¹⁾.—Книга, являющаяся передъ его судомъ, должна быть — — —²⁾ не какъ извозчикъ, пришедшій за номеромъ, дающимъ ему право изъ платы рыскать по городу, но съ уваженіемъ и снисходительностію. Цензоръ есть важное лицо въ Гос(ударствѣ), санъ его имѣетъ нѣчто священное. Мѣсто сіе долженъ занимать гражданинъ извѣстный своимъ умомъ и познаніями, а не первый коллежскій ассесоръ, который по формуляру учился въ университетѣ. Разсмотрѣвъ книгу и давъ оной права гражд(анства), онъ уже за нее отвѣчаетъ, ибо слишкомъ было бы жестоко подвергать писателя, честно соблюдающаго узаконенныя прав(ила?), двойной и тройной отвѣтственности подъ предлогомъ злоумышленія Богъ вѣдаетъ какого³⁾.—Но и цензора не должно запугивать—придираюсь къ нему за мелочи, неумышленно пропущенныя имъ, и дѣлать изъ него уже не стража Государственнаго Благоденствія, но грубаго буточника, поставленнаго на перекресткѣ съ тѣмъ, чтобъ не пропускать народа за веревку. Большая часть писателей руководствуется двумя сильными пружинами, одна другой противодѣйствующими: *тщеславіемъ* и *корыстолюбіемъ*. Если запретительною системою будете вы мѣшать словесности въ ея торговой промышленности, то она предастся въ глухую рукописную оппозицію — —⁴⁾ всегда заманчивую, и успѣхами тщеславія легко утѣшится о денежныхъ убыткахъ.

«*Земская* цензурн(ая) Управа тщательно должна быть отдѣлена отъ ценс(уры) *духовной* — какъ было донинѣ въ Россіи. — Ценс(оръ) духовнаго званія не можетъ иногда безъ явнаго неприличія позволить то, что въ свѣтскомъ писателѣ не подлежитъ ни малѣйшей укоризнѣ. На примѣръ—божбу, — — —⁵⁾, шутки надъ нѣкоторыми грѣхами etc. Что было бы верхомъ неприличія въ книгѣ еологической, то развѣ лицемѣръ или глупецъ можетъ осудить въ комедіи или въ романѣ.

«*Нравственность* (какъ и Религія) должна быть уважаема писателями; безнравственныя книги суть тѣ, которыя потрясаютъ основанія гражданскаго общества, тѣ которыя

¹⁾ Должно быть сюда относится выноска: «несостоятельность закона столь же вредитъ правительству (Власти), какъ и несостоятельность денежнаго обязательства».

²⁾ Слово не разобрано.

³⁾ Здѣсь зачеркнутыя слова: «Негодование писателя было бы справедливо».

⁴⁾ Слово не разобрано.

⁵⁾ Нѣсколько неразобранныхъ словъ.

проповѣдаютъ развратъ, разсѣвають личную клевету, или кои цѣлю имѣють распаленіе чувственности пріяпическими изображеніями. Тутъ необходимъ въ ценс(орѣ) здравый умъ и *чувство приличія*—ибо рѣшеніе его зависитъ отъ сихъ двухъ качествъ. Не долженъ онъ забывать, что большая часть мыслей не подлежитъ отвѣт(ственности?), какъ тѣ дѣла человѣческія, которыя законъ оставляетъ каждому на произволь его совѣсти.

«Было время—слава Богу, что оно прошло и, вѣроятно, уже не возвратится—что наши писатели были преданы на произволь ценсуры самой безсмысленной. Нѣкоторыя изъ тогдашнихъ рѣшеній могутъ показаться выдумкой и клеветою. Напримѣръ, какой-то стихотворецъ говоритъ о небесныхъ глазахъ своей возлюбленной. Цензоръ велѣлъ ему, вопреки просодіи, поставить вмѣсто небесныхъ—голубые, «ибо слово небо принимается иногда въ смыслѣ высшаго Промысла». Въ шотландской балладѣ Жуковского назначается свиданіе наканунѣ Иванова дня; цензоръ нашель, что въ такой великій праздникъ грѣшить неприлично, и не хотѣлъ пропустить баллады. Нѣкто критиковаль трагедію Сумарокова; цензоръ вымараль всю статью, и написалъ на полѣ: «перемѣнить, соображаясь съ мнѣніемъ публики». Ода «*Похвала водкѣ*» (?)¹⁾ была запрещена, потому что пьянство запрещено божеск(ими и человѣческими) законами. Спрашивается, каковъ былъ цензоръ и каково было писателямъ.

«Радищевъ въ статьѣ своей помѣстилъ «*Историческое повѣствованіе о происхожденіи ценсуры*». Если бы вся книга была такъ написана, какъ этотъ отрывокъ, то вѣроятно она бы не навлекла грозы на автора. Въ сей статьѣ Радищевъ говоритъ (?), что цен(сура) была въ первый разъ установлена инквизиціей. Радищевъ не зналъ, что новѣйшее судопроизводство основано во всей Европѣ по образу и по системѣ²⁾ судопроизводства инквизиціоннаго (пытка разумѣется, въ сторону). Инквиз(иція) была потребностью вѣка; исторія ея мало извѣстна и ожидаетъ еще безпристрастнаго изслѣдованія.

(Къ этому прибавлено на поляхъ): «то, что въ ней отвратительно, есть необходимое слѣдствіе духа кроваваго времени».

Такова въ полномъ своемъ видѣ статья Пушкина о цензурѣ, какъ она написана собственной рукой великаго поэта въ одной изъ его тетрадей. Мы видимъ здѣсь взглядъ Пушкина на одно изъ

¹⁾ Вмѣсто «водкѣ» (?) было зачеркнутое слово: «вину».

²⁾ Слова эти: «по образу и по системѣ»—зачеркнуты.

важныхъ явленій русской общественной жизни въ эпоху полного развитія поэта, въ эпоху зрѣлости его ума. Онъ представляется намъ въ своей статьѣ консерваторомъ въ благородномъ смыслѣ этого понятія, человѣкомъ искренно уважающимъ свободу печатнаго слова, но ставящимъ ее въ зависимость отъ общественныхъ законовъ. Пушкинъ думалъ, что законъ долженъ быть «священъ и непреложенъ» одинаково и для писателя, и для цензора; оба должны подчинить свой произволь «уставу». Пушкинъ при томъ самъ весьма точно опредѣляетъ, въ какихъ случаяхъ по «уставу» нельзя дозволить то или другое сочиненіе.

Извѣстно, что Пушкинъ написалъ нѣсколько стихотвореній о поэтѣ («Поэтъ», «Поэту», «Чернь» и друг.); въ нихъ онъ высказываетъ свой взглядъ на поэзію, на значеніе искусства, на призваніе поэта. Оберегая искусство, призваннымъ представителемъ котораго считалъ онъ себя, отъ тенденціозности, Пушкинъ строго различаетъ, въ названныхъ стихотвореніяхъ, поэта отъ проповѣдника. Это не значитъ, что онъ считалъ поэзію дѣломъ не имѣющимъ ничего общаго съ областью нравственныхъ началъ; напротивъ, мы знаемъ, что Пушкинъ сравнивалъ поэта съ пророкомъ, а въ стихотвореніи «Памятникъ» своими правами на безсмертіе считалъ—возбужденіе въ душахъ человѣческихъ путемъ искусства добрыхъ чувствъ, призываніе милости къ падшимъ. Но онъ хотѣлъ для поэта свободы отъ предвзятыхъ мыслей, отъ отвлеченныхъ намѣреній; подмѣчать красоту вездѣ, гдѣ она есть, и изображать ее съ сердечной любовью—вотъ, по его мнѣнію, задача искусства; а польза (это подразумѣвалось за словами поэта, какъ прекрасно подмѣтилъ Бѣлинскій) придетъ сама собою; польза «не цѣль» поэзіи, а ея «прямое дѣйствіе», необходимое слѣдствіе, сказалъ знаменитый критикъ¹⁾.—Въ концѣ своей дѣятельности, въ 30-хъ годахъ, Пушкинъ задумывалъ, кромѣ извѣстныхъ намъ, еще одно стихотвореніе такого же характера; въ немъ должна была идти рѣчь о свободѣ поэтической дѣятельности, о свободномъ избраніи поэтомъ предметовъ вдохновенія. Стихотвореніе это, до сихъ поръ неизвѣстное, находится, но еще въ черновомъ, совершенно неотдѣланномъ видѣ, съ пропусками и зачеркнутыми словами, въ 2384 № Пушкинскихъ рукописей Румянцевскаго музея²⁾. Вотъ оно:

«Поэтъ идетъ—открыты вѣжды

«А онъ не видитъ никого;

¹⁾ Соч. Бѣлинскаго, т. IV. Статья о стихотвореніяхъ Лермонтова, стр. 275, (изд. 1859 года).

²⁾ Стихотвореніе вѣроятно относится къ 30-мъ годамъ, потому что на соседнихъ къ нему листахъ находятся черновые отрывки изъ стихотвореній: «На выздоровленіе Лукулла», «Опять на родинѣ», «Памятникъ».

«истор. вѣстн.», мартъ, 1889 г., т. XXXV.

«А между тѣмъ за край одежды
 «Тихонько дергаютъ его!..
 «Глупцы (*это слово въ подлинникъ зачеркнуто*)..
 «Таковъ (?) поэтъ: какъ Аквилонъ,
 «Что хочеть, то уноситъ онъ:
 «Увидшій листъ, прахъ площадной,
 «Иль куполь...

«И не спросяся ни у кого,
 «Какъ Дездемона, избираетъ
 «Кумиръ для сердца своего.

Зачеркнутое слово «глупцы», послѣ 4-го стиха, сближаетъ это стихотвореніе съ тѣмъ, которое извѣстно подъ именемъ «Чернь». Но только то, что въ послѣднемъ высказано съ болѣзненнымъ раздраженіемъ, въ нынѣ открытомъ сочиненіи поэтъ хотѣлъ, кажется, сказать спокойно.

Интересно, что образъ, заимствованный изъ драмы Шекспира, является у Пушкина не только здѣсь, но еще и въ недавно открытыхъ строфахъ «Родословной моего героя»; въ высоко поэтической XI строфѣ идетъ тоже рѣчь о свободѣ поэта и встрѣчаются такіе стихи:

«Зачѣмъ арапа своего
 «Младая любить Дездемона,
 «Какъ мѣсяць любить ночи мглу? ¹⁾.

«Отелло» Шекспира очень занималъ Пушкина: въ своихъ критическихъ замѣткахъ поэтъ нашъ высказалъ прекрасныя и оригинальныя мысли о великой драмѣ.

По поводу упомянутаго стихотворенія «Чернь» слѣдуетъ замѣтить, что въ тетради подъ № 2393, гдѣ собраны распределенныя по родамъ и, должно быть, приготовленныя къ печати стихотворенія, переписанныя рукой переписчика, заглавіе этого сочиненія измѣнено: слово «чернь» зачеркнуто и рукой Пушкина написано: «Поэтъ и толпа». Нельзя не признать, что это заглавіе гораздо лучше, ибо точнѣе обозначаетъ сущность произведенія: въ немъ поэтъ подъ «безмысленнымъ народомъ» разумѣетъ, очевидно, именно толпу, т. е. умственную и нравственную чернь. Новое названіе, данное самимъ авторомъ, какъ бы предостерегаетъ отъ ложнаго пониманія стихотворенія, и, конечно, должно замѣнить нынѣ печатающееся заглавіе—«Чернь», могущее возбуждать недоразумѣнія.

Кстати будетъ указать и еще на нѣсколько стихотвореній, которыя Пушкинъ озаглавилъ въ вышеупомянутой тетради иначе, чѣмъ принято въ печатныхъ изданіяхъ. Такъ, «Кобылица молодая»...

¹⁾ «Русская Мысль», 1886 года. № 5.

вмѣсто «Подражаніе Анакреону» названо—«Изъ Анакреона»; «Сто лѣтъ минуло, какъ тевтонъ»... вмѣсто «Конрадъ Валенродъ» названо: «Изъ Валенрода»; «Пью за здравіе Мери», печатающееся безъ названія, озаглавлено: «Изъ Wagy Cornwall» (это имя въ изданіяхъ Пушкина ставится лишь подъ эпиграфомъ стихотворенія). Тоже печатающееся безъ названія, одно изъ свѣтлыхъ религиозныхъ произведеній поэта: «Когда великое свершалось торжество»... въ толстой тетради рукописей подъ № 2395 наименовано «Мірская власть»; и наоборотъ, въ той же тетради, стихотвореніе «Изъ Пиндемонта VI» — «Не дорого цѣню я громкія права» — не носитъ никакого заглавія; быть можетъ это указываетъ, что стихотвореніе — вполне оригинально. Кстати будетъ привести изъ вышеупомянутой тетради вариантъ двухъ предпоследнихъ стиховъ этого, несомнѣнно одного изъ высочайшихъ вдохновеній Пушкина.

Напечатано:

• По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
• Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
• И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья
• Безмолвно утонать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье, вотъ права.

Въ рукописи:

• По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
• Дивясь божественнымъ природы красотамъ
• Или созданіямъ искусствъ и вдохновенья,
• Трепеща радостно въ восторгахъ умиленья,—
• Вотъ счастье, вотъ права.

Какъ есть въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина неточности въ заглавіяхъ произведеній, такъ есть неточности и въ указаніяхъ посвященій. Напримѣръ, знаменитое стихотвореніе «Красавица» («Все въ ней гармонія, все диво») обыкновенно приписывается Н. Н. Гончаровой—невѣстѣ поэта; въ рукописи (тетрадь № 2393) стоитъ: «Въ альбомъ Г***» и подъ тремя звѣздочками прибавлено (другими чернилами, мелко и другой рукой, но рукой ли Пушкина—сказать трудно): «рафинѣ». Быть можетъ, стихотвореніе посвящено не Гончаровой, точно также, какъ и, приписываемое обыкновенное ей же, но уже супругѣ поэта,—«Мадона» («Не множествомъ картинъ»...): въ рукописи при немъ нѣтъ никакого посвященія.—«Что можемъ наскоро стихами молвить ей» въ печатномъ изданіи посвящается «К. П. Бакуниной»; въ рукописи: «К. А. Б***».

Приведемъ, какъ примѣры черновой работы Пушкина, прозаическіе его переводы двухъ стихотвореній, которые, вѣроятно, предполагалъ онъ обработать потомъ въ поэтической формѣ. Переводы

эти находятся въ 3-й тетради папки подъ № 2386. Г. Якушкинъ указалъ на нихъ въ своемъ описаніи, но напечаталъ только ихъ начальныя строки.

«Пѣсенка Афродитѣ.

«О, Венера, безсмертная, драгоцѣннопрестольная (разно-каменно-престольная), хитрая, обманчивая дочь Юпитера, прошу тебя: не огорчай меня, о Богиня, въ душѣ обманомъ и печалію, но приди любви ради, услышь мой голосъ, которому ты часто внимала; оставивъ золотой отцовскій домъ, ты ко мнѣ приходила. Воробьи красивые везли (на верху: по воздуху несли) тебя на колесницѣ, черными крыльями своими помахивая. Лишь только были они отпряжены, ты, о Богиня щастливая, усмѣхаясь безсмертнымъ лицомъ, спрашивасшь меня: чѣмъ я огорчена и зачѣмъ тебя я позвала? что ты хочешь изъ себя сдѣлать въ любовномъ изступленіи? кого я должна слушать? кто тебя, о Сафо, огорчаетъ? Если теперь онъ тебя избѣгаетъ, скоро будетъ тебя преслѣдовать. Если подарковъ не присылаетъ (?), скоро будетъ давать (?). Если теперь не любить, скоро полюбить. Когда прикажешь? Приди ко мнѣ и теперь. Избавь меня отъ печали тяжкой—и то, что сердце мое хочетъ совершить, соверши сама, о Венера, и будь моей помощницей».

Въ другомъ, тоже вполне приводимомъ здѣсь, переводѣ встрѣчается непонятное, или неразобранное нами при чтеніи мѣсто; отмѣчаемъ его курсивомъ:

«Діонизиі.

«Тотъ мнѣ кажется равенъ богамъ, кто сидитъ противъ тебя и слышитъ тебя сладкоглаголющую и улыбаясь пріятно то, что мнѣ сердце въ груди напо(ляло?) страхомъ, какъ только тебя увидѣла — — — Теряю голосъ, языкъ мой ломается, огонь проникаетъ въ мою кожу, въ ушахъ звенить, и глаза покрываются ночью, и холодный потъ течетъ, дрожь по всему тѣлу, я становлюсь зеленѣе травы, боюсь скоро умереть, я кажусь бездыханна...»

Тетрадь подъ № 2392 заключаетъ въ себѣ «Комедію о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ». Это четко переписанный (неизвѣстной рукою) экземпляръ великой драмы, въ которомъ сдѣланы поэтомъ собственноручныя поправки¹⁾. Рукопись представляетъ большой интересъ въ смыслѣ установленія текста драмы; поправки Пушкина двухъ родовъ: однѣ, очевидно, вызваны замѣ-

¹⁾ Г. Якушкинъ въ своемъ описаніи рукописи указываетъ, для примѣра, лишь на одну ея особенность: пѣсня чернецовъ въ сценѣ «Корчма на Литовской границѣ»: «Ахъ, любя, ты любя моя...»

чаніями императора Николая Павловича ¹⁾), другія—эстетическими требованіями, художественнымъ вкусомъ поэта. Изъ первыхъ отмѣтимъ, какъ примѣры: замѣну имени юродиваго—«Николка» словами «желѣзный колпакъ» и «юродивый»; наименованіе Мисаила и Варлаама вмѣсто «чернецовъ»—«бродягами въ видѣ чернецовъ»; пропускъ въ сценѣ «Москва; домъ Шуйскаго» двухъ стиховъ: «увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей» и—«правительствомъ подкупленные воры»; а въ сценѣ «Москва; царскія палаты»—семи стиховъ:

«Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
«Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Іоаннъ,
«Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
«Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
«Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
«Твори добро—не скажетъ онъ спасибо;
«Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже».

Важнѣе поправки другого рода, явившіяся по собственному внутреннему побужденію Пушкина; укажемъ на главныя изъ нихъ:

Въ сценѣ «Краковъ; домъ Вишневецкаго» Самозванецъ говоритъ патеру Черниковскому, по нынѣ печатаемому тексту:

«Весь мой народъ и вся восточна церковь
«Признаютъ власть намѣстника Петра».

Пушкинъ въ рукописи Румянцевскаго музея такъ измѣнилъ первый стихъ:

«Весь мой народъ, вся сѣверная церковь
«Признаютъ власть намѣстника Петра».

Несомнѣнно, что отъ этого измѣненія стихъ становится лучше и по смыслу, и по языку.

Разговоръ съ патеромъ Самозванецъ оканчивается словами:

«Амен! Кто тамъ! Сказать: мы принимаемъ».

Пушкинъ зачеркиваетъ латинское «амен», искажавшее стихъ, и ставитъ славянское «аминь».

Въ сценѣ «Граница Литовская» размышленія Самозванца о молодомъ князѣ Курбскомъ обыкновенно печатаются въ такомъ видѣ:

«Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
«Забывъ отцомъ снесенныя обиды,
«Его вину за гробомъ искупивъ,
«Ты кровь излить за сына Іоанна
«Готовишься, законнаго царя
«Ты возвратить отечеству...»

¹⁾ Объ этихъ замѣчаніяхъ по всей исторіи запрещенія и разрѣшенія драмы см. въ интересной статьѣ М. И. Сухомлинова: «Императоръ Николай Павловичъ—цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина» («Ист. Вѣстн.» 1884 г., январь); статья написана по незадааннымъ и малодоступнымъ документамъ.

Въ рукописи измѣнены два отмѣченныя здѣсь курсивомъ слова, и чрезъ это измѣняется построение періода:

«Сынъ Курбскаго, воспитанный въ изгнаньѣ,
«Забывъ отцомъ несенныя обиды,
«Его вину за гробомъ искупилъ.
«Ты кровь излить за сына Іоанна
«Готовишься, законнаго царя,
«Ты возвратить отечеству...»

Въ сценѣ «Площадь передъ соборомъ въ Москвѣ» пѣсня юродиваго читается по рукописи:

«Мѣсяць свѣтитъ,
«Котенокъ плачетъ...» и т. д.

это, конечно, лучше, чѣмъ въ печатномъ текстѣ:

«Мѣсяць ѣдетъ,
«Котенокъ плачетъ...»

Въ «Корчмѣ на Литовской границѣ» Варлаамъ, сердясь на Григорія, говоритъ:

«Невѣдомо кто, невѣдомо откуда—да еще и спѣсивится; можетъ быть, кобылу нюхалъ...»

Пушкинъ въ рукописи зачеркиваетъ послѣднія слова,—конечно, вслѣдствіе ихъ грубости, побуждаемый эстетическимъ чувствомъ... (Странно, однако, замѣтимъ кстати, что немного далѣе Варлаамъ говоритъ: «отстаньте, с...ны дѣти!» вмѣсто обыкновенно печатающагося болѣе мягкаго выраженія: «отстаньте, пострѣлы!»).

Въ послѣдней сценѣ драмы въ восклицаніяхъ народа:

«Слышишь? визгъ! Это женскій голосъ... Взойдемъ... Двери заперты... крики замолкли... шумъ продолжается...» отмѣченныя курсивомъ послѣднія два слова—въ рукописи зачеркнуты, и это несомнѣнно усиливаетъ впечатлѣніе: вслѣдъ за словами «крики замолкли» Мосальскій является на крыльцѣ и объявляетъ народу о смерти Маріи Годуновой и Феодора.

Приведенные примѣры свидѣтельствуютъ, что рукопись «Комедіи о царѣ Борисѣ», принадлежащая Румянцевскому музею, имѣетъ первостепенное значеніе, быть можетъ даже болѣе важное, чѣмъ та собственноручная рукопись Пушкина (принадлежащая П. В. Жуковскому), о которой говоритъ въ своей статьѣ академикъ Сухомлиновъ, весьма основательно предполагая, что она именно и была представлена на просмотръ императору Николаю; намъ эта послѣдняя рукопись, къ сожалѣнію, неизвѣстна, и потому мы можемъ только въ видѣ вопроса высказать мысль—не относится ли рукопись Румянцевскаго музея (т. е. пушкинскія поправки въ ней) къ болѣе позднему времени? ибо поправки поэта (по крайней мѣрѣ имѣющія цензурный характеръ) сдѣланы, какъ мы видѣли, послѣ замѣчаній императора. Во всякомъ случаѣ сличеніе двухъ руко-

писей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, кажется, можетъ установить текстъ Пушкинской пьесы.

Прибавимъ два замѣчанія: 1) Въ обѣихъ важнѣйшихъ рукописяхъ пьеса названа «Комедіей о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ»,—не слѣдуетъ ли такъ и называть ее? Пушкину подобное названіе нравилось, какъ свидѣтельствуютъ его письма; а если въ печати оно замѣнено болѣе простымъ—«Борисъ Годуновъ», то причины такой замѣны могли быть чисто внѣшнія.—2) Существуетъ два варианта окончанія драмы: а) «народъ безмолствуетъ»; б) народъ кричитъ: «да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!» Въ числѣ мѣстъ (шести), которыми императоръ Николай Павловичъ былъ недоволенъ въ пьесѣ, нѣтъ заключительной сцены¹⁾; слѣдовательно—оба варианта принадлежатъ свободному вымыслу Пушкина, или одинъ изъ нихъ Жуковскому (по согласію, конечно, съ Пушкинымъ). Такимъ образомъ, восторги Бѣлинскаго отъ «народнаго безмолвія», завершающаго великую драму, не упраздняются, а могутъ остаться во всей силѣ.

Извѣстны дружескія чувства, соединявшія Пушкина и его былого учителя въ поэзіи—Жуковского. Уважая Жуковского, Пушкинъ, кажется, даже допускалъ его иногда дѣлать поправки въ своихъ произведеніяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, сообщаемый М. И. Сухомлиновымъ фактъ, что въ собственноручной Пушкинской рукописи «Комедіи о царѣ Борисѣ»—«всѣ или почти всѣ измѣненія въ автографѣ Пушкина, сдѣланныя карандашомъ, принадлежатъ, судя по почерку, Василию Андреевичу Жуковскому»²⁾. Приводимыя уважаемымъ ученымъ, какъ примѣры, поправки вошли въ печатныя изданія «Бориса Годунова».

Въ свою очередь Жуковскій отдавалъ иной разъ на судъ и исправленіе Пушкина свои работы. Объ этомъ свидѣтельствуетъ найденный въ бумагахъ Пушкина переводъ «Слова о полку Игоревѣ». Переводъ этотъ находится въ одной тетради (папка № 2386) съ собственноручными замѣчаніями великаго поэта на памятникъ нашей древней поэзіи; но самъ переводъ написанъ не Пушкинской рукою. Первый прочитавшій его, г. Е. Барсовъ издалъ его въ свѣтъ въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и древностей російскихъ» (1882 г., кн. 2), и затѣмъ отдѣльно, въ 1883 г., подъ заглавіемъ: «Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ А. С. Пушкина». Однако, заключеніе почтеннаго ученаго о принадлежности перевода великому поэту оказалось преждевременнымъ. Въ бумагахъ Жуковского, пожертвованныхъ сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ, въ

¹⁾ «Ист. Вѣстн.» 1884 г. январь, стр. 68—72. Статья М. И. Сухомлинова.

²⁾ «Ист. Вѣстн.» 1884 г. январь, стр. 77.

Императорскую Публичную Библиотеку въ 1884 году, найденъ тотъ же переводъ, писанный рукой Жуковскаго въ одной тетради съ имъ же переписаннымъ оригиналомъ «Слова о полку» (съ изданія графа Мусина-Пушкина), причемъ оригиналь раздѣленъ на стихи, соотвѣтствующіе стихамъ переложенія ¹⁾. Такимъ образомъ переводъ оказывается принадлежащимъ В. А. Жуковскому.—Но въ рукописи Румянцевскаго музея въ переводѣ этомъ есть поправки, сдѣланныя рукой Пушкина; онѣ-то и свидѣлствуютъ о взаимныхъ литературныхъ и дружескихъ отношеніяхъ двухъ поэтовъ. Поправки эти, или измѣненія, остаются донынѣ необнародованными. При этомъ должно замѣтить, что, во-первыхъ, текстъ перевода, находящійся въ Пушкинскихъ рукописяхъ, не тождественъ съ текстомъ рукописи Жуковскаго (какъ она издана въ Приложеніяхъ къ Отчету Имп. Публ. Библиотеки за 1844 г.); во-вторыхъ, въ принадлежавшей Пушкину рукописи, кромѣ собственныхъ поправокъ великаго поэта, есть еще сдѣланныя неизвѣстной намъ рукою. Будущему изслѣдователю перевода Жуковскаго предстоитъ сличить обѣ рукописи, и это сличеніе, быть можетъ, укажетъ — насколько Жуковскій соглашался съ поправками своего знаменитаго ученика и друга, насколько онъ принималъ ихъ.—Мы ограничимся пока приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ измѣненій, внесенныхъ Пушкинымъ въ переводъ:

Стихъ «Слова»—«растѣкашется мыслию по древу» Жуковскій передалъ словами: «растекался мыслию по древу», Пушкинъ измѣнилъ: «то носился славіемъ по древу» (слово «то» объясняется предшествующимъ стихомъ: «если пѣснь кому сотворить хотѣлъ»; а «славіемъ», поставленное, впрочемъ, въ скобкахъ, послѣдующими стихами: «сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизимъ орломъ подь облаками»).

Въ стихѣ: «увидѣлъ онъ воевъ своихъ, тьмою отъ него прикрытыхъ»—вмѣсто воевъ въ Пушкинской рукописи поставлено воиновъ.

Слова подлинника: «спалъ князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи искусити Дону великаго» — переданы въ рукописи Публичной Библиотеки стихами:

«Вспала князю на умъ охота,
«Знаменье заступило ему желаніе
«Отвѣдать Дону великаго»;

а въ рукописи Румянцевскаго музея:

«Вспала князю на умъ охота,
«А знаменье заступило ему желаніе
«Отвѣдать Дону великаго».

¹⁾ Отчетъ Имп. Публ. Библиотеки за 1884 годъ. Спб. 1887 г. Описаніе бумагъ В. А. Жуковскаго сдѣлано г. Ив. Бычковымъ. См. Приложеніе, стр. 80. При описаніи напечатанъ и самый переводъ.

Пушкинъ измѣнилъ второй стихъ перевода:

«А знаменье закрыло отъ него желаніе ¹⁾».

Стихи подлинника: «летая умомъ подъ облакы, свивая славы
оба полы сего времени» Жуковский перевелъ:

«Взлетая умомъ подъ облаки,
«Свивая всѣ славы сего времени».

Пушкинъ подчеркнулъ слово славы и сбоку написалъ: «сплетая
хвалы со всѣхъ сторонъ».

Четыремъ строчкамъ рукописи Публичной Библиотеки:

«Сѣдлай, братъ, борзыхъ коней своихъ,
«А мой тебѣ готовъ,
«Осѣдланы передъ Курскомъ.
«А курыне мои бодрые кмети —

соотвѣтствуютъ въ рукописи Румянцевскаго музея три тождествен-
ныя первыя строчки, стиха же четвертаго тамъ первоначально не
было; онъ вписанъ потомъ карандашомъ, при чемъ сдѣланы и измѣ-
ненія въ первыхъ стихахъ:

«Сѣдлай же, братъ, борзыхъ коней своихъ,
«А мой тебѣ извѣстенъ,
«Осѣдланы предъ Курскомъ.
«Мѣтки въ стрѣльбѣ мои курыне!»

Стихъ: «то было въ тѣхъ ратяхъ и тѣхъ походахъ» (оригиналь:
«то было въ ты рати и въ ты плѣкы») въ Пушкинской рукописи
измѣненъ: «то было въ тѣхъ сѣчахъ, въ тѣхъ битвахъ». Но Пуш-
кинской ли рукой сдѣлана эта поправка—сказать трудно, точно
такъ же, какъ и про замѣну стиховъ Жуковского:

«Сыпали мнѣ пустыми колчанами
«Жемчугъ великой въ нечистыхъ раковинахъ на лоно»

стихами:

«Сыпали мнѣ пустыми раковинами
«Жемчугъ великой на лоно»

(въ оригиналѣ: «сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинъ
великій женчюгъ на лоно»).

Отмѣтимъ еще, уже несомнѣнно не Пушкинской рукой сдѣ-
ланное, но прекрасное измѣненіе: «забывъ... своя милоя хоти, крас-
ныя Глѣбовны, свычая и обычая» Жуковский первоначально пе-
ревелъ:

«О красной Глѣбовнѣ, миломъ своемъ желаніи, свычаѣ и обычаѣ;
въ Пушкинской рукописи этотъ стихъ зачеркнуть и на поляхъ
написано:

«О свычаѣ и обычаѣ милой супруги своей Глѣбовны красныя».

¹⁾ Г. Барсовъ печатаетъ этотъ стихъ въ такомъ странномъ видѣ: «а зна-
меніе заступило отъ него ему желаніе»; очевидно, Пушкинъ лишь по недо-
смотру не зачеркнулъ слово: ему.

Въ заключеніе приведемъ примѣръ, представляющій особый интересъ. Повѣствуя о гибели юноши князя Ростислава, пѣвецъ «Слова», между прочимъ, говоритъ: «уныша цвѣты жалобою». Въ рукописи Румянцевскаго музея это было переведено: «цвѣтутъ цвѣты жалобою»; затѣмъ все выраженіе зачеркнуто и написано: «увянуль цвѣтъ жалобою» и потомъ опять поправлено: «отъ жалобы». Въ рукописи Публичной Библиотеки читаемъ: «увянуль цвѣтъ жалобою». Такое обстоятельство какъ-будто указываетъ, что рукопись Жуковскаго написана послѣ Пушкинскихъ поправокъ, или стоитъ въ зависимости отъ нихъ; но утверждать это категорически нельзя до обстоятельнаго сличенія обѣихъ редакцій перевода: есть мѣста, препятствующія остановиться на подобномъ выводѣ (между прочимъ и нѣкоторыя изъ приведенныхъ выше).

Поправки и измѣненія въ переводѣ «Слова о полку Игоревѣ», примѣры которыхъ мы привели, не представляютъ чего-либо существенно-важнаго въ художественномъ смыслѣ; но онѣ интересны въ томъ отношеніи, что, во-первыхъ, показываютъ, какъ внимательно и строго относились наши знаменитые поэты къ передачѣ на новый русскій языкъ прекраснаго поэтическаго памятника старины; во-вторыхъ, свидѣтельствуютъ, какія были близкія дружескія литературныя отношенія между Пушкинымъ и Жуковскимъ.

Кромѣ собственныхъ произведеній Пушкина, въ рукописяхъ Румянцевскаго музея есть еще болѣе или менѣе важные матеріалы для біографіи поэта.—Извѣстно, что въ послѣдніе годы жизни Пушкинъ съ увлеченіемъ читалъ Свящ. Писаніе, житія святыхъ. Въ одной изъ тетрадей мы находимъ новое подтвержденіе религіозности великаго писателя—собственноручно переписанное имъ (на трехъ большихъ страницахъ) сказаніе «Изъ Пролога о преставленіи Св. Саввы Звенигородскаго». Св. Савва, ученикъ преп. Сергія Радонежскаго, былъ основатель монастыря на Сторожевской горѣ, въ полоторыхъ верстахъ отъ Звенигорода; обитель эта, расположенная въ чрезвычайно живописной мѣстности, была любимой обителью царя Алексѣя Михайловича, который даже лично управлялъ ею; она донинѣ пользуется благоговѣйнымъ уваженіемъ народа, и на поклоненіе Св. Саввы лѣтомъ стекается много богомольцевъ. Чувство поэта, побуждавшее его переписать сказаніе изъ Пролога, было выраженіемъ чувства народнаго.

Пушкинъ очень интересовался судьбою своего предка со стороны матери—арапа Петра Великаго Абрама Петровича Ганнибала. Извѣстны чудесные стихи его въ отвѣтъ на болгаринскую выходку:

«Рѣшилъ Фигляринъ, сидя дома,
«Что будто дѣдъ мой Ганнибалъ
«Былъ купленъ за бутылку рома

«И въ рука шкиперу попалъ,
 «Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,
 «Кѣмъ наша двигнулась земля,
 «Кто придалъ мощно бѣгъ державный
 «Кормѣ роднаго корабля.
 «Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,—
 «И сходно купленный арапъ
 «Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
 «Царя наперстникъ, а не рабъ».

Въ бумагахъ поэта хранится нѣмецкая біографія Абрама Петровича Ганнибала и написанный собственной рукой Пушкина (на нѣсколькихъ страницахъ), переводъ ея (первая тетрадь въ папкѣ подь № 2387). Этой біографіей пользовался Анненковъ въ своемъ сочиненіи «Пушкинъ въ Александровскую эпоху». Она и послужила великому поэту матеріаломъ для вышеприведенныхъ стиховъ и для романа «Арапъ Петра Великаго». Какъ дополненіе къ этой біографіи и подтвержденіе рассказаннаго въ ней объ отношеніяхъ Петра къ своему черному крестнику, Пушкинъ переписалъ письмо императрицы Екатерины II къ Абраму Петровичу. Приводимъ это письмо (изъ тетради № 2395):

«Абрамъ Петровичъ. Мнѣ не безъизвѣстно, что многіе чертежи въ сохраненіи вашемъ находились, въ то время, когда блаженные памяти Государь Петръ Великій по способности вашей употреблялъ васъ по многимъ дѣламъ; почему я думаю, что вы, сохраняя память сего Великаго Государя и своей тогдашней при немъ службы, сберегли въ своихъ рукахъ всѣ любопытства достойныя бумаги. А какъ мнѣ извѣстно же, что Онъ помышлялъ о строеніи канала отъ Москвы до Петербурга и къ тому уже и проэктъ сдѣланъ былъ, то вы мнѣ особливую благодарность сдѣлаете, ежели чертежъ тому отыскавъ (когда онъ у васъ былъ), пришлете ко мнѣ со всѣми принадлежащими къ нему бумагами, хотя бы онъ въ чернѣ только былъ сдѣланъ. Но ежели вы ничего о семъ дѣлѣ въ рукахъ своихъ не имѣли, то по крайней мѣрѣ укажите мнѣ, гдѣ оный отыскать можно, который я съ нетерпѣливостью видѣть хочу.

«Также если вы о семъ проэктѣ отъ Его Величества разсужденіи слышали прошу сколь вы о томъ вспомните ко мнѣ отписать. Остаюсь вамъ доброжелательная

«Екатерина».

«2-го сентября 1765 г.

«Царское Село».

Сбоку послѣднихъ строчекъ письма (отъ словъ: «также если вы...») Пушкинъ помѣтилъ: «собственноручно».

Встрѣчаются въ рукописяхъ расчеты долговъ Пушкина. Назовемъ еще: письмо къ поэту нѣкоего Мих. Бушина (?), свидѣтельствующее о несостоявшемся намѣреніи Пушкина приобрести акціи

2-го страхового общества; документъ о передачѣ Жуковскимъ въ Опеку бумагъ Пушкина, передъ отъѣздомъ за-границу въ 1838 году; прошеніе, вѣроятно писанное Жуковскимъ, на высочайшее имя о разрѣшеніи напечатать въ посмертныхъ сочиненіяхъ Пушкина «Матеріалы для біографіи Петра Великаго». Приводимъ это прошеніе (изъ тетради № 2395):

«Сочиненія Пушкина, оставшіяся по смерти его, собраны и скоро будутъ приготовлены къ изданію въ свѣтъ. Въ числѣ ихъ находится рукопись, содержащая матеріалы для исторіи Петра Великаго, которые я уже имѣлъ счастье представлять на разсмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Тогда Вы соизволили замѣтить, что сія рукопись издана быть не можетъ по причинѣ многихъ неприличныхъ выраженій на счетъ Петра Великаго. Теперь манускриптъ пересмотренъ со вниманіемъ и все замѣченное или выброшено или исправлено.—Испрашиваю всеподданнѣйшаго позволенія у Вашего Императорскаго Величества напечатать сію рукопись; ибо исключеніемъ оной изъ сочиненій Пушкина прибыль отъ изданія въ пользу его дѣтей можетъ уменьшиться 25.000 рублей. Всеподданнѣйше испрашиваю также у Вашего Императорскаго Величества разрѣшенія и о томъ, чтобы все собраніе сихъ сочиненій представить на разсмотрѣніе въ обыкновенную цензуру, какъ то было уже со многими сочиненіями того же автора, напечатанными послѣ его смерти. Февраль 1840 года».

Последнія слова прошенія напоминаютъ намъ, что и самъ Пушкинъ при жизни хлопоталъ о подсудности своихъ сочиненій обыкновенной цензурѣ. Императоръ Николай Павловичъ еще въ 1826 году, при вступленіи на престолъ, пожелалъ оказать цѣнному ему поэту милость—лично объявилъ ему, что будетъ самъ цензоромъ его произведеній. Но, вопреки внутреннему смыслу воли императора, обстоятельства сложились такъ, что цензура царя обратилась въ цензуру гр. Бенкендорфа, не жаловавшаго Пушкина,—и великій писатель сталъ просить, чтобы ему даровано было право обращаться въ цензуру обыкновенную. Объ этомъ же правѣ хлопочетъ и составитель приведеннаго прошенія.

Познакомивъ читателей съ главными вновь найденными сочиненіями Пушкина и матеріалами для его біографіи, заканчиваемъ статью повтореніемъ сказаннаго въ началѣ ея: рукописи великаго поэта, хранящіяся въ Румянцевскомъ музеѣ,—великая драгоценность. Онѣ представляютъ богатый живой источникъ и для будущихъ издателей Пушкина, и для будущихъ біографовъ и критиковъ величайшаго писателя Русской земли.

А. Незеленовъ.

Ноябрь, 1888 г.

ПОЛУВѢКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ЗАПАДНО-РУССКИХЪ УНІАТОВЪ СЪ ПРАВОСЛАВНОЮ ЦЕРКОВЬЮ.

В ТЕКУЩЕМЪ году, 25 марта, исполнится пятьдесятъ лѣтъ одному изъ замѣчательныхъ событій въ исторіи Сѣверо-Западнаго края,—возсоединенію западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Историческій ходъ этого событія и имена всѣхъ дѣятелей его достаточно извѣстны изъ особыхъ описаній, неоднократно появлявшихся въ печати. Не будемъ поэтому входить въ повтореніе извѣстныхъ фактовъ и постараемся, по поводу полувѣкового юбилея, отмѣтить только нѣкоторыя стороны этого важнаго событія.

Когда двадцать четыре важнѣйшихъ духовныхъ лица литовской епархіи, во главѣ съ приснопамятнымъ іерархомъ Іосифомъ Сѣмашко, подписывали 12 февраля 1839 г. въ Полоцкомъ соборѣ актъ возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью, когда этотъ актъ съ благодарственною къ Богу молитвою утверждался высочайшимъ на то соизволеніемъ императора Николая I, когда наконецъ православная церковь пріобрѣтала 1,329 духовныхъ сочленовъ и 1.600.000 человекъ русскихъ исповѣдниковъ,—какой тогда ожидался результатъ этого событія въ обще-государственномъ значеніи?

«Греко-уніатская церковь, въ отдѣльномъ своемъ видѣ, среди другихъ исповѣданій,—излагали бѣлорусскіе іерархи во всеподданнѣйшемъ прошеніи отъ 12 февраля 1839 г., — не можетъ никогда

совершенно достигнуть ни полного благоустройства, ни спокойствія, необходимаго для ея благоденствія, и многочисленные принадлежащія къ ней жители западныхъ губерній, русскіе по языку и происхожденію, подвергаются опасности остаться въ положеніи, колеблемомъ переменчивостью обстоятельствъ, и нѣскольکو чуждыми своихъ православныхъ собратій».

Сознавалась слѣдовательно невозможность оставленія въ общемъ составѣ государства значительной части его населенія, вполне ему родственной, въ какомъ-то не опредѣленномъ вѣроисповѣдномъ положеніи, съ духовнымъ подчиненіемъ римскому владыкѣ, традиціонному противнику русскаго государства и русской вѣры. Вытекавшія изъ этого положенія неудобства не ограничивались одною религіозною стороною дѣла, а касались по преимуществу этнографической и политической жизни народа. Русскіе дворяне въ бывшемъ королевствѣ польскомъ, совращаясь въ католицизмъ, обращались въ поляковъ. Удивляться ли тому, что простой народъ смѣшиваетъ понятіе о народности съ понятіемъ о вѣроисповѣдности, когда и интеллигенція стояла на почвѣ такого сліянія? За время уніи селянинъ на вопросъ, кто онъ—полякъ или русскій—съ наивною отвѣчалъ: «уніатъ». Между тѣмъ, уніатская церковь дошла за послѣднее время до такого сближенія съ римскимъ католицизмомъ, что оставалось сдѣлать еще одинъ шагъ для того, чтобы послѣдній совершенно поглотилъ унію. Представимъ себѣ послѣдствія такого шага, возможнаго и удобоисполнимаго при существовавшихъ тогда условіяхъ. Слѣдуетъ не забывать, что высшее управленіе греко-уніатскою церковью въ Сѣверо-Западномъ краѣ сосредоточивалось въ римско-католической коллегіи; что во главѣ уніатской іерархіи стоялъ митрополитъ (Посафать Булакъ), полякъ по происхожденію, получившій воспитаніе въ Римѣ и твердый въ римскомъ католицизмѣ; что виднѣйшія мѣста въ епархіи занимали бывшіе воспитанники іезуитской коллегіи и папскаго алузната, ненавистники Россіи и православной церкви, ярые приверженцы латинства и польщизны; что священники, употребляя въ общезжитіи польскій языкъ, съ трудомъ разбирали церковно-славянскія книги; что матеріально обездоленный, забитый панскою челядью уніатскій народъ находился въ крѣпостной зависимости отъ помещиковъ-поляковъ, дѣлавшихъ изъ него все, что было угодно панской фантазіи, руководимой фанатическимъ духовенствомъ; что уніатскіе храмы, лишеныя иконостасовъ, представляли собою видъ костеловъ, съ боковыми пристѣночными престолами, съ органами, акомпанировавшими польскимъ религіознымъ пѣснопѣніямъ; что въ церковномъ дѣлопроизводствѣ царилъ польскій языкъ и проч. и проч. Вообразимъ себѣ все это и спросимъ: много ли нужно было труда, чтобы унію превратить въ латинство, а уніатовъ — въ поляковъ-католиковъ?

И вотъ предприимчивостію и трудами энергическаго іерарха, при содѣйствіи достойныхъ сотрудниковъ, и твердою волею русскаго императора, 1.600.000 уніатовъ возвращаются въ лоно православної церкви, возрождая свою забытую принадлежность къ великому русскому народу и ослабляя тѣмъ мѣстный польскій элементъ; 1.329 духовныхъ лицъ, воспитанныхъ въ традиціяхъ римскаго католицизма, возстановляютъ свое родство съ древнею восточною церковью, отказываясь отъ догматическихъ заблужденій западной церкви; 800 слишкомъ храмовъ, искаженныхъ сближеніемъ ихъ съ костелами, преобразуются въ храмы, отвѣчающіе потребностямъ восточнаго богослуженія.

Великія—умственные и нравственные — силы руководили реформаторомъ, достигшимъ такихъ результатовъ. Имѣлъ право маститый іерархъ сказать: «Для одного человѣка довольно и того, что Богъ помогъ мнѣ сдѣлать для Россіи и церкви православной».

Историческое событіе 1839 года, помимо личнаго возрожденія духовенства и его паствы въ духѣ православія и русской народности, имѣло немалое вліяніе на политическій строй въ краѣ. Достаточно указать на то, что въ годину бѣдствій, испытанныхъ краемъ въ 1861—1863 годахъ, воссоединенные послужили надежнѣйшимъ оплотомъ для умиротворенія его. Извѣстно какое положеніе занимало во время польскаго возстанія православное духовенство, выдѣлявшее изъ себя даже мучениковъ за преданность русскому дѣлу и несочувствіе мятежу, и какъ отнеслось къ польскому безумію мѣстное православное населеніе. Не то бы было, если бы существованію уніи не былъ положенъ предѣлъ до польскаго возстанія. Можно съ увѣренностію сказать, что небольшой двадцатидвухлѣтній періодъ (1839—1861 г.) если не совершенно утопилъ бы западно-русскихъ уніатовъ въ морѣ латинства и полонизма, то еще болѣе приблизилъ бы ихъ къ послѣднимъ. На этомъ не расчищенномъ полѣ религіозно-этнографическихъ смѣшеній труднѣе было бы считаться съ мятежемъ.

Въ настоящее время картина изображаетъ видъ уже сильнаго, совершенно упроченнаго положенія вещей. Статистика даетъ намъ весьма отрадныя данныя.

На пространствѣ 5172 квадратныхъ миль, обнимающихъ шесть сѣверо-западныхъ губерній (Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую), заселенныхъ 7.953.573 жителями, состоитъ православныхъ 3.707.461 ¹⁾, т. е. почти 50% общаго числа населенія. Въ эту крупную цифру входитъ, конечно, и пришлое русское населеніе, но численность послѣдняго весьма незначительна.

¹⁾ «Виленскій календарь» на 1888 годъ.

Дѣятельность Іосифа Сѣмашки отразилась и на прилегающей къ Литовской епархіи еще одной русской окраинѣ, такъ называемой Холмской Руси, составляющей нынѣ вмѣстѣ съ Подляшьемъ Люблинскую и Сѣдлецкую губерніи и небольшія части губерній Сувалкской и Ломжинской.

Этотъ забытый уголокъ находился тогда въ обособленномъ положеніи. Входя въ составъ царства Польскаго, управлявшагося намѣстникомъ и имѣвшаго особія, независимыя отъ общеимперскихъ учрежденія, Холмская Русь имѣла самостоятельную уніатскую епархію. Въ 1820 году въ этой епархіи числилось около 400.000 уніатовъ, а въ 1836 году ихъ оказалось только 240.000; такимъ образомъ за 16 лѣтъ католицизмъ поглотилъ 160.000 уніатовъ, которые, конечно, превратились вмѣстѣ съ тѣмъ въ поляковъ и въ молодомъ поколѣніи своемъ забыли нынѣ объ исконной принадлежности своихъ предковъ къ русской народности.

Какъ бы предвидя такую судьбу холмскихъ уніатовъ, Іосифъ Сѣмашко, по собственному его сознанію, нѣсколько разъ выражалъ мысль о введеніи польскихъ уніатовъ въ кругъ общаго уніатскаго дѣла и даже просилъ о подчиненіи Холмской епархіи духовной коллегіи, но это предположеніе было отклонено, а намѣстникъ князь Паскевичъ общалъ преосвященному Іосифу заняться уніатскимъ вопросомъ лишь въ то время, когда возникнетъ война съ Франціей. Тѣмъ не менѣе очищеніе уніатской обрядности въ церквахъ Сѣверо-Западнаго края отъ латинскихъ примѣсей и послѣдовавшее затѣмъ воссоединеніе возродили въ нѣкоторыхъ уніатскихъ приходахъ Холмской Руси стремленіе къ сверженію латино-польскаго ига и къ восстановленію русской народности и чистоты восточнаго обряда. Въ 1837 году двадцать священниковъ Холмской епархіи обращались по этому предмету къ преосвященному Іосифу; нашелся бы еще не одинъ десятокъ благомыслящихъ пастырей, если бы варшавское правительство отнеслось къ этому движенію безъ предубѣжденія; между тѣмъ оно усматривало въ семъ затаенное желаніе крестьянъ освободиться отъ панщины, а князь Паскевичъ прямо выражалъ несочувствіе воссоединенію уніатовъ. Дѣло кончилось лишь частнымъ воссоединеніемъ съ православною церковью четырехъ приходовъ Люблинской губерніи, которыхъ ничто уже не могло удержать въ чуждой для нихъ уніатской вѣрѣ¹⁾.

Чѣмъ же увѣковѣчена плодотворнѣйшая и дорогая для Россіи дѣятельность высокочтимаго іерарха и историческое событіе воссоединенія 1839 года?

¹⁾ Приходы: Люховъ, Бабицы, Горный-Потокъ и Тарногородъ, Люблинской губерніи.

Облагодѣтельствованный при жизни своей расположеніемъ и милостями императоровъ Николая I и Александра II, маститый митрополитъ Іосифъ, послѣ блаженной кончины своей, не нуждается конечно въ какомъ-либо памятникѣ, лично ему посвященномъ; памятникъ не вещественный и при томъ многознаменательный и можно сказать несокрушимый воздвигнуть имъ самимъ и величественно красуется на дѣлѣ и на страницахъ исторіи. Но самое событіе воссоединенія требовало бы своего увѣковѣченія такимъ способомъ, который наглядно показывалъ бы просвѣтительное значеніе воссоединенія и вмѣстѣ съ тѣмъ развивалъ бы дѣло рукъ Іосифа Сѣмашки послѣдовательно, постоянно и неизмѣнно, въ цѣломъ рядѣ поколѣній.

Такимъ памятникомъ могло бы служить осуществленіе одного изъ важнѣйшихъ предположеній самого Сѣмашки.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ, по поводу предстоящаго юбилея, было упомянуто о существовавшемъ нѣкогда проектѣ учрежденія въ Вильнѣ духовной академіи и при этомъ было выражено, что открытіе такого учебнаго заведенія было бы продолженіемъ дѣла преосвященнаго Іосифа въ смыслѣ укрѣпленія въ западной окраинѣ православной вѣры и русской народности.

Дѣйствительно, такое предположеніе существовало и познакомиться съ исторіей забытаго проекта будетъ теперь совершенно умѣстно и своевременно.

Мысль объ устройствѣ духовной академіи для Сѣверо-Западнаго края всецѣло принадлежитъ преосвященному Іосифу, который еще въ самомъ началѣ своей реформаторской дѣятельности предполагалъ возбудить ходатайство объ учрежденіи академіи въ Полоцкѣ. Предположеніе это не было однако осуществлено по случаю затрудненій, сопряженныхъ съ возникшимъ въ 1830 году мятежемъ. Для предоставленія же молодымъ людямъ греко-уніатскаго исповѣданія высшаго образованія ихъ начали посылать въ университеты—Петербургскій и Московскій, а также въ Петербургскую духовную академію.

Но вотъ возникаетъ новая польская смута и въ Сѣверо-Западномъ краѣ появляется другой мощный дѣятель русскій. Вмѣстѣ съ принятіемъ мѣръ къ подавленію мятежа, графъ М. Н. Муравьевъ, съ свойственною ему проницательностію, не упустилъ изъ виду ни одной отрасли управленія краемъ и, вводя въ немъ русскія начала, не могъ не обратить вниманія и на положеніе православія въ краѣ.

«Возвышеніе нравственнаго значенія православнаго духовенства—писалъ графъ Муравьевъ митрополиту Іосифу—составляетъ главную основу преуспѣянія религіи въ народѣ. Въ здѣшнемъ краѣ это тѣмъ болѣе необходимо, что духовенство наше должно постоянно выдерживать борьбу съ чуждой религіозной пропагандой, усиливающейся покорить себѣ народъ». Отвѣчая на это письмо, митро-

полить выразилъ, что «учрежденіе таковой академіи было бы благодѣтельно для утвержденія православія какъ въ самомъ городѣ Вильнѣ, такъ и въ здѣшней епархіи».

Велика была радость всего русскаго общества Виленскаго края, когда оно узнало, что мѣстная правящая власть—гражданская и духовная—пришла къ единогласному заключенію о необходимости учрежденія въ Вильнѣ высшаго учебнаго заведенія. Общественное мнѣніе раздѣлилось впрочемъ въ этомъ вопросѣ на двѣ партіи. Одна изъ нихъ, имѣвшая на своей сторонѣ большинство, стояла за открытіе духовной академіи съ историко-филологическимъ отдѣленіемъ для приготовленія учебнаго персонала; другая высказывалась за устройство университета. Никакихъ недоразумѣній, которыми часто сопровождается образованіе партій, здѣсь не возникло. Представители обѣихъ мнѣній, раздѣляясь во взглядѣ на средство, сходились въ понятіяхъ своихъ о цѣли. Одинаково ими признавалось, что въ мѣстѣ существованія борьбы католицизма съ православіемъ должно находиться высшее учебное заведеніе, приготовляющее достойныхъ пастырей и наставниковъ въ духѣ православной вѣры и русской народности, дорожащихъ своею родиной и любящихъ ее. Указывалось при этомъ на такіе случаи, что воспитанники великороссійскихъ академій отказывались отъ перехода въ Виленскій край, а мѣстные уроженцы, поступающіе въ тѣ академіи, рѣдко когда возвращались на родину.

Всѣ эти безспорно убѣдительные доводы и соображенія остались однако безъ должнаго примѣненія, такъ какъ съ оставленіемъ графомъ Муравьевымъ поста главнаго начальника края дальнѣйшее движеніе дѣла объ устройствѣ духовной академіи было прекращено.

Прошло нѣсколько лѣтъ и интересующій насъ вопросъ снова возникаетъ. На этотъ разъ инициатива принадлежала учебному вѣдомству. Вновь назначенный на постъ попечителя Виленскаго учебнаго округа, П. Н. Батюшковъ, руководясь тѣми же началами по управленію своимъ вѣдомствомъ, какія лежали въ основѣ дѣятельности графа Муравьева, обратилъ вниманіе на неудобства, возникающія вслѣдствіе отсутствія высшаго учебнаго заведенія въ краѣ и въ первую же поѣздку въ Петербургъ лично доложилъ о томъ покойному государю. Мысль объ учрежденіи такого учебнаго заведенія удостоилась высочайшаго одобренія и затѣмъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, графа Д. А. Толстого, въ Вильнѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ Батюшкова, особая комиссія изъ лицъ учебнаго и епархіальнаго вѣдомствъ. Разработанный ею проектъ учрежденія въ Вильнѣ духовной академіи былъ вполнѣ одобренъ литовскимъ архіепископомъ Макаріемъ и весною 1869 года представленъ въ Петербургъ.

Не смотря однако на сочувствіе, съ которымъ отнеслось къ проекту министерство народнаго просвѣщенія и лучшіе органы

русской прессы, проект этот не только не получил своего осуществленія, но даже был затертъ и затѣмъ забытъ совершенно. Главный дѣятель по разработкѣ его, П. Н. Батюшковъ, вскорѣ послѣ отправки проекта въ Петербургъ, вынужденъ былъ оставить Вильну, вслѣдствіе вліянія генерала Потапова, памятнаго по своему анти-русскому управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ. Защищать проектъ и настаивать на его утвержденіи было некому. Къ тому же въ нѣкоторыхъ петербургскихъ сферахъ выражалось несочувствіе проекту и даже высказывалось такое оригинальное заключеніе, что духовная академія можетъ создать въ православной церкви сепаратизмъ!.. Выводъ неожиданный для русскихъ дѣятелей, занимавшихся вопросомъ объ устройствѣ въ Вильнѣ свѣтилища духовнаго просвѣщенія, но вполне достойный тѣхъ, къ которымъ онъ былъ провозглашенъ.

Произнести такой приговоръ теперь, при существующемъ направленіи и устойчивомъ отношеніи къ нашимъ западнымъ окраинамъ, надѣемся, никто не рѣшится, воспоминаніе же о воссоединеніи западно-русскихъ униатовъ съ православною церковью возрождаетъ вопросъ объ устройствѣ академіи въ Вильнѣ. Забытый проектъ, возникшій по мысли виновника воссоединенія 1839 года и разработанный подъ руководствомъ П. Н. Батюшкова, долженъ быть осуществленъ въ видѣ достойнаго памятника историческаго событія и въ удовлетвореніе настоятельной необходимости въ высшемъ для края духовномъ учебномъ заведеніи. Не сознавать этой необходимости значитъ закрывать себѣ глаза. Въ былое время наши противники смотрѣли на дѣло образованія какъ на орудіе для проведенія своихъ національныхъ стремленій. За время преобладанія польскихъ элементовъ въ нашихъ западныхъ окраинахъ въ Вильнѣ существовала академія, преобразованная потомъ въ университетъ, и главная семинарія съ программой духовной академіи, а въ Волынскомъ краѣ процвѣталъ извѣстный Кременецкій лицей. Это были центры живой патріотической дѣятельности польскаго народа, державшіе въ своихъ рукахъ все умственныя силы западныхъ окраинъ и распространявшіе свое вліяніе на все учебныя заведенія девяти губерній. Эти рассадники польскихъ элементовъ и римскаго католицизма дѣйствовали открыто и не стѣснялись даже тѣмъ, что сами существовали на средства русскаго правительства¹⁾, поступавашаго въ семь случаевъ въ ущербъ самому себѣ. Одинъ польскій публицистъ откровенно высказался на этотъ счетъ: «Главнымъ орудіемъ, употребленнымъ провидѣніемъ къ развитію революціонной наклонности Литвы, было университетское образованіе».

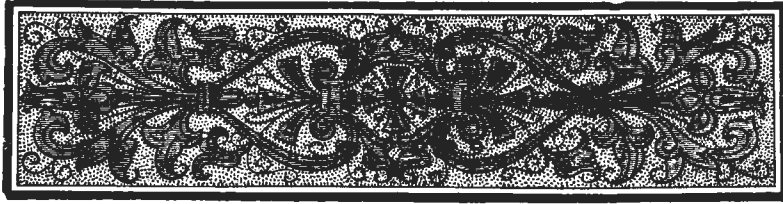
¹⁾ Какъ велики были расходы на этотъ предметъ можемъ судить по Виленскому университету: содержаніе его обходилось русской казнѣ 105,000 руб. сер. въ годъ.

Горькій опытъ доказаль вредное вліяніе польскаго университета въ Вильнѣ; спустя нѣкоторое время послѣ его упраздненія, преобразована и польская главная школа въ Варшавѣ въ императорскій университетъ, а мысль объ академіи въ Вильнѣ все же не осуществилась.

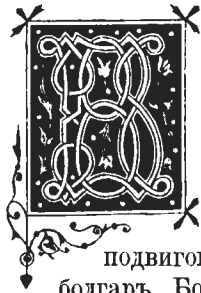
Если высшія учебныя заведенія могли служить проводниками польско-латинскаго прозелитизма, то, устроенныя на правильныхъ началахъ, они еще болѣе сильнымъ орудіемъ могли бы оказаться въ дѣлѣ служенія истинному просвѣщенію, въ которомъ такъ нуждается край, празднующій нынѣ полувѣковой юбилей своего возрожденія въ духѣ православной вѣры и русскои народности.

М. Городецкій.

ПЕРВЫЙ ЭКЗАРХЪ НОВОЙ БОЛГАРСКОЙ ЦЕРКВИ.

ТОРАГО декабря 1888 года скончался въ Видинѣ первый болгарскій экзархъ Анеимъ, носившій до конца жизни санъ Видинскаго митрополита. Жизнь блаженнаго Анеима и его архіерейская дѣятельность связаны съ исторіей борьбы болгаръ за національную церковь, за автономныя права и возрожденіе болгарскаго народа. Эта жизнь—цѣль подвиговъ, послужившихъ на благо православной церкви болгаръ. Болгарская исторія отведетъ видное мѣсто дѣятельности въ Возѣ почившаго іерарха. Въ то же самое время блаженный Анеимъ былъ близко связанъ съ русской церковью, которой онъ, какъ истинный ея воспитанникъ, былъ всегда преданъ душой. Въ виду этого, мы намѣрены познакомить читателей, хотя и въ краткомъ очеркѣ, съ замѣчательной личностью блаженнаго Анеима.

1.

Аѳанасій Михайловичъ—такъ звали въ мірѣ Анеима до его постриженія въ монахи—родился въ городѣ Кыркъ-кисли, поболгарски Лозенъ-градъ, въ Фракіи, въ 1816 году. Это было время, когда Балканскій полуостровъ былъ раздираемъ разными ордами дикихъ кырджаліевъ, дааліевъ, капасызовъ и проч.¹⁾ время когда населе-

¹⁾ Кыркъ-кисли былъ лагеремъ Беглеръ-бега Османа, одного изъ довѣреннѣйшихъ лицъ султана въ Фракіи. Вслѣдствіе этого кырджаліи направляли свои атаки противъ этого города и его окрестностей. Нигдѣ, можетъ быть, не было такого страха отъ этихъ дикихъ ордъ, какъ въ означенныхъ мѣстностяхъ.

ніе не знало, кто хозяинъ Турціи, когда имущество, честь и жизнь, находились въ рукахъ всевозможныхъ маленькихъ деспотовъ. «де-ребеевъ» (турецкихъ феодаловъ). Родители Аѳанасія—Михаилъ и Гана, были бѣдные люди, однако, они желали дать, даже въ это смутное и темное время, какое-либо образованіе своему сыну, мечтавъ видѣть его священникомъ ихъ городка.

Что же нужно было дѣлать молодому Аѳеиму для полученія какого-либо славянскаго образованія? Въ разрѣшеніи этого вопроса ему помогъ старый монахъ, изъ св. горы Аѳона, находившійся въ Кыркъ-киси, въ качествѣ духовника. Святая гора Аѳонъ во всякое время была хранилищемъ церковно-славянской литургіи, письменности и языка. Съ Аѳона для болгарскаго народа была выпущена первая книга, первая его исторія, писанная монахомъ Паисіемъ и послужившая исходнымъ пунктомъ болгарскаго возрожденія ¹⁾.

На святой горѣ Аѳонской молодой Аѳанасій занялся изученіемъ славянскаго языка и пользовался русскими книгами, находившимися въ монастырскихъ бібліотекахъ. Въ 1837 году, онъ постригся въ монахи и получилъ имя Аѳеима (болгары произносятъ Антимъ). Въ то время, однако, духовное лицо изъ болгаръ не могло получить даже самой низшей должности въ духовной іерархіи, если не было знакомо съ греческимъ языкомъ. Вотъ почему, вмѣстѣ съ изученіемъ славянскаго языка, Аѳеимъ долженъ былъ познакомиться основательно съ эллинскимъ языкомъ и литературой. Молодой монахъ, однако, не удовлетворился монастырскимъ ученіемъ. Около 1839—1840 годовъ мы его встрѣчаемъ въ Константинополѣ, въ качествѣ ученика греческаго богословскаго училища на островѣ Хальки.

Окончивъ курсъ въ халькинскомъ богословскомъ училищѣ, Аѳеимъ опять не удовольствовался этимъ и пожелалъ отправиться въ Россію для полученія болѣе высшаго духовнаго и славянскаго образованія. Съ этой цѣлью онъ поѣхалъ въ Москву, гдѣ завершилъ свое высшее духовное образованіе въ Московской духовной академіи. Въ Москвѣ Аѳеимъ былъ рекомендованъ Московскому митрополиту Филарету, котораго считалъ своимъ учителемъ и покровителемъ во все время своей жизни. Митрополитъ Филаретъ любилъ бесѣдовать съ болгарскимъ монахомъ о текущихъ вопросахъ вселенской церкви, главнымъ же образомъ о греко-болгарской распрѣ. Онъ вдохнулъ въ Аѳеима твердость и непоколебимость

¹⁾ Монахъ Паисій Самоковскій написалъ на Аѳонской горѣ въ 1762 году свою маленькую книжку: «Исторія славяно-болгарска о народахъ и о царѣхъ и о святыхъ болгарскихъ». Съ появленіемъ этой книжки въ свѣтъ началось болгарское національное пробужденіе. Книжка переписывалась въ тысячахъ экземпляровъ и выучивалась наизусть.

въ «славянскомъ православіи» и рукоположилъ его въ іеромонаха. Повидимому, высокопреосвященный митрополитъ Филаретъ произвелъ сильное впечатлѣніе на будущаго болгарскаго экзарха, такъ какъ покойный Анеимъ постоянно вспоминалъ о своихъ бесѣдахъ съ нимъ и часто цитировалъ его слова и мнѣнія по разнымъ духовно-церковнымъ вопросамъ.

II.

Іеромонахъ Анеимъ вернулся въ Царьградъ какъ разъ въ то время, когда зародившаяся въ Болгаріи борьба за національныя школы, церкви и языкъ, обострялась не по днямъ, а по часамъ. Болгары, пользуясь извѣстнымъ хати-хумаюномъ 1856 года, стали стремиться къ религіозной и національной равноправности и просить, чтобы имъ дозволили учиться поболгарски, молиться Богу на понятномъ языкѣ и—самое важное—чтобы ихъ высшія духовныя лица были болгары, назначаемые вселенской патріархіей. Центромъ борьбы сдѣлался Царьградъ. Въ концѣ 1857 и въ началѣ 1858 года, депутаціи отъ разныхъ болгарскихъ епархій собрались въ Константинополь, умножили свои требованія и представили коллективную просьбу на имя Высокой Порты объ учрежденіи болгарской іерархіи¹⁾. Патріархія и слышать не хотѣла о болгарскихъ требованіяхъ. Вслѣдствіе этого, изъ всѣхъ городовъ Болгаріи посыпались протесты и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жалобы къ великому визирю на корыстолюбіе, злоупотребленія и безнравственность греческихъ епископовъ. Наконецъ, третьяго апрѣля 1860 года, въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, въ болгарской церкви, на Фонарѣ, по требованію народа, Иларіонъ Макаріопольскій исключилъ изъ молитвословія имя патріарха и этимъ «актомъ» была основана національная церковь Болгаріи. Всѣ болгары подчинились ей и признали Иларіона ея главою. Въ первое время по возвращеніи своемъ, Анеимъ исполнялъ должность іеромонаха при русскомъ посольствѣ, гдѣ сразу замѣтили его выдающіяся способности и усиленно рекомендовали греческой патріархіи. Немного спустя, іеромонахъ Анеимъ былъ назначенъ профессоромъ въ Халькійскую богословскую школу по предметамъ церковной исторіи и русскаго языка.

Какъ только на патріаршій престолъ вступилъ твердый и энергичный Іоакимъ, желавшій во что бы то ни стало положить конецъ болгаро-греческой распрѣ, онъ пригласилъ къ себѣ Анеима и пред-

¹⁾ Подробное изложеніе греко-болгарской церковной распри находится въ церковной исторіи Голубинскаго. См. также статью Бурмова въ «Русск. Вѣстникѣ» за 1885 г. и «Вѣст. Европы» за 1888 г. (книжки 8-я и 9-я). Поболгарскія хорошо изложена до извѣстной эпохи исторія церковнаго вопроса въ прекрасномъ сочиненіи профессора М. Дринова: «Исторически прегледъ на Бгль церква. Прага, 1869 год.»

ложилъ ему назначить его Шумло-Преславскимъ митрополитомъ. Это обстоятельство не только не обрадовало, но даже смутило Анеѣма. Онъ зналъ цѣну назначенія митрополитомъ отъ имени патриархіи для какой-нибудь болгарской епархіи. Это было въ 1860 году. Такъ какъ греческая патриархія не принимала во вниманіе требованій болгарскихъ представителей въ Царьградѣ, требованій очень умѣренныхъ, то въ Болгаріи не хотѣли признавать и гнали довольно безцеремонно всѣхъ посылаемыхъ патриархіей митрополитовъ. Ихъ житіе въ Болгаріи было чистой пыткой. Анеѣмъ зналъ это и поэтому сильно задумался.

Какъ истинный патриотъ, онъ нашелъ необходимымъ обратиться за совѣтомъ къ главамъ болгарскаго представительства въ Константинополь: къ Иларіону Макаріопольскому, Чомакову, Струмскому, старому Тапчилещѣ и др. Они посовѣтовали Анеѣму принять санъ митрополита, но въ епархію Шумлинскую не ѣхать. Тогда іеромонахъ Анеѣмъ явился къ патриарху, объяснилъ ему въ чемъ дѣло и заявилъ, что не прочь взять на свои плечи санъ владыки, но сомнѣвается, чтобы ему можно было явиться въ Болгарію въ настоящее время, когда населеніе такъ сильно озлоблено противъ патриархіи и ея людей. Онъ намекнулъ, что однѣ только уступки могутъ предупредить церковный кризисъ, который, по видимому, развивается быстро и въ ущербъ вселенской матери-церкви.

Анеѣмъ былъ посвященъ въ санъ архіепископа Преславскаго въ 1861 году. Въ это время онъ сталъ чаще и чаще являться въ патриаршей церкви на Фонарѣ и произносить проповѣди, которыя производили сильное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Въ греческихъ газетахъ того времени его приравнивали къ знаменитостямъ древняго міра. Прошло нѣсколько мѣсяцовъ и патриархъ опять захотѣлъ отправить въ Шумлинскую епархію преосвященнаго Анеѣма. Въ это время болгарскіе вожди твердо вѣрили, что ихъ дѣло увѣнчается успѣхомъ, но только при болѣе рѣшительныхъ мѣрахъ. Не смотря на то, что патриархъ Іоакимъ отлучилъ болгарскихъ епископовъ Иларіона и Авксентія отъ церкви, болгарскіе вожди представили энергическую докладную записку, такъ называемые «семь пунктовъ», въ которыхъ домогались національной іерархіи и церковной автономіи, съ избираемымъ архіепископомъ во главѣ, который бы имѣлъ свою резиденцію въ Константинополь и признавалъ бы верховную власть патриарха. Однако, патриархъ отказалъ въ этихъ требованіяхъ и далъ отъ себя болгарамъ пятнадцать обѣщаній (25-го февраля 1865 года), изъ которыхъ главное состояло въ томъ, что въ чисто-болгарскихъ епархіяхъ предстояло назначить епископами достойныхъ болгаръ или людей знающихъ поболгарски. Болгарскіе вожди замѣтили всю неясность и неискренность этихъ уступокъ патриарха и не согласились при-

нять ихъ. Тогда патріархъ добился у Порты ссылки Иларіона Макаріопольскаго, Авксентія Велескаго и Паисія Филиппопольскаго, въ Малую Азію.

Въ это трудное время въ Болгаріи появились вожаки католической пропаганды, задумавшіе присоединить болгаръ къ католической церкви. Преслѣдованіе болгарскихъ учителей и передовыхъ людей на протяженіи всего полуострова, затягиваніе болгарско-греческой распри, происходящія отъ этого неурядицы среди болгарской церкви—все это облегчало миссію пропаганды. Въ Константинополѣ основался центръ болгарской уніи, во главѣ которой находился папскій викарій Брунони. Въ Полянскій епархіи, въ Македоніи, вслѣдствіе злоупотребленій греческихъ митрополитовъ, все населеніе рѣшилось принять католичество. Унія нашла себѣ не мало приверженцевъ и въ Фракіи, въ особенности въ Адрианопольскомъ санджакѣ. Патріархъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, ради приличія, сдѣлать что-нибудь противъ этой пропаганды. Преосвященному Анѣиму выпала честь быть борцомъ и проповѣдникомъ противъ уніи, сначала въ Адрианопольскомъ санджакѣ, затѣмъ въ Солунскомъ (въ Македоніи). Къ Свѣтлому Воскресенью Христову, на Страстной недѣлѣ, онъ поѣхалъ въ Мидію, а оттуда въ Малый Тырновъ (Адрианопольскаго округа) посѣтилъ и окрестныя села, гдѣ ему удалось принести много пользы и спасти отъ уніи многихъ членовъ православной паствы. Изъ 500—600 семействъ, принявшихъ унію въ Маломъ Тырновѣ, лишь 35—40 не поддались его убѣжденіямъ. По возвращеніи Анѣима изъ Адрианопольской епархіи, въ томъ же 1862 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, патріархъ отправилъ его произвести ревизію въ епархію Полянскую, въ городъ Кукушъ. Тамъ католики и уніаты также свили было себѣ теплое гнѣздышко и надѣялись на дальнѣйшее распространеніе уніи въ Македоніи. Анѣимъ узналъ, что населеніе было принуждено броситься въ лоно уніи, дабы избѣгнуть притѣсненій и насилій со стороны греческаго духовенства. Населеніе сговорилось и сказала себѣ: «греческіе владыки притѣсняютъ насъ до отчаянія, болгарскихъ нѣтъ; примемъ лучше унію; по крайней мѣрѣ, будемъ свободно учиться поболгарски въ школахъ, слушать слово Божіе поболгарски и за насъ будетъ кому заступиться».

Миссія преосвященнаго Анѣима въ Македоніи встрѣтила большія препятствія, въ виду неуступчивости греческихъ владыкъ, ловкой дѣятельности уніатскихъ пропагандистовъ и энергическаго рѣшенія соотечественниковъ не признавать болѣе «нехорошихъ» греческихъ пастырей. Унія казалась очень заманчивой. Нѣкоторые изъ болгаръ видѣли въ ней чуть не этапъ къ скорѣйшему пріобрѣтенію политической независимости. Около этого времени, въ Царьградѣ, унія имѣла среди болгаръ такихъ представителей, какъ

Драганъ Цанковъ, Мирковичъ, архимандритъ Макарій, архимандритъ Іосифъ Сокольскій и др.

Когда Анеимъ вернулся въ Константинополь, его назначили ректоромъ Халькійской богословской школы; затѣмъ отправили въ Малую Азію для ревизіи и, наконецъ, предложили опять ѣхать въ Болгарію, на этотъ разъ, въ новую Видинскую епархію.

III.

Противъ своей воли отправился митрополитъ Анеимъ въ Видинъ, такъ какъ онъ зналъ, что недавно еще видинцы подавали Портѣ прошеніе о томъ, что не желаютъ признавать никакого митрополита, присылаемаго патріархомъ. Но Анеимъ долженъ былъ подчиниться велѣнію патріарха. Въ Видинѣ, какъ народъ, такъ и передовые люди (чорбаджіи) не хотѣли принять своего владыки только потому, что онъ былъ патріаршимъ посланцемъ. Нужно отмѣтить характерный фактъ, что болгарь, въ ихъ противодѣйствіи, поддерживалъ и училъ губернаторъ Видина, Азисъ-паша, извѣстный болгарофилъ, и комендантъ гарнизона полякъ Омеръ-паша. Послѣдній изъ учтивости говорилъ Анеиму:

— Хотите, чтобы заставить болгарь принять васъ? Достаточно для этого дать вамъ взводъ солдатъ!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ владыко, — такъ я не хочу поступать. Лучше возвратиться назадъ, чѣмъ заставлять народъ принимать меня силою.

Около этого времени, Анеимъ былъ приглашенъ въ Константинополь вождями болгарскаго движенія. Дѣло болгарскихъ борцовъ за независимую церковь сдѣлало было большіе успѣхи. Само турецкое правительство помогло и чуть не взяло инициативу дабы удовлетворить болгарскія требованія. На патріаршемъ престолѣ чередовались, вслѣдъ за Іоакимомъ—Амасійскимъ, Софроній (13-го сентября 1863 г.), отличавшійся своимъ упорствомъ, и «благонамѣренный» Григорій, (10-го февраля 1867 г.), и все-таки требованія болгарь, переходившія черезъ разныя инстанціи и фазисы, не могли разрѣшиться какимъ-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Проекты за проектами, планы за планами, представлялись, обсуждались въ патріархатѣ, въ Высокой Портѣ и Орта-кіюй—а церковный болгарскій вопросъ оставался вопросомъ. Послѣдній патріархъ, Григорій, былъ дѣйствительно проникнутъ желаніемъ кончить съ этимъ вопросомъ и составилъ проектъ съ большими уступками, который и представилъ на усмотрѣніе болгарскихъ вождей черезъ посредство извѣстнаго турецкаго визиря—Аали-паши (10-го февраля 1867 г.). Въ этомъ проектѣ патріархъ давалъ свое согласіе на учрежденіе «болгарскаго экзархата», съ своимъ синодомъ, подъ вѣдомствомъ патріарха.

Болгары не приняли этого проекта, потому что въ «область экзархата» входили только «чисто-болгарскія епархіи», а многія изъ Македонскихъ и Фракійскихъ, гдѣ подавляющее большинство болгарское, оставались подъ прямымъ вѣдомствомъ греческихъ владыкъ. Тѣмъ временемъ въ Болгаріи появились извѣстныя инсurreкціонныя четы Филиппа Тоти и Хаджи Димитри. Турецкое правительство, испугавшись, нашло необходимымъ послѣшить разрѣшеніемъ вопроса. Въ Высокой Портѣ выработаны были два проекта для рѣшенія спора. Эти проекты были очень схожи съ проектами греческой патріархіи. Болгарскіе вожди увидѣли, что ихъ идеаламъ предстоитъ полное осуществленіе. Нужно было собрать въ Константинополь для обсужденія проекта всѣхъ болгарскихъ епископовъ и митрополитовъ. Приглашенъ былъ и преосвященный Анѣимъ, котораго знали за патріота, готоваго помочь дѣлу духовной независимости и учрежденія болгарской церкви.

Долго думалъ видинскій владыко, что дѣлать и какъ поступить. Отъ души и сердца сочувствовалъ онъ національному движенію, но ему все-таки хотѣлось, чтобы разрѣшеніе болгарскаго церковнаго вопроса произошло съ благословенія патріарха и всей Вселенской церкви. Поэтому онъ всегда совѣтовалъ не доводить дѣло до ожесточенія и какъ-нибудь согласить требованія болгаръ и патріарха. Къ несчастію, Фонарь оставался непреклоненъ. Въ виду этого, Анѣимъ рѣшился, наконецъ, принять открыто сторону болгарскаго народа въ его борьбѣ. Послѣ полученія и обсужденія пригласительнаго письма (6-го декабря 1868 г.), Анѣимъ торжественно совершилъ литургію, на которой помянулъ вмѣсто патріарха, болгарскаго священноначальника Иларіона Макаріопольскаго и былъ торжественно отведенъ, по окончаніи службы, ликовавшимъ народомъ въ митрополию. Затѣмъ, онъ составилъ актъ и написалъ въ Константинополь обо всемъ случившемся въ болгарской общинѣ Видина, заявляя одновременно, что отказывается отъ греческой патріархіи и ѣдетъ представителемъ и защитникомъ народныхъ интересовъ, имѣя довѣрительныя письма отъ цѣлой общины. Для управления епархіей онъ оставилъ намѣстника своего, Иларіона, и совѣтъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ.

Когда Анѣимъ пріѣхалъ въ Константинополь, его встрѣтили съ восторгомъ и въ Орта-кіюй былъ собранъ «временный церковный совѣтъ» изъ слѣдующихъ владыкъ: Иларіона Макаріопольскаго, Паисія Филиппопольскаго, Иларіона Ловченскаго, Дороея Софійскаго, Панарета Пловдивскаго и Анѣима Видинскаго. Этотъ совѣтъ съ нѣкоторыми мірскими «первенцами» и видными представителями изъ Болгаріи составилъ первый «Болгарскій Смѣшанный Совѣтъ», (Първий редовенъ Смѣсенъ Съвѣтъ); который сталъ засѣдать аккуратно каждую пятницу въ Орта-кіюй и обсуждать церковно-общественныя дѣла болгарскаго народа. Первымъ дѣломъ

преосвященнаго Анѳима, по возвращеніи въ Константинополь, было составить вмѣстѣ съ новопріѣхавшими болгарскими епископами Иларіономъ Ловченскимъ и Дороеемъ Софійскимъ, актъ отреченія отъ патріархіи. Актъ этотъ кончался заявленіемъ, что «они присоединяются къ возстановленію древней и независимой болгарской іерархіи, существованіе которой незаконно прекращено греческими патріархами и которая нынѣ опять возобновилась волей болгарскаго народа».

Послѣ этого начались обсужденія двухъ правительственныхъ проектовъ. Патріархія возражала, «Болгарскій Смѣшанный Совѣтъ» давалъ свои отвѣты. Патріархъ Григорій обратился съ посланіемъ къ другимъ автокефальнымъ церквамъ и предложилъ созывъ Вселенскаго собора; онъ старался доказать, что поведеніе болгарскихъ епископовъ, собравшихся въ Орта-кіюй, антиканоническое. Епископы возражали, что они вовсе не касаются догмъ и каноновъ, а требуютъ удовлетворенія просьбъ болгарскаго народа, желающаго имѣть отдѣльное административное учрежденіе и управленіе своей церкви. Между патріархіей и Высокой Портой съ одной стороны и болгарскимъ совѣтомъ съ другой произошелъ обмѣнъ писемъ, отвѣтовъ, циркуляровъ. При этомъ случаѣ, Анѳимъ и его секретарь Симеонъ (нынѣшній Преславскій митрополитъ) много помогли уясненію нѣкоторыхъ вопросовъ.

Въ началѣ 1870 года, Анѳимъ, съ дозволенія болгарскаго церковнаго совѣта, вернулся въ Видинъ, гдѣ занялся устройствомъ своей епархіи.

IV.

28-го февраля 1870 года, изданъ былъ султанскій фирманъ, даровавшій болгарскому народу независимую въ административномъ отношеніи церковь, область которой была названа: «Болгарскій Экзархатъ». Временный Смѣшанный Совѣтъ въ Орта-кіюй пригласилъ Анѳима въ Константинополь для составленія правилниковъ и устава болгарской церкви. По пути въ Константинополь, онъ долженъ былъ посѣтить Рушукъ, Силистрію, Шумлу, Ески-Джуму, Османъ-Базаръ, Тичу, Котель, Жеравну, Карнобатъ и Бургасъ.

Во всѣхъ этихъ городахъ высокопреосвященный владыко объяснялъ истинное значеніе болгарско-греческой распри, поучалъ паству слову Божію и склонялъ всѣхъ къ просвѣщенію и образованію. Болгары, привыкнувшія слышать непонятныя проповѣди греческихъ владыкъ, часто проповѣдовавшихъ потурецки въ храмахъ Божіихъ, слушали съ жадностью эти поученія краснорѣчиваго митрополита. Когда онъ пріѣхалъ въ Константинополь, то нашелъ дѣло не въ столь блестящемъ положеніи, какъ это казалось. Греческая патріархія продолжала протестовать и задумывала со-

звъвъ Вселенскаго Собора, чтобы провозгласить на немъ болгарскую схизму. Началась организаціонная дѣятельность болгарской церкви. По фирману, нужно было созвать «соборъ» изъ болгарскихъ духовныхъ и мірскихъ представителей для приготовления устава Болгарскаго экзархата.

23-го февраля 1871 года, открылся первый болгарскій соборъ. Въ его составъ вошли представители отъ всѣхъ болгарскихъ епархій, включительно Македонскихъ, Фракіійскихъ округовъ. Между представителями можно было встрѣтить всѣхъ видныхъ, просвѣщенныхъ болгарскихъ дѣятелей: П. Р. Славейкова, Ив. Найденова, Н. Парванова, Н. Михайловскаго, Чомакова и др. Можетъ быть, въ первый разъ съ того времени, какъ существуетъ болгарскій народъ или, по меньшей мѣрѣ, въ первый разъ послѣ паденія болгарскаго государства подъ иго турокъ, именитые люди всей Болгаріи собрались вмѣстѣ, дабы рядить и строить общественно-церковную жизнь своего народа. Выработанный уставъ болгарскаго экзархата представлялъ изъ себя маленькую церковно-общественную конституцію.

Высокопреосвященный Анѳимъ былъ въ это время однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ учрежденія и устройства болгарской церкви. Скоро однако онъ поспѣшилъ вернуться въ свою епархію, куда его звала видинская община. Онъ долженъ былъ разсѣять тѣ сомнѣнія, которыя овладѣли было не только его паствой, но и многими болгарами по обѣ стороны Балканъ. Пропаганды католическая и протестанская дѣлали свое дѣло, пользуясь этимъ смутнымъ и переходнымъ временемъ, и совращали съ православной вѣры молодыхъ людей. Владыко останавливался во всѣхъ городахъ и селахъ по своему пути, завернулъ и въ тѣ уголки, гдѣ чувствовалась надобность въ его поученіи и среди бурь, непогодъ и страшной балканской зимы, онъ, какъ настоящій пастырь добрый, неустанно говорилъ проповѣди, поучалъ и самоотверженно дѣлалъ свое святое дѣло.

По приѣздѣ въ Видинъ, высокопреосвященный Анѳимъ немедленно посѣтилъ тѣ мѣста, гдѣ имѣла успѣхъ униатская пропаганда и, смотря по надобностямъ, проповѣдывалъ, увѣщевалъ или стыдилъ. Затѣмъ онъ направился въ Вратчанскую и Ловченскую епархіи, откуда переѣхалъ въ Тырновскую епархію и, посѣтивъ города Ряховица, Лѣсковецъ, Елену, вернулся опять въ Видинъ.

Болгарскій соборъ обратился къ Аали-пашѣ съ просьбой о разрѣшеніи выбрать экзарха—главу болгарской церкви. Но дѣла въ Турціи никогда не двигаются такъ быстро впередъ: съ одной стороны съ патріаршаго престола удалился Григорій и его пріемникомъ былъ избранъ хитрый Анѳимъ VI Кутуліаносъ; съ другой,— умеръ вскорѣ и великій визирь Аали-паша (25-го августа 1871 г.) и вмѣсто него великимъ визиремъ былъ назначенъ Махмудъ-Не-

димъ-паша. Анеимъ VI попытался войти въ переговоры съ болгарскими дѣятелями, но самъ уступалъ очень мало. Онъ соглашался, чтобы болгарскій экзархатъ состоялъ изъ точно опредѣленныхъ и извѣстныхъ епархій въ Болгаріи—всего 14. Болгары съ своей стороны заявили, что они внѣ «фирмана» ничего не хотятъ. Великій визирь Махмудъ-паша постарался доказать явившейся къ нему депутаціи, что правительство вовсе и не думало уничтожить «фирмана». Но нужно же было, однако, опредѣлить значеніе и смыслъ 10 ст. онаго ¹⁾).

Около этого времени, именно въ день Рождества Христова, константинопольскіе болгары хотѣли заставить своихъ владыкъ служить въ болгарской церкви св. Стефана, на Фонарѣ; владыки отказались; но наканунѣ Богоявленія народъ силой привелъ ихъ въ церковь и на другой день заставилъ надѣть архіерейское облаченіе и совершить торжественную литургію, не смотря на запрещеніе патріарха. Патріархъ Анеимъ VI собралъ мѣстное синодальное собраніе, низложилъ служившихъ двухъ митрополитовъ, Иларіона Ловченскаго и Панарета Пловдивскаго, за участіе въ литургіи, Иларіона же Макаріопольскаго, низложеннаго еще раньше, отлучилъ отъ церкви. Въ то же самое время, патріархъ разослалъ письма къ Видинскому митрополиту Анеиму и другимъ болгарскимъ епископамъ и требовалъ, чтобы они въ 40 дней осудили поведеніе служившихъ въ день Богоявленія владыкъ и возвратились въ подчиненіе Вселенской церкви.

Затѣмъ, по настоятельному требованію патріарха, тогдашній великій визирь Махмудъ-паша отправилъ въ ссылку служившихъ службу епископовъ. Царьградскіе болгары на другой же день произвели демонстрацію въ пользу возвращенія своихъ любимыхъ митрополитовъ. Демонстрація была такъ внушительна и энергична, что турецкому правительству приходилось сдѣлать одно изъ двухъ: или возвратить митрополитовъ изъ Измида, куда они были отправлены, или же арестовать десятокъ тысячъ болгаръ участвовавшихъ въ демонстраціи. Сосланные митрополиты возвратились въ началѣ февраля 1872 года. Болгары устроили имъ такую великолѣпную встрѣчу какой Царьградъ давно не видалъ. Мало того. Турецкое правительство должно было, наконецъ, согласиться, чтобы болгары выбрали себѣ экзарха, т. е. главу независимой церкви.

---

¹⁾ 10 ст. содержала опредѣленіе границъ духовной области болгарскаго экзархата. Кромѣ точно опредѣленныхъ епархій, говорилось: что и всѣ другія епархій, жители которыхъ всѣ или двѣ трети пожелали бы подчиниться болгарскому экзархату, могутъ сдѣлать это.

V.

12-го февраля 1872 года, болгарскій синодъ архіереевъ, вмѣстѣ съ мірскими членами смѣшаннаго совѣта, избралъ единогласно въ экзархи болгарскіе высокопреосвященнаго Анеима Видинскаго. Онъ находился въ это время въ Видинѣ. Извѣстіе о состоявшемся выборѣ было для него совершенной неожиданностью. По заслугамъ слѣдовало бы выбрать Иларіона Макаріопольскаго, по старшинству Иларіона Ловченскаго, а по способностямъ... Анеимъ не признавался достойнѣйшимъ изъ всѣхъ болгарскихъ архіереевъ. 9-го марта того же года, изъ Царьграда пріѣхали два депутата, Гортаки-бей Чалыки и Іаковъ Геровъ, привезшіе съ собою актъ избранія перваго болгарскаго экзарха и приглашеніе, чтобы онъ отправился занять свой постъ въ Царьградъ.

Съ горестью простилась видинская паства съ своимъ добрымъ архипастыремъ. Изъ Видина блаженный Анеимъ поѣхалъ на особомъ пароходѣ, приготовленномъ правительствомъ; народъ и священники съ пѣніемъ проводили его до пристани. Путешествіе его въ Константинополь сопровождалось вездѣ торжественными и блестящими встрѣчами. Во всѣхъ придунайскихъ городахъ: Ломѣ, Раховѣ, Никополѣ, Систовѣ и Русчукѣ, къ экзарху являлись депутаціи изъ селъ, изъ Тырнова, Ловчи, Плевны и проч., подавали ему поздравительные адреса и просили, чтобы онъ крѣпко держался султанскаго фирмана и не уступалъ патріархіи. Турецкіе власти, предупрежденные со стороны центральнаго правительства, также принимали участіе въ этихъ встрѣчахъ.

Самая торжественная и величественная встрѣча ожидала блаженнаго Анеима въ Константинополѣ: обрадованные болгары наняли 4 парохода и встрѣтили его шумными оваціями при входѣ въ Босфоръ. Депутація произнесла рѣчь Анеиму, въ которой упомянула, что онъ ни за что не долженъ входить въ соглашеніе съ патріархіей. Прибывъ въ экзархійскій домъ, въ Орта-кію, блаженный Анеимъ произнесъ слово, произведшее сильное впечатлѣніе на слушателей. Объяснивъ какъ тяжело бремя его новаго сана и заявивъ, что возлагаетъ всѣ свои надежды на своихъ духовныхъ собратьевъ, архіереевъ, Анеимъ сказалъ: «По пути, всюду, гдѣ я былъ, мнѣ представлялись сѣдые старики, которые плакали отъ радости; я видѣлъ женщинъ, мужчинъ, дѣтей, которые восторгались освобожденіемъ отъ духовнаго греческаго ига,—и всѣ меня просили беречь султанскій фирманъ и не отступать отъ него ни на водосъ!»

Когда представитель отъ Македоніи началъ просить блаженнаго экзарха не забывать и о правахъ самой многострадалной болгарской области—Македоніи, онъ заплакалъ..

Вопросъ не рѣшался однимъ только избраніемъ болгарскаго экзарха и его прїѣздомъ въ Константинополь. Блаженный Анѳимъ все-таки желалъ избѣгнуть окончательнаго разрыва съ патріархомъ и думалъ какъ умиловитъ патріарха и греческую церковь, чтобы они признали и одобрили его выборъ. 3-го апрѣля блаженному Анѳиму былъ переданъ берать. Для врученія его былъ назначенъ самъ великій визирь Махмудъ-Недимъ-паша, что онъ и сдѣлалъ при самой торжественной обстановкѣ. Затѣмъ послѣдовали торжественныя ауденціи у султана (12-го апрѣля) и официальный визитъ къ министрамъ. Немного спустя, Анѳимъ рѣшился написать патріарху очень краснорѣчивое письмо и просилъ у него также аудіенціи. Патріархъ отказалъ. Анѳимъ написалъ второе письмо, въ которомъ заявилъ патріарху, что онъ какъ глава болгарской церкви не признаетъ низверженія болгарскихъ владыкъ, потому что оно было сдѣлано противъ церковныхъ каноновъ. Къ этому онъ присоветовалъ, что самъ намѣревается служить въ церкви, иначе среди болгарскаго православнаго населенія возбудится сильное негодование противъ патріархіи. Патріархъ опять ничего не отвѣчалъ. Болгарское населеніе Царьграда не имѣло счастья отстоять литургію въ служеніи своего экзарха во время праздниковъ Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Наконецъ, Анѳимъ написалъ патріарху третье письмо, въ которомъ представилъ ему незаконность отлученія и низложенія болгарскихъ владыкъ и просилъ, чтобы онъ снялъ съ нихъ эти несправедливыя наказанія. Въ отвѣтъ на это послѣднее письмо греческій патріархъ созвалъ великое греческое народное собраніе и 7-го апрѣля, въ собраніи, отлучилъ болгарскаго экзарха отъ греческой православной церкви.

Когда же, въ этомъ году, въ день славянскихъ просвятителей св. св. Кирилла и Меѳодія, блаженный Анѳимъ, по рѣшенію св. синода и смѣшаннаго совѣта, совершилъ вмѣстѣ съ другими епископами торжественное богослуженіе, патріархъ издалъ актъ, которымъ предалъ анаѳемѣ всѣхъ служившихъ владыкъ. Неудовольствовавшись этимъ, патріархъ пробовалъ созвать осенью 1872 года вселенскій соборъ, на который предполагалось пригласить представителей всѣхъ автокефальныхъ церквей. Однако, на первое время, турецкое правительство не согласилось дать разрѣшеніе. Когда же на высшій постъ великаго визиря былъ поставленъ Митхадъ-паша, «демонъ ново-фанатическаго направленія въ турецкой политикѣ» для созыва подобнаго собора представилась возможность. Къ счастью, русская, сербская, румынская и черногорская церкви не согласились участвовать на замышляемомъ вселенскомъ соборѣ и по этому греки нашли болѣе умѣстнымъ назвать соборъ «великимъ мѣстнымъ синодомъ»; состоялъ же онъ изъ патріарховъ и іерарховъ подвластныхъ султану.

Къ чести нѣкоторыхъ изъ этихъ іерарховъ нужно сказать, что не всѣ они слѣпо увлекались ультра-патріотическими тенденціями Аноима VI. Аноіохійскій патріархъ не согласился первый. Іерусалимскій патріархъ Кириллъ явился въ Константинополь только для того, чтобы доказывать безосновность идеи «о болгарской схизмѣ», которая должна была служить предметомъ обсужденій въ великомъ синодѣ. Во время засѣданій (въ сентябрѣ мѣсяцѣ) этого синода доблестный іерархъ безстрашно протестовалъ противъ намѣренія провозгласить схизму. Но противъ него возстали всѣ ярые эллины-владыки. 14-го сентября было третье и послѣднее засѣданіе великаго синода.

Прикрываясь маской заботы о защитѣ церковныхъ канонѣвъ и правилъ, великій синодъ составилъ знаменитый «оросъ», то есть опредѣленіе, въ которомъ сказано, что такъ какъ болгары вводили въ вѣру православную новый принципъ—«филетизмъ», т. е. племенность, то они провозглашаются отщепенцами отъ православной церкви, т. е. «схизматиками».

И такъ, великое преступленіе болгарскихъ владыкъ, передовыхъ людей и населенія, состояло въ томъ, что они проповѣдовали филетизмъ, т. е. племенную рознь въ церкви! Это опредѣленіе схизмы было объявлено при торжественной обстановкѣ и рѣшеніе собора разослано для прочтенія во всѣ церкви Царьграда и епархій. Греческая патріархія рассчитывала ужаснуть этимъ болгарскій народъ и возвратить его въ лоно Константинопольской церкви. Но въ тотъ самый день, когда въ патріаршей церкви читалось рѣшеніе собора о болгарской схизмѣ, болгарскій экзархъ Аноимъ I прочелъ въ болгарской церкви св. Стефана, находящейся не далеко отъ этой патріархіи, окружное посланіе къ болгарской паствѣ, въ которомъ заявлялось, что обвиненія патріарха лишены основанія и что болгары хранятъ свято всѣ догматы, преданія и правила православной церкви и поэтому не менѣе православны, чѣмъ самая патріархія.

Я считаю себя не компетентнымъ входить въ подробности содержанія и значенія этого «ороса», при томъ же въ рамку моего очерка не входить подобный этюдъ. Скажу только, что болгарамъ показалась въ высшей степени странной эта теологическая логика греческихъ іерарховъ, которые такъ легко могли избрѣсти «филетизмъ» (племенность), какъ мотивъ для болгарской схизмы, когда въ аналогическомъ положеніи находились православныя церкви: румынская, сербская, черногорская и проч. Болгарамъ вопросъ представлялся въ самой некрасивой формѣ. Они видѣли слѣдующіе два факта: 1) греческій патріархатъ желаетъ удержать подъ своей ферулой болгаръ, ибо они доставляли въ казну патріархіи довольно крупныя суммы; 2) греки боялись пробужденія, преуспѣанія и развитія болгаръ, которые наносили послѣдній ударъ ихъ

великой идеѣ («мегали идеи») о возстановленіи «Византійской имперіи».

Съ этой минуты началась самая трудная и самая почтенная пора дѣятельности блаженнаго Анѳима I. Нужно было создать, устроить и приложить на дѣлѣ организацію новой болгарской церкви. Нужно было найти просвѣщенныхъ и способныхъ работниковъ, назначить годныхъ митрополитовъ для разныхъ епархій, поддержать духъ народа, бороться не только противъ козней и ухищреній патріарха и его агентовъ и посланцевъ, но, что важнѣе всего, нужно было охранять болгарскую церковь отъ сѣти интригъ разныхъ иновѣрныхъ пропагандъ.

Патріархъ и греческіе патріоты своимъ «оросомъ» рассчитывали главнымъ образомъ парализовать и косвенно отмѣнить фирманъ отъ 8-го зилхидже 1286 года, которымъ учреждалась православная болгарская церковь. Первое ихъ дѣло, послѣ формальнаго провозглашенія схизмы, состояло въ томъ чтобы ходатайствовать предъ Высокой Портой объ измѣненіи фирмана или по меньшей мѣрѣ объ «обособленіи» и «различеніи» болгарской яко-бы схизматической церкви отъ православной.

Вскорѣ послѣ учрежденія болгарскаго экзархата, патріархъ потребовалъ, что бы фирманъ о болгарской церкви былъ видоизмѣненъ и чтобы въ немъ говорилось о полной независимости схизматической, а не православной, болгарской церкви. Тогдашній великій визирь Митхадъ-паша, министръ юстиціи Джеведъ-паша и министръ внутреннихъ дѣлъ Халиль-Шерифъ-паша, нашли это ходатайство согласнымъ съ интересами турецкаго государства и съ принципомъ: «раздѣляй и держи крѣпко!» Вслѣдствіе этого, они стали увѣщевать экзарха и его окружающихъ измѣнить фирманъ. Блаженный Анѳимъ понялъ, куда ведутъ эти новыя происки болгарскихъ непріятелей. Онъ не согласился измѣнить даже облаченія болгарскаго духовенства, не смотря на то, что среди болгарскаго общества вопросъ о перемѣнѣ облаченія имѣлъ уже большое число приверженцевъ. Блаженнаго Анѳима I не могли искусить слова Халила-Шарифа-паши, что фирманъ измѣнится въ его, экзарха, пользу, что его стануть называть: «царьградскимъ болгарскимъ патріархомъ». Особенно старались заставить блаженнаго Анѳима признать «схизму» бывший англійскій посолъ въ Константинополѣ серъ Эліотъ, который для своихъ цѣлей употреблялъ Чомакова, англomана и виднаго дѣятеля по церковному вопросу.

10-го января, 1873 года, министръ иностранныхъ дѣлъ отправилъ въ экзархатъ «ираде» (приказъ), въ которомъ рѣшительно требовалось: или измѣненіе фирмана и отдѣленіе болгарской церкви, или соглашеніе съ патріархомъ. Блаженный Анѳимъ созвалъ синодъ и совѣтъ (19-го февраля) и всѣ присутствующіе отвѣтили отрицательно.

Фирманъ былъ изданъ, уставъ для управленія болгарской церковью приготовленъ, экархъ выбранъ, но Высокая Порта и не думала исполнять, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ пунктахъ, своего фирмана. Это отзывалось въ высшей степени тяжело на населеніи болгарскихъ епархій. Церковь оставалась все-таки не устроенной, большинство епархій, которыя по фирману принадлежали уже къ власти болгарской церкви, оставались безъ владыкъ. Во многихъ городахъ некому было освятить церкви, вновь построенныя болгарами, (греки, какъ ни мало было ихъ, захватывали старыя церкви), некому было рукоположить въ священнической санъ лицъ, приготовленныхъ для этого и пр. и пр.

Болгарская молодежь убѣдилась, что полу-разрѣшеніе церковнаго вопроса не удовлетворяетъ ея идеаламъ. Въ это же время началось широкое національное движеніе и такъ называемые «апостолы»¹⁾ политической мысли и свободы стали чаще и чаще объѣзжать Болгарію, раздѣлили страну на революціонные округа, и энергически дѣлали свое патріотическое дѣло.

VI.

Положеніе блаженнаго Анѳима было хуже и труднѣе всего въ концѣ 1875 и въ началѣ 1876 годовъ.

Въ Болгаріи всѣ помнятъ этотъ роковой «черный годъ», какъ его назвалъ одинъ изъ болгарскихъ поэтовъ. Населеніе, безъ различія классовъ, половъ и возрастовъ, къ чему-то начало готовиться. Это, «что-то» каждый понималъ по своему. Смѣло и открыто стали требовать отъ Стамбула нѣкоторыхъ политическихъ правъ для болгаръ, напр., поступать въ войско, занимать государственныя должности и пр., и пр.

Турки замѣтили это движеніе и въ свою очередь стали также готовиться. Въ воздухѣ пахло общей катастрофой. «Будетъ общая рѣзня, общаа сѣча!» говорили открыто и назначали сроки. Наконецъ, вспыхнуло апрѣльское возстаніе 1876 года (въ Копривщицѣ, Панагюрицѣ и Перущицѣ), кончившееся майскими ужасами того же года въ Филиппопольскомъ санджакѣ. Въ самомъ Стамбулѣ произошли крупныя историческія событія: убійство Абдуль-Азиса (11-го мая 1876 г.), истребленіе нѣсколькихъ министровъ черкесомъ Гас-

¹⁾ Апостолами въ Болгаріи въ то время назывались проповѣдники идеи политической борьбы о независимости Болгаріи. Центръ движенія былъ Букарестъ, гдѣ проживали руководители этого движенія: Раковскій, Каравеловъ (Любенъ), Христо Ботевъ и др. Болгарія была раздѣлена на революціонные округа; въ каждомъ былъ главный «апостоль» и его помощники. Организация была очень несамысловата, но сохранялась въ большой тайнѣ. Въ главѣ этого движенія внутри Болгаріи стоялъ первоначально (до 1873 года) смѣлый герой—Василій Левскій, а затѣмъ Бенковскій (Георгій Хлытовъ).

саномъ. На престолъ сѣлъ Мурадъ, великимъ визиремъ сдѣлался Митхадъ, а министромъ иностранныхъ дѣлъ—Савфеть-паша.

Что же нужно было дѣлать въ это тяжелое время блаженному экзарху? Съ одной стороны, турки подозрѣвали его въ участіи въ заговорѣ, въ подстрекательствѣ; съ другой, — къ нему обращались болгары, требуя ходатайства о пощадѣ. Вѣдь онъ былъ духовнымъ главой болгарскаго народа! Дѣятельность экзарха въ это время была поистинѣ подвижническая. Онъ рѣшился на все, лишь бы помочь своему народу. Явился къ Савфету-пашѣ и съ документами въ рукахъ объяснилъ, что дѣйствительно турки, а особенно черкесы, совершили неимовѣрныя звѣрства. Онъ представилъ письма сливенскаго митрополита Серафима о звѣрствахъ Шевкетъ-паши и его ордѣ въ Ямбольской околіи. Савфеть принялъ экзарха холодно, указывалъ на то, что турецкая жестокость извиняется возстаніемъ и пр. и сказалъ:

— Теперъ возстаніе покончено, виновные казнены, народъ въ деревняхъ и городахъ торжествуетъ возстановленіе мирнаго порядка.

— Это ложь, — гнѣвно возразилъ Анеимъ и представилъ ему документы, удостовѣряющія, что ужасы продолжаются.

Результатомъ смѣлаго шага экзарха было отправленіе особеннаго слѣдователя Эдиба-эфенди въ Филиппополь. Въ то же самое время, по ходатайству экзарха, свѣдѣнія о звѣрствахъ въ Оракинъ были переданы, черезъ посредство разныхъ корреспондентовъ, въ европейскія газеты; особые посланцы секретно отправились собирать поименные списки убитыхъ и убійць. снарядилась депутація гг. Драгана Цанкова, Балабанова, поѣхавшая въ Европу съ цѣлью представить истинное положеніе Болгаріи и просить защиты и покровительства.

Экзархъ Анеимъ выказалъ не меньшую самоотверженность во время Царьградской конференціи. Онъ ни за что не согласился подписать благодарственный адресъ турецкому правительству; напротивъ, онъ заставилъ болгарскихъ вождей подписать и представить въ конференцію записку, въ которой кратко изложены были желанія болгарскаго народа: автономія на подобіе той, которой пользовался въ то время островъ Критъ. Экземпляры записки были переписаны въ экзархатѣ секретно—экзархъ имѣлъ основанія бояться нѣкоторыхъ изъ своихъ совѣтниковъ въ родѣ Чомакова—и отнесены въ русское посольство экзархійскимъ секретаремъ Тишевымъ. Въ этой запискѣ границы автономной болгарской области обозначены были въ границахъ экзархата, т. е. такъ, какъ признавали сами турки область болгарскаго элемента.

Можно представить себѣ положеніе болгарскаго экзарха, когда турецкое правительство узнало о подачѣ записки. Особенно разсвирѣпѣлъ великій визиръ Мидхатъ-паша, который послалъ сказать

его блаженству, что если онъ не измѣнитъ своего поведенія, то ему предстоитъ участь Царьградскаго патріарха Григорія, повѣщеннаго у воротъ патріархіи (1821 года). Негодованіе Высокой Порты увеличилось тѣмъ больше, что въ это время греческій вселенскій и армянскій патріархи представили записки, въ которыхъ восхваляли добродѣтели турокъ и ихъ управленіе. Около этого времени, былъ созванъ въ Константинополь печальной памяти турецкій парламентъ. Экзархъ Анеимъ обязанъ былъ явиться на засѣданіе его по праву и былъ приглашенъ формальнымъ «тескере». Въ этомъ парламентѣ предстояло рѣшить: принять ли условія предложенныя конференціей или нѣтъ.

Блаженный іерархъ и тутъ оказался на высотѣ своего отвѣтственнаго сана. Долго обдумывалъ онъ всю отвѣтственность свою предъ паствою своею, предъ церковью и предъ родиной, и, сообразивъ послѣдствія своего поведенія, рѣшился не ѣхать. Тогда именно Мидхатъ-паша задумалъ удалить Анеима отъ занимаемаго имъ поста. Онъ пустилъ въ ходъ все свои интриги, пригласилъ къ себѣ Чомакова и другихъ преданныхъ ему болгаръ, и сказалъ имъ, что экзарха во чтобы то ни стало нужно замѣнить другимъ лицомъ. Страхъ предъ турками заставилъ многихъ болгарскихъ митрополитовъ подчиниться приказанію Митхада-паши и не много спустя, собравшіеся въ Константинополь владыки, избрали въ экзархи Ловченскаго епископа Іосифа, нынѣшняго іерарха и главу болгарской церкви. Чомаковъ и его партія торжествовали.

Этимъ не кончились, однако, страданія перваго главы болгарской церкви. Онъ испыталъ страшныя муки въ то время, когда заря болгарской свободы занималась со стороны Дуная. Въ то время, когда русскій солдатъ стремился на освобожденіе Болгаріи, когда болгарскій народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ своихъ освободителей, Анеимъ I томился подъ домашнимъ арестомъ въ Константинополь. Его домъ былъ окруженъ солдатами и жандармами. Когда русскіе уже близились къ Филиппополю, и Тырновъ сдѣлался резиденціей главной квартиры дѣйствующей арміи, блаженнаго Анеима отправили въ ссылку (17-го іюля 1877 г.) въ Ангору въ Малой Азіи, вмѣстѣ съ его секретаремъ Тишевымъ, капукехаей Ив. Найденовымъ, Георги Груевымъ и попомъ Петромъ. Не буду распространяться о жизни блаженнаго экзарха въ Ангорѣ. Достаточно сказать, что единственное желаніе, единственныя молитвы, возсылаемыя экзархомъ Богу во все время его ссылки, заключались въ томъ, что бы Всевышній продлилъ его жизнь до тѣхъ поръ, пока онъ увидитъ Болгарію освобожденной Россіей.

VII.

Русскіе солдаты стояли въ Санъ-Стефано, подъ стѣнами Царьграда, а блаженный Аноимъ все еще изнывалъ въ ссылкѣ. Наконецъ, благодаря инициативѣ великаго князя Николая Николаевича, директоръ дипломатической канцеляріи Нелидовъ исходатайствовалъ у Высокой Порты разрѣшеніе о возвращеніи экзарха въ Болгарію. Аноимъ I заплакалъ какъ дитя, когда въ концѣ великаго поста получилъ радостную депешу о своемъ избавленіи. Онъ поспѣшилъ поскорѣе явиться въ Санъ-Стефано, дабы поблагодарить великаго князя за его хлопоты. Но путешествіе его замедлилось и онъ уже не нашелъ великаго князя, уѣхавшаго въ Россію. Вотъ что писалъ въ это время корреспондентъ «Новаго Времени» изъ Константинополя по случаю возвращенія болгарскаго экзарха изъ ссылки:

«Что же касается до экзарха, то его мѣсто, вѣроятно, будетъ занято старымъ экзархомъ Аноимомъ. Этотъ ночтенный старецъ, наконецъ, вернулся изъ ссылки. Я былъ у него и просидѣлъ часа два, слушая умную и задушевную рѣчь этого старика; видѣлъ его рыдающимъ при воспоминаніи о тѣхъ ужасахъ, которые переносила Болгарія, и тѣхъ личныхъ мукахъ, которыя выпали на его долю во время заточенія и ссылки. Я сознавалъ ясно, что все это горе еще такъ свѣжо, такъ близко къ нему, что не посмѣлъ утруждать старика разспросами о подробностяхъ, и потому пусть читатель не винить меня за отсутствіе разсказа о страданіяхъ почтеннаго Аноима. Онъ очень хорошо говоритъ порусски, хотя прошло уже 14 лѣтъ, какъ онъ покинулъ Россію; интересуется русской литературой, просилъ меня дать ему русскихъ книгъ и газетъ и передать русской честной прессѣ его благодарность, какъ болгарина. Отецъ Іосифъ до сихъ поръ исправляетъ должность экзарха, а Аноимъ живетъ въ Кадыкюфъ, на частной квартирѣ. Когда разсѣются политическія тучи, соберется соборъ архіереевъ и митрополитовъ, на немъ, какъ предполагаютъ, Іосифъ откажется отъ экзархіи и совѣтъ провозгласить экзархомъ снова старика Аноима. Лучшаго экзарха нельзя и желать намъ. Іосифъ очень хорошій человѣкъ, хорошій патриотъ, но все-таки онъ воспитанникъ не Россіи, а Франціи. Онъ учится теперь русскому языку, но знаніе послѣдняго, конечно, не замѣнить никогда той любви къ Россіи, которая дается выросшимъ и учившимся въ ней. Это любовь не только головы и разума, но и сердца, и лучшихъ воспоминаній розовой поры жизни»¹⁾.

Не суждено было Аноиму I снова занять престолъ болгарскаго экзарха. Исторія эта довольно прискорбна и я не беру съ разска-

¹⁾ См. А. Н. Молчановъ. «Между миромъ и конгрессомъ». Письма въ «Новое Время», Спб., 1878 г., стр. 270.

зывать ее, такъ какъ лица, замѣшанныя въ ней, еще находятся въ живыхъ. Болгарскій народъ, однако, оказалъ въ это время масти-тому иерарху большую почесть. Онъ былъ избранъ въ предсѣдателя тырновскаго учредительнаго собранія, въ 1879 году.

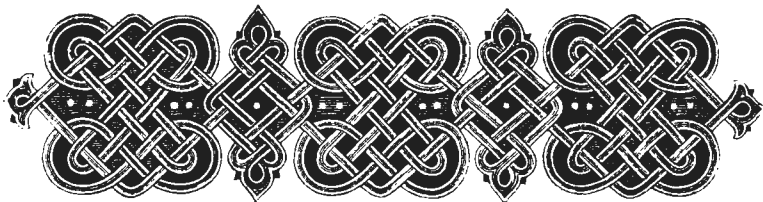
Блаженный Анѳимъ, глубоко возмущался, видя во время этого собранія торжество крайнихъ партизановъ европейскихъ идей. Онъ тогда же высказывалъ свои опасенія, что это ультра-либеральная конституція принесетъ одинъ только вредъ болгарской родинѣ и народу. Затѣмъ Анѳимъ I отправился въ Видинъ, резиденцію его митрополии, гдѣ и остался до конца своей жизни, имѣя помощниками очень дѣльныхъ и опытныхъ духовныхъ лицъ. Онъ занимался неустанно устройствомъ своей епархіи, интересовался развитіемъ болгарской политической жизни и слѣдилъ съ глубокимъ огорченіемъ въ душѣ за неправильнымъ путемъ, по которому повели страну нѣкоторые изъ болгарскихъ передовыхъ людей... Помочь, однако онъ не могъ.

Онъ умеръ послѣ долголѣтней трудовой жизни. Похороны его происходили при торжественной обстановкѣ и на нихъ присутствовали депутаціи со всѣхъ концовъ Болгаріи. Онъ похороненъ въ Видинской церкви св. Николая, Мърликійскаго чудотворца.

С. Бобчевъ.

СКИФСКАЯ ЖЕРТВЕННАЯ ЧАША.

ЯТЬ ЛѢТЬ тому назадъ пришлось мнѣ производить раскопки кургановъ въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близъ села Чернышевки или Красно-Григорьевки, на островѣ Томаковкѣ, гдѣ нѣкогда была третья по времени у запорожцевъ Сѣча. На тотъ разъ результаты моихъ поисковъ были не изъ особенно удачныхъ. Вскрывъ три небольшихъ кургана и найдя въ нихъ присутствіе татарскихъ похоронъ, я обратился къ изслѣдованію окрестностей острова Томаковки и тутъ прежде всего наткнулся на устье балки Отченашковой, лежащей къ востоку отъ острова и приведшей меня къ хутору владѣлицы Елены Михайловны Очеретьковой. Узнавъ, что я произвожу раскопки кургановъ и занимаюсь южно-русской стариной, г-жа Очеретькова сообщила мнѣ, что въ собственной плавнѣ ея, близъ острова Томаковки, крестьяне ея хутора какъ-то нашли огромную бронзовую вазу. Чтобы вытащить эту вазу изъ плавни, нужно было, по словамъ рассказчицы, запретъ двѣ пары воловъ. Привыкнувъ выслушивать разные чудовищные рассказы о находимыхъ кладахъ, я, признаться, и къ данному разсказу отнесся крайне скептически. На мой вопросъ, гдѣ же находится открытая ваза, владѣлица сообщила, что она продала ее извѣстному собирателю южно-русскихъ древностей, землевладѣльцу и жителю г. Екатеринослава, Александру Николаевичу Полю. О собраніи древностей А. Н. Поля я много слышалъ, но видѣть ихъ мнѣ еще не удавалось. Возвращаясь подъ конецъ лѣта съ археологическихъ экскурсій назадъ, я не приминулъ побывать и въ Екатеринославѣ у г. Поля. Разнообразіе и цѣнность собранія древностей А. Н. Поля

поразили меня: ни раньше, ни послѣ, я никогда ничего подобнаго не видалъ въ частныхъ рукахъ. Собранія древностей Г. П. Алексѣева, въ томъ же Екатеринославѣ, и В. В. Тарновскаго, въ д. Каченовкѣ, Черниговской губерніи, Борзенскаго уѣзда, ничто въ сравненіи съ собраніемъ Поля. Въ этомъ-то собраніи я увидѣлъ и бронзовую вазу, найденную крестьянами г-жи Очеретьковой въ плавнѣ. Это такъ называемая скиеская жертвенная чаша. По стилю, по

Скиеская жертвенная чаша.

(Изъ собранія А. Н. Поля).

величинѣ и по цѣльности—она самая лучшая и единственная изъ тѣхъ немногихъ скиескихъ жертвенныхъ чашъ, которыя хранятся у насъ въ Петербургѣ, въ Эрмитажѣ, въ отдѣленіи скиескихъ древностей. Высота вазы — около полутора аршина, величина діаметра—больше трехъ аршинъ, толщина—полтора вершка; вся она вылита изъ чистой бронзы; снаружи къ ней придѣлано четыре ручки: двѣ съ одной стороны, одна ниже другой, а двѣ съ другой

стороны, также одна ниже другой. По внѣшнему виду она напоминает ту купель, въ которой священники крестятъ дѣтей, по вмѣстимости она можетъ равняться шести или семи ведрамъ воды. Для чего же, спрашивается, такая чаша употреблялась у скивовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ Геродотъ, въ четвертой книгѣ своей исторіи. Вотъ его слова: «Такъ приносятся жертвы и жертвуются такія именно животныя всѣмъ вообще божествамъ скивовъ; только относительно Арея существуетъ иной, слѣдующій порядокъ: въ каждомъ скивскомъ царствѣ ставятся по околоткамъ святилища Арея, именно: складывается куча хворосту длиною стадіи въ три и столько же шириною; высота кургана меньше; наверху сдѣлана четырехугольная площадка, три стороны которой отвѣсны, а къ четвертой есть доступъ. Ежегодно свозится полтора раста возовъ хворосту, потому что отъ непогоды кучи постоянно осѣдаютъ. На каждомъ такомъ курганѣ водружается желѣзный старинный мечъ, который и составляетъ кумирь Арея. Этому-то мечу ежегодно приносится въ жертву рогатый скотъ и лошади, какъ и прочимъ божествамъ, а сверхъ того еще слѣдующее: въ честь его умерщвляется каждый сотый мужчина изъ всего числа взятыхъ въ плѣнъ враговъ, и умерщвляется не такъ, какъ скотъ, но инымъ способомъ: сдѣлавши предварительно возліяніе на головы людей, ихъ рѣжутъ надъ сосудомъ, потомъ кровь убитыхъ относятъ на кучу хвороста и льютъ ее на мечъ. Только кровь относится на верхъ; внизу у святилища всѣмъ убитымъ людямъ отсѣкаютъ правыя плечи вмѣстѣ съ руками и бросаютъ въ воздухъ; покончивъ съ принесеніемъ въ жертву остальныхъ животныхъ, удаляются. Руки оставляются тамъ, гдѣ упали, а трупы лежатъ отдѣльно»¹⁾. Мы бы, конечно, никогда не знали, какой изъ себя этотъ жертвенный «сосудъ», если бы не вскрывали скивскихъ кургановъ, вполне сходныхъ по своей величинѣ и структурѣ, съ тѣми которые описаны въ приведенныхъ выше словахъ Геродота. Между другими вещами въ нихъ находимы были и жертвенные «сосуды», совершенныя подобія жертвенной чаши собранія А. Н. Поля, но только сохранившіяся несравненно хуже послѣдней.

Д. Эварницкій.

¹⁾ Мищенко. Геродотъ. Исторія въ девяти книгахъ, Москва, 1885 г., 324.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛИИ ВЪ ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ XIX ВѢКА.

I.

Идемъ ли мы впередъ.—Похожъ ли конецъ нашего вѣка на его начало?—Лондонская улица въ 1804 году.—Англійскій сбитень.—Первые зачатки нынѣшнихъ усовершенствованій.—Попытки къ миру.—Плѣнные французы.—Ирландія въ 1800 году.—Покушеніе на жизнь короля.—Парадъ въ Лондонѣ.—Недостатокъ хлѣба и скущияки.—Прокламація народа и хлѣбные бунты.—Перепись населенія.—Новая государственная печать.—Новые налоги.—Миръ съ Франціей.—Уплата королевскихъ долговъ въ 1801 году.—Общественныя увеселенія 1802 г.—Фоксъ у Наполеона.—Парламентъ 1803 года.—Заговоръ Деспарда.—Процессъ Пельтье.—Первый консулъ и англійскій посланникъ.—Памфлеты и карикатуры.—Десять заповѣдей Бонапарта.—Приготовленія къ оборонѣ Англіи.—Бунтъ въ Ирландіи при извѣстіи о разрывѣ съ Франціей.—Билль объ уничтоженіи торга невольниками.—Тяжелые налоги.—Смерть Нельсона.—Смерть Питта и Фокса.—Блокада Англіи.—Англія въ 1807 году.—Бунты рабочихъ.—Новости съ театра войны.—Юбилей Георга III.—Вальхернская экспедиція.—Борьба Френсиса Бордета съ парламентомъ.—Смерть прынцессы Амеліи и помѣшательство короля.

«Die Todten reiten schnell» говорилъ, въ концѣ прошлаго вѣка, Готфридъ Бюргеръ въ своей знаменитой балладѣ, дважды передѣланной и переведенной Жуковскимъ. Еслибы нѣмецкій поэтъ дожилъ до нашего столѣтія, онъ убѣдился бы, что живые мчатся впередъ гораздо быстрѣе и неудержимѣе. Мы не говоримъ уже объ успѣхахъ науки, искусства, провѣщенія, культуры, но возьмемъ историческія событія, въ которыхъ все-таки наблюдается своего рода послѣдовательность: есть ли какое-нибудь отношеніе между современною политикою и фактами первыхъ годовъ нашего вѣка? А наша общественная жизнь! Неужели въ ней хоть что-нибудь напоминаетъ то, что было восемьдесятъ лѣтъ назадъ?

Если Вальтеръ-Скоттъ, издавая своего «Веверлея» съ прибавкою второго заголовка: «или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ», считалъ этотъ промежутокъ времени достаточнымъ для того, чтобы назвать свой романъ историческимъ, то періодъ въ восемьдесятъ лѣтъ слишкомъ, конечно, вполне достаточенъ, чтобы не относить людей и событій того времени къ современной исторіи. Событія, положимъ никогда не возвращаются, но люди, консервативные въ своихъ обычаяхъ, привычкахъ, костюмахъ, мѣняютъ ихъ обыкновенно не такъ скоро, и почти всегда въ нововведеніяхъ можно найти слѣды прошедшаго, особенно въ низшихъ слояхъ общества. Между тѣмъ, съ перваго взгляда, хотя бы на болѣе бросающуюся въ глаза уличную жизнь Лондона въ первые и восьмидесятыя годы нынѣшняго столѣтія, въ нихъ нельзя найти ничего общаго, ни малѣйшаго сходства. Люди того времени не только измѣнились: они исчезли безвозвратно. Взглянемъ, на примѣръ, на уличную сцену изъ лондонской жизни, изображенной на рисункѣ 1804 года. На углахъ улицъ въ Сити помѣщались маленькія будки для ночныхъ сторожей, — другой полиціи въ Лондонѣ не было. Сторожа ходили въ широкихъ кафтанахъ, съ мѣдными пуговицами на обшлагахъ, въ колпакахъ странной формы, съ трещотками на поясѣ. Къ ихъ шалапамъ, по утрамъ, уличные торговки подвозили обыкновенно свои подвижныя печи съ широкой плитою, на которой возвышалась огромная мѣдная баклага съ горячимъ напиткомъ «saloop», приготовленнымъ изъ салепа — мучнистаго вещества, добываемаго изъ клубней особаго вида ятрышника, привозимаго съ Востока, гдѣ это вещество составляетъ любимую пищу бѣдняковъ и въ то же время лекарство противъ диссентеріи, кашля и воспаленій. По своимъ вяжущимъ и крѣпительнымъ свойствамъ, которымъ салепъ обязанъ преобладанію въ немъ клейковины и крахмала, арабы и персіане считаютъ его возбудительнымъ средствомъ и едва ли не это свойство дѣлало его одно время любимымъ напиткомъ англійскаго простонародья. (Салепъ — поарабски лисица и названіе это дано клубнямъ растенія по сходству ихъ съ органами лисицы). Но въ Лондонѣ салепъ употребляли не въ видѣ мучной каши или желе, какъ на Востокѣ, а варили порошокъ салепа на молокѣ или бульонѣ и простой народъ пилъ его горячимъ, большими чашками. Кто теперь даже помнитъ о салепѣ? а тогда имъ упивались не только рыночныя торговки и трубочисты, но и королевская армія, представители которой — барабанщики и флейтисты изображены на рисункѣ въ мундирахъ, о которыхъ также давно нѣтъ помина. Но не одни улицы и народные обычаи подверглись съ тѣхъ поръ радикальнымъ реформамъ: измѣнилось рѣшительно все — искусства, науки, промышленность, политика, весь складъ жизни, всѣ взгляды на жизнь. Паръ въ то время едва начиналъ входить въ употребленіе на нѣкоторыхъ заводахъ, съ газомъ производились первые

опыты, электричество было научной игрушкой; забавлялись больше всего сотрясеніемъ мускуловъ подѣ влияніемъ гальванизма. Обычаи, занятія, развлеченія, костюмы—все перемѣнилось. Только печать, хотя не завоевавшая еще себѣ полной свободы, сохранила намъ, съ помощью иллюстрированныхъ изданій, всѣ подробности этой исчезнувшей жизни и мы постараемся воспроизвести ее въ главныхъ чертахъ по рисункамъ, взятымъ изъ книги Джона Аштона «Разсвѣтъ XIX столѣтія въ Англіи» (The dawn of the nineteenth century in England).

Восемнадцатый вѣкъ, начавшійся въ Англіи съ Вильгельмомъ Оранскимъ, уничтожившимъ въ призваншей его странѣ католичество, мѣдную монету и деревянные башмаки, окончился съ Георгомъ III, царствовавшимъ уже сорокъ лѣтъ, и которому предстояло царствовать еще двадцать. Этому королю, потерявшему англійскія колоніи въ Америкѣ, но успѣвшему захватить французскія, удалось очистить Египетъ отъ французовъ, такъ какъ генералъ Бонапарте поторопился бѣжать во Францію, чтобы захватить тамъ верховную власть. Въ VIII годѣ республики, 5-го января, то-есть въ первый день Рождества 1799 года, первый консулъ написалъ королю Великобританіи и Ирландіи письмо, въ которомъ предлагалъ заключить миръ съ Англіей. 4-го января 1800 г. лордъ Гренвиль отвѣтилъ длиннымъ письмомъ Талейрану, что Англія не была зачинщицею въ войнѣ и готова къ миру, если только онъ будетъ на твердыхъ и прочныхъ основаніяхъ. Министръ указывалъ, какъ Франція поступила съ Нидерландами, со Швеціей, какъ опустошила Германію и какъ «свободная» Италія сдѣлалась сценою анархій и грабежей. Не имѣя никакихъ данныхъ, чтобы судить о прочности новаго правительства, Англія, вмѣстѣ съ другими государствами, рѣшилась продолжать оборонительную войну, хотя она повергала страну въ большіе расходы. Французское правительство отказалось содержать своихъ солдатъ, взятыхъ въ плѣнъ, а ихъ къ началу года было 25,646, заключенныхъ въ восьми англійскихъ крѣпостяхъ. Плѣнниковъ кормили, конечно, однимъ хлѣбомъ, но такимъ сквернымъ, что парламентъ, въ февралѣ 1800 года принужденъ былъ издать билль, которымъ запрещалось пускать въ продажу хлѣбъ, если онъ не выпеченъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Денегъ было такъ мало въ Англіи, что даже суммы на содержаніе двора задерживались 3—4 мѣсяца, и служителя, конюха, сторожа, подавали прошеніе королю о выдачѣ слѣдующаго имъ жалованья. Банкъ далъ государству въ займы 3 милліона фунтовъ стерлинговъ безъ процентовъ, но подѣ условіемъ, что привилегіи банка будутъ возобновлены еще на 21 годъ, начиная съ 1812 года. Въ этомъ же году совершилось, послѣ долгихъ парламентскихъ преній, полное соединеніе Великобританіи съ Ирландіею. У послѣдней страны былъ, однако, въ то время свой

отдѣльный парламентъ, отъ котораго теперь такъ отрешивается лордъ Салисбюри, предпочитающій лучше залить кровью Ирландію, чѣмъ возвратить ей законныя права, которыми она пользовалась 80 лѣтъ назадъ.

15-го мая, король дѣлалъ смотръ въ Гайд-паркѣ батальону гвардейскихъ гренадеръ. При стрѣльбѣ, конечно холостыми зарядами, въ джентльмена Англей, служившаго въ морскомъ вѣдомствѣ и стоявшаго подлѣ короля на разстояніи въ 23 фута, вдругъ попала мушкетная пуля и пробила насквозь ляжку. Рана была такъ незначительна, что черезъ полчаса послѣ перевязки Англей могъ уже стоять на ногахъ. Это сочли несчастной случайностью, осмотрѣли тотчасъ всѣ патроны у солдатъ,—всѣ заряды были холостые. Король оставался до конца смотра и въ честь его было произведено еще нѣсколько залповъ. Въ тотъ же вечеръ Георгъ III былъ въ Дрюриленскомъ театрѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Когда онъ вошелъ въ свою ложу и кланялся публикѣ, сядя на свое мѣсто, изъ кресель ближайшихъ къ ложѣ, кто-то выстрѣлилъ въ короля изъ пистолета. Георгъ не потерялся, сѣлъ спокойно въ свое кресло и началъ разговаривать съ окружающими. Онъ однако избѣгнулъ большой опасности, такъ какъ пуля пролетѣла на разстояніи одного фута отъ кресла. Убийца былъ тотчасъ же схваченъ публикою и его потащили по партеру въ корридоръ, гдѣ стража съ трудомъ освободила его изъ рукъ толпы, порядочно поломавшей его. Подняли занавѣсъ, на сцену вышла не только вся труппа, но плотники, ламповщики, служащіе, и вмѣстѣ съ публикою запѣли: «God save the king». Затѣмъ началось представленіе комедіи Сиббера: «Она хочетъ и не хочетъ». Но въ королевской ложѣ принцессы Софія, Августина и Мери упали въ обморокъ. Только принцесса Елисавета, болѣе твердая, чѣмъ ея сестры, приводила ихъ въ чувство. Королева была очень блѣдна, но не волновалась и успокаивала своихъ дочерей. Человѣка, выстрѣлившаго въ короля, звали Джемсъ Гадфильдъ. Это былъ рабочій серебряныхъ дѣлъ. Онъ служилъ сначала въ драгунахъ и его считали хорошимъ, храбрымъ солдатомъ, и онъ не разъ доказывалъ въ сраженіяхъ свое мужество. Покрытый ранами и оставленный замертво на полѣ сраженія при Рубе, онъ былъ вятъ въ плѣнъ французами, но выздоровѣвъ, успѣлъ бѣжать къ своему полку, гдѣ всѣ считали уже его умершимъ. Головные раны имѣли однако вліяніе на его рассудокъ. Когда онъ напивался, то приходилъ въ совершенное бѣшенство. Его принуждены были уволить въ отставку, но всѣ офицеры свидѣтельствовали о его привязанности къ королю, за котораго онъ готовъ былъ отдать свою жизнь. Работая у ювелира, онъ однако постоянно выказывалъ разстройство умственныхъ способностей, не разъ судился за буйство, но былъ оправданъ мировымъ судомъ по невмѣняемости своихъ поступковъ. И теперь королевскій судъ также

оправдалъ его, но заключилъ въ Ньюгетскую тюрьму, откуда онъ бѣжалъ въ 1802 году, былъ пойманъ и запертъ въ домъ умалишенныхъ, но сумѣлъ вырваться изъ Бедлама и пропалъ безъ вѣсти. Въ память спасенія короля была выбита, по приказанію Шеридана, серебряная медаль. На лицевой сторонѣ Провидѣніе заслоняло изображеніе короля крестомъ, о который преломлялись стрѣлы; кругомъ подпись: «Богъ храни короля». На оборотной сторонѣ — британская корона въ лавровомъ вѣнкѣ и въ лучахъ; вокругъ подпись: «сохраненъ отъ убійства 15-го мая 1800 г»; на лентѣ вѣнка: «воздайте хвалу Богу».

Улица въ Сити, въ 1804 году.

Четвертаго іюня Лондонъ праздновалъ 63-хлѣтнюю годовщину рожденія короля блистательнымъ парадомъ корпуса волонтеровъ, собранныхъ на случай войны съ Франціею, въ неслыханномъ до того времени огромномъ числѣ—двадцати тысячъ человекъ. Газеты того времени полны восторженныхъ описаній этого праздника, кончившагося однако страшнымъ ливнемъ, отъ котораго бѣжала въ жалкомъ видѣ вся многотысячная фешьонебельная публика. Рисунокъ нашъ изображаетъ одну изъ такихъ группъ, спасающуюся отъ проливного дождя.

Новое столѣтіе началось страшною дороговизною всего, отъ хлѣба до золота. Пришлось издавать множество постановленій про-

тивъ барышниковъ и скупщиковъ жизненныхъ припасовъ, противъ стачекъ продавцовъ. На рынкахъ происходили частыя столкновенія между народомъ и покупателями предметовъ вседневной торговли. Волненія начались въ большихъ промышленныхъ центрахъ Бирмингамъ, Шефилдъ, Портсмутъ, Норвичъ, гдѣ народъ самъ расправлялся съ скупщиками, какъ это видно изъ рисунка знаменитаго Исаака Крюкшанка. Въ сентябрѣ начались подобныя сцены и въ Лондонѣ. На хлѣбномъ рынкѣ прибита была слѣдующая прокламація: «хлѣбъ будетъ стоить три пенса за фунтъ, если народъ соберется въ понедѣльникъ на площадь. Земляки! долго ли еще вы будете спокойно и трусливо переносить гнетъ шаекъ мошенниковъ, стакнувшихся съ чиновниками, чтобы уморить васъ голодомъ? Неужели вы будете терпѣть монополію, когда дѣти ваши просятъ хлѣба? Покончите съ этимъ безобразнымъ порядкомъ вещей! Вы властны измѣнить его. Проснитесь отъ вашей спячки». Это возваніе собрало на площадь огромныя массы черни. Она начала осмѣивать торговцевъ хлѣбомъ, бросать въ нихъ грязью, наконецъ, принялась бить стекла. Напрасно лордъ-меръ, прибывшій на площадь, въ сопровожденіи альдерменовъ старался успокоить взволнованную толпу, она освистала и его, и только съ помощью констаблей удалось разогнать народъ. Но вечеромъ возстаніе возобновилось: было разграблено нѣсколько хлѣбныхъ лавокъ, и только прибытіе на площадь вооруженной стражи изъ Тоуера положило конецъ возмущенію. Но разлакомившаяся сценами насилія чернь бросилась въ предмѣстья и разнесла тамъ нѣсколько домовъ. Ворвавшись къ одному скупщику Росби, она перерыла весь домъ отъ чердаковъ до подваловъ, отыскивая хозяина съ тѣмъ, чтобы его повѣсить, но онъ успѣлъ скрыться и толпа разошлась, не тронувъ его жены и дѣтей. Милиція и массы лондонскихъ волонтеровъ нѣсколько дней были наготовѣ, ожидая повторенія беспорядковъ, но броженіе улеглось, когда цѣна хлѣба понизилась до 15-ти шиллинговъ за четверть, и нѣсколько перекупщиковъ были наказаны судомъ. Лордъ-меръ объявилъ также, что всякая попытка произвести беспорядки будетъ немедленно подавлена. Волонтерамъ и войску пришлось, однако, въ теченіе всего сентября нѣсколько разъ разгонять толпы, пытавшіяся въ разныхъ мѣстахъ Лондона грабить булочные и мучные склады. Но до конца года муки было такъ мало во всей Англій, что въ декабрѣ появилась королевская прокламація, приглашающая всѣхъ соблюдать экономію въ потребленіи хлѣба, даже «избѣгать приготовленія пирожнаго».

Въ концѣ года произведено также новое перечисленіе жителей Соединеннаго Королевства, первое основанное на вѣрныхъ данныхъ. До начала XIX столѣтія цифра эта колебалась между 6-ю и 11-ю милліонами жителей. Новая перепись опредѣлила населеніе Англій и Валлиса въ 8.892,536 человекъ, Шотландіи въ 1.609,420, Ирлан-

діи въ 5.216,331, всего въ 15.717,287. За вѣрность тысячъ и даже десятковъ тысячъ въ этомъ итогѣ, конечно, нельзя было ручаться, такъ какъ перепись составлялась не однодневная и не на основаніи строгонаучныхъ правилъ, но все же она дала результатъ неожиданный, такъ какъ была несомнѣнно не выше, а ниже дѣйствительности. Соединеніе съ Ирландією, вступившее въ силу съ 1-го января 1801 года, было отпраздновано очень скромнымъ образомъ, нѣсколькими пушечными выстрѣлами и поднятіемъ флаговъ на Тоуэрѣ, Сентжемскомъ дворцѣ, колокольнѣ церкви св. Мартына

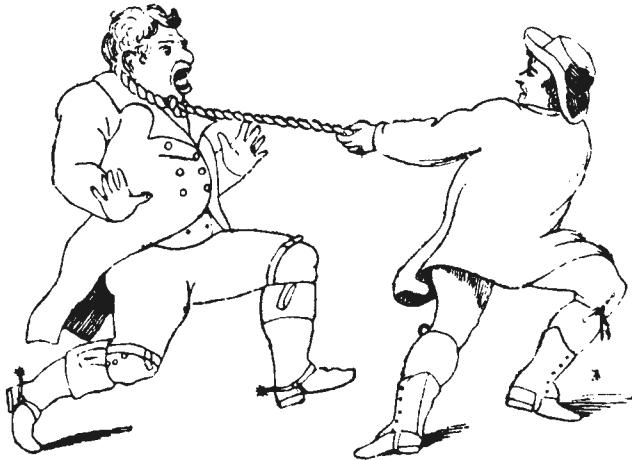
Возвращеніе съ парада, въ 1800 году.

и на казармахъ конной гвардіи. За то Георгъ III приказалъ сдѣлать новую государственную печать съ нѣкоторыми измѣненіями противъ прежней. Такъ изъ подписи подъ изображеніемъ короля верхомъ, въ римскомъ костюмѣ, съ маршальскимъ жезломъ и развѣвающейся мантиєю, исчезли буквы Fr. (Franciae) гех, а изъ королевскаго герба—французскія лиліи; ихъ замѣнила ирландская арфа, но титулъ короля Франціи почему-то не замѣнился королемъ Ирландіи. Обратная сторона государственной печати осталась прежняя: изображеніе короля на тронѣ, въ порфирѣ и коронѣ, со скипетромъ и державою. Его окружаютъ аллегорическія фигуры, справа — Геркулесъ, Минерва и Правосудіе съ мечомъ и вѣсами,

слѣва—Британія съ копьемъ, щитомъ и пальмовой вѣтвью, и женская фигура, изображающая благочестіе, съ маленькой церковью въ рукѣ. Любопытно, что граверъ забылъ вырѣзать на щитѣ Британіи, вмѣстѣ съ крестами св. Андрея и Георгія, и крестъ патрона Ирландіи св. Патрика, хотя объ немъ упоминается въ описаніи государственной печати.

Въ новый парламентъ явилось сто комонеровъ, 28 новоизбранныхъ перовъ и четыре епископа. На другой день послѣ открытія сессіи, ирландскій депутатъ былъ уже дважды призванъ къ порядку. Жалуясь на то, что въ отчетѣ его рѣчь была напечатана курсивомъ, онъ спрашивалъ спикера: «что же, я и теперь долженъ говорить курсивомъ?» Парламентъ занялся изслѣдованіемъ причинъ вздорожанія муки. Доказывали, что продавцы ея получаютъ 200 процентовъ барыша и играютъ въ вистъ по гинеѣ, что бѣлый хлѣбъ увеличивается въ цѣнѣ и уменьшается въ вѣсѣ. Но всѣ пренія объ этомъ не привели ни къ какимъ результатамъ. Въ виду тяжкихъ военныхъ расходовъ, Питтъ внесъ въ парламентъ бюджетъ съ увеличеніемъ налоговъ, почти на всѣ предметы, какіе можно было обложить: на чай, на бумагу, миткаль, перецъ, сахаръ, виноградъ, на лошадей, гербовую пошлину; даже почтовая пересылка въ пенсъ, была увеличена на два пенса. 1-го октября, лордъ-меръ получилъ совершенно неожиданное извѣстіе о подписаніи предварительныхъ мирныхъ условій съ Франціей. Въ тотъ же вечеръ дома въ Сити были иллюминированы, но это была довольно жалкая иллюминація, состоявшая въ томъ, что въ оконныя рамы вставлялись деревянные треугольники, на которыхъ утверждались сальныя свѣчи, сильно оплывавшія и требовавшія частаго сниманія нагара со свѣтильни. Черный кругъ съ маленькими жестяными лампочками, расположенными въ формѣ короны выставялся на немногихъ казенныхъ зданіяхъ въ главныхъ улицахъ столицы: Страндъ, Гай-маркетъ, Паль-Малль, Флит-стритъ; въ послѣдней таверна «Globe» украсилась надписью «миръ», составленною изъ разноцвѣтныхъ фонарей. Было выкинуто нѣсколько флаговъ, позвонили на колокольняхъ и этимъ окончилось все празднованіе. Да еще на почтовыхъ каретахъ, разѣзжавшихъ по всѣмъ трактамъ, выставлены были надписи «миръ съ Франціей». Мирный договоръ, ратификованный первымъ консуломъ, привезъ въ золотомъ футлярѣ генералъ Лористонъ, вѣхавшій въ Лондонъ 9-го октября. Въ Оксфордской улицѣ чернь выпрягла лошадей изъ экипажа посланника и повезла его на себѣ, до отеля, гдѣ онъ остановился. Пушки Тоуера дали знать городу о радостномъ извѣстіи. Вечеромъ зажглась болѣе приличная иллюминація. Явились транспаранты: на одномъ изъ нихъ купидоны держали портретъ Бонапарте, на другомъ, вокругъ портрета была даже надпись «спаситель міра». Надъ Гвильдгалземъ сіялъ голубъ съ маленькой вѣткой; почтамтъ былъ освѣщенъ

6,000 лампъ. Какъ нуженъ былъ миръ для всѣхъ—доказывала радость простого народа во всѣхъ городахъ. Въ Фальмутѣ украсили лентами не только лошадей, но и коровъ, телятъ и ословъ; въ Ламбетѣ пивоваръ даромъ угощалъ 13 октября всѣхъ явившихся въ его кабакъ. Хлѣбъ тотчасъ упалъ въ цѣнѣ и процентныя бумаги поднялись. Подешевѣли также жизненные припасы, но налоги, введенные во время войны, не уменьшались по заключеніи мира, а въ февралѣ 1802 года канцлеръ внесъ въ парламентъ посланіе короля объ уплатѣ его долговъ: припасы были дороже въ военное время; подроставшія принцессы требовали больше расходовъ на свои туалеты, свадьба принца Уэльскаго внесла за собою экстренныя издержки; надо было увеличить пенсіи разнымъ преданнымъ лю-

Расправа съ перекупщикомъ хлѣба.

дямъ, однимъ словомъ, король передержалъ до милліона стерлинговъ, и парламентъ положилъ уплатить ихъ. Принцъ Уэльскій также вошелъ съ представленіемъ объ увеличеніи ему содержанія, но удовлетворивъ родителя, парламентъ не счелъ необходимымъ раскошелиться для сына и отказалъ ему въ субсидіи.

Аміенскій миръ былъ окончательно подписанъ 27 марта. Англіи не было особенной причины радоваться ему: она возвращала французской республикѣ и ея союзницамъ—Испаніи и Батавской республикѣ всѣ захваченныя у нихъ колоніи, даже Мысъ Доброй Надежды и Мальту. Не смотря на это, толпы англичанъ наводнили Францію тотчасъ по заключеніи мира. Представлялся Наполеону въ Парижѣ и Чарльсъ Фоксъ, пріѣхавшій туда, чтобы собрать матеріалы для своей «исторіи Іакова II». Наполеонъ, которому англійскій посланникъ представилъ путешественника, наговорилъ ему множество комплиментовъ, сказалъ, что удивляется ему, какъ парламентскому оратору

и другу мира, постоянно возвышавшему свой голосъ въ защиту мирныхъ интересовъ своей страны, Европы, всего человѣчества. Двумъ великимъ націямъ нечего бояться другъ друга; онѣ должны жить въ мирѣ, понимая и уважая другъ друга; имъ нѣтъ причины враждовать. Фоксъ почти ничего не отвѣчалъ на громкія фразы. Въ теченіе шести недѣль вернулись во Францію всѣ посланники. Перваго іюня Лондонъ отпраздновалъ заключеніе мира: торжественная процессія съ герольдами, трубачами, конными и пѣшими полками, съ вестминстерскими констаблями двинулась въ Сити, гдѣ ее встрѣтили у Темплъ-Бера лордъ-меръ, шерифъ, представители города. Городской старшина спросилъ: кто идетъ? Герольдъ отвѣчалъ: «государственные чины просятъ войти въ Сити для обнародованія прокламаціи его величества о заключеніи мира». Ворота были отворены, прокламація прочитана и обѣ процессіи, смѣшавшись, пошли по улицамъ стараго города, прочтя четыре раза, въ главныхъ пунктахъ его, королевскую прокламацію. Иллюминація въ тотъ вечеръ была, дѣйствительно, великолѣпная; народъ наводнилъ улицы несмѣтными толпами. Не обошлось и безъ несчастныхъ случаевъ. На Страндѣ упалъ щитъ съ аллегорическими фигурами и задавилъ одного человѣка, ранивъ опасно еще троихъ.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ произошло открытіе парламента. Аддингтонъ былъ премьеромъ. Рисунокъ Джильрая изображаетъ его передъ президентскимъ столомъ, сзади его—выдающіеся члены министерства: лордъ Гауксбюри, Николь, Торней, Дикенсонъ. Въ августѣ въ Вильтшейрѣ было нѣсколько сценъ возмущенія на ткацкихъ фабрикахъ. Машины, изобрѣтенныя Аркрайтомъ и Крамптономъ для обработки хлопчатобумажной пряжи, вводимыя и на другія фабрики, вездѣ были причиною недовольства и волненія рабочихъ; вездѣ разбивая машины, они думали этимъ уничтожить человѣческую изобрѣтательность. Убытки, нанесенные этими вандалами въ Глосестерѣ простирались до ста тысячъ стерлинговъ. Главный зачинщикъ бунта былъ повѣшенъ и возстаніе мало-помалу успокоилось. Въ ноябрѣ былъ открытъ заговоръ на жизнь короля. Во главѣ стоялъ полковникъ Деспардъ, ирландецъ. Онъ служилъ въ Вест-Индіи, въ испанскихъ владѣніяхъ, потомъ въ Гондурасѣ былъ начальникомъ англійской колоніи, но лишень этого званія за злоупотребленія и ему отказали въ производствѣ слѣдствія надъ его поступками. Это озлобило его и онъ сталъ собирать вокругъ себя недовольныхъ королемъ и правительствомъ. Замыслы его были открыты и, схваченный въ 1794 году, онъ просидѣлъ нѣсколько лѣтъ въ тюрьмѣ, но былъ выпущенъ по недостатку положительныхъ уликъ. На свободѣ онъ продолжалъ вербовать себѣ пособниковъ для совершенія царубійства. Одинъ изъ нихъ явился доносчикомъ. Въ Ламбетѣ, въ одномъ мѣстѣ, захватили всѣхъ заговорщиковъ въ числѣ 32-хъ. Судъ надъ ними длился до февраля

слѣдующаго года. Деспардъ и девять главныхъ его сообщниковъ были приговорены къ смертной казни «черезъ повѣшеніе, сожженіе ихъ внутренностей передъ ихъ тѣлами и четвертованіе». Эта варварская, средневѣковая экзекуція была однако упрощена надъ обвиненными и шестеро изъ нихъ съ Деспардомъ были только повѣшены и обезглавлены. Остальные подверглись болѣе или менѣе тяжкому тюремному заключенію.

Не смотря на заключеніе мира, отношенія между Англіей и Франціей были чрезвычайно натянуты. Англійскій посланникъ въ Парижѣ, Витвортъ постоянно жаловался на самовластіе, грубость и придирки Наполеона, а тотъ, въ свою очередь, не переставалъ требовать обузданія англійской печати, относившейся непочтительно къ его особѣ. Между тѣмъ французскія газеты попрежнему осыпали Англію самыми наглыми оскорбленіями. Но чтобы сдѣлать угодное своему безпокойному сосѣду, отдали подъ судъ со специальными присяжными, Жана Пельтье, издававшаго на французскомъ языкѣ газету «L'Ambigu». Въ заголовкѣ этого листка былъ помѣщенъ сфинксъ съ короною на головѣ и съ лицомъ Наполеона, окруженный эмблематическими египетскими фигурами, значеніе которыхъ трудно растолковать. Но въ статьяхъ газеты отзывы о первомъ консулѣ были проникнуты явною враждебностью, его называли: «кровожаднымъ тигромъ, грабителемъ Франціи, гонителемъ благородныхъ душъ; короли пресмыкаются у его ногъ. Онъ избранъ пожизненнымъ консуломъ, хочетъ сдѣлаться императоромъ,—и пусть имъ сдѣлается. Вѣдь Ромулъ былъ тотчасъ же убитъ, когда задумалъ захватить верховную власть!» Адвокатъ Пельтье говорилъ съ своей защитительной рѣчи: «Еслибы въ то время, когда Робеспьеръ былъ во главѣ комитета общественной безопасности, мы были въ мирѣ съ Франціей, какому англичанину можно было запретить обсуждать поступки этого чудовища? Развѣ онъ долженъ былъ считаться образцомъ челоѣчества только потому, что былъ главою правленія? И о Маратѣ, требовавшемъ 250.000 головъ отъ конвента также нельзя говорить, какъ о Каррье, который приказалъ разстрѣлять въ Лионѣ пятьдесятъ дѣтей, и когда пули пролетѣли поверхъ ихъ головъ, потому что малютки стояли на колѣняхъ, прося прощенія, велѣлъ переколоть ихъ штыками? Во время Кромвеля, онъ дважды предавалъ суду присяжныхъ писателя, порицавшаго управленіе протектора. И присяжные, видѣвшіе въ окно эшафотъ, на которомъ пала голова ихъ монарха, слышавшіе въ коридорахъ бряцаніе ружей кромвелевскихъ солдатъ, все-таки два раза оправдали писателя, пользовавшагося данною ему Богомъ свободою слова и сужденія». Не смотря на эту краснорѣчивую защиту, Пельтье былъ признанъ виновнымъ въ оскорбленіи главы дружественной націи. Судъ отложилъ однако на неопредѣленное время составленіе приговора, который такъ и не былъ формулированъ, потому что велѣдъ

затѣмъ произошелъ и разрывъ съ Франціей. Видя, что во Франціи продолжаютъ усиленныя вооруженія, Англія медлила выводомъ своихъ войскъ съ острова Мальты и постановила набрать 10.000 волонтеровъ для морской службы. Наполеонъ разыгралъ передъ англійскимъ посланникомъ одну изъ тѣхъ эффектныхъ сценъ, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ. На выходѣ въ Тюльери, гдѣ присутствовало болѣе двухсотъ человекъ, онъ подошелъ къ лорду Витворту и сказалъ:

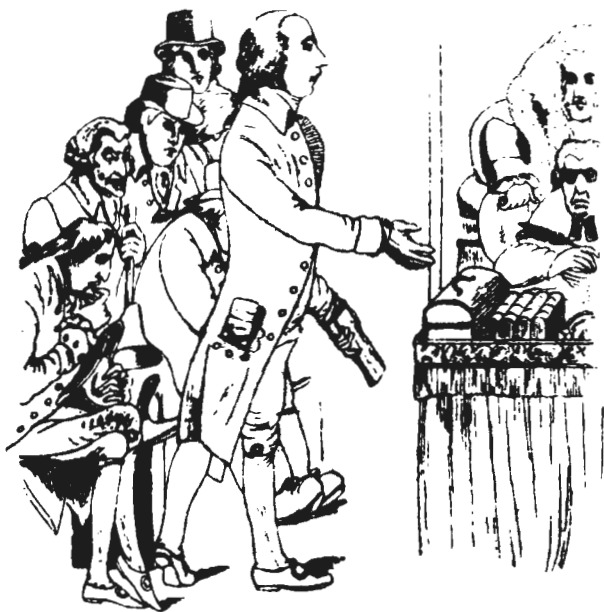
— Ну, такъ вы хотите войны?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ посланникъ,—мы слишкомъ дорожимъ годами мира.

— Мы вели войну въ теченіе 15 лѣтъ, и вы принуждаете меня вести ее еще 15!—Потомъ, обратившись вдругъ къ графу Маркову и испанскому посланнику, стоявшему вблизи, продолжалъ: «англичане хотятъ воевать, но если они первые обнажатъ мечъ, я послѣднимъ вложу его въ ножны. Они не уважаютъ трактатовъ. Къ чему вооруженія? Противъ кого принимаютъ всѣ эти мѣры? Можно, можетъ быть, убить Францію, но нельзя погубить ее. Горе тому, кто не уважаетъ трактатовъ!» Эту фразу онъ говорилъ нѣсколько разъ съ разными вариантами. Напрасно Талейранъ успокаивалъ Витворта. Очевидно было, что Франція готовится къ войнѣ и хочетъ только выиграть время для окончанія своихъ вооруженій. Этимъ неопредѣленнымъ положеніемъ воспользовались биржевые спекуляторы. Въ началѣ мая лорду-меру доставлена была депеша отъ лорда Гауксбюри, увѣдомлявшая, что всѣ недоразумѣнія съ Франціей улажены. Лордъ-меръ прочиталъ депешу на биржѣ, всѣ бумаги немедленно поднялись, но черезъ нѣсколько часовъ узнали, что депеша подложная и курсъ упалъ на 6%. Виновникъ этой продѣлки не былъ отысканъ, хотя за открытіе его лордъ-меръ предлагалъ 500 стерлинговъ. 17 мая въ Дуврѣ съѣхались два посланника, лордъ Витвортъ и генералъ Андреосси, возвращавшіеся, по объявленіи войны, въ свое отечество. Англія не теряла времени: на другой же день доставлено въ парламентъ королевское посланіе съ объясненіемъ причинъ, по которымъ война съ Франціей дѣлалась неизбежною, а черезъ день Нельсонъ отправился съ флотомъ въ Средиземное море, гдѣ началъ захватывать французскіе корабли. Наполеонъ отвѣчалъ тѣмъ, что наложилъ амбарго на англійскія суда, не вышедшія изъ французскихъ и голландскихъ гаваней. Это не выходило изъ постановленій международнаго права, но онъ издалъ въ то же время приказъ, неслыханный въ исторіи: объявилъ военноплѣнными всѣхъ англичанъ, находившихся въ минуту объявленія войны во Франціи и въ Голландіи. Это возбудило крики дипломатовъ и негодованіе властителей. Но Наполеонъ и тогда уже не обращалъ никакого вниманія ни на права народовъ, ни на общественное мнѣніе, ни на дружбу монарховъ. Самовластіе корси-

канскаго выскочки увеличивалось съ каждымъ новымъ успѣхомъ его оружія и эгоистической политики.

Первымъ плодомъ обострившихся отношеній между націями, обманутыми въ своихъ надеждахъ отдохнуть отъ ужасовъ войны, было появленіе въ Англіи множества памфлетовъ и карикатуръ на Наполеона. Вотъ въ сокращенной передачѣ «Новый Моисей или десять заповѣдей Бонапарте, переводъ съ французскаго Солимана скитальца». — «И когда великій человѣкъ исшелъ изъ Египта, весь народъ трепеталъ передъ нимъ, ибо за него стояла вся сол-

Парламентъ 1803 года.

датчина. И сердце его обуяла гордость и онъ сумѣлъ увѣрить массу, что онъ величайшій геній подъ солнцемъ. И вотъ онъ осѣдлалъ всю націю и далъ ей слѣдующіе десять заповѣдей: 1. Я, Бонапарте, верховный глава вашъ, французы и да не будетъ у васъ другихъ властителей, кромѣ меня. 2. Не сотвори себѣ другого кумира, кромѣ моего, ни изъ золота, ни изъ мрамора, ни изъ металла и да не будетъ у тебя другихъ предметовъ поклоненія ни между живыми, ни между мертвыми, кромѣ меня. 3. Не произноси имени моего иначе какъ съ благоговѣніемъ и не позволяй и другимъ націямъ сомнѣваться въ моемъ величїи и геніальности. 4. Помни день молитвъ и молись только за меня и за то, чтобы я покорилъ скорѣе и весь остальной міръ, а вы, священники прославляйте только

меня и мое могущество. 5. Чти меня, какъ отца и мать, повинуйся мнѣ непрекословно и благо тебѣ будетъ, если я позволю тебѣ жить на землѣ. 6. Не убивай безъ моего приказанія, такъ какъ я одинъ знаю, кого надо убить: всѣхъ непризнающихъ меня за своего властителя. 7. Не прелюбодѣйствуй въ своей странѣ, чтобы не возбуждать смуть, а въ чужой—сколько влѣзеть. 8. Не крадь у себя дома, а когда я поведу тебя въ чужую землю—хватай обѣими руками. 9. Не лжесвидѣтельствуй противъ соотечественниковъ, а на чужихъ клевети сколько хочешь. 10. Не желай жены ближняго твоего, ни раба его, ни осла его, все это ты найдешь у сосѣдей, къ которымъ я поведу тебя и гдѣ ты можешь грабить все, что тебѣ угодно».

Этотъ памфлетъ, какъ одинъ изъ первыхъ, былъ еще очень мягокъ. Появились потомъ другіе, гораздо рѣзче; въ нихъ утверждалось, что Бонапарте перешелъ въ Египтъ въ мусульманскую вѣру, что онъ отправилъ въ Яффу своихъ больныхъ солдатъ, чтобы не заботиться объ ихъ леченіи. Въ возваніяхъ къ гражданамъ Англіи, на кроваваго честолюбца, нарушителя мира въ Европѣ, сыпались всевозможные бранные эпитеты. Въ брошюрѣ «Кто такой Бонапарте?» рассказывалось, какъ онъ началъ свою карьеру, обративъ пушки своего полка противъ гражданъ Парижа, какъ онъ писалъ изъ Павіи, что разстрѣлялъ весь муниципалитетъ этого города, а въ Александріи истребилъ безоружныхъ жителей, стариковъ, женщинъ и дѣтей и четырехтысячный турецкій отрядъ, сдавшійся ему военноплѣннымъ. Какъ вернувшись во Францію, уничтожилъ народное представительство, составилъ польскій легіонъ, для защиты республики, отправилъ его на Сан-Доминго, гдѣ онъ весь погибъ отъ убійственнаго климата и проч. Въ этихъ пасквиляхъ упрекали его и въ томъ, что онъ уничтожилъ во Франціи двѣ величайшія гарантіи прогресса и цивилизаціи: свободу печати и свободу слова и собрался даже въ Англіи ограничить свободу парламентскихъ преній. Появились также патріотическія пѣсни, очень воинственныя, но мало поэтическія. Въ одной изъ нихъ назывались «дубовыми сердцами» сами англичане и ихъ корабли (*Hearts of oak we are all, both our ships and our men*). Одинъ изъ памфлетовъ рисуетъ картину Лондона, если французамъ удастся вторгнуться въ этотъ городъ: Бонапарте приказываетъ прежде всего захватить англійскій банкъ, потомъ на всѣхъ корабляхъ въ гавани поднимаютъ французскій флагъ, англійскихъ матросовъ противящихся этому, выбрасываютъ за бортъ. Потомъ Бонапарте издаетъ прокламацію къ народу, обѣщая ему миръ и спокойствіе и приглашая его три дня не выходить изъ своихъ домовъ и не препятствовать солдатамъ—въ исполненіи возложенныхъ на нихъ порученій. Въ тоже время, въ другой прокламаціи къ солдатамъ—Лондонъ отдается имъ на разграбленіе въ теченіе трехъ дней. Начинаются

сцены ужаса: грабежъ частныхъ жилищъ, насилуваніе женъ и дочерей, убійства мужей и отцовъ, пожары церквей, вѣшаніе епископовъ. На городъ налагается до 2-хъ милліоновъ контрибуціи, двѣсти именитыхъ гражданъ берутся заложниками и заключаются въ тюрьму. Нельсонъ, Питтъ, Аддингтонъ, Шериданъ, Грей, Сидней, Смитъ и другія выдающіяся личности Англіи обвиняются въ заговорѣ противъ Франціи и ихъ разстрѣливаютъ въ Гайд-паркѣ. Великобританія переименовывается въ «Французскіе острова», Лондонъ въ «Наполеополисъ» и проч. Все это легко могло бы осуществиться, если бы французамъ удалось произвести высадку въ Англіи.

На королевскомъ театрѣ поставили фарсъ, впрочемъ, очень плохой: «Вторженіе въ Англію перваго буйфа Буонапарте, или обезкураженные бандиты». Чѣмъ сильнѣе разгоралась народная ненависть къ «корсиканскому людоеду», тѣмъ сильнѣе становились выходки противъ него и его семейства. Печатали, что его дядя содержалъ кабакъ и обвиненный въ воровствѣ и убійствѣ умеръ на галерахъ въ 1724 году; бабка его также умерла въ генуэзскомъ исправительномъ домѣ, посаженная туда за распутство; отецъ его былъ шпиономъ французскаго правительства, когда Франція заняла Корсику, мать была любовницею губернатора острова, Марбѣфа. Отъ этой связи родился Наполеонъ, жившій потомъ съ своими сестрами. Подобныя обвиненія повторялись и во Франціи, даже въ серьезныхъ біографіяхъ Наполеона. Въ Англіи благочестивые мистики доказывали кабалистическими выкладками, что онъ несомнѣнно «звѣръ Апокалипсиса, его же число 666». Этотъ выводъ перешелъ и въ русскіе памфлеты 1812 года. Страхъ вторженія былъ однако же такъ великъ, что число волонтеровъ, распредѣленныхъ по графствамъ, для ихъ защиты—дошло до 400,000, что удивило не только Наполеона, но всю Европу. Конечно, число это было пока только на бумагѣ, но наборъ и вооруженіе волонтеровъ производились очень дѣятельно. Явились новые памфлеты о вторженіи, гдѣ предсказывались уже побѣды волонтеровъ, и въ карриатурахъ подъ названіемъ: «Послѣ вторженія», «Буонапарте черезъ 24 часа послѣ высадки»—изображался волонтеръ, держащій воткнутую на пикѣ голову Наполеона, съ ироническою подписью подъ рисункомъ. Принцъ Уэльскій просилъ, чтобы его причислили къ волонтерамъ, но ему было отказано въ этомъ, какъ наслѣднику престола и потому также, что если непріятель вторгнется въ Англію, принцъ будетъ всегда имѣть случай высказать свое мужество—хотя это качество было всегда сомнительно въ королевскомъ семействѣ.

Въ іюлѣ Наполеонъ, въ Булони и Кале, подробно осматривалъ береговыя батареи и укрѣпленія, а въ Лондонѣ въ то же время вербовали насильно въ матросы и посылали на корабли всѣхъ, кого могли, даже уличныхъ бродягъ, захватываемыхъ ночью въ притонахъ

разгула и тавернахъ. Шерифы и мировые судьи приговаривали къ отдачѣ въ матросы всѣхъ взятыхъ за безпорядки на улицахъ, даже за долги. Пожертвованія деньгами, лошадьми, амунициею, припасами сыпались со всѣхъ сторонъ; большія фабрики, торговыя фирмы вносили значительныя суммы; вездѣ организовались комитеты для защиты страны, закуповавшіе военные снаряды, провизію. «Times» имѣлъ полное основаніе говорить въ августѣ: «и одиннадцати недѣль не прошло съ объявленія войны—но пусть намъ укажутъ, въ какую эпоху была сдѣлана, хотя половина того, что дѣлается теперь для защиты страны». Рѣшено было, что въ случаѣ высадки французовъ, король удалится съ своимъ семействомъ въ Ворсестеръ. Арсеналь изъ Вульвича должно было перевести во внутренность страны. По берегамъ воздвигались маяки и устраивались сообщенія между ними. Стали, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, вездѣ ловить и подозрѣвать шпионовъ. Гаррика, родственника знаменитаго актера приняли даже за переодѣтаго Наполеона, и меръ города долженъ былъ дать удостовѣреніе, что это Гаррикъ, а не Наполеонъ. При первомъ извѣстіи о затруднительномъ положеніи Англіи, Ирландія попыталась возвратитъ себѣ независимость. Въ концѣ іюля, въ Дублинѣ высадился съ сотнею приверженцевъ Робертъ Эмметъ, братъ доктора Эммета, игравшаго выдающуюся роль въ возстаніи 1798 года. Инсургенты убили главнаго судью Дублина, полковника, начальствовавшаго отрядомъ королевскихъ войскъ, и еще нѣсколько лицъ, но были разбиты на голову и 120 человекъ положили оружіе. Ихъ судили какъ бунтовщиковъ, и Робертъ Эмметъ былъ повѣшенъ въ сентябрѣ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, по обычаю, во всемъ королевствѣ былъ назначенъ день всеобщаго поста и молитвы—и постъ былъ строго соблюденъ. Церкви были въ особенности переполнены волонтерами.

Въ началѣ 1804 года, Великобританія, подготовившаяся къ защитѣ, ждала своего врага безъ особаго опасенія, но новая армада не появлялась въ виду англійскихъ береговъ. Денегъ попрежнему было мало въ странѣ, но такъ какъ англійскіе крейсера захватывали призы съ испанскими долларами, то на иностранную монету накладывали штемпель съ портретомъ Георга III и она ходила въ 5 шиллинговъ, причемъ правительство выгадывало $3\frac{1}{3}$ пенса. Въ маѣ опять былъ назначенъ всеобщій постъ и молитва, по случаю выздоровленія короля отъ водянки. Въ томъ же мѣсяцѣ пало министерство Аддингтона, давно уже подкапываемое Питтомъ, сформировавшимъ новый кабинетъ, изъ герцога Портланда, графа Чатама, лордовъ Мельвиля и Эльдона, Каннинга, Дондаса и др. Первымъ актомъ министерства была отдача подъ судъ Вильяма Коббета за брошюру, обвинявшую правительство въ плохомъ управленіи Ирландіей. Писателя присудили къ уплатѣ 500 фунтовъ пени. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ происходило въ парламентѣ третье чтеніе билля

объ уничтоженіи торговли неграми. Во время преній въ палатѣ общинъ было замѣчено, что на Барбадосскихъ островахъ болѣе 7,000 плѣнныхъ французовъ и что они могутъ произвести волненіе между неграми, неумѣющими отличать уничтоженія торговли рабами отъ уничтоженія рабства, тѣмъ болѣе, что моравскіе братья проповѣдуютъ на островѣ, будто всѣ люди равны и послѣдніе будутъ первыми, а первые послѣдними. Другой членъ палаты привелъ въ защиту миссіонеровъ то обстоятельство, что они обратили въ христіанство на островѣ Антигуа 10,000 негровъ, «сдѣлавшихся послѣ этого до того кроткими и послушными, что цѣна на нихъ значительно поднялась и они продавались по десяти стерлинговъ за штуку». Перенесенный въ палату лордовъ билль встрѣтилъ

Надзоръ за уплатою налога въ кухнѣ.

сильныхъ противниковъ въ этихъ ретроградахъ и консерваторахъ. Герцогъ Кларанскій прямо объявилъ уничтоженіе продажи невольниковъ величайшимъ зломъ и страшною опасностью. Лордъ Гауксбюри настоялъ, чтобы второе чтеніе билля было отложено до слѣдующей сессіи.

Избранный императоромъ еще въ маѣ, Наполеонъ короновался только въ декабрѣ, а въ мартѣ 1805 г. итальянская республика предложила ему быть ея королемъ. Поэтому онъ отправился съ Жозефиною въ Миланъ, гдѣ и короновался итальянскимъ королемъ. Но продолжая захватывать чужія страны и вооружаться, онъ все толковалъ о миролюбіи и опять писалъ къ Георгу III, «государю и брату», увѣряя, что война между двумя націями не имѣетъ никакой цѣли и представляетъ печальное зрѣлище. Лордъ Муль-

графъ отвѣчалъ Талейрану, что его британское величество, получивъ мирныя предложенія отъ «главы французскаго правительства», не находитъ вообще положеніе европейскихъ державъ безпеченнымъ и долженъ по этому предмету войти съ ними въ сношенія, въ особенности съ русскимъ императоромъ, «представившимъ ясныя доказательства мудрости и возвышенности одушевляющихъ его чувствъ и живѣйшей заботливости о безопасности и независимости Европы». Въ то же время Англія объявила войну Испаніи, уже поставленной въ совершенную зависимость отъ Франціи и, по этому случаю, опять былъ назначенъ день поста «для испрошенія успѣха оружію его величества». Но эти частыя воззванія къ общественному пощенію и воздержанію начинали уже надѣдаться высшему кругу и газеты того времени замѣчаютъ, что въ день поста, въ три часа, состоялось въ Лондонѣ особенно оживленное гулянье, на которомъ лорды и леди красовались въ самыхъ изящныхъ экипажахъ и роскошныхъ нарядахъ. Церкви были наполнены только одними волонтерами, вербовка которыхъ дѣятельно продолжалась во всей Великобританіи. Въ январѣ парламентъ утвердилъ наборъ 120,000 человекъ для флота, и въ февралѣ 312,000 для арміи, съ полною экипировкою ихъ, для чего, конечно, потребовалось увеличеніе налоговъ на лошадей, пересылку писемъ, на духовныя завѣщанія. Въ особенности соляной налогъ былъ обременителенъ для простого народа. Надсмотрщики шныряли даже по кухнямъ, чтобы видѣть, не потребляютъ ли повара соль, неоплаченную акцизомъ, и одна изъ каррикатуръ изображаетъ кухарку, мистрисъ Джонъ Буль, испуганную появленіемъ податного надзирателя—даже изъ ящика съ солью, куда онъ спрятался для наблюденія.

Высадка въ Англіи французовъ не состоялась и въ этомъ году, потому что они должны были отправиться за Рейнъ—драться съ Австріей, даже безъ объявленія войны. Въ ноябрѣ, въ Лондонѣ пришло извѣстіе о трафальгарскомъ сраженіи. Но торжество по случаю разбитія французскаго флота было омрачено извѣстіемъ о смерти Нельсона, павшаго въ битвѣ. Появились листки съ описаніемъ битвы, съ изображеніемъ Англіи, рыдающей надъ умирающимъ героемъ, котораго поддерживаютъ хирургъ и матросъ. На Дрюриленскомъ театрѣ поставили интермедію «Побѣда и смерть лорда Нельсона». Въ январѣ 1806 года его похоронили съ особенною пышностью въ церкви св. Павла. Вездѣ повторялись и коментировались слова его передъ сраженіемъ: «Англія ожидаетъ, что каждый исполнитъ свой долгъ». Они повторялись даже въ заголовкѣ разныхъ рекламъ, предложеній дешевой распродажи товаровъ и т. п. Спекуляція не упускала случая приплести слова героя ко всякому случаю, давала имя его множеству предметовъ, поступавшихъ въ продажу. Особеннымъ великолѣпіемъ отличалась

процессія, плывшая по Темзѣ отъ Гринвича до Вейтгалля, съ гробомъ Нельсона. Изъ Вейтгалля тѣло перевезли въ адмиралтейство и потомъ уже въ церковь. Мѣста по пути процессіи продавались дорогою цѣною. Въ громадной толпѣ народа многихъ сильно помяли, иныхъ изувѣчили. Всѣ мужскіе члены королевской фамиліи, кромѣ короля, участвовали въ процессіи. Расходы на нее простирались до 15,000 стерл. По окончаніи церемоніи, въ церковь впускали желающихъ посмотрѣть гробницу Нельсона съ платою по шиллингу за входъ. Вслѣдъ за великимъ воиномъ Англіи умеръ и ея великій государственный дѣятель—Вильямъ Питтъ, котораго парламентъ похоронилъ также на счетъ государства и назначилъ

Смерть Нельсона.

40,000 стерл. въ уплату его долговъ. Похороны его въ Вестминстерскомъ абатствѣ были также пышны, но стоили только 6,000 стерл. Даже по смерти военные стоятъ отечеству дороже штатскихъ. Безъ поста, конечно не обошлось и при этомъ случаѣ, но въ день, назначенный для этого, лордъ-меръ, шерифы и другія правительственныя лица отправились изъ церкви св. Павла прямо въ Меншюнггоузъ обѣдать; вѣроятно кушанья были постныя.

Въ апрѣлѣ палата лордовъ судила одного изъ министровъ въ кабинетѣ Питта, лорда Мельвила, по обвиненію въ присвоеніи разныхъ суммъ по управленію морскимъ министерствомъ, но нашли его невиновнымъ. Въ сентябрѣ умеръ противникъ Питта—Чарльзъ Фоксъ—и на этотъ разъ похороны не устраивались на казенный счетъ, и парламентъ не платилъ долговъ покойнаго,—можетъ быть

потому, что уплаты эти входили въ бюджетъ «секретныхъ расходовъ» на 1806 годъ, простиравшихся до 175,000 стерл. вмѣстѣ съ назначеніемъ 300,000 стерл. морякамъ, участвовавшимъ въ трафальгарскомъ сраженіи. Англія щедро оплачиваетъ оказанныя ей услуги, а онѣ были, въ этомъ случаѣ, очень велики, такъ какъ съ уничтоженіемъ французскаго флота, англійскій флотъ сдѣлался единственнымъ властелиномъ во всѣхъ моряхъ. Погребеніемъ Фокса распоряжался другъ его Шериданъ, и великаго оратора и министра похоронили въ Вестминстерскомъ аббатствѣ въ 18-ти шагахъ отъ его врага Питта. Незадолго до своей смерти, Фоксъ писалъ Талейрану, что какой-то французъ потребовалъ свиданія съ нимъ, Фоксомъ, и объявилъ, что намѣренъ убить Наполеона, чтобы водворить спокойствіе въ Европѣ. Негодяй разсказалъ даже объ устройствѣ имъ, для этой цѣли, какой-то адской машины въ Пасси. Прогнавъ его, Фоксъ въ то же время приказалъ выслать его изъ Англіи, не имѣя права, по законамъ страны, задержать его, о чемъ и увѣдомилъ Талейрана для принятія мѣръ предосторожности. Наполеонъ велѣлъ поблагодарить Фокса, «всегда поступавшаго благородно», но объявилъ, въ то же время, строгую блокаду Англіи. Не только торговля, но и всякія сообщенія прекращались; письма изъ нея писанныя на англійскомъ языкѣ—уничтожались; каждый англійскій подданный, гдѣ бы онъ ни находился—дѣлался военноплѣннымъ и имущество его конфисковалось; всѣ англійскіе товары, у кого бы они ни находились—должны были выданы въ теченіе 24-хъ часовъ; удержавшіе ихъ послѣ этого срока подвергаются всей строгости военныхъ законовъ. Англійскія газеты смѣялись надъ объявленіемъ блокады, но она все-таки нанесла большой вредъ Англіи. Въ слѣдующемъ году Наполеонъ дважды повторилъ постановленіе о блокадѣ въ своей прокламаціи изъ Гамбурга и изъ Мадрида и заставилъ Португалію закрыть для Англіи свои гавани. Англія, въ свою очередь, объявила войну Даніи, какъ союзницѣ Наполеона, бомбардировала Копенгагенъ и захватила въ немъ датскій флотъ, вопреки всѣмъ законамъ народнаго права. Въ томъ же году она признала, наконецъ, законъ объ уничтоженіи, но не рабства, а торгова невольниками. Съ 1-го марта 1808 года ни въ одну изъ англійскихъ колоній не допускался привозъ невольниковъ. На выборахъ въ парламентъ произошелъ небывалый случай. Два кандидата, Пауль и Бордетъ, дрались на дуэли и оба были ранены. Ръ Римъ умеръ послѣдній потомокъ Стюартовъ, кардиналъ Йоркскій, получавшій отъ Георга III пенсію въ 4,000 стерлинговъ, хотя считалъ себя законнымъ королемъ Англіи и даже выбилъ медаль съ своимъ портретомъ и титуломъ: «Генрихъ IX». Въ Лондонъ пріѣхалъ изъ Швеціи и поселился Людовикъ XVIII, жившій здѣсь, до возвращенія во Францію, въ замкѣ герцога Букингама, подъ именемъ графа де Лилля. Правительство предла-

гало ему мѣстомъ жительства Голирудскій дворець, но графъ отказался, отвѣтивъ, что пріѣхалъ въ Англію не искать убѣжища, а по своимъ политическимъ дѣламъ, какъ король Франціи. Онъ и остался бы такимъ же королемъ, *in partibus infidelium*, какъ Генрихъ IX, еслибы черезъ семь лѣтъ русскій императоръ не вздумалъ посадить его на престоль, съ котораго согналъ, наконецъ, Наполеона.

Въ 1808 году положеніе Англіи было далеко не блестящее. Послѣ Тильзитскаго мира, Россія и Австрія прервали дипломатическія сношенія съ сент-жемскимъ кабинетомъ. Россія предложила, правда, свое посредничество для улаженія споровъ между Франціей и Англіей, но на благополучіе исхода переговоровъ рассчитывать было нельзя. Изъ всѣхъ державъ Англія была въ мирѣ только съ

Новости съ театра войны.

Швеціей да съ Турціей. Заключенъ былъ также «трактатъ о дружбѣ, торговлѣ и мореплаваніи» съ Сѣверо-Американскими штатами, но этимъ трактатомъ съ своими бывшими колоніями Англіи нечего было гордиться. Въ палатѣ общинъ Френсисъ Бордеттъ сдѣлалъ запросъ канцлеру казначейства, на какомъ основаніи король сдѣлалъ подарокъ въ 20,000 стерлинговъ своему сыну, герцогу Йоркскому, изъ суммъ адмиралтейства, назначенныхъ на военныя издержки? Канцлеръ отвѣчалъ, что дѣлать подобныя вопросы въ парламентѣ и еще во время войны—весьма не политично и что его величество, на основаніи такихъ-то параграфовъ постановленій прежнихъ царствованій, имѣлъ полное право распорядиться по своему усмотрѣнію. Инцидентъ этотъ не получилъ дальнѣйшаго хода. Блокада однако давала себя знать. Хлопчатобумажныя фабрики въ Манчестерѣ и сосѣднихъ городахъ принуждены были сократить

свое производство и уменьшить заработную плату. Отъ этого возникли волненія между рабочими и рочдельскіе ткачи произвели беспорядки. Виновныхъ засадили въ мѣстную тюрьму, но чернь ворвалась въ нее, освободила заключенныхъ и зажгла тюрьму. Съ трудомъ усмирили бунтъ, въ которомъ дѣятельное участіе принимали жены рабочихъ. Извѣстія съ театра войны попрежнему возбуждали болѣе всего интересъ въ публикѣ и на улицахъ вокругъ лицъ, имѣющихъ газеты, постоянно собирался кружокъ любопытныхъ, просившихъ сообщить имъ вслухъ новости дня.

Въ 1809 году Англія праздновала юбилей 50-тилѣтняго царствованія Георга III. Только два короля до него—Генрихъ III и Эдуардъ III управляли такъ долго народомъ. (Въ 1887-мъ году справлялся и четвертый полувѣковой юбилей королевы Викторіи)—По случаю юбилея Георга III газеты обратили вниманіе на старинный обычай—выпускать, при подобныхъ торжествахъ, должниковъ изъ тюрьмы. «Morning Post» сообщилъ, что такихъ должниковъ въ городской тюрьмѣ 72 и у нихъ 53 жены и 205 дѣтей, а должны они всего 2092 ф. ст. Газеты предлагали открыть публичную подписку для освобожденія этихъ бѣдняковъ и сумма была скоро собрана. Король, со своей стороны, простилъ всѣхъ дезертировъ, если они въ теченіе двухъ мѣсяцевъ добровольно явятся и опять вступятъ въ полки. Написано было не мало хвалебныхъ гимновъ въ честь юбилея и юбиляра, но явилось и нѣсколько пасквилей по тому же поводу. Празднества во всѣхъ городахъ были шумныя, но не выдавались ничѣмъ особеннымъ. Только въ Виндзорѣ придумали, для угощенія народа, зажарить быка цѣликомъ. Понятно, что при такомъ способѣ жаренія однѣ части быка были превращены въ уголь, другія остались совсѣмъ сырыми, но изобрѣтатели этого способа все-таки достигли своей цѣли. Быкъ жарился на вертелѣ въ продолженіе семи часовъ съ разными приспособленіями и съ двумя четвериками картофеля. Король и его семейство были приглашены отвѣдать это жаркое, вмѣстѣ съ которымъ народу раздавали баранину и пудингъ. Торжество закончилось фейерверкомъ и иллюминаціей.

Какъ бы въ доказательство того, что на войнѣ матеріальная сила не значитъ ничего безъ разумнаго полководца, въ іюлѣ 1809 г. произошла постыдная для Англіи Вальхернская экспедиція. Сильный англійскій флотъ, изъ 39-ти линейныхъ кораблей, 36-ти фрегатовъ, множества канонерскихъ лодокъ и транспортныхъ судовъ отправился въ устья Шельды, чтобы открыть эту рѣку для англійской торговли. Экспедиція заняла островъ Вальхернъ въ устьѣ рѣки, взяла городъ Мидльбургъ и бомбардировала Флиссингенъ, который сдался съ генераломъ Моне и пятьютысячнымъ отрядомъ. Но этимъ и ограничились подвиги главнаго начальника экспедиціи, лорда Чатама, отъ которой ждали многого. У него была сорока-

тысячная армія, кромѣ 60-ти тысячъ моряковъ; но въ то время, когда Нельсонъ съ гораздо меньшими силами уничтожилъ весь французскій флотъ при Трафальгарѣ, лордъ Чатамъ простоялъ въ бездѣйствіи до конца декабря въ Флиссингенѣ и ушелъ обратно въ Англію со всѣми своими силами, ссылаясь на то, что воздухъ въ Флиссингенѣ нездоровый, солдаты хворають отъ болотныхъ міазмовъ, а подъ Антверпеномъ собирается французская армія. Этотъ подвигъ храбраго полководца поднялъ бурю негодованія въ Англіи. У парламента требовали отдачи подѣ судѣ лорда Чатама. Но Георгъ III ограничился отставкою лорда и отправилъ палатамъ посланіе, въ которомъ извѣщалъ, что не находитъ нужнымъ наряжать слѣдствіе надъ его генералами. Палата большинствомъ 23-хъ голосовъ утвердила королевское распоряженіе. Только каррикатуры и эпиграммы посыпались на Чатама, черезъ годъ назначеннаго полнымъ генераломъ, а черезъ два—губернаторомъ—Гибралтара. Вотъ одна изъ эпиграммъ на храбраго лорда:

«Ввелъ Чатамъ въ Флиссингенъ стотысячный отрядъ,
«Полгода постоялъ, потомъ пошелъ назадъ».

Парламентъ, покорно исполнявшій всѣ королевскія рѣшенія, хотя они шли въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, горячо стоялъ однако за свои привилегіи и обижался, когда его стали осыпая насмѣшками за равнодушіе къ позорной Вальхернской экспедиціи. За одну изъ такихъ брошюръ, автора ея, Галь Джонса парламентъ привлекъ къ своему суду и засадилъ въ Ньюгетскую тюрьму. Френсисъ Бордетъ возсталъ противъ рѣшенія своихъ товарищей по палатѣ общинъ и напечаталъ въ мартѣ 1810 года, рѣзкую статью въ газетѣ «Weekly political register», доказывая, что парламентъ не имѣетъ права ни карать писателей за свободное выраженіе ихъ мыслей, ни сажать за это въ тюрьму свободныхъ гражданъ Англіи. Статью эту парламентъ нашелъ оскорбительною для своего достоинства и большинствомъ 38-ми голосовъ постановилъ запретить своего сочлена въ Тоуеръ. Бордетъ, представитель стариннаго рода въ графствѣ Дерби, изъ оксфордскаго университета отправился во Францію, гдѣ провелъ больше трехъ лѣтъ, присутствуя при всѣхъ сценахъ революцій 1790—93 г. Вернувшись въ отечество, онъ женился на дочери богатаго банкира Коутса, что увеличило и безъ того его огромное состояніе и, въ 1796 г. былъ выбранъ въ члены палаты общинъ, гдѣ сдѣлался лидеромъ радикальной партіи, хотя это избраніе стоило ему болѣе 20.000 стерл. Онъ стоялъ за народъ, за уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, за ежегодные выборы въ парламентъ, даже за всеобщую подачу голосовъ. Пламенный ораторъ, съ неподкупнымъ убѣжденіемъ, онъ имѣлъ большое вліяніе на народъ, взволновавшійся при извѣстїи, что его защитника подвергаютъ тюремному заключенію. Судебный приставъ (serjeant at arms), которому было поручено арестовать Бордета и доставить

въ Тоуеръ, явился къ нему, чтобы узнать, когда ему будетъ угодно сѣсть въ тюрьму. Бордетъ отвѣчалъ, что дастъ знать и приставъ удалился, доложивъ потомъ спикеру о рѣшеніи баронета, за что получилъ строгій выговоръ, и приказаніе привести немедленно въ исполненіе парламентское постановленіе. Приставъ вернулся къ Бордету, но получилъ отвѣтъ, что приказъ, данный ему—незаконный и повиноваться ему баронетъ ненамѣренъ. Попытка другого пристава, на другой день, также была безуспѣшна. Тогда къ дому осужденнаго отправленъ былъ отрядъ королевской гвардіи. Народъ встрѣтилъ ее свистками и бранью, но былъ разогнанъ. Два дня Бордетъ не выходилъ изъ своихъ комнатъ, на третій день въ спальню къ нему вошелъ приставъ и объявилъ, что осужденный долженъ слѣдовать за нимъ въ тюрьму. Баронетъ требовалъ приказъ объ его арестованіи, подписанный королемъ, или королевскимъ судомъ. Приставъ призвалъ констеблей, взявшихъ за руки Бордета, который объявилъ, что уступаетъ только насилію и протестовалъ противъ нарушенія въ его лицѣ правъ англійскаго гражданина. Его отвезли въ Тоуеръ подъ конвоемъ двухъ эскадроновъ коннаго полка. Чернь стала бросать въ солдатъ камнями, кирпичами, палками. Въ Фенчорчъ-стритѣ толпа приняла такое угрожающее настроеніе, что командиръ отряда приказалъ стрѣлять. Одинъ изъ народа упалъ мертвый, восемь человѣкъ были ранены,—толпа разбѣжалась съ криками. Опасались ночнаго нападенія на Тоуеръ, солдатамъ были розданы боевые патроны, пушки зарядили картечью. Но народное волненіе скоро улеглось и чернь не поднималась за своего любимца, два мѣсяца высидѣвшаго въ тюрьмѣ. При освобожденіи его, такіа массы народа ждали Бордета у Тоуера, что баронетъ побоялся быть предметомъ новыхъ столкновеній между войскомъ и своими почитателями — и уклонился отъ всякихъ овацій, переѣхавъ изъ Тоуера по ту сторону Темзы въ Вимбльдонъ.

Король Георгъ III видимо началъ слабѣть и хворать послѣ своего юбилея. вмѣстѣ съ тѣмъ, стали слабѣть и его умственныя способности. Его потрясла въ особенности смерть его дочери, принцессы Амеліи, скончавшейся въ молодыхъ годахъ отъ чахотки. Умирая, принцесса надѣла на палецъ отца кольцо съ своими волосами и съ надписью: «вспомни обо мнѣ, когда меня не будетъ». Полуслѣпой, разслабленный король не перенесъ этого удара. Онъ прожилъ еще десять лѣтъ, но въ совершенномъ помѣшательствѣ. Въ 1811 году парламентъ утвердилъ регентомъ принца Валлійскаго. Принцессу Амелію хоронили съ особеннымъ торжествомъ. Гробъ ея съ короною, пальмовыми вѣтвями, восемью ручками былъ покрытъ 118 серебряными дощечками и 8,000 гвоздей (2,000 широкихъ и 6,000 маленькихъ). Принцу Валлійскому парламентскій актъ предоставилъ только производить въ чины административный персоналъ, жаловать званіе меровъ и давать пенсіи; дѣ-

лами короля и его хозяйствомъ управляла королева съ содѣйствіемъ совѣта. Къ 1811 году государственный долгъ королевства возросъ до 812 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Таковы были главныя событія общественной жизни въ Англіи въ началѣ нынѣшняго вѣка. Каковы-то будутъ они въ послѣдніе 11 лѣтъ. Въ слѣдующей статьѣ мы очертимъ картину этой жизни не въ политическомъ, а въ культурномъ отношеніи, въ явленіяхъ частной, семейной жизни, въ общественныхъ учрежденіяхъ и улучшеніяхъ. Здѣсь разница между началомъ и концомъ вѣка будетъ еще болѣе ощутительна и поучительна.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

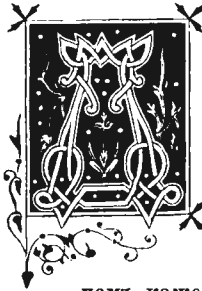

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Всеобщая исторія Георга Вебера. Переводъ со второго изданія, пересмотрѣннаго и переработаннаго при содѣйствіи спеціалистовъ. Томъ десятый; перевелъ Андреевъ. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

Указатель къ первымъ четыремъ томамъ русскаго перевода Всеобщей исторіи Георга Вебера. Составилъ И. Короленко. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1888.

ДЕСЯТЫЙ ТОМЪ «Всеобщей исторіи» Вебера обнимаетъ почти одно царствованіе Карла V, но такъ какъ это царствованіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и эпоха реформации, то нѣтъ ничего удивительнаго, что въ изложеніи нѣмецкаго ученаго оно достигло такихъ почтенныхъ размѣровъ. Достоинства и недостатки «Всеобщей исторіи» Георга Вебера слишкомъ хорошо извѣстны читателямъ «Историческаго Вѣстника», чтобы слѣдовало вновь распространяться объ нихъ. Замѣтимъ только, что при обработкѣ этого тома, какъ намъ кажется, почтенный авторъ еще болѣе спѣшилъ работой изъ опасенія не кончить своего капитальнаго труда—передѣлки перваго изданія. Веберъ слишкомъ добросовѣстный педагогъ и слишкомъ честный работникъ для того, чтобы эта поспѣшность могла выразиться въ фактическихъ ошибкахъ и недосмотрахъ, но онъ не имѣлъ времени воспользоваться всѣмъ, что было сдѣлано въ послѣднія двадцать лѣтъ, а гдѣ пользовался, тамъ новое не органически соединялъ съ старымъ, а механически смѣшивалъ ¹⁾. Особенно рѣзко это даетъ себя чувствовать въ обзорѣнїяхъ хода умственной и художественной жизни Европы, которыя, впрочемъ, и въ первомъ изданіи

¹⁾ Какъ на особенно характерный случай, можемъ указать на біографію Макиавелли (стр. 219—20) и на выписки изъ его знаменитаго письма изъ деревни La Strada.

представляли слабѣйшую часть его послѣднихъ томовъ. Тѣмъ не менѣе и этотъ отдѣлъ поразительнымъ богатствомъ фактическаго матеріала очень полезенъ, не скажу, читателямъ, а скорѣй владѣльцамъ «Всеобщей исторіи» Г. Вебера.

Этотъ томъ Вебера имѣетъ при себѣ два предисловія неравнаго значенія, изъ которыхъ первое такъ и озаглавлено: «Предисловіе къ русскому переводу»; въ другомъ г. Андреевъ продолжаетъ свой интересный «Очеркъ научныхъ понятій по нѣкоторымъ вопросамъ всеобщей исторіи» и излагаетъ свои взгляды на «общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ». Въ предисловіи собственно переводчикъ доказываетъ, что намъ необходимо ввести въ свой алфавитъ точныя приспособленія для передачи иностранныхъ собственныхъ именъ русскими буквами и приводитъ (стр. XVI) списокъ звуковъ, не передаваемыхъ нашей транскрипціей. Этотъ списокъ, конечно, всякій внимательный читатель, подумавши нѣсколько минутъ, можетъ увеличить вдвое или втрое, а всякій специалистъ по сравнительному языковеденію—и въ десятеро; но едва ли многіе согласятся съ г. Андреевымъ, что «издательскія фирмы, редакціи періодическихъ изданій и корректоры» (стр. XV) имѣютъ право, сговорившись между собою, увеличивать на произвольное количество знаковъ нашу и безъ того слишкомъ богатую азбуку и вводятъ новыя буквы для выраженія двухъ англійскихъ th, англійскаго w и т. п. Мы рѣшительно отказываемся понять, почему наши дѣды, называвшіе Дидро Дидеротомъ, или нѣмцы двадцатыхъ годовъ, называвшіе Шекспира Шакспеаромъ, не могли имѣть вѣрнаго представленія объ этихъ писателяхъ. Ужели и нѣмцы должны обогащать свою азбуку, чтобы выразить всѣ невыразимые для нихъ отгѣнки звуковъ, сочетанія ихъ и совѣмъ неизвѣстные имъ звуки, встрѣчающіеся въ русскихъ и польскихъ собственныхъ именахъ? Какая бѣда въ томъ, что ученый французъ называетъ Чосера Шоссе, если онъ говоритъ объ немъ съ французами же? Говоря поанглійски, онъ будетъ называть его какъ слѣдуетъ. Карлъ Великій на всякомъ языкѣ имѣетъ особое имя, а лицо остается одно и то же. А если, по несчастію, гг. корректоры, издатели и пр. выработаютъ не одну, а нѣсколько системъ, во что тогда обратится русская азбука? Каково будетъ тогда читать книгу по всеобщей исторіи или пользоваться русскимъ энциклопедическимъ словаремъ? Кому другому, а русскимъ послѣ всѣхъ надо изобрѣтать новыя знаки азбуки. Мы противъ всякихъ внезапныхъ реформъ азбуки, хотя бы и по соглашенію, но уже скорѣй пошли бы на ея упрощеніе, чѣмъ на осложненіе.

Въ томъ же предисловіи переводчикъ говоритъ о тѣхъ сокращеніяхъ и урѣзкахъ, которыми онъ позволялъ себѣ подвергать оригиналъ. Основанія, имъ приводимыя, вполне вѣски; но едва ли не излишне съ такой подробностью объяснять, почему можно выпустить лирическія тирады Вебера по поводу побѣдъ нѣмцевъ въ Италіи.

Статья переводчика: «Общій характеръ элементовъ, производящихъ прогрессъ», не смотря на свой нѣсколько отрывочный характеръ и явную незавершенность, такъ же интересна и содержательна, какъ и предыдущіе очерки г. Андреева. Авторъ начинаетъ съ безспорнаго положенія, что въ обществахъ нецивилизованныхъ люди различаются между собою по степени нравственнаго и умственнаго развитія; за этимъ слѣдуетъ положеніе, по нашему мнѣнію, спорное: указаніемъ на неумѣнье считать многіхъ членовъ цивилизованныхъ обществъ и на грубость ихъ обращенія съ дѣтьми авторъ

доказываетъ, что лучшіе люди изъ неразвитыхъ племенъ развитѣ худшихъ изъ племенъ, стоящихъ на высшей степени развитія; но не надо забывать, что степень развитія измѣряется не однимъ какимъ-либо или не нѣсколькими свойствами ума и нравственности, а всей суммой знаний и нравственныхъ понятій, и самый развитой и добродѣтельный бушменъ, не бывавшій въ колоніяхъ, не имѣетъ понятія о тысячѣ вещей, съ дѣтства знакомыхъ самому грубому и безнравственному ирландскому крестьянину.

Совершенно вѣрно, заключаетъ далѣе авторъ, что о націи судятъ не по лучшимъ и не по худшимъ ея членамъ, а по большинству ихъ; если это большинство значительно выше дикарей въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, націю называютъ цивилизованною. То, чѣмъ цивилизованная нація выше нецивилизованной, есть историческое приобрѣтеніе, иначе сказать, результатъ прогресса. Чѣмъ обусловливается этотъ прогрессъ? Конечно, прежде всего умственнымъ развитіемъ. Умственное развитіе, если оно только не изуродовано какими-нибудь побочными обстоятельствами, непременно должно способствовать здоровой нравственности и усилению такъ называемыхъ альтруистическихъ стремленій.

Это, повидимому, безспорное, но увы! столько разъ подвергавшееся нападкамъ и не только въ частныхъ приложеніяхъ, но и въ общемъ положеніи г. Андреевъ доказываетъ ясно до наглядности. Посредствомъ аналогіи съ высшими животными онъ убѣждаетъ читателей, что въ человѣкѣ враждебно стремленіе къ улучшенію своей жизни, стремленіе къ знанію, хотя бы и не приносящему непосредственной пользы, и доброжелательность къ себѣ подобнымъ, доходящая въ отношеніяхъ семейныхъ до самопожертвованія. Онъ относится съ справедливымъ негодованіемъ къ застарѣлой лжи о злыхъ инстинктахъ человѣка, съ которыми, будто бы, надо бороться насиліемъ и принужденіемъ. Когда-то были убѣждены, что въ ребенка надо вколачивать науку и что въ невѣжественную массу надо вколачивать здравыя понятія и насильно вести ее по пути прогресса. Г. Андреевъ не вѣритъ въ насильственный прогрессъ, какъ не вѣритъ и въ вколоченную науку. Всякій ребенокъ любовнателенъ отъ природы и только педантическое преподаваніе можетъ его оттолкнуть отъ науки. Неразвитая масса состоитъ изъ лицъ, которые отъ природы наклонны прогрессировать и умственно, и нравственно. Нужно только благожелательное и кроткое содѣйствіе, заключающееся въ улучшеніи обстановки и въ ознакомленіи массы съ неизвѣстнымъ ей хорошимъ. Политическая экономія цифрами доказала, что только добровольная дѣятельность человѣка производитъ хорошіе результаты, а ежедневный опытъ человѣка и вѣковой опытъ человѣчества—исторія показываютъ, что только тѣ люди и тѣ общества бывають просвѣщенны и нравственны, которые сами желаютъ того; положительные результаты принужденія массы къ прогрессу, въ которомъ она еще не чувствуетъ потребности, сводятся къ нулю, а отрицательные довольно значительны.

По нашему мнѣнію, эти тезисы только выиграли бы въ своей крѣпости, еслибъ г. Андреевъ не затронулъ мало сюда идущій вопросъ о борьбѣ національностей и о правѣ побѣдителей подчинять своей волѣ побѣжденныхъ. Побѣда есть результатъ войны, а война есть грубое насиліе, отвергающее всякое понятіе о правѣ; послѣднее никакъ не можетъ быть результатомъ насилія. Но война при настоящемъ положеніи общества есть неизбежное зло; если неизбежна она, неизбежны и всѣ ея послѣдствія и, стало

быть, насиліе побѣдителей надъ побѣжденными. Называютъ это насиліе правомъ по извѣстной риторической фигурѣ, такъ же, какъ говорятъ о правѣ сильнаго, о кулачномъ правѣ. Если борьба въ полѣ окончилась подчиненіемъ одного племени другому, начинается борьба глухая, безкровная (или почти безкровная), борьба двухъ культуръ, иногда одинаковыхъ по высотѣ своей, но разнохарактерныхъ. Результатъ бываетъ двойкій: или побѣжденные удержатъ свою культуру и въ такомъ случаѣ останутся вѣковѣчнымъ домашнимъ врагомъ, или они ассимилируются съ побѣдителями и составятъ съ ними одинъ народъ. Побѣдители всегда, конечно, надѣются на послѣднее, но если дѣйствуютъ неумѣло или слабо, только напрасно тратятъ свои силы и деньги. Все это, конечно, очень печально, но все это неизбежно, пока неизбежна война. Г. Андреевъ доказываетъ, что война двухъ осѣдлыхъ народовъ должна ограничиться самообороной и разсуждаетъ такимъ образомъ: «Если осѣдлый народъ имѣетъ такое превосходство силы надъ другимъ тоже осѣдлымъ народомъ, что можетъ покорить его своему владычеству, то ясно само собою, что онъ имѣетъ силу болѣе, чѣмъ достаточную для отраженія нападеній этого народа. Потому завоеваніе осѣдлаго народа никогда не можетъ быть признано необходимою для самообороны народа, покоряющаго себя его» (XXXVIII). Стало быть, такое завоеваніе не можетъ быть оправдано ни совѣстью, ни разумомъ. «Если сильный, разсуждаетъ далѣе г. Андреевъ, отразивъ нападеніе слабаго, заключить съ нимъ миръ на справедливыхъ условіяхъ, не злоупотребить своею побѣдой, то побѣжденный надолго утратитъ желаніе возобновить войну». Надолго, а на сколько времени? На годъ, на десять лѣтъ? Какой народъ согласится вести войну съ сосѣдомъ, чтобы унять его только на время?

Удивляемся, какъ трудолюбивый и добросовѣстный переводчикъ 10-ти томовъ Вебера можетъ разсуждать такимъ образомъ. Ужели онъ думаетъ, что испанцы, побѣдивъ, при Фердинандѣ и Изабеллѣ, мавровъ, могли заключить съ побѣжденными миръ, «не злоупотребивъ своей побѣдой», и что этотъ миръ могъ бы существовать очень долго? А вѣдь и тѣ, и другіе были осѣдлы. Г. Андреевъ самъ объясняетъ войну «порывами страстей»; подъ влияніемъ страсти homo homini lupus, а какой деревенскій хозяинъ, «имѣющій достаточную силу для отраженія нападеній» волка, ограничится одной обороной? Но, повторяемъ, вопросъ о борьбѣ національностей къ условіямъ прогресса прямого отношенія не имѣетъ.

Вторая половина разсужденія г. Андреева о тѣхъ причинахъ, которыя обусловили первые шаги цивилизаціи нынѣ живущаго общества представляется крайне сжатой и какъ бы оборванной. Авторъ справедливо полагаетъ, что наши отдаленные предки развились умственно при какихъ-то особо благопріятныхъ физическихъ условіяхъ, и доказываетъ, что огонь, прирученіе животныхъ и земледѣліе, должны были впервые появиться въ странахъ болѣе теплыхъ и съ болѣе богатой фауной и флорой. Конечный выводъ его тотъ, что «успѣхи цивилизаціи производятся фактами, благопріятными для человѣческой жизни» (стр. LI).

При появленіи первыхъ томовъ Вебера въ переводѣ г. Андреева рецензенты неоднократно плакались на отсутствіе указателя, до крайности необходимаго при такомъ многосодержательномъ сочиненіи. Почтенный издатель внявъ, наконецъ, справедливымъ жалобамъ и издалъ «Указатель къ первымъ четыремъ томамъ», составленный г. Короленко, насколько можно су-

дать по двумъ десяткамъ пробныхъ справокъ, внимательно и аккуратно. Владѣтели Вебера должны быть благодарны и составителю, и издателю. Но нельзя не замѣтить, что 2 рубля за «Указатель къ четыремъ томамъ» и безъ того дорогого сочиненія немножко много. Само собою разумѣется, что изданіе томика въ 236 страницъ не могло стоить дешевле, но мы полагаемъ, что покупатели могли бы удовольствоваться болѣе краткимъ указателемъ, тѣмъ, что называется *index nominum*, а г. Короленко прибавилъ къ нему частію и *index rerum* (раскроемъ любую страницу, хотя, напр., 153, и мы найдемъ, кромѣ собственныхъ именъ, и нарицательныя: плеби, племенная жизнь, подвластные люди, подземное царство и пр.) и, кромѣ того, не экономилъ словами (почему, напр., на той же 153 стр. при Плутонѣ онъ обозначилъ, что это греческій богъ, а при Плутосѣ сказалъ просто: богъ богатства?). Въ «Указатель», который имѣетъ смыслъ только при книгѣ, достаточно одной ссылки, а всякія объясненія едва ли не излишни.

А. К.

Л. Н. Майковъ. Очерки изъ исторіи русской литературы XVII и XVIII столѣтій. Спб. 1889.

Въ послѣднее время среди заслуженныхъ дѣятелей въ области нашей науки и литературы сталъ прививаться прекрасный обычай — издавать въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ произведенія прежнихъ лѣтъ, болѣею частью разбѣянные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Благодаря этому, мы имѣемъ сборники статей Буслаева, Сухомлинова, Грота и др. Нельзя не отнести съ большой признательностью къ г. Майкову, что и онъ не остался чуждъ этому устанавливавшемуся обычаю. Уже въ продолженіе двадцати лѣтъ его статьи по разнымъ отдѣльнымъ вопросамъ изъ исторіи нашей литературы XVII и XVIII столѣтій обращаютъ на себя вниманіе специалистовъ и образованныхъ читателей. Работы этого автора всегда отличались замѣчательной добросовѣстностью въ изученіи частныхъ данныхъ, удачнымъ выборомъ предмета, интересомъ содержанія, широкой и разносторонней постановкой вопросовъ, прекраснымъ изложеніемъ. Почти всѣ эти сочиненія г. Майкова основаны на неизвѣстныхъ до того рукописныхъ матеріалахъ, впервые извлеченныхъ авторомъ изъ архивовъ, и рѣшительно каждое изъ нихъ вноситъ что-нибудь новое въ ту область, къ которой примыкаетъ по содержанію. Обыкновенные читатели находили въ этихъ работахъ интересный и поучительный матеріалъ для чтенія, специалисты и библиографы могли усмотрѣть въ нихъ богатство и разнообразіе свѣдѣній и замѣчательную, безукоризненную отчетливость и точность.

Такія выдающіяся достоинства сочиненій г. Майкова заставляютъ особенно привѣтствовать появленіе ихъ въ отдѣльномъ изданіи — тѣмъ болѣе, что въ настоящемъ случаѣ авторъ не ограничился простой перепечаткой своихъ статей, но переработалъ ихъ заново, сообразно современному уровню тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются теперь о разсматриваемыхъ въ нихъ предметахъ. Не вдаваясь вовсе, въ краткомъ отчетѣ, въ оцѣнку сборника г. Майкова, мы ограничиваемся здѣсь бѣглымъ обзоромъ заключающихся въ немъ статей.

Первое мѣсто въ «Очеркахъ» отведено обширной статьѣ о Симеонѣ Полоцкомъ (1—162). Статья эта является въ настоящее время самымъ

полнымъ и цѣльнымъ сочиненіемъ объ этомъ замѣчательномъ дѣятелѣ въ исторіи русской литературы и просвѣщенія въ XVII вѣкѣ. Авторъ увлекательно ведетъ рассказъ о жизни и дѣятельности Симеона съ первыхъ лѣтъ его жизни и до смерти въ 1680 г. въ Москвѣ. Въ рельефныхъ очеркахъ проходятъ передъ читателемъ дѣтскіе годы Симеона, его ученье въ Кіевской коллегіи, поступленіе двадцати-семи лѣтъ отъ роду въ монашество, учительство въ Полоцкомъ братскомъ училищѣ; затѣмъ Симеонъ является въ Москвѣ и скоро завоевываетъ расположеніе царя; обстоятельства благопріятствуютъ его возвышенію, и онъ своимъ сочиненіемъ «Жезлъ правленія» становится во главѣ обличителей только-что зарождавшагося тогда раскола. Благодаря стараніямъ и вліянію Симеона, въ Спасскомъ монастырѣ создается небольшая латинская школа; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ является руководителемъ въ воспитаніи старшаго царскаго сына Алексѣя Алексѣевича, а затѣмъ, по смерти его, второго царевича Θεодора. Близкія отношенія къ царю открываютъ передъ Симеономъ широкое поле вліянія въ области общественной и литературной дѣятельности; вліяніе это является тѣмъ прочнѣе, что ловкій, осторожный и обходительный Симеонъ весьма удачно избѣгаетъ рѣзкихъ столкновеній съ представителями враждебныхъ ему партій въ Москвѣ. Литературная дѣятельность Симеона во вторую половину его жизни получаетъ замѣчательное развитіе: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ произноситъ болѣе двухсотъ проповѣдей самаго разнообразнаго содержанія и довольно значительныхъ по объему; пишетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе обширныхъ сочиненій въ прозѣ и стихахъ («Житіе и ученіе Христа Господа и Бога нашего», «Вѣнецъ вѣры католическія», «Книга краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ катехизическихъ», «Римологіонъ», «Вертоградъ многоцвѣтный» и др.); сочиняетъ піесы для театральныхъ школьныхъ представленій («Комедія о Набуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отрочѣхъ въ печи не сожженныхъ», «Комедія притчи о Блуднѣмъ сынѣ»), перелагаетъ Псалтырь въ стихи и переводитъ нѣсколько книгъ съ латинскаго языка; кромѣ того, его неустанная дѣятельность простирается и на усовершенствованіе отечественнаго иконописнаго искусства, и на устройство самостоятельной, особой типографіи при дворѣ, «на верху», гдѣ онъ могъ печатать свои сочиненія и другія книги по собственному усмотрѣнію; изъ этой типографіи вскорѣ послѣ смерти Полоцкаго вышли, начатыя вѣроятно еще при немъ печатаніемъ, объемистые сборники его проповѣдей—«Обѣдъ душевный» и «Вечера душевная». Смерть застигла Симеона еще въ полномъ разцвѣтѣ силъ, на 51 году его жизни.

Второе мѣсто въ сборникѣ (163—233) отведено одной изъ повѣстей петровскаго времени, именно «Гисторія о російскомъ матросѣ Василиѣ Коріотскомъ и о прекрасной королевнѣ Иракліи Флоренской земли»; тутъ помѣщенъ полный текстъ повѣсти и весьма любопытныя историко-литературныя замѣчанія о ней издателя. Въ 1-мъ изъ «Приложеній» къ этой статьѣ г. Майковъ указываетъ на трудъ г. Пыпина «Изъ исторіи народной повѣсти». Спб. 1887, гдѣ напечатана «Гисторія о гишпанскомъ шляхтичѣ Долторнѣ и прекрасной гишпанской королевнѣ Элеонорѣ»; г. Майковъ признаетъ, что эта послѣдняя «гисторія» даетъ основаніе видѣть въ «Гисторіи о російскомъ матросѣ Василиѣ» литературное заимствованіе изъ чужого источника, однако, остается при томъ мнѣніи, что Гисторія о Василиѣ «не смотря на несамостоятельность фабулы, лежащей въ ея основѣ, должна быть признана произведеніемъ, отражающимъ въ себѣ черты времени и мѣста

своего происхожденія; другими словами — она по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ можетъ быть названа сочиненіемъ оригинальнымъ русскимъ». 2-е «приложеніе» къ этой статьѣ заключаетъ въ себѣ одно изъ любовныхъ посланій XVII вѣка.

Далѣе помѣщена статья «Къ характеристикѣ Ломоносова какъ ученаго», написанная въ свое время по поводу сочиненія г. Будиловича о Ломоносовѣ (234—251). Обращаетъ на себя особенное вниманіе слѣдующая за ней статья «Василій Ивановичъ Майковъ» (252—309), представляющая мастерскую монографію о жизни и литературной дѣятельности этого весьма замѣчательнаго и въ свое время очень популярнаго писателя прошлаго столѣтія. «Онъ былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ представителей того стремленія къ дѣйствительности и народности,—говоритъ о В. И. Майковѣ нашъ авторъ,—которое замѣчается въ русской словесности Екатеринина вѣка, и которое раздѣляли съ нимъ всѣ лучшіе изъ тогдашнихъ писателей... Майковъ почерпалъ матеріалъ для своихъ произведеній непосредственно изъ русской жизни и видѣлъ въ ней не однѣ отрицательныя стороны». Было бы очень желательно, чтобы и другіе средней величины писатели наши прошлаго столѣтія наши себѣ такого же опытнаго біографа, какой достался на долю автора «Елисея».

Въ «Литературныхъ мелочахъ Екатерининскаго времени» (310—368) находимъ четыре небольшихъ статьи: «Театральная публика во времена Сумарокова», «Сонъ, Ѳ. А. Эмина», «Замѣтки француза о Москвѣ въ 1774 г.» и «Д. А. Чупятовъ»; особенно замѣчательны изъ этихъ статей первая и четвертая, по заключающимся въ нихъ яркимъ и характеристическимъ чертамъ современнаго быта и общественныхъ нравовъ и понятій.

Наконецъ, сборникъ г. Майкова заключается довольно обширной статьёй «Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики» (369—424), которая представляетъ рядъ весьма цѣнныхъ библиографическихъ замѣчаній и дополненій къ извѣстному труду г. Неустроева «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. Спб. 1874».

Повторяемъ: «Очерки» г. Майкова полны высокаго историко-литературнаго интереса; не смотря на безусловно научный свой характеръ, они читаются съ увлекательной легкостію, а соединеніе этихъ двухъ достоинствъ является у насъ, какъ извѣстно, далеко не обычнымъ. Въ концѣ книги приложенъ «Указатель личныхъ именъ», тщательно составленный и много облегчающій пользованіе ею.

Е. П.

Витебская Старина. Томъ V. Матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи. Часть I. Составилъ и издалъ А. Сапуновъ. Витебскъ. 1888.

Къ предстоящему 25 марта 1889 г. пятидесятилѣтнему юбилею воссоединенія униатовъ Сѣверо-Западнаго края съ православною церковью готовится нѣсколько изданій, касающихся этого историческаго событія; но всѣхъ ихъ опередилъ сборникъ г. Сапунова. Помѣстивъ въ I-мъ томѣ «Витебской Старины» матеріалы, относящіеся къ исторіи города Витебска, а въ вышедшемъ вслѣдъ затѣмъ IV-мъ томѣ (минувъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, II и III томы)—документы, касающіеся завоеванія Іоанномъ Грознымъ Полоцкаго воеводства и обладанія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Полоцкимъ и

Витебскимъ воеводствами,—составитель собралъ въ V томѣ матеріалы для исторіи Полоцкой епархіи, т. е. той мѣстности, гдѣ было положено начало воссоединенію бѣлорусскихъ униатовъ съ православіемъ составленіемъ 12-го февраля 1839 года соборнаго о томъ акта 24-мя знатнѣйшими духовными лицами.

Собранные въ I-й части V-го тома документы, извлеченные изъ древняго архива Полоцкой духовной консисторіи, доведены до 1772 года; во второй части составитель предполагаетъ помѣстить документы за время съ 1772 по 1839 годъ, а въ третьей—фондуши церковей и монастырей Полоцкой епархіи, инвентари и проч. Разсматриваемый томъ, занимающій болѣе 800 страницъ, состоитъ изъ документовъ, появляющихся въ печати, за весьма малымъ исключеніемъ, впервые; изъ нихъ 89 напечатаны вполне, а остальные въ болѣе или менѣе обширныхъ извлеченіяхъ, при чемъ документы на латинскомъ, польскомъ и итальянскомъ языкахъ помѣщены въ переводѣ на русскій языкъ. Этимъ матеріаламъ предпосланъ краткій очеркъ историческихъ судебъ Полоцкой епархіи, начиная отъ введенія въ ней христіанства (по преданію,—апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ) и кончая воссоединеніемъ 1839 года. Не смотря на сравнительную свою краткость, очеркъ отличается полнотою фактовъ и написанъ прекраснымъ языкомъ.

Документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Начиная съ выписокъ изъ русскихъ и литовскихъ лѣтописей, здѣсь встрѣчаемъ грамоты митрополитовъ, литовско-русскихъ князей и польскихъ королей, вкладныя записи, дипломы, привиллегіи, протестаціи, позвы, жалобы, соборныя постановленія, папскія буллы, бреве, индульгенціи и проч. Ко многимъ изъ нихъ сдѣданы подстрочныя примѣчанія, иногда довольно обширныя, а въ концѣ книги приложенъ указатель малопонятныхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ напечатанныхъ актахъ.

Помимо труда по розысканію того или другого документа и разбору огромнаго количества находившихся въ распоряженіи составителя матеріаловъ, не можетъ не войти въ оцѣнку и самый переводъ древнихъ документовъ, одно чтеніе которыхъ требовало не мало усидчивости и извѣстнаго навыка. И все это совершается усиліями одного лица и почти безъ всякихъ вспомогательныхъ денежныхъ средствъ! Мы говоримъ безъ средствъ, потому что нельзя же считать существенными для такого изданія пособія въ двѣсти рублей, отпущенные составителю для IV тома, и триста рублей, полученные имъ для V тома. Это условіе придаетъ особенную цѣну трудамъ составителя и дѣлаетъ честь его настойчивости и энергіи въ избранномъ служеніи исторіи.

Нѣкоторые изъ документовъ приложены къ книгѣ въ видѣ палеографическихъ снимковъ, которые исполнены со всею тщательностію и отчетливостію; кромѣ того, приложено 14 портретовъ историческихъ дѣятелей; воспроизведены они посредствомъ литографіи, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы исполненіе ихъ было удачно; по крайней мѣрѣ въ портретахъ хорошо извѣстныхъ лицъ (какъ напр. бѣлорусскаго архіепископа Георгія Конисскаго или митрополита литовскаго Іосифа Сѣмашко) не передано сходства; но эти недостатки дѣлаются извѣстными, если принять во вниманіе ограниченность средствъ, бывшихъ въ распоряженіи составителя, и затруднительность исполненія въ провинціи работъ подобнаго рода.

Разбираясь въ матеріалахъ по исторіи Полоцкой епархіи, г. Сапуновъ

составилъ и издалъ, одновременно съ V томомъ «Витебской Старины», слѣдующія брошюрки.

1) «Древнія иконы Божіей Матери въ Полоцкой епархіи», съ двумя фотографическими и однимъ ксилографическимъ изображеніями.

2) «Полоцкій Софійскій соборъ», съ фотографическимъ снимкомъ и двумя гравюрами.

3) «Полоцкій Спасо-Евфросиніевскій дѣвичій монастырь», съ пятью изображеніями.

4) «Житіе преподобной Евфросиніи, княжны полоцкія, по тремъ редакціямъ», съ пятью гравюрами.

5) «Католическая легенда о Параскевѣ, княжнѣ полоцкой», съ рисункомъ креста и изображеніями въ текстѣ.

Указываемъ на эти отдѣльныя изданія, чтобы еще разъ упомянуть имя почтеннаго, трудолюбиваго изслѣдователя витебскихъ памятниковъ древности, г. Салунова, который, производя научныя изысканія по архивнымъ документамъ и выпуская предпринятое изданіе томъ за томомъ, одинъ солиднѣе другого, неумоимо разрабатываетъ и частности мѣстной исторіи.

М. Г—цкій.

С. С. Трубачевъ. Пушкинъ въ русской критикѣ. 1820 — 1880. Спб. 1889.

Объемистый трудъ г. Трубачева представляетъ почтенную работу, по вопросу весьма любопытному и до сихъ поръ еще никѣмъ не затронутому такъ полно и такъ разносторонно. Авторъ не пожалѣлъ труда на то, чтобы собрать воедино всѣ разрозненные журнальные отзывы о произведеніяхъ Пушкина; не довольствуясь такимъ полнымъ подборомъ мнѣній, онъ постарался обставить эти мнѣнія характеристиками критиковъ и рецензентовъ и даже характеристиками тѣхъ журналовъ, въ которыхъ мнѣнія и отзывы о Пушкинѣ помѣщались въ то или другое время. Авторъ обращаетъ вниманіе даже и на такія критики, которыя, по своему литературному достоинству, рѣшительно не заслуживали бы никакого серьезнаго вниманія (напр. критики «Маяка»); но за то авторъ исчерпываетъ задачу свою вполне и не оставляетъ въ избранномъ вопросѣ никакого мѣста другимъ изслѣдователямъ. Едва ли, однако же, можно согласиться съ г. Трубачевымъ въ его воззрѣніяхъ на критику, поскольку онъ ихъ высказываетъ въ предисловіи къ своему труду? Мы еще понимаемъ, что «по критикѣ той или другой эпохи мы знакомимся съ умственнымъ и эстетическимъ уровнемъ развитія вожаковъ общественнаго мнѣнія»; но мы рѣшительно несогласны съ авторомъ, утверждающимъ, будто бы «по критикѣ мы знакомимся со степенью литературнаго развитія современнаго писателю общества». Критика—у насъ въ Россіи, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь — представляется намъ дѣломъ личнымъ, плодомъ извѣстнаго личнаго таланта, личнаго развитія, а иногда даже и личнаго вдохновенія. Произведенія лучшаго изъ нашихъ критиковъ, Бѣлинскаго, служатъ тому слишкомъ яснымъ доказательствомъ. Отчасти потому, что г. Трубачевъ, вообще, придаетъ нашей критикѣ очень большое значеніе и нѣсколько преувеличиваетъ ея достоинство, въ книгѣ его сказалось нѣкоторое неумѣнье справиться съ матеріаломъ. Вмѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ представителяхъ критической оцѣнки Пушкина—

Н. Полевою, Надеждиной, Бѣлинскомъ, Ап. Григорьевѣ и современныхъ намъ взглядахъ на повѣю Пушкина—г. Трубачевъ большую половину своей книги посвятилъ разбору критики, современной Пушкину, вдаваясь въ мелочи, въ разборъ журнальныхъ полемикъ изъ-за Пушкина, въ изложеніе мнѣній Булгарина, Каченовскаго, Сенковскаго и Мартынова. Загромоздивъ книгу этимъ матеріаломъ, г. Трубачевъ увидѣлъ свою ошибку; но уже было поздно: ему жалко было сокращать и соразмѣривать, и онъ предпочелъ сократить важнѣйшій и болѣе близкій къ нашему времени періодъ критики сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ. Такимъ образомъ, важнѣйшему періоду въ критику г. Трубачевъ посвящаетъ одну восьмую часть своего труда; такое же мѣсто удѣляетъ онъ критику послѣдователей Бѣлинскаго, а шесть восьмыхъ занимаетъ разборомъ періода критики, въ которой заслуживали бы серьезнаго упоминанія только Полевои да Надеждиной.

Отмѣтимъ и еще одну странность въ разборѣ критики Бѣлинскаго г. Трубачевымъ: — онъ не разбираетъ ее строго и серьезно, а только излагаетъ содержаніе статей Бѣлинскаго о Пушкинѣ, дополняя свое изложеніе нѣсколькими общими взглядами на достоинство и значеніе Бѣлинскаго какъ критика и писателя. Не въ обиду будь сказано молодому ученому, эту-то характеристику Бѣлинскаго и эти общіе взгляды на его литературную дѣятельность мы считаемъ самымъ слабымъ мѣстомъ въ книгѣ Трубачева. Соображая все то, что высказалъ авторъ о Бѣлинскомъ, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что онъ не былъ достаточно самостоятеленъ въ его оцѣнкѣ и что онъ только старался примѣнить ходячую, избитую (отжившую свой вѣкъ) характеристику Бѣлинскаго къ задачамъ своего труда. Въ результатѣ получилась значительная шаткость опредѣлений и довольно-странныя противорѣчія, ясно указывающія на то, что Бѣлинскій, со всеми его достоинствами и недостатками, неполнѣе ясенъ и понятенъ г. Трубачеву, какъ критикъ Пушкина и какъ критикъ вообще. За примѣрами ходитъ недалеко: — стоитъ только развернуть книгу г. Трубачева на тѣхъ страницахъ, гдѣ онъ старается охарактеризовать (и конечно выхвалить) Бѣлинскаго... «Читая и рассматривая статьи Бѣлинскаго», говоритъ авторъ на стр. 244, — «нужно имѣть въ виду періоды въ его дѣятельности, чтобы не приходило въ недоумѣніе отъ непримиримо-противорѣчивыхъ отзывовъ объ одномъ и томъ же писателѣ»... «Иногда даже встрѣчаемъ противорѣчивые взгляды въ одномъ и томъ же періодѣ дѣятельности, когда въ головѣ Бѣлинскаго одновременно боролись разныя идеи»... «Но всѣ эти противорѣчія и непоследовательности выкупались однимъ вѣчно-цѣннымъ качествомъ, необходимымъ для критика... Это качество—великое (?) эстетическое чувство, составляющее главнѣйшую способность всякаго литературнаго критика. Поэтому-то (?) Бѣлинскій всегда прозрѣвалъ истину, хотя въ большинствѣ случаевъ не всю сразу, а только одну ея сторону, которая соотвѣтствовала теоріи или идеямъ этой (?) минуты» (стр. 245)... Далѣе, на стр. 248: «Глубокое чувство нравственной правды и человѣческаго достоинства было господствующимъ идеаломъ Бѣлинскаго, хотя подробности и мѣнялись», (какъ могутъ мѣняться «подробности» въ примѣненіи «глубокаго чувства нравственной правды и человѣческаго достоинства» — этого мы не постигаемъ). На слѣдующей страницѣ г. Трубачевъ относится съ полнымъ довѣріемъ къ заявленію Бѣлинскаго, увлекавшагося новизною

въ своихъ воззрѣнiяхъ и, позабывая о тѣхъ рѣзкихъ крайностяхъ, до которыхъ дошелъ Бѣлинскiй въ послѣднiе годы жизни, прибавляетъ отъ себя: «Если бы Бѣлинскiй прожилъ долѣе, онъ, вѣроятно, пережилъ бы еще переворотъ, который открылъ бы для критики еще новыя, болѣе плодотворныя начала» (стр. 249). Далѣе, на стр. 257, мы узнаемъ, что періодъ увлеченiй Бѣлинскаго Гегелемъ (котораго онъ зналъ изъ третьихъ рукъ, больше по рассказамъ друзей) «былъ и для Бѣлинскаго, и для его читателей превосходной (!) школой философскаго мышленья»... И тутъ же самъ прибавляетъ: «много странностей и даже нелѣпостей наговорилъ Бѣлинскiй по милости Гегеля о «Горѣ отъ ума» (стр. 258). Далѣе г. Трубачевъ восхищается третьимъ періодомъ дѣятельности Бѣлинскаго, когда онъ «является публицистомъ» и «съ вдохновенной страстностью пытается разрѣшить рядъ общественныхъ вопросовъ нашей жизни». Еще далѣе читаемъ: «Въ числѣ достоинствъ сочиненiя (?) Бѣлинскаго о Пушкинѣ заключается и подъятіе, по поводу произведенiй поэта, многихъ вопросовъ нашей жизни, нашей русской дѣятельности. Критикъ говорилъ о семьѣ, о семейныхъ отношенiяхъ, о любви, бракѣ, воспитанiи, о нашемъ бытѣ вообще и объ особенностяхъ нашей исторiи¹⁾ (стр. 311). Если мы сообразимъ все высказанное выше г. Трубачевымъ о Бѣлинскомъ, то придемъ къ тому заключенiю, что онъ самъ не уяснилъ себѣ достоинствъ и недостатковъ Бѣлинскаго, какъ критика, и даже не съумѣлъ отдѣлать въ немъ критика отъ публициста; а допустивъ это смѣшенiе двухъ совершенно различныхъ теченiй въ дѣятельности Бѣлинскаго, г. Трубачевъ потерялъ подъ ногами почву для оцѣнки Бѣлинскаго, какъ критика вообще, и какъ критика Пушкинской поэзіи, въ частности. Шаткость въ оцѣнкѣ Бѣлинскаго повела автора, въ дальнѣйшемъ изложенiи его труда, къ новымъ противорѣчiямъ. Онъ не связываетъ журнальную критику 60-хъ годовъ съ дѣятельностью Бѣлинскаго, и прицѣпляетъ въ критикахъ Добролюбова и Писарева именно тѣ крайности, которыя явились прямымъ, логическимъ послѣдствiемъ увлеченiй Бѣлинскаго. На стр. 336 г. Трубачевъ изумляется нелѣпости Писаревскихъ сравненiй «поэта съ сапожникомъ и часовщикомъ»; а на стр. 257 совершенно спокойно приводитъ дикое сравненiе «Орлеанской Дѣвы» Шиллера «съ бараньимъ пузыремъ», высказанное Бѣлинскимъ.

Помимо этой шаткости во взглядахъ на Бѣлинскаго, въ которой мы вовсе и не винимъ молодого ученаго, потому что онъ, конечно, еще живетъ взглядами, недавно-преподанными ему съ университетской кафедрѣ, мы признаемъ въ книгѣ г. Трубачева большія достоинства. Добросовѣстно исчерпавъ весь скучный и никѣмъ еще серьезно-неразобранный матеріалъ критики, современной Пушкину, г. Трубачевъ выказалъ и охоту, и умѣнье, въ разработкѣ сложныхъ литературныхъ задачъ, которыхъ еще такъ много въ области нашей новой и новѣйшей литературы. Полагаемъ что, со временемъ, когда выборъ задачи будетъ вполне зависѣть отъ самого г. Трубачева, онъ съумѣетъ избрать такую тему, которая была бы ему вполне по силамъ, и къ обработкѣ ея приложить тѣ прекрасныя задатки, которыми его не обдѣлила природа.

П. П.

¹⁾ Которую, кстати сказать, онъ не зналъ, да и знать не могъ.

Уніатскіе церковныя соборы съ конца XVI вѣка до воссоединенія уніатовъ съ православною церковью. Составилъ Иванъ Стрѣльбицкій. Вильна. 1888.

Трудъ И. Стрѣльбицкаго заключаетъ въ себѣ исторію пяти уніатскихъ соборовъ: Брестскаго, провозгласившаго въ 1596 году унію западно-русской православной церкви съ римско-католическою; Новогрудскаго, установившаго въ 1617 году орденъ базилианъ по образцу іезуитскаго ордена; Кобринскаго (1626 года), имѣвшаго задачей, посредствомъ устройства семинаріи, подготовить для уніатской церкви, подобно латинской, безбрачныхъ священниковъ, но недостигшаго этой цѣли по случаю обращенія соборныхъ на семинарію суммъ для военныхъ надобностей Польши; Львовскаго (1629 г.). посредствомъ котораго уніаты тщетно стремились, если не привлечь къ уніи православныхъ, то установить съ ними мирныя отношенія; наконецъ, знаменитаго Замостьскаго собора 1720 года, созваннаго съ цѣлью возстановленія упавшей дисциплины въ уніатской церкви и возвращенія испорченныхъ обычаевъ къ своему первоначальному виду, но, взявъ сего, упрочившаго латинскіе обряды въ уніи и принудившаго уніатскихъ іерарховъ принять всѣ догматы римской церкви. Для людей, интересующихся уніей, трудъ г. Стрѣльбицкаго несомнѣно важенъ, составляя часть общей ея исторіи. Какъ произведеніе іезуитскаго прозелетизма, унія и въ соборахъ своихъ проявилась въ томъ же отрицательномъ, тонко замаскированномъ направленіи, какое лежало въ основѣ ея самой. Выразившись на первомъ соборѣ (Брестскомъ) однимъ лишь признаніемъ іерархическаго главенства римскаго папы надъ западно-русскою православною церковью, унія путемъ дальнѣйшихъ соборныхъ постановленій обратилась въ положеніе, мало чѣмъ отличавшее ее отъ римскаго католицизма. Но все это объяснялось необходимостью церковнаго благоустройства и освящалось «отеческою» заботливостью главы церкви и «любовью о Господѣ къ любезной русской націи». Задуманность, сердечность, уваженіе къ святымъ обрядамъ восточной церкви, — вотъ чѣмъ наполнены папскія бреве, многократно издававшіяся яко бы въ защиту уніатской церкви и ея древнихъ традицій. На дѣлѣ выходило иное и уніатская церковь, послѣдовательно, твердо и систематично, превращалась въ латинство.

Исторіи уніатскихъ соборовъ авторъ предпослалъ краткій очеркъ о мѣрахъ, подготовлявшихъ церковную унію, а въ заключеніе выставилъ судьбы уніи послѣ Замостьскаго собора включительно до воссоединенія въ 1839 г. западно-русскихъ уніатовъ съ православною церковью.

Первоначально трудъ г. Стрѣльбицкаго былъ напечатанъ въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ».

М. Г—цкій.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Панславистскій конгрессъ въ Прагѣ.—Книга русскаго профессора о Германіи въ оцѣнкѣ французской критики.—Англійская книга о грузинскомъ королевствѣ.—Англичане недовольные графомъ Л. Н. Толстымъ.—Императорская драма въ Берлинѣ.—Придворная исторія императора Вильгельма I.—Второй томъ исторія израильскаго народа Ренана.—Исторія трехъ Карно.

АХЕРЪ МАЗОХЪ, извѣстный писатель славянскаго происхожденія,—отъ примѣси еврейскаго элемента онъ энергично отказывается—напечаталъ по поводу волненій въ Чехіи и горячихъ рѣчей Грегра въ парламентѣ свои воспоминанія о панславистскомъ конгрессѣ въ Прагѣ (Le congrès panslaviste à Prague). Великое движеніе 1848 года,—говоритъ авторъ,—имѣло сначала чисто политическій отбѣнокъ, но къ нему скоро примѣшались національныя стремленія и отодвинули на второй планъ общегражданскіе интересы. До этого времени Прага была чисто нѣмецкимъ городомъ, но когда созванъ былъ нѣмецкій парламентъ во Франкфуртѣ, журналистъ Суселька обнаружилъ воззваніе къ славянамъ Чехіи, приглашая ихъ отправить депутатовъ въ открывшееся собраніе. Поэтъ Ламбль написалъ по этому случаю довольно тривиальную пѣсню, которую уличныя мальчишки распѣвали на мотивъ знакомой всѣмъ народной мелодіи. Пѣсня начиналась такъ: «Суселька намъ пишетъ, что нѣмцы сочиняютъ свою имперію, что у нихъ подвело животы, но мы не хотимъ имѣть дѣла съ нѣмцами-плутами: они заварили кашу, пускай же сами и расхлебываютъ ее». Дѣйствительно, нѣмцы старались всѣми силами подавлять чешскую національность, запрещали печатать на чешскомъ языкѣ даже приглашенія на обѣды и визитныя карточки, требовали, чтобы чешскія книги печатались готическимъ шрифтомъ, преслѣдовали воспоминанія о гуситахъ и Подѣбрадѣ, стихи Колара и Челяковского, поэмы о Властѣ, чешской амазонкѣ и о Жи-

шкѣ—Альфреда Мейснера. Но славянское движеніе, грозившее такою опасностью нѣмцамъ, имѣло и свою комическую сторону. Прага, въ маѣ 1848 года, точно справляла какой-то фантастическій карнавалъ. На улицахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, появлялись странные маскарадныя костюмы. Поляки, венгерцы, щеголяли національнымъ убранствомъ; чехи, изъ ненависти къ нѣмецкому сюртуку, сочинили себѣ средневѣковый нарядъ, члены общества «Согласіе» (Swornost) ходили съ алебардами, въ сѣрыхъ панталонахъ въ обтяжку, въ казакинахъ съ красными жгутами, въ колпакахъ изъ овчины, чешскіе студенты—въ голубыхъ казакинахъ, отороченныхъ бѣлымъ мѣхомъ, въ красныхъ шапкахъ, съ кривыми саблями на боку. Чешскій трибуналь Фастеръ прогуливался въ костюмѣ короля Подѣбрада. На улицахъ пестрѣли сарафаны, кокошники, кацавейки, даже овчинныя тулупы. Женщины носили славянскія цвѣта: бѣлыя платя съ синимъ корсажемъ и красныя шапочки на головѣ. Всѣ эти маскарадныя костюмы, въ которыхъ преобладали мѣха—необходимая принадлежность славянскаго наряда даже въ лѣтніе жары, вызвали злую насмѣшку Гейне: «сладко не только умереть, но и потѣть за отечество». За эту выходку еврейскаго поэта, не щадившаго ни славянъ, ни нѣмцевъ, на него негодовали больше всего чешскія дамы, носившія на поясѣ, подъ кацавейкой, не только маленькіе пистолеты и кинжалы, но и красная веревка, для связыванія пойманныхъ враговъ отечества. Во главѣ недовольныхъ была баронесса Нейпергъ, носившая еще подъ своей красной бархатной кацавейкой, обшитой горностаемъ, казацкій кнутъ, а дома сидѣвшая на подушкахъ покрытыхъ медвѣжьей шкурой. Но, наряду съ этими фантастическими выходками проявлялось серьезное движеніе: въ отвѣтъ на призваніе франкфуртскаго парламента—установить единство Германіи, чешскіе вожди создали въ Прагѣ панславистскій конгрессъ, на который собрались представители всего славянства; между ними было даже нѣсколько русскихъ эмигрантовъ съ пресловутымъ Бакунинымъ во главѣ. Но на первой же сходкѣ славянскаго конгресса въ національномъ музеѣ, сдѣлано было печальное открытіе: представители славянскихъ племенъ не понимали другъ друга. Предложили для общаго мыслей международный французскій языкъ, но онъ былъ почти вовсе незнакомъ большинству славянъ, пришлось прибѣгнуть къ ненавистному нѣмецкому діалекту. Конгрессъ открылся торжественной обѣдой по греческому обряду; служилъ сербскій священникъ у подножія памятника святому Вячеславу. Оттуда блестящая процессія направилась къ музею, гдѣ открылись засѣданія конгресса. Но съ первыхъ же шаговъ обнаружилась рознь между стремленіями отдѣльныхъ племенъ и убѣдились въ невозможности согласить ихъ интересы. Поляки и мадьяры держали сторону вѣнскихъ агитаторовъ, тогда какъ хорваты и галицкіе русины были на сторонѣ австрійскаго правительства, сербы стремились къ соединенію съ своими братьями въ сербскомъ княжествѣ и турецкой Сербіи, словенцы и словаки выбивались изъ-подъ власти мадьяръ, чехи мечтали объ отдѣльномъ политическомъ существованіи. Не смотря на взаимную вражду всѣхъ племенъ, Захеръ Мазохъ считаетъ этотъ первый, хотя и неудавшійся славянскій конгрессъ важнымъ шагомъ на пути къ будущему единенію славянства. Онъ находитъ даже многія мнѣнія объ этомъ Бакунина вполне основательными. Такъ онъ былъ убѣжденъ, что для успѣха славянскаго движенія во главѣ его должна стать сильная держава, съ хорошо дисциплинированной арміей. «А у Бакунина еще не было тогда такого сильнаго аргумента въ подтвержденіе своего

мнѣнія, какъ участіе Пьемонта и Пруссіи въ объединеніи Италіи и Германіи»,—прибавляетъ Захеръ Мазохъ. Разница въ нарѣчіяхъ не должна также, по мнѣнію Бакунина, мѣшать единенію: сербскій или чешскій крестьянинъ скорѣе поймутъ поляка или малоросса, чѣмъ пруссакъ баварца или неаполитанецъ пьемонтца. Общеславянскимъ и литературнымъ языкомъ долженъ быть, конечно, русскій языкъ, что признаютъ теперь, черезъ сорокъ лѣтъ уже всѣ южныя славяне. Бакунинъ стоялъ за славянскую федерацію, подъ гегемоніей Россіи.

— Луи Леже обращаетъ вниманіе своихъ соотечественниковъ на книгу русскаго профессора о Германіи (*L'Allemagne jugée par un russe*). Когда французъ принимается описывать Россію или Германію, можно заранѣе знать, въ какомъ духѣ онъ будетъ говорить объ этихъ странахъ. Отъ нѣмца также трудно ожидать благопріятнаго отзыва о державѣ, отказавшейся идти на берлинскіе помочахъ. Только русскій можетъ безпристрастно отнестись къ своему западному сосѣду, что и сдѣлалъ профессоръ Модестовъ въ своей книгѣ «О Германіи». Авторъ не дипломатъ и потому не благоговѣетъ передъ премудростью нѣмецкой политики, но онъ въ то же время и не самобытникъ, съ пренебреженіемъ относящійся къ гнилому западу. Онъ—ученый, близко знающій латинскій языкъ, учрежденія древняго Рима и современной Германіи, ея школьныя учрежденія и университетскій бытъ. Въ своихъ статьяхъ объ этихъ предметахъ авторъ пользуется и французскими сочиненіями: статьями Лависса, Жюля Лермина, Дронсара. Онъ различаетъ двѣ Германіи: одну—князя Бисмарка, властолюбивую, заносчивую, жадную къ захватамъ, вѣчно всѣмъ угрожающую. Но существуетъ и другая Германія, мирная, трудолюбивая, гнушающаяся насиліемъ, искренняя, хотя и не играющая теперь никакой роли. Г. Модестовъ говоритъ, что Германія Лессинга, Гёте, Канта, переживетъ двадцать Бисмарковъ, но Луи Леже находитъ, что придется ждать слишкомъ долго, чтобы уничтожить бисмарковскій девизъ: «сила выше права». Достаточно и одного Бисмарка, чтобы надолго затормозить всякій прогрессъ въ Европѣ, благосостояніе всѣхъ странъ, изнемогающихъ подъ бременемъ непосильныхъ расходовъ, чтобы имѣть возможность отклонить отъ своего отечества эту вѣчную угрозу милліонами штыковъ. Будемъ надѣяться, напротивъ, что судьба избавитъ насъ и отъ второго Бисмарка, хотя бы преемственнаго, какъ она избавила насъ отъ одновременнаго существованія двухъ Бисмарковъ въ разныхъ странахъ. Вѣдь тогда страшное столкновеніе между такими противниками было бы неминуемо.

— Какой-то благополучный англичанинъ написалъ книгу о «грузинскомъ королевствѣ, по замѣткамъ о путешествіи въ страну женщинъ, вина и пѣсенъ» (*The kingdom of Georgia: notes of travel in a land of women, wine and song, by Oliver Wardrop*). Гдѣ нашелъ авторъ это королевство, уже почти сто лѣтъ составляющее часть Россіи? Вѣдь послѣ этого и поѣздку по Волгѣ любой туристъ можетъ назвать путешествіемъ въ казанское или астраханское царство. Природу и мѣстности Грузіи описывали въ своихъ «путеводителяхъ» командоръ Буханъ Тельферъ и Брейсъ. Къ географическимъ и живописнымъ картинамъ Вардропъ прибавилъ исторію и литературу страны, хотя изложенныя весьма поверхностно. Въ Тифлисѣ онъ попалъ черезъ Батумъ и начинается съ описанія этого города, которому суждено, въ близкомъ будущемъ, превратиться въ центръ торговли на южномъ побережьи Чернаго моря, какъ превратилась когда-то, на сѣверномъ берегу

татарская деревушка Гаджибей въ богатую Одессу. Тифлисъ авторъ признаетъ однимъ изъ очаровательныхъ уголковъ земного шара. Названіе города онъ производитъ отъ индо-европейскаго корня тепъ, Тѣфра, теплица. Сходство созвучій здѣсь, однако, совершенно случайное, какъ замѣчаетъ критикъ журнала «Асадему» Морфиль, такое же, какъ въ славянской «книгѣ», китайскомъ «кингѣ» и англійскомъ king. Въ первобытныхъ жителяхъ Грузіи лазахъ, сванетахъ, мингрельцахъ нѣтъ ничего индо-европейскаго. Литературными представителями современной Грузіи авторъ называетъ князей Чавчавадзе и Мачабели, переводчика шекспировскихъ пьесъ на грузинскій языкъ. Первобытная исторія племени картвели, какъ называютъ себя грузины, баснословна. Ихъ царь Фарнабазъ, изобрѣтатель гражданскаго алфавита, долженъ быть причисленъ къ мифамъ. Достоверная исторія царства, распространявшаго свои границы гораздо далѣе нынѣшнихъ предѣловъ, начинается ровно 800 лѣтъ назадъ, съ Давида II, основателя династіи Багратидовъ, т. е. съ 1089 года. Знаменитая Тамара, оставившая въ странѣ столько преданій, царствовала съ 1184 года. Это былъ золотой вѣкъ политическаго развитія Грузіи, оставившій многочисленныя слѣды въ общественныхъ постройкахъ, сохранившіеся до нашего времени. Бросе переводъ на французскій языкъ хроники грузинскихъ династій, но онъ мало достоверенъ, хотя Вардропъ распространяется о подвигахъ разныхъ Багратидовъ и Вахтанговъ на основаніи хроникъ. Но хроники не называютъ, напримѣръ, даже царя Фарасмана, а между тѣмъ римскій императоръ Веспасіанъ заключилъ съ нимъ союзъ, что доказываетъ и римская надпись на камнѣ, найденная близъ Мцхета. Страна страшно пострадала отъ нашествія татаръ, черкесовъ, турокъ и персіанъ. Къ опустошеніямъ, причиняемымъ вѣшними врагами, присоединялись раздоры мелкихъ князей-феодаловъ, постоянно враждовавшихъ между собою. Но еще болѣе вреда странѣ, чѣмъ войны мингрельскихъ и имеретинскихъ царей между собою, принесли турки, всюду истреблявшіе христіанство. Лазы, народъ несомнѣнно грузинскаго племени, занимавшій берега Чернаго моря до Требизонда, сдѣлались непримиримыми врагами своихъ прежнихъ братьевъ, принявъ исламъ. Англійскій авторъ, враждебно относящійся ко всему русскому, сожалѣетъ о присоединеніи Грузіи къ Россіи, но англійскій критикъ осуждаетъ его за это: безъ помощи единовѣрной Россіи, грузинское племя исчезло бы изъ числа европейскихъ народовъ. Персидскій шахъ, взявъ Тифлисъ въ 1795 году, оставилъ въ немъ однѣ развалины. Присоединеніе царства къ Россіи въ 1800 году оградило его отъ непріятельскихъ вторженій. Всѣ послѣдующія попытки турокъ, во время ихъ войнъ съ Россіею, поднять возстаніе въ Грузіи были напрасны, такъ же какъ и ожиданія англичанъ, въ родѣ Вардропа, что Грузія возвратитъ свою независимость. Книга его оканчивается интересными замѣтками о грузинской литературѣ, о поэмѣ Шота Руставели «Барсова кожа», произведеніяхъ царя Вахтанга VI, Сухана Орбеліани, Васраміани и др. Вардропъ сознается, что въ то время, когда въ Турціи строго запрещается печатаніе и продажа свѣтскихъ и историческихъ книгъ на армянскомъ языкѣ, русское правительство само издаетъ произведенія грузинской литературы.

— Къ переводамъ сочиненій Л. Н. Толстого англичане относятся гораздо строже и сдержаннѣе чѣмъ французы. Такъ, отзываясь съ похвалою и о содержаніи, и о переводѣ «Дѣтства, отрочества и юности» (Childhood, Boyhood and Youth) критикъ «Атенеума» остается недоволенъ и фаволой и

переводомъ «Ивана Ильича» и другихъ повѣстей (Jvan Jlyitch and other stories, by count Lyof N. Tolstoi. Translated from the russian by N. H. Dole). Критикъ находитъ, что не смотря на популярность Толстого, его тяжелый аналитическій методъ и нерѣдко темный слогъ врядъ ли найдутъ много поклонниковъ между англійскими читателями, любящими сенсационные и ясные рассказы. Странная, полная фатализма исторія Ивана Ильича еще болѣе теряетъ въ неуклюжемъ переводѣ Доля, очевидно, плохо знакомаго съ русскимъ языкомъ. Онъ не даетъ себѣ труда переводить даже такія слова, какъ *shuba*, а въ предисловіи приглашаетъ публику читать между строками, что уже совершенно не въ обычаѣ англійскихъ читателей, непонимающихъ необходимости маскировать свои мысли цензуры ради. Слогъ Толстого своеобразенъ, но нѣтъ никакой необходимости передавать его по-англійски буквально. Переводъ долженъ согласоваться съ законами того языка, на которомъ является произведеніе, а не того, съ котораго оно взято. Критикъ хвалитъ только рассказъ Толстого «Гдѣ любовь, тамъ и Богъ» (Where love is, God is also) и находитъ его лучше рассказа «Чѣмъ люди живы» (What makes people to live).

— Страшная драма разыгравшаяся въ семействѣ австрійскаго императора и окончившаяся самоубійствомъ наслѣдника престола эрцгерцога Рудольфа и его возлюбленной, баронессы Маріи Вечера, напомнила и о другой «императорской драмѣ», недавно случившейся въ семействѣ Гогенцоллерновъ и о которой также «теперь говорятъ въ Берлинѣ», какъ въ Вѣнѣ о смерти Рудольфа. Въ Парижѣ вышла о берлинской драмѣ цѣлая книга: «Drame impérial. Ce que l'on ne peut pas dire à Berlin, par Jean de Wonnefond». Авторъ этой книги, въ высшей степени занимающей французовъ, одинъ изъ журналистовъ, высланныхъ въ послѣднее время гуртомъ изъ Берлина въ качествѣ корреспондентовъ разныхъ парижскихъ газетъ. Понятно, что въ столицѣ Германіи, какъ и въ столицѣ Австріи, не любятъ гласности (въ Вѣнѣ сначала извѣстили вѣрноподанныхъ, что принцъ скончался отъ паралича сердца), но непонятно, какъ высылая журналистовъ не сообразили, что живя въ чужомъ государствѣ они не позволяютъ себѣ сказать объ немъ ничего рѣзкаго, тогда какъ выгнанные безъ всякаго повода и раздраженные несправедливостью, они, у себя дома, не стануть церемониться и выскажутъ гораздо больше того, о чемъ сообщали въ газеты. Такъ случилось и теперь. Вонфонъ былъ больше года серьезнымъ корреспондентомъ монархической газеты «Le Gaulois», но не писалъ панегириковъ Бисмарку и былъ высланъ имъ за одно съ другими пятью журналистами, не только изъ столицы Германіи, но и съ территоріи имперіи. Теперь онъ рассказываетъ, что случилось въ ней въ прошломъ году, останавливаясь не только на смерти двухъ императоровъ и воцареніи третьяго, но и на судьбѣ вдовы Фридриха III, которая, по его мнѣнію, несетъ тяжелую судьбу вдовы императоровъ Наполеона III и Максимилиана австрійскаго. Съ первыхъ же страницъ своей книги Вонфонъ рассказываетъ сцены, о которыхъ упоминалось въ газетахъ только намеками, подтвержденій которыхъ надо ждать отъ лицъ компетентныхъ, а не отъ репортеровъ собирающихъ всякіе слухи, особенно обильные и недѣльные тамъ, гдѣ принимаютъ всѣ мѣры, чтобы въ публику не проникали извѣстія, непріятныя правительству. Такъ Вонфонъ увѣряетъ, что докторъ Макензи, въ отвѣтъ на распросы императрицы Викторіи о причинѣ горловой болѣзни Фридриха III, объявилъ, что это вовсе не

ракъ, а другая, болѣе злокачественная, застарѣлая болѣзнь, которою покойный страдалъ со времени открытія Суэзскаго канала. Ничего подобаго нѣтъ въ книгѣ Макензи, изданной въ Лондонѣ въ прошломъ году и англійскому доктору слѣдовало бы категорически опровергнуть слова французскаго журналиста, слишкомъ довѣрчиво относящагося ко всякой сплетнѣ. Къ тому же разряду придворныхъ сплетней относятся и толки о какихъ-то важныхъ бумагахъ Фридриха, увезенныхъ въ Лондонъ и возвращенія которыхъ напрасно требуетъ прусскій дворъ. По поводу ихъ Бонфонъ приводитъ даже письмо отъ 25-го іюня, въ которомъ говорится, что документы эти не могутъ быть возвращены, потому что составляютъ силу и защиту несправедливо преслѣдуемой особы, которая безъ нихъ была бы не въ безопасности въ Германіи. Пока они хранятся въ Лондонѣ — ей нечего опасаться. Подобныхъ странныхъ извѣстій, не подтвержденныхъ другими источниками, не мало въ книгѣ Бонфона и если имъ вѣрить хоть на половину, императорская драма въ Берлинѣ также мрачна и таинственна, какъ и разыгравшаяся въ Мейерлингѣ, хотя и безъ кровавой развязки. Исторія, конечно, разъяснить со временемъ всѣ эти загадочныя событія, которыя еще не могутъ сдѣлаться достояніемъ гласности.

— Нельзя сказать, чтобы въ виду враждебныхъ отношеній къ своимъ зарейнскимъ сосѣдямъ французы издавали о нѣмцахъ только непріятныя книги. Въ Парижѣ успѣли перевести три объемистые тома извѣстнаго придворнаго паразита Шнейдера объ императорѣ Вильгельмѣ I, вышедшіе въ концѣ прошлаго года: *L'empereur Guillaume I. Souvenirs intimes revues et annotés par l'empereur sur le manuscrit original de Louis Schneider, traduit de l'allemand par Ch. Rabany.* И авторъ, и переводчикъ этого тяжеловѣснаго панегирика особенно настаиваютъ на томъ обстоятельстве, что онъ былъ пересмотрѣнъ и снабженъ примѣчаніями самимъ Вильгельмомъ I. Понятно, что въ такомъ сочиненіи не можетъ быть и рѣчи о какомъ-нибудь критическомъ отношеніи къ биографіи императора, человека вполне достойнаго, но имѣвшаго свои слабости и дѣлавшаго политическіе промахи. Да и авторъ книги, по своей натурѣ склонный только къ лести и подслуживанью, и не могъ быть безпристрастнымъ дѣятелемъ дѣяній историческаго лица. Происходя изъ низкаго званія, плохой актеръ въ молодости и бездарный писатель подъ старость, Шнейдеръ сумѣлъ пролѣзть въ придворныя сферы и почти сорокъ лѣтъ пользовался благосклонностью монарха, строгаго блюстителя придворнаго этикета, дворянскихъ привилегій, наследственныхъ правъ и своего сана. Какимъ образомъ этотъ пролазъ, надъ которымъ сначала потѣшались придворные лакеи, втерся въ довѣренность императора и приобрѣлъ положеніе, которому завидовали генералы и министры — дѣлается понятнымъ, когда ближе знакомишься съ характеромъ самодержца, при которомъ такъ хорошо живется пронырамъ, обладающимъ усердіемъ всепревозмогающимъ и тонкою лестью, скрытою подъ неограниченною преданностью и вѣрнопоподданническою угодливостью. Удивленіе къ высокимъ качествамъ господина не могло конечно ограничиться нѣмымъ преклоненіемъ передъ нимъ и вылилось на бумагу въ дневникѣ о подвигахъ императора. Въ разсказѣ объ этихъ подвигахъ могли встрѣтиться недомолвки, неточности, а суровая муза исторіи не допускаетъ невѣрныхъ отзывовъ о дѣяніяхъ монарховъ — и вотъ престарѣлый Вильгельмъ беретъ на себя трудъ исправить, пополнить замѣтки своего преданнаго слуги, а слуга печатаетъ эти замѣтки

гордясь такимъ высокимъ сотрудничествомъ. Книга Шнейдера конечно не исторія, но безъ нея не обойдется историкъ Вильгельма I. Въ ней столько интимныхъ подробностей, точныхъ давныхъ, вѣрныхъ цифръ и извѣстій, анекдотовъ, замѣтокъ о привычкахъ, занятіяхъ, взглядахъ, наклонностяхъ императора—что характеристика его какъ человѣка будетъ неполна безъ комментарій Шнейдера. Правда, въ цѣломъ книга его скучна, монотонна, наполнена множествомъ никому и ни къ чему не пригодныхъ мелочей, но изъ нихъ можно все-таки извлечь любопытныя черты, рисующія Вильгельма такимъ, какъ онъ хотѣлъ показаться потомству.

— Вышелъ второй томъ «Исторіи израильскаго народа» Ренана (*Histoire du peuple d'Israël par E. Renan*). Изъ тридцати томовъ изданныхъ этимъ талантливымъ писателемъ, почти во всѣхъ изученіе религіи является если не главнымъ предметомъ, то проходитъ основною красною нитью по всѣмъ изслѣдованіямъ писателя. Нить эта видна, какъ въ его подготовительныхъ трудахъ къ исторіи христіанства: «Финикійская миссія», «Исторія семитическихъ языковъ» такъ и въ «Философскихъ драмахъ» и даже въ «Воспоминаніяхъ дѣтства». Доведя исторію новой религіи до Марка Аврелія, когда она, устоявъ подъ ударами самаго страшнаго врага ея — ученія стоицизма, утвердилась прочно на основаніяхъ, продолжая впоследствии только развивать свои догматы, Ренанъ вернулся назадъ къ источникамъ религіознаго движенія и написалъ два тома исторіи народа израильскаго. Остается еще два для довершенія громаднаго труда, и тогда, говоритъ онъ въ предисловіи, я могу сказать себѣ, какъ Симеонъ: «*nunc dimittis*». Вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ рассказъ отъ утвержденія царства Давида въ Иерусалимѣ до взятія Самаріи (1025—720 г.). Эти три вѣка едва ли не самыя важныя въ исторіи Палестины. Характеристики Давида и Соломона, блескъ и могущество объединеннаго царства, распаденіе его при преемникахъ Соломона, подпаденіе сѣверной части царства подъ власть Ассиріи,—таковъ историческій фонъ этой эпохи Израиля; но у этого народа историческія событія составляютъ только рамку религіознаго движенія. Избранный народъ преобразуется въ эту эпоху радикально: развитіе монотеизма, возвращеніе къ идеаламъ патриархальной жизни, появленіе великихъ пророковъ: Иліи, Елисея, Амоса, Исаи, становящихся во главѣ моральнаго возрожденія народа — вотъ главные фазисы религіозной исторіи этой эпохи. Критическій методъ, которому слѣдуетъ авторъ въ своемъ новомъ трудѣ—тотъ же самый какъ и въ другихъ его произведеніяхъ: Ренанъ основываетъ свои выводы и на апокрифическихъ документахъ, чаще сомнѣвается чѣмъ утверждаетъ, вездѣ употребляетъ выраженія: какъ кажется, весьма возможно и т. п. Эта нерѣшительность въ твердыхъ выводахъ и восстанавливаетъ противъ него нѣмецкихъ историковъ, хотя ихъ математическая точность въ рѣшеніи моральныхъ и религіозныхъ вопросовъ также нерѣдко сомнительна передъ судомъ непреложной критики. Ренанъ не уничтожаетъ народныя мнѣя и преданія, онъ видитъ въ нихъ историческую основу и старается очистить отъ легендъ, выросшихъ на нее въ теченіе вѣковъ. И какія мастерскія картины рисуетъ онъ нѣсколькими штрихами, какъ напримѣръ—вторую Ассирійскую монархію «съ ея милитаризмомъ, искусною поліорцетикою, варварскими правами, съ километрами барельефовъ представляющихъ счетъ отрѣзанныхъ непріятельскихъ головъ». Но не говоря о превосходномъ языкѣ Ренана, основная мысль его о постоянномъ прогрессѣ въ

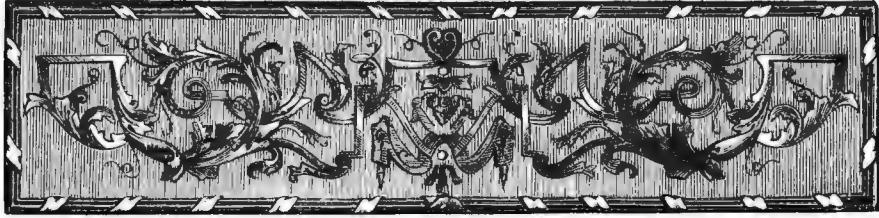
человѣчествѣ проходитъ и въ этомъ сочиненіи. «Все, что не содѣйствуетъ развитію добра и правды — исчезаетъ какъ мыльный пузырь, какъ гнилое дерево».

— И у республиканцевъ есть льстецы. Услужливый еврей, Маврикій Дрейфусъ, написалъ исторію «Трехъ Карно» (*Les trois Carnot. Histoire de cent ans. 1789—1888*), со множествомъ гравюръ, рисунковъ, плановъ, автографовъ, снимковъ съ подлинныхъ документовъ, и проч. и проч. Изданіе роскошное, но которое и въ Парижѣ принято неодобрительно, какъ составленное явно для прославленія не двухъ первыхъ, а третьяго Карно, оказавшагося на президентскомъ мѣстѣ такою же безцвѣтной ничтожностью, какою онъ былъ и до того момента, когда его выбрали главою республики, за немѣнѣемъ въ ней никого сколько-нибудь подходящаго для занятія этого поста, — какъ выбрали конкурентомъ Буланже какого-то радикальнаго кабатчика или кабацкаго радикала. Выборы Карно и Жака и почти всѣхъ депутатовъ да и самого Буланже, какъ главы національнаго движенія—доказали только печальную истину, что Франція вырождается и что въ ея современномъ обществѣ нѣтъ сколько-нибудь выдающихся политическихъ и гражданскихъ личностей. Это видно и изъ книги Дрейфуса, при сравненіи біографій отца, сына и внука. Лазарь Карно, членъ конвента, инженеръ математикъ, политическій писатель, былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и честныхъ дѣятелей революціи. Посланный въ сѣверную армію, онъ одержалъ побѣду при Ватиньи, остановивъ успѣхи непріятели. Отозванный въ Парижъ, онъ завѣдывалъ въ комитетѣ общественнаго благосостоянія устройствомъ военныхъ операцій и его искуснымъ распоряженіямъ республиканская армія обязана столько же своими побѣдами, какъ и храбрости своихъ генераловъ. Его прозвали «организаторомъ побѣдъ», а напоминаніе о его заслугахъ спасло его отъ проскрипціи послѣ 1-го преріала. Избранный членомъ директоріи, онъ въ 1797 году подвергся гоненію реакціонной партіи и осужденный въ ссылку послѣ переворота 18-го фруктидора, спасся бѣгствомъ въ Германію. Тамъ онъ написалъ мемуары, оправдывающіе всѣ его дѣйствія и вернулся въ Парижъ послѣ 18-го брюмера. Наполеонъ сдѣлалъ его военнымъ министромъ, но строгій республиканецъ разгадалъ скоро честолюбивые замыслы авантюриста и вышелъ въ отставку. Его избрали въ члены трибуната и онъ всѣми силами противодѣйствовалъ избранію Наполеона въ пожизненные консулы, потомъ въ императоры. Живя частнымъ человѣкомъ до 1813 года, когда противъ Франціи составилась коалиція, онъ предложилъ свою шпагу Наполеону и тотъ поручилъ ему защиту Антверпена, который Карно сдалъ только по заключеніи парижскаго мира. Министръ внутреннихъ дѣлъ во время ста дней, онъ былъ изгнанъ Людовикомъ XVIII, жилъ нѣсколько времени въ Варшавѣ и умеръ 70-ти лѣтъ въ Магдебургѣ, оставивъ громкое, незапятнанное имя и много сочиненій по математикѣ, военному искусству и политическимъ вопросамъ. Сынъ его былъ однимъ изъ ревностныхъ послѣдователей сенсимонизма, но отдѣлился отъ него, когда Анфантенъ ввелъ въ это ученіе чувственный элементъ, «организовалъ прелюбодѣяніе», какъ выразился Карно. Оппозиціонный депутатъ во время іюльской монархіи, онъ послѣ февральской революціи сдѣлался министромъ народнаго просвѣщенія, принесъ много пользы по устройству первоначальнаго обученія, но его крайнія демократическія и отчасти социалистическія убѣжденія принудили его оставить министерство. Во время импе-

ріи онъ былъ всегда въ оппозиціи, республика сдѣлала его несмѣняемымъ сенаторомъ. Онъ оставилъ также много серьезныхъ и дѣльныхъ сочиненій. Что же сдѣлалъ сынъ его, Сади-Карно, нынѣшній президентъ? Какъ инженеръ и членъ палаты депутатовъ, онъ занимался разработкою вопросовъ по желѣзнымъ дорогамъ, навигаціи, общественнымъ постройкамъ, былъ министромъ въ злосчастномъ кабинетѣ Жюля Ферри, перевелъ книгу Милля о революціи 1848 года, — заслуги неважныя, чтобы стать во главѣ французской республики — какъ ни старается раздуть ихъ его усердный біографъ, умалчивающій о томъ, что къ 1870 году, когда вся молодежь шла въ волонтеры и вольные стрѣлки, 33-хъ лѣтній Карно занимался только исправленіемъ географическихъ картъ да сочинилъ какую-то митральезу.

С М Ъ С Ъ.

ВАДЦАТИПЯТИЛѢТНЯЯ годовщина земскихъ учреждений. Четверть-вѣковая годовщина введенія въ Россію земскихъ учреждений прошла почти незамѣтно и безъ всякихъ торжествъ. Москва и провинціальныя газеты посвятили болѣе или менѣе обширныя статьи и теплыя воспоминанія объ одной изъ самыхъ крупныхъ реформъ прошлаго царствованія, тогда какъ Петербургскія газеты отозвались въ весьма сухихъ и короткихъ замѣткахъ. Московскіе губернскіе гласные по крайней мѣрѣ пообѣдали въ гостиницѣ «Эрмитажъ» по случаю юбилея. На обѣдѣ присутствовали исправляющій должность московскаго губернскаго предводителя дворянства кн. П. Н. Трубецкой, уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели и члены губернской и уѣздной управъ, представители московскаго городского общественнаго управленія, земскіе и городскіе санитарные врачи и нѣкоторые представители мѣстной прессы. Всего въ обѣдѣ участвовало ровно 100 чловѣкъ земскихъ гласныхъ и лицъ, сочувствующихъ земскимъ учреждениямъ. Первый тостъ провозглашенъ былъ кн. П. Н. Трубецкимъ за здоровье Государя Императора и встрѣченъ громкими криками «ура». Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ тостовъ и рѣчей. Особенно выдѣлилась прекрасная рѣчь, произнесенная бывшимъ въ 60-хъ годахъ московскимъ головою, княземъ А. А. Щербатовымъ.

«Пять лѣтъ тому назадъ, — началъ ораторъ, — я покинулъ земскую дѣятельность, но не отъ равнодушія къ ней: любовь моя къ земству и теперь такъ же горяча, какъ въ молодости. Это даетъ мнѣ право говорить о прошедшемъ, связать его съ настоящимъ и будущимъ. Не одни мы, но сама исторія скажетъ: «вѣчная память императору Александру II за всѣ его реформы». Часть плодовъ этихъ реформъ видимъ мы уже теперь, но въ болѣе мѣрѣ увидятъ ихъ грядущія поколѣнія. Народъ русскій до временъ Царя-Освободителя жилъ не общественной, но, по преимуществу, внутренней, домашней жизнью, которая всплывала наружу, была ключемъ и дѣлалась общественной только во время чрезвычайныхъ народныхъ бѣдствій, какъ наприм., при нашествіи французовъ въ 1812 г. Императоръ Александръ II,

послѣ того какъ снялъ оковы крѣпостного права, призвалъ весь народъ къ жизни гражданской, даровавши ему земскія учрежденія. Считаю себя счастливымъ, что я жилъ въ то славное время и принималъ участіе въ дѣятельности органовъ русскаго самоуправленія. Не буду говорить о фактахъ и подробностяхъ блестящей эпохи нашихъ реформъ, но скажу о томъ подъемѣ народнаго духа, о задачахъ того времени, которыя казались трудно разрѣшимыми не только для народа мало подготовленнаго, но и для націй, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры. Крестьянская, земская и судебная реформы—все это было осилено въ короткое время. Въ этомъ великое доказательство дѣйствительной жизненности русскаго народа. Не буду дѣлать перечня, чтó совершило земство за эти 25 лѣтъ: сдѣлано много, но много и не додѣлано. Не панегиристомъ земскихъ учреждений я выступаю: я люблю ихъ такъ много, что не въ состоянн имъ кадить и превозносить ихъ не въ мѣру. Въ самой организациі земскихъ учреждений могутъ и должны быть измѣненія, но не дай Богъ, чтобы, вмѣстѣ съ улучшеніями, дотронулись до корня этого живого дерева. Въ настоящее время нельзя не признать, что прежній живой духъ земства нѣсколько поникъ и упалъ, но онъ не угасъ. Вліяло на это и общественное мнѣніе, не умѣвшее иногда поддерживать въ земствѣ хорошее и карать дурное. Теперь мы переживаемъ странное явленіе, когда частью общественное мнѣніе и значительное число органовъ прессы какъ бы поворачиваются спиной къ земскимъ учрежденіямъ. Эта часть печати и нѣкоторые отголоски общественнаго мнѣнія ставятъ земство въ противоположность правительству, считая первое находящимся въ оппозиціи послѣднему. Но въ дѣйствительности нѣтъ этой оппозиціи, — она не присуща русской исторіи. Есть столкновенія, недоразумѣнія между той и другой стороной; но гдѣ же ихъ нѣтъ и развѣ они не существуютъ между разными вѣдомствами и министерствами? Иное дѣло -- принципиальное столкновеніе, но такого не существовало и не существуетъ между земствомъ и правительствомъ. Плохую услугу оказываютъ нашей странѣ тѣ консерваторы, которые возбуждаютъ правительство противъ земства. Они думаютъ, что правительство слабо; но это глубокая ошибка. Зачѣмъ же поддерживать вражду къ органамъ самоуправления русскаго народа? Правительство смѣло можетъ опираться на нихъ: тогда всѣ временныя недоразумѣнія между правительствомъ и обществомъ исчезнутъ, и жизнь пойдетъ своимъ путемъ. За это желанное будущее я и провозглашаю тостъ».

Громкія, нѣсколько разъ возобновлявшіяся, рукоплесканія и крики «браво» сопровождали эту рѣчь. Затѣмъ, при соответствующихъ рѣчахъ, провозглашены были тосты: московскимъ городскимъ головою Н. А. Алексѣевымъ «за единеніе между земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ»; губернскимъ гласнымъ В. М. Пржевальскимъ «за процвѣтаніе земскихъ учреждений въ тѣсной и постоянной связи русскаго земства съ русскимъ народомъ»; гласнымъ И. Н. Мамонтовымъ за предсѣдателя губернской земской управы Д. А. Наумова, какъ стараго руководителя московскаго земства и одного изъ лучшихъ земскихъ людей; Д. А. Наумовымъ за руководителей земскихъ собраній московской губерніи, за предсѣдателей ихъ, за губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства; гласнымъ Г. В. Грудевымъ «за почетнаго гражданина города Москвы кн. А. А. Щербатова»; членомъ губернской управы М. В. Духовскимъ «за земскихъ учителей, врачей, за каждого земскаго дѣятеля, съ любовію относящагося къ своимъ обязанностямъ» и др. тосты. По окончаніи обѣда, присутствовавшіе на немъ долго оставались въ колонной залѣ «Эрмитажа», бесѣдуя о прошломъ и настоящемъ земскихъ учреждений.

Юбилей А. А. Фета. 28 января въ Москвѣ праздновался пятидесятилѣтній юбилей литературной дѣятельности А. А. Фета. Чествованіе юбиляра происходило въ квартирѣ поэта. Общество російской словесности черезъ специаль-

ную депутацію поднесло юбиляру, своему члену, адресъ. Затѣмъ Аванасій Аванасьевичъ получилъ адреса отъ московскаго психологическаго общества, отъ русскаго литературнаго общества, отъ общества распространенія полезныхъ книгъ въ Москвѣ, отъ Лицея Цесаревича Николая, Петербургскаго университета и много другихъ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности Академіи Наукъ прислало слѣдующую телеграмму:

«Въ день полувѣковой годовщины литературной дѣятельности своего знаменитаго члена-корреспондента, отдѣленіе русскаго языка и словесности поставяетъ себѣ въ особенное удовольствіе привѣтствовать въ немъ любимаго русскаго поэта, умѣящаго сочетать съ пылкимъ лирическимъ вдохновеніемъ глубину и свѣжесть чувства, прелесть образовъ и гармонію звуковъ, poeta еще и на склонѣ лѣтъ сохраняющаго жаръ юности и неустанную энергію, которой литература наша обязана усвоеніемъ ей цѣлага ряда произведеній классической древности. Отдѣленіе при этомъ случаѣ пріятно вспоминаетъ, что оно имѣло возможность увѣнчать одинъ изъ этихъ трудовъ премією великаго поэта, который самъ сочувственно присоединился бы къ настоящему привѣтствію нашему. Да продлитъ Провидѣніе дни неустарѣвшаго Фета.—Гротъ, Буслаевъ, Бычковъ, Сухомлиновъ, Веселовскій».

Офицеры лейбъ-уланскаго его величества полка, въ которомъ нѣкогда служилъ Ае. Ае., привѣтствовали его телеграммой. Кромѣ того, получены поздравительныя телеграммы отъ начальника Московской губерніи, князя В. М. Голицына, отъ графа Голенищева-Кутузова, отъ правленія елецкаго музыкально-литературно-драматическаго общества и множество другихъ. Многіе поэты прислали Ае. Ае. посвященныя ему стихотворенія, лучшее изъ нихъ принадлежитъ Я. П. Полонскому. Въ свою очередь юбиляръ всѣмъ посѣтившимъ его раздавалъ печатные экземпляры слѣдующаго своего стихотворенія:

«На утрѣ дней все ярче и чудеснѣй
Мечты и сны въ груди моей росли,
И пѣсень рой во слѣдъ за первой пѣсней
Мой тайный пылъ на волю понесли.

И трепетнымъ отъ счастья и муки
Хотѣлось птичкамъ Божиимъ моимъ,
Чтобъ гдѣ-нибудь ихъ налетѣли звуки
На чуткій слухъ, внимать готовый имъ.

Полвѣка ждалъ друзей я этихъ пѣсень,
Гадалъ о тѣхъ, кто имъ живой пріютъ,
О, какъ мой день сегодняшній чудесенъ!
Со всѣхъ сторонъ тѣ пѣсни мнѣ несуть.

Тутъ нѣтъ чужихъ, тутъ все родной и кровный,
Тутъ нѣтъ враговъ, кругомъ одни друзья,
И всей душой за вашъ привѣтъ любовный
Къ своей груди васъ прижимаю я».

Въ числѣ подношеній отъ поклонниковъ таланта юбиляра обращаютъ вниманіе прекрасной работы серебряная чернильница отъ гг. Боткиныхъ, вѣнокъ отъ гг. Толстой и масса цвѣтовъ и зелени.

25-лѣтіе ученой дѣятельности О. А. Федченко. Въ январѣ 1889 года минуло 25 лѣтъ ученой дѣятельности Ольги Александровны Федченко. Дочь профессора Московскаго университета Армфельда, бывшаго также инспекторомъ николаевскаго института, Ольга Александровна съ самаго дѣтства выказывала необычайную склонность къ естествознанію, которой удалось получить надежащее развитіе, благодаря руководству и заботамъ образованныхъ родителей. Она воспитывалась въ николаевскомъ московскомъ институтѣ, затѣмъ занималась уроками и переводами, не смотря на то, что, какъ дѣвушка

обезпеченная, не нуждалась въ заработкѣ. Между прочимъ, она принимала участіе въ переводѣ книги Перти: «Психическая жизнь животныхъ», сотрудничала въ «Журналѣ Садоводства», подъ редакціею Григорьева. За образцовые рисунки и содѣйствіе при устройствѣ этнографической выставки получила медаль. Въ 1864 году она избрана членомъ-учредителемъ «Общества любителей естествознанія». Но еще въ 1861—1862 гг. составила прекрасный гербарій флоры можайскаго уѣзда, которымъ пользовался Н. Н. Кауфманъ для своей «Московской флоры», энтомологическія и другія коллекціи. Въ 1867 г. она вышла замужъ за А. П. Федченко и вмѣстѣ съ нимъ путешествовала по Финляндіи, Швеціи и странамъ западной Европы, помогая мужу въ его ученыхъ трудахъ. Въ декабрѣ того же года она принимала участіе въ сѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, затѣмъ участвовала въ извѣстномъ трехлѣтнемъ путешествіи Федченко по Туркестанскому краю. За гербарій и альбомъ туркестанскихъ видовъ О. А. получила большую золотую медаль отъ «Общества любителей естествознанія», а на политехнической выставкѣ — два свидѣтельства на золотыя медали. За труды по изслѣдованію Туркестана получила золотой браслетъ, украшенный брилліантами и рубиномъ изъ кабинета его величества. Затѣмъ О. А. посѣтила съ мужемъ Германію, Англію, Францію и Швейцарію. Между прочимъ, она получила серебряную медаль отъ географическаго общества за переводъ съ англійскаго языка «Исторіи и географіи верховьевъ Аму-Дарьи». Въ 1873 г. ей пришлось испытать горькую утрату. Подробности трагической смерти мужа она изложила въ письмѣ, напечатанномъ въ газетѣ «Голосъ» въ томъ же году. Ольга Александровна Федченко дѣятельно помогала изданію результатовъ путешествія своего покойнаго мужа и, по просьбѣ Петермана, написала: «Fedchenko's Reisen in Turkestan» (Petermann's Mitth. 1874, тетрадь 6-я, съ картою). Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она была секретаремъ совѣта «Общества любителей естествознанія». Осенью 1876 г. приняла участіе въ сѣздѣ ориенталистовъ въ Петербургѣ, въ качествѣ делегата отъ этого общества. Нѣсколько ученыхъ обществъ, а также комитетъ антропологической выставки избрали ее своимъ членомъ. Затѣмъ, при сотрудничествѣ сына, О. А. пополнила гербарій флоры можайскаго уѣзда, разбирала университетскіе гербаріи и помогала въ установкѣ учебной коллекціи московскаго зоологическаго музея. «Общество любителей естествознанія» поднесло ей, 15-го октября 1887 года, особо для нея изготовленный, съ благодарственной надписью, экземпляръ 20-го выпуска «Путешествія въ Туркестанъ», какъ выраженіе глубокаго уваженія и признательности за ея почтенныя, многолѣтніе труды на пользу отечественнаго знанія.

Памятникъ Н. М. Пржевальскому. Вслѣдствіе предсмертнаго желанія Николая Михайловича Пржевальскаго быть похороненнымъ на берегу озера Иссыкъ-Куля, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ исполненіи завѣщанія нашего знаменитаго путешественника. Бренныя его остатки преданы землѣ въ 12 верстахъ отъ Каракола, на живописномъ высококомъ берегу озера, при чемъ окрестное населеніе возбудило вопросъ объ обращеніи этого мѣста въ роскошный садъ. На могилѣ нашего славнаго ученаго путешественника будетъ воздвигнутъ памятникъ, проектъ котораго заслужилъ весьма лестный отзывъ Государя Императора и высочайшее утвержденіе. Рисунокъ исполненъ товарищемъ и другомъ покойнаго Николая Михайловича А. А. Бильдерлингомъ. Памятникъ изображаетъ красивую скалу, вышиною въ 4 сажени (сложенную изъ большихъ глыбъ мѣстнаго камня), на которую опустился большой бронзовый орелъ—эмблема ума, силы, безстрашія; онъ держитъ въ когтяхъ своихъ карту Азіи (изображенную на бронзовомъ листѣ) — поприще ученой дѣятельности Николая Михайловича, а въ клювѣ оливковую вѣтку — символъ его мирныхъ научныхъ завоеваній. На лицевой сторонѣ скалы, наверху, прикрѣпленъ бронзовый крестъ, а подъ нимъ надпись:

«Николай Михайловичъ Пржевальскій, родился 29-го марта 1839 года, скончался 20-го октября 1888 года».

Внизу, въ скалѣ высѣчена изящная, витая дѣстница, надъ верхнею ступенью которой, въ ростъ человѣка, помѣщена бронзовая медаль (въ увеличенномъ видѣ) съ изображеніемъ Николая Михайловича, выбитая въ 1887 г. въ его честь Академіею Наукъ. Надъ медалью сдѣлана надпись (помѣщенная на оборотной сторонѣ медали):

«Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи».

Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію. Въ концѣ текущаго года на Рождественскихъ каникулахъ созывается въ Петербургѣ съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и промышленному образованію въ Россіи. Въ виду важнаго значенія этого съѣзда для Россіи, желательно, чтобы успѣхъ его оправдалъ ожиданія и принесъ дѣйствительную пользу нашему отечеству; а это возможно въ томъ случаѣ, если при правильной его организаціи и при содѣйствіи правительства въ немъ приметь участіе возможно большее число лицъ какъ непосредственно стоящихъ у дѣла образованія, такъ и интересующихся его успѣхами въ нашемъ отечествѣ. Поэтому, для пользы дѣла, важно ознакомить русское общество съ задачами предполагаемаго съѣзда и его организаціей. Мысль о созывѣ этого съѣзда, впервые высказана въ Русскомъ Техническомъ Обществѣ, во время обсужденія вопроса объ устройствѣ въ Петербургѣ международнаго конгресса по техническому образованію, согласно предложенія послѣдняго конгресса въ Бордо. Техническое Общество представило правительству мнѣніе о необходимости созвать предварительно съѣздъ русскихъ дѣятелей, имѣя въ виду съ одной стороны недостаточность свѣдѣній по распространенію технического образованія, въ нашемъ отечествѣ; съ другой стороны преимущественное для Россіи значеніе русскаго самостоятельнаго съѣзда. Положеніе о съѣздѣ удостоилось высочайшаго утвержденія. Онъ продолжится около 2—3 недѣль. Къ участію въ немъ приглашаются не только лица, заведующія училищами и преподаватели, но также заводчики, фабриканты, заведующіе работами въ мастерскихъ и вообще всѣ тѣ, кто такъ или иначе заинтересованъ въ жизни нашихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Во время съѣзда открывается выставка техническихъ школъ. Ближайшею цѣлью этой выставки поставлено слѣдующее: представить современное положеніе различныхъ видовъ промышленнаго и технического образованія въ Россіи; ознакомить съ различными методами обученія ремесламъ, со способами преподаванія и съ достигаемыми результатами по графическимъ искусствамъ; ознакомить съ программами, курсами, руководствами и письменными работами учащихся, какъ по общеобразовательнымъ, такъ и по специальнымъ предметамъ; ознакомить съ результатами, достигаемыми при обученіи различными техническими знаніямъ, ремесламъ и искусствамъ. Открытіе выставки послѣдуетъ двумя недѣлями ранѣе начала занятій въ съѣздѣ, а закрытіе черезъ двѣ недѣли по окончаніи занятій съѣзда. Къ участію на выставкѣ приглашаются не только профессиональныя учебныя заведенія какъ мужскія, такъ и женскія, но также различныя общества и отдѣльныя лица. Для наиболѣе нагляднаго ознакомленія съ выставкой, она будетъ раздѣлена на нижеслѣдующія 6 группъ. Мужскія техническія и промышленныя учебныя заведенія. Женскія профессиональныя заведенія. Обученіе ручному труду и ремесламъ въ школахъ общеобразовательнаго характера, учительскихъ институтахъ и семинаріяхъ, реальныхъ училищахъ, частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, городскихъ и пр. Графическія искусства. Рисовальныя школы, реальные училища. Обученіе малолѣтнихъ и взрослыхъ рабочихъ въ школахъ общеобразовательныхъ и специальныхъ и т. п. Учебныя пособия, руководства и учебники, справочныя книги, періодическія изданія спе-

ціального характера и проч. Награды на выставкѣ выдаваемы не будутъ. Въ настоящее время организационный комитетъ съѣзда, раздѣленный на XII секцій, занятъ собираніемъ матеріала, разсылая печатные вопросы по разнымъ учебнымъ заведеніямъ, составляетъ списокъ техническихъ и профессиональныхъ школъ и формулируетъ тѣ вопросы, разрѣшеніе которыхъ ждетъ отъ самаго съѣзда. Перечислить всѣ эти вопросы мы не имѣемъ возможности; между прочимъ, съѣзду предложены будутъ слѣдующіе: какъ должны быть составлены учебники по различнымъ ремесламъ; ознакомленіе съ современнымъ положеніемъ сельско-хозяйственнаго образованія въ Россіи и за границей; выясненіе вопросовъ, относящихся къ организациі сельско-хозяйственныхъ учебныхъ заведеній, къ постановкѣ въ нихъ теоретическаго и практическаго обученія; значеніе общаго образованія для цѣлей профессиональнаго образованія; на сколько можетъ способствовать распространенію техническо-промышленныхъ знаній устройство музеевъ, передвижныхъ выставокъ, экскурсій, съѣздовъ, читаленъ и чтеній по предметамъ технического характера; основанія ихъ организациі; значеніе развитія естествознанія, рисованія и черченія для промышленности и техники въ нашемъ отечествѣ и пр. Лица, которыя пожелали бы взять на себя разработку вопросовъ, приглашаются доставить свои работы по возможности не позже 1-го сентября 1889 года, адресуя ихъ въ Организационный Комитетъ высочайше утвержденнаго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессиональному образованію (Спб., Пантелеймоновская). Рефераты на эти вопросы, признанные лучшими, будутъ напечатаны въ «Трудахъ» съѣзда и авторы ихъ получатъ опредѣленный комитетомъ гонораръ. Въ Техническое общество уже начинаютъ поступать, согласно положенія о съѣздѣ, частныя пожертвованія на расходы по устройству съѣзда: первыми въ 1888 г. поступили значительныя пожертвованія *Θ. И. Базилевскаго* и *Нечаева-Мальцева*.

Черново-археологическое общество и музей при Кіевской духовной академіи въ 1888 году. 17-го ноября 1888 года исполнилось 16 лѣтъ со времени учрежденія церковно-археологическаго общества и музея при Кіевской духовной академіи. Общество и музей не получали и не получаютъ никакой казенной субсидіи и потому стѣснены въ своей дѣятельности и въ своемъ развитіи недостаткомъ денежныхъ средствъ, но все-таки въ теченіе 16 лѣтъ успѣли многое приобрѣсти и сберечь для науки. Къ 1889 году всѣхъ поступленій въ церковно-археологическій музей числилось 21,184 №№, слѣдовательно среднимъ числомъ поступало въ годъ около 1,324 №№. За послѣдній 1888 годъ поступило въ церковно-археологическій музей 2,263 №№, изъ коихъ большая часть (1,715 №№) падаетъ на произведенія медальернаго искусства, медали, жетоны и монеты. Мы обратимъ вниманіе только на важнѣйшіе предметы касающіеся отечественной исторіи.

Есть древнѣйшей эпохѣ относятся находки въ такъ называемыхъ скинскихъ курганахъ, поступившія въ церковно-археологическій музей. Одинъ изъ нихъ, находившійся возлѣ села Журавки, Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губерніи, разрытъ былъ кладонскателями, которые нашли въ немъ глиняный сосудецъ съ двумя ручками (прохусъ) и 23 бронзовыхъ наконечника стрѣлъ, повидимому не бывшихъ въ употребленіи. Другой скинскій курганъ на Колонтаевскомъ уруціѣ, Черкаскаго уѣзда, Кіевской губерніи, вскрытъ былъ членомъ Общества *В. З. Завитневичемъ* и *В. И. Гошкевичемъ*, которые, кромѣ костяка, нашли здѣсь бронзовое зеркальце, 2 глиняныхъ кубшичника, глиняный прохусъ, бронзовый конусъ, желѣзный наконечникъ копья и такой же ножичекъ въ костяной оправѣ; къ скинскимъ же предметамъ можно отнести бронзовую подвѣску съ ушкомъ и орнаментомъ, найденную на полѣ села Острова, Васильковскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

Приготовлявшееся и праздновавшееся въ прошломъ году юбилейное тор-

жество въ память 900-лѣтія крещенія Руси при св. Владимірѣ пробудило интересъ къ изученію древнѣйшей нашей исторіи, послѣдствіемъ чего было поступленіе въ церковно-археологическій музей нѣсколькихъ цѣнныхъ предметовъ, относящихся къ первому періоду нашей исторіи. Настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ, архимандритъ Антонинъ, по поводу означеннаго торжества, пожертвовалъ въ церковно-археологическій музей шесть византійскихъ золотыхъ монетъ, современныхъ первому кievскому періоду нашей исторіи и относящихся къ послѣднимъ царствовавшимъ въ Византіи династіямъ, а именно: императоровъ Василія и Константина, братьевъ супруги св. Владиміра великой княгини Анны, Романа III Аргири, Константина Дуки, Алексія I Комнина, Исаака II Ангела и Михаила VIII Палеолога. Развалины византійскаго храма на русской почвѣ открыты были зимой 1886—1887 года въ области Войска Донскаго, въ юртѣ Цимлянской станицы, на границѣ около хутора Попова, на лѣвой (луговой) сторонѣ р. Дона. Въ нихъ найдены были двѣ мраморныя колонны, пьедесталъ отъ колонны съ изображеніемъ византійскаго креста и мѣдный складной крестикъ съ изображеніями на одной сторонѣ св. Бориса, а на другой—св. Глѣба. Изъ этихъ развалинъ доставленъ былъ г. Ознобишинымъ въ церковно-археологическій музей квадратный кирпичъ съ клеймомъ, изображающимъ якорь. Такіе же строительные матеріалы встрѣчаются и въ древнихъ русскихъ церковныхъ постройкахъ въ Переяславѣ и Кіевѣ, произведенныхъ или греческими мастерами, или русскими по греческимъ образцамъ. Въ прошломъ 1888 году товарищъ предсѣдателя Общества профессоръ П. А. Лашкаревъ и членъ В. Н. Николаевъ открыли въ Переяславѣ, Полтавской губерніи, на мѣстѣ деревянной Успенской церкви, фундаментъ древняго храма изъ квадратныхъ кирпичей, относящагося къ новому періоду русской исторіи; а на площади того же города найдена была евреемъ Найдисомъ свинцовая вислая печать, съ изображеніемъ св. Давида и надписью на другой сторонѣ «Дѣнь слово», переданная въ церковно-археологическій музей. По величинѣ и формѣ, она очень похожа на извѣстную печать Ратибора, XI вѣка, и можетъ быть отнесена ко времени княженія черниговскаго князя Давида Святославича (1097—1124 г.). Квадратные кирпичи съ клеймами и мраморныя колонны сохранились и въ Кіевѣ отъ древнихъ церквей. Въ прошломъ году найденъ былъ въ Кіево-Печерской лаврѣ и доставленъ въ церковно-археологическій музей квадратный кирпичъ съ двумя клеймами, изъ коихъ на каждомъ изображена буква В; а въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ доселѣ сохраняются двѣ древнія мраморныя колонны и 4 капители отъ такихъ же колоннъ, вѣроятно бывшія въ первоначальномъ иконостасѣ или церковной преградѣ. Въ главномъ храмѣ Кіево-Михайловскаго монастыря въ прошломъ году вновь открыты были, подъ наблюденіемъ членовъ церковно-археологическаго общества, фрески, на двухъ столбахъ алтарной арки, относящіяся къ XII вѣку. Замѣчательную же особенность древнихъ церковныхъ построекъ кievскихъ составляетъ обиліе въ нихъ издѣлій изъ краснаго шифера. Въ 1888 году въ церковно-археологическій музей доставлены гробница изъ красноватаго камня и кусокъ такой же надгробной плиты съ надписями, пока еще не освобожденными изъ-подъ известковой накипи и не прочитанными, изъ Кіево-печерской лавры, и нѣсколько кусковъ шиферныхъ плитъ съ выдолбленными въ нихъ углубленіями, изъ Кіево-печерской же лавры и Кіево-Михайловскаго монастыря. На одномъ изъ этихъ кусковъ, полученномъ изъ Кіево-печерской лавры, сохранились слѣды цемента и на немъ разноцвѣтной мозаики. Наконецъ, передъ самымъ юбилейнымъ торжествомъ, члену профессору Н. И. Петрову удалось открыть въ коллекціи барона Шодуара, въ мѣстечкѣ Івницѣ, Житомирскаго уѣзда—мѣдный складной крестикъ XIII вѣка, на которомъ, изображены съ одной стороны св. Владиміръ, а съ другой св. Борисъ и Глѣбъ. Церковно-археологическое общество сдѣлало гальвано-пластическій снимокъ съ креста.

Едва ли не самымъ крупнымъ приобрѣтениемъ церковно-археологическаго музея въ прошломъ 1888 году была коллекція иконъ, крестовъ, образковъ, медальоновъ и крестиковъ, пожертвованная музею Е. П. Демидовой, княгиней Сан-Донато. Въ этой коллекціи заключается 209 предметовъ, а именно деревянныхъ иконъ и крестовъ, мѣдныхъ крестовъ, финифтяныхъ и мѣдныхъ образковъ, серебряныхъ и мѣдныхъ крестиковъ, начиная съ XII вѣка. Коллекція эта первоначально принадлежала французу, инженеру Траншеру, который участвовалъ въ постройкѣ курско-кіевской желѣзной дороги и желѣзнаго моста въ Кіевѣ и, вѣроятно, въ это время собиралъ свою коллекцію, такъ какъ вся она исключительно состоитъ изъ русскихъ священныхъ предметовъ. Передъ выѣздомъ изъ Россіи, Траншеръ продалъ свою коллекцію покойному Демидову Сан-Донато. Но истинное украшеніе коллекціи и всего церковно-археологическаго музея есть деревянный въ серебряномъ позолоченомъ окладѣ 8-миконечный крестъ, составляющій величайшую святыню русской земли. Это—тотъ самый крестъ, которымъ преподобный Сергій Радонежскій благословилъ великаго князя Дмитрія Ивановича Донского на битву съ Мамаемъ въ 1380 году, какъ видно изъ слѣдующей надписи, начертанной на рукоятокѣ креста: «Симъ крѣмъ благословилъ предъ Сергіи игуменъ князя Дмитрія на погана цря Мамаея и рекъ: симъ побеждаи врага. Въ лѣто а т н Августа к з дня». По величинѣ и формѣ крестъ весьма похожъ на напрестольные кресты; но, по всей вѣроятности, это былъ кедейный крестъ преподобнаго Сергія, можетъ быть сдѣланный имъ самимъ, и первоначально окрашенъ былъ только желто-коричневою краскою, окочанъ же по приказанію или самого преподобнаго Сергія, передъ самымъ поднесеніемъ его великому князю, или же по приказанію князя Дмитрія Ивановича Донского. Когда и какимъ образомъ этотъ крестъ пропалъ изъ Москвы,—трудно сказать что-либо определенное. Въ московскихъ описяхъ, насколько намъ извѣстно, не сохранилось никакого воспоминанія о немъ. Вѣроятно, онъ похищенъ былъ изъ Москвы еще въ смутное время самозванцевъ или поляками, или, вѣрнѣе, —казаками, которые однако же едва ли понимали и цѣнили значеніе этого креста, такъ какъ надпись на немъ довольно замысловата и не сразу поддается чтенію даже опытныхъ лицъ. Рефератъ объ этомъ крестѣ печатается въ январской книжкѣ «Трудовъ Кіевской духовной Академіи» за настоящій годъ.

Изъ предметовъ болѣе поздняго времени, поступившихъ въ церковно-археологическій музей въ прошломъ году, по нашему мнѣнію, болѣе другихъ замѣчательна: бронзовая рукоятка отъ кипжала съ узорчатыми украшеніями и слѣдами эмали, изъ г. Троцьк, Виленской губерніи, литовскаго періода исторіи Сѣверо-Западнаго края; оловянный крестъ начала XVII вѣка съ начертанными изображеніями Богоявленія и распятія изъ села Овсяниковъ, Бердичевскаго уѣзда, Кіевской губерніи; портретъ ректора кіевской академіи іеромонаха Игнатія Оксеновича Старушича, половины XVII вѣка; портретъ неизвѣстнаго татарина, XVII вѣка, полученный изъ Глуховскаго уѣзда, Черниговской губерніи,—можетъ быть изображающій или союзника Богдана Хмельницкаго Тугай-бея, или одного изъ предковъ Кочубеевъ; стеклянная фляжка съ московскими серебряными копѣечками по 1713 годъ, найденная въ Кіевѣ, на горѣ Киселевкѣ; рукописное собраніе указовъ Петра I, съ 1718 по 1724 годъ, икона великомученицы Варвары 1747 года, хорошаго малороссійскаго письма, изъ села Житнаго, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи; плащаница, писанная членомъ императорской Академіи Художествъ, извѣстнымъ въ свое время художникомъ Боровиковскимъ, жившимъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка. Последняя особенно высоко цѣнится любителями малороссійской старины.

Въ 1888 году было 9 собраній членовъ церковно-археологическаго общества. На нихъ, кромѣ заслушанія и рѣшенія обычныхъ текущихъ дѣлъ, об-

суждаемы были вопросы, первоначально разработывавшіеся особыми комиссиями, а именно: о возобновленіи временной деревянной галлерей при храмѣ Кіевскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря; о пріобрѣтеніи для церковно-археологическаго музея 8-ми портретовъ гетмановъ и казацкой старшины; о возстановленіи первоначальнаго вида фрески съ изображеніемъ княжескаго семейства въ Кіево-Софійскомъ соборѣ; о наблюденіи за выемкою земли въ храмѣ Кіево-Михайловскаго монастыря при устройствѣ калориферовъ; о проектируемой постройкѣ часовни въ юго-восточномъ углу ограды Кіево-Подольской Успенской соборной церкви; о возстановленіи и освѣженіи новооткрытыхъ фресокъ и орнаментовъ въ главномъ храмѣ Кіево-Михайловскаго монастыря. На тѣхъ же собраніяхъ Общества прочитанъ былъ отчетъ церковно-археологическаго Общества за 1887 годъ и предложены были слѣдующіе рефераты: «Къ исторіи колонизаціи Слободской Украины» Н. И. Петрова; «О древне-христіанскихъ саркофагахъ въ древней Галліи» А. И. Булгакова; «О рукописныхъ замѣткахъ конца XVII вѣка на книгѣ Миръ челоуѣка съ Богомъ Иннокентія Гизеля» Н. И. Петрова; «Объ остаткахъ древней каменной церкви въ г. Переяславѣ, открытыхъ 1 августа 1888 года, на мѣстѣ бывшей деревянной Успенской, извѣстной принесенною въ ней гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ присягою на подданство Россіи» П. А. Лашкарева; «Духовное завѣщаніе Саввы Освященнаго (новооткрытый памятникъ)» А. А. Дмитріевскаго, и «О крестѣ, коимъ преподобный Сергій благословилъ князя Дмитрія Ивановича на войну съ Мамаемъ, 1380 года», В. З. Завиткевича. Кромѣ того, къ торжественному соединенному собранію Кіевской духовной академіи и Общества 14-го іюля приготовлена была членомъ и секретаремъ Общества Н. И. Петровымъ рѣчь о «Чествованіи памяти св. Владиміра на югѣ Россіи и въ частности въ Кіевѣ», оставшаяся неизданною, и образована была особая выставка изображеній св. Владиміра, въ количествѣ 12-ти, съ XI по XVII вѣкъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1888 года секретарь Общества Н. И. Петровъ и помощникъ его В. З. Завиткевичъ командированы были Обществомъ въ м. Ивницю, Житомирскаго уѣзда, для обзорѣнія коллекціи барона Я. М. Шодуара, и представили Обществу отчетъ о своей поѣздкѣ, напечатанный въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» за прошлый годъ.

† Въ Вѣнѣ въ концѣ прошлаго года на 93-мъ году (родился 14-го ноября 1796 г.) Павелъ Петровичъ Максимовичъ. Это былъ едва ли не старѣйшій и одинъ изъ весьма почтенныхъ дѣятелей нашихъ учебныхъ вѣдомствъ. Если въ органахъ столицы не было посвящено ему воспоминаній, это происходило отъ того, что онъ провелъ послѣдніе годы жизни за границею, гдѣ жила и семья его. Онъ былъ уроженецъ Кіева, старшій изъ шести сыновей протоіерея Успенской соборной церкви. Первое образованіе Павелъ Петровичъ получилъ въ старой кіевской академіи. Дальнѣйшее образованіе онъ получилъ въ Петербургѣ, въ Педагогическомъ институтѣ, а съ преобразованіемъ послѣдняго въ университетъ—въ здѣшнемъ университетѣ. Въ 1822 г. онъ опредѣленъ учителемъ географіи въ главное инженерное училище. Съ учрежденіемъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія должности окружныхъ инспекторовъ учебныхъ заведеній въ 1861 г., Максимовичъ переименованъ въ эту должность изъ прежняго званія инспектора казенныхъ училищъ. Въ этомъ качествѣ онъ часто предпринималъ поѣздки по губерніямъ округа, для обзорѣнія учебныхъ заведеній и производства слѣдствій по дѣламъ училищнаго вѣдомства. Въ 1866 г. исправлялъ должность попечителя петербургскаго округа. Въ 1869 г. Максимовичъ уволенъ отъ службы и состоялъ только членомъ особаго отдѣла ученаго комитета министерства просвѣщенія по разсмотрѣнію книгъ, издаваемыхъ для народнаго чтенія. Всей службы покойнаго было около 60 лѣтъ. Въ служебной средѣ П. П. отличался строгою правдивостію и смѣлою прямоюю словъ и дѣйствій. Какъ педагогъ-писатель.

Максимовичъ извѣстенъ по своей книжкѣ «Другъ дѣтей», которая издана имъ еще въ 1839 году и выдержала много изданій. Религіозное настроеніе покойнаго выразилось въ трудахъ его по переводу нѣсколькихъ иностранныхъ сочиненій назидательнаго содержанія. Такъ, изданы имъ въ переводѣ съ французскаго «Бесѣды на молитву Господню» и публичныя лекціи «Объ апостольскомъ преданіи», направленныя противъ извѣстныхъ сочиненій Ренана.

† Въ Москвѣ извѣстный знатокъ исторіи и теоріи церковнаго пѣнія, профессоръ московской консерваторіи протоіерей **Дмитрій Вячеславовичъ Разумовскій**. Онъ получилъ образованіе въ Киевской духовной академіи, по окончаніи курса которой получилъ ученую степень магистра богословія. Принявъ санъ священника, онъ не оставилъ своихъ любимыхъ занятій музыкою и обратилъ особенное вниманіе на изученіе церковнаго пѣнія. Среди профессоровъ московской консерваторіи онъ отличался особеннымъ трудолюбіемъ; имъ изданы «Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи», въ двухъ большихъ выпускахъ и «Теорія богослужебнаго пѣнія» (вышелъ только 1-й выпускъ). «Исторія церковнаго пѣнія въ Россіи» — единственная и замѣчательная научно написанная книга по исторіи церковнаго пѣнія. Съ его участіемъ также были изданы сочиненія Юрія Арнольда по теоріи древнерусскаго церковнаго пѣнія. Покойный состоялъ протоіеремъ Георгіевской церкви въ Москвѣ, на Всполюѣ.

† Въ Петербургѣ членъ морского комитета и бывшій редакторъ «Морского Сборника» генераль-маіоръ **Никандръ Ильичъ Зеленый**. Покойный воспитывался въ Морскомъ корпусѣ и произведенъ въ мичманы въ 1846 г. Окончивъ курсъ въ офицерскихъ классахъ, Н. И. занялся педагогической дѣятельностью по морскимъ наукамъ. Съ 1866 г. онъ сдѣлался редакторомъ «Морского Сборника». Въ 1871 г. въ чинѣ капитана 1-го ранга, назначенъ членомъ ученаго отдѣленія морского техническаго комитета, а въ 1885 г. произведенъ въ генераль-маіоры и сдалъ редакцію «Сборника» капитану 2-го ранга Купреянову. Н. И. Зеленый пользовался среди моряковъ заслуженной славой одного изъ лучшихъ специалистовъ по морскому дѣлу. Онъ читалъ также «Лекціи популярной астрономіи» и издалъ ихъ потомъ отдѣльною книгою.

† Одинъ изъ выдающихся педагоговъ, **Александръ Яновлевичъ Гердь**, 48-ми лѣтъ. Покойный родился въ Петербургѣ въ 1841 г., воспитывался въ Ларинской гимназіи. Въ 1858 г. поступилъ въ Петербургскій университетъ по естественному факультету. Окончивъ въ 1863 г. университетскій курсъ со степенью кандидата, съ 1866 г. по 1870 г. былъ воспитателемъ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ, съ 1871 до 1874 г. директоромъ колоніи малолѣтнихъ преступниковъ, читалъ лекціи на Фребелевскихъ курсахъ, на Педагогическихъ курсахъ, былъ директоромъ частной гимназіи кн. Оболенской, инспекторомъ думскихъ городскихъ школъ. Въ 1878 г. Гердь былъ приглашенъ для преподаванія естественныхъ наукъ августѣйшимъ дѣтямъ Государя Императора. Гердь былъ членомъ, а въ послѣднее время предсѣдателемъ комитета высшихъ женскихъ курсовъ, издалъ много ученыхъ книгъ по естественной исторіи; онъ всегда пользовался уваженіемъ и любовью, какъ своихъ знакомыхъ, такъ и своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ. Особенно важна его дѣятельность по устройству исправительной земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Инициаторами этого дѣла для руководства имъ, приглашенъ былъ А. Я. Относясь серьезно къ своимъ новымъ обязанностямъ, онъ въ 1870 г. уѣхалъ за границу для ознакомленія на мѣстѣ съ учрежденіями такого рода. Онъ ознакомился со всѣми западными исправительными колоніями, кромѣ французскихъ, куда помѣшали ему попасть всѣмъ извѣстныя событія 1870 года. Вернувшись въ Петербургъ на свой новый постъ, онъ чувствовалъ себя подкрѣпленнымъ новымъ

опытомъ, новыми знаніями и внесъ въ дѣло нашей колоніи все, что было примѣнимо у насъ, все, что могло привиться къ намъ, по его мнѣнію. Съ начала 1871 года по конецъ 1874 онъ работалъ неустанно день и ночь. Его не смущала ни отдаленность жизни отъ города, ни неудобства и лишения его семьи, ни холодная квартира во вновь выстроенномъ для него домикѣ,— онъ весь отдался этому новому дѣлу. Безъ преувеличенія можно сказать, что первые поселенцы колоніи напоминали какихъ-то Робинзоновъ. Кругомъ сплошное болото и лѣсъ, по окраинѣ обширнаго съ торчащими пнями плаца и грудями хвороста, два, три незатѣдливыхъ домика, сзади въ отдаленіи, тоже въ лѣсу, рабочей домика, гдѣ жило нѣсколько наемныхъ рабочихъ, рядомъ конюшня и больше ничего. Словомъ, А. Я. былъ среди природы, которая была еще чужда человѣческой культуры. Здѣсь нужно было каждый шагъ брать съ бою: топоръ и желѣзная лопата неразрывны были съ человѣческими руками, не брезгаль ими и самъ А. Я., ставъ въ ряды новаго дѣла.

† Въ Москвѣ послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни одинъ изъ видныхъ представителей инженернаго искусства и науки, **Василій Александровичъ Кипріяновъ**. Онъ родился въ 1818 г., въ селѣ Ельнинскаго уѣзда Смоленской губерніи, воспитывался въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія. Поступивъ на службу въ министерство путей сообщенія, Кипріяновъ посвятилъ свою дѣятельность исполненію инженерно-техническихъ проектовъ и сооружений, каковы: прорытіе 2-го Ладожскаго канала, постройка Московско-Нижегородской желѣзной дороги, проведеніе шоссе между Курскомъ и Фатежемъ и др. При своихъ инженерно-строительныхъ работахъ Кипріяновъ заинтересовался толщами земли, которыя приходилось прорывать, и находившимися въ нихъ остатками организмовъ; съ этихъ поръ геологія и палеонтологія сдѣлались любимыми его науками. Начиная съ 1850 г., онъ напечаталъ въ изданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и въ мемуарахъ Академіи Наукъ цѣлый рядъ изслѣдованій по вопросамъ геологіи и палеонтологіи. Такъ, имъ напечатана подробная монографія объ ископаемыхъ рыбахъ и гигантскихъ пресмыкающихся съ приложеніемъ 66 таблицъ рисунковъ (въ мемуарахъ императорской Академіи Наукъ, XXVIII, XXX и XXXI томы). Труды Кипріянова въ области геологіи и палеонтологіи получили громадную извѣстность не только среди русскихъ ученыхъ, но и за границею: многія ученые общества считали его своимъ членомъ. До послѣднихъ дней жизни онъ сохранилъ лучшія отношенія со многими представителями науки и велъ съ ними переписку. Погребенъ Кипріяновъ въ Москвѣ.

† Врачъ-художникъ **Александръ Ивановичъ Жимилонно**, Онъ родился 23-го ноября 1823 г., рано осиротѣлъ и среднее образованіе получилъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ; въ 1849 г. окончилъ курсъ медико-хирургической академіи, вскорѣ послѣ чего поступилъ врачомъ въ родовспомогательный институтъ при Воспитательномъ домѣ, гдѣ и служилъ до самой смерти. Съ 1870 г. онъ сдѣлался преподавателемъ и руководителемъ школы сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Этому учрежденію онъ посвятилъ всѣ свои силы и не разстался съ нимъ до самой смерти. Въ 1874 г. онъ издалъ свой учебникъ акушерства, выдержавшій два изданія, и «Наставленіе для подавнія первоначальной помощи». Благодаря его стараніямъ, школа совершенно преобразовалась и стала образцовой. Его ученицы были лучшими бабками и число желающихъ попасть въ эту школу нерѣдко въ три-четыре раза превосходило число вакансій. Дѣятельность его на этомъ поприщѣ не осталась безплодной. Многія изъ окончившихъ вели съ нимъ переписку, отдавая отчетъ во всѣхъ интересныхъ случаяхъ своей большею частью деревенской практики. Помимо этого покойный занимался живописью и за свои картины: «Развалины Аенія», «Утро», «Вечеръ» получилъ званіе почетнаго общника отъ Академіи Художествъ и серебряную медаль. Много другихъ пейзажей

его: «Крымскій видѣ», «Окрестности Холма» и другія были на выставкахъ. Изъ жанра замѣчательны: «Пляска мертвецовъ», «Ночной смотръ», «Цыганскій таборъ» и проч., для которыхъ онъ даже регистрировалъ и музыку. Однимъ словомъ, покойный былъ врачомъ-педагогомъ, композиторомъ, музыкантомъ и художникомъ. Скончался онъ на 65-мъ году отъ піэміи—гнойнаго отравленія, происшедшей отъ нарыва, вскрывшагося внутрь. Человѣкъ одинокій, жившій отшельникомъ (отъ паралича поразившаго его, когда ему не было еще 30-ти лѣтъ, онъ плохо владѣлъ правой ногою) онъ, какъ слышно, оставилъ довольно значительный, нажитый честнымъ трудомъ капиталъ на устройство при заведеніи, гдѣ онъ прослужилъ сорокъ лѣтъ, нѣсколькихъ кроватей для родильницъ, чтобы не повторялись, какъ было и въ прошломъ мѣсяцѣ, случаи родовъ у воротъ родовспомогательнаго заведенія, куда не пускаютъ родильницъ за неимѣніемъ мѣста.

† **Василій Богдановичъ Пассекъ**, вице-консулъ въ Рагузѣ. Покойный окончилъ свое образованіе въ Харьковскомъ университетѣ, а въ здѣшнемъ выдержалъ экзаменъ на магистра по кафедрѣ международнаго права. Въ 1879 г. онъ поступилъ на службу въ азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Онъ ревностно занимался литературою: особенный интересъ возбуждалъ въ военныхъ кружкахъ его очеркъ «Воспоминанія рядового первого призыва», напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1875 году. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ «Русской Рѣчи», гдѣ завѣдывалъ политическимъ обзорѣніемъ. Тамъ же помѣщались и его беллетристическіе опыты. Но ему недолго пришлось оставаться въ Петербургѣ, вскорѣ состоялось его назначеніе въ Рагузу; на этомъ посту онъ пробылъ до своей смерти. Въ 1883 г. онъ сопровождалъ Ювина по личной его просьбѣ въ Софію и здѣсь въ качествѣ его ближайшаго сотрудника принесъ дѣлу горячее русское чувство, богато одареннаго дѣятеля, талантливаго редактора и полемиста. Пассекъ возвратился въ Рагузу, весьма охлажденный неблагоприятнымъ оборотомъ русскихъ дѣлъ въ Болгаріи. Вслѣдъ затѣмъ онъ управлялъ нѣкоторое время нашею миссіею въ Черногоріи, гдѣ пользовался благосклонностью князя Николая, съ которымъ его сближали общія свойства славянской природы и любовь къ поэзіи. В. Б. Пассекъ оставилъ послѣ себя нѣсколько стихотвореній; нѣкоторыя изъ нихъ въ юмористическомъ родѣ. Если и на этомъ пути онъ не пошелъ дальше, это случилось потому, что онъ попалъ въ глухую мѣстность, въ которой была невозможна дѣятельность политическая (съ перенесеніемъ всѣхъ миссій въ Цетинье, Рагуза потеряла свое значеніе и европейскія державы отозвали своихъ агентовъ); что же касается до дѣятельности литературной, то по характеру своего художественнаго темперамента, покойный особенно нуждался въ симпатичной средѣ, которая бы служила ему элементомъ необходимой критики и доброжелательною аудиторіею. Цѣлыхъ восемь лѣтъ провелъ В. Б. Пассекъ въ Рагузѣ. Нерѣдко наѣзжалъ онъ въ Петербургъ, но всякій разъ возвращался обратно, не получивъ надежды. Жажда дѣятельности и неудовлетворенность самолюбія — все это подавляло состояніе духа покойнаго и всею его помыслы за предѣлы семейной жизни, въ которой онъ былъ вполне счастливъ.

† Скоропостижно директоръ Псковской губернской гимназіи **Иванъ Ивановичъ Красовъ**. Онъ былъ сынъ протоіерея Вологодской губерніи, родился 28 іюля 1821 г. Получивъ общее образованіе въ вологодской духовной семинаріи, Ив. Ив. поступилъ въ Спб. университетъ, гдѣ кончилъ курсъ со степенью кандидата философскаго факультета. Тяжело было для Ив. Ив. время его пребыванія въ университетѣ. Какъ сынъ бѣдныхъ родителей, онъ далеко не располагалъ необходимыми для него средствами. Изъ друзей къ брату Ив. Ив., поэту Василию Ивановичу Красову и изъ искренняго расположенія къ самому Ив. Ив., Бѣлинскій просилъ Краевского доставлять Ив. Ив. работы, которыя бы, не мѣшая его занятіямъ, давали ему кое-какія средства

къ существованію. Первая работа его—переводъ съ французскаго какой-то повѣсти,—была напечатана въ «Отечеств. Записк.». Пришлось перебиваться и уроками, но занятія его были такъ успѣшны, что вскорѣ послѣ его поступленія въ университетъ онъ былъ удостоенъ императорской стипендіи. Обезпеченный этимъ, Ив. Ив. всецѣло отдался наукѣ. Работы его обратили вниманіе профессоровъ. Его ожидала, по окончаніи курса, университетская кафедра, но обстоятельства принудили его взять должность преподавателя гимназіи. Однако въ теченіе шести лѣтъ этой дѣятельности Ив. Ив. написалъ сочиненіе «О мѣстоположеніи древняго Новгорода», сочиненіе, за которое удостоенъ былъ степени магистра русской исторіи и которое обратило на себя вниманіе нашихъ ученыхъ. Н. Ив. Костомаровъ и другіе совѣтовали ему представить свою магистерскую диссертацию для получения Уваровской преміи, но онъ этого не сдѣлалъ. Затѣмъ онъ напечаталъ обширную историческую статью въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» и во все время своей педагогической дѣятельности не переставалъ заниматься изученіемъ исторіи, которую преподавалъ въ гимназіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Занимался онъ и изученіемъ древнихъ языковъ, которые преподавалъ въ гимназіи. Двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду началъ онъ свою педагогическую дѣятельность. Первые семь лѣтъ прослужилъ въ новгородской гимназіи. Переведенный старшимъ учителемъ исторіи въ 3-ю петербургскую гимназію, прослужилъ еще десять лѣтъ. Преподавалъ исторію въ патриотическомъ институтѣ и въ кадетскихъ корпусахъ — первомъ и павловскомъ и вездѣ являлся отличномъ дѣятелемъ, выдающимся педагогомъ. Директоромъ гимназіи онъ былъ въ теченіе 27-ми лѣтъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Зубовскій карликъ.

Въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатана статья К. А. Бороздина «Три столѣтнихъ старца», въ которой, между прочимъ, описывается жизнь карлика графа Зубова, Ивана Андреевича. Какъ очевидно послѣднихъ пяти лѣтъ жизни Ивана Андреевича, по фамиліи Якубовскаго, я могу прибавить къ біографіи этого миниатюрнаго человѣчка кое-какія подробности и исправить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ статью К. А. Бороздина. Оставивъ службу въ гвардіи, я въ 1860 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, переѣхалъ въ Москву къ больному отцу моему, графу Александру Николаевичу Зубову, въ нашъ домъ, на Поварской улицѣ. Здѣсь я засталъ карлика Ивана Андреевича старикомъ, лѣтъ 98-ми, но еще бодрымъ. Онъ читалъ до конца жизни безъ очковъ, только былъ глухъ, такъ что нужно было кричать, когда приходилось съ нимъ говорить, за что старикъ на всѣхъ обижался; онъ имѣлъ вѣру въ цѣлебность какого-то масла, которое ежедневно вливалъ себѣ въ уши, но никакой пользы отъ этого не было; онъ всѣмъ, кто спрашивалъ о его глухотѣ, отвѣчалъ: «Вы сами глухіе!» Его любимымъ занятіемъ было дѣлать клѣтки для птицъ, которыхъ онъ обучалъ пѣнію на маленькой шарманкѣ, да еще онъ дѣлалъ простыя игрушки дѣтямъ двора. Нѣкоторая часть его столярнаго инструмента находится у меня въ московскомъ домѣ. По зимамъ сидѣлъ онъ въ своей комнатѣ въ бѣлицемъ халатѣ и выходилъ изъ флигеля, гдѣ онъ жилъ, только разъ въ день, чтобы поклониться отцу моему послѣ обѣда въ два часа. Лѣтомъ же онъ гулялъ по двору въ легкомъ сюртукѣ и фуражкѣ и обѣдалъ со мною почти ежедневно въ четыре часа;

всегда передъ супомъ выпивалъ рюмку водки и ѣлъ съ аппетитомъ. Любимыя блюда его были: ботвинья съ осетриною, окрошка и жареный поросенокъ съ кашею, перѣдко продѣлывавшій съ нимъ шутки, послѣ которыхъ мой камердинеръ, Филиппъ, братья Ивана Андреевича на руки и прямо изъ за стола водворялъ его во флигель. Старикъ часто рассказывалъ о быломъ времени, какъ онъ отъ дѣда моего, графа Николая Александровича Зубова, перешелъ къ свѣтлѣйшему князю Платону Александровичу Зубову, гдѣ состоялъ, то швейцаромъ, доказательствомъ чему служила хранившаяся у него швейцарская перевязь краснаго сукна съ золотымъ галуномъ, то исправлялъ должность дворецкаго и, влѣзая на стулъ, своими маленькими рученками расправлялся съ прислугою. Припоминаю еще слѣдующій рассказъ старика: въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ Петербургѣ, въ которомъ мѣсяцѣ я теперь не припомню, но тогда, когда еще Нева не замерзала, былъ сильнѣйшій вѣтеръ съ дождемъ, Иванъ Андреевичъ шелъ подъ зонтикомъ по набережной; вдругъ порывомъ вѣтра подымаетъ его такъ, что ноги не касаются земли и несетъ его по направленію къ рѣкѣ. Народъ бѣжитъ за нимъ, чтобы удержать; въ это время проѣзжалъ случайно по набережной свѣтлѣйшій князь Зубовъ и увидѣлъ своего карлика летающимъ надъ толпою; онъ остановилъ карету, и, при помощи гайдуковъ, Иванъ Андреевичъ былъ пойманъ и посаженъ рядомъ съ княземъ въ карету; такъ рассказывалъ карликъ о своемъ спасеніи отъ неминуемой смерти. Еще рассказывалъ старикъ, что сопровождалъ мою бабушку графиню Наталью Александровну Зубову, рожденную свѣтлѣйшую княжну Суворову, везущую отца моего въ половинѣ марта мѣсяца 1797 года, въ возкѣ, въ Гатчину, чтобы крестить его въ дворцовой церкви, такъ какъ императоръ Павелъ Петровичъ былъ воспріемникомъ отъ купели, и при этомъ ребенокъ чуть не замерзъ при 30-ти градусахъ мороза. По смерти князя Зубова, скончавшагося въ Роенталѣ, въ Курляндіи, а не въ Шавляхъ, Ковенской губерніи, въ 1822 году, Иванъ Андреевичъ перешелъ къ моей пратеткѣ Ольгѣ Александровнѣ Жеребцовой, по смерти которой поселился до конца жизни у отца моего. Жили у насъ въ домѣ, на Поварской, Авдотья Герасимовна Пояркова, бывшая камерфрау моей бабушки и сестра ея Ефросинья Герасимовна. Въ 1862 г., осенью, обѣ умерли въ продолженіе десяти дней отъ тифа; одной было 78 лѣтъ, а другой 76 лѣтъ отъ роду. Мой карликъ только головой качалъ и говорилъ: «Удивляюсь, какъ такія молодыя дѣвицы умираютъ». Самъ же онъ, за годъ до своей смерти, лѣтомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года заболѣлъ воспаленіемъ въ кишкахъ и былъ въ безнадежномъ состояніи, но благодаря ботвиниѣ съ осетриной, которую поѣлъ съ разрѣшенія домашняго доктора, Василія Ивановича Пфедфера, махнувшего на него рукою, какъ на мертваго, поправился и прожилъ еще годъ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ, 12-го числа 1864 года онъ скончался на 103 году жизни, совершенно безболѣзненно, отъ старости. Иванъ Андреевичъ похороненъ въ Донскомъ монастырѣ, около нашей церкви св. Александра Свирскаго, 15-го іюля, въ день св. Равноапостольнаго князя Владиміра и святыхъ карликовъ Кирика и Гулиты, въ тотъ же день поминаемыхъ. Относительно состоянія Ивана Андреевича Якубовскаго, мнѣ кажется, мнѣніе К. А. Бороздина преувеличено; знаю, что еще до моего переезда въ Москву, покойный карликъ былъ обворованъ на нѣсколько тысячъ человѣкомъ при немъ находившимся, котораго въ домѣ на Поварской я уже не засталъ, и именно такимъ способомъ: Иванъ Андреевичъ имѣлъ обычно

веніе хранить деньги въ сахарной бумагѣ подь подушкой своей постели и каждый вечерь передь сномъ ощупываль, цѣла ли пачка? Только разь, нужно ему было вынуть изъ бумажнаго хранилища деньги, но вмѣсто денегъ нашель только почтовую бумагу. Такъ же не помню у него брилліантовъ и колець. По смерти Ивана Андреевича оказались три тысячи рублей, хранившіеся въ комодѣ, да движимаго имущества, оцѣненнаго рублей на 800—900. Явился наслѣдникъ, какъ говорили, крестьянинъ Витебской губерніи, младшій племянникъ покойнаго, чуть ли не внучатый, старикъ подь 70 лѣтъ, но ничего не получилъ, такъ какъ Иванъ Андреевичъ былъ шляхтичь и крестьяне не могли, по закону, ему наслѣдовать, а завѣщанія никакого онъ не оставилъ; поэтому, все имущество было взято въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, въ Витебскѣ, какъ выморочное имущество.

Графъ П. А. Зубовъ.

II.

Къ исторіи побратимства.

Въ январьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ отдѣлѣ «Смѣсь» (на стр. 253) напечатано сообщеніе: «Слѣды побратимства въ русекихъ народныхъ обычаяхъ», гдѣ, между прочимъ, говорится, что: «Остатокъ этого обычая (побратимства) г. Егоровъ имѣлъ случай наблюдать нѣсколько разь въ Вѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи; и что «у насъ—русекихъ—существовалъ прежде обычай побратимства въ такомъ же полномъ видѣ, какъ существуетъ онъ и теперь у южныхъ славянъ». Я имѣю возможность сообщить, что у насъ, въ м. Дмитровкѣ Александрійскаго уѣзда Херсонской губерніи, обычай побратимства и посестримства очень распространенъ и въ настоящее время, какъ среди малороссовъ, такъ и великороссовъ (населеніе Дмитровки состоитъ изъ двухъ равныхъ почти по количеству частей: малороссовъ и великороссовъ). Обычай этотъ обыкновенно совершается на второй день Пасхи и происходитъ между искренними друзьями, которые, чтобы больше закрѣпить дружбу, соглашаются побрататься. Побратимство бываетъ преимущественно между такими лицами, которые одиноки, не имѣютъ родныхъ братьевъ и сестеръ; одинъ случай знаю такой, что посестрились двѣ женщины потому только, что имена и отчества ихъ были одинаковы и даже у мужей имена одинаковы; не скажу положительно, чтобы обычай этотъ совершался только на второй день Пасхи, но извѣстные мнѣ случаи были именно въ этотъ день. Совершается онъ слѣдующимъ образомъ: согласившіеся побрататься или посестриться сходятся къ кому-нибудь изъ братающихся, приглашаютъ нѣсколькихъ ближайшихъ сосѣдей, въ присутствіи которыхъ снимаютъ икону (сосѣди, разумѣется, знаютъ, что пригласившіе ихъ хотятъ побрататься), бьютъ поклоны, целуютъ икону и целуются между собою; целуютъ икону и бьютъ поклоны только тѣ, кто братается, напри- мѣръ двое мужчинъ; жены ихъ поклоновъ не бьютъ, а целуются между собою и съ мужьями, и считаются сестрами по-мужьямъ, также и наоборотъ при посестримствѣ.

По окончаніи этого обряда, просятъ присутствующихъ садиться за столъ, подають изысканныя по крестьянскимъ вкусамъ закуски, нарочно приготовленныя и угощаютъ водкой; изрядно выпивъ и закусивъ, названный братъ просить брата со всей компаніей къ себѣ въ гости; передь уходомъ побратавшійся даетъ брату икону, какую-нибудь изъ лучшихъ или нарочно

для этого купленную, какъ бы благословляетъ его и они опять цалуются; прїйдя къ брату только пьютъ и ѣдятъ; здѣсь тоже присутствуютъ сосѣди, но обряда никакого не бываетъ; когда уходятъ, то получившій икону даетъ свою взамятъ и тоже благословляетъ; иногда при этомъ мѣняются крестами. Съ этого времени между побратившимися устанавливаются болѣе чѣмъ родственныя отношенія: во всѣхъ семейныхъ случаяхъ—печальныхъ и радостныхъ—мужья и жены побратавшихся, или посестрившихся, принимаютъ самое близкое участіе; если заболѣетъ изъ нихъ кто-нибудь, то заботятся одинъ о другомъ; при случаяхъ сватовства сына или дочери, побратавшіеся безъ совмѣстнаго совѣта и согласія сами не рѣшятся женить, или выдать.

Въ матеріальныхъ затрудненіяхъ одинъ другому помогаетъ сколько можетъ и при томъ безъ всякихъ счетовъ, хотя болѣе нуждающійся старается, чтобы не вышло съ его стороны въ этомъ отношеніи злоупотребленія.

Побратимство и посестримство считается такимъ близкимъ родствомъ, что находятъ невозможнымъ сватать дѣтей одинъ у другого; были два случая, что такіе побратимы обращались ко мнѣ за разъясненіемъ, можно ли имъ поженить дѣтей, которыхъ они никакъ не могли отговорить не вступать въ бракъ. Разумѣется, я разрѣшалъ; они хотя и женились, но остались при своемъ убѣжденіи, что это нельзя—грѣхъ. Заинтересовавшись этимъ обычаемъ, я узнавалъ могутъ ли вступать въ бракъ, по ихъ взглядамъ: вдовецъ побратимъ съ вдовой своего побратима? и мнѣ сказали, что этого не было, но думаютъ, что это все равно, если бы хотѣлъ жениться вдовецъ на вдовѣ своего родного брата.

Не знаю, откуда заимствованъ этотъ обычай дмитровцами, принесли ли они его изъ тѣхъ мѣстъ, откуда были переведены во время заселенія Новороссійскаго края, или, можетъ быть, заимствовали его у сербовъ, которыхъ, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, въ Дмитровкѣ, вмѣстѣ съ начальникомъ края сербомъ Иваномъ Хорватомъ, было довольно.

По сохранившимся ордерамъ въ церковномъ архивѣ Успенской церкви м. Дмитровкѣ видно, что въ 1754 г. Дмитровка была квартирою 17 роты гусарскаго Хорвата полка; здѣсь жилъ и онъ самъ и основалъ многія окружныя села. Дмитровка самое древнѣйшее изъ поселеній этого края, существовавшая до назначенія Хорвата; такъ, напр., извѣстно, что въ 1730 г. въ Дмитровкѣ была сожжена церковь, во имя св. князя Владиміра, татарами. Очень можетъ быть, что обычай побратимства дмитровцами заимствованъ у сербовъ, бывшихъ съ Хорватомъ.

Свящ. Г. И. Сорокинъ.

М. Дмитровка,
Александр. уѣз., Херсон. губ.

безусловной субординации, от которой никто из постригшихся не смѣлъ уклониться, подѣ страхомъ тяжкаго тѣлеснаго наказанія, подѣ страхомъ лишенія свободы и жизни, іезуитскій орденъ достигъ великаго могущества. Вскорѣ началась дѣятельность, распространившаяся на всѣ части свѣта, недостижимая по своимъ результатамъ, приобрѣвшая всемірно-историческое значеніе въ исторіи борьбы католицизма съ реформаціей. Члены ордена не были

Галилей предѣ кардиналомъ Беллярминомъ.

заточены въ монастырь, но непремѣнно должны были вращаться среди мірянъ, посвящая свою дѣятельность, подѣ разнообразными видами, цѣлямъ папства. Іезуитскій орденъ сдѣлался могущественнымъ орудіемъ въ папскихъ рукахъ, съ другой стороны являясь въ свою очередь силой, которая владычествовала надѣ папствомъ. Самымъ могущественнымъ средствомъ вліянія ордена было воспитаніе юношества, которое въ большинствѣ государствъ перешло въ руки іезуитовъ. Огромныя заслуги ордена

(истор. вѣстн.), мартъ, 1889 г., т. XXXV.

5

имѣють горячихъ панегиристовъ; его заблужденія и ошибки столь же ожесточенныхъ порицателей. Стремленіе къ господству скоро вывело орденъ на совершенно свѣтскій путь; его подозрительное вліяніе какъ въ наукѣ, такъ и въ политикѣ, вызывало оппозицію, которая при существованіи партій въ лонѣ самой церкви, пользовалась всѣми средствами, чтобы уничтожить опаснаго врага.

Беллярминъ былъ іезуитомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его кореннымъ убѣжденіемъ было то, что человѣкъ долженъ отречься отъ самого себя, подавить собственныя мнѣнія, быть послушнымъ слугой святого престола и дѣйствовать какъ орудіе церкви. Убѣдительнымъ тономъ онъ отвѣтилъ Галилею:

— Истина! Что есть истина? Для меня истина покоится въ нашей святой церкви и непогрѣшимо вѣщаетъ устами ея главы. Даже ложное мнѣніе можетъ носить образъ истины, ибо человѣкъ ограниченъ въ своихъ помыслахъ и чувствахъ. Поэтому позвольте мнѣ еще разъ серьезно допросить васъ—на чемъ вы основываете свое ученіе, противорѣчащее священному писанію? Всѣмъ извѣстное слово Божіе—вотъ наша истина, и если вы будете отвергать его, вамъ никогда не будетъ ни благословенія Божія, ни благополучія.

Эти слова, однако, не произвели своего дѣйствія.

— Я никогда не стремился къ личному благополучію,—возразилъ Галилей,— я слѣдую единственно внутреннему влеченію, которое и вывело меня на дорогу научнаго изслѣдованія.

Теперь и Беллярминъ сдѣлался неумолимымъ противникомъ. Рѣзко возразилъ онъ:

— Приготовляйтесь къ трудной битвѣ и будьте увѣрены, что вы проиграете въ ней. Вамъ извѣстно, что святой престолъ издалъ постановленіе, въ силу котораго ученіе Коперника о вращеніи земли вокругъ своей оси и вокругъ солнца не должно быть распространяемо. Вы же, пренебрегая этимъ постановленіемъ, будете вынуждены испытать на себѣ и послѣдствія такого поведенія.

— Постановленіе говоритъ о публичномъ распространеніи этого ученія,—возразилъ Галилей.

— На базарной ли площади, письменно или устно это происходитъ—церковь все равно никогда не потерпитъ недозволеннаго,—замѣтилъ Беллярминъ.

— Еслибы я и открыто распространялъ свое ученіе,—началъ опять легко увлекающійся Галилей,— то все-таки имѣлъ бы право защищаться; а пока я вовсе не обязанъ спрашиваться—имѣю ли право на вашу защиту, которой пришелъ просить у васъ.

— Ищите суда высшей духовной власти, если думаете, что здѣсь во Флоренціи вамъ отказано въ вашихъ правахъ,—сказалъ Беллярминъ, зная, что ожидаетъ Галилея, если онъ вздумаетъ обратиться въ Римъ къ папской судебной власти.

Но Галилей въ полномъ сознаніи своего права возразилъ:

— Это я сдѣлаю, и если во Флоренціи духовное судилище медлитъ съ моею защитой, я пойду искать защиты въ Римѣ. Моя совесть чиста—и съ этимъ щитомъ я пойду въ битву. Если мое дѣло будетъ проиграно и въ Римѣ,—однимъ мученикомъ истины будетъ больше.

Послѣ этого Галилей раскланялся съ Белярминомъ, послѣдно покинувъ кардинальскіе покои и дворецъ.

Оба мужа послѣ этого разговора были въ крайне воинственномъ настроеніи, котораго не могли изгладить ни событія ближайшихъ дней, ни текуція занятія. Галилей со всеѣмъ жаромъ занялся приготовленіями къ предстоящей поѣздкѣ въ Римъ, въ которой должна была сопровождать его и Цецилія. Это было для него очень труднымъ дѣломъ, такъ какъ при всеѣхъ хлопотахъ, кромѣ того, должны были на долгое время прерваться и его лекціи.

Въ послѣдніе дни къ Галилею явился одинъ новый ученикъ. Это былъ Бернардо Спинеелли, сообщившій своимъ роднымъ, что намѣревается слушать лекціи знаменитаго механика и астронома, бывшаго, какъ извѣстно, особеннымъ любимцемъ кардинала Барберини. Родители не могли ничего возразить, ибо серьезныя занятія никогда не повредятъ ихъ сыну, и сверхъ того извѣстили Бернардо, что дядя не только не истолкуетъ въ худую сторону этой, какъ будто потери времени, но, можетъ быть, даже порадуетъ, что племянникъ интересуется наукой.

Бернардо за послѣднее время очень сблизился съ Цециліей; но хотя они были увѣрены, что любятъ взаимно, все-таки Цецилія оставалась вѣрна своему намѣренію, разъ рѣшившись отказаться отъ своего счастья. Она не хотѣла покидать отца, хотѣла всегда оставаться вблизи его, молясь за него и прося Творца о благѣ своего единственнаго друга. Если же онъ умретъ, она пойдетъ въ самый суровый монастырь, чтобы самоотреченіемъ вымолить ему вѣчное блаженство.

Бернардо пытался неоднократно тронуть Цецилію своей любовью, но она постоянно избѣгала объясненій. Юноша вскорѣ убѣдился въ тяжелой необходимости разлуки и объявилъ Цециліи, что онъ, наконецъ, рѣшается уѣхать въ Римъ. Она почти не возражала на это; сказанное же ею не могло измѣнить его намѣреній. Такимъ образомъ, все приготовивъ для своего отъѣзда, Бернардо еще разъ пошелъ въ домъ Галилею, чтобы проститься съ его дочерью.

Цецилія встрѣтила его въ своей комнатѣ, гдѣ она сидѣла за своими любимыми занятіями. Домашній алтарь изящной рѣзной работы съ изображеніемъ св. Дѣвы Маріи предсталъ глазамъ вошедшаго. На кушеткѣ лежала лютня, а вблизи оконъ были разставлены заботливо-взращенные цвѣты: на разноцвѣтныхъ оконныхъ стеклахъ были изображены сцены изъ житія святой Цециліи.

Различныя художественныя вещи украшали стѣны. Все вообще здѣсь дышало утонченнымъ вкусомъ и любовью къ изящному.

Когда Бернардо вошелъ, Цецилія быстро встала, встрѣтивъ его съ радостнымъ возбужденіемъ. Ея наивная душа забыла на мгновеніе свою мрачную серьезность, которая порой въ нее закрадывалась.

— Милости просимъ!—сказала Цецилія, протянувъ Бернардо обѣ руки, которыя онъ жадно схватилъ, проговоривъ: «Здравствуйте!» Онъ поцѣловаль у ней правую руку и, замѣтивъ, какъ Цецилія покраснѣла, ибо неожиданная встрѣча привела ее всмущенію, спросилъ:

— Что съ вами? Вы словно онѣмѣли?

— Извините, синьоръ Бернардо,—возразила она,—повѣрьте, что я всегда сердечно рада васъ видѣть. Могла ли я забыть, какъ вы защитили меня въ тотъ ужасный день; я никогда не устану благодарить васъ за это.

Такіе переходы въ настроеніи Цециліи повторялись все чаще, и они-то именно и дѣлали Бернардо такимъ несчастнымъ. Онъ выпустилъ ея руки изъ своихъ рукъ и болѣзненно проговорилъ:

— Какъ, однако, холодна ваша благодарность.—Потомъ умоляющимъ голосомъ онъ заговорилъ.—И вы постоянно говорите о благодарности и долгѣ, но что я для васъ сдѣлалъ? Вѣдь это же могъ для васъ сдѣлать и всякій другой. Поэтому мнѣ и горько сознание, что отъ васъ нечего ждать; скажите же хоть еще разъ: «добро пожаловать» такъ же нѣжно, какъ вы говорили.

Цецилія снова протянула ему обѣ руки и стыдливо повторила:

— Ну, добро пожаловать!

— Вотъ это такъ!—сказалъ Бернардо,—именно сегодня вы не должны принимать меня такъ сухо: вѣдь я пришелъ проститься съ вами; мнѣ хочется послушаться вашего прелестнаго голоса, онъ будетъ моимъ талисманомъ въ шумномъ Римѣ, живо напоминая мнѣ о Флоренціи.

— Вы скоро забудете тамъ всѣ свои молодыя увлеченія,—замѣтила Цецилія.

— Но ни васъ, ни того, что я пережилъ здѣсь, во Флоренціи,—быстро заговорилъ Бернардо,—ни того часа, когда моя рука защищала васъ, ни тѣхъ сладкихъ мгновений, когда я могъ созерцать ваши прелестныя черты и заслушиваться вашего нѣжнаго голоса.

— О, тише!—съ легкимъ трепетомъ проговорила Цецилія,—не напоминайте мнѣ, что моя душа полна заботами о благѣ отца.

— Да, я знаю, что тайно затѣвается противъ него.

— У него былъ съ кардиналомъ Беллярминомъ крупный разговоръ, и кардиналъ послалъ его къ папѣ искать правосудія.

— Да, только тамъ онъ и долженъ искать! Какъ бы я порадовался, еслибы встрѣтилъ въ Римѣ его, а, можетъ быть, и васъ.

— Имя Рима, которое всякій другой произносить съ священнымъ трепетомъ, пробуждаетъ во мнѣ тягостныя воспоминанія. Я никогда не могу забыть, какъ однажды отецъ, любезно приглашенный въ Римъ папой Павломъ V, совѣтъ уже приготовился къ поѣздкѣ и вдругъ умираетъ моя мать. И теперь отецъ порѣшилъ было остаться, потому что въ Римѣ, какъ онъ самъ говорилъ, для него будетъ небезопаснѣе здѣшняго — и я могу очутиться въ чужомъ большомъ городѣ безпомощной сиротой. Вотъ почему имя Рима пробуждаетъ во мнѣ мрачныя предчувствія.

— Подавите ихъ, если источникъ этихъ предчувствій боязнь за исходъ дѣла вашего отца въ Римѣ. Повѣрьте, что онъ гораздо болѣе выиграетъ, если будетъ самъ защищаться передъ верховнымъ судилищемъ, избѣжавъ посредничества хитраго Беллярмина, вѣрнаго слуги ордена іезуитовъ, убивающихъ въ себѣ всѣ человѣческія чувства, не признающихъ никакихъ иныхъ мнѣній, кромѣ неподвижныхъ церковныхъ догматовъ.

— Жертвовать всѣми земными привязанностями для спасенія рода человѣческаго есть величайшее самопожертвованіе. Горе отцу, если Беллярминъ уже произнесъ надъ нимъ приговоръ.

— Какъ?—возразилъ удивленный Бернардо,—неужто вы вѣрите, что вашего отца могутъ въ чемъ-нибудь подозрѣвать?

— Я боюсь, какъ бы онъ не попался въ хитро-разставленныя сѣти; всѣ мои мольбы о томъ, чтобы избавить отца отъ опасности, грозящей со стороны темной, враждебной власти.

Бернардо ужаснулся этихъ словъ, раскрывавшихъ ему часть тѣхъ страданій, которыя столь сильно мучили Цецилію. При своихъ веселыхъ, беззаботныхъ лѣтахъ онъ не испыталъ, конечно, ничего серьезнаго: онъ ничего не зналъ о тягостной внутренней борьбѣ, онъ не могъ понять всей глубины страданій, наполнявшихъ залпугунную душу дѣвушки. Поэтому онъ не нашелся чѣмъ бы дѣльнымъ утѣшить Цецилію, удовольствовавшись словами:

— Если ваша молитва будетъ услышана на небесахъ, милосердіе снизойдетъ на вашего отца: вѣдь ваша молитва должна быть столь же дѣйствительна, какъ предстательство святыхъ передъ престоломъ Всевышняго.

— О, тише,—замѣтила Цецилія,—вы кощунствуете!

Но Бернардо, забывъ кажется обо всемъ, съ увлеченіемъ продолжалъ:

— Развѣ нуженъ для добродѣтели вѣнецъ, чтобы боготворить ее? Вы для меня святая, ибо сотворили со мной чудо. Съ тѣхъ поръ какъ я увидѣлъ васъ, весь міръ просвѣтлѣлъ и преобразился для меня; раньше моимъ завѣтнымъ желаніемъ было только—жить въ Римѣ для своего искусства. Теперь я сознаю, какимъ я былъ мальчикомъ, не знавшимъ ни настоящихъ желаній, ни истиннаго

счастья, не знавшимъ той драгоцѣнности, которая показала мнѣ мѣръ въ новомъ пышномъ свѣтѣ.

Глубоко взволнованная, Цецилія прервала Бернардо словами:

— О, не говорите дальше: я не могу этого слышать. Вы сравнили меня съ святыми, но забыли что святые отрекаются отъ міра? Я должна нести свой тяжелый крестъ, жертвуя своими надеждами любви къ отцу. Уйдите! Забудьте меня: я вѣдь никогда не исполню вашихъ надеждъ. На прощанье я благословляю васъ— достигайте въ искусствѣ громкой славы, которая, я увѣрена, увѣнчаетъ ваши стремленія.

Эти слова такъ подѣйствовали на Бернардо, что онъ словно упалъ съ седьмого неба; хотя не всѣ еще надежды его были разрушены, но все-таки онъ понималъ, что теперь было неудобно вести далѣе объясненія съ Цециліей. Убитый горечью разлуки и увлеченный горячей волной своей страсти, онъ порывисто обнялъ Цецилію и затѣмъ поспѣшно удалился, не проронивъ ни одного слова.

Цецилія стояла словно оглушенная сильнымъ ударомъ. Наконецъ, очнувшись, обратилась къ домашнему алтарю, упала на колѣни и, ломая руки предъ образомъ Св. Дѣвы, отдалась обильнымъ слезамъ. Рыдая, прерывающимся голосомъ она такъ молилась изъ глубины сердца: «О, Св. Дѣва! Ты знаешь муки моего сердца, я жертвую своею первою любовью для спасенія и блага отца. Пошли мнѣ утѣшеніе и силу. Благослови юношу, котораго я люблю больше своей жизни и чье сердце также горячо любить меня. Помоги ему достичь всего, къ чему стремится его благородная и гордая душа, подай ему забвеніе — или нѣтъ, — пусть онъ съ тайной грустью вспоминаетъ обо мнѣ».

Бернардо Спинелли уѣхалъ изъ Флоренціи съ глубокой раной въ сердцѣ. Передъ отѣздомъ онъ не видѣлся ни съ однимъ изъ своихъ друзей: онъ не вѣрилъ, чтобъ кто-нибудь изъ нихъ могъ понять его страданія. Онъ не могъ и не смѣлъ своими разъясненіями накидывать хотя бы легкую тѣнь на поведеніе Цециліи. Бернардо полюбилъ ее еще искреннѣе съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о тяжелой заботѣ, тяготившей ея сердце; но онъ надѣялся на Римъ, надѣялся на своего дядю Барберини, въ рукахъ котораго теперь была не только его художественная будущность, но счастье всей его жизни. Могъ или не могъ повиситься его дядя при предстоящихъ выборахъ папы, Бернардо все-таки признавалъ за нимъ достаточно силы и вліянія, чтобы разрушить враждебные замыслы противъ Галилея и добиться правосудія для благороднаго ученаго. Разъ это будетъ достигнуто, тогда и Цецилія пойметъ, что только подлая клевета можетъ считать великія заслуги ея отца богоотступничествомъ и тяжкимъ грѣхомъ противъ церкви. Какъ бы она была счастлива, еслибы былъ восстановленъ ея сердечный покой,

еслибы разсѣялись всѣ ея опасенія! Когда бы она знала, какъ онъ старался ради этого, когда бы она увидѣла глубокое уваженіе, которое онъ питалъ къ великому ученому, она должна была бы понять, что съ ея стороны не нужно никакихъ жертвъ и что къ ней вернутся и жизнь, и счастье. Денно и ночью онъ былъ погруженъ въ эти мечтанія; сначала онъ только успокоивали ноющую боль его раненаго сердца, а затѣмъ онъ отдался имъ съ такимъ юношескимъ пыломъ, что по дорогѣ въ Римъ совершенно увѣрился въ часомомъ исполненіи своихъ надеждъ.

На самомъ же дѣлѣ, его терпѣнію пришлось вынести тяжелое испытаніе. Во время его прибытія въ Римъ, тамъ случилось происшествіе, державшее уже столько недѣль въ томительномъ напряженіи весь католическій міръ, такъ какъ скончался папа Григорій. По принятому обычаю, тѣло его было поставлено на пышный кафалкъ посреди церкви Св. Петра, и въ то время какъ масса низшаго и высшаго духовенства при свѣтѣ безчисленныхъ свѣчей пѣла мессы, литіи и молитвы, народъ толпами тѣснился въ храмъ, чтобы поцѣловать обутую въ драгоценную позолоченную туфлю ногу усопшаго папы.

Между прочими здѣсь присутствовали и кардиналы изъ всѣхъ мѣстъ христіанскаго міра. Однимъ изъ первыхъ прибылъ кардиналъ Беллярминъ; явился также и архіепископъ неаполитанскій, кардиналъ Филомарино. Въ теченіе избранія новаго папы кардиналы соблюдали полную замкнутость, не сообщаясь ни съ кѣмъ изъ мірскихъ людей, кромѣ тѣхъ, чьими услугами они пользовались. Поэтому для Бернардо не было никакой возможности поговорить съ своимъ дядей-защитникомъ; онъ долженъ былъ довольствоваться другими своими родными, которые однако мало интересовались сыномъ Томазо Спинелли, занятые въ это чреватое событіями время выгодами, могущими проистечь въ случаѣ избранія въ папы Барберини. Такимъ образомъ, юному живописцу было достаточно времени наблюдать надъ удивительными занятіями въ большомъ городѣ, центрѣ всей политической и церковной жизни; онъ могъ спокойно изучать руины античныхъ построекъ и наслаждаться чудными созданіями великихъ мастеровъ XV столѣтія, этой блестящей эпохи развитія итальянскаго искусства.

Въ одинъ прекрасный день онъ бродилъ по улицамъ, кипѣвшимъ теперь необычайнымъ оживленіемъ; въ городѣ наѣхало множество иностранцевъ, желавшихъ дожидаться результатовъ выборовъ; сами жители также были крайне оживлены вслѣдствіе всеобщаго возбужденія, принимая такъ или иначе участіе въ текущихъ событіяхъ. Вдругъ въ пестрой толпѣ предъ нимъ мелькнуло знакомое лицо, и послѣ обоюднаго удивленія Бернардо раскланялся съ Вивіани, самымъ юнымъ и самымъ даровитымъ ученикомъ Галилея изъ одной извѣстной флорентинской фамиліи; Вивіани не остано-

вился передъ тѣмъ, чтобы послѣдовать за своимъ любимымъ учителемъ въ Римъ. Для Бернардо также пріятна была эта встрѣча, какъ радостная встрѣча съ любимымъ родственникомъ; вскорѣ молодые люди сидѣли за стаканомъ вина, бесѣдуя объ ожидаемыхъ перемѣнахъ въ судьбѣ Галилея. Бернардо Спинелли узналъ, что Галилей по совѣту великаго герцога тосканскаго, своего защитника и покровителя, поселился во дворцѣ тосканскаго посольства. Его догадки о томъ, что Цецилія съ отцомъ уже въ Римѣ, вполнѣ подтвердились. Бернардо стоило большого труда скрыть сильное біеніе своего сердца и побѣдить радостное возбужденіе всего своего существа. Мысль, что Цецилія здѣсь, близки,—мысль о скоромъ свиданіи съ нею, наполняла его величайшимъ блаженствомъ, но онъ скрывалъ свои чувства, разговаривая съ Вивіани совершенно серьезно и хладнокровно о предстоящемъ избраніи папы и о всемъ, что могло касаться этого избранія.

Когда молодые люди разстались, Вивіани поспѣшилъ къ Галилею, которому, по тогдашнему обычаю, онъ чувствовалъ себя обязаннымъ по доброй волѣ служить при исполненіи различныхъ порученій. Онъ встрѣтился у Галилея съ Цециліей; когда онъ разсказалъ о своемъ разговорѣ съ молодымъ Спинелли, который надѣялся на избраніе своего дяди въ папы, радостная увѣренность исполнила сердца отца и дочери, ибо Галилей предполагалъ, что новый папа будетъ для него такимъ же вѣрнымъ другомъ и неизмѣннымъ защитникомъ, какимъ былъ во время своего кардинальства. Цецилія на мгновеніе забыла все свои тяжелыя заботы въ сладостномъ сердечномъ волненіи, почувствовавъ страстное желаніе увидѣться съ дорогимъ Бернардо, не смотря на все благочестивыя намѣренія и обѣты отреченія.

Въ Ватиканѣ въ это время было совѣщаніе не только вообще близко касавшееся судьбы Галилея, но и прямо противодѣйствовавшее всемъ надеждамъ, которыя питалъ ученый астрономъ. Кардиналы Беллярминъ и Барберини отъ юности были на дружеской ногѣ, и между ними существовали тѣ особенныя отношенія, которыя иногда образуются между энергичными, пронизательными натурами и характерами, склонными болѣе къ занятіямъ научнымъ и художественнымъ, чѣмъ къ практической дѣятельности. Люди, подобные Беллярмину, могли рассчитывать на хорошую карьеру, на достиженіе высшей ступени въ церковной іерархіи, и онъ въ этомъ былъ увѣренъ, уже теперь состоя председателемъ инквизиціоннаго трибунала и выдающимся членомъ іезуитскаго ордена, облеченнымъ высшей властью. Теперь все его желаніе состояло въ томъ, чтобы отстоять избраніе своего друга Барберини; въ такомъ случаѣ онъ могъ быть увѣренъ на несомнѣнное достиженіе всехъ своихъ желаній. Настойчивый и рѣшительный Беллярминъ передъ смертью Григорія повздорилъ съ нимъ, и слѣдствіемъ этого раз-

дора было его назначеніе къ архіепископу тосканскому съ пребываніемъ во Флоренціи; теперь все должно было измѣниться: Беллярминъ намѣревался при новомъ папѣ управлять всѣмъ христіанскимъ міромъ. Планы, которые онъ таилъ въ своей груди, клонились главнымъ образомъ къ искорененію раскола, къ изобрѣтенію всякихъ мѣропріятій, долженствовавшихъ служить къ подавленію свободныхъ проявленій человѣческаго духа и къ водворенію непоколебимаго авторитета и господства церкви.

Съѣздъ кардиналовъ въ Ватиканѣ былъ на этотъ разъ не болѣе, какъ пустой церемоніей. Они собрались по предписанію для совѣщанія и дебатировали относительно нѣкоторыхъ лицъ казавшихся особенно способными для избранія, но въ принципѣ почти всѣ рѣшили подать свои голоса за Барберини, что сдѣлалось, конечно, не безъ вліянія Беллярмина. Но никто изъ кардиналовъ не предугадалъ замысловъ хитраго іезуита.—онъ же былъ настолько уменъ, чтобы не выдать ихъ.

Если кардиналамъ и наскучила замкнутость во время выборовъ, все-таки они должны были высидѣть указанный срокъ; всякій старался по своему убить это время, что, конечно, было не совѣмъ легко при существовавшихъ обстоятельствахъ. Такой человѣкъ, какъ Беллярминъ, не могъ находить удовольствія въ пустыхъ бесѣдахъ и въ рисованіи плановъ всякихъ торжествъ, онъ желалъ серьезной дѣятельности, достиженія извѣстной цѣли, и поэтому представившимися обстоятельствами онъ воспользовался для того, чтобы испробовать свое вліяніе на Барберини.

Однажды они сошлись въ совѣщательной комнатѣ. Высокая фигура архіепископа Флоренціи съ умными, строгими чертами лица являла рѣзкій контрастъ съ фигурой его друга, на добродушной физиономіи котораго отпечатлѣвалась живая веселость. Предметы для совѣщанія всѣ были обсуждены и всѣ кардиналы кое о чемъ болтали другъ съ другомъ; Барберини же, съ тяжкимъ вздохомъ обратившись къ Беллармину, началъ такъ:

— Я не знаю, какъ благодарить Бога за то, что наконецъ кончились выборы, эти выборы, которые предоставили мнѣ едва ли не самую высшую земную власть, но въ то же время едва ли и не самую тяжелую отвѣтственность. Никто лучше меня не знаетъ, что во мнѣ недостаетъ силъ для такой тяжелой должности; единственное мое умѣшеніе—это твоя близость и сознаніе, что ты будешь моей опорой.

— Ты знаешь,—возразилъ Беллярминъ успокоительнымъ тономъ,—что я буду охотно облегчать тебѣ тяжесть твоей новой должности, ты можешь быть увѣренъ, что я безъ отдыха буду заботиться о тебѣ и что никогда не устану въ своемъ рвеніи. Но прежде чѣмъ отдаваться своимъ новымъ обязанностямъ со всякаго рода заботами и тревогами, мнѣ хотѣлось сообщить тебѣ объ од-

номъ дѣлѣ величайшей важности, которое заставляло меня часто задумываться и много размышлять.

Нетерпѣливо взглянулъ на него Барберини и сказалъ:

— Что же это такое? Говори! Это любопытно.

— Это дѣло Галилея,—замѣтилъ Беллярминъ,—которое, по моему мнѣнію, не терпитъ отлагательства. Поэтому я и счелъ нужнымъ сказать тебѣ о немъ, пока ты не украсился тиарой.

— Если я не ошибаюсь, — возразилъ Барберини, — то ты говорилъ уже, что Галилей пріѣдетъ въ Римъ. — Позволь же ему самому защищаться. Онъ сможетъ это сдѣлать, въ этомъ я убѣжденъ, и моя завѣтная мечта удержать его въ Римѣ. Все, что только онъ пожелаетъ, будетъ ему пожаловано: важное мѣсто, обильныя средства и всякаго рода отличія, особенно же моя постоянная дружба, — прежде же всего свобода въ научныхъ занятіяхъ.

— Если эти занятія не уживаются съ церковными догматами, — быстро проговорилъ Беллярминъ.

— Конечно, — возразилъ Барберини, — это необходимое условіе, и я не сомнѣваюсь, что онъ найдетъ правый выходъ, уничтоживъ взводимыя на него обвиненія.

— Вы хотите надѣяться на это, — возразилъ вдумчиво Беллярминъ, и вдругъ съ горячностью продолжалъ: — вѣдь тебѣ извѣстно, Павелъ V, издалъ запрещеніе Коперникова ученія, доказывавшаго, что земля вертится вокругъ своей оси и вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ солнца. Запрещеніе потому было обнародовано, что это ученіе противорѣчило священному писанію. Это ученіе приобрѣло защитника въ лицѣ Галилея. Его новое сочиненіе, которое онъ посвятилъ тебѣ, какъ своему покровителю, переходитъ даже границы Коперникова ученія.

Барберини почувствовалъ себя неприятно уколотымъ. Онъ охотно заглядывалъ въ область научныхъ изслѣдованій и художественнаго творчества, и въ той, и въ другой области онъ былъ одинаково-горячимъ диллетантомъ, но не любилъ принимать на себя слишкомъ большихъ трудовъ или подвергать себя опасности изъ-за убѣжденія; какъ въ дѣлахъ церковныхъ онъ слѣпо довѣрялся Беллярмину, такъ въ вопросахъ наукъ естественныхъ онъ полагался на авторитетъ своего ученаго друга. Поэтому онъ сказалъ:

— Такъ надо будетъ указать, какъ привести въ согласіе это ученіе со словами священнаго писанія. Я убѣжденъ, что это ему удастся; я достаточно знакомъ съ его убѣжденіями и думаю, что онъ охотно измѣнитъ свой взглядъ, коль скоро увидитъ свои заблужденія.

Не теряя совѣтъ самообладанія, Беллярминъ все-таки съ большимъ удареніемъ замѣтилъ:

— А если онъ не заблуждался, — поразмысли о послѣдствіяхъ.

— Если онъ не заблуждался?—смущенный, въ нерѣшительности переспросилъ Барберини.

— Да, если онъ не заблуждался,—убѣдительно настаивалъ Беллярминъ, и послѣ нѣкоторой паузы опять продолжалъ:—ты не размышляешь и не видишь опасности, которая намъ угрожаетъ со стороны Галилея. Позволь же мнѣ снять съ твоихъ глазъ повязку, чтобъ ты увидѣлъ почву, на которой мы стоимъ. То, о чемъ догадывался великій духъ Павла V, есть глубокая истина: въ ученіи Коперника для церкви заключается величайшая опасность. Вѣдь выходитъ, что каждая звѣзда можетъ вращаться по своимъ законамъ, если землѣ принадлежать такія же права. Наша единственная и высочайшая обязанность доказывать, что это ложь. Долженъ быть единъ пастырь, пекущійся обо всѣхъ, одна глава великаго тѣла человѣчества, и эта глава должна думать за все тѣло, устанавливая законы. Взгляни же на Германію, на это гнѣздо ереси; едва сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ Лютеръ, наглый и дерзкій монахъ, поиралъ законы св. церкви. Непростительное безсиліе, оставившее его безъ наказанія, между тѣмъ, какъ онъ былъ въ нашей власти, вѣчно было, есть и будетъ для насъ тяжелымъ упрекомъ, — но вѣдь Галилей гораздо опаснѣе Лютера.

Барберини было не по себѣ. Ему стало душно, и онъ ухватился за спасительное средство для всѣхъ слабыхъ характеровъ, перенося спорный вопросъ на личную почву.

— Ты просто ненавидишь его,—сказалъ онъ съ досадой,—и поэтому смотришь на всѣ вещи глазами врага.

На тонкихъ губахъ Беллярмина чуть замѣтно зазмѣилась ироническая улыбка.

— Какъ плохо ты думаешь обо мнѣ!—возразилъ онъ,—я ненавижу не человѣка, а его ученіе и поступки; послѣднее я дѣйствительно ненавижу такъ же, какъ ядовитую змѣю. Ученіе Коперника заключаетъ въ себѣ смертельный ядъ; нужно поэтому всѣми силами препятствовать, чтобы оно не распространялось и не приобрѣтало характера истины.

Подавляющая энергія іезуита напугала слабого Барберини.

— Но что же можетъ случиться? — прошепталъ онъ. — Развѣ Галилей долженъ умереть?

— Нѣтъ, — возразилъ Беллярминъ,—не смерть человѣка обезопаситъ насъ, а смерть ученія, которое онъ такъ настойчиво защищаетъ. То, что онъ считаетъ истиннымъ, онъ долженъ по нашему требованію признать бездоказательнымъ и ложнымъ.

— Какъ,—сказалъ Барберини,—Галилей долженъ отказаться и признать фальшивымъ то, что онъ призналъ за истинное? Да ты его не знаешь! Никогда онъ этого не сдѣлаетъ.

— Въ такомъ случаѣ нужно его принудить силою клятвенно

отречься отъ своего ученія, — возразилъ Беллярминъ съ ледяной холодностью.

— Силой! — вскричалъ Барберини, забывъ про мѣсто, гдѣ они находились.

— Какъ,—возразилъ съ упрекомъ Беллярминъ,—неужели я въ тебѣ дѣйствительно ошибся? Ты упрямо скрываешься отъ меня и не обращаешь вниманія на то, что для нашей св. церкви особенно дорого? Обдумай же хорошенько: скоро тебѣ придется сдѣлаться намѣстникомъ Христа, преемникомъ апостола, трижды корованнымъ властителемъ міра; твои слова будутъ выраженіемъ земной и небесной справедливости, предъ которой трепещутъ царства всего міра! Какой все окажется жалкой и пустой химерой, коль скоро земля вращается вокругъ самой себя только какъ огненный шаръ, какъ спутникъ солнца! Я говорю: если вращается земля, наша вѣра въ душеспасительную церковь поколеблена. Власть папы, право церкви наказывать и прощать здѣсь и тамъ, будетъ послѣ этого пустой болтовней и станетъ вызывать лишь насмѣшки легкомысленной черни.

Барберини не могъ ничего возразить, но все еще медлилъ.

— И такъ моя власть должна погубить его,—съ горечью замѣтилъ онъ,—вмѣсто того, чтобы возвысить и наградить. Мой первый судейскій приговоръ долженъ быть произнесенъ надъ глубоко-чтимымъ, вѣрнымъ другомъ.

Беллярминъ понялъ, что долженъ былъ употребить болѣе сильное средство, чтобы обезопасить себя послѣ состоявшихся выборовъ отъ подобныхъ выходовъ Барберини. Соболезнующимъ тономъ онъ сказалъ:

— Твое доброе сердце думаетъ о пощадѣ, не понимая, что послѣ ты самъ будешь смѣяться надъ этимъ. Новое твореніе, о которомъ мы уже говорили и которое Галилей посвятилъ тебѣ, заключаетъ такую непростительную насмѣшку надъ тобой, что я едва осмѣливаюсь обратить на это твое вниманіе.

— Насмѣшку надо мной? — спросилъ раздраженный Барберини, — и Галилей позволилъ надо мной насмѣхаться? Нѣтъ, ты невѣрно понялъ, это невозможно.

— Чтò могло ускользнуть отъ тебя, то я при стараніи могъ замѣтить,—при томъ же стараніи, съ какимъ ты его защищаешь. Ты знаешь съ новымъ сочиненіемъ Галилея только въ общихъ чертахъ, я же постигъ его досконально по своей обязанности предѣдателя цензурнаго трибунала. Хочешь ли выслушать доказательство моего мнѣнія?

— Говори свободно и откровенно,—замѣтилъ Барберини.

Беллярминъ началъ такъ:

— Три лица спорятъ о запрещенномъ ученіи Коперника: двое

стоять за ученіе о вращеніи земли, а третій защищаетъ точку зрѣнія церкви; послѣдній остается побѣдителемъ.

Совершенно удивленный Барберини прервалъ:

— Говорящій въ нашемъ духѣ остается побѣдителемъ? Теперь, право, я не понимаю...

— Выслушай дальше, — прервалъ его Беллярминъ. — Первымъ двумъ онъ далъ имена двухъ друзей, Сальвиати и Сакредо, а третьему, онъ далъ имя, подходящее для его цѣлей. Вообще говорятъ, что этимъ онъ намекалъ на одного высокаго покровителя. На кого, какъ ты думаешь, могъ онъ намекать?

— О какая загадка! — возразилъ Барберини, — ради чего же онъ присоединилъ бы къ книгѣ посвященіе мнѣ, если бы не намекалъ на третье лицо, которое защищало взгляды церкви и въ концѣ концовъ будетъ побѣдителемъ?

— Ты отгадалъ и всѣ такимъ же образомъ истолкуютъ это дѣло, — замѣтилъ Беллярминъ и, рѣзкими удареціями отчеканивая каждое слово, онъ продолжалъ, — но вѣдь послѣ этого прямо постыдно такъ играть съ тобой, потому что его побѣдитель — невѣжественный, пустой и глупый человѣкъ, всѣ поступки котораго направлены къ тому, чтобы выставить въ самомъ яркомъ свѣтѣ духовное превосходство противника. Но самое худое, на что отважился въ данномъ случаѣ Галилей, это имя, которое онъ далъ своему побѣдителю, назвавъ его Симплиціо.

Беллярминъ маневрировалъ, какъ искусный витязь. Этотъ послѣдній ударъ попалъ въ цѣль и Барберини вздрогнулъ, словно ужаленный змѣей. Хотя у него и блеснула мгновенно мысль — не обманываетъ ли его іезуитъ для того, чтобы привлечь на свою сторону, — но онъ тотчасъ же оставилъ эту мысль, и чтобы только сказать, что-нибудь, онъ спросилъ еще разъ:

— И ты дѣйствительно думаешь, что онъ подразумѣвалъ меня, его защитника?

Беллярминъ же съ язвительной усмѣшкой замѣтилъ:

— Кто же можетъ въ этомъ сомнѣваться? — И потомъ кротко прибавилъ: — Ты самъ принудилъ меня къ такому сообщенію, ибо ради уваженія къ этому человѣку хочешь забыть свои обязанности и единственно его щадить, между тѣмъ, какъ дѣло идетъ о правахъ церкви и о спасеніи всего человѣчества.

Барберини все еще не могъ переварить громадности нанесеннаго ему оскорбленія. Онъ вдругъ увидѣлъ себя осмѣяннымъ и опозореннымъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, человѣкомъ на дружбу котораго онъ полагался, чьимъ вниманіемъ онъ такъ гордился. Его тщеславіе, его меценатская слава были оскорблены и самъ такъ сильно былъ разстроенъ, что не могъ на что-нибудь рѣшиться. Совершенно разбитый, онъ воскликнулъ:

— О, я заслуживаю такого наказанія. — И затѣмъ прибавилъ:

всецѣло поручаю это дѣло тебѣ. Что ты найдешь нужнымъ сдѣлать съ измѣнникомъ, съ тѣмъ я и соглашусь.

Беллярминъ, наконецъ, вздохнулъ свободно, достигнувъ того, чего хотѣлъ.

— Итакъ, ты соглашаешься,—переспросилъ онъ,—что я могу свободно выбирать средства, пригодныя для нашихъ цѣлей?

Барберини одобрительно кивнулъ головой.

— Галилей тосканскій подданный и любимецъ Медичи,—сказалъ онъ,—но если онъ самъ пріѣхалъ сюда, чтобы искать папскаго суда по своему дѣлу, то онъ въ нашей власти. Дѣлай то, что ты считаешь полезнымъ для своихъ цѣлей.

Достигнувъ желаемого, Беллярминъ предоставилъ своего глубоко-оскорбленнаго друга размышленіямъ. Въ груди Барберини поднялась цѣлая буря неудовольствія. Оскорбленіе было нанесено человѣкомъ, отъ котораго меньше всего можно было этого ожидать: нѣкогда онъ лелѣялъ мысль, что имя Галилея останется связаннымъ съ его именемъ, и теперь онъ вдругъ этимъ же Галилеемъ всенародно опозоренъ. Это была очень горькая кашля въ его чашѣ жизни. Ему все назойливѣе напрашивалась мысль, что отреченіе Галилея будетъ единственнымъ средствомъ, чтобы уничтожить навсегда вліяніе этой гнусной книги.

Беллярминъ не противорѣчилъ всеѣмъ этимъ разсужденіямъ. Его планы давнымъ давно созрѣли, и онъ лишь спокойно выжидалъ момента, когда ему удастся потѣшить тщеславіе Барберини праздничной пышностью его восшествія на папскій престолъ, а для себя удастся снискать благосклонность народа съ помощью всякаго рода празднествъ, общественныхъ гуляній и милостей, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ помощью всеѣхъ возможныхъ средствъ забрать въ свои руки и власть церковную.

На морскомъ берегу около Амальфи.

V.

Дѣтство нашего героя.

Мѣстоположеніе маленькаго городка Амальфи очень красиво. Искусство, съ какимъ построены дома въ крутой, отвѣсной долині, сильно удивляетъ всѣхъ и cadaго; во всѣхъ садахъ отягчаютъ вѣтви золотисто-блестящія апельсины и лимоны — и на берегу шумнаго озера, подъ защитой живописно-высящихся горъ виднѣются трудолюбивые рыбаки, занятые сѣтями и лодками. Неподалеку отъ города, возлѣ самаго моря, высѣченная въ скалѣ лѣстница ведетъ къ монастырю св. Антонія, таинственное мѣстоположеніе котораго являетъ, по справедливости, картину совершенно замкнутаго, отрѣшеннаго отъ міра существованія. Монастырь похожъ на четырехстороннюю аллею стройныхъ колоннъ, подпирающихъ граціозныя мавританскія арки и охватывающихъ квадратный кусокъ земли съ пышно растущими кустами розъ и лимонными деревьями. Изъ монастырскихъ келій открывается видъ на безграничное озеро, кристально-прозрачныя волны котораго катятся до подножія красиваго города.

Неаполитанскій живописецъ Сальваторъ Роза нашель въ этомъ монастырѣ гостепріимный пріемъ, и здѣсь его взволнованный духъ до нѣкоторой степени успокоился. Казалось, что цѣлая вѣчность легла между его теперешнимъ пребываніемъ и прежними горькими

испытаніями въ родномъ городѣ. Только воспоминаніе о любви растравляло его сердечную рану, только воспоминаніе о горькомъ урокѣ передъ гордымъ дворцомъ испанскаго дворянина все еще возмущало его душу. Когда онъ отдавался этимъ воспоминаніямъ, въ немъ усиливалась страсть къ Корнелии и разгоралась ненависть къ приближенному къ ней молодому человѣку. Когда ему удастся, какъ живописцу, создать себѣ имя, его сердце въ своей любви и ненависти, пожалуй, нѣсколько успокоится. Но и геній живописи, казалось, измѣнилъ ему, ибо Сальваторъ тщетно старался найти ландшафтные мотивы, ему недостовало творческаго порыва и настоящаго желанія работы.

Однажды, въ своихъ прогулкахъ по окрестностямъ Амальфи, онъ дошелъ до городка Атрани, также расположеннаго у самаго залива. Тамъ можно было наглядѣться на различнаго рода развалины и, между прочимъ, немного поодаль отъ берега, высилось каменное круглое зданіе, которое, вѣроятно, представляло античный амфитеатръ. Живописецъ, осмотрѣвъ все подробно, пошелъ назадъ вдоль по берегу моря, въ которомъ множество дѣтей рѣзвилось въ водѣ, весело разговаривало о находимыхъ раковинахъ и морскихъ животныхъ, порой оглашая воздухъ громкимъ радостнымъ крикомъ. Мальчики по большей части были или совсѣмъ раздѣты, или только въ одномъ короткомъ исподнемъ платкѣ, которое, будучи промочено насквозь, очень быстро высыхало на тѣлѣ.

Казалось, что среди юной публики разыгрывалась какая-то бурная сцена. Мальчикъ лѣтъ десяти оживленно жестикулировалъ и спорилъ съ одной маленькой дѣвочкой, которая въ свою очередь тоже бурлила.

— Ты хочешь, Бернардина, сказать объ этомъ матери, — вскричалъ мальчикъ, — ладно, бѣги же, но пока ты приведешь ее сюда, я буду очень далеко: у меня достаточно времени, чтобы нырнуть и уплыть такъ далеко, какъ мнѣ хочется.

Съ этими словами проворный мальчуганъ вбѣжалъ на обломокъ выдавшейся скалы и бросился головой внизъ въ море, между тѣмъ, какъ маленькая дѣвочка въ великомъ волненіи и съ громкой бранью побѣжала въ Амальфи.

Живописецъ глядѣлъ на море, съ любопытствомъ наблюдая — скоро ли мальчуганъ вынырнетъ. Но это длилось необычайно долго. Съ свойственной своему возрасту безпечностью дѣти продолжали на морскомъ берегу игры, совсѣмъ не безпокоясь ни о своемъ товарищѣ, ни объ его судьбѣ. Сальваторъ же началъ серьезно опасаться: прошло уже много минутъ, а слѣдовъ мальчугана все не было видно. Но вотъ его вниманіе привлекла возвращавшаяся дѣвочка, державшая за юбку молодую, очень пригожую женщину, которая подъ мышкой несла веретено. Большіе, выразительные глаза жены простого рыбака, на лицѣ и во всей фигурѣ которой

отпечатлѣлась красота, присущая всему простому народу въ той мѣстности, — озабоченно и пытливо смотрѣли на море. Повидимому, она гораздо менѣе тревожилась, чѣмъ дѣвочка, которая непрерывно болтала, обращая къ ней свое серьезное прехорошенькое дѣтское личико. Женщина почти уже подошла къ Сальватору, какъ вдругъ изъ волнъ показалась курчавая голова смѣлаго мальчугана. Громкій крикъ радостнаго изумленія вылетѣлъ изъ устъ дѣвочки и вмѣстѣ съ тѣмъ Сальватора, и когда всѣ отдѣлились отъ страшнаго ожиданія, мать съ улыбкой взглянула на чужого молодого человѣка, принимавшаго участіе въ ея сынѣ, и при этомъ показала рядъ блестящихъ, бѣлыхъ зубовъ межъ пунцовыми губками.

— Этотъ Мазо—настоящій чертенокъ,—сказала она, едва обращаясь къ живописцу, такъ что послѣдній если хотѣлъ, могъ подержать разговоръ. Сальваторъ и сдѣлалъ это, проговоривъ:

— Безразсудно смѣлый мальчуганъ, онъ можетъ нырять какъ утка, если еще не лучше, потому что я никогда не видѣлъ, чтобы человѣкъ могъ такъ долго оставаться подъ водой. Я самъ страшно боялся за него.

— Да,—отвѣтила мать, и вмѣсто заботы въ ея взорахъ засвѣтилась гордость,—никто не сравняется съ нимъ, ни мальчикъ, ни мужчина; при томъ онъ постоянно старается совершенствоваться и такъ чрезмѣрно старается, что третьяго дня, напримѣръ, цѣлый часъ лежалъ безъ памяти послѣ купанья.

— Это правда,—затораторила дѣвочка,—я сама была при этомъ, также и Нина, и Тоніо, и Эйнто. Онъ цѣлый часъ былъ мертвымъ и, конечно, раньше не уймется, пока на самомъ дѣлѣ не умретъ.

— Когда отецъ будетъ брать его на рыбную ловлю, онъ запретитъ ему эти дурачества. Этого уже не долго ждать. Тяжелая работа выбьетъ изъ его головы сумасбродныя мысли: вѣдь въ самомъ дѣлѣ только тщеславіе и всякаго рода суевѣрія влекутъ его къ этому плаванью и нырванью...

— Не общій ли обычай у всѣхъ вашихъ мальчиковъ возможно больше плавать и нырять, или вашъ Мазо составляетъ исключеніе?—спросилъ Сальваторъ, которому очень нравился разговоръ съ красивой, молодой женщиной.

— Съ Мазо я не могу никого сравнить, —затѣтила она, начавъ вертѣть въ рукахъ веретено, которое, какъ всѣ итальянскія женщины, она постоянно носила съ собой,—этотъ мальчуганъ нѣчто особенное, и если бы вамъ все рассказать про него, у васъ бы не хватило времени слушать.

— У меня времени хватить, а если у васъ есть охота рассказывать про вашего Мазо, мнѣ никогда не наскучитъ васъ слушать,—замѣтилъ живописецъ.

— Здѣсь это неудобно сдѣлать,—отвѣтила на это рыбачка,—но

если вы согласитесь прослѣдовать къ нашему дому, гдѣ люди могутъ видѣть и слышать, зачѣмъ мы собрались, я все расскажу вамъ съ охотой. Мы живемъ вблизи Амальфи. Около нашего дома есть каменная скамейка, на которую я могу присѣсть и крутить веретено, въ то время какъ вы будете слушать. Мазо намъ придется еще долго ждать, а Берардина опять начала играть съ другими дѣтьми. Итакъ, если желаете,—пойдемте.

Сальваторъ охотно послѣдовалъ. Чтобы о чемъ-нибудь говорить, онъ по дорогѣ спросилъ не брать ли и сестра Мазо и Берардина, но рыбацка объяснила ему, что нѣтъ; у Мазо есть, положимъ, сестры и братья младше его, но Берардина просто сосѣдка; она постоянно играетъ съ нимъ, хотя онъ съ ней очень дурно обращается, а часто даже и бьетъ.

Не переставая вертѣть веретено, молодая женщина незамѣтно подошла съ спутникомъ къ своему дому, на видъ очень веселенькому. Сосѣдки сначала до крайности удивились; но когда рыбацка сѣла съ своимъ гостемъ на скамейкѣ у дома и громко повела съ нимъ разговоръ, онѣ успокоились и перестали обращать на нихъ вниманіе. Были здѣсь и мужчины, въ числѣ которыхъ отецъ Мазо по близости отъ своего дома приводилъ въ порядокъ весла и тенета, такъ что никто не могъ подумать чего-либо худого. Маленькая Берардина осталась играть на морскомъ берегу.

— Нашъ Мазо, такъ начала рыбацка, всегда былъ умнымъ ребенкомъ; это происходило отъ того, что онъ съ раннихъ лѣтъ любилъ рассказывать и старался вникать во все, что слышалъ. До сихъ поръ въ нашей странѣ существуютъ различныя саги и легенды, ибо вѣка произвели въ Амальфи удивительные перевороты и кое-что до сихъ поръ живетъ въ памяти здѣшнихъ жителей. Нѣкогда этой страной правили морскіе короли и въ свитѣ одного изъ нихъ былъ нѣкій человекъ, который назывался рыбой, потому что по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ жилъ въ водѣ, проплывалъ безъ утопленія по нѣсколько миль и могъ оставаться подъ водой столько времени, сколько бы ему не пожелалось. Рассказываютъ, что одинъ изъ морскихъ королей, которыхъ другіе называютъ также норманнами, присватался къ одной принцессѣ изъ далекой земли, и она на великолѣпномъ кораблѣ отправилась въ свое новое отечество. Въ открытомъ морѣ вдругъ замѣтили, что какая-то водяная тварь то плаваетъ вокругъ корабля, то плыветъ слѣдомъ за нимъ; эта тварь имѣла совершенно человѣческую фигуру, но во многихъ мѣстахъ тѣла была покрыта чешуей. Стража корабля окликнула человека-рыбу, и такъ какъ онъ отвѣтилъ, то съ нимъ могли вступить въ бесѣду. Когда извѣстили объ этомъ удивительномъ существѣ прекрасную принцессу, она приказала принять человека-рыбу на корабль снабдить платьемъ и представить ей. Все это совершилось. Пловецъ былъ столь учтивъ, выглядѣлъ такимъ пре-

краснымъ юношей, что принцесса приняла его въ число своихъ слугъ и повезла съ собой въ Амальфи. Онъ долго жилъ здѣсь и всѣ удивлялись его рѣдкостной натурѣ. Принцесса оказывала ему особенное расположеніе, и это было неудивительно, такъ какъ онъ первый встрѣтилъ ее въ ея новомъ отечествѣ. Но потомъ онъ вдругъ куда-то пропалъ, когда низкіе люди стали подозрительно нашептывать королю, что онъ некрещенный, не христіанъ, что принадлежитъ къ низшимъ животнымъ и можетъ околдовать. Какъ разсказываютъ, онъ бросился въ море, и никогда больше не возвращался.

— Значитъ теперь Мазо забралъ себѣ въ голову, что онъ долженъ достичь въ нырянѣ и плаванѣ высшаго совершенства и сдѣлаться въ своемъ родѣ человѣкомъ рыбой?—спросилъ Сальваторъ,— но вѣдь для этого нужна еще чешуя, а она не легко вырастаетъ, или вы уже замѣтили ее?—шутить онъ смѣяся.

Прекрасная рыбацка немножко разсердилась:

— Вамъ хочется шутить со мной,—возразила она,—а между тѣмъ дѣло очень серьезно, вѣдь я вамъ еще не все рассказала. Къ этому относится еще исторія; но лучше, если мой мужъ, который кстати идетъ сюда, расскажетъ вамъ остальное, потому что онъ лучше понимаетъ это, чѣмъ я. Я должна идти стирать, и, кромѣ того, если буду продолжать сидѣть съ вами и болтать, то могу навлечь на себя непріятныя подозрѣнія.

Она вскочила и подошедшему въ это время мужу рассказала, смѣяся, какъ она свела знакомство съ молодымъ человѣкомъ и о чемъ съ нимъ разговаривала. Рыбакъ былъ совсѣмъ некрасивъ, но въ его глазахъ было много мощной гибкости южанина; онъ приблизился и, съ поклономъ снявъ фуражку, продолжалъ прерванный его женою разговоръ.

— Если синьора интересуеть,—замѣтилъ онъ,—мы можемъ пройти къ тому мѣсту, гдѣ случилось происшествіе, о которомъ я хочу разсказать. У насъ будетъ передъ глазами море, мы будемъ обозрѣвать весь заливъ и тотчасъ замѣтимъ, какъ только появится нашъ фокусникъ. Онъ опять очень долго не является, нужно принять мѣры, но бѣда въ томъ, что ничего не помогаетъ, и, кажется, остается единственное средство засадить его за правильную работу. Тогда пропадутъ всѣ его шутки и увертки.

Живописецъ шелъ вмѣстѣ съ рыбакомъ; разъ онъ согласился на предложеніе прелестной женщины слушать разсказъ о забавникѣ-пловцѣ, юномъ рыбацѣ, онъ долженъ былъ принудить себя слушать и продолженіе этого разсказа. Рыбакъ привелъ Сальватора къ какой-то возвышенности на берегу, гдѣ при одномъ поворотѣ они вдругъ очутились передъ развалинами какого-то древняго монастыря. Онъ, должно быть, былъ разрушенъ сарацинами; по одному куску земли, обнесенному стѣнами, можно было распознать

тотъ особенный стиль, который былъ употребителенъ во время господства норманновъ: это были большіе дугообразные промежутки съ широкими готическими сводами.

— Въ этой каменной стѣнѣ, — началъ рыбакъ, — живутъ духи или черти, какъ вы хотите. Я самъ этому не вѣрю, но жители Амальфи не рѣшаются ночью бывать около этого мѣста. Недавно случилось, что двоимъ амальфитяцамъ захотѣлось попытаться продѣлать это и они отыскиали человѣка, который бы могъ произнести заклинанія. Около Неаполя, въ Байѣ, живетъ нѣкій мужъ, который умѣетъ врачевать и который часто является со всякими микстурами въ нашу мѣстность. Этотъ мужъ, по имени Скаратули, прикидывается знающимъ больше другихъ людей, а наши старухи крѣпко вѣрятъ, что онъ даже колдунъ. Во всякомъ случаѣ, онъ такъ умѣетъ одурачить насъ, темныхъ людей, всякими фокусъ-покусами и столько наговорить странныхъ изреченій, что голова кругомъ пойдетъ. Къ нему-то и братились оба наши амальфитянца; онъ согласился взять на себя заклинаніе, потому что жилъ раньше въ Египтѣ и изучилъ тамъ колдовство. Онъ пришелъ, и какъ-то вечеромъ они втроемъ отправились на эту руину; на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была трапеза, они хотѣли начать свои заклинанія чертей. Колдунъ одѣлся на манеръ египетскихъ волшебниковъ, начертилъ на землѣ кругъ и разныя фигуры, наблюдая при этомъ удивительныя церемоніи. Они захватили съ собой всевозможнаго ладану, какъ дорогого, такъ и рѣзко-пахнушаго и даже скверно-вонючаго.

«Когда все, наконецъ, было приготовлено, колдунъ начертилъ въ кругѣ входъ и обоимъ своихъ спутниковъ, взявъ за руки, ввелъ туда. Они должны были въ срединѣ круга поддерживать огонь, поочередно подавая ему ладанъ, колдунъ же началъ произносить все болѣе и болѣе громкимъ голосомъ свои заклинанія, дивившіяся больше часу. Вслѣдъ затѣмъ показалась цѣлая масса духовъ, въ различныхъ смутныхъ очеркахъ, такъ что ими была наполнена вся трапеза. Когда колдунъ замѣтилъ эту массу чертей, онъ захотѣлъ поговорить съ ними и требовалъ, чтобы они назвали себя по имени, но черти не дали никакого отвѣта и такимъ образомъ дѣло не удалось.

«Но наши амальфитянцы не успокоились на этомъ; они хотѣли научиться болѣе страшнымъ и сильнымъ заклинаніямъ и заставить отвѣчать духовъ. Колдунъ завѣрялъ, что они должны какъ-нибудь вечеромъ повторить свои опыты и что духи только тогда имъ отвѣтятъ, когда они приведутъ съ собой невиннаго мальчика, котораго онъ самъ выберетъ. Никто бы въ Амальфи ничего и не зналъ объ этомъ дѣлѣ, если бы спустя нѣсколько дней духоиспытатели не пришли къ намъ искать одного пригоднаго для своихъ цѣлей между нашими ребятами. Едва колдунъ увидѣлъ на морскомъ берегу нашего Томазо-Аниелло, какъ тотчасъ объявилъ, что онъ са-

мый подходящий. Духоиспытатели обратились ко мнѣ, увѣряя, что съ ребенкомъ ничего худого не случится и посулили мнѣ щедрое вознагражденіе. Я счелъ за лучшее ничего не говорить объ этой исторіи моей женѣ и далъ свое согласіе.

«Колдунъ опять начертилъ кругъ, устроивъ все съ огнемъ и ладаномъ такъ же, какъ и раньше, но еще съ большимъ стараніемъ. Послѣ того какъ оба амальфитянца и нашъ мальчикъ были введены въ кругъ, колдунъ дотронулся своей палочкой до темени Томазо и началъ свои заклинанія. Онъ приказывалъ дѣхамъ во имя и силой Присносущнаго Бога, говоря все это еврейскими или египетскими словами. Тогда опять появился сонмъ духовъ, еще больше, чѣмъ въ первый разъ, и всѣ они, какъ бы угрожая, устремились на стоящихъ въ кругѣ.

«Томазо, стоя подъ волшебной палочкой, началъ рыдать, говоря, что тысячи неприятныхъ фигуръ съ кинжалами и ножами толпятся кругомъ, дѣлая ему угрожающіе знаки. Конечно, и оба амальфитянца такъ испугались, что дрожали отъ страха; первый тихимъ и убѣдительнымъ голосомъ произносилъ свои заклинанія, въ то время какъ оба другіе безъ отдыха бросали въ огонь ладанъ. Мальчикъ же опустился на землю, спрятавъ голову между коленъ и сказалъ: «я хочу такимъ образомъ умереть, вѣдь никто изъ насъ не спасется». Тогда колдунъ сказалъ ему: «эти фигуры существуютъ только въ твоёмъ воображеніи, ты видишь только дымъ и тѣни, подними же глаза безъ боязни». Томазо снова было взглянулъ, но опять быстро закрылъ лицо руками, закричавъ, что онъ скорѣй умретъ, а не будетъ смотрѣть. Всѣ духи обратили свои взоры на него и показывали на него пальцами. Одинъ же изъ нихъ, великанъ въ мантии, подавалъ ему корону, дѣлая знаки, чтобы онъ схватилъ ее. Томазо опять закрылъ лицо и заявилъ, что больше смотрѣть не будетъ. Колдунъ уговаривалъ амальфитянцева не мѣшкать и поскорѣй сыпать въ пламя другой ладанъ на который онъ имъ указывалъ. Оба были ни живы, ни мертвы, и дѣйствительно имъ давно было пора выйти изъ заколдованнаго круга, если они хотѣли спасти свою жизнь и здоровье.

«Послѣ того, какъ другой ладанъ подѣйствовалъ на нихъ успокоительно, колдунъ покончилъ съ своими церемоніями и Томазо, опомнившись отъ страха, взглянулъ и сказалъ, что духи постепенно удаляются.

«Я ожидалъ на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, ничего не видѣлъ и не слыхалъ: какъ они вернулись, на той сторонѣ въ монастырѣ уже зазвучалъ утренній колоколъ. Колдунъ опять переодѣлся въ свое обыкновенное платье: всѣ выглядели блѣдными, какъ сама смерть. Мой мальчикъ тѣснился между ними, крѣпко держась за ихъ платье. Онъ все утверждалъ, что передъ нимъ носится, держа въ рукахъ корону, человекъ въ мантии, Это, будто бы,

была корона морскихъ королей и великанъ на нее все указывалъ Томазо. Наконецъ, когда я взялъ на руки дрожащаго мальчика, думая отнести его домой—духоиспытатели между тѣмъ вручили мнѣ сполна выговоренную сумму—онъ вдругъ закричалъ, сказавъ, что великанъ въ мантии сердито посмотрѣлъ на него, затѣмъ помчался къ морской бухтѣ и бросилъ корону въ волны. Послѣ этого Томазо лишился чувствъ и словно мертвый лежалъ на моихъ рукахъ. Я слышалъ, какъ колдунъ сказалъ своимъ спутникамъ, что часто ему приходилось производить такіа заклинанія, но никогда не случалось столь страннаго и удивительнаго, какъ съ этимъ мальчикомъ; его духи должны указать ему сокровища, которыми полна земля.

«Послѣ этого они удалились; я понесъ своего мальчика, все еще лежавшаго безъ памяти, домой, гдѣ насъ встрѣтила съ величайшимъ безпокойствомъ мать, всю ночь не смыкавшая глазъ отъ страха и заботы. Мнѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ все откровенно рассказать ей. Сначала она ругалась за подобную чертовщину, но когда я сказалъ, что заклинателемъ былъ Скаратули, что онъ совершалъ свои заклинанія, призывая имя Божіе, и когда, наконецъ, вручилъ ей значительную сумму денегъ, она успокоилась. Мы согласились молчать о случившемся, а Томазо сказать, что все это онъ видѣлъ во снѣ. Сказано—сдѣлано; но Томазо съ тѣхъ поръ еще усерднѣе занимается плаваньемъ и ныряньемъ, забравъ въ голову, что морской король положилъ корону въ заливѣ и что ему предназначено найти ее и поднять».

Сальваторъ съ участіемъ выслушалъ всю эту исторію, потому что она дѣйствительно была необыкновенна. Когда Сальваторъ опять пришелъ съ рыбакомъ къ его дому, они нашли тамъ вернувшагося Мазо, который казался, нисколько не усталъ отъ своихъ морскихъ походовъ, но только былъ очень голоденъ. Онъ собственно назывался Томазо-Аниелло, мать же звала его Мазо, а отецъ и товарищи соединили эти два имени въ одно и стали называть его Мазаниелло. Маленькая Берардина, проводивъ Мазаниелло до дому, побѣжала къ своимъ родителямъ.

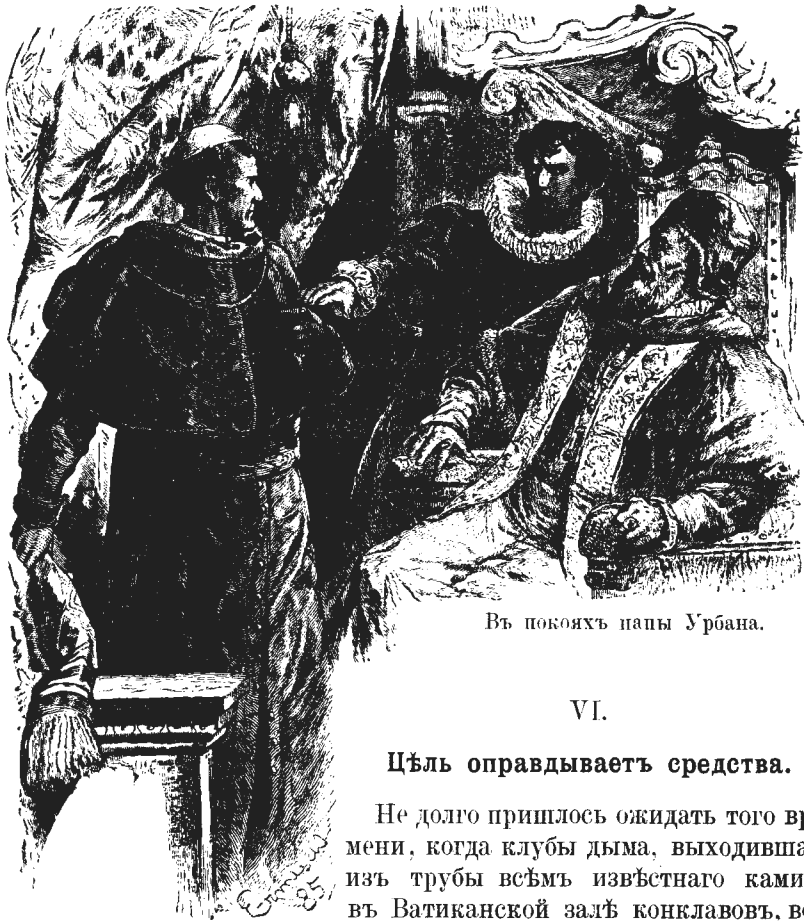
Сальваторъ откланялся и возвратился въ свой монастырь, но исторія маленькаго Мазо не переставала по цѣлымъ часамъ занимать всѣ его помыслы. Въ скоромъ времени онъ имѣлъ случай опять увидѣть маленькаго пловца-виртуоза; едва замѣтивъ, что какой-то чужой господинъ наблюдаетъ за нимъ, Мазаниелло началъ показывать всѣ свои фокусы, чтобы вызвать улыбку одобренія. Мазаниелло удалось это, ибо онъ видѣлъ какъ Сальваторъ оживился, глядя на его отважныя выходки. Такъ какъ Сальваторъ всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчался съ прелестной женой рыбака, но никогда не былъ навязчивъ, то вскорѣ случилось, что онъ сдѣлался въ ихъ домѣ всегда желаннымъ гостемъ. Они были

такими же людьми изъ народа, съ какими Сальваторъ въ Неаполѣ имѣлъ случай неоднократно познакомиться. Когда ихъ не гнететъ нужда и когда они здоровы, ихъ жизнь течетъ съ дѣтской беззаботностью. Мазаниелло былъ самымъ старшимъ ихъ сыномъ; младшій его братъ и сестра ничѣмъ не отличались отъ другихъ рыбацкихъ дѣтей, не имѣя ни честолюбія, ни фантастическихъ наклонностей своего брата.

Сальваторъ познакомился также и съ родителями маленькой Берардины. Ея отецъ, трактирщикъ Маттео, былъ очень извѣстнымъ чловѣкомъ въ Амальфи, къ которому постоянно заходили рыбаки; въ трактирѣ Маттео юный живописецъ могъ наблюдать много любопытныхъ сценъ среди веселыхъ бражниковъ. Маттео былъ удивительный непосѣда; онъ уже пожилъ во многихъ окрестныхъ мѣстахъ и, благодаря своей наклонности къ вѣчнымъ странствованиямъ, никакъ не могъ разжиться. Носились слухи, что онъ опять задумывалъ перемѣнить мѣстожителство, и это стоило, какъ было слышно, маленькой Берардинѣ большихъ слезъ.

Въ покояхъ папы Урбана.

VI.

Цѣль оправдываетъ средства.

Не долго пришлось ожидать того времени, когда клубы дыма, выходявшаго изъ трубы всѣмъ извѣстнаго камина въ Ватиканской залѣ конклавоу, возвѣстили собравшейся на площади св. Петра толпѣ, что избирательный бюллетень преданъ пламени и слѣдовательно новый папа избранъ. Этого извѣстія было вполне достаточно для людей, во все время избранія нетерпѣливо ожидавшихъ оригинальнаго сигнала, ибо каждому хотѣлось первымъ радостно закричать «habemus» (имѣемъ); каждому хотѣлось, чтобы за нимъ это «habemus» тысячекратно повторилъ весь Римъ и чтобы оно нашло затѣмъ отголосокъ во всемъ христіанскомъ мірѣ. Новый папа! Дѣйствительно, въ тѣ времена избраніе новаго папы бывало великимъ, многозначительнымъ событіемъ, ибо отъ личности «намѣстника Божія» на землѣ зависѣло безконечно-много для тысячъ людей. Больше же всѣхъ новое избраніе, разумѣется, занимало жителей семихолмнаго града, которые поэтому съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали подтвержденія или опроверженія своихъ предположеній.

Теперь наступали великолѣпныя торжества, всегда сопровождавшія, согласно издревле ведущемуся обычаю, избраніе новаго

церковнаго главы. Безъ умолку гудѣли безчисленные римскіе колокола и толпы народа валили въ церкви, чтобы послушать съ благоговѣйной миной патеровъ, которые возносили Господу Богу благодарственныя моленія предъ богато-убранными и ярко-освѣщенными алтарями. Всѣ церковныя сокровища были выставлены толпѣ на показъ, мощи можно было оцупывать и цѣловать, грѣшники наравнѣ съ праведниками радовались всеобщей индульгенци. Кромѣ того, по улицамъ шествовали процессіи; сельскія общества музыкантовъ въ ихъ живописныхъ костюмахъ странствовали по городу и на всемъ вообще лежалъ отпечатокъ полной праздничной радости.

Ликующее чувство безпредѣльнаго восторга обуяло всѣхъ, когда вновь избранный папа, принявшійся имя Урбана VIII, окруженный кардиналами, показался на балконѣ церкви св. Петра и благословилъ въ первый разъ несмѣтную массу народа, тѣсно-толпившуюся внизу, на площади. Тотъ моментъ, когда это волнующееся море головъ пало ницъ, дабы принять благословеніе, какъ для Барберини, такъ и для Беллярмина былъ первой присягой въ вѣрности и вмѣстѣ съ тѣмъ началомъ ихъ соединеннаго деспотичнаго господства. Но что этотъ моментъ для одной маленькой группы людей, которые съ искреннимъ чувствомъ пали на колѣна, дабы наравнѣ съ другими получить благословеніе, могъ сдѣлаться источникомъ несказанныхъ бѣдствій и горя, никто изъ нихъ не предчувствовалъ. Это былъ кружокъ, образовавшійся вокругъ знаменитаго флорентійскаго математика Галилея. Кромѣ нѣсколькихъ старыхъ друзей великаго ученаго, здѣсь былъ одинъ и новый ревностный, молодой послѣдователь, уже успѣвшій подружиться съ Вивіани. Это былъ Евангелиста Торичелли, занимавшійся въ Римѣ у Бенедетто Кастелли и подававшій большія надежды. Галилей былъ совершенно спокоенъ, ибо если въ своемъ новомъ твореніи онъ бичевалъ и насмѣхался надъ мнѣніями церкви, то никогда не имѣлъ въ виду личною Симплиціо намекать на своего покровителя Барберини; поэтому-то Галилей и не могъ даже предчувствовать какой подвохъ ему готовить его злѣйшій врагъ, пользуясь этимъ обстоятельствомъ. Съ радостнымъ чувствомъ смотрѣлъ Галилей на возвышеніе своего покровителя, не подозрѣвая надвигавшейся грозовой тучи; съ гордостью и взоромъ полнымъ надеждъ, смотрѣлъ и Бернардо Спинелли на своего родственника, благословляющаго рука котораго должна была счастливо направить судьбу талантливаго живописца. Если бы юный живописецъ былъ менѣе простодушенъ и менѣе несамолюбивъ, умѣлъ бы пользоваться обстоятельствами: онъ, можетъ быть, въ это мгновеніе занималъ бы уже видное положеніе, но ему больше было по душѣ общество Галилея и Цециліи. И Вивіани, вмѣстѣ съ юнымъ Торичелли, и старые римскіе друзья великаго флорентійскаго ученаго — всѣ

были такъ полны надеждъ и лучезарной ясности, что въ ихъ душахъ не было мѣста и легкой тѣни отъ надвигавшейся мрачной тучи.

Бернардо ожидалъ, что двоюродный дядя приметъ его на этихъ дняхъ, потому что онъ уже увѣдомилъ его о желаніи имѣть свиданіе. Галилей также былъ увѣренъ, что новый папа въ скоромъ времени дастъ согласіе на аудіенцію въ своихъ покояхъ. Если каждый изъ нихъ въ глубинѣ своей души взиралъ на стоящаго на балконѣ человѣка, ожидая отъ него всевозможныхъ милостей,— то было ли удивительно, если Цецилія, смотрявшая на него глубоко-вѣрующимъ взоромъ, дѣйствительно почитала въ немъ намѣстника Божія, который владѣетъ ключами отъ вратъ вѣчнаго блаженства и отъ вратъ адовыхъ? Если она видѣла въ величественной церкви св. Петра новаго папу всего въ золотѣ, въ тиарѣ на достопочтенной головѣ, несомого на позолоченныхъ носилкахъ среди благоговѣйно склонившейся толпы, если затѣмъ видѣла его совершающимъ богослуженіе на главномъ алтарѣ въ облакахъ кадильнаго дыма; среди великолѣпнаго пѣнія: «Осанна», то могъ ли онъ ей не показаться чѣмъ-то въ родѣ божества, могъ ли не показаться существомъ, отъ котораго дѣйствительно зависитъ вершеніе судебъ человѣческихъ?

Дѣйствительно надежды Бернардо и Галилея, казалось, исполнились, потому что на ихъ желаніе получить аудіенцію вскорѣ пришелъ утвердительный отвѣтъ. Могли ли они предполагать, что ихъ ожидаетъ совершенно официальная встрѣча и что, какъ племянникъ, такъ и другъ не найдутъ въ новомъ папѣ неизмѣнно-благосклоннаго покровителя? Они были очень пріятно поражены, когда Бернардо получилъ извѣстіе о томъ, въ какой день желаетъ его принять дядя и, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось, что Галилей долженъ явиться въ Ватиканъ въ тотъ же день, но только нѣсколькими часами позже юнаго живописца. Это извѣстіе еще болѣе усилило ихъ радостную увѣренность, а Цецилія увидѣла въ этомъ, какъ бы особое предопредѣленіе свыше и это предопредѣленіе въ глубинѣ своего благодарнаго сердца она приписывала Мадоннѣ, къ которой ежедневно прибѣгала съ пламенной молитвой.

Вечеромъ, на другой день послѣ полученія радостнаго извѣстія, въ Римѣ была большая иллюминація, которая, обыкновенно, заканчивала празднества по поводу избранія новаго папы. Были употреблены всѣ старанія, чтобы устроить блестящую потому времени иллюминацію и церковь св. Петра, до самаго шпица украшенная разноцвѣтными шкаликами, являлась центромъ всего блистательнаго зрѣлища. На улицахъ опять кипѣли толпы радостнаго народа, особенно же на большомъ плацу предъ церковью св. Петра и предъ ватиканомъ. Подвижная натура итальянцевъ, веселость которой особенно ярко сказывается въ этой любви къ народнымъ

увеселеніямъ, при подобномъ случаѣ развернулась совсѣмъ нараспашку, и такъ какъ ожиданія всѣхъ партій съ избраніемъ Барберини удовлетворились, то никакой диссонансъ не нарушилъ гармоничнаго завершения праздничныхъ дней. Галилей и его друзья также гуляли по иллюминаціи. Слѣдующее утро они встрѣтили въ радостной надеждѣ, ибо объ аудіенціи въ Ватиканѣ должны были оказать важное вліяніе на ихъ осуществленіе.

Утомленный событіями послѣднихъ дней, новый папа силѣлъ на слѣдующее утро въ своихъ жилыхъ покояхъ, ожидая посѣщенія своего племянника Бернардо Спинелли. Перенеся печальную необходимость торжественныхъ пріемовъ иностранныхъ князей и пословъ, также какъ и поздравленій со стороны своихъ подчиненныхъ, Барберини страстно желалъ увидѣть около себя близкаго родственника, относительно котораго можно было бы быть увѣреннымъ, что онъ смотритъ на Барберини не только какъ на всемогущаго папу, но и какъ на всѣми уважаемаго представителя извѣстной фамиліи. Барберини всегда съ особенной любовью относился къ своей племянницѣ Еленѣ, онъ никогда не терялъ ее изъ виду и вспоминалъ съ удовольствіемъ то время, когда еще она была прелестнымъ ребенкомъ. Его очень заинтересовало, что сынъ Елены обнаружилъ страстную склонность къ искусству; горько обманувшись въ Галилеѣ, онъ думалъ найти утѣшеніе въ своемъ племянникѣ.

Барберини очень обрадовался, увидя вошедшаго молодого человѣка, произведшаго своимъ скромнымъ видомъ очень выгодное впечатлѣніе. Черты его лица имѣли поразительное сходство съ чертами лица матери, являя собой вмѣстѣ съ тѣмъ и характерныя особенности фамиліи Барберини. Глаза, ротъ, словомъ вся фигура—пробудили въ сѣдомъ папѣ почти отеческія чувства. Такимъ образомъ обстоятельства не могли быть болѣе благопріятны для молодого человѣка.

Согласно обычаю Бернардо палъ ницъ, поцѣловалъ правую ногу своего дяди. Послѣдній сначала благословилъ его, а затѣмъ, приблизивъ къ себѣ голову юноши, поцѣловалъ его въ лобъ.

— Сердечно радъ видѣть тебя, сынъ моей любимой племянницы Елены,—сказалъ папа особенно нѣжнымъ тономъ и тотчасъ прибавилъ:—давно ли ты въ Римѣ?

— Случаю угодно было,—отвѣчалъ Бернардо,—чтобы я прибылъ сюда, какъ разъ къ тому, когда вашъ предшественникъ, папа Григорій, переселился въ вѣчность и когда святой соборъ кардиналовъ началъ свои засѣданія для избранія новаго папы. Я долженъ былъ обуздывать свое нетерпѣніе, дожидаясь, пока мнѣ удастся привѣтствовать ваше святѣйшество. Теперь я могу это сдѣлать съ сердцемъ, преисполненнымъ глубокимъ уваженіемъ и искренней радостью.

— Очень благодаренъ, любезный племянникъ,—возразилъ Урбанъ, расположеніе котораго къ молодому человѣку возростало съ каждой минутой.—Мнѣ очень пріятно, что мое теперешнее положеніе позволяетъ мнѣ еще больше, чѣмъ раньше, покровительствовать тебѣ. Ты мнѣ очень нравишься, и я извѣщу твоихъ родителей, что желаю принять на себя устроеніе твоего будущаго и настоящаго счастья. Ты вѣдь любишь искусство и хочешь посвятить себя занятіямъ живописью? И, конечно, не порицаю этой любви и не буду становиться тебѣ поперекъ дороги, но какъ мой племянникъ, ты могъ бы избрать себѣ болѣе высокую цѣль жизни; вѣдь если я не хочу съ самого начала предоставить всему дому Барберини всѣ матеріальныя выгоды своего положенія, то все-таки моя обязанность возвысить достоинство и значеніе членовъ этого дома, доставивъ имъ средства для достиженія высшихъ должностей. Итакъ, не торопясь, подумай хорошенько и приучи себя къ мысли, что твое честолюбіе должно преслѣдовать самыя смѣлыя цѣли.

— О, дорогой дядя,—возразилъ взволнованный Бернардо,—какъ мнѣ благодарить васъ за ваши благожеланія. Ваша благосклонность есть драгоцѣннѣйшій даръ, который только могли послать мнѣ небеса и если, какъ мнѣ думается, вы встрѣтите одного человѣка, который тоже надѣется на вашу милость и котораго я еще во Флоренціи успѣлъ узнать и опѣнить, съ уваженіемъ и благосклонностью, то моя благодарность Провидѣнію будетъ еще больше, еще горячѣе. Вы его увидите сегодня и, можетъ быть, если позволять его собственныя важныя дѣла, онъ расскажетъ вамъ въ силу какихъ обстоятельствъ я сблизился съ нимъ, выслушайте же его благосклонно, дорогой дядя, это моя первая просьба къ вамъ, будьте моимъ благодѣтелемъ, моимъ покровителемъ въ этомъ дѣлѣ, которое такъ близко моему сердцу.

Урбанъ удивленно взглянулъ на юношу и спросилъ:

— О комъ ты это говоришь?..

— Я говорю о Галилеѣ, — отвѣчалъ Бернардо, —но я вижу, что ваше чело омрачается; я очень хорошо знаю, что у него есть близости отъ васъ одинъ могущественный врагъ, и Галилей придетъ сюда отчасти для того, чтобы лично искать у васъ справедливости. Конечно, это удастся ему, потому что вы на самомъ дѣлѣ столь же великодушны, какъ я и слышалъ отъ него.

— Чего же онъ хочетъ?—рѣзко спросилъ Урбанъ.—Если онъ сдѣлаетъ, вѣдь это будетъ лицемѣріе. Не называй больше, пожалуйста, его имени: онъ навсегда потерялъ мою дружбу!

Бернардо не вѣрилъ своимъ ушамъ. Остолбенѣлый, онъ смотрѣлъ въ лицо сердитому папѣ. Урбанъ совершенно другимъ тономъ продолжалъ:

— Ты не знаешь человѣка, о которомъ просишь. Я высоко цѣнилъ его, но онъ меня, своего лучшаго друга, постыдно предалъ.

Бернардъ ничего не зналъ о случившемся.

— Конечно, дядя,—сказалъ онъ,—васъ обманули его враги. На чемъ вы основываете свои подозрѣнія?

— О,—возразилъ Урбанъ,—и мнѣ трудно было повѣрить подобной низости, но имѣющіяся налицо доказательства исключаютъ возможность всякой ошибки.

Бернардо былъ уничтоженъ. По своей юности онъ не могъ еще понять всей громадности бѣдствія, которое угрожало Галилею и вмѣстѣ ему, и его возлюбленной Цециліи. Въ это мгновеніе онъ только чувствовалъ, что его дядя, котораго онъ едва узналъ и который сначала высказалъ столько расположенія, въ чемъ-то подозрѣваетъ Галилея, сдѣлавшагося для Бернардо изъ-за Цециліи вторымъ отцомъ. Теперь рушились всѣ надежды пылаго благороднаго юноши, осуществленіе которыхъ зависѣло отъ новаго папы. Въ его сердцѣ оставалось только одно пламенное желаніе: для него ничего не значили бы почести и богатство, если бы онъ долженъ былъ отказаться отъ исполненія этихъ желаній. Еще нѣсколько минутъ тому назадъ онъ въ порывѣ благодарности хотѣлъ открыть дядѣ сладкую тайну своей любви, но теперь его сердце судорожно сжалось и когда онъ взглянулъ на мрачную фізіономію папы, въ его душѣ закипѣла злоба. Онъ долженъ былъ по мѣрѣ силъ и возможности защищать свое драгоцѣннѣйшее сокровище противъ враждебныхъ силъ. Боже, какая перемѣна! Онъ еще не разобрался въ причинахъ, враждебно-настроившихъ папу противъ Галилея, и не могъ снова возвратиться къ прежнему благодушному настроенію, перемѣнивъ свой гнѣвъ на страстную мольбу, если бы въ это самое мгновеніе не откинулась тяжелая дверная завѣса, показавъ высокую фигуру вошедшаго Беллярмина.

Согласно постановленію; не самъ папа, а Беллярминъ, назначенный для Рима кардиналомъ-инквизиторомъ, долженъ былъ принимать жалобу Галилея; поэтому Беллярминъ и явился къ назначенному для него часу.

Едва Бернардо увидѣлъ кардинала знакомаго ему еще по Флоренціи, какъ тотчасъ же понялъ, гдѣ нужно искать разрѣшенія загадки, и вся его злоба обратилась на вошедшаго. Не будучи въ состояніи обуздать свое возбужденіе, онъ вскричалъ:

— Что мнѣ еще спрашивать, кто оклеветалъ благороднаго Галилея? Вотъ онъ — налицо, пытавшійся еще во Флоренціи съ помощью позорныхъ подвоховъ погубить Галилея и закончивающій свое низкое дѣло здѣсь, въ Римѣ.

Эти слова, какъ Урбана, такъ и Беллярмина привели въ крайнее негодованіе. Послѣдній сказалъ:

— Неужели папа можетъ терпѣть, чтобы въ его присутствіи такъ неслыханно осмѣливались оскорблять вѣрнѣйшихъ слугъ церкви?

Урбанъ самъ былъ въ высшей степени разгнѣванъ, въ присутствіи же Беллярмина окончательно вышелъ изъ себя.

— Берегись,—закричалъ онъ Бернардо,—ты еще не знаешь, но скоро узнаешь, что значитъ мой гнѣвъ.

При этомъ онъ строго и сурово взглянулъ на племянника, который, не помня себя, рѣзко отвѣчалъ:

— Дядя, что это съ вами? Вы столь кроткій и благородный, исполнены ненависти и злобы противъ человѣка...

Но папа не далъ ему договорить.

— Для такого человѣка,—возразилъ онъ,—моя снисходительность не можетъ придумать пощады, потому что онъ заплатилъ за мою снисходительность измѣной.

Но эти слова только больше зажгли волненіе въ крови юноши, который былъ убѣжденъ въ благородномъ образѣ мыслей Галилея.

— Это невѣроятно,—вскричалъ онъ,—васъ обманули, желая только обвинить его. Его хотятъ погубить и поэтому, подстрекая васъ противъ него, стараются лишить самой прочной опоры.

Такой разговоръ, особенно же въ присутствіи кардинала, для Урбана былъ невыносимъ.

— Замолчи!—грозно вскричалъ папа,—я приказываю тебѣ, дерзкій мальчишка! Ты долженъ прекратить знакомство съ Галилеемъ, иначе—конецъ моему терпѣнію.

— При всемъ должномъ къ вамъ уваженіи и послушаніи, котораго вы можете ожидать отъ меня, я все-таки никогда не сдѣлаю того, за что мнѣ придется отвѣчать передъ своей совѣстью; я никогда не позволю себѣ и подумать о томъ, чтобы оскорбить столь великодушнаго человѣка и столь замѣчательнаго ученаго, какъ Галилей,—возразилъ Бернардо.

Теперь вмѣшался въ разговоръ и Беллярминъ.

— Неразумно,—сказалъ онъ,—такого молодого неопытнаго человѣка предоставлять самому себѣ. Пылкость можетъ повергнуть его въ опасность и поэтому необходимо за его поступками строго надзирать.

Если къ своему дядѣ у Бернардо все еще оставались въ душѣ слѣды нѣкотораго уваженія, то по отношенію къ кардиналу онъ чувствовалъ только глубокое презрѣніе. Смѣло онъ сдѣлалъ къ нему шагъ и сказалъ:

— Вы думаете, что я говорю объ этомъ дѣлѣ, ничего въ немъ не понимая, ибо я еще неопытенъ и мало знающъ въ наукѣ, будьте же увѣрены, что у меня достаточно способностей, чтобы оцѣнить заслуги Галилея; еще во Флоренціи, гдѣ я публично напалъ на наглаго монаха, пришлось мнѣ убѣдиться, что вы ненавидите Галилея, ибо онъ служитъ истинѣ, ибо онъ больше васъ. Поэтому только вы и стараетесь погубить его!

Затѣмъ, обращаясь къ Урбану, онъ сказалъ:

— Неужто, желая покровительствовать искусству, вы все-таки думаете, что можно побѣдить и скрыть истину? Вѣдь истина и красота неразрывно связаны одна съ другой. Неужто я могу трусливо покинуть благороднаго Галилея теперь, когда ему плетутся коварныя сѣти, когда его здѣсь въ Римѣ ожидаетъ погибель?

— Я не въ силахъ больше терпѣть,—сказалъ Урбанъ,—чтобы ты имѣлъ сношенія съ врагомъ церкви и я съумѣю прекратить это знакомство.

— Дѣлайте, что вамъ угодно,—возразилъ до крайности возбужденный Бернардо,—но будьте увѣрены, что я останусь вѣренъ своему убѣжденію и измѣнить ему заставитъ меня только насиліе!

Съ этими словами Бернардо бросился вонъ изъ покоевъ папы, поспѣшно покинулъ Ватиканъ, не глядя ни направо, ни налево, но ища только свободы, ибо, казалось, онъ готовъ былъ задохнуться отъ волненія.

Урбанъ и Беллярминъ нѣкоторое время смущенно молчали. Папа глубоко вздохнулъ, на душѣ у него было тяжело и онъ чувствовалъ необходимость принять мѣры противъ своего племянника. Беллярминъ замѣтилъ это и чтобы привести къ концу борьбу въ душѣ папы, онъ подойдя къ нему, энергично сказалъ:

— Неужто можно намъ оставаться спокойными ничего не предпринимая, послѣ такихъ заносчивыхъ рѣчей этого мальчишки? Не забывай папа Урбанъ, что такая горячая голова не задумается ни передъ чѣмъ и для спасенія человѣка можетъ поднять даже возстаніе; вѣдь Бернардо не только Галилея высоко чтитъ, какъ знаменитаго ученаго, но и страстно влюбленъ въ его дочь. Еще во Флоренціи мнѣ было извѣстно, что онъ знакомъ съ нею и нарисовалъ съ нея картину. Не опускай изъ виду, что въ такихъ молодыхъ лѣтахъ любовь овладѣваетъ всѣмъ существомъ и что нѣтъ такого безумнаго поступка, на который бы человѣкъ не рѣшился ради блага или обладанія возлюбленной.

Урбанъ утвердительно кивнулъ головой, но угнетенное настроеніе все еще не покидало его и онъ въ полголоса проговорилъ:

— Куда влечетъ меня помимо моей воли слѣпая судьба? Долженъ ли я поступить съ нимъ насильственно, чтобы удалить его изъ Рима? Что дѣлать?

— Отдай его въ мои руки,—сказалъ Беллярминъ,—я постараюсь сдѣлать его безвреднымъ, не подвергая его опасности. Въ самомъ крайнемъ случаѣ онъ будетъ арестованъ, пока мы не покончимъ съ дѣломъ Галилея.

— Пусть будетъ такъ,—сказалъ Урбанъ съ тяжелымъ вздохомъ.

Беллярминъ былъ уже готовъ кликнуть одного изъ своихъ подчиненныхъ, чтобы отдать необходимыя предписанія и приказанія,

какъ вдругъ доложили, что Галилей давно уже пришелъ и очень желаетъ видѣть его святѣйшество.

Съ явными признаками гнѣва и замѣшательства поднялся Урбанъ и сказалъ:

— Еслибы я даже захотѣлъ, то теперь я рѣшительно не могу его видѣть. Тебѣ я препоручаю все и то, что ты рѣшишь по этому дѣлу, съ тѣмъ я и соглашусь.

Съ этими словами онъ удалился, благодаря въ глубинѣ души Бога за то, что онъ послалъ ему въ лицѣ Беллярмина такую сильную опору. А Беллярминъ между тѣмъ успѣлъ уже отдать нѣсколько приказаній относительно надзора за молодымъ живописцемъ, счумѣлъ при этомъ выбрать такихъ людей, на которыхъ можно было положиться, что они сдѣлаютъ Бернардо бевреднымъ, даже еслибы онъ рѣшился на всякія крайности.

Галилей пришелъ въ Ватиканъ въ сопровожденіи своего ученика Вивіани и долго долженъ былъ въ передней дожидаться аудіенціи. Тревога уже прокралась въ сердце ученаго во время его долгихъ ожиданій, но послѣ того, какъ Бернардо вдругъ крайне взволнованный промчался мимо, не замѣчая ни его, ни Вивіани, тревога перешла въ значительный страхъ. Ни его дочь Цецилія, ни его ученикъ Вивіани не предчувствовали, какъ въ послѣдніе дни онъ упалъ духомъ, какъ глубоко скорбѣло его сердце. Тосканскій посланникъ извѣстилъ его о назначеніи бывшаго архіепископа флорентійскаго верховнымъ инквизиторомъ, и съ другихъ сторонъ дѣлались ему предостереженія. Онъ вынужденъ былъ посѣтить нѣкоторыхъ кардиналовъ, интересовавшихся его изслѣдованіями. Въ ихъ числѣ былъ и графъ Эйтельфридрихъ Гогенцолернъ, пріятельски уговаривавшій Галилея не противорѣчить требованіямъ церкви. Между французскимъ и испанскимъ правительствомъ были жестокія несогласія. Франція покровительствовала всякимъ свободнымъ движеніямъ, чтобы ловить въ мутной водѣ рыбу; Испанія же всегда стояла за суровыя мѣры. Кардиналъ Филомарино, неаполитанскій архіепископъ, имѣлъ очень тяжелое мѣсто. Онъ зналъ, что всѣ боялись введенія въ Неаполѣ инквизиціи, ибо горючіе матеріалы были налицо и нуженъ былъ только поводъ для того, чтобы вспыхнула революція, на подобіе Толедской. Самъ кардиналъ былъ высокоуважаемъ неаполитанскимъ народомъ за его осторожный образъ дѣйствія, но перемѣны въ Римѣ внушали ему опасенія. Онъ зналъ также, что Галилей имѣлъ въ Неаполѣ большую партію приверженцевъ и что тамъ слѣдятъ за ходомъ его процесса.

Наконецъ, Галилей былъ принятъ, но онъ не начиналъ разговора, видя передъ собой не своего покровителя Урбана, а смертельнаго врага Беллярмина. Произошла пауза, во время которой оба смѣрили другъ друга ледянымъ взоромъ, затѣмъ началъ Беллярминъ:

КАТАЛОГЪ

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ»

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ и Одесса).

ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ:

- * **Анекдоты** и остроумныя изреченія, избранныя изъ сочиненій древнихъ писателей. Изд. 4-е. («Дешевая Библиотека»). Слб. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к.
- Асосновъ, К.** Разрѣшитель вопросовъ по нотаріальному и матеріальному праву. Тверь. 1888. Ц. 1 р.
- Астафьевъ, Н.** Опытъ исторіи Библіи въ Россіи, въ связи съ просвѣщеніемъ и правами. Слб. 1889. Ц. 1 р.
- Барсуковъ, Н.** Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. II. Слб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- Байе.** Византійское искусство (L'Art byzantin par C. Bayet). Слб. 1888. Ц. 2 р.
- Бобровъ, П. П.** Смерть Порошева. Этюдъ. М. 1889. Ц. 40 к.
- Богдановъ, М. Н.** Изъ жизни русской природы. Зоологическіе очерки и рассказы. Съ рисунками, портретомъ, біографическимъ очеркомъ и предисловіемъ Н. П. Вагнера. Слб. 1889. Ц. 2 р. 50 к.
- * **Боровиновскій, А.** Законы гражданскіе (сводъ законовъ т. X, ч. I). Съ объясненіемъ по рѣшеніямъ Гражд. Кассац. Д-та Пр. Сената. Изд. 6-е, исправл. и дополи. (съ текстомъ законовъ по новому официальному изданію). Слб. 1889. Ц. 6 р.
- * **Бородинъ, Александръ** Порфирьевичъ, его жизнь, переписка и музыкальныя статьи. 1834—1887. Слб. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, В.** Огневая сушка овощей и зелени. Слб. 1888. Ц. 10 к.
- Вишневскій, С. М.** О сохраненіи здоровья. Кн. I, II и III. Казань. 1889. Ц. I и II кн. по 10 к., кн. III—12 к.
- Гамерлингъ, Р.** Агасееръ въ Римѣ. Стихотвореніе въ шести пѣсняхъ. М. Ц. 1 р. 50 к.
- Гаршинъ, Ев.** Три поэмы (А. Н. Майкова, гр. А. А. Голенищева-Кутузова и К. Р.). Критическій этюдъ. Слб. 1889. Ц. 20 к.
- Геръ, Робертъ.** Опытное изслѣдованіе спиритическихъ явленій. Слб. 1889. Ц. 75 к.
- Говоровъ, Н.** Современные поэты. Критическіе очерки. Слб. 1889. Ц. 1 р.
- Голицынъ, Дм.,** князь (Муравлинъ). Рубли. Слб. 1889. Ц. 1 р. 75 к.
- * **Данилевскій, Г. П.** Украинскія сказки. Изд. 7-е. («Дешевая Библиотека»). Слб. Ц. 20 к., въ папкѣ 28 к.
- Данилевскій, Н. Я.** Россія и Европа. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ германороманскому. Изд. 4-е. Слб. 1889. Ц. 2 р.
- Дмитріевъ, Д. С.** Въ прошломъ вѣкѣ. Историческая повѣсть. М. 1889. Ц. 75 к.
- Дзермонъ, І.,** д-ръ. О пользѣ пчеловодства. Слб. Ц. 5 к.
- Днѣпровскій, А.** Пестрая книжка рассказовъ, набросковъ и стихотвореній. Слб. 1889. Ц. 1 р.
- Дружининъ, В. Г.** Расколъ на Дону въ концѣ XVII вѣка. Изслѣдованіе. Слб. 1889. Ц. 2 р.
- Dujardin-Beaumont.** Водолеченіе, воздухолеченіе и климатолеченіе. Слб. 1889. Ц. 50 к.
- Ефронъ, А. А.** Письма изъ Испаніи и Бельгіи. Слб. Ц. 1 р. 25 к.
- Желиховская, В.** Пережитые сочельники. Рассказъ. 1889. Ц. 20 к.
- Законы о евреяхъ.** Сборникъ извлеченій изъ Свода Законовъ Россійской имперіи дѣйствующихъ о евреяхъ постановлений. Харьковъ. 1889. Ц. 2 р.
- Змѣевъ, Л. Ф.** Русскіе врачи-писатели. Съ 1863 г. Слб. 1889. Ц. 4 р.
- Ивановъ, А. Л.** Пути въ Индію. Краткій очеркъ развитія торговыхъ сношеній съ отдаленнымъ Востокомъ. Съ картою. Слб. 1889. Ц. 75 к.
- Навидскій** календарь на 1889 г. Тифлисъ. Ц. 1 р. 50 к.
- Календарь и справочная книжка на**

- 1889 годъ для виноградарей, винодѣль и виноторговцевъ. Сиб. Ц. 2 р.
- Какъ выгодноѣ сбывать продукты пчеловодства и что для этого нужно сдѣлать.** Сиб. 1888. Ц. 10 к.
- Ковалевскій, Е. П. и Е. С. Марновъ.** На горахъ Араратскихъ. (Изъ поѣздки студен. эксп. по Закавказью). М. 1889. Ц. 1 р. 50 к.
- Нолооловъ, А.** Свѣдѣнія объ образованіи малозѣтныхъ рабочихъ. Сиб. Ц. 20 к.
- Cogneille, P. I.** «Le Cid». Tragedie en cinq actes et en vers. — II. «Hogace». Tragedie en cinq actes et en vers. Вып. III. Для чтенія въ учебныхъ заведеніяхъ снабдилъ объясненіями В. С. Игнатовичъ. Сиб. 1889. Ц. 1 р.
- Краткое** руководство по рецептурѣ. Составлено по новѣйшимъ источникамъ. Кіевъ. 1889. Ц. 50 к.
- Краткій** обзоръ Всероссийской рыбо-промышленной выставки въ С.-Петербурѣ 12-го февраля 1889 года. Сиб. Ц. 40 к.
- Краузе, Вл.** Землеуѣдѣніе въ низшей и средней школѣ (съ приложеніями). Сиб. 1889. Ц. 1 р.
- Крыжановскій, В. А.** Рѣшеніе 256 геометрическихъ задачъ А. Давидова. Изд. 3-е, исправл. Кіевъ. 1889. Ц. 1 р.
- Кунгурскіе акты XVII в. (1668—1699).** Редакторъ А. А. Титовъ. Сиб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.
- К. Ш., д-ръ мед.** Проказа. Популярный историко-медицинскій очеркъ. Сиб. 1889. Ц. 25 к.
- Леонардъ, П.** Сельско-промышленный кризисъ и мѣры къ его устраненію. Значеніе низкаго курса для Россіи въ настоящее время и мѣры къ его направленію. Парижъ. 1888. Ц. 75 к.
- Лунасъ, Э.** Бесѣды объ огородничествѣ. Передѣлано со 2-го нѣмецк. изд. В. Веселовскимъ. Сиб. 1889. Ц. 60 к.
- Лунашевичъ, Ил. Макарь.** Разказъ для младшаго возраста. Сиб. 1889. Ц. 50 к.
- Макалинскій, П. В.** С.-петербургская присяжная адвокатура. Дѣятельность с.-петербургскаго совѣта и общахъ собраній присяжныхъ повѣренныхъ за 22 г. (1866—1888 гг.) Сиб. 1889. Ц. 3 р. 50 к.
- Медоносныя растенія.** Указатель при выборѣ медоносныхъ растеній для ихъ разведенія. Сиб. 1888. Ц. 80 к.
- Модестовъ, В. П., проф.** О Франціи. Сиб. 1889. Ц. 1 р. 75 к.
- Морлей-Джонъ.** Вольтеръ. Перев. съ 4-го англійскаго изданія подъ редакц. проф. А. И. Кирпачникова. М. 1889. Ц. 2 р.
- Надсонъ, С. Я.** Стихотворенія. Съ пор-
- третомъ, факсимиле и биографическимъ очеркомъ. Изд. 9-е. Сиб. 1889. Ц. 2 р.
- Николаевъ, Н.** Рабы вражды. Романъ изъ временъ польскихъ заговоровъ и мятежа 1863 г. Сиб. 1889. Ц. 2 р.
- Новгородская** яѣтопись по синодальному харатейному списку. Сиб. 1888. Ц. 3 р.
- О промышленныхъ** училищахъ. Мнѣніе Государственнаго Совѣта (Высочайше утверждено 7-го марта 1888 г.). Сиб. Ц. 10 к.
- Остроградскій, Ал.** Руководство къ первоначальному обученію глухонѣмыхъ дѣтей по звуковому способу. Сиб. 1889. Ц. 85 к.
- Палеографическій** снимокъ текста Русской Правды по Новгородской Кормчей Книгѣ XIII вѣка, скопированный съ подлинника подъ руковод. И. И. Срезневскаго. Сиб. 1888. Ц. 1 р. 50 к.
- Перцина, Канарейка,** ея разведеніе, уходъ и леченіе болѣзней. Сиб. 1888. Ц. 15 к.
- Проектъ** общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи. Сиб. 1887. Ц. 20 к.
- Процентныя** бумаги, паи, акціи и облигаціи. Петрозаводскъ. 1888. Ц. 75 к.
- Raleigh, T.** Элементарная политика (Elementary politics). Сиб. 1889. Ц. 80 к.
- Repetitorium** по фармакологіи. Составлено по новѣйшимъ источникамъ. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р. 75 к.
- Савельевъ, С., д-ръ.** Классификація и краткое описаніе опухолей. Сиб. 1888. Ц. 35 к.
- Свѣдѣнія** по различнымъ вопросамъ техническо-промышленнаго образованія въ Россіи и за границей. Сиб. 1888. Ц. 50 к.
- Семеновъ, Н. П.** Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Императора Александра II. Хроника дѣятельности комиссій по крестьянскому дѣлу. Т. I. Съ портретами Государя Императора Александра II и 10 членовъ комиссій. Сиб. 1889. Ц. 7 р. съ подпиской на 3 тома 18 руб.
- Слюнинъ, Н. В.** Народныя лекарства на дальнемъ Востоку. Сиб. 1889. Ц. 50 к.
- Срезневскій, Б.** О буряхъ на Черномъ и Азовскомъ моряхъ. Сиб. 1889. Ц. 75 к.
- Страховъ, М. А.** Краткій курсъ геометріи съ практическими примѣненіями. Сиб. 1888. Ц. 70 к.
- * **Сухоминовъ, М. И.** Изслѣдованія и статьи по русской лигатурѣ и просвѣщенію. Т. II. (Н. Новиковъ, авторъ историч. словаря о рус. писателяхъ, съ приложеніями.—Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель

Имп. Александра I, съ приложеніями.— Императоръ Николай Павловичъ, критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина.— Полемиическія статьи Пушкина.— Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.— Кн. П. А. Вяземскій.— Н. А. Полевой и его журналъ «Московский Телеграфъ».— Три повѣсти Павлова.— Снятие овалы съ славянофиловъ.— И. С. Аксаковъ въ 40-хъ годахъ). Спб. 1889. Ц. 3 р.

Татищевъ, С. С. Императоръ Николай и иностранные дворы. Историческіе очерки. Приложение: Императоръ Вильгельмъ I о Россіи. Спб. 1889. Ц. 3 р.

Толка печей дровами и конструкція приспособленнаго для этого топливника на основаніи наблюденій товарищества по устройству отопленія и вентиляціи зданій Лукашевича и Коми. Спб. Ц. 75 к.

Троицкій, И. В. Курсъ лекцій о болѣзняхъ дѣтскаго возраста. Изд. 2-е, исправлен. и дополн. Кіевъ. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

Троицкій, Ѡ. Нагорная бесѣда Іисуса Христа, какъ божественная норма рѣшенія вопроса объ отличительныхъ свойствахъ и качествахъ Его учениковъ отъ учениковъ ветхихъ пріяидповъ. Казань. 1889. Ц. 30 к.

Туръ, Евгенія. Сергій Боръ-Раменскій. Повѣсть. М. 1888. Ц. 1 р. 50 к.

Тяжелыя азіатскія породы куръ. Сиб. Ц. 20 к.

Усовъ, П. Справочная книга и собраніе таблицъ и формулъ для электро-техниковъ. Спб. 1889. Ц. 1 р. 25 к.

Услѣтскій, П. П. Содержаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е, дополнен. Сиб. 1889. Ц. 1 р.

Филлиповъ, М. А. Патріархъ Никонъ. Историческій романъ. 2 т. Спб. 1889. Ц. за 2 т. 3 р. 50 к.

Финдейсъ, Г. Золотая рыбка, ухоть за нею, разведеніе въ акваріумахъ и прудахъ и болѣзни. Сиб. 1889. Ц. 20 к.

Что читать народу? Критическій указатель книгъ для народнаго и дѣтскаго чтенія. Т. II. Спб. 1889. Ц. 2 р.

Чугуевецъ, П. Малорусскія бытовныя пѣсни. Очерки изъ жизни провинціального захолустья. Харьковъ. 1889. Ц. 30 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. Курсъ торговаго права. Т. I. Право матеріальное. Вып. 3-й. Казань. 1888. Ц. 50 к.

Шершеневичъ, Г. Ф. Тоже. Вып. 4-й. Казань. 1889. Ц. 1 р.

Штиглицъ, А. Исслѣдованіе о началахъ: политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Ч. I. Спб. 1889. Ц. 2 р.

Ш—хъ, А. и Л. и Ѡ. П—ой. Мѣсто-рожденія золота. Извлеченіе изъ книги Локка. 1889. Ц. 2 р. 50 к.

Щегловъ, Ив. Господа театралы. Оригинальная комедія въ одномъ дѣйствіи. Спб. 1889. Ц. 1 р.

Щербанъ, А. Е., д-ръ. Преступный человекъ. Врожденный преступникъ—нравственно помѣшанный—эпилептикъ. По Lombroso. Спб. 1889. Ц. 60 к.

* **Яковлевъ, И.** (И. Я. Павловскій), Очерки современной Испаніи. 1884—1885. Спб. 1889. Ц. 3 р.

Японскія сказки и легенды. Вольный переводъ С. Крона. М. Ц. 70 к.

* Изданія А. С. Суворина.

СБОРЪ ПОЖЕРТВОВАНІЙ

на сооруженіе въ Москвѣ памятника

НИКОЛАЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ГОГОЛЮ.

Въ дни празднованія въ Москвѣ открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской Словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхнымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ на сооруженіе въ Москвѣ памятника другому гениальному писателю нашему—Гоголю. Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями. Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Додурова въ установленномъ порядкѣ о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю. Это ходатайство было благожелательно принято въ Божь почитимымъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, и Его Величество 1-го августа 1880 года всемогуществѣннѣе соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе въ Москвѣ памятника Гоголю. Къ первому декабрю 1888 года къ казначею Общества поступило пожертвованій 30.432 руб. 24³/₄ коп. Пожертвованія принимаются въ конторѣ журнала «Историческій Вѣстникъ», Невскій, 38, при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени». Поступившія въ редакцію суммы будутъ ежемѣсячно высылаться казначею Общества, которымъ и будутъ выдаваться расписки въ полученіи денегъ.

БУХГАЛТЕРІЯ

по двойной системѣ для самоучащихся. соч. О. Журова, въ двухъ частяхъ (2 книги, 520 стр.), съ 6-ю листами чертежей и таблицъ, наглядно представляющихъ ходъ дѣла. Цѣна 3 руб. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ, Глазунова, Карбасникова и др.; въ С.-Петербургѣ: у Стасюлевича, Суворина, Вольфа и др. Она одобрена министерствомъ народнаго просвѣщенія въ слѣдующей формѣ: «Рекомендовать для употребленія въ реальныхъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, какъ классное пособіе, полезное не только для учениковъ, но и для начинающихъ преподавателей». См. «Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія», 1876 г., кн. 10-я, стр. 103-я (такового одобренія и чертежей ни одна бухгалтерія въ Россіи не имѣетъ).

Тамъ же продается краткая двойная бухгалтерія (68 стр.) О. Журова

Цѣна 25 коп.

Адресующіеся за которою либо книгою прямо къ автору: въ г. Шую, Федору Гавриловичу Журову, за пересылку не прилагаютъ.

НОВЫЯ КНИГИ СЕРГѢЯ АЛЕКС. БЪЛОКУРОВА.

1) **Матеріалы для Русской исторіи.** (Содержаніе: бібліотека и архивъ Соловецкаго монастыря послѣ осады. — Дѣла свят. патрарха Никона, паче же рещи чудеса врачбная. — *Varia.* — Дѣла о лицахъ говорившихъ нечистойиыя слова. — Посольство Елчина и свящ. Захарьева въ Дадаискую землю въ 1639—40 годахъ. — Московскій печатный дворъ въ 1649 году. — Подметныя письма Годосова, Посошкова и др.). Ц. 3 р.

2) **Адамъ Оларій о греколатинской школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.** Рефератъ читанный въ засѣданіи VII археологическаго съѣзда. Ц. 50 коп.

3) **Указатель къ чтеніямъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ за 1882—1887 годы.** Ц. 50 коп.

Получать можно въ книжныхъ магазинахъ Глазунова и Суворина и у С. А. Бѣлокурова (Садовнннн. д. церкви Георгія).

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**.

Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

